

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. акад. Я. Г. ГУЛЯМОВА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ

ДРЕВНИЙ НАХШАБ

ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ УЗБЕКИСТАНА VII в. до н. э. — VII в. н. э.

Ответственный редактор академик АН РУз Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

САМАРКАНД—ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
2000

Монография посвящена проблемам культуры Согдианы по материалам Древнекаршинского оазиса, известного по источникам под названием Нахшаб, а также результатам раскопок самой ранней столицы оазиса—городища Еркурган. Рассматриваются социально-поселенческие структуры и типология поселений, прослеживаются динамика освоения Каршинского оазиса и процессы урбанизации. Анализируются особенности монументальной и жилой архитектуры Еркургана, его стратиграфия и периодизация, а также многочисленные комплексы керамической посуды и искусство корошастики древнего Нахшаба. На основе богатого археологического материала, полученного в процессе раскопок храмовых и мемориально-культовых сооружений, выявляются особенности пантеона и культовой практики древних согдийцев Нахшаба.

Для историков, археологов, искусствоведов и специалистов по идеологии и мифологии древней Средней Азии, а также преподавателей и студентов вузов этих же специальностей.

Рецензенты:

доктора исторических наук Т. Ш. ШИРИНОВ, А. С. САГДУЛЛАЕВ

С $\frac{0504000000-3-337/99}{М 355 (04)-99}$ Рез.-99

ISBN 5-648-02616-1

© Издательство «Фан» АН
2000 г.

От ответственного редактора

Монография Р. Х. Сулейманова посвящена культуре и истории древней Согдианы. В ней впервые обобщены материалы археологических исследований и данные письменных источников, позволяющих по-новому и всесторонне рассмотреть историю Нахшаба — одной из областей Южного Согда. Последовательно с использованием современной научной методики рассматриваются история, историческая география, ремесла, архитектура, искусство и религия этой одной из ключевых областей Среднеазиатского Двуречья.

Монография насыщена новыми фактами, смелыми гипотезами, неожиданными выводами.

Историки похода Александра Македонского в Среднюю Азию в долине Кашкадарьи упоминают два топонима: Наутаки и Ксениппы. Дискуссии о том, которая из них локализуется в районе Шахрисабза, а которая — в Каршинском оазисе, идут уже многие десятилетия. Возможно, древнее название Каршинского оазиса, переданное греческими авторами, описывавшими поход Александра Македонского в Среднюю Азию в 330—327 гг. до н. э., — Ксениппа, происходящее, по моему представлению, от искаженного местного согдийского топонима K'SN или K'SHN. Этот же топоним зафиксирован в легенде на так называемых нахшабских (по С. К. Кабанову) или парфяно-согдийских (по М. Е. Массону) монетах со сценой единоборства героя с львиноподобным чудовищем (период их чеканки устанавливается в пределах III—VI вв. н. э.). Вся легенда состоит из двух слов и должна читаться как KSN'K MR'Y или KSHN'K MR'Y (Кешский правитель), а не так, как прежде. Странным, но лишь на первый взгляд, выглядит совпадение этого названия как по написанию, так и по звучанию с названием Кеш, традиционно закрепленным за областью Китаба — Шахрисабза и прилегающими к ней районами. Однако в данном случае этот термин следует, по-видимому, понимать скорее в политическом значении, нежели в историко-географическом, т. е. в III—VI вв. н. э. области Кеша и Нахшаба составляли единое владение, управляв-

шееся кешскими династиями. Данные монеты найдены теперь не только в Нахшабе, но и в Кеше (Шахрисабзе и его окрестностях). Наш вывод о едином владении подтверждают сведения китайских источников о том, что Нашебо (Нахшаб) в определенный период времени признавал над собой власть Кеша, вот почему он даже именовался «Малым Кешем» (Малое Ши).

Вероятно, в VI в. н. э. или после VII в. н. э. это единое владение распалось на два — Нахшабское и собственно Кешское, подтверждением чему служат нумизматические данные.

С этого времени в Нахшабе и Кеше стал осуществляться собственный монетный чекан (что свидетельствует о самостоятельности владений): в Нахшабе — с изображением правителя на л. ст. и идущей лошади на об. ст.; в Кеше — аниконографические по китайскому образцу от имени правителя Ахурпата.

Следует отметить, что автор работы также склонен отождествлять область Наутаки с раннесредневековым Кешем, а Ксениппы — с Нахшабом.

Мой интерес к истории и археологии Нахшаба не случаен, поскольку уже в далеком 1963 году я впервые посетил эту область, и в последующие три года (1964—1966 гг.) в составе Кешской археолого-топографической экспедиции под руководством моего, так же, как и автора книги, учителя М. Е. Массона участвовал в маршрутных поездках и раскопках многих памятников этой области: Еркургана, Куня-Фазли (Бездавы), Каспи (Казбиона), Устукдадизы, Карши и др. В неимоверную июньскую жару 1968 г. мы с ныне покойным однокурсником Н. Васецким сняли подробный план Еркургана (он приведен в книге М. Е. Массона, но без указания авторов съемки), которым до сих пор пользуются многие исследователи.

Всем археологам хорошо известно расположенное в Карши гигантское городище Калаи Захоки Марон, но вряд ли кто знает, как был воссоздан его подлинный план, в котором прежние исследователи выделяли только центральную часть. А дело было так. В июне 1965 г. я, Б. Кочнев и М. Е. Массон должны бы-

ли улететь в Ташкент с маленького грунтового аэродрома в Карши. Самолет задерживался и тогда М. Е. Массон сказал нам: «Здесь неподалеку должны быть стены, некогда окружавшие Калаи Захоки Марон, но никто их никогда не фиксировал, идите и поищите их». Наш поход увенчался успехом: в переулках, на улицах, между домами нам удалось обнаружить остатки глинобитных стен, достигающих метровой высоты, и снять план их расположения.

Позже на основании этих данных М. Е. Массон восстановил и опубликовал план Калаи Захоки Марона, который ныне известен ученым. Проведенные в последующие годы раскопки на стенах городища позволили установить и время их сооружения—II—I вв. до н. э.

Вспоминая минувшее, мне бы особо хотелось выделить огромную роль в исследовании Юж-

ного Согда скромного и вдумчивого ученого-археолога С. К. Кабанова.

Эти ученые заложили основу исследований Нахшаба, поднятую на еще более высокую ступень Р. Х. Сулеймановым. Его книга — итог и осмысление результатов многолетних раскопок, проведенных им вместе с коллегами из Института археологии АН Узбекистана на городищах и поселениях Нахшаба, и в особенности городища Еркурган, бывшего на протяжении более 20 лет базовым памятником экспедиции.

Нет смысла хвалить, критиковать или пересказывать содержание книги—перед вдумчивым читателем предстанет своеобразие древней культуры Нахшаба—одной из интереснейших историко-культурных областей, располагавшейся на стыке замечательных цивилизаций Среднеазиатского Двуречья—бактрийской и согдийской.

Академик АН РУз Э. Ртвеладзе.

Древние Насаф и Шахрисабз, Китаб и Яккабаг занимают особое место в развитии культуры народов Центральной Азии.

Н. А. Каримов

ВВЕДЕНИЕ

История великих деяний одной из знаменитых личностей древнего мира Александра Македонского давно обратила внимание специалистов на область Согдианы в Средней Азии, с которой были связаны кардинальные изменения как в личной жизни, так и в судьбе великого предприятия царя, сумевшего впервые, хотя и ненадолго, объединить Европу с Азией. Краткие и весьма отрывочные сведения греко-римских, китайских, персидских и других источников позволяют лишь понять, что Согдиана—сердце Центральной Азии, по выражению известного историка Р. Фрая, играла во многом ключевую, решающую роль в политической и культурной жизни древней Центральной Азии, однако материальных свидетельств, подтверждавших это, не было весьма долго.

Находки уникальных образцов раннесредневековой настенной живописи Пианджикента и Варахиши свидетельствовали о несомненно высоком культурном потенциале предшественников своих творцов, однако широкие археологические работы, развернувшиеся после 1917 года в Самарканде и Бухаре, при ряде несомненных достижений так и не дали достаточно полного ответа на вопросы о своеобразии и особенностях развития культуры античной Согдианы. И лишь открытие и изучение Еркургана, руин редкого по своей сохранности столичного города Нахшаба—древней области Южного Согда, позволяют все-сторонне охарактеризовать индивидуальный облик самобытной культуры античной Согдианы, так долго прикрытой завесой таинственности.

В данном исследовании в центре нашего внимания будут находиться археологические материалы древней области Нахшаб—крайнего, юго-западного оазиса античной Согдианы в среднем течении Кашкадарьи, начиная с эпохи становления согдийского этнонима и топонима вплоть до начала эпохи раннего средневековья, когда был заброшен самый древний столичный город Нахшаб на месте городища Еркурган при разгроме державы эфталитов силами военной коалиции древних тюрок и сасанидского Ирана в VI в. н.э.

С тридцатиметровой высоты цитадели Шулькотепа—руин средневекового Несефа, расположенного в центре оазиса, открывается широкая панорама плодородного, густозаселенного оазиса, уходящего в красноватой дымке, освещенной лучами заходящего солнца, к границам песков Сундукли, что в юго-восточной части безбрежного Кызылкума. В его ландшафте выделяются разновысокие холмы, группами или в одиночку разбросанные среди полей, чередующихся с благоустроенными поселками современного Каршинского оазиса. Опытному археологу бросается в глаза необычная насыщенность этого небольшого оазиса памятниками старины, что отмечалось еще первыми любителями древностей, проезжавшими по этим местам (Кастанье Ж., 1917). Наиболее крупные из них—городища Еркурган и Калаи Захоки Марон—по своим масштабам соотносимы с руинами древнего Балха, наделенного в эпоху средневековья высоким эпитетом «Умм ал-Билад» («Мать городов»).

Согдиана—страна, территория которой обычно ограничивается бассейнами рек Зарафшана и Кашкадарьи (Tomasehek W., 1877; Бартольд В. В., 1965 а. С. 487), занимающая ключевое положение в обширном Центральноазиатском регионе, издревле была освоена и заселена человеком. На территории будущей Согдианы с ранних этапов ее предистории прослеживается стабильное развитие культуры всех эпох человеческой цивилизации.

Уже в мустьерский период это был один из районов интенсивного развития неандертальца. Самаркандская верхнепалеолитическая стоянка, давшая, наряду с каменными орудиями, не только остатки шалашеобразных жилищ, но также в топографической изоляции от нижней площадки, где находились остатки жилищ и производства каменной индустрии, на верхней площадке—остатки древнего человека, сопровождавшиеся подсыпкой охрой, что указывало на наличие в тот период определенной системы представлений о жизни и смерти (Джуракулов М. Д., Сулейманов Р. Х., 1973; Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х.,

1980; Джуракулов М. Д., 1987; Гречкина Т. Ю., 1991).

Более многочисленные материалы неолитической эпохи, начиная от стоянок по берегам давно исчезнувших озер и дельтовых протоков Зарафшана и Кашкадарьи до кремневых шахт Учтута севернее г. Навои, стоянок первобытных земледельцев-скотоводов сазанской культуры и погребения в гроте Замичаташ, обрисовывают сложную картину больших этнокультурных общностей эпохи сложения производящего хозяйства и начала консолидации первобытных племен в V—VI тысячелетиях до н.э. Для хозяйства той поры уже было характерно развитие сырьевого товарообмена, в частности дефицитного кремневого сырья Учтута. В расовом отношении единственный череп удовлетворительной сохранности, полученный из погребения Замичаташ, относится к арханческому варианту представителей средиземноморского типа (Гулямов Я. Г. и др., 1966; Мирсаатов Т. М., 1977; 1989; Джуракулов М. Д., Холматов Н. У., 1991; Гречкина Т. Ю., 1995).

Вплоть до 70-х годов, до открытия древнеземледельческой культуры Саразма, бытовало представление о привнесении в Согд оседлоземледельческой, урбанизированной культуры в эпоху раннежелезного века с юга, в частности из районов Северной Бактрии. Хотя отрицать стимулирующих инноваций и, видимо, прямых миграций из Бактрии в Согд у нас нет оснований, тем не менее материалы Саразма указывают на наличие в Согде весьма древней традиции оседлоземледельческой протогородской культуры древневосточного типа (Исаков А. И., 1991).

Вышеизложенный краткий обзор предыстории и протоистории Согдианы делает вполне понятным последующие блестящие достижения материальной и духовной культуры данного региона эпохи древности и средневековья.

Несмотря на широкие масштабы интенсивных археологических исследований, охвативших все регионы Узбекистана после 1917 года, Каршинский оазис долго оставался в стороне, и историография его, довольно коротка. Лишь благодаря многолетним исследованиям одного из первых археологов Нахшаба С. К. Кабанова науке стали известны основные типы памятников оазиса и очерчены главные контуры становления его культуры.

Первой научной работой, посвященной истории и археологии Каршинского оазиса, была довольно обстоятельная по тем временам статья Л. А. Зимина (1927), где были собраны сведения письменных источников об основных городах оазиса, дана визуальная характеристика руин главного средневекового города Нахшаба или Несефа на Шуллюктепа.

Вслед за кратковременными, эпизодическими поездками в Каршинский оазис Т. Миргиязова и одновременно с маршрутом А. И. Тереножкина (1947) вдоль Эскиангарского ка-

нала, в 1946—1948 гг. начал свои многолетние исследования в древнем Нахшабе С. К. Кабанов.

На протяжении нескольких десятилетий, с первых послевоенных лет до начала 70-х годов им были зафиксированы и систематизированы остатки более 120 древних и средневековых городов, поселений и замков (Кабанов С. К., 1977, С. 94, сл.).

В целом ряде статей и своей монографии, посвященных материальной культуре Каршинского оазиса III—VI вв. н. э., С. К. Кабанов: на основе длительных полевых работ, носивших в основном разведочный характер, ставил и решал проблемы исторической топографии, классификации поселений, отмечал локальные особенности керамического комплекса и идеологических представлений жителей Нахшаба поры перехода от древности к средневековью. Им были затронуты также вопросы этногенеза, ирригации и социально-экономических отношений той поры (Кабанов С. К., 1947; 1950, 1953, 1956, 1959, 1966, 1973, 1977, 1988).

Дважды, хотя и не надолго, обращался к материалам по среднему течению Кашкадарьи другой известный археолог М. Е. Массон: впервые—в связи с исследованием средневековых цистерн—сардоба и караванных путей степных и пустынных районов Средней Азии и второй раз—при расширении зоны исследований Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ, когда в 1963—1967 гг. были обследованы отдельные археологические памятники Каршинского и Гузарского оазисов (Массон М. Е., 1935а, 1973, 1977а, С. 47; Луннина С. Б., 1977, 1984, С. 27—28).

Памятники вдоль течения р. Кашкадарьи от Каршинского оазиса вниз до впадения ее пересохшего русла в речную систему Зарафшана, где Кашкадарья впадает в древнее Пайкентское озеро (Бахр ал-Бухоро), были обследованы членами Махандарьинской экспедиции Института истории и археологии АН Узбекистана (Аскарлов А. А., 1964; Гулямов Я. Г., 1965; Гулямов Я. Г. и др., 1966, С. 225, сл.).

В результате разведок вдоль нижнего, ныне пересохшего русла Кашкадарьи в этой зоне были обнаружены многочисленные следы развешанных стоянок периода позднего неолита и бронзы, принадлежащих к кругу степных культур Средней Азии, обнаруживающих ближайшие параллели в комплексе находок поселения Гужайли на западной окраине Бухарского оазиса.

В 1973 г. в связи с осуществлением работ второй очереди орошения и освоения Каршинской степи начала археологические поиски под руководством автора этих строк Кашкадарьинская археологическая экспедиция Института археологии АН Узбекистана. При этом наличие в зоне работ руин таких крупнейших заповедных городов античного Согда, как Еркурган и Калаи Захоки Марон, давало возможность реализовать программу комплексного изучения культуры древней Согдианы.

Прежде всего обращала на себя внимание «скудость» свидетельств об индивидуальном облике материальной культуры, архитектуры и монументального искусства античной Согдианы по сравнению с Бактрией, Мервом или Хорезмом, в то время как о важной роли Согда в политической истории Центральноазиатского региона и об активности согдийских дипломатов, купцов и миссионеров письменные источники сохранили достаточное количество свидетельств.

Причин тому было несколько, среди которых решающую роль сыграло то, что интенсивное развитие урбанизации средневекового Согда, при сохранении основных столичных городов Согдианы в долине Зарафшана в пределах границ древнего Самарканда и Бухары, привело к уничтожению значительной части более древних городских структур этих городов и, прежде всего, их монументальной архитектуры. Не лучшим было и состояние более мелких городов античного Согда. Счастливым исключением в этом отношении оказалась судьба древнего столичного города области Нахшаб в Каршинском оазисе на месте городища Еркурган, сложившегося в качестве такового во II четверти I тысячелетия до н.э. Он просуществовал до VI в. н.э. и был заброшен после крушения государства эфталитов. При тюрках центральный город оазиса возродился на новом месте в излучине р. Кашкадарьи на месте современного городища Шуллюктепа, где процветал средневековый Несеф.

Вот почему мы, естественно, сосредоточим свое внимание именно на городище Еркурган как базовом объекте для изучения архитектуры, фортификации, городской структуры и культуры древнего Согда. Попутно велись исследования и других археологических памятников Каршинского оазиса.

На сегодняшний день практически мало публикаций, посвященных археологии античной Согдианы, если не считать работу Г. А. Пугаченковой по Мианкалю (ДГКСА, гл. XIII; Пугаченкова Г. А., 1989а). Два специальных обобщения, посвященных археологии Нахшаба и Бухарского оазиса рубежа древности и раннего средневековья, были опубликованы С. К. Кабановым (1977) и автором этих строк совместно с А. Р. Мухамеджановым и Б. Ураковым (1983).

Отдельная монография была посвящена результатам многолетних исследований курганных погребений, расположенных в периферийной зоне Самаркандского и Бухарского оазисов (Обельченко О. В., 1992).

Интенсивная работа по составлению свода памятников археологии республики, а также реализации программы изучения древних урбанистических центров, осуществляемая в последние годы Институтом археологии АН РУз, привела к накоплению значительных результатов по археологии Согда периода античности, носящих пока характер общих сведений

о типологии и структуре расселения древних городов и поселений Согдианы, что явилось результатом первичной сплошной фиксации всех памятников археологии в долинах Зарафшана и Кашкадарьи. Так, на основе стратиграфического зондажа была выявлена динамика развития керамических комплексов основных городских центров Согда. По этим материалам было подготовлено и защищено несколько кандидатских диссертаций. По Бухарскому оазису это работы Б. У. Уракова, Ш. Т. Адылова и А. Абдиримова (Ураков Б. У., 1982; Адылов Ш. Т., 1987; Абдиримов А., 1988), по Каршинскому оазису — М. Х. Исамиддинова, М. Х. Хасанова, А. А. Раимкулова (Исамиддинов М. Х., 1979; Хасанов М. Х., 1990; Раимкулов А. А., 1992). К этой же серии исследований относится диссертация М. Туребекова с последующей ее публикацией, посвященная оборонительным сооружениям Согда (Туребеков М., 1981 б; Его же, 1990).

Достигнуты весомые результаты в изучении многочисленных музейных коллекций античной и раннесредневековой терракоты Самарканда (Мешкерис В. А., 1962, 1977, 1992).

Первоначально отдельные вопросы археологии Согдианы эпохи древности рассматривались в контексте общих исследований, обретших позже систематический характер. Эти разработки, в отличие от первых эпизодических раскопок и ознакомительных поездок, уже проводились по определенным программам и сводились к решению вопросов локализации известных по источникам древних и средневековых населенных пунктов и их топографии, иначе говоря, к вопросам структуры застройки и периодизации крупнейших городов (например, Самарканда), а также характеристике археологических комплексов основных исторических эпох (Вяткин В. Л., 1927; Якубовский А. Ю., 1940; Григорьев Г. В., 1940а; Тереножкин А. И., 1947а; Массон М. Е., 1950). Попутно при этом ставились и решались вопросы структуры расселения и типологии древних и раннесредневековых поселений (Шишкин В. А., 1940).

На сегодняшний день к наиболее разработанным вопросам археологии античной Согдианы относятся стратиграфия и периодизация основных столичных городских центров оазисов Согда: Самарканда, Бухары, Еркургана, Китаба, Пайкенда и др. (см. сб. Афрасиаб, вып. I—III; Шишкин Г. В., 1975; Исамиддинов М. Х., 1978; сб. КИТДСС, 1981; Мухамеджанов А. Р. и др., 1982; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984; Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., 1987; Мухамеджанов А. Р. и др., 1988).

Получены результаты по периодизации развития архитектуры и фортификации крупнейших городов античного и раннесредневекового Согда (Нильсен В. А., 1966; Мухамеджанов А. Р. и др., 1988; Туребеков М., 1990).

В 70—80-х годах активизировались разработки по типологизации и общему анализу

социально-поселенческих структур Согда, включая и древность, однако эти работы находятся пока в начальной стадии (ДГКСА, гл. XIII; Сагдуллаев А. С., 1984; 1987б; Абдиримов А., 1988; Хасанов М., 1990; Сулейманов Р. Х., 1992).

Практически до сегодняшнего дня античная проблематика археологии Согдианы все еще не выделялась в самостоятельное направление, и начало ее формирования следует связывать с работами Кашкадарьинской экспедиции на городище Еркурган и других памятниках эпохи древности, что позволяет расширить круг связанных с этим вопросов.

Перед нами, благодаря отмеченным особенностям хронологии основных городищ Нахшаба и уникальной сохранности одного из крупнейших античных городов — Еркургана, возникла задача комплексного изучения структуры и развития древнего города Согда, чего не могли дать Самарканд и Бухара в силу того, что средневековый город, продолжавший развиваться на месте древнего, систематически уничтожал остатки более раннего. Вот почему было принято решение основные раскопочные работы сосредоточить на Еркургане, уступавшем размерами лишь Мерву и Самарканду.

Программа полевых работ, осуществлявшаяся с 1973 года до начала 90-х годов, велась по следующим основным направлениям:

1. Вопросы архитектуры и градостроительства античного Согда. Типология монументальных общественных, административных и культовых сооружений. Специфика городской застройки ранней и поздней античности, структура жилого квартала и отдельного домовладения. Роль ремесленных производств и торговли в формировании жилых кварталов древнего Согда.

В полевых работах по данному разделу темы принимало участие большинство сотрудников экспедиции (Р. Х. Сулейманов, М. Х. Исамиддинов, Н. Ю. Нефедов, В. А. Пырин, Г. Цой, А. А. Раимкулов, М. Х. Хасанов, С. Н. Воробьева).

Предварительные результаты полевых работ были опубликованы в ряде научных статей (Сулейманов Р. Х., 1975, 1979, 1981, 1986—1988а, б, 1989а, б, 1991; Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю., 1979, 1982; Исамиддинов М. Х., 1988, 1991; Исамиддинов М. Х., Раимкулов С., 1992; Воробьева С. Н., Нефедов Н. Ю., 1988, 1990; Нефедов Н. Ю., 1983, 1988; 1990а, б, 1991; Пырин В. А., 1990а, б).

Предварительные результаты полевых исследований по данной теме регулярно освещались и в ежегодниках Археологических открытий (Сулейманов Р. Х. и др., 1975 — 1985 гг.);

2. Фортификация древнесогдийских городов в Нахшабе, особенности приемов их обороны, основные элементы оборонительных сооружений и их роль в развитии города. Археологическое изучение оборонительных со-

ружений Еркургана в процессе работ было продолжено и на других объектах античного Согда, прежде всего на городищах самого Нахшаба: Калаи Захоки Мароне, Кафиртепа и др. (Сулейманов Р. Х., Туребеков М., 1978; Туребеков М., 1981а, б, 1982, 1990);

3. В дальнейшем, по мере продвижения результатов исследований по античной эпохе на городище Еркурган, хронологически дошедших практически до начала раннего средневековья, членами экспедиции было начато изучение сельских поселений древнего Нахшаба. На раннеантичных поселениях Киндик-литепа в Каршинском оазисе и Курганча в Гузарском оазисе были проведены раскопки М. Хасановым, на раннесредневековых поселениях Кунжутлитепа и Коштепа работы велись А. А. Раимкуловым, на Касантепа — М. Туребековым и М. Хасановым (Хасанов М., 1988, 1990, 1991, 1993а, б; Раимкулов А. А., 1988, 1992).

Особой темой на протяжении всего периода работ Кашкадарьинской экспедиции было сплошное визуальное изучение всех археологических памятников зоны среднего течения Кашкадарьи, включавшее, помимо Каршинского оазиса, топографически связанные с ним Гузарский и Дехканабадский районы. Тема эта разрабатывалась в связи с составлением свода памятников республики, хотя первоначальным толчком к этому послужили 'иригационно-освоительные работы. Основным исполнителем темы по составлению свода памятников Каршинского оазиса был Б. Д. Кочнев, правобережная часть Каршинского оазиса и Гузарский оазис были обследованы Н. Ю. Нефедовым, Дехканабадский район — Р. Х. Сулеймановым (Кочнев Б. Д., 1977, 1979, 1980; Нефедов Н. Ю., 1979; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1988).

На основе полевых материалов этих исследований нами разрабатывались вопросы анализа социально-поселенческой структуры Каршинского оазиса.

Картографирование и фиксация всех поселений и городов Каршинского оазиса позволили системно подойти к установлению роли древнего Нахшаба в социально-поселенческой структуре древнесогдийского оазиса в целом.

Кардинальные вопросы урбанизации древнего Согда — это проблемы генезиса древнего города, периодизация основных этапов его развития, вопросы континуитета, т. е. участия прежних городских структур при переходе города из одной стадии развития в другую.

Принципиальное значение в этом направлении имели вопросы соотношения города и села древнего Согда, установление иерархии размеров поселений в зависимости от топографической их расположенности, выявление основных факторов формирования структур поселенческих систем оазиса древней Согдианы, и, прежде всего, роли оросительной сети, торговых путей, а также наличия альтернативного кочевого хозяйственно-культурного типа степ-

ного окружения древнесогдийских оазисов (Сулейманов Р. Х., 1985, 1989, 1992, 1993; ДГКСА, гл. XIII).

При анализе результатов, полученных в ходе многолетних полевых исследований, наши камеральные и теоретические разработки по материалам древнего Нахшаба были объединены в два основных направления:

1. Разработка типологии массовых керамических комплексов Еркургана и древних поселений Нахшаба на основе дробной стратиграфической их периодизации, рассмотрение вопросов организации и технологии гончарного производства на Еркургане.

Предварительные сообщения и результаты разработок были опубликованы (Исамиддинов М. Х., 1978, 1979, 1982; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1977, 1984; Исамиддинов М. Х., Хасанов М., 1986; Хасанов М., Исамиддинов М., 1991);

2. Анализ коллекций коропластики Нахшаба, характеризующих основные образы и персонажи мифологии и культов горожан и сельских жителей древнесогдийского оазиса; попутно были рассмотрены отдельные вопросы искусства древнего Согда, истории костюма и мифологических представлений Нахшаба. По этой теме публикации были ограничены краткими предварительными сообщениями (Воробьева С. Н., 1990, 1991; Сулейманов Р. Х., Исамиддинов М. Х., 1990).

Уникальные материалы, полученные при вскрытии зороастрийской дахмы, городского храма и мавзолея на Еркургане, позволили выделить в особое направление тематику культов и мифологических представлений древнего Нахшаба, а отчасти и донсламского Согда в целом.

Эти материалы позволили в чем-то конкретизировать прежние, весьма смутные и противоречивые представления о так называемом «среднеазиатском варианте» зороастризма или маздеизма в религиозной практике и системе представлений Согдианы эпохи древности. В частности, выявлена картина достаточно сложных процессов развития культовых представлений в Нахшабе, сопровождавшихся неоднократными кардинальными инновациями в системе мифологических представлений, а также культовых сооружений и в храмовом ритуальном реквизите.

Перечисленные направления являются новыми в археологии античного Согда. Что касается периодизации керамических комплексов, вопросов фортификации городов и поселений, а также типологии поселенческих организмов, то эти активно разрабатываемые направления в археологии Согда на основе новых материалов по древнему и раннесредневековому Нахшабу получили более углубленное и детальное решение.

Средневековые памятники Нахшаба—руины предмонгольского столичного города Несефа—Шуллуктепа, Таллисортепа, Кафиртепа, Алтынтепа, Касантепа—раскапывались в основ-

ном Б. Д. Кочневым и его ученицей М. Шпеновой. Затем эти работы были продолжены М. Туребековым, Х. Хасановым, М. Х. Исамиддиновым и В. А. Пыриным (Кочнев Б. Д., 1973, 1975, 1978, 1979, 1983; Туребеков М., Хасанов М., Исамиддинов М., 1983).

По таким крупным вопросам материальной культуры древнего Нахшаба, как периодизация и сравнительный анализ комплексов керамики, динамика оборонительных сооружений Еркургана и Калаи Захоки Марона, структура античных и раннесредневековых сельских поселений Каршинского оазиса, сотрудниками нашей экспедиции были осуществлены значительные работы. Так, первая периодизация керамических комплексов Еркургана была дана в статье М. Х. Исамиддинова (Исамиддинов М. Х., 1978; и др.), а датировка развития оборонительной системы Еркургана и других городищ дана в работе М. Туребекова (1990). Вопросы типологии, внутренней структуры и археологических комплексов античных и раннесредневековых поселений рассмотрены в диссертациях М. Хасанова и Е. А. Раимкулова (1990, 1992). В связи с этим данные вопросы в нашей работе не обсуждаются или затрагиваются лишь в той мере, в какой требуют новые материалы, имеющиеся в нашем распоряжении.

Большинство же из перечисленных выше проблем, по которым осуществлялась многолетняя программа работ Кашкадарьинской экспедицией, разрабатывалось автором в тесном сотрудничестве с коллективом экспедиции и получило предварительное отражение в печати, однако основные разработки их суммированы и по результатам сегодняшнего дня изложены в предлагаемом исследовании. Данные вопросы систематизированы и сгруппированы в четыре блока проблем по древнему Нахшабу:

1. Типология и структура группировок социально-поселенческих систем;
2. Урбанизация, архитектура и градостроительство;
3. Типологический корпус керамики и коропластики;
4. Культы и связанные с ними мифологические сюжеты.

Все эти проблемы рассмотрены на общем фоне культурогенеза Средней Азии с привлечением известных материалов сопредельных регионов.

Помимо перечисленных коллег, регулярно участвовавших в полевых и камеральных работах Кашкадарьинской экспедиции, в разные годы в них принимали участие сотрудники Института археологии АН РУз А. А. Абдуразаков, А. А. Анарбаев, В. Рузанов, М. А. Реутова, Ж. Сукасян, Т. И. Лебедева, О. Папахристу, М. М. Исхаков, Г. И. Богомолов, Ш. Рахманов и др. Основные обмеры и реконструкции строительных сооружений произведены архитекторами Н. Ахмеджановой, В. Медведевым и И. Лавреновой.

Автор искренне признателен коллегам и членам Кашкадарьинской экспедиции, усилиями которых были получены важные результаты по более чем двадцатилетнему комплексному изучению археологии древнего Нахшаба и стало возможным создание специального исследования по материальной культуре Согдианы эпохи античности. Большую благодарность выражаю за ценные консультации, полученные в ходе подготовки рукописи к печати, профессорам П. Бернару, Х. Кюриляйсу, В. А. Лившицу, Б. А. Литвинскому, В. М. Массону, Б. И. Маршаку.

Данная работа представляет собой результат первого обобщения материалов по древ-

ней культуре Нахшаба. Изучение как самих археологических объектов этого оазиса, так и отдельных их сооружений требует дальнейших полевых и аналитических исследований.

В этой публикации дана обобщенная характеристика археологических памятников древнего Нахшаба. Материалы же по вскрытиям храма и дахмы Еркургана характеризуются подробно, поскольку каждая деталь остатков этих уникальных сооружений может быть значимой в раскрытии смысла тех обрядов и культов, которые когда-то осуществлялись на них. Также подробно характеризуется стратиграфия раскопов, на которых были получены хронологически выдержанные комплексы керамики.

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДРЕВНЕГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАХШАБА

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ КАШКАДАРЬИ

В физико-географическом отношении Каршинский оазис представляет собой сухую дельту р. Кашкадарьи у выхода из узкой долины среднего ее течения. С юга, запада и севера оазис по краям орошаемых земель переходит в степи, уходящие далее к западу в пески Сундукли—крайнюю юго-восточную периферию Кызылкума (рис. 1).

Земли оазиса, сложенные четвертичными аллювиально-пролювиальными отложениями Кашкадарьи, в основном относятся к плодородным сероземам и лессовидным суглинкам, обретающим супесчаный характер по мере продвижения на запад, в степь, переходящим далее в такыры и солончаки, чередующиеся с песчаными барханами. Спокойный, плоский ландшафт оазиса, с едва заметным уклоном вниз по течению реки, оживляют по правобережью отдельные предгорные всхолмления крайних отрогов Зарафшанского хребта: Кунгуртау, Касантау, Майманактау. Общая площадь оазиса примерно равна 2000 км² с высотой над уровнем моря от 300 до 400 м.

Климат отличается континентальностью при сравнительно небольшой сумме годовых осадков, что явилось причиной раннего развития в оазисе орошаемого земледелия. Степи, окружающие Каршинский оазис и покрытые густым травянисто-кустарниковым покровом, издревле служили в качестве пастбищ, использовавшихся круглый год. Каршинская степь и по сей день является одной из важнейших зон разведения каракульских овец (Чариев А., Ачилов М., 1974. С. 16, сл.).

Кашкадарья, принимающая в верхней водосборной части свои основные притоки Аксу, Танхоздарью, Яккабагдарью, Лангардарью, а также периодически воды Гузардарьи, отличается сравнительно ограниченным дебитом воды, что, при сравнительно нерегулярном снеговом питании ее истоков, уже в древности создавало проблемы земледельцам и было отмечено средневековыми источниками (Бартольд В. В., 1963. С. 191).

Топографически и климатически к Каршинскому оазису примыкают и земли бассейна Гузардарьи — крайнего нижнего притока Кашкадарьи. Динамика историко-культурного

развития этого района была синхронна и сингенетична культурогенезу Нахшаба в Каршинском оазисе. И памятники археологии этого района рассматриваются нами в комплексе с памятниками Нахшаба.

Гузарский микрооазис расположен в крайней предгорной зоне северо-западной оконечности Гиссарского хребта, западнее отрогов Кухитанга, из которых берут начало Большая и Малая Урадарья. Сливаясь, они образуют Гузардарью, в 15 км ниже слияния река выходит в равнинную дельту, на которой базировался древнегузарский микрооазис. Гузарский район со всех сторон окружен голой холмистой степью. Бассейн Гузардарьи в целом топографически делится на два района. Верховья составляет Дехканабадский район, в нижнем течении расположен Гузарский район.

Дехканабадский район приходится на пониженную часть водораздела долин Кашкадарьи и Сурхандарьи на уровне предгорного и среднегорного ярусов и переходит на юго-западе в слегка всхолмленную равнину, фактически представляющую собой юго-восточную окраину Кызылкума.

Дехканабадский район, несмотря на горный характер, отличается безводностью, континентальным климатом. В ландшафте преобладает пересеченный холмистый рельеф, покрытый скудной растительностью степного характера, горные долины узкие, маловодные с четко выраженным четвертичным рельефом. Лишь в верховьях они оживлены древесной и кустарниковой растительностью, родниковые источники незначительны по дебиту воды, зачастую соленые. В этих условиях ожидать большого развития культуры в древности не было особых оснований, и исследования подтвердили это.

Что касается нижнего течения Гузардарьи, то долина реки здесь выходит на равнину, переходящую в Каршинскую степь, где сравнительно густая травянистая растительность выгорает в начале лета.

От современного г. Гузара река разделяется на множество протоков, почти все они в древности использовались в качестве кана-

лов, на которых базировалось орошаемое земледелие этого микрооазиса. Западнее Гузардаря основным своим руслом впадает в Кашкадарью.

ОРОСИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕГО НАХШАБА И СТРУКТУРА РАССЕЛЕНИЯ

В Каршинском оазисе и тем более в Гузарском больших каналов, водodelителей или других крупных гидротехнических сооружений, известных в Самаркандском или Бухарском оазисах, не было. Не содержат сведений о каких-либо ирригационных сооружениях в Нахшабе и немногочисленные письменные источники. Особняком стоит Эски-ангарская оросительная система, служившая для переброски воды из бассейна Зарафшана в Каршинский оазис, канал этот, речь о котором пойдет ниже, датируется средневековьем.

Воды же самой Кашкадарьи на выходе среднего течения реки из узкой долины в обширную Каршинскую степь растекались протоками, образуя внутреннюю или сухую дельту, на базе которой возник оазис древнего Нахшаба (рис. 2).

Основное русло реки, повернув на северо-запад, через пески достигает северо-восточной окраины Кызылкума до нижнего течения Зарафшана, ниже Бухарского оазиса. Это течение Кашкадарьи периодически обводнялось, и тогда на ее берегах возникали поселения. Об этом свидетельствуют многочисленные развалины стоянки эпохи неолита и бронзы, а также отдельные городища эпохи древности и средневековья (Гулямов Я. Г. и др., 1986). Среди них выделяется древнее городище Кум Султан и средневековое Заджир Сарай.

Боковые же протоки дельты, при очень слабом общем уклоне к западу аллювиальной равнины всей Каршинской степи, были очень удобны в эксплуатации для орошения посредством самых простых гидротехнических приспособлений.

Судя по картографии памятников Каршинского и Гузарского оазисов, оросительная сеть их, сложившаяся путем систематического регулирования речной, естественной сети протоков дельтовых частей их в зонах формирующихся оазисов, в принципе не меняла направления своих основных русел.

В Каршинском и Гузарском оазисах, благодаря их компактности при ограниченности дебита воды, крупных каналов, как в Хорезме, не было, но постоянно прорабатывалось и развивалось естественное в своей основе древо протоков дельты путем прокладки параллельных каналов, не отличавшихся по направлению от естественных протоков. Древние и средневековые ирригаторы Нахшаба, видимо, эмпирически знали важную закономерность динамики водотока, заключающуюся

в том, что объем потока канала обратно пропорционален углу между главным потоком русла и его боковым ответвлением (Хаггет П., 1979, С. 474).

Водозаборы этих оросителей, по картам начала XX в., приходится на излучины меандра реки с внешней стороны, где вода, из-за крутого поворота русла, с силой бьет в берег, и начало канала выведено по направлению прямой в месте наиболее сильной инерции потока воды так, чтобы течение самоотекло в русло оросителя (рис. 2). При необходимости, на основном русле могли воздвигаться примитивные запрудные сооружения типа сепоя (фашины) с целью небольшого поднятия уровня воды перед водозаборной частью оросителя.

На плоской равнине, лишенной повышенных водоразделов, ветвистая сеть оросителей при искусственном регулировании могла сливаться на концах основных ветвей мелких оросителей, когда вода одной системы поступала в другую, питая сеть соседних. Это приводило к стабильности оросительных систем и формированию вокруг них зон земледелия с системами поселений, расположенных в форме отдельных веерообразных направлений вдоль русел главных оросителей. Границы этих орошаемых земель сохранялись до позднего средневековья. Видимо, оросительная сеть активно менялась в зоне мелких ответвлений как в силу перераспределения земель, так и вследствие практиковавшегося в оазисах Средней Азии сухого дренажа, когда отдельные орошаемые участки периодически оставлялись под пустошь. Все это предопределяло основную схему группировки поселений и городов Нахшаба. Вот почему сегодня нельзя отличить естественный проток от древнего канала. Естественные протоки в результате постоянного регулирования превращались в каналы, за исключением основного русла реки. О том, что направления основных протоков совпадали с направлениями основных оросителей оазиса, свидетельствует расположение большинства древних поселений именно на этих оросительных системах.

На правобережье доминировала оросительная система Рудакская, на которой базировалось земледелие первоначального урбанизированного эмбриона оазиса и первого столичного города на месте Еркургана. Судя по этимологии гидронима Рудаксай (рудак — речка), это тоже был естественный проток, превращенный в оросительный канал. О том, что в свое время это был полноводный и самый крупный проток северной части дельты, свидетельствуют городища Актепа и другие памятники первых веков до н. э. на северо-западной окраине оазиса, минуя которые русло Рудакская уходило на северо-запад и заканчивалось озером на месте обширного Шорсайского солончака в 50 км к северо-западу от Еркургана. Сейчас в системе Рудак-

сая преобладает средневековый канал Хилал, заменивший своего естественного предшественника.

Само русло Рудаксая служит сейчас в качестве дренажной системы для сброса всех отработанных вод. На нем в районе сельсовета Булмас к юго-западу от к. Пулаты устроено водохранилище местного значения.

Позже, судя по хронологии памятников, ниже начала Рудаксая, от излучины основного русла Кашкадарьи, в которой зарождалось мощное укрепление — каср Нахшаба — будущей раннесредневековой столицы оазиса, были выведены еще два оросителя, соответствующие направлениям крупных арыков конца XIX — начала XX в. Селения Абран и Карабаир, серия небольших тепа IV—VI вв. вдоль этих оросителей дают возможность полагать, что именно в то время, когда дебита воды русла Рудаксая не стало хватать для орошения земель правобережья оазиса, были прорыты эти каналы длиной до 20 км, которые обеспечили развитие поливного земледелия в районе Абрана и Касана.

О левобережной, южной части оазиса следует сказать, что она вся, за исключением земель небольшой группы памятников на крайнем юго-востоке оазиса в районе кишлаков Шерали, Мангыт и Таджик, орошавшихся водами хвостовой части р. Гузардарьи, топографически примыкавшей к Каршинскому оазису, орошается и по сей день от к. Хауабад в верхнем течении до к. Катаган по нижнему течению целым рядом боковых протоков Кашкадарьи, которые еще в древности стали использоваться в качестве оросителей.

Оросительная сеть Каршинского оазиса начала XX в., основанная на серии крупных боковых рукавов, берущих начало из Кашкадарьи, как арыки Файзабад и Дашт, Бешкент и Патрон, Фазли и Денау, Камаши и Мушван, Джарарык и Наистан, формировались начиная с эпохи античности. Все эти оросители, слившись в единую взаимосвязанную сеть, в расширенном виде функционируют и по сей день. Максимальная длина основных оросителей с мелкими арыками не превышала 30—35 км. Каково же было конкретное направление каждого из них и в какой степени они регулировались, сказать пока затруднительно. Лишь поселения, возникавшие вдоль них в тот или иной период, дают возможность предполагать время их освоения или прокладку более мелких каналов.

К северо-востоку от Каршинского оазиса вдоль канала Эскиангар выявлены отдельные тепа — руины былых усадеб и замков, крайнее из них Талактепа (№266, здесь и далее по тексту приводится полевая нумерация всех поселений и городищ Каршинского оазиса, а также Гузарского и Дехканабадского районов) находится на расстоянии 30 км от границы самого оазиса. На всех этих тепа жизнь начиналась, судя по подъемному материалу,

с V—VI вв. н. э., на многих из них обнаружена и средневековая керамика. Это еще раз ставит вопрос о времени проведения самого канала Эскиангар, перебросившего часть дебита воды канала Даргом из Самаркандского оазиса в Каршинский. О дате проведения канала из долины Зарафшана в бассейн Кашкадарьи сложилась своя литература (Ситняковский Н. Ф., 1900. С. 46; Тереножкин А. И., 1947 б; Кабанов С. К., 1959).

Как показали последние исследования М. Х. Исамиддинова, канал Даргом следует отнести к VI—V вв. до н. э., хотя существует точка зрения, что датировать его ранее V—VI вв. нет оснований (Лебедева Т. И., 1994. С. 93). Согласно последней, вероятнее всего, Эскиангар протяженностью более 100 км следует датировать эпохой средневековья, а возникновение укрепленных усадеб и замков к северо-востоку от Каршинского оазиса в V—VI вв. можно объяснить тем, что они базировались на водах саев пологих крайних западных склонов Зарафшанского хребта, дополняя свою хозяйственную деятельность богарным земледелием и скотоводством на окружающих обширных пастбищах, как и хозяйства современных кишлаков этого района. И сам канал был проведен вдоль этой цепочки памятников по краю подошвы холмистых отрогов западного склона Зарафшанского хребта.

Но датировка мелких поселений, располагавшихся вдоль нижнего течения Эскиангара V—VI вв., делает вполне вероятным предположение о том, что Даргом вместе с Эскиангаром были проведены одновременно в V—VI вв. и что эти поселения появились в степи к северо-востоку от оазиса после данного единого гидротехнического сооружения общей протяженностью почти 200 км, которое своим масштабом превосходило все древние каналы Средней Азии.

Что касается Гузарского оазиса, то здесь, как и в Каршинском оазисе, наиболее древние памятники находятся в правобережной части оазиса, орошаемого сравнительно мелкими протоками реки. К левому берегу Гузардарьи относятся крупные протоки, связанные с основными оросительными системами юго-западной части оазиса, и именно на них находились известные в средневековые города и поселения Гузарского рустака, в частности городища Уликтепа на оросительной системе Янгикент, Субах и Ходжа Румас на одноименных оросителях.

Таким образом, как в распределении дельтовых рукавов Кашкадарьи и Гузардарьи, так и в динамике заселения обоих оазисов сначала интенсивно были освоены правобережные, северные части Каршинского и Гузарского оазисов, затем, с поры перехода от древности к средневековью, полностью освоены основные, пригодные для искусственного орошения, земли левобережий обоих оазисов.

Поскольку главная ресурсная зона поселений оазисов, связанная с орошаемыми посевами, была жестко привязана к гидрографии оросительной сети, радиально-концентрической схемы модели экономических связей В. Кристаллера, основанной только на торговле, тут быть не могло.

В условиях плоской дельтовой зоны Каршинского оазиса оросительная сеть имеет не просто древовидный характер, а кустящийся, причем вода из одного канала могла перебрасываться в другие оросители. В период максимального насыщения социально-поселенческой системы Каршинского оазиса поселения обычно концентрировались гроздьями или гнездами в зонах расположения концевых веерообразных оросителей и там, где позволял гипсометрический уровень, поселения и усадьбы располагались цепочками вдоль основных русел, отводивших воду от русла реки.

Что касается топографии памятников верхнего течения бассейна Гузардарьи, то они расположены, начиная от района Пачкамарского водохранилища, вверх по руслу прерывистой цепочкой вдоль узких горных долин Большой и Малой Урадарьи и Торкапчигая. Там, где поймы рек имели достаточную ширину для посевов и садов, обязательно над этим участком, на обрывистом краю надпойменной террасы, возвышался бугор небольшой укрепленной усадьбы, а там, где площади были шире, укрепление со временем перерастало в замок. В промежутках между подобными остатками небольших горных поселений земледельцев располагались прерывистой цепочкой вдоль русла рек группы курганных погребений, но, как правило, по краю более высокой второй надпойменной террасы.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ УРБАНИЗАЦИИ И ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Географический детерминизм философии истории, восходящий еще к античному делению географии на семь климатов при изучении древних городов и поселений, сменившийся значительно позже марксистско-социологизаторским подходом, в исторической науке последних лет замещает всесторонний, комплексный, системный метод изучения. При этом первостепенную роль обретает тщательный анализ самих поселений и городов с конкретизацией места и времени, когда сами исторические суждения выступают в качестве неизбежного логического заключения из предшествующего анализа всех первоисточников.

Исследование разбивается на ряд методически взаимосвязанных проблем: экологический потенциал исследуемого района, уровень технологии производства и организации

общества, система расселения и типология поселений. Что касается последних, тут является ряд вопросов, еще далеких от своего решения: типологическая неопределенность грани, отделяющей город от села, из-за наличия массы переходных и промежуточных форм поселений; соотношение типологических градаций и эволюционный переход селения в город и наоборот; отличие плотно застроенного родового селения от многокомнатного дома патриархальной семьи; типологические соотношения дворца и цитадели. Например, в Хорезме единственным городом, где имеется цитадель — арк, является Ичан-Кала Хивы, это типичное многослойное тепа, но и оно имеет мизерные масштабы по сравнению с арком Бухары или цитадели на Афрасиабе.

Типология и морфология как отдельных поселений, так и всей структуры расселения имели преходящий характер. Сам процесс градообразования был одним из проявлений развития системы поселений в целом. В городах все тенденции развития оазиса протекали в концентрированном виде, так как именно в них были сосредоточены основные факторы регулирования функционирования оазиса. Отсутствуют общепринятые признаки дефиниций номенклатуры и систематизации поселенческих систем. При систематизации древних поселений в различных публикациях такой кардинальный показатель, как грань между городом и селом, по размеру занимаемой площади для древней Средней Азии колеблется от 1,5 до 6 га и более. Повсюду для древности приходится сталкиваться с отсутствием дихотомного деления поселений на город и деревню, типология поселений имеет иерархический характер, и со временем как структура поселенческой системы, так и типология их, а главное, их соотношения в пределах единой системы расселения медленно претерпевали изменения. Антагонизма между городом и деревней в древности не было.

Для многих районов Согда, в частности для Нахшаба, выясняется целая эпоха, когда процесс сложения системы поселений и урбанизации пошел по второму кругу. Это случилось в эпоху перехода от древности к раннему средневековью, который, как и в эпоху раннежелезного века, начался с разброшенных укрепленных усадеб и родовых поселков нового этноса, переселившегося с берегов Сырдарьи в Согд.

При классификации городов и поселений особое значение имеют функциональные связи между ними, чем определялись роль и место каждого из них в поселенческой системе оазиса. Город был таковым только через свои отношения с деревней и наоборот.

Важны и диахронные аспекты проблемы изучения и классификации поселенческих систем, возникающие при изучении оазисов, развивавшихся тысячелетиями. Так, при ус-

тановлении даты древних городов возникает вопрос: с какого этапа их следует считать городами?

Существовали глубокие отличия также между древним и средневековым городами, несмотря на преемственность структуры в развитии крупных городов, которые меняли свою суть как историческое явление. Так, возведение во II в. до н.э. крупного города Калаи Захоки Марон на южной окраине Каршинского оазиса физически не затронуло городище Еркурган, но значение и функциональная направленность последнего при этом серьезно изменились. Например, городища Кафыркала и Тали-Барзу имеют древние центральные части единого типа, но в эпоху средневековья Кафыркала разросся в небольшой город, а второе осталось поселением (Ростовцев О. М., 1975).

Понятие города в каждом обществе было свое и признаки их отличались.

Таким образом, сравнительный анализ урбанизированных систем различных районов и эпох упирается в разработку основ их систематизации. При этом, помимо археологических и палеогеографических методов, особое значение имеют и исторические сведения письменных источников о статусе, номенклатуре и терминологии поселений и городов, бытовавших в разное время у самих жителей древних поселений и городов.

Каждая эпоха характеризуется своими основными типами поселений, которые палеоурбанистами делятся на города и сельские поселения. Что касается самих древних терминов «кент» и «кад», то в эпоху раннего средневековья они оба могли означать как село, так и город, не отражая их размеров и статуса (Якубов Ю. Я., 1988 а. С. 211; Распопова В. И., 1993. С. 35). Не исключено, что эти термины отражали некогда существование терминологических отличий разных типов поселений: «кент», канд — окруженное рвом и стенами городище; «кад» — дом с укрепленной башней, известный в эпоху средневековья как «кешк».

Большому диапазону размеров античных городищ Согда квадратного плана с цитаделью в центре, начиная от гигантского Калаи Захоки Марона до мелких поселений, предшествует такой же разброс круглых в плане поселений — от городища Алтын-Дилар в Бактрии до миниатюрной, круглой в плане усадьбы Гарры-Кяриз в Южной Туркмении середины I тысячелетия до н. э. Такой же диапазон разброса размеров присущ и типологии раннесредневековых замков и усадеб с укрепленной башней.

Одной из последних работ методологического характера, посвященных проблеме промежуточной между городом и деревней формы поселений, является исследование Ю. В. Андреева (Андреев Ю. В., 1987). В этой публикации, с целью избежания неоправданной мо-

дернизации в классификации крупных земледельческих поселений (большие масштабы, плотная застройка, наличие оборонительных стен, культовые центры), предлагается термин «квазигород». Принципиальное отличие последнего от следующей стадии — протогорода — заключается в автономности квазигорода, аграрном его характере и отсутствии окружавших его сельских поселений. Отмечается, что квазигород, как весьма устойчивый и жизнеспособный тип поселения, сохранился до сего дня от Испании и Ближнего Востока до Центральной Азии (Андреев Ю. В., 1987. С. 8, сл.).

К следующей стадии развития урбанизации, по Ю. В. Андрееву, относятся протогорода, к которым он причисляет все древнегородские организмы, включая Вавилон, Мемфис и греческие полисы. Протогород, как считает автор, хотя и являлся лидером среди окружавших его сельских поселений, но в нем «горожане» занимались земледелием и скотоводством.

Эта позиция Ю. В. Андреева, низводящая на догородской уровень все урбанизированные центры древнего мира, в которых были заложены основы цивилизации, государства и права, а также родилось само понятие города, — результат концепции автора, основанной на понятиях города нового и новейшего времени, для которых характерно именно дихотомное деление города и деревни «в качестве двух резко различающихся типов» поселений (Андреев Ю. В., 1987. С. 6).

При работе над археологическими остатками древних поселений часто невозможно отделить город от протогорода и протогород от квазигорода в силу того, что города, как и любые урбанизированные поселения, формировались постепенно как центральные места поселенческих систем. Статистически при комплексном охвате всей поселенческой системы, являвшейся питательной средой городов, в которой они вызревали, наличие чересчур большое количество типологически и функционально промежуточных поселений между самым городом и селом. Так, Пянджикент — типичный раннесредневековый город Центральной Азии — навряд ли имел преобладающее население гетерогенного происхождения. Большинство горожан, безусловно, происхождением были связаны с самим Пянджикентом и его округой.

Второй признак города, по Ю. В. Андрееву, — преобладание населения, занятого несельскохозяйственным производством, если и допустим для Пянджикента, то безусловно и то, что большинство жителей, если сами и не обрабатывали землю, практически владели землями всей сельхозокруги города. Такие же методологические проблемы возникают при определении мелких пограничных городков крепостного типа, население которых обычно гетерогенно по происхождению. Классическим

примером таких городков являются Александрии, основанные царем на берегах Сырдарьи для защиты границ империи от скифов. Источники прямо указывают, что их население состояло из местных варваров и представителей греко-македонской армии (Юстин, XII, 5, 12).

Однако эти поселения, которые источник называет городами, не имели какого-либо значения в качестве административных и экономических центров, они не обладали заселенной от самого города. Иначе говоря, попытка дать общее определение и единую номенклатуру признаков для городов всех эпох и регионов методически выглядит неоправданной. Однако, если рассматривать понятие города не только в качестве материального феномена цивилизации, но и исторического явления, в котором следует выделять начало, фазы или этапы развития и упадка, мы будем иметь логически более широкое поле для систематики самых разных видов урбанизированных организмов и их взаимосвязанных систем.

В этом смысле города как центральные места своих поселенческих систем медленно вырастают в качестве вершины иерархии всех поселений, еще долго сохраняя в своей внутренней структуре сходство с более мелкими поселениями. Для древности это явление хорошо иллюстрируют кушанские укрепленные поселения, во многом повторяющие в своей структуре модель города (Массон В. М., 1976).

Явление типологического единства структуры крупных и мелких поселений и городов было выяснено при классификации их по материалам Каршинского и Гузарского оазисов. Явления типологического и структурного сходства города и поселения отмечены и для раннего средневековья (Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983. С. 121, сл.; Семенов Г. Л., 1990).

Этот изоморфизм структуры города и деревни характерен и для основных типов поселений эпохи древности и раннего средневековья. Отмечено, что структура раннесредневекового города — цитадель, оборонительные стены, следы ремесленных производств, некрополи — характерна и для сельских поселений. Сохраняется структурная близость города и крупных селений и в средневековой Средней Азии, когда и села, и города стихийно разрастаются в обширные агломерации. Общность морфологии древних и средневековых городов и укрепленных поселений была следствием типологической относительности в разделении города и села.

По системе признаков, предлагаемой Ю. В. Андреевым, в Центральной Азии к типу городов можно отнести лишь крупнейшие урбанистические центры, подобные Мерву, Самарканду или Бухаре поры максимального их расцвета в эпоху феодализма. При

этом отдельные из крупных городов, таких, как Касби, являвшиеся центрами ремесла и торговли, но не игравшие культового значения, не были в глазах современников истинными городами, хотя именно для них были характерны торгово-ремесленная специализация и преобладание гетерогенного населения, поскольку они являлись крупными узловыми центрами на Великом Шелковом пути.

Археология Средней Азии в целом складывалась и развивается по сей день в основном как археология древних и крупных урбанистических центров, таких, как Мерв и Бухара, Самарканд и Термез и др. (среди основных исследований в этом направлении следует отметить: Жуковский В. А., 1894; Вяткин В. Л., 1927; Массон М. Е., 1945, 1963, 1973; Шишкин В. А., 1963; Беленицкий А. М., Большаков О. Г., Бентович И. Б., 1973; Буряков Ю. Ф., 1982; Филианович М. И., 1983; Байпаков К. М., 1986 и др.).

На крупных городских центрах раскопочные работы традиционно ведутся по двум основным направлениям: 1) вскрытие кварталов, улиц, оборонительных и монументальных сооружений и всего комплекса руин преимущественно по верхнему горизонту; 2) зондирование культурных отложений с целью выявления периодизации жизни города. С выделением проблем древней и средневековой урбанизации в актуальное и быстро развивающееся направление археологии вопросы классификации и типологии поселений и городов обретают особое значение. В различных районах Средней Азии разрабатываются свои системы классификации поселений и городов.

Методологически в большинстве этих работ последних лет довлеет идея дихотомного деления и противопоставления города деревне как социальных и культурных антиподов. Особая роль индикатора в классификации нераскопанных поселений отводится размерам их площадей. Отправной точкой при подобных рассуждениях чаще служат результаты разработок Р. М. Адамса в Месопотамии, где им было установлено, что по размеру площади поселения эпохи бронзы можно разделить на две группы с гранью между ними около 6 га (Adams R. M., Nissen H. J., 1972. Р. 17). Если же непредвзято анализировать само распределение площадей поселений, опубликованных по Чачу и Бактрии, то максимальный пик количества мелких поселений приходится в Чаче на 2 га, далее от 3—4 до 200 га идут единичные всплески кривой, в Бактрии распределение размеров площадей поселений имеет кривую с пиком на 1 га, ниспадающая ветвь кривой заканчивается на 3—4 га, далее идут единичные поселения более крупного размера от 5 до 28 га (Ртвеладзе Э. В., 1974. 1978 г. 1988 а. С. 12, сл.; Буряков Ю. Ф., 1982, гл. II).

При классификации древних поселений

Средней Азии обычно рубеж между городом и селом определяется в интервале от 3 до 5 га. При этом в разных оазисах установлены различные рубежи между городом и селом. Так, для Парфии грань между городом и селом по укрепленной центральной части определена в 4 га (Пилипко В. Н., 1975. С. 10, сл.).

В Северной Бактрии — Тохаристане — Э. В. Ртвеладзе дает более дробную градацию (Ртвеладзе Э. В., 1974), В. М. Массон, Г. А. Кошеленко и З. В. Сердитых для Бактрии эллинистического и кушанского времени определяют грань между городом и селом в 4—6 га (Массон В. М., 1976; Кошеленко Г. А., Сердитых З. В., 1987). В Мервском оазисе, помимо самого столичного города — одного из крупнейших в Центральной Азии, складывалась система небольших подквадратных в плане городов крепостного типа, которые квалифицируются то как укрепленные поселения, то как городки (ДГКСА. С. 229, сл.; Ханмурадов К. Н., 1989).

Одна из первых в Средней Азии классификаций древних поселений по их размерам приводится в кандидатской диссертации Ю. А. Заднепровского, где 4 га выделяются как рубеж между малым городом и сельским общинным поселением (Заднепровский Ю. А., 1954. С. 12). 5 га, как грань, отделяющая города древней Ферганы от поселений, приводится и Н. Г. Горбуновой (Горбунова Н. Г., 1977). Во всех случаях речь идет о площадях древних и раннесредневековых поселений, обмеренных по возвышающимся в рельефе остаткам архитектуры и фортификации, лишь в Чаче Ю. Ф. Буряковым обмеры включали и средневековые памятники, которые рассматривались по площади рассеяния подъемных материалов на современной поверхности.

В Хорезме специальной классификации городищ по масштабам их площадей не приводится. Но здесь античные поселения по данному признаку весьма скромны по сравнению с архаическими городищами.

Проблемы классификации городов и поселений, неразрывно связанные с вопросами урбанизации, имеют и такую не менее важную сторону, как особенности их распределения в пространстве, тенденции к группировке и отношения поселений разных типов и размеров в образуемых ими группах. Системный подход к изучению всех поселений, окружавших город, позволяет классифицировать его как высшую и качественно отличную стадию развития поселения. И то, что настоящий город отделяет громадная хронологическая дистанция от эмбриональных форм его развития, было связано с необходимостью соответственной эволюции всей поселенческой системы, в которой формировался сам город.

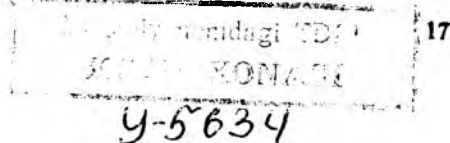
Типологическая относительность как следствие длительного качественного и временного вызревания оседлого поселения до

уровня города ставит во главу классификаций выработку методических основ анализа процесса урбанизации как одного, хотя и существенного, из свойств проявления развития поселенческих систем в целом. Все это подводит ко второму активно развиваемому направлению — системному подходу в изучении социально-поселенческих структур Средней Азии. Направление системного рассмотрения поселенческих структур было подготовлено резким расширением археологических исследований на протяжении всех послевоенных лет, а также осуществлением ряда междисциплинарных программ крупными комплексными экспедициями, проводившими разработку вопросов не только изучения прошлой культуры, но увязывавших результаты археологических исследований со сведениями исторических источников, этнографией, экологией и историей орошения.

Повсеместное проведение сплошного обследования всех памятников прошлого в связи с программой составления свода памятников открыло перед исследователями новую перспективу в разработке фундаментальных аспектов системы расселения человека и урбанизации в древности как постепенного развития специализации и интеграции человеческой жизнедеятельности в процессе освоения им биологических и минеральных ресурсов земной суши. В частности, в регионах Центральной Азии повсеместно ставятся и разрабатываются вопросы динамики освоения оазисов, периодизации и типологии социально-поселенческих систем, внутренней структуры поселений и городов, анализируются движущие силы и механика развития урбанизации древности и средневековья.

Было установлено, что город вырастает в качестве координирующего центра жизни сельской округи, который, однако, быстро переходит к основной экономической функции — переработке продукта деревень и перераспределению его, что вкупе с развитием ремесел в городах рождает обмен и торговлю. Процесс градообразования сопровождался кардинальными изменениями в отношении собственности, иерархии социальных структур и неравенством в распоряжении общественным продуктом и потреблении его. На основе комплексного изучения крупных регионов с установлением периодизации всей культуры выявлялась динамика развития поселений и их исторической топографии. Эти работы осуществлялись в основном такими крупными комплексными экспедициями, как Хорезмская, Южнотуркменистанская и др.

В процессе этих работ впервые были поставлены вопросы закономерности структуры расселения, связь ее с оросительными сетями, типологии древних и средневековых поселений. В проблематике крупных комплексных экспедиций в особое направление выделилась история ирригации древних земледельческих



оазисов (Гулямов Я. Г., 1957; Толстов С. П., 1962. С. 74—97; Андрианов Б. В., 1969; Мухамеджанов А. Р., 1978; Лисицина Г. И., 1978). Б. В. Андрианов отмечает, что для обширных аллювиальных равнин характерна трехступенчатая оросительная сеть: каналы, распределительные отводы и арыки, подающие воду на поля; соответственно древу этой системы орошения выстраивались поселения. Для предгорных и горных зон было характерно долинное и ручейковое орошение локального характера на основе небольших и примитивных оросительных каналов и арыков с запрудами у водозабора (Андрианов Б. В., 1988. С. 22—23).

В Южном Согде системы расселения в Нахшабе и Гузаре базируются на первом типе системы орошения, тут развитие системы поселений происходило классическим путем речных дельтовых цивилизаций, а в долинах верховьев Гузардарьи поселения распределяются на базе второго типа орошения, где сложилась мелкооазисная система поселений, характерная для горных районов древнего мира.

Результатом подобных работ стало районирование поселенческих структур по источникам орошения, и было выявлено, что при формировании оазисной системы расселения решающая роль принадлежала естественной гидрографической сети в зонах внутренних дельт или на конусах выносов саев речных притоков предгорной зоны. Затем, по мере развития оазиса и сложения крупных городов и государственности, города и поселения возникали на искусственных каналах. Выявились и локальные отличия в топографии расселения. Так, в одних случаях поселения группируются в виде длинных агломераций вдоль русла оросителя, что наблюдается преимущественно в Хорезме. Такой тип расселения отмечается также вдоль среднего течения Амударьи и ранее для микрооазисов, формировавшихся вдоль отдельных протоков дельты реки, как, например, в Аравалидепинском микрооазисе в низовьях Мургаба арханческого периода (Массон В. М., 1959. С. 63, сл.; Неразик Е. Е., 1976, рис. 2, 3, 7. и др.; Пилипко В. Н., 1985).

Оазисы в верховьях рек, базирующиеся на террасах в зонах впадения притоков в основные русла, образуют компактные гнезда или группы ниже конусов выноса. Это можно наблюдать, в частности, в группировке древних поселений Северной Бактрии или Ташкентского оазиса (Ставиский Б. Я. 1977. С. 11; Буряков Ю. Ф., 1982. С. 15; ДГКСА. С. 252). Крупные же оазисы в зоне внутренних дельт, в низовьях сравнительно крупных рек, как Бухарский, со временем обретают сложную и довольно устойчивую систему практически сплошного расселения, обладавшего при необходимости возможностью взаимной переброски воды из оросительной сети одного

протока в соседний, что обеспечивало постоянный дебит воды для эксплуатации крупных массивов обводненных земель, хотя для древности оазис был подразделен на небольшие агроирригационные районы, базирующиеся на отдельных протоках низовьев Зарафшана (Мухамеджанов А. Р., 1978. С. 68—105).

Основная идея структуры распределения поселений, по крайней мере, на три иерархически последовательные ступени, по их размерам и географическому расположению, когда в центрах находятся самые крупные населенные пункты, окруженные поселениями более низшего ранга по размеру, а те, в свою очередь, окружены еще более мелкими поселениями, имеет под собой глубокие социально-экономические корни и подразумевает функциональные экономические связи между ними. Эти звезды или гексагональные структуры, впервые выявленные В. Кристаллером в структуре городов и поселений Германии первой половины XX столетия, в основном отражали иерархическую структуру торговых связей Германии, когда каждый крупный населенный пункт служил рынком для более мелких. В случае одной из наиболее последовательных попыток применения модели В. Кристаллера на материалах древнеземледельческого оазиса в долине р. Диалы, осуществленной Г. Джонсоном, результат оказался неадекватным (Jonson G. A., 1972, 1973, 1980).

Во-первых, решетка распределения поселений в долине р. Диалы имеет не гексагональную, а ромбовидную структуру, что отвечало направлению кустящейся структуры протоков дельтовой части реки. Во-вторых, наиболее крупные поселения, в том числе и самые крупные из них — Тутуби, Эшнунна и другие, — находятся в периферийной зоне всей системы поселений, а не в центре. Это вполне объяснимо, так как они располагались в юго-западной части оазиса в зонах регулирования основных протоков древнего оазиса р. Диалы, которые орошали посевные площади. Центральная же часть оазиса занята мелкими и средними поселениями. Здесь не только иерархия размеров определяет структуру расселения, но и оросительная сеть.

Эти и другие отступления от классической гексагональной структуры распределения поселений по модели В. Кристаллера указывают если не на решающее, то на существенное влияние на систему расселения в долине р. Диалы, как и в Каршинском оазисе, гидрографии оросительной сети оазиса.

Все поселения дельтовой части р. Диалы делятся на мелкие поселки площадью до 1 га, деревни площадью до 3 га, большие деревни — до 5. города — 6—15 и большие города — более 15 га. Но само распределение натуральных размеров площадей всех этих поселений дает равномерную их последовательность без всплесков или пиков кривой, лишь в одном случае на 0,7 га приходятся 5 посе-

лений, все остальные градации представлены по одному экземпляру, лишь в пяти случаях попадаются по два экземпляра (Jonson G. A., 1972). Практически все поселения в шкале до одной десятой и по размерам площадей выстраиваются в арифметически последовательный ряд, деления на ранги, предлагаемые исследователем, статистически условны, так как не имеют под собой количественного обоснования.

Ю. Ф. Буряков, отправляясь от модели центральных мест В. Кристаллера, посвятил несколько работ теме расселения древнего и средневекового Чача (Буряков Ю. Ф., 1982; Аскарлов А. А. и др., 1988; Буряков Ю. Ф., Радиловский В. В., 1991).

В первой работе исследователь, систематизируя поселения Чача, имевшего контрастные экологические условия и ландшафт, состоявший из речных долин, разделенных горными водоразделами, приходит к выводу, что система поселений Чача объединялась торговыми путями. Выявлена и иерархия размеров, хотя гексагональной структуры в условиях горного ландшафта Чача быть не могло. Важная роль в формировании торговых трасс вдоль речных долин отводится рудным месторождениям в верховьях рек Чирчика и Ахангарана. Выявляется роль различных факторов в сложении городов древнего и средневекового Чача (Буряков Ю. Ф., 1982).

Рассмотренные методические исследования подтверждают решающее значение характера оросительной сети в структуре расселения оазисов древней и средневековой Средней Азии, которой, в конечном счете, определялись направления основных связей между поселениями и торговые трассы между оазисами (Масимов И. С., 1980; Буряков Ю. Ф., 1982. С. 165—190). Это же подтвердили и наши работы, осуществленные в низовьях Кашкадарьи (Сулейманов Р. Х., 1992).

В целом в направлении изучения городов и поселенческих систем древней Средней Азии достигнуты значительные результаты. Выявлены общие контуры картины диффузии сначала протогородской, а затем городской культуры с юга Средней Азии на север. Прослежена типологическая и морфологическая динамика городов от крупных архаических городищ, огражденных стенами, к более мелким укрепленным городам с плотной застройкой и со своей небольшой сельской округой. Установлена роль раннесредневековых укрепленных замков в развитии средневековой урбанизации оазисов бассейна Сырдарьи.

Однако единой концепции развития социально-поселенческих систем и урбанизации Средней Азии пока еще нет, хотя завершение первичной фиксации и визуальной характеристики всех сохранившихся древних поселений и городов с предварительными вскрытиями на наиболее крупных из них позволяет

взглянуть на общую картину развития поселенческих систем и судить о них в целом, а также выявить более обоснованно некоторые общие закономерности и специфику урбанизации отдельных регионов и эпох.

Проблемы типологии остатков поселений и комплексов движимых артефактов в корне отличаются как целями, так и методами обработки. В то время как в комплексах керамики мы имеем дело с сериями предметов одной категории, разделенных во времени или пространстве, и результаты типологических классификаций служат, в первую очередь, хронологическим и культурным индикатором, в случае недвижимых памятников при раскопках строений городов и поселений обычно мы имеем дело с отдельными моментами их развития.

Физической сущностью сооружений были обусловлены иные отношения и иной детерминизм во времени, где преобладает преемственность. Дом, поселение или город, будучи раз воздвигнутыми, не меняются, хотя меняется их содержимое, планировка, скелет. Первоначальная городская структура может сохраняться веками, обычно уличная сеть не меняет своей конфигурации даже при обновлении всех сооружений. Заброшенные оборонительные и монументальные архитектурные сооружения, придя в упадок и потеряв свое защитное или общественное значение, тем не менее, будучи ранее заложенными в структуру продолжавшего функционировать поселения, оказывали реликтовое воздействие на дальнейшее развитие структуры города или села в качестве факторов антропогенного ландшафта. Иными словами, использование обживаемого сооружения или поселения постоянно нарушало его типологическую завершенность.

Таким образом континуитет, т. е. преемственность в развитии недвижимых объектов материальной культуры, обеспечивался не только памятью человека и общественными традициями, но и благодаря физическому их переходу от поколения к поколению в качестве элементов ландшафта, в котором продолжали обитать новые поколения. Поэтому, в отличие от артефактов, где типологическая относительность выражена наличием некоторого количества переходных и промежуточных форм, типология недвижимых памятников социально-поселенческих структур, можно сказать, текуча как в силу значительной индивидуальности каждого сооружения или поселения в целом, так и в силу систематических перестроек, обновления и реутилизации их частями и в целом.

Древние зодчие и строители, видимо, мыслили не столько типами, сколько комплексом типичных приемов решения архитектурных и строительных задач, составлявших в сумме единую традицию строительного и архитектурного искусства своей эпохи. В условиях

оазисной системы расселения, когда большинство поселений обживалось веками и даже тысячелетиями, работа по классификации поселений, которые в большинстве своем не раскопаны, проводится в целом успешно на материалах основных оазисов Средней Азии (Ртвеладзе Э. В., 1974, 1976; Массон В. М., 1976; Ставиский Б. Я., 1977; Буряков Ю. Ф., 1982; Абдиримов Р., 1988; Якубов Ю. Я., 1988 а; Сагдуллаев А. С., 1989; Пилипко В. Н., 1990 и др), хотя и раздаются сетования по поводу того, что многие типологические схемы «строятся на основе материалов поселений, существовавших в слишком широких хронологических пределах» (Кошеленко Г. А., Сердитых З. В., 1987. С. 54). Безусловно, типологический анализ однослойных поселений и городищ дает наиболее полное представление о структуре социально-поселенческих систем конкретной эпохи, как это удается наблюдать в Хорезме и, реже, в Бактрии и Мерве (Губаев А., 1970; Неразик Е. Е., 1976; Масимов И. С., 1980; Кошеленко Г. А., Сердитых З. В., 1987). Однако на большинстве поселений, особенно в Бактрии, Согде, Чаче, в случаях с многослойными памятниками, где тепа и городища имеют сложную стратиграфию, внешняя их конфигурация обычно отражает этапы наиболее крупных строительных периодов.

При типологической классификации многослойных памятников приходится иметь в виду то, что поселение, само по себе являвшееся сложной, динамической системой среди категорий недвижимой культуры, медленно менялось по мере развития и, при благоприятном стечении обстоятельств, перерастало в город, причем этот процесс вызревания города из поселения зачастую мог чередоваться с периодами упадка, заброса, регресса. Тут, по существу, классифицируются основные стадии формирования поселения. На больших древних городищах обычно надстраивались и утолщались стены, могли возводиться новые линии стен, но структура старой части города не менялась.

Таким образом, типологическая классификация стабильно формировавшихся веками поселенческих структур неизбежно должна носить аналитический подход, фиксируя как изменения поселений во времени, так и перемены в их обживании, учитывая при этом, что и древние, и средневековые жители при формировании типологии своих поселений и городов не были свободны в выборе, им приходилось считаться как с живой традицией своей архитектуры и градостроительства, так и с наличием предшествовавшей селитебной структуры.

В больших сложных городищах обычно выявляются отдельные составные части, относящиеся к отдельным периодам их развития. Здесь классифицируется не конечное состояние городища, являющееся результатом

наложения разных строительных периодов. Состояние его на каждый отдельный период приходится сравнивать с синхронными городищами. При этом типология древних поселений и городов и прежде всего размеры и структура планировки отражают их социально-экономическую роль и место в общей системе поселений. Одни поселения переходят от эпохи к эпохе, не меняя своего типа, другие же, развиваясь и разрастаясь, обретают сложную многочастную структуру или, теряя свое бывшее значение, могут сокращаться, хиреть, забрасываться.

Таким образом, внешняя форма городища или тепа является достаточно надежным индикатором его типологии, поскольку в его объеме — как в плане, так и по вертикали — доминирует масса основного по масштабам строительного периода, более поздние наслоения обычно лишь сглаживают признаки основного строительного периода, не уничтожая их. Сельские поселения среднего размера аморфной планировки, не имевшие обводных оборонительных стен, холмы которых образованы несколькими строительными периодами, наслаивающимися один над другим, подобно поселениям анауской культуры, когда все тепа состоит из множества строительных горизонтов стихийной застройки холма, не типичны для Согда.

Обычно у поселений античной поры доминируют внешние стены, окружавшие город, у раннесредневековых замков преобладает центральная укрепленная башня, города крепостного типа имеют укрепленную цитадель в центре или в одном из углов внешних стен. Все эти типологические градации городищ и поселений, укладываемые в хронологическую канву основных исторических эпох, давно стали основой для исторических реконструкций в поселенческой археологии Средней Азии.

Но, классифицируя остатки поселений и городов на основе конфигурации, преобладающей в объеме его главного строительного периода, приходится также учитывать и то, что с ростом отдельных поселений мелкие из них, погребенные под массивом новых строительных конструкций, переходили в новый, более крупный тип поселения. Есть случаи и обратного процесса, отмеченного, например, в Южной Туркмении А. О. Бабаевым, когда в стенах античного города веками существуют средневековые сельские поселения (Бабаев А. О., 1987. С. 12). Подобные случаи отмечены и для Каршинского оазиса.

Таким образом, каждое селение и город, формируясь в едином оазисе по присущим той или иной эпохе общим градостроительным и фортификационным традициям, тем не менее, имели свою неповторимую индивидуальность и судьбу развития, играя определенную роль в сложной и функционально взаимосвязанной системе поселений района.

При классификации поселений по внешним признакам возникает комплекс смежных и тесно переплетенных вопросов системы признаков, номенклатуры, роли количественных параметров, иерархии размеров и их взаимоотношения.

Хронологически по Каршинскому и Гузарскому оазисам отмечаются отдельные периоды активизации строительной деятельности в обживании поселений. Судя по археологической периодизации вскрытых раскопками поселений, а также по соотношению подъемного материала, собранного с нераскопанных поселений, основные остатки строений и находок археологических материалов приходятся чаще на II—I вв. до н. э., реже — на II—III вв. н. э. IV—V вв. н. э. дают пример интенсивного обживания и освоения всего оазиса. Затем количество материалов VII—VIII вв. и позже идет по ниспадающей линии, на причинах этого далее мы остановимся специально. Порой на одном городище четко выделяются различные типы поселений, хронологически относящиеся к разным эпохам, что особенно характерно для крупных средневековых городов, центральное, более древнее ядро которых так и называется «кухендиз», т. е. старая крепость. В этих случаях шахристан и рабад, по существу, представляют собой хронологически последовательные пояса урбанизированной структуры, нарастающие со временем вокруг древнего ядра, где обычно в средневековье располагались арсенал и дворец; иной раз в мирную пору они были полузаброшены, как, впрочем, даже и шахристаны, что засвидетельствовано Ибн Хаукалем для Самарканда, Кеша и Несефа Хв. (Бетгер Е. К., 1957. С. 14, сл.).

Эти наиболее крупные и древние городские центры переживали, таким образом, все этапы становления урбанизации своего региона, что вытекало из особенностей развития объектов недвижимой культуры, которые, именно в силу своей неподвижности, подвергались многократному использованию и периодическим реконструкциям. Для этой категории археологических предметов характерно явление остаточного воздействия ранее сложившейся структуры на последующие.

Тип, размеры и структура самого поселения, его топографическое положение в системе поселений разного калибра и сообщения источников или топонимические свидетельства о социально-экономическом и правовом его статусе обычно служат для классификации места и роли того или иного поселения в социально-поселенческих системах в целом.

В наших разработках по классификации поселений древнего и средневекового Нахшаба мы можем опираться лишь на остатки самих поселений и городов.

Сведения письменных арабоязычных источников о роли и статусе тех или иных поселений, которые были проанализированы М.

Е. Массоном и Б. Д. Кочневым, относятся, в основном, к последующей эпохе средневековья (Массон М. Е., 1973; 1977 а; Кочнев Б. Д., 1980).

В процессе полевых работ, проводившихся Кашкадарьинской экспедицией сначала по программе обследования зоны орошения Каршинской степи, а затем по составлению свода памятников археологии, все поселения и городища были картографированы, пронумерованы, кратко описаны, большинство их было обмерено и зачерчено. Пункты поселений наносились на стотысячную основу, что при большой густоте обживания в IV—VII вв. местами приводило к некоторому искажению точек местоположения из-за большой скученности памятников на небольшой площади. По распределению подъемного материала определялась хронология обживания памятников, на больших поселениях и городищах предварительно выявлялась периодизация сложения основных элементов их структуры, намечались места отдельных монументальных сооружений и ремесленных производств. По микрорельефу достаточно четко прослеживаются направления основных уличных магистралей и ворот в оборонительных стенах.

В Каршинском оазисе, имея дело с древними городищами и замками, как правило, укрепленными стенами или построенными на искусственных платформах или на остатках более ранних строений, нами за основу метрического анализа были приняты лишь руины архитектурных и фортификационных сооружений, четко возвышающихся в рельефе, а археологические следы обживания вокруг поселений в силу того, что в течение последующих веков интенсивного освоения они, за редким исключением, часто не сохранялись, являются на сей день малоперспективным объектом анализа. Хотя роль периферийной зоны поселений никоим образом нельзя отрицать, тем не менее изучение, раскопки и обмер поселений преимущественно по их основной части являются на сегодня обычной практикой среднеазиатской поселенческой археологии (Пилипко В. Н., 1985. С. 245).

Особенностью структуры древних городищ является то, что их загородные сооружения, сохранившиеся местами вокруг Еркургана, Киндиклитепа и других, представляют собой россыпь отдельных холмов, разделенных значительными площадями. Местами вокруг Еркургана они образуют небольшие группы и цепочки, идущие вдоль путей, подводящих к городским воротам. Далее, по мере удаления от ближайшей пригородной зоны, они редуют, расстояние между холмами этих бывших усадеб и домов увеличивается, и пригород постепенно переходит в сельскую округу. Вот почему эти холмы фиксировались в качестве отдельных памятников.

В случае же более поздних крупных сельских поселений или городов морфология пе-

риферийной их части иная. Они имеют вид обширных, слегка возвышающихся в рельефе (2—3 м в среднем) сплошных массивов, топографически четко примыкающих к нуклеарной части городища, как, например, на Шахри-Хайбаре в с. Абран, Қасби или Безде. В иных случаях, когда периферийные части больших селений или рабады средневековых городов в результате интенсивного освоения были запаханы, как рабады средневекового Несефа или пригород городка на месте Алтынтепа к северу от Еркургана, площадь, выявленная по россыпи подъемного материала, квалифицируется в качестве периферийной части самого городища.

Сельская округа средневековья состояла из неукрепленных жилых агломераций, от которых в рельефе ничего не сохранилось. Следует оговорить и слабые места подобного метода классификации древних поселений и городов. Как показали исследования, развивающие концепцию расселения по принципу гексагональной решетки В. Кристаллера, в частности упомянутые работы Г. Джонсона в долине р. Диалы и Ю. Ф. Бурякова в Ташкенте, тип поселения и, прежде всего, важнейший признак его — размер — связан с местом, которое занимает это поселение топографически и иерархически во всей системе расселения района. Однако на многослойных памятниках мы в состоянии определить тип и его размер лишь по периоду максимального размера; определить, каким было поселение на начальной стадии развития или после деградации, без раскопок невозможно.

И для эпохи средневековья, когда пульс городской жизни перемещался в рабады, которые обычно весьма плохо сохранились, анализ нуклеарных, более древних центров этих поселений и городов практически ничего не дает для представления об особенностях средневековой урбанизации.

Что касается самой техники обмера остатков поселения и вычисления площадей, то, следует отметить, что оплывшие руины древних усадеб, замков, поселений и городов по своей конфигурации подразделяются на простые и двухчастные тепа, городища и сложные городища; последние немногочисленны, состоят из нескольких частей и, как правило, окружены остатками неукрепленной пригородной застройки и индивидуальны по своему типу.

Замерялись длина l , ширина m и высота h каждого памятника в отдельности. У двухчастных замков и усадеб, на городищах по всем трем параметрам отдельно замерялись стены, укрепленные башни или цитадели и массивы жилой застройки. Обмер проводился по линии у подошвы тепа или городища, при двухступенчатости памятника грань между верхним и нижним звеньями проводилась по линии наибольшего падения склона между башней цитадели и примыкающего массива жилой застройки.

Учитывая, что значительная площадь периферии холма бывает занята оплывами стен фасадов сооружений, его длина и ширина замерялись от точек в закругленных углах тепа или городища. При этом использовались лишь точки по внешним углам, так как во внутренних углах и вдоль вогнутых линий памятников накопление оплыва происходит сильнее.

Высота памятника или его частей замерялась от его подошвы, на крупных городищах — от уровня поверхности заплывшего рва, но если остатки рвов засыпались при последующих нивелировках, высота их уменьшалась. Так, Коштена II (№267) при замере в 1973 г. имела высоту до 12,5 м, при замере в 1980 г., когда наружная застройка и вал были сnivelированы, высота его от подошвы достигала 9 м.

Хронология обживания всех поселений и городов Нахшаба по подъемному материалу, полученному с поверхностей и зачисток обрывов, подразделена на восемь основных периодов: 1. VI—IV вв. до н.э.; 2. III—I вв. до н.э.; 3. I—III вв. н.э.; 4. IV—VI вв. н.э.; 5. VII—VIII вв. н.э.; 6. IX—XIII вв. н.э.; 7. XIV—XVII вв. н.э.; 8. XVIII—XIX вв. н.э.

Периодизация, основанная на подъемном материале, неизбежно имеет относительный характер; черепки, чаще представленные обломками кухонной и тарной посуды, при редкой встречаемости могут быть датированы лишь в интервале 200, а то и 300 лет. При этом трудно улавливаются не только периоды угасания, но и перерывы в обживании поселений. Поэтому предлагаемая ниже картина реконструкций функционирования поселенческой структуры надежна для периодов максимального их расцвета и обживания, периоды же упадков без вскрытий зафиксировать трудно. Однако общая картина динамики развития поселенческих структур на основе подъемного материала вырисовывается с достаточной вероятностью. Общие вопросы динамики развития поселенческой структуры Нахшаба рассмотрены в более крупных временных интервалах по четырем эпохам: зарождения оазиса, VI—IV вв. до н.э., древности, III в. до н.э. — III в. н.э.; раннего средневековья, IV—VIII вв. н.э.; развитого средневековья. Последняя эпоха не являлась для нас предметом специального рассмотрения, и приводятся лишь некоторые попутные наблюдения.

При истолковании классификации древних поселений и выработке терминологии следует изложить следующие соображения.

Обычно мелкие тепа классифицируются как усадьбы или поселения площадью около 0,1—0,3 га. Это, безусловно, площадь лишь фундаментальных строений усадеб, сохранившихся в виде оплывших тепа, площадь же дворов и прилежавших к ним подсобных строений, уничтоженных в условиях интенсивного земледелия оазисов еще в древности,

была намного больше сохранившихся руин основных сооружений.

Во-вторых, как показали вскрытия, обычно площади, занимаемые оплывшими остатками усадеб, замков и даже городищ, бывают на несколько метров больше в длину и ширину из-за шлейфов, оплывов строений, возведенных из лессового кирпича или пахсы.

Третье, на что следует обратить внимание, это резкое уменьшение количества наших материалов по поселениям в эпоху средневековья. Причина заключается в том, что с момента вхождения Средней Азии в состав Халифата начался переход к неукрепленным рассредоточенным поселениям, а древние тепа и городища стали забрасываться, о чем подробнее речь пойдет ниже.

Основой исследования социально-поселенческой системы древнего Нахшаба послужили полевые материалы, полученные Кашкардарьинской археологической экспедицией в границах Каршинского и Гузарского оазисов, относимого историками то к Кешу, то к Нахшабу, и с памятников бассейна притоков Гузардарьи, верхних течений Большой и Малой Урадарьи, занимавших топографически промежуточное положение между Согдом и Бактрией—Тохаристаном.

Всего в данной зоне зафиксировано около 600 памятников археологии, относящихся к интервалу времени от VIII в. до н.э. до рубежа позднего средневековья и нового времени. Из них более 400 обнаружено в Каршинском оазисе, 104—в Гузарском и 34—в горных долинах бассейна Гузардарьи (см. ниже каталог памятников).

Здесь следует отметить, что в порядке полевой нумерации и последующих подсчетах по результатам классификации поселений имеются отдельные расхождения. Некоторые из больших замков и топографически связанные с ними укрепленные и неукрепленные поселения были представлены отдельными холмами и при полевой фиксации получили отдельные номера (№№23—24; 114—115; 135—136).

Подобные замки с поселением, топографически примыкавшим к ним, были классифицированы в качестве единой таксономической единицы.

В случаях учета мелких бугорков, группирующихся в пригородных зонах Еркургана, других городов или небольших городков, например таких, как Киндиклитена и другие, они при полевой фиксации и типологической классификации даны под отдельными номерами.

Памятники, за небольшим исключением, представляют собой остатки древних и средневековых городских и сельских поселений, замков, усадеб. В систематизации поселенческих структур Средней Азии типология поселений давно служит в качестве надежного хронологического индикатора. В частности, для античности характерны городища

регулярной планировки, ибо они окружены оборонительными стенами и имеют цитадель в углу или в центре. Для раннего средневековья типичны так называемые замки с площадкой или шлейфом жилой застройки. Причем, как показывают последние разработки, место каждого поселения в их системе, его отношение к другим зависят от размера и типа. К сожалению, материалы сплошного обследования социально-поселенческих структур выполнены и опубликованы лишь по Ташкентскому оазису и, частично, по Бактрии. В остальных случаях пока приходится пользоваться предварительными результатами исследований.

Памятники Нахшаба по сложности структуры делятся на одно-, двух- и трехчастные. Последние поселения — это наиболее крупные городища оазиса; их структура состоит из одного холма, двухчастного городища или замка, окруженного еще внешней стеной. Сюда в первую очередь следует отнести руины самых крупных городов оазиса: Еркургана, Калаи Захоки Марона, остатка средневекового Несефа—Шуллюктепа, а также ряд более мелких городищ и остатков небольших городов и крепостей. Последние, в зависимости от типа центрального ядра, можно разделить на две группы. К первой относятся городища, центральное ядро которых состоит из прямоугольного в плане городища с укреплением в центре или в одном из его углов, и это ядро обнесено второй, внешней стеной.

Вторая группа состоит из городищ, также обнесенных внешней стеной, но центральное их ядро состоит из укрепленного замка или тепа с примыкающей площадкой. Время формирования центрального ядра первой группы датируется эпохой древности, а второй — периодом раннего средневековья. Всего выделено одиннадцать типов поселений.

К двухчастным типам относятся остатки укрепленных поселений, замков и городищ более сложной планировки:

1.  — городище или поселение с укреплением в центре, обычно с преобладанием квадратного или прямоугольного плана;
2.  — городище или поселение, огражденное квадратной или прямоугольной стеной с укреплением в углу;
3.  — замок или усадьба аморфной планировки в виде укрепленной башни и примыкающей к ней застройки;
4.  — прямоугольный в плане замок или укрепленная усадьба с прямоугольной же примыкающей площадкой.

К одночастным относятся руины отдель-

ных усадеб или поселений, имеющих в плане следующие формы:

5.  — квадратное или прямоугольное в плане сооружение или поселение;
6.  — овальные — это чаще всего оплывшее прямоугольное в плане строение или поселение, в зависимости от размеров;
7.  — восьмеркообразные в плане — это два смежных холма, смыкающихся у основания;
8.  — каплевидные — это овальный бугор, один из концов которого преобладает. Чаще всего это укрепленная усадьба с примыкающими хозяйственными строениями;
9.  — круглые, в основе это чаще всего сильно оплывшее квадратное в плане сооружение;
10.  — группа мелких тепа;
11.  — городище с укрепленным въездом на углу.

На сводной типологической таблице (рис. 24) и картах (рис. 26—31, 33—36) условные обозначения типов поселений даны в разных масштабах согласно градации размеров, полученных при статистических подсчетах общих площадей и укрепленных башен или цитаделей этих поселений (рис. 18—23).

Мы пропускаем здесь такой важный для классификации площадей средневековых поселений и городов показатель, как их площадь, определяемая по границе россыпи подъемного материала на современной дневной поверхности. Дело не в том, что этот показатель не учитывается в полевых работах Кашкадарьинской экспедиции, он является, чаще, индикатором границ обживания средневековых поселений и городов, рассредоточенных на больших площадях или тянувшихся вдоль оросителей или торговых путей. Такая тенденция к формированию рассредоточенной агломеративной структуры отмечается и по отношению к древности, но здесь она носит локальный характер и проявляется вокруг наиболее крупного центрального города на Еркургане, и, в отличие от средневековья, представлена не просто россыпью керамики и следами строений, но более или менее обширными невысокими холмами, образующими отдельные группы или цепочки.

Анализ структур средневековых поселений и городов Нахшаба выходит за пределы рассматриваемой темы. Кроме того, как показали раскопки С. К. Кабанова на Мудинтепа и наши работы на Еркургане, культурные отложения, хронологически уходящие за пре-

делы нашей эры, находятся в Каршинском оазисе на глубине 2,5—4 м и более от современной дневной поверхности, окружающей городище. Это — результат продолжающегося формирования аллювиальной долины Кашкадарьи.

Об установленных размерах и метрическом анализе, произведенном преимущественно на основе морфологических особенностей типов поселений и городищ, далее остановимся специально.

Попутно отметим, что при маркировке глубинных отметок стратиграфических наблюдений, наряду с абсолютными показателями в метрах и сантиметрах, используется практикуемая Ташкентской археологической школой маркировка условными ярусами по 0,5 м, которые отмеряются по вертикали от высшей реперной или нулевой точки каждого раскопа. Ярусы обозначены римскими цифрами.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ НАХШАБА

СЛОЖНЫЕ КРУПНЫЕ ГОРОДИЩА

ЕРКУРГАН

Древний город Еркурган был матерью городов Каршинского оазиса. Впервые он был окружен стеной в VII в. до н. э. Эта стена не сохранилась, ее остатки были открыты в 1999 г. на Р-13 в квартале керамистов. В VI в. до н. э. город, расширяясь, был обнесен новой, сохранившейся до сего дня внутренней стеной, ограждающей площадь более 35 га. Внутри сформированы основные узлы общественных строений — массивы селитебной застройки. Видимо, в III—II вв. до н. э. город был обнесен внешней стеной неправильной подпрямоугольной конфигурации общей площадью около 150 га. В IV в. н. э. обе стены подверглись основательной реконструкции (рис. 3—5).

Первые упоминания о городище содержатся в отчетах об археологических разведках И. А. Кастанье и Л. А. Зимина (Кастанье И. А., 1917; Зимин Л. А., 1927). В послевоенные годы Еркурган визуально был обследован А. И. Тереножкиным и С. К. Кабановым в связи с изучением канала Эскиангар (Тереножкин А. И., 1947 б), предварительное же вскрытие на территории городища провел С. К. Кабанов (Кабанов С. К., 1950). В 60-е годы тщательное обследование городища было осуществлено членами Кешской археолого-топографической экспедиции Ташкентского госуниверситета. Ими установлено, что городище являлось одним из древних столичных центров Каршинского оазиса, а его основание было отнесено к первым векам до нашей эры.

С 1973 г. Кашкадарьинской экспедицией

Института археологии АН Узбекистана на Еркургане осуществлялись широкие раскопочные работы, позволившие изучить топографию, стратиграфию, архитектуру городища и хронологию его археологических комплексов. Установлено, что внутренний город был окружен мощной крепостной стеной, сохранившейся на высоту до 8 м, усиленной фланкирующими башнями через каждые 10—12 м. Внутри города вплотную к северной стене была пристроена прямоугольная в плане цитадель на высокой кирпичной платформе. Стены имели двое ворот: одни — в северной части восточной стены, вторые — в южной стене, близ высокого оборонительного бастиона в юго-восточном углу. Все пространство внутри оборонительных стен состоит из различных по размерам и форме холмов бывшей застройки, которая не была сплошной.

Самый крупный бугор, расположенный в северной части близ цитадели, был дворцом правителя. Городской храм находился южнее, в центре города, и состоял из двух отдельных сооружений, обращенных на юг к городской площади. Хозяйственно-производственные кварталы располагались в восточной части, где вдоль всего восточного фаса городских стен тянется цепочка плоских холмов, поверхность которых усеяна массой фрагментов керамической посуды. Раскопки показали, что здесь располагались мастерские гончаров. Единственная улица, которую можно выделить по микрорельефу, шла от южных ворот на северо-запад вдоль квартала керамистов на площадь перед храмом.

Внешний город, огражденный вторым рядом стен, охватывающих территорию около 150 га, имеет неправильную конфигурацию, вытянутую в меридиональном направлении. Он был застроен намного реже, и значительная часть его площади до проведения работ была распахана под посевы, а стены на западном и восточном фасах уничтожены. Сохранившиеся остатки строений внешнего города состоят из отдельных холмов. Два из них, небольшие по площади, но высокие, находятся в южной и северной частях внешнего города: южный оказался дахмой, а северный — мавзольным комплексом. Обширный массив застройки сохранился в юго-восточном углу внешнего города, который охватывает все пространство между юго-восточными углами внутренней и внешней стен. В западной и южной частях внешнего города, северной и восточной стороне остатки застройки тянутся в виде цепочки невысоких бугров между внешней и внутренней стенами, которые, видимо, появились после возведения внешней стены вдоль рва внутренней стены.

Жилая застройка не ограничивалась собственно городом, вокруг существовала застройка пригорода, особенно густая к западу от городища, в сторону р. Кашкадарьи. Обширный благоустроенный пригород, судя по сохранившимся всхолмлениям, простирался

к югу и западу до русла Кашкадарьи. Структура его, видимо, состояла из садов и пашен, чередовавшихся с отдельными монументальными усадьбами и домами зажиточных горожан. К северу и востоку следы бывшего обитания окрестностей древнего города сохранились хуже, однако и здесь среди хлопковых полей можно встретить обломки керамики, реже жженных кирпичей или иную находку, хронологически связанную со временем расцвета жизни на Еркургане. Эти находки — результат распахки холмов бывших загородных строений в данной части пригорода.

По невысоким холмам — руинам бывших пригородных строений, сохранившимся преимущественно к юго-западу от городища, можно установить, что отдельные хозяйства находились друг от друга на расстоянии чаще 50—100 м, реже — 200—300 м. Нередко они образуют отдельные группы из 3—4 бугров, порой смыкающихся у подошвы. К югу от городища эта достаточно густая застройка простиралась до реки Кашкадарьи, где пригород Еркургана смыкался с пригородом и могильником следующего по времени столичного города оазиса Несефа или Нахшаба. К сожалению, остатки пригорода Еркургана, состоящие из мелких и невысоких холмов, в этой части за последние десятилетия почти полностью уничтожены рядом комплексов промышленных хозяйств, тянувшихся вдоль шоссейной и железной дорог Карши—Бухара, пересекающих и само городище. Редкая цепочка этих бугров высотой до 3 м, сохранившаяся между шоссейной дорогой и железнодорожным полотном, тянется к юго-востоку от Еркургана до реки Кашкадарьи, и отдельные холмы бывших пригородных строений, подобных бугру Хантепа, просматриваются на территории хозяйства Насаф и южнее.

При внимательном осмотре отдельных сохранившихся тепа—руин бывшего пригорода Еркургана — можно увязать их с направлениями древних дорог или оросителей. Есть устные сведения о третьей стене города, окружавшей пригород с юга, но следы ее не сохранились.

Еркурган типологически не укладывается ни в один из многих выделенных в Каршинском оазисе типов городищ. Это был первый город и в то же время эмбрион оазиса в целом. И эта его роль отразилась в структуре, стратиграфии и периодизации комплексов материальной культуры.

На протяжении более 20 лет Еркурган был основным объектом раскопочных работ Кашкадарьинской экспедиции. За этот период на городище было заложено более 20 раскопов, где систематически изучались оборонительные сооружения, монументальная архитектура, жилые и производственные кварталы древнего города. Особое место в исследовании Еркургана занимали стратиграфические разработки с целью выработки дробной периодизации керамических комплексов.

Основная часть нашего исследования базируется на материалах многолетних раскопок Еркургана. Предварительно следует отметить главные периоды активизации строительной деятельности на городище:

IX—VIII вв. до н.э. — сложение укрепленного первоначального поселения раннежелезного века;

VI в. до н.э. — строительство внутренней оборонительной стены и священной культовой террасы;

III—II вв. до н.э. — реконструкция оборонительных стен, возведение внешней стены, затем строительство дахмы;

III в. н.э. — строительство храмового комплекса дворца, мавзолея, возведение цитадели и реконструкция внутренней и внешней стен города.

ГОРОДИЩЕ КАЛАИ ЗАХОКИ МАРОН

Это уникальный в Средней Азии по своим масштабам укрепленный город. По существу он является возведенным в один прием единым архитектурным сооружением. Предельно простая композиционно-планировочная схема города состоит из гигантской центральной башни размером приблизительно 100х100 м, высотой около 15 м; она окружена тремя рядами мощных стен: первая по уровню верхнего гребня имеет размеры 210х210 м, второй ряд стен — 400х400 м, высота их — в среднем 8—10 м, ширина у основания — 30—40 м. И, наконец, третий, не сохранившийся ряд стен имел размеры 1,5х1,5 км по сторонам (рис. 6).

Калаи Захоки Марон был возведен с отклонением фасадов от меридиана к западу где-то на 20°, что приблизительно соответствует отклонению стен внутреннего вала и Еркургана.

Городище было открыто для науки известным краеведом И. А. Кастанье и впервые обследовано востоковедом-археологом Л. А. Зиминим в 1916 году, который ошибочно датировал памятник темуридским временем (Зимин Л. А., 1927). В 1942 г. на городище побывал М. Е. Массон, который датировал его эпохой рабовладения (Массон М. Е., 1973. С. 23). В послевоенные годы рекогносцировочные работы на городище проводились С. К. Кабановым, который считал, что оно было возведено где-то в первые века до нашей эры и претерпело перестройки и расширение в III—V вв. н.э. Он также полагал, что памятник в окончательном виде является самым крупным в оазисе феодальным замком, окруженным двумя рядами стен, общей площадью 16 га. Третьей стены, по С. К. Кабанову, не существовало (Кабанов С. К., 1953, 1977. С. 47—49).

В 1966 г. Кешская археолого-топографическая экспедиция во главе с М. Е. Массоном также осуществила обследование городища. М. Е. Массон пришел к выводу о наличии

третьей оборонительной стены городища. Начало обживания его центральной части ученым датировал первыми веками нашей эры, а сооружение укреплений — периодом раннего феодализма (Массон М. Е., 1973. С. 27—28). Всеми исследователями отмечаются в подъемном материале и редкие обломки средневековой керамики.

С 1977 по 1988 год сотрудниками Кашкадарьинской археологической экспедиции в течение нескольких полевых сезонов были проведены раскопочные работы как на самом центральном укреплении городища, так и на трех концентрически окружавших его стенах (Исамиддинов М. Х., Рахманов Ш. А., 1985; Туребеков М., 1990. С. 38—44; Раимкулов А. А., 1992). От третьей стены городища практически ничего не осталось, в ее пределах ныне находятся вокзал города Карши, службы железной дороги, базар и привокзальные жилые кварталы. От деятельности индивидуальных застройщиков значительно пострадала сохранность и второй городской стены.

Основные работы на стенах Калаи Захоки Марона проведены М. Туребековым. Был сделан разрез небольшого отрезка третьей крепостной стены городища к югу от ж.-д. станции и вокзала г. Карши. Установлено, что она была сложена из рядов плотной пахсы. Кладка ее сохранилась на высоту до 2,5 м, ширина у основания — около 10—11 м. С наружной стороны, видимо, имелся ров, так как внешний край кладки стены уходил вниз, в отличие от внутреннего, который заканчивался на уровне древней дневной поверхности (Туребеков М., 1990. С. 41). Отмечались редкие находки черепков, датированных I в. до н.э. С. К. Кабанов считал, что третья стена Калаи Захоки Марона отсутствовала, сомневался в ее наличии и П. Лериш (Кабанов С. К., 1977. С. 125—126; Лериш П., 1987. С. 70).

На второй крепостной стене был произведен разрез на западном ее фасаде, разрушенном при строительстве индивидуальных домов. На середине южного фасада она имела обширный выступ 200х100 м. Высота стены на этом фасаде превышает 10 м, а посередине восточного фасада был зафиксирован проем, через который в пределы стены в недавнем прошлом поступала вода: М. Е. Массон и С. К. Кабанов полагали, что это было место ворот. Разрез показал, что первоначально на материке была возведена мощная глинобитная стена, сложенная, как и третья стена, из горизонтальных рядов пахсы от 1,1 до 1,6 м толщиной. Толщина самой стены, аналогичной описанной третьей стене, составляет около 10 м, которая сохранилась в высоту до 8,5 м. В разрезе ровная гладь поверхности стены с обеих сторон сужалась кверху. Во второй строительный период снаружи к стене была пристроена новая пахсовая кладка толщиной до 3 м у основания, а с внутренней

стороны — внутренняя галерея, перекрытая коробовым сводом, возведенным из сырцового трапециевидного кирпича. На полу внутренней галереи обнаружен культурный слой с материалами IV—V вв. н.э. С внутренней стороны стены между кладками первого и второго строительных периодов были найдены остатки помещений, возведенных из сырцового кирпича. Во время расширения и укрепления первоначальной стены они были замурованы в основание конструкций кладок второго строительного периода.

На первом ряду оборонительных стен городища разрез был произведен в частично разрушенном юго-восточном его углу; был также вскрыт угол стены изнутри и снаружи и заложен стратиграфический шурф. Первоначальная кладка стены здесь, как на втором и третьем ее рядах, была произведена из слоев плотной пахсы и сохранилась на высоту до 6 м, толщина стены у основания — 10 м. К основанию стены с внутренней стороны примыкал значительный культурный слой, чередующийся с горизонтами земли и перекрытый продуктом разрушения верхней части этой же стены. В нижних горизонтах отложений, примыкавших к стене, обнаружены находки, датируемые II—I вв. до н.э. Выше шли кладки стены второго строительного периода, сохранившиеся на высоту 1,5—2,5 м. С внешней стороны она сложена из пахсы, изнутри в кладке имеются отдельные ряды прямоугольного сырцового кирпича, характерного для эпохи раннего средневековья. Здесь кладка второго периода, в отличие от второго ряда стен городища, возведена поверх разрушенного гребня первоначальной стены и примыкавших к ним изнутри культурных отложений. Выше идут плохо сохранившиеся кладки стен третьего строительного периода, датированного М. Туребековым по формату кирпича и сопровождающему материалу VII—VIII вв. н.э. Эта стена имела толщину чуть более 3 м. На самых верхних горизонтах раскопа на первой стене отмечены плохо сохранившиеся остатки жилых строений X—XII вв.

На самой цитадели раскопные работы проводились Ш.А. Рахмановым, М.Х. Исамиддиновым, А.А. Раимкуловым. В результате раскопок на небольшом всхолмлении, выделявшемся в юго-западном углу верхней площадки центральной башни или цитадели городища, были вскрыты руины небольшого раннефеодального замка VII—VIII вв., к которому и относились упомянутые стены третьего строительного периода, возведенные поверх каре гребня оплывших, более ранних кладок первой оборонительной линии уже заброшенного в это время городища. Стилистом для здания замка служил юго-западный угол цитадели древнего городища, а внешняя стена отмечалась по периметру первого ряда его стен. В это же время был оформлен въезд на верхнюю площадку цитаде-

ли в юго-восточном ее углу. Раскопанная юго-восточная часть замка состояла из комплекса смежных помещений, в котором доминировало культовое помещение размерами 3,5х4,5 м с суфами вдоль стен, с трех сторон окруженное коридорами. Далее к северу, востоку и югу шли смежные жилые и хозяйственные помещения с очагами и танурами. С запада была обнаружена внешняя стена замка толщиной около 1,5 м, снабженная частыми массивными прямоугольными выступами-контрфорсами так, что внешний фасад замка имел гофрированную по вертикали поверхность.

На протяжении всего своего функционирования в пределах конца VII—VIII в. этот комплекс неоднократно ремонтировался и переделывался (Раимкулов А.А., 1992). В третьем строительном периоде в центре культовой комнаты был сооружен большой подковообразный в плане алтарь длиной более 2 м и высотой 50 см. Верхняя площадка его окружена невысоким валикообразным глиняным бортиком, а гладко заштукатуренная поверхность не обожжена, но имеет пятна золы и угля.

Резюмируя историю Калаи Захоки Марона, можно сказать, что в конце II—начале I в. до н.э. в левобережной части Каршинского оазиса был возведен самый крупный в истории античного градостроительства Согда город в виде центральной башни — дворца, окруженного тремя рядами стен. Характерно, что стена не имеет обычных для городищ той поры оборонительных фланкирующих башен, но не исключено, что они слабо выступали и просто еще не вскрыты, однако следов башен в виде выступов в стене визуально не прослеживается. Полагать, что вскрытые кладки представляют собой монолитную обширную платформу, на которой стояли более тонкие стены с башнями, тоже затруднительно, так как сплошная пахсовая кладка первоначальной стены сохранилась местами на высоту до 8 м, имея при этом наверху ширину до 5 м. Вот почему исследователь фортификации городища М. Туребеков предполагал, что стены городища вообще не имели оборонительных башен, подобно хорезмийской Джанбаскале (Туребеков М., 1990. С. 43). Этим же объясняются им и дуговидно закругленные углы на первой оборонительной стене, которые хорошо противостояли стенобитной технике. Хотя на единственном топографическом плане городища, приведенном М.Е. Массоном с планшетами прежних топокарт, внешняя третья стена имеет по четырем углам башенные выступы (Массон М.Е., 1973. С. 24).

Во второй строительный период (IV—V вв. н.э.) городище было фундаментально реконструировано в пределах второй стены: два ряда стен и центральный замок—цитадель—надстроены и укреплены, а третий ряд стен, потерявший свое значение, и, видимо,

уже значительно разрушенный к тому времени, заброшен. Об особенностях элементов фортификации что-либо сказать трудно, кроме предположения о том, что наверху высокого и монолитного основания могла идти стена с внутривнутренним коридором, аналогичная синхронным стенам Еркургана.

И, наконец, в VII в. н.э. на высокой центральной башне заброшенного древнего города-крепости был возведен замок мелкого феодала, хозяйство которого ограничивала стена, идущая по периметру гребня первой стены городища 200x200 м по сторонам. Какие-то жилые строения были возведены по верху руин центрального холма и позже, в IX—XII вв. н.э.

Ближайшей аналогией и более ранним прототипом городища Калаи Захоки Марон является цитадель городища Бабиш-мулла I в низовьях Сырдарьи, датированного IV—II вв. до н.э., которое Б. И. Вайнберг считает резиденцией сатрапа в поздний период существования государства Ахеменидов (Вайнберг В. И., Левина Л. М., 1993. С. 17). Городище, неправильное в плане, окружено стенами и имеет площадь 190x100 м по сторонам, в центре ее большой дом размерами 44x44 м. Характерны выступающий на южном фасае большого дома портал и так называемый «донжон» — обширное предвратное сооружение на южном фасае цитадели, где находился вход в нее. Аналогичные массивные выступы, но еще не раскопанные, имеет на южных фасах центральная башня Калаи Захоки Марона и второй ряд его стен; здесь тоже могли быть укрепленные входы. Совпадает даже ориентировка обоих городищ по сторонам света с отклонением от меридиана к западу.

Этот перенос архитектурно-фортификационного канона и воспроизведение его в грандиозных масштабах в Каршинском оазисе логично объяснить оккупацией Согдианы приаральскими саками в период правления Евкратиды в первой половине II в. до н.э., когда чиркибатская культура прекратила свое существование на берегах южных протоков дельты Сырдарьи. Вслед за этим, судя по керамическому комплексу, где-то во второй половине II в. до н.э. в левобережной части Каршинского оазиса был сооружен грандиозный город-крепость Калаи Захоки Марон — местонахождение военно-политической власти новых хозяев оазиса, а, возможно, и всего Согда. Еркургану, как наследнику старых эллинизированных культурных традиций, отводилась роль торгово-ремесленного центра оазиса.

ГОРОДИЩЕ ШУЛЛЮКТЕПА (НЕСЕФ)

Крупнейшим средневековым городом Нахшаба или Несефа являлся одноименный город, руины которого сохранились непосредственно в излучине р. Кашкадарьи в 5—6

км к югу от Еркургана (рис. 7). В III—IV вв. н. э. в период массового освоения орошаемых площадей оазиса здесь возник сильно укрепленный замок.

Упоминания о городе Несефе или Нахшабе имеются у арабских и арабоязычных авторов начиная с VII—VIII вв. Город на берегах Кашкадарьи часто оказывался в центре драматических событий периода борьбы согдийцев с Халифатом и антифеодалного народного движения Муканны. В IX—XII вв. он характеризовался как один из крупных и процветавших городов Мавераннахра, максимальный взлет которого и области Нахшаба приходится на период правления Караханидов. Вслед за этим последовало нашествие Чингиз-хана, трагически закончившееся для города Несефа, руины которого известны под названием Шуллиуктепа — холм пиявок, причиной чему послужило множество пиявок, обитавших в стоячих водах понижений в полусухом русле Кашкадарьи (Бартольд В. В., 1958. С. 136, сл.; Массон М. Е., 1973. С. 29—40).

Начиная с конца XIX в. руины средневекового Несефа эпизодически посещали отдельные любители древностей русской администрации Туркестанского генерал-губернаторства. Первое археологическое визуальное обследование городища в 1916 г. провел ориенталист Л. А. Зимин (Зимин Л. А., 1927). Позднее городище Несеф предварительно изучалось С. К. Кабановым и М. Е. Массоном (Кабанов С. К., 1953; Массон М. Е., 1973). Основной объем раскопочных работ был произведен в 70—80-х годах сотрудниками Кашкадарьинской археологической экспедиции Б. Д. Кочневым, В. А. Пыриным и М. Х. Исамиддиновым.

Первоначально здесь, в излучине реки, почти в центре оазиса, в III—IV вв. было построено небольшое укрепление, которое очень быстро к VI—VII вв. превратилось в мощный, самый крупный в оазисе замок. Дело в том, что именно в зоне этой излучины реки берут начало основные оросители оазиса, обеспечивавшие водоснабжение всей центральной и западной его частей, которые интенсивно осваивались и заселялись в IV—VI вв. н. э. Центральную часть городища занимает неприступный замок, типологически представляющий собой тепа с прилегающей площадкой гипертрофированных размеров. У основания его размеры составляют около 150x80 м, высота башни от основания превышает 25 м, высота площадки — 12—13 м. Длинная ось замка вытянута с северо-запада на юго-восток; с северо-восточной стороны к замку примыкает второй, более низкий (8—10 м) массив застройки площадью 100x70 м подтреугольного плана. Это центральное ядро городища, сформированное в эпоху раннего средневековья, окружает обширная низина бывшего рва, ныне заболоченная в южной и восточной его частях.

Далее по периметру возвышается второй ряд плоских холмов небольшого шахристана, окружавшего замок. Он ориентирован по сторонам света и имеет с севера на юг 500 м, а с востока на запад—400 м. Холмы руин бывшего шахристана достигают в высоту 6—7 м.

Шахристан был окружен обширным средневековым рабадом, сформировавшимся в IX—X вв. н. э., площадь его, по подсчетам Б. Д. Кочнева, равна 200 га, им же были отмечены сохранившиеся остатки стены в 1200—1300 м к востоку и северо-востоку от шахристана в виде невысокого вала протяженностью около 700 м. Из средневековых источников известно, что стены рабада имели четверо ворот (Кочнев Б. Д., 1980. С. 168, сл.).

Площадь городища, особенно его рабады, были сильно разрушены многочисленными крупными поздними оросителями, имевшими здесь, в излучине реки, водозабор. Последние крупные разрушения были произведены при прокладке Каршинского магистрального канала, задевшего юго-восточный угол шахристана.

За весь период работ Кашкадарьинской экспедицией на городище было заложено около десятка раскопов, с помощью которых можно установить периодизацию его отложений и выявить динамику развития его структуры.

На верхней площадке центральной башни М. Х. Исамиддиновым был раскопан парадный монументальный архитектурный комплекс, представлявший собой подквадратный в плане двор, окруженный по периметру помещениями (Исамиддинов М. Х., 1987б, рис. 2). Б. Д. Кочневым были произведены вскрытия на нижних архитектурных комплексах замка, в шахристане и рабаде. Позднее эти работы были продолжены В. А. Пыриным (Кочнев Б. Д., 1980. С. 168—176; Пырин В. А., 1988, 1989).

По сведениям географических сочинений IX—X вв. (Ибн Хордадбега, ал-Истахри, Ибн Хаукаля, Мукаддаси), которые были собраны и систематизированы В. В. Бартольд, город, помимо цитадели или кухандиза, имел шахристан, упоминаемый не всеми авторами, а также рабад (Бартольд В. В., 1963. С. 55—57, сл.). Река протекала через середину города. В сочинениях приводятся названия некоторых главных улиц, шедших от цитадели по направлению к четырем воротам рабада. Из общественных сооружений упомянуты Дор-ул-Имарат—Дом правления, видимо, дворец административного назначения, рядом с которым находилась тюрьма—они располагались близ дороги, выводившей к месту через реку на правый берег. Здесь же отмечается наличие базаров и соборной мечети близ Губдинских ворот. Место описанной мечети было опознано Б. Д. Кочневым по грудам жженого кирпича и архитектурной неполивной терракоты с геометрическим

и растительным орнаментом и глазурованных изразцов. Аналогичного рода архитектурные сооружения имелись и в других частях шахристана и рабада, о чем свидетельствуют скопления схожих фрагментов архитектурного декора X—XII вв.

Вдоль правого и левого берегов реки в обрывах обнаружены колодцы, стволы которых облицованы кладкой из жженого кирпича. Источники сообщают о важной роли колодцев в жизни горожан в засушливые периоды, когда летом вода в реке пересыхала и жители пользовались колодезной водой не только для питья, но и для орошения садов и посевов.

Во многих местах шахристана и, особенно, рабада отмечены следы гончарного, стекольного и металлургического ремесла.

После нашествия полчищ Чингиз-хана жизнь на городище Несеф была прервана вплоть до XVIII в., когда в качестве укрепленной крепости обживалась лишь вершина замка. Выводы, к которым приходит основной исследователь городища средневекового Несефа Б. Д. Кочнев (1980), сводятся к следующему:

1. Поселение на месте Шуллиуктепа возникло в III—IV вв. н.э. Замок и окружавший его шахристан были сложены в V—VI вв. Шахристан был обнесен стеной в VI—VIII вв., достигающей у основания 15 м толщины;

2. Пригород складывался в IX—X вв., хотя здесь отмечаются следы обживания еще в V—VIII вв. В X—XII вв. город состоял из небольшого шахристана и обширного процветавшего рабада.

ГОРОДИЩЕ КУНЯ-ФАЗЛИ (БЕЗДА)

Четвертым крупным городом оазиса, требующим индивидуальной характеристики, является городище Куня-Фазли—руины крупного средневекового города Безда. Оно находится в 40 км к западу от Несефа, и оно являлось одним из крупных торговых центров на трассе Бухара—Балх. Географы X—XII вв. часто упоминают его как город или селение, отмечая наличие в нем соборной мечети (Бартольд В. В., 1963. С. 190—191). Городище в разное время обследовалось без проведения археологических работ (Кабанов С. К., 1947, 1977. С. 64—65; Тереножкин А. И., 1947. С. 188; Массон М. Е., Лунина С. Б., 1973; Массон М. Е., 1973. С. 34—35; Кочнев Б. Д., 1980. С. 276—280).

Характеристику города приводим по материалам С. К. Кабанова и Б. Д. Кочнева, согласно которым городище состояло из морфологически четко выделявшихся трех частей, подобно другим более древним средневековым городам Средней Азии. Центральное его ядро—кухандиз, в соответствии с данными средневековых авторов, образует большая, пятигранная в плане цитадель высотой до 20 м, размерами 160x150 м у подошвы, окруженная

широким понижением бывшего рва. (рис. 8). Судя по подъемному материалу, основание цитадели городища датируется не ранее рубежа нашей эры. По внешнему краю рва отмечается широкое кольцевое всхолмление. Видимо, как полагает С. К. Кабанов (Кабанов С. К., 1977. С. 65), это были остатки первоначального шахристана, складывавшегося вокруг цитадели в предарабское время. В этом отношении данный массив застроек аналогичен шахристану самого Несефа. Общая площадь его равна 350х300 м, чем он несколько уступает шахристану Несефа. Однако окончательно шахристан был сформирован в пределах более обширной стены размером более чем 1000х500 м. В плане он имеет форму утюга и вытянут в широтном направлении. Его стена была сложена из рядов пахсы и имела в основании не менее 15 м толщины, в ней отмечено пять седловин и перерывов, которые могли быть местами ворот. В микрорельефе шахристана явно прослеживаются основные направления уличных магистралей.

Шахристан окружал неукрепленный рабад. Его остатки хорошо сохранились в виде обширных невысоких всхолмлений к востоку и югу от шахристана. Общая площадь средневекового города в X—XII вв. достигала 90—100 га.

Судя по приводимым Б. Д. Кочневым сведениям о находке на городище монеты Александра Македонского (Кочнев Б. Д., 1980. С. 278), основание цитадели Безды можно отнести к эллинистическому периоду, а формирование шахристана, исходя из подъемного материала, — к эпохе раннего средневековья, а также периода правления династии Саманидов и Караханидов.

ПРОЧИЕ ГОРОДИЩА СЛОЖНОЙ СТРУКТУРЫ

Характеристику остальных городов и наиболее крупных поселений приводим по типологическим группам. Разрушенные, типологически неопределенные городища в классификацию не включены. Подобных памятников в Каршинском и Гузарском оазисах достаточно много, среди них имеются и крупные, наподобие «Кургана» — крепости гузарского бека в излучине р. Гузар, часть которой смыта рекой.

Наиболее крупные городища, окруженные двумя рядами стен, согласно основной типологии планировки поселений оазиса, подразделяются на две группы.

У первой группы центральным ядром было укрепление с цитаделью в углу внутреннего вала стен, т.е. центральное ядро этого типа городищ имеет основу, уходящую в эпоху античности. Сюда относятся три городища: Киндиклитепа и Бабакентепа в Каршинском оазисе и Ялпактепа в Гузарском оазисе. Последнее городище морфологически более сложное.

Киндиклитепа и Бабакентепа представляли собой крепости на крайнем северо-востоке и юге Каршинского оазиса. На первом из них вел раскопочные работы М. Х. Хасанов (Хасанов М., 1990), второе не раскапывалось.

Укрепления Киндиклитепа были возведены в конце III в. до н.э. и обживалось оно, достраиваясь, до VI в. н.э. В работах М. Хасанова, в частности, отмечается, что два ряда стен городища относятся к греко-бактрийскому времени, новые же кладки внутренней стены с внутрстенной галереей и небольшой цитаделью в восточном углу были возведены в IV—V вв. н.э. Этим же периодом датируется появление отдельных небольших самостоятельных усадеб, невысокие холмы которых сохранились вокруг данного памятника (рис. 9:1).

Таким образом, типологически сначала это было городище с укреплением в центре, а затем, когда в углу внутреннего вала в III—IV вв. была возведена небольшая цитадель, оно в пределах внутренней стены стало относиться к типу небольших крепостей с укреплением в углу. Древняя же внешняя стена в это время лежала в руинах.

Бабакентепа имеет два ряда стен, в плане приближающихся к квадрату, тоже с небольшой цитаделью в северо-восточном углу внутренних стен, но датировка его обживания по подъемному материалу прослеживается непрерывно от рубежа нашей эры до XVI—XVII вв. Таким образом, хотя городище возникло в эпоху античности, интенсивно оно обживалось и в эпоху средневековья. Вокруг него сохранились отдельные холмы былых усадеб.

Третье городище Ялпактепа в Гузарском оазисе по структуре сравнительно сложнее предыдущих. Городище также не раскапывалось. Ориентировано оно, как и Киндиклитепа, углами по сторонам света и имеет внешние стены, образующие правильное каре высотой более 10 м, размерами 250х250 м. В западном углу городища сохранилось еще одно каре стен размерами 70х70 м, которое образует внутреннее укрепление; оно, в свою очередь, имеет в западном углу квадратную в плане вышку цитадели размерами 15х15 м. Но, помимо всего этого, в центре большого обрамления стен находилось еще одно квадратное в плане укрепление (приблизительно 60х60 м по сторонам) со стенами, равными по высоте внешнему ограждению. Вдоль внешнего вала выделяются оплывшие бугры оборонительных башен, а также провалы на месте бывших ворот.

Вокруг городища за пределами широкого заплывшего рва к северу, западу и югу на площади до 20 га сохранились невысокие холмы отдельных усадеб. Время возведения и обживания городища датировано по подъемному материалу от рубежа нашей эры до VII—VIII вв. Три рассмотренных нами городища имеют схожесть по отдельным про-

порциям: если на Киндиклитепа внутренний вал ограждает площадь 1,6 га, а внешний — 3,9 га, то на Бабакентепа — соответственно 1,3 и 6,5 га, внешний же вал Ялпактепа ограждал территорию около 6 га.

Вторая группа городищ состоит из центрального замка в виде укрепленной башни с прилегающей площадкой жилой застройки, т. е. это был тип тепа с площадкой сбоку, окруженного по периметру внешней стеной или плотной застройкой шахристана, игравшего роль внешней линии обороны. Это были обычные средневековые городки, возникавшие вокруг крупных замков и окруженные внешними стенами.

В Каршинском оазисе к такого типа городищам относятся Тешиктепа, Культепа и Коштепа (№267), обследованные С. К. Кабановым, У. Алимовым и Б. Д. Кочневым (Алимов У., 1969; Кабанов С. К., 1977. I. 53, 58; Кочнев Б. Д., 1980). Типологически сюда можно отнести и сам Несеф на Шуллюктепа в раннесредневековой стадии его развития. В Гузарском оазисе это городище Ходжа Румас (рис. 9: 12) и, с оговоркой, к этому же типу можно отнести и такое крупнейшее городище оазиса, как Ходжа Бузругтепа.

Культепа, расположенное на западной окраине г. Карши, представляет собой большой подквадратный замок размерами 120x100 м и высотой до 15 м; с запада находится площадка жилой застройки замка высотой в среднем 5 м и размерами 140x110 м. С трех сторон замок окружен остатками стен, ограждавших площадь около 8 га. Подъемный материал с этого городища датируется с V по XII в. н.э.

Близко описанному по морфологии крупнейшее городище Гузарского оазиса Ходжа Румас, вытянутое в меридиональном направлении. В центре его — неприступный замок размером 60x60 м у основания и высотой 17 м. С юга к нему примыкает обширная, квадратная в плане площадка жилой застройки размерами 110x110 м по сторонам и высотой до 10 м. Цитадель или башня замка с севера и, частично, с запада обрамлена широким валом застройки, расположенной по внешнему краю рва, окружавшего в свое время замок. Все это обрамлено прямоугольником внешних стен 300x260 м (рис. 9:2). Подъемный керамический материал датируется от I в. н.э. вплоть до XI—XII и XV—XVI вв. н.э.

К этой же группе можно отнести и разрушенное ныне укрепленное поселение Коштепа (№267), состоявшее из подквадратного в плане городища, в центре которого был возведен замок с возвышавшейся в северо-западной части башней. По подъемному материалу городище датируется от II—III вв. н.э. по VIII в. н.э., но есть отдельные черепки X—XII вв. Западнее возвышаются высокий холм отдельной усадьбы (№268) и несколько невысоких холмов от неукрепленных

строений, окружавших городище. Памятник за последние годы был сильно разрушен, в результате чего сохранились лишь центральные части двух наиболее крупных холмов.

Тешиктепа или Багаттепа, по Б. Д. Кочневу, соответствует руинам селения Каджар, упомянутого в XII—XIII вв. Самани и Якутом (Кочнев Б. Д., 1980. С. 78, сл.). Оно представляет собой остатки небольшого средневекового города, разросшегося вокруг крупного и сильно укрепленного раннесредневекового замка. Цитадель или башня замка равна в основании 95x95 м, высота — более 20 м, находится она на западном краю обширной площадки жилой застройки при башне замка; размеры всего замка вместе с башней составляют 180—160 м, высота примыкавшей к вышке площадки достигает 10 м. Это центральное ядро городища, игравшего в средневековье роль цитадели, ныне окружают обширные холмы руин шахристана размерами приблизительно 550x350 м. На городище собраны материалы от рубежа н.э. вплоть до XII—XIII вв. н.э.

Ходжа Бузругтепа в Гузарском оазисе также представляет собой крупное городище, сложившееся вокруг большого раннесредневекового замка, но, в отличие от вышеописанных, центральное его ядро состоит из обособленной цитадели размерами 140x100 м у основания, а высота достигает 15 м. Обширная площадь жилой застройки находится к северу от башни замка и отделена от него широким и заплывшим рвом. Сам замок с трех остальных сторон за рвом также окружен холмами жилой застройки. Если все городище и не было обрамлено оборонительной стеной, то плотно застроенные массивы строений шахристана, окружавшие цитадель, вполне могли играть роль внешней линии обороны. Подъемный материал с городища датируется в интервале с IV по X в. н.э.

В структурном отношении Тешиктепа и Ходжа Бузругтепа аналогичны центральным частям самого Несефа на Шуллюктепа и Безды на Куния-Фазли, где цитадель также окружена кольцом обширных всхолмлений — плотных застроек шахристана, идущих по внешнему краю рва, окружающего центральное ядро. Такая особенность градостроительства перечисленных городищ восходит еще к традиции Еркургана, где внутренний вал стены окружен длинными валами застроек, идущих параллельно стенам по внешнему краю городского рва внутренних стен. Это были первоначальные строения как во внешнем городе Еркургана, так и в складывавшихся шахристанах рассмотренных раннесредневековых городов.

Подводя итог характеристикам крупных и сложных по структуре древних и средневековых городов Нахшаба, следует отметить, что:

во-первых, по своей природе и происхож-

дению они разные, стены их тоже разновременные;

во-вторых, независимо от местоположения их внутри стен, пропорции площадей внутренних и внешних городов античных городищ сходны, а их площади, окруженные стенами, достаточно велики по отношению к площадям их цитаделей;

в-третьих, раннесредневековые шахристаны, складывавшиеся вокруг крупных, сильно укрепленных феодальных замков, имели сравнительно небольшую площадь относительно самого замка. Видимо, лишь в предмонгольское время возникли стены, окружавшие обширные в тот период площади, подобно стене шахристана Безды или стенам рабада самого Несефа.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ГОРОДИЩ, ЗАМКОВ И УСАДЕБ

ТИП 1. ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ В ПЛАНЕ ГОРОДИЩА С УКРЕПЛЕНИЕМ В ЦЕНТРЕ

Типичной формой в Каршинском оазисе являются подквадратные в плане крупные и мелкие, окруженные мощными стенами городища с подквадратными в центре цитаделями. Однако сюда не входят наиболее крупные городища данного типа, получившие свое индивидуальное описание в предыдущем разделе, в частности такие, как Калаи Захоки Марон и др. Четыре из городищ этого типа находятся в Гузарском оазисе, остальные — в Каршинском (рис. 10:1).

У многих из наиболее крупных городищ подобного типа один из фасадов имеет легкий излом, подобно контуру внутреннего вала Еркургана или стен Гяуркалы Мерва. Городища с аналогичными пятигранными в плане стенами зафиксированы только в Каршинском оазисе (№№ 197, 205, 248, 336, 355, 378, 409, 413). Трудно сказать, чем это объясняется: проходил ли рядом канал, наподобие канала Разик на Гяуркале или оросителя Еркургана, или это результат копирования модели внутренней стены Еркургана? В результате многовековых наслоений цитадели некоторые из них обрели заovalенные контуры (№№ 3, 291, 397), у отдельных же мелких внешние стены сохранились лишь частично (№№ 9, 171 в Каршинском оазисе, № 2, 17 в Гузарском оазисе).

Анализ размеров и пропорций 26 наиболее сохранившихся городищ показал, что они подразделяются на три группы. На рис. 18 даны размеры их сторон в метрах. У отдельных городищ этого типа стены сохранились лишь частично.

I. Мелкие городища имеют средние размеры цитадели около 40—50 м по сторонам, а внешние стены — 120—150 м.

II. Цитадели средних имеют размеры 80—100 м по сторонам, сами же городища — 180—250 м по сторонам.

III. Цитадели крупных в среднем по площади чуть меньше городищ малых размеров (120—130 м по сторонам), внешние же стены имеют 250—300 м и более по сторонам.

Их пропорции по мере увеличения размеров городищ меняются. Так, на графике рис. 18 по центру от начала осей координат дана диагональ, указывающая на их квадратные пропорции ($l=m$). Кучности точек цитаделей всех трех групп городищ расположены по диагональной оси $l=m$ или чуть ниже. То же самое можно сказать о пропорциях стен мелких городищ. Если у средних они отклоняются от центральной линии сильнее, то у крупных — ниже линии $l>m$. С увеличением размеров городищ их строгая квадратность нарушается, все они становятся удлиненными, имея длину на 40—50 м больше их ширины.

Что касается характера размеров на указанном графике, то размеры цитаделей дают здесь плотные кучности, имея при этом стабильные стандарты. Размеры же внешних стен городищ более разбросаны и у средней группы городищ это, в частности, объясняется тем, что внешние стены многих из них сохранились неполностью. На большинстве городищ, особенно второй группы, отмечаются интенсивные следы обживания вплоть до XII и даже до XV—XVII вв., что, видимо, свидетельствует об увеличении размеров городищ за счет наращивания толщины их стен. Так, городище второй группы Таллисортепа, точка которого на графике далеко отклонилась от остальных, в свое время было ядром развитого средневекового городка Губдина.

Сопоставление площадей цитаделей и общих площадей городищ данного типа подтверждает выявленную нами закономерность о распределении их размеров по трем группам. В группе мелких городищ площади цитаделей в среднем равны 0,2 га, сами же городища имеют площадь от 1,2 до 2—2,2 га. В группе средних городищ цитадель имеет площадь от 0,3 до 0,8 га, но в основном преобладает площадь в 0,5 га, общие же их площади колеблются от 3 до 5 га, в среднем — 3,5—4 га. Крупные городища имеют цитадели площадью 1—1,5 га, а общая их площадь, составляет от 6 до 10 га, в среднем — 7,2 га.

Таким образом, трехступенчатая иерархия размеров однотипных городищ указывает, видимо, на их социально-экономическую неоднородность и, возможно, политико-экономическую субординацию.

Раскладка подъемного материала из этих городищ по хронологическим периодам свидетельствует о том, что большинство из них возникло в I вв. до н. э., 60% имеют подъемный материал III—I вв. до н. э., 15 экземпляров датируются I—III вв. н. э. На 9 поселениях данного типа наиболее ранними, судя по подъемному материалу, оказались обломки посуды IV—VI вв. н. э., и лишь на одном из них наиболее ранними находками оказались

черепки посуды VII—VIII вв. н. э. Однако вполне небезосновательно предположение, что под поздними руинами последнего существовала более ранняя подоснова такого типа планировки. Почти все эти городища, особенно крупные, обживались до X—XIII вв., а небольшая их часть и позже. Возможно, отдельные из них были сооружены в IV—VI вв., но позже городища такого типа, скорее всего, уже не возводились. Часть из них в качестве крупных укрепленных городищ интенсивно обживалась и в эпоху средневековья (№№ 205, 224, 248, 291, 378, 409, 413).

Небольшим количеством представлены атипичные разновидности городищ с цитаделями посередине, их всего 7. Все они обживались до XII—XIV вв. и имеют непростой рельеф, сложившийся в результате длительного обживания, в процессе которого менялись их планировка и структура. Большинство из них имеет вокруг цитаделей мощные культурные наслоения, порой перекрывающие оплывшие гребни окружающих стен. Общие контуры планировки многих из них имеют закругленный или заovalенный вид. Но главное в том, что только на одном из этих городищ были найдены материалы, датируемые первыми веками до н. э. и н. э., во всех прочих не обнаружено находок ранее IV—VI вв. н. э.

Это, видимо, городища, стихийно сформировавшиеся вокруг раннесредневековых замков, хотя по форме и плану принадлежат к городищам с укреплением в центре, образуя их атипичный подкласс. Как правило, они не имеют рва вокруг центрального холма, который возвышается где-то посередине площадки окружающей застройки, как, в частности, на Алтынтепа близ Еркургана (№ 50) или на объекте № 154. В одном случае окружающий вал, отделенный рвом, сохранился лишь частично, однако центральная часть состоит из холма с тремя вершинами (№ 23 Гузар): Некоторые из них, судя по обширной неукрепленной вокруг застройке, преобразовывались в небольшие средневековые городки, как, например, Алтынтепа к северу от Еркургана. Судя по размерам, большинство из них можно отнести к средней группе предыдущего типа городищ.

ТИП 2. ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ В ПЛАНЕ ГОРОДИЩА С УКРЕПЛЕНИЕМ В УГЛУ

Вторая типичная форма—квадратные и подквадратные в плане городища с квадратными же цитаделями в одном из углов с их внутренней стороны (рис. 10:2). Основные замеры производились на 27 наиболее сохранившихся городищах. Из них №№ 20, 27 имеют за внешними стенами всхолмления от бывших неукрепленных жилых построек.

По размерам и пропорциям эти городища также подразделяются на три группы (рис. 19). Как и предыдущие, они не имеют строго квадратной формы: почти всегда одна из сторон,

особенно у крупных, чуть больше другой (см. график на рис. 19). Как проиллюстрировано на графике, все точки заметно отклонены от центральной диагональной линии, маркирующей квадратные пропорции сторон $l=m$. Однако графически (рис. 19) эти группы городищ не отделены друг от друга достаточно явно и размеры цитаделей здесь почти слиты в непрерывную цепочку. Размеры же самих городищ имеют больший диапазон колебаний и также подразделяются на три группы.

Подсчет распределения процентов площадей цитаделей от общей площади по трем группам городищ данного типа выявил следующую закономерность: чем больше общая площадь городища, тем меньше процент площади цитадели от площади всего городища и наоборот. Такое соотношение диаметрально противоположно соотношению площадей городищ первого типа, где доля площади цитадели от общей площади городища возрастает с увеличением общего его размера.

Характерны и размеры городищ с укреплением в углу; здесь средняя и большая группы по размерам соотносятся с параметрами малой, средней и групп городищ с цитаделью в центре, группа же малых рассматриваемых городищ с общей площадью 0,5—1,0 га равна площадям малых замков.

На четырех из них выявлены материалы II—I вв. до н. э., на шести—I—III вв. н. э. и на четырнадцати обнаружены находки не ранее IV—V вв., что указывает на более позднюю дату распространения городищ данного типа в Нахшабе по сравнению с предыдущим.

Таким образом, городища этого типа возводились преимущественно в IV—V вв. н. э., они, видимо, начали строиться вместо городищ с цитаделью в центре. Такой тип поселений, вероятно, предшествовал замкам, однако по площади они соотносимы с более поздними замками. Следовательно, данный тип городищ хронологически следует за городищами с цитаделью в центре, по размерам же они соотносимы с зарождавшимися в тот период замками. Морфологически этот тип также занимает промежуточное положение между городищем с цитаделью в центре и замками с прилегающей застройкой. Видимо, такое строение хронологически соответствует более раннему периоду его зарождения по сравнению с замком.

На городищах этого типа относительно ранних подъемных материалов было больше, чем на замках, но меньше, чем на городищах с цитаделью в центре. Часть наиболее крупных городищ данного типа продолжала интенсивно обживаться и в эпоху средневековья. Отдельные из них преобразовались в небольшие городки за счет сильно разраставшегося ремесленного предместья, тогда как сами городища превращались в цитадели-кухандизы. К такого рода памятникам можно отнести, в частности, Мудинтепа (№ 40), Денаутепа или Катта-

Кургантепа (№ 412), Аултапа или Керантепа (№ 370).

Наиболее крупным среди них является Каджартепа (№ 293), которое Б. Д. Кочнев отождествляет с городом Ширкент или Сиркас, упоминаемым у Мукаддаси и Якута (Кочнев Б. Д., 1980. С. 277). Площадь средневекового шахристана этого городища составляет около 15 га, а остатки рабада (судя по подъемному материалу) со следами керамического и кузнечного производства тянутся на сотни метров (Кабанов С. К., 1977. С. 12—21).

Однако наиболее крупным памятником данного типа являются остатки кухандиза большого средневекового города Касби, что на северо-западной окраине оазиса. В разное время городище обследовали С. К. Кабанов, М. Е. Массон и Б. Д. Кочнев (Массон М. Е., 1973. С. 34—35; Кабанов С. К., 1977. С. 65—67; Кочнев Б. Д., 1980. С. 245, сл.). Ими же на месте городища было локализовано упоминаемое раннесредневековым армянским автором и арабоязычными авторами X—XIII вв. город или селение Казбион или Касби. Структурно этот памятник сложный, центральное его укрепление древнее, датируемое не позже первых веков нашей эры, в виде пятигранника размерами 260×210 м и высотой около 15 м. Предположив, что прямоугольный бугор (70×55 м) в юго-западном его углу есть верхушка цитадели древнего поселения крепостного типа, центральную часть Касби мы отнесли к типу городищ с цитаделью в углу. Обширное всхолмление в северо-восточном его углу, полого понижающееся к центру верхней площадки городища, видимо, результат накопления более поздних отложений, однако окончательно это можно выявить лишь после проведения раскопочных работ. К центральному древнему ядру города с юга примыкают руины крупного водоема, огражденного специальной стеной, и холмы руин шахристана, вытянутые в широтном направлении, значительно уступающие по площади в сохранившейся части центральному укрепленному месту. Далее простираются остатки обширного рабада, которые, в сумме с кухандизом и шахристаном (по подсчетам Б. Д. Кочнева), занимают площадь не менее 200 га, что вполне соответствует данным письменных источников о том, что Касби по размерам превосходил столичный Несеф. Это, в сущности, были масштабы предмонгольского Касби. В эпоху развитого средневековья город, хотя и не был заброшен, но, подобно многим торгово-ремесленным центрам оазиса, уже не обладал таким былым величием, как в XI—XIII вв.

Восемь преимущественно мелких городищ составляют группу атипичных с цитаделью в углу и имеют несимметричную конфигурацию. На одном из них обнаружены находки I вв. н. э., на всех остальных—материалы от IV—VI до IX—XII вв. н. э. Статистическая обработка этой группы городищ не производилась,

но судя по общим размерам, одно из них можно отнести к группе больших, второе—средних, все остальные—к группе мелких городищ с цитаделью в углу.

В целом, отмечая особенности средневековых городов и поселений, возникавших вокруг более ранних укрепленных поселений данного типа, следует отметить полное отсутствие каких-либо признаков, свидетельствующих о наличии стен, которые могли окружать предместья, шахристаны или рабады.

ТИП 3. АСИММЕТРИЧНЫЕ В ПЛАНЕ ТЕПА С БАШНЕЙ

Эта группа включает в себя морфологически сложной формы холмы, состоящие из двух частей: возвышенной и небольшой по площади башни или укрепления и прилегающей, чаще всего сбоку, более обширной и низкой площадки. Обычно они представляют собой раннефеодальные замки или усадьбы и являются наиболее типичными для археологического ландшафта Согда, Чача, Ферганы.

Здесь, как правило, примыкающая к башне жилая застройка аморфная, не имеющая регулярного плана. Продольная ось башни зачастую не совпадает с осью площадки башни, обычно возвышающейся на поверхности площадки. Укрепленная часть чаще прямоугольная, пятигранная, реже—овальная, в двух случаях—подтреугольная. Площадки у многих неровные, местами выше или ниже—результат постепенных перестроек и пристроек, их стихийного развития. Возвышение башни на краю площадки, как правило, выступает за линию контуров самой площадки (рис. 11:1,2). По форме они весьма разнообразны, у некоторых наблюдается тенденция к регулярности планировки, хотя в целом симметрия не соблюдена. У отдельных из них выявлены остатки симметричности плана, которая, однако, в процессе дальнейших перестроек и расширения была нарушена. Главное отличие этих укрепленных замков и усадеб от нижеследующего регулярного типа застроек заключается в том, что их планировка складывалась постепенно и стихийно. По общему количеству их вдвое меньше, чем замков и усадеб регулярной планировки. Замеры произведены на 31 наиболее сохранившемся тепе данного типа.

Анализ их размеров и пропорций показал (рис. 21), что в целом они также подразделяются на три большие группы: усадьбы общей площадью до 1 га, замки площадью от 1 до 2 га и довольно слабо дифференцированные между собой крупные замки общей площадью от 2,5—3,0 до 5 га. Соответственно укрепленные части усадеб имеют площадь около 0,1 га, мелких замков—около 0,3, крупных—от 0,5 до 1,5 га.

Хронологически тепа данного типа возникли с IV—VI вв., но на четырех из них наиболее ранний материал датируется первыми веками до н. э. и н. э. В подавляющем большинстве

случаев обнаружены находки IV—VI вв. н. э. и лишь на одном не выявлен материал ранее X в. н. э. Свидетельства более раннего периода времени, найденные на отдельных тепа, относятся, видимо, к неукрепленным усадьбам и домам, остатки которых подстилают вышестоящие сооружения. Все крупные замки, без исключения, обживались, если судить по подъемному материалу, до XII—XIII вв. Помимо этого, установлено, что как у больших, так и у малых тепа, чем больше по площади цитадель (вернее, ее доля от общей площади), тем чаще встречались находки средневекового периода. Можно предположить, что у замков как этого, так и других типов площади разрастались постепенно, по мере их обживания, а цитадели становились все более массивными по мере наращивания их стен при длительном функционировании (что, в частности, нашло свое подтверждение при раскопках цитадели Кафиртепа).

Примечательно, что в Гузарском оазисе замков и усадеб такого типа почти не выявлено, за исключением поселения Кургантепа (№ 76). Для Каршинского оазиса было характерно длительное обживание замков и поселений, в результате чего постепенно формировалась их неправильная общая конфигурация.

Наиболее крупные замки данного типа продолжали обживаться в качестве укрепленного ядра уже разросшихся сельских поселений X—XIII вв.: это, в частности, Кургантепа Ходжакарликское (№ 385), Наукатепа (№ 416), Дуразатепа (№ 415), Аулиятепа и Каучинтепа (№ 308) в Каршинском оазисе и Кургантепа (№ 76) — в Гузарском. Вокруг этих замков обычно имеются различные по площади невысокие всхолмления от окружавших их прежде строений.

Помимо рассмотренных выше типов поселений отмечено еще более десяти укрепленных усадеб и замков с разрушенными площадками, тип которых определить затруднительно. В основном это средние и мелкие замки и усадьбы, площадь цитаделей которых не превышает 0,3 га. Хронологически они также возникли в IV—VI вв. н. э. и наиболее крупные из них обживались до XII—XIII вв., но на отдельных обнаружены черепки более позднего периода.

ТИП 4. ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ В ПЛАНЕ ТЕПА С БАШНЕЙ

Наиболее многочисленным типом так называемых тепа с площадкой являются замок или усадьба правильной подпрямоугольной планировки, где башня, или донжон, и прилегающая площадка выстроены по единому плану на одной оси (рис. 12: 1, 2), при этом площадка по ширине равна башне или шире ее. В одних случаях башня возведена отдельно, рядом с жилым массивом, чаще она располагается на самой площадке, возвышаясь на ее краю.

При подсчетах размеров поселений данного типа был произведен замер 55 наиболее сохранившихся тепа. Сюда же включены размеры Культепа и Асантепа, изученные С. К. Кабановым и снесенные до начала наших работ (Кабанов С. К., 1977. С. 84, сл.). Восемь наиболее крупных тепа данного типа имеют окружающие их невысокие холмы от оплывших домов населения, проживавшего в тот период в окрестностях этих сильно укрепленных замков.

По размерам и пропорциям они значительно варьируют, и у подавляющего большинства тепа с площадкой башни возвышаются на площадке. На рис. 20 представлено распределение площадей цитаделей, варьирующих от 0,03 до 1,5 га, что наглядно видно по вертикальной оси; показатели общих их площадей, варьирующих от 0,08 до 5 га, даны по горизонтали. Часть тепа этого типа разрушена и при подсчетах не учитывалась.

Диапазон площадей варьирует от мелкой крестьянской усадьбы площадью в несколько десятков квадратных метров до больших размеров в 3 и более гектара. Главное, что здесь, как и в усадьбе отдельного мелкого землевладельца или феодальных замках, наиболее крупные из которых по размерам приближаются к городкам, использована одна и та же типологическая модель двухчастной структуры в виде укрепленной на платформе башни или цитадели (в зависимости от размеров) и правильно спланированного плотно застроенного жилого массива, примыкавшего к укрепленной башне.

При общей тенденции к одновременному росту общих площадей тепа с площадкой и их донжонов, свойственной и для прямоугольных городищ с укреплением в одном из углов, примечательно то, что при росте общих площадей площади донжонов возрастали очень медленно.

По рассеянию точек на рис. 20 можно выделить несколько групп, образующихся разными по размерам тепа данного типа. При замерах, если башня донжона находилась в пределах примыкающей площадки, приводится общая площадь тепа, в случае же, если башня стоит отдельно от площадки, указывается только ее площадь, что характерно лишь для наиболее крупных тепа.

Группа мелких поселений имеет размеры площадок от 0,1 до 0,3 га при размерах площади башен 0,1—0,013 га; у более крупных площадки соответственно варьируют от 0,4 до 0,9 га, а площади башен равны 0,12—0,2 га; третья группа (размеры общие) имеет размеры 0,6—1,0 га, башни—0,3—0,6 га; четвертая группа—общая площадь тепа 1,4—2,1 га, башни—0,3—0,6 га; и, наконец, наиболее крупные из них имеют размеры площадок от 2,5 до 5,0 га, при размерах башен или цитаделей от 0,5 до 1,5 га. В данном случае на рис. 20 по горизонтали отложены размеры общих площадей тепа, если башня возвыша-

ется на площадке, если же она стоит отдельно, то приведены размеры только самих площадок.

При тенденции к постепенному росту площадей башен с ростом общей площади отмечается ступенчатый уступ кривой при общих размерах поселений данного типа от 0,6 до 1,0 га. Этот излом линии при типологическом единстве рассматриваемой группы укрепленных поселений должен, видимо, свидетельствовать о качественном различии двух больших групп тепа с площадкой: мелких с укрепленными башнями площадью не более 0,2 га и крупных с башнями площадью от 0,3 га и более. Кажется, что наиболее мелкие поселения типа тепа с площадкой общей площадью до 1 га и укреплением не более 0,2 га следует отнести к кедам или обычным крестьянским усадьбам с укрепленной башней. Более крупные и, прежде всего, с мощными башнями, наиболее укрепленные из которых фактически играли роль цитаделей, были кешками феодалов. При этом получается, что порой по площади общей застройки наиболее крупные крестьянские усадьбы—кеды оказывались равными наиболее мелким кешкам—феодалным замкам, но последние все же отличались наличием более сильных кахов—башенных укреплений.

Хронологически лишь на 11 из этих поселений найдены материалы, датируемые первыми веками до н. э. и н. э., в остальных выявлен подъемный материал начиная с IV—VI вв. н. э. — время возникновения усадеб и замков данного типа. Отдельные немногочисленные случаи обнаружения на этих тепа площадкой более ранних материалов указывают на то, что они были возведены на месте более ранних домов и усадеб, остатки которых подстилают эти замки и усадьбы. Многие из них, особенно крупные, продолжали обживаться в качестве укрепленных частей крупных поселений вплоть до монгольского времени. Это, в частности, Чилимбаштепа (№ 365), Намазгартепа (№ 462), Наймантепа (№ 173) и Латиптепа (№ 230) в Каршинском оазисе.

Многие крупные замки имеют более или менее плотную застройку, окружавшую замок за пределами их оборонительных рвов в виде кольца, дуги или отдельных массивов. Подобные остатки формирующихся феодальных посадов при укрепленных замках, которые при благоприятных условиях в последующем могли перерасти в шахристан, но не достигли этого, имеют Кафиртепа (№ 188), Пайшанба-тепа (№№ 23, 24, в данном случае замок и холмы прилегающей застройки при полевой фиксации были маркированы отдельными номерками), Далашкантепа (№ 113), Шакур-бантепа (№ 348), Каттакургантепа в Каршинском оазисе и Люлитепа (№ 21), Коштепа (№ 10), Уликтепа (№ 64)—в Гузарском.

Одним из вариантов рассмотренных выше тепа являются 12 замков и усадеб с прямо-

угольным донжоном—башней, однако площадка, примыкающая к одной из их сторон, представляет собой лишь часть прямоугольника. Видимо, в данном случае двор, примыкавший к башне, был застроен частично, и в пределах его стен не успел накопиться слой культурных отложений и строительных горизонтов, образующих прямоугольную площадку, т. е. их площадки не сформировались. Это в основном мелкие раннесредневековые усадьбы, лишь в двух из которых обнаружены черепки II в. до н. э., происходящие, видимо, из подстилающего слоя (№ 344), но некоторые более крупные, функционировали до предмонгольского времени—это были замки. Большинство же усадеб, как и в случае с предыдущими типами, датируется IV—VI вв. н. э. Их размеры соответствуют первым, наиболее мелким группам подпрямоугольных усадеб и замков с укрепленной башней.

Второй разновидностью, или подтипом, рассмотренных выше замков первого типа являются замки и усадьбы, где башня-донжон и площадь подсобной застройки—тоже в виде прямоугольника, окруженного самостоятельной стеной, расположены не на одной оси, идущей по центру двух частей, вдоль или поперек, а по диагонали двух этих частей. Прямоугольные в плане башня и площадка смыкаются углами. Их всего отмечено 5 экз. В данном случае оборонительная башня меньше связана с жилой застройкой площадки замка.

ТИП 5. ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ В ПЛАНЕ ТЕПА

Прямоугольные и квадратные в плане холмы представляли собой чаще всего руины отдельных укрепленных усадеб или монументальных зданий (рис. 13). В Каршинском и Гузарском оазисах было обследовано и измерено сто тепа данного типа. Использованы также метрические данные не сохранившихся Учтепа и Кичиктепа, обследованных С. К. Кабановым (Кабанов С. К., 1977. С. 71, сл.). Крупные из них имеют уплощенную столообразную верхнюю площадку, мелкие высокие по форме, напоминают усеченную пирамиду различной высоты. Основную их массу можно квалифицировать как монументальные усадьбы или укрепленные дома, возведенные на платформах. Одно из них—Хантепа (№ 107), что в юго-западном пригороде Еркургана, оказалось раннесредневековым монументальным двухэтажным сооружением культово-мемориального назначения, которое несколько раз перестраивалось, но не меняло основных своих контуров (Нефедов Н. Ю., 1991).

Наиболее крупные из них, представлявшие собой прямоугольные укрепленные поселения или крепости (Ялпактепа Гузарское № 34), возникли позже, в VII—IX вв., и могли служить караван-сараями или крепостями.

На гистограмме (рис. 22:1) по своим площадям они подразделяются на две группы:

подавляющее большинство точек образует кучность площадью от 0,1—0,2 до 0,9—1,0 га; вторая же группа из нескольких точек в правом конце кривой представляет собой крупные прямоугольные памятники со столообразной верхней площадкой площадью около 22,5 га. Это, в частности, Ялпактепа в Гузарском оазисе, а также Майманактепа и Шайхалитепа— в Каршинском—городища столообразного типа, датируемые VII—IX вв.

Что касается хронологии, то подавляющее большинство из них относится к эпохе раннего средневековья в широких временных интервалах от IV до VIII вв. н. э., когда происходило формирование основного объема памятников данного типа. В небольшой их части обнаружен более ранний материал, датируемый первыми веками до н. э. и н. э. и ранее, что, видимо, свидетельствует о возникновении этих памятников на месте более ранних усадеб или мелких поселений. В своем большинстве они обживались до VII—VIII вв., часть—до XIII в. и позже.

ТИП 6. ОВАЛЬНЫЕ В ПЛАНЕ ТЕПА

Всего было замерено 65 тепа. Это сильно оплывшие в плане холмы длиной от 40—50 до 100 и более метров, высотой от 2 до 10 и более метров (рис. 14:1). Сюда же включены размеры четырех не сохранившихся овальных холмов в районе Пирмат-боботепа. Это, в частности, Пишактепа и бугры 1,3,4 (Кабанов С. К., 1977. С. 82, сл.). На рис. 23:1 наглядно представлено распределение размеров и пропорций тепа, откуда видно, что по мере увеличения длины и ширины заметно возрастает их высота, а среднее отношение длины к ширине для мелких тепа, равное 5 к 3 и 6 к 4, для более крупных соответствует 10 к 6 и далее 20 к 10, т. е. с увеличением размеров овальных тепа увеличивается и их протяженность.

Что касается хронологии этих бугров, то среди них имеется множество относящихся к первым векам до н. э. и н. э. График распределения наиболее ранних дат выявляет высокий процент памятников, датируемых I в. до н. э. и I в. н. э.; их столько же, сколько относящихся к IV—VI вв. Позднее среди них стали преобладать низкие бугры—высотой 2—4 м. В отличие от подквадратных и круглых тепа, овальные более характерны для поры античности. Это, видимо, остатки бывших рассредоточенных неукрепленных усадеб, характерных для древности.

Особенно многочисленны тепа овального плана в Гузарском оазисе. На большинстве из них обнаружена раннесредневековая керамика. Судя по размерам холмов, максимальное их количество приходится на тепа площадью менее 0,1 га. Около 90% имели площадь менее 0,5 га, это остатки крестьянских усадеб и мелких поселений.

Наиболее крупные и высокие овальные тепа дают на поверхности материал предмонгольского времени. Это, в частности, укрепленные средневековые поселения Джартепа (№ 329) и Казаклитепа (№ 361), у которых отмечены уплотненные верхние площадки. В отличие от подквадратных и круглых тепа, где высота не имеет диагностического значения, здесь они распределены равномерно со значительным увеличением по мере роста их длины и ширины. В данном случае по высоте овальные тепа можно подразделить на две группы, причем у более высоких период обживания достигает эпохи средневековья. Самые низкие и мелкие из них, в основном античные усадьбы, не раскапывались. Средние по размерам и более высокие обживались до XIII в., но в основе они относятся к VII—VIII вв. Это были преимущественно мелкие замки с уничтоженной позже площадкой или же сильно укрепленные усадьбы. Самые крупные овальные в плане тепа типа Джартепа (№ 392) или Казаклитепа (№ 361) в Каршинском оазисе площадью около 2 га представляют собой остатки больших, сильно укрепленных раннесредневековых поселений, интенсивно обживавшихся и в X—XII вв. Обширное, овальное в плане безымянное тепа № 102 в Гузарском оазисе с подъемным материалом не позже II—III вв. н. э. и максимальной высотой 5—6 м представляет собой, видимо, остатки античного сельского поселения наподобие обширного жилого массива. Аналогичные синхронные поселения существовали в Северной Парфии (ДГКСА. С. 213).

ТИП 7. ОВАЛЬНЫЕ В ПЛАНЕ ТЕПА С СЕДЛОВИНОЙ

Овальные в плане тепа имели еще две разновидности, одна из которых была с седловиной посередине (рис. 14:2). Вероятнее всего, это остатки двух отдельных сооружений, стоящих рядом или смыкавшихся друг с другом подсобными строениями, которые при постепенном разрушении объединились в один удлиненный холм с двумя вершинами. Их пропорции разнообразны: от овала, едва разделенного посередине слабой ложбиной—следствие того, что два отдельных сооружения, оплывшие и образующие две вершины холма, стояли на едином более раннем удлиненном холме, до двух отдельных округлых бугров, стоявших рядом и смыкавшихся шлейфами оплювов. Нередко одна из этих вершин большая по размеру.

Характерно, что на 11 из 19 тепа отмечена керамика I в. до н. э. или I в. н. э. На отдельных из них более поздний материал отсутствовал. Холмы, типичные для античного времени, имеют до 90 м в длину и около 1,5—2,0 м в высоту. Распределение их размеров не указывает на преобладание какой-либо определенной величины (рис. 23:2). На 13 из них обнаружены раннесредневековая керамика и

лишь на 6 найдены черепки, датируемые IX—XII вв. Это остатки крупных укрепленных поселений, достигающие в длину 100—150 м.

Характерно, что на одном из этих тепа наиболее ранние находки датируются VII—VIII вв. Возможно, это объясняется тем, что усадьбы данного типа не были укреплены или имели слабую фортификацию. В большинстве своем они многослойные, и поэтому трудно сказать, всегда ли были синхронны строения, образующие смежные вершины холмов с седловиной.

ТИП 8. КАПЛЕВИДНЫЕ В ПЛАНЕ ТЕПА

Второй, сравнительно, немногочисленной разновидностью овальных тепа являются холмы с вершиной, сдвинутой в один конец таким образом, что в плане и продольном профиле они яйцевидные (рис. 15:1). Всего их зафиксировано 23. По площади они подразделяются на две группы: мелкие, от 0,1 до 0,5 га (рис. 23: 3), и крупные, которые, по существу, являются замками, весьма схожими с тепа, имеющими укрепленную башню. Здесь ступень между башней и площадкой практически сглажена. Это в основном оплывшие остатки усадеб средних размеров, но некоторые из них больше, площадью около 0,7 га. На сравнительно крупных тепа преимущественно преобладала раннесредневековая и предмонгольской поры керамика.

На 8 из них обнаружена керамика I в. до н. э., на 21—керамика III—VIII вв. н. э., на 9 зафиксированы материалы IX—XII вв. Из этого следует, что в подавляющем своем большинстве они многослойные. Пик наиболее ранних дат выпадает на IV—VI вв.

ТИП 9. ОКРУГЛЫЕ В ПЛАНЕ ТЕПА

В Карши и Гузаре выявлено 92 экземпляра округлых в плане тепа (рис. 15:2). При их анализе использованы опубликованные С. К. Кабановым размеры трех округлых тепа, обнаруженных в районе Бури-арыка (Кабанов С. К., 1977. С. 69, сл.). Свыше 60% из них имеют площадь 0,1 га и менее. Это в основном остатки мелких и средних отдельных усадеб, другие же площадью от 0,2 до 0,4 га представляют собой крупные усадьбы и мелкие поселения, и лишь единичные экземпляры площадью от 0,5 до 0,9 га—остатки небольших по размерам и средних усадеб (рис. 22:2). Все они аналогичны мелким прямоугольным тепа.

В подавляющем большинстве из них обнаружена керамика III—VII—VIII вв. н. э., в трети из них найдены материалы I в. до н. э.—I в. н. э., более чем в 10% случаев зафиксирована керамика X—XII вв. и лишь на единичных обнаружен более поздний материал. Наиболее крупные из них оказываются и наиболее поздними.

Таким образом, установлено, что чем крупнее поселение, тем более долгое время оно

обживалось, однако в целом наиболее ранние из них датируются IV—VI вв. н. э.

ТИП 10. ГРУППЫ ТЕПА

Особо следует выделить группы небольших топографически связанных между собой тепа. Это могут быть два расположенных рядом холма, как, например, Коштепа или Эгизактепа, но их может быть три и более. Каждое из них имеет подпрямоугольную, округлую или овальную в плане форму. Максимальные размеры наиболее крупных бугров этой группы достигают 100 м по сторонам, высота обычно до 10 м.

На 14 из 26 тепа зафиксирован материал I в. до н. э.—I в. н. э., на 17 из них он датируется V—VIII вв. н. э., и лишь на 6 обнаружены находки предмонгольской поры и эпохи развитого средневековья. Самые ранние датируются I вв. Это в основном группа рассредоточенных бугров, типичная для периода древности. Такая система расселения, характерная и для древнего Хорезма, обычно состояла из 2—4 усадеб. Группы тепа представляют собой результат интенсивного освоения и обживания в прошлом территорий, когда на близком друг от друга расстоянии, зачастую не более 20—40 м, соседствовали укрепленные усадьбы или небольшие поселения.

Вокруг Еркургана также некогда существовала обширная зона сплошного обживания, характеризующаяся массовым скоплением мелких холмиков больших и малых усадеб эпохи древности и начала раннего средневековья, но, к сожалению, сохранившаяся лишь местами. Системы мелких холмиков зафиксированы и вокруг других крупных городищ. Рассматриваемые в данном случае группы представляют собой обособленные и самостоятельные группы. Среди 9 из них один бугор преобладает по размерам и, вероятно, был центральным в своей группе. Наиболее крупные из них, в которых обнаружен более поздний материал, продолжали обживаться и в эпоху средневековья. Большинство этих тепа многослойные и лишь редкие из них можно датировать периодом древности или средневековья. По существу, это отдельные хозяйства различной величины, сгруппированные в мелкие поселения, датируемые от начала I в. до н. э.

Группы, состоящие из одного большого бугра с более мелким или низким тепа поблизости, по существу представляют собой замок с подчиненным ему жилым комплексом подневольного поселения, топографически прилегающим к замку.

ТИП 11. ГОРОДИЩА С ВЪЕЗДОМ НА УГЛУ

Особо выделяются в Каршинском оазисе четыре городища своеобразного типа. Это крупные подпрямоугольные в плане поселения, входы в которых расположены на одном из

углов, оформленном в плане в виде коленчатой выемки, позволявшей вести со стен прицельный обстрел площадки перед въездом в городище. Внутри же перед оформленным таким образом входом находилась подквадратная оборонительная башня, защищавшая ворота изнутри (рис. 16).

Это, в частности, раннесредневековые городища Шортёпа, Хайбартепа (Шахри Хайбар), Талликургантепа (Чучкатепа) и Мазартепа (№№ 417, 443, 446). Судя по подъёмному материалу, они датируются не ранее III—IV вв. н. э. Размеры их общей площади, огражденной стенами, колеблются от 2 до 10 га. Напротив единственного въезда в городище возвышается башня цитадели. Все они, за исключением Талликургантепа, заброшенного после VII—VIII вв., обживались до XII—XIII вв. в качестве мощных, хорошо укрепленных селений. Вокруг наиболее крупного из них, Шортёпа, Б. Д. Кочнев были выявлены остатки складывавшегося тогда неукрепленного предместья.

В эпоху средневековья Шахри Хайбар был крупным селением, упоминающимся в трудах средневековых авторов. Это, в частности, отмеченное Самани и Якутом селение Ауфран, которое Б. Д. Кочнев верно локализует на месте развалин Хайбартепа или Шахри. Хайбара (Кочнев Б. Д., 1980. С. 278). Однако центральная часть городища в виде подквадратного в плане укрепления (130×130 м у подошвы, высотой до 10 м) имеет в западной части весьма слабо выраженную в рельефе цитадель, и поэтому Хайбартепа было отнесено к рассматриваемому типу лишь предварительно, с допущением, что всхолмление в западной части верхней площадки укрепления в нижней части могло быть скрыто под средневековыми отложениями.

Подобная планировка с коленчатой выемкой в одном из углов и башней изнутри напротив этой выемки — входа — воспроизводит планировку в виде созвездия Большой Медведицы, рекомендованную звездочетами Бухархудату Бидуна при возведении им дворца в Арке Бухары. Вероятно, здесь мы имеем дело с одной из древнейших градостроительных и архитектурных идей воспроизведения структуры космических моделей в планировке города или дворца — вместилища социального микрокосма. Уточнение конструкции, предложенной звездочетами, о том, что дворец должен опираться на семь столбов, дополняет картину; созвездие Большой Медведицы по сей день известно в народе под названием «Етти карокчи» — «Семь разбойников». Цифра семь прослеживается и в планировке описываемого типа городищ: это три внешних угла прямоугольных в плане стен самого городища, три угла коленчатой выемки входа на четвертом углу городища и седьмая точка — цитадель изнутри, напротив этого входа.

Таким образом, не исключено, что Г-образ-

ный внешний абрис данных городищ создает модель Большой Медведицы, о практике или прецеденте воспроизведения которой упоминает Наршахи в связи с первым дворцом Бухархудата в Арке Бухары. И это, видимо, не случайно, так как время сооружения дворца Бидуна в Бухаре от эпохи строительства городищ рассматриваемого типа отделяли всего лишь 100—200 лет, если не меньше, так что вполне очевидно, что этот план мог быть традиционным. Подобными Г-образными выемками оформлены также юго-западный и северо-западный углы внешней стены Еркургана, что могло быть осуществлено при реконструкции стен города в III—IV вв.

Истоки данного типа оформления входов в укрепленные городища прослеживаются в более ранний период в градостроительной традиции Приаралья. Это строительство вначале предвратных сооружений, затем специальных башен — донжонов в древнем и раннесредневековом Хорезме и городищах джетысарской культуры, отличительным признаком плана которых является спиралеобразность внешнего абриса стен, при этом вход в городище получался в виде прямоугольной выемки, где виток спирали внешней стены заходил внутрь, образуя между двумя внешними стенами улицу, приводившую в городище.

Аналогичные входы имели и более поздние городища оазисов Приаралья (Толстов С. П., 1962, рис. 112; Его же, 1948 б, рис. 8:1,5). Появление подобной планировки вполне согласуется с влиянием джетысарской гончарной традиции на производство керамической посуды в Каршинском оазисе начиная с IV в.

ИЕРАРХИЯ РАЗМЕРОВ И ИЗОМОРФИЗМ ТИПОЛОГИИ ПОСЕЛЕНИЙ

Для выявления общей картины соотношения всех типов поселений по их размерам составлен сводно-типологический график. С этой целью по вертикали обозначены основные и статистически достаточно репрезентательные типы усадеб, замков и городищ выделенных типов, а по горизонтали указаны размеры их площадей. Установлены также среднеарифметические размеры площадей групп поселений каждого типа, которые были выделены при метрическом их анализе. В результате был получен график, в котором отображена следующая важная закономерность (рис. 24).

Все они, независимо от типа и датировки, по средним размерам своих площадей группируются по единой шкале. Общее распределение средних размеров площадей всех типов памятников сводится к пяти категориям: I — мелкие усадьбы — 0,3 га; II — крупные усадьбы и мелкие замки — 0,7 га; III — замки и мелкие укрепленные городища — 1,5—2,0 га; IV — крупные замки и средние городища — около 3,5 га;

V—крупные городища—около 7 га. При этом отмечено, что по мере уменьшения размеров поселений увеличивается их количество.

Размеры поселений каждой последующей группы вдвое больше предыдущей. Небольшие отклонения от общей тенденции вполне объяснимы тем, что замеры памятников по уровню подошвы включали и слои оплывов, что, вместе с неполной сохранностью части из них, вполне объясняет эту погрешность. Эта периодичность размеров, не зависящая от типа и датировки памятников, способствовала выявлению устойчивой тенденции их иерархии, характерной для древних и раннесредневековых урбанизированных и сельских поселений Нахшаба. Здесь отсутствует дихотомное деление поселений на город и село. Вершиной пирамиды в иерархии размеров поселений вначале являлся античный Еркурган, а затем—Несеф.

Чем объяснить единую периодичность размеров нуклеарных частей усадеб, замков и городищ, независимо от их типа и хронологии, образующих пятиступенчатую пирамиду размеров с иерархическим, а не дихотомным распределением размеров на сельские поселения и города? У основания этой пирамиды находится масса мелких крестьянских усадеб, а на вершине—столичный город оазиса. Исходя из значительного разброса размеров площадей всех этих типов поселений в натуре, выделенная нами по среднеарифметическим значениям эмпирическая калибровка площадей по пяти категориям носит сугубо статистический, вероятностный характер. Специального модуля или шаблона размеров поселений, которыми жители Нахшаба могли бы пользоваться при строительстве своих поселений на протяжении целого тысячелетия, начиная с III в. до н. э. до VII в. н. э., быть не могло. Эта тенденция имела неосознанный стихийный характер и проявлялась лишь статистически. Вероятно, единственной причиной подобного распределения размеров, этой стабильно сохранявшейся и повторявшейся на протяжении всей древности и раннего средневековья тенденции могла быть иерархическая структура самого общества древнего Нахшаба с соответствовавшими формами землевладения. Данная структура неизменно и стихийно воспроизводилась в иерархии размеров поселений. О том, что подобная периодичность не являлась особенностью лишь Нахшаба, свидетельствуют материалы из Ферганской долины, где их размеры распределяются близким к выявленному в Нахшабе образом.

Соответствуют среднеарифметическим размерам подквадратных городов крепостного типа с цитаделью, установленным в Нахшабе, и размеры городов-крепостей Туркменистана, в частности таких как Чичанлык, Дурнали, Чильбурдж, имевших площади около 4 га (Кошленко Г. А., 1966. С. 77).

Грань между городом и селом, привлекающая в последние годы внимание всех архео-

логов и выявляемая, начиная с работ Р. Адамса, на основе замеров площадей поселений, для эпохи древности обычно колеблется от 3 до 6 га. Поселения, по размерам превышающие этот рубеж, квалифицируются как городские (Массон В. М., 1976. С. 7; Пилипко В. Н., 1985. С. 246; Ртвеладзе Э. В., 1974. С. 83—85; Ставиский Б. Я., 1977. С. 43; Adams R. M., Nissen H. J., 1972. P. 17; Jonson G. A., 1972. P. 769—785). В эпоху средневековья для Ча-ча, например, небольшими городками служили поселения типа цитадель с шахристаном, общая площадь которых едва превышала 2 га, но при этом они были окружены рабадами площадью в несколько гектаров (Буряков Ю. Ф., 1982. С. 147). Если исходить из такого отсчета, то к городам можно отнести поселения четвертой и пятой категорий.

В древнем Нахшабе прямоугольные городища средних размеров с укреплением в центре, равные им по площади крупные городища с цитаделью в углу и наиболее крупные замки, размеры которых колебались от 3 до 4 га, могли играть роль мелких городков, регулировавших жизнедеятельность прилегающей к ним сельской округи. Большие же городища площадью 6—8 га выступали в роли районных центров, но к этой категории городов относятся только самые ранние типы городищ с укрепленной цитаделью в центре. Городом высшей категории являлась сама столица. Сначала это был Еркурган, затем какое-то время эту роль, видимо, играло городище Калаи Захоки Марон и, начиная с тюркской эпохи, роль столичного города перешла к мощному укреплению замкового типа, одноименному с областью, Нахшабу или Несефу на месте Шуллиуктепа.

В средневековье роль городов второго уровня скорее всего выполняли отдельные городища и замки площадью в своей нуклеарной части 3—4 га, а также охарактеризованные уже нами Касби, Безда и другие наиболее крупные сложные городища.

По Б. Д. Кочневу, в средневековом Нахшабе, помимо самой столицы области, в источниках называются то городами, то селениями Безда, Касби, а также Ширкет на месте Каджартепа. К категории средневековых городов исследователь считает необходимым отнести также руины Алтынтепа (близ Еркургана), Паштантепа (древний Баштан) и Таллисортепа (древний Губдин), площади которых с пригородами, по подсчетам, достигают 40—50 га (Кочнев Б. Д., 1980. С. 279). В Гузарском оазисе арабские географы упоминают, помимо самого Хузара, располагавшегося, видимо, на месте современного городища Гузар, города Субах и Искифагн. В свое время М. Е. Массон локализовал Субах на Уликтепа, а Искифагн на месте городища Ходжа Бузруг (Массон М. Е., 1977. С. 39).

Таким образом, если принадлежность к поселениям городского типа десятка разнообразных крупнейших и сложных городищ

Нахшаба (Еркурган, Калаи Захоки Марон, Шуллерктепа, Безда, Касби, Ширкет на Каджартепа, а также городища Гузар, Ходжа-Бузрук и Ходжа-Румас (или Улюктепа) в Гузарском оазисе) не вызывает сомнений, то вопрос об остальных крупных городищах, причисляемых к категории городов, следует рассмотреть особо. Во всяком случае, наличие несовпадения (номенклатуры поселений не только по средневековым, но и древним источникам с номенклатурой современных урбанистов.

Если отнести к городам поселения Нахшаба и Гузара пятой и четвертой категорий по нашей таблице, а их всего в первой 6, а во второй около 30 (не учитывая некоторых городищ других, редких типов, не включенных в статистические подсчеты), то получается весьма внушительная цифра для сравнительно небольших по площади поселений или городищ Каршинского и Гузарского оазисов, даже учитывая их разновременность. Самые мелкие замки и городища, относимые к четвертой категории, имеют площадь в 2,5 га, а наиболее крупные из них достигают по общим размерам центральной своей части 4,5—5,0 га. Иначе говоря, все поселения четвертой категории, даже с учетом их разновременности быть полноценными городами безусловно не могли, так как регулировали жизнедеятельность лишь в своих сельских округах. Поселения пятой категории площадью в среднем 7 га представляли собой городки местного значения, подчинявшиеся столице, которых насчитывается всего 6, что соответствует количеству городов Нахшаба, указываемому Б. Д. Кочневым и для эпохи средневековья. Поселения же четвертой категории, судя по нашей таблице, можно назвать пользуясь термином, использованным Ю. В. Андреевым, квази-городами, понимая под этим наиболее крупные укрепления и сельские поселения, которым присущи, в какой-то мере, некоторые торгово-ремесленные и регулятивные функции. На местах они выполняли роль урбанизованных филиалов городов.

Что касается иерархического, ступенчатого характера распределения площадей всех древних и раннесредневековых поселений без заметного их отрыва от мелких городов и прочих поселений, то суть здесь заключается в том, что эти городки также имели аграрную основу и, являясь регуляторами прежде всего сельскохозяйственного производства, были центрами аграрных районов. Только такие столичные города разных эпох в оазисе, как Еркурган, Калаи Захоки Марон и Несеф, имевшие площадь 150—200 га, по масштабам были не сравнимы с остальными поселениями Нахшаба. Лишь в X—XII вв. располагавшиеся на крайней западной периферии оазиса города Касби и Безда достигли сравнимых с Несефом масштабов. Это были города торгово-ремесленной функции, процветавшие на интенсивно функ-

ционировавшем в предмонгольскую пору отрезке Великого Шелкового пути от Бухары до Балха, несмотря на то, что не все арабские географы той поры именовали их городами.

Таким образом, можно предположить, что стабильная иерархия размеров поселений древнего и раннесредневекового Нахшаба — результат иерархичности самого общества и порождена структурой землевладения при условиях поливного земледелия независимо от форм управления: административного или на основе условного пользования, пожалования или держания.

Исходя из удвоения размеров нуклеарных частей поселений Нахшаба при переходе от низшей категории к высшей, хотя и возведенных по единым моделям нескольких типов, можно считать, что и площади землевладения или землепользования их владельцев увеличивались соответствующим образом, однако сказать, что это происходило в двухкратной или иной пропорции, трудно.

В целом, если истолковывать градацию размеров типов поселений, полученных по их среднеарифметическим значениям, как отражение административной структуры общества, то можно полагать, что оно было достаточно стратифицированным и устойчивым на протяжении всей эпохи древности и раннего средневековья. Если усадьбы и мелкие замки площадью до 1 га считать нижним административным уровнем (это в основном усадьбы земледельцев), средние замки и мелкие городища площадью 1,5—2,0 га отнести ко второму уровню, а самые крупные замки и средние городища — к третьему административному уровню, то соответствовавшие им по значимости средневековые городки Нахшаба, выделенные Б. Д. Кочневым, образуют верхний административный уровень в жизни оазиса, над которым возвышается уже сам столичный центр. И, соответственно, как в любой иерархически организованной структуре, количество поселений увеличивается сверху вниз по мере снижения уровней предполагаемых административных страт или классов землевладения.

О конкретных формах организации власти и производства мы пока не располагаем какими-либо данными. Лишь исходя из общих соображений о формах собственности и власти, характерных для древнего Востока и Центральной Азии, можно допустить, что в Нахшабе, как и во всем Согде, преобладала форма условного землевладения с регулярным внесением налогов. Аналогичная по стратификации структура общества выявлена на основе письменных источников для древней Крорайны, имевшей активные связи с Согдом (Воробьева-Десятовская М. И., 1984. С. 75—77).

Что касается периодизации строительства и обживания основных типов поселений, то их последовательность, установленная на основе подъемных находок, подтверждается

раскопками некоторых из них. Так, раскопки на Киндиклитепа и Калаи Захоки Марон показали, что первое из них было возведено в конце III—начале II в. до н. э., а второе—в конце II—начале I в. до н. э. (Хасанов М., 1990; Туребеков М., 1990. С. 38—47). Цитадель в углу внутреннего квадрата стен Киндиклитепа была возведена позже, в IV—V вв. н. э. Эти городища квадратного плана с цитаделью в центре начали возводиться начиная с эллинистического времени. Расположены они преимущественно по периметру оазиса. В IV—V вв. стали появляться городища с прямоугольным обводом внешних стен, но цитадель уже располагалась в одном из углов. В Бактрии такой тип планировки городищ датируется намного раньше. В IV—VI вв. самое широкое распространение получила архитектура усадебного типа. Часть их в дальнейшем превратилась в замки в виде подпрямоугольного укрепления на высоком цоколе, к которому с одной стороны примыкали площадки—жилые и хозяйственные строения владельца замка.

При этом все три хронологически и последовательно сменявшиеся схемы планировки генетически вытекали одна из другой. Они в основном состояли из двух частей: укрепления, или цитадели, и прямоугольного двора; менялись также их роль и значение. Первоначально цитадель располагалась в центре двора, затем она перешла в угол, освобождая площадь двора, а в случае раннесредневекового замка вообще была выведена на один из фасадов двора или за его стены. Укрепление в последнем случае обязательно поднималось на высокий стилобат. Площадь же двора по сравнению с укрепленной башней была относительно невелика и, как правило, плотно застроена. Эволюция шла по пути усиления неприступности самого укрепления, а также сжатия и уплотнения дворовой части.

Проследивая на этом примере развитие архитектурно-градостроительной мысли древних, можно заключить, что первоначально заданная модель укрепленного города и селения в виде каре стен с цитаделью в центре постепенно развивалась и упрощалась, идя по пути изменения и топологической редукции изначально заданного прототипа. Это происходило в основном за счет сокращения огражденной площади, которая в замке была превращена в массив жилой застройки, примыкавший к башне самого сооружения. Явление постепенной редукции и вырождения типа хорошо известно по нумизматике, когда с уменьшением веса монет происходит вырождение самого типа. Нечто близкое можно наблюдать и в типологии других категорий материальной культуры.

С другой стороны, градация размеров всех типов этих поселений указывает на то, что мышление древних жителей Нахшаба в вопросах социально-поселенческих систем было

категорийным, они оперировали понятием архитектурно-градостроительной модели, которая со временем эволюционировала, но одна и та же модель воспроизводилась как при сооружении крупного центра или замка, так и при возведении небольшого селения или усадьбы, отличаясь лишь размерами в соответствии с властью, богатством и статусом владельца или правителя конкретного населенного пункта. Все это отвечало структуре общества, оставившего эти поселения.

Данный тезис подтверждается сравнительным однообразием дошедшей до нас терминологии древних и раннесредневековых поселений: «кед», «кат» в значении «дом» и «кент», «канд»—«город», «укрепленное селение». И поскольку в аграрном по сути древнем обществе не было особого противопоставления города деревне, столь растяжимые понятия, как «кат» и «канд» обозначали укрепленные поселения и города разнообразного масштаба, что можно заметить и по средневековым топонимам.

Так, в средневековом Чаче основные топонимы были образованы с помощью производных от слова «кет»: Бинкет, Харашкет, Тункет, Дахкет и другие, площади которых колеблются от сотен до 10 и менее гектаров (Буряков Ю. Ф., 1982. С. 146).

В самом Нахшабе для средневековья, помимо термина «кет», зафиксированного, в частности, в названии Ширкет, упоминаются селения с производным от «диз»—Сакбадиза, Фархурдиза, указывающие на крепостной характер их генезиса. Новые города и поселения имели планировку и структуру, характерную для своей эпохи, а более древние продолжали обживаться в пределах своих стен. При этом, если первоначальные поселения возводились на пустом месте и имели правильную геометрическую форму, в которой была предусмотрена основная инфраструктура их жизнедеятельности, то в последующую эпоху города и поселения формировались в зависимости от полученной ими в наследство социально-поселенческой системы, что у развивавшихся тогда средневековых городов прежде всего выражалось в формировании новой торгово-ремесленной инфраструктуры вокруг более раннего ядра.

Крупные сложные города являли собой результат наложения хронологически разных типов поселений. Так, средневековый Несеф на Шулликтепа в своем развитии прошел путь от стадии большого укрепленного селения до крупного замка, который после падения столицы на Еркургане стал регулятором водораспределения основных раннесредневековых оросителей оазиса. Его роль в этом сопоставима с Варагсаром на Даргоне, некогда орошавшем Самарканд. В IX—X вв. Несеф перешел в разряд крупных средневековых городов.

Факторы развития урбанизма Несефа в то время были иными, но основу столичного по-

ложения в оазисе обеспечила его роль главного водораспределителя оазиса в преарабское время.

В каждой последующей эпохе поселения более ранних типов, продолжавшие обживаться, никогда не сохраняли прежний характер своих функций целиком. Мелкие могли превращаться в центральное ядро развивавшихся городков, а крупные забрасываться, становясь рядовыми сельскими поселениями.

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ И УРБАНИЗАЦИИ НАХШАБА

Процесс формирования социально-поселенческих структур Южного Согда является частью становления систем поселений и урбанизированной оазисной культуры всего Согда и таких сопредельных его областей как Бактрия, Маргиана, Хорезм и Чач. Структура расселения региона или оазиса, формировавшаяся на протяжении жизни многих поколений, отражала постоянное взаимодействие общества с земельноводными и экологическими ресурсами осваивавшейся и обживавшейся тогда территории.

Сила, заставлявшая людей создавать скопления домов и поселений, координировавшаяся властью, действовала до определенного предела, когда оказывались исчерпанными жизненные ресурсы зоны обживания, а это наступало довольно быстро за счет демографического, естественного в своей основе, роста населения, сконцентрированного в поселении или системе поселений. Здесь безусловно начинали преобладать центробежные силы рассеяния населения и их поселений. Таким образом, взаимодействие этих противоположных тенденций служило двигателем развития поселенческих систем.

Рассмотрим по выделенным нами основным периодам процесс становления структуры поселенческих систем Нахшаба и Гузара.

ЗАРОЖДЕНИЕ ОАЗИСА И ЕГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОРОДА (VIII—IV вв. до н. э.)

Для эволюции структуры поселенческой системы Каршинского оазиса характерно постепенное и стабильное ее развитие путем увеличения количества поселений, усложнения их типов и установления между ними различных связей.

На сегодня складывается довольно убедительная картина того, что наиболее ранние памятники оседлоземледельческой культуры, послужившие исторической базой в сложении ранних городов Бактрии и Согда, были связаны с раннеземледельческими центрами Южной Туркмении и Афганистана (Массон В. М., 1982 а. С. 10; Аскарлов А. А., 1977. С. 155). Причем открытие поселения Саразм в верховьях Зарафшана, обнаружившего в наиболее

древних своих слоях ближайшие аналогии с материалами энеолита Геоксюр I (Исаков А. И., 1982), указывает на то, что в эпоху энеолита территория предгорных районов Согда непосредственно входила в зону распространения раннеземледельческих очагов оседлого земледелия и, надо полагать, Саразм не представлял тогда собой единичный случай. Таким образом, Согд можно считать северной границей распространения оседлоземледельческой культуры уже с эпохи энеолита, так как оседлоземледельческая культура более северных оазисов Ферганы и Чача была сформирована позже—при переходе от бронзового к раннежелезному веку.

Для Согда поры ранней бронзы известна и самобытная Заманбабинская культура земледельческо-скотоводческого типа, распространенная в низовьях р. Зарафшан (Гулямов Я. Г. и др., 1966), развивавшаяся в тесном контакте и под влиянием оседлоземледельческих поселений Бактрии, Маргианы и, возможно, аналогичной культуры самого Согда. Однако на территории собственно Согда мы не наблюдаем перерастания пунктов вышеупомянутых культур эпохи бронзы в организмы раннегородского типа. Племена, давшие начало согдийскому этнониму и топониму, были, видимо, родственны племенам Северной Бактрии—наследникам древней и богатой протогородской традиции. Раннежелезный век характеризовался в Бактрии переходом к мелкооазисной системе расселения и распространением лепной керамики, украшенной пестрой росписью. Сам переход к новой системе расселения, сопровождавшийся глубокими изменениями в культуре, обычно объясняется миграционными процессами (Сагдуллаев А. С., 1989а. С. 24). Как отмечает Ш. Б. Шайдуллаев, возможно, это было связано с глубокими изменениями в самой общественной структуре населения Бактрии, которое в процессе перехода к эпохе раннежелезного века вело широкую колонизаторскую деятельность, создавая микрооазисы на неосвоенных территориях Бактрии (Шайдуллаев Ш. Б., 1992). Появление серии поселений раннежелезного века на ближайших к Северной Бактрии границах Южного Согда, прежде всего в бассейне Яккабагдары, через которую шли традиционные пути, соединявшие Бактрию и Согд, А. С. Сагдуллаев связывает с бактрийским импульсом (Сагдуллаев А. С., 1987а. С. 13; Его же, 1989 б).

Типичным для поры раннежелезного века были небольшие, сильно укрепленные цитадели или монументальные сооружения на высоких кирпичных платформах с расселением самих жителей в неукрепленных усадьбах и домах вокруг этого центра. Это, в частности, Кучуктепа в Северной Бактрии, Яздепе в Мервском оазисе, Улугдепе и Кокадепе I в Парфии и Тиллятепе в Шиберганском оазисе (ДГКСА, гл 7—8).

Вскрытия Тиллятепе и Кутлугдепе пока-

зали, что на этих укрепленных платформах обычно возводились культовые святыни (Сарианиди В. И., 1977б. С. 217, сл.). В эпоху раннежелезного века наряду с данным типом поселения, характерного именно для первой половины I тысячелетия до н. э., имели широкое распространение поселения, укрепленные стенами, подобные Кызылтапа в долине Сурхандарьи и Дальверзину в Ферганской долине, а также такие неукрепленные, обширные и плотно застроенные поселения, как, в частности, Яссыдепе в Парфии (Сагдуллаев А. С., 1989. С. 17—18; Гутлыев Г., 1977).

Результаты последних работ на Афрасиабе в Самарканде, позволившие удревнить датировку основания города до VIII—VII вв. до н. э., и открытие городища Коктепа в 30 км к западу от Самарканда (площадью более 100 га, возникшее одновременно с Самаркандом) в корне меняют наши представления о процессах урбанизации Согда эпохи раннежелезного века (Исамиддинов М. Х., 1997). Не исключено, что возникновение крупнейших городских центров в эпоху раннежелезного века в Самаркандском оазисе было результатом сложения согдийской государственности.

Изучая поселения эпохи раннежелезного века, мы можем проследить за непрерывным процессом становления урбанизированной культуры Южного Согда и в предгорьях Гиссарского хребта, верхнем течении Кашкадарьи и в Каршинском оазисе (Сагдуллаев А. С., 1989а. С. 17, сл.; Исамиддинов М. Х., Раимкулов А., 1990).

Первым памятником эпохи раннежелезного века, открытым в долине Кашкадарьи, было Чиракчинское поселение, затем были зафиксированы слои раннежелезного века в основании культурных отложений городища Еркурган, а в последние годы сотрудниками кафедры археологии ТашГУ обнаружено более десятка поселений раннежелезного века в Яккабагском районе Кашкадарьинской области. Предварительное типологическое их изучение было произведено А. С. Сагдуллаевым (Сагдуллаев А. С., 1984), на основании которого он выделил два типа поселений: окруженных прямоугольной или округлой в плане стеной площадью от четверти до двух гектаров и неукрепленные рассредоточенные поселения с небольшими укреплениями в виде массивного бугра. Затем был открыт и продолжает изучаться первый по времени столичный город Кеша — городище Узункыр площадью 70 га. Раскопки оборонительных его стен показали, что они были возведены не позже VII в. до н. э. Он обживался до эпохи эллинизма, затем столичный центр был перенесен на место г. Китаб. На Чиракчинском поселении были обнаружены лишь остатки нижней части культурных отложений в виде тонкого культурного слоя и хозяйственных ям с керамикой, костями животных и отдельными изделиями из камня (Дуке Х. И., 1982). На Еркургане слои и отдельные переотложенные

находки этого времени были встречены весьма широко, практически на большей части городища, что указывает на наличие здесь некогда довольно крупного рассредоточенного поселения, связанного с первыми оросительными сооружениями, бравшими свое начало из естественного протока Кашкадарьи Рудаксай, протекавшего восточнее Еркургана.

Слои VIII—VII вв. до н. э. достигали местами в центре городища полуметра. На поселении, судя по зоне рассеяния подъемных черепков той поры, имевшем площадь в несколько десятков гектаров, дома и хозяйства жильцов, видимо, перемежались с их посевами и садами. Это был первоначальный зачаток как самого оазиса, так и его центрального города. Первая фаза сложения столичного центра древнего Нахшаба датируется VIII—VII вв. до н. э.

При раскопках в 1999 г. на специальном стратиграфическом раскопе на квартале керамистов (Р-13) была открыта еще одна оборонительная стена. Она находится в пределах стены города, построенной в VI в. до н. э., и была целиком погребена под более поздними культурными отложениями. Это самая ранняя стена города VIII—VII вв. до н. э., внутренняя стена, которую мы считали первой, оказалась второй по времени.

В VI в. до н. э. первоначальный город был обнесен упомянутой асимметричной в плане подквадратной стеной, а в центре возведены монументальные сооружения. По крайней мере, как показал зондаж на храмовом комплексе Еркургана, самое раннее монументальное сооружение на этом месте было возведено одновременно и из кирпичей того же типа, что и оборонительная стена города VI в. до н. э. Этим же временем датируется и формирование квартала кузнецов к югу от стен города.

Открытая в 1999 г. самая ранняя оборонительная стена Еркургана указывает на то, что этот первоначальный город Нахшаба или укрепленное поселение было по площади меньше масштабов города середины I тысячелетия до н. э. в пределах сохранившейся внутренней его стены. Принципиальное значение этого древнейшего оборонительного сооружения Еркургана, имевшего более 5 м толщиной у основания, заключается в том, что она вместе с наиболее ранними стенами Узункыра, Афрасиаба и Коктепа датируется не позже VII в. до н. э., а эти оборонительные сооружения свидетельствуют о сложившейся государственности и начале урбанизации в Согде эпохи раннежелезного века задолго до его включения в империю Ахеменидов.

Городское поселение, превратившееся в столичный город, находилось между основным руслом Кашкадарьи и крупным северным боковым протоком, известным в средневековье под названием Рудаксай, от которого к Еркургану, видимо, и были отведены оросители.

Близость реки гарантировала эффективный дренаж излишней влаги.

К середине I тысячелетия до н. э. в условиях плоского, обширного, пересеченного многими крупными и мелкими протоками ландшафта дельты Кашкадарьи, контуры оазиса еще только намечались. Экспедицией было выявлено несколько теп с материалами этого времени, а также одно небольшое стерильное поселение V в. до н. э. Караултепа, располагавшееся на юго-западной окраине оазиса. Архитектурных остатков на нем не обнаружено. Невысокий холм около 50 м в диаметре имел тонкий гумусированный культурный слой с обломками крупной тарной керамики и большим количеством зернотерок, что указывает на его зерноводческую специализацию. Находки черепков той поры отмечены на четырех пунктах каршинского оазиса и отдельных поселениях бассейна Гузардарьи. Видимо, подобных пунктов было больше, но они не сохранились. Судя по материалам Караултепа, эти пункты не были самостоятельными стационарными поселениями. Они являлись аграрными придатками Еркургана, его земледельческими усадьбами или хозяйствами, располагавшимися на удобных для орошения участках, часть из которых могла обживаться сезонно.

Таким образом, первоначально Еркурган—это если не город-государство, то город-община. Городов или крупных селений, аналогичных Еркургану, в оазисе пока не было. Контуры оазиса еще не очерчены, а для структуры поселений характерна двухуровневая градация: центр и мелкие земледельческие усадьбы или хуторки. Между ними налицо прямые, радиального характера связи. Большие размеры первоначального Еркургана объясняются не только его ролью убежища для населения всего оазиса, как принято толковать крупные размеры городищ Средней Азии той поры, но и тем, что эти города обеспечивали урбанистические функции своих оазисов, будучи центрами и единственными основными их поселениями в одно и то же время.

К VIII—V вв. до н. э. относится появление крупных древних городов по всей Средней Азии: Самарканда на городище Афрасиаб, Елькендепе и Эрккала в Южной Туркмении, Бактры, Емшидепе и Алтын-Диляр в Бактрии, городища Эйлатан в Ферганской долине и Кюзелигыр в Хорезме. Сюда же можно включить и крупное городище Коктепа в 30 км западнее Самарканда, недавно передатированное эпохой раннежелезного века. Это были города и столичные центры сложившихся и складывавшихся оазисов Средней Азии, располагавшиеся в дельтовых частях крупных речных притоков Амударьи и Сырдарьи. Есть основания предполагать, что уже с VII в. до н.э. Согд мог иметь культурные и экономические связи с Мидией (Дьяконов И. М., 1956. С. 358). Самарканд, Узункыр и Еркурган не только дали отдельные находки керамики VIII—VII

вв. до н. э., но, судя по всему, в то же время начали укрепляться оборонительными стенами. Этим периодом датируется и сложение второго крупного в Самаркандском оазисе города на Коктепа. Он обживался еще при Александре Македонском и, возможно, именно он упомянут историками, описывающими борьбу последнего со Спитаменом, как Базиля — Царский город.

Другие поселения. Когда эпохи раннежелезного века, даже такие крупные из них, как Даратеп (10 га), не переросли в города в силу узости земледельческой базы, из-за ограниченности дебита воды или большой трудоемкости при ее использовании для искусственного орошения в силу особенностей рельефа предгорной зоны; со временем они были оставлены, как это наблюдается на поселениях в долинах Яккабагдарьи (Сагдуллаев А. С., 1984).

Не исключено также, что в обезлюдении поселений раннежелезного века бассейна Яккабагдарьи сыграла роль и политика синойкизма, или организованной концентрации населения в середине I тысячелетия до н. э. на Еркургане и других крупных городах Южного Согда—центрах новых оазисов, базировавшихся на более крупных водных источниках. О том, что политика синойкизма была, видимо, методом организации новых городов в древней Средней Азии и позже, свидетельствует и строительство городов Александром на берегу Сырдарьи, когда жители окрестных поселений были переселены в эти города (Арриан, IV, 4,1; Курций, VII, 6, 25, 27).

В градостроительстве и урбанизации древнего Востока велика была роль культовых центров, храмы издревле являлись важнейшими организующими и регулирующими центрами общественной жизни (Adams R. C., 1981. Р. 266, сл.). Определение Б. Брентьеса архитектурных комплексов городищ Дашлы 3 в качестве церемониальных центров звучит вполне убедительно, и эту традицию можно проследить и позже в священной столице Мидии Хакмадане, далее—в Персеполе и парфянском городе Михрдаткерте на Новой Нисе. Гигантским культовым заповедником был дворец и его большая, так называемая церемониальная, ограда, равная по площади городу Топраккала в древнем Хорезме. Ниже подробнее остановимся на архитектуре перечисленных памятников.

Храмовые города были широко распространены в древнем мире и западнее Ирана, достаточно перечислить Дельфы и Олимпию в Греции, Коману и Зелу в Понте, город храма матери богов в Писинунте и др. Крупнейшим храмовым городом Колхиды был Вани (ДГКСА. С. 15; Лордкипанидзе Д. Д., 1992). Храмовым городом семитического божества Солнца Шамаша была и Хатра в Сирии (Шифман И. Ш., 1985; Шлюмберже Д., 1985. С. 111, с.).

Жилища и дома племен, построивших

комплексы Дашлы 3 и Тоголок, сохранились плохо, но их обширные ритуально-культовые центры, служившие идеологической координации общественной жизни, хорошо известны благодаря раскопкам В. И. Сарияниди (Сарияниди В. И., 19776).

На смену этим обширным и неукрепленным ритуальным центрам эпохи поздней бронзы пришли мелкие укрепленные цитадели на высоких платформах культуры крашеной керамики раннежелезного века. Это уже упомянутые Кучуктепа, Яздепе, Тиллятепе и др. Вокруг обычно находилось неукрепленное поселение. Это была эпоха господства мелких царей — жрецов, представителей зарождавшейся аристократии древнего Турана. Но, как показали раскопки Тиллятепе и Кутлугдепе, зачастую на верхней площадке этих цитаделей также возводились ритуальные комплексы со следами культа огня.

По существу, Кюзелигыр и Чирикрат в Приаралье, первоначальная структура которых достаточно известна, тоже представляют собой культовые центры мемориального характера, окруженные оборонительной стеной. Обширные же площади в пределах этих стен в дальнейшем, видимо, предполагалось застроить. Как показало изучение Афраснаба и Еркургана, лишь после возведения обложки города в виде стен и центральных узлов наподобие храмов и дворцов, что осуществлялось под руководством властей, городской организм начинал обрастать жилыми, производственными, торговыми строениями и кварталами. Таким образом, в этом случае идеологические центры обретали для развивающегося оазиса военно-политическое, а затем и административно-экономическое значение. В основе этих процессов лежала социально-экономическая консолидация племен Средней Азии, которые по мере освоения того или иного оазиса трансформировались в народы, о которых в дальнейшем сообщают источники.

С самого начала эти города возникали как организаторы и стимуляторы развития оазисов на базе орошаемого земледелия. Таким образом, происходил постепенный переход от первоначального церемониального центра, где зачастую храм, дворец или центр поселения были слиты в едином сооружении, к более развитому типу города, где храм, цитадель и дворец уже отделяются, однако значение культового центра в жизни древних городов сохранялось еще долгое время, примером чему служат сасанидский Фирузабад (Huff D., 1993. P. 56, сл.) или мусульманская Мекка-Байт-Аллах, да и в средневековье обычно городом могло считаться не каждое крупное поселение, а лишь то, в котором находилась соборная мечеть с минбаром.

Работа С. П. Толстова «Древний Хорезм» послужила толчком к поиску материального воплощения авестийской мифологии о Варе Йимы-Джамшида. Прообразы или воплоще-

ние модели Вары усматривались в поселениях эпохи бронзы Сапаллитепа, Арканме и др. (Аскарлов А. А., 1973. С. 136; Гуревич Л. Л., 1985; Его же, 1992).

Однако весьма ранний возраст этого древнейшего сюжета о происхождении живого мира, континентального индоевропейского аналога Ноева Ковчега, видимо, уже во времена самого Заратуштры — древнего мифа об авестийском культурном герое, превратившемся в божество, делается попытки опознания на каких-либо архитектурных комплексах эпохи бронзы или раннежелезного века конкретных признаков Вары Джамшида, приведенных в Видевдате, малоуспешными. Идея планировки Вары, «красные, пылающие огни», могла каким-то образом отразиться в местной трактовке строителей храма Джаркутана или комплексов Дашлы 3, имевших в центре алтари огня. Но, надо полагать, для более близкого воплощения идеи и конструкций священной Вары в известных нам древних городах Центральной Азии, видимо, нет оснований.

И, тем не менее, древние города являлись культовыми центрами, где на календарные празднества собирались если не все, то основное население деревень и усадеб, находившихся в зоне влияния главного храмового центра. О том, что это было именно так уже с эпохи поздней бронзы, свидетельствует полное отсутствие культовых сооружений на укрепленном поселении Сапаллитепа, синхронном раннегородскому центру Джаркутану и, видимо, ему подчинявшемуся (Аскарлов А. А., 1973; Ширинов Т. Ш., 1993).

О том, что культовым центром древнего Нахшаба был храмовый комплекс Еркургана, свидетельствуют остатки священной террасы, открытой в самой нижней части храмового комплекса городища. Предполагается, что величественный комплекс Персеполя тоже служил для ритуальных празднеств представителей всех стран и сатрапий Ахеменидской империи в день Навруза. Аналогичным было назначение и крито-микенских дворцовых комплексов (Андреев Ю. В., 1988). На центральные святыни Эллады также в дни празднеств и олимпиад собиралось все взрослое население полисов.

Однако в VI—V вв. до н.э. храм был, хотя и важным, но уже не основным фактором градостроительства. Насущные нужды экономического развития, необходимость освоения новых, более крупных земельно-водных ресурсов, отвечавших потребностям развивавшегося государства, стимулировали широкое градостроительство, освоение новых земель и создание крупных оазисов в аллювиальной зоне Средней Азии конца раннежелезного века. Для Средней Азии в условиях речных дельтовых оазисов это ирригационное земледелие требовало сильной центральной власти для организации ресурсов общества по созда-

нию и поддержанию оросительной сети, что, наряду с фискальной налоговой функцией, являлось важнейшей функцией восточных государств.

Еркурган, как Кюзелигыр, Афрасиаб и другие крупные города той поры, был укрепленным военно-политическим и административным центром оазиса, обеспечивавшим развитие орошаемого земледелия с перспективой на далекое будущее. Наверняка жители Еркургана, продолжая традиции предшествовавшего раннегородского поселения, не только владели землей, но и по большей части сами обрабатывали ее в округе города. В древности сельская городская округа достигала в радиусе 5 км (Вейнберг И. П., 1973. С. 150, сл.). В Согде, как показали раскопки последних лет в Самарканде, строительство крупных городов началось с VIII—VII вв. до н. э. (Иневаткина О. Н., 1995. С. 21). Мусульманская историческая традиция относит возведение стен и акрополя Самарканда ко времени Гуштаспа (Навои А., т. XIV, 187—200 бетлар). Но с включением оазисов Средней Азии в империю Ахеменидов, внутренняя политика которой базировалась на центрах сатрапий, являвшихся основной структурой эксплуатации и управления этого царства стран, оборона урбанистических центров стала обретать особое значение. Возведение и реконструкция укреплений вокруг складывавшихся тогда городов относятся именно к VI—IV вв. до н. э. Это отмечается на Емшидепе, Алтын-Диляре, городище Балха, Афрасиабе, Еркургане, Кюзелигыре и Калалыгыре. Иначе говоря, политический фактор был решающим в формировании центров древних оазисов в середине I тысячелетия до н.э. Царь царей считался юридическим владельцем всех земель империи, что было общепринятой нормой в древнем мире (Тарн В., 1949. С. 174).

Наряду с вышеупомянутыми церемониальными и культовыми центрами и небольшими поселениями раннежелезного века, которые были или заброшены, или оставались селениями, так и не переросшими в города, лишь единицы, подобно Еркургану или Елькендепе, также обведенному оборонительной стеной в середине I тысячелетия до н. э., благодаря выгодному расположению в районах, достаточно обеспеченных земельно-водными ресурсами, переросли в крупные города. В Хорезме, на Кюзелигыре и Чирикрабаде города формировались вокруг мемориальных святынь — погребальных сооружений племенных вождей. Калалыгыр, Алтын-Диляр и Эрккала возводились на новом месте как центры уже складывавшихся или проектировавшихся оазисов. Емшидепе как город нового типа ахеменидской поры начал строиться неподалеку от древнего культового центра Тиллятепе с неукрепленным поселением вокруг храма этого времени. В тот же период стали складываться укрепленные пограничные поселения и на берегу среднего

течения Сырдарьи (Беляева Т. В., 1990 б. С. 76—85). Это была пора кардинальной реконструкции и расширения социально-поселенческих структур Средней Азии, включенной в орбиту политики и экономических связей самой большой империи древнего мира, которая завершала длительную начальную стадию урбаногенеза городков и культовых центров микрооазисов, оазисных племенных объединений, перераставших в государства.

Начиная с эпохи зарождения крупных городов — центров земледельческих оазисов, в середине I тысячелетия до н.э. стали появляться и развиваться их региональные отличия. Так, если сравнить планировку внешних стен крупных городов и укрепленных поселений бассейна Амударьи и Сырдарьи второй половины I тысячелетия до н. э., то выявляется, что на юге в оазисах левобережья Амударьи преобладали круглые в плане города и крепости (Бактры, Алтын-Диляр, Емшидепе, Елькендепе, Эрккала), многие из которых имели в центре цитадели или монументальные сооружения на высоких платформах. Корни их типологии уходят вглубь веков (Сарианиди В. И., 1977а. С. 35, сл.), а по территории правобережья Амударьи, в Приаралье и оазисах бассейна Сырдарьи начали строиться города прямоугольного плана; их дворцовые и другие общественные комплексы не были обособлены в форме цитаделей на высоких кирпичных цоколях (Қызылтепа, Еркурган, Эйлатан, Калалыгыр и такие более поздние, как Қушнакала, Зартепа, Мархамат и др.). К первой группе круглых поселений относятся также Галашкан с Чирикрабатом, хотя первое было расположено в левобережной части Бактрии ахеменидской поры, а второе — в низовьях Сырдарьи (Толстов С. П., 1962; Ртвеладзе Э. В., Пидяев Т. Р., 1993). Городище Чирикрат имеет округлую планировку контура стен, но они окружают овальный холм, на вершине которого находились курганы вождей.

Кроме того, как в Средней Азии, так и в Иране возводились города в условиях пересеченного ландшафта с использованием особенностей местности. Обычно в таких случаях город сооружался на мысе или участках надпойменных террас, ограниченных с двух-трех сторон оврагами; в данном случае город с напольной стороны окружали мощные стены. К городам такого типа можно отнести древний Самарканд на Афрасиабе и Персеполь.

Способ сооружения городов в условиях пересеченного рельефа при создании систем фортификации с искусным использованием естественных оврагов при возведении оборонительных стен был известен и грекам, о чем свидетельствует топография городища Ай-Ханум в эллинистическое время.

Начиная с IV—III вв. до н. э. круглые в плане города стали проникать на север Сред-

ней Азии и, наоборот, города подпрямоугольного плана начали появляться в Бактрии и Мерве. Это, в частности, Кой-Крылганкала и Топраккала Шаватская (Мамбетуллаев М., 1986) в Приаралье, прямоугольники внешних стен Гяуркалы Мерва и Дильберджина. В последнем случае характерна высокая цитадель в центре города, в основании которой в греко-бактрийское время была замурована круглая в плане крепость ахеменидской поры. Этот прием, когда цитадель возводилась на стилобате, под которым были погребены более ранние монументальные сооружения, позже получил широкое распространение в Средней Азии и привел к кушанской эпохи к повсеместному строительству цитаделей на высоких платформах.

То, что большинство крупных городов середины I тысячелетия до н. э. на юге Средней Азии имели круглый план, указывает на господство здесь в этот период определенной традиции в градостроительстве, генетически восходящей, видимо, к планировке сооружений типа Дашлы 3.

Таким образом, наличие круговой или осевой симметрии при возведении древних городов, генетически восходящих к культовой символике раннеурбанистических организмов, в полной мере проявилось и при сложении столичных центров основных земледельческих оазисов Средней Азии середины I тысячелетия до н. э. и позже. Традицию возведения круглых городов с культовой святыней в центре продолжили парфянские города (Stein A., 1936. P. 191; Кошеленко Г. А., 1966. С. 63), а позже — сасанидские (Ардаширхур и др.) (Huff D., 1993. P. 56).

Однако в Западном Иране города круглой планировки имели уже свой прототип в легендарной Экбатане Геродота, окруженной семью рядами круглых стен, окрашенных в семь цветов (Бартольд В. В., 1971. С. 422), хотя И. М. Дьяконов полагает, что сведения Геродота о Экбатане должны относиться к дворцу правителя Мидии (Дьяконов И. М., 1956. С. 185, 411). Считается, что округлые в плане города в Южном Афганистане возникли после появления там сакских племен (Haskin J. и др., 1959. С. 25, сл.).

Семантика символики круглых городов и архитектурных комплексов в контексте древнеиранской и индоевропейской мифологии в свое время достаточно полно была освещена в работе Л. А. Лелекова (1972).

Что касается Еркургана, то здесь следует сказать, что квадратная по идее планировка была деформирована стремлением охватить более раннее укрепленное поселение, сформировавшееся относительно оросительной сети. Аналогичную искаженную планировку позже обрела квадратная в основе схема внешних стен селевкидской Гяуркалы Мерва из-за канала Разик (Филанович М. И., 1974. С. 37).

Что касается внутренней структуры города VI—V вв. до н. э., то нам достоверно известно лишь о наличии сакральной площадки в центре, возведенной из сырцового кирпича, и то, что кузнечное производство за внутренней стеной города начало функционировать со времени его зарождения.

В целом о городах Средней Азии той поры можно сказать, что по элементам внутренней структуры наиболее сложным представлялся Самарканд на Афрасиабе, где имелся обширный внутренний город — акрополь, в котором находился дворец правителя (Иневаткина О. Н., 1995). Об этом дворце и стенах акрополя, окруженных рвом, упоминается в трудах историков Александра Македонского в связи с событиями той трагической ночи, когда на пиру разгневанный царь собственноручно убил своего молочного брата Клита. Это событие, произошедшее во дворце Самарканда, нашло свое отражение в литературе (Ковалев С. И., 1940).

Акрополем городища Узункыр в Кеше было, видимо, Падаятктепа, отделенное от первого специальной стеной.

Выделенный акрополь с дворцом имелся уже в структуре раннего города эпохи поздней бронзы Джаркутана, от которого Афрасиаб отличается лишь большими размерами и наличием внешней оборонительной стены, что было знаменем новой эпохи.

Остальные города, возникшие в VI—V вв. до н. э., не были двухчастными, лишь в центре круглых городов Алтын-Диляр и Емшидепе имеются сравнительно небольшие цитадели (Кругликова И. Т., Сариниди В. И., 1976. С. 12; Кругликова И. Т., 1973. С. 104).

Что касается Кюзелигyra и Калалыгyra, то здесь выделялись своей монументальностью архитектуры лишь дворцовые комплексы.

Можно полагать, что и на Еркургане не было акрополя, но где-то мог быть дворцовый комплекс.

С точки зрения Аристотеля, жившего чуть позже сложения перечисленных городов и указывавшего на то, что наличие акрополя в полисе свидетельствует о монархической или олигархической власти (Аристотель, IV, 10, 4), казалось бы, что для других городов — столиц зарождавшихся оазисов Средней Азии, была характерна демократическая власть, когда стена окружала весь город. Но в данном случае фактически Самарканд и Узункыр были возведены не только до включения Средней Азии в состав древнеперсидской империи, но и до появления этой империи еще в мидийское время, и инициатором возведения безусловно главных в Согде городов была власть согдийской аристократии, которая и отделяла акрополь отдельной стеной.

На самом Еркургане до возведения второй внешней стены города роль акрополя мог играть город в пределах самой ранней стены, открытой в 1999 г. Что касается других горо-

дов, не имевших отделенных от основной части города акрополей и строившихся, видимо, не по инициативе аристократии, а под эгидой центральных властей, независимо от того, была ли это власть древнебактрийского, массагетского или ахеменидского царства, видимо, достаточно было дворцового комплекса в качестве административного органа города и области. Хотя и здесь Кюзелигыр, датируемый исследователями городища предахеменидским временем, является, видимо, самым первым городом в зоне Приаралья, также не имевшим акрополя. Укрепления греческих городов тоже не всегда отвечали схеме Аристотеля (Долгоруков В. С., 1982. С. 184—188).

При вопросе датировки материалов Хорезма архаического периода более раннее распространение квадратного формата сырцового кирпича и смена типологии керамики недавно достаточно аргументированно были объяснены Б. И. Вайнберг развитием связей напрямую с Ираном по руслу Узоя и Каспийскому морю, что привело к распространению отдельных признаков иранской материальной культуры со второй четверти или середины IV в. до н. э. (Вайнберг Б. И., 1991. С. 23, сл.). В Бактрии и Согде квадратный стандарт кирпича и типы керамики западных областей Ирана получили распространение лишь после Александра Македонского.

Еще одно существенное отличие, которое следует отметить между ранними и более поздними столичными городами в пределах VI—IV вв. до н. э., заключается в локализации их культовых центров. Если на Кюзелигыре, Чирикрате, да, видимо, и на Еркурате культовые комплексы занимали центральное положение в структуре города, а город Кеша на месте Узункыра имел культовый комплекс за стеной города на Сангиртепа, то на Калалыгыре, строившемся в IV в. до н. э., храм был включен в комплекс дворца (Раппопорт Ю. А., 1987), а на Бабиш-Мулле I, который тоже, как полагает Б. И. Вайнберг, был укрепленным центром позднеахеменидской сатрапии IV в. до н. э. (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. С. 33), мы видим так называемый Большой дом, окруженный квадратной в плане оборонительной стеной, т. е. центрическая его структура в принципе сходна с городищем Алтын-Дилыр с тем лишь отличием, что последний имел округлый план внешней стены. Можно полагать, что в обоих случаях и дворец, и храм были совмещены, т. е. храм был уже при дворце, что вполне отвечало бюрократическому духу правления позднеахеменидской сатрапии в то время, когда более ранние города еще продолжали архаическую традицию, ставившую в центр социальной жизни культовые комплексы. Еще С. П. Толстов отмечал, что если в центре самых ранних городов Хорезма были общинно-культовые сооружения, то позже, с рубежа н. э., централь-

ное ядро города образовала цитадель (Толстов С. П., 1948а. С. 275—276). Вот эти особенности древних городов Средней Азии и дают возможность судить о степени демократичности общественной жизни столичных городов древних оазисов в пору их сложения. Города, возведенные в конце ахеменидского правления, строились как административные центры.

Своеобразное решение этой проблемы недавно было выявлено на Гяуркале Мерва, где гигантский алтарь огня из сырцового кирпича был возведен непосредственно на оборонительной стене города на специально встроеной в стену площадке. Пламя огня, возвышавшегося на самой высшей точке стены, как полагает исследователь этого сооружения, должно было быть видно по всему древнемервскому оазису (Усманова З. И., 1993).

Характерная черта ранних городов — центров оазисов — их большие размеры. А. С. Сагдуллаев приводит размеры десятка основных городов той поры: это города в Бактрии и Согде площадью от 219 га у Самарканда до 13 га у Яздепа (Сагдуллаев А. С., 1989. С. 19). Сюда же следует добавить Кюзелигыр — 25 га, Калалыгыр — 70 и Елькендепе — 30 га. Крупных городов площадью не менее 100 га было много в то время и в западных провинциях Ирана (Adams R. M. C., 1965. С. 59). Особо крупные размеры имели синхронные города раннежелезного века лесостепной зоны; так, площадь территории Гелона на Бельском городище, огражденная стеной, составляла 4000 га (Шрамко Б. А., 1987). Площадь скифского города на Каменском городище равнялась 12 км² (Мелюкова А. И., 1965).

Для сравнения приведем площадь Трои — 9 га или Вавилона до возведения Навуходоносора внешней стены — 800 га (Грибов Р. А., 1962). Получается, что Бельское городище в пять раз превышало Вавилон в эпоху его расцвета, но Вавилон был плотно застроенным городом, а Гелон был не застроен. Основная его часть при необходимости служила убежищем для окружающих племен. Отдельные же участки, снабженные дополнительными стенами, имели застройку и постоянно обживались. Гелон был межплеменным центром (Шрамко Б. А., 1987. С. 164—185).

Являясь центром сельскохозяйственной округи, первые города Средней Азии, видимо, служили местом сходим всего населения оазиса при мобилизации ополчения или организации общественных работ, а также на периодические календарные празднества к культовым святыням в центре города. Эти города были в то же время крепостью и арсеналом, где, в случае опасности, могло укрыться все население редко заселенного в тот период оазиса; здесь же могли храниться необходимые запасы жизнеобеспечения населения. Источники сообщают о длительной осаде древ-

них городов Средней Азии начиная с Нина и кончая Александром Македонским.

При храмах и дворцах находились жреческая и светская аристократия и административный аппарат, регулировавший жизнедеятельность не только городской, но и всей оазисной общины. В этих городах концентрировались казна и гвардия правителей оазисов. Таким образом, города VIII—IV вв. до н. э. большой своей площадью прежде всего были рассчитаны на периодический сбор в своих стенах населения оазиса, проживавшего в разбросанных среди полей и посевов усадьбах и домах. Количество жителей самого города, горожан в нашем понимании, было, видимо, невелико. Таким образом, по масштабу города той поры следует судить не о количестве его жителей, а о потенциале всего оазиса. Жизнедеятельность жителей оазиса той поры и их взаимодействие опосредовались городом. Участие в строительстве его стен и культовых сооружений принимали, видимо, все жители оазиса.

На этой стадии, когда первоначальные крупные города возводились в качестве зародышей еще не сформировавшихся оазисов, преобладали центростремительные тенденции, концентрация существовавшего людского потенциала в центрах. Эта сила сплачивала население оазиса до тех пор, пока не оказывались полностью освоенными земельно-водные ресурсы в ближайшей округе города, вслед за чем в развитии социально-поселенческой системы начинали превалировать центробежные силы.

Говорить о поселениях в сельской округе того времени не приходится, поскольку она состояла из отдельных усадеб и домов. Позже структуру сельских поселений стимулировал городской центр оазиса. О распределении усадеб Каршинского или Гузарского оазисов VI—IV вв. до н. э. у нас пока нет данных, кроме предположения о том, что находки черепков той поры на отдельных тепа и городищах (тепа № 31, 310, 323, 410, 411 в Каршинском оазисе, № 57, 68, 104 — в Гузарском) свидетельствуют о том, что в нижних слоях этих памятников залегают остатки первых усадеб или хозяйств оазиса. Несомненно, их было больше, а остатки единственного стерильного и, к сожалению, разрушенного хозяйства Караултепа (№ 310) на юго-западной окраине Каршинского оазиса были уже нами достаточно полно охарактеризованы.

Небезынтересно, что в нем также не было обнаружено остатков домостроений. Памятник в сохранившейся своей части состоял из тонкого гумусированного культурного горизонта и массы зернотерок и курантов, что указывает на его зерноводческий характер. Состав находок, сводящихся к большому количеству крупных зернотерок и фрагментов тарной керамической посуды, наводит нас на мысль, что это мог быть пункт по сбору и переработке зерновой продукции от какого-то крупного хозяй-

ства. Можно ли назвать продукцию этого хозяйства товарной? Несомненно, десятки зернотерок для усадьбы общей площадью около 150 м² были ни к чему. Скорее всего, здесь, при слабом развитии местного рынка, мы имеем параллель крепостничеству, когда производство прибавочного продукта сельского хозяйства повсюду активно стимулировалось центральной властью (Дандамаев М. М., Луконин В. Г., 1980. С. 186, сл.), что обеспечивало гигантские поступления в казну Ахеменидов, исчислявшиеся сотнями и тысячами талантов, за счет чего велись разорительные войны и возводились величественные монументы.

Это было поселение, хозяева которого производили не только зерно, но и здесь же превращали его в муку, которая, видимо, уже реализовывалась, в отличие от так называемого «дома мукомола» Кызылтапа, находившегося в цитадели городища (Сагдуллаев А. С., 1989. С. 28). О том, что подобные мелкие хозяйства зерноводческого профиля были типичными для поселенческой структуры той поры, свидетельствует и Хирмантепа в Бактрии, совершенно аналогичный каршинскому Караултепа как по характеру, так и по составу находок (Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983. С. 75).

Обращает на себя внимание отсутствие развитого домостроения в городах, основная площадь которых доступна для изучения. В данном вопросе мы вынуждены вновь обратиться к стерильным остаткам Кюзелигера, Калалыгера и Бабиш-Муллы. В пределах стен этих городов не было отмечено остатков жилых строений или кварталов, если не считать 1—2-х рядов помещений вдоль южной стены Кюзелигера. Не отмечено следов кирпичных или пахсовых домостроений и в нижних частях многочисленных шурфов на Еркургане, где были вскрыты слои VI—IV вв. до н. э.

Видимо, первые города на ранних этапах своего существования имели легкие каркасные жилища, возможно, заглубленные на 0,5—1,0 м в нижней своей части. Аналогичного рода жилища достаточно широко были распространены и позже, в эллинистическую эпоху. Традиция легких каркасных жилищ, иногда углубленных в землю нижней своей частью, в Согде глубоко уходит корнями в эпоху бронзы культур заманбабинского типа (Гулямов Я. Г. и др., 1966. С. 129, сл.). В эпоху раннежелезного века они были характерны для Хорезма (Неразик Е. Е., 1976. С. 210), чустской и бугрулюкской культур, отмечены они в то же время на Нуртепа, Хантепа, а также в Бактрии на Талашкантепа. Легкие строения каркасного типа были и на Чиракчинском поселении той поры. Подобную жилую архитектуру дают и более поздние поселения III—II вв. до н. э., изученные в Каршинском и Гузарском оазисах.

Подобные архаические жилища были характерны и для Каменского городища скифов Причерноморья. Там были обнаружены следы от юрт (Высотская Т. Н., 1983. С. 8—9).

О том, что легкие палаточного типа жилища были известны и в городах классического древнего Востока, особенно в военных крепостях, свидетельствуют рельефы Санхериба с изображением подобной крепости, окруженной мощными наземными стенами с фланкирующими башнями и легкими жилищами типа юрты внутри (Calmeier P., 1974. P. 56—57). О городах Средней Азии с юртами внутри стен сообщают источники IX—XII вв. (Буряков Ю. Ф., 1975. С. 49).

Подобный же характер жилищ имели, возможно, и средневековые города монголов. В частности, стены джагатаидского Занджирсарая к северу от Каршинского оазиса ограждали большую площадь, в центре которой находился монументальный дворец. Возможно, остальная его территория была предназначена для юрт. В Хорезме эта традиция сохранялась до XX столетия. В частности, во внутреннем дворце Ичанкалы Хивы специально для ханской юрты была воздвигнута круглая платформа из жженого кирпича. И кажущуюся пустоту многих городов крепостей — кала древнего Хорезма, видимо, следует объяснить тем же; здесь, как и на Каменском городище скифов Причерноморья, тоже стояли легкие каркасные строения и юрты.

Остатков крупных многокомнатных усадеб, как в Хорезме или Бактрии того времени, в Южном Согде нами пока не обнаружено, хотя для Бухарского оазиса они известны (Мухамеджанов А. Р., Валиев П. С., 1977). Но, если судить по материалам упомянутых оазисов, то среди усадеб ахеменидской поры, а в Бактрии и раньше, намечалась определенная тенденция к их группировке в рассредоточенные поселения, подобно хуторам (Неразик Е. Е., 1976. С. 20, сл.; Сагдуллаев А. С., 1989. С. 34—35). В частности, крупная центральная усадьба VI—V вв. до н. э. Дингильдже в древнем Хорезме была окружена более мелкими домохозяйствами (Воробьева М. Г., 1973).

Подводя итоги начальному этапу градостроительства Нахшаба, следует подчеркнуть, что эти города не были, как раньше, центрами интеграции родовых поселков. Они были задуманы центральной властью в качестве эмбрионов целых оазисов и окружались немногочисленными на первых порах специализированными сельскохозяйственными усадьбами. Возможно, некоторые из них, как Карнултепа, носили сезонный характер. Жизнь формировавшейся сельской округи Нахшаба в тот период во всех отношениях была неразрывно связана с центральным укрепленным городом. Сельские усадьбы той поры могли не быть автономными административными единицами, а являлись, скорее всего, отдаленными от города загородными владениями если

не жителей города, то единой на первых порах оазисной общины, близкой, видимо, в организации отдельных сторон общественной жизни земледельческим общинам Ближнего Востока и ранним полисам Греции, интегрированным в состав древнеперсидского государства. Иначе говоря, оазис и город на том этапе представляли собой еще единую общину, но происхождение ее членов, видимо, было гетерогенным, что являлось неизбежным результатом синойкизма, и управляла ее жизнью, по всей вероятности, сословная аристократия, тесно сотрудничавшая, начиная с VI в. до н. э., с царской администрацией.

В связи с известными топонимами Ксениппы и Наутаки, обычно локализуемыми в Каршинском и Кешском оазисах (об этимологии топонима Ксениппы отмечается во вступлении Э. В. Ртвеладзе), далее следует остановиться и на термине «так», «така». Возможно, этот термин, наряду с «кан», «кент», также мог служить лексическим элементом в образовании топонимов бурно зарождавшихся городов и оазисов Средней Азии эпохи раннежелезного века. Кушанский топоним «Таксила», «Такшашила» и средневековый город «Так Языр» в Хорасане, возможно аналогичного происхождения. Паретака, упоминаемая в едином контексте с Наутакой, обозначала, возможно, не только город, но и область или сельскую округу.

Таким образом, в вопросе о начале урбанизации Каршинского оазиса и датировке его столичного города выделяется ранняя фаза, относящаяся к VIII—VII вв. до н. э. В то время на месте Еркургана существовало обширное рассредоточенное поселение, центральная часть которого была обнесена стенами, имело ли оно специальные общественные сооружения, мы не знаем.

РАЗВИТИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НАХШАВА ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ (КОНЕЦ IV В. ДО Н. Э.— III В. Н. Э.)

Поход Александра Македонского в Азию, **внесший существенные коррективы** в геополитическую ситуацию древнего мира и оказавший такое влияние на развитие культуры обширных областей Евразии и Северной Африки, последствия которого длились столетия, не мог не отразиться и на развитии поселенческих систем завоеванных им территорий. Оазисы Средней Азии были покорены Александром Македонским, но степь с ее неуловимыми всадниками, вооруженными прежде всего луком и стрелами, осталась непокоренной. Попытка усмирения степных кочевников стоила жизни одному из величайших полководцев древности Киру. Фактически позорно бежал из Причерноморских степей Дарий I, так и не добившись решающего сражения со скифами. Кочевые народы в конце концов ликвидировали сначала селевкидскую, а затем и греко-бактрийскую власть в Средней Азии.

Но, помимо этого, на всем протяжении власти греко-македонских династий в Средней Азии фактор степного окружения оказывал существенное влияние и на формирование социально-поселенческих систем оазисов, находившихся под эгидой эллинистических владык.

Прежде всего здесь это сказалось в строительстве Александрий, Селевкий, Антиохий — городов-крепостей, на которые опиралась военно-политическая власть греко-македонцев. Эту практику в свое время начинали Ахемениды. Историки Александра Македонского, помимо Кирэсхаты на крайнем северо-востоке империи, сообщают, в связи с событиями похода царя на зяксартских саков, о восстании семи укрепленных стенами городов на левом берегу Яксарта. Судя по контексту сообщения, где речь идет о стенах и о различных размерах этих городов, следует полагать, что, скорее всего, это были северные пограничные укрепленные пункты былой империи. Их остатки ныне изучены (Грицина А. А., 1990. С. 18, сл.; Беляева Т. В., 1990 б). В результате походов Александра Македонского им тоже на этом рубеже были основаны пограничные укрепления (Арриан, III, IV).

Но система власти эллинистических правителей, как уже отмечалось (Briant P., 1982), нарушала традиционное гармоническое взаимодействие двух хозяйственно-культурных типов: земледельческих общин речных долин и кочевников-скотоводов степей и гор, что вызывало борьбу с этим режимом. Это сказалось уже в процессе борьбы согдийцев с Александром, когда скифы активно поддерживали Спитамена.

Именно Александр начал широкую практику строительства городов — Александрий в качестве опорных пунктов среди ненадежного населения завоеванной Согдианы. В частности, по Курцию, Александр построил в окрестностях Мараканды, или Маргианы, шесть городов в качестве узды для покоренных племен, но, как замечает историк, ныне они, забыв о своем происхождении, служат тем, над кем когда-то господствовали (Курций, VII, X, 10, цит. по: Пьянков И. В., 1972. С. 19).

Продолжали строительство военизированных укрепленных колоний на Востоке и Селевкиды, со временем они превращались в полисы, как Дура-Европос, и интегрировали и окрестное население на положении неполноправных членов полиса (Cohen G., 1978. P. 243; Кошеленко Г. А., 1979. С. 292). Однако не все эллинистические поселения были укреплениями полицейского характера. Возводились и крупные города — столицы отдельных оазисов, примерами чему могут служить Ай-Ханум — Александрия Оксианская, как допускает П. Бернар (Bernard P., 1982), или Тахти-Сангин. В этом отношении эллинистические цари продолжали централизованную политику освоения и окультуривания земель и урбанизации Средней Азии.

Согдиана около полутора веков находи-

лась в составе государств Александра Македонского, Селевкидов и греко-бактрийских царей. Но гибкая политика Александра Македонского, который, благодаря своей интуиции, опираясь на традиции древневосточной деспотии, гармонически проводил линию интеграции полисной и древневосточной моделей государственного строительства и урбанизации, после смерти основателя сменилась более косной и близорукой, обычно прогреческой политикой диадохов и эпигонов. Суть этой политики четко определил Птоломей при обсуждении вопроса о престолонаследии после смерти Александра: «Конечно, сын Роксаны или Барсиной явится достойным отпрыском, чтобы **управлять** македонским народом, — сказал он, — однако Европе досадно будет называть имя того, кто в основном пленник. Стоило нам побеждать персов, чтобы служить их же народу» (Курций, X, 6, 13—14). Это была ориентация на старую греческую модель морской колонизации, которая в континентальных условиях Ближнего Востока, а тем более Средней Азии, оазисы и города которой с самого начала развивались под эгидой воинственных кочевых народов, была утопичной (Кошеленко Г. А., 1979. С. 181, сл.).

Отсутствие единства концепции дальнейшего развития в рядах наследников империи, раздираемых враждой и соперничеством, привело к окончательному краху дела Александра. Где-то на рубеже 180—170-х гг., во время царствования Евкратиды, Согдиана отпала от Греко-Бактрии, о чем свидетельствует сообщение Юстина о безуспешной борьбе последнего с согдианами, арахотами и другими народами, окружавшими Бактрию (Юстин, 6, 1—5). Возможно, северные районы Согды были утеряны еще Евтидемом. Безусловно, это произошло при самом активном участии тех скифских народов, которые позже сокрушили и саму Греко-Бактрию. Видимо, уже со второй четверти II в. до н. э. Согдиана входила в конфедерацию племен и народов под эгидой присырдарьинских племен, известных позже из китайских источников под названием Кангуй.

Однако на основании подманных фрагментов керамики отделить поселения III — начала II в. до н. э. от более поздних невозможно. Поэтому датировка обживания поселений Южного Согды периода античной поры разделена нами на III—I вв. до н. э. и I—III вв. н. э. III—I вв. до н. э. и характеризуются появлением мелких укрепленных городков и крепостей как в Каршинском, так и Гузарском оазисах. В подавляющем большинстве они имели вид квадратного или прямоугольного в плане укрепления 150—175 м по сторонам или меньше с подквадратной же цитаделью, располагавшейся в центре городища. Это был, видимо, результат целенаправленной градостроительной политики правительства, что ранее отмечалось для Бактрии кушанского времени (Массон В. М., 1974. С. 12).

Поселения данного типа, за исключением Киндиклитепа, не раскапывались и датированы на основании подъемного материала и, как указано в разделе о типологии поселений Южного Согда, наиболее ранние находки на них датируются первыми веками до н. э. и н. э.

Всего в Каршинском оазисе материалы III—I вв. до н. э. отмечены на 31 памятнике: 16 на правом берегу и 15 на левом берегу. В Гузарском оазисе пунктов с материалами той поры большинство; если сопоставить площадь Каршинского оазиса с Гузарским, то плотность обживания в первом окажется в четыре раза меньше, чем во втором, причем здесь нет, в основном, мелких точек (рис. 26, 28). Следует полагать, что это результат того, что Каршинский оазис интенсивнее осваивался в средние века, чем Гузарский, и остатки мелких поселений были погребены под массой средневековых памятников. Часть же в течение 2000-летнего последующего развития оазиса была просто сnivelирована и погребена под современной дневной поверхностью.

На Еркургане и Мудинтепа слои первых веков до н. э. залегают под дневной поверхностью на глубине до 4—5 м (Кабанов С. К., 1977. С. 22—23; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984. С. 15). Причем в большинстве случаев подъемные черепки той поры встречаются вместе с более поздними, т. е. здесь нижние слои, хотя и относятся к периоду до н. э., но конфигурация и типология поселений того времени неизвестны, в случаях же, когда материалы той поры найдены на тепа с площадкой, под ним явно залежали сnivelированные строения. Но сооружение городищ-крепостей подквадратного плана с укреплением в центре, на которых найден материал той эпохи, датируется тем же промежутком времени.

Городища с цитаделью в центре располагались цепочкой, шедшей дугой по западному краю оазиса. Были они и в центре оазиса, но подъемный материал на них датирован более поздним временем. Каждое городище или поселение данного типа располагалось в районе концевого веера крупного оросителя, действующего и по сей день. Так, Киндиклитепа (№ 158) находилось на арыке Негуз; № 467 — на арыке Пулаты; № 283 — на конце оросителя Касан (ранее оно, видимо, орошалось из Рудаксая); № 366 — на северной ветви арыка Денау; № 397 — на оросителе Денау; Каджартепа (№ 291) мог орошаться от южного ответвления арыка Денау или от арыка Фазли; Калаи Захоки Марон (№ 185) был связан с оросителем, шедшим когда-то по направлению современных каналов Карши и Файзабад.

В то время в оазисе складывалась трехуровневая система поселений, состоявшая из столичных Еркургана и Калаи Захоки Марона, крупных и малых укрепленных городков

и поселений на хвостовых частях основных оросителей оазиса, оконтуривавших его по краю, и мелких сельских усадеб земледельцев.

Восточная часть оазиса замыкалась горой Кунгуртау, на крайнем юго-западе оазиса строилась мощная крепость Калаи Захоки Марон, крайний северо-восток оазиса защищал город-крепость меньших масштабов Киндиклитепа.

В Гузарском оазисе тоже складывалась цепочка крепостей по периферии оазиса: Тулкитепа (№ 17), ближе к центру находилось наиболее крупное Ялпактепа (№ 9) площадью около 6 га. Далее к западу шли Мазартепа (№ 19) и Безымьянное (№ 92). Остальные поселения представлены остатками сохранившихся мелких усадеб, их чуть более 20, и подразделяются они на четыре небольшие группы по функционирующим и ныне основным оросителям Гузарского оазиса: Баташ, Ялпактепа, Джарарык и арыку Субах-Ханабад. Возможно, роль центрального городка в Гузарском оазисе играл Ялпактепа.

По долинам Большой и Малой Урадарьи обживалось около десятка усадеб. Таким образом, для структуры поселений Каршинского и Гузарского оазисов с самого начала складывалась система защиты цепочкой крепостей, располагавшихся по периферии возделанных земель. Эта система укреплений фактически выполняла ту же функцию, что и система распространившихся позже в Согда оборонительных стен оазисов. Имеется сообщение о сооружении подобной стены длиной 1 500 стадий Антиохом Сотером вокруг оазиса Мерва. Традиция сооружения подобных оборонительных валов уходит в более раннюю эпоху (Геродот, IV, 3). Новым для Средней Азии было появление ряда крепостей, окружавших оазис кольцом или дугой по периметру. Пунктирная линия этих укреплений, защищавшая оазис Нахшаба с севера, запада и юга, четко ограничивает контуры оазиса. Эти крепости располагались в хвостовых частях наиболее крупных протоков дельты Кашкадарьи, где, видимо, были возделанные поля и насаждения жителей этих укрепленных поселений.

Тенденция формирования системы расселения, характерная для Нахшаба, отличается от известной модели гексагональной решетки В. Кристаллера. Рассмотренный тип подпрямоугольных и квадратных в плане городков и поселений, составлявших среднее звено иерархии поселений по размерам, был характерен для зон крайних хвостовых частей оросителей, т. е. в местах, наиболее удобных для непосредственной утилизации мелких протоков дельты; одновременно по всей периферии оазиса они образовывали цепочку оборонительной линии на границе со степью.

Создание внешней линии обороны всего оазиса было важнее фактора экономии расстояния хозяйственных связей центра с поселениями второго уровня. Этот путь развития поселенческой системы, когда на втором этапе

за сформированным центральным городом следуют не просто поселения второго по размеру ранга в однородном ландшафте, а поселения крепостного типа сразу по внешнему контуру поселенческой системы в силу контраста экологических условий оазиса и окружающей его степи, характерен не только для оазисов Южного Согда. Наиболее крупные поселения окружали древнеземледельческий оазис и на р. Диале в Иране. Укрепленные поселения с цитаделями располагались и по периферии Яздепинского оазиса раннежелезного века (ДГКСА, табл. LXIII, А). Городища крепостного типа оконтуривали и периферийные зоны оазисов древнего Хорезма и Мерва (Толстов С. П., 1948 б. С. 122; Пугаченкова Г. А., 1958. С. 44—45; Мережин Л. Н., 1978).

Наиболее ранним из них было городище Киндиктепа на крайней восточной периферии Каршинского оазиса, раскопки которого производил М. Хасанов (Хасанов М., 1990). Это была ориентированная углами по сторонам света квадратная в плане крепость размерами 240х240 м (по сторонам), с квадратным же укреплением в центре размерами 100х100 м, возведенная, судя по керамическому комплексу, в конце III — начале II в. до н. э. Центральное укрепление было сооружено вслед за внешней стеной, его стены подстилает небольшой культурный слой III—II вв. до н. э. Эта крепость реконструировалась в IV—V вв. н. э. Центральные стены были укреплены новой стеной с внутрискладным коридором, а в восточном углу построена миниатюрная башня цитадели. Западнее и южнее за рвом внешней стены вырастали аморфные по плану массивы жилых строений, превышавшие по площади само городище. Допустимо полагать, что первоначально оно могло быть одной из катойкий — греко-македонских военных поселений, охранявших северо-восточные рубежи оазиса.

О том, что значительная часть греков — поселенцев в Бактрии и Согде при Александре жила не в городах, а в военных поселениях-катойкиях, свидетельствует сообщение Диодора о том, что командир карательного отряда, посланного на подавление восставших в 323 г. до н. э. греков, Пифон, обращаясь к ним, советовал восставшим вернуться в свои катойкии (Цит. по: Кошеленко Г. А., 1979. С. 185).

В глазах древних авторов эти укрепленные городки и поселения крепостного типа были городами, иначе нельзя объяснить, что Диодот, основатель Греко-Бактрии, назван правителем 1 000 городов (Юстин, XLI, 4, 5). Исследователями отмечается преобладание урбанизированных поселений городского типа и для античного Хорезма (Неразик Е. Е., 1976. С. 212).

В. Чериковер приводил подсчеты количества жителей городов для эпохи Александра Македонского по данным Курция Руфа и

Арриана (Цит. по: Кошеленко Г. А., 1979. С. 180, сл.). Получается, что крупнейший город Зариаспа имел 16 000 жителей, Аррея — 6 530, Гордион и Сидон — 3 500—4 000, а в Мемфисе проживало всего 900 человек.

Аналогичным образом примером отсутствия видимой связи между типом и размером памятника и его именованием городом в письменных источниках служат также города и поселения древней Руси, которые в IX—XIII вв. имели одинаковые принципы планировки и конструкций укреплений (ДР. С. 43).

Важнейшим фактором урбаногенеза городов и поселений селевкидской и греко-бактрийской поры оставались культовые центры. Так, город Тахти-Сангин складывался вокруг храма Окса, возведенного в конце IV — начале III в. до н. э. Храм занимал центральное положение в цитадели, являвшейся, по сути, священным участком — теменосом города (Пичикян И. Р., 1991. С. 14). Как полагает И. Р. Пичикян, вероятно, именно с этим храмом было связано основание Александрии Оксианской; в таком случае на городище Ай-Ханум возможно будет локализовать не Александрию Оксианскую, а Евкратидею, при котором город был расширен и реконструирован. Для локализации Евкратидеи на Дильберджине, как допускала И. Т. Кругликова, кажется, что городище имеет слишком маленькие размеры — 16 га (Bernard P., 1982; Кругликова И. Т., 1982. С. 155; Пичикян И. Р., 1991. С. 202, сл.). Храмовые города для той поры были широко распространенной разновидностью урбанизированных поселений, что было обусловлено особой ролью жречества в древнем мире (Лордкипанидзе О. Д., 1978; Его же, 1992).

Укрепленные поселения с цитаделью в центре для Северной Бактрии были нетипичны, хотя Дильберджин на левом берегу Амударьи имеет круглую цитадель, обрамленную прямоугольным обводом стен. Здесь Дильберджин и древний Мерв демонстрируют два варианта типологического развития архаического города в эллинистическое время. В Мерве к круглой Эрркале с юга пристраивался гигантский, слегка асимметричный квадрат Антиохии Маргианской, на Дильберджине же вокруг небольшой круглой крепости поры Ахеменидов был возведен прямоугольник внешних стен (Филанович М. И., 1974; Кругликова И. Т., 1982, рис. 1).

Сам столичный город на Еркургане в период эллинизма был реконструирован. Его оборонительная стена середины I тысячелетия до н. э. толщиной около 2,5—3,0 м у основания в эллинистическое время уже не отвечала развитой военной технике потенциального агрессора; стена резко утолщалась, на массивной платформе шириной более 10 м, видимо, возвышалась стена со стрелковой галереей. По внешнему фасу она была снабжена частыми и слабо выступавшими прямоугольными

башнями. Генезис подобной раннеэллинистической системы фортификации, отмеченной на стене нижнего города Ай-Ханум, П. Лериш справедливо усматривает в распространении в то время приемов фортификации Месопотамии (Лериш П., 1987. С. 69).

Производится реконструкция на храмовом комплексе, по наблюдениям в стратиграфическом шурфе, между двумя зданиями на Р-1 поверх священной террасы ахеменидского периода прослеживается кладка платформы III—II вв. до н. э. Возможно, воздействие структуры греческих городов на Еркургане сказалось также в появлении с того времени в центральной части Еркургана четкой прямоугольной разбивки городских кварталов по системе Гипподама, подобно тому, что наблюдается в структуре застройки селевкидского города Дура-Европос (Шлюмберже Д., 1985, рис. 84). Аналогичную структуру застройки, видимо, имела Антиохия Маргианская. Сотрудником экспедиции на Еркургане Н. Ю. Нефедовым по аэросъемкам городища было отмечено, что структура микрорельефа в его центральной части состоит из регулярных прямоугольных массивов строений, рассеченных прямоугольной сетью улиц, ориентированной по сторонам света. Эти наблюдения подтверждаются и раскопками застройки города (Нефедов Н. Ю., 1983. С. 136—137; Воробьева С. Н., Нефедов Н. Ю., 1990; Хасанов М., 1993 в. С. 1, сл.). Дворец, храм и большинство других сооружений центральной части городища были вписаны в эту систему планировки.

Стены самого города, возведенные еще в VI в. до н. э., с учетом границ уже сложившегося к тому времени поселения, имеют подквадратный план, излом восточного фаса которого придает планировке характер пятигранника. Ориентировка этих стен сильно отклоняется от меридиана, хотя нельзя сказать, что они ориентированы углами по сторонам света. Возможно, она соответствовала направлению русла протока Рудакса — основного источника, орошавшего поселение раннежелезного века на месте складывавшегося города. Во всяком случае, главная ось стен внутреннего города по древневосточной ориентировке близка направлению на север с отклонением на запад, что было отмечено Ю. А. Рапопортом и для более поздней Топраккалы (ТКД, 1984, С. 289).

Таким образом, ориентировка стен внутреннего вала Еркургана и направление прямоугольной структуры застройки центральной части города не совпадают. Когда это произошло, мы точно не знаем.

Строения же периферийной части внутреннего города ориентированы вдоль его стен. Это, в частности, квартал керамистов, вытянутый на 700 м вдоль восточной стены. Он был построен поверх руин городской стены раннежелезного века.

Место ворот во внутренней его стене, а также проемы, через которые подавалась вода в город, расположены близ углов, где находились свободные площади между упомянутой прямоугольной структурой центрального массива городской застройки и оборонительной стеной.

Считается, что прямоугольная система структуры городской застройки по модели Гипподама была распространена в Средней Азии после Александра Македонского. Однако достаточно вспомнить структуру планировки Вавилона эпохи, предшествовавшей Киру, чтобы убедиться в том, что регулярная ортогональная разбивка городских кварталов была известна на древнем Востоке задолго до Гипподама. Вопрос времени сложения регулярной подпрямоугольной застройки центральной части Еркургана ждет своего решения путем дальнейших раскопок.

Однако на Еркургане III—II вв. до н. э. вряд ли был полный набор институтов типично греческого полиса: агора, стадион, палестра, гимнасия, как в Ай-Хануме, поскольку население города состояло из местных жителей оазиса, проживавших здесь и до греков. Счастливым примером остатков настоящего греческого эллинистического полиса в Средней Азии является городище Ай-Ханум — Александрия Оксианская по П. Бернару (Bernard P., 1967. P. 92). Структура города, его фортификация, особенности местоположения и архитектуры вполне выдержаны в духе рекомендаций «Политики» Аристотеля для строительства на Востоке греческого полиса (Кошеленко Г. А., 1979. С. 153—156; 202—220).

Небольшое поселение Курганча в Гузарском оазисе, относящееся к концу IV в. до н. э., иллюстрирует структуру мелкого села раннеантичного Нахшаба. Оно состоит из нескольких помещений в виде полуземлянок с каркасными или шалашного типа перекрытиями, со временем сменявшихся глинобитными домами. Это селение продолжает традицию архаичных поселений середины I тысячелетия до н. э., представленную более ранним Караултепа в Каршинском оазисе. Позже поселений этого типа мы уже не встречаем (Хасанов М., 1990).

Первые века до н. э. и н. э. были эпохой максимальной активности и военно-политической экспансии кочевых народов и племен Центральной Азии. Воинственное степное окружение, особенно после падения могущественной империи Александра Македонского и крушения государства Селевкидов, представляло собой реальную опасность, и линии укрепленных городков-крепостей и фортов вдоль границ оазисов были реакцией оазисов на это давление извне.

Взаимоотношения с беспокойным степным окружением, всегда имевшие самый широкий диапазон — от активного обмена и династических браков до войны, в эпоху античности

сложились неблагоприятно для земледельческих оазисов в силу того, что у беспокойных соседей с севера, не без влияния тех же оазисов и их культуры, шли активное разложение демократических структур и становление царской власти и милитаризованной структуры государства, что толкало их на перенос социального напряжения и противоречий кочевого общества вовне путем завоевания соседей и, прежде всего, более состоятельного и мирного населения оазисов. Первыми удар все возраставшей и совершенствовавшейся военной системы кочевых племен, объединявшихся для захватов, принимали на себя оазисы Хорезма и Согда. Этими причинами следует объяснить характерную особенность социально-поселенческой структуры Каршинского оазиса первых веков до н. э., когда среднее иерархическое звено вместо того, чтобы формировать в границах непосредственной сельской округи Еркургана ступенчатую иерархию больших и малых поселений, оказалось вынесено на внешнюю периферию оазиса, образуя кольцо обороны. В то время они так же, как и центральный город, были окружены некоторым количеством земледельческих усадеб, о чем свидетельствуют редкие остатки небольших холмиков вокруг описанных крепостей. При этом определенную роль играло, видимо, и то, что в конечных, затухавших участках боковых протоков Кашкадарьи легко было регулировать мелкую оросительную сеть.

Что касается фактора агрессии варварских племен, издревле негативные последствия соседства с непредсказуемыми кочевниками, крупные государства пытались решать путем возведения фортификационных сооружений, идя на неимоверные усилия и расходы. Первым таким сооружением в Средней Азии была стена Антиоха Сотера, окружавшая древнемервский оазис, за ней следовали стены Балха и кушанские пограничные стены, стена Мерз в Северном Хорасане, раннесредневековые стены Бухарского и Самаркандского оазисов и даже Чача, а также оазисов Семиречья (Вязигин С. А., 1949; Пугаченкова Г. А., 1976; Рахманов Ш., 1990; Huff D., 1981; Мухамедов Х., 1961). Однако древний Нахшаб, как и Хорезм, никогда не имел стен оазиса, ограничиваясь строительством крепостей вдоль границ. В. Н. Ягодин объясняет это тем, что древнехорезмийский оазис органически был связан с кочевой степью, а также тем, что сами кочевники Приаралья были крайне неоднородны и связаны тесными экономическими узами с оазисом, и сами имели длительные традиции оседлого, хотя и примитивного, земледелия и градостроительства (Ягодин В. Н., 1979). Все это не мешало различным кочевым и полукочевым этносам неоднократно завоевывать древнехорезмийский оазис, разрушая процветавшие города и поселения и внося крупные инновации как в материальную культуру, так и в традиции населения оазиса.

В результате захвата кочевниками Хоре-

змского оазиса в середине II в. до н. э. большинство его городов и поселений было разрушено, это Токкала, Бурлыккала, Гяуркала и др. (Гудкова А. В., 1964. С. 23; Манылов Ю. П., Ходжаниязов Г., 1980. С. 37—39). Отмечается и варваризация утвари (Толстов С. П., 1962. С. 828). В Согде последствия завоевания хотя и не были столь катастрофичными, однако темпы урбанизации заметно снизились.

Новые правители из кочевнических династий, захватив власть в оазисах, превращались в ревностных строителей городов и попечителей благоустройства, восстанавливая разрушенные и строя новые города. Даже создавая в степи более или менее стабильные государственные образования, они способствовали зарождению городов в степной зоне, что известно из истории скифов Причерноморья и государства Чингиз-хана. Импульс, заложенный в развитие поселенческих систем и урбанизацию в непродолжительное время греко-македонского правления, определил дальнейшие тенденции динамики социально-поселенческих систем Нахшаба и Гузара. В период Александра и Селевкидов было начато строительство крепостей, окружавших по периметру периферии оазисов Южного Согда. С некоторыми коррективами эта политика продолжалась и позже, при сакских правителях. Процесс урбанизации охватил весь оазис, а не только его периферию.

Захватив власть в Согде, сакские племена не внесли принципиально новых изменений, они внедрялись в существовавшую селитебную систему оазиса и города.

К постгреческому периоду Еркургана относится возведение зороастрийской дахмы за пределами стен города, к северу от него. Функционировала она недолго, и где-то через 50—100 лет целиком была замурована. Возможно, причиной этому послужило возведение внешней стены. Продолжал функционировать квартал кузнецов в юго-восточном от города направлении. Как показал стратиграфический шурф на Р-17, в пригородной зоне, стали появляться отдельные монументальные сооружения, что было отмечено и в других античных городах Средней Азии (Мерв, Ай-Ханум, Дильберджин и др.).

Раскопки проводились и на самом крупном городище квадратного плана с цитаделью в центре Калаи Захоки Марон, возведенном в конце II—начале I в. до н. э., т. е. после отпадения Согда от Греко-Бактрийского царства. Независимо от того, каким будет окончательное решение вопроса о наличии и датировке третьей стены городища, ограждавшей площадь более 200 га, оно и в пределах второго ряда стен, площадью 16 га, остается одним из крупнейших городищ Южного Согда первых веков до н. э.

Что касается антропологических черт мужского черепа с дахмы Еркургана, то отмеча-

лась его типологическая принадлежность сакскому населению Приаралья. Вместе с датировкой самого здания дахмы II—I вв. до н. э., это позволило определить сооружение в качестве дахмы одной из династий сакских правителей, отнявших Согд у греко-бактрийских царей и осевших в Каршинском оазисе. Ближайшие типологические параллели городища Калаи Захоки Марон городищу Бабиш-Мулла I в Приаралье, которое определено в качестве укрепленного центра главы дахов, ставших в IV в. до н. э. союзниками Ахеменидов (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993, гл. 5), позволяют предполагать новых носителей суверенитета Каршинского оазиса со II в. до н. э. в лице представителя племенной аристократии дахов, аналогично представителю династии Аршакидов, происходивших из приаральских дахов, согласно одной из наиболее вероятных версий о происхождении братьев Аршака и Тиридата, приводимых Страбоном (Страбон, XI, 9, 3).

Это также позволяет связать генезис укрепленного типа поселения с цитаделью в центре не только с квадратным планом стен Сангиртепа в Кеше, относящегося к VI в. до н. э., или вероятными катойкиями военных колонистов Александра Македонского, каким могло быть ранее Киндиклитепа, но и с традициями самобытной сакской фортификации на Бабиш-Мулла I, хотя идея неприступного замка, окруженного концентрическими рядами стен, уходит корнями к описаниям семистенной Экбатаны основателя мидийского царства Дейоки, о котором сообщает Плутарх, и дворцу Захака по «Шах-наме». Совпадение структуры этого городища в Карши с древней сакральной моделью дворца Захака и послужило, видимо, основой для его отождествления в эпоху средневековья с дворцом известного литературного персонажа.

Как отмечал Г. Джонсон, наличие двух или нескольких крупных городских центров приводит к подавлению других, наиболее крупных из них (Jonson G., 1980). Появление нового, крупного, сильно укрепленного города к югу от Еркургана не могло не отразиться, начиная с I в. до н. э., на судьбе основного центра Каршинского оазиса. Видимо, новый город крепостного типа стал средоточием военно-политической власти Южного Согда, который находился на южной окраине Каршинского оазиса, на путях, шедших от Нахшаба в Кеш и на юг в Бактрию, одновременно влияя и на Гузарский оазис, где в то время не было крупного столичного городского центра, если не считать городище Ялпактепа площадью 6 га.

Еркурган выполнял в то время роль ремесленного и культового центра Каршинского оазиса. Стены города не ремонтировались, а в центре его к востоку от храмового комплекса стал складываться квартал гончаров. На северном же фасае появилась небольшая ци-

тадель, обращенная бойницами внутрь города, возведенная в то же время или ранее греко-бактрийскими царями. Возможно, тем периодом датируется возведение внешней стены Еркургана, так как к ней тыльной стороной примыкало здание с парадным помещением, где была обнаружена самая ранняя в Согде орнаментальная полихромная роспись с мотивом бегущей волны (Р-24). Возможно, в связи с возведением этой стены и была замурована дахма, оказавшаяся включенной в пределы города. Вероятно, при новых правителях бывшая столица и ее городская община считалась в какой-то степени оплотом эллинизированной верхушки автохтонного общества оазиса.

Как бы то ни было, с рубежа II—I вв. до н. э. в Каршинском оазисе возникли два крупных городских центра. Перенос столицы в другое место или раздвоение функций центрального города между двумя урбанизированными организмами — частое в истории древнего Востока явление. Можно привести ряд подобных случаев, начиная с древнеперсидской империи, где помимо священного города Персеполя столицами считались Сузы и Экбатаны.

В Парфии таковыми были Ктезифон и Гекатомпил, а ранее и другие столичные города. В древнем Хорезме, наряду со столицей в Кяте, был выстроен город-храм Топраккала, функционально продолжавший традицию династийных культовых центров Персеполя и Новой Нисы. Открытие М. Х. Исамиддиновым крупного города VII—II вв. до н. э. Коктепа в 30 км к западу от Самарканда, имевшего структуру, близкую структуре Калаи Захоки Марона, позволяет предположить, что для оазисов Согдианы было характерно сосуществование двух столичных, функционально дополнявших друг друга центров. Древневосточная система нескольких царских резиденций продолжается в Согде и в раннем средневековье, когда наряду с Самаркандом имелся Иштыхан, а неподалеку от Бухары находился Рахфандун — Варахша. Второй раннесредневековой царской резиденцией наряду с Мархаматом — Мингтепа для Ферганской долины было городище Касан, как считает Ю. А. Заднепровский (Заднепровский Ю. А., 1985а).

Б. Д. Кочнев допускает, что Калаи Захоки Марон мог служить центром крупного политического объединения II—I вв. до н. э., далеко выходившего за рамки самого Нахшаба, т. е. он мог быть городом-ставкой саков или юэчжей, занявших территории северней Аму-дарьи.

Дальнейшее развитие системы поселений Каршинского оазиса первых веков нашей эры шло по пути усиления тенденций предшествующего периода. Вокруг прежних крепостей стали появляться мелкие усадьбы, сохранившиеся в виде округлых, овальных невысоких холмиков. Количество же укрепленных посе-

лений крепостного типа начало увеличиваться (рис. 27). На западной периферии оазиса стала складываться вторая внешняя полоса крепостей. Эти пункты были расположены на самых крайних концах протоков оазиса. По восточному его краю, близ подошвы Кунгуртау, тоже появились отдельные укрепления в промежутке между Калаи Захоки Мароном и Киндиклитепа. В результате прежняя система укрепленных поселений, шедшая вдоль зоны хвостовых частей оросителей, благодаря появлению укрепленных поселений № 3 и № 7, превратилась в кольцо поселений крепостного типа, окружавших с I—II вв. н. э. по периметру весь оазис.

Вдоль оросительных протоков поселения располагались в виде цепочек, что придавало всей поселенческой структуре древовидный характер, отвечавший направлению оросительной сети. Подобные цепочки поселений той поры сохранились по направлениям от Шакарджуя до Таштепа и от Денау до Заркана на левобережье, от Еркургана до Кассана и от городища Кульбулак или Кульбука (№ 3) до Губаляка в правобережной части оазиса. Однако сами древние каналы не сохранились, хотя, судя по отдельным цепочкам обживавшихся в тот период поселений, видно, что по направлению они были близки оросителям конца XIX — начала XX в. В правобережной зоне оазиса основной оросительной веткой оставалось, видимо, русло Рудаксая, шедшее от Хилала через район Еркургана до Касана и далее до Актепа на границе со степью. Выше, вероятно вдоль по руслу современного арыка Губаляк, шел крайний северный ороситель от района кишлака Сарай до Киндиклитепа и Губаляка.

На левобережье, куда уходят две трети дельтовых протоков Кашкадарьи, от зоны Карши и далее к западу площадь орошения вдвое превышала правобережье. Основной ороситель левобережья, судя по топографии поселений той поры, начинался где-то ниже излучины Шулликтепа: одна его ветвь уходила к району городища Касби, южная — шла на городище Куня-Фазли и далее до руин поселений № 410—411.

Направление среднего левобережного оросителя от городищ Ляганды и Талликурган шло к остаткам поселений № 307—310. Он, видимо, совпадал с современным каналом, идущим на селения Фазли и Патрон. Верхний, крайний с юга, ороситель оазиса, вероятно, снабжал водой компактную группу памятников в районе и округе г. Карши, где находилось городище Калаи Захоки Марон.

Структура расположения поселений стала обретать иерархический характер, судя по сохранившейся к началу работ нашей экспедиции в первой половине 70-х годов неосвоенной узкой полосе земли между шоссе и железной дорогой по направлению Карши — Бухара; в зоне Еркургана была обширная

агломерация мелких усадеб и отдельных сооружений, формировавших ближайший пригород и сельскохозяйственную зону самого столичного города.

Но не вокруг всех укрепленных поселений отмечены остатки мелких тепа, хотя, возможно, они просто могли не сохраниться. Видимо, крепостная функция у них могла преобладать над административно-хозяйственной. Это подтверждается и тем, что по периферии оазиса две-три крепости могли располагаться рядом (Губаляк, Денау, Исабай). Имеются отдельные мелкие поселения, разбросанные по всему оазису, без привязки к той или иной группе.

Небольшой по сравнению с Каршинским Гузарский оазис имеет лучшую сохранность поселений и усадеб эпохи античности. Здесь для начала нашей эры зафиксировано обживание 13 памятников правобережья и 35 — на левобережье (рис. 29). К существовавшим ранее поселениям добавлялись новые, и лишь раннеантичное поселение на Курганче было заброшено окончательно. Для структуры распределения типов и размеров поселений характерна та же тенденция, что и для Каршинского оазиса — создание линии крепостей по периферии оазиса и насыщение его территории мелкими поселениями и усадьбами земледельческого населения, что было связано с ростом экономического потенциала и укреплением линии обороны.

Так же, как и в Каршинском оазисе, все поселения Гузара группируются вдоль оросителей. По правобережью оазиса это оросители систем Баташ и Ялпактепа. На левобережье они располагаются вдоль трех оросителей, соответствующих магистральным арыкам Ходжа-Румас, Субах-Ханабад и Джарарык (до Янгикента).

Таким образом, на базе естественных протоков, постепенно превращавшихся в регулируемые магистральные оросители, в то время стали формироваться границы массивов орошаемых земель Каршинского и Гузарского оазисов, основные направления которых сохранялись до XX столетия. Здесь, как и ныне, между отдельными селитебными, озелененными массивами сохранялись обширные пустоши, на которых производился выпас скота, обеспечивая развитие комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства.

По притокам Гузардарьи, руслам Большой и Малой Урадарьи на обширных террасовых уровнях водораздела бассейнов Кашкадарьи и Сурхандарьи в первые века до нашей и нашей эры обживались некоторые поселения, но появился и ряд курганных могильников (их зафиксировано около 10), и среди них отмеченное в разделе о культовой архитектуре оригинальное сооружение Ташкалак в виде каменной кольцевой выкладки. Это была зона базирования кочевников-скотоводов, здесь в узких горных долинах, укрытых от ветров и снабженных постоянным источником воды,

располагались их зимовья и родовые могильники. Связи между оазисами контролировали, видимо, тоже они, тем более, что их династии, вероятно, в то время правили и в оазисах.

В тот период, судя по отсутствию подъемных материалов на мелких тепа речных долин верховьев Гузардарьи, жизнь на мелких незащищенных усадьбах, располагавшихся вдалеке от оазисов, стала замирать. В периферийной зоне обживались отдельные сильно укрепленные поселения или усадьбы, как Байкурбан в долине Большой Урадарьи, который был, видимо, пунктом стратегического значения на трассах сообщения между Согдом и Бактрией. Аналогичные сильно укрепленные отдельные усадьбы были в то время и на крайней западной периферии Бухарского оазиса, что выясняется, в частности, посредством раскопок усадеб группы Баштепа к западу от Варахши (Жуков В. Д., 1956).

Возможно, к концу эпохи античности относится появление в Нахшабе отдельных укрепленных поселений нового типа с подквадратной в плане внешней стеной и укрепленной цитаделью в одном из ее углов, хотя большая часть их относится, судя по подъемному материалу, ко времени не ранее IV—V вв.

Определение размеров укрепленных поселений с цитаделью в центре или в углу показало, что наиболее крупные из них можно отнести к категории мелких городков, которые на местах служили постоянными центрами стабильного развития земледелия своих округов. Крепостной характер этих поселений обеспечивал им роль центров, гарантировавших безопасность своему еще сравнительно немногочисленному населению. Поначалу население на местах проживало, видимо, в этих укрепленных селениях, но со временем (вокруг пограничных укреплений, строительство которых было начато греками) стала складываться своя неукрепленная селитебная зона из отдельных домов и усадеб. В то же время они служили опорными пунктами обороны оазиса от внешней угрозы и при необходимости использовались для подавления возможного недовольства и смут среди самого местного населения.

После падения власти греко-македонцев в кангюйское время такие укрепленные поселения появились и в пределах самого оазиса. Они служили дочерними урбанизированными придатками Еркургана, которые в качестве форпостов городской цивилизации стимулировали и контролировали стабильное аграрное производство на местах. Созданные центральной властью, они составили важное промежуточное звено между сугубо земледельческими мелкими поселениями хуторского типа и усадьбами, а также центром оазиса. Обладая отдельными функциями города, они играли роль низового административного звена, вынесенного непосредственно в зону сельхозпроизводства, за пределы влияния самого Еркургана.

Хотя у них зачастую не было развитой городской инфраструктуры, со временем пограничные укрепленные городки и крепости стали превращаться в важные пункты обмена оазиса со степью.

Еще одной важной особенностью пограничных со степью укреплений могла, видимо, быть функция обеспечения зимовья скота, известная по этнографии, когда основное мужское население с весны уходило на степные пастбища со скотом, оставляя в кишлаках пожилых людей и детей. На зиму скот пригонялся в кишлак — зимовье, т. е. эти пограничные укрепленные поселения могли в то же время служить и убежищем для скота, сохраняя архаический комплексный уклад хозяйства их жителей. Это типично и по сей день для кишлаков и поселений, граничащих со степью и горами.

К данной категории укрепленных поселений и городов по своим масштабам относится большинство поселений крепостного типа — «кала» древнего Хорезма: Джанбаскала, Кюнерликала, Аязкала, Кургашинкала и другие, а также крупные поселения, городки-крепости и мелкие городки Бактрии, по Б. Я. Ставискому и Э. В. Ртвеладзе (Ставиский Б. Я., 1977. С. 43—44; Толстов С. П., 1948 а. С. 84, сл.; Ртвеладзе Э. В., 1974; Его же, 1976). Функционально именно к этому типу поселения приближается квазигород Ю. В. Андреева (1987).

В Кеше и долине Зарафшана развернутой типологической характеристики античных городов и поселений мы еще не имеем, но по предварительным публикациям можно полагать, что для долины Зарафшана поселения, огражденные прямоугольником внешних стен с цитаделью в центре, были нетипичны, они редко встречаются и датируются более поздним периодом. В древней Бактрии в то время, наряду с бесцитадельными городами, как Кухнакала и Кейкобадшах, были известны довольно крупные города с цитаделями в одном из углов, в частности такие, как Дальверзин, Яван и Зартепа (ДГКСА, табл. С. XIV).

В Мервском оазисе укрепленные стенами городки и крепости парфянского и сасанидского времени также располагались по периферии, особенно по северному и западному его краям. Но для Мерва были характерны крепости без цитаделей, состоявшие только из внешнего прямоугольника стен, как, например, Чичанлыктепа, Чильбурдж и Дурнали, данный тип характерен и для хорезмийских городов и крепостей — это Базаркала, Хазарасп, Джанбаскала, Аязкала и др. (Толстов С. П., 1948 а. С. 84, сл; Пугаченкова Г. А., 1958. С. 46—60). В Нахшабе городищ подобного типа не выявлено. И, наоборот, укрепленные поселения с цитаделями в центре (типа турткулей) редко встречаются в Мерве и Хорезме эпохи античности, это, в частности, Гебеклы в Мерве, Кюнерликала и Ангкакала

в Хорезме. В целом для Мерва и Хорезма типичны малые размеры таких крепостей.

Городища и укрепленные поселения прямоугольной планировки с цитаделью в одном из углов внешней стены имеются и в Ферганской долине (Горбунова Н. Г., 1977; ДГКСА. С. 312).

Как показало исследование Ай-Ханум, Дильберджина и Маргианы, в ближайших их пригородах, помимо монументальных усадеб, находились усыпальницы, храмы и другие архитектурные комплексы, вынесенные за пределы города. Э. В. Ртвеладзе справедливо считает структуру пригородов античных городов Бактрии прообразом средневекового рабада и его зарождением (Ртвеладзе Э. В., 1988. С. 12, сл.).

В целом для первых веков нашей эры характерно отсутствие признаков крупных строительных работ на Еркургане, вследствие чего создается впечатление, что в то время город был порядком запущен. Однако он не был заброшен вовсе, поскольку в тот период активно функционировал квартал гончаров, обживались небольшая цитадель и другие кварталы города и усадьбы пригорода. Признаки определенного застоя темпов урбанизации отмечаются и для других районов Согды в первые века нашей эры.

Основным результатом развития поселенческих структур Каршинского и Гузарского оазисов III в. до н. э. — III в. н. э. было формирование среднего звена поселений и образование трехступенчатой иерархии поселенческой структуры: это центральный город или города (Еркурган и Калан Захоки Марон), мелкие дочерние городки местного значения или укрепленные селения с формировавшейся собственной земледельческой округой, отдельные мелкие усадьбы и дома, рассеянные в зонах мелких оросителей вокруг крупных и небольших городов. В этих городках и укрепленных урбанизированных поселениях, появившихся, как отмечал В. М. Массон, в связи с аналогичными поселениями Кушанской Бактрии в результате сознательного градостроительства (Массон В. М., 1974. С. 7), обитали постоянные жители, образовавшие по всему оазису сеть небольших, но стабильных земледельческих общин, в отличие от раннего периода, когда население оазиса фактически составляло единую общину. Причем в зависимости от размеров эти укрепленные урбанизированные поселения могли в большей или меньшей мере выполнять функции административного, культового, ремесленного, торгового и военного центра для своей формировавшейся сельской округи.

В. М. Массон по поводу мелких городков и укрепленных поселений городского типа с небольшой цитаделью Кушанской Бактрии отмечает, что они могли быть административным подобием общин подневольных сельскохозяйственных работников (Массон В. М.,

1976). Внешне эта система эксплуатации зависимого податного сословия напоминала систему синхронного позднеримского колоната, генезис которого и состав, образованный из рядов освобожденных рабов, в корне отличались от восточной формы фискальной организации полусвободного крестьянского населения, цель которой заключалась в создании четкой структуры податного сословия земледельцев.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕНИЙ НАХШАБА ЭПОХИ ПЕРЕХОДА ОТ ДРЕВНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ (III—VIII ВВ.)

В регионах к северу за границами влияния Парфии и государства Кушан в III в. н. э. начиналась новая волна урбанизации. Этот подъем градостроительства и развития поселений, отмечаемый со II—III вв. н. э. на Топраккале в Хорезме, достиг в Согде максимального подъема в эпоху хионитов и эфталитов в IV—V вв. В Хорезме строительство Топраккалы с трехбашенным дворцом-храмом С. П. Толстов был склонен объяснять падением гегемонии кушан в низовьях Амударьи и приходом к власти новой династии Хорезмшахов (Толстов С. П., 1948в, гл. VII), что было ознаменовано выпуском нового типа монет (Вайнберг Б. И., 1979б).

С той же поры (III—IV вв.) начался выпуск собственных монетных эмиссий Нахшаба и Чача (Массон М. Е., 1973. С. 17, сл.; Его же, 1977 б; ДГКСА. С. 303). Формирование локальных нумизматических провинций с чеканом однотипных монет на протяжении всего хионито-эфталитского периода свидетельствует о стабильности и политической самостоятельности местной власти, несмотря на сведения источников о калейдоскопе хионитов, кидаритов, эфталитов, сменявшихся на политической арене Средней Азии, и претенциозные реляции сасанидских царей о захвате ими земель Кушаншахра до Чачских гор и Казбиона (Фрай Р., 1972. С. 183—194).

Основным явлением системы расселения, архитектуры и строительства, как и по большей части оазисов Средней Азии, определявшим облик селитебного ландшафта IV—VI вв., было массовое распространение замковой и усадебной архитектуры. Это преимущественно крупные и мелкие укрепленные поселения, усадьбы и замки-кешки, размеры которых однако, варьируют от нескольких гектаров до сотен квадратных метров. В социально-поселенческой системе по размерам они могли служить укрепленной центральной частью небольшого города, замком или просто укрепленной крестьянской усадьбой. Наиболее типичная форма укрепленного поселения той поры — высокая подквадратная в плане оборонительная башня и примыкавшая к ней более обширная низкая, обведенная стенами жилая часть.

Кроме того, особенно в IV—VI вв., были довольно характерны мелкие подпрямоугольные или округлые в плане тепа, которые часто имели вид сглаженной усеченной пирамиды или конуса и представляли собой остатки зданий, укрепленных усадеб и замков, возведенных на высоких платформах, а также небольшие общинные поселения, окруженные внешней стеной и отдельными малыми хозяйствами по периметру, обращенными к общему двору в центре. Одно из них — Кунжутлитепа — было раскопано неподалеку от Еркургана (Раимкулов А. А., 1992).

Часть хозяйств Кунжутлитепа была двухэтажной. Подобные небольшие общинные поселения, окруженные стенами, известны в кушано-сасанидское время в Тохаристане и Бухарском оазисе (Пидаев Ш. Р., 1978; Абдиримов Р., 1988). Но все же наиболее типичным направлением архитектуры, будь то усадьба, замок, или городская цитадель, является развитие их ввысь, когда на специальной высокой платформе, обычно сложенной из пахсы, возвышалась неприступная башня. Этот тип сооружений был известен в усадьбах и ранее, на рубеже нашей эры, на крайней западной периферии Бухарского оазиса. Раскопанная В. Д. Жуковым усадьба Баштепа представляет собой прототип укрепленной усадьбы на высокой глинобитной платформе с прямоугольным огражденным двором сбоку (Жуков В. Д., 1956).

Истокм такого типа сооружений могла служить и городская архитектура предшествующей поры, когда в эпоху античности стало обычаем возводить городские дворцы и цитадели на высоких кирпичных платформах, как, например, на самом Еркургане. Типологически замок на высоком стилобате с небольшим двором сбоку по своей двухчастной структуре представляет, по существу, дериват античного городища, площадь которого уменьшена до небольшого двора в качестве хозяйственного приложения к башне замка. С V—VI и, особенно, для VII—VIII вв. было характерно сооружение укрепленных замков и усадеб на высоких платформах, определявших облик архитектуры и градостроительства той эпохи.

Внутренняя структура и функциональное назначение помещений верхнего и нижнего ярусов замков могут резко различаться; наверху могли быть цитадель, храм, дворец или даже хозяйственные помещения (Филанович М. И., 1977. С. 114—117; Якубов Ю., 1977. С. 52—53; Его же, 1988 б. С. 12—13; Семенов Г. А., 1981). Унифицированная форма донжона — каха — за однотипным внешним архитектурным оформлением могла скрывать разные по назначению комплексы помещений, т.е. в эпоху раннего средневековья в архитектуре и градостроительстве господствовала единая модель замка на высокой платформе, что отмечал в свое время и С. П. Тол-

стов в усадьбах Беркуткалинского оазиса, где однотипные по композиции комплексы в виде укрепленной башни с примыкающими подсобными помещениями варьируют размером от мелкой усадьбы в несколько сот квадратных метров до большого замка самой Беркуткалы, вокруг которого сложился небольшой городок (Толстов С. П., 1948 б. С. 195).

Но в формировании замковой типологической традиции в архитектуре той поры были и другие существенные факторы. В IV в. н.э. достигло апогея великое переселение народов Евразии, которое в степной полосе началось с движения гуннов и затронуло в первую очередь Среднюю Азию. Подробности той радикальной перемены этнополитической картины Средней Азии нам пока не известны, но скупые упоминания о новом воинственном народе — хионитах, угрожавших с середины IV в. н. э. северо-восточным рубежам государства Сасанидов, свидетельствуют о том, что, видимо, давно ставшая номинальной власть Кангюя сменилась властью нового объединения под эгидой хионитов или хуннов. Источники сообщают, что они заняли Согд и, двигаясь в традиционном для Средней Азии направлении — с севера на юг, уже в середине IV в. пришли в столкновение с сасанидским Ираном (Тревер К. В., 1954; Гумилев Л. Н., 1959; Его же, 1967; Луконин В. Г., 1969). В свое время по поводу комплексов сельских поселений Бухарского оазиса IV—VI вв. н.э. мы пришли к выводу, что каунчинско-джетыасарский комплекс в Согде той поры есть проявление переселения народов. Судя по имеющимся на сегодня материалам, целые группы джетыасарских городищ прекратили свое существование в конце III—IV в. н.э. (Левина Л. М., 1993. С. 34). Сравнительно малая оставшаяся часть городищ была заброшена окончательно в VIII в. н. э.

Традиции этих присырдарьинских племен оказали заметное влияние как на систему расселения, так и архитектуру и, в особенности, фортификацию городов и поселений Согда IV—VI вв. В Нахшабе это влияние не проявлялось столь широко, как влияние каунчинской культуры в археологических комплексах Бухарского оазиса той поры. Но с IV, особенно в V—VI вв., влияние типологии джетыасарской керамики и традиции ее отделки особенно отчетливо наблюдаются в керамике Нахшаба. Явные инновации градостроительной и архитектурной традиции можно заметить и в особенностях городищ и поселений Нахшаба той эпохи. С IV—V вв. здесь, как и по всему Согду, на смену иерархичной и централизованной системе расселения с единой и продуманной структурой обороны оазиса пришла система индивидуальной обороны каждого городища и поселения.

Это время было связано с миграцией значительной массы людей с правобережья Сырдарьи к югу. Масса джетыасарского и каун-

чинского населения со своими навыками комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства и традициями архитектуры и градостроительства оседала в оазисах Согда, осваивая здесь все свободные земли. В процессе этой колонизации возникла масса крупных и мелких замков и усадеб. Судя по структуре мелких поселений, окруженных стенами, в IV—V вв. они сохраняли родовые традиции в своих, видимо, агнатных по составу мелких общинах. Лучше всего памятники данного типа изучены в западной периферийной зоне Бухарского оазиса (Нильсен В. А., 1959; Мухамеджанов А. Р. и др., 1983; Абдиримов Р., 1988).

Сообщениям арабоязычных источников о десятках тысяч замков в областях Мавераннахра эпохи конца раннего средневековья предшествуют сведения армянского историка Егише Вардапета, участника событий, сообщающего о взятии персидским царем множества городов и замков на земле хонов, называемых им также кушанами (Тревер К. В., 1954. С. 136—137). Таким образом, по скудным сообщениям источников, попутно характеризующим особенность селитебного ландшафта Средней Азии с V в. по IX—X вв. н. э., можно представить, что он в пору перехода от древности к средневековью определялся силуэтами замков и городов. Особенно в VII—VIII вв. процесс парцеляризации привел, как показывают материалы Беркутклинского и других оазисов в Хорезме, к окончательной смене архаичных укрепленных поселений, огражденных стенами, усадьбами и замками с укрепленными башнями (Неразник Е. Е., 1976. С. 58—66).

Уже отмечалась несостоятельность для всех регионов Средней Азии предположения С. П. Толстова об упадке городской жизни в раннем средневековье, сделанного им по материалам Хорезма (Гафуров Б. Г., 1989. С. 377). Судьбы развития городов эпохи раннего средневековья различались в силу стечения исторических обстоятельств. В частности, целый ряд городов (Еркурган, Кавардан, Пайкенд, Пянджикент и др.) в начале раннего средневековья переживали подъем. Близкий по содержанию процесс активного освоения и заселения орошаемых земель происходил в то время и в сасанидском Иране (Гуляев В. И., 1984. С. 152).

В целом в формировании раннесредневековой структуры селитебного массива Нахшаба в качестве основных факторов следует выделить то, что, во-первых, это была изначально заданная, унаследованная от древности система расселения с привязкой к оросительным сетям; во-вторых, переселение в Согд присырдарьинских народов привело к почти полной утилизации земельно-водных ресурсов оазиса, предельному насыщению поселенческой структуры.

Иными словами, независимо от того, одно ли крупное хозяйство или группа мелких об-

рабатывали определенную территорию, был достигнут предел урожайности и демографической плотности сугубо земледельческой системы поселения Каршинского оазиса. Максимальное количество памятников в Каршинском оазисе, как и по всему Согду, относится в IV—VI вв. Из известных здесь 460 памятников около 350 имеют материалы того времени. Благодаря многочисленности тепа и городищ той поры вырисовывается достаточно подробная картина системы расселения в оазисе хионито-эфталитского и более позднего времени — поры Тюркского каганата.

В отличие от периодов древности и средневековья, когда в системах расселения и домостроительства преобладали рассредоточенная застройка и неукрепленные поселения, что приводило к быстрому исчезновению их следов, системы поселений и домостроения эпохи раннего средневековья, благодаря особенностям замковой архитектуры, высоким стилобатам, массивным и неоднократно утолщавшимся стенам городов, замков и даже, иной раз, мелких усадеб, сохранились в достаточной мере до начала XX в. Благодаря этому, для IV—VIII вв. по большинству оазисов Согда мы имеем наиболее полную картину системы расселения. Несмотря на более поздние, сравнительно небольшие напластования и исчезновение наиболее мелких из поселений, повсеместное распространение монументального домостроительства, двух-трехэтажность многих из них практически полностью сохраняла общую картину распределения поселений и в раннесредневековом Нахшабе, а также топографическое соотношение городов, замков и усадеб между собой.

На первый взгляд, в раннесредневековых оазисах Нахшаба и Гузара, по сравнению с радиально-кольцевой структурой укрепленных поселений и городков эпохи античности, среди густой россыпи точек городищ, мелких поселений, замков и усадеб нет ни регулярности, ни чередования размеров и царит полный хаос. Но более внимательное изучение их распределения показывает, что все они, как и ранее, жестко привязаны к оросительной сети и основные их скопления расположены языками или лепестками по направлению от начала дельты реки вниз по направлению течения основных оросителей, не менявших своего курса.

Группы поселений образовывали отдельные кучности различной формы, округлые в зонах концевых частей крупных оросителей или цепочкой вдоль русел оросителей.

В IV—V вв., когда происходило массовое освоение всех свободных земель Каршинского оазиса и максимальное насыщение селитебного массива мелкими земледельческими усадьбами, водные ресурсы оазиса исчерпали себя до предела. Прежние города развивались, а новых крупных городов не было. Оросительная сеть стала обретать законченную ветвистую структуру, состоявшую из от-

дельных оросителей, завершавшихся, видимо, веерами мелких арыков на концах, где отдельные гнезда располагались группы поселений и усадеб.

Вся селитебная система состояла из основных массивов, приуроченных, как и ранее, к шести главным оросительным системам Каршинского оазиса. Их по три на правобережье и левобережье (рис. 30). Первый, крайний с востока в правобережной части орошал земли в районах современных каналов Никуз и Пулаты. Поселения и усадьбы той зоны образовывали пять небольших групп, состоявших в основном из мелких поселений и укрепленных усадеб. Главные укрепленные городища и замки располагались вдоль северного и восточного краев оазиса (№№ 3, 6, 7, 158, 267, 268). Новым в той полосе укреплений было то, что рядом с городищем № 7 появился сильно укрепленный замок № 6. Киндикли-тепа в пределах внутренних стен прежней цитадели стало превращаться из обширного городища с цитаделью в центре в небольшое городище с цитаделью в углу. Стены прежней цитадели на нем стали надстраиваться новой стеной со стрелковой галереей внутри и в юго-восточном углу начала возводиться укрепленная башня-донжон, или миниатюрная цитадель. Прежняя же внешняя стена осталась заброшенной, т. е. городище перешло из одного типа в другой, уменьшившись до масштабов цитадели прежнего городища. Но вокруг стала появляться группа отдельных укрепленных усадеб, а за древней внешней стеной складываться обширная неукрепленная жилая застройка пригородного типа.

Вторая зона поселений оросителя, проходившая от пунктов №№ 180—181 через Еркурган на Абран и Касан до поселения № 283, совпадала с современным направлением Рудаксая и, видимо, в древности он разветвлялся в районе поселений № 2, 180, а его северная ветвь уходила в сторону Киндикли-тепа. Здесь зона орошаемых земель шла полосой от Абрана по направлению на северо-запад до Актепа. Выше, в районе Еркургана все орошаемые земли вдоль трех основных оросителей правобережья сливались в единый основной массив.

В этой местности густо обжитой и застроенной зоне вокруг Еркургана не все точки на карте отмечены условными значками с номерами вследствие того, что масштаб условных обозначений превышал реальные размеры тепа, теснившихся вокруг центрального города. Но этот недостаток карты для нас не имеет принципиального значения, поскольку здесь важно было установить общие размеры самих скоплений и их взаиморасположение. Выявлено, что типы и размеры тепа и городищ, образовывавших эти группы поселений, довольно разнообразны.

Для этой системы поселений характерно преобладание мелких групп усадеб (по 5—10) различных типов, располагавшихся на бо-

ковых отводах основного оросителя — Рудаксая. В центре размещался Еркурган, имевший в радиусе 3—4 км густообжитую пригородную агломерацию, в которой зафиксировано более 50 отдельных больших и малых тепа -руин усадеб и других строений. Часть их, что в периферийной зоне пригорода Еркургана, после прекращения здесь жизни преобразовалась в небольшие городища, это, в частности, Коштепа II (№ 173), Алтынтепа (№ 50), Гишман (№ 118) и Карабаиртепа (№ 26). Холмы же вокруг Еркургана сравнительно небольшой высоты (1—2 м) представляют собой руины пригородных усадеб и отдельных сооружений, расстояние между которыми от нескольких до десятков метров. На отдельных из них производились раскопки (Р-17, Р-18, Р-19).

К востоку от русла Рудаксая, ныне преобразованного в дренажный коллектор, находится десяток усадеб в районе кишлаков Шербек и Байтерак. К востоку от Еркургана, вдоль правобережья русла Кашкадарьи выделяется цепочка небольших тепа IV—VI вв. (№№ 117—147), видимо, эта полоса земель была освоена в то же время. Такая цепочка тепа идет и по левому берегу реки на расстоянии около 1 км от самого русла.

В этой связанной с Еркурганом ранне-средневековой системе поселений выделяются и отдельно стоящие тепа, половина которых — крупные замки и городища (Касантепа, Абран, Мудинтепа, Пудина), т. е. поселенческая система состояла не только из групп мелких усадеб, но и отдельно стоявших, крупных, сильно укрепленных замков и поселений. Первые, видимо, отражали общинное владение землей, а вторые могли быть феодальными владениями.

Третья зона поселений, связанная с оросительной сетью, идущей через район кишлака Паштан и арыка Мушван, состоит из трех групп разных как по размерам, так и типологии поселений. Древние крепости, располагавшиеся по периферии оазиса, продолжают обживаться. В каждой из групп той поры можно выделить наиболее крупные городища: это Таллишбий, Исабайтепа и Муглан. Судя по подъемному материалу, крупные укрепленные поселения №№ 330, 336, 370 складывались в то время на местах более ранних мелких усадеб.

Аналогичные процессы интенсивного освоения и обживания орошаемых площадей отмечаются и по левобережной части Каршинского оазиса. В головной зоне самого большого оросителя левобережья на месте первоначального, сравнительно небольшого укрепления стал быстро складываться сильно укрепленный феодальный замок, превосходивший по масштабам все прочие замки Каршинского оазиса. Масса новых поселений и, видимо, демографический рост населения привели к оскудению водного дебита оазиса, в силу чего регулирование стабильного во-

дораспределения приобрело особое значение. Укрепленный замок Нахшаба Шуллиуктепа, игравший роль самаркандского Варагсара, охранявшего плотину Даргома, отличался от последнего тем, что находился не на краю своего оазиса, а в центре его и позже, после падения Еркургана, стал столичным городом. Схожее положение имел замок Беркуткала в одноименном оазисе Хорезма, игравший в VI—VIII вв. роль городка (Толстов С. П., 1948 а. С. 135).

На большом оросителе левобережья, шедшем от Шуллиуктепа, в то время возникли поселения №№ 302, 401, 402, а № 411, возможно, стало преобразовываться в крепость. Вместе с более древними укрепленными поселениями №№ 403, 412, 413 они образовывали компактную группу, вокруг которой отсутствовали мелкие усадьбы. Расположенные на краю оазиса, они обладали развитой фортификацией и концентрировали в себе земельное население, т.е. по определению Ю. А. Андреева были квазигородами. Выше по оросительной сети в основном располагались группы мелких усадеб. На среднем оросителе, шедшем по направлению от городища Ляганды на Куня-Фазли, выделяются три группы поселений и усадеб, среди которых было шесть крепостей и два крупных городища. Большинство поселений — типа тепа с площадью — стали появляться в IV—VI вв.

По крайнему южному оросителю можно выделить семь небольших групп поселений. Калаи Захоки Марон в то время подвергся капитальной реконструкции. Кроме того, отмечаются группы поселений в районе кишлаков Ширали и Раимсуфи, первая из которых базируется на водах низовьев Гузардарьи, хотя топографически примыкает к Каршинскому оазису.

Группы рассмотренных выше поселенческих структур состоят в одних случаях из единичных усадеб, замков и городищ, в других — из нескольких мелких усадеб. В больших по количеству группах соответственно увеличивается число не только мелких усадеб, но также замков и крепостей.

По Гузарскому оазису, наряду с увеличением общего количества поселений, в то время наблюдалось зарождение центральных замковых частей будущих основных раннесредневековых центров оазиса: Ходжа Бузруга (№ 2), Курган Гузара (№ 101) и Уликтепа (№ 69) (рис. 31). Однако функцию центрального места, видимо, продолжало выполнять городище Ялпактепа (№ 9). Судя по сложной структуре, Ялпактепа, возможно, пережило эволюцию, аналогичную Киндиклитепа в Каршинском оазисе; сначала это была квадратная крепость с квадратной цитаделью в центре, а затем в углу внешней стены была возведена малая стена, ограждавшая квадратное в плане внутреннее укрепление-акрополь с небольшой башней цитадели в углу. По периферии этого оазиса продолжали обживать-

ся подквадратные в плане крепости — наследие более ранней поселенческой структуры. Новые крупные замки тоже строились преимущественно по периферийной зоне оазиса, окаймляя его с юго-востока.

На Большой Урадарье подъемная керамика IV—VI вв. отмечена на трех поселениях, на Малой Урадарье — на восьми тепа.

В распределении поселений и усадеб Каршинского оазиса той поры при общей их привязанности к единой оросительной сети по плотности можно выделить центральную, среднюю и периферийную зоны, в которых количество поселений редело от центра к краям. Но самое важное, что для групп поселений того времени характерно распределение площадей по отдельным кучностям (рис. 32). Замеры общих площадей этих групп поселений или кучностей показали, что кривая распределения их площадей с интервалом от 100 до 1000 га дает максимум в 200 га и затем резко уходит вниз, а большие по площади группы поселений крайне редки (рис. 25). На 100—200—300 га приходится 18 из 33 кучностей поселений, т.е. более половины. По площади эти группы — наиболее типичные административные единицы, в которые были объединены поселения Каршинского оазиса.

Е. Е. Неразик, ссылаясь на этнографические параллели, отмечала для средневекового Хорезма, что патронимические группы, объединявшие воедино отдельные крестьянские хозяйства, могли быть основными податными единицами налогообложения и распределения воды (Неразик Е. Е., 1976. С. 232—233). О хозяйственном водораспределении для древности и раннего средневековья у нас по Средней Азии сведений пока нет, если не считать приводимую Геродотом практику взимания дани за воду на р. Акес в середине I тысячелетия до н.э. (Геродот, III 117).

Для эпохи конца XIX — начала XX в. Р. Я. Рассудова приводит многочисленные сведения об общинных формах организации труда в районах поливного земледелия долины Зарафшана и Кашкадарьи (Рассудова Р. Я., 1971. С. 274—282). При этом выделяются два уровня организации труда крестьянских хозяйств: мелкие родственные группы, селившиеся рядом (кош, алгов, жабди), и более крупные общины, объединявшие эти группы. В Ташкенте мелкие общины назывались топ, в Фергане — кетман (Андрианов Б. В., 1988. С. 23). Община могла объединять одно или несколько селений, она имела выборное управление, свою оросительную систему, свое распределение угодий и воды. По данным А. Р. Мухамеджанова, собранным по Бухарскому оазису, подобные общины назывались курак или корак, и приводимый у Наршахи топоним Кораки-Алавиен в пригороде Бухары свидетельствует о том, что этот термин был известен уже при Саманидах (Наршахи. С. 27).

По данным А. Р. Мухамеджанова, в XIX в. вода в реке Зарафшан измерялась раваками, а всего в Зарафшане она была равна 21 раваку. Равак состоял из 40 кураков, курак делился на 2 тока, ток — на 4 чорака, чорак — на 2 нимча и т. д. Один курак воды орошал до 5 танабов посевов, т.е. 120 га, один курак воды при зерновых культурах мог орошать и гораздо большую площадь (Мухамеджанов А. Р., 1978. С. 128—132). Судя по изложенному и учитывая устойчивость традиционных размеров водопользования в условиях оазисного земледелия с примитивной техникой орошения, можно полагать, что пик кривой размеров площадей групп поселений Нахшаба в 200 га отражает площадь позднеантичной и раннесредневековой земледельческой общины Каршинского оазиса, которая и являлась, вероятнее всего, единицей водораспределения и налогообложения.

По всей видимости, интенсивность утилизации земель оазисов намного превышала соотношение орошенных и неорошенных площадей оазисов древности от 1:1 до 1:2 (Лисицина Г. Н., 1978. С. 126—129). Но оросительная сеть, особенно мелкая, со временем тоже менялась, и поскольку многие из отмеченных поселений многослойные и находятся в районах, обживавшихся до XX столетия, можно полагать, что в данном случае срабатывал сугубо социальный фактор, стимулировавший развитие поселений группами, и оросительная сеть, видимо, веками регулировалась и поддерживалась именно в районах уже сложившихся селитебных групп.

В тот период небольшие поселения появились и вдоль трассы большого канала Эскиангар, бравшего начало от канала Даргом самаркандской оросительной системы. Это, в частности, поселение Талактепа и группа безымянных бугров (№ 226—265). Орошались ли земли этих поселений паводковыми водами низовий саев крайних северо-западных отрогов Зарафшанского хребта и колодцами, или тогда была возведена гигантская по тем временам эскиангарская система, осуществившая межбассейновую переброску вод, пока неясно; возникновение Эскиангарского канала обычно датируется эпохой развитого средневековья (Кабанов С. К., 1959. С. 154).

Судя по интенсивности освоения и заселения земель в Задаргомской степи и территорий на крайней западной периферии Бухарского оазиса, не исключено, что период IV—VI вв. характеризовался некоторым увлажнением климата в Средней Азии.

В эпоху раннего средневековья резко возросла роль селений, находившихся в головных частях больших оросительных систем, от которых зависели регулировка и распределение воды. С. П. Толстов отмечает, что в то время в этих зонах, как правило, находились замки крупных феодалов, ведавших распределением воды (Толстов С. П., 1948 а. С. 35). В Самаркандском оазисе на ключевом

участке плотины в головной части канала Даргом, орошавшего округу Самарканда, возникло укрепление Варагсар, контролировавшее подачу воды в Даргом, а в нескольких километрах ниже по течению в междуречье Зарафшана и Даргома начал складываться величественный сельский храмовый комплекс, не уступавший по своему великолепию и богатству аналогичным храмам Пянджикента (Самибаев М. К., 1993). Считается, что этот культовый комплекс, возведенный у начала Даргома, имевшего жизненно важное значение для Самарканда, поскольку располагался на оживленной трассе между Самаркандом и Пянджикентом, мог быть посвящен духу или божеству р. Зарафшан, подобно храму Окса на Тахти Сангине (Самибаев М. К., 1993).

Средневековый Несеф, находившийся в излучине р. Кашкадарья и остававшийся за пределами зоны прямого влияния столицы на Еркургане, в 5 км к югу от нее, в IV—V вв. был сильно укрепленным замком, контролирующим основные оросительные системы раннесредневекового Нахшаба. Став после разгрома Еркургана в VI в. основным стратегическим пунктом оазиса, он в VII—VIII вв. вскоре превратился в самый крупный и мощный по фортификации замок, а затем и быстрорастущий столичный город всего оазиса. Имел ли сам Еркурган в начале Рудакая, непосредственно орошавшего сельскую округу столицы, специальное более раннее укрепление, неизвестно, но им могло быть высокое тепа близ кишлака Абдида выше г. Несеф по течению.

Среди замков и усадеб (в виде укрепленных башен с площадкой) к IV—VI вв. относятся наиболее мелкие, а крупные датируются VII—VIII вв. Кроме того, в распределении памятников по их частоте, по мере удаления от центра близ Еркургана к периферии в выделенных трех зонах по плотности частоты городов, поселений, замков и усадеб, наиболее мелкие из них — усадьбы — преимущественно концентрируются в центральной зоне оазиса. На периферии их количество редет, здесь в основном располагаются крупные и хорошо укрепленные поселения и замки. Однако внутри мелких групп, образующих основные ячейки структуры оазиса, какой-либо системы не выявлено. Эти единицы водопользователей могли состоять как из мелких усадеб, так и крупных замков или же одного отдельно взятого городища. Состав этих групп поселений неоднородный, сюда входили как мелкие, так и крупные укрепленные поселения. Независимо от размера и статуса, они, видимо, образовывали единые группы водопользователей. Я. Г. Гулямов в связи с этим отмечает, что в Хорезме эпохи Рахимхана I при налогообложении посевов земли групп разных землевладельцев измерялись джабди или кошами, в случае же, когда они составляли несколько джабди, чиновники

формально принимали их за один джабди (Гулямов Я. Г., 1957. С. 263), что можно истолковать в качестве официальной привилегии аристократов.

Структура социально-поселенческой системы древнего Каршинского оазиса прежде всего определялась наличием ирригации. Фактор расстояния торговых связей, имеющий в модели В. Кристаллера первостепенное значение, в условиях оазисов Средней Азии играл второстепенную роль, определяя центральное положение лишь столичного города оазиса.

Для древности в условиях отсутствия мелкой разменной монеты система мелких крепостей и городков, равномерно охватывавших всю площадь оазиса, осуществляла, как мы полагаем, функции земледельческих центров, которые одновременно выполняли роль хранилищ, а также заготовительных и первоначальных пунктов сбора подати в казну в виде натурального сельскохозяйственного продукта, что документально засвидетельствовано надписями на остраконах и для Нисы парфянского времени (Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., 1951; Дьяконов И. М., Лившиц В. А. 1960). Для хионито-эфталитской поры Нахшаб имел уже вполне сложившийся местный рынок, обслуживавшийся многочисленными эмиссиями местного типа монет. Не исключено, что в то время могли складываться зачатки системы денежного налога обложения, при которой налогоплательщик независимо от того, в каком объеме и на каких основаниях он пользовался земельно-водными ресурсами оазиса, вносил налоги в соответствии с размерами землепользования и своим социальным статусом.

В Средней Азии, начиная с Ахеменидов, функционировала сложная и развитая система учета и налогообложения. Для Пянджикента предарабской поры документально засвидетельствовано, что сам правитель вплоть до мелочей распоряжался своими именными и хозяйствами, разбросанными по всему бассейну верховьев Зарафшана (Лившиц В. А., 1962, II. С. 132, сл.).

Развитая денежная система оазисов эпохи раннего средневековья позволяла держателям земель, независимо от размеров землепользования и их сословного статуса, более свободно распоряжаться излишком продукта, но, главное, вести унифицированную систему исчисления подати в денежных единицах, выпускаемых в том или ином владении. Иначе говоря, всю насыщенную сложную систему хозяйств поселений раннесредневекового Нахшаба объединяла единая денежная система оазиса. Жители массы мелких усадеб и замков, а также обширных поселений наряду с крупными собственниками на вершине социальной пирамиды, где находился правитель оазиса, составляли тот контингент мелких и крупных производителей, который обеспечивал развитие товарного производства и начало рыночных отношений. Каждый из них

имел возможность, минуя ступенчатую бюрократическую систему централизованного перераспределения, реализовать и обменять излишек своего продукта на рынке. Обширные кварталы кузнецов и керамистов на Еркургане IV—VI вв. н.э. свидетельствуют об оживленном торговом обмене между городом и селом той поры. Но владельческие хозяйства и в раннее средневековье сохраняли свою специализацию и административно-бюрократическое управление, подобно Гардани-Хисору с обширными зернохранилищами правителя Пянджикента (Якубов Ю. Я., 1988 б. С. 15). В принципе, по своей социально-экономической природе Гардани-Хисор не отличался от архаического Караултепа ахеменидской поры в Каршинском оазисе, хотя остатки первого представлены укрепленным замком, а второго — мелким неукрепленным поселением, их статус и назначение одно — снабжать свой центр зерноводческой продукцией.

Г. А. Кошеленко, рассматривая вопросы землепользования в Парфии, приходит к выводу, что центральному правительству было неважно, кто пользовался землями государства: рядовые общинники или представители высших сословий, важно было, чтобы подать, соответствующая определенным категориям земель, регулярно поступала в казну (ДГКСА. С. 347). В принципе это положение уходит своими корнями в практику налогообложения древнейших государств Ближнего Востока, и при Дарии Гистаспе оно было распространено на всю империю (Дандамаев М. А., Луконин В. Г., 1980. С. 108—109).

К VII—VIII вв. крепостной тип поселения с цитаделью в центре стал терять свое значение в раннесредневековой поселенческой структуре. Видимо, лишь крайние, периферийные из них, возведенные в качестве пограничных укреплений, эпизодически, в силу пограничного со степью положения, могли использоваться по своему изначальному назначению. Остальные же сохранившиеся древние и складывавшиеся крупнейшие замки новой знати, тесно связанные с VII—VIII вв. с верхушкой Тюркского каганата, с окончательным распадом централизованных административных связей стали превращаться, по мере усиления раздробленности, в оплоты феодального сепаратизма на местах. Повсюду в оазисах тогда процесс феодальной раздробленности с одновременным увеличением количества мелких городков феодального типа начал приводить к политической децентрализации оазисов и появлению независимых владений. Этот процесс достиг своего апогея в момент кризиса политической власти каганата.

При всей компактности и плотности заселения определенные тенденции в этом направлении, возможно, имели место и в Нахшабе. В частности, одно из крупнейших городищ оазиса Безда, судя по распространению подъемного материала и микрорельефу руин былых стен, в VII—VIII вв. было зна-

чительным по размерам укрепленным городом оазиса, мало уступавшим в то время по общим своим размерам раннесредневековому Нахшабу — Несефу.

Условия эволюции городских центров оазисов Южного Согда в составе хионитского и эфталитского государств и сменившего их Тюркского каганата при общей тенденции постепенной феодализации структуры общества заметно различались. Эфталитское государство было последней попыткой создания мощного централизованного государства, подобно Кушанской или Сасанидской империи, продолжавшего традиции древневосточной деспотии с ее активной внешней экспансией, государственными и политическими институтами, традициями религии, монетной чеканки, эллинизированного наследия в искусстве. Государственная политика урбанизации как средство опоры и упрочения власти находила осознанное воплощение в реконструкции и развитии городских центров оазисов Согда и Нахшаба.

Однако сложиться в стабильное, зрелое, унитарное государство империя эфталитов не успела, оставшись в виде конфедерации, где каждая область имела свой монетный чекан. Общегосударственной монетной системы, как в государстве кушан, парфян или Сасанидов, эфталиты не создали. В момент разгрома эфталитов объединенными силами тюрков и Сасанидов их государственность, видимо, была еще на стадии ранней Парфии или юечжийской конфедерации в Бактрии.

Тюрки опирались не на крупные города, оставшиеся после эфталитов, а на мелкие городки и замки. При них закончилась эпоха строительства городов и крепостей по единому плану; усадьбы с укрепленной башней, увеличившись в размерах, стали превращаться в замки, а вокруг крупнейших из них уже стихийно начали складываться новые городки. Реже центральные укрепления таких отдельных античных городков, как Безда, Касби или Касан, превратившись в местные центры, стали обретать, начиная с VII—VIII вв., небольшие шахристаны.

Более древние города Нахшаба за III—VIII вв. тоже претерпевали существенную эволюцию. Градостроительство хионито-эфталитской поры продолжило античную традицию единой общегосударственной политики развития городов сверху. В течение III—IV вв. в столичном Еркургане был проведен большой комплекс строительных работ, начало возводиться здание храмового комплекса в центре города поверх обветшавших и сгнивших руин более раннего храма. За пределами внутренней стены города, к югу от него, симметрично высокому холму замурованной дахмы был возведен величественный мавзолей, поднятый на вершину пирамидального постамента. Судя по комплексам сопровождающего материала и квадратному античному формату кирпича, сооружение этих

культовых комплексов относится к III в. При дальнейших перестройках храмового комплекса, наряду с квадратными, начинали использоваться и прямоугольные формы кирпичей неустойчивого стандарта.

На обширной площади в северной части города стал возводиться величественный двухъярусный дворцовый комплекс. Это было самое грандиозное здание в городе общей площадью около 1 га. Была реконструирована стена города на высоком обширном валу, образованном руинами предшествующей стены, расширенной дополнительными кладками и засыпкой земли поверх специального глинобитного полотна. Из квадратного сырцового кирпича была возведена новая стена с внутрискладочным коридором со сводчатым перекрытием и полукруглыми башнями, замкнутыми слабо выступавшими архаические башни эпохи эллинизма. Одновременно на северном фланге внутренней стены, ближе к северо-восточному углу, была возведена обширная цитадель в виде военного форта на высокой платформе вровень с внутренним коридором оборонительной стены, также окруженная стеной с внутрискладочным коридором и частыми узкими, обращенными в город, бойницами. На северном фланге цитадели, объединенной с оборонительной стеной, возвышалась двухэтажная дозорная башня, прототип аналогичной дозорной башни на северном фланге Ичан-Калы поздней Хивы.

Судя по комплексам археологических кладок, где наряду с квадратным кирпичом античной поры стали встречаться и первоначально неустойчивого формата прямоугольные кирпичи, возведение дворца и реконструкция оборонительных стен были произведены сразу вслед за культовыми сооружениями города. К этому и последующему периодам относится, видимо, и коренная реконструкция внешней стены Еркургана общей протяженностью около 4,5 км.

При непрерывных войнах, сменах династий, миграциях новых для Согдианы этносов для Нахшаба III—IV вв., видимо, была характерна преемственность правления, что позволяло, вероятно, за несколько десятилетий завершить реконструкцию всего города и далее веками ремонтировать и поддерживать его фортификацию, культовые и общественные здания.

На протяжении всего этого периода, последнего максимального подъема городской жизни на Еркургане (III—VI вв.), интенсивно функционировали основные ремесленные кварталы керамистов и кузнецов, типичные для древних городов Средней Азии. Прядение и ткачество были придомным занятием женщин. Судя по находкам пряслиц и грузил ткацких станков, пряли и ткали во всех жилых и производственных комплексах, т. е. говорить о специализированном товарном производстве текстильной продукции не приходится.

Пространство внутреннего города было занято кварталами плотной регулярной жилой застройки. Регулярностью планировки отличался и построенный в эфталитское время Пянджикент (Распопова В. И., 1993. С. 33).

Во внешнем городе застройка имела вид отдельно разбросанных больших массивов, чередовавшихся, видимо, если не с посевами, то с садами. Вдоль наружного края рва, окружавшего внутреннюю стену города, шел широкий прерывистый вал, вероятно, представлявший собой остатки вытянутого по периметру стен древнего города массива жилых строений. Подобные массивы жилой застройки начали складываться с середины I тысячелетия вокруг крепостей и замков раннего средневековья, давая начало формировавшимся шахристанам средневековых городов Нахшаба. Общую картину развития свободной застройки городской территории дают северные регионы Средней Азии: это Чач, Отрар и Фергана. Здесь, как на раннесредневековой Канке в шахристане III, жилые комплексы представлены отдельными усадьбами замкового типа (Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И., 1989). На Еркургане, судя по вскрытию остатков монументального комплекса на Р-2, расположенного между храмовым комплексом и дворцом, парадная, монументальная архитектура, подобно Бактрии и Хорезму, была характерна для городской застройки уже с III—IV вв. Не исключено, что на Р-2 находятся руины жилого дворца правителя Еркургана.

Вокруг столичного города на Еркургане в то время существовала обширная зона единой довольно густо обжитой агломерации мелких неукрепленных усадеб, перемежавшихся, видимо, с участками садов и полевых. Это была зона прямого административно-хозяйственного влияния центрального города, урбанизированный пригород, сформировавшийся еще в пору античности и сохранявший свое значение. Помимо усадеб жилого характера, к юго-западу от города располагается довольно крупное сооружение культово-мемориального назначения Хантепа, хотя внешне оно обладает всеми особенностями жилой, замковой архитектуры (Нефедов Н. Ю. 1991). Были, видимо, и ремесленные производства, как это отмечено на Р-17 к западу от города для предшествующей поры. Но и в зоне пригорода Еркургана дома и усадьбы тоже образуют отдельные группы или цепочки, связанные с оросителями и направлениями основных дорог. Они представляли собой прототип «мавзе» позднесредневековых городов Средней Азии — сгустки пригородной застройки, тянувшиеся вдоль основных трасс, отходящих от городских ворот в разных направлениях.

Видимо, в IV—VI вв. Еркурган, внешняя стена которого ограждала площадь в 150 га, был самым крупным городом Согда. Самарканд на Афрасиабе в то время имел площадь

70 га, Бухара и Кеш — и того меньше (Ахунбабаев Х. Г., 1987. С. 10).

Типичная для классического Востока панорама крупного города с эстетическим акцентом на крупные архитектурные ансамбли, выходящие на площадях, куда из плотной застройки выводили городские улочки (Ахмедов М. К., 1989), на Еркургане наблюдается с III—VI вв. Причем это касается как общей структуры пространства городской застройки, так и особенностей решения объемов монументальных комплексов и жилой застройки с мелким функциональным членением рядовой застройки, где помещения чередуются с мелкими дворами, имеющими, как правило, крытые галереи или айваны (Ноткин И. И., 1989).

Характерно также появление вторых этажей в наиболее плотных участках застройки кварталов гончаров и кузнецов, а также торгового ряда вдоль улицы квартала кузнецов, что тоже является характерной чертой средневекового города Средней Азии. Как показали раскопки квартала мукомолов, бойкая рыночная торговля была характерна для ремесленных кварталов Мерва эпохи Сасанидов, где было найдено несколько сот монет (Кацурис К. А., Буряков Ю. Ф., 1963). Начали складываться также рынки на улицах и площадях раннесредневекового Харахкета в Чаче (Богомолов Г. И., 1989. С. 9).

Судя по эволюции базара Пянджикента, первоначально сложившегося в шахристане города, а затем, после ухода основной массы знати из города, вынесенного за пределы стен для обслуживания сельских жителей и арабов, стоявших в цитадели Пянджикента, известно, что торговля была максимально приближена к покупателю (Распопова В. И., 1993. С. 26—27). Торговые лавки при ремесленных мастерских Еркургана и Мерва в основном обслуживали горожан, а реализацией продукта занимался сам ремесленник.

Как показали вскрытия стен городищ Киндиклитепа и Калаи Захоки Марона, в IV—VI вв. они были реконструированы, но масштабы городищ при этом уменьшились. Калаи Захоки Марон был реконструирован в пределах второго ряда стен, а на Киндиклитепе по периметру внутреннего квадрата стен, поверх древнего оплывшего вала, была возведена новая кирпичная стена с внутренним коридором и коробовым перекрытием, а в восточном углу построена небольшая возвышавшаяся, согласно моде эпохи, цитадель (Хасанов М., 1990. С. 9). О том, что сокращение площади самой Киндиклитепы отнюдь не свидетельствует об упадке урбанизации при хонитах и эфталитах, говорят появившиеся именно в это время остатки нескольких крупных монументальных усадеб в радиусе до 1,5 км от городища и равный площадью самому городищу, аморфный по плану, массив сплошной застройки к западу за пределами внешнего его вала. Стены с вну-

тренными коридорами и с коробовыми перекрытиями сырцовым кирпичом начали возводиться в это же самое время на Калаи Захоки Мароне, Касантепа и других крупных укрепленных городищах.

В тот период не только близ Еркургана, но и вокруг стен мелких городков и крепостей (Киндикли, Касби, Безды, Талисора, Ялпактепа в Гузарском оазисе и др.) стала развиваться рассредоточенная неукрепленная жилая застройка, начавшая складываться позже и вокруг крупных замков, перерастая при благоприятном стечении обстоятельств в шахристаны средневековых городков. Продолжали возводиться и городища с цитаделями в углу. Раскопки на одном из городищ той поры — Мудинтепа — показали, что прямоугольник его стен был построен в IV в. н.э. (Кабанов С. К., 1950).

В качестве редкой особенности оборонительных стен, строившихся вокруг городов и крепостей Нахшаба той поры, следует отметить характерный прием оформления угла в виде угловой или дуговидной выемки близ ворот в прямоугольном абрисе плана городища, и возле этого входа находилась укрепленная башня городища. Это можно отметить также для юго-восточного и северо-западного углов внешней стены Еркургана. Данный тип оформления входов был издревле характерен для районов Приаралья, начиная с укрепленных городищ джетыясарской культуры, когда спиралеобразный внешний их контур образовывал разомкнутые концы круглой в плане внешней стены, составляя входной коридор (Толстов С. П., 1962, С. 132). Подквадратные в плане цитадели в углах городских стен, где находились ворота, позже имели «болотные» городища и раннесредневековые поселения низовьев Сырдарьи (Толстов С. П., 1962, С. 197, 223, 277).

Однако внутренняя структура застройки джетыясарских городищ была прямоугольной. В этой же традиции часто оформлялись входы в помещения и погребальные склепы джетыясарской культуры в виде так называемого скользящего прохода (Левина Л. М., 1993, рис. 6, сл.). Подобный тип прохода в помещении был распространен и в рядовом жилье Нахшаба с IV—V вв. н.э. Эти детали фортификации и архитектуры дополняют картину инноваций джетыясарского культурного комплекса в материальную культуру Нахшаба IV—VI вв. н.э.

Эпоха IV—VI вв. являлась порой градостроительства не только в Нахшабе. В Самарканде была возведена вторая городская стена, до 21 га разросся Пайкенд, городище Дурмен близ Самарканда достигло 16 га, до 13 га была расширена и окружена новыми стенами Варахша, появились города Роми-тан, Пянджикент, а в Чаче начал складываться крупный город Кавардан (Буряков Ю. Ф., 1982, С. 3; Мухамеджанов А. Р. и др., 1988.

С. 187; Туребеков М., 1990, С. 54). Площадь в 20—30 га была типична для раннесредневековых городов Средней Азии (Беленицкий А. М. и др., 1973, С. 6).

Но крупные античные города, попавшие в неблагоприятную пограничную, спорную зону между государствами хионитов-эфталитов и Сасанидами, как Мерв, испытывали определенные сложности, но, тем не менее, и в нем Сасаниды вели активное строительство. В Мервском оазисе развивались местные центры в виде укрепленных городков и крепостей: Дурнали, Чильбурдж, Чанглы, Мунондепе, Девкала и др. (Филанович М. И., 1974, С. 47; Ханмурадов К. Н., 1989, С. 6). Столичный город Северной Бактрии на Дальверзинтепа и другие стали забрасываться и начал возводиться город Будрач (Ртвеладзе Э. В., 1988а, С. 14). Захирело в период Сасанидов городище Ниса в Парфии, были заброшены такие укрепления Бактрии, как Кейкобад и Джигатепе (Массон М. Е., 1949, С. 52; Дьяконов М. М., 1953; Пугаченкова Г. А., 1979, С. 53).

Со второй половины VI в., после разгрома эфталитов и последовавших вслед за этим тюрко-сасанидских столкновений в районе Бухары и Нахшаба, последний вошел в полосу упадка. В VII в. при правителях тюркской династии Тише, Шишпире и Шигайе, в период первой половины VII в. преобладающее положение стали занимать правители Кеша (Гафуров Б. Г., 1989, С. 316). Вскоре, при Вархумане, верховенство в Согде перешло Самарканду. Нахшаб прекратил в качестве самостоятельного владения отправку послов в Китай. Он начал подчиняться сначала Кешу, а затем Самарканду (Массон М. Е., 1973, С. 29). Тем не менее новые правители Нахшаба приступили к чекану своей медной монеты нового типа с портретом правителя на аверсе и изображением коня на реверсе, что означало смену династии правителей Нахшаба (Кочнев Б. Д., 1995).

При тюрках происходила дальнейшая парцелляризация хозяйств, стали забрасываться последние оплоты античной общины, представленные укрепленными поселениями типа раскопанной Кунджутлитепа в Нахшабе или Норттепа в Бухарском оазисе, состоявшие из групп парных семей (Раимкулов А. А., 1992; Абдиримов Р., 1988). Среди усадеб и мелких замков в VII—VIII вв. начали выделяться и крупные. Если в древности, да еще и в IV—V вв., вокруг подпрямоугольных в плане поселений крепостного типа появлялись мелкие дома отдельных не крупных хозяйств, сохранившиеся в виде невысоких овальных и округлых холмов, то в VII—VIII вв. на базе отдельных мелких усадеб стали вырастать крупные замки. Генезис укрепленных твердынь — кешков, этих хозяев новой эпохи, был в значительной мере стихийным, в отличие от строившихся центральной властью поселений

крепостного типа предшествующей поры. Многие из прежних укрепленных поселений, начиная с этого времени, в условиях новой эпохи остались на уровне сельских поселений, пребывая в рамках древних и пришедших в негодность стен своих крепостей и городков. Это характерно для тех групп поселений, где рядом с античным поселением с цитаделью начали возвышаться крупные замки, занимавшие меньшую площадь, но двухъярусные по вертикали. Так, захиревшие крепости №7 и №268 по своей значимости для района сменили возведенные рядом крупные замки №6 и №267. Возраставшие замки в VII—VIII вв. подавляли развитие окрестных усадеб, многие из них стали деградировать и забрасываться, в то время как крупные продолжали развиваться, обрастая по периметру за оборонительными рвами массивами жилых строений зависимого населения. Так, в VII—IX вв. был сформирован согдийский аналог древнерусского посада при феодальном замке.

Говоря о раннефеодальных памятниках Туркменистана, А. Г. Губаев отмечал, что можно различать замки с жилищами зависимого населения непосредственно подле стен замка и замки с поселениями, находившимися на расстоянии, и предполагал, что в данном случае следует различать два вида зависимости крестьян — личную и общинную (Губаев А. Г., 1989. С. 165). К сожалению, в Нахшабе мы не имеем поселений эпохи раннего средневековья, четко связанных с замками и достаточно отдаленными от них, обычно они либо слиты воедино, либо чересчур близки. Этот процесс в деталях был прослежен в свое время в зоне Бури-арыка, на ныне снесенной группе памятников в южной части оазиса С. К. Кабановым, который усматривал в этом проявление процесса феодализации в оазисе в VI—VII вв. (Кабанов С. К., 1966. С. 52—66).

Общая картина оазиса VII—VIII вв. показывает некоторое уменьшение обживавшихся в то время, тепа и городищ по всему оазису, особенно на левобережье. Были заброшены земли в зоне городища Киндиклитепе на крайнем северо-востоке оазиса, а также множество усадеб захиревшего Еркургана.

В Бухарском оазисе, Южной Туркмении и Бактрии в эпоху раннего средневековья тоже преобладали замки с мелкими хозяйствами зависимого населения в их округе (Пугаченкова Г. А., 1958. С. 121—122; Нильсен В. А., 1966. С. 111, сл.; Литвинский Б. А., Соловьев В. С., 1985. С. 199). Для Хорезма это была пора замков и укрепленных усадеб (Толстов С. П., 1948а. С. 128).

VII—VIII вв. — это время Тюркского каганата и борьбы с Халифатом. На это же время выпадает усиление отдельных наиболее крупных усадеб и окончательное их превращение в раннефеодальные замки; это Алтын-тепа (№50), №6 и др. Отдаленные, перифе-

рийные тепа продолжали обживаться, но внутри оазиса они редели. Резко обезлюдела зона Еркургана, сам город запустел, а отдельные усадьбы, как №13, стали превращаться в феодальные замки.

Среди руин заброшенного города обживалась лишь небольшая часть квартала керамистов (Р-20), обнесенная специальной стеной, храм сохранялся в виде маленькой часовенки, функционируя в конце своего V строительного периода. Продолжали хоронить последних жителей города на руинах мавзолея (Р-4) и, возможно, это уже были захоронения ремесленников с поселения керамистов. Деградировавший в результате падения империи эфталитов город сохранился в виде мизерной общины ремесленников-керамистов, которая, подобно быстро возраставшим феодальным замкам, имела свое укрепление на верху углового бастиона внутренней стены города (Р-7) и, видимо, обладала структурой рядовой сельской общины, унаследовавшей, однако, свое ремесленное происхождение и функции.

Столица Нахшаба развивалась на сильно укрепленном и быстро росшем Шуллиуктепе, но такой густой пригородной зоны обживания, которую имел Еркурган, вокруг Шуллиуктепа нет. Причина, видимо, в гипсометрической ситуации города; здесь непосредственно на берегу основного русла реки, откуда брали начало главные оросители оазиса, не было мелкой оросительной сети и массивы насаждений начинались на расстоянии от города. Сам же город, как показали исследования Б. Д. Кочнева, в X—XIII вв. в основном пользовался колодцами. Да и беспокойная эпоха VII—VIII вв. не способствовала, видимо, развитию зоны пригородной усадебной застройки.

В зонах орошенных земель, ближайших к руслу реки, число обживавшихся населенных пунктов стало редеть, в основном ближе к верхним участкам оросительных каналов, как в районе кишлака Паштан или Талликургона. Отсутствует подъемный материал VII—VIII вв. также на отдельных мелких усадьбах типа тепа с площадью, обживавшихся в IV—V вв. (например, №36). Древние городища, на которых имеется подъемный материал VII—VIII вв., представляли собой в тот период рядовые поселения (рис. 33). В районе и округе г. Карши продолжало обживаться большое их число. Этим же временем датируется и возведение небольшого феодального замка на верхней площадке заброшенного городища Калаи Захоки Марон.

То обстоятельство, что продолжало обживаться довольно значительное число мелких усадеб, указывает, что в VII—VIII вв. мелкие земледельцы оставались основой производительных сил общества.

В Гузарском оазисе VII—VIII вв. общая картина поселенческой системы мало изменилась, но кое-где стали забрасываться мел-

кие усадьбы, расти и усиливаться крупные замки, превращаясь в городки или сильно укрепленные поселения с замками (№№ 10, 33, 60, 102). Прежний городок на Ялпактепа захирел (рис. 35).

В долинах притоков Гузардарьи продолжала обживаться часть прежних поселений. Здесь, видимо, в то время начали превращаться в замки Белибойлитепа, Бибикорасочапатепа в долине Малой Урадарьи и тепа № 16 в долине Таркапчигая.

Перерыв традиции, произошедший, видимо, в результате смены хионито-эфталитских династий тюркскими не прошел бесследно как для систем расселения, так и процесса урбанизации в целом. Господство Тюркского каганата привело к смене централизованной политики урбанизации хионитов и эфталитов, при которой процветали и крупные, и мелкие города и селения, на иную политику, основанную на системе вассальной зависимости, когда масса мелких независимых феодалов начала усиливать свои замки (кешки) в ущерб крупным урбанистическим центрам, с одной стороны, и мелким селам и усадьбам независимого общинного крестьянства — с другой.

Гигантские размеры замка Нахшаба на Шулликтепа площадью чуть более 3 га не являлись исключением; в то время, как показали результаты последних исследований, аналогичным двухъярусным замком в эпоху Бухархудата Бидуна был и Арк Бухары (Мирзаахмедов Д. К., 1988. С. 57—68), но главное отличие тюркской поры от предшествовавшего времени заключалось в том, что центром будущего города был замок, подобный десяткам таких же феодальных укреплений в Нахшабе и Гузаре, что окончательно свело на нет принципиальную разницу между селом и городом в Южном Согде после падения древней столицы на Еркургане с ее изначально урбанизированной структурой. Укрепление же на Шулликтепа при всем его грандиозном масштабе было замком; ни городских кварталов, ни городских храмов, ни отдельного от замка дворца здесь не было предусмотрено, все эти элементы города начали стихийно складываться вокруг замка позже, уже в эпоху средневековья. К северо-востоку от нового столичного города в сторону Еркургана стал развиваться обширный городской могильник.

Градостроительные работы в оазисе замерли, но росло количество крупных замков, подобных Нигузтепа, Кафиртепа, Касантепа и отдельных укрепленных поселений на высоких глинобитных платформах, типичным среди которых является Шайхалитепа. Данный тип укрепленного селения в то время был характерен также для Бухарского и Мервского оазисов: это городища Ходжапарсан, Ходжакул и Наршах в Бухарском оазисе. Подобные поселения имеются и в Юж-

ной Туркмении (Бабаев А. О., 1987. С. 13). Древние городища подквадратного плана с цитаделью в середине и углу были частично заброшены, а часть обживалась в качестве рядовых селений, что отмечается и для античных укрепленных городищ других оазисов Средней Азии (Бабаев А. О., 1987. С. 12). Был заброшен и Киндиклитепа вместе с окружающими его усадьбами. Пригородные усадьбы появлялись и умирали вместе с рождавшими их городами.

В отличие от Бухарского оазиса и владения Кан в Самаркандском оазисе, мы не знаем, были ли резиденциями удельных владетелей наиболее крупные из таких замков и городищ VII—VIII вв., как Варданзи, Ромитан или Иштыхан. Видимо, Нахшаб на Шулликтепа весьма быстро стал центром всего оазиса.

Некоторые топонимы эпохи раннего средневековья дают представление о функциональных особенностях наиболее крупных поселений и городов. Так, видимо, Варахша и Варданзи в Бухарском оазисе свидетельствуют о том, что авестийский термин «вара» в эпоху появления этих топонимов был применим к обозначению укрепленной резиденции правителей. Топонимы с термином «фагн» и «багн» означали культовые центры (Смирнова О. И., 1971). Таковым, безусловно, являлся городок Искифагн в Гузаре, Губдин — синоним средневековых зороастрийцев «бехдинов» — тоже, видимо, был одним из раннесредневековых культовых центров Нахшаба. Но, главное, в то время не было терминологических отличий для обозначений города и села, и первое, и второе образованы от традиционных «кат» или «кент».

В. И. Распопова, анализируя юридический статус поселений раннесредневекового Согда, считает, что они могли принадлежать общине или именитым владельцам, подобно Варахше — загородному домену Бухархудатов (Распопова В. И., 1993. С. 35). Думается, что топонимы городов и селений, производные от «кат» и «канд», должны были означать общинную суть и структуру власти в них, что для Пянджикента подтверждено письменным указанием на роль «народа Пянджикента», т.е. городской общины (Лившиц В. А., 1962, т. II. С. 69—70; 91—96, 149).

В целом динамика изменений поселенческих структур Южного Согда в эпоху перехода от древности к средневековью протекала в два качественно отличавшихся друг от друга этапа. На первом, в хионито-эфталитское время, наблюдалось массовое распространение мелких укреплений, усадеб и поселений, видимо, с архаической агнатной структурой проживавших в них общин. Это была эпоха преобладания, по выражению С. П. Толстова, духа варварской сплоченности и демократии, в чем и заключалась сила хионитских и эфталитских правителей. Как известно, в VII—VIII вв. на всем Ближнем Востоке и Центральной Азии достиг своей

вершины болезненный процесс вызревания из недр античных социальных структур, характеризовавшихся сочетанием общинной организации общества на местах с регулирующей ролью царской деспотии сверху, новых форм отношений — власти мелких царьков и князьков с личной зависимостью крестьян и слуг-кедиверов от власти практически самовластных мелких землевладельцев — дихкан.

В сасанидском Иране жречество отошло на второй план, уступив функции управления и сбора налогов воинскому сословию (Christiansen A., 1944. P. 165, сл.). В массовых антифеодальных движениях той поры, в восстаниях маздакидов, Аброя, в социальном протесте принимали участие недавно чуждые и воевавшие друг с другом этносы. Особенно сти социального развития той эпохи отразились в Нахшабе, как и во всем Согде, в росте крупных замков и сложении вокруг некоторых из них мелких посадов, где было сосредоточено зависимое население: крестьяне, ремесленники, слуги. На юге Средней Азии эти процессы начались раньше. Так, уже для III в. В. Н. Пилипко для районов Парфии отмечает рост количества крупных изолированных усадеб (Пилипко В. Н., 1989. С. 22).

Однако нельзя сказать, что с падением крупнейшего городского центра Согда IV—VI вв. Еркургана древние традиции урбанизированной культуры были утрачены и наступила фаза деурбанизации. Городские центры владений и оазисов, не потерявших своего политического суверенитета, продолжали расти и развивать лучшие традиции городской культуры, искусства и идеологического наследия, о чем свидетельствуют материалы архитектуры, монументального и прикладного искусства Самарканда, Пянджикента, Варакши и других городских центров Согда VII—VIII вв.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОСЛЕНЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НАХШАБА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Далее сам первоисточник наших сведений о системе расселения эпохи средневековья претерпевает принципиальные изменения. Начатая арабами политика искоренения дихканства как носителей политики сепаратизма, продолженная в дальнейшем Саманидами и последующими династиями, была завершена монгольским завоеванием. Последнее гнездо независимого дихканства в Илаке было добито монголами. Борьба центральной власти с дихканством была причиной постоянной социальной напряженности (Кадырова Т., 1989).

Социально-экономические приоритеты средневековья не способствовали развитию замковой архитектуры и цитаделей городов. В эпоху развитого средневековья в условиях крупных централизованных государств оборонительное значение неприступных высоких цитаделей стало теряться, городская жизнь начала переноситься в рабады, формировав-

шиеся в прежних пригородах. Цитадели, а часто и шахристаны, заустевали (Самарканд Несеф, Бинкет). По свидетельству Истахри, в X в. обширная цитадель Мерва была занята огородами и бахчами (МИТТ, т. I. С. 167). Решающую роль в урбаногенезе обретали факторы торговли и экономики.

Особенно бурный рост переживали города, находившиеся в узловых пунктах основных трасс Великого Шелкового пути. В Нахшабе в IX—XIII вв. крупнейшими среди них были Безда и Касби. Складывавшиеся в то время новые города не имели хрестоматийной трехчастной структуры (арк, шахристаны, рабад), характерной для традиционных городских центров; они состояли из дворца и самого города, совмещавшего функции шахристана и рабада (Хульбук, Абрлыг, Дехистан, Султанкала в Мерве), этим же путем шло формирование и посломонгольского города Карши.

Данная структура наиболее полно отвечала функции города в эпоху развитого средневековья и была типична для посломонгольской и позднесредневековой эпох. Средневековый город обычно имел радиально-кольцевую структуру (Зимин Л. А., 1927; Ноткин И. И., 1989; Азимов И. М., 1990. С. 7). При своей двухчастности — арк (кала, урда) и сам город (хисар) — средневековый город несравнимо превышал древний как размерами, так и развитой торгово-ремесленной инфраструктурой и благоустройством. Возраставшее население оазисов (Атагарьев Е. А., 1988. С. 42) и относительная политическая безопасность способствовали быстрому переходу к неукрепленным рассредоточенным поселениям, тянувшимся в виде прерывистых агломераций вдоль оросителей. Да к тому же в строительной технике все шире стала использоваться сейсмостойкая каркасная архитектура, от которой при перестройках ничего не сохраняется.

В Каршинском оазисе и по Гузардарье более чем на двухстах тепа и городищах были получены материалы IX—XIII вв. (рис. 34, 36). Но вряд ли эти более древние руины служили в то время замками и укреплениями, они просто традиционно использовались в качестве поселений, не играя уже той интегрирующей социально-экономической роли, что раньше. Оазис в целом своих границ не менял. Материалы, относящиеся к посломонгольскому времени и до XIX в., были найдены лишь на двух десятках городищ и тепа, оставленных на них, видимо, преимущественно в моменты опасности, когда население искало убежища на древних высоких тепа. Жизнедеятельность же населения протекала уже в кишлаках, которые по большей части сохраняли свое местоположение до начала XX в.

СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ЮЖНОГО СОГДА

На формирование структуры систем расселения издревле влиял и фактор направления

торговых трасс и караванных путей. Воздействие путей торговых связей налагалось на структуру системы поселения, уже predeterminedенную в условиях оазисного расселения оросительной сетью, способствуя росту и повышению пунктов, непосредственно находившихся на торговых трассах.

В долинах Зарафшана и Кашкадарьи, начиная с раннежелезного века, со сложением стабильных очагов оседлоземледельческой культуры и урбанизации, можно говорить и о торговых путях, связывавших оазисы и города Согда с таковыми соседних стран: Бактрии — на юге, Хорезма, Мерва, Парфии — на западе и Ферганы с Чачем — на северо-востоке.

Физико-географически Согд состоял из четырех основных оазисов по Зарафшану и Кашкадарье: это Самарканд и Кеш в верхних водосборных бассейнах указанных рек и Бухара и Карши в нижних их дельтовых частях. Между собой по периметру они были связаны устойчивой замкнутой системой внутри-согдийских путей сообщения, образующих на карте асимметричную трапецию с городами Бухарой, Самаркандом, Кешем и Карши по углам. Все они располагались вдоль русел Зарафшана и Кашкадарьи, за исключением трассы Самарканд — Кеш через перевал Тахта-Карача. Эту кольцевую схему путей сообщения дополняла диагональная линия прямого пути, соединявшая Карши через Джамскую степь с Самаркандом. Второй диагонали, которая могла бы напрямую соединить Бухару с Кешем, не было, из Бухары в Кеш трасса пролегла через Карши вдоль русла Кашкадарьи (рис. 37).

При этом транзитные трассы широтного направления шли из Мерва или Хорезма на Самарканд и далее на Восток, через Бухару или по южному пути через Балх на Карши и далее через Кеш или Джамскую дорогу на Самарканд. Пути же из Согда вели на юг в основном через Карши, средневековый Несеф или Нахшаб. Причем в системе традиционных трасс торговых и культурных связей для Согда особое значение имели меридиональные связи, приводившие на юг — в Бактрию и Индию. Эти связи давали о себе знать с эпохи энеолита, проявляясь в сходстве материалов Саразма с Мергаром. В кушанское время и позже данное направление было известно как «дорога пилигримов» и являлось основной трассой проникновения буддийского учения через Среднюю Азию на Восток. Она шла из Индии через Бактрию и Согд на север до Ферганы и затем поворачивала на Восток в Китай. Этими же путями шли известные китайские дипломаты и монахи: во II в. до н.э. — Чжан-Цзянь в Дахя; в VII в. н.э. — Сюань-Цзянь в Индию; Чань-Чунь — в 1222 г., ходивший на южный берег Амударьи в ставку Чингиз-хана.

На сегодня известен целый пучок параллельных трасс, которые вели от Кеша, Несе-

фа и даже от Бухары, минуя Несеф, к переправам через Амударью и городам Бактрии. Как показывают археологические данные, по времени возникновения они разновременны. Для эпохи древности мы практически не имеем письменных сведений о торговых трассах, проходивших через Согд, хотя косвенных данных, относящихся к первой половине и середине I тысячелетия н.э., более чем достаточно.

О том, что Согд с самого начала своего развития был связан путями сообщения с Бактрией, свидетельствуют описания похода Александра Македонского, который, надо полагать, шел по направлению, проложенному за 200 лет до него Киром, впервые присоединившим Согдиану к своему государству, хотя более ранние ее границы могли не совпадать с долинами Зарафшана и Кашкадарьи и, судя по сообщениям ахеменидских источников о добыче в Согдиане лазурита, простирались восточнее. В описаниях походов Александра Македонского по Согду, в основном известных по изложениям более поздних компиляторов Курция Руфа и Арриана, характеристик путей не дано. В Согде события происходили в трех основных областях и городах: Мараканде, Наутаке и Ксениппе, о локализации которых высказаны различные гипотезы (Ртвеладзе Э. В., 1981; Сагдуллаев А. С. 1981 б). Подсчеты пройденного группой Птолемея пути показывают, что южная периферия земель Наутаки должна приходиться на районы Гузарского или Яккабагского оазисов (Сагдуллаев А. С., 1981 б. С. 38).

Таким образом, основная обжитая и накатанная дорога, которая могла играть роль торгового пути между Согдом и Бактрией, была дорогой, шедшей через Акрабатский перевал, которая и ныне служит основной транспортной артерией между Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областями. Наверняка в это же время, в середине I тысячелетия до н.э., была известна и трасса через Ташкурганский перевал, шедшая через сложный и более отдаленный от основных оазисов Бактрии и Согда перевал, она, видимо, как и позже, имела местное значение. Степные же трассы при всех их удобствах отличались безводностью. То же самое следует сказать и о трассе, шедшей от Мерва на Бухару. Станции и колодцы вдоль этих путей стали сооружаться в средневековье, без чего не только торговые караваны, но и воинские подразделения попросту погибли бы в степи, что показывает маршрут армии Надир-шаха от Бухары на Мерв вдоль этого пути, снабженно колодцами, когда, несмотря на специально подготовленные запасы питья и провианта вдоль маршрута по этой трассе, пересекавшая пустыню армия из-за большого количества личного состава потерпела ощутимый урон (Массон М. Е., 1966. С. 77—78).

При описании переправы войска Александра Македонского на правый берег Амударьи

не упоминается о селениях или специальных пунктах. Иначе говоря, чтобы переправа активно функционировала в середине I тысячелетия до н.э. в условиях относительной политической стабильности и безопасности в государстве Ахеменидов не было необходимости в сооружении специального укрепления или контрольного пункта, как позже в эпоху эллинизма, когда возникли форт на месте Старого Термеза, Кампыртепа и другие укрепления на переправах через Амударью. Появление же поселений вдоль русла Амударьи в середине I тысячелетия до н.э. было началом освоения прибрежной пойменной полосы реки под земледелие, которая уже в I в., судя по работам В. Н. Пилипко, была превращена в узкую зеленую ленту возделанных земель, орошавшихся мелкими арыками, выведенными прямо из русла реки.

Но, вероятно, армия Александра Македонского и ее авангард, преследуя Бесса, прошли к границам Наутаки более коротким, хотя и безводным, путем. Здесь необходимо остановиться на давно дискутируемом вопросе о локализации Наутаки и Ксениппы, уже существовавших к приходу Александра в Согд, современными авторами. Предлагались различные варианты локализации указанных топонимов поочередно то в верховьях, то в низовьях Кашкадарьи; было даже предложено искать Наутaku в районах левобережья среднего течения Кашкадарьи (Tomaschek W., 1877. P. 183; Григорьев В. В., 1881. С. 191, сл.; Дройзен И. Г., 1890. С. 71; Кабанов С. К., 1962. С. 52, сл.; Его же, 1977. С. 87; Массон М. Е., 1973. С. 6, сл.; Ртвеладзе Э. В., 1981. С. 96, сл.; Сагдуллаев А. С., 1987 б. С. 133; Его же, 1988. С. 227).

Последние годы археологических исследований, приведшие к открытию городов и поселений периода похода Александра Македонского в Согд, как в районе Кеша, так и Нахшаба, тем не менее, мало что дали для прояснения ситуации о локализации Ксениппы и Наутаки в верхнем или нижнем течении Кашкадарьи. Не претендуя пока на окончательное решение этого вопроса и не вдаваясь в анализ ранее высказанных про- и контральтернативных аргументов, отметим, что наиболее информативно в наших попытках локализации Наутаки сообщение Арриана (III, 28—30) о вступлении Александра Македонского в Согдиану, когда его авангард во главе с Птоломеем Лагом после переправы через Амударью, преследуя Бесса, достиг его в первом на своем пути укрепленном поселении области Наутаки, где последний был остановлен Спитаменом. Это расстояние от переправы до южных границ Наутаки было пройдено за предельно короткий срок — 4 дня. Ближайшим же к вероятной переправе войска Александра Македонского, будь она у Келифа или выше, является Гузарский микро-оазис, где известны остатки поселений того времени, что, учитывая топографическое и ис-

торико-культурное промежуточное положение Гузарского оазиса между Кешем и Нахшабом не может быть аргументом в пользу однозначной локализации Наутаки в том или другом оазисе.

Следует обратить внимание и на характеристику места переправы войска Александра через Окс; в источнике отмечается, что течение реки здесь было очень быстрым, эта же особенность характерна для Келифской переправы, где ширина реки сужается до 300 м, а скалистые обнажения коренной породы позволяют возводить надежные причалы, что было удобно для паромов. Поэтому вплоть до XX в. основной переправой из Бактрии в Согд и обратно являлась переправа на Келифе. Отмечается также, что войско Александра из-за безводья при походе к Оксу и за Оксом потеряло много лошадей (Арриан III, 30, (6)), т. е. трасса до реки и за ней шла по безводной пустынной местности, что также соответствует характеристике окрестного ландшафта именно келифской переправы.

Косвенным аргументом в подтверждение той или иной версии из двух альтернативных решений локализации Ксениппы и Наутаки, не может служить и находка геммы-инталии, происходящей из раскопок храма Еркургана. Хотя она найдена в переотложенном состоянии, из верхних оплывших слоев кладок стен, тем не менее ее принадлежность искусству этрусских сфрагистов-камнерезов не оставляет сомнений (рис. 199:1). Гемма тонко проработана, фигура Зевса с птицей и жезлом в руках удачно скомпонована в небольшом поле овального щитка печати и следует этрусской и итальянской классике IV в. до н.э., на что нам указал профессор Г.Кюрилайс (Martini W., 1971. taf 1419).

Известно, что войско Александра зиму 328 г. провело в Наутake. Единственное место в источниках, которое позволяет судить о локализации указанных топонимов, это сообщение Курция (VIII, II, 19—33) о том, что Сисимитру — сатрапу Наутаки принадлежало горное укрепление согдийцев, что делает вероятным расположение Наутаки в верхней части Кашкадарьи. При этом Ксениппа локализуется в Каршинском оазисе.

По поводу указаний в источнике на близость Ксениппы к скифам следует отметить, что в окрестностях Каршинского оазиса пока не найдены курганные погребения кочевников, но они многочисленны вдоль террасовых уровней притоков Кашкадарьи в ее верхнем водосборном бассейне. Низовья Кашкадарьи с древности отличались засушливостью и нерегулярностью дебита воды.

Таким образом, первые трассы регулярных торговых сношений Южного Согда середины I тысячелетия до н.э. пролегали от переправ в низовьях Шерабадарьи через перевал Ак-рабат до освоенных и уже урбанизированных районов Ксениппы и Наутаки, и далее пути через Джамскую степь и перевал Тахта-Ка-

рача вели в Самарканд, но трассы военных маршрутов, при необходимости, как при преследовании Птоломеем Бесса, могли идти напрямую через степь.

Далее, от эпохи первых веков до нашей эры и вплоть до раннего средневековья сведениями о торговых и других путях, проходивших через Каршинский оазис и, в целом, через долину Кашкадарьи, мы не располагаем. Однако археологические наблюдения позволяют прийти к недвусмысленному заключению о дальнейшем развитии торговых трасс, шедших на юг долины Кашкадарьи из оазисов долины Зарафшана. К этому времени относится возведение крупного города крепостного типа Калаи Захоки Марон на южной окраине Каршинского оазиса. Хвостовые участки протоков Гузардарьи в то время, видимо, достигали оросительной сети окрестностей нового города, который был построен на стратегически важном участке пути, который вел через Гузарский оазис к востоку в Кеш и на юг в Бактрию.

К первым векам нашей эры, вероятно, относится и формирование местных внутренних трасс Нахшаба, о чем, в частности, свидетельствуют две цепочки памятников, идущие от Еркургана по правому берегу Кашкадарьи к Касану. Одна из них проходит от городища Шахри-Хайбар в с. Абран через Кузыбайтепа, Уртатепа, Баштепа к Еркургану и далее на юг через Несеф, Кафиртепа, Калаи Захоки Марон в Гузарский оазис. Восточнее можно наметить вторую параллельную трассу, идущую в том же направлении от Еркургана через Карабаиртепа (25), Пайшанбатепе и далее на Шахри-Хайбар и Касан, что соответствует направлению русел основных оросителей правобережной части оазиса. Это был период интенсивного развития оазисов Средней Азии.

В это же время происходило активное освоение скотоводческим, кочевым и полукочевым населением степных и горных пространств. В Согде оставленные ими многочисленные курганные могильники тянутся вдоль предгорий Зарафшанского и Гиссарского хребтов.

Известно об обоюдных заимствованиях между Средней Азией и Китаем ряда важнейших идей, культурных достижений, сельскохозяйственных растений, ремесленных технологий (как стеклоделие или изготовление бумаги), которые осуществлялись в древности и раннем средневековье по трассам Великого Шелкового пути. Также хорошо известно об активной роли согдийцев в международной торговле на этом пути. Однако судить о том, каким образом сам Нахшаб принимал участие в этом культурном и торговом обмене, мы не можем, так как письменных сведений у нас нет. Но об активном культурном обмене с Индией, Ираном и Китаем свидетельствуют находки на городище Еркурган в слоях на-

чала и середины I тысячелетия н.э. многочисленных раковин каури и обломков китайского зеркала.

Особенно тесные типологические и стилистические связи с Ираном и Афганистаном отмечаются в архитектуре и керамическом производстве первых веков до н.э. и н.э., о чем речь пойдет ниже. Важным фактором развития торговых путей по сравнению с серединой I тысячелетия до н.э. было, безусловно, быстрое развитие и становление, начиная с эпохи эллинизма, Бухарского оазиса. И с ним как со стороны Самарканда вдоль русла Зарафшана, так и от Нахшаба вдоль русла Кашкадарьи были налажены регулярные торгово-экономические связи. О функционировании этой трассы вдоль периодически обводнявшейся нижней части р. Кашкадарьи с начала I в. до н.э. и о том, что она была традиционной и служила культурному обмену и взаимодействию еще в первобытное время, свидетельствуют обнаруженные ранее вдоль некогда полноводного, а ныне сухого русла Кашкадарьи в промежутке между Каршинским и Бухарским оазисами остатки разветвленных стоянок эпохи неолита и бронзы (Гулямов Я. Г. и др., 1966). Однако в историческое время, а именно в эпоху античности, движение караванов, видимо, могло осуществляться только сезонно в период максимального поднятия уровня воды в реке.

По трассе же между Самаркандом и Бухарой путь шел по цепочке селений и городков, тянувшихся в полосе зеленых посевов и садов вдоль всегда полноводного Зарафшана.

В связи с миграциями племен Восточного Туркестана в хронике Бейши (386—581 гг.) упоминается владение Нашеболо, куда с востока перенес свою ставку владетель юежи; здесь имеются в виду кушаны-кидариты в Нахшабе, которые через несколько десятилетий ушли на юг в Индию (Кабанов С. К., 1963. С. 229). При этом, как обычно, трасса движения войск и крупных миграций шла по традиционным торговым путям.

В эпоху раннего средневековья, судя по сведениям китайских источников, среди жителей согдийских колоний Восточного Туркестана, где обычно перечисляются представители всех согдийских владений, нет представителя Нахшаба (Чугуевский Л. И., 1971. С. 147—156; Малявкин А. Г., 1988. С. 53—59). Это, видимо, объясняется тем, что Нахшаб в составе Тюркского каганата сначала подчинялся Кешу, а затем Самарканду. В период Тюркского каганата активизировались отношения Согда с Византией. Источники сообщают, в частности, о том, что в Согде тюрки предлагали для продажи послу Византии Земарху железо. Считается, что речь могла идти о металле месторождений в долине Кашкадарьи, активно разрабатывавшихся в тот период (Пругер Е. Б., 1986. С. 22). Видимо, железный полуфабрикат, использовавшийся

в виде кризиса ремесленниками древних и средневековых столичных городов Нахшаба, обнаруженный в ремесленных кварталах Еркургана и Несефа (Шуллюктепа), доставлялся из месторождений у северных склонов Гиссарского хребта. Неоднократно упоминается Несеф и в источниках о завоевании арабами Средней Азии, однако получить какие-либо сведения о конкретных путях их передвижений трудно.

О средневековых же караванных путях через домонгольский Несеф сведения имеются, и они хорошо известны в литературе. По ним мы можем узнать, что из Бухары в Несеф вели две дороги, из Несефа к переправе на Амударье упоминается одна дорога, она, как и раньше, шла через Гузар и далее к югу через перевал Акратат. Приводятся и расстояния в фарсах или дневных переходах между станциями и, наконец, предложена локализация некоторых из этих пунктов.

Из Бухары в Несеф путь шел через станции в селениях Карачун (Фараджун), Мианкаль и Маймург. Между Мианкалем и Маймургом упоминается станция-рабат Астана, которая, видимо, была в промежутке между современными Мубареком и Майманаком (Зимин Л. А., 1927. С. 199). Второй путь шел западнее и вел из Бухары в Несеф через Касби (Бартольд В. В., 1963. С. 191), о двух дорогах из Бухары в Несеф упоминает в XIV в. и Ибн Баттута (Ибрагимов И., 1988. С. 83). Но самое главное, в то время уже функционировала прямая транзитная трасса из Бухары до Амударьи, минуя г. Несеф и проходя по крайней периферии Каршинского оазиса через Безду. Трасса, приведенная у Мукаддаси, шла от Бухары через станцию Джикем (возможно, городище Кумсултан) — древний рабат (Рабат-и атик) — колодец Саида-Безда — рабат Харуна — селение бухарцев — селение хорезмийцев — Балхан-Келиф (Бартольд В. В., 1963. С. 191). Возможно, вначале трасса шла до Джикема по западной трассе, которая вела на Несеф через Касби, затем поворачивала в степь и шла через две специально возведенные здесь станции для привала караванов: древний рабат (т.е. этот путь существовал уже давно) и колодец Саида, затем выходила на Безду и далее в два дневных перехода, с остановкой в рабате Харуна, выводила до переправы на Амударье у селения бухарцев. Тот же Мукаддаси в другом месте говорит о переправах Бухариян и Хорезмиян, которые В. В. Бартольд справедливо идентифицировал с упомянутыми селениями бухарцев и хорезмийцев. Видимо, эта трасса поворачивала от Безды к юго-западу по ближайшему направлению к Амударье, выходила к реке ниже Керкичи, при таком направлении рабат Харуна должен был быть в районе сардобы Игизак, Бухариян — районе Ходжамбаса, Хорезмиян — в районе Керки-Керкичи, Балхан — близ Муку, а далее был Келиф.

Дневные переходы по той трассе получались очень крупные, в среднем по 50 км, это были двойные переходы, и, видимо, в районе степного пространства для караванов они были преодолимы. Если же рабат Харуна был на месте Таллимарджана, то переправа Бухариян должна быть на месте Керки-Керкичи, и три дневных перехода вдоль Амударьи сокращались до 30—35 км. Наличие этой трассы свидетельствует о том, что к X в. уже функционировала прямая транзитная дорога, которая вела к основным переправам через Амударью по направлению к оазисам и городам бактрийского региона западнее самого Балха, минуя такие крупнейшие промежуточные города, как Несеф и Балх, находившиеся на проторенном окружном пути, значительно экономя при этом как время, так и средства.

Происходили существенные смещения и в урбанизированной социально-поселенческой структуре Каршинского оазиса. Безда на месте Куны-Фазли и Касби на Касбитепе, бывшие древними крепостями, защищавшими крайние западные границы Каршинского оазиса, а в эпоху раннего средневековья являвшиеся, по-видимому, оплотами феодального сепаратизма, в X—XII вв. превратились в крупнейшие центры оазиса. Руины этих двух средневековых городов выделяются своими масштабами на западной окраине оазиса, несмотря на более чем двадцатикилометровое расстояние между ними; как отмечал С. К. Кабанов, с вершины одного из них видна вершина второго (Кабанов С. К., 1977. С. 66—67). Хотя источники порой и называют их селениями, подразумевая под городом лишь столичный Несеф, отмечается, что Касби по размеру крупнее Несефа, и что оба города имели соборные мечети и обширные торгово-ремесленные рабады (Бартольд В. В., 1963. С. 191).

В дальнейшем, в эпоху развитого и позднего средневековья, со снижением роли трасс караванных путей, шедших через эти города, в связи с прокладкой западнее прямого пути через степь от Бухары до Амударьи и особенно при последовавшем за этим общим кризисом социально-экономической жизни в Мавераннахре в XVIII в. эти города стали хиреть и превращаться в селения.

Средневековые караванные дороги, шедшие по направлению к Кешу и Термезу, совпадали с прежними трассами, и этот вопрос специально рассматривался в литературе (Массон М. Е., 1977а. С. 3—6; Лунина С. Б., 1984. С. 27—28).

Начиная с эпохи Шейбанидов стали активно развиваться торговые связи Средней Азии с Русским государством, Сибирью и Индией. По времени это совпало с установлением напряженных отношений между шиитским Ираном во главе с Сефевидами и суннитским Мавераннахром во главе с Шейбанидами. Особое значение в этой связи стала обретать трасса, соединявшая Восточную Европу с Индией, шедшая от Астрахани и Ур-

генча через Бухару на Карши и далее через Келифскую переправу и Балх в Индию. О развитии этих караванных путей, пересекавших Каршинский оазис, дает представление работа М. Е. Массона о цистернах-сардоба Средней Азии, опубликованная в 1935 г. Подавляющая часть водохранилищ-сардоба находилась как раз вдоль трасс, шедших от Бухары на юг к Амударье (Массон М. Е., 1935. С. 30). Этот путь уже не был шелковым, поскольку перевозились другие товары, но суть не в этом. Здесь в эпоху развитого и позднего средневековья сложился целый пучок торговых путей, шедших от Восточной Европы к ряду переправ среднего течения Амударьи.

Зафиксированные М. Е. Массоном сардобы позволяют, несмотря на то, что письменные источники зачастую умалчивают о торговых трассах, реконструировать всю систему параллельных трасс, соединявших Бухару с городами левобережья Амударьи. Безусловно, прежде всего продолжали действовать, как и ранее, две основные трассы, соединявшие Бухару с Несефом в X—XII вв. и шедшие далее вдоль русла Гузардарьи через перевал Акратат в долину Шерабадарьи до Амударьи, а также дорога, которая вела от Бухары через Безду до переправ, бывших на месте прежних Бухариан и Хорезмийан. Но в эпоху после XII в., когда нижнее течение Кашкадарьи пересохло и русло реки ниже с. Майманак, располагавшегося на северной окраине оазиса, обводилось лишь в отдельные сезоны, вдоль старых путей сообщения между Бухарой и Несефом появилась частая цепочка специальных придорожных крытых цистерн-водохранилищ — сардоба (Массон М. Е. 1935; Мухамеджанов А. Р., 1978. С. 51). Они указывают на существование в тот период еще двух новых трасс от Несефа до Амударьи и еще одной прямой, совершенно новой трассы, шедшей от Бухары прямо на юг по меридиану до Бурдалыка и Ходжамбаса на Амударье. И далее, по другому берегу реки, цепочка сардоба вела продолжение по направлению к г. Андой, возможно, с ответвлением на Мерверуд (Массон М. Е., 1935. С. 30).

От самого Карши две трассы путей, снабженных сардобами, вели на Керки-Керкичи, с ответвлением в сторону Мукры, и восточнее — на Чаршангу и Келиф, пересекая отроги Кухитанга. Далее за Амударьей у Келифа дорога раздваивалась в направлении городов Шибрган и Балх (Массон М. Е., 1935. С. 31—34).

Судя по развалинам двух позднесредневековых караван-сараев, обнаруженных нами во время маршрутов в 1980 г. в Дехканабадском районе Кашкадарьинской области, один близ поселка Танги-Харам (современный р-н Дехканабад) и второй в 40 км южнее, в урочище Ходжа Ипак, в долине сая Тар-Капчигай, в то время существовала, видимо,

наиболее спрямленная трасса, которая вела почти вдоль меридиана от Самарканда на юг к Келифской переправе через перевал Тахта-Карача на Шахрисабз, затем через Яккабаг и вдоль Малой Урадарьи до Танги-Харама, а оттуда через холмистый водораздел между долинами Малой Урадарьи и Тар-Капчигая до караван-сарая или рабата на Ходжа Ипак, затем вновь через перевал вела в долину сая, выходящего устьем к Келифской переправе.

После появления западнее более близкого пути прямо через степь от Бухары до Бурдалыка, шедшего, вообще-то, мимо Несефского или Каршинского оазиса, интенсивность движения по трассе домонгольской поры, шедшей от Бухары через Безду на Амударью, начала падать, что привело к упадку городской жизни Безды, усугубленному в XVII в. всеобщим кризисом среднеазиатского общества. Аналогичную судьбу претерпел, видимо, и город Касби. Однако древняя традиционная столица области Несеф вскоре после монгольского погрома заново возродилась в 5 км от заброшенного Несефа, где сложился новый город Карши. На протяжении всей эпохи развитого и позднего феодализма он благополучно развивался в силу ряда факторов более стабильного характера, чем в период кратковременного функционирования главной торговой магистрали, протянутой через оазис в X—XII вв., которая была основой роста и благосостояния Безды и Касби. Это такие факторы, как положение географического центра оазиса и контроль над началом основных оросителей оазиса, а также место перекрестка путей из Бухары в Бактрию и Кеш из Самарканда в Бактрию.

Все пути, дороги и тропы каждого оазиса можно разделить на три категории:

1) от поселения до посевов, садов, выпаса, родника, реки, т.е. пути к объектам производства, сюда же можно отнести тропы и трассы кочевых скотоводов;

2) дороги, соединявшие поселения и города в пределах оазиса, т.е. пути административно-хозяйственного значения;

3) дороги, шедшие от оазиса к оазису, обычно они начинались в столице оазиса и по путям внутриоазисного значения, выходя за его пределы, пересекали необжитые степные или гористые пространства в направлении к соседним оазисам.

Поселения и города являлись при этом узлами, где пути местного значения выходили на трассы областного или регионального значения, иерархия путей соответствовала иерархии самих поселений и городов, которые они соединяли, и были столь же стабильны, как поселения или регионы, которые они связывали. При этом в пределах единого ландшафтно и экономически однородного аграрного оазиса пути преимущественно имели радиальное направление, обеспечивая, главным образом, организацию сельскохозяй-

ственного производства из центра, а также концентрацию и перераспределение прибавочного продукта.

Поселения при этом тяготели к ближайшему городу, ориентируясь на его потребность в сельскохозяйственной продукции. Однако в условиях искусственного орошения система расселения не могла следовать модели центрального места В. Кристаллера, но, тем не менее, каждый оазис имел свой центральный город.

По поводу роли столичных городов оазисов известно меткое определение Истахри о Самарканде: «Он — порт Мавераннахра и средоточие купцов, большая часть изделий Мавераннахра попадает в Самарканд, а затем расходится по областям» (Цит. по: Беленицкий А. М. и др., 1973. С. 291).

Трассы Великого Шелкового пути проходили через столицы оазисов, бывшие главными портами своей земледельческой округи.

Как показывает обзор развития трасс международных сообщений и торговли, проходивших через Несеф, их эволюцию можно характеризовать двумя известными в современной экономической географии моделями (Хаггет П., 1979. С. 476—477). По одной из них несколько соседних пунктов можно объединить сетью путей, шедших от пункта ко второму ближайшему, а от него к третьему ближайшему и так далее, при этом трасса пути между двумя наиболее отдаленными пунктами шла, петляя, через все промежуточные пункты. В результате этого достигался минимум издержек на сооружение и содержание путей между пунктами при увеличении затрат пользователей этими путями в силу возрастания общей протяженности маршрутов между двумя любыми пунктами, шедшими через остальные промежуточные. Вторая модель предполагает иное решение — каждый пункт соединялся со всеми другими самостоятельной трассой по наикратчайшей прямой линии. При этом достигалась минимализация издержек пользователей путями сообщения между теми же самыми пунктами при соответственном увеличении издержек на сооружение и обслуживание этой сети сообщений, имевших в данном случае максимальную общую протяженность.

Развитие древних и средневековых транзитных трасс Несефа шло от первой модели ко второй и состояло в постепенном отказе от трасс, шедших, петляя, через ближайшие населенные пункты, и выработке максимально спрямленных караванных трасс через большие экологически экстремальные пустынные пространства путем крупных затрат на строительство рабатов и караван-сараяв, колодцев и сложных инженерных сооружений — цистерн-сардоба через каждый интервал дневного перехода каравана, обеспечивая комфортабельный и безопасный привал,

необходимый сервис и снабжение, принося соответствующий доход их владельцам. Эти регулярные торговые пути через степь обычно прокладывались по трассам кочевых скотоводов; в частности, таким известным, но еще неосвоенным путем по прямой кратчайшей линии провели два туркмена войско Чингиз-хана от города Отрара на среднем течении Сырдарьи через Зарнук и Нуратук Бухаре. Впоследствии по этой трассе проходили караванные пути (Бартольд В. В., 1963. С. 475).

Известно, что караванная торговля и ее держатели были инициаторами и спонсорами создания огромных империй, обеспечивавших безопасную и выгодную торговлю. Ю. А. Якубовский, приводя слова Абу Шуджи, жившего при Сельджукидах, о торговых операциях мусульманского мира в X в. сообщает, что чеки на огромные суммы, выдаваемые торговыми домами на западе мусульманского мира, учитывались на крайнем его востоке быстрее, чем поступал харадж в казну самых сильных правителей (Якубовский Ю. А., 1939а). Значение торговли хорошо понимали как правители, так и купечество, в частности, в противостоянии Хорезмшаха и Чингиз-хана купечество, как считает Ю. А. Якубовский, поддержало последнего.

По сути, это развитие континентальных караванных путей в Средней Азии аналогично синхронному переходу от каботажного плавания между ближайшими портами к плаванию в открытом море. Таким образом, в эпоху развитого и позднего средневековья сложились оборудованные специальными благоустроенными станциями караванные пути, шедшие через Нахшаб и соединявшие, пересекая степи и пустыни, на расстояниях не в одну сотню километров, основные городские центры Средней Азии: от Бухары до Мерверуда и Шибегана, от Мерва до Амударьи и Хорезма (Массон М. Е., 1966), от Джизака через Мирзачуль до Сырдарьи.

Параллельно развитию транзитных торговых магистралей шло и развитие денежного рынка Средней Азии. В эпоху развитого средневековья международная валюта в виде высокопробных серебряных дирхемов, а затем тенег и золотых динаров сосуществовала с различными системами медных монет, чеканившихся для обслуживания местных рынков отдельных владений, и соотношение курсов денег из драгоценных металлов и меди было предметом особой заботы правительства.

Торговые пути были следствием развития городов и урбанизации, их рождала та же сила, что заставляла людей собираться в большие плотные постоянные общности — города — это необходимость обмена идеями, продуктами труда и искусства, т.е. торговые пути между городами так же, как и они сами, были следствием развития цивилизации и способствовали консолидации различных ре-

гионов. При этом если пути местного значения в основном были предназначены для концентрации в столичных центрах богатства тяготеющих к ним регионов, то транзитным путем преимущественно шел обмен продуктами между городами: в древности это были изделия умельцев, предметы роскоши, социальные идеи, технологические достижения; в средние века перевозились уже разнообразная ремесленная продукция, полуфабрикаты и сырье.

РЕЗЮМЕ

Процесс урбанизации, независимо от этнической и культурной принадлежности его носителей, даже в какой-то мере независимо от технологических достижений этого общества, всегда и везде по мере достижения достаточного количества прибавочного продукта сельскохозяйственного производства приводит к демографическому взрыву с одними и теми же последствиями: перенаселение региона, рождение и осуществление социальных идей, так или иначе снимающих социальное напряжение путем частичной миграции или захвата соседних земель, или предложением новой, более справедливой социальной модели, результаты которой, в конечном счете, отражаются в материальной культуре и системе расселения данного общества. Во всех аграрных обществах древности это заключалось в иерархизации общества, когда часть наиболее дальновидных его представителей, аппелируя к остальным от имени высших сил, брала на себя регулятивные функции с правом обладания и перераспределения прибавочного общественного продукта, что нашло выражение в появлении храмовых и дворцовых комплексов, отличавшихся от рядового жилья размерами и отделкой. Одновременно процесс миграции, сегментации и отделения части членов общества приводил к возникновению новых дочерних поселений, тяготеющих к центральному. Подобные дочерние поселения планомерно могли организовываться сложившейся администрацией.

Эти процессы, в достаточной мере известные для исторической эпохи, как показали археологические материалы на Ближнем Востоке и Центральной Азии, имеют глубокую традиционную подоснову, уходящую корнями в предысторию, где стратифицированное общество и иерархически структурированные системы расселения были характерны уже с эпохи бронзы. Мусульманская историческая традиция приписывает возведение первых городов первому культурному герою, основателю династии Пешдадидов Хушангу, который, наряду с земледелием, орошением, животноводством, горным делом и государственным устройством общества, возвел и первые города Ирана и Турана: Вавилон. Сузы и Балх (Фирдавсий А., 1975, 66-бет; Навоий А., XIV т., 186—188-бетлар).

С эпохи раннежелезного века в обширных регионах Трансоксианы и Приаралья процессы урбанизации начались одновременно с формированием основных оседлоземледельческих оазисов.

Развитие оазиса Нахшаба началось со строительства поселения, а затем центрального города на месте Еркургана в VIII—VI вв. до н.э. Наличие остатков храма указанного периода под руинами более поздних зданий городского храма свидетельствует о важной роли города того времени в качестве идеологического центра оазиса. Системы расселения как в Каршинском и Гузарском оазисах, так и вдоль речных долин бассейна Гузардарьи носили рассеянный, точечный характер. Структура поселений оазиса двухступенчатая, состояла из самого города и отдельных земледельческих усадеб.

После Александра Македонского оазисы Согда включились в эллинизированную систему государств, объединявшихся близостью стереотипов материальной культуры, искусства, градостроительства, социальных структур и монетных чеканов, основанных на номинале серебряной драхмы. В оазисах Южного Согда в III в. до н.э. — III в. н.э. произошли серьезные изменения, сложилась четкая трехступенчатая иерархия поселенческих структур благодаря появлению промежуточного звена — дочерних городков и укрепленных поселений, связанных с центром. Нарастивалась масса урбанизированных поселений, особенностью которых были различия в размерах при их типологической изоморфности. Типологически город являлся многократно увеличенным в размерах укрепленным селом. Известные нам античные усадьбы и отдельные дома вокруг этих укреплений пока еще немногочисленны. Возможно, в тот же период была возведена внешняя стена Еркургана. В первые века до н.э. и позже, после строительства Калаи Захоки Марона, произошло раздвоение столицы Южного Согда, вслед за чем наблюдался некоторый спад интенсивности градостроительства.

Структура расселения носила гнездовой характер, небольшие города, укрепления и усадьбы группировались по концевым участкам больших и малых оросителей. Оазис формировался как единая замкнутая система поселений, жестко привязанная к оросительной сети дельты Кашкадарьи и Гузардарьи. Поселения оазиса, в отличие от полисов, привязанные к единому источнику орошения, развивались как элементы единой ирригационной системы, что определяло особенности организации общественной жизни. Начиная с III—IV вв., произошла новая волна урбанизации, сопровождавшаяся инновациями присырдарьинских скотоводческо-земледельческих культур в археологических комплексах Согда той поры. Началось интенсивное заселение всех свободных земель. Оазисы Согда в тот период были покрыты густой сетью

поселений, усадеб и городков. В Нахшабе они подчинялись реконструированной и расширенной столице на Еркургане, имевшей площадь не менее 150 га. Учитывая упадок Самарканда в III—V вв. и отсутствие крупных городов в Бухарском оазисе, можно полагать, что Еркурган мог быть центром Согда поры хионитов и эфталитов. Плотность насыщения оазиса группами поселений достигла предела, который был ограничен дебитом воды оазиса Нахшаба и Гузара. Размеры урбанизированных центров или групп поселений и усадеб были пропорциональны зоне занятых ими орошаемых площадей.

В наступившем вслед за падением государства эфталитов тюркском периоде политические центры Согда стали перемещаться вначале в Кеш, а затем в Самарканд. Селитебную панораму оазисов определяли двухъярусные по вертикали большие и малые замки и укрепленные усадьбы, городов центральная власть не строила, со временем они стихийно начали складываться вокруг замков наиболее влиятельных землевладельцев. Урбаногенные факторы политического и идеологического характера уступили место сугубо утилитарным торговым и экономическим интересам. Поселенческая структура стала обретать иерархический четырехступенчатый характер: столица, города местного значения, замки, усадьбы. В эпоху средневековья, с периода Аббасидов, началось формирование принципиально новой формы систем расселения в виде непрерывных ареальных агломераций с обширными стихийно развивавшимися городами, которые, при необходимости, городские или центральные власти окружали стенами.

При всем этом развитие типологии древних и раннесредневековых поселений и городов показывает, что преобладавшая модель города Южного Согда в древности, состоявшая из прямоугольника стен и цитадели в центре, эволюционировала путем сокращения площади городища и переноса укрепления цитадели сначала в его угол, а затем, в случае замков, стала выноситься на один из фасадов огражденной стеной площади, уменьшенной до размеров двора.

При преемственности развития древних городов, перешедших в эпоху средневековья, происходило наложение двух функционально разных типов городов: торгово-ремесленного, сосредоточенного в рабаде, и древнего укрепленного административного центра крепостного типа. Эти обычно наиболее крупные города обретали классическую трехчастную структуру, отмеченную еще В. В. Бартольдом и Ю. А. Якубовским, состоявшую из арка — кухендиза, медины — шахристана и рабада — шахри-бируна. Средневековые города, не обремененные древним наследием — кухендизом, имели в качестве организующего центра дворец правителя.

Но если вспомнить, что к круглой ахеме-

нидской Эркале был пристроен квадрат селевкидской Гяуркалы, а круглая крепость ахеменидской поры Дильберджин окружала прямоугольник стен греко-бактрийского времени, то следует признать, что к югу от Согда явления различных типологических комбинаций разновременных типов урбанистических поселений имели место уже с эпохи античности. Зачастую внешним поводом для расширения прежнего города служила оккупация; так, толчком к оформлению рабадов средневековых городов Средней Азии послужило арабское завоевание. В эллинистическое время аналогичным образом строились Александрии и Селевкии, в качестве более отдаленной параллели можно привести превращение Диоскуриады в Севастополь в северном Причерноморье, когда по соседству с древнегреческим городом была построена римская крепость. В Нахшабе при захвате скифами-дахами Согда у греко-бактрийских царей было решено построить принципиально новый центр — город-крепость Калаи Захоки Марон, возможно, в противовес эллинизированному Еркургану.

При отсутствии в древних аграрных обществах противопоставления села и города для всех поселений были характерны общность типологии и изоморфность внутренней структуры, они различались лишь размерами.

Если взглянуть в широкой хронологической перспективе, возвращаясь к начальному тезису о единых движущих силах и сходстве механики процессов урбанизации, начиная с эпохи бронзы юга Центральной Азии, то выявляются их ритмы или временные циклы в развитии типологии поселений.

В частности, издревле широко распространенный тип рассредоточенного неукрепленного поселения, наиболее соответствовавший социальной структуре оседлоземледельческой общины и, более или менее, часто встречающийся почти на всем протяжении развития земледельческих обществ Центральной Азии, начиная с Джаркутана, в первой половине I тысячелетия сменился преобладавшим типом поселения в виде монументального укрепления на высокой платформе с неукрепленным поселением вокруг, с дворцовым или храмовым комплексом наверху, как, в частности, Тиллятепе или Яздепе. Это были мелкие племенные центры микрооазисов Бактрии и Южной Туркмении, которые по структуре предвосхищали особенности раннесредневековой замковой архитектуры. В VII—VI вв. до н.э. эти поселения с укреплениями стали жертвой политики сионизма и широкого градостроительства государства. Но через тысячу лет расцвета градостроительства Средней Азии эпохи античности, в пору тюркского раннего средневековья произошло массовое распространение замковой архитектуры, возродившей башенную архитектуру на высокой монолитной платформе, где были

слиты дворец и храм и где была сосредоточена власть над мизерной округой замка — вотчиной феодала. То была эпоха диктатуры с ее свободолюбием, претензией на суверенитет и циклами из сюжетов «Шах-наме», воскресавшими эпоху войн и военных успехов свободолюбивых героев периода раннежелезного века — владельцев укрепленных резиденций и культовых центров в причудливом преломлении сквозь призму событий античного времени. И вновь централизованные режимы средневековых государств, начиная с арабов и кончая монголами, осуществляли политику планомерной ликвидации свободолюбивого класса диктатуры как носителей духа сепаратизма.

Сравнение поселенческих структур оазисов Согда с Мервским также показывает, что сложность поселенческой структуры оазиса зависела и от его размеров. Так, по Исидору Харакскому и сведениям арабских географов, для древности Мерв был единственным городом своего оазиса. Мелкие дочерние городки, сложившиеся еще в пору античности вокруг Мерва, в средневековье так и остались крепостями, что подтверждают и археологические исследования (ДГКСА. С. 229). Моноцентризм был характерен и для урбанизации Нахшаба. Количество и размеры городов были пропорциональны площади самого земледельческого оазиса.

И наоборот, Бухарский оазис, благодаря большой своей площади, в эпоху феодальной раздробленности был разделен на несколько независимых владений с укрепленными резиденциями своих правителей, каковыми были Варданзи и Ромитан; Бухара стала столицей всего оазиса в результате подавления Бухархудатами правителей соседних владений. Но эпизодически и в Нахшабе тенденция к полицентризму давала о себе знать, как это было при сооружении города-крепости Калаи Захоки Марон во II—I вв. до н.э.; это, видимо, сказывалось и при соперничестве Касби и Безды с Несефом в торгово-промышленной сфере на Великом Шелковом пути.

Процесс урбанизации Согда и, шире, Средней Азии в целом, будучи одним из проявлений развития цивилизации Евразийского континента, протекал на перекрестке различных культурных и градостроительных традиций, где отбиралось и аккумулировалось все лучшее, отвечавшее условиям поселенческих систем оазисов региона. Изначально в центре древнего города Востока, в силу теократического правления, находился храм, внешняя форма города в виде круга или квадрата символизировала космограмму. Известно, что в древности круг символизировал небо, а квадрат — землю. К северу от Амударьи прямоугольная планировка внешних контуров городов и поселений сохранялась на протяжении всей древности.

Богатые градостроительные традиции древнего Востока, к сожалению, слабо отражены

в источниках. Историческая традиция Авесты, приписывая Йиме возведение Вары, упоминает об основных элементах идеального города или поселения древних арийцев: его стены, канал, свод и пылающие огни. В различных трактовках это проявлялось в построенных позже священных городах Ирана и Турана (Гуревич Л. Л., 1992). Ибн Халдун считал город высшей формой человеческой организации по сравнению с селом, однако функционально они были неразрывно связаны между собой (Бациева С. М., 1958).

На древнем Востоке, как правило, строителем города выступал правитель в лице царя. Центром общественной жизни в нем были храм и дворец, в которых, по Гегелю, были сконцентрированы религия и политика восточных деспотий.

Эти особенности эволюции древневосточных городов нашли отражение и в развитии урбанизации города архаической Греции, в крито-микенской культуре, когда в центре их дворцов находилась церемониальная площадь, имевшая культовое назначение (Андриев Ю. В., 1988). И в дальнейшем социальным центром полисов Греции оставалась площадь — агора, которая со временем из культово-ритуальной превратилась в торговую площадь и, как правило, была окружена общественно-культовыми сооружениями (Долгоруков В. С., 1969). Идеальный полис Платона, данный им в «Законах», тоже должен был иметь круглую планировку и строго определенное распределение жителей: в центре должны были находиться акрополь, агора, общественные и культовые сооружения. Производственные кварталы должны были быть вынесены в пригородную зону (Кошеленко Г. А., 1975). Город должен был иметь регулярную, радиально-кольцевую структуру и находиться в центре страны. По существу, в этом проекте города-мандалы получили теоретическое отражение круглые города древнего Востока, начиная от городища Дашлы 3 и круглой Экбатаны, в описании Геродота окруженной семью рядами стен соответственно семи небесным сферам, до круглого Ардашир-хура диаметром чуть менее двух километров и с гигантской башней храма огня в центре города (Hutt D., 1993. С. 56).

Сама Греция не имела подобных городов. Греческая традиция помещала идеальный город в центре Азии (Кызласов Л. Р., 1990). Если во внешней форме урбанистической утопии Платона нашла отражение не греческая, а восточная модель города, то «Политика» Аристотеля дает сугубо утилитарный проект греческого полиса, который противоположен проекту Платона и основан на общении практического опыта. Полис «Политики» Аристотеля являлся средством колонизации Азии; он исходил из опыта предшествовавшей греческой морской колонизации VII—V вв. Но, как и все урбанистические проекты древнего Востока и самой Греции, проект

Аристотеля представлял собой идеал, основанный на обобщении прошлого греческого опыта, он не был приспособлен для осуществления колонизации на почве континентальной Азии. Конечной целью было закабаление всех варваров Азии. В принципе, это было продолжение той же модели дорийской колонизации ахейцев, превращенных в социально неполноценных перизков и илотов. Суть греко-римского понятия города лучше всего раскрывает афоризм: «Город — это люди, а не стены» (Фукидид, История VIII, 77, 7). Для Аристотеля Вавилон не был полисом (Даватур А. Н., 1965. С. 12).

Однако Александр Македонский, сам бывший варваром в глазах эллинов, что достаточно четко зафиксировано в Филиппиках и последующих речах Демосфена (Daskalakis A., 1965. С. 259), не обремененный национальной спесью и кабинетной ограниченностью Стагирита, для которого все варвары годятся лишь для того, чтобы быть рабами эллинов, и прошедший хотя и победоносную, но суровую школу войны в Азии, вел свою политику и шел к основной своей цели — слиянию всех народов империи под авторитарной властью царя (Кошеленко Г. А., 1979. С. 30—38). Для иллюстрации политики Александра в Азии обычно приводится его речь, приведенная у Курция в связи с заговором пажей (Курций, VIII, 8, 10—13), где царь отмечает, что долговременное владение Азией требует не террора и опустошения страны, но победа должна вызвать у побежденных признательность за благодеяния. Отмечается и необходимость культурного обмена (Ковалев С. И., 1948. С. 39, сл.; Кошеленко Г. А., 1979. С. 214—215).

Как указывает Г. А. Кошеленко, для градостроительной политики Александра было характерно смешение этнического состава населения новых городов и поселений и отсутствие полисного строя; управляли населенными пунктами эпархи, ответственные перед царем (Кошеленко Г. А., 1979. С. 214). Со смертью Александра, в эпоху диадохов и эпигонов, получили осуществление чаяния и дух проекта Аристотеля, согласно которому варвары Азии, склонные к жизни в подчинении, должны были стать рабами эллинов. Но универсальный ум Стагирита не учитывал особенностей континентального образа жизни Азии с ее контрастным экологическим ландшафтом, состоявшим из оазисов, где только и возможна была урбанизированная жизнь, и бескрайнего степного окружения, лишенного естественных границ и населенного воинственными кочевыми племенами — источником ежеминутной угрозы оседлому населению оазиса. При этом единственной гарантией стабильного развития оседлой культуры оазисов оказывалась сильная верховная власть, способная защитить оазисы и го-

рода от мародерства кочевых племен и организовать конструктивное сотрудничество с ними. Эти особенности симбиотического сосуществования двух противоположных хозяйственно-культурных типов Ш. Бира предложил назвать бинарной системой, указывая, что кочевое хозяйство существовать без взаимодействия с оседлыми районами практически не может (Бира Ш., 1985). Греческая же морская цивилизация, для которой, наоборот, были характерны континентальная изоляция и активное осуществление прибрежной торговли с развитием рыболовства и высокотехнологичным сельскохозяйственным производством (оливки, вино), что явилось основой сложения и развития полисного строя и демократии, не была готова к условиям континента. В литературе уже отмечалось, что конечной причиной крушения эллинистических государств на Востоке было нарушение ими экономического взаимодействия между населением земледельческих оазисов и скотоводами гор и степей (Briant P., 1982; ДГКСА. С. 342).

В глубинах Центральной Азии это противоречие проявилось еще при Александре Македонском и выразилось в восстании греков в Бактрии и Согде, которое было жестоко подавлено. Подробно анализировавший это событие Г. А. Кошеленко приходит к выводу о том, что греки — поселенцы городов и военных поселений — катойкий Александра Македонского не были удовлетворены градостроительной политикой царя и, приводя слова Диодора о том, что они «страстно желали греческого образа жизни», указывает, что более трезвая и дальновидная политика Александра Македонского пришла в противоречие с чаяниями греков-колонистов, мысливших в русле комплекса идей Аристотеля и Исократ о колонизации Востока посредством полисов (Кошеленко Г. А., 1979. С. 210—220).

Но отказ от сотрудничества с местными народами во имя интересов греческих поселенцев лишил организовывавшиеся полисы опоры на местах, и поэтому единственной гарантией их существования становилась сильная монархия, опиравшаяся на армию. И падение власти селевкидских и греко-бактрийских царей под натиском скифов, дахов, юечжей предредило судьбу греческих полисов в Центральной Азии, крупнейшим среди которых было городище Ай-Ханум. Более сложные судьбы полисов в западной части государства парфян выходят за пределы нашей темы, но и там логика событий постепенно вела к окончательному вырождению полисов в результате смены дипломатического филэллинизма Аршакидов национальной реакцией Сасанидов и включением владений последних эллинистических династий в расширявшиеся границы Римской империи.

Каталог археологических памятников

КАРШИНСКИЙ ОАЗИС

№	НАЗВАНИЕ	ДАТА	ТИП	ПРИМЕЧАНИЕ
1	Паргузаатепе	V-VII, IX-XIII	9	
2	Пиронтепа (Дагайтепа)	II-I, I-II V-VII-VIII, X-XII	3	
3	Кульбукатепе (Кульбулактепа)	I-IX, XII	1	
4	Шорттепа		4	
5	Карамазарттепа	V-VIII	3	разрушен
6	Нигузтепа	VI-VIII, X-XII	4	
7	Окбуйнактепа	III-V, VIII-XII	1	
8		V-XI	10	
9	Кавустепа (Ходжакавустепа)	IX-XII	9	топографически связан с № 6
10	Дастуртепа, пещера			место поклонения пастухов
11	Ходжамазарттепа (Кургантепа)	V-XII	3	
12		III-I, I-IV	6	
13	Ялпактепа (Кавустепа)	III-VIII	3	
14	Исахантепа	III-VIII		
15	Еркурган	VIII-I, I-VI, VIII-IX		
16		II-V, VIII-XII	3	
17		I, I-VI	6	разрушен
18		I, I-VI	6	разрушен
19		I, I-VI	6	разрушен
20		VI-VII	7	разрушен
21		IV-VI	6	разрушен
22		IV-VI	6	разрушен
23	Каварзорттепа	VI-XII	4	разрушен
24	Барктепа (Пайшанбаттепа)	I, XII	4	
25	Кумактепа (Пудинаттепа)	II-XIII	1	
26	Карабаиртепа	I-XII	9	разрушен
27		IV-VI	9	
28	Машшоктепа	VII-XII	4	
29		I-VI	6	
30		IV-VI	6	
31		IV-II, I-IV	5	
32		I-IV	6	
33		I	9	
34		I-II	6	
35		I-II	9	
36		VII-VIII, X-XI	6	
37		VII-IX	9	
38		VI-IX	6	
39		V-VIII	9	
40	Мудинтепа	II-I, I-XII	2	
41	Культепа (Куллиттепа); (Кутликтепа)	IV-XII	4	
42		I	6	
43	Иронтепа (Бешкутантепа)	VI-VII	x	останец
44		IV-VI	6	
45	Бавлюкатепа	III-VI	5	
46	Мулламазарттепа (Азизлартепа)	III-V, XII	5	
47	Суюргунтепа	II-IX	5	
48		II-VI	6	
49		V-VII	5	
50	Алтынтепа	I-XIV	1	

51		VII-X	9	
52		VI-VII	7	разрушен
53		III-IV	6	разрушен
54		I-IV	9	разрушен
55		III-VI	8	разрушен
56	Саритепа	II-VI	5	
57	Баймантепа	I-IV	5	
58	Кизиламбарттепа	II-VI	6	
59	Замбарактепа	II-VI	4	разрушен
60	Кизтепа	V-VII	4	разрушен
61	Кургантепа	IV-IX	5	
62		VII-VIII	4	разрушен
63		IV-VIII	6	разрушен
64	Кумиртепа	III-VIII	6	разрушен
65		III-V	x	
66	Сарытепа	VIII-XII	5	
67	Кургантепа	II-VII	5	
68		V-VIII	4	
69		V-VIII	5	
70	Куштепа	V-VIII	9	
71		V-VIII	9	
72	Культепа (Кольтепа)	III-VII	5	
73	Егинишкурбантепа	IV-V	9	
74	Тагараттепа	I-XII	8	
75		V-VII	5	
76	Хаetteпа	VII-IX	x	останец
77	Кунджутлиттепа (Назартепа)	II-I, I-VI	5	
78		I-V	6	разрушен
79		I-III	6	разрушен
80		I-V	9	разрушен
81		I-V, VIII-IX	7	разрушен
82		V-II, IV-VI	9	разрушен
83		II-I, I-V	7	
84		II-I, I-VI	8	разрушен
85		II-I, I, VIII	7	разрушен
86		II-I, I-VI	6	разрушен
87		II-I, I-V	5	разрушен
88		II-I, I-V	6	разрушен
89		II-I, I-V	9	разрушен
90		II-I, I-V	9	разрушен
91		IV-VII	9	разрушен
92		V-X	6	разрушен
93		IV-VII	8	разрушен
94		I-VI	7	разрушен
95		IV-VII	9	разрушен
96		IV-VII	9	разрушен
97		IV-VII	9	разрушен
98		V-XII	9	
99		VIII-XII	9	разрушен
100		VIII-XII	9	разрушен
101	Артисттепа	I, V-VI, XII	5	
102		I, V-XII	9	
103		IX-XII	7	
104		IX-XII	6	
105		IX-XII	7	
106		IX-XII	9	
107	Хантепа	IV-VII	5	
108		III-V	9	
109		III-V	9	разрушен
110	Эгизактепа	V-VIII	5	
111	Шакартепа	IV-XII	3	
112		III-XII	6	
113	Далашкантепа	III-XI	4	
114	Культепа	V-XII	4	
115		V-XII		
116		VI, X-XI	9	
117		II-I, I-VII	9	
118	Гишманаттепа	V-XII	2	
119		V-VIII	8	
120		IV-VIII	4	
121		V-VII, X-XII	7	
122		V-XII	4	
123	Купкартепа	V-XII	5	
124	Таштепа	V-VIII	9	
125		VII-VIII	6	
126		VII-VIII	6	
127		II-VII	9	
128		II-IV	4	

129		IV-VI	9		202	Кераиттепа	IV-XII	3	
130		VI-VII	10		203		XI-XVI	x	
131		V-VI	6		204	Гуртепа	IV-VI	5	
132		III-VII	7		205	Кургантепа	V-XII	1	
133		III-VII	4		206		V-VI	6	
134		IV-VI	7		207		III-I, III-XII	5	
135		III-VI	10		208		VI-VII	9	
136		III-VII	10		209	Ялпактепа	III-II, II-IV	5	
137		II-I, V-VII	x		210	Шинштепа	II-V	3	
138	Кузибайтепа (Анбартепа)	I-XII	2		211		II-VII	6	
139	Одактепа	V-XV	3	разрушен	212		II-VII	9	
140	Уртатепа	I-VIII	8		213		II-IX	6	
141	Баштепа	I, V-XII	2		214		II-V	9	
142		V-XII	8		215		II-V-VI	9	
143		VIII-XI	6		216		III-VI	9	
144	Холматтепа	VIII-XI	x		217	Кургантепа	I-V, XVII-XVIII	7	
145	Сигиртепа	VI-XII	4		218	Маслахаттепа	II-I, III-VI	8	
146		II-VI	8		219	Аджабшайхтепа	II-VIII	6	
147	Кумиртепа	III-XVI	4	разрушен	220	Каратепа	V-XII	1	
148	Алимсаритепа	V-XII	3		221	Дашттепа	V-XIII	5	
149		III-XII	7		222	Даштликмазар-тепа	II-I	9	
150		V-IX	5		223	Гайбататепа	IV-V	9	
151		IX-XIII	6	разрушен	224	Ходжамазартепа	IV-XII	1	
152		V-VI	5		225		IV-VIII	x	
153		V-XII	8		226		IV-VIII	x	
154		V-XIII	1		227		V-XI	x	
155		VII-XII	6		228		V-XII	4	
156		VII-XII	9		229		V-VIII	3	
157	Киндиклитепа	VII-XII	4		230	Латиптепа	V-XII	4	разрушен
158		III-II, IV-VI	1		231	Ходжалитепа	VII-VIII	x	разрушен
159		II-I, I-V	6		232		III-VI, VIII-XII	9	
160		II-I, I-VIII	9		233		V-VIII, XII-XVII	4	
161		IV-VI	9		234	Куккаргатепа	IV-XII	4	разрушен
162	Джайратепа	XIV-XVI	x		235		V-VIII	2	
163		VIII-XII	5		236		V-XVI	4	
164	Кавустепа	V-VI	9		237	Кургантепа (Куликтепа)	II-I, II-XII	1	
165		II-VIII	5		238		V-VIII, XII	6	
166		V-VIII	9		239	Кучкактепа (Ишансаидхан-тепа)	V-XII	2	
167	Джинтепа	III-VIII	5		240		V-VI	9	
168	Ашуртепа	II-VIII	5		241	Бабажантепа	V-VIII	1	
169	Куштепа	VII-VIII	x		242	Сарыктепа	I-V, VIII-XII	5	
170	Кургантепа	VII-VIII	6		243	Джавлонттепа	V-VIII	4	
171		VII-XI	1		244		V-VIII	9	
172		IX-X	10		245	Кумкишлактепа	V-VII, X	3	
173	Наймантепа (Коштепа)	V-XII	4		246	Хаснатепа	V-VIII, XII	5	
174		V-XI	x		247	Пиримтепа	V-VI	x	
175	Шайхалитепа	II-I, I, V-XII	5		248	Лагмантепа (Аултепа)	III-V, IX-XI	1	
176	Сигиртепа	V-XII	4		249	Сайдатепа	V-VI, IX-XII	4	
177		V-XII	5		250		X-XII	6	
178	Узуннавоттепа	V-VII-IX	9		251		IX-XI	6	
179		VIII-XVI	9		252	Холиктепа (Таль)	V-VIII	4	
180		VI-VII, XII	4		253		V-VIII	9	
181	Паргузатепа	V-VI	4	разрушен	254	Кургантепа	V-VIII	x	
182		V-XII	3		255		V-VIII	5	
183	Ходжапанахтепа	VII-XVIII	1	разрушен	256	Загзатепа	VI-VIII	6	
184	Кургантепа	IX-XII	5		257	Джангальтепа	II-VIII	5	
185	Калаи Захоки Марон	II-I, I-XII	1		258		V-VIII	5	
186	Касантепа	II-I, IV-XIII	4	разрушен	259	Тастепа	I-VII	6	
187	Гунгантепа	IV-VI	x		260		V-IX	5	
188	Кафиртепа	II-XII	4	разрушен	261	Игзактепа	I-VIII	9	
189	Культепа	V-XII	4		262	Учтепа I	V-IX	5	
190	Хонтепа (Кошкиндиклитепа)	IV-XII	5		263	Учтепа II	V-IX	5	
191		V-VII	x		264	Учтепа III	V-IX	10	
192	Шоидходжатепа (Иргашататепа)	V-VII	5		265		V-IX	2	
193		V-VII	9		266	Талактепа	V-VIII	2	
194	Шаидтепа	V-XI	5		267	Коштепа I	II-IV, VIII-XII	4	разрушен
195	Шаидходжатепа (Кузичитепа)	V-XII	4		268	Коштепа II	II-IV, VIII-XII	5	разрушен
196	Мазартепа	V-VI	9		269		X-XII	9	
197	Камаидытепа	V-XII	1		270	Чодактепа	III-V-VIII	9	
198	Кургантепа	VII-XI	7		271	Шахрихайбар	I, I-XI	11	
199	Шуллюктепа (Несеф)	III-XIX							
200	Шаукайтепа	V-XII	3						
201	Мазартепа	VI-XII	3						

272	Хайбартепа	I, I-XII	1		341		II-IV	8	
273		III-IX	6		342	Лолимбектепа	I-VII	9	
274		III-IX	9		343		I-VIII	8	
275		VI	9		344		II-IV	4	
276		IV-VI, IX-X	9		345		I-VI	10	
277		V-VIII	9		346		III-II,	10	
278		II-I, VII-XII	5				III-VIII		
279		III-VIII	9		347		V-XII	4	
280	Эгизактепа I	V-XII	2		348	Шакурбантепа	VII-IX	4	
281	Эгизактепа II	VI-VII	6		349		V-VII	4	
282		V-VIII	5		350		I-VII	9	
283	Актепа	I-V	1		351	Тохматтепа	I, V-VII-XII	8	
284	Шаидтепа	V-XII	7		352		I, I-XIII	3	
285	Ханзоиртепа	I-XII	2		353		III-I, I-IV	9	
286	Суфибоботепа	XI-XIII	3		354		I-VI	10	
287		V-XII, XIX	9		355	Кутантепа	I, I-VIII	1	
288	Сохтатепа	XI-XII	5		356		VII-XI	9	
289	Чимдарттепа	V-XIII	5		357		III-XIII	5	
290	Тешиктепа	I-XIII	3		358	Шаймантепа	V-XII	4	
	(Багаттепа)				359		IV-VIII	6	
291	Гулистантепа	I-XV	1		360	Чимкургантепа	V-VIII, X-XI	3	
	(Каджарттепа)								
292	Ишантепа	V-VIII	5		361	Казаклитепа	X-XII	6	
293	Каджарттепа	I-XIII	2		362	Шортепа	V-XIII	7	
	(Каттатепа)				363		V-VI	9	
294	Амантепа	IV-XI	5		364		V-XIII	9	
295	Ялпактепа	V-VIII	5		365	Чилимбаштепа	V-XII	4	
296	Кумтепа	V-VIII	9		366	Коштепа	I-VI	10	
297	Ширкенттепа	XVIII-XIX			367	Кучкартепа	V-XH	4	
298	Шортепа	VIII-XII	4		368	Чимкургантепа I	IV-XII	3	разрушен
	(Мисатепа)	VI-VII	5		369	Чимкургантепа II	V-VIII	4	
299			5		370	Авлияттепа			
300	Ялангтуштепа	VII-XII	2			(Кераиттепа)	V-XII	2	
	(Шормачитепа)				371			9	
301	Бухарттепа	V-XII	4		372	Меситтепа	V-XI	4	
302	Утукчитепа	VI-VII	9		373	Касбитепа	I-XIII,		
	(Дехкантепа)						XIV-XVI	2	
303	Тюмалтепа	V-VIII	9		374	Бачатепа	I-XII	4	
304		V-VIII	9		375	Майманактепа		5	
305	Атчапартепа	I-VIII	1			(Шортепа)	V-XIII		
306		V-VIII	9		376	Уразабадтепа	I-XII	4	
307	Бабакенттепа	I-XII	2		377	Шакарджуйтепа	V-VIII	4	
308	Авлияттепа	I-XII	3		378	Исабайтепа	I-XIII	1	
	(Каунчитепа)				379		IV-VII	4	
309	Назартепа	V-VIII	4		380		V-VII	9	
310	Караултепа	V-IV	9	разрушен	381	Ташкургантепа	VII-XII	4	
311	Улактепа	VI-VII	x		382		VI-IX	2	
312	Ульджаттепа	V-VIII	9		383		III-XII	4	
313	Алимтепа	V-VI,	4		384	Сарытепа			
		VIII-XIII				(Худжумтепа)	V-XIII	3	
314	Уртатепа	V-XII	4		385	Кургантепа	I-XII	3	
	(Гортепа)				386		III-XIII	4	
315		V-XIII	10		387	Каттакургантепа	IV-XIII	4	
316		V-VIII	3		388		IV-VII	8	
317		III-VII	8		389		V-XI	6	
318	Пишактепа	I-VI	9		390		III-VI	6	
319	Дуньетепа	V-IX	8		391		V-VI	6	
320	Баннамтепа	VII-XII	2		392		V-IX	9	
321	Лайкатепа	V-VIII	2		393	Актепа	III-IX	8	
322	Джумбазарттепа	V-VII	5		394		IV-XII	9	
323	Шиштепа	IV-III, I-VI	5		395		V-VI	9	
324		V-IX	4		396		I-II	10	
325		V-VI	9		397	Айланматепа	I, I-VIII	1	
326		V-VII	6		398	Ялпактепа	V-VI	4	
327		IX-XII,	10		399		I, I	9	
		XVIII-XIX			400	Шортепа	V-XIII	2	
328			9		401	Шиштепа	IV-XII	2	
329	Джарттепа	V-XII	6		402	Язтепа	V-XII	2	
330	Чачмакультепа	I-XII	2		403	Шиштепа	II-VI	1	
331	Камишкультепа	IV-VII	9		404	Карчигайтепа	V-XII	3	
332	Илантепа	V-XIII	9		405		V-VIII	5	
333	Алтынтепа	V-XII	x		406	Мирзабектепа	V-VII	5	
334	Тешиктепа	V-XII	3		407	Караттепа	V-VII	5	
335	Шайтантепа	VII-VIII	4		408	Аккургантепа	V-XII	3	
	(Шахидантепа)				409	Киндиклитепа	I-XII	1	
336	Паштантепа	V-XII	4		410	Куны-Фазли	V-IV, I-XIII		
337	Чаукайтепа	V-XII	1				IV-I, I-VIII,	1	
338	Сапартепа	I-VI	2		411		X-XII		
339	Капонтепа	IV-VIII	5		412	Динаутепа	IV-XIII	2	
340		II-I, V-VIII	6			(Каттакургантепа)			

413	Супаралантепа (Тешиктепа)	III-XII, XV-XVI	1		5		III-VI	5	
414	Дуразатепа	V-VII	9		6	Карагыштепа	II-I, I-V	5	
415	Дуразатепа	V-XIII	3		7	Коштепа	V-VI	10	
416	Наукатепа	V-XIII	3		8		III-VIII	10	
417	Шортепа	V-XIV	11		9	Ялпактепа	I, I-VIII	2	
418		V-XIX	6		10	Коштепа	VI-XI	4	
419		V-XII	9		11	Аждартепа	IV-VIII	2	
420		V-VIII	5		12	Саройтепа	VI-XVIII	1	
421	Кургантепа	IV-VIII	5		13	Шмактепа	I-VII	5	
422	Коштепа	V-XV	5		14		VII-IX	4	
423	Лойдонтепа	V-VIII	3	разрушен	15	Хатинтепа	VI-VIII	4	
424	Книктепа	III-II, V-VII			16		II-I, I-IV	8	
		X-XI	5		17	Тулыкитепа	II-I	1	
425	Миришкартепа	V-XIII	3		18		II-IV, IX-XI	x	
426		VIII-XII	8		19	Мазартепа	I, I-VII	2	
427	Кургантепа	V-VIII	6		20	Хандалактепа	VI-VII	5	
428	Акмангиттепа	V-XII	2		21	Людитепа	IV-VIII	4	
429	Мазартепа (Мазармиртепа)	V-VIII	5		22	Яргунчатепе	VII-XII	4	
430	Коштепа	III-II, I-VI	10		23		V-VIII	1	разрушен
431	Эгизактепа	V-IX	2		24	Пестепа	I-VIII	5	
432	Эгизактепа	VI-XII	1		25		III-II, V-VIII	6	
433		V-XIII	8		26		IV-VII	4	
434		I-II	9		27	Эгизактепа I		9	
435	Карагылтепа	V-VI	5		28	Эгизактепа II		9	
436	Культепа (Хасанполвон-тепа)	V-VI	4		29	Эгизактепа III		11	
437	Анзираттепа	V-VI, X-XII	4		30	Зангтепа	IX-XII, XVIII-XIX	2	
438	Каттатепа (Каракчитепа)	V-XII	3		31		III-VI	9	
439		V-VIII, X-XII	x		32	Мергентепа	III-VI	2	
440	Шортепа	V-VIII, X-XII	5		33	Ходжа-Румаштепа	I, I-XVI	4	
441	Кургантепа	V-XII	2		34	Ялпактепа	VIII-XIII	5	
442	Лодымбектепа	I-VII	4		35	Саубагтепа	II-I, I-XIX	5	
443	Талликургантепа (Чаукайтепа)	III-VI	11		36	Кильчуптепа	IV-XIII	5	
444		V-VII	x		37		VI-XIII	4	
445	Ишантепа	V-VII	5		38	Бараттепа	IV-VII	4	
446	Мазартепа	V-XII	11		39	Кабристонтепа	III-I, VI-IX, XIX	4	
447		V-VIII	x		40		X-XII	x	
448	Магзантепа (Кольтепа)	I, I-XII	3		41		III-I, I-IV, IX	x	
449	Бакирчитепа	V-XII	4		42	Горликтепа	III-VII	4	разрушен
450	Палвантепа	V-XII	3		43	Бойназартепа	II-VII	7	разрушен
451	Чильтантепа	V-XII	3		44		I-VI	4	
452		V-VI	5		45	Кочкортепа	III-XIII	5	
453		V-VI	9		46		XI-XV	5	
454		V-VI	5		47	Сигиртепа	V-VII	5	
455	Шаштепа	V-XII	5		48	Кутантепа	V-VIII	2	
456		V-XII	3		49		I, VII-VIII	9	
457		V-VI	5		50		IV-VI	5	
458	Мазартепа	V-VI	9		51	Авазбоботепа	III-XII,	4	
459	Кургантепа	V-VI	4		52		IV-VIII	x	
460	Шавгунтепа (Камандытепа)	V-XII	4		53	Джинхайдартепа	V-VII	5	
461	Тиллисортепа	I-XII	1		54	Тиллятепа	I-XII	6	
462	Намазгартепа	IV-XIII	4		55		III-I, I-VI	5	
463	Мирмиронтепа (Кургантепа)	V-XIII	1		56		I, I-VII	4	
464	Насттепа	VII-VIII	6		57		V-IV, I-III, VII-XI	6	
465	Коштепа I	II-XII	3		58		III-II, V-VIII	6	
466	Коштепа II	III-V	6		59		III-II, V-VIII	5	
467	Мучуратепа (Губаляктепа)	II-I, I-VI	1		60		III-VII	2	
468	Пирмакала			караван-сарай	61	Кукташтепа	V-XI	1	
					62	Зирактепа	V-XII	5	
					63		I-XII	7	
					64		I-XIII	4	разрушен
					65		II-I, I-II, V-VII	x	
					66		IV-XII	5	
					67		III-VI	5	
					68		V-IV, V-VI	6	
					69	Уликтепа	VIII-X	4	
					70	Актепа	III-VIII	5	
					71		IV-VI	5	
					72		VI-VII	5	
					73	Мардонбоботепа	I-II, VI-VII	4	
					74		VI-VIII	6	
					75		II-I	5	
					76	Кургантепа	VI-XII	3	

ГУЗАРСКИЙ ОАЗИС

1		IV-VIII	4	
2		I-III, XVII- XVIII	1	разрушен
3	Исзантепа	V-VII, X-XII,	1	
		XVI		
4	Бузругтепа (Авлиетепа)	V-XVII	x	

77		V-VII	10		12	Эшоншоядтепа	VI-VIII	6	
78		III-V	6		13	Кизлархонопатепа	I, I-VIII	2	
79	Назымотатепа	III-XII	2			(Биби Шириноба, Биби Карасоч- опа)			
80		III-I, IV-VI	6		14	Курганный мо- гильник			
81		I, I-VI	6	разрушен	15	Мунчактепа	V-IV, V-VIII, IX-X	9	
82		V-VIII	6						
83		III-II, III-V	6		16	Курганный мо- гильник			
84	Унсаккизталли- тепа	I-III	5		17	Мунчактепа	V-IV, V-VIII, IX-X	9	
85		V-VI	8						
86	Куктепа	I-VII	2		18			5	
87	Актепа	I-XI	5		19	Эскикурбан		6	
88	Сичконтатепа	I-VI	7		20	Бозтепа	XIX		крепость
89	Кучкартепа	II-VI	4	разрушен	21	Ходжаипак	XIV-XVI		(отдельные курганы и остатки караван-сарая)
90		III-XVIII	4						
91		I, I-V	5						
92		II-I, V-IX	2						
93		I-V	8						
94		I-III, XI-XII	6						
95	Киркизтепа	II-VIII	10						
96		III-V	5						
97		III-II, I-XII	4						
98		V-IX	9						
99	Кизтепа	II-I, III-V	1						
100		III-I, I-III	x						
101	Курбан Гузара	IV-V, XVII-XIX		крепость					
102	Ходжа Бузург- тепа	III-II	4						
103	Вахмтепа	VI-VIII	9	разрушен					
104	Курбанчатепа	IV-III	9	разрушен					

ДЕХКАНАБАДСКИЙ РАЙОН

1	Габурган	XVIII-XIX		склепы	22	Отдельные кур- ганы			
2	Минаркурган	VI-VIII	6		23	Отдельные кур- ганы			
3	Дуньетепа	VIII, XVI-XVIII	6		24	Остатки караван- сарая	XVIII-XIX		
4		V-VIII	6		25	Отдельные кур- ганы			
5	Ходжа Зикрота- тепа		9		26	Отдельные кур- ганы			
6	Кургантепа	IV-XI	3		27	Отдельные кур- ганы			
7	Тиллятепа	V-XI	3		28	Кокабулакота- тепа	V-VIII	6	
8	Чаштепа	VI-VIII	9		29	Дуньетепа	V-IV, I-VII	6	
9	Курганный мо- гильник				30	Отдельные кур- ганы			
10	Курбан (средне- вековое поселение)	XVII-XVIII		укрепле- ние на мысе культовое сооруже- ние	31	Чайгультепа	V-VIII	5	
11	Ташкалак	II-I			32	Байкурбан	V-IV, III-VI		укрепле- ние на мысе
					33	Чаштепа	V-IV, III-VIII	5	
					34	Базартепа	I, I-II, VII-VIII	6	

№№ 23—24, 114, 115 в Каршинском оазисе образуют тип 4.

№№ 135—136 в Каршинском оазисе, №№ 80—88 в Гузарском оазисе образуют тип 10:

Тип «х» означает, что памятник полностью разрушен. Пропуск в графе дат означает, что датирующий подъемный материал не найден.

Глава II
АРХИТЕКТУРНЫЕ
КОМПЛЕКСЫ ЕРКУРГАНА
МОНУМЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
ГОРОДСКОЙ ХРАМ
(Р-1, ВОСТОЧНЫЙ ХОЛМ)

Вскрытия в святилище и айванном портике

При осмотре внутреннего города прежде всего обращают на себя внимание руины крупного, квадратного в плане сооружения в виде высокого оплывшего бугра, обращенного фасадом на юг. Этот объект, обозначенный как «раскоп 1 — центральный холм», был изучен лишь поверхностно, основные же работы были сосредоточены на примыкавшем к нему с востока более скромном по размерам бугре, названном «раскоп 1 — восточный холм», на котором вскрыты остатки ярко выраженного культового комплекса. До начала раскопок объект представлял собой небольшой овальный в плане холм, вытянутый в широтном направлении; это были, как затем выяснилось, руины совершенно оплывшего святилища храма. Размеры бугра по верху равны 25х13 м, северный и восточный фас — довольно крутые, а западный и южный — пологие. К югу от бугра находится обширная площадь храмового двора размерами 80х50 м, окруженная невысоким оплывшим валом с проемом от входа в южной части, выводящим, в свою очередь, на городскую площадь, достаточно четко выраженную в современном микрорельефе.

Уже при осмотре поверхности этого объекта были собраны значительное количество фрагментов керамики и обломков ганчевой штукатурки, окрашенной в красный цвет, и отдельные жженные кирпичи треугольной формы; последние оказались от колонн святилища храма.

Вскрытия произведенные на этом объекте, дали богатый материал, позволяющий судить об особенностях местного домусульманского культа Согда.

Раскопочными работами, сосредоточенными в основном на вершине бугра, было полностью вскрыто и изучено святилище храма, достаточно тщательно исследован обширный айванный портик, оформлявший южный фас святилища, частично изучены западный и восточный склоны этого комплекса, а на юге — дворовая его часть. В настоящее время установлено, что храм (раскоп 1 — восточный холм) функционировал, по-видимому,

более четырех столетий, на основе чего было выделено пять основных строительных периодов, и на протяжении этого промежутка времени уровень пола святилища поднимался пять раз. В свою очередь строительные периоды подразделяются на более мелкие перестройки, которые прослежены в самом святилище храма. Айванный портик перестраивался и ремонтировался не столь часто, и еще меньшим перестройкам, видимо, подвергалась дворовая часть храма.

Судя по вскрытиям, основные контуры плана комплекса храма были возведены в I строительный период при его закладке и в дальнейшем не меняли существенно своего характера. Все перестройки и доделки производились в пределах трех основных архитектурно-планировочных элементов храма: святилища, айвана и двора.

Святилище. Оно было вскрыто целиком, а его заполнение, состоявшее из кладок и полов последующих строительных периодов и культурных отложений между ними, было полностью разобрано, затем в целях консервации оно было засыпано рыхлым земляным отвалом. Айванный портик вскрыт лишь в пределах стен III строительного периода, дворовая же часть раскопана лишь на южном конце продольной траншеи 1, а также на поперечной траншее 2, прорезавшей отложения двора храма на всю ширину. Между святилищем храма и центральным холмом первого раскопа также были заложены стратиграфическая траншея 3 и шурф, в котором обнаружены отложения между двумя холмами. К западу от святилища и айвана вскрыта небольшая площадь, где был частично раскопан большой священный зольник, находившийся подле западной стены святилища с внешней ее стороны. Помимо этого, в 35 м к юго-востоку от святилища, на склоне, ограничивающем площадь двора с востока, был заложен раскоп 6, где обнаружены остатки подсобных помещений храма.

Храм был возведен на поверхности древних культурных отложений, с небольшим повышением к западу от будущего сооруже-

ния, на этой площади сначала была сооружена из кирпича и глины ровная платформа, на которой позже было возведено само здание. При этом уровень святилища был выше, площадь же вокруг него и прежде всего террасовых уровней двора понижалась к югу в сторону двора.

В начале функционирования в I строительный период святилище храма представляло собой крупную прямоугольную в плане залу размерами 13,2х7,5 м (рис. 39, 40). Стены, сохранившиеся на высоту более двух метров, имели сводчатые ниши, вдоль стен располагались узкие пристенные суфы. Всего ниш в святилище зафиксировано 15: по три в западной и восточной боковых стенах, пять — в северной центральной стене святилища и четыре — в южной стене, где находился вход, причем в каждой стене центральная ниша была крупнее остальных (рис. 76).

Самая крупная ниша в центре северной стены, напротив входа, играла роль психологического центра священнодействий, совершавшихся в святилище. Она была шириной 3,5 м и глубиной 1,6 м, с приподнятым над уровнем пола святилища основанием. Восточная боковая стенка ниши в верхней сохранившейся части имеет едва заметный выгиб к центру, т. е. здесь, на этом уровне, начиналась дуга свода ниши. Малые боковые ниши примерно равны по ширине и глубине, хотя их размеры заметно варьируют. Полы или основания ниш находятся на 25—30 см выше поверхностей пристенных суф святилища, исключение составляет лишь ниша 9 (считая по часовой стрелке от входа в святилище), поскольку первоначально ее пол был гораздо ниже, пристенная же суфа здесь прервана. Основание этой ниши на несколько сантиметров выше уровня пола святилища. В больших нишах восточной и западной его стен (4,12) основания совпадают с уровнем поверхности пристенной суфы. Полы или основания ниш ровные, обмазаны саманной штукатуркой, иногда поверх глины покрыты тонким слоем алебаstra. Исключение составляет ниша 3, имеющая в центре небольшое прямоугольное возвышение в виде прямоугольного постамента. Аналогичное возвышение характерно и для ниши 4, однако здесь оно располагается не в центре, а с правой ее стороны. К центральной нише северной стены примыкала обширная прямоугольная площадка постамента, видимо, для подношений. Подобные прямоугольные в плане площадки имеются и перед большими центральными нишами восточной и западной стен, однако здесь они мелкие по размерам и оформлены как небольшие выступы в плоскости суф.

Изображение культовой ниши в живописи храма Джартепа II с изображением аналогичной ниши с двумя фигурками донаторов

по сторонам указывает на то, что в них могли ставиться предметы поклонения — статуэтки божеств, курильницы, светильники.

Что касается пристенных суф святилища I строительного периода, они не равны по ширине и высоте у разных стен. В среднем их высота от пола святилища колеблется от 0,80 до 1,05 м, а ширина — от 0,30 до 0,50 м, суфа южной стены к востоку от входа ниже всех остальных.

К площадке перед центральной нишей северной стены пристроены две небольшие ступени. Пол ниши, а также поверхность площадки и ступеней выложены разноформатным жженым кирпичом (35х32х5 см; 45х31х5 см; 35х23х3,5 см и др.). Кирпичная выкладка покрыта ганчевой штукатуркой (до 0,8 см толщины). Боковые же стенки площадки и ступеней, а также суфы обмазаны саманной штукатуркой и побелены ганчем.

Пол I строительного периода достигает уровня середины VII яруса. Его обмазка находится непосредственно на платформе, толщина обмазок пола из смеси глины с саманом равна 12 см.

Перекрытие святилища поддерживали две мощные колонны, выложенные из треугольного жженого кирпича. Они находятся вдоль продольной оси залы, чуть ближе к входу, на равном друг от друга и от боковых стен расстоянии. Таким образом перекрытие, опиравшееся на колонны, было балочным и состояло из шести секций, северные были квадратными, а южные три — более узкими прямоугольными, так как колонны находились ближе к южной стене святилища.

Кирпичные кладки колонн возведены на перевернутых каменных базах в виде четырехугольной усеченной пирамиды. Они вторичного использования, принесены с другого, более древнего сооружения на городище. Под базой — песчаная подсыпка. Характерна кладка стволов колонн, имевших толщину 80—85 см. На каменной базе расположен целый керамический диск диаметром 80 см, на нем уложено 8—10 рядов кладки из треугольного кирпича, выше — опять целый круглый кирпич, равный диаметру колонн, над ним вновь кладка из жженого треугольного кирпича, выше эта картина повторяется. Скрепляющим раствором для колонн служил ганч с небольшой примесью мелкого песка. Второй интересной особенностью кладки колонн является отсутствие по одному кирпичу в 7 и 21 рядах кладки снизу вверх. Образовавшееся пустое пространство на месте одного кирпича в 7 ряду разделено ганчевой штукатуркой на две прямоугольные ячейки, в 21 ряду оставлена одна ячейка Т-образной формы. В них, помимо темно-серой земли, ничего не обнаружено. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти пустоты в кладках обеих колонн оставлены по сторо-

нам, обращенным к центральной нише святилища.

Сами жженные кирпичи, из которых сложены колонны, сформованы в деревянных формах без дна. Вероятнее всего форма представляла собой кольцо, разделенное перегородками на восемь частей по числу кирпичей в одном ряду кладки колонны, поскольку каждые восемь кирпичей размерами в длину 36—40 см при толщине 5—7 см образуют правильный круг диаметром 80 см. После извлечения кирпичей из формы их края подрезались, а лицевая сторона еще в форме заглаживалась пальцами. На подавляющем большинстве кирпичей имеются прочерченные пальцем знаки. Выделяются четыре их разновидности: в виде дуги; в виде дуги и проведенной сверху прямой линии; знак в виде латинской буквы «S»; зигзагообразный знак в виде прописной буквы «Г».

Наиболее часто отмечены знаки первой и третьей разновидностей, вторая разновидность — редка, а четвертая зафиксирована на единичных кирпичях. Видимо, они были изготовлены специально для колонн святилища храма, на отсутствие серийного постоянного производства жженных кирпичей указывает крайне неравномерный обжиг. Нередки случаи, когда одна сторона кирпича пережженная, а обратная обожжена слабо. Изготовление целых кирпичных дисков производилось таким же образом, как и треугольного кирпича.

Западная колонна имела поверх кладки ствола 3—4 см плотной саманной штукатурки, внизу базы она толще на 1—2 см. Поверх этой штукатурки нанесен гладкий слой плотного ганчевого штука толщиной 0,5—1,5 см, штукатурка покрыта ярко-красной краской, местами поблекшей и осыпавшейся. Поверх красного фона на высоте 1,2 м от уровня пола I строительного периода расположен ряд геральдических знаков, изображенных черной контурной линией шириной 2—3 мм. За счет многочисленных обмазок первоначально квадратное основание колонны сильно разрослось и превратилось в высокий квадрат около 150 см в стороне и высотой более 40 см. Тонкие слои глиняной штукатурки очень часто прослоены белой и красной краской, в одном случае местами отмечены следы черной краски в виде пояса там, где основание колонны опиралось на базу. При вскрытии имитации тора в основании колонны начала I строительного периода установлено, что он был несколько смят, и его облицовка местами обновлена белой ганчевой обмазкой без примеси песка. Штукатурка тора раздалась, и между ней и кладкой ствола колонны в глиняную обмазку вклинилось на 2—3 см основание ганчевой обмазки ствола. Эта деформация произошла в результате небольшой просадки колонны в течение I строительного периода.

Восточная колонна святилища аналогична западной, но отличается худшей сохранностью штукатурки. В древности она часто ремонтировалась, в некоторых местах штукатурка ствола колонны имела небольшие дыры, и в них были залиты ганчевые штыри толщиной 2—8 см для того, чтобы укрепить верхний ганчевый штук на нижней глиняной обмазке. Колонна выкрашена в красный цвет, рисунков, аналогичных обнаруженным на западной колонне, здесь на сохранившейся поверхности колонны нет, хотя на отдельных обломках штукатурки верхней части колонны, лежащих в завалах верхних горизонтов, прослежены обрывки слабых черных контурных линий, видимо, знаки имелись и на этой колонне. Облицовка западной колонны в нижней ее части также была деформирована за счет просевшей вниз твердой и тяжелой ганчевой штукатурки ствола, врезавшейся на 2—3 см в торовидное расширение в основании. При разборке основания колонны выявлена ямка в кладке платформы, куда поверх песчаной прослойки была уложена перевернутая база, вытесанная из серого камня в виде усеченной пирамиды около 1 м в стороне, поверхность ее где-то на 10 см выше самого раннего пола I строительного периода. На ней возведен кирпичный ствол колонны. Базы как восточной, так и западной колонн аналогичны базам, обнаруженным на айване храма на уровне пола III строительного периода. Базы колонн были обложены длинными жжеными кирпичами шириной 14,5—16,4 и толщиной 5—6 см, длину их установить не удалось, они все обломлены, но, судя по обломкам из разобранных частей основания колонн, их длина была более 30 см. Один ряд этой кирпичной обкладки обкладывает каменную базу в два слоя, и все это покрыто сначала глиняной, а затем тонкой ганчевой штукатуркой. Так был образован квадратный базис колонны, имевший первоначально 135х135 см по сторонам и около 18 см высоты от пола, на этом квадрате стояло торовидное кольцевое вздутие и уже выше шел ствол колонны. В I строительный период база восточной колонны одновременно с западной многократно штукатурилась, здесь четко отделяется 21 слой тонких глиняных штукатурок, которые часто белились или покрывались ганчем; в результате многочисленных систематических обмазок квадратное основание колонны сильно разрослось и под ним исчезла круглая имитация тора. В конце I строительного периода в результате этих обмазок в основании колонн образовались массивные квадратные тумбы или подиумы с заглаженными углами около 150 см в стороне и 45—50 см высотой.

Храм I строительного периода функционировал длительное время, в течение которого происходили достройки и ремонты в святилище. В результате многократных об-

мазок полов, суф и баз колонн на них значительно выросли слои штукатурки, в частности, как уже отмечалось, на базе восточной колонны четко был выделен 21 слой глиняных обмазок, нанесенных одна на другую, причем часть поверхности этих тонких глиняных обмазок (2—3 мм) окрашена в белый и красный цвета, имеются отдельные полосы черного цвета, опоясывающие имитацию тора. Вскоре центральная ниша святилища, а также площадка перед ней и ступени изменили свой облик. Юго-западный угол ниши, включая ее левую боковую стену, укрепился мощной подпоркой — контрфорсом из сырцового кирпича. Он был выложен на полу ниши и площадке перед ней, видимо, еще в самом начале I строительного периода. Сама площадка перед центральной нишей расширяется и перекрывает ведущие к ней ранние ступени. До того, как расширить площадку, ступени дважды меняли свою форму и достраивались. Вместо них в конце I строительного периода была пристроена одна ступень, равная по длине ширине центральной ниши.

Простенок между нишами 7 и 8, а также западная щека ниши 8, закрытые кладкой контрфорса, обмазаны одним тонким слоем саманной штукатурки. Аналогичную тонкую обмазку имеют под контрфорсом поверхности пола и площадки перед центральной нишей, на которых он стоит. Все это свидетельствует о небольшом промежутке времени между началом I строительного периода и возведением контрфорса. Во всяком случае, росписи на поверхности стен под контрфорсом не оказалось, т. е. стены были покрыты росписями после возведения контрфорса, но и поверхность самого контрфорса тоже не была расписана.

В то же самое время в верхней части кладки контрфорса в слоях глиняного раствора между кирпичами отмечены следы красной и черной красок, нанесенных поверх ганчевой грунтовки, т. е. в тот момент, когда возводилась верхняя часть этой подпорки, где-то в храме производились работы и по художественному оформлению стен данного комплекса, а неудачные участки сняты и замешены в глину раствора. Надо полагать, это произошло как раз тогда, когда стены всего комплекса были возведены, перекрыта крыша и интерьер один раз был обмазан глино-саманной штукатуркой, поверх которой намечалось нанести подгрунтовку для росписи. Однако из-за слишком широкого пролета свода центральной ниши, выложенной из сырцового кирпича и, возможно, слабости несущих конструкций, сразу же возникла угроза ее обрушения, в связи с чем древние строители были вынуждены укреплять западную стену центральной ниши массивной опорой, уродовавшей весь замысел архитектурно-планировочной композиции святилища

храма. И когда завершалось возведение этой подпорки, где-то на айване или в самом святилище древние художники приступили к выполнению росписи храма, отбросы работ которых попали в верхнюю часть кладки контрфорса.

Только так можно объяснить фрагменты сбитой тонкой ганчевой штукатурки, замешенной в глиняный раствор контрфорса.

Третье место, где была, видимо, совершенно довольно скоро достройка — это ниша 9, основание которой поначалу доходило до уровня пола святилища. Она была заложена в нижней части и ее основание было поднято на уровень с основаниями остальных малых ниш. Соответственно был заложен и перерыв суфы перед ней.

Пол или площадка основания ниши 2 также имели следы ганчевой побелки под более поздними слоями глиняных обмазок, покрытых сверху тонким слоем пепла, оставленного в конце функционирования святилища I строительного периода. После снятия остатков живописи под ней был открыт еще один слой белой тонкой ганчевой штукатурки или побелки, нижний край которой уходил под уровень площадки основания ниши на 20—30 см. Далее до уровня пола святилища шла голая кирпичная кладка, заполненная рыхлой землей с обломками кирпича, поверх которой была выстроена площадка внутри ниши. Иначе говоря, получается, что древние строители уже после возведения основных стен и, видимо, перекрытия святилища сразу же вслед за этим приступили к покрытию стен и ниш интерьера белым ганчем, хотя детали строительства, как и пол ниши 2, еще не были достроены, и когда его сделали, нижний край белой грунтовки росписи оказался под полом ниши I строительного периода. Затем ниша была вновь обмазана глиной и белой грунтовкой, и уже после нанесена роспись.

Стены интерьера святилища I строительного периода были покрыты богатой полихромной росписью, которая, к сожалению, сохранилась до наших дней в виде отдельных фрагментов, преимущественно в нишах.

На южной стене живопись сохранилась сравнительно в большем количестве, и здесь можно проследить, что местами она имеет два слоя. Это, в частности, отчетливо видно на фрагментах между нишами 1 и 2 и в нише 2. В нише 2 под слоем с красной решеткой по белому фону в осыпавшихся местах виден нижний слой росписи еще более худшей сохранности, отделенной от верхней тонкой глиняной промазкой. На нижней росписи тоже улавливаются линии решетки, полукругов; цвета красный, черный, белый, видимо, сюжет верхней и нижней росписи один. Это был ремонт или реставрация внутреннего убранства храма. По-видимому, роспись на

отдельных участках стен по мере необходимости заново наносилась по старому поблекшему рисунку или на месте осыпавшихся кусков, в результате чего она получалась двухслойной. Тем более, что уголки ниш часто покрыты копотью, и в нише 2 оба слоя живописи на углах сильно закопчены, здесь стояли светильники, а это тоже требовало обновления живописи. На одном участке в заднем углу южной стены прослеживаются следы четырехкратной окраски.

Суфы и базы колонн время от времени после очередной обмазки глиняной штукатуркой окрашивались в красный цвет. Колонны святилища, как уже отмечалось, тоже были покрыты ярко-красной краской.

Со временем, возможно из-за недостатков конструкции здания святилища (наличие в стенах массы глубоких ниш и др.) или по иным причинам оно начало крениться к югу, о чем свидетельствуют обе колонны святилища: при вскрытии они имели довольно сильный наклон к югу и, видимо, в силу этого, с учетом длительного функционирования храма в святилище произошла серия существенных перестроек, что в итоге привело к полному изменению характера его интерьера.

Несмотря на массивность, стены святилища I строительного периода не отличались особой устойчивостью, кладка стены была прорезана в траншее 1 на месте центральной ниши в северном фасе святилища. Толщина ее 2 м, кверху она сужается, кирпичи, из которых сложена, не отличаются прочностью, они разноформатные (40—42х40—42х12 см, отдельные до 46 см в стороне). В кладке этой стены, на расстоянии 1,3 м от внутренней поверхности, на уровне начала IV яруса (1,5 м от дневной поверхности) были найдены заложенные в глину раствора кладки бусы (рис. 196: 2).

Как уже отмечалось, целиком было раскопано только святилище храма. Внешний его комплекс на сегодня вскрыт лишь частично, в связи с чем наши представления о многих его участках носят предварительный и неполный характер. В частности, остатки айванного портика были вскрыты в основном в своей верхней, наиболее поздней части. Строительные конструкции и культурные отложения первоначальных периодов на айване известны пока по небольшим предварительным зондажам. Это, в частности, шурфик в северо-западном углу айвана и два разреза. Один разрез — западной стены айвана, второй разрез — северной стены к западу от айвана и, наконец, большая траншея 1, прорезающая вдоль по центральной оси весь комплекс храма.

Характеристику айвана следует начать с того, что по своим пропорциям он был почти равен святилищу, но лишь чуть шире. На протяжении всего существования храма эта общая конфигурация плана не менялась, хотя

здесь отмечены следы многих перестроек. Неоднократно возводились новые кладки стен, суф, поднимались полы и т. п.

В I строительный период айван имел ширину 18,5 м, а в глубину, судя по уровню пола, обрывающегося по южному краю ступенью, он был равен 7 м. По этой же линии западная стена двора поворачивает к западу и прослеживается на 10 м. Здесь следует отметить, что угол между западной стеной самого айвана и северной стеной двора составляет менее 90°. Пол двора, как и стены, судя по разрезу в траншее 1, покрыт желтой глиняной штукатуркой и был на уровне X—XI ярусов. Он ниже, чем в айване, но выше, чем в более южной части двора. Это примыкавшая к айвану северная часть двора шириной около 9 м имела более высокий уровень пола, чем в южной своей части, что отмечено в разрезе траншеи 1, где по этой линии в широтном направлении обнаружен резкий уступ пола вниз на 0,5 м.

Полы и стены айвана и двора гладко оштукатурены желтой глиной без самана. Айван имел значительный уклон пола к югу. Подле всех его стен шли узкие высокие пристенные суфы: в айване они высотой 0,7 м и шириной 60 см; во дворе — высотой не менее 1 м, судя по вскрытой части, и шириной 40 см. Это указывает на то, что вдоль стен с суфами и во дворе должны были находиться крытые колонные галереи, как в храмах Пянджикента.

В середине западного фаса айвана суфа имела выдвинутый вперед выступ шириной 40 см и длиной 2,4 м. Уровень суф двора здесь ниже поверхности суфы айвана на 50 см.

В I и II строительных периодах в северо-западном углу айвана находился проход на западную площадку, где складировалась священная зола, отделенная от фасадной части западной стены айвана западным крылом северной стены двора храма. К I строительному периоду здесь относятся кладка стены, отделявшая в III периоде помещения 1 и 7, а также уровень пола под большим зольником, обмазанный чистой желтой глиной без самана на уровне границы VIII—IX ярусов (т. е. совпадает с уровнем пола айвана I строительного периода).

Что касается художественного оформления айвана I строительного периода, то при вскрытии западной его половины обнаружены остатки росписи и внутрстенные ниши, некогда украшавшие стены. В северной стене этого айвана выявлены две крупные, прямоугольные в плане ниши, в каждой из которых находились по две возведенные из глины колонки. Они указывают на то, что, вероятно, верхние своды ниш были оформлены в виде тройной аркатуры, которая, к сожалению, не сохранилась. Эти декоративные глиняные колонки в нишах айвана имели

внутри деревянный стержень, что было характерно и для более ранних глиняных колонн на Дингильдже в Хорезме (ДГКСА. С. 321). Ближе к входу в святилище находилась, видимо, третья ниша, однако этот участок не вскрывался. Основания ниш находятся на том же уровне, что и поверхность суфы, идущей вдоль этой стены. По размерам ниши одинаковые: ширина — 1 м, глубина — 0,52—0,55 м. Диаметр колонок колеблется в пределах 0,24—0,26 м. Они расположены примерно на равном друг от друга и от боковых стенок ниш расстоянии.

Внутри ниши и колонки были покрыты ярко-красной охрой, нанесенной на глиняную штукатурку. Кроме того, видимо, вся северная стена этого айвана была покрыта полихромной сюжетной росписью. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившийся отдельный кусок, обнаруженный в углу на простенке между западной нишей 1 и северо-западным углом прохода на западную площадку. Роспись этого участка сравнительно хорошо сохранилась, покрывала поверхность стены самого начала I строительного периода и сверху была перекрыта многочисленными глиняными обмазками толщиной 4—5 см. На остальном протяжении северной стены айвана храма росписей не сохранилось. На западной боковой стене айвана и далее на северной стене двора сохранилась ярко-красная краска, нанесенная на глиняную штукатурку, что еще раз убеждает нас в том, что вдоль стен двора должна была находиться крытая галерея.

Роспись, сохранившаяся на стене, представляла собой отдельную законченную сцену, заключенную в черную рамку. От поверхности суфы она сохранилась на высоту более 1,5 м, т. е. до самой дневной поверхности. На ней на фоне обрывков геометрического орнамента изображена передняя нога идущего коня, перевязанная бантом. Подобная поза характерна для изображений коней парфянской иконографии (Бадер А. Н., 1991). Гамма росписи состоит из белого, красного и оранжевого цветов. Местами контуры изображения обрисованы тонкими черными или бордово-коричневыми линиями.

Данный этап существования храма, если судить и по айвану, был самым длительным, о чем свидетельствуют глиняные обмазки на стенах и суфах как айвана, так и двора. В некоторых местах общая толщина глиняных обмазок достигает 20—24 см, в частности на западной суфе айвана насчитывается 19 слоев штукатурки. В конце I строительного периода к северной стене двора была пристроена новая стена толщиной 140—145 см из кирпича-сырца размерами 40х40х10—12 см. Данная кладка охватывала и угол между айваном и двором: в айване она короткая, идет всего на 1 м от угла к северу, поставлена на суфу и равна ее ширине, в то время как во

дворе она шире первоначальной суфы и возведена на полу более чем наполовину своей ширины.

Вход в святилище I строительного периода был оформлен в виде трех ступеней, верхняя по ширине равна проходу, а по уровню — полу святилища, две малые ступени шириной 50 см и протяженностью 70 см.

О дворе храма I строительного периода можно сказать, что его поверхность была построена в виде широких террас, поднимавшихся с юга от входа к святилищу. Каждая терраса возвышалась над другой на 20—30 см и лишь первая терраса пола перед айваном была выше на 50—60 см. Все полы обмазаны светло-желтой глиняной штукатуркой. Характерно также, что углы как стен, так и террас слегка закруглены.

Что касается внешнего облика двора, то его граница была вскрыта лишь по северному краю, при этом на восточном и западном фасах открыты пока более поздние боковые стены III строительного периода. Ширина верхней северной террасы двора перед айваном в III строительном периоде была равна почти 40 м и чуть более 4 м с севера на юг. Далее к югу поверх понижающихся террасовых уровней широкого двора культурные отложения вскрыты лишь южной частью стратиграфической траншеи I. Как показал этот разрез, подле края верхней террасы двора шел узенький тротуар, выложенный жженым кирпичом в широтном направлении, его кладка обрамлена бордюром вертикально поставленных кирпичей, к югу от тротуара находилась торовидная каменная база, относившаяся, видимо, к колонне на краю айвана. Далее к югу по дну траншеи до конца шел ровный оштукатуренный желтой глиной пол. Поверх пола (10—20 см) были уплотненный слой сероватой глины с редкими черепками и культурные отложения, выше шли толстые слои рыхлой глины, наплывшие во двор при разрушении храма. Следов дальнейших перестроек во дворе в траншее I не зафиксировано. Все перестройки происходили в самом святилище и примыкавшем к нему южном и западном фасадах.

Во II строительном периоде в интерьере святилища храма происходили крупные изменения (рис. 41). Во-первых, все ниши, за исключением большой центральной ниши 8 в северной стене, ниши 3 в западной стене, а также ниши 12 в восточной стене, были заложены сырцовым кирпичом размерами 40х40х10—12 см. Ниша же 12, а также южная ниша 3 в западной стене были заложены на большую часть своей глубины, и они делались мелкими, глубиной около 30 см. Ниша 12 была уменьшена по высоте и ширине, т. е. в прежнюю нишу была встроена более маленькая, а над суфой у ее основания возведена прямоугольная приступка или ступенька, длиной равная ширине этой новой ниши

(1,35 м). Перед центральной нишей северной стены ступень конца I строительного периода, ведущая на постамент перед нишей, была перекрыта двумя крупными ступенями II строительного периода.

Перестройке подвергались и суфы южной стены святилища, их сделали очень широкими (до 1,5 м). При разборке суфы II строительного периода у южной стены выявлено, что западная ее часть сложена из однородной очень плотной пахсы и покрыта несколькими слоями саманной штукатурки. В кладке суфы близ входа в святилище была заложена большая глыба неотесанного известняка. Пол II строительного периода был поднят на 20 см за счет выкладки сырцовым кирпичом в два ряда.

К концу II строительного периода изменения стали более существенными (рис. 41). Вдоль западной, северной и южной стен были возведены мощные ремонтные стены, подпиравшие прежние, высотой около 2 м и толщиной 90 см. Аналогично контрфорсу у большой ниши I строительного периода они перекрыли ранние пристенные суфы вдоль южной стены; где суфа была широкой, эту стену возвели на суфе. В самом конце этого строительного периода аналогичная стена была возведена и у северной стены святилища. С двух сторон от входа стена имела сложные фигурные углы. Однако в западной стене эта новая ремонтная кладка прерывалась, на месте ниши 3 она не была закрыта. Размеры кирпича этого ремонта были замерены в кладке северной стены на восточной половине: 43х35х8 см; 42х35х9 см; 43х36х8 см. Каких-либо знаков на них не отмечено.

Суфы в тех частях, которые служили в I и II строительных периодах, расширились и повысились из-за многочисленных обмазок, в отдельных местах толщина глиняной штукатурки I—II строительных периодов достигает 30 см. То же самое произошло с подпорными стенами святилища II строительного периода, которые функционировали и ремонтировались еще и в начале III строительного периода. Общая толщина глиняных штукатурок здесь достигает 12 см.

Особо следует остановиться на нишах, которые, видимо, значительно ослабляли устойчивость стен святилища и поэтому во II строительный период до возведения подпорных стен они в большинстве были заложены.

Ниши 1 и 2 в западной части южной стены были заложены сырцовым кирпичом во II строительном периоде. Ниша 3, более мелкая по глубине, заполнена строительным мусором с обломками кирпича, костями, керамикой и мелкими обломками штукатурки с краской; внешние уголки ниши с двух сторон закопчены, видимо, от светильников, горевших здесь в I строительный период.

Ниша 4 заложена кирпичом размерами 43х42х8 см; 45х45х9 см; 44х45х9 см. Суфа I

строительного периода перед нишей была разрушена, очевидно, во II строительном периоде.

Ниша 5, как и ниша 4, заложена сырцовым кирпичом.

Ниша 6 в северной стене заложена кирпичом-сырцом размерами 40х40х10—13 см. Местами на полу ниши отмечены следы побелки. Центральная стена ниши в своей глубине была срублена в III или IV строительном периоде, когда ремонтировалась северная стена святилища, и на ее месте возведена ремонтная сырцовая кладка.

Ниша 7, расположенная рядом с центральной нишей северной стены, западный уголок которой сильно закопчен, а также ниши 9 и 10 тоже заложены кирпичом-сырцом.

Ниша 11 находится в северной части восточной стены и также заложена кирпичом-сырцом, однако в кладке встречаются отдельные прослойки рыхлой земли с костями, фрагментами керамики, угольками. В одной из прослоек найдены небольшие обломки костяного браслета (рис. 189: 2).

Ниша 12 уменьшена.

Ниша 13 также заложена кирпичом.

Ниша 14 расположена в южной стене близ юго-восточного угла святилища. Сохранность ее плохая, тоже заложена кирпичом-сырцом. Западный угол ниши закопчен.

Ниша 15 находится в южной стене к востоку от входа; сохранность ее плохая, свода нет. Она также заложена кирпичом, а западный ее угол закопчен.

Обращает на себя внимание явная непродолжительность функционирования святилища в этот строительный период. Обмазка пола святилища тонкая. Суфы и базы колонн, в отличие от I строительного периода, обмазаны глиняной штукатуркой всего 2—3 раза.

Перестройка айвана в этот строительный период была существенной, пол всего айвана был поднят на 60—70 см в верхней северной своей части. Заполнение между полами айвана I и II строительных периодов состоит из утрамбованного слоя битого кирпича, перемешанного с глиной, но имеются отдельные целые кирпичи. Находок в этой забутовке мало, если не считать обломков разновременной керамики.

В траншее 1 хорошо прослеживается стратиграфия полов айвана (рис. 45). Здесь между полами I и II строительных периодов близ входа в святилище выложено два ряда сырцового кирпича размерами 46х47х10 см; 45х47х12 см; 46,5х32х9,5 см; 46х37х10 см. Южнее близ края айвана кирпич между полами уложен в один ряд. В траншее у входа в святилище на полу I строительного периода найдены два раздавленных керамических блюда. Разница между полами святилища и айвана становится менее значительной, ступени, ведущие в святилище, делаются более широкими и низкими. В юж-

ной части входа в святилище пол II строительного периода находится в 20 см выше верхней ступени I строительного периода, между полами в проходе был уложен кирпич-сырец размерами 47—45х46—45х10—12 см; 47х32х9 см; 46х37х10 см. Пол айвана во II строительный период перекрыл боковые пристенные суфы, а суфа подле северной стены стала возвышаться над полом II строительного периода на 0,5 м, так как поначалу она имела высоту около 110 см. Ко II строительному периоду относятся и разнотипные квадратные базы колонн, идущих вдоль ширины айвана на равном друг от друга и боковых стен расстоянии. Базы размером около 85 см в стороне, две из них двухступенчатые, одна в виде усеченной пирамиды, а четвертая в виде квадратного плинта.

Айван, судя по внешним углам своих боковых стен по краю уступа своего пола, видимо, имел второй внешний ряд колонн, параллельный внутреннему ряду, на что указывают окраска боковых стен айвана, хорошая обмазка суф и остатки уровня пола II строительного периода, покрытого ганчевой обмазкой и окрашенного в красный цвет, уходящего к югу от сохранившегося ряда колонн. База колонны, найденная в траншее 1, во дворе храма в 7—8 м от края террасы пола айвана, видимо, является одной из баз колонн второго внешнего ряда колоннады айвана храма Еркургана. При перестройке во II строительном периоде уровень баз колонн в айване был поднят вместе с полом, т. е. айван в тот промежуток времени был основательно перестроен.

В западной части айвана почти весь пол вокруг 1 и 2 баз колонн был прокален от горевших тут кострищ, чего не наблюдается в его восточной половине, но здесь между базами 3 и 4 отмечены обломки тонкого ганчевого штука, покрывавшего пол (толщина не более 1 мм).

У северной стены айвана, насколько можно судить по ее сохранившейся западной половине, суфы повышаются на 30 см на расстоянии 2 м по обе стороны от входа.

Возле центра западного крыла северной стены двора на уровне низа XX яруса отмечено большое золисто-углистое пятно протяженностью около 2,4 м и толщиной до 20 см. Находки в нем состояли из фрагментов керамики и костей животных.

Это кострище стратиграфически может относиться к концу I и ко II строительному периоду. Здесь отмечена интересная деталь: штукатурка стены над кострищем была обожжена докрасна на высоту до 20 см от зольника, затем сам зольник и стена, к которой он примыкал, одновременно обмазывались глиной. Нижняя часть зольника подле этой стены еще не вскрыта, видимо, здесь находились остатки многократно возжигавшего

кострища. Все это перекрывают остатки конструкций III строительного периода.

В этот же период был сильно изменен характер планировки святилища (рис. 42). В связи с наклоном колонн к югу помещение святилища было разделено на три отдельных помещения или секции двумя стенами к западу и востоку от колонн. Полы трех — западного, центрального и восточного — помещений святилища III строительного периода были повышены на 70—80 см над прежним полом. Проходы в боковые секции были оставлены у южной стены на углах, и уровни полов центрального, западного и восточного помещений были на одном уровне, но в западной секции к северу пол повышается на 10—15 см, а в восточной секции обнаружены два уровня пола: один на 20—25 см ниже пола центральной секции, второй равный ему. Эти секции функционировали довольно долго, обмазка их полов достигала 10 см.

Сначала были возведены основания стен, делящие святилище на секции. Кладка их очень небрежная. Затем были подняты уровни полов в центральной и боковых секциях и намазаны полы. Выше на фундаментах, утопленных под уровнем полов, возведены стены, отделяющие боковые секции от суженного святилища в центре. Ширина кладки фундаментов под полами в один кирпич.

Выше сами стены имеют толщину в два кирпича, а их края покоятся поверх обмазок полов III строительного периода.

Тогда же существенно изменилась и северная стена святилища. В это время была снесена и заново возведена восточная часть стены. В северо-восточном углу стены святилища над сводами ниши были переложены заново. В северо-западном углу ремонтная кладка выявлена в глубине ниши 6. Это указывает на то, что перестройка была весьма существенной и наверняка сопровождалась сменой кровли святилища. Центральная ниша была заложена прочным квадратным сырцовым кирпичом размерами 38—40х38—40х9—10 см, под закладкой в специальной рыхлой земляной засыпке в глубине ниши были захоронены употреблявшиеся во время функционирования I и II строительных периодов храма три священных предмета: кулон в виде изображения ежа из золота, выточенные из агата утирированная фигурка Силена и миниатюрная лягушка (рис. 188: 1, 2; 191:1). Кроме того, непосредственно в закладке центральной ниши северной стены найдены характерные находки: фрагменты тонкостенной красно- и светлоангобирванной керамики, среди них — типичный для Каршинского оазиса III—V вв. н. э. миниатюрный кувшинчик-кружка и фрагмент терракотовой статуэтки коня, кирпич для закладки ниши, видимо, производился на территории самого городища или рядом.

Перед заложеной центральной нишей был возведен ступенчатый постамент на всю ширину северной стены центрального помещения святилища III строительного периода. Это была возвышенная площадка, сооруженная из сырцового кирпича размерами 39—40х39—40х8—10 см, на которую вели две широкие ступени, все это было обмазано глиняной штукатуркой толщиной 8—10 см. На ней, видимо, находилось скульптурное изображение божества, остатки разбитой головы которого обнаружены на полу в южной части центральной секции (рис. 81). Суфы и ступени II строительного периода оказались под полом. Во всех строительных периодах по ступеням храма у алтаря не ходили, поскольку они служили местом для подношений, реликвий и т. п. В обмазке ступеней алтаря найдены два бронзовых зеркала (рис. 192:1, 2).

Боковые помещения в тот период служили для хранения ритуальных предметов и хозяйственной утвари служителей храма. В результате повышения пола поверхность подпорных ремонтных кладок стен II строительного периода стала использоваться в качестве суф, которые возвышались над полами III строительного периода на 1 м.

К концу этого же периода на них была произведена кладка стены. В центре восточной секции на уровне нижнего пола III строительного периода находилась небольшая ямка-хранилище, выложенная из кирпича размерами 42—45х33—37х9—10 см в засыпке под верхним полом III периода, заполненная рыхлой землей с обломками керамики. Ее размеры 70х60 см, поверхность стенок, оштукатуренная глиной с саманом, покрыта ганчем и окрашена в красный цвет, дно достигало уровня более раннего пола II строительного периода.

Таким образом, характерное переоформление святилища сводится к следующему:

а) вровень с поверхностью северной стены была заложена центральная ниша;

б) пол всего святилища, по сравнению с полом II строительного периода, был поднят на 70—80 см и верхние грани подпорных стен этого периода служили в качестве пристенных суф;

в) святилище было разделено на три помещения; проходы в боковые помещения были оставлены у южной стены по обеим сторонам от главного входа; в полу восточного помещения была сооружена круглая ямка-хранилище;

г) подпорная ремонтная кладка северной стены была надстроена до потолка;

д) возведен новый, более широкий трехступенчатый алтарь;

е) в конце III строительного периода пол у входа из айвана в святилище был повышен двумя ступенями на 50 см.

Здесь следует обратить внимание на то

обстоятельство, что три малых помещения святилища III строительного периода были асимметричными, так как центральное в плане помещение сужалось от входа к алтарю в его глубине. Этот намеренный прием создания впечатления перспективы был широко использован в данном комплексе, речь об этом пойдет ниже.

В течение всего времени существования храма в этот строительный период осуществлялись мелкие ремонтные работы — переделки и достройки. Уже отмечалось, что пол в восточной секции святилища поменял свой уровень. Существенным изменениям подвергся вход в святилище. Первоначально пол святилища и вход в него находились на одном уровне. Впоследствии у входа был возведен порог из сырцового кирпича высотой 35 см, оформленный со стороны святилища двумя ступенями. У его западного угла была найдена дисковидная галька с просверленной выемкой посередине (возможно, каменная пята двери или основание гончарного круга).

В III строительном периоде в центральной секции храма напротив входа горел священный огонь. Зола и уголь после возжигания, вероятно, периодически выносились. До наших дней сохранилось прокаленное пятно на штукатурке пола размерами 80х50 см, обрамленное невысоким глиняным валиком, сохранившимся на севере и востоке. Обмазка пола прожжена глубоко, на 8—10 см, видимо, после очередной штукатурки пола огонь разводился на прежнем месте.

Следов побелки или окраски этого строительного периода на стенах святилища не обнаружено. Даже саманная штукатурка на этом этапе встречается фрагментарно.

Что касается стен, отделявших центральное помещение от боковых, то уже отмечалось, что под полом III строительного периода находилась цокольная часть этой стены, не имевшая штукатурки. На уровне пола к югу от колонн штукатурка пола III строительного периода проходила из центрального помещения в боковые таким образом, что проходы в них были в южной части, но над третьим полом от южной стены шла непрерывная кладка без шва на протяжении обеих стен, которые упирались в северную стенку, т. е. в IV или V строительном периоде стена, отделявшая боковые помещения от центрального, была срублена и возведена заново, тогда же и проходы в боковые помещения были заложены, а сами они сверху забутованы. Это подтверждается тем, что стены со стороны центрального помещения были гладко оштукатурены, а обратные их стороны, обращенные к западному и восточному помещениям, не только не были оштукатурены, но имели совершенно неровную поверхность, из нее торчали отдельные кирпичи на 10—15 см. Видимо, в силу каких-то причин после накоп-

ления культурных отложений в III и, возможно, IV строительный период прежние стены, отделявшие центральное помещение от боковых, были снесены и возведены заново. Здесь в кладке встречаются как квадратные (38—42 x 38—42 x 9—10 см) кирпичи, так и прямоугольные (40—41 x 32—36 x 8—10 см), имеющие сильный разбой в размерах. Так, в восточной стене кирпичи имеют следующие размеры: 40 x 40 x 10; 40 x 36 x 8; 40 x 33 x 8; 41 x 34 x 9; 39 x 32 x 9; 40 x 38 x 10; 40 x 35 x 9,5; 40,5 x 40 x 10; 41 x 40 x 9; 41 x 41 x 9; 42 x 38 x 9 см. То же самое отмечается в кладке западной стены: 41 x 36 x 8; 38 x 33 x 9; 40 x 34 x 9 см. Иначе говоря, четкой границы между квадратными и прямоугольными кирпичами здесь нет. Это было время, когда в Согде начал появляться прямоугольный формат кирпича, при этом стены были приткнуты к уже накопившимся культурным отложениям боковых помещений, которые затем и сверху были заложены кирпичом. И, видимо, сразу после этого были выложены кирпичные выкладки к югу от обеих колонн, которыми был образован узкий длинный проход в святилище, так как между кладкой этих подпорок колонн и кладкой боковых стен в южной части святилища не было штукатурки. Но поскольку выкладки к югу от колонн обнаружены на полу IV строительного периода, то можно предположить, что наверняка эти стены были переложены в начале V строительного периода.

Засыпка под полом центральной секции святилища III строительного периода состоит из чистой рыхлой глины с кусками битого кирпича и пахсы. Ближе к боковым стенам это заполнение местами уплотнено утопанной глиной, находок здесь найдено мало. Под полами боковых секций заполнение состоит из рыхлой земли и строительного мусора с массой пришедших в негодность предметов культа, мелких обломков ганчевой и глиняной скульптуры, битой посуды. В западной секции эта рыхлая засыпка залита жидкой глиной, в которой местами отмечены отпечатки довольно крупных перьев птицы, не исключено, что это следы жертвоприношения, пол намазан прямо поверх этой жидкой глиняной заливки.

Показателен и характер самих забутовок. Часть предметов была замурована в кладки стен и алтаря святилища III строительного периода. Заполнение центрального помещения под полом этого периода ближе к западной и восточной его стенам состоит из плотной глины с обломками кирпича, в центре — рыхлая засыпка.

Под полом III строительного периода в северо-восточном углу центрального помещения обнаружено небольшое количество бесформенных фрагментов глиняной скульптуры с пятнами красной краски на поверхности.

Закладка самой большой ниши 8 сверху

состояла из сырцового кирпича размерами 39—42 x 39—42 x 8—10 см, а внизу было оставлено свободное пространство шириной 90 см, заполненное рыхлой землей на высоту 50 см.

Близ алтаря засыпка между полами II—III строительных периодов представляет собой рыхлую землю с крупными кусками глины, помимо мелких фрагментов керамики и костей в ней обнаружены мелкие обломки медных изделий.

В восточном помещении на уровне середины V яруса отмечена заливка жидкой глины с отдельными мелкими фрагментами окрашенной глиняной скульптуры.

В этом помещении суфа II строительного периода у южной стены была перекрыта полом III строительного периода, но местами между обмазкой верхнего пола и суфой уложено 5-сантиметровый слой плотной глины.

Здесь, в заполнении под полом III строительного периода, в северной части помещения найдены бронзовое зеркало и небольшой обломок нижней части круглого барельефа с изображением ног стоящего человека (рис. 87). В северной части западного помещения от пола (на середине V яруса — III строительный период) вниз идет рыхлое заполнение, где обнаружен фрагмент глиняной скульптуры в виде конического колпака, покрытого красной краской с орнаментом из цветов (белые кружки и лепестки) (рис. 82: 2).

В западной части храма под стеной III строительного периода расчищен край пола этого же периода. Под полом, состоящим из 8-сантиметровой обмазки, в рыхлом грунте наряду с фрагментами керамики, угольками и золой обнаружено несколько фрагментов скульптуры. Наиболее сохранившийся фрагмент представляет собой голову, вернее лицо, скульптурного изображения человека (рис. 81). Это остатки другой скульптуры, стилистически резко отличающейся от той, что была найдена под полом IV строительного периода. Голова небольшая, лицо окрашено в розовый цвет, нос сбит, на голове остатки прически. В окраске головы прослеживается несколько слоев, значит, она неоднократно подкрашивалась и реставрировалась. Здесь же было найдено несколько мелких неопределенной формы фрагментов со следами розовой и белой красок.

На полу II строительного периода обнаружен небольшой железный нож с остатками истлевших деревянных ножен. Рядом — разбросанные в беспорядке мелкие железные кольца — остатки цепи или ремня, на который были нашиты или продеты эти кольца. Неподалеку от ножа в засыпке под полом III строительного периода, помимо мелких обломков керамики и прочего, найден фрагмент необожженной глиняной буллы с оттиском круглой печати (рис. 200: 3). Последняя была обнаружена в рыхлой засыпке на глубине 15

см от пола III строительного периода. Здесь же найдены несколько монет каршинского чекана, а также полусферическая линза из горного хрусталя (рис. 198: 2).

На всем протяжении III строительного периода был осуществлен ряд существенных перестроек айвана, следовавших одна за другой.

Так, сначала южная пониженная часть пола айвана была повышена до уровня северной террасы. К западным и восточным стенам были пристроены ремонтные кладки стен толщиной до 120 см. Причем айван в начале III строительного периода был, видимо, оштукатурен ганчем, о чем свидетельствуют обломки сохранившейся местами очень тонкой ганчевой штукатурки, выявленной под более поздней суфой на западной стене. В северной стене, на западной ее половине, была заложена ниша 2, то же самое, видимо, происходило и в несохранившейся восточной половине северной стены. В западном конце северной стены была заложена суфа. В западной части айвана продолжали возжигать большие кострища, о чем свидетельствуют докрасна прожженные полы. Однако золы и угля здесь, как и во II строительном периоде, не обнаружено. В северной части двора, примыкавшей к айвану вдоль северной стены, как в западной, так и в восточной ее половинах были возведены пристенные суфы высотой 110—120 и шириной 110 см. Западная стена на расстоянии 8,9 м от своего восточного угла была утолщена и в это утолщение упирался западный конец суфы. В западном конце суфы имеются ступени, ведущие на ее поверхность, что указывает на ее назначение подле этой стены, а именно на то, что по этой суфе осуществлялся проход в айван из двора, уровень пола которого в этом строительном периоде был на 110 см ниже уровня пола айвана. Причем на первом этапе III строительного периода уровень полов северной части двора, примыкавших к боковым стенам, был поднят на 50 см и подъем на эту площадку осуществлялся по небольшим ступенькам, а пол айвана по отношению к полу двора обрывался резким, более чем метровой высоты, уступом. Можно предположить, что нераскопанная восточная половина двора была оформлена симметрично западной.

К концу III строительного периода произошла закладка всего раннего комплекса к западу от святилища, включая зольник и проход сюда из северо-западного угла айвана. Проход длиной около 170 см с обеих сторон был заложен и заполнен строительным мусором с массой мелких фрагментов штукатурки с росписью и глиняной скульптуры, окрашенной в красный цвет, к сожалению, очень плохой сохранности. Здесь было найдено много фрагментов керамики, мелких

кусочков меди и фрагмент зернотерки. Сверху все это, начиная с IV яруса до дневной поверхности, было покрыто плотной глиной толщиной 20—25 см. Сверху над хранилищем золы были возведены мелкие подсобные помещения (помещения 1—6).

В результате многочисленных обмазок пол айвана стал значительно выше (около 20 см). Вдоль северной и боковых стен айвана из кирпича-сырца размерами 39—42 x 39—42 x 9—12 см были возведены суфы шириной в среднем около 1 м и высотой 60—70 см. В северо-восточном и северо-западном углах они имели квадратные в плане выступы размером в один кирпич. Местами на поверхности этих суф у западной, северной и восточной стен отмечались следы красной краски поверх глиняной обмазки. Суфа у северной стены перекрывала первоначально суфу, многократно ремонтировавшуюся в течение I, II и начала III строительного периода. Ниша 1 в северной стене изменилась, колонки в ней были срезаны на уровне верхней площадки суфы. Видимо, конфигурация свода ниши в тот период тоже была иной. Пространство между полами начала и конца III строительного периода в нише 1 было заполнено рыхлой землей. В ней находились обломки окрашенной в красный цвет глиняной штукатурки и керамики. В нише 2 — та же картина, но, помимо битой посуды, здесь обнаружены фрагменты глиняной скульптуры, раскрашенной белой и красной красками. Это, в основном, плохо сохранившиеся фрагменты головы и рук и непонятные мелкие обломки. Ниша 1 в IV строительный период была заложена поверху, причем сюда было замуровано большое количество культовой посуды для возжигания огня: светильники, курильницы, жаровни. Все они были разбитыми или попорченными (рис. 181). Здесь же на глубине 20 см от дневной поверхности найдена монета Варахрана II. Пол входа в святилище был несколько приподнят над полом как святилища, так и айвана.

В юго-восточном углу нижней ступени уложена большая каменная квадратная плита размерами 75x75x26 см, аналогичная плите, уложенной под базу 1 айвана. Под плитой находилась выкладка из кусков неотесанного известняка. К югу от этой плиты была выложена небольшая выкладка из обломков жженого кирпича, один целый ряд имеет размеры 39x29x5 см. Это остатки ступеней, шедших к святилищу, в конце III, IV и V строительных периодов существования храма.

Северная часть двора, примыкавшая к айвану в III строительный период, стала несколько уже. В 8 м к западу от начала западной половины северной стены айвана и в 10 м к востоку от начала восточной стены айвана были возведены две фундаментальные паховые стены, ограничивавшие эту часть двора по боковым сторонам. Не исклю-

чено, что здесь у входа в айван по всему фасаду была крытая галерея или большой айван. Восточная стена полностью расчищена, ее длина 4,5 м, северный конец на 80 см толще южного. Западная стена прослежена на 3,5 м. Подъем с уровня пола двора на уровень пола айвана в тот период осуществлялся по пандусу, равному по ширине айвану, а длиной он был более 2 м.

Уже в тот период айван был асимметричен, западная его стена длиннее восточной примерно на 1 м. Это искажение произошло еще в конце I строительного периода, когда к западной половине северной стены была пристроена дополнительная ремонтная стена толщиной более 1 м. Такая асимметрия планировки айвана сохранялась на протяжении всего времени функционирования храма.

Помимо этого, к северу от 1 и 2 баз колонн в западной части айвана в полу III строительного периода обнаружены две небольшие ямки диаметром около 35 см. Не исключено, что это лунки от дополнительных деревянных устоев, подпиравших крышу айвана в западной половине; на восточной половине айвана подобных ямок выявлено не было.

В IV строительный период пол центральной секции святилища был поднят на высоту 50—60 см. Алтарем служили две ступени, возведенные над более ранними, пол этого строительного периода совпадал с уровнем средней ступени алтаря III строительного периода (рис. 43). На ней выложено два ряда сырцового кирпича размерами 42х35х8; 41х37х8; 43х36х8,5 см, а на верхнюю площадку выложен один ряд этого кирпича и все это обмазано глиняной штукатуркой. Так же, как и прежде, на новом уровне пола IV строительного периода, у входа между колоннами горел священный костер, только размером он был гораздо больше (рис. 48) — 20-сантиметровой толщины, прокаленное пятно на штукатурке пола имеет размеры 2,0х0,8 м.

На верхней площадке алтаря найдены обломки глиняной раскрашенной скульптуры. На нижней его ступени обнаружена раздавленная лепная вазообразная курильница. Несколько фрагментов курильниц лежало и над золотой кострища в центре святилища, при последней перестройке в V строительном периоде сверху кострища было заложено глиной с кирпичом.

Около западной колонны в центральном помещении засыпка под полом IV строительного периода состоит из рыхлой земли с комками коричневой глины (битый кирпич?) и редкими фрагментами керамики. У восточной колонны в рыхлой засыпке обнаружено много кусков штукатурки от колонн, видимо, уже в это время штукатурка ее в верхней части обрушилась.

К югу от западной колонны между полами III и IV строительных периодов была

плотно утрамбованная земля с небольшим количеством кирпича-сырца размерами 36—40 х 30—33 х 8—9 см. Здесь встречаются рыхлые прослойки, в одной из них у южной стены была найдена голова глиняной скульптуры (рис. 82), рядом с которой обнаружены обломки курильницы на ножке. Голова лежала к западу от входа прямо на полу III строительного периода в углу между стеной и суфой, а вокруг находились ее мелкие фрагменты. Все это было перекрыто плотной глиной и засыпкой с небольшим количеством мелких фрагментов керамики и ганча.

В боковых, западных и восточных помещениях полы также были подняты до уровня середины III яруса и представляли собой утрамбованную глиняную поверхность, вероятно это полы IV периода.

В восточном помещении под полом IV строительного периода на глубине 0,5 м и ниже идет плотный слоистый грунт. Местами на глубине 20—30 см под полом в южной части помещения прослеживаются выкладки из сырцового кирпича без четкой системы размерами около 40 х 40 х 11 см, иногда в два или три слоя. Между нижним уровнем пола и кирпичом над ним в южной части помещения обнаружено большое зольное пятно размерами 90х80 и толщиной 8 см. Здесь горел костер; на уровне его по всей поверхности помещения часты мелкие угольки и зольные пятна.

Характер находок под полом IV строительного периода несколько отличается от тех, что в верхних отложениях. В южной части помещения под полом найдена миниатюрная терракотовая фигурка оленя на фигурной подставке (рис. 184). В северо-восточном углу помещения на том же уровне найден фрагмент ганчевой скульптуры.

Над полом III строительного периода в восточном помещении в северной и центральной его частях выявлены небольшое круглое бронзовое зеркало с рукоятью в виде черешка сбоку, а также фрагменты стекла (рис. 192: 3). На этом же уровне между полами III—IV строительных периодов обнаружена фигурка змеи, изготовленная техникой ковки из свинцового сплава. У нее широкая ромбическая голова и расплюснутый хвост (рис. 193: 2).

Наконец, в самом конце существования храма произошла пятая несложная перестройка в самом святилище (рис. 44). В результате многократных обмазок его пол полностью стал перекрывать ступенчатый алтарь IV строительного периода, а самый верхний уровень его обмазки стал на 0,80 м выше пола IV строительного периода. Верхний уровень пола V строительного периода в центре святилища находился на глубине 70 см от дневной поверхности холма. На этом уровне над обломками разбитой скульптуры на предыдущем алтаре подле северной стены был

возведен новый алтарь, перекрывший старый вместе с обломками изображения божества. Новый алтарь имел вид прямоугольного подиума из кирпича-сырца размерами 40—42х 23—26х 9—10 см. Кладка была в виде ящика, в середине она была заполнена рыхлой землей, в которой, помимо обломков скульптуры, находилась и битая керамическая посуда, тоже, видимо; бывшая храмовой принадлежностью.

При разборке западной части алтаря V строительного периода выявлено, что под ним лежала рыхлая засыпка толщиной 25 см, сверху перекрытая твердым комковатым грунтом. Под этой засыпкой и находились обломки скульптуры, т. е. сначала был, видимо, сложен прямоугольник внешних стенок алтаря в один ряд сырцового кирпича, в него на дно были уложены торс и отбитые руки скульптуры, все это было присыпано рыхлой землей и сверху заложено твердым грунтом, а затем наведена верхняя площадка алтаря, обмазка поверхности и боков которого плавно переходит в штукатурку северной стены святилища V строительного периода. Под западной частью алтаря были замурованы обломки рук и более мелкие фрагменты (от ног?). Кисть правой руки и локоть разделены надвое, судя по изгибу, эта рука, видимо, была прижата к груди. В руке имеется пустота от сгнившего деревянного каркаса (рис. 83. 2; 84).

Алтарь многократно и тщательно штукатурился и белился. Верхняя его часть окрашена в красный цвет, а верхняя площадка обожжена и покрыта слоем пепла в 1—1,5 см. Поверхность этого позднейшего алтаря в начале раскопок находилась в центре северной части площадки холма прямо под дерновым слоем.

Колонны в V строительном периоде были в аварийном состоянии. Чтобы сохранить их от дальнейшего крена, древние строители были вынуждены обложить их с юга кирпичной кладкой, которая занимала все пространство от колонн до входа в южной стене. В результате на юге оставался узкий коридор — как бы продолжение входа в святилище. Собственно, само святилище ограничивалось пространством между алтарем у северной стены и двумя колоннами.

Боковые, восточное и западное помещения возможно функционировали на протяжении всего IV периода, к его концу они почти доверху были заполнены культурными отложениями, а в V строительном периоде заложены сверху глиной и кирпичом.

В восточном помещении на глубине около 0,5 м от дневной поверхности выявлен уровень пола IV строительного периода, представляющий собой покрытую саманной обмазкой утрамбованную землю разной толщины. Выше пола до современной поверхности холма помещение заполнено рыхлым

мягким светло-коричневым суглинком, который на самом верху под тонким дерновым слоем был покрыт выкладкой из сырцового кирпича размерами 36—40х36—40х13—15 см. К северу она сплошная, а к югу вниз по склону выклинивается. В северо-восточном углу помещения выявлены отдельные кости крупного животного. По всему уровню этого рыхлого горизонта под уровнем пола и на полу найдены разрозненные фрагменты керамики ручной лепки, кости животных, угольки. Керамика представлена фрагментами хумов и котлов, покрытых копотью.

Пол IV строительного периода западного помещения представлял собой ровную утрамбованную глиняную поверхность с пятнами угля и золы на уровне середины III яруса.

Помещение поверх пола было заложено рыхлой землей с большим количеством обломков хумов, котлов, чаш, найден и обломок керамической трубы. В южной части под дерном на глубине 5 см прослеживается редкая выкладка сырцового кирпича в один ряд. В целом заполнение этого помещения над полом аналогично заполнению восточного помещения этого же уровня. В северной части помещения, в 1 м от восточной стены, найден целый, округлой формы котел с отбитым венчиком. Боковые помещения святилища заложены в конце IV или начале V периода.

В центре святилища, на полу чуть севернее колонн находилось красное очажное пятно диаметром около 70 см со слабыми следами золы и угля сверху; таким образом, возжигание огня непосредственно в центре святилища, отмечаемое с III строительного периода, продолжалось и в самый последний — V строительный период. Поверхность пола к югу от колонн была поднята на 15 см плотно утрамбованной глиной светло-коричневого цвета. Данный уступ простирается на всю ширину святилища того времени, а с севера на юг, до входа, имеет протяженность около 2 м.

Святилище поверх пола V строительного периода в центральной части, вплоть до колонн на юг, было заполнено на глубину 40—60 см от дневной поверхности рыхлой землей с фрагментами керамики и обломками от колонн (жжеными кирпичами и кусками ганчевого раствора). Под этим слоем до уровня хорошо обмазанной поверхности пола идет уплотненный горизонт слоистых отложений, образовавшийся, видимо, в результате оплыва стен святилища. В нем, кроме немногочисленных фрагментов керамики, ничего не обнаружено.

К югу от колонн, в удлиненном проходе в святилище V строительного периода характер отложений над полом несколько отличается. Пачка тонких слоистых натечных отложений здесь резко утончается, их прерывает

толща плотного темного глиняного завала от рухнувших верхних частей стен святилища толщиной 0,5—1 м с редкими обломками жженого кирпича и керамики. Непосредственно между колоннами в этот слой вклинивается большая линза, состоящая из фрагментов ганчeveго раствора, окрашенной штукатурки и жженого кирпича с глиной — результат обрушения верхних частей колонн. Видимо, когда все стены здания, сложенные из сырцового кирпича, уже рухнули, колонны продолжали торчать и постепенно рушились уже на поверхность оплывшего холма, их обломки отложились в небольшой ложбине над центром святилища, часть скатилась к югу по склону, и все это отложилось в виде линзы (2х3 м толщиной в центре 0,5 м), почти сплошь состоящей из жженого кирпича и обломков ганчeveго раствора.

В узком пространстве между восточной стеной святилища и колонной, в рухлом завале на глубине 70 см от поверхности была обнаружена целая, прекрасной отделки курильница, украшенная насечкой и наклепными стилизованными антропоморфными личинами. На дне резервуара курильницы находился обгоревший слой от воскурившегося в ней фимиама (рис. 179).

В IV и V строительных периодах все перестройки и ремонты ограничивались лишь работами в самом святилище храма. Двор, айван и примыкавшие к нему подсобные помещения медленно хирели и приходили в запустение.

Пол айвана в конце III строительного периода находился на грани VI—VII ярусов. На айване это последний четко увязанный уровень с полом внутри святилища, выше до современной дневной поверхности идут лишь остатки культурных отложений, продукты разрушения и оплыва стен айвана общей толщиной от 2 м близ входа в святилище и до 1 м у южного края айвана.

Заполнение всего айвана, образованное в последние строительные периоды, следующее. Под тонким слоем дерна находится сухой уплотненный грунт с невыразительной керамикой, иногда с обломками сырцового кирпича. Преимущественно в центре площадки над полом айвана, к востоку и западу он выклинивается, максимальная толщина этой линзы в центре — 60—70 см. В V ярусе его подстилает светло-желтая, мягкая, лишенная находок тонкая глинистая прослойка толщиной до 10—15 см, которая к западу и востоку также выклинивается. По структуре она слоистая. Не исключено, что это последняя обмазка пола на месте бывшего айвана, однако связать ее в проходе с уровнем пола IV или V строительных периодов трудно, так как в проходе в святилище она пропадает. Ниже слой толщиной от 1,20 м по краям айвана до 40 см в центре имеет более сложный характер. В западной части площадки этого

айвана слои, начиная почти от дневной поверхности до уровня пола айвана конца III строительного периода в нижней части VI яруса, представляют собой рыхлый темноватый слоистый грунт со множеством крупных линз от горевших тут кострищ с золой и углем. В верхней части VI яруса залегал большой горизонт чистого пепла с редкими угольками, занимавший почти всю западную половину айвана, толщиной до 2 см. В этих отложениях было много битой посуды и костей животных.

В центральной части айвана отложения золы и угля уменьшаются, слои более плотные, а на восточной половине вообще нет следов золы и угля. Здесь до пола III строительного периода в IV ярусе идет плотный темный отслаивающийся грунт с небольшим количеством керамики.

В описанном заполнении айвана над полом III строительного периода, помимо керамики и костей, найдено некоторое количество обломков бронзовых изделий, гвозди, бляшки, несколько бесформенных кусков совершенно проржавевшего железа.

На то, что этот храм продолжал функционировать вплоть до прихода арабов, указывает находка согдийской бронзовой монеты с квадратным отверстием посередине, принадлежащая чекану Шишпира (640—660 гг. н. э.). Монета залегала в культурном слое земли над полом III строительного периода.

ВСКРЫТИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЧАСТЕЙ ХРАМА

Двор и западная часть восточного храма изучены лишь частично путем закладки отдельных траншей и проведения зондажа, дающих нам общее представление о характере архитектуры всего комплекса сооружений храма.

Основной траншеей 1 на южном фасе были прорезаны отложения всего комплекса по продольной оси от центра двора храма до святилища. На севере продолжением этой траншеи были вскрыты отложения от стены северного фаса до подошвы склона холма (рис. 45).

Что касается фундамента храма, а также залегающих под ним культурных отложений, то они были выявлены в продольной траншее 1 в святилище, айване и дворе, где отдельные шурфики выявили нижележащие слои.

В святилище был заложен шурф близ выхода из него и углублен более чем на 2 м от пола I строительного периода. Установлено, что святилище было возведено на платформе, выложенной кирпичом-сырцом квадратного (39—42х39—42х10—12 см) и прямоугольного (33—37х40—45х10—13 см) формата. Отдельные кирпичи крупные, до 50 см в стороне. Направление кладки кирпичей и ориентировка стен святилища не совпадают, само здание ориентировано с отклонением к

северо-западу, а ряды кирпичей платформы в основном расположены по сторонам свята. Иначе говоря, кладка платформы святилища ориентирована на остатки каких-то более ранних строительных конструкций, включенных, видимо, в субструкцию платформы. Помимо этого, при возведении платформы был использован разновременный кирпич, полученный при разборке более раннего сооружения, существовавшего, видимо, на этом же месте. Есть много кирпича, беспорядочно разбросанного и раскрошенного. Систематическая кладка отмечается только от пола I строительного периода (на 20 см VII яруса) до середины IX яруса, ниже идет 10-сантиметровый слой плотной глины, под ней до верхнего уровня X яруса — рыхлая земля с белыми крупинками, органическими остатками и обломками кирпича. Ниже вновь идет кирпичная кладка. В конце X — начале XI яруса также прослеживается глина с органическими остатками, и далее до дна шурфа в середине XII яруса идет кирпичная кладка, аналогичная верхней, но битого кирпича здесь больше (рис. 45).

Как показал шурф 2, заложенный в 8 м к югу от входа в святилище храма, уровень пола этой части айвана или постепенно повышающегося к святилищу уровня террасы тоже находился поверх метровой толщи глинобитной платформы с обломками сырцового кирпича, хотя под этой платформой на уровне середины XIII яруса был хорошо оштукатуренный пол, поэтому не исключено, что этот стилобат относится ко II строительному периоду храма. Под полом до конца XIV яруса идет рыхлая глина с прослойками золы с углем и песком. В нижнем 20-сантиметровом горизонте этого слоя — масса обломков сырцового кирпича, костей, керамики цилиндрических форм, покрытой светлым ангобом. Этот слой относится к середине I тысячелетия до н.э. На дне шурфа в конце XIV яруса залегала слоем в 10 см плотная глина светло-желтого цвета с отдельными угольками, ниже уже выступала грунтовая вода, и копать далее не представлялось возможным.

Таким образом, первоначально храм был возведен на сnivelированной поверхности, состоящей из более ранних культурных напластований. Сам же храм, как следует из сравнительного анализа находок из него, в частности керамических комплексов, был возведен не ранее начала III в. н.э.

О северном фасаде храма мы можем судить на основании северного конца траншеи I, которой была прорезана северная стена святилища в глубине центральной ниши, ее ремонтных кладок и отложений, идущих далее по склону на расстоянии до 22 м к северу от центральной ниши.

Стена святилища, основание которой обнаружено в конце X яруса, стояла на обширной платформе, выступавшей к северу на

6,60 м, ее поверхность на 0,5 м ниже уровня пола святилища, по краю она образует уступ высотой около 80 см. В 80 см к югу от края платформы, вдоль нее, был выложен тротуар из жженого кирпича размерами 45х30х4 см; 36х29х5 см; 30х?х4 см; 34х33х5 см и обломков стенок хумов. Возле восточной стены траншеи под тротуаром из фрагментов хумов была открыта нижняя часть углубленного в платформу хума. Здесь были плотная глина с обломками стенок этого хума, мелкая керамика, кости, угли, зола, три астрагала. Хум сверху перекрыт слоем глины в 10 см, на котором выложены стенки хумов, вымостки тротуара, под которой также отмечаются отдельные угольки и прокаленная глина. Второй хум был найден возле западной стенки траншеи к югу от тротуара, сохранилась его нижняя четверть с дном диаметром 32 см, внутри находились плотная глина и обломки керамического рогообразного желоба, не исключено, что это обломок известного по материалам древнего Хорезма астрономического инструмента. Этот хум также находился на уровне вымостки тротуара.

Сама платформа возведена из сероватой плотной глины, под которой в достаточно большом количестве встречаются зольные прослойки.

Над кирпичным тротуаром по всей поверхности платформы залегает слой плотной светло-коричневой глины толщиной 10—12 см, которую перекрывает незначительная прослойка зеленой болотной глины. Выше над тротуаром отмечен слой рыхлой глины толщиной 15—20 см с большим количеством угля, местами в нем находятся докрасна прокаленные куски глины. Выше зафиксирована еще одна глинистая прослойка. Над всем этим — плотная светло-коричневая глина забутовки, у основания стены святилища она толщиной в 1 м, а к краю платформы сводится на нет. На этой забутовке произведена ремонтная кладка северного фасада святилища толщиной до 80 см. В основании от нижележащей кладки платформы ее отделяют 1—2 см натечной прослойки, т.е. между возведением этой кладки платформы и кладки ремонтной стены прошел определенный период. Эта ремонтная кладка, видимо, относится к III строительному периоду. Со временем к северу от уступа платформы вырос слой плотной темно-коричневой глины с керамикой и костями. Это был культурный слой, относящийся ко времени функционирования храма. Все конструкции и слои сверху перекрыты плотными слоистыми горизонтами оплывов, более рыхлой структуры в верхней части.

На северном конце траншеи 1, в 10 м от края платформы был заложен небольшой стратиграфический шурфик — глубиной от дневной поверхности 1,60 м. В верхней части он состоял из 60-сантиметрового слоя рыхлого оплыва, под ним шел сероватый плотный

культурный слой, который в нижней части, к югу уходит, видимо, под платформу святилища. Под этим слоем на дне шурфа на глубине 1,60 см от поверхности выявлена плотная коричневая глина с саманом. Эта кладка отвечает уровню XIV яруса, аналогичная плотная глина была зафиксирована в шурфике под полом большого айвана в южной части траншеи 1. Это остатки строений, существовавших здесь до возведения храма. На этом уровне в шурфике на северном конце траншеи 1, как и на дне шурфика в большом айване, отмечены единичные фрагменты керамики середины I тысячелетия до н.э.

К югу от святилища храма на самом южном конце траншеи 1, перпендикулярно к ней через центр предполагаемого двора храма, была заложена поперечная траншея 2 длиной 57 и шириной 2 м. В центре двора она углублена на 60—70 см, а на западном и восточном концах — более чем на 1 м от современной дневной поверхности.

В этой поперечной траншее выявлено, что вся середина двора на глубину 1,5 м была заполнена рыхлыми натеchno-надувными отложениями с редкими кусками битой керамики. Лишь на концах траншеи, где по микро-рельефу с запада намечается вал, окружавший двор, и где на востоке траншея прорезает склон холма, на котором был заложен раскоп 6, выявлены остатки архитектурно-строительных конструкций в виде стен с суфой вдоль нее — в восточном конце и платформы из плотной глины — в западном. В центре двора пол был на уровне нижней части XIII яруса.

К западу от святилища храма вскрыта группа помещений III строительного периода, возведенных после того, как в конце этого же строительного периода был заложен проход из айвана на западную площадку храма (рис. 42). Они находятся неглубоко и по западному склону выклиниваются на современную, дневную поверхность. Три из них — помещения 1, 2, 3 — идут в ряд параллельно западному фасу святилища, два — помещения 5, 6 — находятся севернее, и вход в единственное полностью сохранившееся помещение 5 выводил на северный фас восточного храма, т.е. функционально оно не связано со святилищем и айваном комплекса. На глинобитных полах помещений, залегавших на глубине 0,5 м от поверхности, был обнаружен небогатый набор керамики IV—V вв. н.э. В центре помещения 5 был округлый очаг, обрамленный глиняным валиком, заполненный золой. На полу собрано значительное количество фрагментов корчаг, кувшинов, чаш, котлов, есть маленькие кувшинчики и светильники. Кроме того, здесь в культурном слое толщиной около 19 см находилось множество кусочков меди и медного шлака, а также обломок истертого бронзового зеркала. Здесь, видимо, производилась переплавка старых бронзовых и медных изделий, най-

дены также фрагменты тонкостенного стеклянного флакона и керамические пряслица.

Все описанные помещения были возведены на глиняной платформе толщиной 0,5 м, перекрывавшей нижележащие отложения. Это уровень глинобитных горизонтов 4—6 на разрезе шурфа (1984 г.) к западу от внешней стены восточного храма. Местами на этой платформе встречаются отдельные ряды кладок сырцового кирпича квадратного (40х40 см) и прямоугольного формата.

Под платформой залегала толстая свита золистых горизонтов. Возле стены западного фаса святилища она достигает 2 м толщины от уровня конца IV яруса под глинобитной кладкой платформы вышеописанных помещений до нижележащего пола западной площадки I строительного периода, внизу VIII яруса. Поверхность золистых отложений к западу резко снижается от северо-востока к югу и западу и у стены двора храма в стратиграфическом шурфе имеет общую толщину около 1 м. Вышележащая платформа с полами возведенных на ней помещений также понижалась от святилища к краю.

Золистые отложения под платформой помещений III строительного периода были вскрыты путем небольшого зондажа размером 2х4 м близ западной стены святилища. Выявлено, что вся пачка золистых отложений подразделяется на четыре горизонта толщиной 30—50 см, разделенных прослойками земли и глины толщиной от 5—10 до 30 см. Но и сами они, в свою очередь, состоят из более тонких золистых прослоек.

Значительный материал получен из нижележащих третьего и четвертого зольников. Третий зольник был открыт на площади в несколько квадратных метров. В нем, помимо фрагментов керамики и костей животных, найдено много votивных подношений в виде железных наконечников стрел, пластинок воинского панциря, мелких стеклянных бус, рогов бухарского оленя, который в древнем мире почти повсеместно считался священным животным, особенно в скифо-сакской среде.

Большинство этих находок локализуется в отдельные скопления. Первое скопление, обнаруженное непосредственно в золе, находится ближе к северному краю западного раскопа; второе — у западного края раскопа в глине, перекрывавшей этот зольник. Он состоит из наконечников стрел и железных пластин и находится на уровне от 25 см IV яруса до рубежа VI—VII ярусов. Все скопление в поперечнике — около 20 см. Железных пластин, как целых, так и обломков — около 20 шт., вокруг в глину были воткнуты пять мелких железных наконечников стрел — все они трехлопастные, черешковые. Один находился к западу от пластин, остальные четыре — с восточного края скопления.

Все наконечники мелкие, 2,1—2,2 см длиной, пластины большие, 4,9—5 х 2,7—2,9 см, и малые, 4,1—4,2 х 2,1—2,2 см, их толщина

в ржавом состоянии — 1,5—2,5 мм. Пластины продолговатые, прямоугольные, на одном конце закруглены, на другом по краям имеют мелкие отверстия для пришивания. Это скопление явно было вмуровано в глину при закладке третьего кострища. В данном скоплении наконечники, воткнутые вокруг кучки пластин от панциря, беспорядочно вдавленных в глину, вероятно имеют значение оберега.

Северное скопление залегало непосредственно в золе, но верхняя его часть была вдавлена в перекрывавшую зольник землю, оно находилось на глубине от 18 см VII яруса до 36 см VIII яруса, на площади около 30 см в поперечнике (рис. 47). Скопление состоит почти из десятка беспорядочно разбросанных крупных железных наконечников стрел длиной 6—8 см. Они трехлопастные, черешковые, у трех из них согнуты концы, некоторые фрагментированы. Наконечники были смешаны с мелкими стеклянными бусами. Бусы, в основном, из стеклянной пасты светло-голубого цвета, бипирамидальные, усеченные на концах, основная их часть — мелкие бочонкообразные, часто они в виде нерасчлененных рядов, по 5—7 шт., есть и мелкий бисер черного цвета. То, что часть бус здесь в виде нерасчлененных рядов, указывает, во-первых, на технологию их выделки, они отливались в формочках в виде трубочек с поперечными зарубками, по которым затем делились на отдельные бусины; во-вторых, на то, что они производились здесь же, на городище. Часть бипирамидальных бус также вытянута в ряд, это свидетельствует, о том, что они были нанизаны на нить и в таком виде брошены сюда. Важно, что находки из скопления, в частности бусы, не обожжены. Видимо, они были уложены сюда после того, как кострище потухло, при его замуровке, так что оба скопления, как западное, так и северное, видимо, синхронны. В центре северного скопления среди бус была обнаружена и раковина каури, видимо, нанизанная на нить вместе с бусами.

Помимо этих скоплений, отдельные находки наконечников стрел, пластин от панциря, бус и других мелких изделий были разбросаны по всей центральной части третьего зольника, а в глиняных забутовках непосредственно над зольником и под ним, в частности в глине под третьим зольником была найдена крупная бронзовая восьмиконечная звезда со следами позолоты, вертикально воткнутая в древности в еще мягкую глину. Она была найдена в северной части западного раскопа близ северного скопления на глубине 35 см V яруса. Основа ее кожаная, сверху бронза (фалар?).

Самый нижний основной четвертый зольник в западном раскопе был вскрыт только в шурфе размером 2х4 м подле западной стены святилища. В этом нижнем зольнике, общая толщина которого вместе с земляными про-

слойками составляет около 0,5 м, был обнаружен большой яйцевидный хум с валикообразным венчиком, украшенным зашипами пальцев. Хум лежал на боку и был разбит. Он находился в 3,5 м к западу от стен святилища в VIII ярусе и был окружен тонкими угольно-зольными и земляными прослойками, сверху его перекрывал пласт плотной глины, над которой уже шел третий золистый горизонт. Хум не имел следов огня и был заполнен рыхлой землей с углем, золой и органическими остатками. В хуме и близ его горловины были обнаружены бусина, резная рукоять из слоновой кости (рис. 189: 5), две железные пластины, медные изделия. Фрагмент точеного изделия из слоновой кости (рис. 189: 1) аналогичен деталям трона из Нисы (Пугаченкова Г. А., 1969).

В зольниках вокруг хума было много костей и фрагментов посуды. К востоку от хума в золисто-глинистых прослойках этого самого нижнего зольного горизонта, помимо костей и керамики, были найдены железные пластины от панциря, мелкие трехлопастные наконечники стрел с черешком, а в 2 м к востоку от хума в середине VIII яруса обнаружена маленькая золотая бляшка, изображающая отрезок куртины городской оборонительной стены с выступающей прямоугольной башней и зубцами наверху, на башне — миниатюрное изображение стреловидной бойницы, изготовленное из тонкой припаянной золотой проволоки (рис. 191: 2). О том, что это изделие явно имело значение оберега, говорит то, что на обратной его стороне были припаяны две тонкие золотые трубочки, за которые бляшка пришивалась к одежде.

Вокруг хума, уложенного на пол в конце VIII яруса, золы мало, видимо, он тут был присыпан землей, зольные прослойки идут выше хума в 5 см (с рубежа VII—VIII ярусов). К востоку и северу от хума в плотной земле с небольшим количеством золы и угля найдены еще несколько железных трехлопастных наконечников и железные пластины от панциря. Помимо этого, здесь обнаружены несколько бусин и мелких бронзовых гвоздей, мелкие обломки железа и меди, раковина каури. Керамики и костей в самых нижних слоях этого зольника выявлено мало.

Вообще следует сказать, что здесь, на этой площадке, было в основном хранилище священной золы от кострищ, возжигавшихся, видимо, на айване и в святилище, так как все предметы, найденные в зольниках и перекрывающей их глине, не имеют следов огня и копоти. Видимо, пепел возжиганий, проводившихся в святилище и перед ним, затем выносили сюда на площадку, ограниченную с севера, востока и юга стенами, складывали с votивными предметами, принесенными в жертву, и замуровывали глиной и землей. Причем проход на эту площадку из айвана вел, видимо, в не вскрытое еще помещение 7, и уже отсюда могли вы-

ходить на эту открытую площадку зольника с западной ее стороны. Замурованный в зольнике хум с землей и предметами в нем был, вероятно, результатом одного из таких возжиганий. Однако кострища разжигались, видимо, и непосредственно на площадке, где хранилась зола, о чем свидетельствуют отдельные золисто-углистые прослойки, сверху и снизу которых земляная засыпка была обожжена; в частности, местами была обожжена и поверхность стены западного фаса святилища где-то на уровне самого верхнего зольника в IV ярусе так, как будто бы здесь подле стены горел костер. После этого, в конце III строительного периода, вся эта площадка с золой была забутована и возведены верхние, поздние помещения.

То, что фундамент внешней стены храма в траншее 3 приходится на уровень конца IX яруса и, практически, на этом же уровне находится основание метровой толщины кирпичной платформы святилища храма в траншее 1, говорит о том, что остатки более древних сооружений на этом месте были предварительно снесены и сnivelированы.

Ниже культурные отложения и строительные конструкции, относящиеся ко времени, предшествующему возведению вышеописанного храма, были предварительно изучены в траншее 3 и шурфе этой траншеи.

Траншея 3 шла от западного фаса святилища восточного храма до восточного склона западного холма. В восточной части ею были прорезаны отложения подсобных помещений восточного храма, возведенные в III строительный период. На западном конце, упиравшемся в склон центрального холма, под кладкой стен был открыт большой квадратный алтарь с вертикально профилированными боковыми стенками; его характеристика приведена в описании конструкций сооружений центрального холма. Поскольку уже были открыты более ранние отложения, уходящие под эти сооружения, здесь был заложен специальный стратиграфический шурф. Он был доведен до материковых отложений, и, поскольку в нем был получен разнообразный и значительный керамический материал, включенный в типологическую сводку керамических комплексов Еркургана, приведем подробную характеристику стратиграфии шурфа (рис. 46).

1. Тонкий и прерывистый дерновый слой. Далее культурные отложения разделены на глубину до уровня X яруса по направлению с севера на юг более чем полутораметровой толщиной наружной стеной восточного храма. Эта стена ограничивала его западную площадку, где в I—II строительных периоды складировалась зола от всех возжигавшихся на комплексе костров. Слон к востоку и западу от стены накапливались синхронно, но они разные по характеру. Отложения к западу от стены вскрывались в 1982 г., а к востоку от нее — в сезон 1984 г.

К западу от стены, т.е. за пределами стены восточного храма, выделяются следующие слои:

2. Мягкий горизонт светлой глины оплыва (10—20 см);

3. Рыхлый грунт с редкими обломками керамики (20—30 см);

4. Золистая линза с максимальной толщиной до 45 см;

5. Рыхлый желтоватый грунт с редкими находками (20—50 см);

6. Золистый слой с углем, кусками обгорелой глины, много костей и битой керамики, к югу достигает 50 см толщины, к северу утончается (5—50 см);

7. Рыхлый грунт с кусками плотной глины (20—45 см);

8. Рыхлый грунт с золой, углем, органическими остатками, много фрагментов керамики (15—20 см);

9. Рыхлый грунт с золотистыми линзами, в слое много костей животных и черепков, мощность до 40 см;

10. Рыхлый золистый слой с органическими остатками, костями животных, черепками (до 25 см);

11. Утрамбованная земля с редкими черепками;

12. Утрамбованный слоистый грунт с зольными пятнами, керамикой, костями (10—20 см);

13. Плотный глиняный пол, примыкающий к основанию стены (2—3 см).

К востоку от стены накопление отложений происходит независимо, но синхронно вышеописанным. Сверху, до VII яруса — это отложения помещений западной площадки восточного храма III строительного периода, ниже, до X яруса, эта часть шурфа прорезает край отложений священного золохранилища I—II строительных периодов восточного храма.

2. Почти сразу под тонким дерновым горизонтом 1 (1—2 см) идет рыхлая глиняная засыпка (около 15 см), покрытая сверху обмазкой пола со следами золы и угля;

3. Рыхлая глина с отдельными угольками (15—20 см), покрытая сверху обмазкой пола с пятнами золы;

4. Плотная глина (15—20 см), покрытая обмазкой пола, на ней в южной части — тонкая прослойка золы;

5. Слой засыпки битым кирпичом и комьями глины (20—25 см) с утрамбованной поверхностью;

6. Плотная комковатая глина с битым кирпичом (20—25 см). Под ней тонкий горизонт дробленого сырцового кирпича, еще ниже — тонкая золистая прослойка.

Слои 4—6 представляют собой горизонты субструкции платформы помещений восточного храма III строительного периода. Ниже — отложения золохранилища I—II строительных периодов;

7. Рыхлая глина с золой, углем, керамикой (20—30 см);

8. Рыхлая земля с прослойками золы, покрытая обмазкой пола с прокаленными пятнами и золой;

9. Плотная глина с угольками (10 см), сверху — обмазка пола с прокаленными пятнами и золой;

10. Рыхлая земля (10—15 см) с прослойками золы, угля;

11. Плотная земля (5—10 см) с пятнами золы, угля;

12. Земля с углем, золой (5—10 см);

13. Плотная земля (5—10 см);

14. Плотная глина с комьями (10—15 см), выше обмазка пола, местами с золой, углем;

15. Плотно утрамбованная глина (до 30 см), сверху обмазка пола, покрытая пятнами золы, угля. Это была, видимо, поверхность западной площадки, возведенной для возжигания огня и хранения пепла всех огней, возжигавшихся на комплексе храма;

16. Горизонт плотной темной глины с углем прослеживается в южной части шурфа восточнее стены (до 8—10 см), к северу и востоку он выклинивается;

17. Мягкая желтоватая чистая глина (1—3 см). Это была обмазка поверхности дворика для священной золы после возведения стены, ограждавшей его с запада в I строительный период храма;

18. Этим номером маркирована сама кладка стены храма, попадающая в хронологической последовательности между описанным выше 17 слоем и нижележащими, более древними отложениями. Внешняя стена восточного храма возведена здесь непосредственно поверх отложений эллинистического времени, т.е., отложения первых веков до н.э. и н.э. отсутствуют. С западной стороны кладку стены подстилает тонкая линза чистой желтоватой глины (5—10 см). Она маркирована по нумерации западной части шурфа 1982 г. под №14. Ниже шел комплекс отложений эллинистического времени, он выявлен на глубине от X до XII яруса общей толщиной около 1,5 м и состоит из плотной глинобитной платформы в нижней части и культурных отложений над ней. Платформа прорезана несколькими большими и малыми ямами, опускавшимися с уровня вышележащих культурных отложений эллинистического времени. В северо-западной и юго-восточной части шурф прорезал также остатки стен из сырцового кирпича от помещений той поры, возведенных на упомянутой платформе и синхронных ей, в которых затем накапливались культурные отложения.

Отложения, залегающие под стеной восточного храма, отделены от последней хронологической лакуной где-то в двести лет; вероятно, это объясняется тем, что перед возведением здания храма предшествующие сооружения и их руины были предварительно

сбивелированы, в результате чего, отложения рубежа нашей эры в данном шурфе не зафиксированы (*in situ* небольшие остатки конструкций той поры обнаружены подле северной стены святилища храма).

Культурные отложения эллинистического периода состоят из рыхлых золистых и зеленых горизонтов, насыщенных органическими остатками, костями животных и битой посудой, все это перемежается горизонтами коричневой глины. При вскрытиях, производившихся в 1984 г., он был подразделен на три горизонта.

19. I. Темный зеленоватый мягкий грунт с перегноем, золой, углями, костями, керамикой (10—20 см). В западной части шурфа по нумерации слоев 1982 г. это 15 слой;

19. II. Зеленоватый мягкий грунт с кусками обгоревшей глины, органическими остатками, костями животных, черепками (10—30 см). В верхнем уровне переходит в желтоватую глину. В западной части шурфа по нумерации 1982 г. это 16—17 слои;

19. III. Залегает на плотной глинобитной платформе в виде зеленоватой золистой глины с массой органических остатков и отдельными комьями и линзами коричневой глины (10—30 см). В нижнем уровне слоя преобладают золистые отложения. В нем много костей животных и фрагментов керамики. В западной части шурфа эти отложения зафиксированы в 1982 г. как 18—19 слои. Стратиграфически к этому же уровню относятся отложения большой ямы в южной части шурфа.

Яма глубиной до 0,5 и более 1,5 м в поперечнике углублена в нижележащую плотную глинобитную платформу; отложения этой ямы, состоящие из золы вперемешку с зеленоватой глиной, маркированы в разрезе стратиграфии 1982 г. как слой 19а;

20. Плотная коричневая глина (25 см);

21. Плотная темно-коричневая глина, похожая на пахсовую кладку (20—30 см);

22. Темно-коричневая плотная слоистая глина (15—20 см). Все три глинобитных горизонта (20—21—22) образуют платформу, на которой были вышеописанные культурные слои эллинистического времени. В эту платформу в восточной части шурфа были опущены три небольшие ямы, заполненные рыхлой землей и песком. Четвертая вышеописанная большая яма, заполненная культурными отложениями, находилась в западной части шурфа. Все три горизонта описанной платформы в западной части шурфа в стратиграфии, вскрытой в 1982 г., были маркированы как 20 слой.

Под описанной платформой залегал комплекс строений и культурных отложений середины I тысячелетия до н.э. в виде мощной почти двухметровой платформы с остатками сверху кирпичной стены, идущей в меридиональном направлении, как и стена вышележащего восточного храма, срубленной в верх-

ней части при возведении эллинистической платформы и культурными отложениями по обе стороны от нее. К западу от стены выявлены четыре культурных слоя (21—24), зажатых между платформами ахеменидского и эллинистического времени;

21. Золистый слой с углем и прокаленными кусками земли (15—20 см). В основании этого слоя подле стены был слегка углубленный очаг $\varnothing$ 80 см, в золе которого найдено несколько обломков грубого лепного котла;

22. Рыхлый коричневатый грунт (10—25 см);

23. Золистый слой с костями и обломками керамики (10—15 см);

24. Мягкая зеленоватая глина с органическими остатками и золой (20 см). От ровной штукатуренной поверхности ее отделяет тонкая желтоватая глиняная прослойка.

К востоку от кладки стены под эллинистической платформой идут отложения, близкие к описанным.

23. Тонкие чередующиеся прослойки и линзы глины, зеленоватых органических остатков, иногда золы (20—40 см);

24. Тонкие чередующиеся линзы и прослойки золы, угля, рыхлой земли (10—20 см);

25. Мягкая желтая глина с редкой примесью песка и мелкой гальки (10—20 см);

26. Плотная темно-коричневая глина с примесью рубленой соломы (20—30 см);

27. Плотная темно-коричневая глина с примесью рубленой соломы (150 см). В юго-западном углу шурфа с уровня пола в платформу была врезана небольшая яма глубиной 60 см, заполненная комьями земли с песком. 26 и 27 слои разделены тонкой прослойкой чистого серого речного песка и представляют собой единую монолитную платформу высотой 180 см, на которой было, видимо, возведено самое раннее храмовое сооружение города.

Под платформой шел чистый материковый лесс, отделенный тонкой прослойкой (2—3 см) угля и золы, видимо, это результат сакрального очищения площади строительства перед возведением платформы.

Вскрытия на раскопе 6.

В 40 м к юго-востоку от фасада восточного храма на невысоком овальном холмике был заложен раскоп с целью выяснения характера сооружений, оконтуривавших двор храмового комплекса. Здесь были обнаружены остатки стен помещений, оконтуривавших двор храма с восточной стороны. Уровни полов помещений не вскрывались. Но, судя по немногочисленному материалу, полученному на вскрытом небольшом участке культурного слоя, заложенного сверху кирпичом, помещения функционировали в V—VI вв. н.э.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ХРАМА

Особо следует остановиться на остатках монументального искусства, открытых в хра-

ме Еркургана. Это прежде всего уже упоминавшиеся следы росписи на стенах святилища I строительного периода, фрагменты объемной глиняной скульптуры, остатки которой найдены в замурованном состоянии под полами святилища. Наконец, к этой же категории находок следует отнести символические знаки, прочерченные на штукатурке западной колонны святилища.

Мелкие, более ранние фрагменты живописи были найдены на полах остатков предварительно изученного здания II—I вв. до н.э. на Р-24 внешней стены Еркургана и пригородном комплексе III в. на Р-17.

Что касается полихромной росписи интерьера святилища, то до нас, к сожалению, дошла незначительная часть этого, видимо, некогда богатого живописного декора. Живопись сохранилась в основном в нишах, где она представлена обрывками (рис. 76—77), по которым можно воссоздать характер общей композиции росписей ниш. Что касается самих поверхностей стен, то здесь лишь кое-где встречены единичные пятна красок, которые были нанесены поверх тонкой алебастровой подгрунтовки, наложенной поверх тщательно заглаженной глиняной штукатурки с мелким саманом. Это отмечено во всех нишах. Однако, судя по сохранившимся фрагментам на самих стенах, краска часто наносилась прямо на поверхность глиняной штукатурки.

О стиле живописи следует сказать, что она нанесена широкими смелыми линиями, в отличие от живописи Пянджикента и Афрасиаба, для которой характерна тонкая прорисовка контуров, скрупулезная и подробная прорисовка деталей. В этом отношении живопись Еркургана аналогична росписи Топраккалы в Хорезме и кушанской Бактрии.

На южной стене роспись сохранилась в виде мелких фрагментов орнамента и отдельных пятен краски в нишах и, местами, на самой стене между нишами. На восточной половине святилища в нише 14 сохранился небольшой фрагмент росписи с обрывками квадратной решетки, нанесенной красными линиями на белом алебастровом фоне. На правой стенке свода ниши—отдельные пятна красной краски.

В нише 15 сохранились обрывки прямоугольной рамки из красных и черных линий, окаймлявшей правую стенку свода ниши. На самой поверхности стенки между нишами 14 и 15 были вскрыты остатки штукатурки с пятнами красной краски, нанесенной на поверхность глиняной основы. Местами встречаются пятна алебастровой побелки, которая здесь, видимо, не служила в качестве подгрунтовки или фона, а применялась как краска белого цвета.

Несколько большее количество фрагментов красочного декора сохранилось на западной половине южной стены. В частности, в нише I на фронтальной внутренней ее стене хорошо прослеживаются обрывки от квад-

ратной решетки, нанесенной по диагонали красными линиями по белому фону. На стенках свода этой ниши местами виднеются отдельные мелкие красные пятна и обрывки черных линий, нанесенных на белую алебастровую основу. Черные линии находятся именно на том месте, где в других нишах нанесены контуры рамок.

В нише 2, как и в нише 1, сохранились фрагменты диагональной квадратной решетки, нанесенной красной краской на внутренней стене ниши. Снизу ее окаймляет широкий пояс, ооконтуренный двумя черными линиями (более 1 см шириной). Внутри него прорисованы концентрические дуги красным, белым, черным цветом на красном фоне, следы которого сохранились местами.

О стенах свода этой ниши следует сказать, что основание ниши 2 первоначально было намечено где-то ниже существующего его дна. В результате боковые стенки свода уходят вниз, глубже основания ниши. Там же были обнаружены следы пятен черной краски с левой стороны и куски белой алебастровой подгрунтовки с правой стороны. Что касается остальной поверхности свода ниши, то здесь сохранились обрывки поперечных черных полос от прямоугольной рамки и обрывки полукруглых дуг белого и красного цветов от вышеописанной полосы, окаймлявшей орнамент ниши у основания. Над этой каймой прослеживаются отдельные красные и черные линии и отдельные пятна желтовато-розовых тонов. По бокам ниши 1 и 2 сохранились пятна от росписей, нанесенных красным, черным и белым цветом.

Из-за очень плохой сохранности характер изображения невозможно понять. Между нишами сохранился обрывок горизонтальной двойной черной полосы на белом фоне. В самом нижнем, западном углу южной стены имеется фрагмент штукатурки с изображением угла широкой каймы, окрашенной снизу в темно-красный цвет, а с внутренней стороны эта кайма ограничена двумя рядами чередующихся белых и красных прямоугольников. Снизу ее очерчивает белая полоса, ооконтуренная с двух сторон черными линиями. Трудно сказать, обрамляла ли эта широкая полоса всю стену или только ее часть.

На западной стене святилища сохранность красочного декора очень плохая. На всей стене, включая ниши, имеется около десятка мелких непонятных пятен красок.

На правой боковой стенке свода ниши в нижней части сохранились отдельные пятна и линии черного и красного цветов, по которым, в частности, угадывается нижний пояс с полукругами, снизу окаймлявший стенки всех ниш.

В нише 5 сохранился маленький фрагмент с крестиком от решетки, нанесенной красными линиями по белому фону, по которому видно, что решетка здесь имела диагональное направление.

К северу от ниши 4 отмечен небольшой кусок белой ганчевой грунтовки с обрывками красных концентрических кругов.

На северной стене интерьера святилища сохранились лишь небольшие обрывки на сводах ниш. В нише 6 на вершине свода имеется небольшой фрагмент с обрывками полос коричнево-розовых, красных, бордовых цветов на белом фоне.

Ниша 8. Она самая большая в святилище. На западной ее стене сохранился погрудный мужской портрет (рис. 77), заключенный в широкую черную рамку. Лицо, особенно глаза, имеют сосредоточенное углубленное выражение. Правее головы видны следы светлого ореола или нимба. Он ооконтурен двумя черными параллельными линиями. Правее нимба — изображение цветка. Одежда персонажа орнаментирована в виде небольших черных колец по красному фону. На голове — высокий конический колпак, выходящий за линию обрамления. Это единственное более или менее понятное изображение в росписях святилища. Оно исполнено широкими линиями в ярких теплых тонах. Изображение отличается выразительностью и незаурядно по своим художественным достоинствам.

О том, что аналогичное же изображение было на правой, противоположной стенке ниши, свидетельствуют обрывки широкой черной рамки и следы обнаруженных здесь розовых пятен.

На внутренней стенке ниши роспись сохранилась очень плохо. На высоте около 1 м от уровня ниши прослеживаются мазки красной краски, отдаленно напоминающие фигурную решетку в виде нескольких рядов дуг. Выше идут остатки растительного орнамента.

Ниша 9. Здесь сохранился лишь обрывок поперечной черной полосы на левой стороне свода ниши и отдельные пятна красной и черной красок на правой стенке ниши.

В нише 10 на вершине свода имеется орнамент росписи с обрывками полос черного и красного цветов, идущих вдоль замка свода, и вокруг — отдельные пятна красной краски на белом фоне.

Судя по данному фрагменту, оформление свода этой ниши отличалось от ниши 13, где вершина свода разделена не только поперечной полосой вдоль замка на правую и левую половины, но и продольной полосой вершина свода делится на четыре части.

На восточной стене святилища роспись сохранилась только в нишах, если не считать небольшого фрагмента штукатурки с краской в простенке к югу от ниши 13.

В нише 12 на фронтальной стене, в ее глубине был получен один из наиболее хорошо сохранившихся кусков росписи святилища. Здесь, по существу, сохранилась вся центральная часть ниши, хотя краска орнамента больше чем наполовину стерлась и осыпалась. Тем не менее, на данном участке четко про-

слеживается общая композиция орнамента, украшавшего данную нишу. Он состоит из широкой полосы, опоясывающей по низу стены ниши. Эта кайма, окомуренная по краям черными полосами, заполнена в середине рядами чередующихся полукругов красных и белых тонов. Над описанным поясом — диагональная квадратная сетка, прорисованная красной краской по белому фону. С левой стороны в боковой стенке свода ниши также прослеживаются обрывки — продолжение пояса с полукругами, под которыми видимо шел чистый белый фон. Никаких следов краски здесь не было.

В нише 13 сохранилась часть диагональной решетки, нанесенной красными полосами по белому фону и обрывки орнамента в вершине и правой половине свода. О решетке на центральной стене, в глубине свода, следует сказать, что здесь прослеживались следы мелких крестиков, вписанных охристо-желтой краской в ячейки решетки. Этот элемент орнамента был отмечен только в данной нише. На вершине свода ниши 13 и на правой стороне его стенки сохранилось несколько незначительных фрагментов росписей, по которым видно, что поверхность свода ниши была разбита широкими черными мазками и белыми полосами на прямоугольные рамки. О характере заполнения этих рамок судить трудно, так как остались лишь незначительные фрагменты росписи. Однако, судя по отдельным черным и красным пятнам, боковые стенки свода ниши 13 и других ниш были украшены решеткой, как и стены в глубине ниш.

Единственный фрагмент росписи, сохранившийся на самой стене, около полуметра длиной, находился южнее ниши 13. Здесь на голубовато-сером фоне имеется изображение, напоминающее нижнюю часть фигуры человека, одетого в красный кафтан с белой каймой. Краска нанесена непосредственно на поверхность глиняной штукатурки.

Таким образом, насколько можно судить по сохранившимся следам росписи, сами стены святилища были, видимо, украшены сюжетными изображениями, нанесенными краской прямо по глиняной основе, а местами — по ганчевой грунтовке. Ниши же святилища, видимо слабо освещенные и предназначенные для выставления предметов культа, были оформлены соответствующим образом. Внутренние их стенки в глубине представляли собой просто белый фон, покрытый решеткой розовато-красного цвета, видимо, имитировавшей оконные решетки. Своды ниш были разбиты на прямоугольные рамки разных размеров в зависимости от характера изображения и величины самой ниши. В нижних частях все ниши были окаймлены широким бордюром с рядами полукругов на красном фоне.

Цветовая гамма живописи не отличается богатством колорита. Основными красками являются красная и черная различной степе-

ни интенсивности. Часто рисунок окомуривался тонкой черной или коричнево-бордовой линией. Надо полагать, что сначала наносились контуры намеченного рисунка, а затем производилась окраска. Местами, как отмечено, живопись реставрировалась, хотя рисунок мог и не совпадать с прежним, но мотивы его не менялись.

По цветовой гамме и технике исполнения живопись Еркургана близка живописи Кушанского царства и Парфии, а также живописи Топраккалы в Хорезме. На территории Согда живопись Еркургана является наиболее ранним образцом монументального искусства и древнее известных росписей Пянджикента, Самарканда, Варахши где-то на три-четыре столетия. В 1969 г. на Афрасиабе было отмечено помещение с росписями I—III вв. н.э., но оно не было раскопано (Альбаум Л. И., 1975. С. 94). Несмотря на фрагментарность живописи Еркургана, она все же позволяет судить о монументальном искусстве Согда III—IV вв. н. э. В частности, характерно портретное изображение в центральной нише северной стены святилища (рис. 77). Лицо необычайно выразительно, напоминает персонажи живописи иранского храма Дура-Европос. Эта особая выразительность и сосредоточенность в изображении была характерна и для парфянского искусства, для которого отмечается, что художник уделял особое внимание изображению головы, где вся жизнь концентрируется в неестественно увеличенных, с пристальным взглядом, глазах (Кошеленко Г. А., 1966. С. 187).

Контурные рисунки, обнаруженные на западной колонне святилища, расположены пояском вокруг ствола колонны на высоте около 1 м от ее базы. Рисунки нанесены черными линиями шириной 1—2 мм на ярко-красном фоне. Рисунок наносился на подготовленную основу, местами остались вдавленные линии, нанесенные острым предметом (например, небольшой квадрат в верхней части) (рис. 78, 79). Видимо, рисунок сначала был прочерчен ножом на ганчевой основе, затем покрыт красной краской, сверху на основу абриса наносились черные контурные линии.

Композиция изображения на западной колонне следующая: на поверхности, обращенной к центру святилища, изображены две силуэтные человеческие фигуры высотой 40—50 см. Изображения исполнены техникой окраски фона в ярко-красный цвет, в то время как сами фигуры сохраняют белый цвет ганчевой штукатурки, без прорисовки деталей одежды и лица (рис. 78). Лишь местами края изображений окомурены тонкой черной линией и волосы окрашены в черный цвет. Лица фигур слегка тонированы слабым раствором той же самой красной краски. Здесь следует отметить, что у одной из фигур нет макушки головы, у второй голова сохранилась менее чем наполовину. Это — адоранты в длинных прямых халатах, обращенные в 3/4 обо-

рота к центральной нише святилища, где в I строительный период должна была находиться скульптура божества. В левых руках — изображения подношений типа крупного трилистника, в правой руке первой фигуры веретено с клубком, у второй фигуры — кольцо. Возможно, это венки.

Дальше по всей окружности колонны идут чередующиеся изображения культовых атрибутов или символов, нанесенных черными линиями на красном фоне. Эти изображения подразделяются на несколько типов (рис. 79). Два типа, чередуясь, повторяются часто, а два типа, нарисованные на противоположной от человеческих фигур стороне, изображены по одному разу. Первый тип представляет собой сложную комбинированную фигуру, в которой угадывается стилизованное изображение фантастической птицы и древа. В этом образе слиты два сюжетно близких изображения древа жизни на мировой горе и птицы, обитавшей на этом древе. В основании ее изображен пышный колоколовидный хвост со стилизованными перьями, в то же время это гора, вершину которой венчает ствол древа. Он в виде узкого длинного стержня с распахнутыми в стороны небольшими крыльями, выше в обе стороны расходятся стеблевидные отростки, заканчивающиеся маленькими птичьими головками. Верхняя часть этих изображений не сохранилась. Выше колонна выходила на современную дневную поверхность. Однако на некоторых из этих изображений видно, что центральный стержень продолжается вверх, где имеются еще два подобных стеблевидных отростка, представлявших собой, видимо, изображения птичьих шей, которые завершались головками. Этот образ повторяется пять раз, чередуясь со вторым, более простым изображением, представляющим собой схематизированный алтарь огня. Оно встречается четыре раза, чередуясь с вышеописанным изображением птицы. Данное изображение более или менее, сохранилось только в одном случае, в остальных трех случаях имеются слабые его следы. Единичным экземпляром представлена какая-то сложная фигура типа пагоды или тройного зонтика на вертикальном стержне с кружком внизу и двумя ответвлениями в виде схематичных лент. На верхнем конце стержня — полукруг, увенчанный горизонтальным прямоугольником. Выше изображение не сохранилось. Рядом слева — изображение небольшого квадрата. Что это, сказать трудно. Не исключено, что это один из вариантов алтаря огня. И, наконец, еще одно изображение (плохой сохранности или недописанное) той же самой фантастической птицы, которое оказалось зажатом между более целым изображением фантастической птицы и алтаря огня. Здесь сохранились только два очень схематизированных крылышка с длинным вертикальным стержнем, идущим кверху. Это пятое изображение первого типа. Все эти

изображения также высотой около 40 см, верхняя их часть не сохранилась, но, видимо, продолжались они вверх не намного. В целом всю эту сцену можно уверенно связать с содержанием культа, которому был посвящен храм. Человеческие фигуры представляли собой изображения адорантов или жрецов в момент исполнения ритуала, и стилизованные изображения птицы и алтаря огня также имели самое непосредственное отношение к культу храма.

Объемная скульптура, обнаруженная в храме, была вся во фрагментарном состоянии и лишь отдельные из них, наиболее целые экземпляры представляют интерес.

Как уже отмечалось, в святилище под алтарем V строительного периода был обнаружен наиболее целый кусок скульптуры, который представлял собой обратную сторону женской фигуры во весь рост высотой более 1 м (рис. 84). У нее довольно широкие плечи, торс в плотно облегающей одежде с узкой талией. Халат окрашен в белый цвет. Левая рука, опущенная вниз, сохранилась до локтя. Короткий рукав халата, из-под которого выпущены длинные рукава красного цвета, отделен широкой черной каймой. На голове кудри, изображенные в виде круглых налепов, окрашенных черной краской, увенчаны остатками маленькой белой шапочки со следами красной краски. У скульптуры полностью отсутствует лицевая сторона, а сохранившаяся задняя уплощена. Здесь же неподалеку были найдены обломки рук этой скульптуры, кисть которой окрашена в розовый цвет, а рукав платья — в красный. Кафтаны с коротким рукавом известны по изображениям Пянджикента (Бентович И. Б., 1980. С. 200).

Наиболее выразительна голова скульптуры, найденная под полом IV строительного периода (рис. 82).

Размер ее головы 21x18 см, это левая сторона лица объемной скульптуры, выполненная из тонко отмученной глины с мелким саманом, и довольно хрупкая. Сверху покрыта тонкой ганчевой грунтовкой. Для ее лепки характерны крупные выразительные черты с небрежной отделкой деталей: правая ноздря углубления почти не имеет. Лепка дополняется окраской, выполненной в интенсивных тонах. Глаза выпуклые, без зрачков, обведены черной линией, брови имеют тот же цвет, веки, уголки глаз обведены бордовой краской. Губы также окрашены в бордовый цвет, причем полуулыбка, переданная окраской губ, вместе с созерцательным выражением глаз создает впечатление загадочности. В целом лицо передает ярко выраженный местный этнический тип. На лбу, щеке и подбородке скульптуры изображены розетки, обрамленные в бордовые кружки. Окраска произведена широкими и резкими мазками.

Фрагмент конического головного убора красного цвета, украшенный такими же белы-

ми розетками, найденный в том же слое, мог принадлежать этой же фигуре.

Краска на лице наложена в один слой, на кусочках прически черная краска нанесена поверх красной. На ухе черная краска, передающая локоны, служит основой для красной, которой прорисованы контуры раковины уха.

Описанная голова стилистически ближе всего к женскому портрету из дворца Топраккалы в Хорезме (Толстов С. П., 1962. С. 216).

Вторая головка, от которой сохранилось только лицо, была обнаружена в засыпке под полом III строительного периода (рис. 81). Высота головки чуть более 10 см. Овальное лицо с полным подбородком покрыто розовой краской. Сохранность головы неважная: нос отбит, краски осыпались. Тем не менее общий вид ее более или менее восстанавливается. Это женское лицо с миндалевидным разрезом глаз, крупными черными зрачками, тонкими изогнутыми бровями, маленьким ртом, на губах едва заметна улыбка. На голове сохранились остатки прически.

Технически окраска скульптуры Еркургана не отличается от техники настенной живописи, только первая наносится на круглую поверхность, дополняя ее, вторая — на контуры фигуры, нанесенной на плоскость стен.

КВАДРАТНОЕ СООРУЖЕНИЕ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА (Р-1, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ХОЛМ)

Центральное сооружение храма в виде большого квадратного в плане холма в центре города имеет размеры у основания 50х50 м и 30х30 м поверху.

Высота его стен достигает 7—8 м, верхняя площадка вытянута и имеет ложбину на южном фасаде, т.е. вход в него, как и на восточном храме, был обращен на юг. Контуров этого здания несколько асимметричны, стены ориентированы с небольшим отклонением к западу от осей координат (рис. 42).

Этот комплекс раскопан лишь на отдельных участках. По гребням стен здания сначала были заложены узкие неглубокие траншеи с целью выявления контуров интерьера этого сооружения. Затем северо-восточный его угол частично с внешней стороны был прорезан траншеей, заложеной в широтном направлении между восточным и центральным холмами Р-1.

На восточном фасаде была заложена поперечная траншея, благодаря которой выявлена конструкция стены этого монументального сооружения (рис. 49). По результатам вскрытий можно восстановить картину последовательности строительных периодов сооружения данного архитектурного комплекса.

Наиболее ранние строительные конструкции были выявлены в западном конце траншеи 3,

заложеной к западу от здания восточного храма. Западный конец траншеи 3, упирившийся в восточный склон центрального холма, был расширен и превращен в небольшой раскоп размерами 5х3,5 м. Здесь первый снизу пол располагался на уровне пола айвана I строительного периода храма восточного холма. На полу находился крупный алтарь высотой 1 м, выложенный из сырцового кирпича и оштукатуренный алебастром, в виде квадратного подиума с гофрированными стенками, верхняя часть его разрушена (рис. 60—62). Алтарь был засыпан рыхлой землей с углями, причем уголь не древесный, а в виде мелких, сплескшихся, как шлак, комочков. Такое впечатление, что горела шерстяная ткань (ковер?). Здесь были обнаружены обломки красноангобированных чаш с вертикальным бортиком III—IV вв. Над засыпкой находился второй уровень пола, над которым вновь шел завал с углем или, вернее, следами пожара. Следует отметить, что кладка жженных кирпичей по верху алтаря несколько выступает над уровнем этого пола. Западная стена помещения с алтарем на этом уровне была обожжена докрасна. Эти остатки сверху перекрывала мощная пахсовая кладка с редкими кирпичами квадратного здания центрального холма, в котором, помимо фрагментов керамики и прочего, была найдена терракотовая статуэтка обнаженной беременной женщины. Открытый алтарь, судя по сопровождающей керамике и стратиграфическому уровню, синхронен начальным периодам функционирования здания храма восточного холма и относится ко второй четверти II тысячелетия н. э.

Это были остатки здания, предшествующего на данном месте последнему по времени комплексу крупного квадратного сооружения центрального сооружения. Выше все это перекрывается сплошной монолитной кладкой стены восточного фаса здания. Конструкция этой стены была выявлена в специальной траншее, прорезавшей склон восточного фаса близ юго-восточного угла сооружения.

Разрез вскрыл две параллельные, массивные, разновременные кладки стен, из них внешняя — первая по времени. Они разделены саманной штукатуркой до 3 см толщиной. Платформа, в теле которой на северном конце восточного фаса был замурован вышеописанный алтарь, представляла собой обширную глинобитную поверхность со ступенчатым внешним краем. На платформе была возведена первоначальная стена шириной у основания до 9 м. Край кладки стены перекрывает ступенчатую поверхность края платформы, а с внешней стороны стена имеет хорошо сохранившуюся поверхность под углом около 45°. Ступени края платформы, хорошо сохранившиеся под кладкой края стены, видимо служили при строительстве для подачи наверх глины и кирпича, а затем были замурованы под стеной. Этот прием имел широкое распространение и в конструкциях зданий Пянджикента

(автор благодарит Б. И. Маршака за это указание). Однако наклонная внешняя поверхность стены именно из-за своего наклона не сохранила в верхней своей части штукатурки. Вероятно, это сооружение имело снаружи в сохранившейся части пирамидальный облик.

Кладка этой стены в верхней части (III—V яруса) состоит из рядов сырцового кирпича, прослоенного рядами ленточной пахсы 10—15 см толщины. Ниже идет сплошной массив глинобитной кладки с редкими прерывистыми рядами кирпича. Глина уложена пластами толщиной около 1 м.

С внутренней стороны стена имела вертикальную поверхность и слегка утолщалась книзу. Она покрыта гладкой саманной штукатуркой. В этой стене прямо по центру траншеи была обнаружена очажная ниша простой конструкции в виде выступающего из стены небольшого порталчика из сырцового кирпича, перекрытого полукруглой арочкой. Задняя часть ниши, округлая в сечении, углублена в кладку стены. На дне ниши, слегка заглубленном в платформу, было много золы с обломками типичной для IV—VI вв. Еркургана культовой посуды: курильниц и светильников, украшенных по краям защипами. Ширина ниши более 1 м, высота над полом более 0,5 м.

К этой стене изнутри была вплотную пристроена параллельная стена II строительного периода толщиной около 1,5 м, закрывающая очажную нишу в стене I строительного периода. Она выполнена в той же комбинированной технике кладки глины с ленточной пахсой. Со стороны интерьера ее основание подпирает более ранняя, невысокая или срубленная в верхней части стенка; она, видимо, ограждала очажную нишу. Основание этой стены еще не вскрыто. Поверхность второй кладки от гребня стен сооружения и до основания на границе конца IX—X ярусов, где ее подпирают остатки упомянутой стенки напротив очажной ниши, сильно оплыла и разрушена. Внутреннее пространство сооружения, прорезанное в данной части траншеей, было заполнено мощной толщей рыхлых оплывов, чередующихся с золистогумусными горизонтами, все эти слои залежали с сильным уклоном к центру сооружения.

С целью получения предварительных сведений о внутренней структуре западного здания храма вдоль гребня трех внешних его стен, изнутри, были заложены неглубокие разведочные борозды. Поперечных стен, делящих на отдельные помещения, не было. Всюду выявлены примыкавшие к оплывшим остаткам массивных кладок внешней стены однообразные рыхлые отложения продуктов оплыва и разрушения стены, чередующиеся с гумусными и золистыми горизонтами. Сначала сверху под тонким и прерывистым дерновым слоем идут остатки обрушившихся стен в виде комьев глины и обломков кирпичей (0,5—1 м), под ними—рыхлые гумусно-золистые горизонты в 0,5—1 м, а в южной части, близ входа они утолщаются до 2 м часто с пометом

овец, который, видимо, скопился в руинах этого здания после того, как город был заброшен. В VII—VIII вв. стены этого сооружения служили загонem для овец. В этих золистых и гумусных отложениях найдено много фрагментов керамики VII—VIII вв. и костей мелкого рогатого скота.

В небольшом шурфе в западном конце северной траншеи, в северо-западном углу сооружения, под слоями завалов гумусно-золистых отложений и забутовок на уровне упомянутого квадратного алтаря, открытого под северо-восточным углом этого сооружения, выявлены уровни полов.

В целом по сооружению центрального холма можно прийти к следующему предварительному заключению. Первоначально здесь, насколько позволяет судить глубина произведенных вскрытий, был комплекс сооружений, синхронных и функционально связанных с комплексом I—II строительных периодов храма восточного холма. В ту пору функционировал большой квадратный алтарь, открытый под кладкой стен, и платформы центрального холма, что явно свидетельствует о сугубо культовом назначении сооружения. Затем, одновременно с перестройкой восточного храма в III или IV строительный периоды, над остатками архитектурного комплекса с упомянутым алтарем было возведено рассмотренное монументальное, квадратное в плане сооружение (50х50 м по внешнему абрису) с массивными стенами. Здание, судя по предварительным разрезам, снаружи имело вид расширяющейся у основания четырехгранной пирамиды. Изнутри же это был большой, подквадратный, слегка асимметричный зал до 30 м по сторонам с высотой стен более 5—6 м; отделка интерьера состояла лишь из глиняной штукатурки стен и пола. Судя по 30-метровому пролету стен, перекрытие, скорее всего, было плоским, балочным, на столбовых опорах, а, возможно, по внутреннему периметру шла крытая галерея с небольшим открытым двориком в центре. Что касается его функционального назначения, делать окончательные выводы еще рано, но небольшой пристенный алтарь с погребенными на дне в золе обломками курильниц и светильников, а также то, что это здание возведено поверх нижележащего, видимо культового комплекса, как и характер его архитектуры в целом, является достаточным основанием предполагать его культово-общественное назначение в комплексе с восточным храмом.

ДВОРЕЦ ЕРКУРГАНА (Р-11)

Как и все дворцовые комплексы античной поры, дворец Еркургана был сложным архитектурным сооружением. Как в плане, так и по вертикали он был двухчастным, квадратным в плане общей площадью у подошвы около 1 га и ориентирован по сторонам света.

В рельефе руин этого самого крупного сооружения Еркургана выделяется верхнее здание высотой до 12 м от подошвы, прямоугольное в плане, размерами по верху около 50x25 м, с юга к нему примыкает обширный нижний террасовый уровень высотой 6—7 м.

На сегодня полностью вскрыты строения верхней площадки и, частично, восточное крыло нижней площадки. Композиционно-типологически они разные, но функционально представляли собой единое целое и были объединены общим прямоугольником внешних стен, однако вход в комплекс, бывший, судя по ложбине в микрорельефе, в центре южного фаса нижней площадки, уже через коридоры комплекса помещений нижнего уровня выводил на комплекс помещений верхней террасы (рис. 53).

Архитектурный комплекс верхней площадки имел канонический для древней монументальной архитектуры облик в виде анфилады парадных помещений, связанных проходами и окруженных коридорами, с понижением уровня полов с запада к востоку, откуда вел вход в этот комплекс. Композиция планировки верхнего комплекса сооружений состояла из большого замкнутого квадратного зала (пом. 1) в западном конце центральной оси, в который вели проходы из боковых коридоров. Через южный коридор проход выводил в вестибюль, расположенный западнее (пом. 2) и имевший в восточной стене выход в небольшой двухколонный айванный портик (пом. 3), обращенный к внутреннему дворику размерами 14x14 м. Помещения 1, 2, 3 были обрамлены с юга, запада и севера двойной линией узких коридоров (пом. 14, 15, 16).

Айванный портик, куда выводил проход из помещения 2, имел довольно редкую в древней местной архитектуре деталь; по фасаду, вдоль которого выявлены два основания от баз колонн, он был сужен двумя выступающими внутрь пилонами; по пропорциям это, скорее, пилястры, но лишенные профилировки баз, не было, видимо, и капителей. Конструктивно они отличаются от угловых колонн портика династийного храма Халчаяна. Подобные выступы имеются на углах колонных портиков пропилей и айвана дворца Ай-Ханум (Guillaume O., 1983, pl. 2) и в восьмиколонном портике, открытом к северу от квадратного зала Старой Нисы (ДГКСА, табл. LXXV).

Подобные выступы были широко распространены в антовых портиках храмов Греции классической эпохи (Парфенон, храмы Селинунта). Эта деталь была присуща более ранней греческой архитектуре. Такие выступы есть в углах портиков больших мегаронов Тиринфа и Пилоса второй половины II тысячелетия до н. э. (ВИА, гл. III), в то же время аналогичные выступы встречаются и во входных портиках общественных и жилых комплексов на Ближнем Востоке, в частности в Северной Сирии XV в. до н. э. и Урарту (дворец Никмепа в Алаллахе, мегарон в Тейшеба-

нии (ВИА, С. 245, 261). В архитектуре Средней Азии оформление углов айванов подобными выступами отмечено лишь с эллинистического времени.

Дворик, к которому был обращен айван, имел пол на 0,6 м ниже, чем в айване. На южном краю террасы айвана находились небольшие ступеньки, ведущие на нижний уровень пола двора. Не исключено, что дворик был перекрыт и являлся большим залом, но следов от устоев перекрытия не найдено. Вряд ли при пролете вдоль и поперек около 15 м он мог быть перекрыт без дополнительных опор, но, тем не менее, стены его многократно и тщательно штукатурились, а между слоями штукатурки обнаружены следы побелки и окраски в красный цвет. В южной стене двора через каждые 1,5 м шли десятисантиметровой ширины вертикальные щели, сохранившиеся на высоту 70 см, имевшие, видимо, наверху стреловидное завершение (целые стреловидные бойницы были открыты в стенах коридоров нижней площадки). Вдоль северной стены стоял ряд крупных хумов, раздавленных завалом стены. В трех местах дворик имел проходы. Один — рядом с айваном с северной стороны, — видимо выводил во второй северный коридор, который мог оконтуривать северный фас всего комплекса и в данном случае не сохранился. В юго-восточном углу был обнаружен проход, выводивший вовне из комплекса в помещения нижней южной площадки, а в северо-восточном углу был вход в помещение 8. Это было узкое подсобное помещение, замыкавшее весь комплекс строений верхней площадки с востока. Только в нем вдоль стен были построены пристенные суфы. По краю восточнее помещение 8 обрамлялось второй линией коридора.

На западном конце комплекса за помещением 1, обведенным внутренним коридором, выявлены остатки четырех небольших подсобных помещений (пом. 4, 5, 7, 9). Расположенные на краю западного фаса комплекса, они более чем наполовину оплыли по склону. В крайних с севера помещений 7 и 9 на полах были найдены фрагментированные котлы, характерные для III—IV вв. Вдоль северной стены помещения 7 имелись остатки суфы с прокаленной верхней площадкой, следы сильного огня были отмечены и у южной стены пом. 9. В обоих указанных помещениях стены поверх многочисленных глиняных обмазок имели следы ганчевой побелки и покрытия красной краской. Основной зал (пом. 1) также был покрыт многочисленными слоями глиняной штукатурки с мелкой соломой, достигавшей на стенах толщины 7—8 см, а на полу — до 15 см. Причем тут каждый слой глиняной штукатурки покрывался сверху или тонкой ганчевой побелкой, или ярко-красной краской. Следует отметить, что глина, употреблявшаяся для штукатурок на Еркургане,

очень тщательно очищена, тонко отмучена и имеет светло-желтые, палевые тона.

В центре зала было большое красное пятно около 1,5 м в поперечнике от долго горевшего здесь костра, пол под ним прокален толщиной до 15—20 см. На стене вестибюля (пом. 2) поверх последнего слоя глиняной обмазки обнаружены следы красной панели на высоте 1 м от уровня пола. Айванный портик (пом. 3) по восточному фасу, обращенному во двор, имел в полу две квадратные лунки от баз колонн, подпиравших перекрытие.

В завалах стен, упавших на пол двора, местами прослеживаются следы кругов, нанесенных красным цветом по более светлому, розовому фону. Во дворе, вдоль северной стены, обнаружены три стоявших в ряд хума.

Помещение 8 всем своим обликом напоминает трапезную. Вдоль всех стен расположены суфы, причем основная его часть вдоль западной, южной и восточной стен имеет двухступенчатый поперечный профиль, поверхность нижней суфы шириной более 1 м параллельно ей идет верхняя ступень шириной около 70 см. Общая высота достигает 30 см от уровня пола. У входа в помещение 8 на полу был найден большой округлый котел. На верхней ступени западной суфы сохранились рядом два больших керамических блюда, обрамленные по внешнему краю толстыми валиками. Полы в центре помещения местами прокалены и имеют золистые пятна.

Весь этот верхний комплекс помещений был обрамлен, видимо, по всему периметру единым обводным коридором, но обрывки внешних его стен сохранились лишь на южном и восточном фасадах. Функциональная связь этого северного, изолированного и вознесенного более чем на 10-метровую высоту комплекса дворца, осуществлялась с нижнего, примыкавшего с юга, комплекса через этот обводной коридор в южной его части.

Нижняя, южная площадка дворца, вдвое превышающая размерами верхнюю, вскрыта, как отмечалось, лишь в восточной своей половине еще не до конца. Здесь выявлен крупный, квадратный в плане двор (пом. 10) размерами 12х12 м, также окруженный по периметру узкими коридорами (пом. 13, 17, 18). На полу восточного коридора (пом. 17) найдены раздавленные крупные керамические блюда, как в помещении 8, и следы напольного очага подле восточной стены. К югу от него расположен второй обширный двор (пом. 21), обрамленный по восточному фасу аркадой, от которой сохранились основания массивных квадратных устоев из сырцового кирпича (около 2 м в стороне). Это свидетельствует о том, что и сам дворик, окруженный коридорами, имел вдоль восточного фаса вторую линию коридора, который южнее был превращен в крытую галерею, обрамлявшую с востока второй, южный двор (пом. 21).

Все стены комплекса были сложены из плотной пахсы, и стены между помещениями

и коридорами часто (пом. 13, 14, 18) имели узкие бойницы со стреловидным завершением, обрамленные кладкой квадратного сырцового кирпича (рис. 54).

Со временем произошли некоторые перестройки дворца, существенно поменявшие функциональную связь помещений, однако отнести их ко II строительному периоду трудно. На верхнем комплексе был заложен западный коридор, замурованы входы в помещения 6, 7, 8, северный вход в помещение 1 и восточный конец южного коридора (пом. 16). Кладки эти производились квадратным сырцовым кирпичом размерами 40х40х10 см, изредка с примесью прямоугольного кирпича (45-47х23-26х10-13 см). (Прямоугольный кирпич, наряду с квадратным, и несколько более широкого стандарта отмечен в кладках гордского храма со II строительного периода).

Как показали отдельные шурфы, заложенные в полу помещения 1 и коридоре, верхний комплекс был возведен на 5-метровой платформе из сырцового квадратного кирпича, в которую было замуровано более древнее монументальное здание, стены которого в этой замуровке также сохранились на высоту 5 м. Предыдущее сооружение, скорее всего, было ранним дворцом. Судить о времени возведения и его особенностях не позволяет отсутствие данных.

Помещения дворцового комплекса сохранили свои стены на высоту до 1—1,5 м. Вся их начинка состояла из плотных масс завалов стен, перекрытых более рыхлыми натечно-надувными отложениями, зачехленными сверху прерывистым на гребнях и более плотным на склонах дерновым слоем. На полах находок почти не было, если не считать немногочисленные экземпляры столовой и кухонной посуды, а также хумы во дворе верхнего и нижнего комплексов. Хронологически этот комплекс керамики датируется IV-началом V в. н. э. Но в оплывах верхнего горизонта был найден небольшой набор предметов, без условно связанных именно с дворцовым комплексом. Это керамическая, реалистично вылепленная головка орла, сложная терракотовая композиция, украшавшая устьевую часть энохоевидного кувшина, в виде птицы с двумя птенцами и оттиснутой штампом миниатюрной женской фигурки с ребенком на руках (рис. 160:2,3), обломок красноангобированного лощеного кувшина с фигурным сливом в виде сидящей собаки (рис. 178:2). Также было найдено несколько монет каршинского чекана III—VI вв.

Что касается функционального назначения почти полностью вскрытого верхнего комплекса, вначале мы были склонны усматривать в нем административно-церемониальное сооружение, где правитель или его представители могли давать аудиенцию, сидя на айване (пом. 3) перед посетителями, принимаемыми во дворе (Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю., 1982). Но, как показывают материалы двор-

цовых комплексов эпохи античности, обычно в дворцовые комплексы включались и храмы, связанные с божествами-покровителями династии. Не исключено, что верхний комплекс мог быть дворцовым храмом, к этому склоняет и общая планировка помещений, до деталей повторяющая основную схему планировки культовой архитектуры: целла, вестибюль, айван, двор. Это впечатление подтверждают еще два момента: развитость интерьера, состоящего из двух крупных помещений, обведенных коридором, не уступающим по площади дворику, и наличие сильно прокаленного пятна в центре главного изолированного зала, в который можно было проникнуть только через боковые коридоры. Отмечается наличие специального помещения в противоположном конце двора, которое, судя по пристенным суфам с лежащими на них около входа блюдам, фрагментам кувшинов, чаш и большому котлу, было трапезным помещением. Залы для священных пиршеств широко были распространены в парфянской культовой архитектуре (Шлюмберже Д., 1985, С. 117—118), где они разного размера, но в них обязательно наличие суф-лежанок.

Существование собственного храма во дворце Еркургана вполне допустимо. Комплекс Кухи-Ходжа в Сеистане в сасанидское время представлял собой дворцовый храм, который, как на Еркургане, возвышался над остальной застройкой. Дворец Топраккалы сам имел сакральное значение и был связан с культами правившей династии, несмотря на то, что в городе существовали открытые в квартале А городские храмы (Неразик Е. Е. и др., 1981, С. 41—56).

ДАХМА ЕРКУРГАНА (Р-3)

Руины дахмы в виде овального оплывшего холма протяженностью 70 м и высотой 7 м находятся в северо-западной части города, между его внутренним и внешним валами (рис. 55).

В результате раскопок установлено, что дахма в верхней части представляла собой монолитное, прямоугольное, башнеобразное сооружение размерами 34х23 м (рис. 56, 57), возведенное из сырцового кирпича и глины. Эта башня возвышалась на более обширной платформе, образующей нижнюю ступень сооружения. Его общая высота от основания платформы до сохранившегося уровня верхней площадки башни равна 9 м, а с учетом того, что стены, окружавшие в свое время верхнюю площадку дахмы, возвышались не менее чем на 2—3 м, высота всего сооружения достигала более 11—12 м. Южный и восточный фасады башни, обращенные к городу, были вертикально профилированы узкими уступчатыми неглубокими нишами (рис. 59). Вдоль южного и северного фасадов башни шли террасовидные края нижней платформы. К восточному

фасаду башни примыкала обширная глинобитная площадка, высотой чуть ниже платформы башни, поверхность ее была тщательно заштукатурена глиной с саманом. Она еще не вскрыта и перекрыта толстым слоем забутовки. На западном фасе башни дахмы платформа не выступала, но здесь располагалась низкая и обширная западная площадка высотой около 0,5 м. Она, видимо, имела ритуальное назначение и была вскрыта в траншее.

Дахма функционировала во II в. до н. э. недолго и вскоре после этого была очень тщательно замурована, благодаря чему она прекрасно сохранилась в нижней своей части. Верхняя площадка, разрушенная перед кладкой и в дальнейшем оплывшая, к сожалению, почти не сохранилась.

Охарактеризуем результаты изучения фасадов и верхней площадки дахмы. На южном, главном, обращенном к городу фасаде башни дахмы, была заложена стратиграфическая траншея, перпендикулярная южной стене башни, протяженностью около 13 м. В траншее выявлено, что башня дахмы была возведена на обширной глиняной платформе высотой более 1,5 м, которая выступала к югу относительно стен самой башни дахмы где-то на 4 м и имела оплывшую поверхность. На площадке стилобата вдоль башни дахмы, непосредственно под ней, находилась выложенная из рядов жженого кирпича (размерами 30—31 х 30—31х5—6 см на глиняном растворе) дорожка шириной 120 см. Она прослежена к западу от траншеи на 4,5 м, где на юго-западном склоне выклинивается и исчезает. Южная стена башни дахмы сохранилась на высоту 1,5—2 м над платформой и покрыта глиняно-саманной штукатуркой. Южный фасад башни, как и восточный, украшен вертикальными уступчатыми нишами. На южном конце этой траншеи заложен небольшой стратиграфический шурф 3х3 м. В нем выявлено, что древняя поверхность, на которой возведена дахма, находится на уровне XIX яруса (т.е. 9,5 м от верха). На этом же уровне древняя поверхность была открыта и в юго-восточной части сооружения. Пространство над платформой к югу от стены башни до края стилобата было заложено плотной кирпичной кладкой забутовки, размеры кирпича — 38—42х38—42х10—11 см.

В слое завала и оплывов над забутовкой были найдены некоторое количество керамики цилиндрических форм со светлым ангобом, а также фрагменты сосудов первых веков до н. э. Имеются редкие фрагменты жженных кирпичей и гипса, некогда служившего связующим раствором для жженого кирпича. Найдены также отдельные рваные куски мелкого известняка, из которого на вершине башни была выложена каменная выкладка. Мелкие фрагменты ганча обнаружены и в забутовке.

На южном фасаде дахмы открыта лестница, ведущая на вершину башни, которая нахо-

дилась на месте слабой ложбины, отмеченной до раскопок на юго-восточном склоне холма. Сверху лестница заложена очень плотной глиной, местами с отдельными рядами сырцового кирпича. В глине забутовки обнаружено много фрагментов ганчевого шука, обломков камней, жженого кирпича. Лестница, ведущая на верхнюю площадку дахмы, имела парадный облик, в нижней части разделялась на два крыла. Ступени двух отдельных маршевых пролетов, начиная от древней дневной поверхности, сначала ведут вверх к платформе дахмы, а затем, достигнув площадок у южного фаса платформы, поворачивают навстречу и ведут вдоль стен к верхнему звену ступеней, где смыкаются на общей высокой площадке на уровне поверхности выступающей платформы. Затем от этой площадки верхнее звено ступеней ведет на вершину башни дахмы. Этот самый верхний пролет ступеней врезается в кладку самой башни дахмы в юго-восточном ее углу (рис. 58).

Ступени лестницы вскрывались сверху вниз. Верхнее звено имело более 2,5 м ширины и сохранилось протяженностью около 13 м. Этот пролет, выводящий от лестничной площадки на южном фаса дахмы на верхнюю площадку башни, в середине восточной ее части имел высоту более 3 м до уровня пола верхней площадки. Верхний пролет с двух сторон был оформлен оштукатуренными стенами. Западная стена ступеней башни дахмы имеет слабую отлогость, восточная — вертикальная, имеет в верхней части едва заметный выгиб в сторону прохода, вероятнее всего, верхнее звено ступеней имело сводчатое перекрытие, которое, видимо, было разрушено в древности при забутовке сооружения. В нижней части восточной стены находится широкая неглубокая ниша шириной 1,2 м и глубиной 20 см. На стены нанесены два слоя штукатурки толщиной по 1—3 см. Ступени верхнего пролета имеют ширину 30—35 см и высоту 15—20 см.

Поверх ганчевой штукатурки на ступенях сохранились слои разновременных глиняно-саманных штукатурок толщиной от 0,5 до 1,5 см. Верхний пролет состоял из 24 ступеней и внизу начинался упомянутой широкой прямоугольной площадкой, в обе стороны которой вниз уходили средние звенья лестницы.

В нижней части верхнего пролета к западной стене был пристроен прямоугольный выступ. Кладка возведена прямо на ступенях лестницы, ширина его около 90 см. Он сужал проход на 20 см. Характерно, что кладка лестницы произведена после возведения стен, штукатурка восточной и западной стен верхнего пролета лестницы уходит под кладку ступеней, стало быть, сначала были возведены стены прохода, а затем сами ступени. Они имели основу из сырцового кирпича на глиняном растворе, поверх сырцовой кладки шел один ряд жженных кирпичей, покрытый ганче-

вой штукатуркой толщиной в 1—1,5 см, выше была упомянутая многократная обмазка.

Средний пролет восточного крыла лестницы, идущий вдоль стены наружной башни дахмы, состоял из 8 ступеней, ширина его около 3 м. С северной стороны ее оконтуривала специальная стена в виде перил. Здесь так же, как и в верхнем пролете, сперва была возведена северная стена лестницы, а затем выложены ступени. Длина этого пролета 3 м. Он идет от широкой верхней площадки до нижней. Нижняя площадка — небольшая, размерами 2x1,2 м, так же, как и верхняя, сначала покрыта ганчевой, а затем глиняной штукатуркой. Здесь небольшая ширина площадки приводила к тому, что подняться с нижнего пролета на второй можно было только с северной стороны второго пролета.

Платформа, на которой возведен второй пролет лестницы, выложена из сырцового кирпича размерами 40—42x40—42x11—12 см, сами ступени выложены из жженого кирпича размерами 30x30x5—6 см. Изредка встречаются каменные прямоугольные плитки из той же мягкой известняковой породы, из которой сложена выкладка на верху башни. Размерами они подогнаны к пропорциям жженого кирпича. В трех местах использован трапециевидный кирпич размерами 32,5x41x25x5—6 см. Жженные кирпичи имели крестообразные клейма.

К югу от второго пролета лестницы была заложена небольшая стратиграфическая траншея, доведенная до грунтовой воды, выступившей на уровне начала XXII яруса, т.е. на глубине 10,5 м от самой верхней, реперной точки холма. Выяснилось, что поверхность ступеней южного фаса платформы была покрыта глиняно-саманной штукатуркой, основание кирпичной кладки платформы второго пролета находится на уровне середины XX яруса. Под кирпичной кладкой залегала песчаная подушка толщиной 25 см. Ниже идет плотно утрамбованная глина.

Сохранность второго западного пролета среднего звена лестницы хуже, чем у верхнего пролета лестницы. В северной части она дала просадку на 15 см. Хуже сохранилась многослойная штукатурка ступеней. Их высота от 11 до 20 см, ширина — 35—40 см.

Третий, нижний пролет восточного крыла, направленного перпендикулярно платформе дахмы, состоял из 14 ступеней высотой по 15—20 см каждая и шириной 30—40 см. Этот пролет в нижней части также возведен из сырцового кирпича, а сверху выложен не жженым кирпичом, а в основном подтесанными каменными прямоугольными плитками до 40 см в стороне, толщиной до 15 см. Местами они положены в два ряда. Основание кладки этого пролета также на уровне середины или верха XX яруса. Эти ступени также поверх каменных плит были покрыты глиняной обмазкой, затем слоем в 1,5 см ганчевой штукатуркой с примесью крупного песка, а

сверху — многослойной глиняной обмазкой, бока ступеней были покрыты тонкой глиняно-саманной штукатуркой. Многократной обмазке подвергались только сами ступени.

На восточном фасаде башни дахмы, вдоль стены, плотная забутовка была вырублена на всем протяжении, но только в южной части этот фасад был открыт до основания, т.е. до уровня пола восточной площадки, примыкавшей к башне. Выяснено, что восточная стена была сложена из кирпича-сырца и тщательно оштукатурена глиной с саманом. Она имела более 1 м толщины и сохранилась на высоту около 4 м. Ровная плоскость стены снаружи, как и на южном фасаде, оформлялась рядом ритмически повторяющихся стройных прямоугольных выемок в виде плоских прямоугольных ниш, причем их ширина равна ширине выступающих промежутков между ними. Верхняя часть стены не сохранилась, ее перекрывает пласт глиняной забутовки толщиной до 1 м с редкими в ней сырцовыми кирпичами.

Северный конец этой стены обрывается на склоне. Угла, поворачивающего на запад, не обнаружено. Южный конец стены кончается, не достигая нижнего конца верхнего пролета лестницы, напротив прямоугольного выступа западной стены верхнего ее пролета. Здесь, по существу, был вход в сооружение. Далее к югу продолжается массивная глинобитная невысокая стена перил, оформляющая северо-восточный край лестницы. Здесь сверху над стеной и верхним пролетом лестницы шел пласт забутовки дахмы, желтоватой, плотно утрамбованной глины толщиной до 1,5 м. На склонах холма к югу и северу он выклинивается. В нем прослеживаются отдельные кирпичи. Ниже идет второй пласт плотной сероватой глины, по плотности не уступающей пахсе. Толщина пласта — 2—3,5 м. Важным является то, что на южном склоне в поперечном разрезе этой забутовки выявлена хорошая кирпичная кладка, подпиравшая с юга массив глиняной кладки. Под слоем этой забутовки на уровне основания стены прослеживается уровень поверхности ровной глинобитной площадки из желтой глины, находившийся вровень с верхней гранью стенки, оконтуривающей восточное крыло ступеней. На этом же уровне было и основание граней ниш восточной стены башни. Это уровень нижнего пласта забутовки на границе IX—X ярусов.

На расширенной площадке нижнего слоя забутовки, между вторым и третьим ее пластами в 3 м к востоку от фасада башни найдена раздавленная корчага, в которой находились отдельные обломки трубчатых костей и фрагментированный череп мужчины средних лет (рис. 61). Рядом с корчагой обнаружены следы пепла и угольков.

За кладкой стены, перил или балюстрады, окаймлявшей верхние звенья ведущей с севера и востока лестницы, была вскрыта небольшая часть забутовки 3х3 м с целью выявле-

ния особенностей восточной площадки дахмы, перекрытой почти семиметровой толщиной глиняно-кирпичной закладки.

Установлено, что от восточного конца стены перил далее к востоку продолжается такой же ширины (1,2 м) порог, в который упирается верхняя площадка первого пролета восточного крыла лестницы. Его поверхность находится на уровне XIII яруса. За порогом, к северу, на уровне ниже границ XV—XVI ярусов, под забутовкой был открыт гладкий глиняный пол, покрытый желтой штукатуркой. Забутовка восточной площадки дахмы отличалась объемом и фундаментальностью, что, видимо, было связано с особым ее значением в комплексе дахмы.

Западный фасад башни дахмы на всем протяжении был раскопан лишь на глубину 0,5—1 м, ниже до основания башни дахмы он был вскрыт лишь в узком торце траншеи, направленной от западного фасада башни далее к западу.

Северо-западный угол здания был двойным, так же были оформлены углы входа в дахму, такие же углы имеют и ниши южного и восточного фасадов сооружения, видимо, аналогично были оформлены и несохранившиеся юго-западный и северо-восточный углы сооружения.

В западной траншее были получены важные результаты для характеристики комплекса дахмы. Траншея длиной около 20 м прорезала пологий западный склон холма дахмы, переходящий далее в ровную, запаханную сверху современную дневную поверхность. Под тонким дерновым слоем в траншее шел большой слой оплывшего завала, скатившегося сверху при разрушении торчавшей верхней площадки башни дахмы после замуровки ее фасадов. Этот горизонт, сравнительно тонкий на северном и южном склонах, на западном фасаде башни дахмы достигает до 1,5 м толщиной в средней части. Протяженность этой линзы завала в траншее достигает 5—6 м. Выше по склону он имеет толщину 30—40 см, а к западу вновь утончается. Этот слой состоит из рыхлой светло-серой глины мелкой пылеватой структуры, содержит обломки толстой ганчевой штукатурки, фрагменты керамики.

Характерно, что в этом верхнем слое, отложившемся при разрушении верхней части башни дахмы, обломки ганчевой штукатурки отмечены, в основном, на южной стенке траншеи, на северной их почти нет. Под этим слоем непосредственно к башне дахмы примыкает мощная забутовка из сырцового кирпича (47х42х8—9 см; 42х42х9 см; 44х41х8 см). Поверхность этой кирпичной кладки шла с уклоном от башни дахмы к западу. Видимо строители, производившие забутовку башни, обкладывая дахму со всех сторон кирпичом, придали поверхности этой кирпичной кладки покатую коническую форму. Вероятно учитывалось, что коническая форма забутовки является наиболее прочной и экономичной, и древние

строители придали забутовке дахмы ту поверхность, которая практически сохранилась в разрезе. Под этой забутовкой на уровне середины XVIII яруса в траншее была вскрыта обширная, специально оформленная площадка, идущая к западу от дахмы. Непосредственно подле стены башни дахмы на этом уровне шла каменная неровная выкладка шириной более 1 м из той же породы, что и на вершине дахмы. Западнее шла полоса почти двухметровой ширины без выкладки. Это была обмазанная глиной поверхность, на которой были остатки кострища, присыпанного тонким слоем песка. Особых находок встречено не было. В этом окне выкладки шириной более 1,5 м была поставлена нижняя часть крупного хума высотой около 10 см, заполненного порошком из мелко искрошенного белого камня, который употреблялся на дахме для выкладок. Вокруг, на этом же уровне, было рассыпано некоторое количество белой толченой породы, простиравшейся в основном к югу от хума в виде тоненькой линзочки толщиной до 3 см, края которой загигались вверх над отмеченной выкладкой. Дно хума и связанные с ним находки, а также следы огня в виде мелких угольков и обгорелой земли относятся ко времени функционирования дахмы. Далее к западу идет ровная кирпичная выкладка на протяжении около 13 м, которая находится на уровне середины XVIII яруса. Кирпич выложен параллельными рядами, размеры его 39—40 x 29—30 x 5—7 см.

Как показал небольшой стратиграфический шурф, заложенный к западу от хума, непосредственно под кирпичной закладкой залегала 3—4-сантиметровая прослойка мелкого угля, присыпанного сверху серым речным песком. Ниже шла обмазка глинобитной площадки. Кладка этой площадки была прорублена вниз где-то на 60 см и состояла из плотно сбитой глины, в которой изредка встречались фрагменты керамики и ганча. Установлено, что углисто-золистый горизонт подстилал всю кирпичную выкладку.

Во втором стратиграфическом шурфе, заложенном в самом конце траншеи к западу от края кирпичной выкладки, идет уплотненная однообразная коричневая глина, которая в верхней и нижней частях отличается лишь большей или меньшей сухостью. Так что вопрос о западном крае глинобитной площадки, шла ли она дальше ровно или же обрывалась вниз, остается пока открытым. Однако характерно, что западный край кирпичной кладки как бы срублен по диагонали, возможно, здесь просто разрушена.

Таким образом, складывается следующая картина развития данного участка. После возведения башни дахмы с западной стороны к ней была пристроена обширная ровная глинобитная площадка, обмазанная желтоватой глиняной штукатуркой. На ней вдоль стен башни шел ряд каменной выкладки. Западнее находилась открытая площадка, на которой

возжигался огонь. Следует отметить, что поверхность глинобитной площадки до того, как ее покрыли жженым кирпичом, была обсыпана чистым древесным углем толщиной 1—3 мм, сверху уголь присыпан тонкой прослойкой серого речного песка. Уголь был вероятно взят со специального кострища, разожженного в стороне, так как следов золы здесь нет, и обмазка площадки не обожжена и, видимо, была засыпана с целью сакрального очищения западной площадки. Сверху уложена вымостка жженым кирпичом. Предполагать какое-либо конструктивное значение этих прослоек у нас нет оснований, эти выкладки из жженого кирпича служили при ритуальных церемониях, связанных с погребальным, а также, видимо, с поминальным культом. Небольшие храмики для культовых отправок, как известно, существовали и при дахмах парсов.

Выше все это перекрывает вышеупомянутая забутовка из сырцового кирпича. Однако основная часть кирпичей площадки, видимо, была присыпана землей.

Следует отметить, что в середине траншеи была обнаружена горизонтально лежащая каменная плита (50x40x30x15 см). Она отделялась от поверхности кирпичной кладки 7-сантиметровым слоем плотной глины. Не исключено, что она попала сюда при замуровке западной площадки.

На продолжении линии южной траншеи на северном склоне холма была заложена северная траншея, перпендикулярная северному фаса сооружения, с целью выявления северной стены дахмы и характера стратиграфии у ее основания.

Сверху в этой траншее идет мощный слой оплыва. Близ вершины бугра у края площадки дахмы он выклинивается, а к северу, приблизительно у внешнего края уступа платформы, достигает толщины около 3 м. В этом слое были найдены много мелких обломков ганчевой штукатурки, иногда с пятнами красной краски, редкие фрагменты керамики, обломки жженого кирпича. Оплыв имеет мягкую рыхлую однообразную структуру с редкими комками твердой глины в нижней части. Сверху он перекрыт тоненьким дерновым слоем, слабо гумусированным, сероватого цвета. Под этим рыхлым оплывом идет небольшой участок сохранившейся кирпичной забутовки дахмы. Сохранность ее плохая. Забутовка покоится на поверхности северного уступа платформы дахмы, который имеет ширину так же, как и на южном фасае, около 4 м. Верхний уровень платформы приходится на середину XV яруса. На ее поверхности залегают тоненькие песчаные линзы, четко отделяющие кладку платформы от вышележащей забутовки. В кладке платформы, прорезанной траншеей, выложенной из плотной сероватой пахсы, местами встречаются от-

дельные участки комковатой, плохо промышленной глины или песка.

Все это свидетельствует о том, что при возведении дахмы строительный материал в виде глины брался тут же, с ранее обжитых территорий.

Башня дахмы, обнаженная северным разрезом, имеет с этой стороны вертикальную поверхность, выложенную из хорошей, очень плотной пахсовой кладки, покрытой тонким слоем штукатурки с саманом. В самой пахсе самана нет. Стена башни дахмы прослеживается здесь четко от XI до XV ярусов на высоту 1,5—2 м, как и на юге. То, что кладка северной стены башни дахмы была возведена из пахсы, а не из кирпича, видимо, объясняется тем, что эта стена имела гладкую поверхность и не была разделена нишами.

Поверхность северной стены башни дахмы была вскрыта и прослежена на протяжении более 10 м к востоку от траншеи. Вскрытия, произведенные на месте северо-восточного угла башни дахмы, открыли лишь оплывы и кладку глинобитной платформы под ними, северо-восточный угол башни полностью оплыл, несмотря на мощные забутовки сооружения, как и юго-западный ее угол.

К сожалению, хуже всего сохранилась верхняя площадка этого уникального сооружения. Стены башни по периметру оплыли по краям еще в древности, а при забутовке всего сооружения, произведенного, видимо, во II—I вв. до н. э., стены, окружавшие верхнюю площадку сооружения, которые могли быть на ней, видимо, были попросту уничтожены. Вершина бугра оплывшей дахмы в недавнем прошлом была во многих местах перекопана кладочискателями, среди окрестного населения холм так и назывался «хазинатепа». Сама верхняя площадка дахмы полностью разрушена, не сохранилась и поверхность полов на ней, видимо, она была открытой, иначе под завалами стен полы хоть где-то сохранились бы. Ступени лестницы, ведущей на верхнюю площадку, обрываются на современной поверхности вершины холма, не вывода на какой-либо уровень пола. Лишь в юго-западном углу, под завалом на глубине 70—80 см от вершины холма были найдены остатки площадки, выложенной крупными и мелкими кусками того же белого известняка, который уже встречался в выкладке на площадке с западной стороны башни. Видимо, этот уровень в юго-западном углу верхней площадки башни дахмы был ниже, чем поверхность полов остальной части верхней площадки, почему он и сохранился. С северной и восточной сторон она ограничена рядами крупных камней, к югу и западу обрывается по склону.

Здесь, среди потревоженных и перемещенных кладочискателями камней выкладки были найдены фаланги пальцев, зубы и другие мелкие человеческие кости, редкие фрагменты керамики и т. п.

При зачистке западного склона оплывшей поверхности верхней площадки дахмы, сразу под тонким дерновым слоем на глубине нескольких сантиметров в оплыве был найден череп подростка, который лежал, видимо, на поверхности юго-западной площадки башни дахмы, выложенной камнем, и при ее разрушении в процессе постепенного оплывания несколько сместился к западу вниз по склону (рис. 60).

К северу от остатков площадки с каменной выкладкой прослеживалась утрамбованная глинобитная поверхность со следами пятен от белого крошева и мелких кусочков этого же известняка. На этом месте, видимо, складывались куски камня перед их укладкой в выкладке в процессе строительства, затем этот уровень был заложен горизонтами рыхлой земли с остатками строительного мусора, которые чередуются с рядами кладок сырцового кирпича на глиняном растворе. Такую конструкцию имело тело самой башни. В горизонтах земли часто встречались мелкие куски битого сырцового кирпича, глиняной штукатурки с саманом, а также куски ганчевой штукатурки иногда со следами красной, желтой и черной красок. Видимо, на месте дахмы сначала было какое-то монументальное сооружение с толстой ганчевой штукатуркой, которое было снесено при возведении дахмы. Об этом свидетельствует и то, что когда была прорезана стена дахмы на южном фасе, с целью изучения конструкции ее башни, то кусочки этой ганчевой штукатурки найдены и в сырцовых кирпичах, из которых была выложена стена южного фасада башни.

На южном краю центральной части верхней площадки дахмы до начала наших работ находилась большая яма около 1,5 м диаметром и такой же глубины — результат кладочискательских раскопок местных жителей. С целью изучения внутренней субструкции башни дахмы яма была зачищена и превращена в стратиграфический шурф 1х2 м, глубиной 2,5 м. В шурфе, у самой дневной поверхности под тонким дерновым слоем, шла ровная кирпичная выкладка из кирпича-сырца в 2—3 ряда размерами 39—43х39—43х10—12 см, с глиняной промазкой между ними в 2—3 см, общей толщиной до 30—35 см. Под кладкой идет 15—20-сантиметровый горизонт очень рыхлой мелкой насыпной земли сероватого цвета. В этой земле к северу и западу от шурфа содержатся масса камней, кусков ганчевого штука, керамика и кости животных. Под рыхлой землей идет горизонт из плотной, сухой, утрамбованной земли толщиной 20 см, местами в виде плохо промышленной глины, на южной стороне в ней встречается песок. Четвертый горизонт представляет собой полуметровый слой плотно сбитой глины с отдельными линзами песка. Под ним — пятый горизонт на глубине чуть более 1 м от поверхности холма в виде плотно утрамбованной глины с отдельными сырцовыми кирпичами на поверх-

ности. Ниже идут еще два таких же горизонта из плотной глины по 50—60 см, разделенные тонкими линзами рыхлой земли с золой, угольками, отдельными обломками керамики и костями животных. В целом, стратиграфия шурфа аналогична кладке тела дахмы, обнаженной в самой верхней части северной траншеи, где видно, что северный склон холма был сложен из таких же глинобитных горизонтов толщиной около 40 см, и уложенных один над другим.

Таким образом, можно полагать, что на верхней площадке башни, в юго-западной ее части была пониженная прямоугольная площадка, выложенная необработанными кусками известняка, на которую и производилось выставление трупов согласно погребальному ритуалу. Остальная же часть верхней площадки башни дахмы имела более высокий уровень поверхности, она не сохранилась, так как на поверхности башни сразу под тонким дерновым слоем идут упомянутые горизонты земли, чередующиеся с рядами сырцового кирпича, представляющие собой субструкцию башни дахмы.

Таким образом, конструкция дахмы представляет собой сложное монументальное сооружение. В его основании находилась обширная платформа высотой около 1,5—2 м от древней дневной поверхности, а на ней возвышалась прямоугольная башня, обращенная к городу. Во время функционирования дахмы в первые века до н.э. она, видимо, находилась за городскими стенами.

Восточная и западная площадки дахмы вероятно имели иное функциональное назначение. Самой важной была восточная площадка, которая, судя по верхней забутовке, имела ширину не менее 15 м, а длиной была равна ширине платформы, т. е. около 35 м. Ее поверхность вскрыта лишь на небольшом участке к северо-востоку от лестницы башни дахмы. Подъем на южную террасу осуществлялся, видимо, с первой снизу лестничной площадки западного крыла лестницы дахмы. Этот участок еще не вскрыт. Подъем же на восточную площадку производился с первой снизу лестничной площадки восточного крыла лестницы, от площадки ее отделяет довольно высокий глинобитный порог. О том, что восточная площадка могла быть сложнопрофилированной и иметь несколько уровней, свидетельствует то обстоятельство, что ниши восточного фаса башни заканчиваются на грани IX—X ярусов, в то время как ниши южного фаса башни достигают уровня XIII—XIV ярусов, где проходит уровень пола южной террасы. Восточная площадка смыкалась, видимо, с северной площадкой, имевшей так же, как и на юге, четырехметровую ширину, но, в отличие от южной, здесь подле стены башни дахмы кирпичного тротуара не

было. В оплывах и завалах вокруг башни дахмы найдены фрагменты жженных декоративных зубчатых кирпичей-мерлонов. Они двух типов и венчали, видимо, два яруса верхних гребней стен, возвышавшихся на верхней площадке этого сооружения. Найдены также небольшие прямоугольные кирпичики (обычно подобные прямоугольнички, так называемые «сухарики», украшали карнизы монументальных сооружений древнего Востока). В сочетании с мерлонами, венчая вертикально профилированную поверхность самих стен, они были наиболее характерными элементами стен древневосточной архитектуры, но в Средней Азии этот тип декоративного оформления фасадов известен пока только на дахме Еркургана (рис. 57). Такие же архитектурные детали отделки в виде рубцов и «сухарики» над разделенной пилястрами поверхностью стен имел и джанбаскалинский оссуарий, который мог воспроизводить архитектурный облик башнеобразной дахмы.

Помимо мелких человеческих костей, осыпавшихся, несомненно, при выставлении трупов на каменной выкладке в юго-западной части верхней площадки, отдельный череп подростка был обнаружен в оплыве на западном склоне холма, неподалеку от обрывающегося края каменной выкладки. Часть черепа и трубчатые кости крупного мужчины были найдены под забутовкой на вскрытом участке площадки к востоку от башни дахмы. Эти кости были помещены в керамическую корчагу сферической формы.

Датируется дахма Еркургана немногочисленным, но выдержанным комплексом керамики II в. до н. э., подобранным с уровня полов нижних площадок. Как указывалось, вскоре дахма была забутована, функционировала она недолго. Размеры сырцового кирпича, из которого возведена дахма, и тех, которыми она была забутована, одинаковые: преобладают размеры 39—43х39—43х9—12 см. При забутовке особенно тщательно были заложены ступени и боковые площадки, благодаря чему они сравнительно хорошо сохранились, верхняя же площадка башни из-за своей высоты не могла быть вся обложена, в силу чего и оплыла.

Тот факт, что только западная площадка дахмы имела под кирпичной выкладкой тонкую углистую прослойку, аналогично углистой прослойке под платформой первоначального храмового сооружения, указывает, возможно, на близость обрядов, проводившихся на этих участках при строительстве двух сакральных сооружений. Видимо, на западной площадке дахмы совершались лишь действия, связанные с ритуалом возжигания огня и жертвоприношениями поминального характера, сами же останки выставленных, скорее всего, на этой площадке не бывали.

Напротив проема ворот южного фаса внутренних стен Еркургана находился высокий холм размером у подошвы 70х50 м, высотой 8 м, вытянутый в широтном направлении. Внешне, до раскопок, он очень напоминал холм дахмы и топографически был симметрично расположен на противоположном участке между внешней и внутренней городскими стенами. Однако изучения показали, что это был монументальный мавзолей III—IV вв. н.э., продолжавший использоваться в качестве такового и позже.

Как показали предварительные продольные траншеи, заложенные по склонам холма, здание было возведено на вершине высокого пирамидального пьедестала, подобно знаменитому мавзолею Мавсола. (Характеристика мавзолея дана по отчетам автора работ Н. Ю. Нефедова).

Раскопками вскрыта сохранившаяся в своей центральной части верхняя площадка. Здание характеризуется наличием двух строительных периодов. Планировка комплекса первоначально имела канонический для древней Средней Азии облик в виде центрального зала или глубокого айвана, обращенного на север к городу, окруженного с двух боковых и обратной сторон узкими коридорообразными помещениями (рис. 62). Центральное помещение, оплывшее по северному фасу, представляло собой открытый на север айван, имело две колонны, от которых сохранились гнезда углублений с песчаной подсыпкой и небольшой фрагмент известняковой капители в виде обломка акантового листа. На полу помещения найдены ярко выраженные культовые атрибуты: в центре—большой и малый прямоугольные подиумы, выложенные из кирпича и обмазанные глиной, малый покрыт мелким древесным углем, большой (не сохранился в верхней части), судя по размерам, длиной более 2 м и шириной около 1,5 м, на него явно укладывался усопший при погребальном ритуальном возжигании.

В восточной половине зала уровень пола был выше на 10—14 см. Здесь имелась неглубокая (10—15 см) прямоугольная (1,8х2 м) выемка, восточнее которой находились три небольших круглых углубления, расположенные в ряд и соединенные узкой канавкой, все это тщательно обмазано очень чистой глиной. Можно полагать, что, если в центре зала на малом подиуме производились возжигания, то лунки восточной площадки использовались для возлияний (не менее важно ритуального жертвоприношения). При этом усопшего, возможно, укладывали в прямоугольную ваннообразную выемку, размером чуть меньшую по сравнению с прямоугольным подиумом в центре зала. Важно при этом, что подиум для возжиганий и лунки для возлияний расположены на торцовых концах большого прямоугольного подиума и прямоуголь-

ной выемки, в первом случае—к югу, во втором — к востоку, куда и обращались, видимо, головой укладывавшиеся для ритуалов усопшие.

Находок в этом центральном помещении почти не было, если не считать редких следов живописи на кусках упавшей штукатурки, в которых изучавший этот объект Н. Ю. Нефедов предполагает остатки изображения виноградной кисти и побегов, выполненных красной и черной красками по белому фону. Возможно, этот зал или айван был украшен красочным фризом, так как фрагментов живописи все же очень мало.

В помещении 2, расположенном к югу от первого, были найдены два хумных погребения, стоявших в северо-западном углу. Это были погребения очищенных костей, в одном—мужчины зрелого возраста, во втором—женщины до 30 лет. Оба черепа имеют кольцевую деформацию и относятся к высоколицему восточносредиземноморскому варианту европеоидной расы с примесью элементов монголоидной расы. При мужском костяке были найдены бусы (рис. 63).

Следует отметить, что стены и пол помещения 2 были покрыты хорошей ганчевой штукатуркой. Рядом с хумами, содержащими кости, лежало более 200 крупных глиняных ткацких грузил, здесь найдены обломки не обожженной глиняной жаровни. Поверх всего этого была возведена небольшая кирпичная стенка, огораживавшая с юга оба хума с костями, ганчевый пол с перечисленными подношениями был покрыт глиняной обмазкой. Новые подношения грузил укладывались тут же, поверх глиняной обмазки. В россыпи грузил были обнаружены прослойки золы с углем и кое-какой другой, типично погребальный инвентарь: медные бляшки, костяная трубочка. Близ входа в помещение 2 лежал золотой кружок, напоминающий заготовку монеты, видимо представляющий собой традиционную, так называемую плату Харону, сохранившуюся кое-где в Средней Азии после эпохи эллинизма.

В северо-восточном углу помещения 2 были найдены обломки раскрашенной глиняной скульптуры в половину натуральной величины, изготовленной на деревянном каркасе. Судя по обломкам рук и деталям одежды, фигур было две. Сохранилась нижняя часть мужского лица с короткой бородкой. Вперемешку с обломками скульптуры здесь также лежали ткацкие грузила. Не исключено, что это остатки изображений лиц, погребенных в хумах, стоявшие при поминальных обрядах на большом подиуме в помещении 1. Совершенно аналогичное сочетание—погребение очищенных костей и погребальной скульптуры было отмечено в Хорезме на Кангагыр-кале и Куня-Уазе. Следует отметить, что как антропологический тип, так и характер деформации черепов из Р-4 Еркургана анало-

гичны упомянутым хорезмийским, которые исследователями связываются с хионитами (Толстов С. П., 1962, С. 230—232).

В помещении 6, фланкирующем центральное помещение с запада, на полу, выложенном квадратным сырцовым кирпичом без обмазки, были найдены обломки железных пластин, мелкие человеческие кости и золотые украшения: три тонкие однотипные бляшки с изображением орла (рис. 191:3) и трубочка из очень тонкого листового золота. В северном конце помещения имелся выложенный из кирпича Г-образный подиум со следами золы на нем, а в полу помещения находились три неглубокие выемки, в двух из которых были уложены днище и большой фрагмент стенки хума. У одной из этих ямок были найдены кусочки красной охры (Нефедов Н. Ю., 1990 б).

Следует отметить, что вход в это помещение неоднократно закладывался, как было принято в древних раннесредневековых склепах.

Четвертое помещение (пом.9), фланкирующее восточный фас комплекса, сохранилось плохо. Здесь было найдено некоторое количество керамики времени функционирования мавзолея.

Во II строительном периоде, отделенном от I значительными завалами и оплывами, планировка комплекса существенно поменялась, хотя и сохранила свои основные контуры. В помещении I колонн нет, северный фас наглухо закрыт толстой стеной. На полу ничего нет, кроме традиционной небольшой ямки с канавкой для возлиания и небольшого очажного пятна с золой—рядом. В помещении 2 на полах этого периода находок практически нет, за исключением пятен от возжигавшихся небольших кострищ. В помещении 9 возможно выставлялась жертвенная еда, здесь при раскопках получена небольшая, хронологически выдержанная в пределах III—IV вв. коллекция столовой керамики.

Западное помещение 6 как было замуровано в I строительный период, так и не менялось.

Руины всего комплекса замурованы квадратным кирпичом, сохранившимся кое-где на уровне современной поверхности холма, на оплывшей поверхности которого и позже продолжали осуществлять впускные погребения очищенных костей.

Данный архитектурный комплекс, незаурядный по масштабу и находкам, несмотря на то, что был ограблен еще в древности, безусловно является мавзолеем представителей правившей династии города и всего владения III—IV вв. н.э.

ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННЫЕ И ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ ЕРКУРГАНА

В результате раскопочных работ по изучению структуры городской застройки Еркургана

было вскрыто значительное количество жилой и производственной застройки города по уровню верхних строительных горизонтов, относящихся к V—VI вв. н. э. По площади эти вскрытия разные, по некоторым раскопам в результате многолетних работ мы можем иметь представление о структуре целого квартала, на других, изучавшихся в основном в счет хозяйственных средств, — удалось исследовать отдельные хозяйства или только их участки. При этом, как показало изучение квартала металлистов во внешнем городе, реализация ремесленной продукции осуществлялась здесь же, в лавках при мастерских самим изготовителем-ремесленником, что типично для мелкого, но свободного ремесленника-кустаря.

Ниже приведем краткую характеристику жилой и производственной застройки Еркургана. На всех раскопках нумерация помещений дана по мере их вскрытия и поэтому не совпадает с нумерацией хозяйств, которые выделялись уже после вскрытия изучаемого участка в целом.

КВАРТАЛ ГОНЧАРОВ (Р-13)

Вдоль восточного фаса внутреннего города на протяжении около 700 м тянется цепочка широких плоских всхолмлений (рис. 64). По площади каждое из них равно 0,5—1 га, причем на поверхности и склонах этих холмов под дерновым слоем местами проступали линзы золы, угля, обожженной земли с массой черепков битой гончарной посуды, что давало основание предполагать наличие тут гончарного производства. Последующие раскопки, проводившиеся здесь в основном М. Х. Исамиддиновым, полностью подтвердили наши первоначальные предположения. о том, что это был квартал гончаров. Предварительные результаты его изучения были опубликованы (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984), а последующие готовятся к выпуску в свет. Погребенные под кварталом гончаров остатки оборонительной стены города VII в. до н. э. служили сырьем для гончаров Еркургана со II—I вв. до н. э.

Квартал тянулся с севера на юг вдоль всего восточного фаса внутреннего города, от стены его отделяла обширная и глубокая площадь, ныне заполненная выступившими в результате орошения подземными водами; с запада от центральной части застроенных массивов города его отделяет улица, названная нами улицей гончаров, которая хорошо прослеживается в микро-рельефе, и поперечная траншея, прорезавшая ее, вскрыла типичные для улицы рыхлые тонкие горизонты. Улица шла от южных ворот к северо-восточным воротам внутренней стены города.

На квартале гончаров было заложено четыре раскопа. На Р-13, почти целиком

вскрышем один из холмов квартала, по самому верхнему горизонту был открыт тесно застроенный массив жилых и производственных помещений, группирующихся в отдельные хозяйства. Далее к югу от Р-13 была вскрыта значительная часть крайнего с юга холма, где также был открыт еще один массив строений гончаров самого позднего периода, окруженный специальной стеной. Дело в том, что этот массив функционировал в VII в., когда городище было заброшено, поэтому квартал, обозначенный при вскрытиях как Р-20, был окружен стеной и представлял собой, по существу, небольшое специализированное поселение гончаров на территории заброшенного города, продолжавших по наследству гончарное ремесло. Это был рудиментарный остаток бывшего античного города, влачивший жалкое существование в качестве рядового поселения в условиях новой раннефеодальной эпохи господства Тюркского каганата. На раскопах 5 и 14, расположенных к северу от Р-13, не произошло вскрытий большими площадями. На Р-5 был заложен важный для периодизации жизни города стратиграфический раскоп. Р-14, на котором в верхнем горизонте была раскопана часть хозяйства керамиста по производству лепной кухонной посуды, ждет еще продолжения раскопочных работ.

Как указывалось, на Р-13 один из массивов обширного квартала гончаров был раскопан почти полностью. В результате выяснилось, что это был обособленный массив жилых и производственных строений со входами с двух улиц на восточном и западном фасах квартала (рис. 65).

В целом для застройки этого массива характерна регулярность всего массива строений, несмотря на принадлежность различных групп помещений разным хозяйствам гончаров. Значительная часть стен меридионального и широтного направлений тянется на десятки метров, на всем протяжении разграничивая жилища разных хозяйств. Основания этих стен уходят вниз, в более ранние строительные горизонты. Всего на площади около 300 м² было вскрыто 60 помещений, которые по функциональной связи между собой и проходам удалось связать пока в девять отдельных хозяйств; у отдельных помещений проходы не обнаружены и их функциональная принадлежность пока остается проблематичной. Для всего квартала характерно наличие толстой глухой продольной стены, делящей весь квартал на восточную и западную половины, соответственно, выходы из них обращены к западу на улицу гончаров или к востоку — водоему и восточной стене города. Хозяйства смыкались в единый массив тыльных стопонами, как и в современных гузарах.

Хозяйство 1, вскрытое в северо-восточной части раскопа, пока состоит из двух раскопанных помещений, среди которых полностью

раскопано помещение 37. Скорее всего, это было культовое помещение. Оно было большим и находилось в глубине домовладения, вдоль всех стен шли широкие и узкие суфы, в центре стоял квадратный подиум 1х1 м. высотой 25 см с сильно обожженной поверхностью. Помещение было лишено каких-либо следов хозяйственной деятельности. Оно погибло при пожаре, стены его обожжены до красна.

Хозяйство 2 состоит из 8 комнат (помещения 1, 12, 14, 15, 16, 17, 36, 60), вход на восточном фасае через длинный коридор. Проход из коридора влево вел в два производственных помещения 1 и 12, где под самой верхней обмазкой пола располагались нижние отопительные камеры крупных гончарных печей с жаропроводящими каналами. В помещении 12, под топочной камерой, откуда производились загрузка печи топливом, был выведен лаз из помещения наружу на восточный фас квартала, печь топилась с улицы. Печь в помещении 1 имела пол, обращенный к центру этого небольшого помещения; видимо, в период функционирования этой печи оно не имело перекрытия. Смежные помещения 14, 15 в конце коридора были хозяйственного назначения. В помещении 14 на полу некогда лежала толстая камышовая или соломенная подстилка, от которой осталась белая труха толщиной до 2 см. Здесь найдены монета нахшабского чекана и фрагменты большого количества столовой посуды. В помещении 16 трухи на полу не было, но на пристенной суфе сохранились остатки трех хумов и фрагменты столовой посуды.

Из помещения 15 проход вел в большой зал — помещение 16 с пристенными суфами. На суфах и полу найдено большое количество готовой продукции гончара: кувшины, кувшинчики, чаши, блюда, тонкостенные горшочки, котлы. Всего здесь выявлено более 100 сосудов. У восточной стены стоял небольшой квадратный подиум, который мог выполнять роль алтаря или постамента. На стенах и полу обнаружены следы сильного пожара, из-за чего вся готовая продукция гончара осталась в этом помещении.

К востоку от помещения 16 проход с гнездами от деревянной рамы дверей вел в замкнутое помещение 60. Оно имело суфы вдоль всех стен, находок почти не выявлено. Западный проход из помещения 16 вел в смежные помещения 17 и 36. Здесь тоже особых находок не обнаружено. Скорее всего эти замкнутые помещения 17, 36, 60, расположенные в глубине домовладения, служили в качестве спален.

Все помещения этого хозяйства имели обгоревшие стены, на полах были уголь, зола, завал обгоревших стен.

Хозяйство 3 также состоит из функционально четко подразделяемых частей: хозяйственной, жилой, культовой. У входа в хо-

зйство на восточном фсе квартала находил- ся небольшой дворик с обширной, тщательно обмазанной суфой в западной его части. Проход в северо-западном углу дворика вел в квадратное культовое помещение 2, вход в него изнутри закрывала небольшая тамбурная стенка, сразу за ней на полу находился золь- ник диаметром 60 см с линзой чистого белого пепла, огражденного со стороны входа не- большим, прокаленным докрасна, глинобитным бордюром. В 40 см к западу от этого очага лежала глиняная головка скульптуры, ее лицо окрашено красной и черной красками поверх белой ганчевой подгрунтовки (рис. 85). В изломе хорошо просматривается более де- сятка слоев окраски этой головки. Автор рас- копа М. Х. Исамидинов полагает, что это изображение находилось рядом с огнем, ко- торый постоянно горел на упомянутом очаге, и его лицо покрывалось копотью (следы ко- поти действительно есть), и головка, вернее ее лицо, периодически заново окрашивалось. Головка, видимо, была монтирована на де- ревянное туловище, задрапированное тканью, высотой около 1 м. Юго-западнее очага в центре зала стояли две прямоугольные очаж- ные подставки и лежали фрагменты разби- того глиняного котла.

Соседнее помещение 6, к югу от описан- ного, имело пристенную суфу вдоль южной стены, небольшой тумбовидный подиум у входа в северо-восточном углу и две неболь- шие нишки для светильников. Как и почти все помещения этого квартала, оно имело следы сильного пожара, от которого и погиб квартал, стены его обожжены, а на полу лежали обугленные бревна от перекрытий, выше — сгоревшие остатки небольших шестов, перекрытые поверху остатками камыша. Конструкция перекрытия воспроизводит все элементы перекрытий крыш традиционных домов Средней Азии, известных до XX в. У входа в помещение 6 были остатки деревян- ного порога. Как и в помещении 16 хозяйства 2, здесь на полу осталась из-за внезапной гибели квартала масса готовой продукции гончара: чаши трех типов, блюда, корчаги и кувшины различных типов. В небольшой пле- тенной корзине, стоявшей на северо-восточной суфе-подиуме, были косточки персика, не- сколько костей конечностей крупного рогатого скота, рога козы, железный нож, керамиче- ские и бронзовые пряслица, несколько камен- ных лошил и керамическая печать. Последняя дисковидной формы, на одной стороне изо- бражено схематическое древо, на другой — луновидная тамга. Помимо всего этого, в центре южной суфы стоял лепной котел, в котором находился обломок железной крицы, рядом лежали каменные лошила с заполиро- ванными гранями и керамические пряслица, некоторые среди них необожженные, изготов- ленные из глины, т. е. непригодные к исполь- зованию, что явно указывает на их votивный

характер, связанный, скорее всего, с культо- вым ритуалом, осуществлявшимся в этом помещении. Здесь же найдено несколько бронзовых пластин и одна монета нахшаб- ского чекана. В южной части помещения об- наружены кучки обуглившихся зерен пшени- цы и кунжута. В юго-западном углу возле суфы найдена завернутая в ткань, сохранив- шая форму узла, тонко отмученная масса глины для формовки тонкостенной столовой посуды. В целом весь комплекс находок по- мещения 6 наводит на мысль, что здесь про- изводилось освящение готовой продукции и полуфабриката в виде глины, в ритуале ис- пользовались разнообразные votивы, найден- ные в корзине, котле и рядом на суфах.

Следует упомянуть, что в пол в центре помещения 6 были вмурованы две плоские зернотерки, на них, видимо, было установлено основание столба, поддерживавшего в центре перекрытие этого помещения, имевшего дли- ну более 6 м.

Под полом помещения 6 так же, как в помещениях 1, 12 хозяйства 1, было открыто основание крупной гончарной печи.

В помещениях 3 и 10, расположенных в глубине, находок почти не было, если не считать отдельных случайных фрагментов ке- рамики. Пол помещения 10 был устлан сгнив- шим камышовым пухом толщиной 1 см. На нем найден миниатюрный стеклянный флакон каплевидной формы.

В юго-восточном углу этого домовладения находилось продолговатое помещение 7 с суфой, в которую было вмуровано три боль- ших хума. Помещения 24, 25, сохранившиеся частично, находившиеся на краю восточного склона холма квартала, также могли иметь хозяйственное или производственное назна- чение.

В целом следует отметить, что в этом хо- зяйстве, в отличие от первого, не было сле- дов производства, формовки или обжига керамики. Хотя большая серия готовой гон- чарной посуды была найдена в помещении 6, не исключено, что производство осуществ- лялось в несохранившихся 24—25 помеще- ниях.

Хозяйство 4, находящееся южнее описан- ного хозяйства 3, тоже сохранилось непол- ностью, его фасадная часть, обращенная к востоку, сходит на нет по склону холма. В этом хозяйстве имеются семь сравнительно небольших помещений: 8, 9, 13, 18, 18а, 22, 23. Центральную часть занимали жилые ком- наты 8, 9, 13. Помещение 8 с суфами вдоль стен и очагом посередине могло служить спальней. Особенных находок в них не об- наружено, кроме хума на суфе помещения 8. В помещении 22, ведущем в помещение 13, также имевшем суфы вдоль стен, ничего не обнаружено. В небольшом помещении 18, расположенном в глубине домовладения, были найдены значительный комплекс бытовой сто-

ловой керамики, хумы, вмурованные в суфы, указывающие на хозяйственное назначение этой комнаты. Отсюда же происходят обломки более двух десятков сосудов VI в. н. э. В соседнем небольшом помещении 18 находок не выявлено, но в западной его стене был наглухо заложённый проход в соседнее помещение 5.

Основное количество находок было получено из помещения 23, смежного с помещением 22 и тоже обрывающегося по краю восточного склона. Здесь так же, как и в отдельных помещениях предыдущих хозяйств, хранилась готовая продукция керамиста. В нем найдено более двадцати чаш, кувшинов, кувшинчиков. Весь комплекс датируется VI в. Бокалов или других более ранних форм не выявлено. Но самое интересное заключается в том, что здесь найдено десять готовых терракотовых статуэток, изображающих царственный образ анфас с мечом и пиреем в руках. Статуэтки, уложенные стопкой, изготовлены в двух различных вариантах, часть из них ангобирована. Подробнее по поводу этих фигурок остановимся в специальном разделе, посвященном коропластике. Таким образом в этом хозяйстве, помимо ряда типов столовой посуды, было налажено и производство терракотовых фигурок.

Хозяйство 5, крайнее с юга, первоначально было связано с четвертым через проход в помещение 18а, составляя единое, очень большое хозяйство. В последний период обживания квартала, соответствующий самым верхним уровням полов, этот проход был заложён. В хозяйство 5 входили пять помещений: 19, 21, 27, 28, 33. Большое помещение 19 имело производственно-хозяйственное назначение и, судя по размерам, могло быть двориком с навесами. Вдоль северной и западной его стен шли широкие приземистые суфы. В одной из них на краю вмурован большой хум, на второй, северной, по двум концам суфы были очаги различной конструкции и еще один, вмурованный в суфу хум, но, самое главное, в центре этой суфы был сложен стопками готовый продукт гончара: однотипные дастарханы, круглые керамические столики на трех ножках, использовавшиеся для раскатки теста при приготовлении лепешек. Впервые на Еркургане эти дастарханы появились в VI в. н. э. одновременно с самыми ранними танурами (Р-22). Этим же периодом датируются мелкие изображения лепешек из обожженной терракоты, украшенные такими же насечками и точечками, как и сегодняшние лепешки, пекущиеся в тануре.

Дастарханы, как уже отмечалось, были уложены стопками и при пожаре, от которого, в сущности, и погиб квартал с городом в целом, рухнувшей северной стеной были придавлены и раздроблены, часть лежала на полу рядом с суфой.

Кроме дастарханов, здесь найдены серии

других форм сосудов, в основном чаши и кувшины, также представляющие продукцию этого хозяйства.

Западнее находилось проходное коридоробразное помещение 21, из которого далее на запад один проход вел в полусохранившееся узкое помещение с продольными суфами и в помещение 27, служившее вестибюлем культового помещения 28. В помещении 27 имелись пристенные суфы. В самую малую из них, южную, на уровне пола была замурована половина торовидной базы колонны, поверх которой уложен аналогичный по форме керамический полукруг. Это тумбообразный очаг-алтарь П-образной формы высотой около 70 см, в основании которого плашмя уложены каменный и керамический полукруги. Конструкция этого алтаря синхронна и аналогична алтарю, открытому в жилом доме на Афрасиабе С. К. Кабановым (Кабанов С. К., 1969).

Из помещения 27 проход в северо-восточном углу вел в соседнее, явно культовое помещение 28. Проход был оформлен в виде небольшого коридорчика. В центре помещения располагался очаг, идентичный культовому очагу в помещении 2 хозяйства 3, в виде линзы чистого пепла на сильно прокаленном полу, и огражденный с запада невысоким прямоугольным глиняным бордюром. У западной, южной и восточной стен этой культовой комнаты по центру вдоль стен были воздвигнуты три одинаковых прямоугольных подиума размерами 57х27х30 см. Подле западного и восточного подиумов на полу было уложено по одному жженому кирпичу. Перед южной тумбой в полу была аккуратная круглая ямка диаметром 30 см, заполненная фрагментами необожженных чаш и кувшинов. Здесь перед нами интереснейшее проявление ремесленного производственного культа, это, явно, жертвоприношение полуфабриката перед загрузкой очередной партии сформованной глиняной посуды в гончарную печь, наверняка эта жертва, заранее поднесенная божеству огня, должна была обеспечить качественный обжиг посуды в печи без потерь. В подтверждение этой мысли автор раскопа М. Х. Исмидинов приводит широко практикуемый до сей поры в сельских районах обычай, когда перед тем, как испечь лепешки в тануре, женщины бросают кусочек теста собаке, что должно предохранить лепешки от их опадания на угли. Этот обряд называется «хамир учидан патир» и по смыслу обозначает «первая лепешка». Его семантика и генезис весьма близки русскому выражению «первый блин комом» в том смысле, что первый блин должен принадлежать божеству.

Крайнее помещение 33 было большим, но, к сожалению, его юго-западный угол не сохранился. У восточной стены располагались небольшие суфы. На полу помещения найдены обломки лепных котлов, хумов, кое-

какая другая посуда, видимо, оно имело хозяйственное назначение.

Явно выраженных жилых помещений в хозяйстве 5 нет, но таковыми могли быть помещения 21, 27, так же, как нет явно выраженных культовых комнат в предыдущем хозяйстве 4. Это объясняется тем, что первоначально они составляли одно большое хозяйство, состоявшее из более десятка помещений производственного, хозяйственного, жилого и культового назначения. Незадолго до гибели квартала от пожара это хозяйство, занимавшее весь южный фас жилого массива, было разделено на две примерно одинаковые части проходом, наглухо заложённым между помещениями 18 а и 27.

Хозяйство 6 находится в северо-западном углу раскопанного квартала. Оно самое маленькое, состоит из трех комнат и одного коридора (пом. 48, 49, 50, 55). Особых находок, за исключением редких фрагментов керамики VI в., в помещениях этого хозяйства не обнаружено. Видимо, они служили только в качестве жилых комнат. Автор раскопа допускает, что ранее это хозяйство могло быть частью хозяйства 7, поскольку вместе с ним оно составляет единый прямоугольный блок строений.

Хозяйство 7, смежное шестому, состоит из двух узких параллельных помещений широтного направления, идущих от входа вглубь квартала, где за комнатами хозяйства 6 находятся основные помещения этого хозяйства — помещения 4, 5, 32, 40, 44, 45, 46, 47. По плану видно, что вначале это хозяйство представляло собой единый прямоугольный блок помещений, но на последнем этапе северо-западный его угол был выделен в отдельное небольшое хозяйство 6, а в восточном конце прорублен проход через толстую меридиональную стену, разделяющую насквозь все хозяйства квартала на западную и восточную половины, и присоединены две небольшие комнаты, относившиеся ранее к хозяйству 2, выходившему на восточный фас.

Помещения 4 и 5, располагавшиеся в глубине хозяйства, видимо, были жилыми и использовались в качестве спален. Пол помещения 4 устлан слоем сгнившего камышового пуха, в помещении 5 имелась пристенная суфа. Находок из этих помещений выявлено мало, это, в частности, миниатюрные кувшинчики, котел и горшок. В восточной стене помещения 4 имелся заложённый проход, ранее соединявший эти две комнаты, с комплексом помещений восточного хозяйства 2. Проход в западной стене (из пом. 4 в пом. 32) через массивную продольную стену, разделяющую весь квартал на западную и восточную половины, был прорублен в конце обживания квартала одновременно с закладкой прохода из помещения 4 в помещение 1 и отделением этих комнат от хозяйства 2. Не исключено, что это могло быть вызвано выделением хо-

зяйства 6 из хозяйства 7, которое лишилось при этом своих жилых строений.

Западнее находятся квадратный зал и продолговатая проходная комната. Оба помещения имеют суфы вдоль стен. В зале (пом. 40), возле южной и западной суф в полу обнаружены квадратные углубления чуть более 40 см в стороне, вероятно, здесь были установлены деревянные базы колонн. Находок, четко указывающих на функции помещения, не выявлено, если не считать замурованный в пол горшок, накрытый квадратной каменной плиткой во входе в помещение, и установленный рядом прямоугольный жжёный кирпич. Единственная находка на полу — это кусок белого гипса с заглаженной поверхностью. Соседнее помещение 23, из которого попадали в помещение 40, тоже имело суфы вдоль стен у западного входа. В этой комнате в суфы с двух сторон от входа были вмурованы два хума. Других особых находок не было. Судя по центральному положению, замкнутости, особенностям архитектуры и вмурованному в пол входа сосуду, накрытому плиткой, можно допустить, что именно в помещении 40 могли выполняться культовые действия.

Далее к западу это хозяйство состояло из длинных коридорообразных помещений хозяйственного назначения: секций 44, 45, 46, коридора, Г-образно огибающего помещение 40 с запада и севера, и аналогичного коридорообразного помещения 47 у входа в хозяйство. В узкой концевой части Г-образного коридора были найдены несколько грузил от ткацкого станка и пряслица, здесь вполне мог работать ткацкий станок. В угловом отсеке этого коридора (пом. 44) выявлены остатки небольшой гончарной печи, возведенной прямо на полу, сохранились сильно прокаленная топочная камера и часть пода с жаропроводящими отверстиями. Рядом лежали две кучки обожженных и еще необожженных миниатюрных кувшинчиков, характерных для VI в., и небольшая тонкостенная чашечка. Соседняя секция помещения 45 тоже была связана с производством керамики. Здесь найдены обломки шести хумов, фрагменты сырой необожженной столовой посуды, а также около 20 готовых чаш и кувшинчиков. Следует отметить, что в этом закрытом комплексе в практически единовременной партии продукции гончара этого хозяйства были представлены кувшинчики различных пропорций, как приземистых, так и вытянутых, хотя, как отмечалось ранее, в целом для эволюции данного типа сосудов характерно преобладание вытянутых вверх форм для позднего этапа развития такой формы. Где обжигалась серия крупных, яйцевидной формы хумов, стоявших здесь же, сказать трудно; это производилось где-то за пределами изучаемого квартала.

Третья секция помещения 46 тоже дала

серию гончарной продукции в виде 15 обожженных и 7 необожженных кувшинчиков, а также обожженных хумов, хумчей, блюд и т. п. Среди них были обломки чаш, которых также не успели обжечь. Здесь же находилось около десятка глиняных грузил ткацкого станка, хотя вряд ли в этом помещении мог функционировать ткацкий станок, он мог быть установлен в коридорообразных помещениях к северу от помещения 40 или в помещении 47, у входа в хозяйство, где ничего не найдено. Южная стена помещения 47 имела гнезда от вертикально вмурованных в кладку жердей, конструктивное назначение которых неясно.

В проходе между входом в хозяйство и двумя коридорами, в полу находился колодец, верхний уровень которого обрушился. Таким образом, остатки производственной части этого хозяйства указывают на то, что здесь ремесленники занимались не только выпуском посуды, преимущественно хумов и кувшинчиков, сосудов для хранения и питья воды, но и надомным ткачеством. И не связано ли полное отсутствие следов возжигания огня в предполагаемом культовом помещении 40 и наличие накрытого горшка, вмурованного в пол в проходе, что символизировало воду, со специализацией хозяйства по выпуску сосудов для воды? Этот попутный вопрос возник в связи с тем, что в культовых помещениях других хозяйств этого квартала всегда находились свидетельства возжигания огня.

Хозяйство 8, находившееся южнее хозяйства 7, было сравнительно небольшим (пом. 30, 31, 42, 43). Оно состояло из трех комнат, где было найдено большое количество готовой продукции гончара, и культового помещения с вестибюлем. В помещении 43 близ входа, вдоль стен, имелись суфы, где были собраны обломки двадцати сосудов, среди них кувшины, котлы, хумы. Под обмазкой верхнего пола выявлены остатки большой и малой керамических печей. Восточнее этого помещения располагался небольшой тамбур с лестницей. Широкие ступени вели вверх и обрывались в конце тамбура, видимо, они вели на второй этаж. За тамбурной стенкой имелся проход со следами двух параллельных деревянных балок, оформлявших порог, видимо, здесь находилась деревянная дверь. За ней анфиладой шли два больших продольных помещения с суфами вдоль всех стен (пом. 31, 42). В помещении 42 на полу выявлены лунки от четырех колонн, поддерживавших перекрытие, а в стенах имелись вертикальные пазы от деревянных устоев, на которые опирались концы балок перекрытия, вся эта забота о прочности перекрытия указывает на то, что именно над этим помещением располагалось помещение второго этажа. На его полах и суфах обнаружено большое количество археологически целой продук-

ции мастера-гончара — кувшинчики, кувшины, тазики, горшки, хумчи, хумы, и обломки более 20 котлов, здесь же имелись лепные крышки, жаровни, обломки курильниц, одна фляга.

Следующее помещение 3, аналогичное по плану описанному, не имело столбовых конструкций. В нем находилось очень много хумов, хумчей и лепных котлов, стоявших, в основном, на суфах по периметру комнаты. Не исключено, что это было хранилищем продуктов.

Угловое помещение 30, в которое проход вел через небольшой вестибюль, имело все признаки, характерные для культовых помещений хозяйств этого квартала, оно было в виде большого квадратного четырехколонного зала с квадратным же алтарем-очагом в центре, обрамленным глиняным бордюром в виде квадратной рамки. Вдоль восточной и южной стен шли суфы. Из находок в этом помещении следует отметить обломки трех хумов.

Таким образом, явное отсутствие жилых комнат в этом хозяйстве объясняется находкой ступеней, ведущих на второй этаж, где, видимо, располагались спальни и другие комнаты жителей хозяйства 8.

Хозяйство 9 состоит из нескольких комнат (пом. 53, 57—59 и, возможно, 51). От вышеперечисленных оно отличается полным отсутствием признаков основных хозяйств этого квартала. В центре находились две подквадратные комнаты без особых находок, вход в эти помещения ведет через небольшой коридорчик, в котором выделяется небольшой закуток, отделенный короткой стенкой. По обе стороны — два помещения с отдельными входами в помещение 59, где находок почти не обнаружено и в помещении 51 с остатками суфы вдоль западной стены. Вдоль этой суфы на полу найдены остатки сгнившей травы. Автор раскопа полагает, что здесь могла быть конюшня.

Два последних помещения могли и не относиться к хозяйству 9, которое могло состоять из двух помещений — 53 и 58. Если не допускать наличия второго этажа, помещений здесь мало, и судить об их функциональных особенностях трудно. Не отмечено здесь и следов какого-либо производства.

В целом о вскрытом жилом массиве квартала керамистов следует сказать, что в полном объеме мы имели возможность рассмотреть четыре хозяйства — это домовладения 2, 6, 7, 8; остальные сохранились неполностью. Кроме того, наличие наклонных ступеней, ведущих вверх в специальном лестничном пролете хозяйства 8, указывает на то, что хозяйства могли иметь и вторые этажи.

В структуре этих хозяйств следует отметить характерное разделение помещений на жилые, хозяйственные и производственные; в большинстве случаев это отмечается скла-

дированием готовой продукции, и в наиболее больших, полностью сохранившихся домовладениях выделяется домашняя культовая комната. Отсутствие таковых в хозяйствах 4, 6 и помещений, приспособленных для спален в хозяйствах 4, 5, 8, можно объяснить тем, что эти помещения могли располагаться на вторых этажах, куда подъем мог осуществляться по деревянной лестнице, типичной и для двухэтажной народной архитектуры Средней Азии конца XIX — начала XX в. Аналогичным образом отсутствие проходов в помещения 11, 29, 35, 37 и 52, зажатых между 5, 8 и 9 хозяйствами, вполне можно объяснить тем, что функциональная связь между ними могла осуществляться со второго этажа, и они относились к смежным хозяйствам. Единственное, что, вероятно, исключалось на втором этаже — это формовка и обжиг посуды.

Во всех хозяйствах, несмотря на наличие в комнатах-хранилищах готовой продукции, свидетельств формовки посуды в них и обжига непосредственно в этих хозяйствах самого последнего периода обживания квартала нет, за исключением небольшой печи в хозяйстве 7 для обжига миниатюрных кувшинчиков. Все найденные крупные гончарные печи, обжигавшие массовую продукцию и сосуды любых размеров, открытые в хозяйствах 2, 3, 8, были разрушены и замурованы под полами самого последнего строительного периода. Видимо, в тот период процесс формовки сосудов и их обжиг были вынесены куда-то за пределы изучаемого квартала, здесь же остались лишь жилые, семейные хозяйства и помещения для отправления производственных, ремесленных, культовых действий, осуществлявшихся, видимо, во всем процессе изготовления посуды, начиная от подготовки глиняной массы, формовки и кончая обжигом и получением готового продукта.

Обычно культовые помещения квадратные в плане, с напольными очагами-алтарями, часто в них есть тумбы-постаменты; расположены нейтрально по отношению к жилой и хозяйственной частям хозяйств, могли быть как сквозными с двумя проходами, как в помещении 16 хозяйства 2 и помещении 6 хозяйства 3, так и замкнутыми, с одним проходом (пом. 40 в хозяйстве 7, пом. 30 в хозяйстве 8, пом. 28 в хозяйстве 5). Эти помещения были предназначены для отправления культа во имя покровителей гончарного ремесла с целью обеспечения удачной формовки и обжига, а также рентабельного сбыта готовой продукции.

На полу отдельных хозяйств изредка находились монеты нахшабского чекана, но, в отличие от квартала кузнецов, здесь это была большая редкость. Не дал монетных находок и поперечный разрез улицы гончаров, заложенный у входа в хозяйство 6. Ви-

димо, сбыт готовой гончарной продукции тоже осуществлялся где-то в другом месте. Вероятно реализация продуктов гончарного ремесла производилась на городском базаре, который мог находиться на большой площади к югу от юго-восточного, углового бастииона внутренней городской стены Еркургана. Сюда выводят южные ворота этой стены, отсюда начинается улица квартала кузнецов, в лавках которых осуществлялись производство и продажа готовой продукции.

Отмеченные при описании вскрытых хозяйств квартала прорубленные новые проходы или заложенные прежние отражают социальное развитие этой общины гончаров. Имеются ввиду раздел и разукрупнение прежнего единого большого хозяйства на хозяйства 4 и 5 или выделение из хозяйства 7 небольшого хозяйства 6, с добавлением к первому двух комнат хозяйства 2. Эти перестройки, производившиеся в течение нескольких десятилетий, фиксирующие расширение и сегментацию одних семей и уменьшение других, соседних, сопровождались перераспределением помещений между хозяйствами, специализирующимися по выпуску разных типов посуды.

Весь квартал погиб в результате катастрофы, завершившейся пожаром. В большинстве помещений прослеживаются обугленные остатки рухнувшей кровли, завалы обожженной земли. Сохранившиеся кладки стен часто имеют докрасна прокаленную поверхность. Судя по типологии обильных керамических комплексов, полученных здесь, это произошло в VI в., видимо, при крушении государства эфталитов.

В целом о структуре квартала керамистов следует сказать, что в центральной его части выделяются большие прямоугольные блоки-массивы помещений размером приблизительно 50х20 м. Это хозяйства 6 и 7 без добавленных позже помещений 4, 5; хозяйство 8 с помещениями 51, 52; хозяйство 3, сохранившееся неполностью. Кроме того, значительная часть квартала разделена стеной по меридиональному направлению на западную и восточную половины, она прослеживается между хозяйствами 1, 2, 3, с востока и 6, 7, 8 — с запада. Южнее ее направление, видимо из-за поздних перестроек, теряет свою четкость. Все это — признаки регулярной застройки, осуществленной по единой схеме, но здесь они значительно нарушены. Как показал шурф в углу помещения 19, его стены уходят более чем на 1 м вглубь от уровня верхнего пола, более нижние полы исследованы в отдельных помещениях других хозяйств.

Видимо в свое время, при первоначальном возведении домов этого квартала, его структура состояла из двух рядов отдельных прямоугольных соразмерных блоков комнат с выходами на западный и восточный фасады, имевших общую тыльную стену, делившую

блоки помещений квартала на западную и восточную половины. Эта схема типична для многих древних городов Центральной Азии, отмечена она и в структуре застройки городских кварталов Топраккалы, Таксилы и других античных городов Средней Азии. Но при длительном функционировании квартала керамистов, сопровождавшемся перестройками, а также, видимо, и расширением его хозяйств, четкость этой схемы к последнему периоду обживания была в значительной степени нарушена, хотя в целом эта схема, особенно в центральной части массива строений, сохранилась.

Когда именно была заложена такая структура планировки данного квартала, сказать до вскрытия нижележащих отложений затруднительно. Но как показали заложенные в свое время шурфы в помещении 12 данного жилого массива и на Р-5, что в северной части квартала гончаров, начало функционирования квартала гончаров в восточной части внутреннего города относится ко II—I вв. до н. э. и залегает на глубине нескольких метров, слишком далеко от стен вскрытого последнего строительного периода обживания квартала на Р-13. Видимо, начало формирования вскрытой на Р-13 застройки следует синхронизировать с возведением храмового комплекса в III в. н. э. или ранее, когда был осуществлен самый крупный этап градостроительства в развитии этого древнего городского центра Нахшаба. Подобная планомерность в строительстве жилого массива квартала гончаров может указывать на его государственную принадлежность.

КВАРТАЛ МЕТАЛЛИСТОВ (Р-16)

В юго-восточной части внешнего города Еркургана выделяется обширный массив древней застройки в виде пологих холмов высотой 2—3 м от окружающей дневной поверхности. Массив в широтном направлении от ворот в юго-восточном углу внутреннего вала к воротам в юго-восточном углу внешнего вала стен городища прорезает длинная ложбина древней улицы, делящей этот массив на южную и северную части. Южная, малая часть этого массива была раскопана, в основном, по верхнему уровню строений. На этом месте были открыты ярко выраженные остатки производства железных изделий. Это был квартал кузнецов. Всего вскрыто чуть менее 30 помещений, группирующихся в несколько хозяйств. В трех местах был произведен разрез улицы кузнецов; в одном из них, доведенном до материка, выявлено, что с самого начала возведения города эта улица первоначально функционировала в качестве пригородной, так как вела по важнейшему направлению на Самарканд

по кратчайшей трассе через Джамский перевал. Следы кузнечного производства в этой траншее отмечаются с уровня слоев I в. до н. э.

Характеристика квартала кузнецов дана по отчетам и публикациям автора работ В. А. Пырина (Пырин В. А., 1990). Все вскрытые хозяйства кузнецов были выстроены вдоль улицы с южной ее стороны, образуя сплошной массив застройки протяженностью, во вскрытой части, более 70 м. Здесь с южной стороны, квартал был оформлен стеной непрерывно идущей вереницы мастерских с выходами на улицу. Входы в мастерские, как показывает находка дисковидного каменного подпятника в одной из них, запирались деревянными дверями.

Приведем краткую характеристику вскрытых мастерских, начиная с самых больших (рис. 66).

Первое хозяйство, самое крупное, первоначально состояло из 5 смежных помещений: 5, 6, 11, 26, 27. Хозяйство имело два выхода на улицу—из помещений 6 и 27. Из помещения 5 проход вел в помещение 6, находящееся в глубине. Из помещения же 27 проход в боковой стене вел в смежное помещение 26, отделенное от помещения, находящегося западнее, глухой стеной, но помещения 6 и 26 имели проходы в большой подквадратный зал—помещение 11, через которое осуществлялось сообщение двух половин хозяйства. В дальнейшем это хозяйство перестраивалось, проходы в помещение 11 были заложены, и сообщение между обеими частями этого домохозяйства осуществлялось через проход, прорубленный в стене между помещениями 5 и 26, отдельный вход с улицы в помещение 5 был заложен, а в помещение 6 можно было попасть через помещения 5, 26 и 27.

В помещении 5 на полу обнаружено большое количество железного шлака, угля, золы, обломков каменных зернотерок и рогов животных, использовавшихся при обработке железа. В полу найдены две небольшие округлые ямки, предназначенные, как полагает автор раскопа, для литья и размягчения металла. Здесь же обнаружены кусочки железа, фрагменты керамики V—VI вв., монеты нахшабского чекана.

В помещении 6 на полу залегал слой золы и угля с массой железистых шлаков, обломков железных изделий, камней со следами абразивной обработки. В северо-западной части помещения 6 находилось скопление предметов, связанных с технологией науглероживания железных изделий: вкопанные в пол нижние части кувшинов, обломки рогов домашних животных. Здесь же лежали отдельные медные изделия и несколько обломков трапециевидных в сечении железных прутьев, хорошо известных по Пянджикенту полуфабрикатов заготовок. В стенах поме-

щений 5 и 6, невысоко над полом, были небольшие округлые, сильно закопченные нишки, где стояли светильники. В начале функционирования смежных помещений 5 и 6 очаг, связанный с производством, находился у внешнего входа в помещение 5. Когда этот вход был заложен, очаг перенесли на овальный подиум в помещение 6. О том, что кузнецы Еркургана знали и железное литье, по мнению автора раскопа, свидетельствует фрагмент горшочка с тонким слоем прикипевшего железа на дне и стенках сосуда.

Помещение 11 не имело углисто-золистых отложений на полу. Вероятно, это было жилое помещение. В его северо-восточном углу находился небольшой прямоугольный подиум (0,8х0,2 м, высотой 0,5 м). У западной стены — развал очага. На полу найдены несколько обломков бронзовых поделок, монета нахшабского чекана. Кроме того, одна монета подобного типа обнаружена над полом и четыре — в заполнении помещения (в слое завала). Как отмечалось, это помещение было замуровано, входы в помещения 6 и 26 были заложены кирпичами. Помещения 26, 27 также не имели ошлакованных очагов и золюугольных слоев со шлаками. С полов здесь подняты фрагменты посуды, одна нахшабская монета.

Хозяйство 2 первоначально состояло из помещений 13, 14 и двух обращенных к югу (пом. 23 и 28), т. е. через помещения 13 и 23 или через помещения 14 и 28 можно было выйти с улицы кузнецов на южный фас квартала. Помещения 13 и 14 были оформлены суфами высотой 45 см. Впоследствии уровень пола был поднят, проход из помещения 13 в южный айван (помещение 23) заложен кирпичом. Сам айван по южному краю был огражден стеной и превращен в отдельное помещение с выходом на юг, в хозяйстве 2 остались входное помещение 13 и помещение 14 в глубине. Производственные остатки в виде угля, золы были обнаружены только в первоначальном айване, выходящем на юг, здесь же в небольшой нишке в стене найдена стопка монет нахшабского чекана в количестве 49 штук. На некоторых из них отпечатки ткани от кошелька. Во II строительном периоде, на новом, более высоком уровне пола, когда это помещение преобразовалось в комнату, следов угля и золы уже не было. Линзы золы с углем и фрагменты лепной кухонной посуды были получены и с пола помещения 14. Во входном помещении 13 находились лишь остатки очага у западной суфы. Рядом с очажком, на полу обнаружены 3 нахшабские монеты. Во II строительный период пол помещения был поднят выше, и северо-западный угол огражден небольшой, дуговидной в плане заградительной стеной. В северо-восточной части помещения 13 на втором, позднем полу были слой угля и куски прокаленной ошлакован-

ной глины — результат развала печи. Внутри оградки северо-восточной части помещения 13 найдено множество дисковидных глиняных ткацких грузил, подле стены ограды в полу было квадратное (30х30 см) углубление, заполненное чистым светло-коричневым речным песком.

Помещение 28, первоначально обращенное на юг и соединенное с помещением 14 широким проходом, впоследствии было изолировано от хозяйства, проход в него из помещения 14 заложен.

Хозяйство 3, состоящее из помещений 21, 22, 24, также первоначально было сквозным. Из входного помещения 21 через проход в южное айванное помещение 22 можно было пройти на южный фасад квартала металлостов. Затем этот проход был заложен и в хозяйстве остались помещения 21 и 24, а южный айван был изолирован.

В помещении 21 в завале и под ним на полу найдены редкие фрагменты керамики V—VI вв., отдельные монеты нахшабского чекана. В помещении 24, расположенном восточнее, находки такие же, если не считать небольшой танурообразный очаг на суфе. В проходе на полу обнаружены монеты нахшабского чекана. Помещение 22 представляет собой небольшой айван, обращенный к югу и соединяющийся проходом с помещением 21. В этом коридорчике перед проходом после закладки прохода в помещение 21 на небольшой площадке долго горел огонь, причем прокаленный участок пола имеет квадратную форму 10х10 см.

Хозяйство 4 состоит из двух небольших смежных помещений 7 и 10. Вход в хозяйство располагался с северо-востока; следы производства представлены небольшим количеством золы, угля, обломков криц. Со временем в этом хозяйстве произошли некоторые перестройки. Помещение 7 было сужено до 1,5 м шириной за счет утолщения его западной стены до 1,7 м. Подле южной стены функционировал небольшой горн, в нем, помимо пепла и золы, найдены обломки железистых криц. Стенки горна прокалены.

Хозяйство 5 состоит из двух комнат (пом. 8 и 9), соединенных проходом, находки в них немногочисленны, следов кузнечного или иного производства здесь не обнаружено.

Хозяйство 6 обращено на юг, состоит из подквадратного помещения (пом. 19) у входа. Снаружи и далее к северу проход с тремя ступенями вел в узкий коленчатый коридор, заканчивавшийся тупиком (пом. 20). В помещении 19 хотя и не найдено следов кузнечного производства, тем не менее оно носило производственный характер, о чем свидетельствуют находка небольшого каменного овального отбойника с сильно забитыми концами, костяная трубочка со следами надпилов, свинцовый стерженек и т. п. В северном конце коридорообразного помещения

20 найдена кучка дисковидных грузил от ткацкого станка. Близ северной торцевой стены помещения 20 обнаружен хум, вмурованный в пол, заполненный землей с обломками кирпича. На этой земле лежали 13 круглых глиняных шариков. В южной части помещения 20 у входа в полу была найдена небольшая ямка, заполненная рыхлой землей. Небольшое углубление, заполненное песком, было и в загороженном отсеке помещения 13 третьего хозяйства, где также находились ткацкие грузила. Хозяйство 6, вероятно, специализировалось в ткацком производстве; в коридорообразном помещении 20, видимо, в длинном его пролете, имевшем протяженность около 5 м, мог быть установлен вертикальный ткацкий станок.

Хозяйство 7 состоит из четырех помещений. На полу помещения 1 лежал толстый слой угля с золой, десятисантиметровым горизонтом прокаленной земли. В помещении 2—аналогичная картина, на полу—горизонт углесто-золистых отложений толщиной до 10 см, перекрытых завалом стен и оплывами. Углистые отложения обоих помещений насыщены большим количеством обломков криц и железного шлака. Находок керамики и других предметов бытового назначения очень мало. Помещения 3, 4 соединены проходом с помещением 1. В помещении 3 на полу обнаружены отдельные прослойки золы, угля, прокаленной земли, кости домашних животных, железистые шлаки. Помещение 4 не отделено от помещения 3 стеной, по существу, это более суженная южная часть помещения 3, но уровень пола выше, чем в помещении 3, более чем на 0,5 м, и, в отличие от глинобитного пола помещения 3, он здесь выложен сырцовым кирпичом и аккурратно заштукатурен. Но и на этом уровне лежал слой угля и золы до 10 см толщиной, много обломков железных криц и шлаков фрагментов керамики.

Таким образом, во всех четырех помещениях этого хозяйства прослежены интенсивные следы обработки железа.

Кроме вышеописанных многокомнатных хозяйств, вдоль улицы располагались и малые хозяйства, состоявшие всего из одного помещения. Это, в частности, помещения 12, 18 в восточной части квартала, имевшие выходы на улицу кузнецов. По характеру находок помещение 16 можно отнести к ремесленной мастерской. Помещение 15 небольшое по размерам, находки представлены 10 монетами, видимо, оно являлось торговой лавкой. Остальные (пом. 12, 17, 18) вероятно служили подсобными помещениями.

Таким образом, в трех (1, 4, 7) хозяйствах квартала кузнецов обнаружены следы интенсивной обработки железа. Причем в хозяйствах 4 и 7 угольно-золистые отложения с обломками шлаков и криц железа выявлены во всех помещениях. В крупном пер-

вом хозяйстве непосредственная обработка железа производилась в двух помещениях (пом. 5 и 6), в остальных не было угля, золы и обломков железного полуфабриката. Эти помещения могли иметь подсобный характер. Все эти три хозяйства образуют по ремесленной специализации западный блок квартала, во втором, восточном блоке группируются хозяйства 2, 3, 5, 6, в этих хозяйствах следов обработки железа нет, но здесь в смежных хозяйствах 2 и 6 выявлены остатки ткацкого производства. В разных хозяйствах обнаружены как следы обработки кости, так и медного литья. Все это указывает на то, что квартал имел комплексное ремесленное производство, хотя основной его специализацией была обработка железа.

В трех местах был произведен поперечный разрез улицы, названной нами улицей кузнецов. Один из них в шурфе, заложенном в центре улицы, доведен до материка. Здесь выявлено 15 основных уровней отложений улицы на глубине до 4 м от современной дневной поверхности. Судя по керамическому материалу, полученному с перечисленных уровней, эта улица непрерывно функционировала с середины I тысячелетия до н. э. по V—VI вв. н.э. Причем на верхних, пятнадцатом и четырнадцатом уровнях, часты были и находки монет нахшабского чекана. Эти уровни синхронны описанным хозяйствам. На глубине 80—120 см в траншее 3 прослеживаются горизонтальные бороздки, идущие по поверхности улицы II—III вв. н. э., очень похожие на колею, проработанную колесами повозок или колесниц, их две и они идут параллельно, расстояние между бороздами около 1,5 м.

Помимо описанных хозяйств, вскрытых в квартале кузнецов к югу от улицы, предварительные раскопные работы были произведены и на противоположной, северной стороне улицы. Здесь вскрыты остатки более монументальных и благоустроенных жилищ. В одном из них найдена нижняя часть крутого пандуса, ведущего на верхний, второй этаж бывших здесь сооружений. При работе на этом участке получен ряд монет нахшабского чекана, но ни в одном из помещений, открытых на данном участке, не было угля и золы. Все это дает возможность выдвинуть предположение о том, что сами ремесленники—хозяева мастерских, расположенных напротив, с другой стороны улицы, могли проживать здесь же, поскольку в ряде хозяйств на южной стороне улицы, выполнявших сугубо производственные функции нет ни малейшего намека на возможность проживания в них семей самих ремесленников.

Находки нескольких десятков монет нахшабского чекана свидетельствуют о том, что здесь также, как и в средневековых городах, осуществлялись производство и продажа железных изделий, орудий труда и оружия.

Следы костерезного производства и обработка меди были, видимо, результатом изготовления и украшения обкладок рукоятей холодного оружия. Особенно часто монетные находки отмечались в верхнем уровне траншей 2, близ входа в хозяйство 7.

Производить и самостоятельно осуществлять реализацию готовой продукции могли лично свободные и независимые ремесленники. Это не было оброчное производство царского хозяйства, а производство рыночное. Все это не исключало феодальной зависимости непосредственных производителей от владельцев мастерских.

На Топраккале в начале существования города во II—III вв. н. э. при жилищах знати предполагается функционирование лавок и мастерских зависимого населения города (ГТК. С. 139). В этом случае получается, что организация ремесленного (не гончарного) производства и торговли в античном Хорезме была такой же, как и в раннесредневековом Пянджикенте, и была рассчитана на удовлетворение потребности свободных горожан.

Большие массивы кварталов керамистов и кузнецов на Еркургане дают иную картину организации производства.

На квартале керамистов III—VI вв. и, отчасти, на квартале металлостов мы видим сложение типичной для средневекового города Средней Азии системы квартальных гузаров, когда функциональным центром квартала является улица или площадь, и соседние кварталы смыкаются стенами тыльной стороны. При этом границы гузаров проходят не вдоль улицы, а по глухим стенам, ведущим в сердцевину жилых строений. Обычно как на квартале керамистов Еркургана отдельные хозяйства, стоящие в ряд и обращенные входами на улицу, смыкаются глухими обратными фасадами. Если массивы жилых строений при этом достаточно широкие, то в них врезаются небольшие тупички.

Но на Еркургане эта система только складывалась. Застройка города не сплошная, а в виде отдельных массивов, разделенных не только улицами, но и пустыми площадями, при этом на квартале керамистов выходы из хозяйств единого жилого массива осуществлялись по всему периметру. Квартал кузнецов вытянут по обе стороны вдоль одной улицы, идущей от юго-восточных ворот во внутренней стене к месту юго-восточных ворот внешней стены.

При этом каждое хозяйство кузнецов-металлостов обязательно выходило на улицу вдоль важной городской трассы, где осуществлялся сбыт продукции. Это приводило к тесноте вдоль улицы; при расширении хозяйства, выходящего на улицу фасадом единственного помещения, новые комнаты приходилось строить вглубь массива перпендикулярно улице, и 3—4 помещения приходилось выстраивать анфиладой со сквозными

проходами. Аналогичная структура хозяйства встречается и на других кварталах Еркургана: Р-2, Р-23. Но на квартале кузнецов имеется и серия отдельных комнаток, выходящих на улицу, которые, как отмечалось, носили сугубо производственное и торговое назначение.

ОТДЕЛЬНЫЕ ХОЗЯЙСТВА ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ГОРОДА (Р-2, Р-23).

Отдельные жилые строения внутреннего города были вскрыты по верхнему строительному горизонту. Это, в частности, хозяйства на Р-2 и Р-23; вскрытия отдельных массивов жилых строений в центре города по верхнему горизонту производились Н. Ю. Нефедовым.

Первое хозяйство расположено в центре города к западу от храмового комплекса (рис. 68). Вход был в южной части комплекса, вытянутого с севера на юг. Вскрытые остатки строений представляли собой часть обширного архитектурного комплекса. Они делятся на восточную и западную части, разделенные глухой стеной меридионального направления. Широкий вход в восточную часть находился на юге и выходил на склон холма, он вводил во двор (пом. 12), из которого уже переходы вели в помещения. От входа из двора сразу вправо находился узкий проход, ведущий в отдельный комплекс, где вскрыто четыре помещения. Посетитель попадал сначала в небольшую прихожую (пом. 18), из нее проход вел в коридорчик, сообщающийся со смежными помещениями 17, 19, 20, в помещение 11 и севернее. Этот комплекс продолжается к северу и востоку. Характерно, что в помещениях 11 и 18 на полу было много золы, угля, обломков кухонной посуды.

Второй проход, в южной части двора, вводит в комплекс из трех помещений, вытянутых с юга на север. Это помещения 3, 9, 10, имевшие пристенные суфы. На полах помещений 3 и 9 залегал небольшой культурный слой с фрагментами столовой керамики, эти комнаты были большими, около 10 м длиной и вскрыты неполностью.

К западу от помещений 3 и 9 находился комплекс из шести вытянутых анфиладой помещений. Крайнее, северное помещение 7 впоследствии было заложено кирпичом. Смежное помещение 2 имело проходы на юг и север, на полу был культурный слой мощностью до 40 см, насыщенный углем, костями и обломками керамики. Смежное с ним помещение 4 с юга и востока окружено узкими обводами коридоров. Помещение 4 было чистым и заполнено только продуктами разрушения стен, а обводной коридор, как и помещение 2, имел культурные слои, в которых, помимо прочего, найдено много обломков хумов. Крайние с юга помещения 6 и 8 имели при-

стенные суфы и культурного слоя здесь на ислах, как и в помещении 4, нет.

В целом складывается впечатление, что южная группа помещений вправо от двора имела хозяйственное значение, большие восточные помещения 3, 9, 10 носили жилой характер, а западная анфилада помещений с подквадратной комнатой в центре, окруженная обводными коридорами, могла иметь культовое назначение. Остается проблематичным вход в эту западную группу помещений. Стены здесь сохранились на достаточную высоту, около 1 м, чтобы делать предположения о разрушении входа. Вход был, вероятно, в северной стене крайнего с севера помещения 7, который был замурован вместе с самым помещением 7. Не исключено, что эта западная группа помещений могла выступать самостоятельным отдельным хозяйством.

Второй комплекс жилых строений позднего верхнего горизонта городища был открыт в юго-западном углу отмеченного массива застройки внутреннего города, ориентированного по сторонам света. Здесь был заложён раскоп 23, где также вскрыта часть обширного жилого комплекса, состоящая из двух групп помещений, вытянутых анфиладой с юга на север.

На данном комплексе автором раскопа выделяются два строительных периода (рис. 69). Вход в комплекс находился на северном фасаде, обрывавшемся по краю холма, выходившем на улицу, заметную в микрорельефе. Здесь располагался двор или обширный айван, из которого проходы вели в западное и восточное крылья здания.

Восточное крыло состоит из двух небольших смежных хозяйственных помещений (пом. 2 и 5), в которых найдены обломки хумов и другой посуды, а также трех взаимосвязанных проходами комнат парадного и, возможно, культового назначения — это помещения 3, 10, 11.

Вход в эту группу помещений осуществлялся из небольшого двора (пом. 8). В помещении 10, вероятно это святилище, в углу находился двухступенчатый квадратный подиум, верхняя ступень которого была прокалена и покрыта золой. В проходе в смежное помещение 3 на полу также было много золы и опавшей со стен прокаленной штукатурки. Большое парадное помещение 11 с двумя проходами в северной стене в помещение 3 с алтарем и во двор, имело в южной стене большую нишу, которая позже была заложена, и суфы вдоль боковых стен. Стены и полы покрыты тщательно замешанной желтой глиняной штукатуркой. Подле суфы западной стены находилось квадратное углубление в полу, дно которого было прокалено. Аналогичные красные пятна от долго горевшего огня и зола обнаружены и на полу помещения 11 в направлении к проходу в куль-

товое помещение 3 с алтарем. На полу помещения 11 найдена курильница на ножке, украшенная валиками и шишечками, типичная для керамических комплексов Еркургана IV—V вв. Помимо этого, на полу вдоль длинных стен помещения в меридиональном направлении, лежало множество остатков сгоревших бревен от рухнувшего перекрытия этого помещения, которое в конце I строительного периода погибло при пожаре.

Вторая, западная часть этого здания состояла из трех крупных жилых помещений 1, 4, 16 и кухни. Связь между жилыми помещениями и кухней не установлена, так как промежуточные помещения во II строительный период были уничтожены. Кухня (пом. 12) была узким помещением с выходами к северу, в упомянутые жилые комнаты, во двор (пом. 13) и в небольшое складское помещение 17 с суфами вдоль стен. В самом помещении 12 вдоль стен располагались суфы, в которых находились очаг и два танура для выпечки хлеба в виде хумов, вмурованных в кладку суф и обложенных в верхней части сырцовым кирпичом в виде невысокой площадки, выступавшей над суфой, размерами 1,45х1,05 м. Поверхности тануров изнутри и кладка суф вокруг прокалены докрасна. Это самые ранние на Еркургане остатки печей для выпечки хлеба. До этого времени — V в. н. э. — хлеб выпекался на круглых жаровнях, встречающихся во всех керамических комплексах городища. На полу помещения 12 было много золы, угля с черепками керамики и костями животных. В описанной кухне и смежном складском помещении 13 получен значительный комплекс керамики IV—V вв. н. э.

Во II строительный период функциональное назначение помещений оставалось прежним. В восточном крыле коридор (пом. 7) был удлинен до культового помещения 10, из него в помещение 3 прорублен проход, а прежний проход между культовым помещением и помещением 3 заложен. В культовом помещении 10 был поднят уровень пола, под который был замурован угловой алтарь I строительного периода. Однако пол II строительного периода поднимался как пандус от входа в глубину, где традиционно разжигался огонь, теперь уже прямо на полу, здесь было много золы, угля, обмазки пола прокалены докрасна. Парадная зала (пом. 11) также изолирована от культовой комнаты, сохранился только один проход во двор (пом. 8). Юго-восточный угол этого помещения заложен плотной забутовкой, не исключено, что это остатки кладки суфы, верхний уровень которой не сохранился.

В западной части здания прослеживается анфилада четырех жилых помещений, соединяющихся с кухней коленчатым коридором (пом. 12). Уровень пола здесь также поднят, само же помещение стало короче. На полу

вновь много золы и угля, но очагов или та-нуров в этом строительном периоде не было.

В целом для всего жилого комплекса на 23 раскопе характерно то, что отдельные группы помещений, объединенные общим функциональным назначением и входящие в единое домовладение, тоже выстроены в ряды, где жилые комнаты шли анфиладой и были сквозными, хотя все проходы здесь идут не по центральной оси помещения, а вдоль боковой стены, по принципу скользящего прохода.

ОБОСОБЛЕННОЕ ПОЗДНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ ГОНЧАРОВ НА ЕРКУРГАНЕ (Р-20)

На квартале керамистов Еркургана, вытянутом вдоль восточного фаса во внутреннем городе и состоящем из цепочки невысоких смыкающихся холмов, А. А. Раимкуловым были раскопаны два крайних с юга холма, непосредственно примыкавших к стене южного фаса внутреннего вала. Холмы делила небольшая седловина, как оказалось, это был обширный двор небольшого поселения, обнесенного общей внешней стеной. Строения находились к югу и северу от двора (рис. 67).

Раскопками полностью были вскрыты застройка северной половины поселения, частично южной части и двора. Единственный предварительный раскоп, заложивший С. К. Кабановым на городище Еркурган в 1947 г., открывший небольшую гончарную печь и три помещения, оказался частью нижеописанного поселения.

Жители этого поселения на квартале керамистов, функционировавшего здесь в руинах заброшенного города в начале VII в. н. э., традиционно продолжали изготавливать гончарную посуду и обжигать ее в небольших печах, обнаруженных во дворе.

Все поселение, вытянутое с севера на юг, окружала трапециевидная в плане внешняя стена толщиной 2 м, сложенная из прямоугольного (50x25x9 см) сырового кирпича. Местами стена утолщена, имеет вход, оформленный снаружи небольшим порталом.

Под кладкой восточного фаса внешней стены открыты нижние части крупных гончарных печей, относящихся к последнему этапу активного функционирования квартала гончаров в V—VI в. н. э. Помещения домов поселения вписаны в абрис этой внешней стены, т. е. они возводились одновременно или вслед за внешней стеной.

Северный комплекс помещений вместе с двором, отгороженный от остального поселения специальной стеной, состоял из более чем полутора десятков помещений, группирующихся в отдельные хозяйства. Автор раскопок выделяет здесь два или три отдельных хозяйства. Следует отметить, что вскрытия велись по самому верхнему уровню полов и лишь местами углублялись ниже, и стены

по верхнему уровню местами не сохранились. Вот почему входы в отдельные помещения не были обнаружены. Это помещения 9, 10 в юго-восточном углу и помещение 4—в центре.

Крайнее, юго-восточное хозяйство состоит из четырех помещений, вытянутых анфиладой вдоль восточного фаса. Это широкий айван и квадратное помещение с примыкающей к нему с запада небольшой комнатой, вход в которую не был найден, вскрытые еще С. К. Кабановым. Далее к северу расположены помещения 9 и 10, проходы в них тоже не сохранились, так как стены здесь выше уровня самого верхнего пола и плохо сохранились. Видимо, помещение 10 было проходным, через которое попадали в крайнее помещение 9. Помещения 9 и 10 имели пристенные суфы и в них могли ночевать. В помещении 10 под обмазкой верхнего уровня пола была обнаружена нижняя часть небольшой гончарной печи, часть ее уходила под северную стену помещения 10.

Второе, центральное хозяйство северного комплекса по плану более сложное. Посетитель из большого проходного зала с пристенными суфами далее попадал в четыре небольшие комнаты, расположенные в глубине, причем две западные из них—проходные, а две восточные—изолированы. В центре помещения 6 были остатки очага, в помещении 5 под верхним полом расчищен второй, нижний уровень пола, здесь подле северной стены обнаружен округлый в плане очаг с небольшой стенкой—оградкой. Возле этой стенки найден вкопанный в землю хум. На этом же уровне пола выявлены небольшая каменная печать со схематическим рисунком хищного животного и терракотовая матрица плакетки с изображением правителя, восседающего на зооморфном троне.

Самое большое третье хозяйство находилось в юго-западном углу северного комплекса. К этому хозяйству автор раскопа относит все строения западной части комплекса: это помещения 1—4 и 12—15. Судя по общему плану, здесь вероятнее всего, следует предполагать наличие двух хозяйств, разделенных глухой стеной, отделяющей помещение 13 от помещений 14 и 16; тогда перед нами два хозяйства из пяти и трех помещений, функционально не связанных между собой, с автономными выходами во двор. Первое из них состоит из входного коридора (пом. 3), ведущего в три небольших изолированных помещения с востока и два больших зала к западу. Здесь во всех помещениях, за исключением маленькой хозяйственной комнатки (пом. 2), имелись пристенные суфы.

Крайнее с востока хозяйство (пом. 14—17) было небольшим, одна из комнат изолирована и обращена во двор в виде айвана, в глубине которого имеется пристенный очаг. Помещение 14, бывшее раньше тоже квадратным айваном, смежным с помещением 15,

позже было наглухо закрыто новой стеной с востока, и в него был прорублен проход из помещения 16, которое тоже было глубоким айваном, обращенным к югу, перед входом в который находилась обширная, прямоугольная в плане площадка, покрытая сырцовым кирпичом. Так было образовано небольшое самостоятельное хозяйство, состоявшее из одной изолированной комнаты и двух айванов, один из которых имел отдельный вход и был обращен во двор.

Не исключено, однако, что все эти три помещения (пом. 14, 15, 16) могли быть хозяйственным комплексом третьего хозяйства, расположенного севернее, так как в комнатах последнего, как отмечалось, имелись пристенные суфы, чего не было в помещениях 14 и 16. Таким образом, если последнее хозяйство и принадлежало отдельной малой семье, то оно, видимо, выделилось как самостоятельное впоследствии.

Перед входом в первое хозяйство были выявлены нижние топочные камеры трех небольших гончарных печей. Небольшая гончарная печь в свое время была открыта С. К. Кабановым к востоку, в нескольких метрах за внешней стеной поселения. Во всех этих печах обжигалась качественная столовая посуда, в основном кувшины и широкие красноангобированные чаши.

Из второго комплекса вскрыто одно отдельное хозяйство с входом со двора. Оно имело внешние стены, отделенные в западной части от стен самого поселения узким проходом. Вход, находившийся на северном фасаде, вводил в большое поперечное помещение с двумя проходами в помещения, расположенные в глубине комплекса, в продолговатые помещения 2 и 3, в конце которых находилось тщательно оштукатуренное помещение 4, окруженное по периметру узкими суфами и с очажным пятном в центре на полу. Вход в это четвертое помещение ограждался небольшой стенкой-загородкой, обычно возводимой у входа в культовые комнаты, вписанные в жилые комплексы позднеантичной и раннесредневековой архитектуры. Тогда, к сожалению, иных свидетельств для окончательного решения о функциональном назначении помещения 4 не было получено.

Таким образом, перед нами отдельное поселение начала VII в. н. э., возведенное на руинах квартала гончаров практически заброшенного города, жильцы которого продолжали изготавливать традиционную гончарную продукцию. Видимо, на поселении проживало несколько малых семей, объединенных в разной степени родственными узами, о чем свидетельствуют их группировка в северном и южном концах поселения и разделение площади двора специальной стеной. Обжиг керамики осуществлялся во дворе, следов формовки посуды в виде гончарного круга или его деталей не обнаружено. Но сушка полуфабриката могла осуществляться на обшир-

ной специальной площадке высотой 1 м и площадью 50 м², выложенной сырцовым кирпичом (в пом. 17), которую автор раскопа считает большим айваном. Тогда можно полагать, что формовка посуды могла производиться в хорошо освещенном помещении 16. Общая для всех выделенных хозяйств дворовая площадь с печами в восточной части и, вероятно, формовкой посуды в западной части двора приводит к заключению, что хотя эти три-четыре семьи и занимали отдельные жилые хозяйства секции, но вели единое дело по выделке столовой посуды, и двор площадью 20х21 м являлся их общей гончарной мастерской, отделенной стеной от остальной части этого небольшого поселения.

ПРИГОРОДНЫЙ МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС (Р-17)

Остатки обширного монументального жилого комплекса изучены в пригородной зоне Еркургана. В 1981 г. здесь были начаты работы В. А. Пыриным и продолжены Г. Цоем в связи со строительством крупного птицеводческого хозяйства к западу от Еркургана по проекту, не согласованному с органами охраны памятников. Краем оно задевало часть пригородной застройки городища. В частности, тепа N 25 по верхнему уровню было частично сnivelировано бульдозером. Строительные работы были остановлены и начаты археологические раскопки. Объект в виде овального в плане бугра протяженностью до 50 м, высотой более 2 м находился в 0,5 км от стен города к западу, в зоне, где наиболее полно сохранилась загородная застройка, между самым древним городом и руслом р. Кашкадарьи. Здесь был заложен раскоп 17.

Архитектурный комплекс вскрыт полностью по самому верхнему строительному горизонту, сохранившемуся, к сожалению, лишь в центральной части, стены помещений верхнего горизонта обрываются по всей окружности склонов холма. Сохранившиеся помещения функционально группируются в северную жилую и южную парадную части, разделенные по центру глухой стеной широтного направления. Возможно и даже вероятно, что обе половины на восточном или западном фасадах этого архитектурного комплекса были взаимосвязаны посредством проходов или коридоров (рис. 70).

Комплекс отличается сложностью стратиграфии и множеством перестроек. На сегодня более или менее достаточно исследованы два последних строительных периода. Но, судя по изучению уровней полов и оснований связанных с ними стен, им предшествовало, по крайней мере, еще три строительных периода, предопределивших основные контуры планировки всего комплекса на всем протяжении его функционирования. В стратиграфическом шурфе, заложенном в

полу одного из помещений, выявлено, что и это здание было возведено на возвышении, образованном руинами еще нескольких, более древних, последовательно перекрывавших друг друга сооружений.

Рассмотрим остатки строений двух последних вскрытых строительных периодов: раннего и более позднего (рис. 71).

В ранний период (предполагаемый IV строительный период, считая снизу вверх) к югу от основной широтной стены было три помещения. Главное помещение I размерами 4,10x7,25 м вдоль северной стены, напротив входа, имело в полу две лунки от оснований шестов, вмонтированных в пол, диаметром около 10 см, возможно поддерживавших балдахин. Поверхность пола поверх глиняной штукатурки была покрыта тонкой ганчевой обмазкой. В дальнейшем восточную половину помещения занимала обширная фигурная суфа.

Стены помещения покрыты орнаментальной росписью, следы которой обнаружены в осыпавшейся штукатурке.

В западной половине помещения, напротив суфы на полу находился большой овальный зольник 1,5x1,2 м. О том, что он функционировал весьма долго, свидетельствует его стратиграфия, состоящая из нескольких горизонтов прокаленной глины, золы и угля общей толщиной до 15 см.

Помещения 2 и 3 к югу и востоку от описанного сохранились частично и были заполнены до уровня пола завалами стен и оплывами. В помещении 2 на стене северо-западного угла сохранились остатки тонкой ганчевой штукатурки.

Северная половина комплекса состояла из нескольких больших и малых смежных помещений. В наиболее крупном из них — помещении 4 был найден фрагмент ганчевой обмазки массивной колонны диаметром около 90 см.

В последний строительный период произошли поднятие уровня полов и некоторая перепланировка комплекса. Так, фигурная суфа в восточной половине и порог у входа в помещение I замурованы под последним уровнем пола, выложенным поверх земляной засыпки квадратным сырцовым кирпичом и сверху обмазанным глиной. В юго-западном углу помещения на полу был поставлен прокаленный в огне кубовидный алтарик (сторона длиной 25 см), окруженный П-образной, тоже прокаленной глинобитной стенкой — загородочкой высотой чуть выше самого куба. Вокруг были следы золы и угля. Восточнее алтарика, ближе к входу, в полу находилось днище разбитого хума.

В северной части комплекса на месте обширного помещения 4 появились мелкие комнаты 4, 5, 11. Помещения 7, 8 были перестроены и разделены на более мелкие помещения 6, 7, 8, причем вход в среднее помещение 7 был оформлен небольшой тамбурной

стенкой — это самый ранний на Еркургане случай подобного оформления входа в комнаты в виде спиралевидного выступа, образующего так называемый скользящий проход у входа. Подле северной и западной стен в помещении 6 отмечены очажные пятна.

В коридорообразном помещении 9, севернее помещения I над полом последнего периода найдено много дисковидных глиняных грузил ткацкого станка. Коридорообразная планировка помещения 9, характерная и для предыдущих строительных периодов, указывает на то, что здесь мог стоять ткацкий станок.

По всему периметру стены помещений этого последнего строительного периода рассматриваемого пригородного архитектурного комплекса обрываются по склонам раскопанного бугра высотой 1,5—2 м от современной дневной поверхности.

Судя по керамическому материалу, полученному над уровнями полов данного комплекса, функционирование последнего строительного периода следует отнести к концу III в., а предшествующего — к первой половине III в.

Что касается нижележащих строительных конструкций, то, судя по основаниям отдельных стен, двум последним описанным строительным периодам предшествовало еще, по крайней мере, три строительных периода, включая первый, когда были возведены основные стены, предопределившие общие контуры планировки комплекса на всем протяжении его функционирования.

При снятии заполнения сохранившейся северной части помещения 2 близ входа в помещение I найдено оссуарное погребение. Оно было впускным, вокруг прослеживалось овальное, темноватое и более рыхлое заполнение могильного ямца 1,20x1 м. Основание оссуария располагалось на плотной глинобитной поверхности. Оссуарий лепной, с довольно тонкими стенками; как и плоская крышка, изготовлен из плотного теста и хорошо обожжен. Он имел прямоугольную ящичную форму с соответствующей плоской крышкой с небольшим бортиком снизу. Оссуарий не орнаментирован, лишь покрыт светлым желтоватым ангобом. Немногочисленные кости в нем, как и сам сосуд, были раздавлены. По типу и фактуре оссуария это захоронение относится к VII—VIII вв.

Особо следует остановиться на остатках полихромной живописи и функциональных особенностях помещения I этого комплекса.

Как отмечалось, росписи на самих стенах не сохранились, хотя они многократно штукатурились. Так, северная стена помещения I, относящаяся ко II от начала строительства периоду, была покрыта 11 слоями штукатурки толщиной от 0,7—0,9 см до 3 см, 9 и 10 слои покрыты ганчевой побелкой, 7-й со следами красной краски, остатки росписи имел самый верхний — одиннадцатый слой штукатурки.

При вскрытии полов IV строительного периода в помещении I под ними была найдена большая суфа с прокаленным пятном от горевшего на ней огня. К этому же периоду относится большинство фрагментов росписи, украшавшей северную стену помещения I. Фрагменты найдены под уровнями более поздних полов IV—V строительных периодов. На самих стенах живопись, к сожалению, не сохранилась. По наиболее крупным фрагментам видно, что она носила орнаментальный характер и представляла собой орнаментальный бордюр в виде плетения сложного меандра с вписанными в него четырехлепестковыми розетками. Две линии меандра исполнены широкой белой линией на темно-сером фоне, они идут, переплетаясь, образуя через определенные интервалы знак свастики, в промежутках вписаны красные четырехлепестковые розетки двух типов, один — в виде мальтийского креста, второй — более сложный. Все это по краям окаймляли две широкие красные полосы (рис. 80).

Мотив подобного плетения в оформлении орнаментальных или сюжетных ланно был широко распространен в эллинистическое и более позднее парфянское время как в Средиземноморье, так и на эллинизированном Востоке.

С целью изучения динамики обживания этой части пригорода Еркургана на Р-17, в северо-западном углу помещения 2 был заложен стратиграфический шурф, доведенный до материка на глубине 5 м.

В шурфе выделяются два основных стратиграфических периода: верхний — от современной дневной поверхности до уровня VII яруса на глубине до 3 м от реперной точки — связан с вышеописанным архитектурным комплексом II—III вв. (рис. 72); ниже до материка идут остатки строений и культурных отложений предшествующего стратиграфического периода — до I в. н. э.

В шурфе сверху вниз фиксируются следующие стратиграфические горизонты:

1. Тонкий горизонт дернового слоя;
2. Рыхлые, темно-коричневые, натеchnо-надувные отложения (20—30 см);
3. Рыхлый завал, местами с плотными кусками глины (10—20 см);
4. Плотная слоистая глина со светлой песчанистой прослойкой сверху (10—20 см);
5. Плотная глина, покрытая сверху тонкой, зеленоватой, золисто-гумусной прослойкой;
6. Рыхлая земля с золой и углем, костями, фрагментами керамики (10—20 см);
7. Плотная светло-коричневая глина (до 25 см);
8. Плотная светло-коричневая глина. Это результат забутовки более ранних строительных конструкций вышеописанного архитектурного комплекса (50 см);
9. Западнее идет полуметровая толща плотного завала с обломками кирпича;
10. Светло-коричневая глина в северной части шурфа (до 20 см);

11. Тонкий, мягкий, углисто-золистый горизонт (5 см);

12. Рыхлая глина (15 см);

13. Плотная коричневатая глина, отделена от вышележащего горизонта обмазкой пола (10—15 см);

14. Зеленоватая глина с золой и органическими остатками (до 5 см);

15. Плотная коричневая глина, соответствует уровню субструкции полов III строительного периода вышеописанного здания (5—10 см);

16. Мягкая глина с золой, углем, черепками битой посуды (15 см);

17. Плотная коричневатая глина (до 20 см);

18. Плотная коричневая глина в восточной части шурфа (до 15 см);

19. Мягкий золисто-углистый горизонт в восточной части шурфа (до 5 см);

20. Плотная коричневая глина (до 10 см);

21. Рыхлый грунт с обломками сырцового кирпича (20—30 см);

22. Рыхлый грунт с обломками кирпича, костями, золой, черепками (до 50 см);

23. Темная мягкая глина с костями животных и фрагментами керамики в северной части шурфа (до 10 см);

24. Рыхлая земля с белыми известковыми крупинками, местами с зольными линзами, костями животных в северной части шурфа (до 10 см);

25. Коричневая глина с угольками в северной части шурфа (5—15 см);

26. Плотная коричневая глина без находок в северной части шурфа (5—10 см);

27. Остатки пахсовой кладки. Возможно, это остатки древнего здания, поверх сnivelированных остатков которого был возведен вышеописанный архитектурный комплекс;

28. Неоднородный зеленоватый золистый грунт в северной части шурфа (до 40 см);

29. Плотная коричневатая глина (до 20 см);

30. Плотная глина с обломками кирпича, местами — кости животных и битая керамика;

31. Плотная глина с редкими черепками (до 30 см). Отделен от вышележащего слоя золистой линзой кострища;

32. Мягкая зеленоватая глина с золой и углями, костями животных, керамикой (10—20 см), в юго-западной части шурфа утончается. На южном краю шурфа на этом уровне найден напольный очаг, сооруженный из дна хума, обмазанного глиной. Он был заполнен золой;

33. Мягкая зеленоватая глина с золой и угольками, костями животных, керамикой в юго-западном углу шурфа в верхнем горизонте ямы (до 10 см);

34. Заполнение ямы плотной чистой глиной с редкими невыразительными черепками;

35. На остальной площади дна шурфа идет плотная, чистая, коричневая лессовая глина толщиной 80—90 см, ниже-горизонт чистого речного песка, еще ниже — до уровня

конца XII яруса, т. е. 6 м от реперной точки — вновь плотная серая глина. Все это материковые отложения. Здесь с уровня XI яруса выступили грунтовые воды.

ТРАДИЦИИ ЗОДЧЕСТВА ЕРКУРГАНА

К ТИПОЛОГИИ ХРАМОВОГО И ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСОВ ЕРКУРГАНА

Рассмотрение индивидуальных особенностей и общих черт архитектуры древнего Нахшаба следует начать с того, что процесс развития типологии архитектурных комплексов Согда в целом протекал в качестве составной части развития архитектуры древнего Востока. И выделяющиеся в архитектуре Согда типичные объемно-пространственные решения, строительные приемы, системы ордеров и архитектурного декора имеют аналогии и генетические параллели, демонстрирующие теснейшую культурную взаимосвязь Согда с соседними регионами, уходящую в глубь веков.

Классификация городов и архитектурных комплексов древней Средней Азии показывает, что все многообразие композиционно-планировочных решений сводится к нескольким основным моделям, построенным на основе главных видов симметрии: круговой, с радиально-кольцевой структурой строений, как Кой-Крылганкала или круглый город Ардашира I Фирузабад; ортогональной, с прямоугольной или квадратной структурой, как Калаи Захоки Марон в Карши; зеркальной, при которой строения вытянуты строго вдоль единой оси или центральной городской улицы, делящей город на две одинаковые по площади и застройке половины. Типичный образец подобной структуры дает Джанбаскала в Хорезме. Аналогичным образом решалась типология и монументальных сооружений. Практически, в чистом виде подобные композиционно-типологические решения были редки, чаще встречаются гармоничные сочетания этих основных моделей организации пространства, определяющие эстетическое своеобразие и неповторимую индивидуальность древних городов. Так, архитектуру Топраккалы Хорезма, прямоугольный план которой выстроен вдоль главной улицы, идущей от единственных ворот города до площади городского храма в глубине города, разнообразит величественный трехбашенный дворец в северо-западном углу, придающий городу неповторимый индивидуальный облик (Толстов С. П., 1948 б. С. 173). То же самое можно сказать об ансамблях монументальных сооружений, образующих центральное ядро городов; таким сочетанием нескольких типологически разнообразных монументальных сооружений является южный комплекс Старой Нисы (Пугаченкова Г. А., 1958. С. 79). Отмечаются в Средней Азии города и поселения нерегулярной планировки, где при возведении внешних

стен и формировании структуры внутренней застройки обычно использовались особенности неровного или пересеченного рельефа. Для Нахшаба, расположенного на плоской аллювиальной дельте Кашкадарьи, городища и поселения подобной структуры не характерны, за редким исключением мелких укрепленных поселений, расположенных на надпойменных террасах в верховьях Гузардарьи.

Как уже было установлено, древние города, поселения и отдельные усадьбы обычно сооружались по единой схеме планировки, воспроизводя в разных размерах типичную для своей эпохи модель планировки укрепленного поселения. Так, город Калаи Захоки Марон и более мелкие городки-крепости с цитаделью в центре, окруженной квадратом стен, в композиционно-планировочном решении представляют собой такие же архитектурные сооружения, как отдельные культовые комплексы Дашлы 3, Тоголок 2 или более поздний храм Сеталак I. И те, и другие структурно состоят из центрального ядра культового или административного назначения и внешней стены, возведенных по общей композиционной модели. Здесь, независимо от функционального назначения центрального комплекса, их архитектура слита в единую функционально и эстетически связанную композицию с внешним обводом оборонительных стен.

Развиваться подобного типа сооружения, включая и города этого типа, не могли, не нарушая композиции своей планировки, что чаще всего выражалось в стихийном сложении поселения вокруг первоначального крепостного ядра. Изначально они не были рассчитаны на развитие внутренней инфраструктуры и, в частности, монументальной архитектуры. Даже наиболее крупные из них, как Калаи Захоки Марон, представляли собой единый, законченный в один прием, архитектурный комплекс. Ремонты и перестройки производились поверх более ранних кладок стен.

Иное дело — крупнейшие городские центры оазисов, в частности такие, как Еркурган, Афрасиаб и Калалыгыр, которые изначально планировались в качестве столичных городов со сложной и многообразной городской застройкой. Со временем в них сложились центральные городские узлы с площадями, на которых возвышались монументальные общественные сооружения, к которым вели городские улицы сквозь плотную застройку городских кварталов. Здесь изначально был заложен простор для развития монументальной и жилой архитектуры, не скованной композиционной привязанностью к фортификации. В них формировалась развитая урбанизированная инфраструктура, состоявшая из многоэтажных общественных монументальных комплексов и плотной квартальной жилой застройки.

Таким образом, архитектура и структура

застройки городов и поселений древнего Нахшаба прежде всего определялись типом поселения. В городах и укрепленных поселениях центрического типа, где единственный самостоятельный архитектурный объект — центральный сооружение, усадьба или цитадель были в единой сюжетно-планировочной композиции с внешним обводом стен, места для иных монументальных сооружений не было, хотя в редких случаях городища подобного плана имели еще укрепление, возвышавшееся в одном из углов оборонительных стен, как на Ялпактепа Гузарского или Киндиклитепа Каршинского оазисов; в последнем случае установлено, что угловое укрепление было возведено во II строительном периоде.

В случае второго характерного для Нахшаба типа городищ с цитаделью в углу прямоугольного обвода внешних стен имелся больший простор для развития внутренней инфраструктуры, но как выявлено, городища крупного размера этого типа в Нахшабе не существовало. Они были небольшими городками крепостного типа, т. е. вновь монументальные сооружения в них могли быть частью или приложением фортификационных сооружений. Хотя, следует заметить, что крупных раскопок, подтверждающих наше предположение, на поселениях этого типа еще не производилось, если не считать предварительных вскрытий С. К. Кабанова на Мудинтепа, где, тем не менее, остатков монументальных сооружений не было встречено.

Городов, подобных Топраккале Хорезма или Дальверзинтепа Бактрии, возведенных по единому замыслу и, в то же время, обладавших развитой и глубоко дифференцированной внутренней структурой, в Нахшабе нам не известно. Начиная с эпохи раннего средневековья в Согде возобладал эволюционный процесс формирования городской структуры, в которую по ходу развития городской застройки вписывались монументальные сооружения и ансамбли.

Единственным крупным городом древнего Нахшаба, обширная площадь которого предполагает создание развитой городской застройки, был столичный Еркурган, и он дает достаточно многообразие типов монументальной архитектуры. Его структуру определяли монументальные высотные общественные сооружения. Формируя силуэт города, они были основными пространственными ориентирами социальной жизни, функционально являясь центрами административной, идеологической и военной жизни как города, так и оазиса в целом. Эти центральные узлы, определявшие эстетическую образность и индивидуальность, были связаны между собой основными уличными магистралями, которые прорезали рядовую городскую застройку, выходя на площади перед главными фасадами этих сооружений.

Центральное положение в городе с самого начала занимал комплекс городского храма. Для его архитектоники характерно постепен-

ное наращивание объемов сооружения, вытянутого с юга на север от входа во двор храма и по мере движения, к целле, доступной только служителям; одновременно происходило ступенчатое повышение уровней полов и сужение площадей основных элементов комплекса храма: двора, айвана и, наконец, целлы, вытянутых строго по одной оси. По этой же композиции, с соблюдением строгой осевой симметрии, возведен культовый комплекс верхней площадки дворца, состоящий из функционально связанных целлы, вестибюля, айвана и двора с более пониженным уровнем пола, с трапезным помещением на конце. Все это обведено системой узких коридоров, чего не было на здании городского храма, и, в отличие от последнего, культовый комплекс дворца вытянут в широтном направлении, а его айванный портик обращен на восток, как у храмов Пянджикента (рис. 42, 53).

Оба культовых комплекса Еркургана — общегородской и дворцовый — неповторимы по своей индивидуальности, но общая схема композиции, конструктивные элементы и детали их отделки находят самые близкие аналогии в широком регионе Ближнего Востока и Центральной Азии, начиная с глубокой древности.

Композиционно-планировочная структура этих двух основных монументальных сооружений Еркургана принадлежит к широко распространенному типу зданий древней и раннесредневековой Средней Азии, состоящих из выстроенного по одной оси зала, предваряющего его вестибюля или айвана и, далее, двора. Эта основная схема в виде зала с вестибюлем или портиком в конкретных случаях сильно варьирует, то образуя центр общей композиции архитектурных комплексов, то встречается как составной элемент в больших сложных комплексах.

Схема планировки в виде святилища с вестибюлем или айваном на главном фасаде и подсобными помещениями по сторонам преобладает в культовой архитектуре Бактрии и Согда.

Наиболее ранним из комплексов осевой композиции является храм Окса на городище Тахти-Сангин, он имеет в центре четырехколонный зал с обращенным на восток многоколонным портиком, окруженный обводным коридором (Пичикян И. Р., 1987 б; Его же, 1991, С. 144).

В сооружении Халчаяна по продольной оси расположены сначала айван, затем следует вестибюль, украшенный известными барельефами, и замыкает этот ряд небольшое двухколонное святилище. Г. А. Пугаченкова считает возможным истолковать его в качестве храма династийного культа одного из кушанских родов или дворца.

Одним из зданий этого типа является храм на Р-1 городища Дильберджин, который многократно перестраивался. Он расположен в северо-восточном углу городища и первонач-

начально имел наос с пронаосом, окруженный обводным коридором и колоннадой-периптером. Затем, во II строительный период, колоннада была заменена более широким обводным коридором с подсобными помещениями (Кругликова И. Т., 1986. С. 7). Исследователь предполагает, что первоначально храм мог быть связан с культом Диоскуров, а в кушанское время имел отношение к культу Шивы.

В большинстве сооружений этого типа основной зал имеет перекрытия, опирающиеся на две или четыре колонны. Помимо Халчаяна и храма Еркургана, парадные залы с двумя колоннами были в дворцово-храмовом комплексе Саксанохур и загородном жилом доме Ай-Ханум II—I вв. до н. э. (Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю., 1969; Frankfort H. P., 1977, fig. 2). Встречаются двухколонные залы в окружении комплекса мелких жилых помещений, это так называемый парадный зал Гяуркалы в Хорезме II—III вв. (Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1958. С. 360—362) и домашнее святилище в поселении Кызылкыр IV—V вв. н. э. (Нильсен В. А., 1959). В Иране двухколонные залы отмечены в жилой архитектуре Курдистана доахеменидской эпохи (Godard A., 1962, fig. 141), встречаются в качестве второстепенных помещений двухколонные залы и в парадных комплексах Персеполя, а также в дворцово-храмовом комплексе Фратарака III в. до н. э. (Schirpman K., 1971. P. 24). Подобные общественные и жилые комплексы с двухколонными залами сосуществовали с более распространенными комплексами с четырехколонным залом и колонным портиком на главном фасаде.

Отдельные помещения, выстроенные вдоль продольной линии, могли быть разных размеров и, в зависимости от этого, в них менялось количество колонн. Там, где размеры помещения выходили за пределы возможной длины деревянных балок перекрытия, ставились колонны, поддерживавшие перекрытия. В одних случаях четырехколонные залы предваряли небольшие целлы без колонн, такую последовательность имеют помещения храмов в Барде—Нешанде, Кухи-Ходжа и Пянджикенте, в других комплексах, как в храме в Сузах, храме Фратарака в Персеполе, храме Окса, Сурх—Котале само святилище имеет четырехколонное перекрытие (Dieulafoy, 1893; Schmidt E. F., 1953; Беленицкий А. М., 1953, табл. I—II; Gullini G., 1964. P. 63—65; Ghirshman R., 1976, fig. 16; Schlumberger Д. и др., 1983. P. IX—X; Пичилян И. Р., 1991, рис. 2). Но были храмы этого типа, которые ни в целле, ни в вестибюле не имели колонн, поддерживавших перекрытия: это храмы города Дильберджин в Бактрии, храм Джандиал в Таксиле, имеющий по две колонны только на линии фасада портика в антах и при переходе из портика в вестибюль, т. е. не внутри помещений, а по их краям.

Большинство вышеперечисленных храмовых комплексов имеет обводные коридоры, окружающие целлу, а иногда и вестибюль или айван с трех сторон; в отдельных случаях узкие коридорообразные помещения могли оформлять помещения, идущие вдоль центральной оси с двух боковых сторон, как в Халчаяне и городском храме Ай-Ханум (Пугаченкова Г. А., 1973 а. С. 125—127). В святилище городского храма Еркургана, как отмечалось, не было обводного коридора, только на главном фасаде оно имело айван с колоннадой, обращенной к обширному двору. В этом отношении ему аналогичен второй храм Пянджикента раннесредневекового времени, но последний в один из строительных периодов был окружен крытой галереей с колоннадой. Расположение же заднего фаса святилища храма Еркургана на линии внешней стены двора и наличие глубоких ниш в стенах айвана аналогичны первому храму Пянджикента (Беленицкий А. М., 1954, табл. II—III).

Многочисленные глубокие сводчатые ниши в стенах святилища и айвана храма Еркургана отличают его от вышеупомянутых храмов I вв. до н. э. Ниши характерны, преимущественно, для парадной архитектуры Средней Азии, в них обычно устанавливалась скульптура, это отмечено в круглом зале Нисы, в стенах периболы Сурх-Котала, парадные помещения с нишами были в Гяуркале, Топраккале и Куняуазе Хорезма (Пугаченкова Г. А., 1958. С. 89—95; Неразик Е. Е., 1958, С. 376—377; Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., 1958; Schlumberger D. и др., 1983; Рапопорт Ю. А. и др., 1984). Имели также ниши центральные залы жилых домов Дальверзинтепа 5 и 6. Ниши, конструктивно близкие нишам храма Еркургана, имели и интерьеры парадной архитектуры Ирана (Huff D., 1978).

Необычайная толщина стен святилища храма Еркургана до 4 м, масса глубоких ниш в стенах интерьера, массивные колонны соответствуют архитектурному стилю, получившему распространение и в Иране позднепарфянского и раннесасанидского времени. Стоит сравнить колоннаду храма в Кангаваре, где диаметр колонн превышает 1,5 м при высоте не более 4 м и малом пролете интерколумний, как и на Еркургане — все это отвечало стилю эпохи.

Но в Иране этот стиль складывался под воздействием тяжелых сводчатых и купольных перекрытий и свойств необработанного бутового камня, употреблявшегося в кладках монументальных сооружений Фарса и Курдистана (ВИА, т. I. С. 344). Сасанидский архитектурный ордер имел и свои отличия, в частности поверхность колонн, как и гладь стен, часто покрывались орнаментальной ганчевой резьбой (Schmidt E. F., 1937, pl. LXXII). В Согде традиция колонно-балочных

конструкций в монументальной архитектуре продолжала безраздельно господствовать вплоть до храмов VII—VIII вв. в Пянджикенте и на Джартепа II.

Помимо городища Еркурган, сооружение близкого планировочного типа обнаружено и в структуре сложного архитектурного комплекса на Мансурдепе в виде глубокого айванного портика с залом на продольной оси, но функциональная связь портика с залом осуществлялась через обводной коридор (ДГКСА, табл. LXXIV, 7).

Композиционно-планировочная схема двухчастного членения центральной части почти всех рассмотренных культовых комплексов в конкретных случаях сильно варьирует. То святилище возведено с портиком у входа, то с вестибюлем, а в Халчаяне портик предваряет вестибюль, ведущий далее в святилище. Храм Канишки в Сурх-Котале, входящий по характеру культа в круг перечисленных сооружений, состоит, как исключение, из одной целлы с алтарем без айвана или вестибюля, но имеет обводной коридор с трех сторон и по периметру окружен крытой галереей с колоннадой, двор обведен фундаментальной стеной, перибола также с крытой галереей с трех сторон (Schlumberger D. и др. 1983, р. X).

В древней и раннесредневековой Средней Азии не существовало четкой связи типа храма с культом конкретного божества, чем объясняются случаи смены объектов культа в одних и тех же храмах при изменениях политической ситуации. В храме городища Еркургана в V строительном периоде вместо скульптурного изображения женского божества был поставлен прямоугольный алтарь огня; изменение характера культа отмечает И. Т. Кругликова на храме Дильберджин (Кругликова И. Т., 1986, С. 106). Известны случаи, когда в буддийские храмы ставились алтари огня или сооружения типа чахартака превращались в буддийские храмы (Литвинский Б. А., 1977, С. 66; Его же, 1981, С. 199; Ставиский Б. Я., 1982, С. 176—177).

Подобные отношения между пантеоном божеств и материальным воплощением их культа в типологии храмов характерны для стадии развитого политеизма, когда божества образовывали некое устойчивое сообщество с функциональной специализацией между собой.

Комплексы, состоящие из зала, айвана и двора, вытянутых по одной линии, имели не только культовое назначение, но широко применялись в жилой и дворцовой архитектуре того времени, а в Дильберджине он даже использован при оформлении водоема (Bernard P., 1976/6; Francfort H. P., 1977; Пугаченкова Г. А., 1976, С. 156; Беляева Т. В., 1978, С. 34; Тургунов Б. А., 1978, С. 48). В жилых комплексах зал обычно также часто вписан в систему других помещений или ок-

ружен коридорами. Это выявляется в крупных жилых комплексах городища Ай-Ханум и Дальверзинтепа (Francfort H. P., 1977; Беляева Т. В., 1978, С. 34; Тургунов Б. А., 1978, С. 48). Известна подобная осевая схема плана и в сасанидской монументальной архитектуре в районах Кушаншахра (Azarpouh M., 1991).

О генезисе и развитии комплексов этого типа написано достаточно (Schippmann R., 1971, S. 466—498; Bernard P., 1976; Ghirshman R. 1976, P. 223; Francfort H. P., 1977). Причем все авторы приходят к единодушному выводу об иранском их происхождении и, в качестве наиболее ранних образцов, давших типологическое начало всем последующим комплексам, обычно отмечают дворцовые комплексы Персеполя. А. Годар указывал на истоки персепольских дворцов в жилой доахеменидской архитектуре Ирана (Godard A., 1962, P. 110).

Как показали раскопки последних лет, колонные залы, окруженные узкими коридорообразными помещениями, в сложившемся виде встречаются в памятниках раннежелезного века Ирана и Бактрии (Сарианиди В. И., 1989 б; Dyson R. H., 1977). Причем в слое Хасанлу V около 1500 г. до н. э. здание с двухколонным, почти квадратным залом имеет в центре прямоугольный очаг, отгороженный от входа небольшой специальной стенкой, по периметру зала идут узкие пристенные суфы с выступающей алтарной частью в середине стены напротив входа. В глубине находится проход в узкое боковое помещение, на полу которого много золы. Весь интерьер этого сооружения был покрыт белой штукатуркой (Dyson R. H., 1977, P. 162—164, fig. 4). В данном комплексе налицо все признаки большинства более поздних культовых сооружений Ирана и Средней Азии. В вышележащем слое Хасанлу IV, относящемся ко времени около 1200 г. до н. э., вскрыта серия крупных архитектурных комплексов, состоящих из центрального колонного зала с очагом, окруженного узкими помещениями. Причем здесь одновременно сосуществуют комплексы с двух-, четырех- и восьмиколонными залами в центре (Dyson R. H., 1977, fig. 1).

В храме огня нижней террасы Персеполя фактически без изменений сохранены все объемно-планировочные элементы парадных комплексов Хасанлу V и IV в виде колонного зала с алтарем, окруженного коридорообразными подсобными помещениями, сохраняется и разбивка оси входов в центральный зал и вестибюль—характерная особенность культовой архитектуры древнего Востока. В данном случае на протяжении целого тысячелетия от середины II тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия до н. э. наблюдается устойчивое сохранение традиций парадно-культовой архитектуры западных провинций Ирана.

Работами совместной экспедиции в Север-

ном Афганистане, близ г. Шибегана, на городище Тиллятепе было открыто храмовое сооружение в виде крупного квадратного зала с девятью массивными кирпичными колоннами и прямоугольным, фигурным алтарем огня в центре. Зал со всех сторон был окружен узким коридором (Сарианиди В. И., 1989 б. С. 89). Сооружение воздвигнуто на высокой кирпичной платформе. Вокруг этого храма располагались жилые дома. Тиллятепе — сложный многослойный памятник, сооружение храма исследователь относит к X в. до н. э.

В этих памятниках раннежелезного века еще нет колонного портика, хотя некоторые из узких коридоров, окружающих центральные залы в сооружениях Хасанлу, служили вестибюлями. Это был ранний этап формирования парадных комплексов данного типа. По существу, тип храмов огня в виде колонного зала с алтарем, окруженного коридорами, продолжал развиваться и в ахеменидской культовой архитектуре (Stronach D., 1985; Пичикян И. Р., 1991). Храм огня Персеполя и парадные его комплексы еще не имели осевой композиции.

Что касается генезиса сооружений из Хасанлу, то высказывалась версия происхождения от более ранних сооружений типа мегарон и бит-хилани (Yong S. C., 1966).

Последние исследования показали, что традиция сооружений типа мегарон первоначально возникла в районах Сирии и Анатолии, откуда в IV тысячелетии до н. э. была распространена на Балканском полуострове, широко проникая в типологию культовой и дворцовой архитектуры Средиземноморья эпохи древности и античности (Keel O., 1972. P. 133, сл; Warner J., 1979). Древнейший же прототип этого сооружения открыт в слое докерамического периода в Иерихоне (Мелларт Дж., 1982, рис. 116).

В Греции данный тип культового комплекса, состоящий из вытянутых на одной оси колонного тетрастильного зала с алтарем в центре, с портиком на главном фасаде и окруженного стенами прямоугольного двора, в сложившемся виде представлен в больших мегаронах Пилоса, Тирифа и Микен во второй половине II тысячелетия до н. э. (ВИА, т. I, рис. 29, 30, 33). Таким образом, этот тип планировки культовой архитектуры, где функциональная значимость архитектурного комплекса нарастает линейно в одном направлении от входа в комплекс до алтаря, известен в сложившемся виде, начиная с архитектуры культовых центров материковой Греции микенского периода. Храмы типа мегарон были известны раньше в Трое I и II, но там они еще не имели огражденного прямоугольного двора перед портиком сооружения. Храмы Греции не имели коридорообразных помещений, обрамлявших святилища, это было особенностью монументальной архитектуры Ирана.

Таким образом, классический для Ирана

и Средней Азии архитектурный тип планировки храма в виде центрального ядра, состоявшего из помещений с колоннадой, окруженных коридорообразными помещениями, с айванным портиком на главном фасаде и двором перед главным фасадом есть результат слияния парадных, преимущественно культовых комплексов раннеиранской архитектуры с типом греческой храмовой архитектуры. Наиболее ранний образец этого комбинированного, канонизированного в дальнейшем типа мы имеем в храме Окса на Тахти-Сангине (Пичикян И. Р., 1991. С. 144 и сл.). Храм Кухи-Ходжа и так называемая «аядана» близ Суз относятся к позднеселевкидскому или раннепарфянскому времени и демонстрируют процесс широкого распространения храма этого нового типа (Stronach D., 1985. P. 618—620).

Данный тип композиции планировки, имевший линейную функциональную последовательность основных своих элементов, доживший в храмовых комплексах Бактрии и Согды до раннего средневековья, был канонизирован как архитектурный тип и вошел, с одной стороны, в буддийскую архитектуру Средней Азии, с другой — в индийскую культовую архитектуру, где был известен в качестве храмов с обходом до XI—XII вв. (Franz H.G., 1981).

В кушанское время вышеописанная схема планировки культовых сооружений древней Средней Азии, состоявшая из святилища с айванным или вестибюлем, проникла в буддийскую архитектуру. Наиболее ранним образцом подобного сооружения буддийского культа является комплекс Айртама (Pougachenkova G. A., 1991/1992).

В буддийском комплексе Аджинатепе мы видим маленькие святилища с айванными портиками, расположенные по центру фасадов помещений, окружающих двор с четырех сторон по периметру (Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., 1971. С. 15). В буддийском храме на городище Калаи-Кафирниган в глубокий портик буддийского храма было включено более раннее сооружение типа сасанидского чахартака (Литвинский Б. А., 1979). На городище Ак-Бешим в Семиречье в одном случае в святилище ведет вестибюль, во втором храме — вход в святилище ведет из айванный портика (Кызласов Л. Р., 1959; Зяблин Л. П., 1961). Важно, что ранний буддийский комплекс, как Фаязтепа, имеет иные общие принципы планировки.

Храмы Ай-Ханум, первоначальный план храма Диоскуров Дильберджина, в объемно-пространственной композиции и отделке которых преобладали традиции древневосточной архитектуры (Bernard P., 1976), свидетельствуют о том, что III в. до н. э. был периодом поисков и выработки канонов культовой архитектуры Средней Азии. В это же время — III—II вв. до н. э. — в культовой и светской архитектуре (Тахти-Сангин, Кухи-Ходжа,

жилые дома аристократии Ай-Ханум) стала складываться синкретическая композиция монументальных сооружений архитектуры, состоявшая из ядра с колонным залом в окружении кулуаров и подсобных помещений с айваном или вестибюлем на основном фасаде, обращенном ко двору. Далее эта схема планировки стала господствующей в культовой архитектуре Средней Азии.

Показательно, что самый ранний образец этого типа храма связан не с культом божеств зороастрийского пантеона, но с привычным для греко-македонского общества культом духа реки Окс, глубоко чтившимся и в самой Бактрии.

О месте этой схемы планировки в типологии культовых сооружений Средней Азии и Ирана специально остановимся ниже в главе V.

Этот тип осевой композиции культового архитектурного комплекса в Хорезм на всем протяжении эпохи древности так и не прорыв. Начиная от культовой части дворца Калалыгера и культового комплекса на Большой Айбугиркале (Рапопорт Ю. А., 1987; Мамбетуллаев М., 1994. С. 45, сл.), кончая храмом Джанбаскалы и грандиозным дворцово-храмовым комплексом Топраккала, хорезмские архитекторы продолжали развивать объемно-композиционные сюжеты древневосточной и центральноазиатской культово-парадной архитектуры в виде различных комбинаций центрального, чаще колонного зала с подсобными, иногда коридорообразными кулуарами (Толстов С. П., 1948 а. С. 96; Рапопорт Ю. А. и др. 1984).

Лишь храмы IV—VI вв. в культовом квартале А Топраккалы в виде анфилады помещений также имели осевую композицию. Но схема их планировки, лишенная портиков и колоннад, тоже восходит к древневосточной храмовой архитектуре, образец которой представлен храмом в Ниппуре (Crawford V. E., 1959. С. 76—77). Здесь важна не только осевая композиция каждого из храмов, а то, что их фасады, выстроенные в ряд, обращены к общей городской площади (ГТК).

В храме же Ниппура аналогичная вереница выстроенных анфиладой помещений составляет его основное ядро и окружена небольшими двориками и вспомогательными помещениями, причем, как и в храмах Топраккалы, сами помещения вытянуты поперек оси анфилады.

Еще почти не раскапывалось крупное, квадратное в плане здание центрального холма Р-1, примыкавшее с запада к городскому храму Еркургана, открытому под восточным холмом Р-1 и составлявшее с ним единый архитектурный ансамбль. Здесь произведены лишь предварительные разрезы. Здание центрального холма Р-1 не имеет аналогов в архитектуре Средней Азии, оно синхронно III строительному периоду храма восточного холма и является результатом инновации архи-

тектурно-строительных приемов джетыасарской архитектурно-строительной традиции. Здесь квадрат массивных стен с квадратным помещением внутри и входом, обращенным на юг, воспроизводит типичную конструкцию и объемы архитектуры джетыасарских погребальных сооружений (Левина Л. М., 1993, рис. 4, 5, 18 и др.). Оно соответствует третьему наземному типу погребальных склепов джетыасарской культуры, которые также имеют массивные стены, сложенные из ленточной пахсы, чередующейся прослойками кирпичной кладки. Квадратные в плане помещения склепов этого типа обращены входами на юг. В отличие от сооружения Еркургана, поверх склепов Джетыасара насыпался большой земляной курган конической формы, при этом вход в склеп оставался открытым (Левина Л. М., 1993, С. 37—40). Сооружение центрального холма на Р-1 Еркургана конструктивно и, в отличие от упомянутых склепов, целиком выложено из пахсы с прослойками сырцового кирпича, хотя пирамидальный внешний его абрис сохраняет контуры кургана. Но, главное, по масштабу оно несравнимо превышает самые крупные склепы Джетыасара, не достигающие по внешнему диаметру 20 м, размеры же камеры склепов обычно не превышают 4—5 м в длину. Оно даже больше известных царских мавзолеев, таких, как квадратное здание Чирикраты, имевшее 19х19 м по сторонам, или мавзолей Бабиш-Мулла 2, имевший 30х30 м по внешнему абрису у основания (Толстов С. П., 1962. С. 150—168).

Гладкие пролеты стен интерьера сооружения центрального холма, вскрытые по верхним гребням с четырех сторон, указывают на то, что весь внутренний его объем, где-то 20х20 м по сторонам, представлял собой единое помещение, перекрыть которое без колоннады или промежуточных устоев было невозможно. К сожалению, имеются ли остатки устоев перекрытия и было ли оно перекрыто, нам пока неизвестно, интерьер сооружения полностью не вскрыт.

Наличие пристенной очажной ниши с фрагментами культовой керамики, замурованной в зольник на дне очага, безусловно указывает на культовое назначение сооружения центрального холма. Культовые курильницы, кострища, очаги, следы от огня также являются характерными находками джетыасарских склепов (Болелов С. Б., 1993). Не исключено, что это здание тоже могло иметь мемориальное назначение и служить для погребальных целей в V—VI вв. взамен пришедшего в негодность более раннего мавзолея на Р-4.

Традиция сооружения монументальных погребальных мавзолеев была характерна для сакских и более поздних племен Приаралья, начиная с эпохи раннежелезного века. Как правило, они имели строго квадратную или круглую планировку (Толстов С. П., 1962. С. 202).

До возведения этого оригинального монументального

ментального сооружения рядом с городским храмом здесь под подошвой обширной кладки восточного фасада стен центрального сооружения находилось упомянутое небольшое помещение с большим квадратным алтарем с верхней площадкой из жженого кирпича и профилированными боковыми стенками.

Судить об архитектурных особенностях этого небольшого сооружения, находившегося в нескольких метрах от западного фасада городского храма, мы пока не можем, но большой квадратный алтарь, напоминающий оформление подиумов мелких ступа кушанского времени из Таксилы (Marshall J., 1951, P. 30, 73), являлся алтарем огня. Аналогичные алтари огня были в аташке храма Окса и так называемом храме «В» Сурх-Котала (Пичикян И. Р., 1991, С. 147; Schlumberger D. и др. 1983, pl. XXXIX). В обоих случаях эти алтари находились в небольших боковых помещениях храмовых комплексов, в Сурх-Котале храм «В» находится, вообще, снаружи стены основного комплекса. Они, как и аналогичный алтарь на Еркургане, сопровождались золой и следами интенсивного горения. Тот факт, что храм «В» был построен позже храма «А», не снимает его второстепенного, подсобного положения во всем ансамбле Сурх-Котала и, видимо, в ритуале (Bernard P., 1994).

Вероятно, прав И. Р. Пичикян, считавший небольшие помещения с алтарями огня храма Окса функционально соответствовавшими важнейшей части зороастрийской храмовой архитектуры — аташке, хранилищу вечного огня. Видимо, небольшое помещение к западу от храма Еркургана, как храм «В» Сурх-Котала, были не самостоятельными храмами огня, но исполняли функции аташке при основных храмовых комплексах. Отдельные их отличия можно проследить в деталях обрядов перечисленных храмов; в то время как на храмах Окса и Сурх—Котала священный непел собирался здесь же при алтарях, в аташке, на Еркургане зола со всего комплекса, включая и из аташке с алтарем, выносилась и хоронилась на специальной площадке к западу от святилища (Schlumberger D. и др., 1983, P. 144—145; Пичикян И. Р., 1991, С. 147).

В Пянджикенте храм I на боковом южном фасаде тоже имел небольшое изолированное помещение со скоплением золы, где, по заключению В. Шкоды, хранился вечный огонь храмового комплекса Пянджикента (Шкода В., 1986, С. 11, 21). Видимо, аналогичную роль играла южная группа помещений с тщательно изолированными посредством обводных коридоров квадратными комнатами на основном северном комплексе Мансурдепе в Парфии (Gaibov V. и др., 1991).

Наиболее ранний тип подобного аташке, кажется, представлен в упомянутом нами монументальном сооружении Хасанлу I эпохи раннежелезного века в Западном Иране,

который может оказаться наиболее ранним прототипом храмов культа огня (Dyson R. H., 1977). Здесь, сбоку от колонного зала с алтарем огня, располагалось узкое замкнутое помещение, соединенное проходом с самим залом, с большим количеством золы на полу. Это помещение могло служить хранилищем вечного огня. Но, если огонь постоянно подерживался на квадратном кирпичном алтаре в самой зале, то боковое помещение могло служить для складирования священного пепла, подобного западной площадке храма Еркургана.

По существу, аналогичную структуру сочетания чахартака, сменившего в сасанидское время колонные залы, с квадратным же купольным, но более замкнутым аташкой, дают нам храмы огня Тахти-Сулеймана, на что первым обратил внимание Д. Стронах (Strobach D., 1985, P. 624).

Таким образом, можно полагать, что небольшие перечисленные помещения, обычно расположенные на боковых фасадах храмовых комплексов, играли роль аташке, недоступных для посторонних хранилищ огня, являясь функциональными элементами центральных храмовых комплексов, имевших общественный характер.

Как отмечалось, функционирование этого алтаря храма Еркургана совпадает с I—II строительными периодами самого храма и относится к III — началу IV в., что, по времени практически синхронно функционированию комплекса на Сурх-Котале. Возведение здания центрального холма на Р-1 синхронно III строительному периоду храма. В это время остатки аташке с квадратным алтарем, уничтоженного в результате пожара, были замурованы под подошвой нового монументального комплекса здания центрального холма. Храм коренным образом реконструировался и, как отмечалось, даже верхняя часть стен самого святилища была возведена заново.

В III строительном периоде, видимо в V в., в связи с возведением здания центрального холма, под которым исчез прежний аташке храма, двухколонный зал святилища был разделен поперечными стенами на три помещения; в центре осталось небольшое подквадратное святилище, фланкированное по сторонам двумя узкими коридорообразными помещениями, которые могли служить в качестве аташке.

Недавно опубликована небольшая заметка Кл. Рапэна с ценными наблюдениями о месте и роли ризниц-сокровищниц в структуре эллинизированной храмовой архитектуры Ирана и Средней Азии (Rapin C. L., 1992), где автор достаточно аргументированно выделяет в большинстве храмовых комплексов, наряду с целлой, атешгахом и обводным коридором, специальное помещение для хранения сакрального инвентаря и разнообразных подношений.

Все элементы храма Еркургана, как отмечалось, находят ближайшие аналогии в

древней культовой архитектуре Центральной Азии. В целом весь комплекс в решении своей композиции вполне индивидуален и самобытен. Это отличие проявилось в отсутствии в I, II строительных периодах специального помещения для хранения храмового инвентаря, функционально связанного со святилищем, не было и обводного коридора, чему, видимо, конструктивно мешали и многочисленные ниши в стенах святилища.

Все это заставляет предполагать ряд особенностей ритуальной практики храма на Еркургане. Поскольку в центральной нише храма стояла скульптура женского божества, к ритуалу поклонения I—II периодов можно отнести редкие находки, происходящие из закладок полов, кладок суф и алтарных ступеней, возведенных при частых перестройках и ремонтах I—III строительных периодов. Это уже отмеченные фигурки Силена и лягушки из агата, бронзовые зеркала, фигурка змеи из сплава свинца.

Вотивные подношения в храм в течение I—II строительных периодов складывались в горизонтах золохранилища на специальной площадке к западу от святилища.

В III строительный период и, возможно, еще в начале IV строительного периода, когда первоначальное святилище было разделено двумя стенками на три помещения: центральную, уменьшенного размера целлу и два узких боковых помещения, последние превратились в хранилища. После закладки и преобразования функционирования золохранилища к западу от святилища как вотивные подношения, так и пришедшие в негодность храмовые предметы: курильницы, жаровни, котлы, зола от огня—все было складировано, периодически замазывалось и замуровывалось глиной в боковых отсеках. Эта конструкция храма Еркургана III строительного периода по структуре отвечает тем храмовым комплексам, у которых Кл. Рапэн выделяет специальные ризницы-хранилища. Таким образом, боковые секции святилища храма могли служить как для поддержания вечного огня, так и для складирования вотивного и прочего храмового реквизита.

Прежде чем перейти к рассмотрению архитектуры дворцового комплекса Еркургана, состоявшего из двух частей, отличавшихся по высоте и функциональному назначению, следует отметить, что он по замыслу весьма оригинален, хотя в деталях обнаруживает массу аналогий с известными дворцовыми комплексами Центральной Азии и Ближнего Востока. Кратко проведем сравнение особенностей комплекса Еркургана с наиболее известными дворцовыми сооружениями этих регионов.

Преимущество в развитии монументальной архитектуры древнего Ирана прослеживается на протяжении почти тысячелетия; уже отмечалось, что наиболее ранними прототипами дворцов Персеполя являются па-

рядные колонные залы Хасанлу IV в 60 км от Хамадана, относящиеся к XII—X вв. до н. э. (Amiet P., 1974. P. 71—72).

Типичное сочетание колонного зала для общественных церемоний ападаны с храмом огня и фортом, узкие коридоры которого служили сокровищницей, дает акрополь мидийского урбанизированного поселения Нуши-Джан (Stronach D., 1974), хотя здесь нет ни обводных коридоров, ни портиков на фасадах. Однако генетические истоки типологии парадных залов с алтарями огня в окружении кулуаров обнаруживают свои корни в местной домидийской архитектуре Годинтепе периода V, начала III тысячелетия до н. э. (Yong T. C. Jr., 1974). Следует отметить, что парадные залы Годинтепе не имеют колоннады, они еще невелики по размерам.

Дворцы Ахеменидов были сложными полифункциональными архитектурными комплексами. Персеполь, как крупная, царская резиденция, также состоял из двух функционально разных групп зданий. В северной, парадной были ападана и тронный зал, каждый имел свои пропилеи. Вторая, южная, менее доступная часть состояла из дворцов частного характера (тачара или хадиш), гарема и сокровищницы. Их функциональная связь осуществлялась через трипилон (Amiet P., 1974. P. 72—73).

Дворцы Персеполя функционально обладают иной типологией планировки. Основные многоколонные залы, как правило квадратные в плане, имеют по всем четырем, иногда трем фасадам проходы, крестообразно или перпендикулярно направленные друг к другу. То же самое можно сказать и о двориках Персеполя, их обрамляют фасады или портики двух или трех отдельных сооружений, образующих симметричные ортогональные композиции, которые складывались постепенно.

Дворец Дария I в Сузах, представлявший собой сочетание месопотамской и иранской архитектурных традиций, состоял из помещений частного характера, группировавшихся вокруг внутренних двориков и монументального колонного зала с портиками для общественных приемов-ападаны. Использовались и обводные коридоры, обеспечивавшие функциональную связь помещений при их изоляции.

Наиболее ранние дворцовые комплексы в Средней Азии изучены на городищах Кюзелигыр и Калалыгыр в Хорезме. Кюзелигырский дворец, находившийся в центральной, возвышенной части городища, состоял из двух десятков больших помещений и дворов (Толстов С. П., 1962. С. 101; Вишневская О. А., 1972, 1978, 1984). В его структуре, исполненной в традициях древневосточной архитектуры, выделяются два крупных колонных зала площадью не менее 250 м² и большой двор, вдоль стен которого располагались суфы; предполагается, что у северной стороны двора было тронное место, напротив него в застрой-

ке дворца возвышалась кирпичная платформа 4х5 м, на которую вела лестница. Вторая платформа находилась в юго-восточной части дворца, близ платформ были большие скопления золы. Это указывает на то, что дворцовые комплексы Хорезма VI—V вв. до н. э. уже имели в своей структуре культовые объекты, видимо связанные с покровителями династии.

Дворец Калалыгыра также выстроен в традициях древневосточной, точнее, ахеменидской архитектуры. Композиционно он состоит из двух внутренних двориков, обрамленных помещениями, снаружи примыкали более обширные дворы. Масштабы дворца невелики, наиболее крупный зал, который мог служить в качестве ападаны для приемов, имел шесть колонн, по три в два ряда. При дворце небольшая культовая капелла в виде двухколонного зала с пристенным алтарем огня, он, видимо, играл роль аташкаде (Рапопорт Ю. А., Лапинов-Скобло М. С., 1963; Рапопорт Ю. А., 1987). Исследователь Калалыгырского дворца Ю. А. Рапопорт приводит целый ряд аналогий, роднящих его с дворцовыми комплексами столичных городов Ахеменидов.

Следует отметить, что культовые платформы и дворцовые святилища на Кюзелигыре и Калалыгыре, отвечавшие древневосточной традиции дворцовой архитектуры, не были характерны для дворцовых комплексов Ахеменидов в Пасаргадах, Персеполе и Сузах. Слишком много важных культов было в империи, поэтому дворцы Ахеменидов, где центральное положение занимали ападана-залы для официальных светских приемов, не имели культовых сооружений. Ахеменидские дворцы были центрами общеимперской административной интеграции.

Крупнейший известный дворцовый комплекс эллинистической Бактрии, опубликованный П. Бернаром совместно с Ле Берром (Bernard P., Le Berre M., 1973) иллюстрирует переломный момент в развитии древневосточной дворцовой архитектуры и переход к новой эллинистической архитектуре.

Дворец Ай-Ханум по плану — агрегат из отдельных, замкнутых, функционально дифференцированных прямоугольных блоков с выделенным на фасаде большим приемным комплексом. Каждый из этих блоков по периметру окружен своей внешней стеной. Связь между ними осуществлялась узкими коридорами в «зазоре» между параллельными стенами. Функционально он представлял собой сочетание зданий административного комплекса с резиденцией правителя. Гражданские общественные сооружения, в том числе и храмы, принадлежавшие греко-бактрийской верхушке этого эллинистического города, располагались отдельно. Сам же дворец, как показал его исследователь П. Бернар, при широком использовании греческой ордерной системы про-

должал традиции дворцовой архитектуры Месопотамии как функционально, так и в особенностях планировки (Bernard P., 1976 б).

Общая композиция плана дворца, состоящая из трех функционально отличавшихся больших блоков: официальной части двора и большого гипостильного зала или вестибюля с помещениями административных служб, располагавшихся за ними, двух престижных жилых комплексов и сокровищницы с дорическим двором, сочетает в себе, вместе с элементами древневосточной архитектуры, и схему осевой планировки типа мегарон в виде двора, айванного портика и следующих за ним помещений. Этот айванный портик или гипостильный вестибюль заслуживает, благодаря своим необычным масштабам, особого внимания. Он мог играть роль традиционной ападаны дворцовой архитектуры в новых условиях.

По поводу терминологии ахеменидских дворцовых комплексов, известной по нарративным надписям на базах колонн дворцов Суз, Персеполя, Хамадана, следует отметить, что дворцы жилого характера носят название «хадиш» или «тачара», в то время как дворцы для официальных приемов именуются «ападана» (Bernard P., 1976 б. С. 261). В справке, любезно подготовленной нам В. А. Лившицем, отмечается, что термины «тачара» и «хадиш» использованы в строениях Дария I и Артаксеркса, «ападана» позже употреблялся в надписях Дария II и Артаксеркса II. Причем в надписи последнего на базах колонн дворца в Сузах подчеркнуто, что он сначала был построен его прадедом Дарием сыном Виштаспы, затем сгорел и был заново возведен Артаксерксом II. Этот текст допускает некоторую синонимичность терминов «тачара» и «ападана» в позднеахеменидское время. Термин «ападана» позже встречается в текстах парфянских остраков из Нисы, где один из податных виноградников именуется *rdnk*-дворцовый (Дьяконов И. М. и др., 1953, С. 119). Следует полагать, что это относилось к дворцовому комплексу Михрдаткерта, четырехколонный зал которого и служил в Старой Нисе ападаной. По В. А. Лившицу термин «ападана» проник в арамейский, еврейский, армянский и другие языки Ближнего Востока и, как показал В. Хенинг, новоперсидское *auwan*-айван также восходит к *apadana*. В традиционной архитектуре Средней Азии айван — это колонный портик на одном из фасадов здания. Как отмечает в своей справке В. А. Лившиц, в средневековой литературе айван это зал, портик, веранда, а также загородный дом. Причем в значении «дворец» на языке дари Афганистана он используется изредка и сейчас как архаичное слово.

Во дворце Ай-Ханум, как нам представляется, мы имеем промежуточную форму перехода от центрального многоколонного зала ахеменидской ападаны к айвану как обширному портику с тремя рядами колонн на глав-

ном фасаде монументального парадного комплекса. Здесь квадратный зал ападаны дворца Суз с шестью рядами колонн, по шесть в ряду, превращен в большой и глубокий колонный портик на фасаде дворцового комплекса с тремя рядами колонн по шесть в ряду, обращенный к обширному двору напротив входа в пропилеи, ведущие в дворцовый комплекс с центральной улицы города (Bernard P., Le Berge M., 1973). Пропилеи здесь — тоже элемент наследия традиции ахеменидской архитектуры. Такого большого и глубокого портика, обращенного ко двору, нет в предшествующей архитектуре древнего Востока и Эллады.

Поиск прототипов этого гипостильного вестибюля, являвшего сюжетным центром композиции планировки дворца Ай-Ханум, показывает, что лишь своим промежуточным положением между двором и помещениями он продолжает традиции греческого портика мегарона или пастады жилого дома. Но своими монументальными масштабами, с многоколонным перекрытием, он явно является дериватом ападаны Суз, отличаясь от последней не только своим функциональным положением и греческой ордерной системой, но и пропорциями, представляя собой, по существу, рассеченную надвое половину ападаны дворца в Сузах, вписанную вместо обычного портика в общей осевой композиции дворца Ай-Ханум.

Этот айван или ападана Ай-Ханум отличается не только коринфским ордером колоннады и широкими прямоугольными пропорциями от своего прототипа в Сузах; он также не был окружен, как ападана в Сузах и Персеполе, узкими колонными портиками и, в отличие от последних, был одновременно вестибюлем, предвзяв вход в обширные и дифференцированные внутренние секции дворцового комплекса Ай-Ханум, не теряя, видимо, при этом роли зала официальных приемов, для чего служили ападана ахеменидских дворцовых комплексов. Иначе говоря, ападана заменила в этой новой композиции, построенной по схеме мегарона, место входного портика, имевшего ранее сугубо вспомогательное значение. Сходство дворца Ай-Ханум с дворцом Дария в Сузах подчеркивается его исследованием (Bernard P., 1976 б, Р. 276—7).

Ападана Суз, как парадный приемный зал и основной элемент архитектоники дворца в Сузах, зажатая в комплексе жилых и служебных помещений дворца, в отличие от более ранней по времени ападаны Персеполя, потеряла свою масштабность и величие внешнего облика. В случае же Ай-Ханум она была превращена в центральный элемент портала дворцового комплекса.

Развивая положение П. Бернара о преемственности дворцовой архитектуры Суз и Ай-Ханум при первых Селевкидах (Bernard P., 1976 б), можно считать, что, в принципе, архитектурно-композиционное решение планировки дворца Ай-Ханум было новаторским. Архитек-

тор, опираясь на каноны и традиции месопотамского, иранского и греческого зодчества, создал новый тип композиции планировки дворцового комплекса. Хотя здесь и присутствуют основные элементы дворца в Сузах, в основу общей планировки была положена осевая схема мегарона, которой было подчинено все остальное. Так называемый гипостильный портик, занимая традиционное место греческой пастады или родосского портика перистального двора, мог играть роль ападаны — аудиенц-зала, других крупных залов или айванов дворец не имел. При этом модель ападаны Суз здесь представлена в усеченном наполовину виде, для греческого портика она была очень глубокой благодаря трем рядам колонн.

Это был широко открытый ко двору зал для приемов публики в условиях эллинизированной монархии Селевкидов, претендовавших на власть над гражданским обществом. Ападана же ахеменидского времени, как в Персеполе, так и Сузах, была местом приемов сугубо аристократического круга.

Таким образом, все это было связано с глубокими изменениями в структуре верхушки древнего общества. Древнейшие прототипы монументальных колонных залов упомянутых выше мидийской и предшествующей поры, часто имевшие алтарные подиумы, можно полагать, служили для общественных церемоний, возможно связанных с календарными празднествами и культовыми обрядами. В ахеменидское время эти огромные величественные квадратные залы служили для проведения официальных церемоний. Здесь осуществлялся прием различных представителей многочисленной знати империи, правителей стран и сатрапий. Это было средство пропаганды величия светской власти царя царей.

В эллинизированном обществе Бактрии, управлявшемся селевкидскими и греко-бактрийскими правителями, опиравшимися на армию, атмосфера царских приемов была иной. Ритуализация церемоний приемов и система сословно-иерархических отношений уступили место практическому решению насущных нужд государства и военных проблем, а наличие обширного двора перед ападаной — айваном указывает на значительную демократизацию публики, принимаемой правителем Ай-Ханум. Вероятно, государь на троне, окруженный приближенными, находился в центре ападаны-айвана, посетители же могли быть у входа или дожидаться аудиенции во дворе. Таким образом, двор с айваном мог служить для приема не только аристократии, но и граждан полиса, являвшихся социальной базой власти эллинистического царя.

От главного айвана дворца Ай-Ханум и предшествующего ему храма Окса на Тахти-Сангин берет типологическое начало длительная вереница великолепных общественных комплексов осевой композиции планировки

древней и раннесредневековой Средней Азии. Так, основной элемент древнеиранской дворцовой архитектуры вырождается, в конечном счете, в обязательный почти для всех архитектурных комплексов и жилых домов колонный портик на главном фасаде здания. В Иране в парфянское время колонный портик сменяет, синхронно аналогичному процессу в римской архитектуре, глубокий айван, перекрытый циркульным сводом, архитектура которого достигает своего апогея в Таки-Кисра Хосроя Ануширвана.

Подобную композицию в миниатюрном виде повторяет предполагаемый тронный зал дворца Топраккалы (Рапопорт Ю. А. и др., 1984, рис. 5, 6). По существу, в Средней Азии эта схема композиции приемных залов сохранялась вплоть до «куриниш-ханы» эмира Бухары в арке г. Бухары, где приемный зал состоял из прямоугольного двора, окруженного галереей с колоннадой, и возвышенной площадки, перекрытой портиком, куда ставился трон эмира в дни приемов.

Важной особенностью дворца Ай-Ханум, как и дворцовых комплексов Ахеменидов, является отсутствие в них специальных культовых помещений или храмов. Это тоже продолжение особенностей ахеменидских дворцов и предшествовавшего им Южного дворца Навуходоносора II в Вавилоне.

Следующий по времени за Ай-Ханум так называемый дворцово-храмовый комплекс Михрдаткерта в Старой Нисе, датируемый II в. до н.э., представляет собой комплекс парадных сооружений культового и светского назначения (Пугаченкова Г. А., 1958, С. 69—103). Композиционным центром комплекса служил обширный двор, окруженный с трех сторон монументальными постройками. Одной из них является квадратный зал — типичный парадный тетрастильный зал размером 20х20 м. Как справедливо считает исследователь комплекса Г. А. Пугаченкова, зал, вероятнее всего, служил ападаной первых Аршакидов. Действительно, упоминание в одном из документов нисийского архива ападаны следует, видимо, связывать с дворцово-храмовым комплексом, который назван ападаной по описанному залу. (Дьяконов И. М. и др., 1953, С. 119; Пугаченкова Г. А., 1958, С. 111). Несмотря на применение элементов греческого ордера в отделке интерьера, он имеет традиционную композицию древнеиранских ападан, хотя по своей открытости, благодаря трем обширным проходам, расположенным по главному фасаду, обращенному во двор, приближается к гипостильному вестибюлю или ападане-айвану дворца Ай-Ханум.

Однако все это не может скрыть того, что, как общая планировка монументальных сооружений Старой Нисы, где центром композиции являлся обширный двор, так и квадратный план четырехстолпного, грандиозного и отдельно выделенного зала, представляет

собой возрождение принципов композиционного решения государственных ансамблей эпохи Ахеменидов, в отличие от Ай-Ханум, где приемный зал был элементом (хотя и центральным) общей осевой композиции.

Михрдаткерт на городище Старой Нисы, расположенный к югу от внешней городской стены, представлял собой царскую резиденцию-акрополь с дворцово-храмовым комплексом в центре, царскими хранилищами в северной части, с квадратным домом-сокровищницей, и казармами охраны в юго-восточной части. Исследователь комплекса Г. А. Пугаченкова называет его царской крепостью. Комплекс Михрдаткерта был возведен при одновременном существовании более древней цитадели в самом городе и функционально продолжал традицию царских резиденций в Пасаргадах и Персеполе. Его структура достаточно самобытна. Сочетание в едином комплексе, огражденном крепостной стеной, светского дворца и храма вместе с сокровищницей находит более ранние параллели в цитадели Дур-Шаррукина с дворцом Саргона и храмовыми комплексами (712—707 гг. до н.э.) и древнем Уре, где так называемый священный участок в центре города, огражденный стенами, состоял из храмов и светских дворцов (ВИА, т. I. С. 203—212). Аналогичный функциональный набор сооружений монументальной архитектуры дает и мидийский Нуши-Джан, где крепостной стеной были окружены колонный зал-ападана, два храма огня и форт (Strognach D., 1975, С. 203—212; Huff D., 1990, P. 145—147). Это тоже был акрополь или крепость, возведенная на естественной скале.

Подобное сочетание светских и культовых функций демонстрирует и крупнейший дворцовый комплекс, известный в Средней Азии на Топраккале. В этом грандиозном комплексе полностью доминирует парадно-культовая функция вследствие того, что он был священной царской резиденцией, связанной с идеей процветания династии и государства (Рапопорт Ю. А. и др., 1984, С. 296).

Планировка дворца Топраккалы по общей композиции является развитием композиции плана Калалыгера в виде крупных залов и внутренних дворики, вокруг которых группируются помещения и более мелкие дворики. Причем помещения дворца Топраккалы на первом этаже образуют три функционально обособленные части: восточную входную; центральную, где сосредоточены основные залы и дворики (помещения северного фасада функционально связаны с центральной частью); и систему мелких второстепенных помещений вдоль западного и южного фасадов.

При наличии в каждой из трех частей лестниц на верхний этаж функционально они могли быть связаны между собой помещениями и коридорами второго этажа. Но общая структура всех помещений и дворов

дельная, с преобладанием в центре и северной части крупных залов и дворики.

Такие наиболее крупные залы, как зал царей или «тронный» ансамбль, с успехом могли выполнять роль ападаны — помещения для официальных приемов. Напомним, что скульптура украшала и верхний ярус ападаны парфянского Михрдаткерта. Но изолированный характер основных залов и дворики дворца Топраккалы, расположенного на специальной пятнадцатиметровой платформе, заставляет полагать, что основные аудиенци-залы Хорезмшахов той поры были за пределами дворца Топраккалы, имевшего сакральное назначение, т. е. в самом городе, а также в Кяте — светской столице Хорезма II—IV вв. н. э. Во всяком случае, наличие подиумов для алтарей как в зале царей, так и в зале «танцующих масок», функционально связанном с «тронным» ансамблем, делает вполне вероятной гипотезу Ю. А. Рапопорт о том, что зал «танцующих масок» был святилищем женского божества (Рапопорт Ю. А., 1978), и что весь дворец был местом царского династического культа.

В целом для дворцовой архитектуры Хорезма на примере дворцов Калалыгыра и Топраккалы следует отметить важную роль их в качестве культовых центров. Если Калалыгыр, как наиболее ранний образец дворцового комплекса Хорезма, заключал в себе небольшое святилище, связанное с поклонением огню, то дворец Топраккалы целиком сакрален, хотя наличие в нижнем этаже башен и в западной части самого дворца — узких параллельных коридорообразных помещений — дает возможность предполагать здесь наличие сокровищниц, где, как и в «квадратном доме» Михрдаткерта, могли храниться подношения обожествленным предкам Хорезмшахов.

Судя по вскрытым участкам, общий замысел дворца Еркургана отличается от дворцов Ай-Ханум и Хорезма двухчастным делением на верхнюю и нижнюю площадки, каждая из которых по планировке представляет собой самостоятельные по композиции сооружения.

Но две эти различные по высоте и назначению части комплекса были вписаны в единый прямоугольник стен внешнего контура всего сооружения.

Функциональное назначение комплекса верхней площадки, вероятнее всего, могло быть культовым; факторами, заставляющими предполагать именно это, а не светское назначение верхнего комплекса дворца Еркургана, являются: его расположение в глубине дворцового комплекса на особой возвышенной площадке, изоляция двойной линией узких коридоров, наличие большого очажного пятна в предполагаемой целле и, наконец, специального трапезного помещения в другом конце этого комплекса.

Более поздний дворец в цитадели Пянджи-

кента тоже имел свое святилище (Исаков А. И., 1977).

Таким образом, дворец Еркургана сочетал в себе как традицию осевой архитектурной композиции, воплощенной в плане крупного дворцового святилища, ориентированного в широтном направлении, подобно храмам Пянджикента, так и традиционную для дворцов древнего Востока структуру в виде внутренних дворики, перемежающихся помещениями, выявленную на нижней площадке дворца, обращенной к югу. Связь между помещениями осуществлялась через обводные коридоры, что прочно вошло в дворцовую архитектуру Ирана с дворца Дария I в Сузах (Amiet P., 1974; Bernard P., 1976 б).

Функциональное членение дворца Ай-Ханум на интимную и общественно-административную половины с айваном посередине воспроизводит, в принципе, модель древневосточных дворцов, состоявших из внутренней части — *bitan* и внешней части — *babani* (Янковская Н. Б., 1995, С. 10, сл.), обогащенную элементами иранской и греческой дворцовой архитектуры. Айван дворца Ай-Ханум одновременно мог служить и тронным залом, и аудиенци-залом.

Дворец же Еркургана, содержащий в глубине своей структуры религиозную святыню, воспроизводит иную модель древних дворцово-храмовых комплексов, где не было места для интимной семейной жизни правителя.

Можно полагать, что частная жизнь правителя Еркургана III—V вв. протекала в обширном дворцовом комплексе, находившемся в промежутке между городским храмом и дворцом. Этот комплекс не выделяется в высоту в микрорельефе городища, но стены его, вскрытые в предварительной траншее на Р-2, были покрыты полихромной живописью.

Необходимо подчеркнуть некоторые важные функциональные отличия храма во дворце от городского храма. Слабого освещения светильников или пламени огня было явно недостаточно для освещения росписей святилища городского храма, имевших богатую цветовую гамму. Поэтому широкий айван, вход в святилище и алтарная ниша напротив входа, в которой стояло божество, обращены на юг к солнечному свету.

Широкий айван был залит светом, в святилище тоже не было темно, хотя по бокам его преобладал полумрак, но пресловутой озабоченности защиты целлы от дневного света в конструкции городского храма нет.

Иное отношение к дневному свету имеет целла храма на верхней площадке дворца. Расположенная в глубине комплекса, она была наглухо изолирована от доступа дневного света системой узких коридоров со всех сторон, стены не имеют красочного декора, единственное свидетельство былого объекта поклонения — большое сильно прокаленное красное пятно на гладкой глиняной обмозке пола в центре помещения. Здесь налицо ри-

туальная изоляция священного огня от дневного света, ветра и прочих атмосферных факторов.

МЕМОРИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЕРКУРГАНА

Открытые в результате работ на Еркургане уникальные сооружения мемориального назначения дают представление о погребальных обычаях городского населения Согда поры античности.

Первым из них по времени является рассмотренная выше дахма Еркургана. Типологически она отличается от круга вышерассмотренных архитектурных комплексов, а хронологически — предшествует им.

Дахма Еркургана II в. до н. э. выстроена и отделана с соблюдением основных элементов древневосточной архитектуры: самобытно объемное решение внешней формы сооружения в виде монолитной двухступенчатой башни с двумя ритуальными площадками на западном и восточном боковых фасадах и парадной лестницей на главном фасаде, обращенном к городу (рис. 56, 57). Типологических параллелей она не имеет и в корне отличается от известных башен молчания парсов Индии, а также скальных склепов и каменных столбовых сооружений сасанидского времени в Иране, имевших надпись «дахма», недвусмысленно указывающую на их мемориальное назначение (Huff D., 1993, С. 58—61). Но эти сооружения в Иране хотя и назывались «дахма», на самом деле служили костехранилищами — наусами, в чем расходились коренным образом с классификацией и терминологией погребальных сооружений Видевдата, которым более отвечает спецификация погребальных сооружений Средней Азии, что подробно уже изложено в литературе (Рапопорт Ю. А., 1971; Grenet F., 1984).

По поводу давно обсуждаемого вопроса о генетической связи парфянских башенных мавзолеев с более ранними аналогичными сооружениями Средней Азии (Рапопорт Ю. А., Лапинов-Скобло М. С., 1968; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983, С. 90, сл; Grenet F., 1984, Р. 231) следует отметить, что как в самом Иране, так и шире традиция башенной культовой архитектуры была широко распространена и до Аршакидов, достаточно вспомнить башнеобразные храмы Урарту (Алтынтапа) или Нуши-Джан. Что касается башенных сооружений в Пасаргадах и Накши-Рустеме с небольшой глухой камерой наверху, то из всех известных предположений об их функциональном назначении наиболее близкой к истине выглядит версия М. Бойс об их погребальном назначении, так как башня в Накши-Рустеме входит в погребальный комплекс скальных гробниц Дария и его наследников (Боусе М. А., 1982, С. 58—59). И архитектура объемов башенных мавзолеев Хатры эпохи Аршакидов более соответ-

ствует размерам и пропорциям башенных сооружений Ахеменидов, хотя отрицать генетическую преемственность парнов-аршакидов с дахами Приаралья, имевшими свои традиции возведения башенных погребальных сооружений, уходящих корнями в погребальную архитектуру могильника IX—VIII вв. до н.э. в Тагискене, не приходится (Толстов С. П., 1962, С. 201—203).

Однако до сего дня ни в Иране, ни в Средней Азии мы не знаем погребальных сооружений башенного типа эпохи Селевкидов. Не исключено, что в конечном счете окажется верным допущение А. П. Франкфора о двух параллельных традициях возведения башенных мавзолеев эпохи Аршакидов (цит. по: Grenet F., 1984, Р. 231).

В целом стиль объемно-пространственного решения архитектоники дахмы Еркургана с ее подпрямоугольными контурами, увенчанными по гребню зубцами, развивает архитектурный стиль мавзолея Киней Ай-Ханум, хотя осуществленные в них обряды погребения концептуально отличны.

Такие особенности архитектуры дахмы, как ритмичное вертикальное рифление фасадов плоскими нишами, зубчатые мерлоны, венчающие гребни стен с идущим ниже карнизом, украшенным «сухариками», конструкция лестницы, ведущей на верхнюю площадку, на Ближнем Востоке уходят корнями в эпоху протогородских цивилизаций. Аналогичные образцы древневосточной архитектурной традиции представляют собой два храма Ай-Ханум, развивающие тип храма нововавилонского времени (Bernard P., 1976 б). При реконструкции дахмы Еркургана мы можем воспользоваться изображением башнеобразного оссуария из Хорезма (Рапопорт Ю. А., 1971, С. 59), считая, что его прототипом послужили погребальные мавзолеи типа Баланды 2 или центрального сооружения Кой-Крылганкалы. Видимо, такой же облик могли иметь и башни молчания. Во всяком случае, все мелкие жженые декоративные кирпичи, найденные на дахмЕркургана, полностью присутствуют в деталях отделки указанного башнеобразного оссуария. В частности, мелкие прямоугольные кирпичики, так называемые «сухарики» — элемент карниза, аналогичные регулам дорического ордера, широко известны в архитектуре Урарту и Ахеменидов (ВИА, т. I. С. 261, 311—312). Зубчатые кирпичи двух типов свидетельствуют о том, что, видимо, башня дахмы в верхней части могла быть двухъярусной. Зубцы-мерлоны, венчающие верхние края стен дахмы, являются древнейшим образцом архитектурного декора этого типа в Согде (Воронина В. Л., 1959. С. 103; Абдуллаев К. А., 1991). Керамические мерлоны известны в Бактрии, начиная с храмов Ай-Ханум (Bernard P., 1976 б. Р. 270). В Парфии они украшали интерьер круглого храма (Пугаченкова Г. А., 1958. С. 97—98). Позже этот

мотив получил широкое распространение в архитектурном декоре раннесредневекового Согда (Тереножкин А. И., 1948. С. 119—121; Нильсен В. А., 1966. С. 310).

Отдельные трапециевидные кирпичи укладывали, что некоторые проемы в стенах дахмы, в частности вход на башню, имели сводчатые перекрытия, оформленные арочными наличниками из трапециевидных жженных кирпичей.

Что касается прямоугольных ниш южного и восточного фасадов башни дахмы, то этот декоративный прием оформления стен был известен в то же самое время в Бактрии. Так, например, были оформлены стены не только храмов Ай-Ханум (III—II вв. до н.э.), но и Кухнакалы (II в. до н.э.) (Литвинский Б. А., 1956; Bernard P., 1976 б). Это не пилястры, так как не имеют баз и капителей, в Хорезме эти ритмические прямоугольные выступы были применены уже в оформлении стен Хазараспа V—IV вв. до н.э. (Воробьева М. Г. и др., 1963. С. 157). Ассирийские рельефы постоянно воспроизводят подобный «ордер» стен мидийских крепостей (Дьяконов И. М., 1956. С. 187).

Однако непосредственно предшествующим архитектурным комплексом, представляющим собой генетически более раннее применение прямоугольных ниш, является городище Бабиш-Муллы I в Приаралье — один из ранних городов дахов, фасад донжона крепости которого был украшен аналогичными плоскими прямоугольными «пилястрами», где расстояние между ними равно их ширине. Подобного рода конструкции в виде уступчатых ниш имели и стены в одном из помещений большого дома Бабиш-Муллы (Толстов С. П., 1962. С. С. 161, 163; Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993, рис. 21). Последняя датировка комплекса Бабиш-Муллы концом IV в. до н. э. на столетие предшествует дате храмов Ай-Ханум (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. С. 33).

Нижнее двухмаршевое звено лестницы дахмы Еркургана конструктивно представляет собой развитие типа лестниц ахеменидского времени, известных на входе в пропилеи Персеполя и у южного входа во дворец в Сузах, но там двухмаршевые лестницы сначала расходятся в стороны, а затем сходятся, как в лестнице дахмы Еркургана, к верхней площадке, т.е. их направление параллельно фасадам зданий. Подобная, но более упрощенная конструкция присуща ступеням храму-усыпальницы у городской стены Новой Нисы. Лестницы последующих во времени храмовых сооружений Пальмиры, Хатры, Ашура и Сурх-Котала имели перпендикулярное по отношению к фасаду здания направление. На дахме Еркургана также преобладает перпендикулярное направление. Нижние пролеты, перпендикулярные фасаду дахмы, выводят к половине высоты платформы дахмы, затем средние пролеты вдоль фасада платформы

выводят на площадку на уровне поверхности платформы дахмы, от которой третий, самый длинный пролет, врезаюсь в тело самой башни, уже выводит на середину восточной части верхней площадки башни дахмы.

Облицовку на ганчевом растворе, подобную ступеням лестницы дахмы, имели ступени храма Ай-Ханум. Ритуал оштукатуривания ступеней дахмы мог производиться после каждого выставления или периодически повторяться в связи с годовичными календарными праздниками. Особенно характерны многослойные, неоднократно повторяющиеся слои обмазок для стен помещений и полов архитектуры городища Бабиш-Муллы (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. С. 26), с архитектурной традицией которого связаны, как мы полагаем, особенности дахмы Еркургана.

Переходя к особенностям архитектуры мавзолея Еркургана на Р-4, напомним, что перечисленные выше храмовые комплексы осевой композиции имеют разное количество помещений, вытянутых анфиладой вдоль оси всего комплекса. В храмах Кухи-Ходжа, «аядане» близ Суз, дворце Халчаяна — это колонный портик, за которым следуют вестибюль и целла. Аналогичную структуру имел и дворцовый храм Еркургана с тем лишь отличием, что функциональная связь целлы с вестибюлем осуществлялась через боковые проходы, выводящие в обводной коридор. Храм Окса, городской храм Еркургана и храмы Пянджикента состояли из айванного портика и святилища. Единственным культовым комплексом, имевшим лишь одно святилище, окруженное обводным коридором, был храм Сурх-Котала. Раскопанный на Еркургане монументальный мавзолей правителей дает аналогичное решение общей композиции планировки в виде однокамерного сооружения в П-образном обводе трех коридорообразных помещений (рис. 62).

Это здание, синхронное городскому храму и дворцу, планировалось изначально и возводилось в качестве мавзолея, но оно не имеет ничего общего с известными мавзолеями древней Средней Азии и Ирана. Типологически здание повторяет основные черты структуры архитектоники храма Сурх-Котала, но возведено, в отличие от последнего, на высокой кирпичной платформе. Видимо, и месторасположение мавзолея было неслучайным, он был сооружен за внутренней стеной, неподалеку от ворот, симметрично более ранней мемориальной святыне — дахме на противоположном конце города. Дахма, дворец, храм и мавзолей вытянуты вдоль единой оси с приблизительно равными интервалами. Это монументальные высотные сооружения, формирующие вместе с оборонительными стенами общий силуэт городской архитектуры. Все они обращены фасадами на юг, за исключением мавзолея, находившегося на южном конце этой оси и обращенного к северу, в сторону городских ворот.

Архитектурно-типологически мавзолей Еркургана представляет собой выдающееся явление среди мемориальных сооружений этой погребальной традиции, да и во всем эволюционном ряду мавзолеевого зодчества Средней Азии. Возможно, и он имел по продольной оси трехчастную структуру, как единственный известный пока в Средней Азии греческий мавзолей Ай-Ханум (Francfort H. P., Liger J., 1976). К сожалению, его фасадная часть не сохранилась.

Здесь многое восходит и к древним погребальным сооружениям саков Приаралья, это, в частности, суфы в центральном зале и высокая платформа всего здания (Толстов С. П., 1962. С. 136; Левина Л. М., 1993). В структуре города он дополнял общегородской ансамбль монументальных сооружений III—VI вв. Возможно, решение конкретной композиции плана данного сооружения было принято зодчим или заказчиком под впечатлением синхронного кушанского комплекса Баголагго Сурх-Котала. Однако обряды погребального ритуала мавзолей типичны для городского населения Средней Азии эпохи древности и раннего средневековья.

Функциональное назначение помещений здесь отличалось от святилища Сурх-Котала, центральный зал или глубокий айван мавзолея Еркургана с подиумом и ложем служили при погребальных богослужениях, здесь же, видимо, совершались обряды ежегодных поминовений, связанные с культом фравашей, о которых упоминают китайские источники по поводу Ташкента (Ши) и Бери (Бичурин И. Я., 1950, С. 272; Бирюни, 1957. С. 236). Сами же захоронения помещались в узких обводных помещениях.

При вскрытии полов центрального зала мавзолея близ местонахождения одной из колонн здесь был найден небольшой фрагмент резной листы аканта, видимо, от капители колонны. На то, что это было не случайно, указывают многочисленные примеры эволюции типа коринфской капители в мотивах листы и растительного орнамента на капителях раннесредневековых колонн Бактрии и Согда (Воронина В. Л., 1959, С. 109; Нильсен В. А., 1966, С. 261; Ставиский Б. Я., 1977, рис. 42).

Здесь же, на Р-4, мы видим зарождение столь характерного для средневековых мемориальных комплексов Средней Азии функционального деления помещений мавзолеев на погребальную и поминально-ритуальную части — гурхану и зиаратхану.

В связи с топографическим положением дахмы и мавзолея Еркургана необходимо остановиться на довольно деликатном, с точки зрения ортодоксии Видевдата, вопросе о месте этих мемориальных сооружений в структуре города. Раньше, когда внешние стены Еркургана нами датировались III—IV веками, такого вопроса не возникало. Но с от-

крытием небольшого монументального сооружения на Р-24, датированного II—I вв. до н. э., примыкающего тыльной стороной к внешней стене Еркургана изнутри, получается, что эта стена практически синхронна дахме Еркургана.

Дахма Еркургана функционировала очень недолго — не более нескольких десятилетий, комплекс керамики с уровней площадки и полов укладывается в пределах II в. до н. э. Стены и ее ступени прекрасно сохранились благодаря тому, что она быстро была замурована специальной прочной пахсовой кладкой с рядами кирпича. Формат кирпича и формы керамики забутовки те же, что и на дахме. Возникает предположение, что она была забутована именно из-за строительства внешней стены города во II—I вв. до н. э. И затем, уже к этой стене, было пристроено здание с росписью на Р-24, которое из вышеизложенных соображений следует датировать не позже I в. до н. э., чему не противоречит и комплекс керамики с полов этого сооружения.

Что же касается мавзолея на Р-4, то здесь хранились очищенные кости, а ката, которой могло служить западное (коридорообразное) помещение мавзолея, Видевдат в пятом фаргарде рекомендует сооружать их при жилых домах и поселениях, а по восьмому фаргарду — в тридцати шагах от огня, воды, ветвей барасмана и верующих (цит. по: Ртвеладзе Э. В., 1984. С. 102). Положение мавзолея Еркургана вполне отвечало всем этим предписаниям. Следует напомнить, что и ката, открытая на одной из усадеб Беркут-калинского оазиса, находилась непосредственно в комплексе жилых строений. Внутри усадеб и городищ Хорезма зачастую хранились также и оссуарии с очищенными костями (Толстов С. П., 1948 а. С. 149—150).

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ РЕМЕСЛЕННЫХ КВАРТАЛОВ И ЖИЛЫХ ДОМОВ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НАХШАБА

Жилая архитектура древнего и раннесредневекового периодов Средней Азии изучена, по сравнению с монументальной, более подробно. По всем древним историко-культурным областям имеется определенный сравнительный материал. Но сугубо утилитарное назначение жилых строений обычно дает бедную информацию этнокультурного содержания для анализа связей строительных традиций различных районов.

Так, для Хорезма Е. Е. Неразник отмечает, что типология древней жилой архитектуры отличалась исключительным разнообразием, по сути, как считает автор, говорить о какой-либо устоявшейся типологии жилья для древности не приходится (Неразник Е. Е., 1976. С. 159).

Многочисленные и обычно разрозненные вскрытия жилых домов древних поселений и городов Согда на фоне аналогичных мате-

риалов по Средней Азии позволяют наметить общие тенденции развития домостроительства в древнем Согде, включая долину Кашкадарьи, и выявить если не типологию, то преобладающие для различных периодов и районов конструктивно-строительные особенности, основные схемы планировки и размеры домов отдельных семей. Само домостроительство — как основа урбанизации и, более того, оседлого образа жизни вообще, развивалось соответственно основным фазам урбанизации. Так, в Согде, если в первоначальной фазе урбанизации жилые строения состояли у подавляющей массы населения преимущественно из полуземлянок, то, по мере обживания поселения, развивалось наземное домостроительство.

Но полуземлянки еще долго сопутствовали наземному глинобитному и кирпичному домостроительству, и открытые Махандарьинской экспедицией полуземляночные дома с легкими каркасными стенами и перекрытием, обмазанными глиной, — тому пример. Эти временные дома были возведены неподалеку и одновременно с монументальным сооружением Кызылкыр I (Нильсен В. А., 1959; Мухамеджанов А. Р., 1978. С. 80; Мухамеджанов А. Р. и др., 1983. С. 26 и далее).

Традиция земляночного домостроительства, уходящая корнями в первобытность, распространилась в эпоху раннежелезного века и в районах Средней Азии, где скотоводческое население начало переходить к постоянной оседлости. Это, в частности, районы, соседние с древнеземледельческими оазисами Южной Туркмении и Бактрии. Жилища земляночного и каркасного типа в основном характерны для чустской культуры в Ферганской долине, бургулюкской, куюсайской и архаических культур Уструшаны, Чача и Хорезма (Неразик Е. Е., 1976, С. 20; Дуке Х. И., 1978; Вайнберг Б. И., 1979а; Заднепровский Ю. А., Матбабаев Б. Х., 1984).

В Согде, занимавшем в эпоху раннежелезного века промежуточное положение между районами традиционно оседлой культуры и вышеуказанными районами северной периферии древних оседлых цивилизаций, были распространены обе традиции домостроительства; наряду с фундаментальными наземными домами возводились небольшие, возможно сезонные поселения, состоявшие из полуземлянок с легким каркасным перекрытием (Сагдуллаев А. С., 1981 а; Его же, 1984; Дуке Х. И., 1982; Крашенинникова Н. И., 1984).

Эта традиция сочетания двух видов домостроительства продолжалась позже. В ахеменидский и селевкидский периоды в Согде наряду с такими сельскими усадьбами, как Кумрабад и Чордара в районе Канмеха в Бухарском оазисе, возведенными из кирпича и пахсы, были и небольшие поселения сезонного типа из мелких жилищ, от которых сохранились лишь горизонты гумусированных отложений с остатками битой керамики и

зернотерок, что отмечено на Караултепа в Каршинском оазисе.

Весьма важными для характеристики домостроительной традиции той поры являются остатки поселения Курганча в Гузарском оазисе. Это было небольшое земледельческое поселение позднеахеменидского и раннеселевкидского времени на одном из дельтовых протоков р. Гузардарьи. Три строительных горизонта дают картину постепенной смены земляночных и полуземляночных жилищ наземными домами, возведенными из пахсы (Хасанов М., 1990. С. 4—6). Поселение датировано автором раскопок М. Х. Хасановым концом IV—III в. до н. э. Однако этот же процесс постепенной смены первоначальных полуземляночных жилищ наземными домами из квадратного сырцового кирпича отмечается им и в домостроительстве укрепленного пограничного городка крепостного типа Киндик-литепа в греко-бактрийское время. Автор приходит к выводу о сочетании традиций монументального и земляночного домостроительства в Южном Согде в III—II вв. до н. э., считая, что первая уходит корнями в культуру домостроительства древнеземледельческих оазисов юга Средней Азии, а вторая связана с земляночными жилищами чустской и бургулюкской культур. При этом можно указать, что в Согде, да, видимо, и в античной Бактрии, судя по открытой на Дальверзинтепа землянке греко-бактрийского времени (Ртвеладзе Э. В., 1978а, С. 75, сл.), первоначальное обживание возводившихся городов и поселений происходило в земляночных и полуземляночных жилищах, затем постепенно их сменяли более монументальные наземные дома. Для IV—III вв. до н. э. смена земляночных жилищ наземными домами отмечается на поселении Кайрагачтепа в долине Кашкадарьи и Нуртепа в Уструшане (Негматов Н. Н., Беляева Т. В., 1981; Сагдуллаев А. С., 1987). Крупное городище III—II вв. до н. э. Тамошотепа в Бактрии также в основном имело полуземляночные жилища (Абдуллаев А. 1975; Его же, 1987).

На городище Еркурган в шурфах на Р-1 и Р-13, доведенных до материковых отложений, в горизонтах, относящихся к первой половине I тысячелетия до н. э., т. е. ко времени начальных этапов развития города, не было встречено архитектурно-строительных конструкций. Культурные слои здесь состояли из золистых и гумусированных отложений с остатками битой посуды и костей животных. Данное обстоятельство наводит на мысль о том, что на Еркургане вероятно самые первоначальные жилища могли иметь земляночный характер. Это, видимо, были полуземлянки с легким каркасно-глиняным перекрытием, с очагами и ямами-хранилищами на полу.

Подобные гумусные отложения без архитектурно-строительных конструкций характерны для ряда городов и поселений Средней Азии второй половины I тысячелетия до н. э.,

в ряду которых следует отметить Дальверзинтепа, Зартепа, старый Термез, Тамошотепа в Бактрии; Афрасиаб, Бухара, Пайкенд в Согде; Нуртепа, Ходжент и Хантепа в Уст-рушане (Ртвеладзе Э. В., 1978. С. 75 и сл.; Массон В. М., 19776; Кабанов С. К., 1981; Негматов Н. Н., Беляева Т. В., 1981; Абдуллаев К., 1984; Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., 1987; Грицина А. А., Сверчков Л. М., 1990).

Однако наличие землянок, гумусных и золистых слоев на городищах той поры не означает отсутствие монументальных сооружений и наземного домостроительства. На большинстве из них мощные внешние стены. Афрасиаб, Нуртепа, Еркурган и другие имели дворцовые и храмовые монументальные сооружения. Тем не менее, как следует из вышеизложенного обзора, раннеантичные города и поселения Согда и Бактрии на самых ранних этапах своего обживания в значительной мере застраивались сначала временными полужемляночными жилищами с легким перекрытием, скорее всего, это было жилье простого, зависимого населения.

Традиция легких глиняно-каркасных стен и перекрытий не исчезла бесследно, она переросла в северных районах Средней Азии в массовой жилой архитектуре в каркасное домостроительство, особенно широко распространенное в Ферганской долине. В эпоху средневековья техника строительства жилых домов со стенами, конструируемыми из дерева с глиняно-кирпичной закладкой, широко была распространена и в Согде. Ибн Баттута в XIV в. отмечал, что постройки в Бухаре имеют каркас из дерева (Ибрагимов Н., 1988, С. 26).

В раннее средневековье в архитектуре Чача и Согда традиция деревянного каркасного строительства отразилась и в широком использовании деревянных пристенных полуколонн, консольных конструкций и сложных шатровых деревянных перекрытий (Гуревич Л. Л., 1981, С. 46; Филанович М. И., 1987, С. 151; ДСГВМ, С. 7-10; Фонарев С. В., 1988; Самибаев М. К., 1993, С. 8-10). Это были конструктивно-отделочные особенности интерьера парадных, прежде всего культовых помещений раннесредневекового Согда и Чача. В архитектуре Нахшаба они неизвестны.

Пристенные деревянные пилястры с капителями кушанской архитектуры (Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А., 1974, С. 60, сл.; Тургунов Б. А., 1978, С. 33; Беляева Т. В., 1978, С. 50) являются опосредствованным наследием греческой ордерной системы, повсеместно распространившейся в древней и раннесредневековой архитектуре юга Средней Азии, отразившейся и в барельефах раннесредневековых согдийских оссуариев Бия-Наймана и Иштыхана, но консольные и шатровые конструкции перекрытий Чача, тоже конструктивно связанные с пристенными колоннами, генетичес-

ки восходят к древней сакской архитектуре со столбовыми конструкциями, обмазанными глиной, как в могильниках Тагискен и Уйгарак (Толстов С. П., 1962, С. 200-231), которые были имитацией цилиндро-конической хижины, обмазанной глиной. Могила в древности, как известно, имитировала жилье человека при его жизни. При указанном погребальном обряде погребенный, согласно мифологическому мышлению, вместе со своим домом путем сожжения переносился в мир иной.

Эта традиция применения столбовых конструкций нашла свое продолжение и в более позднем круглом мавзолее Чирикратата, где столбовые конструкции, поддерживавшие, видимо, шатровое перекрытие, были вмонтированы в толщу кирпичных стен (Толстов С. П., 1962, С. 146-147).

Мы не рассматриваем известные в Средней Азии дворцовые сооружения городской аристократии. Отметим лишь, что их типологии посвящена публикация Ж. П. Франкфора, который прослеживает длительное развитие монументальных жилых комплексов осевой композиции типа мегарон, берущей начало в сооружениях на Ай-Ханум (Frankfort A. P., 1977; Беляева Т. В., 1978; Тургунов Б. А., 1978). Но на том же городище Ай-Ханум были и дома более низших слоев населения, выстроенные в традициях народного жилья Древнего Востока, в том числе и дома горожан с помещениями, группировавшимися вокруг двора (Лекуюо Г., 1987, С. 63).

Дворцовая архитектура особняков аристократической верхушки Еркургана еще не раскопана. Но из рассмотрения архитектуры городского и дворцового храмов ясно, что схема осевой композиции планировки достаточно широко была распространена в Нахшабе в первой половине I тысячелетия до н. э. и не удивительно, если и жилые дворцы знати Еркургана, подобно дворцам греко-бактрийской и кушанской знати на Ай-Ханум и Дальверзинтепа имели аналогичную структуру планировки.

О том, что композиция со двором в центре, окруженном подсобными помещениями, была известна и в Нахшабе, свидетельствует нижняя часть дворцового комплекса Еркургана, где на вскрытой восточной половине нижней площадки дворца выявлены небольшие внутренние дворики, окруженные коридорами и крытыми галереями. На вершине цитадели средневекового Несефа открыт монументальный архитектурный комплекс, возведенный накануне захвата оазиса арабами, состоящий из квадратного дворика, окруженного рядом мелких прямоугольных помещений (Исамиддинов М. Х., 1978 б, рис. 2) (рис. 73:2).

Отдельные предварительные вскрытия на Р-2. Еркургана, где в нижнем строительном горизонте, забутованном кирпичной кладкой, были открыты стены монументальных строе-

ний, украшенные полихромной живописью, не дают пока представлений об объемно-пространственном решении этого, вероятно, дворцового комплекса. Что касается мону-ментального комплекса в пригороде Еркургана на Р-17, то здесь имеем дело с результатом длительного обживания загородной жилой резиденции, первоначальный замысел планировки которой был совершенно искажен многократными перестройками (рис. 70, 71). В результате по самому верхнему строительному уровню, вскрытому на сегодня, перед нами—центральный зал с большой культовой нишей, окаймленной полихромным раскрашенным бордюром, окруженный второстепенными помещениями. Внешние контуры комплекса, к сожалению, не сохранились. Судя по масштабам, это была резиденция одного из представителей аристократии Еркургана III в. н. э. не очень высокого социального ранга. Но жилье состоятельной прослойки жителей древних городов и ремесленников коренным образом отличалось тем, что в последних обычно находились помещения или дворы производственного назначения. В структуре городской застройки Еркургана, как показали аэрофотосъемки, выявлена прямоугольная разбивка массивов и разделяющих их улиц (рис. 3,4). В эту структуру были вписаны как общественные, так и жилые строения.

Здесь также следует отметить, что функциональная связь помещений жилых общественных архитектурных комплексов древней Средней Азии осуществлялась по трем разным вариантам. В случае, когда в центре находился двор, а по периметру шли помещения со входами наружу, функциональная связь помещений осуществлялась через двор. Распространена также связь единого блока изолированных помещений через систему узких коридоров, оконтуривавших основные помещения. Это был наиболее оптимальный вариант, обеспечивавший как изоляцию, так и взаимосвязь помещений плотно застроенного блока без проходных комнат. Коридоры играли роль улиц и переулков, соединявших изолированные дома городского квартала. Это архитектура особняков греко-бактрийской, парфянской и кушанской знати и состоятельных горожан. Третий вариант, обычно для жилья городских низов,— это дом из нескольких смежных помещений, соединенных между собой проходами; здесь комнаты—проходные, и обычно лишь одна-две, изолированные в глубине, служили спальными помещениями. Эта наименьшая по масштабам и удобству схема структуры домостроений и была доступна ремесленному сословию древних городов.

Вторая особенность домостроения ремесленных кварталов заключалась в том, что они, в отличие от особняков знати, не имели внешних стен и фасадов, а общие же проме-

жуточные стены делили квартал на самостоятельные секции или домовладения. При этом отдельные помещения могли переходить от одного хозяйства к соседнему посредством прорубания нового прохода в стене и закладки старого. Внутри квартала гончаров хозяйства, тоже первоначально подпрямоугольные в силу общей ортогональной разбивки площадей под застройку, со временем в пределах прямоугольных блоков застройки меняли свои границы, отдельные помещения переходили от одного хозяйства к другому, другие объединялись в одно, более крупное, или делились на более мелкие. Входы в хозяйства как гончаров, так и кузнецов имели вид обычно дверных проемов вдоль наружных стен домов, образовывавших общую линию фасада квартала; ни портиков, ни пилонов здесь не было, что типично для застройки рядовых кварталов и других древних городов Ближнего Востока: Селевкия на Тигре, Таксила, Пянджикент (Кошеленко Г. А., 1963. С. 116; ВИА, т. I, рис. 35, 36; Распопова В. И., 1993. С. 13, сл.).

Эти процессы развития внутренней структуры жилья городского плебса, выявленные на квартале керамистов Еркургана, имеют параллели в строениях кварталов мукомолов и гончаров древнего Мерва, поселении Джиндепе и в Пянджикенте (Кацурис К., Буряков Ю., 1963; Кошеленко Г. А., 1963; Нильсен В. А., 1966. С. 76-77). Подобные перестройки характерны для кварталов средневековых городов Средней Азии. Все эти внутренние перестройки обычно происходили в рамках общей внешней стены квартала, образованной стенами отдельных хозяйств, обращенных наружу (рис. 74).

Как показали раскопки квартала кузнецов, его сложение во внешнем городе шло иным путем. Единственным фактором, формировавшим структуру застройки, была улица, вернее дорога, шедшая от ворот в юго-восточном углу внутренней стены города к юго-восточным воротам внешней стены. Все хозяйства ремесленников выстроены здесь вдоль улицы, на которую выходят фасадами одно или два помещения каждого из хозяйств, остальные уходят вглубь (рис. 66). Иначе говоря, помещения хозяйств кузнецов Еркургана выстраивались перпендикулярно направлению самой улицы и в помещениях, выходивших на нее, располагались лавки мастеров. Как позволяют сделать вывод наблюдения за функциональным назначением помещений квартала кузнецов, сами мастера с семьями жили на северной, противоположной стороне улицы в более обширных благоустроенных домах. В мелких же хозяйствах, в основном состоявших из 2—3 комнат, на южной стороне улицы были сосредоточены лишь производственно-торговые мастерские. Этой своей структурой квартал кузнецов в корне отличается от квартала гончаров Еркургана и квартала мукомолов Мерва, зажатых в пределах тесной город-

ской застройки. Отличается эта структура и от мастерских Топраккалы и Пянджикента, где мастерские и лавчонки примыкали к домам знати (Неразик Е. Е. и др., 1981, С. 139). Квартал кузнецов Еркургана, который развивался за городской стеной, а затем сформировался в дошедшем до нас виде, в обширном и слабо застроенном внешнем городе имел больше простора для реализации тенденций своего развития.

По отличиям в структуре кварталов кузнецов и керамистов на Еркургане можно предположить, что квартал кузнецов имел частнособственнический характер и принадлежал самим производителям, вследствие чего и структура его застройки складывалась стихийно в течение длительного времени. Квартал же керамистов имел вероятно государственную принадлежность и структура его застройки поначалу регулировалась сверху.

В Мерве было открыто отдельное хозяйство ремесленника-кузнеца, которое отличалось от квартала кузнецов Еркургана сочетанием жилых парадных и производственных помещений в едином комплексе домовладения. Автор полагает, что это могла быть часть государственного заведения по выделке металлических орудий и оружия (Усманова З. И., 1963).

Квартал керамистов Еркургана имеет структуру, издревле характерную для городской и протогородской застройки, восходящей к традиции протогородской стадии, когда жилые и производственные помещения ремесленников составляли нерасторжимое целое (Аскарлов А. А., 1973, гл. I). На Афраснабе керамическое производство в разное время осуществлялось в черте города или за его пределами.

В случае, когда качественное сырье для посуды было не везде, керамисты устраивали специализированные поселения у мест добычи качественной глины. Хумбузтепа на берегу Амударьи было таким большим специализированным поселением гончаров, функционировавшим с IV в до н. э. Аналогичный характер имело и поселение гончаров IV—III вв. до н. э. на Саратепа близ Самарканда (Иваницкий И. Д., 19926).

По наблюдениям М. М. Мамбетуллаева, продукция, помеченная фирменными знаками мастеров Хумбузтепа, встречается на многих городищах древнего Хорезма, а также, учитывая тексты на черепках с Хумбузтепа, на которых велся учет выданной муки, он полагает, что Хумбузтепа могла быть государственной мастерской по выделке керамики, которая распространялась по всему левобережному Хорезму. Государство же ведало распределением готовой продукции и обеспечивало гончаров необходимыми продуктами питания, что и было зафиксировано на черепке с текстом о выдаче муки на этом поселении гончаров (Мамбетуллаев М. М., 1984, С. 51, сл.).

Кроме того, в Хорезме было распространено возведение гончарных печей на заброшенных городищах и в пустующих кварталах; опять же причиной было сырье, в качестве которого использовались кладки стен более ранних сооружений (Воробьева М. Г., 1961, С. 147—148).

Сравнительно замкнутый характер хозяйств керамистов на Р-13 и Р-20 квартала керамистов Еркургана, редкие находки монет указывают на то, что, в отличие от квартала кузнецов, организация сбыта продукции здесь носила принципиально иной характер, либо, как на Хумбузтепа, заказ и реализацию продукции гончаров осуществляли государство или царское хозяйство, либо готовую продукцию гончары вывозили на рынок, расположенный возможно, на обширной площади за юго-восточными воротами внутренней стены города, между началом улицы кузнецов с востока и царским мавзолеем на Р-4—с запада.

В целом, с точки зрения благоустройства, жилье ремесленников не шло ни в какое сравнение с известными аристократическими особняками Ай-Ханум и Дальверзинтепа с ихстройной дворцовой архитектурой и благоустройством. Жилье ремесленников было крайне скученным, многие помещения не проветривались и в них царил постоянный полумрак, так как, кроме открытого входа, иного освещения не имели. Частые ремонты, перестройки приводили к запутанной планировке и усложняли функциональную дифференциацию отдельных помещений и их взаимосвязь.

Социально кварталы кузнецов и гончаров представляли собой, видимо, определенным образом консолидированные общины с регламентацией внутренней жизни и наследственной передачей ремесленной профессии. На это указывает то, что после разрушения города единственным функционировавшим его участком, за исключением обветшавшего городского храма, оставался квартал керамистов, обретший в эпоху раннего средневековья форму и статус отдельного поселения. Причиной этой преемственности при всеобщем крушении остатков античной традиции Нахшаба при переходе от поры эфталитов к Тюркскому каганату явилось, видимо, общинное устройство жизнедеятельности квартала гончаров. В каких правовых нормах выражалась эта общность, каковы ее сходства и различия с более поздними общественно-производственными корпорациями или цехами ремесленников, мы не знаем. О том, что гончары-ремесленники всегда стремились жить компактными группами, свидетельствуют специализированное поселение керамистов в районе Саратепа в юго-западной части пригорода Самарканда и квартал керамистов парфянского поселения Джиндепе в Мерве, где три крупных домохозяйства были объединены стенами большого общего двора (Копеленко Г. А., 1963; Иваницкий И. Д., 19926).

Как отмечалось при характеристике кварталов гончаров и кузнецов, они имели принципиальное отличие в организации производства. На квартале гончаров обжигательные печи находились в пределах квартала, здесь же производилась и формовка посуды. Квартал же кузнецов был разделен надвое одноименной улицей. К югу находились сугубо производственные мастерские, состоявшие из 2—3 помещений, а к северу от улицы — жилые дома. Как показали предварительные вскрытия, они были более обширны и благоустроены. Но к концу жизни на городище Еркурган на квартале гончаров наблюдалась аналогичная тенденция вынесения за его пределы экологически неблагоприятной технологии обжига посуды. Крупных горнов на уровне самого верхнего строительного горизонта нет. Крупные гончарные печи диаметром три и более метров на Р-13 и Р-20 находились ниже уровня последнего строительного горизонта, с которым связаны сохранившиеся лишь в отдельных хозяйствах мелкие керамические печи, пригодные для обжига тонкой столовой посуды и терракотовых статуэток.

Непосредственно за стенами квартала находились и обжигательные печи на квартале керамистов большого рассредоточенного поселения парфянского времени Джиндепе (Кошеленко Г. А., 1963).

Еще один существенный фактор, указывающий на различие хозяйств кварталов кузнецов и гончаров, — наличие культовых помещений или святилищ во всех крупных домовладениях квартала гончаров, что свидетельствует об их жилом характере (Isamiddinov M. H., 1991).

Проблема домашних святилищ доисламской поры в Средней Азии давно является объектом оживленной дискуссии. На этом вопросе остановимся ниже, в разделе об идеологических представлениях древнего Согда. Однако следует отметить, что **жилая и дворцовая архитектура различных архитектурно-строительных традиций тесно связаны между собой общностью как структуры планировки, так и функциональным назначением основных помещений как жилых домов, так и дворцов, отличавшихся от первых масштабами и роскошью отделки.** Наличие святилищ в наиболее крупных домовладениях гончаров-ремесленников вполне отвечало структуре дворца Еркургана III—V вв. н. э., тоже имевшего свой храм. Для Ирана парфянского и сасанидского периодов также отмечается частое слияние дворца и храма в едином архитектурном комплексе, это дворцово-храмовые комплексы Кухи-Ходжа, Бишапура и Касри-Ширин (Кошеленко Г. А., 1966. С. 99-102). Причина такого слияния в том, что зарождалась практика сосредоточения светской и сакральной власти в одном лице, в частности, это были известные Фратараки Персиды, то же самое полагалось и для Мерва эпохи пар-

фян (Minorsky V., 1946; Кошеленко Г. А., 1966. С. 87). Видимо, и в жилищах ремесленников-гончаров глава семейства в скромных культовых помещениях над очагом проводил обряды возлияния и жертвоприношения. Строгой и непреодолимой грани между огнем хозяйственным и культовым в жилом доме не было, домашний очаг сам по себе был святыней как в зороастризме, так и широком круге индоевропейских культов.

В Иране храмы огня имели сложную иерархию, огнями самого низкого ранга считались огни домашних алтарей (Boyse M., 1967. С. 52; Gabriel A., 1974. С. 162). У современных зороастрийцев Йезда в домах также были специальные помещения, где на алтаре постоянно поддерживался огонь семьи (Boyse M., 1971. С. 137; Дорошенко Е. А., 1982. С. 87).

Культовые комнаты в структуре жилья обычных людей давно выделялись как в домах Месопотамии, так и древней и раннесредневековой Средней Азии (Ghirshman R., 1946. Р. 33—35; Кошеленко Г. А., 1963. С. 81; Воронина В. А., 1964. С. 67—70; Badawi A., 1966. Р. 88; Неразик Е. Е., 1976. С. 159—163; Пиддаев Ш. Р., 1978. С. 100—101; Распопова В. И., 1981; Ахунбабаев Х. Г., 1987).

Особенностью домашних святилищ Согда V—VIII вв. было наличие так называемой тамбурной стенки, она отмечена в парадных комнатах в средневековом Хорезме (Рапопорт Ю. А., 1988. С. 60). Это, видимо, было результатом вырождения вестибюля, ведущего в целлу, но на оформление данного реликтового вестибюля в Согде V—VII вв., кажется, повлияла традиция так называемых скользящих проходов мемориальных сооружений джетысарской культуры (Левина Л. М., 1993. С. 41), где сохранена асимметрия входов, восходящая к архаической традиции спиралевидных планировок.

Принципиальных различий в жилой застройке городов эпохи античности и раннего средневековья не отмечается, структуру поквартирной ортогональной разбивки застройки древних городов, хорошо известных по Джанбаскале и Топраккале Хорезма, повторяют, по существу, прямоугольные кварталы Пянджикента, разделенные магистральными и боковыми улицами. Отсутствие принципиальных отличий в застройке городов и укрепленных селений эпохи раннего средневековья убедительно доказано при сопоставлении обширных вскрытых жилых массивов Пянджикента и Мадма (Распопова В. И., 1993. С. 42). Ни в городе, ни в селе раннесредневекового Согда не было больших дворов, посевов, садов, мест для содержания скота, все было занято плотной жилой застройкой, иногда с небольшими двориками. Город и село раннего средневековья отличаются масштабами и соотношениями размеров цитадели и самого поселения. Для Согда VII—VIII вв. и город, и село обозначаются термином «канд» (Распопова В. И., 1993. С. 35).

В связи с открытием поселения Кунжутлитепа и позднего поселения гончаров на Еркургане, рассмотрим особенности структуры внутренней застройки сельских поселений Нахшаба рубежа древности и раннего средневековья.

Подобные небольшие по площади поселения с плотной жилой застройкой, состоявшей, как и в городских кварталах, из отдельных секций или ячеек, обычно включавших 3—5 комнат разной величины и выходивших в общий двор в центре, хорошо известны для Бактрии и Согда периода поздней античности и раннего средневековья (Кабанов С. К., 1958; Пидаев Ш. Р., 1987; Абдиримов Р., 1988. С. 9—10).

Эти общинные сельские поселения в Нахшабе обычно окружены по периметру общей обводной стеной, имеющей, в отдельных случаях, башни и в центре наиболее крупных из них встречаются монументальные сооружения (Букиннич Л. Л., 1969. С. 91—104; Раимкулов А. А., 1992).

Типологически эти поселения по внешнему облику до вскрытия относятся к двум типам поселений, выделенных нами по материалам Каршинского оазиса. Это прямоугольные в плане тепа и тепа с возвышающимся в центре холмом укрепления или монументального сооружения.

Поселения Кунжутлитепа и Р-20 на квартале керамистов, несмотря на различную специализацию их жителей, по структуре однотипны, их застройка состоит лишь из жилых помещений, где находились хранилища, а также протекала часть производственной деятельности. Они, в принципе, не отличаются от застройки кварталов рядовых горожан Еркургана и других городов Средней Азии поры перехода от древности к раннему средневековью. Аналогичная структура застройки характерна и для поселений Согда последующей, раннесредневековой эпохи. Огражденные площади поселений состояли из плотно застроенных кварталов, разделенных узкими улочками, в них, как отмечено, не было насаждений, загон для скота также находились за стенами укрепленного селения (Нильсен В. А., 1966. С. 183—201; Якубов Ю. Я., 1988б. С. 41—42). На этих поселениях нет отдельно выделенных культовых или административных сооружений, хотя есть внешняя стена. Подобные поселения могли служить местом обитания большой агнатной патриархальной семьи, возможно, являлись «кедами» в отличие от феодальных «кешков», о которых сообщают источники более поздней поры. К последним, видимо, следует относить небольшой замок, изученный Кашкадарьинской экспедицией на вершине цитадели древнего городища

Калаи Захоки Марон, в южной части которого была вскрыта культово-парадная часть замка-кешка с подковообразным алтарем в центре большого, подквадратного в плане помещения.

В целом для типологии сельских поселений, да и для городской архитектуры Нахшаба древности и раннего средневековья характерно отсутствие структуры коридорно-гребенчатой планировки, обычной для укрепленных сельских поселений эпохи раннего средневековья восточных районов Средней Азии: Бактрии, Самаркандского оазиса, Уструшаны, Чача (Воронина В. Л., 1950. С. 190—191; Нильсен В. А., 1966. С. 184—185; Аннаев Т. Д., 1984. С. 13; Его же, 1988, рис. 19, 28; Берди-мурадов А., 1985, С. 15).

Структуры коридорно-гребенчатого типа использовались для конструкции нижних этажей укреплений замков на городских цитаделях (Нильсен В. А., 1966. С. 32—45), но служили, вероятно, не в качестве казарм, как полагал В. А. Нильсен, а в качестве хранилищ.

Весьма ограниченное применение структура коридорно-гребенчатого типа нашла на цитадели Варахши (Шишкин В. А., 1963). Не были характерны структуры подобного рода и для раннесредневековой архитектуры Южной Туркмении и Хорезма.

Древнейшие прототипы структур коридорно-гребенчатого типа, известные на храме Джаркутана и в древневосточной архитектуре, тоже служили в качестве хранилищ. Судя по узости коридоров и тонкости стен подобной структуры на храме Джаркутана, они были с плоским деревянным перекрытием, тогда как в эпоху раннего средневековья имели сводчатые перекрытия из сырцового кирпича. Преемственность между архаичным и раннесредневековыми конструкциями коридорно-гребенчатого типа, видимо, могла осуществляться через строения так называемого дворца Алтынтепа раннежелезного века в Бактрии, сокровищницы и коридорных помещений гимнасии Ай-Ханум (Сарианиди В. И., 1977а, рис. 60; Его же, 1977б, рис. 11; Rapin Cl., 1992а, pl. 8, 43). В позднекушанское время подобную структуру планировки имели помещения первого этажа самой большой северной башни дворца Топраккалы (ТКД, 1984, рис. 6). Была ли такая же структура на нижнем этаже башни на цитадели Еркургана, где в настоящее время открыто одно коридорообразное помещение со сводчатым перекрытием, мы пока не знаем.

Не исключено, что в Нахшабе конструкции коридорно-гребенчатого типа пока не встречены просто в силу того, что еще недостаточно раскопано замков VII—VIII вв., для которых они были характерны в Согде (Семенов Г. Л., 1981).

Глава III

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЕРКУРГАНА

К МЕТОДИКЕ КЛАССИФИКАЦИИ СТРАТИФИЦИРОВАННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Рассмотрение керамики Еркургана следует начать с некоторых соображений методического характера, возникающих в процессе работы на многослойных поселениях, в частности с вопроса о соотношении стратиграфии и составления археологических комплексов, разделенных по временной шкале (См. работы, посвященные этому вопросу: Распопова В. И., 1970; Каменецкий И. С., 1970; Деопик Д. В., 1981).

Все многообразие культурных отложений на многослойных поселениях делится, как правило, на три разновидности: обычные, горизонтально или с уклоном залегающие слои, отдельные линзы и секционные слои, состоящие из заполнения отдельных помещений, дворов и субструкций строительных конструкций. Механика и скорость накопления, а также происхождение содержащегося в них археологического материала отличаются. При этом разные типы стратиграфических отложений на тех или иных участках городищ сочетаются различным образом, хотя в обширных архитектурных комплексах преобладает секционный тип стратиграфии, а в производственных участках, подобно кварталу гончаров Еркургана, насыщенному производственными ствалами в основном мы имеем дело с линзовой стратиграфией, состоящей из массы отдельных выбросов работы гончарных печей керамистов, функционировавших веками. Но обе эти разновидности стратиграфических отложений входят составными частями в общую систему стратиграфии городища в целом. Отдельные линзы выбросов из печей квартала керамистов по набору посуды отличаются от состава типов посуды из слоев, накапливавшихся в качестве бытовых отходов.

Материал для составления хронологически последовательных комплексов керамики Еркургана отбирался только из археологически несмешанных слоев, находившихся в первичном залегании, материалы из отложений с нарушенной или перемешанной стратиграфией, как кладки стен, завалы, субструкции платформ, использованы в исключительных случаях.

Приведенные ниже сводные типологические комплексы керамики Еркургана составлены

на основе хронологической состыковки и объединения наиболее насыщенных и хронологически выдержанных слоев, давших материал того или иного времени по разным раскопам городища. Остальные находки играли вспомогательную роль, дополняя основные комплексы отдельными формами посуды того или иного типа. Решающее значение при хронологической состыковке отдельных комплексов керамики, происходящих из разных раскопов городища, имели их типология и такие детали технологии, как характер теста, отделка поверхности и т. п. Методика составления подобных выборок известна в литературе (Каменецкий И. С. и др., 1975. С. 83).

Выделенные таким образом комплексы керамики характеризуют типологию керамики не отдельного объекта, а городища в целом, в пределах определенного интервала времени. Безусловно, эти типологические наборы не могут претендовать на полноту и будут существенно расширяться и корректироваться в будущем. Наряду с этими сводными комплексами отдельные этапы и периоды развития керамики Еркургана пока представлены материалами лишь одного из раскопов городища.

На протяжении всего периода обживания Еркургана неоднократно происходила полная смена типологии и традиций изготовления посуды с соответствующими им технологическими особенностями, причем смена этих типологических традиций в условиях постоянной и непрерывной жизни на городище осуществлялась плавно. Это, в частности, типология посуды раннежелезного века, цилиндрико-конические сосуды древнесогдийского периода, типология эллинистического времени, которая трансформируется на рубеже нашей эры и, совершенствуясь, доживает до хионито-эфталитского времени, когда происходит переход к новой раннесредневековой типологии керамики Нахшаба. Поэтому для каждого периода типологический набор посуды и, соответственно, номенклатура, терминология и более дробные дефиниции при характеристике рассматриваемых материалов отличаются.

Большинство разработок типологии и системы признаков керамических комплексов обычно исходят из задач анализа комплексов типологии единой керамической традиции, разделенных в пространстве и во времени (Хлебникова Е. Н., 1962; Маршак Б. И., 1965; Его же, 1970; Шишкина Г. В., 1979; Plog S., 1980; Bayerlein P. M., 1985; Pons E., Brun E., 1985; Brandt M., 1985; Tyldesly J. A., Jonson J. G., Snape S. R., 1985).

Все они сводятся к анализу признаков, позволяющих выделить их в системы, которые дают возможность подразделить большую совокупность керамики единой типологической традиции на локальные или хронологически последовательные группы. Разрабатываются они, в основном, на целых сосудах с широким применением количественных параметров. Перед нами стояла иная задача: на основе полученных в процессе раскопок большого города материалов выделить, по возможности, подробную хронологическую последовательность керамических комплексов городища в целом.

В данном случае работа по периодизации и классификации керамики Еркургана построена на материалах основных стратиграфических раскопок городища, давших наиболее обильный, четко стратифицированный материал, находившийся в своем изначальном залегании. Это материалы Р-1 на храме Еркургана, Р-5 и Р-13 на квартале керамистов, Р-17 в пригороде Еркургана. К ним добавлены коллекции посуды других раскопок, хронологически чистые, но относившиеся к тому или иному конкретному отрезку времени. Это, в частности, комплексы с уровней полов, из печей, хумов, других раскопок.

Типологические наборы форм посуды каждой в отдельности керамической традиции, господствовавшей в тот или иной отрезок времени в гончарстве Еркургана, отличались от предыдущих основными своими типами, прежде всего столовой посуды, хотя всегда кое-что наследовалось и сохранялось и от предшествующей типологической традиции. Дело в том, что сосуды различных форм одного типологического набора были функционально взаимосвязаны; так, типология кувшинов функционально была сопряжена с типологией бокалов и кубков. Поэтому отдельные типы могли выпадать из своего типологического набора лишь в случае наличия их функционального эквивалента, эти редкие случаи являют собой примеры конкуренции в быту функционально дублировавших типов сосудов. Посуда обычно менялась целиком в наборе основных своих типов, причиной чего, как правило, были крупные технологические или этнокультурные новации.

Первый этап систематизации керамики Еркургана в основном был осуществлен сотрудником экспедиции на Еркургане М. Х. Исамиддиновым (Исамиддинов М. Х., 1978; Его

же, 1982; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984). В этих работах была дана характеристика результатов изучения стратиграфии за первые четыре года работ на городище с 1973 по 1977 гг. Весь интервал времени обживания городища (с VIII—VII вв. до н. э. по VII—VIII вв. н. э.) был разделен на десять последовательных этапов развития керамического производства на городище.

За прошедшее время количество керамических материалов увеличилось в несколько раз, что позволило представить более полную картину керамических форм Еркургана и выявить более подробную периодизацию их развития.

Большинство положений и выводов первых публикаций по периодизации керамических комплексов сохраняет свое значение. Однако новые материалы, обогатившие коллекции форм, в особенности для архайского, античного и раннесредневекового времени, позволили дать новые, более детальные варианты типологических наборов керамики этих периодов с более подробным хронологическим их членением по временной шкале.

Особая тема — сходство и различие синхронных керамических комплексов. Этой проблеме, требующей целенаправленных разработок, мы касаемся попутно, отмечая индивидуализм керамических типологий разных мастерских и различных поселений оазиса. Эта важная проблема была поставлена для разных мастеров квартала керамистов Еркургана еще в начале работ экспедиции М. Х. Исамиддиновым, и тогда же им были отмечены особенности продукции мастеров, работавших по соседству в одно и то же время (Исамиддинов М. Х., Хасанов М., 1986). Наши наблюдения по сравнительному анализу синхронных керамических комплексов продукции мастеров разных кварталов Еркургана, различных по происхождению и функции комплексов посуды разных поселений оазиса дают новые сведения о локальных различиях общей типологической традиции всего оазиса, в пределах единого интервала времени. Все это приводит к выводу о том, что обычно используемые в практике археологических периодизаций так называемые стратиграфические колонки типов керамики методически никоим образом не могут претендовать на обеспечение полного объема информации и отражение богатства и разнообразия типологии керамической посуды той или иной эпохи определенного региона.

КЕРАМИКА РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

КОМПЛЕКС ЕК-1

Комплекс керамики Еркургана эпохи его зарождения в качестве первоначального поселения представлен немногочисленными находками фрагментов грубой лепной посуды полученной со дна шурфов на Р-13 и Р-16; здесь в стра-

тиграфически неповрежденном залегании в основном были выявлены обломки стенок сосудов, единичные фрагменты венчиков чаш, горшков. Кроме того, фрагменты посуды данного периода найдены на различных раскопах Еркургана в переотложенном состоянии. По форме это округлые чаши, миски, сферические горшки. Обычно они имеют неравномерный обжиг, черепок в изломе часто рыхлый с примесью шамота, дресвы, тесто розоватых или светлых сероватых тонов, поверхность заглажена. Черепки преимущественно имеют следы темно-красной, иногда фиолетовой, смывающейся в воде, краски (рис. 88: 1—7). В отдельных случаях, когда поверхность сосуда залощена, орнамент не смывается (рис. 191:1).

Для полноты типологической и морфологической характеристики керамической посуды раннего Еркургана приведем наиболее целые экземпляры характерных форм посуды той поры, полученные с небольшого поселения раннежелезного века, изученного Х. Дуке на берегу Чимкурганского водохранилища выше по течению р. Кашкадарьи. Несколько сот обломков керамики, полученных с этого однослойного оседло-земледельческого поселения, дают исчерпывающее представление о типологической традиции гончарства населения долины Кашкадарьи первой половины I тысячелетия до н. э. Сосуды представлены большими и малыми горшками сферической формы и глубокими чашами и мисками (рис. 88:8—16). Подавляющее большинство сосудов вылеплено от руки, в этих случаях тесто обычно с шамотом и дресвой, очень редко чаши изготовлены на гончарном круге из плотного, хорошо отмученного теста без примесей, это был продукт специалистов-гончаров. Характерно, что нижняя часть сосудов, сформованных на круге, гладко обточена острым ножом. Этот прием обработки нижней части сосудов сохранился на Еркургане почти до раннего средневековья. Наиболее крупные горшки имеют в примеси теста солому, а чаши, особенно изготовленные на гончарном круге, снаружи покрыты лощением.

Имеются единичные экземпляры обломков толстостенных жаровен с рыхлым черепком (рис. 88:17, 18).

Особенность керамики той поры—ее типологическая аморфность: котлы, горшки, миски, чаши открытые и глубокие морфологически близки и связаны целым рядом промежуточных форм. Нет стандартных типов. То, что подавляющее большинство посуды для хозяйственных нужд изготовлялось дома, вело к типологической аморфности, горшки и миски отличаются лишь более или менее суженным или расширенным устьем, чаши для твердой или густой пищи не отличаются от чаш для жидкости и питья. Все многообразие форм сводится к двум основным и функционально различным формам посуды: открытым чашам

и мискам для приема пищи и питья и глубоким сферическим котлам, игравшим, видимо, и роль тарной посуды. Лишь в одном случае на поселении у Чимкурганского водохранилища была найдена изготовленная на гончарном круге тонкостенная хумча, но по форме она повторяет профили крупных, глубоких котлов той поры.

Вопросы аналогий и хронологии этого комплекса керамики Еркургана, Чимкурганского водохранилища и культурного комплекса долины Кашкадарьи достаточно полно обсуждены в литературе (Дуке Х. Н., 1982; Исамиддинов М. Х., 1982; Сагдуллаев А. С., 1984; Его же, 1987). Хронологически комплекс керамики раннежелезного века Еркургана относится, вероятно, к самому концу данного периода, т. е. к VIII—VII вв. до н. э.

КЕРАМИКА ДРЕВНЕСОГДИЙСКОГО ПЕРИОДА

Типология посуды той поры, часто характеризующаяся как керамика ахеменидского времени, складывалась в обширных регионах оазисов юга Центральной Азии и Афганистана с VII—VI вв. до н. э., задолго до появления государства Ахеменидов (Cattenat A., Gardin J. C., 1977; Исамиддинов М. Х., 1982).

Типы сосудов довольно однообразны, как тарная, так и столовая посуда сводится к цилиндрическим и цилиндро-коническим формам, различающимся размерами и пропорциями.

Кухонная посуда во многом сохраняет особенности посуды предшествующего периода раннежелезного века. Сосуды изготовлены лепным способом, имеют округлое тулово с вертикальными или суженными стенками устья, без выраженного венчика.

О специальных работах, посвященных вопросам типологии периодизации керамики данного периода, нам не известно, хотя в большинстве публикаций керамические комплексы того времени делятся на ранний и поздний этапы своего развития (Массон В. М., 1959, С. 39; Сагдуллаев А. С., 1978, С. 10—12; Аскаров А. А., Альбаум Л. И., 1979, С. 31). Аналогичным образом на два этапа, Ер-II и Ер-III, первоначально был разделен этот комплекс и на Еркургане (Исамиддинов М. Х., 1982). Надежно стратифицированные материалы, полученные в последние годы на городище, позволили внести коррективы в эту первоначальную картину и подразделить прежний этап Ер-III на два более коротких интервала, таким образом, эволюцию керамики древнесогдийского периода можно подразделить на три последовательных этапа.

КОМПЛЕКС ЕР-2

Этот комплекс получен пока лишь в основании шурфа, заложенного в первые годы работы экспедиции на Р-13 квартала керамистов, из слоев 23—20; материал опублико-

ван (Исамиддинов М. Х., 1982; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984. С. 25).

Гончарная посуда здесь в основном представлена тарной посудой и редкими цилиндро-коническими кубками (рис. 89:1—5). Подтреугольные венчики крупных сосудов с горизонтальной ложбинкой под венчиком, а также редкие горизонтальные валики в середине тулова кубков (рис. 89:5) указывают на раннюю дату этого комплекса.

Здесь много лепных сосудов, которые сохраняют разнообразие профилей, характерное для архаической типологии керамики ранне-железного века (рис. 89:16—25).

В целом комплекс датируется концом VII — первой половиной VI в. до н. э.

КОМПЛЕКС ЕК-3

Материал этого периода выявлен из слоя 18 шурфа на Р-13; из нижних слоев стратиграфического шурфа в траншее 3 Р-1, слои 27—26; из I кладки внутренней оборонительной стены самого городища; к этому же времени относится керамика, полученная на небольшом разрушенном сельском поселении Караултепа, на юго-западной окраине Каршинского оазиса.

Комплекс керамики того времени развивает далее типологию посуды цилиндро-конических форм, крючковидные и подтреугольные венчики тарных сосудов предшествующего периода сменяют плоские и подпрямоугольные в сечении манжетовидные венчики (рис. 90:20, 21, 26; 91:2, 4, 6, 8, 9, 92:14—20).

Столовая посуда более тонкая, стали изготавливаться открытые чаши (рис. 90:1—8; 92:2—3).

Но, главное, в это время появились пока еще редкие столовые формы посуды, имеющие красное тесто и открытый профиль с выделенным краем. Это крупная миска с Г-образно отогнутым краем, найденная в I кладке стены городища, хотя она имеет светлофонковую фактуру, характерную для цилиндро-конических сосудов Еркургана (рис. 90:19), и фрагмент небольшой красноглиняной чаши с отогнутой закраиной из самого нижнего слоя, примыкавшего к I кладке стены изнутри (рис. 90:13). Имеется фрагмент крупной широкой красноглиняной чаши S-образного сечения края (рис. 90:11). Редкие сосуды с отогнутой закраиной обнаружены и на поселении Караултепа (рис. 92:5, 10, 12). Все эти новые типы сосудов морфологически восходят к чашам и мискам так называемого килевидного профиля, известных в центральных и западных районах государства Ахеменидов с древности, и они, надо полагать, сигнализируют о развитии культурных связей тогда с центральными областями Ирана, входившими в государство Ахеменидов (Ghirshman R., 1954; Schmidt E. F., 1957; Yong C. T. Jr., 1965; Хасанов М., 1990. С. 62).

Весь этот комплекс керамики ориентировочно можно датировать концом VI — первой половиной V в. до н. э.

Особенности комплекса керамики ЕК-3 позволяют по-новому взглянуть на дату комплекса Яз III, которую исследователь первоначально считал возможным довести до IV в. до н. э., ссылаясь на находку небольшой красноглиняной тарелочки, напоминающей раннепарфянские типы, а также бронзовые втульчатые наконечники стрел, аналогичные таковым с Кюзелигера (Массон В. М., 1959. С. 43). Эта единственная тарелочка имеет сходство по форме с редкими красноглиняными сосудами из комплекса ЕК-3 (рис. 90:11, 13). Серия же бронзовых наконечников стрел, найденная на комплексе Яз III, датируется с VII—VI по IV—III вв. до н. э. (Медведская И. М., 1972).

Нам кажется, что находку упомянутой тарелочки из слоя Яз III, как и в комплексе ЕК-3, следует объяснить влиянием гончарства центральных районов Ирана на производство посуды в оазисах Средней Азии после включения их в государство Ахеменидов Киром в VI в. до н. э. Такими же, как на Язде, трехперыми наконечниками стрел персы воевали и в Греции (Дандамаев М. А., 1985. С. 150). И то, что в это время жизнь на Язде обрывается, можно объяснить тем погромом, который после Кира устроил Дарий I в Маргиане в 522 г. до н. э. при подавлении народного восстания. Бехистунская надпись особо отмечает, что здесь было убито 55 243 человека — гигантская по тем временам цифра. Лишь после этого видимо в опустевшем оазисе выше по течению Мургаба на месте Эркалы было возведено новое укрепление.

Серия трехперых втульчатых бронзовых наконечников стрел (Массон В. М., 1959, табл. XXXIV), найденных на поверхности Язде, — вероятно следы жестокой битвы между повстанцами под руководством Фрады и карателями Дадаршиша, о которых упоминает Бехистунская надпись. Сам В. М. Массон относил погром Дадаршиша к периоду Яз II.

КОМПЛЕКС ЕК-4

Керамика данного периода получена только на городском храме (Р-1) в шурфе траншеи 3 из слоев 24—21 и из нижних золистых прослоек траншеи 1 этого же храма. В наборе столовой посуды той поры, наряду с традиционными формами цилиндро-конических чаш получили распространение стройные плоскодонные цилиндрические кубки (рис. 93:1—3), а также широкие, конической формы тарелки и блюда (рис. 93:11, 12). Кубки цилиндрической формы на Афрасиабе, как и в Бактрии, датируются более ранним временем (Турбеков М., 1990. С. 132). Блюда и тарелки конической формы на Язде и в Самарканде также отмечены с более раннего времени (Мас-

сон В. М., 1959, табл. XXXVII, 5; КИТДСС. С. 28, рис. 12).

Тарная хозяйственная посуда сохраняет традиционные цилиндрико-конические формы, но профиль их в сечении более мягкий, горизонтальное рифление стенок слабеет, венчики, оставаясь манжетовидными, в сечении делаются обтекаемыми, заovalенными, ланцетовидными (рис. 94:2—5). Появляются крупные хумы с растительными волокнами в рыхлом черепке, они лепные и обретают валикообразные венчики (рис. 94:1; 95:11, 13).

Имеются массивные плоские жаровни из огнеупорного теста (рис. 95: 15, 16). Встречен обломок края толстостенного котла, украшенного архаичным орнаментом в виде прочерченных вдоль края треугольников (рис. 108: 14).

Этот последний по времени комплекс древнесогдийского периода видимо следует датировать второй половиной V — началом и серединой IV в. до н.э.

РЕЗЮМЕ

На сравнительном анализе и аналогиях комплексов керамики не останавливаемся, так как этот вопрос подробно рассмотрен в литературе (Исамиддинов М. Х., 1982; ДГКСА. С. 287).

Особое внимание следует обратить на выявленный в последние годы комплекс керамики IV в. до н.э., существенно отличающийся от описанного комплекса цилиндрико-конической керамики. Чирикратская культура Приаралья, нуртепинская культура древней Уструшаны, сельские поселения Саратепа 2, Даринтепа и Курганча в Согде, а также Тамошотепа в Бактрии дают своеобразный комплекс керамики, типология которой более связана с традицией керамического производства центральных и западных районов Ирана, нежели с керамикой оазисов самой Средней Азии (Негматов Н. Н., Беляева Т. В., 1981; Грицина А. А., 1990, С. 11; Хасанов М., 1990; Иваницкий И. Д., 1992; Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993, гл. III).

Как полагают Б. И. Вайнберг и Л. М. Левина, эта крупная инновация материальной культуры Ирана в Приаралье могла быть связана со строительством комплекса «Большого дома» Бабиш-Муллы, который мог быть резиденцией сатрапа дахов, являвшихся союзниками поздних Ахеменидов, отмечается при этом синхронное строительство дворца сатрапа и в Арин-берде Армении (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. С. 32, 33).

Как свидетельствует изучение поселений в Согде, Бактрии и, особенно, по среднему течению Сырдарьи, в IV в. до н.э. более восточные области Средней Азии не остались в стороне от политики укрепления центральной власти на местах, которая заключалась, видимо, не только в создании новых сатрапий

на местах, но и в колонизации свободных земель, что и привело к появлению вышеотмеченных керамических комплексов, один из которых открыт на южной периферии древнего Нахшаба, на поселении Курганча в Гузарском оазисе.

О широком применении политики колонизации и депортации неугодных народов Ахеменидами достаточно известно (Фрай Р., 1972, С. 154; Дандамаев М. А., Луконин В. Г., 1980. С. 280).

На городище Еркурган комплекса керамики, аналогичного найденным в вышеуказанных поселениях, нет. Однако в кладке платформы храма Еркургана, относящейся к несохранившемуся храмовому зданию, возведенному поверх сnivelированных руин храма середины I тысячелетия до н.э., видимо, сразу после похода Александра Македонского (Р-1, слой 20, шурф в траншее 3) был найден обломок суженной горловины кувшина, аналогичный керамике из поселения Курганча (рис. 108: 87), но залегал этот фрагмент вместе с обломками других, традиционно древнесогдийских форм посуды (рис. 108: 9—11). Эти редкие экземпляры, видимо, характеризуют типологию керамики Еркургана конца IV—начала III в. до н.э.

Таким образом, рассмотренный древнесогдийский комплекс керамики VII—IV вв. до н.э., порой именуемый «ахеменидским», на деле представлял сугубо местное явление, сложившееся еще в мидийское время, в типологию которого после Кира стали внедряться отдельные типы собственно иранской посуды.

КЕРАМИКА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Данный период слабо представлен в публикациях керамики Еркургана прежних лет. Это, в частности, прежний комплекс А или ЕР-IV (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984. С. 42).

На основе новых, стратиграфически надежно расчлененных материалов из траншей 3 храма Еркургана данный комплекс керамики Еркургана хронологически подразделен на три этапа: ЕК-5, ЕК-6, ЕК-7.

КОМПЛЕКС ЕК-5

Материалы первого этапа были получены в отложениях шурфа траншеи 3 на Р-1. Они залегали над платформой, перекрывающей отложения ахеменидского времени. Это уровень XI—XII ярусов вскрытых 1978 г., слой 18, 19, 19а 1982 г., III горизонт 19 слоя 1984—1985 гг. В этом комплексе были сгруппированы находки перечисленных мелких слоев и прослойки нижней части шурфа, материал каждого из них в отдельности немногочислен.

Тесто посуды той поры розоватых, светло-красных и светло-коричневых тонов; как пра-

вило, придонная их часть снаружи, а порой и вся внешняя поверхность обточены острым ножом. Тесто с небольшой, видимо, естественной примесью песка, иногда со слабым присутствием белых крупинок толченого гипса, наличием в изломе мелких пор. Ангобирование встречается редко, на краснофоновых сосудах оно коричневого цвета, на немногочисленной сероглиняной посуде темно-серое. Лощеные сосуды отмечены в редких случаях.

Основной формой столовой посуды являются кубки. Их в комплексе более 40 археологически определяемых фрагментов. Большая их часть имеет обтекаемый профиль и углубленную коническую придонную часть (рис. 96:1—5), вторая разновидность — с изломом профиля — по количеству вдвое меньше. Они чуть меньше первых диаметром и более приземисты (рис. 96:10). Кубки имеют небольшие плоские донца, одним экземпляром представлен слегка вогнутый дисковидный поддон (рис. 96:11, 12).

На втором месте по количеству находятся так называемые рыбные блюда диаметром 15—9 см. В силу маленьких размеров и отсутствия у многих из них на дне углубления — солонки, М. Х. Исамиддиновым этот тип был назван блюдцем (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984. С. 43). Они имеют широкий конический резервуар, плоское донце и простой, подтреугольный в сечении, венчик (рис. 96:13, 14), который часто отогнут к низу (рис. 96:15, 16). В двух случаях треугольный выступ края обращен внутрь — этот вариант нетипичен (рис. 96:18). Имеются находки и без профилированного венчика (рис. 96:17, 19). Одним экземпляром представлено рыбное блюдо с четко профилированным развитым венчиком, характерным для последующего этапа (рис. 96:20).

В целом в тот период данный тип посуды Еркургана только складывался, с одной стороны, под влиянием греческих рыбных блюд, с другой — являясь продолжением местного широкого конического блюда ахеменидской поры, более крупного по размеру. Окончательно этот тип в характерной для Каршинского оазиса форме сложился на последующем этапе развития керамики греко-бактрийского периода.

Немногочисленны небольшие тарелки с широким венчиком в виде уплощенного валика снаружи (рис. 96: 21, 22).

Тарелки с Г-образно отогнутыми наружу венчиками немногочисленны и нестандартны (рис. 96: 23—27). Одна из них — с широким профилированным краем, сероглиняная, обработана с обеих сторон частым полосчатым горизонтальным лощением (рис. 96: 25), вторая имеет на дне характерную для рыбного блюда солонку и украшена радиально прорезанными линиями (рис. 96: 23).

Единичными экземплярами представлена посуда, типичная для последующего времени,

это сероглиняная тарелка, слегка отогнутый наружу широкий ее край отделен от резервуара уступом и имеет прочерченную кольцевую линию (рис. 96:28), и широкая чаша или небольшая тарелка с загибающимся внутрь краем (рис. 96: 29).

Донца тарелок плоские или с дисковидными поддонами, часто слегка вогнуты и, иногда в центре, — с небольшой рудиментарной солонкой, перенесенной еркурганскими гончарами с рыбного блюда на тарелки (рис. 97:1, 2).

Единичными экземплярами представлены также формы, типичные для более раннего времени и известные по коллекциям керамики поселения Курганча, — это чаши (рис. 97: 3, 4). Имеются отдельные миниатюрные чашечки, одна из них — с уплощенным бережком по верхнему краю венчика, вторая — глубокая, с отогнутым наружу краем (рис. 97: 5, 6).

Миски немногочисленны, преобладают с широкими, уплощенными, слегка отогнутыми венчиками (рис. 97: 7—9).

Кувшины, в отличие от предыдущего периода, имеют четко выделенные удлиненные горловины с традиционным плавным отогнутым наружу широким венчиком (рис. 97: 10—12).

Более десятка обломков верхних частей горшков также имеют разнообразное оформление венчиков. Преобладают всевозможные варианты широких, горизонтально расположенных, валикообразных в сечении венчиков с рельефным валиком при переходе от горловины к плечу (рис. 97: 13—15). Имеются горшки с архаичными венчиками в виде плавного отогнутого наружу или манжетообразного сглаженного края (рис. 97:16, 17).

Оформление устьевых частей хумчей практически такое же, как у горшков, в виде горизонтальных или вертикальных валиков (рис. 97: 18—21).

Редкие обломки хумов имеют два типа венчиков: в виде отогнутого наружу, слегка утолщенного валика, или подтреугольные в сечении с выступающим по внутреннему краю ребром (рис. 97:22, 23).

Кухонная керамика представлена несколькими фрагментами котлов и больших плоских жаровен, тесто этих сосудов с шамотом.

Котлы лепные, сферические, без профилированного венчика с сегментовидными ручками в верхней части (рис. 97: 24, 25). Аналогичной формы, но более изящные котлы, изготовлялись и на круге (рис. 97:26), они повторяют архаичные лепные прототипы. в их тесте присутствуют мелкий шамот и песок.

Жаровни — толстостенные, из рыхлого теста с примесью травы, диаметр их более 0,5 м (рис. 97: 27, 28).

Комплекс керамики ЕК-5, учитывая его стратиграфическое залегание и аналогии с известными раннеэллинистическими памятни-

ками Согда и Бактрии, на которых остановимся ниже, можно датировать второй половиной III в. до н. э.

В целом для эллинистического комплекса керамики характерны такие особенности, как распространение разнообразных в сечении венчиков: овальных, подтреугольных, грибовидных. Под венчиком как у столовых, так и тарных сосудов — широкая ложбина. Края кубков часто имеют утонченный и слегка отогнутый наружу профиль. Ручки кувшинов как правило пластинчатые с продольной ложбинкой снаружи.

КОМПЛЕКС ЕК-6

Материал этого периода получен из шурфа траншеи 3 Р-1; это слои 16, 17 1978 г.; слой 17 1982 г.; II горизонт слоя 19 1984, 1985 гг. Сосуды той поры, как правило, из плотной, хорошо отмученной глины оранжевых, светло-коричневых, светло-красных тонов с небольшой примесью песка.

Кубки, как и в нижележащем слое, двух разновидностей с подчеркнутым изломом стенок и округлые, без излома. Их около 40 экз. (рис. 98: 1—6). У всех небольшие плоские донца.

На втором по количеству месте рыбные блюда — их 16 экз. (термин условный, они без солонки на дне, так же, как условно употребление термина «мегарская чаша»). По сравнению с нижним слоем, диаметр их чуть увеличен, но преобладает диаметр 17—19 см. По сечению венчиков их можно подразделить на несколько вариантов: простые непрофилированные, слегка утолщенные, подпрямоугольные в сечении (рис. 98: 7, 8); утолщенные, подтреугольные в сечении (рис. 98: 9, 19); клювовидные с острым краем (рис. 98: 11, 12); клювовидные, подпрямоугольные (рис. 98: 13, 14); Т-образные (рис. 98: 15, 16).

Тремя экземплярами представлены обломки широких сероглиняных чаш или тарелок с загнутыми внутрь краями, покрытых жидким темно-серым ангобом (рис. 98: 17, 18).

Выделяются 5 экземпляров сероглиняных, крупных, глубоких тарелок с Г-образно отогнутым наружу венчиком, покрытых черным ангобом. Видимо, к ним относится нижняя часть сероглиняной тарелки с дисковидным поддоном и прочерченным изнутри на дне кольцом (рис. 98: 19—21), а также серия более крупных аналогичных тарелок с овальными в сечении венчиками. Тесто у них красно-оранжевое, ангоб — коричневый (рис. 98: 22, 23).

Имеется и промежуточная между двумя вышеописанными типами тарелок форма (рис. 98: 24). Ко второму их типу примыкает по тесту и обжигу небольшая миска с Г-образным венчиком. От вышеописанных этот сосуд отличается более глубоким резервуаром и утолщенными стенками (рис. 98: 25).

Эти серии открытых чаш и тарелок раз-

ного типа, где вместе с определенными типами венчиков сочетается та или иная технология обжига, наводят на мысль о различиях в стиле изготовления посуды различными мастерами, где вместе с господством окислительного или восстановительного обжига посуды мастера выбирали те или иные детали оформления венчиков и отделки сосудов.

Есть и другие виды мисок, более крупные по размеру с подтреугольными в сечении венчиками (рис. 98: 26, 27).

Для всех вышеописанных сосудов характерны тщательная обточка и заглаживание придонных частей с помощью острого ножа и ложбинки под венчиком. У некоторых из них ножом обточена вся поверхность снаружи.

Единичным экземпляром представлена маленькая приземистая чашечка с вертикальным бортиком, генетически этот тип восходит к мелким полусферическим чашам ахеменидского и селевкидского времени (рис. 98: 28); большая чашка или тонкостенная миска с вертикальными стенками без выделенного венчика (рис. 98: 29). Сосуд этот без ангоба, в плотном тесте — редкие растительные остатки и крупинки сухой глины.

Закрытые формы состоят из кувшинов, горшков, хумов и хумчей. Тесто крупных сосудов более тусклое, с редкими щелевидными порами в участках наращивания глиняной массы, чаще — в придонной зоне и в месте перехода плечика в горловину. Поверхность — серовато-зеленоватых тонов. Нижние части обточены ножом, при этом часты круговые черточки от песчинок при обрезке ножом. Иной раз отмечается вертикальное рифление от дрожания ножа при обточке основания тулова.

Кувшины сохраняют традиционную, короткую расширяющуюся горловину с широким отогнутым наружу устьем (рис. 98: 30, 31).

Единичным экземпляром представлен узкогорлый кувшин без оформленного венчика (рис. 98: 32). Аналогичный сосуд был найден в единственном экземпляре и на поселении Курганча.

Горшки разнообразны, преобладают формы со сферическим туловом и отогнутым наружу устьем (рис. 98: 33, 34), имеются горшки с венчиками в виде валика с заостренным ребром с внешней стороны, по размерам они переходят в хумчи (рис. 99: 1, 2).

К подобного рода сосудам видимо относится и короткий слив, расположенный на плечике сосуда сферической формы (рис. 99: 3).

Продолжают сохраняться и горшки баночной формы, хотя венчики у них модернизированы (рис. 99: 4—6).

Тремя экземплярами в этом слое представлены небольшие тонкостенные горшочки округлой формы (рис. 99: 7, 8).

Хумчей — небольших по размерам хумов в этом слое не отмечено, зато крупные хумы достаточно разнообразны. Один из них

изготовлен на круге с хорошо профилированным валикообразным венчиком, отделенным крупной ложбиной и кольцевым валиком от илечиков, имеет в виде декора редкое горизонтальное рифление стенок (рис. 99:9). Остальные хумы лепные, толстостенные, тусклые, серо-коричневые в изломе, черепок с щелевидными порами, со светлой, желтовато-серой поверхностью, в отдельных случаях тесто отслаивающееся, с режущими в изломе краями (рис. 99: 10—12). Придонные части сохраняют конический подкос (рис. 99: 13, 14).

Кухонная посуда представлена фрагментами котлов и немногочисленных толстостенных жаровен. Лепные котлы имеют прямые или закругленные, суженные к устью стенки с полуовальными ручками в верхней части (рис. 99: 15—18). Тесто в изломе темно-серое, снаружи—оранжеватое-серое, с дресвой, шамотом и мелкорубленной травой. Широко распространены сферические котлы, изготовленные на гончарном круге. По объему они не уступают лепным, имеют суженное устье без выделенного венчика и шишкообразные ручки-налепы близ краев (рис. 99: 19, 29). У них плотное коричневатое-серое тесто с примесью песка. Они плоскодонны.

Жаровни, как и ранее, — в виде массивных толстостенных сковородок диаметром около 0,5 м. Тесто рыхлое, светло-коричневое, с мелкорубленной травой, крупным шамотом и песком (рис. 99:21).

Комплекс керамики ЕК-6 ориентировочно можно датировать первой половиной II в. до н.э.

КОМПЛЕКС ЕК-7

Материал этого периода также происходит из шурфа траншеи 3 Р-1, это находки из слоев 15, 16 1982 г. I горизонта слоя 19 1984 г. К этому же комплексу по времени примыкает материал из нижних слоев стратиграфического шурфа на Р-5 квартала керамистов, слои 52, 51 1974—1975 гг., слои 30, 31 1982 г., слой 36 1984—1985 гг.

Кубки остаются основной формой столовой посуды. Но по сравнению с прежними, они мельчают размером, более тонкостенные, обретают очень плотный красный черепок, крупных сосудов с мелкопористым, желтоватым или светло-коричневым тестом мало. Для большинства устьевых частей сосудов характерна легкая отогнутость наружу. Здесь среди определяемых фрагментов вариант кубков с подчеркнутым изломом стенки возобладал над более ранним, имевшим обтекаемые округлые стенки (рис. 100: 1—8). Кубки с плавным профилем стенок практически продолжают развитие традиционной формы сферических лепных чаш раннежелезного века.

Как и ранее, нижняя коническая часть гладко обточена ножом и сохраняется небольшое плоское донце, имеются небольшие дис-

ковидные поддоны (рис. 100: 10, 11), но, самое главное, в этом горизонте выявлены два экземпляра высоких конических поддонов, переходящих в неустойчивую ножку, столь типичную для последующего периода (рис. 100: 12).

На втором по количеству месте находятся так называемые рыбные блюда, их 14 экз. В данном слое они преобладают с подтреугольным венчиком разной профилировки, их 7 экз. (рис. 100: 13—15). Один из них имеет изнутри прочерченные кольцевые полосы вдоль края (рис. 109: 16). 4 экз. рыбных блюд — с овальным в сечении венчиком (рис. 100: 17, 18), 2 — с простым краем без профилированного венчика (рис. 100: 19) и 1 экз. — с клювовидным и подпрямоугольным снизу венчиком (рис. 109:20).

5 экземплярами представлены тонкостенные сероглиняные широкие чаши (или тарелки) с загнутыми внутрь краями (рис. 100: 21, 22), часть из них покрыта темно-серым, нанесенным кистью, ангобом. Аналогичные сосуды из слоев той поры на Р-5 были красноглиняными (рис. 100: 23, 24).

Увеличивается также количество конических тарелок, имеющих одинаковый с рыбными блюдами резервуар и венчик в сечении в виде небольшого, загнутого внутрь валика (рис. 100: 25, 26). Они имеют оранжево-красное тесто и иногда ангобное покрытие, нанесенное кистью или тряпкой. Аналогичные чаши выявлены в синхронных слоях на Р-5, здесь они более широкие, и их валикообразные венчики имеют овальное сечение (рис. 100: 27—29).

Выявлены 2 экземпляра архаических широких чаш с Г-образными венчиками (рис. 100: 30, 31). По сравнению с их прототипами предшествующей поры края у них укорочены. Обнаружены также 2 экземпляра аналогичного профиля более крупных сосудов в виде глубоких тарелок с хорошо профилированным широким, оттянутым наружу, венчиком и подчеркнутой под ним ложбинкой — важный морфологический признак многих открытых и закрытых форм посуды греко-бактрийского времени на Еркургане (рис. 100: 32, 33). Донные части у всех вышеописанных блюд, тарелок или широких чаш морфологически одинаковы; обычно — на плоском донце, реже — на едва выделенном дисковидном поддоне, часто на дне они имеют прочерченное колечко диаметром 2—4 см — рудимент солонки рыбных блюд (рис. 100:34).

В этом горизонте был распространен весьма характерный для первых веков до н.э. признак в виде узкой рельефной ложбинки по верхней грани края сосудов открытой и закрытой формы. В данном случае — это широкая сферическая чаша со слегка утолщенным подпрямоугольным краем, верхняя грань которого в сечении разделена неглубокой кольцевой ложбинкой (рис. 100: 35), она имеется

и в синхронных слоях Р-5 (рис. 100: 36, 37). Однако для районов Приаралья и, кажется, для Бактрии, этот признак в оформлении венчиков мисок и чаш относится к III—II вв. до н.э. (Ртвеладзе Э. В., 1978а, рис. 58, 1; Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1983, рис. 80).

Аналогичную профилировку венчика имеет крупная миска греко-бактрийского времени на Киндиклитепа к востоку от Еркургана.

Небольшой серией из 4 экземпляров представлены призматические округлые чашечки, у отдельных из них имеется едва выделенный дисковидный поддон, у некоторых профиль повторяет излом стенок кубков. У одного крупного экземпляра появляются прочерченные по внешнему краю кольцевые полосы, типичные для более крупных чаш последующих периодов Еркургана (рис. 101: 1).

По одному экземпляру представлены образцы архаической чаши с S-образным профилем стенок и небольшой сферической тонкостенной широкой чаши (рис. 101: 2, 3).

Крупных мисок в этом комплексе — 2 экземпляра, они обычно по оформлению краев повторяют венчики более мелких чаш и тарелок. Одна из них имеет загнутый внутрь край, вторая — легкое утолщение подпрямоугольного в сечении края с выступающим внутрь ребром (рис. 101: 4, 5).

Кувшины, в принципе, не меняют своих пропорций и размеров, венчики те же — в виде плавно отогнутых наружу краев (рис. 101: 6, 7). Однако у них появляются пластинчатые в сечении ручки с продольной ложбинкой посередине (рис. 101: 8). Появляются отогнутые наружу венчики подпрямоугольного сечения. Одним экземпляром представлен кувшин с легким расширением устья и уплощенным валикообразным венчиком. Новым признаком также является появление рельефного валика, отделяющего горловину от плечиков (сначала она появляется на горшках) и небольших по размеру кувшинов (рис. 101: 9—11).

Горшки имеют сферические тулова с широкими горловинами, часто отделенными от плечика рельефными валиками, венчики — в виде валика или плавно отогнутого наружу утолщенного края с заостренным к низу ребром (рис. 101: 12, 13). Появляется горшок с подтреугольным венчиком, верхняя грань которого разделена кольцевой ложбинкой (рис. 101: 14). Имеются 2 экземпляра небольших тонкостенных горшков, у одного — венчик с уступом для крышки (рис. 101: 15, 16).

Обнаружен фрагмент небольшого тонкостенного сосуда архаической баночной формы с подтреугольным в сечении венчиком (рис. 101: 17).

Крупные тарные сосуды представлены хумами с диаметром горловины 40—50 см, у которых преобладают валикообразные венчики (рис. 101: 18—20). У них плотное, серое в

изломе, слоистое тесто с режущими в изломе краями.

Кухонная керамика, как и в предыдущих слоях, в основном состоит из котлов. Их более десятка фрагментов, более половины из них лепные, у них рыхлое тесто с дресвой, шамотом и мелкой травой. Выделяются крупные сосуды с вертикальными стенками диаметром более 0,5 м и массивными ручками в средней части (рис. 101: 21, 22). Стенки у них не закопчены, возможно, это тарные сосуды. Есть более мелкие котлы сферической формы (рис. 101: 23, 24).

Наряду с описанными, имеются хорошей отделки гончарные котлы из очень плотного теста с примесью песка. У некоторых из них, как на Р-1 и на Р-5, — характерная для этого периода кольцевая ложбинка в верхней грани венчика (рис. 101: 25—27). Как и ранее, есть редкие фрагменты толстостенных жаровен (рис. 101: 28). Следует отметить фрагмент неглубокой лепной сферической чаши, указывающей на живучесть традиций керамического производства раннежелезного века (рис. 101: 29).

Для синхронного керамического комплекса, полученного на Р-5, в отличие от материалов I горизонта 19 слоя в шурфе на Р-1, характерно более частое использование венчиков в виде горизонтально уплощенного бережка, разделенного кольцевой ложбинкой. Кроме того, реже здесь встречаются сероглиняные сосуды. Возможно, это связано с относительно более молодым возрастом коллекции с Р-5 по сравнению с одновременным комплексом, полученным на Р-1.

Комплекс керамики ЕК-7, исходя из уровня его стратиграфического залегания, следует, кажется, датировать второй половиной II — началом I в. до н.э.

Не исключено, учитывая гомогенность типологии трех этапов эллинистической керамики на храме (ЕК-5, ЕК-6, ЕК-7), что вся она на этом раскопе относится к более короткому интервалу времени в пределах III — первой половины II в. до н.э.

РЕЗЮМЕ

Что касается аналогичных материалов, то дать сравнительный анализ по каждому из трех этапов эллинистического времени мы не в состоянии, так как большинство комплексов керамики той поры, известных в Согде и Бактрии, сравнительно немногочисленны, за исключением Ай-Ханум, слабо стратифицированы и не имеют внутренней относительной периодизации.

Но в целом для селевкидского и греко-бактрийского времени известен довольно обширный круг пунктов с материалами той поры. Безусловно, это, прежде всего, богатые коллекции городища Ай-Ханум (Gardin J. C., 1976), хотя при общности типологического набора

всей посуды Еркургана с городищем Ай-Ханум и обилии сероглиняных черепков следует остановиться на явных отличиях обоих комплексов. Так, на Еркургане в тот период еще не отмечено кратеров, хотя близкие типы ваз найдены на поселении IV в. до н.э. Курганча (Хасанов М., 1990), это формальное сходство не выявлено ни у одного фрагмента тех V-образных налепов, которыми украшены кратеры Ай-Ханум (Gardin J. C., 1976, fig. 18—29). Возможно, сосудов данного типа не было в типологии керамики Еркургана эллинистической поры.

Отсутствуют пока также в этом комплексе Еркургана двуручные амфорные и уплощенные фляги, отмеченные на Ай-Ханум (Gardin J. C., 1976, fig. 29—32).

Нетипичны для Еркургана кубки с резкой профилировкой верхней части резервуара, а также сосуды биконической формы (Там же, fig. 12).

Большинство форм столовой посуды Ай-Ханум имеет кольцевой поддон, чего нет на Еркургане.

Встречающиеся на Ай-Ханум сосуды с орнаментом (Gardin J. C., 1976, fig. 33—36) на Еркургане отмечены как исключение.

На правобережье Амударьи материалы эллинистического времени происходят из Тамошатапа, Саксанохура, Тахти-Сангина в Таджикистане (Мухитдинов Х. Ю. 1968; Абдуллаев А. А., 1984; Его же, 1987). Керамика Тахти-Сангина не получила еще своей развернутой публикации. В Узбекистане этот комплекс выделен на городищах Дальверзин, Термез и Халчаян (Пугаченкова Г. А., 1966. С. 30—36; Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А., 1978; Пиддаев Ш. Р., 1987. С. 88). Материалы перечисленных памятников, за редким исключением, выявлены в комплексе с более поздними находками. То же самое можно сказать и об эллинистической керамике Самарканда и Бухары (Шишкина Г. В., 1974; Ее же, 1975; ДГКСА, табл. СXXXIV).

В процессе работ Кашкадарьинской экспедиции на городище Киндиклитепа на восточной окраине Каршинского оазиса был получен значительный комплекс эллинистической керамики, хронологически разделенной на два периода (Хасанов М., 1990). При общем ее сходстве с эллинистической керамикой Еркургана, она характеризуется меньшим разнообразием форм столовой посуды и почти полным отсутствием сероглиняной керамики.

Как отмечает А. В. Седов в специальном обзоре, посвященном керамике этого периода на юге Средней Азии, верхний хронологический ее рубеж, видимо, не прерывается автоматически с падением власти греко-бактрийских царей, и эти традиции продолжались вплоть до I в. до н.э. (Седов А. В., 1984. С. 175—176), что справедливо и для керамики Еркургана, в чем нас убеждает типология хронологически следующего комплекса.

КЕРАМИКА АНТИЧНОГО ПЕРИОДА

Для этого комплекса, складывавшегося в Согде и Бактрии с конца II-I в. до н.э., развивавшегося до начала II в. н.э. и соответствующего так называемому юэчжйско-кушанскому археологическому комплексу Бактрии (Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А., 1978. С. 146), характерно дальнейшее развитие форм предшествующего греко-бактрийского периода, но отличительной его особенностью является появление колоколовидных бокалов и морфологически и функционально близких им цилиндрико-конических кубков на неустойчивой конической ножке.

Как показали исследования последних лет, эти столь характерные для античного Согда формы столовой посуды в сложившемся виде появились не ранее I в. до н.э., что требует серьезной корректировки прежних, более ранних дат, впервые предложенных А. М. Мандельштамом (1966) (Пугаченкова Г. А., цит. по Ртвеладзе Э. В., 1978. С. 112; Седов А. В., 1984. С. 176). Далее они развивались, не теряя своих основных морфологических особенностей, в Бактрии до III в. н.э. (Седов А. В., 1984. С. 177), а в Бухаре существовали видимо дольше, в Бухаре самые поздние варианты вытянутых бокалов на неустойчивой ножке отмечены вплоть до V—VI вв. На Еркургане цилиндрико-конические кубки, как и везде, бытовали до II в. н.э., а бокалы со стеблевидной полый ножкой — до IV в. н.э.

К обычно распространенным среди специалистов представлениям о генезисе колоколовидных бокалов и цилиндрико-конических кубков из форм автохтонных кубков на дисковидном и кольцевом поддоне, который со временем развился в стеблевидную или коническую ножку (Седов А. В., 1984), следует указать, что колоколовидные бокалы совершенно сложившейся формы и с типичным изломом стенки при переходе к круглой придонной части были известны в самой Греции с середины I тысячелетия до н.э. (Sparkes B. A., Brian A. S., Talgott L., 1970. pl. 35, № 986). Отдельные архаичные варианты форм бокалов на стеблевидной ножке были распространены в более раннее время и в Средней Азии (ДГКСА, табл. СXXX; Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993, рис. 72).

КОМПЛЕКС ЕК-8

Материал этого периода происходит из изолированных хумов, содержавших фрагменты посуды в траншее I на Р-1, из хума на Р-22, из углистого слоя на Р-24 и из нижней части комплекса Б, выделенного ранее на Р-5 (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984. С. 48). На Р-5 это материалы 50 слоя вскрытый 1974—1975 гг., 20 слоя — 1982 г., 35—34 слоев — 1984—1985 гг.

В комплексе ЕК-8 сохранилось некоторое количество древних форм кубков округлого

профиля на небольшом плоском поддоне (рис. 102: 7—10). Обычно они имеют белесый ангоб или неангобированы, в нижней части на круге обточены острым ножом (всего 8 черепков).

Особенностью этого комплекса, как отмечалось, является появление, а затем широкое распространение типичных для всех регионов древнего Согда колоколовидных бокалов и цилиндро-конических кубков на ножках.

Немногочисленные колоколовидные бокалы этого комплекса представлены в материалах 50 слоя Р-5, вскрытых в 1974—1975 гг.; они опубликованы (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984, рис. 25). Два крупных их фрагмента имеют характерный излом стенки в верхней части профиля и кольцевые полосы по внешнему краю (рис. 102: 1, 2). Они покрыты светло-красным ангобом. Есть бокалы, покрытые плотным вертикальным лощением без кольцевых полосок по краю (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984, рис. 24—1).

В то время, видимо, не без влияния колоколовидных кубков, архаичные крупные цилиндро-конические или округлые кубки сменились более мелкими цилиндро-коническими кубками на конической ножке. В комплексе ЕК-8 их еще мало, они имеют широкий цилиндро-конический профиль с маленькой неустойчивой конической ножкой (рис. 102: 3—6).

На Р-24 и в соответствующих по времени слоях Р-5 представлено более 10 фрагментов широких округлых толстостенных чаш с закругленными в сечении краями. Обычно они из оранжевого теста, с красным ангобом, реже сероглиняные, с темно-серым ангобом изнутри, придонная часть и плоский дисковидный поддон обточены ножом. Часто они со следами лощения. Для той поры характерно, что около половины этих чаш, подобно более ранним образцам сосудов данного типа из предшествующего комплекса, сохранили легкое горизонтальное рифление стенок снаружи в верхней части (рис. 102: 11, 12). В то же время в комплексе, полученном на Р-24 и плотной глине под ним, такие чаши с рифлением стенок единичны, и часть их имеет прочерченную с внешней стороны по краю кольцевую полоску (рис. 102: 13—15). Этот признак особенно характерен для более позднего комплекса ЕК-9. Иначе говоря, возможно, комплекс на Р-24 является промежуточной стадией между ЕК-8 и ЕК-9, или относится к рубежу новой эры. В этом смысле он синхронен слою из-под стены I периода цитадели Еркургана (см.: Туребеков М., 1990, рис. 11, А).

Вариантами вышеописанной посуды представлены единичные экземпляры чаш аналогичного профиля, но с утолщенным валикообразным венчиком и подчеркнутым бережком по верхнему краю (рис. 102: 16).

Отмечено некоторое количество миниатюр-

ных, округлых, тонкостенных, красноангобированных чаш, отдельные из них имеют прочерченные по внешнему краю кольцевые полоски (рис. 102: 17).

В комплексе того времени множество разнообразных тарелок и блюдец. Среди рыбных блюдец преобладают ранние варианты с крючковидными венчиками, имеющие серое или оранжевое тесто, покрытые красным или темно-серым ангобом (рис. 192: 18—20). Изредка встречаются блюда с вертикально поставленным, овальным в сечении, венчиком, характерным для предыдущего периода (рис. 102: 4). Все блюда с обратной стороны у придонной части обточены острым ножом. Характерны встречающиеся изнутри прочерченные кольцевые полосы в средней части стенок этих блюдец. Этот признак характерен для блюдец первых веков до н.э. Имеются единичные экземпляры рыбных блюдец с подтреугольным в сечении отлогим и вертикальным краем (рис. 102: 17, 18), а также с валикообразным венчиком (рис. 102: 23). Термин «рыбное блюдо» для этих конических тарелок условен, так как от прежних признаков рыбного блюда здесь осталась только форма профиля, углубление-солонка в центре исчезла.

К этой же группе блюдец функционально примыкают единичные экземпляры небольших тарелок без специально оформленного края, лишь с прочерченной кольцевой полоской изнутри вдоль края (рис. 102: 25).

Тремя экземплярами на Р-5 представлены блюда разной величины с Г-образным профилем краев. Они еще имеют архаичный выступ с внутренней стороны, хотя он менее выражен, чем у подобных сосудов более раннего времени (рис. 102: 26—28). Т-образных венчиков здесь уже нет.

Аналогичные блюда и тарелки на Р-24, Р-1 из хума, на Р-13 имеют более развитый профиль с широким, оттянутым наружу, краем (рис. 102: 29—31; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., рис. 24—8; 26—12—13).

Двумя вариантами представлены тарелки с загнутыми внутрь краями, в одном случае утолщенный край имеет более крутой, с заострением внутрь, профиль. Их 4 экземпляра (рис. 102: 32—33). По загнутому внутрь краю они морфологически близки к крупным мискам. Во втором случае — края тарелок более пологие, с валикообразным венчиком, их 3 экз. (рис. 103: 1, 2), они красноангобированы или без ангоба.

Миски и тазики, их 6 экз., венчики у них в виде вертикального валика (рис. 103: 3, 4), есть и более архаичные образцы (рис. 103: 4).

Кувшины одноручные с округлым туловом, горловина отделена от плечиков. обычно тонким валиком, расширяется к устью. Они имеют несколько вариантов венчиков: уплощенные, манжетовидные, оттянутые наружу, прямоугольные, есть и более ранние, в виде

выступающего наружу, треугольного в сечении (рис. 103: 6—9). Обычно эти сосуды покрыты красным или коричневым ангобом.

Горшки гончарной формовки немногочисленны, без выделенной горловины, с отогнутыми наружу неширокими подтреугольными венчиками, появляются и типичные для последующих этапов плоские, отогнутые наружу, венчики (рис. 103: 11—13). Имеются различных форм миниатюрные тонкостенные горшочки, которые функционально могли служить в качестве столовой посуды (рис. 103: 14, 15). На Р-24 отмечен и детский поильник (рис. 103: 26).

К этому же периоду относится редкой формы светлоглиняный, желтоангобированный, баночной формы сосуд с отогнутым наружу венчиком (Туребеков М., 1990, рис. 1, А) и крупный цилиндрический сосуд с Г-образным венчиком (рис. 103: 25), имеющий светлое тесто с песком и толченым известняком в примеси.

Нижние части кувшинов и горшков, как правило, обточены ножом, на дне — следы подсыпки, в отдельных случаях имеются приземистые поддоны, изредка встречаются днища на невысоких ножках типа триподов (рис. 103: 16).

На Р-24 обнаружены самые ранние пока на Еркургане фрагменты кратеров, представленные обломками конических ножек.

Хумы и хумчи имеют розоватое тесто и светлый ангоб, иногда без ангоба, все они, за редким исключением, лепные, с валикообразными венчиками (рис. 103: 17—19).

Кухонная посуда представлена небольшим количеством лепных и станковых котлов, первые — с примесью шамота в тесте (рис. 103: 20, 21), вторые — в примеси теста содержат песок и имеют подтреугольные венчики (рис. 103: 22, 23). Найден также небольшой обломок плоскодонной жаровни (рис. 103: 24).

Комплекс ЕК-8, судя по месту в последовательности стратиграфической колонки городища, можно датировать I в. до н.э.

КОМПЛЕКС ЕК-9

В этот комплекс входят коллекции керамики верхней половины ранее выделенного комплекса Б. Это на Р-5 слои 48—49 1974—1975 гг., 28 слой 1982 г.; 33—34 слои 1984—1985 гг. Кроме того, сюда включены материалы нижнего 5 слоя на Р-17 и нижнего золистого слоя на Р-8.

В этом комплексе, благодаря большим коллекциям керамических находок, происходящих из различных раскопов, Р-5 на квартале керамистов и Р-17 в западном пригороде Еркургана, выявляется картина значительных стилистических особенностей практически синхронных комплексов керамики, выпускавшихся разными мастерскими. Хотя материалы нижней части Р-17, в целом находясь в об-

щем интервале периода I в. до н.э. вместе с рассматриваемым комплексом, выглядят более развитыми, они, видимо, датируются ближе к рубежу н.э. Комплекс ЕК-9 соответствует типологически поздней фазе ранее выделенного комплекса Б (ЕР-V) (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1974, с. 148). Здесь, из плотной глины между 49—50 слоями разреза 1974—1975 гг., было получено три обломка типичных для прежних комплексов крупных кубков с плоским донцем. Есть два экземпляра подобных сосудов и из нижней части Р-17 (рис. 104: 1, 2).

Колоколовидные бокалы представлены в материалах Р-5 небольшим количеством очень мелких невыразительных экземпляров, зато в нижнем комплексе Р-17 их 28 экз. и выявляются разные варианты оформления резервуаров и ножек этих сосудов.

Большинство аналогичных сосудов имеет крупные сферические резервуары, слегка отогнутый наружу край отделен снаружи от резервуара характерным уступом, обычно с выступающим валиком (рис. 104: 3—5), некоторые из них имеют по внешнему краю кольцевые полоски, характерные для бокалов предыдущего периода. Они, за редким исключением, покрыты красным или коричневым ангобом, нанесенным тряпкой или кистью, и снаружи обработаны вертикальным полосчатым лощением.

В остальных случаях резервуары бокалов имеют прямые стенки без уступа, у некоторых мелких экземпляров край отогнут наружу, и резервуар обретает тюльпанообразный профиль (рис. 194: 6—9).

Ножки колоколовидных бокалов короткие, полые, с небольшой, слабо устойчивой подошвой, оформлены по краю в виде профилированных валиков (рис. 104: 10, 12), у некоторых по верхнему краю подошвы ножки валик в виде бортика (рис. 104: 13). У отдельных экземпляров ножка отделена от резервуара валиком, а сам стебель ножки имеет кольцевой валик (рис. 104: 11, 12).

Цилиндро-конические кубки в данном комплексе обрели уже более развитый облик и представлены достаточной серией как на Р-5, так и на Р-17. У них широкие резервуары с высоким бортиком, четко отделенные от нижней конической части изломом, часто подчеркнутым снаружи уступчиком, как на колоколовидных бокалах (рис. 104: 14—16). Все они покрыты, как и колоколовидные бокалы, красным ангобом, но, в отличие от последних, для них не характерно лощение.

Нижние части кубков также дают интересную картину влияния признаков бокалов на формирование кубков на ножке. Неустойчивая, коническая прежде ножка увеличивается в размерах, обтачивается по краю, обретает валикообразную профилировку (рис. 104: 17). Появляется кольцевой валик на месте соединения нижней части конуса резервуара с ко-

нусом ножки, аналогично стеблевидной ножке колоколовидного бокала (рис. 104: 18, 19). Отдельные экземпляры имеют в центре подошвы ножки небольшую выемку, имитирующую пустоту полый ножки бокала (рис. 104: 20).

Встречаются и отдельные промежуточные формы, представленные, в частности, днищем кубка на толстой приземистой ножке, нечто среднее между поддоном и ножкой (рис. 104: 21).

Крупных сферических чаш много, они делаются более тонкостенными по сравнению с таковыми предшествующего времени. Однако округлый в сечении венчик утолщен. Горизонтальное рифление стенок с внешней стороны исчезает, но появляется, как было отмечено по поводу ранних слоев на Р-24, кольцевая прочерченная полоска под краем с внешней стороны этих чаш, проведенная острой палочкой по сырому тесту. Эти сосуды преимущественно красноглиняные, покрыты ангобом, некоторые залощены (рис. 104: 22—25).

Вариантами этих чаш являются 3 сосуда аналогичной формы, но с уплощенным бережком по верхнему краю (рис. 104: 26). Ранее, в комплексах эллинистического времени, они были крупнее и массивнее, имели подпрямоугольный в сечении венчик и горизонтальное рифление стенок с внешней стороны.

Одним экземпляром представлена архаическая миниатюрная сероглиняная чаша (рис. 104: 27). Но появляются отдаленные подражания так, называемым мегарским чашам, они тоже миниатюрны, тонкостенны, круглодонны, имеют прочерченные изнутри по краю кольцевые полоски, снаружи легкое тонкое рифление у круглого обточенного на круге донца, изнутри покрыты радиальным лощением (рис. 104: 28, 29).

Впервые в этом комплексе появляются редкие, крупные тонкостенные глубокие чаши с вертикальным бортиком, характерные для позднего Еркургана, у них нет еще типичной для последующих периодов прочерченной снаружи по краю кольцевой ложбинки (рис. 104: 30).

В единичном экземпляре представлен обломок нетипичной для этого и последующего времени миниатюрной чашечки с широким, оттянутым наружу, краем, покрытой ярко-красным ангобом. Край этого фрагмента закопчен, не исключено, что этот обломок чаши III—II вв. до н.э. был повторно использован в качестве светильника (рис. 104: 31).

Очень много так называемых рыбных блюд, имеющих упрощенные венчики. Ранние крючковидные венчики сменяются иными, изредка они продолжают встречаться преимущественно в материалах Р-5, что свидетельствует об относительно более раннем возрасте нижней его границы по сравнению со слоем 5 на Р-17 (рис. 104: 32, 33). Здесь эти блюда имеют в

сечении более короткие и смятые венчики (рис. 104: 34—36).

Много различных вариантов рыбных блюд с подтреугольным в сечении краем, они имеют утолщенный в сечении, вертикально или полого обрезанный край (рис. 104: 37—40; рис. 105: 1—3), имеют светло-коричневое, оранжевое или серое тесто, часто покрыты ангобом, изредка внутри—радиальное лощение, часто они также имеют кольцевую ложбинку по краю венчика и прочерченную кольцевую рельефную полоску вдоль края изнутри.

К этому же типу примыкает и серия аналогичной формы тарелок с валикообразной закраиной с обратной стороны (рис. 105: 4, 5).

Донная часть этих тарелок, как отмечалось, уже давно изготавливалась без углубления солонки, поддон едва намечен, а вместо углубления порой имеется едва выступающий бугорок.

К этой же группе тарелок функционально примыкает серия сосудов без специально оформленного в сечении венчика. Отличительными их признаками являются кольцевая, прочерченная изнутри вдоль края полоска и такой же кольцевой кружок на дне (рис. 105: 7—11), их более 20 экз., и почти все они происходят из нижнего слоя Р-17.

Имеется серия глубоких тарелок с широким, оттянутым наружу, краем. Морфологически эти сосуды представляют собой нечто среднее между бытовавшими прежде, в III—II вв. до н.э., крупными блюдами и мисками с Г-образными и Т-образными венчиками и небольшими красноангобированными чашами с горизонтально оттянутыми наружу краями, характерными для IV—III вв. до н.э.

Подобная посуда представлена разными вариантами на различных раскопах. На Р-5 они чаще имеют широкий конический резервуар, горизонтально оттянутый наружу край, ребро между стенкой и краем подчеркнуто валиком, по краю иногда встречаются рельефные кольцевые полоски, сосуды красноангобированы, их на Р-5. 4 экз. (рис. 105: 12, 13), на Р-17—2 экз. (рис. 105: 14). На разных раскопах преобладает посуда разных мастеров.

Второй вариант имеет более округлый резервуар с отогнутым наружу широким краем, излом профиля изнутри обычно подчеркивается рельефными полосками, сосуды красноангобированы, изредка встречаются сероглиняные с темно-серым ангобом. На Р-17 обнаружено 9 экз. фрагментов краев подобных блюд (рис. 105: 15—17), на Р-5—2 экз. На Р-5 они характерны для более позднего комплекса. Изредка их стенки имеют косое полоччатое лощение. Дно этих тарелок плоское, не имеет поддона, обточено острым ножом (рис. 105: 18, 19).

Тарелок с загнутым внутрь валикообраз-

ным краем всего зафиксировано 2 экз. (рис. 105: 20).

Крупные миски и тазики представлены 13 экз., они чаще без ангоба, тесто красное или светлое. Венчики разнообразны: в виде уплощенного, вертикально поставленного валика, отделенного от резервуара складкой с внешней стороны, или плавно переходящего к стенке (рис. 105: 21, 22); Г-образные, подпрямоугольные и подтреугольные, Т-образные (рис. 105: 23—26).

Единичным экземпляром представлен фрагмент крышки с резко загнутым внутрь бортиком (рис. 105: 26).

Кувшины, судя по сохранившимся на Р-17 верхним частям, как и ранее, имеют расширяющуюся вверх горловину. По большей части эти сосуды красноангобированы. Венчики манжетовидные или оттянутые наружу, подпрямоугольные в сечении (рис. 106: 1—4). Характерная особенность коллекции венчиков кувшинов из нижнего слоя Р-17 — подчеркивание их профиля мелкими валиками (рис. 106: 3, 4). На Р-5 в тот период отмечались только манжетовидные венчики.

На других раскопах, в частности на Р-8, комплекс, синхронный этому периоду, дает только треугольные венчики (Туребеков М., 1990, рис. 11-Б).

Ручки кувшинов обычно пластинчатые с продольной ложбиной с внешней стороны.

Горшки имеют округлое тулово (рис. 106: 5) горловина в отдельных случаях отделена горизонтальным валиком, идущим в верхней части плечика сосудов. Тесто плотное, светлокрасное или светлое, красноватый ангоб обычно изнутри. На Р-5, как чуть более раннем, еще имеются горшки с подтреугольными и валикообразными венчиками (рис. 106: 6, 7), хотя есть и с широким, отогнутым наружу, венчиком, повторяющим по сути венчики тарелок той поры (рис. 106: 8). На Р-17 этот профиль венчиков горшков является единственным, хотя отдельные из них утолщены (рис. 106: 9—13).

Выделяется небольшая серия горшков с просверленными отверстиями на горловине и уступниками для крышки на венчике (рис. 106: 14, 15).

Есть один миниатюрный тонкостенный горшочек (рис. 106: 16).

Кувшины и горшки формованы на песчаной подсыпке и в нижней части обточены ножом, иногда встречаются невысокие дисковидные поддоны у кувшинов или мелкие ножки у корчаг (рис. 106: 17—19). Встречен также сосуд с небольшим отверстием в придонной части (рис. 106: 20). По материалам этнографии известно, что сосуды закрытой формы с отверстием в придонной части служили маслобойками.

В это время в материалах Р-17 появляются более типичные для последующего периода небольшие сосуды цилиндрической формы (рис.

107: 1—3). На Р-17 в нижнем слое встречен также фрагмент ножки кратера (рис. 107: 4).

Хумы и хумчи лепные, венчики их валикообразные, иногда с кольцевой ложбинкой, проведенной под ними пальцем (рис. 107: 5—7). Они имеют красное или розовое тесто с фиолетовым оттенком и режущие в изломе края. В изломе черепка отмечаются щелевидные поры от швов между лентами глины, наращивавшейся при формовке сосудов.

Кухонная керамика представлена лепными и станковыми котлами. Лепные котлы крупные, имеют в примеси шамот (рис. 107: 8), без четко оформленного венчика, мелкие, с широким отогнутым наружу краем, типичным в это время и для столовой, и для тарной посуды, с примесью песка и толченого известняка в тесте (рис. 107: 6). Станковые котлы имеют тесто с примесью песка и подтреугольные в сечении венчики (рис. 107: 10—12). Они средних и мелких размеров. Одним экземпляром представлен обломок толстостенной жаровни (рис. 107: 13).

Комплекс ЕК-9, судя по его типологии и стратиграфическому залеганию, видимо следует относить к I в. н.э.

Сходство и отличия керамики Еркургана первых веков до нашей и нашей эры были достаточно подробно освещены в печати (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984, С. 59).

Сюда же следует присовокупить отдельные предварительные публикации синхронных керамических комплексов, выделенных в Согде и Бактрии в последние годы, имеющих ближайшие параллели комплексу ЕК-9 (Пидаев Ш. Р., 1987, С. 89; Bernard P., 1990, fig. 5).

КЕРАМИКА ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ПЕРИОДА

К данному периоду относятся ранее выделенные на Еркургане комплексы керамики В, Г, Д. Основной материал зафиксирован в стратиграфическом шурфе Р-5 квартала керамистов (Исамиддинов М. Х., 1978; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984, С. 68). На основе новых материалов, полученных в конце 80-х годов, комплекс В был разделен на два этапа. Таким образом, развитие позднеантичной керамики Еркургана состоит из четырех последовательных этапов: ЕК-10 (ранний комплекс В), ЕК-11 (поздний комплекс В), ЕК-12 (комплекс Г) и ЕК-13 (комплекс Д).

Позднеантичная керамика отличается от предыдущей полным преобладанием красноглиняной керамики, покрытой ангобом от ярко-красного до темно-коричневого цвета. На всем протяжении этого времени выявляются большие серии различных типов бокалов, чаш, и кувшинов, быстро сменявшихся во времени. Наряду с широкими тонкостенными чашами, типичными формами посуды этого

периода являются кратеры, которые в нашей публикации 1984 г. именовались корчагами, и банкообразные сосуды с широкой отогнутой наружу закраиной (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984. С. 73). Разнообразие и индивидуальные особенности типов посуды в ту пору достигли максимального расцвета.

Это была эпоха стабильного развития городской культуры. Тогда в первой половине I тысячелетия н.э., когда отмечалось локальное своеобразие керамических школ оазисов Согда, Бактрии и сопредельных регионов.

КОМПЛЕКС ЕК-10

Состоит из материала, полученного на Р-5, слой 46 1974—1975 гг., слой 27 1982 г., слой 32—29 1984 г., на Р-17 4—2 слои; в траншее 3 Р-1 слои 18—10. Соответствует нижней, более ранней половине ранее выделенного комплекса В на Р-5 (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984, С. 68).

Здесь еще имеются цилиндрико-конические кубки, на Р-5 их 4 экз., они покрыты темно-красным ангобом, ножки с плоским основанием (рис. 108: 1, 2).

На Р-17 ножки кубков сохраняют отмеченные ранее особенности, присущие продукции этого квартала керамистов. В одном случае ножка кубка в нижней части с горизонтальными каннелюрами, а во втором оформлена по краю двойным кольцевым валиком и имеет вогнутую полость в нижней части, это — ножка промежуточной формы между сплошной, конической ножкой кубка и полой ножкой колоколовидного бокала (рис. 108: 3, 4).

Это кубки на последней стадии своего развития, когда они потеряли свои морфологические признаки.

Колоколовидные бокалы многочисленны. Резервуары у них двух разновидностей; гладкие тюльпанообразные больших и малых размеров; с кольцевым уступчиком, окаймлявшим резервуар сосуда.

На Р-5, где имеется 15 экз. фрагментов бокалов, эта кольцевая каемка проведена в верхней части резервуара (рис. 108: 5, 6). На Р-17, где отмечено 19 экз. обломков бокалов, этот ободок окаймляет более глубокий резервуар в нижней части (рис. 108: 7, 8). Здесь они имеют кольцевые каемки и по верхнему краю.

Но более типичны гладкие глубокие резервуары бокалов, мелкие из них имеют легкую отогнутость края наружу (рис. 108: 9—11). Ножки бокалов невысокие, полые, с коническим расширением внизу и плоским кольцевым поддоном, придающим сосуду устойчивость (рис. 108: 12—14). В одном случае массивная ножка имеет в нижней части неглубокую вогнутость (рис. 108: 15).

На поверхность бокалов как правило нанесен красный, реже — коричневатый ангоб, иногда — полосчатое лощение, которым обыч-

но обрабатывались вертикальные стенки резервуара и стебель ножки.

Представлены также глубокие сферические чаши с вертикальными или слегка суженными вверх краями. Стенки тонкие, дно плоское, иногда с небольшим дисковидным поддоном, их диаметры в среднем равны 14—16 см. Насчитывается 10 экз. Они светло-серого или красно-коричневого цвета (рис. 108: 16, 17). Часть аналогичных чаш имеет прочерченную вдоль края с внешней стороны кольцевую ложбинку. Их 11 экз., все они преимущественно красноглиняные и ангобированы (рис. 108: 18, 19). Отдельные, более широкого профиля чаши, имеют выделенный излом профиля при переходе от стенки к придонной части (рис. 108: 20, 21); эта особенность, как и кольцевая линия по краю, более типична для последующих по времени комплексов.

Характерно, что среди чаш тоже можно отметить отличия в продукции мастерских, работавших в городском и загородном керамических кварталах. Так, в материалах Р-5 и других объектов, вскрытых в пределах первой городской стены, отдельные экземпляры чаш имеют заметно отогнутый наружу край (рис. 108: 22, 23). Чаш с подобным признаком нет в продукции квартала керамистов пригорода (Р-17). Зато здесь имеется другой вариант чаш с широким резервуаром, невысоким, загнутым внутрь, краем (рис. 108: 24, 25), они не типичны для продукции внутригородского квартала керамистов.

Широкие тонкостенные красноангобированные чаши, представляющие собой поздний дериват т.н. мегарских чаш имеют небольшое плоское или округлое дно (рис. 12; 26, 27). На Р-17 они более крупные и толстостенные (рис. 198: 28).

На Р-17 отмечен один фрагмент архаичной небольшой красноангобированной чашечки с отогнутым наружу широким краем (рис. 108: 29).

Так называемые «рыбные блюда» теряют сложнопрофилированный характер венчика и обретают более глубокий и округлый, чашеобразный резервуар. Венчики у них двух видов: подтреугольные и с небольшим крючкообразным выступом внизу, часть их имеет слегка округлую внешнюю грань. Прежних видов, Г-образных и Т-образных в сечении венчиков здесь уже нет.

Блюд с подтреугольным венчиком представлено около 30 экз. (рис. 108: 30, 31). Находки с Р-17 часто сохраняют типичные для предыдущего времени кольцевые прочерченные линии по краю с внутренней стороны (рис. 108: 32).

Блюд с крючковидным в сечении венчиком обнаружено около 20 экз. (рис. 108: 33, 34). Есть блюда с валикообразными в сечении венчиками. Обычно они обточены ножом в нижней части снаружи, некоторые покрыты красным или коричневым ангобом.

Весьма широкое распространение в тот период имели различные формы тарелок. Наряду с типичной, широко открытой формой (рис. 108: 35, 36; 109: 1), появились более глубокие их разновидности, переходящие по форме в округлые чаши (рис. 109: 2—4). Они серо- и красноглиняные, чаще без ангоба.

На Р-17 все эти тарелки красноглиняные и ангобированы (рис. 109: 5—9). Всего в комплексе этих тарелок насчитывается около 40 экз., среди них глубоких форм, переходящих в чаши, около 1/3 от общего количества.

Среди других типов тарелок преобладают образцы с отогнутым наружу широким (рис. 109: 9) или пологим краем (рис. 109: 10). На Р-17 они немногочисленны, имеют более глубокий резервуар, по форме это чаши, хотя унаследовали особенности отделки, характерные для тарелок и блюд предыдущего периода (рис. 109: 11, 12).

Морфологически смыкаются с описанными близкие им по форме, но иного типа сосуды, они чуть меньше по размеру и имеют более узкий, отогнутый наружу, край (рис. 109: 13). их 5 экз. Эти сосуды генетически возможно восходят к аналогичным по форме красно-лощеным чашечкам второй половины I тысячелетия до н.э. Но здесь они, как и другие тарелки, изготовлены из красноватого или сероватого теста и ангобированы.

Имеются тарелки (глубокие) с вертикальным краем и подтреугольным в сечении венчиком, изнутри намечен уступ для крышки, их 3 экз. (рис. 109: 14, 15). Генетически они представляют собой гибрид тарелок с Т-образным венчиком и чаш с уплощенным сверху широким венчиком комплекса ЕК-9.

Продолжали изготавливать тарелки с валикообразным загнутым внутрь венчиком (рис. 109: 16).

Единичными экземплярами представлены образцы тарелок, более характерных для предыдущего периода, с узким, загнутым внутрь, краем (рис. 109: 17, 18). Они сероглиняные, без ангоба.

Несколькими экземплярами представлены в комплексе крупные миски и тазики (тагора) с различным образом оформленными краями (рис. 109: 19—21).

Кувшины комплекса ЕК-10 сохраняют, в целом, традиционный для предыдущего периода облик. У них удлиненное тулово, невысокая расширяющаяся к устью горловина и одна пластинчатая ручка, прикрепленная к устью, иногда под венчиком, и плечу. Венчики кувшинов трех вариантов: подпрямоугольные, оттянутые наружу в сечении, манжетовидные и валикообразные (рис. 109: 22—29). Иногда они украшены кольцевыми с рельефными полосками или валиком на месте перехода плечиков к шейке горловины. Кувшины чаще изготовлены из серой глины.

Фрагментов кувшинов насчитывается более 30 экз.

К столовой посуде относятся и кратеры, представленные несколькими обломками венчиков и ножек. Их тулово обычно украшено прочерченной волнистой линией и покрыто красным ангобом (рис. 109: 30).

Появляются банкообразной формы сосуды с широким, оттянутым наружу, краем (по форме напоминают детские горшочки — «туваки» от бешиков XIX—XX вв.); о том, что это была столовая посуда, свидетельствуют ее украшения волнистым прочерченным орнаментом и покрытие красным ангобом. Они тонкостенные и выделаны из плотной глины тонкой отмучки (рис. 109: 31). В комплексе их несколько фрагментов.

Тарная посуда представлена двумя десятками фрагментов различных горшков, изготовленных на гончарном круге. Они здесь трех типов, со сферическим туловом и валикообразным венчиком, обычно под короткой шейкой устья — выступающая валикообразная полоска, мелкие экземпляры имеют по краю уступчик для крышки (рис. 109: 32, 33; 110: 1).

Два экземпляра с покатыми плечами, украшенные параллельными, горизонтально прочерченными полосками.

Три горшка с небольшой, четко выделенной вертикальной шейкой, очень коротким плечиком, и банкообразным резервуаром. Эти сосуды имеют тесто светлых тонов и не ангобированы.

Двумя экземплярами представлены фрагменты очень редких, но характерных плоскодонных банкообразных сосудов с вертикальным устьем без выделенного венчика. Они имеют светло-розовый и сероватый черепок с примесью толченой извести (рис. 119: 3, 4).

Функционально к столовой посуде, видимо, относятся представленные в комплексе той поры около десятка обломков миниатюрных горшочков (рис. 110: 5—8). О подобном их назначении свидетельствует то обстоятельство, что часть их покрыта красным ангобом.

Хумы немногочисленны, изготовлены лепным способом, венчики в виде округлого валика, в придонной части по периметру имеют вмятины пальцем (рис. 110: 9, 10).

Кухонная посуда представлена 10 экземплярами традиционной формы сферических котлов с суженным устьем без выделенного венчика, в тесте сосудов присутствует смесь песка и гипса. По краю иногда имеются небольшие налепы-шишечки (рис. 110: 11).

Одним экземпляром представлен новый тип котла, характерный для последующих этапов, у него широкий, отогнутый наружу край с небольшой, петлевидной ручкой (рис. 110: 12).

Имеется несколько фрагментов жаровен.

Наряду с толстостенными, архаичными, содержащими в изломе шамот и траву жаровнями (рис. 110: 13, 14), зафиксирована характерная для последующих периодов небольшая, более тонкостенная жаровня из плотной глины с дресвой и песком (рис. 110: 15).

В комплексе встречены два фрагмента тщательно изготовленных оригинальных кубковидных сосудов цилиндро-конической формы, они сформованы из огнеупорного теста с песком и толченым гипсом, черепок розовато-го цвета. Сосуды не ангобированы и закопчены (рис. 110: 16, 17). Вероятнее всего можно предположить их ритуальное назначение.

Комплекс ЕК-10 ориентировочно датируется концом первой половины II в. н.э.

КОМПЛЕКС ЕК-11

В этот комплекс вошел материал верхней половины выделенного ранее на Р-5 комплекса В. Это находки слоев 44-35 1974 г., слоев 26—22 1982 г., слоев 27—22 1984 г., слоя 1 Р-17. На Р-13 это материал из слоев V—VII ярусов, от 9 слоя до нижней золистой прослойки и находок из топки печи N2. На Р-1 к этому комплексу относится материал из траншеи 3, слоев от уровня нижней части VII яруса до основания западной стены храма в IX ярусе, это 5—17 слои 1978 и 1984 гг.

В данном комплексе материалов на Р-17 мало. Здесь в основном находки из квартала керамистов и близкого к нему храма Еркургана. Поэтому различия продукции Р-17 и внутри городского квартала не фиксируются. Однако на Р-5 в это время имеются массовые коллекции отвалов бракованной продукции гончарных печей. Цилиндрико-конические кубки здесь уже полностью отсутствуют, в то время их перестали производить.

Бокалы меняются, из прежнего набора их разновидностей остаются сосуды крупных и, реже, мелких форм с гладкими стенками. Ножи у них, как правило, высокие, неустойчивые, со вздутой в нижней части в виде колокольчика полостью и суженным поддоном. По сравнению с прежним этапом, сосуды имеют более стройные пропорции (рис. 111: 1—10). Встречаются ножи с уступчиком под резервуаром (рис. 111: 10, 11), в одном экземпляре представлена ножка с валикообразным выступом на стебле (рис. 111: 12).

Несмотря на то, что фрагментов бокалов в данном комплексе более 100 экз., отмечено всего 2 экз. ножек их прежнего вида с кольцевым расширением внизу, придающим им устойчивость. Бокалы покрыты красным или коричневым ангобом, лощение встречается редко.

Чаша ЕК-11 не отличается от таковых ЕК-10. Это глубокие сферические чаши диаметром 12—16 см. Они изготовлены из темно-серой глины и имеют заглаженную выветленную поверхность, часть их, около 10%, имеет

коричнево-красный черепок, во втором случае они покрыты красноватым или более темным, в зависимости от обжига, ангобом. Края сосудов вертикальны или едва сужаются к краю. Всего представлено более 100 их фрагментов (рис. 111: 14—18). Часть среди них выделяется малыми размерами. 11 фрагментов подобных чаш имеют прочерченные вдоль края с внешней стороны кольцевые ложбинки. Они, обычно, красноангобированные (рис. 111: 19, 20), при переходе от невысокого бортика к широкой придонной части у них вырабатывается излом (рис. 111: 21).

Есть варианты чаш с плавно отогнутым наружу краем, их 17 экз. (рис. 111: 22, 23), они характерны для продукции внутригородского квартала керамистов. В продукции пригородного квартала керамистов широко представлен типичный для этой мастерской вариант тонкостенных красноангобированных чаш с широким резервуаром и загнутым внутрь низким бортиком, некоторые из них имеют резкий излом профиля стенки при переходе к придонной части (рис. 111: 24, 25). На Р-17 их 24 экз., а на Р-5 всего 2 экз. (рис. 111: 26, 27).

Широкие, тонкостенные, красноангобированные чаши с округлым или маленьким плоским дном на Р-17 этого периода не отмечены, в основном они происходят из отложений внутригородского квартала керамистов, их более 60 фрагментов. В большинстве случаев они имеют прочерченную вдоль края изнутри 1—2 тонкие кольцевые полоски, иногда они встречаются и с внешней стороны (рис. 111: 28—31; 112: 1—3). В нижней своей части, как и большинство столовых сосудов, они обточены ножом и покрыты ангобом, намазанным тряпкой.

На Р-5 найден один экземпляр архаичной по форме мелкой чашечки с широким горизонтальным краем. О том, что она не случайна в слое этого времени, говорит ее красно-коричневый в изломе черепок и покрытие изнутри темно-коричневым ангобом (рис. 112: 4).

Так называемые «рыбные блюда» имеют подтреугольные в сечении венчики (рис. 112: 5, 6), их около 40 экз., или венчики с небольшим, крючкообразным в сечении, выступом внизу (рис. 112: 7, 8), их около 20 экз.

Последних в этом комплексе меньше, чем с подтреугольными венчиками по сравнению с предыдущим комплексом ЕК-10, это связано с дальнейшим упрощением венчиков рыбных блюд. В принципе, этот тип превратился в обычную плоскодонную тарелку. Блюда эти обычно светло-серого цвета, отдельные из них имеют традиционное ангобное покрытие темно-серого цвета, есть и красноглиняные с красным или коричневым ангобом.

Широкие тарелки с округлой в сечении закраиной и прочерченной вдоль края изнутри полоской количественно уменьшаются и

типологически деградируют, презращаясь по форме в чаши. Их около 30 экз. и больше половины из них по форме уже можно назвать чашами (рис. 112: 9, 10).

Целым рядом промежуточных форм они морфологически сливаются с округлыми сероглиняными чашами, являвшимися самостоятельным типом в комплексах ЕК-9 и ЕК-10 (рис. 112: 11).

На Р-5 в то время преобладал новый тип тарелок (или широких чаш), на Р-17 найдено всего 4 экз. тарелок данного типа. От тарелок предшествующего периода они отличаются более глубоким резервуаром за счет излома при переходе от пологой придонной части к вертикальной стенке сосуда, край завершает отогнутый наружу широкий бережок с подтреугольной в сечении закраиной, типичной для рыбного блюда. Этот новый нарядный тип столовой посуды обычно красноглиняный, ангобирован и типичен для продукции внутригородского квартала гончаров (рис. 112: 12—14). Их более 20 экз.

Есть вариант этих сосудов с подтреугольным в сечении венчиком с крючковидным выступом снизу, их около 20 экз. (рис. 112: 15, 16). Один экземпляр подобной тарелки имеет волнистый по краю орнамент (рис. 112: 17).

Около 19 экз. представлены прежним типом с отогнутым наружу краем (рис. 112: 18, 19).

Имеется более 50 экз. фрагментов аналогичных глубоких тарелок с нешироким, Г-образным в сечении краем (рис. 112: 20; 113: 1—3). Обычно они красноангобированы, диаметром 18—20 см, есть и миниатюрные экземпляры диаметром 10—11 см (рис. 113: 4).

Около 15 экз. подобных сосудов имеют утолщенный в сечении венчик, уплощенный сверху или приближающийся к Т-образному (рис. 113: 5—8).

Одним экземпляром представлен фрагмент черноангобированной тарелки с венчиком в виде широкого, загнутого внутрь, валика (рис. 113: 9). Эта форма более характерна для предыдущих этапов развития типологии керамики Еркургана.

Донные части описанных сосудов, обычно с небольшим дисковидным поддоном, часто имеют изнутри на дне прочерченную на круге кольцевую полосу — пережиток солонки на дне рыбного блюда (рис. 113: 10, 11).

Небольшим количеством представлены большие и малые миски и тазы (рис. 113: 12—15).

Кувшины многочисленны, появляются новые разновидности оформления их венчиков в виде двойного валика. В остальном они схожи с кувшинами предыдущего периода, хотя в это время они преимущественно красноглиняные. Кувшинов с венчиками в виде двойного валика более 40 экз. (рис. 113: 16—21). Более 10 экз. имеют манжетовидный венчик

(рис. 133: 22). Свыше 40 экземпляров с широким, Г-образным, отогнутым наружу, венчиком. На Еркургане этот тип появился в I в. до н.э. (рис. 113: 23—26).

Кратеры достаточно многочисленны, всего зафиксировано около 40 экз. фрагментов верхних их частей и ножек. Они имеют глубокое сферическое тулово с широкой горловиной и коническую, расширяющуюся у основания, ножку. Венчик в виде одного или двойного валика и, редко, у крупных — в виде тройного валика. Как и у кувшинов, к их устью прикреплены две петлевидные, пластинчатые в сечении, ручки с продольной ложбиной. Кратеры красноангобированы, их тулово в большинстве случаев украшает прочерченная волнистая линия (рис. 113: 27—29; 114: 1—4).

Представлено около полутора десятков банкообразных сосудов с оттянутым наружу краем. При переходе устья к венчику они имеют резкий или плавный излом. Сосуды покрыты красным ангобом. Ручек эти сосуды не имели по краю, а в верхней части тулова украшены прочерченной волнистой линией (рис. 114: 5—7). Характерно, что их венчики практически повторяют оформление краев глубоких тарелок с таким же оттянутым наружу краем. Это, как и украшение волнистой прочерченной линией, было стилем моды керамики Еркургана той поры.

Тарная посуда сравнительно немногочисленна. Имеется около 29 экз. фрагментов сферической формы горшков с валикообразными венчиками, часто с тонким валиком, условно отделявшим короткую шейку от плечиков, и со светлым черепком (рис. 114: 8—11). Единичными экземплярами представлены горшки иных типов: с пологими, украшенными параллельными линиями, плечиками и отогнутым наружу широким венчиком (морфологически близки банкообразным сосудам с широким отогнутым наружу краем) (рис. 114: 12), и банкообразный горшок со слегка суженным вертикальным устьем (рис. 114: 13).

Представлены 4 экз. фрагментов плоскодонных банкообразных сосудов. Они имеют светлый, розоватый или сероватый черепок и заостренный край устья (рис. 114: 14, 15). Видимо, близким по форме был и плоскодонный сосуд, суженный в нижней части с примесью в тесте мелкой извести (рис. 115: 1).

К редким формам относятся глубокие крупные сосуды в виде полусферы с вертикальными краями, укрепленными валикообразным или прямоугольным в сечении венчиком, их 4 экз. (рис. 115: 2, 3), а также нижняя часть сосуда — трипода (рис. 115: 4).

Найдено более четырех десятков миниатюрных и среднего размера тонкостенных горшочков, использовавшихся, судя по ангобному покрытию многих из них, в качестве столовой утвари. Половина из них имеет с внутренней стороны венчиков уступчик для крышки, найдены и крышки от них (рис. 115: 5—8).

Остальные с обычными валикообразными венчиками (рис. 115: 9). Некоторые наиболее мелкие видимо являются детскими поильниками (рис. 115: 10, 11). Два экземпляра из них — тонкостенные, красноангобированные, по размеру и профилю больше напоминают кружки (рис. 115: 12).

Фрагменты крупных хумов немногочисленны, они лепные, имеют валикообразные венчики (рис. 115: 13).

Кухонная посуда в основном состоит из фрагментов котлов, более 20 экз. представлены обломками сферических лепных котлов, черепок у них слоистый, плотный, с примесью песка, темно-красный, в изломе — серый, устье — в виде широко отогнутого наружу края. Маленькие петлевидные ручки с круглыми напелами в верхней части. Иногда по краю с внешней стороны они украшены рядами мелких вмятин, нанесенных концом палочки (рис. 115: 14, 15).

Обнаружено несколько обломков традиционных для предыдущего периода сферических котлов без выделенного венчика (рис. 115: 16). Они гончарные и лепные.

Есть котлы, аналогичные описанным, но с небольшим, отогнутым наружу венчиком (рис. 115: 17).

Имеется один экземпляр фрагмента толстостенной круглой жаровни.

Ритуальным сосудом, связанным, видимо, с огнем, был обломок цилиндрико-конического сосуда из огнеупорного теста, аналогичный найденному в предыдущем по времени комплексе (рис. 115: 18), и маленькая цилиндрическая курильница с полукруглой, сильно обожженной лункой сверху. Оба они происходят из отложений храма.

Комплекс ЕК-11 можно датировать первой половиной III в. н.э. К этому времени видимо относится возведение последнего храмового комплекса Еркургана поверх синвелированных остатков сооружения предыдущего периода. В траншее 3 западная стена двора храма находится на уровне 18 слоя, т.е. датируется периодом ЕК-11.

КОМПЛЕКС ЕК-12

Надежно стратифицированный материал этого периода в достаточном количестве происходит из раскопа 5 слоев 33—19 1973—1975 гг. и слоев 21—16 1982 г. Комплекс соответствует ранее выделенному на этом раскопе комплексу Г (Исамидинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984. С. 78).

Как показали наши проработки ранее найденных материалов комплексов Г и Д, соответствующих ЕК-12 и ЕК-13 нашей периодизации, они были выделены М. Х. Исамидиновым достаточно четко и подробно, поэтому увеличение количества материала, в принципе, не внесло чего-либо существенно нового и

хронологически подразделить их более подробно не было оснований, хотя новые материалы позволили обогатить типологию этих комплексов, уточнить отдельные характеристики и выявить эволюции отдельных форм посуды.

Ведущей формой столовой посуды комплекса ЕК-12 является глубокая красноангобированная чаша, обычно с прочерченной с внешней стороны кольцевой полоской на расстоянии 0,5—1 см ниже ее края. Чаши имеют более стандартный облик, чем в комплексе ЕК-11. Профиль у них обтекаемый, резкий излом при переходе от придонной части к стенкам только начинает намечаться. Ангоб от светло-красного до темно-коричневых тонов, преобладает темно-красный, сургучного оттенка, цвет. (рис. 116: 1—4). Их около 30 экз.

Чаш второго варианта, имеющих вертикальный бортик и подчеркнутый излом при переходе боковых стенок к придонной части, выявлено несколько экземпляров (рис. 116: 9, 10). Они более типичны для последующего комплекса Д.

Чаш третьего варианта со слегка утолщенным и загнутым внутрь краем тоже несколько экземпляров (рис. 116: 11, 12).

Чаши четвертого варианта глубокие, но имеют утонченный и слегка отогнутый наружу край, их более 15 экз., изредка они имеют тонкие прочерченные ободки по краю с внешней стороны или рельефный валик (рис. 116: 5, 6). Часть их — небольшие, изящные, тонкостенные (рис. 116: 7, 8).

Единичные миниатюрные чашечки, по профилю сходные с вышеописанными. Одна из них имела покрытый жирной копотью край, свидетельствующий об ее использовании в качестве светильника (рис. 116: 13).

Одним экземпляром представлен гибридный тип небольшой чаши с глубоким округлым туловом, слегка суженное его устье оформлено венчиком в виде двойного валика, имевшегося в то время у кувшинов (рис. 116: 14).

Помимо вышеописанных вариантов красноангобированных чаш, в комплексе еще выделяется более 70 экз. фрагментов краев чаш, установить принадлежность которых к тому или иному варианту затруднительно.

Представлено около 20 экз. поздних вариантов так называемых мегарских чаш: они широкие, тонкостенные, покрыты красным, иногда коричневым, местами темно-коричневым ангобом (рис. 116: 15—17). Отмечены 2 экз. типологически гибридных или промежуточных форм чаш, производных от вышеописанных (рис. 116: 18, 19).

Редкими экземплярами представлены сероглиняные чаши без ангоба, характерные для более раннего периода (рис. 116: 20).

Найдено несколько экземпляров широких чаш с характерным утолщенным, подтреугольным в разрезе венчиком, они тоже красноглиняные, ангобированы (рис. 116: 21, 22).

Имеется более 20 экз. тарелковидных чаш,

близких по форме вышеописанным, но у них более мелкий резервуар и оттянутый в сторону край (рис. 116:23, 24). Отдельные экземпляры этих чаш имеют миниатюрные размеры (рис. 116:25, 26).

Представлено несколько экземпляров красноангобированных тарелковидных чаш с округлым резервуаром и оттянутым наружу краем, утолщенным по ребру, как у рыбного блюда (рис. 116:27).

Единичны тарелки с широким оттянутым наружу краем, излом профиля подчеркнут прочерченной изнутри кольцевой полоской (рис. 116:28).

Несколько десятков рыбных блюд светлоглиняные, без ангобного покрытия. Их края имеют подтреугольные, крючковидные или валикообразные венчики, есть и без выделенного венчика (рис. 116:29, 30; 117:1—3). Профиль этих сосудов становится все более сглаженным, без резко выступающих краев в изломе сечения.

Колоколовидные бокалы представлены в комплексе обломками стенок и ножек, их около 50 экз. Они изготовлены из очень тонко отмученной глины, красноангобированы. Их резервуары тонкостенные, имеют слегка отогнутые, прямые или слегка вогнутые края, часто снаружи покрыты вертикальным полосчатым лощением (рис. 116:31—33). Ножки бокалов двух разновидностей. В первом случае резервуар плавно переходит в стебель ножки, завершающийся неустойчивым колоколовидным основанием, прежнее вздутие в нижней части превращается здесь в валикообразно выступающее кольцо (рис. 116:34, 35). Во втором случае стебель ножки в верхней части имеет под резервуаром два валика для захвата пальцами. Это сравнительно небольшие бокалы (рис. 116:36—38).

Крупные блюда — профиль их широкого резервуара аналогичен синхронным рыбным блюдам. Они имеют подтреугольные, крючковидные или овальные в сечении венчики (рис. 117:4—6). Их около 10 экз. Они красноглиняные или светло-серые, без ангоба.

Миски и тазики немногочисленны, около 10 экз. Они имеют широкий конический резервуар с вертикальными краями и отогнутым наружу венчиком (рис. 117:7—9).

Фрагментов венчиков кувшинов около 50 экз. Они двух разновидностей: в виде двойного валика или оттянутого наружу Г-образного валика (рис. 117:10—13). Черепок у них красных тонов, крупные кувшины не ангобированы.

Одним экземпляром представлен обломок днища кувшина — трипода на ножках (рис. 117:14).

Кратеры красноангобированы, имеются около трех десятков их обломков. Венчики этих сосудов обычно в виде двух, реже трех параллельных валиков, широкие конические ножки имеют по краю подтреугольное в сечении

утолщение или изредка оформлены тройным валиком (рис. 117:15—19).

Представлено несколько экземпляров баночных сосудов с широкими Г-образными, оттянутыми в сторону, краями. Все они покрыты красным или коричневым ангобом (рис. 118:1,2).

Отмечены единичные фрагменты горшков, изготовленных на гончарном круге, с отогнутым наружу венчиком (рис. 118:6). Имеется более 20 экз. обломков тонкостенных горшков среднего и малого размера, изготовленных на гончарном круге. Обычно они светлоглиняные, без ангобного покрытия, часто имеют по венчику уступ для крышки и небольшие отверстия на уровне шейки (рис. 118:3—5,7).

Представлено несколько фрагментов миниатюрных горшочков, видимо, являвшихся детскими поильниками, часто встречавшимися в более ранних и поздних комплексах (рис. 118:8).

Имеются несколько экземпляров мелких крышек для небольших сосудов, представляющих собой миниатюрные конические тарелочки с плоским донцем с отверстием в центре (рис. 118:9). Обычно они не ангобированы.

Фрагмент горловины небольшой фляги представлен одним экземпляром.

Отмечен и фрагмент кольцевого керамического желоба диаметром более 30 см, фрагменты подобных изделий были интерпретированы в качестве детали примитивной астролябии (рис. 118:10).

Имеется около 10 экз. фрагментов котлов; в основном это небольшие лепные сосуды с петлевидными ручками, в темно-красном, слоистом в изломе черепке много песка (рис. 118:11, 12). Встречаются редкие обломки более ранних шаровидных котлов, изготовленных на гончарном круге (рис. 118:13).

Комплекс ЕК-12 датируется второй половиной III в. н.э.

КОМПЛЕКС ЕК-13

Как и нижележащий комплекс ЕК-12, он происходит, в основном, из материалов верхних слоев Р-5. Это на Р-5 18—4 слои 1974—1975 гг.; 15—4 слои 1982, 1984 гг.; 7—6 слои на Р-13 1976 г. Комплекс ЕК-13 хронологически соответствует ранее выделенному комплексу Д пятого раскопа.

На Р-5, на уровне I—II ярусов вскрытия первоначально были начаты штыками, каждый из которых снимался на глубину около 20 см. Этим способом была вскрыта стратиграфия на площади 10 м². Затем, когда была обнажена богатая и насыщенная стратиграфия, далее, с глубины 1,5—2 м, перешли к послойному снятию по микрослоям. В первоначальной публикации 1984 г. материалы вскрытий штыками не были использованы,

вся работа базировалась строго на материалах послойных вскрытий.

В данной работе материалы первоначальных вскрытий штыками или условными горизонтами по 20 см были использованы для большей полноты характеристики комплексов ЕК-13 и ЕК-14. При этом в комплекс ЕК-13 были включены материалы, полученные в 1973 г. на Р-5 с уровня 4—8 штыков.

В результате резкого увеличения количества материала было выяснено, что чаши комплексов ЕК-12 и ЕК-13, помимо отмеченного М. Х. Исамиддиновым отличия в их диаметрах различаются еще рядом признаков. В частности, для комплекса ЕК-13 характерны несколько иные варианты их форм. Красноангобированные чаши первого варианта имеют глубокие резервуары без подчеркнутого излома стенки при переходе от придонной части к высокому бортику, их более 20 экз. (рис. 118:24—26).

Чаши второго варианта с подчеркнутым изломом при переходе от придонной части сосуда к вертикальному бортику являются ведущей формой этого периода. Они более широкие, чем в предыдущем по времени комплексе. Всего их найдено около 150 экз. (рис. 118:31—33; 119:1—4).

Чаш третьего варианта с невысоким и слегка загнутым внутрь краем выявлено более 20 экз. (рис. 119:5, 6).

Чаш четвертого варианта со слегка отогнутым наружу устьем найдено около 10 экз. (рис. 118:27—30).

Представлено около 10 экз. мелких чашечек данного типа, имеющих прочерченную вдоль края снаружи полоску или невысокий поддон (рис. 118: 27—30).

В комплексе ЕК-13 можно выделить еще один вариант чаш данного типа, не характерных для предыдущего этапа. Это тонкостенные широкие чаши с невысоким бортиком, некоторые из них со слегка загнутой внутрь суживающейся устьевой частью. Отдельные имеют подчеркнутый излом профиля при переходе от стенки к придонной части, другие—округлый профиль (рис. 199:9—14). Таких чаш зафиксировано около 70 экз.

Помимо этого, выявлено несколько экземпляров чаш гибридного типа. Так, промежуточной формой являются несколько красноангобированных чаш с вертикальным бортиком, имеющим подпрямоугольный в сечении край (рис. 119:15, 16), на оформление которого явное влияние оказали широкие чаши или глубокие тарелки с утолщенным в сечении подтреугольным краем, известные в комплексах ЕК-11 и ЕК-12.

Несколькими экземплярами представлены широкие чаши с округлыми в профиле краями и прочерченными горизонтальными полосками по наиболее широкой части тулова или ниже при переходе к придонной части

(рис. 119:17, 18). Здесь явно влияние прежних широких толстостенных сероглиняных чаш с закругленным в сечении краем и прочерченной по тулову горизонтальной кольцевой полоской. Имеются они и в комплексе ЕК-12, но очень немногочисленны и более тонкостенные, преимущественно красноглиняные (речь о них пойдет ниже). Одна небольшая чаша представлена с утолщенным, выступающим наружу, венчиком, аналогичным венчикам кувшинов данного периода (рис. 119:19).

Выявлены два экземпляра фрагментов красноглиняных чаш на коротких ножках с широким устойчивым поддоном (рис. 119:21, 22). Хотя здесь, несмотря на иные пропорции, присутствуют все элементы ножек синхронных колоколовидных бокалов, на данную форму чаш вероятно оказала влияние металлическая посуда.

Помимо вышеописанных вариантов чаш, в комплексе насчитывается еще около 300 обломков краев сосудов подобной формы, но отнести их к тому или иному варианту затруднительно из-за мелких их размеров.

Более 10 экз. представлены так называемые мегарские чаши. В самом позднем варианте они тонкостенные, с округлым дном, красноангобированы и, как правило, по краю с внутренней стороны имеют тонкий прочерченный ободок (рис. 199:22—25).

Выявлено несколько экземпляров светло-серых неангобированных чаш, которые, как правило, толстостенные с тонким прочерченным ободком по краю с внешней стороны (рис. 119:26, 27).

Более 10 экз. представлены широкие красноангобированные чаши с подтреугольным в сечении венчиком, создающим по краю сосуда кольцевую площадку (рис. 120:1, 2).

Имеется более 10 экз. чашевидных тарелок. Они широкие, тонкостенные, с Г-образно отогнутым наружу венчиком, покрыты красным, переходящим в коричневый, ангобом (рис. 120:3, 4). По сравнению с комплексом ЕК-12, их количество резко уменьшается, а Г-образный в сечении край укорачивается.

Найдено более 10 экз. красноангобированных тарелковидных чаш с оттянутым краем и подтреугольным венчиком (рис. 120:5, 6).

Рыбные блюда разнообразны как по размеру, так и по форме. Они сохраняют свой характерный профиль в виде широкого конуса с плоским донцем, иногда имеют вогнутый профиль и прочерченные рельефные кольцевые линии изнутри. Венчики, как и прежде, подтреугольные, крючковидные, валикообразные, есть и экземпляры с подпрямоугольным в сечении краем, без специального венчика (рис. 120:8—16). Влияние на эту форму посуды других типов чаш и тарелок проявляется также и в том, что часть рыбных блюд данного комплекса покрыта красным или коричневым ангобом. Ранее они не ангобированы

лись, еще ранее встречался темно-серый и черный ангоб, а сами они были преимущественно сероглиняными.

Фрагментов колоколовидных бокалов представлено около 40 экз. — это гораздо меньше, чем в комплексе ЕК-12. Резервуары их тонкостенные и, как прежде, имеют отогнутые наружу или слегка вогнутые внутрь края, у последних, порой кольцевой желобок отделяет коническую часть резервуара от верхней части, в чем следует усматривать подражание металлическим сосудам (рис. 118:14—17). Ножки бокалов разнообразные, наряду с обычными, с гладким стеблем, как в предыдущее время (рис. 118:18, 19), появляются простые, непрофилированные, с устойчивой или неустойчивой нижней частью (рис. 118:19—21). Ножки с двойным валиком под резервуаром обретают более уплощенную нижнюю часть с усложненной профилировкой (рис. 118:22, 23). В целом ножки сосудов данного комплекса имеют более вытянутые пропорции по сравнению с комплексом ЕК-12. Поверхность бокалов, в отличие от предшествующего комплекса, часто покрыта темно-коричневым или черным ангобом, лощение встречается редко.

Имеются крупные, широкие, толстостенные блюда, переходящие в тазики. Они изготовлены из теста светлых красноватых и сероватых тонов, изредка ангобированы. Венчики в сечении валикообразные, подтреугольные, крючковидные, есть крючковидные с укороченным концом. Отдельные экземпляры этих блюд с Р-13 представлены без выделенного венчика (рис. 120:17—22, 121:1). Фрагментов таких блюд насчитывается более 160 экз.

Крупные миски имеют широкий объемистый резервуар и венчики двух разновидностей: Г-образно выступающие в сторону и, реже, грибовидные в сечении. Обычно они ангобированы изнутри. Их около 40 экз. (рис. 121:2—4).

У нескольких экземпляров обломков глубоких мисок плотный красноглиняный черепок, они так же изнутри, как и снаружи, покрыты красным или коричневым ангобом, имеют массивные, Г-образные в сечении, венчики (рис. 121:6—8). Отдельные из них переходят по форме в горшки (рис. 121:9, 10). Подобной формы сосудов ранее не обнаружено.

Изредка встречаются известные небольшие банкообразные сосуды с вертикальным бортиком (рис. 121:11).

По сравнению с предыдущим комплексом, кувшины имеют более разнообразное оформление венчиков. Преобладают кувшины с венчиком в виде двойного валика. Их более 70 экз. (рис. 121:12, 13). Мелкие кувшины, представленные обломками около 50 экз. краев устьев, имеют подтреугольные в сечении венчики (рис. 121:14; 122:1, 2). Менее 10 экз. кувшинов представлено с характерными для

предыдущих этапов манжетовидными и валикообразными венчиками (рис. 122:3, 4). Отмечено несколько экземпляров не встречающихся ранее маленьких тонкостенных кувшинчиков (рис. 122:5, 6), покрытых красным или темно-коричневым ангобом. Судя по обломкам стенок, эти сосуды по тулову украшались прочерченными волнистыми линиями (рис. 122:7).

Здесь следует отметить, что в тот период края устьевых частей кувшинов и нижеупомянутых кратеров имели легкую загнутость внутрь.

Кратеры многочисленны, представлено более 50 экз. фрагментов их верхних частей, оформленных по краю венчиком в виде тройного валика, около 10 экз. имеют венчики в виде двойного валика, и лишь единицы — обычный отогнутый наружу валикообразный венчик, а один, небольшой, вообще не имеет специально выделенного венчика, укрепляющего устьевую часть сосуда (рис. 122:8—14). К ножкам этих сосудов в нижней части прикреплен по краю тройной валик, реже двойной или обычный (рис. 122:15—18). Обломков нижних частей кратеров насчитывается около 40 экз. Эти сосуды формировались в два приема: сначала округлый резервуар и коническая ножка изготавливались по отдельности, а затем, после подсушки, склеивались, шов затирался, они ангобировались и обжигались. Кратеры в большинстве своем украшены прочерченными кольцевыми и волнистыми линиями и имеют по две небольшие петлевидные ручки.

Около полутора десятков банкообразных сосудов с широким, Г-образно отогнутым наружу, краем. Здесь они, по сравнению с предыдущими, обретают более крупные размеры (рис. 122:19—21).

Более 30 экз. представлены фрагменты крупных гончарных горшков. Они светлых и красноватых тонов, иногда ангобированы. Имеют валикообразные или подтреугольные венчики и слабо выделенную шейку, изредка подчеркнутую при переходе к плечикам рельефным валиком или прочерченной линией. У некоторых из них есть небольшие петлевидные ручки у края (рис. 123:1—5).

Найдено более 30 экз. фрагментов тонкостенных горшков и горшочков, изготовленных на гончарном круге. В большинстве своем они имеют уступ для крышки по внутренней стороне венчика и покрыты ангобом красно-коричневого или черного цвета (рис. 123:6—8).

Встречаются удлиненной формы сосуды с очень покатыми плечиками и отогнутым наружу краем (рис. 123:9).

Более 10 экз. миниатюрных горшочков с носиком — это детские поильнички (рис. 123:10).

В комплексе ЕК-13, в отличие от нижележащих слоев, представлен довольно разнообразный набор крышек. Есть и миниатюрные, как в нижележащих слоях. Новыми по

типу являются крышки в виде тонкостенных небольших блюд, в виде широких округлых чаш с коротким бортиком без выделенного донца, вместо него иногда есть небольшая ручка. Последние обычно красноангобированы (рис. 123:11—16). Основным признаком крышки — проделанное до обжига сквозное отверстие, но оно встречается не на всех крышках. Всего их насчитывается около 30 фрагментов.

Единичны фрагменты устьевых частей небольших фляг (рис. 123:17).

В комплексе есть несколько обломков устьев хумов и хумчей, крупные, как правило, лепные, мелкие изготовлены на гончарном круге (рис. 123:18—21).

В единичном экземпляре представлена нижняя часть редкой формы банкообразного сосуда. Он изготовлен на гончарном круге, но тесто содержит примесь песка (рис. 123:22).

Кухонная посуда насчитывает около 40 экз. обломков венчиков лепных котлов. Они сравнительно невелики, отогнутые наружу края снабжены небольшими петлевидными ручками, тесто с примесью песка и мелкого гипса (рис. 123:23—25); есть тонкостенная лепная жаровня (рис. 123:26).

Дополняют вышеописанный комплекс несколько фрагментов керамических труб-кубуров (рис. 123:27).

Аналогичные трубы найдены при вскрытии храмового здания, синхронного рассматриваемому комплексу, где они видимо служили для отвода осадков с плоских перекрытий храмового здания.

Комплекс ЕК-13 вероятно можно датировать первой половиной IV в. н. э.

РЕЗЮМЕ

Эпоха поздней античности была временем, когда вслед за крушением великих империй возобладали процессы автохтонного развития. У керамических комплексов этого периода, при сохранении единой традиции типологии и технологии, начали развиваться самобытные особенности признаков, характерные для того или иного оазиса, происходила специализация по выпуску той или иной формы посуды между разными гончарами в пределах того же Еркургана. Помимо этого, мастера, свободно обращаясь с типами сосудов и их отдельными морфологическими деталями, вырабатывали отдельные признаки, характерные для большинства сосудов той эпохи.

В целом для позднеантичной керамики Еркургана характерен ряд признаков, объединяющих ее в единую стадию: так, помимо общих типов форм посуды и красного ангоба характерны и венчики этого времени. Подобно тому, как древнюю цилиндро-коническую посуду определяли манжетовидные, а эллинистическую — Г-, Т-образные и грибовидные в сечении венчики, для комплексов ЕК-10, 11,

12, 13 характерны профилированные венчики в виде двух, разделенных ложбинкой параллельных валиков.

Отдельные признаки верхней части сосудов также могут совпадать. Однако на протяжении всего 300-летнего периода развития позднеантичной типологической традиции керамического производства формы и детали отдельных типов существенно трансформировались.

Бокалы обрели более стройные пропорции и их количество уменьшилось, у них стали развиваться удлинённые, полые, трубчатые ножки. Увеличилось количество тонкостенных красноангобированных чаш, ставших более широкими по форме.

Различного типа округлые по профилю чаши были связаны между собой массой промежуточных и переходных форм, более мелкие и глубокие из них по пропорциям стали приближаться к кубкам.

Тарелки и так называемые тарелковидные чаши обрели более глубокий резервуар.

Подтреугольные в сечении венчики, типичные в предшествующее время для так называемых рыбных блюд, перешли на блюда и тарелки — с изломом профиля и оттянутым наружу краем.

Уже ставился вопрос об отличиях продукции ремесленников разных керамических мастерских Еркургана. При описании материалов из квартала керамистов Р-5 и шурфа загородного монументального сооружения Р-17 мы отмечали различия в наборе посуды и типах синхронных комплексов керамики, полученных на этих раскопах.

Еще раз отметим эти различия: так, на Р-17 почти не встречены обломки кратеров, широкие красноангобированные чаши на Р-17 имеют более низкие бортики с загнутыми внутрь краями, на Р-17 более богатый и разнообразный набор бокалов. Заметно различаются также типы тарелок и чаш.

Комплексы позднеантичной керамики В, Г, Д (ЕК-10, ЕК-11, ЕК-12, ЕК-13) были достаточно подробно сопоставлены с синхронными материалами Средней Азии, на основании чего выявлены их сходство и отличия (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. 1984. С. 90).

Из опубликованных новых, синхронных этому периоду материалов, коллекции керамики г. Бухары периодов Бухара-IV и Бухара-V имеют много общего с материалами рассмотренных позднеантичных комплексов Еркургана (Мухамеджанов А. Р. и др., 1982. С. 89).

КЕРАМИКА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДА

Верхний, кроющий горизонт всего городища Еркурган и большинства отдельных холмов-тепа Каршинского оазиса, относится к периоду IV—VI вв. н.э. Керамический комп-

лекс своеобразен и получен на многих раскопах городища. Он определяется миниатюрными кувшинчиками с петлевидной ручкой, красноангобированными тонкостенными чашами с вертикальным бортиком и широким распространением лепной посуды в виде котлов, жаровен и вазообразных курильниц, украшенных наlepным орнаментом в виде групп шишечек, зубцов, валикообразных и змеевидных наleпов, уходящих корнями в древние традиции гончарства джетыасарской культуры Приаралья.

В первоначальной публикации керамики Еркургана он был представлен комплексом Е на Р-5, или ЕР-VII по всему городищу (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984. С. 99). Новые материалы, полученные по результатам раскопок, осуществленных как на Еркургани, так и в пригородных поселениях вокруг него М. Х. Исамиддиновым и А. Р. Раимкуловым, позволяют разделить раннесредневековую керамику Еркургана и соседних укрепленных поселений на отдельные, хронологически последовательные этапы ЕК-14, ЕК-15, ЕК-16, ЕК-17, ЕК-18.

Это был период хионито-эфталитского и, последовавшего за ним, времени Тюркского каганата. При характеристике материалов этого, самого позднего периода керамики Еркургана мы придерживались периодизации, выработанной А. А. Раимкуловым (1992. С. 12).

Поскольку данные анализа керамических комплексов раннесредневекового Еркургана были опубликованы в нашей монографии, изданной в 1984 г., а материалы последних лет подготовлены к печати М. Х. Исамиддиновым и А. А. Раимкуловым, приведем лишь краткую характеристику основных форм посуды данного периода.

КОМПЛЕКС ЕК-14

Анализ не использованной в первоначальной публикации значительной коллекции керамики, полученной при первоначальном вскрытии верхних 1, 2, 3 штыков керамического отвала на Р-5, позволяет выделить еще один этап развития типологии керамики Еркургана, занимающий стратиграфически и хронологически промежуточное положение между ранее выделенными комплексами Д и Е (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984. С. 99). Явственно этот комплекс пока не представлен на других раскопах, не исключено, что особенности его типологии имели реликтовый характер, отражая приверженность гончаров Еркургана (на Р-5) к традиционной, прежней посуде. Это была краткая фаза перехода от очень долго длившейся эллинизированной, позднеантичной традиции типологии посуды к раннесредневековой керамической традиции Нахшаба. Тем не менее этот период или фаза, зафиксированная пока лишь на Р-5, имеет ряд индивидуальных черт.

Здесь сохраняются особенности комплекса ЕК-13, но уже появляются миниатюрные кувшинчики, лепная культовая посуда и единичные очажные подставки, типичные для последующего периода.

Колоколовидные бокалы представляют собой самую последнюю, завершающую стадию своего развития. Для них характерно ухудшение качества черепка, ангобное покрытие, преимущественно темно-коричневое или черное. Они имеют стройные, полые, трубчатые стебли ножек и приплюснутые их основания. На уровне 2, 3 штыков они сохраняют еще характерную для предыдущего этапа профилировку (рис. 124:1—3). Затем, на уровне 1, 2 штыков, ножка обретает упрощенное, плоское кольцевидное основание (рис. 124:4, 5). Часто трубчатая полость ножки доходит до основания резервуара бокалов (рис. 124:6, 7). Подобных бокалов не было ни раньше, ни позже.

Фрагменты ножек и краев бокалов представлены в количестве 30 экз. — они более толстостенные, чем внизу, и очень редко имеют полосчатое лощение.

Развитие широких красноангобированных чаш с вертикальным бортиком в то время достигло своего апогея; они все нарядные, обычно тонкостенные, разнообразные по размерам и профилю. Преобладают варианты с высоким бортиком и подчеркнутым изломом стенок; их более 70 экз. (рис. 124:8—14).

Около 50 экз. представлены чаши с сужающимися устьями (рис. 124:15—19). Менее 20 экз. глубоких чаш имеют резервуары без излома профиля стенки (рис. 124:20—22). Приблизительно 30 экз. чаш с невысокими, загнутыми внутрь, краями и обтекаемым профилем без излома (рис. 124:23—25). Небольшие по размеру чаши обычно имеют низкие бортики (рис. 124:26—30), их фрагментов — около 40.

И, наконец, здесь выделяется около 10 экз. нового варианта чаш усложненного профиля, суженных в устьевой части, но при этом тонкие их края отогнуты наружу (рис. 124:31—34).

Эти варианты чаш представляют собой, по сути, их разновидности и не группируются в морфологически четко отличающиеся группы, они объединены массой промежуточных форм. Отмечен один экземпляр ножки чаши. Она приземистая, устойчивая (рис. 124:35).

Чаши иных типов весьма малочисленны. Это около 10 экз. широких, тонкостенных, красноангобированных чаш с утолщенным, подтреугольным или Г-образным в сечении венчиком (рис. 125:1—3).

Несколько экземпляров миниатюрных чашечек по тесту, ангобному покрытию, профилю резервуара и венчика повторяют особенности вышеописанных обычных чаш (рис. 125:5—7).

На всем протяжении эволюции керамической посуды сохранялась роль неизменного

субстрата типологических наборов Еркургана всех периодов — рыбных блюд. Эта простейшая форма блюда, появившаяся в ахеменидское время в виде широкой конической тарелки в эллинистическое время сменилась аналогичным по форме подражением рыбному блюду. Однако оно быстро потеряло функциональные особенности, присущие последнему — в виде углубленной солонки на дне, и превратилось в обычную, конической формы тарелку с плоским дном и укрепленным подтреугольным венчиком краем, которая, практически, не менялась вплоть до эпохи раннего средневековья, широко представленная во всех коллекциях гончарной керамики Еркургана. Правда, со временем резервуар их стал не строго коническим, а обрел легкую округлость профиля (рис. 125:4).

Таким образом, и здесь эти рыбные блюда представлены своими традиционными вариантами: с подтреугольным в сечении венчиком (рис. 125:8—10) — их около 25 экз.; с крючковидным в сечении венчиком (рис. 125:11, 12) — их около 10 экз. и несколько экземпляров без специально оформленного венчика (рис. 125:13). Отдельные виды имеют рифленую снаружи поверхность (рис. 125:16). Тарелки в комплексе представлены единичными экземплярами, в том числе и чашевидная тарелка (рис. 125:14, 15). Позже подобных тарелок не стало. Это последние экземпляры, доживавшие свой конец как тип. Функционально это спутники бокалов, сошедшие на нет вместе с ними.

Практически те же самые варианты профилей венчиков, как и у так называемых рыбных блюд, имеют крупные толстостенные конические блюда. Более 60 экз. из них представлены подтреугольными в сечении венчиками (рис. 125: 17, 18); около 40 экз. — крючковидные в сечении венчики (рис. 125:19) и около 40 экз. сглаженные, валикообразные в сечении венчики (рис. 125:20); несколько блюд не имеют специально выделенных венчиков (рис. 125:21).

Крупные сферические миски или тазики тоже представлены в достаточном количестве, но в основном преобладают варианты с Г-образным венчиком (рис. 125:22, 23), их 20 экз. Типичны для более раннего времени тазики с Т-образным венчиком и очень редки со слабо выступающим вовнутрь широким венчиком (рис. 125:24).

Кувшины в основном представлены теми же типами, что и ранее, они имеют сравнительно удлиненное тулово и относительно невысокую шейку с одной ручкой. Преобладают венчики в виде двойного валика, реже — подтреугольные в сечении, и очень редко встречаются манжетовидные (рис. 126:1—4), их около 50 экз.

Наряду с этими кувшинами средних размеров появляется серия (около 10 экз.) типичных для дальнейшего облика керамики Нахшабского оазиса миниатюрных кувшин-

чиков; у них подтреугольные в сечении, реже манжетовидные венчики и неустойчивые еще пропорции (рис. 126:6—9). В нижней части они обточены ножом, часть их ангобирована.

Найдено около 40 фрагментов кратеров. Все они покрыты красным или коричневым ангобом с небольшими петлевидными ручками у края, венчики по краю резервуара чаще оформлены в виде тройного и, реже, в виде двойного валика (рис. 126:10, 11), основание ножки также украшено тройным и, редко, двойным или одним валиком (рис. 126:12—14).

Более 10 экз. обломков представлены ангобированные банкообразные цилиндрические сосуды с Г-образно отогнутым наружу краем (рис. 126: 15), сохранившие свои характерные особенности.

Тремя экземплярами представлены крупные глубокие банкообразные миски (рис. 126:16, 17) с Г-образным в сечении венчиком.

Горшки многочисленны. Около 25 экз. из них имеют округлые тулова и широкие горловины с валикообразными венчиками различной толщины (рис. 126:18; 140:1). Столько же более тонкостенных горшков, они с уступчиком для крышки по краю и отверстиями на плечиках для подвешивания (рис. 127:2—5).

Есть несколько экземпляров миниатюрных горшочков (рис. 127:6, 7).

Единичными экземплярами представлена новая форма горшка с выделенной шейкой и короткой петлевидной ручкой. Эти сосуды изготовлены на круге из плотного теста и покрыты ангобом (рис. 127:8). Имеется около 20 экз. фрагментов различного размера крышек, 3 из них — чашевидные (рис. 127:9, 10), остальные конические, не отличающиеся по профилю от так называемых рыбных блюд миниатюрного размера (рис. 127:11, 12).

В комплексе ЕК-14 крупная тарная посуда представлена обломками двух хумов с валикообразными венчиками, один из них лепной, второй — гончарный (рис. 127:19, 20).

Найдено около 20 фрагментов кухонной посуды в виде округлых котлов с отогнутыми наружу широкими краями, тесто у них темно-красного цвета обычно с песком или мелко толченой известью (рис. 127:13, 14). Есть единичные котлы, в тесте которых в качестве отошителя использован крупный шамот (рис. 127:15).

В одном экземпляре имеется обломок тонкостенной жаровни (рис. 127:16). Также единичными фрагментами представлены обломок вазообразной курильницы на высокой ножке и очажной подставки, типичных для последующего периода (рис. 127:17, 18).

Комплекс ЕК-14 представляет собой кратковременный переход развития типологии гончарной посуды Еркургана эпохи рубежа древности и раннего средневековья и, видимо, датируется второй половиной IV в. н. э.

Наиболее хронологически выдержанный и типологически полный комплекс посуды той поры был получен на Р-13 квартала керамистов при вскрытии жилой и производственной застройки.

В это время уже полностью исчезли колоковидные бокалы, отсутствуют цилиндрические баночные сосуды с Г-образно отогнутым краем, появились двуручные амфоровидные кувшины, сферические корчаги со сливом, массовый характер обрела грубая кухонная лепная посуда с крупным шамотом в черепке, нижняя часть котлов стала изготавливаться в архаической технике формовки в матерчатом шаблоне.

Ведущей формой столовой посуды той поры стали чаши, разнообразные по профилю резервуаров, размерам и пропорциям: невысокие, со слегка загибающимся внутрь краем, крупные и глубокие с изломом при переходе от широкой придонной части к вертикальному бортику (рис. 128:1—8).

Имеются более редкие типы чаш с утолщенным краем или вытянутым вверх суживающимся устьем (рис. 128:10, 13).

В незначительном количестве еще встречаются небольшие, широкие, тонкостенные чаши (рис. 128:9), есть редкие типы чаш с валиком по краю или при переходе вертикального бортика к широкой придонной части (рис. 128:12, 14). Все они красноглиняные, большинство покрыто красным или коричневым ангобом.

В небольшом количестве продолжают производиться поздние варианты рыбных блюд, исчезнувшие вслед за бокалами (рис. 128:15, 16), а также крупные блюда: конического профиля (рис. 128:17, 18).

Отмечена миска с вертикальным бортиком и кольцевой ложбинкой на верхней грани венчика (рис. 128:11), не исключено, что этот фрагмент попал в комплекс случайно.

Изготавливались и крупные тазики, они лепные, светлоглиняные, в большинстве своем имеют отогнутые наружу венчики (рис. 128:19, 20, 22); отдельные с вертикальным или слегка загнутым внутрь бортиком как у синхронных чаш (рис. 128:21).

Кувшины разнообразны, у них сравнительно короткие и широкие горловины, венчики в виде одинарного или двойного валика (рис. 128:23—25), есть лепные кувшины без выделенного венчика (рис. 128:26, 28). Появились амфоровидные двуручные кувшины (рис. 130:1, 2). По профилю и пропорциям они близки двуручным кувшинам кушано-сасанидского времени Бактрии (ДГКСА, табл. СХІ, N 20,35), но более крупных размеров, среди них есть как лепные, так и гончарного изготовления.

Наиболее типичная форма комплекса ЕК-15 — миниатюрные кувшинчики, служившие для питья. В большинстве своем они

имеют высоту чуть вдвое более максимального диаметра, утонченный венчик снаружи обычно профилирован в виде двойного валика (рис. 128:29—32), есть и более приземистые их варианты (рис. 128:33, 34).

Продолжали бытовать разных размеров кратеры, представленные фрагментами резервуаров и конических ножек, у них и венчики, и основания ножек укреплены тройными валиками (рис. 129:1—4).

Как и в более ранних комплексах изредка встречаются банкообразные сосуды двух разновидностей: с отогнутым наружу широким краем и вертикальным краем без выделенного венчика (рис. 129:5, 8).

Есть множество горшков и горшочков самых разных размеров, пропорций и вариантов — все они встречались ранее и типичны для позднеантичной типологии керамики Еркургана (рис. 129:6—17), отдельные переходят в толстостенные корчаги с широким устьем (рис. 129:18). Новым типом среди них являются тонкостенные сосуды яйцевидного профиля с покатыми плечиками, манжетовидным, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 129:15). Подобного рода профилировка сосудов и такие венчики характерны для джетыасарской культуры IV—VI вв. (Левина Л. М., 1993. С. 92, рис. 37—40).

Есть горшки и горшочки с уступчиком для крышки по краю, а также крышки в виде тонкостенных плоских тарелок с очень низким бортиком по краю (рис. 129:19, 20).

Хумчи и хумы также многочисленны и многообразны, большинство наиболее крупных из них изготовлено лепным способом, профили венчиков варьируют в сечении от уплощенного валика до треугольного (рис. 129:8—13, 21—23).

Котлы изготовлены вручную, лепкой; с широким уплощенным дном, часто нижняя часть формована архаическим способом — в грубо сотканном матерчатом шаблоне, от которого остались клетчатые следы ткани (рис. 130:4—6). Тесто обычно с большим количеством отоителя в виде крупного шамота.

Много было на Р-13 и обломков типичной для эпохи IV—VI вв. культовой посуды в виде вазообразных курильниц на высокой ножке и так называемых светильников в виде плошки с ручкой сбоку. Они, обычно, лепные из огнеупорного теста, украшены наклепными змеевидными валиками или группами шишечек, светильники имеют по краю наклепные шипы (рис. 130:3, 15). Этот орнамент известен в Средней Азии только по керамике джетыасарской культуры (Толстов С. П., 1962. С. 192, рис. 111, III, В), хотя по форме только вазообразные курильницы находят аналогии в курильницах джетыасарской керамики (там же, рис. 111, 1).

Есть отдельные экземпляры подобной культовой посуды, изготовленной на гончарном круге, украшенной горизонтальными валиками или прорезным орнаментом (рис. 130:7, 14).

Комплекс ЕК-15 из верхнего строительного горизонта Р-13 датируется V — началом VI в. Здесь возможен перерыв в несколько десятилетий между ЕК-14 и ЕК-15, так как нижний уровень Р-13 не вскрыт, но традиция типологии керамики та же.

КОМПЛЕКС ЕК-16

Последующие комплексы относятся ко времени после падения государства эфталтов, когда Еркурган был разрушен и заброшен. Но поскольку они происходят из пригородной зоны этого древнего города, а также из остатков отдельного поселения гончаров, возведенного на квартале гончаров некоторое время спустя после разгрома города и, видимо, руками потомков тех же гончаров бывшего квартала керамистов Еркургана, мы сохраняем за ними индекс ЕК.

На Кунжутлитепа, в 1,5 км севернее Еркургана, А. А. Раимкуловым были вскрыты два верхних строительных горизонта, относящихся, соответственно, к первой и второй половине VI в., нижний горизонт хронологически соответствует материалу самого верхнего уровня комплекса Р-13 на Еркургане, верхний продолжался позже, вплоть до конца VI в. (Раимкулов А. А., 1992).

Типология Кунжутлитепа отличается от комплекса на Р-13 не качеством, а своим типологическим набором, имеющим сельскохозяйственную специализацию, здесь мало столовой тонкостенной посуды, но много крупных мисок, тазиков, лепных котлов.

Набор чаш немногочислен, но по обломкам донец выясняется наличие здесь поздних вариантов с выделенным дисковидным поддоном, которых на Еркургане почти нет (рис. 131:1-4).

Широких конических тарелок, которые мы продолжаем условно именовать рыбными блюдами, здесь тоже не отмечено.

Крупные тазы (тагора), или большие толстостенные миски, как на Р-13, имеют два типа профилей краев в виде уплощенного подпрямоугольного или подтреугольного венчика в виде широкого утончающегося края (рис. 131:5-8). Некоторые из этих сосудов вылеплены из огнеупорной глины.

Кувшины довольно однообразны, в основном повторяются те же формы, что и на Р-13, они одно- и двуручные (рис. 131:9—11; 132:1,5). Появляются кувшины с суженной горловиной и покатыми плечиками, они более типичны для хронологически последующего комплекса с Коштепа II (рис. 131:11).

Часто посуда IV—VI вв. имеет отдельные оттиски печатей, что указывает на развитие индивидуализма и института частной собственности в изготовлении и пользовании посудой (рис. 131:8,11; 131:10).

Кувшинчики из Кунжутлитепа не отличаются от таковых комплекса ЕК-15 на Р-13, но их гораздо меньше (рис. 132:2,3).

О том, что этот тип в VI в. находился на

пути к вырождению, свидетельствует появление отдельных экземпляров, переходивших в раннесредневековые кружки (рис. 132:4).

Корчаги, горшки и горшочки тех же типов, что и на Р-13, хотя типологическим разнообразием вариантов они не отличаются (рис. 132:6-9).

Единичным экземпляром представлен обломок банкообразного сосуда (рис. 132:13).

Хумы и хумча все лепные, их валикообразные венчики часто украшены ритмичными вдавлениями пальцем (рис. 132:15-16; рис. 133:4,5).

На поселении больше всего зафиксировано обломков грубых лепных котлов. Все они изготовлены из теста с большой примесью крупного шамота; приземистые, с широкой нижней частью, обычно сформованной в шаблоне в виде чаши или, реже, на матерчатой основе из грубой ткани (рис. 133:7). Обычно они имеют по плечикам ручки в виде шишечек или дуговидных валиков, у одного из них ручки имитируют дужки металлического котла (рис. 134:4).

Помимо котлов, жаровен и крышек (рис. 135:1—5, 8,9), среди лепной керамики Кунжутлитепа есть и небольшие толстостенные кружки, имевшие утилитарное назначение, много посуды ритуального характера, в основном это вазообразные курильницы на ножке (рис. 135:11, 12).

К редким формам относятся найденные на Кунжутлитепа керамическая воронка и фляга (рис. 135: 10,13).

КОМПЛЕКС ЕК-17

К концу VI — началу VII в. относится небольшой, но хронологически выдержанный комплекс, полученный А. А. Раимкуловым из помещений селения Коштепа II в 4 км к югу от Еркургана. Данный комплекс представляет собой дальнейшее развитие типологической традиции керамики Еркургана после запустения города. Эта традиция продолжала сохраняться, но наиболее быстро менявшиеся формы столовой посуды, такие, как чаши и кувшинчики, уже имели более развитый облик, чем в комплексах верхнего слоя Р-13 Еркургана и на Кунжутлитепа.

Чаши представлены всеми вариантами типов, ранее отмечавшихся на Еркургане, но здесь они с более мелким и широким резервуаром (рис. 136:1-7) и украшены красным или коричневым ангобом, отдельные из них имеют дисковидный поддон (рис. 136:1,5). Чаша на рис. 136:7, судя по низкому бортику и большому поддону, могла служить, скорее, в качестве крышки. Несколько более крупных, глубоких чаш имеют венчики в виде одного или двух валиков (рис. 136:8-10; 138:1). Единичным экземпляром представлен обломок типичного для предшествующих комплексов толстостенного блюда (рис. 138:2).

Древние формы различных тарелок в этом комплексе отсутствуют, единичными экземпля-

рами представлены крупные блюда, миски и тазики традиционных форм (рис. 136:11, 12). Кувшины сохраняют характерную для Еркургана короткую широкую горловину с манжетовидным, валикообразным или подтреугольным в сечении венчиком (рис. 149:13-16). Характерны для этого времени узкогорлые кувшины с овальным туловом (рис. 136:17-19). Есть типичные для периодов ЕК-15, ЕК-16 двуручные кувшины с четко выделенной вертикальной горловиной (рис. 137:1).

Кувшинчики представлены серией самых поздних, стройных вариантов (рис. 137:2-4), некоторые имеют валик, отделяющий горловину от плечиков, имитирующий шов металлических сосудов (рис. 137:5,6).

Гончарная тарная посуда представлена несколькими фрагментами сферических корчаг с короткими сливами-носиками со смятым концом (рис. 137:7,8) и небольшим горшочком без ручки (рис. 137:9). Есть, в одном экземпляре, сферический горшочек, украшенный типичными для той поры темно-коричневыми потеками (рис. 137:10).

Крупные сосуды представлены единичными обломками хумчи и хума (рис. 138:5,6).

Лепная посуда состоит из богатого набора больших и малых котлов. Крупные как правило формовались в два приема: нижняя часть — в чаше, верхняя наращивалась ленточным способом и украшалась разнообразными налестками символического содержания (рис. 139:53). Характерны зооморфные ручки и налестки котлов, полученных на Коштепа, что связано с культовой функцией вскрытого участка поселения. Характерна приземистая лепная двуручная кружка (рис. 140:5).

Помимо вышеописанных форм, в комплексе обнаружены фрагменты плоских тонкостенных жаровен, лепных крышек, миниатюрных горшочков, а также светильник с зооморфной ручкой и нижняя часть башнеобразной курильницы (рис. 140:7, 8).

Наличие различных поздних вариантов кувшинчиков и большое количество лепных котлов с богатой растительной и зооморфной символикой объясняется культовым назначением Коштепа-II, вскрытого А. А. Раимкуловым.

КОМПЛЕКС ЕК-18

Состоит из сосудов, полученных с полов помещений верхнего горизонта обживания специализированного поселения гончаров (Р-20) на городище Еркурган, возникшем спустя некоторое время после его заупустения.

Хронологически выдержанный комплекс был получен на поверхности двора и помещений архитектурного комплекса этого поселения гончаров и из печей NN 4-6, функционировавших во дворе поселения. Некоторое количество синхронного материала выявлено из верхнего горизонта печи N 1 за стеной поселения, выше пода обжигательной камеры.

Чаши представлены двумя типами: конической формы, со слегка загнутым внутрь краем, часто с тонкой кольцевой полоской вдоль края с внешней стороны (рис. 141: 1-3); с прямым, слегка расширяющимся бортиком и отогнутым наружу краем (рис. 141: 4-6). Они имеют довольно рыхлое тесто с небольшой примесью песка, покрыты красным или коричневым ангобом.

Много крупных толстостенных мисок и тазиков с отогнутым наружу или утолщенным краем (рис. 141: 9-12). Чаще всего они имеют розоватый или светло-коричневый в изломе черепок и более светлую поверхность.

Появляются конической формы миски, одна из них — с ручками по бокам (рис. 141:7,8).

Кувшины многочисленны и разнообразны. Имеют красноватый или светло-коричневый в изломе черепок, обычно с песком, мелкими гипсовыми крупинками в тесте, и более светлую поверхность.

Миниатюрных кувшинчиков, характерных для предыдущей поры, здесь уже нет, единичные экземпляры фрагментов миниатюрных кувшинчиков вероятно носят случайный характер.

Кувшины имеют невысокую широкую горловину, иногда расширяющуюся в устьевой части. Венчики самые различные: подпрямоугольные, подтреугольные, валикообразные, в виде двойного валика (рис. 141:13-21), один из них с удлиненным энохойевидным сливом (рис. 141:21). Горловина кувшинов часто отделена от плечиков резким изгибом (рис. 141:20, 21).

Реже горловина плавно переходит в покатые плечики (рис. 141:22, 23). Один экземпляр из них — лепной (рис. 141:23).

Горшки имеют широкие горловины с подпрямоугольным в сечении венчиком (рис. 142:1,2). Горшочки тонкостенные, изготовлены на гончарном круге, их венчики, в отличие от более ранних, не имеют выступа для крышки (рис. 142:3,4). Крупные гончарные горшки по размерам фактически равны тарным сосудам, которые обычно квалифицируются в среднеазиатской археологии как хумчи. У них разнообразные в сечении венчики: подтреугольные, подпрямоугольные, валикообразные, некоторые украшены волнистой прочерченной линией (рис. 142:5-9). Крупных хумов немного, они лепные, имеют валикообразные, иногда раздвоенные в сечении, венчики (рис. 142:11, 12).

Кухонная лепная посуда состоит из обломков лепных мисок и округлых котлов. Есть обломки столиков-дастарханов и прямоугольные очажные подставки (рис. 142:10, 13—16).

Встречен обломок полой ножки башнеобразной курильницы (рис. 142:17).

Принимая датировку материалов Коштепа и позднего поселения гончаров на Еркургани (Р-20) концом VI — первой половиной VII в. н. э., предложенную А. А. Раимкуловым, мы

полагаем, что комплекс Р-20 хронологически следует за Коштепа II, так как в нем полностью отсутствуют миниатюрные кувшинчики.

Комплекс ЕК-18 при всех его изменениях все еще продолжает традиционную типологию верхних слоев Еркургана, представляя собой последний этап развития местной традиции типологии посуды Нахшаба хионито-эфталитского времени. Раннесредневековых кружек еще нет, но они в это время уже стали проникать в оазис (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984, С. 108). Позже, со второй половины VII в., они представлены в материалах замка на вершине Калаи Захоки Марон, в отложениях на вершине углового бастиона внутреннего вала Еркургана и в соответствующих горизонтах Шуллиуктепа и Алтынтепа.

Поскольку вопросам сравнительного анализа и относительной хронологии раннесредневековой керамики Еркургана были посвящены специальная глава в нашей с М. Х. Исамиддиновым монографии (1984 г. С. 99), диссертация А. А. Раимкулова (Раимкулов А. А., 1992), а также две находящиеся в печати монографии М. Х. Исамиддинова и А. А. Раимкулова, мы на этих вопросах специально не останавливаемся.

РЕЗЮМЕ

Подчеркнем отдельные, наиболее важные отличия раннесредневековой типологии керамики Нахшаба от позднеантичной. Полностью исчезли колоколовидные бокалы, функционально их место заняли кувшинчики с петлевидной ручкой. Переходный период ЕК-14, где встречены оба эти типа сосудов для питья, был очень краток и успел отложиться в слое лишь на квартале керамистов, на других раскопках этот комплекс пока не поддается фиксации. В раннесредневековой столовой посуде полностью отсутствуют древние тарелки с кольцевой полоской на дне. Появились большие двуручные кувшины, есть, редко, корчаги с коротким широким сливом. Исчезли так называемые тарелковидные чаши с оттянутым наружу краем и банковидные сосуды с такими же краями. Как отмечалось в комплексе эпохи раннего средневековья, появились очажные подставки, лепные котлы и лепная культовая посуда, украшенная налепным орнаментом в стиле джетыасарской культуры, отмечаются и отдельные элементы керамики каунчинского круга культур (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984, С. 108, сл.).

Одним из наиболее характерных типов посуды IV—VI вв. Нахшаба были миниатюрные кувшинчики, широко распространенные в основных оазисах юга Средней Азии кушано-сасанидского времени (Рутковская Л. М., 1962, С. 74, рис. 9—11, 13; Филанович М. И., 1974, рис. 13; ДГКСА, табл. СХI).

Лепная керамика данного периода, как

уже отмечалось, обнаруживает теснейшие связи с джетыасарско-каунчинским кругом культур. При сходстве отдельных форм посуды с каунчинской в Нахшабе IV—VI вв., за редким исключением, нет типичных для каунчинской и оттар-каратауской культур украшений темными потеками и прочерченными знаками. Но налепные украшения в виде групп шишечек, валикообразных полосок, змеек, рогов связывают эту традицию с джетыасарской культурой, как и мелкие насечки на котлах при переходе от горловины к плечу (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984, рис. 38, 1—3; Левина Л. М., 1971, С. 59, рис 15). Миниатюрные кувшинчики для питья есть и в джетыасарской культуре.

Наблюдения последних лет позволяют конкретизировать трассы движения присырдарьинских племен к югу в эпоху Великого переселения народов. Так, кружки с зооморфными ручками характерны лишь для каунчинской культуры Ташкентского оазиса и не типичны для располагавшейся ниже по Сырдарье оттар-каратауской культуры (Левина Л. М., 1971, С. 20).

Отсутствуют кружки с зооморфной ручкой и в южном варианте ранней каунчинской культуры, открытой Г. А. Пугаченковой по левобережью Сырдарьи в отрогах Нуратинского хребта на городище Булакбаши (Пугаченкова Г. А., 1989).

При сравнении инноваций признаков керамических традиций присырдарьинских археологических культур на типологию посуды Согда IV—VI вв. выявляется, что кружки с зооморфными ручками отмечаются лишь в самаркандском Согде, в Бухарском оазисе их нет при массовом появлении там очажных подставок и типологии посуды, характерной для оттар-каратауского керамического комплекса (Мухамеджанов А. Р. и др., 1983), хотя отмечаются отдельные элементы джетыасарской культуры.

И, наконец, крайний юго-западный оазис Согда — Нахшаб оказался в то время зоной влияния джетыасарской культуры при слабом участии в формировании раннесредневекового керамического комплекса и элементов каунчинской и оттар-каратауской культур.

Таким образом, у нас имеются достаточные основания полагать, что носители присырдарьинских культур двигались в Согд согласно изначальному их расположению вдоль Сырдарьи в широтном направлении, и племена собственно каунчинской культуры Ташкентского оазиса осели в крайнем восточном Самаркандском оазисе, простирая, видимо, свое влияние и на соседний Кеш.

Носители культуры Оттар-Каратау и Булакбаши осели западнее, в Бухарском оазисе, а джетыасарцы, пройдя самый длинный маршрут с крайнего северо-запада Средней Азии, оказались на крайнем с юго-запада оазисе Согда — Нахшабе.

Сведения о том, что Бухара была заселе-

на людьми, пришедшими со стороны Туркестана, сохранилась и у Наршахи.

При этом происходило и частичное смешение носителей присырдарьинских культур между собой, чем можно объяснить наличие каунчинских или оттар-каратауских элементов в керамике Нахшаба IV—VI вв. и отдельных признаков джетыасарской культуры в кера-

мике Кызылкыра и других комплексов Бухарского оазиса IV—VI вв.

Непосредственно на аналогиях керамики Нахшаба IV—VI вв. и керамики джетыасарской культуры мы останавливались в нашей прежней публикации (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984, С. 126. сл.).

Глава IV

ТЕРРАКОТА ЕРКУРГАНА

Коропластика Согда — выдающееся явление в истории культуры древней Средней Азии, изучение которой было начато еще до 1917 г. В этих массовых предметах древнего народного искусства нашли подробное отражение многие стороны идеологии, эстетики и ремесленных приемов согдийцев.

Начиналось искусство короластики Нахшаба с сугубо эллинистических сюжетов и образов. Типично древневосточных обнаженных женских образов, известных в Бактрии, на Еркургане пока не обнаружено. За ними хронологически следует обширный набор женских статуэток эллинистических и местных типов с редкими мужскими статуэтками и массой фигурок всадников. Это был типично античный цикл сюжетов искусства короластики, широко распространенный от Месопотамии и Северного Причерноморья до Согда и Бактрии на Востоке.

Завершилось искусство терракоты Нахшаба в качестве составной части доисламской короластики Средней Азии в раннем средневековье образами почитавшихся героев и предков, с дальнейшим переходом к примитивным лепным изображениям фантастических и сказочных персонажей фольклора.

ТЕРРАКОТА III—I вв. до н. э.

К III—I вв. до н. э. относятся находки, отличающиеся реализмом исполнения.

Обломок верхней части лепной терракотовой мужской фигурки из плотной красной глины с примесью мелкого гипса найден в Р-5 (51 слой 1974 г.). Поза непринужденная, голова слегка обращена влево. Одежда обозначена стоячим воротником с небольшим вырезом на груди. Лицевая часть отбита, но круглая головка фигуры имеет на щеках бакенбарды или нащечные пластины от шлема, близкого аттическому типу (Пилипко В. Н., 1989 б) (рис. 143:1).

Второй предмет представлен красноглиняным налепом-маской, найденным на уровне пола II—I вв. до н. э. на поселении Киндик-литепа. Налеп передает типично греческое, обрамленное прядями волнистых кудрей, ок-

руглое лицо со скорбной вертикальной складкой на лбу, обращенное влево. Взгляд крупных глаз, имеющих опущенные книзу внешние края, устремлен вдаль (рис. 143:2).

Третье изделие представляет собой обломок нижней части сероглиняной прямоугольной плакетки, найденной в завале строительных конструкций дворца Еркургана. По тесту, фактуре, цвету и приему подрезки тыльной и боковых сторон острым ножом она относится к III—II вв. до н. э. На прямоугольной плоскости плакетки в глубоком рельефе изображена анфас фигура в коротком дорическом хитоне и длинном распахнутом плаще-гиматии. Она стоит в классической позе, опираясь на правую ногу, в то время как левая свободно отставлена. Моделировка выразительна и лаконична. Прекрасно переданы мускулатура икр, колени, ступни ног. Складки драпировки хитона и гиматия передают легкое движение фигуры (рис. 143:3).

ТЕРРАКОТА I—II вв.

Количество терракотовых фигурок в I вв. н. э. значительно увеличилось. Среди них преобладает образ женского божества, реже встречаются мужские изображения. Характерны фигурки коней со всадниками и без них. Есть фрагменты керамических сосудов с антропо- и зооморфными налепами. В целом для статуэток той поры характерно преобладание эллинизированного костюма, моделированного в виде мягких драпирующихся вертикальных складок.

Характерным для Еркургана является тип женской фигурки, фронтально обращенной к зрителю, с правой рукой под грудью и левой на бедре. Одета она в подпоясанный под грудью лентой с бантом хитон. Правая рука до кисти драпирована узким рукавом, левая покрыта вертикально наброшенным краем гиматия (рис. 143:4).

Стройная девичья фигура в позе Ники. Устремленность вперед передана поступью правой ноги вперед, левая рука, воздетая вверх, передана условным выступом, правая, анатомически четко моделированная, опущен-

на вдоль тела и слегка отведена в такт движения.

Фигура одета в длинный хитон без рукавов, руки обнажены, грудь, соответственно моде эпохи эллинизма, подвязана лентой с бантом (рис. 144:1). Образец подъемный, найден в пригородной части Еркургана, но, судя по облику, а главное, фактуре теста и обжигу, относится если не к рубежу, то к I вв. н.э. Судя же по костюму с лентой и бантом под грудью, эти изображения могли иметь и более ранние иконографические прототипы.

К этой же группе типов следует, видимо, отнести происходящий из поздних отложений айвана храма Еркургана обломок нижней части женской статуэтки. Она также отличается стройностью. Левой ногой фигурка ступает вперед, правая отставлена назад, платье, ниспадающее до стоп, передано мелкими вертикальными, развевающимися в такт движения, складками (рис. 144:2).

Единичным экземпляром представлена террактовая фигурка в местном костюме. Она подъемная, сохранилась нижняя часть. Правая рука под грудью, левая упирается в бедро. Фронтально застывшая фигурка моделирована в высоком рельефе, нижняя часть плотного, вертикально спускающегося до пят платья, разделена от пояса до стоп тонкими рельефными ложбинками в виде елочки (рис. 144:3).

Появляются и статуэтки-примитивы, изготовленные гончарами-ремесленниками в подражание изделиям художников-коропластов. Одна из них была найдена на Р-13, на уровне слоев I в. н.э. Она передает фронтальный женский образ с руками, симметрично расположенными под схематично изображенными грудями. Головка фигурки отломана, под глухим круглым воротником гривна. Платье, подвязанное у пояса, плохо определяется из-за неискусности мастера. Два валика, идущие от воротника к грудям, вероятно означают треугольный вырез верхнего платья или ожерелье. Отдельными вертикальными полосками передана драпировка на животе и руках. Подол ниже пояса изображен условными вертикальными складками драпировки (рис. 144:4). Характерно, что растопыренные пальцы кистей рук у фигурки имеют округлые утолщения. Эта техника напоминает точечно-линейный стиль изображений на монетах Средней Азии той поры.

Из стратиграфически достоверных отложений к данному периоду относятся четыре лепные схематические фигурки с отломленными головами и руками, туловища которых переданы в виде грубого цилиндра (рис. 145:1,2).

Из 27 слоя Р-5 1984 г., т.е. где-то с уровня периода второй половины II в. н.э. происходит обломок матрицы, изображающей в миниатюре портрет Силена. У него классический миксантропический облик с выпуклым морщинистым лбом, большими залысинами и неопрятными кудрями по бокам. Глубокие

глазницы окаймляют густые брови. Лицо курносое, изобразовано глубокими морщинами, большой рот с толстыми губами окаймляют жидкие усики. Завершает облик козлиная бородка (рис. 145:3).

Изображение исполнено в лучших традициях греческой коропластики и мастерски отражает мудрого, но и непристойного спутника Диониса — одного из демонов стихийных сил природы и плодородия, связанного в то же время с водной стихией.

Среди отломанных головок статуэток, которую не удалось совместить ни с одной из вышеописанных фигурок, тоже выделяются разные типы: два из них имеют эллинизированный облик с прической, обрамляющей лицо в виде волнистых локонов (рис. 145:4; 146:1). Первая из них происходит из слоя I в. н.э. Вторая находка переотложена, и дата ее неточная.

Мужская головка, найденная на Р-5 в слое I в. н.э., реалистично изображает местный этнический тип с окладистой бородой и пышными усами, подстриженные челкой волосы и густые букли, обрамляющие лицо, разделены тонкими вертикальными полосками (рис. 146:2). Это изображение представителя тех племен, которые угрожали Евтидему на северной границе Греко-Бактрийского царства и до юэчжей заняли северные и западные земли Греко-Бактрии. Подобную прическу мы видим и позже на так называемых туранских монетах Бухарского оазиса.

Головка в высокой прямоугольной тиаре, украшенной рядами точек, имитирующих драгоценные нашивки, продолговатое лицо обрамлено буклями, на шее гривна (рис. 146:3).

И, наконец, последняя, сильно фрагментированная, сравнительно крупная головка передает широкое мужское лицо. Волосы зачесаны назад прядями, под невысоким покатым лбом выступающие надбровные дуги подчеркивают густые брови (рис. 146:4). Головка эта найдена также в переотложенном состоянии и не исключено, что датируется позже. Стилистическим признаком, характеризующим все описанные изображения этого периода, является изображение зрачка глаз в виде небольшой углубленной точки в центре глазного яблока. В более или менее четком виде оно присутствует почти на всех изображениях той поры.

К данному же периоду, т.е. началу нашей эры, относятся около 20 экз. фигурок коней, часть их происходит *in situ* из слоев I вв. н.э., часть переотложена и датируется по стилю и фактуре теста. Говорить об иконографических типах не приходится, поскольку все они вылеплены от руки. Часть их со всадниками, другие фигурки неоседланы, без всадников.

Кони стройных породистых статей, грива часто подстрижена (рис. 147:1-3).

Всадники также вылеплены грубо, схематично, один из фрагментов коня со всадником имел ремни на груди с фаларом в виде круглого налепа (рис. 147:4). Обычно фалар —

типичная деталь штампованных плакеток образа божественного всадника Северного Причерноморья (Пругло В. И., 1977. С. 179). Двумя экземплярами представлены антропоморфные налелы на сосудах, найденные в слоях I вв. н.э. Один из них сероглиняный, черноангобирован, представляет собой небольшую головку с отштампованным матрицей лицом над ножкой сосуда-трипода (рис. 148:1). Второй в виде торса, крепившегося к краю сосуда или какой-то сложной изобразительной композиции, здесь также лицо головки изображения оттиснуто матрицей (рис. 148:2).

Зооморфные изображения представлены лепным сливом кувшина в виде бычьей (рис. 148:3) или козлиной головки с лирообразными рогами, украшавшей ручку кратера (рис. 148:4), и фрагментированной головки животного, напоминающего кошку (рис. 148:5).

Уникальным является фрагмент матрицы, изображающий половину головы дракона (рис. 149:1). Видимо, две половины подобной матрицы оформляли слив ритона. Фрагмент матрицы подъемный, найден на Еркургане в пределах внешней стены, отнесен к данному периоду по своим иконографическим особенностям.

ТЕРРАКОТА III—IV ВВ.

Наибольшее количество находок изделий коропластов относится именно к этому периоду, связанному со стабильным развитием городской культуры на Еркургане. Часть типов изображений представлена небольшими сериями. Преобладают различные типы образа женского божества.

Начнем характеристику с типа терракотовых статуэток женского божества, уже отмеченного в предыдущий период — I—II вв. н.э. (рис. 149:4). В данном комплексе их два экземпляра, одна из них, залежавшая в более раннем горизонте, крупнее размером, вторая — чуть позже, меньше размером и имеет более плоскую и схематизированную проработку рельефа, что естественно при вырождении матрицы в процессе тиражирования и периодического воспроизводства самой матрицы с последнего оттиска. Обе фигурки изображают торжественно стоящую женскую фигуру в хитоне, но драпировка здесь, в отличие от раннего образа, более условна и обобщена, воротник имеет треугольный вырез, грудь подпоясана двойной лентой без банта. Кисть левой руки, в отличие от более раннего варианта, не упирается в бедро, а лежит на животе (рис. 149:2).

Это поздний иконографический вариант вышеупомянутого типа. По более раннему образцу художник изготовил новую матрицу, модернизировав ее, внося уже упомянутые новые детали в иконографию образа.

Двумя вариантами представлен близкий

вышеописанному типу образ богини в эллинизированном костюме. Поза ее фронтальна, правая рука под грудью, левая на боку, согнута в локте. Длинное платье, драпировка которого передана идущими до стоп схематическими каннелюрами, имеет воротник в виде широкой пластины, охватывающей плечи с разрезом посередине. Короткая накидка драпирует фигурку, прикрывая ее от левого плеча до колен. Второй вариант отличается от первого, более стройного, покрытого коричневым ангобом, приземистыми пропорциями и гладкой моделировкой накидки без складок. У нее выделенные в рельефе носки ступней (рис. 149: 3, 4).

В материале, обнаруженном на поверхности городища, встречена верхняя часть матрицы статуэтки этого типа. Оттиск изображает молодую женщину с овальным лицом, обрамленным длинными локонами, с высоким переносом и крупными выпуклыми глазами. Головной убор в виде калафа плохо оттиснут в верхней части. Стройная шея и покатые плечи декольтированы, на шее валик гривны (рис. 150: 1).

Одним экземпляром представлена статуэтка женского божества с прической эллинистического типа. В комплексе ЕК-13 Р-5 на глубине около 2 м найдена верхняя часть матрицы статуэтки этого типа. У нее овальное, мягко очерченное лицо, обрамленное густыми прядями зачесанных назад волос, собранными на макушке в шиньон. Костюм местного типа — в виде плотно облегающего платья с вырезом, доходящим до груди. Матрица при изготовлении оказалась бракованной, почему и была разбита, переносы и нос лица фигурки оказались раздвоены вертикальной полоской (рис. 150: 2).

Есть фрагмент головки статуэтки этого типа, полученной из другой, не бракованной матрицы (рис. 157:1).

В четырех вариантах представлен тип богини с зеркалом. Головки у большинства были утеряны в древности. Экземпляр наиболее раннего варианта найден при раскопках городища Касантепа в 10 км севернее Еркургана. Второй, иконографически более поздний вариант, получен в трех экземплярах на самом городище Еркургана. Третий и четвертый варианты также происходят с Еркургана. Первые два варианта передают образ женского божества, согласно эллинистической традиции, в так называемой позе уравновешенного покоя с опорой на правую ногу и левой, свободно выставленной вперед. Правая рука вытянута вдоль тела, левая держит у груди круглое зеркало с длинным черешком (рис. 150: 3).

Платье у раннего варианта с Касантепы имеет треугольный вырез ворота и передано косыми складками от левого плеча до стоп. У второго варианта из Еркургана верхняя

часть платья гладкая, треугольный вырез сохранен, пояс перетянут лентой, ниже — широкий подол до стоп моделирован тоже косыми складками слева от поставленной вперед ноги, назад и вниз, чем подчеркивается свободная и непринужденная поза (рис. 150: 4).

Третий вариант изображения богини с зеркалом имеет сугубо местный облик. Он представлен обломком верхней части матрицы с Р-5, найденной на глубине около 1,5 м. Округлое одутловатое лицо фигурки с тяжелым подбородком обрамлено по бокам локонами, на голове надвинутая на лоб повязка (рис. 151: 1). На шее массивная гривна с утолщенными, сомкнутыми концами. Под ней цепочка перлов, это или бусы, или бляшки, окаймлявшие край ворота платья. В правой руке фигурки на груди круглое зеркало с массивным черешком. Грудь передана двумя условными полукругами.

Существенным признаком данной статуэтки являются кружки, украшавшие щеки и подбородок лица богини. Подобная деталь отмечена и на других отдельных статуэтках Еркургана, а также, как указывалось, украшала и лицо головки богини городского храма Еркургана, относящейся к III строительному периоду. Таким образом, все изображения женского божества, имеющие на лице украшения в виде кругов и розеток, относятся к III—IV вв.

Наконец, четвертый примитивный вариант фигурки женского божества с зеркалом, изготовленный, видимо, гончаром-ремесленником, передает приземистую фигурку с зеркалом в правой руке, левая с условно изображенной кистью — у пояса. Грудь передана точками в виде розеток. Плотное глухое платье до пят украшено треугольными вдавлениями, на шее гривна и ожерелье. В отличие от более ранних вариантов, фигурка расширена у основания и устанавливалась вертикально (рис. 151: 2).

Все варианты статуэток этого типа растянуты, видимо, на длительный интервал времени — III—VI вв.

Возможно, еще одним вариантом описанного типа божества с зеркалом является изображение, представленное обломком матрицы. Сохранившаяся часть передает женскую фигуру в длинном до стоп платье с редкими косыми складками, в правой руке, опущенной к бедру, какой-то предмет, возможно кувшинчик, левая рука у груди, что в ней было, неясно, так как выше изображение отломано (рис. 151: 3), возможно, в этой руке тоже было зеркало.

Тремя фрагментированными экземплярами представлены статуэтки довольно схематизированного изображения женского божества в типичной для Нахшаба позе: правая рука под грудью, левой она упирается в бедро. Небольшая головка с покатым лбом и выступаю-

щим носом на высокой шее из-за обрезанной по абрису прически напоминает птичью. Платье с высоким стоячим воротником, украшенным зигзагами, упирающимся в подбородок, плотно облегает верхнюю часть торса, а от пояса до стоп идут каннелюры драпировки, причем в центре подол расклешен, и складки его веером идут ниже пояса (рис. 151: 4). На шее едва проступает валик гривны, плечи и рукава украшают пуансонные точки, передающие украшения. В целом этот тип исполнен примитивно.

Двумя вариантами представлен тип богини с колосом в правой руке. Первый из них в виде обломка верхней части статуэтки, у второго, более плоского и широкого, сохранился лишь торс фигурки. Статуэтка имеет плотное платье с глухим воротом, груди едва выделяются, на шее массивная гривна. В правой руке, у груди, большой колос — символ плодородия, левая у живота. На плечах длинная мантия. Первый вариант имеет продолговатое лицо с крупными миндалевидными глазами без выделенного зрачка. Прическа в виде овальных буклей подхвачена на лбу начельной лентой (рис. 152: 2).

Два экземпляра статуэток, оттиснутых в одном штампе, передают довольно схематизированную женскую фигурку в плотно облегающем платье, украшенном крупными круглыми бляшками с точечными углублениями в центре. Поза статична, руки фертообразно расположены у бедер. Статуэтки облиты коричневым ангобом, характерным для той поры (рис. 152: 3).

Группой из шести экземпляров представлен редкий в Нахшабе тип полуобнаженной богини с характерной крестообразной перевязью на груди. Два наиболее целых крупных экземпляра одного варианта, возможно оттиснутые в одной матрице, были найдены на Еркургане, причем одна из них находилась в засыпке между полами храма I и II строительных периодов. Статуэтка изображает статную, полную сил, пропорционально сложенную женскую фигуру в торжественной позе. Правая рука, переданная условным отростком, отведена в сторону, левая упирается в крутое бедро. Она имеет небольшие груди, утонченную талию, круглый живот с едва намеченными признаками пола, крупные бедра. Плечи, бока и ноги ниже колен драпирует тонкая накидка или шарф. Этот костюм дополняют типично эллинистическая крестообразная перевязь с кольцом между грудями и гривна на шее. Фигурка установлена на небольшом плоском постаменте, передняя часть которого также оттиснута в матрице вместе со ступнями статуэтки (рис. 152: 4).

На Еркургане найдены также два экземпляра фрагментов торсов статуэток этого типа, но более мелкого варианта, на одном из

них четкой точкой обозначена пуповина фигурки.

На Р-16 найден бюст вместе с головкой статуэтки типа отмеченного уже мелкого варианта (рис. 152: 4). Продолговатое, мягко моделированное ее лицо слегка повернуто вправо, лоб и виски до ушей обрамляет валик прически.

Есть еще два варианта изображений этого типа, один из них очень схематизирован, изготовлен в плоском рельефе с усеченными ступенями, представлен обломком фигурки ниже пояса. В слабом рельефе едва улавливается край мантии, обрамлявшей бедра и кисть левой руки у бедра (рис. 153: 1).

Странный вариант статуэтки — фигурки с перевязью на груди или, возможно, другой тип был найден на одном из поселений оазиса Нахшаба (тепа № 270). Статуэтка представлена торсом, головка и ноги были отломаны в древности. Удлиненный торс с едва выделенной грудью имеет крестовидную перевязь без кольца на месте пересечения. Руки не изображены, они под мантией, накинутой на плечи, которую передают едва намеченные вертикальные складки ткани по бокам фигурки. В нижней части живота небольшим овальным выступом изображен половой орган. При общей стройности и плоскости это, возможно, изображение мужской фигуры (рис. 153: 2).

Остальные типы терракотовых статуэток представлены единичными экземплярами.

Особняком стоит чрезвычайно изящная миниатюрная статуэтка, полученная из обломка матрицы, найденной на квартале керамистов. Фигурка длиной менее 4 см в сохранившейся части изображает прекрасную молодую женщину в канонической позе, в правой руке под грудью какой-то едва различимый предмет, видимо, плод, левой она придерживает край плаща, складки которого, опускаясь с левого плеча, драпируют бедра. На шее фигурки типичное эллинистическое ожерелье и несомкнутая гривна. Правильные, благородно моделированные черты лица, одухотворенного легкой улыбкой, обрамляет пышный валик зачесанных назад волос (рис. 153: 3). Судя по размеру и тонкости выделки, можно полагать, что прототипом статуэтки послужило миниатюрное изображение из слоновой кости или металла, с которого был сделан оттиск на глине.

Не уступает предыдущей по своим художественным достоинствам и фрагмент верхней части статуэтки богини с тюрбаном на голове. Фигурка передает образ прекрасной женщины, придерживающей обеими руками край мантии, накинутой на левое плечо. Слегка повернутая вправо головка фигуры моделирована в глубоком рельефе, поверх аккуратно зачесанных прядей волос увенчана пыш-

ным, замысловато скрученным тюрбаном. Лицо передает характерный этнический тип овального абриса с утонченным носом и миндалевидными глазами. Пышную грудь и живот драпируют складки тонкого платья. Шея украшена гривной и массивным плетеным ожерельем (рис. 153: 4). Фигурка покрыта типичным для III—IV вв. темно-коричневым ангобом.

Наряду с высокохудожественными типами статуэток на Еркургане продолжали производиться и довольно схематизированные типы женских статуэток. Одна из них изображает женскую фигурку с кувшином в левой руке, правая воздета к плечу. Драпировка длинного, облегающего фигуру до пят платья передана вертикальными рядами V-образных насечек (рис. 154: 1).

Еще один фрагмент близкой к описанному образцу схематизированной фигурки украшен рядами вдавленных колечек (рис. 154: 2).

Одним экземпляром представлен тип сидящей женской фигурки. Характерно, что изображение самого сидища или трона отсутствует. Божество в правой руке держит рогаткообразный предмет, левая у живота. Она облачена в длинное до пят широкое складчатое платье с шарфом через левое плечо. На ее шее гривна. Обрамленное локонами лицо отбито (рис. 154: 3). Фигурка, безусловно, местного изготовления, хотя она нетипична для коропластики Согда. Этот тип был наваян художнику широко распространенными в соседней Бактрии образами фигурок сидящих богинь и божеств. Следует отметить, что рогатый или двулистый атрибут в правой руке богини встречается и в руке определенного типа сидящего божества кушанской Бактрии (Мешкерис В. А., 1992. С. 30), хотя иконографический тип там совершенно иной.

Встречаются в этом периоде и отдельные примитивные изображения женского божества, вылепленные от руки, подобные плоской и широкой фигурке, обнаруженной в верхнем слое завала загородного комплекса Еркургана на Р-17 (рис. 154: 4).

Несколькими экземплярами представлены и менее характерные для той эпохи статуэтки мужских образов. Они встречаются единичными экземплярами. Были это изображения божеств или героизированных предков, сказать трудно. Изготовлены они в той же технике и тех же традициях, что и женские.

Найдено изображение юноши в высокой конической тиаре, украшенной мелкими вдавленными колечками. Поза фронтальная, правая рука на груди. Платье с плащом, драпирующим левое плечо и грудь, моделировано в эллинизированных традициях параллельными складками (рис. 155: 1).

В отличие от головы принца монументальной скульптуры Дальверзинтепа с аналогичным головным убором, еркурганский тип имеет локоны, обрамляющие лицо с обеих сторон.

Мужская фигурка в сако-парфянском костюме изображена весьма пропорционально и передает мужской образ в непринужденной позе, излюбленной мастерами Еркургана, уперев левую руку в бок чуть ниже пояса. Небольшая головка с продолговатым лицом и высоким носом моделирована обобщенно. Короткий кафтан с большим треугольным вырезом на груди перетянут на поясе ремнем. На ногах широкие штаны (рис. 155: 2).

Царский персонаж, облаченный в воинские доспехи, сохранился до пояса. Поза фронтальная, правая рука на груди, левой упирается в бок, кисти рук моделированы условно. Костюм в виде плотного кафтана с тремя крупными круглыми металлическими дисками на груди и животе. Рукава, плечи и круглые диски покрыты тонкими прочерченными линиями. Видимо, перед нами изображение толстого стеганого панциря с нашитыми металлическими дисками, характерного для кочевников той поры. Шея украшена гривной. Небольшое лицо с орлиным носом и выпуклыми глазами завершает узкая и длинная борода клинышком, хотя не исключено, что это жезл в руках фигурки. На голове пышная копна волос, перехваченная диадемой с перлами (рис. 155: 3).

Еще одна мужская фигурка — в прямоугольном тиарообразном головном уборе. Сохранился бюст с головкой. Костюм в виде плотного кафтана с большим треугольным вырезом на груди украшен рядами точек, передающих бляшки. Овальное лицо надменного облика с высоким носом и миндалевидными глазами моделировано обобщенно. На голове высокая прямоугольная тиара, перехваченная широкой диадемой с двумя крупными орнаментированными бляхами (рис. 155: 4).

Выделяется небольшая группа женских фигурок с музыкальными инструментами, почти все они моделированы обнаженными. Качество продукции ниже среднего.

Тип с круглой лютней (удом) представлен четырьмя экземплярами, из них два фрагмента торса с лютней, один обломок бюста с головкой и одна целая фигурка без головы. Все они составляют единый иконографический тип, хотя оттиснуты в разных матрицах (рис. 156: 1). Музыкантша имеет стройную, пропорционально сложенную фигуру, соотношения размеров тела и головы близки к анатомическому. Продолговатое лицо с крупными глазами обрамляют завитки кудрей. На груди большая округлая дека трехструнной лютни, далее стройные ноги завершают фигуру.

Другие фигурки музыкантш также представляют обнаженные женские фигуры, но с

двуструнным, лютнеобразным инструментом, удлиненная дека которого расширена к грифу. Их два типа: в первом случае головка изображения имеет высокую прическу, и инструмент расположен высоко на груди (рис. 150: 2); во втором случае прическа невысокая, но кудрями опускается на плечи, обрамляя лицо, а инструмент расположен под грудями (рис. 156: 3, 4). Весь костюм в обоих случаях состоит из гривны и тонкого ожерелья над ним.

Есть несколько экземпляров отломанных головок терракотовых фигурок, но они не укладываются в типологию вышеописанных фигурок, представляя, по сути, новые типы изображений женских и мужских статуэток этого периода. К сожалению, хотя методически имеем основание классифицировать их в качестве самостоятельных таксономических единиц типологии иконографии коропластики Еркургана той поры, иллюстрирующих все богатство иконографических типов продукции древних коропластов Нахшаба, но дать характеристику лишь по облику головки невозможно, поэтому описание обломков головок терракотовых фигурок приводится отдельно.

Головка эллинизированного облика с правильными, рельефно переданными чертами лица и пышным валиком зачесанных назад прядей волос (рис. 157: 1). Возможно, она относится к типу уже описанной нами статуэтки (рис. 150: 2).

Головка в коническом головном уборе с двумя крупными дисковидными пуговицами на воротнике (рис. 157: 2). Подобные пуговицы или бляхи имеются на плаще статуи иранского предка царей Коммагены комплекса Нимруд-даг (Шлюмберже Д., 1985, рис. 33).

Продолговатая женская головка с головным убором в виде широкого кокошника, длинные концы которого опущены до плеч, на лбу рельефное изображение трилистника (рис. 157: 3).

Два экземпляра головок одного типа в головном уборе в виде невысокого кокошника, украшенного рядом кольцевых вдавлений. На лбу украшение в виде незамкнутого кольца с перлом посередине (рис. 157: 4).

Мужские головки следует характеризовать с очень реалистично исполненного изображения юноши характерного антропологического облика с выражением легкой улыбки, повторяющего моделировку лица так называемого принца из Дальверзинтепа, хотя у головки из Еркургана место высокой конической тиары занимает гладкая прическа (рис. 158: 1).

Головка мужчины с одутловатым лицом и длинными усами. Этот тип имеет характерные усы, уходящие концами к основанию нижней челюсти. На голове поверх пышных волос, обрамляющих лицо, шапка с высокой тульей (рис. 158: 2).

Головка скифского облика. Лицо с рельефными надбровными дугами и правильными чертами лица обрамлено пышными кудрями волос и короткой окладистой бородой. На голове коническая шапка (рис. 157: 3).

Силен или Сатир. Штампом моделировано только лицо головки, судя по обломку шеи, туловище было слеплено от руки. Головка изображает рельефно проработанный в эллинистических традициях образ зрелого мужчины с окладистой бородой, переходящей в пышные усы и бакенбарды. Лицо, переданное в легкой улыбке, и лоб изборозжены складками глубоких морщин (рис. 158: 4). Характерно, что фигурка была изготовлена из огнеупорного теста с обильной примесью мелкотолченого гипса, из аналогичной глины изготовлены керамические котлы Еркурмана I—II вв. н.э., к этому же периоду относится и покрывающий головку светло-кремовый ангоб. Учитывая, что фигурка выполнена в традиционном эллинистическом стиле, можно полагать ее более раннюю дату, а именно I—II вв. н.э., нежели III—IV вв., т.е. дату слоя, в котором залегала эта находка на Р-13 квартала керамистов.

Одним экземпляром представлен обломок головки статуэтки, описанного ранее типа, отмеченного в комплексе I—II вв. (рис. 148: 2). Штамп в данном случае сильно вырожден.

Несколькими экземплярами представлены налепы на сосудах.

Налеп в виде женского бюста с укороченными выступами вместо рук. Очень выразительно, реалистично и пропорционально моделировано овальное лицо с миндалевидными глазами и плотно сжатыми губами. Прическа, обрамляющая лицо волнистыми прядями, переходит в толстую косу, на темени круглый налест. На шее гривна с несомкнутыми концами и ожерелье с ромбическим кулоном между грудями (рис. 159: 1). Налест покрыт типичным для посуды III—IV вв. коричневым ангобом.

Второй налест на плечике кувшина передает женскую фигурку с пышным бюстом и тонкой талией, расставленные ноги утрачены ниже колен, как и руки, головка, к сожалению, отломана в древности (рис. 159: 2). Сосуд с налестом был покрыт коричневым ангобом.

К группе налепов можно отнести небольшую плоскую статуэтку, оттиснутую в неглубоком рельефе, изображающую фронтально стоящую женскую фигурку со сложенными на животе руками, головка фигурки отбита. Пышное длинное платье с длинными рукавами передано массой мелких складок, на поясе повязка с расходящимися концами (рис. 159: 3). Нижней частью фигурка была прикреплена к какому-то сосуду.

К этому же периоду можно отнести и налест в виде небольшой головки на подкошен-

ной части небольшого тонкостенного сосуда, украшенного еще вертикальными рельефными каннелюрами. Головка изображает полное приплюснутое лицо с крупными раскосыми глазами и прядями туго стянутых назад волос. Левое ухо крупное, вытянуто вверх подобно ушам животного, второе ухо отсутствует, не получилось при оттиске (рис. 159: 4). Эта личина была оттиснута миниатюрным штампом и затем прилеплена к стенке не просохшего еще сосуда. Фрагмент сосуда напоминает по форме нижнюю часть цилиндрико-конических кубков на конической ножке, типичных для типологии посуды Еркурмана рубежа нашей эры. Этот налест относится к III—IV вв., учитывая явное иконографическое сходство с обликом агатовой фигурки Силена, найденной в храме этого же периода на Еркурмане.

Данный артефакт был обнаружен на раннесредневековом поселении за стенами городища Еркурман (тепа N 12), вследствие чего не исключена более поздняя его датировка.

Особо следует остановиться на группе изделий с изображением женского божества с ребенком в руках. Среди них по плотной фактуре, светлomu цвету черепка и иконографическим особенностям выделяется статуэтка, изготовленная в невысоком рельефе. Она изображает женскую фигурку с ребенком в левой руке, правая в каноническом для терракоты Еркурмана положении упирается в бок. Овальная головка слегка повернута влево, правая нога, судя по сохранившейся верхней части, была чуть выставлена вперед, т.е. это классическая поза для большинства женских терракот Еркурмана той и предшествующей поры, передающей легкое движение и динамизм в соответствии с приемами эллинистической традиции.

На головке сохранились концы прически в виде округлых буклей, прикрывающих у и. На груди большая кольцевая гривна. Костюм в виде облегающего платья с треугольным вырезом на груди и перевязью на поясе. На плечах широкая мантия, одним концом которой окутана левая рука с ребенком, второй конец переброшен через правую руку. Лицевая часть фигурки ребенка отколота, костюм такого же, как у матери, покроя с V-образным воротом. Местами сохранились следы бордовой краски, которой была окрашена фигурка (рис. 169: 1).

Второй образ женского божества с ребенком, известный на Еркурмане, был изготовлен в миниатюрном исполнении. Это фронтальное изображение верхней части женской фигурки, держащей обеими руками перед собой маленькое схематичное изображение ребенка. В самостоятельном исполнении оно не встречено и, видимо, в силу своей миниатюрности (всего 2,5 см в высоту) использовалось в качестве дополнительного персонажа в многофигурных композициях.

Полностью сохранился этот оттиск в композиции, украшавшей верхнюю часть энохой-евидного кувшина, найденного в рыхлом завале южного склона дворца правителя Еркургана, куда обломки попали, видимо, при разрушении верхней храмовой части заброшенного и постепенно разрушавшегося дворца, строительные конструкции и содержимое — культурные остатки которой постепенно оплывали на нижнюю площадку дворца, образуя южный склон самого крупного холма в топографии городища.

Миниатюрная женская фигурка с ребенком украшала в виде налеса верхнюю часть пластинчатой ручки кувшина и в нижней части соединялась с иным сюжетом — в виде тщательно вылепленной птицы с распростертыми крыльями над устьевой частью кувшина, при этом головка птицы расположена над сливом энохойи. На крыльях птицы находятся фигурки двух маленьких птенцов, тоже с распростертыми крыльями (рис. 160: 2, 3). Верхняя часть крыльев и спины птицы, а также суженная часть устья сосуда украшены рядами мелких вдавленных колечек. Кувшин вместе с налепными украшениями был покрыт коричневым ангобом.

Несомненно, перед нами ритуальный сосуд для возлияний, содержимое которого охранялось такой комбинацией образов важнейших мифологических сюжетов древних нахшабцев, как богиня-мать и мифическая небесная птица с птенцами, являвшимися, вероятно, почитаемыми образами пантеона и мифологии Согда той поры.

Из иконографических особенностей данного типа богини-матери нужно отметить следование лучшим традициям реализма той поры, фигурка при своем миниатюрном размере сохраняет пропорциональность вплоть до изображения пальцев рук, держащих ребенка. Правильное овальное лицо обрамляют пышные локоны, на шее обязательная гривна. Фигурка, помимо платья, имеет шарф или накинутую на плечи мантию с драпировкой, которая передана тончайшими складками на запястьях рук. Изображение ребенка невольно получилось схематизированным, у него круглая головка, он изображен сидящим на коленях богини, которая держит его за тельце вместе с его руками. Нижняя часть этой фигурки богини-матери обрывается, такое впечатление, что мастер работал обломком верхней части матрицы, без нижней половины.

Третий тип на эту тему представлен комбинацией двух вышеописанных типов. Мастер по образцу изображения богини-матери с ребенком в левой руке изготовил аналогичный вариант, но более крупный и статичный, в левой же руке вместо ребеночка, что у прототипа, оттиснута вышеописанная миниатюрная фигурка богини-матери с ребенком. Сохранилась только верхняя часть торса этой фигурки (рис. 160: 4).

Изображение изготовлено из типичной для Еркургана III—IV вв. красной глины. Фигурка драпирована поверх илатья в плотно облегающую мантию. На шее гривна с несомкнутыми концами. В отличие от первого варианта, «ребенка» мать держит левой рукой и придерживает еще правой.

Еще в одном случае оттиск миниатюрной богини-матери с ребенком использован в виде ручки широкой керамической крышки (рис. 161: 1). Головка фигурки отбита, но торс ее с ребенком здесь передан во всех подробностях, она изображена сидящей, но нижняя часть передана условно.

Большим числом представлены фигурки всадников и коней. Все они, к сожалению, сильно фрагментированы, менее четверти их происходит из более или менее достоверно стратифицированного залегания, остальные переотложены и отнесены к этому периоду по косвенным признакам.

Фрагментов торсов всадников девять экземпляров, обычно руки фертообразно уперты в бока.

Три фигурки всадников примитивно вылеплены от руки, один из них, наиболее целый, имеет отведенную в сторону правую руку, на голове коническая тиара, украшенная точками (рис. 161: 2—4).

Тремя вариантами представлены обломки головок всадников, торс их вылеплен от руки, лица же оттиснуты штампом. Они изображают довольно обобщенный облик молодого безбородого юноши. В двух случаях всадники в островерхих головных уборах (рис. 162: 1, 2), а один имеет прическу, валикообразно обрамлявшую лицо (рис. 162: 3).

Одна из фигурок, почти целая, отломаны только концы ног, изготовлена по образцу всадников, отдельно сидящей на земле. Имеет оттиснутое штампом овальное лицо, обрамленное локонами волос, на голову одета глубокая островерхая шапка, плотно закрывающая уши и затылок (рис. 162: 4).

Одним экземпляром представлено и седло, которое было прикреплено к спинке коня, но не имело ездока (рис. 163: 1). Оно изображает высокое деревянное седло прямоугольной формы.

Часты обломки фигурок коней без всадников.

30 экземпляров фрагментов из них различного размера изображали коней с развевающейся или подстриженной гривой (рис. 163: 2).

15 экземпляров фигурок коней изображены без развевающейся гривы. На крупе одной из них тонким концом палочки или иглы процерчена тамга в виде сложной свастики (рис. 163: 4).

Из других видов животных были встречены единичные изображения двугорбого верблюда без седока и схематически вылепленный обломок головки верблюда.

Налепы на сосудах представлены двумя головками козлов, одна из них довольно реалистичного исполнения (рис. 163:5).

Из слоя 10 Р-5 (1982 г.) обнаружена верхняя часть матрицы с оттиском фигурки сидящей обезьянки. Оттиск передает реалистичный облик маленького примата. Под невысоким лбом глубоко запавшие глазницы, крупные оттопыренные уши и выступающие вперед челюсти. Однако анатомия фигуры обезьянки больше напоминает обнаженного человека, у нее широкие плечи и уплощенная грудь с обобщенно намеченной мускулатурой. Руки обезьянки покоятся на коленях, как у сидящего на корточках человека (рис. 164:1). Все эти особенности лепки фигурки обезьянки указывают на местное ее исполнение мастером, имевшим довольно смутное представление об обезьянах.

Имеется один экземпляр наливной зооморфной ножки от керамического сосуда в виде обезьянки (рис. 164: 2) и одна ручка небольшого кувшина в виде зверя кошачьей породы, головка отбита (рис. 164: 3).

Единичными экземплярами встречены сливы-носки в виде бычьих головок от ритона (рис. 164: 4) и кувшина (рис. 166:1). Есть также массивный слив-носик крупного ритона или кувшина в виде головы буйвола с массивными закрученными рогами (рис. 165: 2). Головки отличаются реализмом и экспрессией.

К этому же периоду относится головка небольшой, на редкость реалистично выполненной фигурки орла из плотной красной глины. Это произведение настоящего искусства, выполненное квалифицированным художником по влажной глине стеком скульптора (рис. 165: 3).

Фигурка была найдена при раскопках дворца Еркургана и, возможно, украшала, как и композиция с богиней-матерью и птичками, какую-то ритуальную посуду.

В четком стратиграфическом залегании на Р-5 была найдена матрица маски льва с высунутым языком или «киртимукха» (рис. 165: 4).

Помимо вышеописанных фигурок, найдено также около десятка мелких неопределенных фрагментов женских фигурок и мелких обломков статуэток коней.

ТЕРРАКОТА V — VI вв.

Картина в производстве терракотовых статуэток коренным образом меняется, изображения женских фигурок резко сокращаются, их качество и художественные достоинства ниже среднего. Но вырабатывается характерный образ крупной мужской фигуры в богатом одеянии с большим обоюдоострым мечом, в спокойной и торжественной фронтальной позе. Значительна доля грубых лепных фигурок. Меняются костюм, позы и атрибуты изображений. Художественные достижения

эллинистической традиции в передаче движения, пропорциональности предаются забвению. Даже самые лучшие образцы изображений теряют анатомическую достоверность, искажаются пропорции, поза обретает оцепенелую неподвижность. Этот процесс угасания эллинистического реализма носил всеобщий характер. Называть это, как считают зачастую, влиянием сасанидской иконографии на коропластику Средней Азии, не совсем верно.

Одним экземпляром представлен самый поздний вариант богини в хитоне, подпоясанном под грудью. Исполнение таково, что поза и костюм прототипа едва опознаются (рис. 166: 1). Правая рука, как обычно, под грудью, левая на животе. Платье до пояса гладкое, между схематическими грудями подвеска с круглым кулоном на конце. Ниже пояса длинный подол, драпированный плоскими складками в виде параллельно прочерченных линий. Подол же нижнего платья до условно обозначенных ступней украшен двумя рядами рельефных точек. Головка статуэтки отбита, на шее кольцо гривны. Фигурка имеет неестественно длинные верхние и укороченные нижние конечности, поза оцепенелая.

Облик статуэток той эпохи определяет новый тип. Это крупная, прямоугольной формы плитка с оттиском фронтально стоящей женской фигуры в вертикально ниспадающих тяжелых, плотных одеяниях. Она происходит с поселения Кунжутлитепа. Верхняя часть статуэтки отбита. Левая кисть под грудью. Фигурка одета в платье, ровно ниспадающее до земли, с широким расшитым кантом от верха до низу, делящим ее по вертикали на две симметричные половины. На плечи накинута кандиз со свободными, удлиненными до колен рукавами (рис. 166:2).

Иной вариант статуэтки этого типа был найден в поздних слоях поселения Киндиклитепа. Фигурка с отбитыми верхним и нижним концами была очень слабо обожжена и поверху покрыта тонким слоем алебаstra. Она также имеет строго фронтальную позу, правая кисть под грудью с выставленным указательным пальцем, левая кисть чуть ниже. Плотное гладкое платье ниспадает до стоп, на плечи так же наброшен кандиз, шея украшена толстой гривной (рис. 166: 3).

Фрагмент крайне обобщенной женской фигурки с руками у груди, лицевая часть фигурки отбита, на шее валик гривны, костюм неясен (рис. 166: 4).

Крайне схематизированная прямоугольная фигурка в плоском рельефе, с перекрещенными на груди руками и растопыренными пальцами. Головка отбита, высокий ворот, закрывающий шею, украшен горизонтальными полосками. Прическа, ниспадающая на плечи, украшена выпуклыми кругляшками. Драпировка подола передана параллельными вертикальными валиками (рис. 167: 1). Фигурка продолжает традицию примитивных подража-

ний мастеров-керамистов, видимо время от времени выпускавших подобную низкопробную продукцию собственного изготовления, в подражание работе мастеров-художников, когда они не имели возможности пользоваться их услугами.

Стал вырабатываться тип весьма примитивных фертообразных фигурок с расширяющимся устойчивым основанием. У некоторых вариантов в рельефе слабо проявлены положение рук и детали отделки одежды. Другие моделированы настолько обобщенно, что без головки они больше напоминают фигурки птичек (рис. 167: 2—4).

Мужские статуэтки представлены серией из 10 экземпляров изображений царственного персонажа, найденных в хозяйстве мастера-керамиста на Р-13 Еркургана. Они изготовлены в двух различных вариантах. Описание этой серии статуэток уже опубликовано (Исамидинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1990). Характерен большой обоюдоострый меч, на который опирается фигура, и Т-образный алтарь огня, воздетый к плечу (рис. 168: 1, 2).

Двумя экземплярами представлен иной тип царственного персонажа с мечом. Статуэтки изготовлены в разных штампах, обнаруженных в достоверно датированных археологических комплексах V—VI вв. н.э. К сожалению, верхняя часть обеих статуэток отбита, но поза та же, правая рука воздета к плечу, левая — на эфесе большого обоюдоострого меча, висящего по центру фигуры, костюм состоит из плотного кафтана, украшенного по краям широкой орнаментальной каймой. На ногах широкие складчатые шаровары (рис. 168: 3).

Среди головок выделяется серия оттисков одного характерного этнического типа с низким лбом и удлиненным черепом, густые волнистые волосы зачесаны назад с пробором посередине. Лицо овальное, с орлиным носом и небольшими плотно сжатыми губами дополняют глаза навывкате и густые, сросшиеся на переносице брови (рис. 168: 4). Штампом оттискивалось только лицо, туловище лепилось от руки. Их четыре экземпляра, оттиснутых с разных матриц. Этнический облик этих головок находит свой прототип в характерных чертах правителей Афригидов, отмеченных по чекану Хорезма той поры С. П. Толстовым.

Близкий к вышеописанной головке антропологический тип изображала сероглиняная головка из Р-16. У нее, в отличие от уже описанного типа, высокий покатый лоб, широкое округлое лицо. Пряди волос обрезаны ниже ушей. На темени головки имеются три отверстия, проделанные тонкой палочкой, туда, видимо, вставлялись перышки или стебли цветов. Образ достаточно выразительный, явно навеян портретом хорошо известного художнику его современника (рис. 169: 1).

Новым для Еркургана типом изображения является и обломок головки небольшой ста-

туэтки с массивным подквадратным лицом с миндалевидными навывкате глазами, с прической или шапочкой, гладко обрамлявшей лицо в виде прямоугольника (рис. 169: 2). Подобные куафюры были типичны для раннесредневековой терракоты Самарканда, названные В. А. Мешкерис «восточно-туркестанским» типом (Мешкерис В. А., 1989. С. 189). Бронзовый жезл из храма Джартепа завершает такая же головка.

Близкий к двум вышеописанным облик имеет и широкая уплощенная головка из Р-16. У нее миндалевидные навывкате глаза, высокий покатый лоб, гладкие волосы обрамляют лицо прямоугольной рамкой (рис. 169: 3).

Одна из головок изображает продолговатое молодое лицо с крупным носом и массивным подбородком. Головной убор типа короны или невысокого кокошника, уши закрыты пряжами волос в виде округлых буклей. На шее массивная гривна (рис. 169: 4).

В помещении 6 Р-13 Еркургана найдена головка лепной статуэтки. Круглое плоское лицо с выступающим носом и подбородком искусно вылеплено от руки. Глаза, брови, ноздри и рот прочерчены концом заостренной палочки. Ожерелье, кудри волос, обрамлявших лоб, изображены рядами мелких налепных кругляшков, которые украшали лоб и щеки, но все это почти полностью осыпалось (рис. 170: 1). Головка видимо представляет собой грубую, схематизированную копию лица скульптуры богини, стоявшей в центральной нише храма Еркургана в III строительный период храмового комплекса, она так же на лбу и щеках была украшена округлыми розетками.

В рыхлых верхних отложениях храма Еркургана найдена своеобразная головка, выточенная из куса рыхлой обожженной керамики с мелким песком и растительными остатками. Она имеет округлый затылок, выпуклый лоб и плоское удлиненное лицо с бородкой. Плохо сохранившиеся глаза, брови, нос и рот прочерчены чем-то острым (рис. 170: 2). Этот предмет не типичен по технике и облику, он не имеет аналогий и, скорее, является результатом досужих занятий кого-то из горожан Еркургана той поры.

Появляются в рассматриваемое время и керамические плакетки, более характерные для последующей эпохи. В сводчатой стрельчатой арке, обрамлявшей плитку, на плоском фоне фронтальное изображение сидящего царственного персонажа с высокой прической и пышными буклями, руки упираются в бедра. Персонаж изображен сидящим на троне в виде идущего коня. Подол суженного в талии кафтана украшен двумя рядами треугольных вдавлений, видимо, имитирующих пластины ламинарного панциря (рис. 170: 3). Этот тип представлен находкой матрицы, полученной с уровня пола помещения 5 Р-20 Еркургана, из хозяйства мастера-керамиста.

Значительной серией представлены вылепленные от руки грубые идолоподобные изображения. Обычно у них расширенное основание-подставка или сзади вылеплен штырекоупор для установки в вертикальном положении, которые не обязательно нужно было прислонять к стене, их можно было устанавливать на любом ровном месте. Эта особенность, как и типологические отличия, роднят данную серию изображений с идольчиками джеты-сарской культуры и синхронными им погребальными алебастровыми идольчиками Ферганской долины. При всей своей непритязательности они разнообразны.

Три экземпляра подобных статуэток изображают схематические фронтальные человеческие фигурки с расставленными в стороны ножками и упором сзади (рис. 170:4). Одна из них женская, что было обозначено небольшим передничком, прикрывавшим бедра (рис. 171:1). Есть два экземпляра условных фигурок с расширяющейся подставкой вместо ног (рис. 171:2).

Одна фигурка изображена сидящей со скрещенными ногами на круглой тумбе (рис. 171:3).

Две фигурки, в которых с трудом можно угадать изображение человека, моделированы без рук, с короткими расставленными ножками и упором сзади, верхняя коническая часть имеет нос-защип и точки-глаза. У одной из них обозначен пол (рис. 171:4).

Вторая женская фигурка, вылепленная более реалистично, передает образ зрелой беременной обнаженной женщины, у нее натуралистично изображены грудь, круглый живот с большим пупком. Детально изображенные половые органы были прикрыты наделанным передничком, отломанным в древности (рис. 171:5).

Тремя лепными фигурками представлены изображения с утрированными мужскими половыми органами (рис. 172:1).

В одном случае сохранилась верхняя часть лепной мужской фигурки. У нее обобщенное лицо с окладистой бородой и растопыренными ушами. Вытянутый вверх головной убор перетянут диадемой с круглой бляшкой посередине (рис. 172:2).

В одном экземпляре на Киндиклинта в очаге был найден обожженный дочерна плоский широкоголовый идольчик с условно намеченными выступами вместо рук и носа. С обратной стороны он имел углубление, сделанное пальцем в области поясницы (рис. 172:3).

Среди штампованных налепов на сосудах той поры также отмечаются головки и бюсты.

Имеется налеп под ручкой корчаги в виде головки с конической шапкой с наушниками, лоб обрамлен мелкими круглыми локонами волос, выступающих из-под шапки. Продолговатое лицо имеет правильные черты (рис. 172:4).

Три налепа происходят с Р-16.

Один из них в виде головки с условно вылепленным бюстом того же типа, что на рис. 168:4.

Второй тоже представляет собой погрудный оттиск, нанесенный миниатюрным штампом. Тонко моделированное лицо реалистично изображает аристократический облик молодого мужчины с легким оборотом влево. У него утонченное продолговатое лицо с удлинненными усами. На голове поверх зачесанных назад прядей волос сложный головной убор, который можно истолковать как трехзубчатую корону с конической тиарой. На груди прослеживается слабый оттиск толстого ожерелья с розеткой посередине (рис. 173:1).

Третий оттиск, прикрепленный к плечу лепного кувшина, изображал продолговатую головку с выпуклым носом и миндалевидными глазами. Прическа в виде высокого валика зачесана ровными прядями назад. На шее — гривна (рис. 173:2).

В одном экземпляре встречена грубая лепная фигурка, прикрепленная некогда нижней частью к керамическому сосуду. Лицевая часть головки была оттиснута в штампе, однако из-за сильной окатанности рельеф стерт (рис. 173:3).

Продолжают изготавливаться грубые фигурки всадников на коне. Все находки сильно фрагментированы. Обломков коней со следами сидевших на них всадников имеется четыре экземпляра. Фигурок самих всадников насчитывается три экземпляра.

У фигурки всадника из красной глины молодое безусое лицо, обрамлено круглыми буграми прически (рис. 173:4).

Вторая фигурка всадника имеет лицо, оттиснутое штампом этого же типа в уменьшенном варианте (рис. 174:1). Они, возможно, имели более ранние прототипы, хотя найдены в слоях V—VI ве.

Третья фигурка вся лепная, типичная для данного периода своим стилем и техникой. Всадник изображен сидящим на высоком жестком деревянном седле с полукруглой лукой. На шее всадника массивная гривна (или меховой воротник?). Головку с орлиным носом и крупными глазами обрамляет гладкий валик волос (рис. 174:2).

Много фигурок коней без всадников, восемь экземпляров из них изображены со стриженной гривой (рис. 174:3), шесть без выделенной гривы. Для стиля конских фигурок той поры была характерна дополнительная проработка деталей изображения напедами или графитом деталей: узды, волос гривы или глазного яблока (рис. 174:4).

Непопулярные ранее фигурки верблюда в этом комплексе представлены в двух экземплярах (рис. 175:1). Есть изображения верблюда с вьюком и наездником (рис. 175:2).

Из верхнего золистого слоя Р-14 квартала керамистов происходит находка миниатюрной матрицы, изображавшей в оттиске голову со-

баки. У нее укороченная морда, выпуклый лоб и крупные торчащие уши. Характерная особенность этого очень редкого в коропластике Средней Азии образа — подчеркнутая, даже утрированная разработка складчатости век и лба собаки (рис. 175: 3). Видимо, это миниатюрное изображение собачьей мордочки играло роль амулета, предохранявшего владельца от скверны.

Из других животных встречены фигурка барана с лентой на шее (рис. 175: 4) и изображение козла с длинной бородой (рис. 176: 1).

Появляются изображения лепных птичек на подставках с выделенными крыльями или без них (рис. 176: 2).

На одном из поселений Нахшаба найдено изображение сирены в виде условно переданной птичьей фигурки с двумя небольшими грудями между крыльями ниже шеи (рис. 176: 3).

В коропластике Нахшаба в то время появился еще один изобразительный сюжет — это изображение хлеба в виде традиционных по сей день плоских пресных лепешек, орнаментированных точечками и вдавленными полосками (рис. 176: 4). Их три экземпляра, два из них найдены в хозяйстве гончаров квартала керамистов внутреннего города Еркургана.

ТЕРРАКОТА VII—IX вв.

Известно, что и позже, с приходом ислама в Согд, производство терракотовых фигурок не было сразу прервано, но это были уже обычно утрированные фигурки животных или изображения фантастических существ. Чтобы завершить картину эволюции коропластики Нахшаба, приведем некоторые материалы той поры, полученные в подъемных находках на поселениях раннесредневекового Нахшаба.

Наиболее популярен в VII—IX вв. был образ быка. Это изображения обычного или зебувидного быка с горбом (рис. 177: 1, 2) и рогатых чудовищ (рис. 177: 3). Есть изображения оседланного сфинкса (рис. 177: 4), а также небольшая копилка в виде птички с прорезью в нижней части живота (рис. 177: 5).

ОСОБЕННОСТИ КОРОПЛАСТИКИ НАХШАБА

Переходя к анализу изобразительного искусства самого Еркургана и всего Нахшаба, представленного, в основном, искусством коропластики, бытовавшим среди широких кругов городского и сельского населения древнего Нахшаба, следует отметить, что оно состоит из нескольких основных тематических циклов. Первое место среди них по количеству и разнообразию занимает образ женского божества.

Исследователями неоднократно отмечалось,

что искусство коропластики древней Средней Азии было инспирировано ближневосточной и греческой коропластикой, поскольку традиция изображения женского божества, характерная для протогородской культуры юга Средней Азии, была прервана в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Этот так называемый бестерракотовый период, как полагают, был эпохой распространения зороастризма. (Пугаченкова Г. А., 1962. С. 119—120).

Единственной областью Средней Азии, где искусство коропластики получило распространение с IV в. до н.э., был Хорезм (Воробьева М. Г., 1981. С. 188; Вайнберг Б. И., 1991. С. 133). Образцов терракоты эпохи бронзы, за исключением схематической фигурки из поселения Заманбаба, Согд не знает (Гулямов Я. Г. и др., 1966, табл. V, 5).

Наиболее ранние образцы искусства коропластики Нахшаба относятся к первым векам до нашей эры. Красноангобированный округлый налеп в виде лица типичного греческого облика, обрамленного до подбородка густыми жгутами выющихся волос, со страдальческим выражением крупных глаз с выпуклыми зрачками, напоминает не столько популярную в эллинистическом прикладном искусстве Аре-тусу, сколько Медузу Горгону (рис. 143: 2).

Второе изображение в виде прямоугольной сероглиняной плакетки с фигурой в позе так называемого уравновешенного покоя в коротком дорическом хитоне (рис. 143: 3) вызывает в памяти известные изображения амазонки, восходящие к Поликлету. С образом амазонки Поликлета роднит и изображение на плакетке Еркургана длинной хламиды, драпированной в виде мелких вертикальных складок на заднем фоне плакетки (Тахо-Годи. А. А., 1991. С. 65. рис. 2).

Оба изображения подражают типичным образцам эллинистического искусства.

Но один экземпляр схематически вылепленной человеческой фигурки с шарикообразной головкой на стройной шее, с остатками расставленных в стороны рук стилистически выпадает из круга ранних эллинизированных терракот Еркургана. Это изделие аналогично грубым лепным обожженным фигуркам, известным в чиркирабатской культуре, выполненным в архаической местной традиции (рис. 143: 1). Совпадает у них и такая деталь, как подчеркнутый налепной полоской глины стоячий воротник костюма, обрамляющий нижнюю часть шеи (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. С. 90, рис. 88—42). Чиркирабатская культура считается ее исследователями принадлежащей дахам Приаралья и датируется от IV до начала III в. до н.э. (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. С. 98—99). Можно уверенно полагать, что эта статуэтка, найденная на квартале керамистов Еркургана в слоях II—I вв. до н.э., служит индикатором продвижения дахов Приаралья в Согд.

Таким образом, если для стиля коропластики Маргианы, Бактрии и Самарканда пер-

вых веков до нашей эры было характерно сочетание ближневосточных и эллинистических черт (Пугаченкова Г. А., 1962. С. 121—123; Мешкерис В. А., 1962. С. 15—20; Ее же, 1989. С. 97—107; Ее же, 1992. С. 25), а в Хорезме шло развитие самобытной школы коропластики, то в Нахшабе, насколько позволяют судить немногочисленные пока находки, изделия сугубо греческого стиля после падения власти греко-бактрийских царей сосуществовали с архаическими изображениями редкой сакской терракоты, стилистически близкой к пока слабо изученной пластике эпохи поздней бронзы и раннежелезного века, представленной каменной головкой мужчины с поселения Миршаде (Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1982. С. 40).

Надо полагать, что и семантика образов ранних эллинистических терракот оставалась еще чисто греческой, а схематическая лепная мужская фигурка изображала почитаемый мужской образ сакской дахо-сарматской среды.

Далее в материалах коропластики Еркургана и Нахшаба безраздельно преобладали изображения женских фигурок, их более двух десятков типов, и более половины из них относятся к III—IV вв. н. э., остальные датируются I—II вв. н. э. Но в эпоху раннего средневековья по количеству женские изображения начинали уступать мужским. Некоторые из наиболее популярных типов женских статуэток, медленно вырождаясь, тиражировались веками и встречались в слоях от I—II до V—VI вв. н. э.

Кратко рассмотрим особенности стиля, атрибутов и костюмов основных типов статуэток. Наиболее популярным типом являлся образ богини в эллинизированном платье с характерным для большинства изображений женского божества положением рук: правая под грудью, левая на животе. Такое положение рук и строго фронтальная поза фигурки являются традиционными для изображения женских богинь древнего Востока.

Данный тип статуэток на Еркургане известен в четырех экземплярах: первый, наиболее ранний вариант I—II вв. н. э., отличается мастерством и реализмом в передаче свободной позы фигуры и мягкой драпировки высоко подпоясанного платья и гиматия, наброшенного на левое плечо (рис. 143: 4).

Второй вариант более схематизирован, он относится к III—IV вв. (рис. 149: 2), и, наконец, третий, самый поздний вариант этого типа статуэтки совершенно условен, искажены анатомические пропорции, драпировка античного костюма передана схематически прочерченными полосками. Легкая перевязь под грудью с пышным бантом превращена в массивный пояс. На шее фигурки появляется массивная гривна с круглым кулоном на шнулке между грудей (рис. 166: 1).

Описание этой группы статуэток Еркургана дано в публикации сотрудника нашей эже-

педии (Воробьева С. Н., 1990), где приведены периодизация и историко-культурная атрибуция этого типа терракоты Еркургана, к чему следует добавить, что костюм данного типа был широко распространен у изображений античных женских персонажей Согды, Бактрии и Маргианы. При этом, судя по изображению наиболее раннего варианта этой фигурки Еркургана, здесь у платья не просто двойной подол, а очень длинный в нижней части хитон подвернут и подвязан, образуя снаружи, на уровне выше колен, складку. Эта сугубо греческая манера подвязывать хитон характерна для женских персонажей греческой краснофигурной вазопиσης (Schmidt F., 1961, taf. 30).

Близкие по типу костюмы разной степени сложности имеют женские персонажи бальнефоров Халчаяна и терракотовые фигурки и богини на монетах первых веков до нашей эры и нашей эры Бактрии и Бухарского оазиса (Шишкин В. А., 1963, рис. 73; Пугаченкова Г. А., 1971; Albaum L. I., Brenties B., 1972. P. 92; Мухитдинов Х. Ю., 1975; ДГКСА, табл. CXIII, 20; Абдуллаев К., 1996, рис. 1, 1—8).

Костюм богини этой статуэтки представляет собой разновидность ионического хитона, известного по каноническому образу Афины на печати, и брактеату из Тиллятепе (Сарианиди В. И., 1989 б. С. 63, 78) и по одеяниям муз или греческих поэтесс на одном из ритонов, обнаруженных в сокровищнице Старой Нисы — резиденции первых Аршакидов. Предполагается, что ритоны были изготовлены в пределах месопотамских владений Селевкидов (Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1956; Vergard P., 1985, fig. 3).

На хитоне фигурки из Еркургана имеются длинные вшитые рукава, в то время как у их указанных прототипов они не имелись. Хитоны персонажей нисийского ритона однотипны и отличаются отсутствием рукавов и гиматий, или мантия в виде скрученного жгута обернута наискосок вокруг бедер, у некоторых из них конец гиматия, как у статуэтки с Еркургана, переброшен через левое плечо. Эта манера ношения гиматия сохранялась и позже в костюме богинь Пальмиры парфянского времени (Шлюмберже Д., 1985, рис. 82). Можно полагать, что подобная манера ношения гиматия была популярна в районах к западу от Месопотамии. Близкий тип костюма был распространен и в Хатре (Кошеленко Г. А., 1966. С. 194; Шлюмберже Д., 1985, рис. III, Левек П., 1989, табл. 5).

Описанный костюм в виде длинного хитона, подвязанного под грудью лентой, является традиционным одеянием Афины и Nike. Данный тип костюма, устоявшийся в Бактрии и Согде с эпохи Селевкидов и получивший на Востоке сакральное значение в условиях местной культурной среды населения Бактрии, Согды и Мерва с рубежа нашей эры, оторванных от очагов эллинистической культуры, продолжал механически воспроизводиться

путем тиражирования оттисков с древних эллинистических прототипов в качестве древних образов могущественных божеств.

Со временем этот костюм, непонятный по особенностям конструкции и назначению населению, давно уже носившему другую одежду, все более схематизировался, превратившись в V—VI вв. у поздней статуэтки этого типа в какое-то подобие местного костюма, драпировка же ног стала соответствовать схематическому изображению шаровар (рис. 166: 1). Эволюция иконографии этого типа статуэток — прекрасный пример явления типологической редукции с постепенной утратой основных признаков архетипа. Аналогичным образом, видимо, воспринимались и костюмы других типов арханческих по стилю статуэток.

В районах Средиземноморского бассейна этот подпоясанный под грудью хитон сохранялся в культовом костюме и в римское время (Пугаченкова Г. А., 1977, рис. 1).

Второй тип статуэтки эллинистического образца, изображающий стройную женскую фигуру в хитоне с повязкой под грудью, в отличие от предыдущей, имеет обнаженные руки, но, главное, ее поза передает легкое движение вперед (рис. 144: 1), что с воздетой кверху левой и вытянутой вниз правой рукой соответствует известной позе знаменитой Ники Пеония V в. до н.э. (Розенберг Р., 1905, рис. 47, 48). Однако из характерных атрибутов Ники ни венка, ни оливковой ветви еркурганская фигурка не имеет, не было у нее, наверняка, и крыльев. В данном случае, видимо, выразительные и популярные поза и костюм греческой богини Победы были использованы для изображения одной из богинь местного пантеона. Была ли это Хванинда, известная по кушанской нумизматике, воспроизведенная по каноническому образу Ники с венком в руке и крыльями и дополненная иранским нимбом (Göbl R., 1984, taf. 168, 1—2) или в данном случае было изображено другое божество, сказать трудно.

Значительно варваризованный и схематизированный вариант эллинизированного типа статуэтки представляет собой образматроны с густыми зачесанными назад волосами, украшенными на макушке в шиньон, с правильными чертами лица, по плоской, схематически трактованной фигурой и растопыренными под грудями пальцами (рис. 144: 4; 150: 2). Подол длинного платья разделен схематическими веерообразными складками, оцепенелая поза фигурки находит ближайшие аналоги в подобных изображениях из Саксанохура и «бактрийских богинь» I—II вв. из Халчаяна, Дальверзинтепа и Мирзакултепа (Мухитдинов Х. Ю., 1975: ДГКСА, табл. LIX, 21; Ronqatchenkova G. A., 1978, С. 50, 60; Пидаев Ш. Р., 1978, рис II; Абдуллаев К., Пидаев Ш., 1989, С. 53). В отличие от последних, имеющих местные бактрийские прически и азиатский антро-

пологический тип лица, что указывает на цельность стилового исполнения, фигурке Еркургана присуща неравнозначность в исполнении реалистично моделированной эллинизированной головки и условно-схематизированного торса и рук фигуры с крайне схематизированным, условным положением их кистей. Видимо, при создании прототипа этой фигурки богини обычным гончаром-ремесленником был использован готовый оттиск лица, изображавшего эллинизированную женскую головку с шиньоном на макушке, к этому лицу самим гончаром было добавлено по памяти схематизированно исполненное туловище статуэтки. Положение и моделировка рук этого типа статуэток отнюдь не произвольны, а полностью повторяют наиболее типичное изображение рук каменных скифских изваяний (Попова Е. А., 1976; Раевский Д. С., 1983, табл. 11; Егоров, 1985, рис. 20). Важно, что фрагменты данного типа статуэток отмечаются в стратиграфических комплексах квартала керамистов от рубежа нашей эры до III—IV вв. н.э., т.е. продуцировался этот тип довольно долго.

Подобное, характерное для Тохаристана I—II вв. н.э., облегчающее бюст и веерообразно расширяющееся к низу, разделенное вертикальными складками платье не было известно в типологии мелкой пластики других провинций Средней Азии.

Для кушанского аристократического костюма, отраженного в официальной монументальной скульптуре царских персонажей из Сурх-Котала и донаторов Шоторака, характерна длинная верхняя одежда, суженная в талии и колоколообразно расширяющаяся книзу (Rosenfield J. M., 1967, fig. 108—109, 120—121). Причем как верхний кафтан, так и нижнее нательное платье обработаны редкими, узкими, линейными полосками в виде тонких валиков, условно передающих складки платья, наряду со склонностью к веризму в деталях — это был кушанский стиль передачи драпировки широкого складчатого платья. Особенно хорошо видна условность этих складок на фигуре деваты из Шоторака. Нечто подобное отражено и в костюмах персонажей кушанской нумизматики (Göbl R., 1984, taf. VII, K). Еркурганскую статуэтку в раннекушанском костюме следует рассматривать как результат влияния бактрийской короластики на область Нахшаба.

Серия женских статуэток с аналогичным положением рук под грудью и растопыренными пальцами известна и в короластике Самарканда, на основе этой позы они датированы второй половиной I тысячелетия до н.э., хотя стратиграфически самые ранние из них происходят из слоев кушанского времени (Мешкерис В. А., 1989, С. 93—95). По общему облику они производят впечатление продукции II—III вв. н.э.

Некоторые аналоги вертикальной линейной драпировки расширяющегося в нижней половине костюма также имеют отдельные

мужские статуэтки; происходящие из слоя Афрасиаб IV (Мешкерис В. А., 1989. С. 138—139, 144—145), они синхронны описанной статуэтке Еркургана и упомянутым образцам «бактрийской богини».

В Хорезме и Мерве аналогий статуэткам данного типа нет. В терракоте Таксилы лишь один экземпляр терракоты иного типа, с диагонально переброшенной через плечо мантией, имеет костюм, расширяющийся в нижней части и драпированный тонкими вертикальными валиками (Marshall J., 1951, v.III, pl. 133, N27).

Таким образом, можно полагать, что этот тип костюма был распространен в Бактрии первых веков до нашей и нашей эры, откуда проник в коропластику Нахшаба. Особенности этой раннекушанской драпировки нижней половины костюма получили отражение и в коропластике Согда.

Как считает К. Абдуллаев, платье с длинной и широкой нижней частью могло быть этническим костюмом юэчжей. Кажется, это подтверждается распространением такой одежды и у сарматского населения Северного Причерноморья (АГСП, табл. СIII, 6).

Судя по тому, что данный тип статуэток встречается как в слоях I—II, так и III—IV вв., фигурки этого типа тоже продуцировались на протяжении всей первой половины I тысячелетия н.э.

Из комплекса I—II вв. н.э. следует отметить также головку в высокой подпрямоугольной тиаре, украшенной рельефными точечками, передающими нашивные украшения (рис. 146: 3).

Аналогичный головной убор был отмечен в свое время на головке терракотовой статуэтки, поднятой автором в районе Баштепинской группы укрепленных усадеб на западной окраине Бухарского оазиса. Это был аристократический женский головной убор Согда видимо сакского происхождения. Близкий по форме головной убор имеют некоторые типы терракотовых женских статуэток из Самарканда (Мешкерис В. А., 1989. С. 117—118). Но, в отличие от головного убора головки Еркургана, конструкция головного убора на статуэтке из Самарканда иная, она более приземиста и расширяется вверх, напоминая корону, как ее и называет В. А. Мешкерис.

Отдаленное сходство с ним имеет головной убор в зале воинов Топраккалы (Рапопорт Ю. А. и др., 1984. С. 104—105). Наиболее ранний прототип высокого тиарообразного головного убора в Средней Азии имела терракотовая фигурка женского божества из Калалыгера 2, она, как и тиары персидских гвардейцев на барельефах Персеполя, украшена вертикальными каннелюрами (Вайнберг Б. И., 1991, рис. 6), но здесь, как и у воинов из Топраккалы, отсутствует верхняя часть головного убора. Не встречаются подобные головные уборы и на терракотовых статуэтках Мерва. Этот головной убор отличается из

от высоких куполообразных причесок «бактрийской богини» (Мешкерис В. А., 1992, табл. II, 7, 19). Возможно, он представлял собой тип мягкой войлочной тиары, как у индопарфянских правителей или у Вимы Кадфиза на его монетах (Mac Dowell, D. W., 1991. pl. CII, 9; Göbl R., 1984, taf. IV. 2), дополнительно украшенной нашивными бляшками.

Совершенно иной тип костюма представлен на обломке статуэтки женской фигурки, сохранившейся ниже бюста. Поза у нее стандартная: строго фронтальное положение, правая рука под грудью, левой опирается на талию (рис. 144: 3). Плотное прямое платье до пят имеет условный и архаический стиль драпировки со складками в виде елочки, косо идущими от центральной вертикальной полосы. Более ранний образец этого костюма имеет фигурка женского божества III в. до н.э. из Калалы 2 в Южном Хорезме (Вайнберг Б. И., 1991. С. 29, рис. 6), а основные прототипы восходят к мужским и женским костюмам ахеменидской аристократии и предшествующим им одеяниям вотивных фигурок амударьинского клада и луристанских бронз. Предполагается, что этот тип драпировки происходит от набедренной повязки эламитского костюма (Зеймаль Е. В., 1979. С. 34, рис. 1; Горелик М. В., 1985, рис. 1—2, табл. IV; Пичикян И. Р., 1991. С. 61—64). Аналогичная драпировка свойственна юбкам якиний из Индии II—I вв. до н.э. (Сидорова В. С., 1972, рис. 9). Позже там такую драпировку имела и длинная набедренная повязка Шивы на реверсе кушанских монет (Göbl R., 1984 taf. 169, тип. 13, 527).

Данный тип костюма был отмечен и в материалах городища Чарджоу в среднем течении Амударьи, что вкупе с группой статуэток с Аяктепа на западной окраине Бухарского оазиса, сходных с нахшабской богиней в хитоне, позволяет сделать заключение о типологической близости стиля школ коропластов первых веков н.э., работавших в Бухарском оазисе и Нахшабе (ДГКСА, табл. CVI, 6).

Следующий хронологический период — III—IV вв. н.э., эпоха максимального расцвета искусства коропластики Нахшаба, дает значительное разнообразие типологии терракот — образов женских божеств.

Статуэтки данного периода в целом более схематизированы, условны, уступают в художественном отношении изделиям предыдущего периода, но отдельные типы, изготовленные именно в это время, при всем их глубоком отличии поз, костюмов и переносом внимания от сугубо внешней формы движения к внутренней сосредоточенности и по одухотворенности, в художественном отношении, своему реализму и красоте не уступают лучшим образцам статуэток более раннего периода.

Характернейшая черта терракоты Нахшаба в целом — исключительная пропорциональ-

ность фигур. Древние образцы, судя по целым экземплярам, имеют отношение лица к телу 1/5, 1/6, что и отличает их от приземистых статуэток Самарканда. У них разнообразные позы, в руках появляются различные атрибуты, связанные с той или иной функцией божеств. Костюмы статуэток эллинистического, восточного и смешанного типов, сочетающих в себе плотно облегающие платья с элементами складок драпировки греческого платья. Количественно преобладают костюмы и платья последних греко-согдийских типов.

К эллинистическим принадлежат два варианта изображения богини в хитоне и гиматии (рис. 149: 3, 4). Положение рук у нее каноническое для Нахшаба — правая под грудью, левая на бедре. Конец гиматия, в который обернут торс фигурки, переброшен через левое плечо. Этот тип изображения женского божества и ее костюм являются каноническими и в Средней Азии эпохи эллинизма. Статуэтки в аналогичном костюме известны на городищах Дильберджин и Афрасиаб (Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А., 1977, рис. 32—7; Мешкерис В. А., 1989, рис. 17—1). Близкие по типу, но более пышно трактованные костюмы имеют терракотовые статуэтки I—II вв. н.э. из Кашмира (Siudmak J., 1989, fig. 21). О том, что прототип этой статуэтки также восходит к греческим образцам, свидетельствует совершенно аналогичный тип изображения женского божества из Горгиппии в Северном Причерноморье (Кругликова И. Т., Цветаева Г. А., 1963, рис. 26). Эта статуэтка была изготовлена из мрамора, у нее отбита верхняя часть. Авторы по уплощенной моделировке костюма и грубости изображения концов ступней ног датируют статуэтку позднеантичным периодом. Все эти особенности с полным основанием можно отнести и к статуэткам данного типа из Еркургана, включая выступающие из-под длинного подола хитона овальные носки ступней фигурки (рис. 149: 4).

Плечи статуэтки данного типа на Еркургане охвачены плотной и гладкой полосой ткани, ниже идут вертикальные мелкие складки драпировки хитона. Эта деталь отсутствует на подобных фигурках из Афрасиаба и Дильберджина. В данном случае, видимо, мы имеем широкий отворот верхней части хитона, раннего эллинистического прототипа данного изображения, который в этно-культурной среде Нахшаба III—IV вв. был осмыслен коропластом как вышитый кусок покроя верхней плечевой части платья. Близкую конструкцию верхней части платья имеют женские персонажи среднего панно барельефов Халчаяна (ДГКСА, табл. СХХ). Лиф их платьев плотно обтянут, ниже идут складки драпировки. О том, что мастер-коропласт совершенно не понимал особенностей древнего костюма, воспроизводимого им на освященном времени персонаже, свидетельствуют вертикальные складки гиматия, обернутого наискосок на торсе фигурки (рис. 149: 3), в то

время как естественное направление складок драпировки могло быть только косым.

Характерен и архаический головной убор в виде уплощенного сверху калафа; близкий по типу головной убор украшает головку Тихэ-Хванинды на медальоне III-II вв. до н.э. из Эрмитажа (Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1982, С. 211).

Популярным в то время был и образ богини с зеркалом, указывающий на культурные связи в тот период с позднепарфянским Мервом, где богиня с зеркалом являлась одним из основных типов изображений женского божества в тематике местной коропластики. На семантике этого образа остановимся ниже, а сейчас кратко перечислим близкие аналогии этого типа статуэтки.

Наиболее ранний тип богини с зеркалом в Средней Азии происходит из Хорезма (Воробьева М. Г., 1968; Ее же, 1981; Вайнберг Б. И., 1991, С. 29, рис. 6).

В парфянское время, видимо, не без участия хорезмийского прототипа, он распространился в Мерве (Ремпель Л. И., 1949, С. 341; Пугаченкова Г. А., 1959; Ее же, 1962, С. 126—130). Однако для мервской богини с зеркалом характерно, наряду с локальными особенностями пропорций и костюма, наличие дополнительных атрибутов в виде змей и драконов у ног богини и под ногами, часто изображение постаментов (Мешкерис В. А., 1985).

Костюм основных иконографических вариантов богини с зеркалом Еркургана следует костюму ранних образцов этого типа статуэток, диагональные складки платья передают аналогичные складки широкого гиматия маргианских статуэток (Пугаченкова Г. А., 1962, рис. 8, 9). Однако зеркало, в отличие от последних у еркурганских статуэток, — в левой руке, костюм сильно схематизирован, полностью отсутствуют признаки, напоминающие изображения змей — отличительной особенности иконографии маргианской богини с зеркалом. Все это, учитывая и происхождение данного иконографического типа богини с зеркалом стратиграфически из слоев не ранее III—IV вв., дает возможность полагать, что они были изготовлены в Нахшабе в подражание ранним (I—II вв.) прототипам богини с зеркалом из Маргианы, который, видимо, на почве Нахшаба претерпел изменения, утратив отмеченные атрибуты маргианского образца, но сохранив главное — характер костюма, позу и основной атрибут в виде зеркала.

Далее в Нахшабе развитие иконографии этого образа шло в том же направлении, что и в самой Маргиане, остатки греческой драпировки полностью сменила плотная шитая местная одежда, украшенная насечками, имитирующими нашивные украшения, шею начали обрамлять обязательная гривна и ожерелье, груди схематически передаваться в виде розетки точками, весь облик стал схематизироваться (рис. 151: 1, 2). (Ср.: Пугачен-

кова Г. А., 1962, рис. 14, 16; Мешкерис В. А., 1985, рис. 2—3, 3—3).

Своеобразный иконографический гибрид двух основных типов известных в Маргиане богинь дает третий тип женского божества с зеркалом (рис. 151:1), у нее изображены лишь верхние части грудей в виде двух полулуний, обращенных концами вниз. Этот непонятный, на первый взгляд, прием вполне объясним, если обратиться к известным изображениям маргианской богини, переданным в платье декольте, где широкий ворот платья оставляет обнаженными плечи и верхнюю половину грудей, выступающих в виде полукругов (Пугаченкова Г. А., 1962. С. 132—133). На фигурке из Еркургана мастер, видимо, пытавшийся изобразить данный тип статуэтки по памяти, не имея представления о типе костюма декольте, грубо исказил его, изобразив на гладкой поверхности платья не полукруги грудей, а две полулунные бляхи, цепочку же бляшек широкого ворота, подпиравшего снизу груди маргианской статуэтки, превратил в массивное ожерелье, украшающие плечи ниже гривны.

В Бактрии образ богини с зеркалом был популярен у коропластов Саксанохура в раннекушанское и кушанское время (Мухитдинов Х. Ю., 1973, С. 16—18, 24—26), однако костюм богини Саксанохура в виде схематизированно трактованного хитона с гиматием представляет собой раннее кушанское платье, колоколовидно расширяющееся вниз с вертикальным рифлением драпировки (ДТКВ, 1985, С. 116).

Статуэтки богини с зеркалом были известны и в Балхе (Пугаченкова Г. А., 1979, С. 128; Мешкерис В. А., 1992. С. 25, табл. 1—3).

В свое время Г. А. Пугаченковой было высказано предположение, что на иконографию маргианской богини с зеркалом мог оказать влияние образ Изиды, в эпоху эллинизма получивший широкое распространение за пределами Египта. Зеркало было одним из ее атрибутов. Изида с зеркалом играла роль носительницы и провинительницы судеб (Пугаченкова Г. А., 1959). Затем по поводу маргианской богини было отмечено, что совмещение зеркала и змеи в ее иконографии — результат скифо-сакского генезиса этого образа, привнесенного в Мерв парфянами (Мешкерис В. А., 1992. С. 19).

Особо выделяется группа статуэток образа богини-матери. Ее изображения представлены двумя иконографическими типами, изготовленными как в качестве отдельных фигурок, так и в единой сложной композиции с другими изобразительными мотивами.

Первый иконографический тип представлен в виде крупной женской фигуры анфас с ребенком в левой руке, в местном, плотно облегающем платье, воротник с треугольным вырезом обрамлен широкой каймой с точечным рельефным орнаментом, на плечах гиматий или мантия, краем которой обернута фи-

гурка младенца (рис. 160:1). Эта фигурка богини-матери отвечает греческим типам данного сюжета, где ребенок сидит на левой руке матери и обернут краем гиматия (ДГСР, табл. СХVII, 11; Розенберг Р., 1905, рис. 49, 53). Встречающиеся в Средней Азии довольно редкие изображения богини-матери с младенцем воспроизводят древневосточный тип композиции, в которой младенец лежит на руках матери, дающей ему грудь (Заславская Ф. А., 1959; Ремпель Л. И., 1987, С. 82—84). В Самарканде был известен тип богини-матери в пышных тяжелых одеяниях с плодом в руках и маленькой фигуркой ребенка подле ног (Мешкерис В. А., 1962, рис. 4—3). Эта статуэтка напоминает по композиции изображения Афродиты с миниатюрной фигуркой Гарпократа у ног из Пантикапея (Кобылина М. М., 1978, рис. 18).

Известные в скульптуре Гандхары образы буддийской мадонны Харити греко-буддийского стиля обычно изображают эту богиню чадолюбия восседающей на троне с ребенком, лежащим у нее на коленях и детскими фигурками подле ног (Пугаченкова Г. А., 1982, рис. 60—61).

Второй тип — миниатюрный оттиск верхней части богини-матери с пышной, распущенной за плечи прической и фигуркой ребенка, как отмечалось, встречен трижды: в виде ручки от крышки сосуда, в налесте на ручке энохейвидного кувшина и, наконец, этот оттиск использован вместо фигурки ребенка в композиции фигурки богини-матери с ребенком вышеописанного первого типа (рис. 160, 161). Данный тип уникален как по иконографии, так и по размерам. Он не имеет параллелей в коропластике Средней Азии и Ближнего Востока. Видимо, это копия изображения, изготовленного в металле или кости, которое тиражировалось в одной из мастерских гончаров-коропластов Еркургана, используя в прихотливых сочетаниях, как в случае рис. 160:4, где она заменила собой фигурку младенца в руках богини-матери, дублируя ее образ, и получилось изображение богини-матери с ребенком, возведенное в квадрат.

Особо следует остановиться на многофигурной композиции, украшавшей устьевую часть энохейвидного кувшина в виде птицы, прилепленной к основанию ручки и обращенной клювом к сливу кувшина, несущей двух птенцов на распластанных крыльях, с оттиском описанной миниатюрной фигурки богини-матери с ребенком в хвостовой части птицы (рис. 160:2, 3). Судя по морфологии фигурок птичек, их воздетых кверху головок и плоскому клюву, это — водоплавающие птицы.

В данном образце произведения коропластики, украшавшем устьевую часть небольшого кувшина, найденного в оплывах руин дворца Еркургана III—V вв., оказались переплетены в единый сюжетный узел две древнейшие мифологические темы о богине-матери,

связанной с плодородием и рождением, и о божественных близнецах.

Образ богоматери, один из древнейших сюжетов изобразительного искусства, уходящий корнями в эпоху первобытности, получает особое распространение в эпоху эллинизма (Тарн В., 1949. С. 312; Хачатрян Ж. Д., 1979).

Второй сюжет — в виде птицы, распластанной над устьем кувшина с двумя птенцами на крыльях, имеет достаточно прозрачную связь с близничными мифами, широко распространенными как в земледельческой, так и скотоводческой среде древнего Востока, Центральной Азии и греко-римском мире.

Ближайшие аналогии этому сюжету мы находим в образе ведийских Ашвинов — братьях-близнецах, небожителях, рожденных богиней зари Ушас и Океаном, их часто сравнивают с орлами, гусями или копытными животными. По эпосу и пуранам они, как и Диоскуры, имеют конскую природу, один из них связан с рассветом, второй — с ночью. Это спасители, приносящие богатство, удачу и являющиеся божественными целителями. Они связаны с солярным культом и играют определенную роль в свадебных ритуалах (Топоров В. Н., 1991). Еще большее типологическое соответствие сюжету птицы с двумя птенцами на крыльях над устьем кувшина обнаруживает древнейший по времени космогонический миф о сотворении мира, сохранившийся в мифологии саяно-алтайских тюрков, согласно которому две утки, плавающие на просторе мирового океана, создают землю и горы. Первой уткой является Ульген — владыка верхнего мира, второй — Эрлик, владыка подземного мира. Они — братья и творят мир по повелению Ак эне (Белой матери), обитающей в мировом океане (Потапов Л. П., 1992, С. 539). Отдаленные связи с миром пернатых имеют италийские близнецы Ромул и Рем, первым авгуром-гадателем по полету птиц был Ромул. Отголоски двойности сохраняются и в образе двух Симургов ираноязычной мифологии, имевших благую и демоническую натуру (Лелеков Л. А., 1992 б). Важную роль посредника между богом и людьми играла водоплавающая птица Каршипта в теологических строениях зороастризма (Рапопорт Ю. А., 1971, С. 60, сл.).

В тюркской же мифологии мы находим сюжетную связь близничного мифа с богиней земного плодородия Умай-эне — покровительницей деторождения и младенцев, дающей богатый урожай и приплод скоту. Образ Умай связан с плацентой, последом, считавшимся в мифологии ряда народов младшим близнецом новорожденного (Потапов Л. П., 1973; Басилов В. Н., 1992). Эта особенность Умай, связанная с сюжетом о близнецах, и объясняет, видимо, общую композицию изображения на обсуждаемом нами кувшине.

Традиционная связь культового сосуда с образом птицы в искусстве Средней Азии уходит в глубокую древность, начиная от

сосуда мургоби середины II тысячелетия до н.э., обнаруженного при раскопках раннебактрийского города на Джаркутане (Аскаров А. А., Ширинов Т. Ш., 1993, рис. 52).

Известны были металлические кувшинчики с фигуркой птицы над устьем горловины и в древнем Иране (SPA., t. I. P. 61).

В сложении общей композиции этого сюжета на кувшине Еркургана могла сыграть роль ведийская традиция, где обычно основные божества восседают на птицах: Брахма на лебеде, а Вишну — на мифической птице Гаруде.

Мотив женщины с двумя водоплавающими птицами, известный и в Восточной Европе, начиная с VII в. до н.э. до северорусской вышивки конца XIX в., считается одним из наиболее архаичных в общепалеоазиатском мифотворчестве. В этом сюжете фигура женщины может быть заменена древом, а гуси — фигурками коней (Рыбаков Б. А., 1981. С. 342, сл.; Жарникова С., 1990. С. 99).

Образ водоплавающей птицы, популярной в индоиранской мифологии, игравшей, видимо, важную роль и в религиозном культе Джаркутана, сохранившийся в Авесте в виде мифического первозданного космогонического гуся Каршиптара, имел широкое распространение в сако-скифском изобразительном искусстве (Раевский Д. С., 1972; Его же, 1985. С. 154; Рапопорт Ю. А., 1977).

В сцене шествия к алтарю, на южной стене зала дворца Вархумана VII в. в Самарканде, среди жертвенных или посвященных божеству священных животных, наряду с оседланными козлами, мы видим священных птиц — белых гусей. В индоевропейской мифологии конь и гусь были посредниками между средним, верхним и нижним мирами.

При обычной полисемантичности и полифункциональности большинства персонажей и образов древней мифологии этот сюжет параллельно мог читаться и в качестве развернутого текста, повествующего о происхождении культа вина. Легенда о происхождении вина в древнем Герате, сообщаемая Умаром Хайямом, гласит, что семя виноградной лозы было принесено царю Герата Шамирану птицей Хумо за избавление ее от змея.

Отметим, что здесь в противопоставлении птицы и змея призрачно проступают как тема божественной борьбы верхнего и нижнего миров, так и сюжет о Симурге, дающем с древа жизни семена всех растений, произрастающих на земле. Двойная природа Симурга была отмечена нами выше.

Шаиран, получив первый урожай винограда, по совету приближенных изготовил первое вино, которое стало употребляться на пирах (Умар Хаеи, Наврузнома, 1990, 50—53 б.).

Привлекая этот рассказ Умара Хайяма о происхождении вина для интерпретации семантики изображения женской фигуры в обрамлении виноградной лозы со спелыми гро-

здыми на серебряной чаше из Ляхша, Ю. Я. Якубов полагает, что смысл этой сцены вполне объясняется рассказом Умара Хайяма (Якубов Ю. Я., 1985).

Полагается, что в этом рассказе слиты историческая традиция о популярной в средневековой поэзии Шамурат — Семирамиде и дионисийская традиция культа виноградной лозы и вина. Аналогичные сцены танцующей женщины и виноградной лозы традиционно толкуются исследователями в качестве синкретического сюжета, объединяющего в себе культы женского божества, предположительно Анахиты, с культом греческого божества вина и плодородия Диониса (Shepherd D., 1964. P. 82).

Продолжает традиции лучших реалистических образцов согдийского эллинизированного искусства миниатюрная фигурка женского божества с ожерельем из амфоровидных бус на шее (рис. 153:3). Правильный овал лица с легкой улыбкой на губах и устремленный вдаль взор передают характерный тип знатной согдийской дамы той поры.

Характерны мантия или гиматий, драпирующий левую руку, и платье-декольте с обнаженными плечами, шея украшена бусами и большой гривной с разомкнутыми концами.

Валик волос в виде тонких прядей, зачесанных назад, характерен для куафюры позднеэллинистических женских персонажей (Быкова В. П., 1993, С. 235). Еще более типично для эллинизированного костюма ожерелье-статуэтки в виде коротких параллельных валиков, это схематизированно переданные амфоровидные бусы, широко распространенные на рубеже нашей эры по эллинизированной ойкумене (ДГСП, С. 303; Шлюмберже Д., 1985, рис. 82). Амфоровидные бусы имели глубокий сакральный смысл и считались миниатюрными сосудами для жертвенных возлияний (Pétrie F., 1914, P. 154). Изображения женских божеств парфянского времени из Пальмиры, как и статуэтка Еркургана, дают тот же ансамбль ювелирных украшений: серьги, ожерелье и гривна (Шлюмберже Д., 1985, рис. 82).

Близка к рассмотренной миниатюрной статуэтке аналогичная фигурка из резной кости, украшавшая навершие стила для письма из Нисы, относимая ко II в. до н.э. (Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1982, С. 272), у нее близкие по типу костюм и поза, но в левой руке — копьё.

К IV, возможно, V в. относятся две фигурки, близкие по стилю и трактовке образов к гандхарскому и, шире, позднекушанскому искусству. Особенной изысканностью отличается исполненная в высоком трех-четвертом рельефе фигурка богини в богатом одеянии и сложном тюрбане на голове (рис. 153:4). Она одета в пышное тонкое платье, через левое плечо переброшена мантия, которую богиня поддерживает двумя руками.

Характерный прием драпировки платья в

виде глубоких складок между грудями, манера ношения мантии, тяжелое длинное ожерелье на шее поверх гривны — все это находит параллели в костюме и манере трактовки скульптуры Гандхары и Кашмира (Пугаченкова Г. А., 1982, рис. 64, 65; Siudmak J., 1989, fig. 3). Массивные женские ювелирные украшения распространяются в Иране с парфянского времени. Прическа в виде волнистых прядей, зачесанных в стороны, с возвышающимся над головой тюрбаном, в который вплетены и волосы, как у женских головок из Буткары, усиливает сходство с образами гандхарского искусства. Все это дополняет плотный темно-коричневый ангоб, который подражает цвету и блеску темно-серого шифера из Гандхары.

Вторая фигурка — единственное на Еркургане изображение сидящего женского персонажа в длинной пышной одежде (рис. 154:3). Хотя на оттиске сам трон богини отсутствует, аналогичность ее изображению восседающей на троне Ордохшо с кушанских монет не вызывает сомнения. Единственная восседающая на троне богиня кушанского пантеона, судя по иконографии реверсов кушанского чекана, — Ордохшо, если не считать очень редкого и позднего изображения Анахит на троне (Gobl R., 1984, taf. 164). Основным атрибутом Ордохшо, в отличие от Анахит, держащей в руке инвеститурный венок, как на скальных рельефах Сасанидов, является рог изобилия. Но костюм статуэтки из Еркургана отличается от костюма сидящей богини как на кушанских монетах, так и в терракоте из Бактрии, одетых, обычно, в тяжелые шитые платья (Пугаченкова Г. А., 1978, С. 55).

Пышной драпировкой и переброшенным через левое плечо концом шарфа или мантии костюм еркурганской богини является прототипом костюма скульптуры, обнаруженной недавно в храме Пянджикента (Marshak B., 1990, fig. 6). Он сохраняет пышность эллинистической драпировки.

Образ восседающего на троне божества не был характерен для терракоты III—IV вв. в Мерве, Хорезме и Самарканде. В Самарканде лишь на раннесредневековых терракотовых медальонах с сюжетными сценами появляются изображения персонажей, восседающих на тронах (Мешкерис В. А., 1989, С. 166). Наиболее раннее изображение женского божества, восседающего на троне, происходит из Нимруда, оно датируется VIII в. до н.э. (Pignonee J., 1965, P. 125).

Предельно схематизированный костюм эллинистического образца дает единственный обломок матрицы статуэтки, изображавший женскую фигуру в канонической для Нахшаба фронтальной позе, правая рука под грудью, левая у бедра, в левой руке продолговатый предмет — плод или сосуд (рис. 151:3). Гладкую поверхность платья по диагонали пересекают три тонких выпуклых валика, имити-

рующих складки давно забытого греческого гиматия. Подобная манера передачи складок платья в Бактрии появилась с кушанского времени.

Этим исчерпываются типы изображений терракотовых статуэток в эллинизированных костюмах. Хронологически статуэтки и налеты эллинизированного стиля полностью господствуют в материалах II—I вв. до н.э. и преобладают среди находок I—II вв. н.э.; позднее их варианты широко представлены в материалах III—IV вв. н.э.; среди находок V—VI вв. предметов эллинизированного стиля нет.

Стилистически промежуточное положение между терракотами в эллинизированных и местных костюмах занимает группа статуэток полуобнаженной женской богини с крестообразной перевязью на груди. Статуэтки этого типа, как указывалось, представлены в нескольких вариантах (рис. 152:4; 153:1,2).

Описание одного из наиболее выразительных и хорошо сохранившихся вариантов статуэток этого типа дано в публикации (Воробьева С. Н., 1991). Согласившись с заключением о сакральном значении наготы изображения божества этого типа и отмеченными параллелями в искусстве не только Индии, прежде всего имея в виду искусство Гандхары, но и Ирана, от себя добавим, что крестообразная перевязь на груди обнаженной богини была широко распространена не только в костюме Северного Причерноморья и районах распространения влияния кушанского эллинизированного изобразительного искусства, но и в западных районах государства Селевкидов (Ghirschman R., 1968, pl. LXXXVI). Далее это украшение прослеживается у фигур обнаженных богинь Хатры и затем, видимо, в силу своей сакральности превращается в один из важных атрибутов царского костюма сасанидских государей (Grenet F., 1983, fig 1; Azarnoush M., 1991, fig. 3). Самый поздний образец этой перевязи встречается в костюме божества живописи Бунджиката (ДТ, С. 272—274, табл. 702).

Второй вариант данного типа изображения, имеющий плоскую стройную фигуру и небольшой выступающий половой орган, напоминает более всего образ Гермафродита (рис. 153:2). Находки его изображений — не редкость в коропластике Средней Азии (Ремпель Л. И., 1949. С. 350; Мешкерис В. А., 1962. С. 56). Образ Гермафродита, как известно, в силу двойственной своей природы, был связан на эллинистическом Востоке с культом Великой Матери Наны и Аттиса (Ремпель Л. И., 1949. С. 351). Аналогичную перевязь имеет и обнаженная фигура самого Аттиса I в. из Пантикапея (Кобылина М. М., 1978, рис. 23).

Следует отметить, что один из типов изображения богини Наны на реверсе кушанских монет имеет позу и костюм, аналогичные данному типу терракотовой фигурки

Еркургана (Göbl R., 1984, taf. 167, Nana 6, 896/3). Не исключено, что эта статуэтка Еркургана, как и изображение богини на монете аналогичного иконографического типа с надписью Нана, воспроизводит популярный тип монументальной скульптуры этой богини в ее храме.

В коропластике вслед за бытом происходит смена эллинизированных костюмов на местные. Среди терракотовых статуэток богинь Нахшаба III—IV вв. выделяется несколько типов статуэток в местных костюмах.

Позы у них те же самые, что и у фигурок эллинизированного стиля, преобладает каноническая для Нахшаба поза; правая рука — под грудью, левая — у пояса или на животе. Атрибуты, определяющие преобладающую функцию богини, очень редки, лишь у одной из них в руке ветвь или колос. Вторая держит в области живота плод или сосуд.

Статуэтки богини с колосом или ветвью (рис. 152:1,2) сохраняют эллинистическую куафюру в виде круглых бучей, обрамляющих лоб и подвязанных лентой. Поверх плотного гладкого платья на плечи наброшена тяжелая мантия или накидка. Подобный тип одевания типичен для терракоты Самарканда с тем отличием, что в Самарканде он украшен круглыми налечами, колечками или насечками (Мешкерис В. А., 1962, рис. 4, 5). Для терракоты Бактрии и Мерва подобный костюм нетипичен. Оливковая ветвь вместе с венком в руке в качестве атрибутов Ники известны в настенной живописи Дура-Европос (Шлюмберже Д., 1985, рис. 59). Изредка ветвь или колос можно встретить в отдельных типах терракот Самарканда (Мешкерис В. А., 1989, С. 132). Есть вариант изображения богини Ордохшо на кушанских монетах с ветвью в одной руке и рогом изобилия в другой (Göbl R., 1984, taf. 164, Arдохso 8, 284/1), однако поза во всех случаях разная. Единственный случай, в котором ветвь в руках у Ники воздета к плечу, можно отметить на золотой пряжке со сценой «дионисийского брака» из погребения 6 Тиллятепе в Афганистане (Сарианиди В. И., 1989, рис. 44).

Данное изображение богини с ветвью или колосом, видимо, было одним из местных локальных изображений женской богини плодородия. О ритуальной связи терракотового изображения божества плодородия со злаковым растением свидетельствует и находка одной из наиболее ранних изображений терракотовой статуэтки и злаков во входе в культовый комплекс Калалы 2. Здесь в полу имеются ямки, где были совместно уложены стебли (снопы с обрезанными колосьями) и женские терракотовые статуэтки (Вайнберг Б. И., 1991. С. 29). В данном случае стебли соломы видимо символизировали рост и вегетацию растений.

Своеобразную переработку античного женского костюма дает один из типов женской

статуэтки (рис. 151:4): верхняя половина длинного платья плотно обтягивает грудь и плечи, а низ состоит из длинного гофрированного подола, расклешенного впереди вышитым куском, складки которого расходятся треугольником сверху вниз.

Характер драпировки костюма еще одной из редких по типу фигурки (рис. 159:3) передан неглубоким рельефом мелкими поперечными складочками на груди, животе и руках. Стилистически подобная трактовка одеяния напоминает изображения костюмов буддийских персонажей Тохаристана. В нижней части эта статуэтка раздвоена и, видимо, прикреплялась к постаменту, как часто укреплялись и статуэтки Тохаристана (Пугаченкова Г. А., 1962, рис. 9).

Изображения женского божества в сугубо азиатских костюмах сравнительно немногочисленны. Тип платья уловить невозможно, обычно очень условно передана женская фигура с намеченными в рельефе грудью, животом и конечностями, соответственно пропорциональности, близкой к натуре и характерной для терракоты Нахшаба, покрыта рядами рельефных насечек, перлов или колечек, имитирующих нашивные украшения ритуального аристократического костюма (рис. 152:3 и др.). У одной из статуэток подобного типа глубокий вырез ворота окаймлен точками, передающими нашивные украшения (рис. 155:4). Аналогичную отделку имеет ворот мужских костюмов настенных барельефов Халчаяна и терракоты Дальверзинтепа. В. А. Мешкерис отмечала сходство типологии костюма терракот этого типа с одеждой двух фигур кушанских царей каменной скульптуры Сурх-Котала.

Высокая пышная прическа или головной убор этой статуэтки, охваченный широкой лентой, сходен с подобной прической статуэток, широко распространенных на Афрасиабе (Мешкерис В. А., 1989, рис. 5).

В IV—VI вв. в Нахшабе появляются единичные фигурки женских статуэток совершенно иного круга стилистических традиций (рис. 154:41; 172:3), напоминающие архаические антропоморфные изображения на сосудах северной скотоводческой периферии Средней Азии (Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1982. С. 189).

В эпоху раннего средневековья, в V—VI вв., изображения женского божества исчезли. Статуэтки прежнего эллинизированного стиля совершенно выродились, обретая условно-обобщенный облик образца со схематически переданными деталями частей тела и костюма, положение рук неестественное, по обе стороны груди или перекрещены на груди (рис. 166:4; 167:1). Появились условно трактованные фертообразные фигурки, приближающиеся по абрису к условному изображению птичек (рис. 167:2—4).

Новым явлением в коропластике Нахшаба является изображение женской богини в плот-

ных, тяжелых, вертикально ниспадающих одеждах (рис. 166:2,3).

Характерная деталь костюма — тяжелая накидка, брошенная на плечи, типичная для терракоты Самарканда и женского костюма росписей Балалыктепа (Альбаум Л. И., 1960, рис. 86, 103, 121; Мешкерис В. А., 1989, С. 120). На экземпляре статуэтки из Кунжутлитепа по бокам фигурки накидка имеет еще две складки, напоминающие свободно висящие рукава персидского кандиза, широко распространенного в костюме народов Ирана и Средней Азии с I тысячелетия до н. э. (Шильц В., 1987).

Уникальной в коропластике и изобразительном искусстве древней Средней Азии является фигурка беременной женщины с расставленными ногами и подчеркнутыми половыми признаками (рис. 184:5). От всего этого изображения веет первобытным натурализмом и архаичными мифическими представлениями. Образ богини-матери, дарительницы жизни, разрешающей от бремени, был характерен для преисторической стадии развития мифологии, от нее берут начало такие древнейшие женские хтонические божества, как Изид, Гера, Тиннит и др.

Этот мотив идеи плодородия, связанный с образом материнства, дважды составлял целые эпохи в истории развития изобразительного искусства и формировании человеческого миропонимания, в эпоху верхнего палеолита на базе оседлой культуры охотников эпохи верхнего палеолита и в эпоху первобытных земледельцев (Абрамова З. А., 1966, С. 64; Антонова Е. В., 1977). Несмотря на то, что в первом случае это было связано с плодородием дичи и растений, плоды которых собирал первобытный охотник, а во второй раз — уже с плодородием земледелия и домашнего животноводства, образные средства выражения этой идеи и их эстетические каноны одни и те же. Это образ зрелой беременной женщины-матери с подчеркнутыми половыми признаками. Причем не может быть и речи о преемственности между культурами верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы и ранних земледельцев Ближнего Востока, Триполья и Малоазийско-Балканского региона, разделенных хронологическим интервалом в 20–30 тысяч лет. Видимо, причина совпадения иконографии столь отдаленных во времени образов богини-матери следует из сходства эстетического и образного мировосприятия оседлых охотников-собирателей эпохи позднего палеолита и земледельцев-скотоводов эпохи энеолита.

Сложный мифотворческий процесс в Согде эпохи перехода от древности к раннему средневековью, периодически осложнявшийся вторжениями новых этнокультурных комплексов, стимулировавшихся мотивами архаических мифологических сюжетов и образов хтонического позднесакского наследия носителей каунчинской и джетысарской культур, при-

вел, видимо, к возрождению архаического образа богини-матери, разрешающейся от бремени. Хронологически и территориально более близкие аналогии образу роженицы мы находим в известных луристанских бронзах и петроглифах самой Центральной Азии (Новгородова Э. А., 1989. С. 96; Хужаназаров М., 1995).

Этот образ, бывший, вероятно, одним из живых и полнокровных персонажей мифологии скотоводческо-земледельческих племен Приаралья и среднего течения Сырдарьи с их гинеократическими традициями, в процессе оседания их в Согде и внедрением их традиций в культурный комплекс позднеантичного Согда и получил свое отображение в подобных случаях «атавизма» коропластики Нахшаба IV—VI вв. н.э.

Практически все фрагменты женских головок III—IV, V—IV вв. имеют местный тип причесок и головных уборов. Некоторые (рис. 157:3,4) из них с рельефными налобными украшениями в виде трилистника или перла с двумя колечками по бокам. Подобные подвесные налобные украшения были свойственны айртамской арфистке и некоторым типам бактрийской богини (Массон М. Е., 1935 б; Pougatchenkova G., 1978, fig. 37).

Семантику мотива трилистника, украшавшего чело бактрийской и нахшабской богинь, расшифровывает погребальная маска из листового золота погребения IV—V вв. из Шамши в Чуйской долине (Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1982, С. 222). Из трех ветвей, нанесенных мелкой пуансонной наколкой на лицо маски, две изображены на щеках, а центральная проведена прямо по гребню носа и заканчивается трилистником на лбу. Явно выраженная идея загробного возрождения орнаментальной символики маски из Шамши, возможно, намекает на значение символа трилистника на лбу женских статуэток и основные функции этих богинь Бактрии и Нахшаба первой половины I тысячелетия н.э.

Антропоморфные налеты на сосудах III—IV и V—VI вв. повторяют типологию самих терракотовых статуэток, здесь, видимо, были свои штампы. Так, уникальный штампованный налет на тулове сосуда в виде женской фигурки в местном костюме передает образ с крупными широкими грудями и узкой талией, но лишенный рук, по сути, здесь был отпечаток головы и торса (рис. 159:2). Костюм, пропорции и фронтально обращенная к зрителю поза этой фигуры находят ближайшие аналогии в иконографии Ники Халчаяна (Пугаченкова Г. А., 1989, С. 24).

Второй отпечаток в виде погрудного изображения женской фигурки с закругленными выступами вместо рук мог быть традиционным изображением сфинкса, оформлявшего конец керамического ритона (рис. 159:1). Характерно ожерелье этой фигурки с ромбическим кулоном между грудями, находящееся ближе к параллели в синхронных ожерельях скульп-

туры Кувекургана из эфталитского Тохаристана.

Образы мужских персонажей, в отличие от женских статуэток, веками сохранявшие, в силу высокого пиетета к их божественной сущности, свои исходные иконографические прототипы, подвержены более существенному изменению своего облика в процессе развития костюмов, мод и этнического состава населения Согда. Это были образы предков и мифологических героев — основателей городов, государств, изобретателей ремесел и различных видов производств. Решить вопрос об их этно-культурной и культовой атрибуции у нас пока нет оснований. Но сама их иконография, как то: признаки костюма, позы и атрибуты красноречиво свидетельствуют о вероятности развития образов и семантики изображений мужских персонажей коропластики Нахшаба в процессе развития и периодических культурных инноваций.

Для III—IV вв. н.э. характерен эллинизированный мужской костюм в виде схематизированного хитона и гиматия, дополненный конической тиарой (рис. 155:1), или костюм сако-парфянского типа в виде запахнутого и туго подпоясанного кафтана и штанов (рис. 155:2). Оба типа костюма имеют параллели в мужских одеяниях кушанской Бактрии и Гандхары, а также в терракоте Самарканда и Хорезма (Rosenfeld M., 1967, fig. 55, 158; Толстов С. П., 1948 а, табл. 72—1,2; Пугаченкова Г. А., 1971. С. 45; Ее же, 1978. С. 24—25; Ее же, 1989 б. С. 30; Мешке-рис В. А., 1989. С. 138).

Особенно четко костюм парфянского типа передан на известной бронзовой статуе парфянского вельможи из Шами (Шлюмберже Д., 1985, рис. 133, 134).

Этот древнейший тип костюма Средней Азии, ведущий свое начало от костюмов согдийцев и хорезмийцев, изображенных на ахеменидских барельефах Персеполя и Накши-Рустама (Горелик М. В., 1985, табл II), типологически и генетически близок костюму скифов, хорошо известному по вазе из Кульобы и другим предметам скифо-греческой торевтики Северного Причерноморья.

Высокая коническая шапка изображена на ахеменидских барельефах в качестве отличительного признака саков-тиграхауд. Генетически она, видимо, восходит к ритуальным головным уборам на культовых стеллах Южной Сибири и Центральной Азии эпохи энеолита и бронзы (Кызласов Л. Р., 1986. С. 85). В Средней Азии и Иране высокие конические головные уборы стали появляться в изображениях парфянского и кушанского времени. Хронологически и географически промежуточное положение занимает конический погребальный головной убор из Иссыкского погребения (Акишев А. К., 1984).

Это был сакральный головной убор архаических скотоводческо-земледельческих племен, имевший фаллическую символику и связанный

е культом плодородия. В погребении из Иссыка трехъярусный сюжет головного убора в виде гор с крылатыми козлами, крыльями, увенчанный золотой фигуркой архара и стрелами, пропущенными сквозь три яруса изображений, считается космограммой (Акишев К. А., 1984).

Высокий конический, орнаментированный свадебный головной убор саукеле, одеваемый казашками, также связан с идеей плодородия.

Мужские фигурки V—VI вв. дают полную смену античных традиций как в позе, костюмах, так и атрибутах персонажей, знаменуя зарождение раннефеодального искусства, сословно-иерархического в своей социальной основе.

Наиболее популярным становится образ царственной особы, опирающейся на тяжелый меч, поставленный вертикально по центру фигуры. Поза, атрибуты и стиль этих фигурок восходят к известным канонизированным изображениям сасанидских государей на скальных рельефах (Ghirshman R., 1962. P. 213), и ближайшим их прототипом является известная статуя Шапура I из Бишапура. Сасанидские параллели в коропластике Средней Азии уже были отмечены для Бактрии (Седов В. А., 1979). Образ царственной персоны резко отличается монументальной неподвижностью и строгой фронтальностью от более свободных поз более ранних статуэток Еркурмана, божеств на кушанских монетах, а также более поздних персонажей зороастрийской мифологии на оссуариях из Бия-Наймана и Иштыхана. Этот канонический тип правителя в функции хранителя священного огня получил широкое распространение через изделия сасанидской торевтики и нумизматики, так, аналогичные фигуры охраняют алтарь огня на реверсе монет Кавада (Тревер К. В., Луконин В. Г., 1987, С. 77). При единстве поз и атрибутов по деталям костюма статуэтки этого типа делятся на разные варианты; статуэтки, найденные в хозяйстве гончара на Еркурмане, изображают правителя в короне и с небольшим Т-образным пиреем в правой руке, вознесенной к плечу. В одном случае фигура царя облачена в гладкий кафтан, а во втором — этот кафтан покрыт мелкими рельефными треугольничками, передающими пластины чешуйчатого панциря (рис. 168:1,2).

Тема поклонения священному огню самим правителем и охраны им огня является ведущей в прокламативном искусстве древнего и раннесредневекового Ирана, начиная от барельефов Накши-Рустама и вотивных пластинок амударьинского клада и кончая изображениями царя и алтаря на кушанских и сасанидских монетах.

Пирей подобной формы, воздетый кверху, можно отметить у персонажей кушанской нумизматики, оссуариев самаркандского Согда, росписи Варахши (Шишкин В. А., 1963. С. 162; Грене Ф., 1987, С. 48, сл.).

Характерна и перевязь на руке правителя выше локтя, которую С. К. Кабанов считал принадлежностью служителей культа (Кабанов С. К., 1956. С. 170; Сулейманов Р. Х., Исамиддинов М. Х., 1990).

Обычно сасанидские правители, за исключением батальных сцен, как в поединке Шапура I с последним парфянским правителем Артабаном, изображались без воинского панциря. В редких исключениях на кушано-сасанидских монетах правитель изображен в мускульной кирасе, защищавшей лишь торс (Луконин В. Г., 1977, С. 177).

Видимо, в данном случае изображение панциря было влиянием иконографии кушанских правителей, которые зачастую представлены на аверсе кушанских монет в поколенном чешуйчатом панцире; история подобного чешуйчатого и ламинарного панциря в Средней Азии прослеживается с I вв. н.э. (Толстов С. П., 1962. С. 150; Пугаченкова Г. А., 1966 б. С. 33; Акишев А. К., 1981) вплоть до поры арабского нашествия в образах воинов на росписях Пянджикента. Этот панцирь сменил в терракоте Нахшаба V—VI вв. более ранний войлочный стеганный панцирь степного происхождения, бронированный крупными металлическими круглыми бляхами, как на статуэтке из Еркурмана III—IV вв. более раннего времени (рис. 155:3). Подобный стеганный панцирь с металлическими бляхами известен по росписям из Кизила (Дьяконова Н. В., 1980. С. 185). Но проработка кафтана этой фигурки прочерченными линиями, образующими ромбическую клетку, аналогична фактуре стеганого панциря барельефов Гандхары (Горелик М. В., 1982. С. 93, 94).

Характерна для той эпохи и трехлопастная корона правителя, тоже восходящая к сасанидским прототипам (Azarnoush M., 1991, pl. XXIX).

Обнаруженная С. К. Кабановым статуэтка с Шортепа в Каршинском оазисе повторяет именно этот вариант — в панцирном доспехе, но там уже утерян пирей в правой руке правителя, воздетой к плечу (Кабанов С. К., 1956, рис. 13, 14).

Аналогичный тип изображения царственного персонажа, опиравшегося на меч, был найден также на городище близ Чарджоу, в Керки и в Мерве. Но этот персонаж имеет высокий тигрообразный головной убор, отличаются детали костюма, меч имеет четко выраженное перекрестие, пирей в левой руке изображен неясно (Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1982. С. 74). На мечах статуэток из Нахшаба нет перекрестия.

Второй вариант статуэтки этого типа, найденный в обломках нижней части, был одет в плотный кафтан длиной до колен с разрезами по бокам и украшен широкой расшитой каймой по краю и вдоль боковых разрезов подола (рис. 168:3), кроме того, обе руки персонажа покоятся на эфесе меча. Этот тип костюма характерен для раннего средне-

вековья и представлен в росписях зала дворца Вархумана на Афрасиабе (Альбаум Л. И., 1975, рис. 11-12).

Близкие по типу, но более схематичные статуэтки, известны в Маргиане (Пугаченкова Г. А., 1962, рис. 24—25; Мешкерис В. А., 1989, рис. 155). Этот иконографический тип повторяет позу Варахрана II на скальном барельефе Накши-Рустама (Rosenfield M., 1967, fig. 134). Проникает этот иконографический тип и в сцены настенной живописи раннесредневекового Согда (Шишкин В. А., 1963. С. 159).

В V—VI вв. наряду с натуралистическим изображением фигурки роженицы стали появляться грубые лепные фигурки мужского пола с подчеркнутыми половыми органами. Это были изображения чуждых зороастризму, архаичных и, видимо, постоянно живших в народных мифах демонов плодородия мужского пола, функционально близких сатирам и фавнам греческой и римской мифологии. Ближайшие аналогии этому образу дает раннесредневековая терракота Самарканда (Ремпель Л. И., 1987. С. 137).

Иконографический прототип этого образа также восходит к более ранним изображениям подобных фаллических демонов плодородия скотоводческо-земледельческих племен джетысарской культуры, где известны грубые изображения идолов из глины, а также бронзовые мужские фигурки и налепы на сосудах с фаллическими признаками (Левина Л. М., 1968). Следы подобных культов сохранились вплоть до XX в. (Штернберг Л. Я., 1936. С. 304).

Единственная плакетка, найденная из помещения 5 Р-20 Еркурмана из слоев VI в. н. э., знаменует начало перехода к раннесредневековой технологии изготовления плиток и образков с изображением в неглубоком рельефе. Это было повсеместное явление в коропластике Средней Азии той поры. На плитке из Р-20 Еркурмана изображен мужчина, восседающий на троне в виде шествующего коня (рис. 169:3). Видимо, мотив Наны на льве и образы сасанидских правителей, торжественно восседающих на своих тронах-тахтах с зооморфными ножками (ср. изображение Хосрова I на серебряном блюде из Эрмитажа (Луконин В. Г., 1977)), в культовом изобразительном искусстве раннесредневекового Согда породили ряд сюжетов в виде божеств, восседающих на различных животных.

Это обычно не трон с ножками в виде протом животных, а цельная фигура верблюда, барана, дракона, на котором боком восседает мужское или женское божество в канонической позе с атрибутами в руках (Смирнов Я. И., 1909, N 42—47; Мешкерис В. А., 1989, рис. 146, 163; Marshak B. I., Raspopova V. I., 1990. P. 19—21).

Однако образ божества, восседающего на коне или троне в виде коня, впервые отмечается в коропластике Согда. Думается, что

прототипом данному изобразительному сюжету послужил хорошо известный иконографический тип кушанских монет с изображением Лохраспа на реверсе, в виде мужского божества на фоне шествующего вправо коня (Göbl R., 1984, taf. 165, 571/1 268/1). Композиция плитки Кунжутлителя полностью повторяет особенности образа Лохраспа кушанских монет с тем отличием, что здесь у божества нет атрибутов в виде венка и нимба, и он изображен сидящим боком на коне (в иконографии кушанских монет Лохрасп и Шива даны на фоне коня и быка).

Интерпретация божества на верблюде и богини на овне как изображений Хваренно и Аши, согласно их функций и инкарнаций по Яштам, имевших, однако, иные иконографические типы в кушанской нумизматике, как PHARRO и ARDOXSO (Грене Ф., 1992), позволяет полагать, что аналогичная по композиции плакетка божества с конем из Еркурмана изображала Лохраспа — покровителя коней и коневодства.

Помимо рассмотренных нами женских и мужских образов, на всем протяжении первой половины I тысячелетия н.э. на Еркурмане производились и грубые идолчики, условно передающие человеческую фигурку без каких-либо атрибутов или признаков пола. Изредка отдельные черты лица их или половые признаки указаны грубыми зашипами или углублениями.

Традиционной темой коропластики Средней Азии является изображение музыкантов с различными музыкальными инструментами. Музыкальное искусство древности неразрывно было связано с мифологией и общественной жизнью (Садоков Р. А., 1970; Маршак Б. И., Распопова В. И., 1990). Фигурки музыкантов на Еркурмане происходят из комплексов III—IV вв. Все они изображают музыкантов со струнными инструментами двух типов, это лютии с круглой и гитарообразной декой (рис. 156).

В терракоте Самарканда, в отличие от Нахшаба, представлен широкий набор струнных, духовых и ударных инструментов (Мешкерис В. А., 1989, С. 103, сл.). Слава музыкантов Согда была известна далеко за его пределами. В китайских хрониках содержатся сведения о высокой и самобытной музыкальной культуре Согда. Сообщается о наличии бубнов, лютен, пятиструнных гуслей и флейт. Разнообразный набор музыкальных инструментов дают и барельефы Айртама, Халчаяна и кушанские барельефы Северной Индии (Массон М. Е., 1935; Пугаченкова Г. А., 1966. С. 215; Rosenfield M., 1967, fig. 58).

Сравнительно небольшое число музыкальных инструментов у фигурок музыкантов древнего Нахшаба можно пока объяснить относительно небольшим количеством коллекций коропластики этого района Согда по сравнению с Самаркандом.

Фигурка обнаженной музыкантши переднеазиатского стиля с лютней гитарообразной формы находит типологические аналогии в Бактрии и Согде (Мешкерис В. А., 1989, рис. 12; Ее же, 1992. С. 29, N 41).

Фигурка музыкантши с круглой лютней, драпированная в длинное платье, синхронна статуэткам музыкантов из Мерва (Пилипко В. Н., 1969).

Почти все находки отдельных головки или отстиков лиц отдельных персонажей на керамике из Еркургана относятся к мужским образам. Стилистически их можно подразделить на образы греческого, местного согдийского и смешанного эллинизированного типов. Выделяются и другие этно-культурные типы.

Среди изображений греческих образов имеется матрица головки Силена — демона плодородия, спутника Диониса, и, как показала находка скульптуры Силена Марсия в храме Окса на Тахти-Сангине, в эллинистическое время его образ на почве Бактрии слился с местным духом реки Амударьи (Пичикян И. Р., 1991, С. 160). Образ Силена на Еркургане отвечает классическим канонам греческой скульптуры, реалистично переданы цепкий взгляд глубоко посаженных под широкими бровями глаз, лысина, окруженная жидкими кудрями, испещренный морщинами лоб, широкие ноздри, козлиные уши и бородка (рис. 145:3). Оттиск, безусловно, изготовлен местным гончаром на Еркургане, хотя его прототип мог быть импортирован из крупных центров эллинистического искусства.

Вторая головка этого типа более груба в исполнении, но выразительна энергичной манерой лепки бороды и мускулатуры лица (рис. 158:4). Она найдена в слоях III—IV вв. н.э. и указывает на то, что данный персонаж греческой мифологии прочно вошел в культуру Нахшаба позднекушанского времени, и матрица его была, видимо, изготовлена местным мастером. У него схематизированно переданы лысая, сужающаяся кверху голова с глубокими и неестественно загнутыми кверху поперечными морщинами на лбу, борода густая и всклокоченная. В портрете просматриваются характерные черты местного антропологического типа и образов, навеянных неизвестной нам пока согдийской демонологией.

Образы Силенов и Сатиров — спутников Диониса — часто встречаются в коропластике эллинистического Востока (Van 'Ingen W., 1939, pl. XXVI, 184; Мешкерис В. А., 1989, С. 163—164).

Уникальна по своей этнической достоверности мужская головка с густой копной подстриженных надо лбом волос, передающая антропологический облик зрелого мужчины брахикефального типа Среднеазиатского Междуречья. У него широкое европеоидное лицо с прямым выступающим носом, пышные усы и округлая бородка (рис. 146:2). Облик этого персонажа не имеет прямых аналогий в скульптуре Средней Азии, но близок изобра-

жениям причерноморских скифов, с одной стороны, и некоторым более европеоидным персонажам скульптуры Халчаяна — с другой, с тем лишь отличием, что последним не была известна стриженная челка надо лбом, волосы у них зачесаны назад или в стороны и перехвачены диадемой.

Перед нами образ одного из представителей тех сакских племен, которые отторгли Согдиану от Греко-Бактрии накануне окончательного ее падения. Череп мужчины среднего возраста, обнаруженный на дахмЕ Еркургана, также относится к круглоголовому широколицему европеоидному типу. По поводу дахмы Еркургана и типологии городища Калаи Захоки Марон выше мы уже говорили о вероятности инноваций в Нахшаб культурного комплекса из низовьев Сырдарьи, связанных с продвижением на юго-восток приаральских дахов, т.е. можно допустить, что перед нами портрет одного из тех дахов, которые сыграли решающую роль в крушении Греко-Бактрии и дали название стране Дахя, которую затем заняли юэзжи.

Стилистически этническая портретная достоверность этой головки была обеспечена эллинистическими традициями искусства коропластики Нахшаба I вв. до н.э. и н.э., где, прежде всего, отмечалось стремление к достижению реалистической передачи индивидуальности натуры, а не к выражению обобщенного идеализированного образа, отражавшего основную идею изображаемого персонажа, что традиционно преобладало в скульптуре древнего Востока.

К промежуточной греко-согдийской традиции в иконографии фрагментированных головок III—IV вв. следует отнести и образ мужчины с окладистой бородкой, как у Геракла, и кудрями, обрамляющими выпуклые надбровные дуги (рис. 158:5). Но эта головка имеет еще и головной убор в виде конической шапки, что типологически сближает ее с портретом так называемого персидского предка из Нимруд-Дага, хотя тиара у фигурки с Еркургана прямая, в виде конуса без наушников, как на голове парфянских жрецов на фреске Конона в храме из Дур-Европос (Шлюмберже Д., 1985. С. 45, 96).

Слабые отголоски эллинизированной иконографии сохраняют округлая головка юноши, обрамленная круглыми завитками прически, и налеп в виде овальной юношеской головки с буклями прически и коническим головным убором под петлевидной ручкой кратера (рис. 146:1; 172:4). Они относятся к V—VI вв.

Остальные головки, при сохранении всей экспрессии и реалистических традиций древней коропластики Нахшаба, передают свои согдийские иконографические типы. Среди них головка юноши с едва заметной улыбкой на губах (рис. 158:1), лицо, как по антропологическим особенностям, так и по созерцательному выражению взгляда повторяет

известный облик т.н. головы принца из буддийского святилища I в. н.э. Дальверзинтепа (Pougatchenkova G. A., 1978, fig. 27—25), а также облик персонажей скульптуры Куевургана (Аннаев Т. Д., 1988, рис. 21).

К III—IV вв. н.э. относится головка мужчины зрелого возраста с пышными, висящими вниз усами и взглядом выпуклых, устремленных вверх, глаз (рис. 158:2). Облик его напоминает лица адорантов в сакских костюмах на барельефах Таксилы и Буткары.

К V—VI вв. относится налеп на сосуде с изображением утонченно аристократического мужского лица в трехзубчатой короне и длинными усами (рис. 173:1), как у персонажей скульптуры Дальверзинтепа и у деревянного идола с верховьев Зарафшана (Pougatchenkova G. A., 1978, fig. 23; ДТКВ. С. 173). Корона с тремя зубцами или лопастями, прикрепленными к кольцевому ободку, венчающая чело мифологических и царственных персонажей, довольно широко была распространена во второй четверти I тысячелетия н.э. (Толстов С. П., 1948а, С. 197; Мешкерис В. А., 1989, С. 310; ДТКВ. С. 134. № 358).

О том, что трехлопастная корона была характерна именно для правителей Средней Азии второй четверти I тысячелетия н.э., свидетельствует, кстати, аналогичная корона на голове позднекушанского правителя Кидары (Göbl R., 1984, tab. V, 38), изображенная на его монетах в профиль. Этот же тип короны, возможно являвшейся именно короной династии Кидаритов, венчал голову царственного персонажа с мечом в одной руке и пиреем в другой на изображениях, найденных в количестве 10 экз. на квартале керамистов Еркургана.

Единственная лепная женская головка из комплекса III—IV вв. происходит из верхнего культурного горизонта квартала керамистов Еркургана и изображает округлое женское лицо с высоким носом и крупными глазами, прорисованными тонкой палочкой (рис. 170:1). Статуэтка целиком лепная и была украшена рядом осыпавшихся мелких круглых налепов, украшавших также лоб и щеки. Такая особенность позволяет предположить, что эта грубая и схематизированная статуэтка могла быть копией монументальной статуи божества, стоявшего в святилище городского храма в III строительном периоде. Место изготовления находилось здесь же, на квартале керамистов, в 50—60 м к юго-востоку от самого городского храма.

Примитивная техника изготовления лепных статуэток, украшенных круглыми налепами, типична для времени начала раннего средневековья и была в основном характерна для периферийных районов Согда (ДТКВ. С. 120). Но, как мы видим, эта технология изготовления лепных статуэток имела распространение и в крупных центрах коропластики, как, например, квартал керамистов Еркургана.

Материалы курганов ранних кочевников

из Казахстана свидетельствуют о том, что начало сложения всадничества как способа передвижения и сословия относится ко II тысячелетию до н.э. (Кузьмина Е. Е., 1977а, С. 83), этим же временем датируется самое раннее изображение всадника на печати из Бактрии (Сарнианиди В. И., 1986, рис. 8, 10).

Но изображения всадника в коропластике встречаются с рубежа нашей эры. Считается, что эти фигурки распространяются в Среднюю Азию с Ближнего Востока (Пугаченкова Г. А., 1965). Большинство исследователей склонно усматривать в наиболее ранних изображениях всадников образ божества Солнца Митры (Хачатрян Ж. Д., 1980), причем в Иране, Северном Причерноморье и Закавказье были распространены не только статичные терракотовые статуэтки, но и барельефы со всадником на коне, несущемся галопом.

Иконографически статуэтки коней и всадников Нахшаба, происходящие из комплексов от рубежа нашей эры до раннего средневековья включительно, менялись незначительно. Самая ранняя фигурка коня со всадником происходит из кладки внутренней стены Еркургана II строительного периода, т.е. датируется III—II вв. до н.э. Конь обычно изображен довольно условно, но утонченный: экстерьер и длинная выгнутая шея достоверно передают облик породистых быстроаллюрных верховых лошадей. Часто у них грива стрижена. Фигурки всадников тоже, как правило, лепные, лишь у части из них лицо оттиснуто матрицей. О том, что это изображения не простых смертных, свидетельствует массивная гривна на шее одного из всадников (рис. 174:2) и диадема с перлом на лбу у второй фигурки (рис. 172:2). Сохранились два изображения седел, они были жесткими, деревянными, с высокой дуговидной лукой (рис. 158:1; 174:2).

Часть фигурок коней не имеет всадников. Конь без всадника — типичный мотив древнего культового искусства Ближнего Востока и Средней Азии, начиная от луристанских бронз и кончая культовой сценой живописи дворца Вархумана в Самарканде.

Характерна солярная свастика с крючкообразно загнутыми концами на крупе одной из фигурок коня без всадника (рис. 163:4). Солярные знаки на крупах коня хорошо известны в торевики древнего Ирана, Средней Азии и степной среды (Porada E., 1962, P. 84, 91; Вайнберг Б. И., 1973, рис. 10; Рунич А. П., 1973, рис. 1, 2; Членова Н. Л., 1981, рис. 5; Синь Цзян Као Гу., 1983, рис. 108).

В Иране мотив свастики не был распространен, а в Индии в качестве символа Индры имел широкое хождение. Типична свастика и для мотивов греческого меандра. В Средней Азии наиболее ранний символ свастики дают орнаменты на керамике степных племен и ритуальные каменные выкладки погребений Тулхарского могильника, позднее использование этого символа представлено

на монетах Хорезма (Мандельштам А. М., 1968, рис. 35; Вайнберг Б. И., 1973, рис. 2—10). Мотив свастики в виде так называемого сегнерова колеса искусства кочевников был неразрывно связан с образом коня (Нестеров С. П., 1990. С. 114).

Солярные функции и символика образа коня в Центральной Азии и Иране достаточно известны, начиная с сообщений Геродота о посвящении коней Гелиосу (Митре) и ежегодной посылке сатрапом Армении 20 тысяч жеребят на празднества Митры (Страбон, IX, 14, а). Мотив «быстроконного Солнца» имеет достаточно явственные корни в индоевропейской мифологии (Кузьмина Е. Е., 1984. С. 98—99).

В коней воплощался ряд важнейших божеств авестийского пантеона — Митра, Веретрагна, Хварн, Сиявуш, Вайю, Тиштрия (Кузьмина Е. Е., 1976 б. С. 53, сл.).

Исследователи обычаев культа коня у тюркоязычных народов отмечали, что он ритуально осуществлялся в двух различных формах. В первом случае в виде жертвоприношения божеству с умерщвлением и последующим ритуальным поеданием коня. На жертвеннике вывешивалась шкура животного. Во втором случае коня посвящали одному из божеств, метили его особым знаком, и он оставался в табуне. По отношению к нему соблюдались особые запреты и обряды (Потапов Л. П., 1977. С. 166, сл.).

Кони с солярными тамгами на крупах могли быть животными, посвященными солнечному божеству. При этом следует отметить, что крючковидные концы свастики на крупе обсуждаемой фигурки коня из Еркургана напоминают аналогичные концы тамг на хорезмийских монетах хионито-эфталтского времени.

С. П. Толстов на материалах анализа терракот Хорезма связывал изображения всадников на конях с божественным предком Хорезмшахов и умирающим и воскресающим богом Сиявушем (Толстов С. П., 1948а, С. 201—205), отмечая при этом вероятную связь этих изображений с заупокойным культом. Если отождествление образа всадника и можно оспаривать, то положение о связи этих изображений с заупокойным культом, видимо, достаточно обоснованно, так как конь был не только символом-воплощением многих божеств индоевропейского пантеона, он был еще и хтоническим животным, и его роль в этом качестве особенно велика в погребальном обряде степных скотоводческих народов, индоевропейских, тюркских и монгольских. Конь, отдельные его части или, по крайней мере, сбруя — обязательные спутники и принадлежность погребенного в обрядах древних и средневековых кочевников степной зоны Евразии. «Аспичубин» или «агачаяк» в качестве ритуального названия погребальных носилок сохранялось в Средней Азии до конца XIX в.

В мифологии индоевропейских и ирано-

язычных народов конь является средством достижения загробного мира (Раевский Д. С., 1985. С. 42, сл.; Жарникова С., 1990. С. 95). В мифологии тюркских народов конь — основное средство достижения «мира мертвых» (Нестеров С. Ю., 1990. С. 72, сл.). Отмечается, что в этнографическое время у коней, которые служили умершим и не были погребены вместе с хозяином, остригали гриву и хвост, их дарили или отгоняли на пастбище. Стриженная грива, как отмечалось, — характерная особенность большинства фигурок терракотовых изображений коней.

Подтверждается связь фигурок всадников с заупокойным культом терракотовыми фигурками, найденными на поселениях Беркут-Калинского оазиса, в виде мужских фигурок, но сидящих не на коне, а на земле, у скульптурных оссуариев и погребальных скульптур Хорезма (Рапопорт Ю. А., 1971. С. 86—88). Аналогичная статуэтка найдена и на Еркургане. Она полностью повторяет все особенности фигурок всадников, округлое лицо юношеского облика оттиснуто матрицей, на голове кlobук. Фигурка изображена сидящей на полу со скрещенными ногами (рис. 162:4). Эти редкие изображения являются синхронными более крупным глиняным, заупокойным скульптурам, ставившимся в мавзолеи хионито-эфталтского времени рядом с очищенными костями погребенных. Данный обряд впервые был зафиксирован в погребальных святилищах правителей на городищах Кангагыр-Кала и Куня Уз (Неразик Е. Е., 1958. С. 375, сл.; Толстов С. П., 1962. С. 230, сл.; Рапопорт Ю. А., 1976. С. 76, сл.). В Согде этот обряд сопровождения очищенных костей, помещенных в хумы, с глиняной раскрашенной скульптурой впервые зафиксирован на царском мавзолее Еркургана (Р-4) (Воробьева С. Н., Нефедов Н. Ю., 1988; Нефедов Н. Ю., 1990).

Таким образом, вероятнее всего полагать, что многочисленные терракотовые фигурки всадников являют собой образы наиболее почитаемых предков и связаны с ритуалами, близкими семантически зороастрийскому культу фравашей, если не являлись местной, сакской по происхождению трактовкой их образов. В это же время образ всадника на коне был распространен и в городах Боспора (Пругло В. И., 1977. С. 181).

Прочие мифологические образы зоолотария древнего Нахшаба сравнительно немногочисленны и традиционны по своему составу, характерному для оазисов Средней Азии. Это изображения быка, барана, козла, верблюда, отдельных хищных животных, являвшиеся символами определенных мифологических образов.

Головки быков, как обычно в Согде и Бактрии, украшали сливы миниатюрных кувшинчиков для питья или ритонов. Это объясняется традиционной для индоевропейской и тюркской мифологий связью быка с водной

стихией (Вахш-Окс-Окуз). Образ Огуз-хана, мифического родоначальника тюркских династий, достаточно прозрачно ассоциируется с быком. Все они изготовлены в разном стиле, здесь и головы бычка с короткими рожками и буйвола с мощными рогами, закрученными в виде горизонтальной спирали. Характерна красноглиняная головка быка, оформлявшая слив кувшинчика со стерженьком-перемычкой, торчащей вертикально между рогами животного и прикрепленной сверху к венчику сосуда (рис. 165:1).

Культ быка и его образ известны на Ближнем Востоке и Центральной Азии начиная с эпохи неолита (Хлопин И. Н., 1981; Новгородова Э. А., 1989. С. 113, сл.).

В иранской и индоиранской мифологии бык — важнейший персонаж космогонии. Согласно Бундахишна, первородный бык, убитый Ахриманом, дал начало всем полезным плодам и растениям, произрастающим на земле. Воху Мано-Благая мысль — первый из шести Амеша-Спентов ассоциируется с душой быка. Эволюция образа быка и его иконография в Иране и Средней Азии достаточно обобщены в научных публикациях (Массон В. М., 1975; Луконин В. Т., 1977. С. 15, сл.; Беленицкий А. М., 1978; Ремпель Л. И., 1987. С. 22, сл.). Попутно отметим, что образ быка не пользовался особой популярностью в тематике так называемого скифо-сибирского звериного стиля, это было животное оседлого населения Центральной Азии и Ирана (Снесарев Г. П., 1969, С. 315).

Характерно, что образ сакрального козла на Еркургане количественно преобладал над более популярным в животном эпосе Авесты образом барана. Налепы и фигурки козлов отмечаются во всех хронологических периодах развития коропластики, начиная с начала нашей эры до эпохи раннего средневековья, и единственная фигурка барана с лентой на шее происходит из самого верхнего горизонта Еркургана (рис. 175:4). Последняя фигурка вместе с выразительными его изображениями из комплекса V—VI вв. Киндиклитепы указывает на распространение образа этого популярного в Средней Азии с I тысячелетия до н.э. мифологического животного (Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1964, рис. 14). в коропластике Нахшаба, начиная лишь с хионито-эфталитской поры, когда по всему Согду отмечались инновации традиций каунчинской и джетысарской культур, в изобразительной тематике прикладного искусства которых образ барана занимал первостепенное место (Литвинский Б. А., 1968). В Нахшабе это сопровождалось появлением отдельных находок так называемых очажных подставок или шашлычниц с протомами барана; они, в частности, выявлены в том же комплексе керамики V—VI вв. на Киндиклитепе.

Образ козла лишь однажды выступает в качестве аватары-воплощения Веретрагны

наряду с конем, верблюдом, быком, кабаном и другими инкарнациями данного божества. Возможно, этим объясняются фигурки козлов, известные в торевице Ирана, начиная с эпохи Ахеменидов и до сасанидских блуд. Однако, на почве Нахшаба, где был особенно популярен культ женского божества — дарительницы жизни, образ козла был, видимо, актуален в основных своих свойствах, известных в индоевропейской мифологии и связанных с плодородием скота и растений. Именно в этой своей функции козел и коза были связаны с сущностью многих персонажей пантеона индоевропейской мифологии, начиная от Афины с эгидой из козьей шкуры в Элладе, сюжета козлов у древа жизни на Ближнем Востоке, до Пушана индийцев и Перуна на Руси (Топоров В. Н., 1991. С. 663—664). Особенно популярен был образ козла в дионисийских культах античности от Эллады до Средней Азии. Характерен для Согда и орнамент тканей с фитурками козлов с лентой на шее в отличие от сасанидских тканей, орнаментированных аналогичными фигурками баранов с лентой (Альбаум Л. И., 1975, табл. LIV).

Образ еще одного из важнейших домашних животных, характерных для поголовья степной зоны Нахшаба, — верблюда, обычно связывается с Веретрагной, инкарнацией которого он выступает (Яшт XIV). Но одна из статуэток Нахшаба представляет верблюда в обычном его качестве (со всадником и хурджуном) — вьючного животного (рис. 175:2). Причем обе статуэтки изображают двугорбого бактриана. Фигурки этого популярного представителя животного мира степной полосы известны с эпохи бронзы до средневековья (Кузьмина Е. Е., 1963; Дресвянская Г. Я., 1992). Но особо почитался образ верблюда в Бухарском оазисе, где в течение 300 лет он фигурировал в качестве объекта культа на реверсе монет бухарского чекана (Мусакаева А., 1989. С. 116).

Изображение миниатюрной фигурки оленя на устье небольшого кувшина представляет собой образ ранее не встречавшийся в коропластике Средней Азии. Олень, видимо, занимал особое место в мифологии парнов-дахмов, его изображения часты в торевице парфян (Akira H., 1981; ДГКСА, табл. LXXXII).

О культовой роли оленя в храме Еркургана свидетельствуют находки рогов бухарского оленя в нижнем горизонте священного зольника на юго-западной площадке храма Еркургана.

Образы хищных животных представлены редкими изображениями хищников кошачьей породы и миниатюрной матрицей головки волка или собаки с торчащими ушами.

Наиболее раннее изображение головки хищника кошачьей породы (рис. 148:5) плохо сохранилось и изготовлено довольно примитивно. Но ручка сосуда в виде фигурки барса

и матрица-маска льва, найденная на квартале керамистов (рис. 164:3; 165:4), обнаруживают ближайшие аналогии в прикладном искусстве кушанской Бактрии (Ставиский Б. Я., 1977, рис. 42 а, в), хотя ареал и хронология этого мотива гораздо шире. Наиболее ранние образцы подобного изображения львиной морды имеют льво-грифоны на золотом эгрете из амударьинского клада, на золотых бляшках из Тагискена и кургана Иссык (Толстов С. П., Итина М. А., 1966; Зеймаль Е. В., 1979. С. 40, 44; Акишев К. А., 1983. С. 86, сл.). Характерны вертикальные складки на лбу и на морде львиной маски Еркургана, восходящей к скифо-сибирской манере передачи облика тигра. Ахеменидские изображения морды льва, восходящие к урартским прототипам, имеют горизонтальную трактовку складок лба и оскаленных верхних губ львов, как на золотом ритоне из Хамадана и ножнах акинака из храма Окса (Луконин Г. В., 1977. С. 53; Пичилян И. Р., 1991, рис. 15). Этот же тип морды льва повторяет и каменный водолей рубежа нашей эры (Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1982. С. 60). Раннесредневековые львиные маски, известные по настенным росписям Самарканда или налпам на керамике, все более напоминают апотропейский образ индийского Киртимукхи (Альбаум Л. И., 1975, табл. ХLI; ДТКВ, № 377, 531).

Образ волка или собаки-животного, связанного с хтоническим миром, является традиционным, хотя и не очень частым персонажем сакской торевтики Средней Азии (Артамонов М. К., 1973, рис. 18; ДТКВ. С. 94—95). Известна халцедоновая гемма с изображением волка или собаки из загородного храма городища Ай-Ханум (Bernard P., 1969. P. 346). Крупная голова с тупой мордой и торчащими ушами оттиска матрицы Еркургана (рис. 175:3) походит более всего на животное, изображенное на гемме из Ай-Ханум.

Этот оттиск, как, видимо, и взгляд собаки «сагдид», известный в погребальной обрядности зороастрийцев, имел апотропейскую, охранную символику. Налепы, изображавшие собаку, отмечены и на керамике Мерва (Пугаченкова Г. А., 1962. С. 163; Филанович М. И., 1974. С. 86). Все эти образы были типичны и для сфрагистики Средней Азии и Ирана III—IV, V—VI вв. (Пугаченкова Г. А., 1957. С. 148, сл.).

Фигурки экзотического в Средней Азии животного — обезьянки относятся к эфталтскому времени — поре активных культурных связей Нахшаба с Бактрией и Индией.

Уникальна находка части матрицы, изображавшей голову дракона. Изображение было объемным и, видимо, служило завершением ритона. Вся матрица состояла, как минимум, из двух половинок. У этого фантастического зверя удлиненная голова варана, но крупные человеческие глаза и заостренные лошадиные уши (рис. 149:1). Стилистически

образ этого дракона ближе всего обтекаемым формам головок животных, завершающих несомкнутые концы гривы и браслетов древнего Ирана и скифо-сакского мира (Луконин Г. В., 1977. С. 84, 90; Артамонов М. И., 1973, рис. 72). Иконографические параллели этому образу дают навершия жезлов в руках персонажей на верблюдах — сцены шествия живописи центрального зала дворца Вархумана на Афрасиабе, а также головки жезлов в руках «фравашей» живописи Пянджикента (Альбаум Л. И., 1975, табл. XXIV; ДТКВ. С. 218, табл. 566).

Наиболее ранние изображения драконов этого типа из Средней Азии известны в орнаментальной композиции на матрице с городища Нуртепа (Беляева Т. В., 1990, рис. 1).

На семантике образа этого фантастического животного остановимся ниже.

Орлиная головка из дворца Еркургана (рис. 165:3), исполненная в традициях древневосточного искусства, стилистически близка изображениям этого вида птиц на сасанидских серебряных культовых кувшинчиках (Луконин Г. В., 1977. С. 194). Образ орла был издревле популярен на Востоке и особенно широко распространен в прикладном искусстве Ирана с ахеменидского времени. Причем среди отдельных находок из Персеполя встречаются явные иконографические прототипы изображения, найденного на Еркургане (Schmidt E. F., 1957, t. 2. pl. 53—54). Не менее популярен был образ орла в парфяно-сасанидское время, часто украшавший короны парфянских, кушанских, сасанидских и среднеазиатских правителей. Орел, являвшийся одним из воплощений авестийских Веретрагны и Фарна, оставался в общиндоевропейской мифологии посредником в общении с потусторонним миром.

Многочисленные грубо изготовленные птички из верхних слоев Еркургана и других раннесредневековых поселений Нахшаба представлены образами голубей, фазанов, куропаток, также связанных с представлениями о загробном мире. Душа умершего, по широко распространенным в этнографическое время народным поверьям Средней Азии, покидает бренное тело в виде голубя, и потому убийство этой птицы считалось тяжким грехом. К этой же категории можно отнести и раннесредневековую копилку (с прорезью в тулове) в виде куропатки.

Фантастическими образами схематических фигурок сирены в виде фигурки птицы с круглыми налпами, изображавшими женские груди, сфинкса с седлом на спине и грубыми фигурками быков и баранообразных существ VIII—IX вв. н.э. завершается искусство корoplastики древнего Нахшаба. Это были образы и сюжеты древних мифов и эпоса, перешедшие в сферу сказки и фольклора.

Показательны в аспекте связей культовых ритуальных традиций находки мелких глиня-

ных хлебцев, изображавших в миниатюре типичные лепешки, изготавлиющиеся в Средней Азии и поныне. Они происходят из верхних слоев Еркургана, связаны с археологическим комплексом хионито-эфталитского периода и относятся к комплексу керамики, несущей признаки джетыасарской керамической традиции. Этот артефакт керамического комплекса Еркургана IV—VI вв. также находит прямые аналогии в скифских votивных керамических лепешках, известных в святилищах скифов Северного Причерноморья и Поволжья (Шрамко Б. А., 1957. С. 183; Его же, 1976; Высотская Т. Н., 1984; Плетнева С. А., 1994).

РЕЗЮМЕ

Мифологическое сознание древности с его нерасчлененностью общего и частного, естественного и сверхъестественного, метафоричностью и чувственностью рождает изобразительное искусство как один из приемов запоминания и упорядочения явлений окружающего мира.

Основными образами первобытного искусства были изображения животных и женщин с подчеркнутыми признаками плодovitости. Эти изображения были связаны с охотничьей магией, идеей плодородия природы и образом матери-прародительницы, которая постепенно, по мере развития мифов, развилась в великую богиню, хозяйку животного мира (Абрамова З. А., 1966. С. 77, сл.).

С эпохи энеолита и бронзы по всей зоне древнеземледельческих цивилизаций в целом господствовал образ хтонического женского божества, связанного с идеей плодородия и рождения. Все они, начиная от богинь со змеями Балкан и Малой Азии до змееногой Нюй-ва Китая, были связаны с развитием земледелия. Как в Месопотамии и Трипольской культуре, так в Индии и Южной Туркмении терракотовые фигурки женского божества имели подчеркнутую стеатопегию и в примеси глины, из которой они изготовлены, части зерна злаков (Антонова Е. В., 1977).

Женские статуэтки издревле были связаны с домашними культами и женской сферой жизнедеятельности (Антонова Е. В., 1990. С. 178).

В эпоху поздней бронзы и раннего железа в прото- и раннегородских цивилизациях Средней Азии наступил так называемый бестерракотовый период или период аниконизма, характерного и для степной полосы Евразии (Раевский Д. С., 1985. С. 89—91; Мешкерис В. А., 1989. С. 14, сл.). Однако на Ближнем Востоке, в частности в Месопотамии, производство изображений богини плодородия продолжалось. Популярным было искусство коропластики и в Греции, начиная с архаической эпохи.

Коропластика раннегородских оазисов Средней Азии развивалась на базе эллинис-

тического и древневосточного искусства в Согде и Бактрии. Эллинистические инновации вслед за походом Александра Македонского стимулировали искусство коропластики Средней Азии, но при этом стиль греческого искусства наложился на восточную традицию коропластики западных районов бывшей империи Ахеменидов (Пугаченкова Г. А., 1959; Ее же, 1962. С. 119, сл.; Мешкерис В. А., 1989. С. 3).

В искусстве коропластики оазисов Средней Азии, в отличие от Греции и Ближнего Востока, известны лишь статуэтки стоящих, изредка сидящих фигур, оттиснутых одним штампом. Круглые изображения, получаемые греческими коропластами из двустворчатых матриц, или более сложные фигурки марионеток с подвижными конечностями, монтируемыми из отдельных частей, распространения здесь не получили, нет и характерных для Греции и эллинизированного искусства Парфии изображений возлежащих фигур.

Как мы отмечали, в наиболее ранних комплексах Нахшаба статуэток восточного типа, продолжавших сосуществовать вместе с эллинистическими типами, пока не встречено. Это можно объяснить малочисленностью материалов той поры, а в Бактрии и Самарканде изображения обоих типов сосуществовали изначально. Иначе говоря, арсенал культурного наследия, из которого черпался репертуар тем, сюжетов и образов изображений для первых веков до нашей эры, был един и состоял из иранского и греческого наследия, что позволило Д. Шлюмберже характеризовать искусство государства Селевкидов как греко-иранское. Причем если вначале преобладали греческие сюжеты и темы, то со временем стало все более нарастать значение автохтонных традиций, сопровождавшихся, как показывают материалы погребений рубежа нашей эры из Тиллятепе, инновациями сако-скифского звериного стиля (Сарианиди В. И., 1989 б; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1986; Их же, 1991).

Для раннего искусства в значительной мере характерен эклектизм образов и стилей. Смешение греческих и восточных стилей и приемов характерно и для архитектуры Ай-Ханум, Старой Нисы и Файлаки на юге Ирана. Эта гибридизация в развитии искусства на обширной территории Ближнего Востока и Средней Азии шла параллельно сложению синкретического пантеона божеств и новых типов храмов. Утверждать, что в тот сложный период культурогенеза в искусстве преобладали образы и сюжеты зороастрийской или греческой тематики, мы не можем.

Однако находки обломков глиняной скульптуры в храме Окса и на Ай-Ханум, а также незавершенной каменной скульптуры на Ай-Ханум указывают на здешнее изготов-

ление как местных, так и греческих персонажей, по крайней мере монументальной скульптуры той эпохи.

Согд пока еще не дал находок монументального искусства эллинистической поры, подобных тем, что были найдены в храме Окса, на Ай-Ханум и Старой Нисе.

Сочетание греческих, скифо-сарматских и древневосточных изобразительных сюжетов и иконографических типов и автохтонных — согдийских, бактрийских мифологических циклов с примесью отдельных эллинистических сюжетов определяет отличительные черты обнаруженных на Еркургане предметов искусства и архитектуры II—I вв. до н.э., вплоть до падения самого города. В этом культура Согда близка не только раннекушанской культуре Бактрии, но и культуре Северного Причерноморья. Однако при общности составных частей и сходстве отдельных черт, каждая из перечисленных историко-культурных областей вырабатывала и развивала свои индивидуальные черты.

Становление семантики и иконографии образов божеств зороастрийского пантеона у кушан и в Средней Азии происходило под влиянием богатого культово-иконографического наследия Ближнего Востока и Греции (Лелеков Л. А., 1985; Грене Ф., 1992).

Греко-иранский культурно-идеологический синкретизм начался задолго до похода Александра Македонского, который лишь наследовал и продолжал ахеменидскую концепцию единой империи и единой культуры, способных объединить в единое целое границы обжитой и благоустроенной Ойкумены. Хорошо известно влияние космогонии зороастризма на учения греческой ионийской философии и Платона. Ксенофонт, автор Киропедии, сообщает о жертвоприношениях Кира Зевсу, Гелиосу и Гее (Ахурамазде, Митре и Спента Армаити?) (Ксенофонт VIII, III, 24), о храме Геры в Пасаргадах упоминает и Плутарх, хотя, видимо, это была зороастрийская Спента Армаити (Цит. по: Воусе М., 1982. Р. 209).

Тематика основных сюжетов циклов коропластики, отражавшая кардинальные проблемы идеологии широких слоев населения древнего Нахшаба, концентрируется вокруг центральных вопросов человеческого существования: жизнь и смерть, плодородие и воспроизведение жизни, рождение и отход в мир иной. Все мифические персонажи этой вечной драмы жизни постоянно воспроизводились и участвовали в быту и священнодействиях древних согдийцев. Основные действующие лица этой мифологической драмы и были объектами художественного воспроизводства, почитания, средством общения с потусторонним существованием, служили для приобщения к возвышенному и соучастию в великом космическом процессе.

Если обряд считать инсценировкой мифа,

то анализируемые нами материальные атрибуты культовых обрядов ни что иное, как реквизиты этой инсценировки, а терракотовые статуэтки — это изображения и символы наиболее популярных и почитаемых персонажей этой мифологической драмы.

Собственно зороастрийское искусство, аниконичное изначально, в ахеменидское время формировало свою иконографию путем заимствования устоявшихся месопотамских и малоазийских изобразительных канонов и стереотипных сюжетов (Дандамаев М. А., Луконин В. Г., 1980. С. 259). Этому способствовала и политика синкретизации и ассимиляции основных божеств зороастрийского пантеона с ближневосточными божествами (Лелеков Л. А., 1985; Бойс М., 1987. С. 77, сл.). Со временем это проникало в религиозное мифотворчество и изобразительное искусство.

Еще С. П. Толстов отмечал, что «Авеста» — первоклассный источник по древней культуре Средней Азии и Ирана, но она как всеобщий комpendиум мифологии, гимнов и преданий ираноязычных народов, несмотря на неоднократные редакции и модификации, не обладает логической цельностью. Несмотря на необычайную системность теогонии, космогонии и теософии «Авесты», в нее со временем были включены параллельные варианты одних и тех же тематических циклов, множество конкурировавших и дублировавших друг друга персонажей, генетически восходивших к различным традициям, в силу чего и стала невозможной всеобщая логическая непротиворечивость всех мифологических сюжетов «Авесты», в чем и заключается ценность отдельных ее частей в качестве исторического источника. Мифы «Авесты» не могли быть радикально отредактированы в угоду логической цельности всего свода в силу своей сакральности. Отдельные пассажи и сюжеты, обладавшие внутренней непротиворечивостью явлений, после прояснения их хронологии и историко-культурной атрибуции могут быть использованы в качестве исторического источника, в том числе и для атрибуции персонажей коропластики.

Обычно довольно робкие попытки определения семантики изображений божеств доисламской Средней Азии исходили из пантеона младоавестийского круга, дополненного отдельными божествами эллинистического и семитического происхождения. Основным исходным аргументом такого подхода были распространенные доисламская младоавестийская ономастика и пантеон божеств Кушанского государства, достаточно полно зафиксированный в кушанской нумизматике.

Тематика образов культовых изображений как в коропластике, так и более поздней настенной живописи Средней Азии указывает на решительное преобладание образа

женского божества (Ледеков Л. А., 1985), дополненного многочисленными лепными фигурками всадников, что является серьезным основанием для сомнений при прямом отождествлении этих персонажей с божествами патриархального по своей структуре пантеона «Авесты». Однако детальный анализ костюмов, поз и атрибутов отдельных персонажей культового искусства доисламской Средней Азии с привлечением надписей легенд на реверсе кушанских монет позволяет более или менее уверенно опознать в отдельных из них образы второстепенных божеств авестийского пантеона (Grenet F., 1987; Грене Ф., 1992).

В греческих полисах монументальная скульптура и терракотовые фигурки, как и на Востоке, носили культовый характер. Причиной перекочевки канонических типов божеств или их атрибутов из своего родного историко-культурного контекста в среду смежного этнического и историко-культурного комплекса были достаточная популярность его изобразительного архетипа в этой новой среде и тождество хотя бы некоторых функций божества, обладавшего устоявшейся иконографией, божеству, которое ею не обладало. При этом в новом контексте старый образ чаще обретал новое имя и обогащался дополнительными свойствами. В эпоху эллинизма процессы обмена божественными образами и сущностями были обоюдными. Но если на Восток влияли преимущественно достижения греческой иконографии, то на Запад проникали сами божества, обретавшие там опять же эллинизированную иконографию, как Митра и его двойник Серапис (Бивар А. Д. Х., 1991). Механика распространения, диффузия мифологических сюжетов, образов их иконографии происходили тем же путем, что и распространение достижений **материальной культуры**, ее технологии и типологических наборов, т. е. человек оперировал, развивал и обменивался идеальными образами, понятиями и представлениями через их символику так же, как и материальными вещами, с навыками их употребления.

Аналогичным путем шло становление и буддийской иконографии, учение первоначально было тоже аниконичным. В результате религиозной политики кушанских правителей, пропагандировавших образ Учителя, и постепенной эволюции этического учения в вероучение развивалась буддийская иконография, в которой, как показывают памятники Гандхары, основополагающую роль играло эллинизированное кушанское искусство (Пугаченкова Г. А., 1982. С. 155).

Нужды религиозной пропаганды заставляли религиозных деятелей приспосабливаться к привыкшим к идолопоклонству массам, кроме того, многобожие, стимулировавшееся религиозным синкретизмом эпохи эллинизма

и кушан, также вело к поклонению кумирам, все это вместе с пропагандой режима царской власти и служило питательной почвой развития изобразительного искусства древней Центральной Азии и Ближнего Востока.

Творческий поиск греческих и местных художников и жрецов шел сложным путем сопоставления мифологических комплексов турано-иранской и греко-македонской культурных традиций. При этом отождествление основных персонажей греческой и турано-иранской мифологии велось методом выявления функционального тождества близких образов, так как описание изображений божеств турано-иранской мифологии носит преимущественно сущностный характер. Примером подобного продуманного и теологически обоснованного синкретизма являются Зевс-Орамазд, Гелиос-Митра, святилища Антиоха в Коммагене. Аналогичными, видимо, были мотивы обоснования сопоставления Афины с Арштат (Grenet F., 1987).

Греко-иранское культурное взаимодействие, имевшее к рубежу нашей эры не менее чем пятивековую предысторию, сначала в районах Восточного Средиземноморья, затем продолженную в составе эллинизированных государств, было, во многом, облегчено общиндоевропейской подосновой не только языка, но и идеологического наследия индоевропейских народов по обе стороны Средиземного моря с трехчленной структурой пантеона, общими чертами космологии и рядом совпадений культово-обрядовой практики (Ср. ав. «*hu manah*» — доброе побуждение и греко-микен. «*e-u mene*» — благомыслящий и т. п. (Демюзиль Ж., 1986; Иванов В. В., Топоров В. Н., 1991. С. 532). Все это в эпоху эллинизма привело к сложению в Азии так называемого греко-персидского искусства (Furtwangler A., 1900).

Такие типологически функциональные совпадения змеборцев, как зороастрийского Веретрагны — победителя змея Вритры, и Геракла — победителя Ларнейской гидры, делали само собой разумеющимся их синкретизм. Общая типология и логика мифологической структуры облегчали этот синкретизм. Но в политике властей, регулировавших данный процесс, наблюдались и различия: так, если в религиозной политике Антиоха в Коммагене мы видим слияние основных персонажей греческого и иранского пантеона в одном лице (Шлюмберже Д., 1985, Р. 48), то кушанский пантеон на реверсах кушанских монет дает мирное и самостоятельное сосуществование божеств всех мифологических традиций, имевших место в Бактрии и Северной Индии, и где могли сосуществовать сущностно тождественные Селена и Мах. Плодотворное взаимодействие различных культурно-идеологических традиций на Ближнем Востоке и Центральной Азии продолжалось, практически, вплоть до эпохи ислама. В первые века

до нашей и нашей эры, при парфиянах, греки проживали не только в городах Месопотамии, но и, согласно сообщению Исидора Харакского, столица Арахозии Александрополь при индо-скифских правителях считалась греческим городом. Переводы на греческом языке сопровождали эдикты Ашוקи на арамейском языке III в. до н. э., как и надпись Ардашира на пехлеви сопровождал греческий перевод, где Ахурамазда переведен как Зевс. Сасаниды, унаследовавшие от Парфии вражду с Римом, хотя и не прибегали к филэллинским декларациям, но считались с греками, которых Рим давно поработил.

Сасанидский ренессанс древневосточного менталитета и стиля в искусстве не затронул Центральную Азию, где дальнейшее культурное развитие пошло двумя путями: на юге переживало рождение и расцвет греко-буддийское искусство Гандхары, а на севере, в основном на правобережье Амударьи, шло дальнейшее развитие своего эллинизированного наследия при активных инновациях третьего — степного этнокультурного компонента.

Считая древнее искусство сакральным и символичным по своей сути, следует полагать, что греческое искусство на почве Средней Азии в греческой среде оставалось сугубо греческим по своему содержанию. Когда же власть греков пала, начались окончательное слияние пантеонов божеств, их синкретизация, выработка единого эллинизированного стиля изобразительного искусства Средней Азии. Хотя каждая историко-культурная область именно в это время, где-то с рубежа нашей эры, начала обретать свои локальные черты как в материальной культуре, так и в искусстве, их объединяли исходная символика греческой иконографии, а также сюжеты и образы общей мифологии с примесью положений зороастризма, которые вступают в завершающую стадию своего взаимодействия при постгреческих правителях эпохи кангюйской конфедерации.

Этот стиль рождался на почве Средней Азии в качестве символика и текста адекватного отражения сюжетов мифологии местного населения, постепенно ассимилировавшего остатки греческих поселенцев, он был неразрывно связан с идеологическими представлениями и культовой практикой местного населения.

Нечто подобное отмечалось ранее при внедрении древнеиранских племен в районы Ближнего Востока и формировании стиля раннеиранского искусства, который Г. В. Луконин (Луконин Г. В., 1977. С. 21—22) не совсем удачно характеризовал как «стиль цитат», при котором не только отбор сюжетов и образов происходил согласно тематике мифологии иранских племен. Эклектичные, на первый взгляд, при своем зарождении,

сюжеты этого искусства оказались устойчивыми, пережив века в силу своей органической слитности. Аналогичные явления наблюдались и в процессе формирования прикладного искусства скифов Причерноморья (Равевский Д. С., 1985, гл. VIII).

Схожий по своей механике процесс происходил и при выработке письменностей древней Средней Азии, когда код арамейского или греческого алфавитов использовался в фиксации текстов бактрийского, согдийского, эфталитского и других языков.

Во всех этих сложных процессах не могло не сказаться и наследие великой ассирийско-вавилонской культуры, следствием чего явилось проникновение в среднеазиатский пантеон Наны, которая со временем, в эпоху раннего средневековья, превратилась в одну из центральных фигур согдийского пантеона.

Памятники искусства первых веков до нашей и нашей эры изготавливались или самими греками, или грецизированными мастерами местного происхождения, решавшими совместно с заказчиком вопрос иконографии божеств местного пантеона, который по уровню своей информативности и эстетического воздействия не должен был уступать изобразительному искусству греческой мифологии. О том, что сами государи новых империй и государств, организованных и возглавляемых туранскими династиями, были кровно заинтересованы в оптимальном решении этих вопросов, свидетельствует то, что Канишка подарил деревню буддийскому монаху, вписавшему икону Будды в корону языческого божества солнца (Rosenfield M., 1867. P. 33). Иначе говоря, правителям нужна была цельная и непротиворечивая общегосударственная идеология, способная цементировать и консолидировать воедино все народы, проживавшие в государстве. Эта тенденция к монотеизму давала о себе знать в то время практически по всей урбанизированной Ойкумене, где складывались и развивались древние государства.

При этом в разных политических и религиозных центрах и школах искусства выработка своих иконографических типов пантеона основных божеств шла разными путями, хотя общей исходной базой были общие сюжеты, образы мифологии и, преимущественно, греческой иконографии. Хорошо зная признаки и функции своих божеств и имея более или менее полное представление о функциях божеств греческих, популярные иконографические типы которых имели место в обиходе земель, принадлежавших когда-то грекам, жрецы и художники при участии правителей и решали вопрос о создании изобразительных типов божеств своего пантеона, идя от полного принятия готового и уже внедрившегося в память населения образа греческого божества, как тип Афины

был использован при изображении зороастрийской Аршнат (Grenet F., 1987), до заимствования отдельных элементов костюма и атрибутов иконографических типов греческих божеств, комбинируя их с мотивами древне-восточной или местной иконографии.

Представление о наличии древней, своей иконографической школы Бактрии дают каменная головка раннежелезного века из Миршаде (Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В., 1990, С. 35) и близкие ей по стилю две полые мужские головки из золота, известные в составе амударьинского клада. Автохтонной с IV—III вв. до н. э. и позже можно считать и традицию хорезмийской школы коропластики.

Один из персонажей росписи дворца-храма в Кухи-Ходжа в крылатой шапке Гермеса, давшей, в дальнейшем, начало крылатым коронам сасанидских и эфталитских царей, видимо, изображал Фарна, тоже являвшегося, как Гермес, посредником между богом и индивидом. Но Гермес со своим змеинным кадуцеем был связан с нижним, хтоническим миром, в то время как Фарн являлся вестником небесных сил (Shahbazy A. Sh., 1980).

Процесс эллинизации иконографии автохтонных божеств был, преимущественно, стихийным явлением, порожденным массовой инвазией греков с их культурой в основные урбанизированные культурные центры Ирана и Центральной Азии. Жречество и политико-административное руководство пытались принимать регулирующее участие в этом процессе, видимо, уже вслед за событиями. Но использование особенностей греческой иконографии в формировании образов зороастрийских и других божеств бактрийского и согдийского пантеонов шло на общем фоне становления местного изобразительного искусства в целом и было одним из его факторов.

Эволюция монументального искусства и торевтики Средней Азии тоже дает картину постепенной выработки единого стиля древнего изобразительного искусства. Греко-иранское искусство Ай-Ханум, скульптура и живопись Старой Нисы и Халчаяна, торевтика Тиллятепе иллюстрируют начальную стадию сосуществования и взаимодействия разных традиций и стилей в изобразительном искусстве Средней Азии. Позже в скульптуре и живописи городища Дальверзин в Северной Бактрии, городища Топраккала в Хорезме, немногочисленных пока образцах Еркургана мы видим развитое и самобытное монументальное искусство, функционально слитое с монументальной архитектурой. Скульптура, как и живопись, рассчитанная на обзор только спереди, обычно имела слабо проработанную обратную сторону (Старая

Ниса, Дальверзин, Топраккала, Еркурган). В стиле живописи преобладала прорисовка контуров с закраской фона и слабым использованием полутонов, передающих объем, в живописи использованы приемы раскраски глиняной скульптуры, как и общая палитра красок.

Конкретно о немногочисленных фрагментах скульптуры и живописи Еркургана III—IV вв., полученных из храма Еркургана, следует отметить, что в силу своего сугубо культового содержания как фрагмента портретного изображения персонажа из центральной ниши святилища, так и скульптурных изображениях богинь, стоявших первые четыре строительных периода в центральной нише святилища, им была присуща строго фронтальная иератическая поза. Эти фигуры выражали своим образом определенную концепцию, в отличие от живописных сцен Топраккалы, Хорезма, Афрасиаба, Пянджикента и даже барельефов Халчаяна, где фигуры, данные в различных ракурсах, являются участниками определенных сцен, раскрывающих ту или иную тему.

Та особенность скульптуры древней Средней Азии, что почти вся она была пристенная, привела к тому, что она не обрабатывалась со спины, чем, в частности, отличается даже каменная скульптура Сурх-Котала. Такая особенность стала характерной чертой и терракоты Средней Азии, что указывает на аналогичное ее использование.

О стереотипизации в развитии иконографии культовых, мифологических образов доисламской Центральной Азии следует отметить, что не только терракотовые фигурки повторяют иконографические типы монументальной скульптуры, эти же основные канонические типы передают и золотые статуэтки Таксилы, Тиллятепе и Тахти. Сангина (Marshall J., 1951, V. 3, p. 96, 97; Узанов С. Д., 1981; Сариниди В. И., 1989, рис. 19, 43—4).

Источники сообщают о существовании металлических изображений божеств. О том, что в раннем средневековье изображения божеств были преимущественно деревянными, свидетельствует тот факт, что арабы сожгли множество идолов при взятии Самарканда и Пайкенда. Они были, видимо, вырезаны из дерева, как идол из Кухи-Сурх (Мухтаров А. А. и др. 1982. С. 15—20), драпированы в одеяния из ткани и украшены драгоценностями.

Для буддийских статуэток отмечен факт заимствования поз и некоторых стилистических приемов крупной скульптуры (Абдуллаев К., Пидаев Ш. Р., 1989; Мешкерис В. А., 1992, С. 52—53), что было присуще и для

коропластики более широких регионов (ИДМ, 1982, С. 109).

Не исключено, что небольшое бронзовое зеркало с черешком, найденное на уровне III строительного периода в храме Еркургана, находилось в руках статуи богини. Сохранившаяся кисть скульптуры богини следующего, IV строительного периода святилища, прижатая к груди, в сжатой ладони имеет отверстие от стержня, который она держала в свое время. В данном случае, это тоже могла быть рукоять зеркала. В такой же позе держит его терракотовая богиня с зеркалом, найденная на Еркургане. Таким образом, возможно, терракотовые фигурки богини с зеркалом тоже могли воспроизводить статуарный тип божества, стоявшего в святилище храма.

Костюмы, а также позы и атрибуты терракотовых фигурок соответствовали одеяниям статуй богинь, стоявших в храмах и драпированных в архаические эллинистические одеяния, это не были бытовые, даже аристократические костюмы. При этом тип терракотовой статуэтки Еркургана мог быть копией монументальной скульптуры, стоявшей в храме где-то далеко от Нахшаба, подобно тому, как тип поздней фигурки царя — хранителя огня с мечом, найденной на квартале керамистов, обнаруживает наиболее тесные параллели со статуарными типами сасанидских правителей. Разница лишь в том, что, в отличие от глиняной храмовой скульптуры или ее копий, изготовленных из слоновой кости или драгоценных металлов, носящих характер индивидуально изготовленного и неповторимого произведения искусства, терракота имела свою скорость типологического развития, обусловленную матричным способом изготовления. Поэтому терракотовые статуэтки Еркургана первой половины I тысячелетия н. э. более консервативны в своем эллинизме, чем монументальное искусство той поры. Древние архетипы первых вв. до н.э. механически продолжали тиражироваться в терракоте очень долго из поколения в поколение, перманентно возрождая эллинистические эстетические образцы, что способствовало устойчивому сохранению реалистического антропоморфизированного воспроизведения образов мифологических божеств Нахшаба и Согда.

Статуэтки, которые типологически долго жили, дают примеры постепенной типологической редукции: это богиня в хитоне, встречающаяся со II по VI в., богиня в хитоне и гиматии. Драпировка гиматия, вертикальная или без складок, — все это примеры полного забвения костюмов древних прототипов, которые воспроизводились механически, без понимания, когда само население, пользовавшееся этими статуэтками, носило уже совсем

другую одежду. Со временем отличительные признаки этих типов статуэток деградировали, и они утратили свои художественные достоинства.

При раскопках сельских поселений Северной Бактрии кушанского времени отмечено, что терракотовые статуэтки встречаются преимущественно в помещениях средних классов сельского общества, в домах, лишенных живописи или скульптуры, т. е. терракотовые фигурки выполняли ту же роль, что и монументальная скульптура в храмах и дворцах (Пидаев Ш. Р., 1978, С. 100—101; Абдуллаев К., 1985, С. 7). Совпадает с монументальной скульптурой Средней Азии и такая особенность, как гладкая и непроработанная тыльная сторона терракотовых фигурок, иначе говоря, последние тоже имели пристенное положение и были рассчитаны только на обзор спереди, т. е. в момент адорации.

О том, что терракотовые изображения женщин в богатых костюмах имели прежде всего ритуально-магическое назначение, свидетельствуют условия находки большинства из них: в культовых и парадных помещениях, иногда в погребениях. Так, на городище Дальверзин — в жилых домах, на Афрасиабе — в домовладении IV—V вв. статуэтки божеств были найдены в культовых комнатах с пристенными алтарями огня и зольниками (Кабанов С. К., 1969; Беляева Т. В., 1978, С. 40; Тургунов Б. А., Пугаченкова Г. А., 1978, С. 70).

Сообщение Наршахи о ежегодной покупке новых идолов на базаре Маха в Бухаре и тот факт, что почти все статуэтки находятся в разбитом виде, указывают на их связь с сезонными ритуалами годичного цикла, что имело широкое распространение не только в эллинизированном мире, но и предшествующем ему древнем Востоке. В частности, Р. Гиришман полагает, что культ обнаженной богини был связан с женской беременностью и служил временным амулетом, надобность в котором отпадала после родов (Ghirshman R., 1968).

Терракота Нахшаба, развивавшаяся в общем русле искусства короластики Средней Азии, тем не менее, выделяется целым рядом своих индивидуальных черт костюма и атрибутов среди других историко-культурных регионов. Поза у всех фигурок обычно фронтальная, положение рук стандартное. Пропорции статуэток Нахшаба отличаются стройностью, с преобладанием вертикальных складок драпировки свободных одеяний в рельефе, что отличает их от стиля терракоты Бактрии и Самарканда, где преобладают плотные тяжелые одеяния, обильно покрытые перлами, колечками, насечками, изобража-

ющими драгоценные украшения. В отношении популярности легких греческих и эллинизированных одеяний в сакральном костюме изображений богинь Нахшаб близок Мерву. В типологии терракоты Месопотамии (Варка) эпохи эллинизма сильны древневосточные традиции, что проявлялось, в частности, в популярности обнаженной богини.

Для терракоты первых веков до нашей и нашей эры Бактрии и Афрасиаба характерны обнаженные фигурки богинь восточного типа, с руками у груди и лона, их нет в это время в Нахшабе, если не считать единственной, довольно условной фигурки этого типа из слоев III—IV вв. н. э. на Еркургане (Воробьева С. Н., 1989), которая могла быть результатом более позднего влияния бактрийской или мервской иконографии. Это почти полное отсутствие фигурки обнаженной богини роднит типологию иконографии терракоты Нахшаба с бухарской школой коропластики. Но фигурки музыкантов Нахшаба вновь, в отличие от Бактрии и Самарканды, все женские и обнаженные.

В Бактрии и Самарканде довольно часто отмечаются женские фигурки в коротких платьях до колен и шароварах. Этот тип костюма в Нахшабе пока не встречен.

Преобладающее положение рук всех женских статуэток Нахшаба: правая рука под грудью, левая на животе или на боку.

Что касается набора атрибутов статуэток богинь Нахшаба наиболее раннего периода, то для них характерно полное отсутствие каких-либо атрибутов в руках. Они имеются у статуэток, начиная с III—IV вв. н. э.

Но и здесь они редки, немногочисленны по своему набору и часто весьма невыразительны. Иной раз непонятно, плод или сосуд в руке у персонажа, и почти единственным атрибутом в руках женского божества было зеркало.

Нет также в Нахшабе, как и в Мерве, изображений женских фигурок с цветком или венком в руках, типичных для иконографии статуэток Бактрии и Самарканды и известных в Бактрии по мотивам амударьинского клада, начиная с середины I тысячелетия до н. э. (Зеймаль Е. В., 1979. С. 57).

Характерная черта технологии терракоты Еркургана — также наличие миниатюрных типов высокохудожественных женских изображений, являющихся, видимо, копиями фигурок, изготовленных в металле или кости. Плакетки, столь характерные для раннесредневековой терракоты соседних регионов, на Еркургане распространения не получили. В целом для стиля нахшабской школы терракоты на всех этапах развития характерна совершенная и реалистичная моделировка лица и облика изображения. Примечательно, что при статичности сохраняется типич-

ное для образцов эллинистического искусства стремление к передаче движения: поступью ног, движением рук, легким поворотом головы. Детали костюма, проработка куафюры или головного убора даны без той условности, что свойственно терракоте Самарканды. В этом отношении терракота Нахшаба, как и мервская, отличается сохранением лучших достижений эллинизированной иконографии. Устремленный в даль взгляд, поза, передающая движение, или поза уравновешенного покоя — отличительные черты стиля эллинистического искусства IV—II вв. до н. э.

Начиная где-то с рубежа нашей эры, наряду с основной струей изделий реалистичного стиля в коропластике Нахшаба, как и в Бактрии, в изображениях фигурок женского божества стали появляться изделия схематического, линейно-плоскостного стиля. Это отнюдь не результат дегенерации продукции гонимых Еркургана и не проявление архаической традиции в самой эллинистической коропластике. Это была иконографическая традиция тех степных кочевников, которые властвовали в Согде, Бактрии и Иране с первых веков до нашей эры. Это параллельная стилистическая струя, основным отличием которой является пренебрежение к объемной передаче фигуры, когда определение Гегеля скульптуры в его «Эстетике» как вида искусства, где сама форма и есть содержание скульптуры, теряет смысл. Данный стиль восходит к стилю оленных камней и скифских каменных изваяний, для которых характерны условность и символичность иконографии (Раевский Д. С., 1985, С. 135; Новгородова Э. А., 1989, С. 173). У кушан этот стиль проник и в монументальное искусство, в частности его влияние заметно в каменной скульптуре Сурх-Котала, изготовленной в традициях линейно-плоскостного стиля. Д. Шлюмберже отмечает, что «это просто плиты, на поверхности которых нарисованы складки и орнамент» (Шлюмберже Д., 1985. С. 65).

Отдельные статуэтки напоминают по схематичности изображения культовых идолов, известных для I вв. в зонах контакта кочевников с оседлой культурой (Брыкина Г. А., 1977; Кругликова И. Т., 1977).

В своей зрелой стадии коропластика Нахшаба характеризуется постепенной сменой греческого костюма местными одеяниями при сохранении традиций реалистичности изображения. На почве Нахшаба, как и во всем Согде, вырабатывались свой устойчивый репертуар и тематика изображений с преобладанием образов женского божества и мифического предка-всадника, что, в сумме, совпадает с излюбленными сюжетами скифского культового искусства — богини и царственного всадника.

На отдельных наиболее выразительных статуэтках временами явно ощущается отдаленное воздействие школы ваяния Гандхары, хотя буддийская тематика в искусстве Нахшаба отсутствует. Образцы костюмов той эпохи, видимо, отражали одеяния знатных дам нахшабской аристократии, в отличие от более ранних, восходящих к общеэллинистическим прототипам.

С переходом к раннему средневековью при развитии урбанизации хионито-эфталитской поры реалистические традиции коропластики Нахшаба продолжали жить, видоизменяясь в тематике образов, костюмов и атрибутов. На смену женскому божеству постепенно пришел образ царственного предка. В складывавшемся новом феодализированном обществе с его идеалами рыцарства был популярен образ воина и царя-жреца типа Ардашира, Бахрама Гура или Кидары — царя кушан. Образ богини-матери стал отступать на второй план, уходя в глубины фольклора, домашних женских ритуалов и обрядов. Этот образ, пройдя через всю эпоху ислама, в образах Биби Мушкуль

Кушо, Биби Сешанба и других доживал в быту и фольклоре до начала XX в.

В эпоху Тюркского каганата, с определенным кризисом урбанистической культуры и ее традиций, крушением власти эфталитов, в результате временного упадка городской культуры, сопровождавшего смену господствовавшего хионито-эфталитского этноса тюркским, прервалась традиция искусства коропластики, рассчитанная, в первую очередь, на горожан. Далее в Согде мы видим развитие настенной живописи и барельефов на оссуариях, но массовое искусство коропластики, рассчитанное на широкие круги городского населения, исчезло.

Эти общедоступные и непритязательные артефакты, по своим художественным достоинствам порой поднимавшиеся до уровня настоящего искусства и отражавшие возвышенные идеалы о прекрасном в образах женских богинь, полных женского обаяния, показывают, что урбанизированное общество древнего Согда высоко ценило возвышенные чувства и прекрасное в жизни.

Глава V

СОГДИАНА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТОВЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

РАННИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТОВО-ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

КУЛЬТЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Археологический материал по древним культам Средней Азии зачастую не укладывается в априорно постулируемый зороастризм, известный по «Авесте» и этнографии парсов. К тому же, в реально обозримой ретроспективе, начиная от эпохи бронзы вплоть до прихода в Среднюю Азию ислама, явственно прослеживается преемственность основных материальных проявлений культово-обрядовых традиций с их символикой и атрибутикой, что было обусловлено континуитетом в развитии культов, мифологии и демонологических представлений населения земледельческих оазисов.

Историю развития древней идеологии Средней Азии хронологически, с циклизацией мифологических сюжетов и связанных с ними культов, можно разделить на три основных этапа: эпоха бронзы; раннежелезный век; античность и раннее средневековье.

Помимо отмеченной преемственности основных сюжетов и тематики древней мифологии и связанного с ними культа огня, между указанными хронологическими этапами выявляются и отличия в культовых обрядах, соответствующем материальном реквизите, пантеоне и, видимо, стоявшей за всем этим структуре мифологии.

Процессы периодических слияний племен — носителей различных или во многом сходных мифологических традиций с последующей циклизацией основных сюжетов чрезвычайно усложняли общую картину развития мифологии и культов. Представить данный процесс в виде разветвлявшегося во времени и пространстве древа нельзя, поскольку он периодически прерывался слиянием, контактами и выработкой синкретических мифологических циклов и культовых обрядов. Попытаемся проследить за отдельными конкретными формами проявления данного процесса в связи с развитием культов древнего Нахшаба и, в целом, Согда.

Эпоха бронзы Средней Азии благодаря широким раскопочным работам последних

десятилетий представлена уникальными общественно-культовыми памятниками. Это, в частности, комплексы Тоголок 21, Тоголок 1 и Кутлугдепе в Маргиане, Дашлы 1, Дашлы 3 и храм Джаркутана в Бактрии (Сарианиди В. И., 1977 а, б; Аскарлов А. А., 1977; Аскарлов А. А., Ширинов Т. Ш., 1993), датируемые серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. Изучены погребальные сооружения, обряды захоронения оседлых племен, оставивших перечисленные поселения, а также исследованы многочисленные могильники скотоводческих племен, постоянно проживавших в степной зоне и горных долинах, окружавших складывавшиеся земледельческие оазисы.

На храмовых и погребальных комплексах эпохи бронзы находят отражение зачатки многих характерных проявлений культов и мифологических сюжетов античной Средней Азии. На основе систематизации многочисленных археологических комплексов и толкования редких письменных сведений, преимущественно косвенного характера, сложилось представление об индоиранской атрибуции племен эпохи бронзы Средней Азии как оседлых древнеземледельческих, так и кочевых скотоводческих (Толстов С. П., 1948. С. 86; Егоров, 1962. С. 59; Дьяконов И. М., 1956. С. 124—125; Массон В. М., 1959. С. 113—150; Егоров, 1964. С. 447).

Весь комплекс имеющегося материала позволяет проследить к середине II тысячелетия до н. э. преобладание в восточной зоне племен индоарийской принадлежности, создавших позже ведийскую культовую традицию, а в западной зоне Средней Азии сложение авестийской культовой традиции. Тезис об индоарийской атрибуции скотоводческого населения северо-восточной и восточной зоны Средней Азии разрабатывался учеными на основе изучения погребальных комплексов (Литвинский Б. А., 1967; Мандельштам А. М., 1968; Кузьмина Е. Е., 1972 а; Пьянкова Л. Т., 1989).

Для погребений андроновской культуры на всем протяжении II тысячелетия до н. э. были характерны кремация и возжжение огня (Сальников К. В., 1951. С. 100, 143—145; Грязнов М. П., 1970). В могильниках скотоводческого населения в долинах притоков Амударьи этот обряд представлен более разнообразно и ритуально усложнен, что указывает на непосредственную связь их с типологией ритуальных очагов огня ведической Индии: гархапатья, авахья и дакшина (Мандельштам А. М., 1968, гл. V, VI; Лелеков Л. А., 1982).

Сходные особенности конструкции могил и обрядов погребения обнаруживаются и южнее Бактрии в материалах синхронных могильников верховьев Инда к югу от Гиндукуша, что недвусмысленно указывает на трассу этнокультурных связей в эпоху поздней бронзы (Литвинский Б. А., 1967. С. 121, сл.).

Совершенно иная картина погребальной обрядности наблюдается в культурах оседлых и скотоводческих племен той поры в центральных и западных районах Средней Азии. Единственным видом погребений в этой зоне были различные типы ингумации, за редким исключением случаев проникновения сюда отдельных групп с андроновской погребальной обрядностью, как в случае небольшого янгикалинского могильника эпохи Намазга VI (Ганялин А. Ф., 1956). Для племен оседлоземледельческой культуры Сапалли, Джаркутана, правобережной Бактрии, Маргианы и юго-западной Туркмении характерно трупоположение в скорченном виде на боку (Сарианиди В. И., 1975; Аскарлов А. А., 1977; Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н., 1983; Хлопин И. Н., 1986).

В заключительной стадии эпохи бронзы, как прослежено по материалам подробно изученного могильника Бустан VI, погребальный обряд оседлоземледельческих племен Бактрии развивался. Наряду с разнообразным положением усопших стали появляться погребения расчлененных костей, увеличилось число кенотафов, но, главное, нередко случаи кремации и обряда возжжения огня в могилах, о чем, в частности, свидетельствуют вотивные круглые и квадратные очажки. Это было обусловлено влиянием на джаркутанцев погребального обряда скотоводческих племен, близких бешкентской культуре долины Вахша (Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н., 1986. С. 49, сл.; Аванесова Н. А., 1994, С. 46, сл.).

Показательно сооружение крематория на одном из участков могильника Бустан VI, с четырех сторон окруженного ритуальными кострами. Этот обряд, отмеченный на поздней бустанской стадии развития могильника Бустан VI, по мнению Н. А. Аванесовой, изучавшей данный погребальный комплекс,

находит ближайшие параллели в андроновской культуре Центрального Казахстана (Аванесова Н. А., 1994).

Погребальный обряд рассмотренных протгородских поселений был характерен для древней Средней Азии. То, что памятники оседлоземледельческих племен Бактрии и Маргианы второй половины II тысячелетия до н. э. были оставлены ранними племенами авестийской культовой традиции, отмечает большинство участников развернувшейся дискуссии по поводу характера культа храма Тоголок 21 (Гаилов В. А.; Кошеленко Г. А.; Литвинский Б. А.; Иванов В. В.; Ньоли Г., ВДИ, 1989, 1—2).

Широко был распространен обряд ингумации, позднее сопровождавшийся в погребальном обряде народов Средней Азии какими-то мерами изоляции погребенного от земли. Восточноиранская языковая их принадлежность уже фиксируется источниками от эпохи Ахеменидов вплоть до распространения ислама (Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983, гл. II; Их же, 1984, гл. IV).

Для оседлоземледельческой культуры обряд кремации был не типичен и его проявления далее прослеживаются в могильнике Тагискен (Лелеков Л. А., 1972; Его же, 1976), имеющего много общего со степной карасукско-бегазийской культурной традицией. Более поздние случаи кремации в Средней Азии восходят к традиции Тагискена, отражая периодические степные инновации из районов северо-восточного Приаралья на погребальные традиции преимущественно Хорезма и Согда.

В степной зоне скифские и сакские племена также практиковали ингумацию.

Погребальный обряд племен срубной культуры, предшествовавшей культуре скифов и савроматов, состоял из трупоположения, обычно сопровождавшегося подсыпкой охры. Эти племена, в отличие от носителей андроновской культуры, Н. А. Аванесова считает ираноязычными, в то время как последние могли быть носителями ведийской традиции и индоарийского языка (доклад на годичной сессии Института археологии АН РУз 30.03.94).

Таким образом, во второй половине II тысячелетия до н. э. обширную южную часть Средней Азии, по-видимому, населяли древние оседлоземледельческие племена, граничившие на западе, в районах Приаралья и Прикаспия, с представителями скотоводческих племен срубной культуры. Для погребального обряда тех и других было характерно трупоположение. Промежуточную стадию между андроновской и срубной культурными общностями занимает могильник Кокча 3, где, несмотря на наличие ряда андроновских черт

в материальной культуре, преобладает обряд ингумации (Итина М. А., 1961).

Обширные пространства к северу и северо-востоку от Бактрии и Маргианы занимали племена позднеандоновской культурной общности, для погребальной обрядности которых, наряду с ингумацией, были характерны кремация или ритуальное возжжение огня в случае трупоположения.

В долине Зарафшана погребальная обрядность скотоводческих племен была довольно сложной и неоднородной. Так, во всех погребениях могильника Дашты-Козы в верховьях Зарафшана имелись следы возжжения огня. Отдельно от могил были найдены типичные для могильников андроновской культуры специальные так называемые «жертвенные ямы» для возжжения огня, в одной из которых в слое угля был захоронен ребенок. Совокупность данных и типично андроновская керамика указывают на индоарийскую атрибуцию культуры племен, оставивших этот могильник. Однако и здесь отмечаются черты, более характерные для срубной культуры — это следы охры (Исаков А. И., Потемкина Т. М., 1989).

Синхронный могильник Муминабад, также входящий, судя по особенностям материалов, в позднеандоновскую культурную общность, не имел следов кремации или огня. В могильнике Гужайли в низовьях Зарафшана лишь в одной из пяти могил было зафиксировано несколько разрозненных угольков на дне захоронения (Аскаров А. А., 1970; Гулямов Я. Г. и др., 1966. С. 188).

В Южном Казахстане и на Тянь-Шане известны могильники Тау-Тары и Арпа, где погребенные только кремировались (Грязнов М. П., 1970). В Семиречье и Ферганской долине в эпоху поздней бронзы трупосожжение практиковалось одновременно с ингумацией (Кузьмина Е. Е., 1970; Джуракулов М. Д., Аванесова Н. А., 1983. С. 53). Все эти могильники скотоводческого населения Средней Азии входят в позднеандоновскую культурную общность.

Таким образом, разделяя мнение Г. М. Мандельштама и Б. А. Литвинского, мы считаем, что обряд кремации и возжжения огня в могилах следует связывать с истоками сложения ведийских погребальных традиций и что именно на севере и востоке Средней Азии следует предполагать циклизацию и сложение основных и наиболее древних сюжетов индоарийской мифологии, носителями которой были племена позднеандоновской культурной традиции, входившие в зону распространения бешкентской и вахшской культур, имевших признаки п катакомбной культурной традиции, и южнее в тесный контакт и взаимодействие с урбанизирован-

ными, оседлоземледельческими культурами древнейшей Бактрии.

На основе анализа археологических материалов перечисленных погребальных комплексов степного по происхождению населения был выявлен ряд признаков оседлой урбанизированной культуры Бактрии и Маргианы, это сооружение подбоя в могильной яме, поза погребенного и предметы — южного происхождения. Антропологические особенности погребенных также указывают на смешение расового состава перечисленных могильников, в котором наряду с андроновским протоевропеоидным населением широко представлен средиземноморский тип, а в могильнике Кокча 3 зафиксированы останки представителей дравидоидной расы (Толстов С. П., 1962. С. 58; Исаков А. И., Потемкина Т. М., 1989. С. 162). Как отмечает Т. К. Ходжайов, именно междуречье Амударьи и Сырдарьи и особенно доисторический Согд являлись в эпоху поздней бронзы контактной зоной смешения двух больших рас: древнесредиземноморской и андроновской протоевропеоидной.

Таким образом, древнейший Согд в начальных этапах становления своей культуры был зоной контаминации и взаимодействия различных культурных традиций Средней Азии эпохи поздней бронзы. Данный синкретизм в идеологии Согда сохранялся вплоть до эпохи ислама.

Что касается идеологических воззрений представителей прото- и раннегородской культуры юга Средней Азии, Бактрии и Маргианы, их, видимо, следует считать протозороастрийскими или протоавестийскими эпохи сложения бактрийского и маргианского этнонимов и топонимов второй половины II тысячелетия до н. э. Дискуссия по поводу культа на храме Тоголок 21 с последующей публикацией В. И. Сариниди по данному вопросу во многом помогает прояснить ситуацию об идеологических представлениях населения Бактрии и Маргианы во второй половине II тысячелетия до н. э. (ВДИ, 1989, 1—2; Сариниди В. И., 1992).

Уникальные общественно-культовые центры Бактрии и Маргианы, такие, как храм раннего города Джаркутана правобережной Бактрии, монументальные комплексы Дашлы 1, Дашлы 3 левобережной Бактрии, Тоголок 1 и Южный Гонур в Маргиане указывают на существование активной и высоко развитой идеологической жизни, убедительно иллюстрирующей, что социальной средой зарождения идеологии зороастризма были развитая прото- и раннегородская цивилизации, а отнюдь не скифский быт разрозненных пастушеских племен с примитивными анимистическими представлениями и фетишизацией

средств существования (Сарианиди В. И., 1977 а, б; Аскаров А. А., Ширинов Т. Ш., 1993).

Вышеупомянутые монументальные общественные и культовые архитектурные сооружения безусловно имели храмовый характер. При типологическом разнообразии их объединяет полное отсутствие каких-либо идолов в антропо- или зооморфном воплощении, что, вероятно, отразилось и на содержании Яштов, где божества имеют функциональные, сущностные, но не иконографические характеристики.

Объединяют перечисленные культовые комплексы также крепостной характер их внешнего облика, грандиозные масштабы сооружений и сложная внутренняя структура, что обусловлено их ролью в качестве культовых центров больших племенных и родовых коллективов, куда, видимо, периодически собирались все взрослые члены общины. А сложная внутренняя структура и символичность архитектурно-планировочной композиции указывают на то, что функциональная структура и взаимосвязь помещений могли представлять собой космограмму, где последовательность действий периодически проводившихся ритуалов имитировала процессы теогонии и космогонии. На основе вышеизложенного, К. Йеттмар довольно аргументированно охарактеризовал первые из открытых сооружений этой группы храмов как общественные церемониальные центры древних племен, сравнивая их со священными сооружениями кафиров Гиндукуша «jestak» и «gromta», где взрослые члены общины собирались в праздничные дни и, согласно вере, могли свободно общаться с демонами, душами умерших людей и животных (Jettmar K., 1981. P. 225, 226). К аналогичному по назначению церемониальному центру он относит и Персеполь, несмотря на его иную архитектурную типологию.

Древние храмы Бактрии и Маргианы объединяло не только отсутствие идолов, совпадают и такие мелкие детали архитектуры, как наличие блоков сооружений, состоявших из очень узких коридорообразных помещений, вследствие чего непонятно их функциональное назначение. Так, в Джаркутане ширина коридоров составляет около 70 см, на Тоголоке 21 и Южном Гонуре — около 50 см. Скорее всего, они играли роль субструкции платформы, поверх перекрытий которой были площадки, служившие для общественных церемоний. Сами же узкие коридоры могли быть складами и, возможно, явились прототипом более поздних сокровищниц ахеменидской и селевкидо-парфянской поры. Хронологически промежуточное положение между ними занимает так называемый форт Нуши-Джана мидийской поры, нижний этаж кото-

рого состоит из системы узких коридоров (Stronach D., 1975). Как отмечалось, традиция коридорообразных конструкций нижних этажей монументальных комплексов прослеживается в замковой архитектуре Средней Азии до эпохи раннего средневековья.

К таким же общим элементам храмов Бактрии и Маргианы В. И. Сарианиди относит разделение наиболее крупных храмов Джаркутана и Тоголок 21 на парадную и подсобнохозяйственные половины. Он также отмечает, что так называемая металлургическая мастерская (помещение 8) храма Джаркутан имеет близкие параллели с алтарями западной площадки Тоголок 21. Оба объекта расположены в северо-западных углах своих комплексов. Вдоль стены в них имеется по одному ряду ящикообразных алтарей со следами сильного горения огня и плавки бронзы. На Джаркутане обнаружены фрагменты тигля, а на Тоголоке найдены лишь капли бронзы (Сарианиди В. И., 1989 а. С. 180: Askarov A., Sirinov T., 1991; Аскаров А. А., Ширинов Т. Ш. 1993).

Сходство храмовых комплексов Бактрии и Маргианы заключается также и в наличии специальных комнат с пристенной нишей для огня в одной из стен и возвышенной широкой суфой в торце, оформленной с двух сторон выступами в стене. Эти так называемые «молебни» выделены В. И. Сарианиди в круглом храме Дашлы 3, Тоголок 21 и Тоголок 1 (Сарианиди В. И., 1992. С. 88, 235). Детали «молебен» в виде суф и пристенных ниш обнаружены в помещениях 4—7 восточной части храма Джаркутан (Askarov A., Sirinov T., 1991). Соответствует молебне и сам двор, или восточный коридор, завершающийся на северном торце обширной суфой и круглым алтарем. Круглое помещение 1 Джаркутана, заполненное золой, как по форме, так и назначению сходно с условно названным малым круглым алтарем Тоголок 21, также заполненным плотной золой.

Однако при всех перечисленных совпадениях, указывающих на единство этно-культурной, идеологической и архитектурно-строительной традиции, рассмотренные культовые сооружения подразделяются на две локальные группы, в которых преобладают разные атрибуты культовых ритуалов, указывающие на различия литургического характера церемоний, проводившихся в этих храмах. Так, на комплексах Маргианы Тоголок 21, Тоголок 1 и Южный Гонур В. И. Сарианиди выявляет следы приготовления, хранения и употребления хаомы в виде хумов, чанов, ванночек, а также специальные помещения с алебастровыми полами и ложбинками для сбора жидкости (Тоголок 1). Во всех емкостях и на подах были обнару-

жены остатки толченых ветвей эфедры, семена мака и конопли (Сарианиди В. И., 1992, гл. IV). Найдены также каменные ступки и пестики для растирания вышеуказанных ингредиентов хаомы. Характерно, что на перечисленных храмах Маргианы такие помещения, связанные с литургическими обрядами хаомы, занимают центральное положение в композиции храмовых комплексов. Помимо культа хаомы, на Тоголок 21 и Южном Гонуре обнаружены уже упомянутые прямоугольные алтари ящичной формы с золой, углями и следами сильного горения огня внутри. Они сооружались на специальных суфах, а их днища углублены до материка. На Тоголок 21 таких алтарей пять, они выстроены в ряд на западной площадке, а на Южном Гонуре в отдельном дворике их насчитывается три. На Тоголок 1 таких алтарей огня нет вообще, но в специальном восточном дворике здесь найдено уникальное по богатству сопровождающего инвентаря погребение жрицы (Сарианиди В. И., 1992. С. 100).

Таким образом, литургия хаомы занимала господствующее положение в храмах Маргианы. Более того, на Тоголок 1 не было найдено алтарей огня и осуществлялся, видимо, только ритуал возлияния хаомы, если не считать второстепенного мемориального культа могилы жрицы храма, возможно, его основательницы.

На храмовых комплексах Бактрии картина иная, тут в круглом храме и дворце-храме в комплексе Дашлы 3 специальных помещений с вмонтированными в полы емкостями для хаомы не было. Но здесь в центре круглого храма было прямоугольное помещение со ступенчатым алтарем огня, и в так называемом храме-дворце алтарь огня также находился в центре. Эти основные культовые помещения имели ниши в стенах и суфы. На уровне самых нижних полов храма-дворца были найдены ямки, заполненные углем и мелко дробленными костями жертвенных животных. О том, что так называемый храм-дворец был просто храмом, свидетельствуют символичность планировки и неутилитарный характер помещений. Как отмечает В. И. Сарианиди, по Т-образным храмовым коридорам едва мог пройти один человек (Сарианиди В. И., 1992. С. 77).

Култ огня и его аксессуары безраздельно господствовали в Бактрии и в последующее время на культовых комплексах Тиллятепе, Кутлугдепе и др. Обширный храмовый комплекс городища Джаркутан имеет сложную конструкцию (Askarov A. A., Sirinov T., 1991; Аскарлов А. А., Ширинов Т. Ш., 1993. С. 101, сл.). В центре прямоугольного комплекса, ориентированного в широтном направлении, возвышалась монолитная кирпич-

ная платформа, вытянутая в поперечном меридиональном направлении. Пропорции внешних стен имеют отношение длины к ширине 1х1,5. Такое соотношение свойственно и центральной платформе с примыкающими с запада помещениями 3—6. Аналогичные параметры имеют расстояния между четырьмя квадратными углублениями, заполненными булыжником на кирпичном растворе, назначение которых, видимо, не столько конструктивное, сколько символическое. В центре находился плохо сохранившийся алтарь огня в виде прокаленного напольного очага с золой, обрамленного прямоугольным глиняным бордюром.

Исследователи храма условно называют эту конструкцию чахартаком, исходя из аналогии с четырехстолпными сасанидскими храмами огня (Askarov A., Sirinov T., 1991. P. 132). Не подлежит сомнению, что на этой возвышенной сакральной площадке под открытым небом происходили основные священнодействия.

Неизвестно, для чего предназначались четыре квадратные ямы, заполненные крупным речным булыжником. Для конструкции более поздних персидских дахм было характерно наличие четырех деревянных столбиков, повязанных золотыми и хлопковыми нитями, колебавшимися на ветру, что означало символическую изолированность дахмы от священной земли: парение в воздухе не загрязняя ее. Однако на платформе Джаркутана, в центре между четырьмя предполагаемыми фундаментами столбов, находился основной алтарь огня.

Восточный комплекс помещений с хранилищем в северо-восточной части в виде коридорно-гребенчатой структуры имеет ярко выраженные следы культа огня в виде круглых и пристенных нишеобразных алтарей и большого хранилища священной золы в помещении 5. Восточный комплекс храма Джаркутан, расположенный в его глубине и наиболее обширный по площади, безусловно свидетельствует о том, что ритуалы, связанные с культом огня на Джаркутане, занимали центральное место. Это привело исследователей к мнению о том, что данное сооружение — уникальный храм огня. Однако изучение западного комплекса храма Джаркутан, имевшего подсобное назначение, показало в структуре планировки и культовой атрибутике сходство с основными элементами храмов Маргианы. По существу, здесь воспроизведены в миниатюре основные элементы храма Тоголок 21. Прежде всего это условно названная «винодельня» с ганчевой штукатуркой полов, сосудами и канавками, затем, позднее, помещение 8, где вдоль стены выстроено восемь ящичных алтарей с золой и следами сильного горения огня, как на за-

падной площадке Тоголок 21. Иначе говоря, в этой второстепенной части Джаркутана имеется небольшой комплекс помещений, где осуществлялись те же ритуалы, что на храмах Маргианы. Основные ритуалы на Джаркутане были посвящены культу огня, литургия которого проходила на высокой площадке и, возможно, в форме, неизвестной в то время в Маргиане. Не исключено, что это была наиболее ранняя форма культа огня в его авестийском виде, так как Агни, по Ригведе, наряду с функциями божественного жреца-хотара, был жертвенным и погребальным огнем, связанным со смертью и переходом в мир иной (Лелеков Л. А., 1984. С. 179—180; Топоров В. Н., 1992).

Символика архитектуры храмовых комплексов Бактрии неоднократно привлекала внимание исследователей (Jettmar K., 1981; Bregtjes B., 1981. P. 12—15; Parola A., 1985. P. 76). Отмечалась символичность микрокосма мифологической Вары Джемшида и ее типологическая связь с громмами кафилов Гиндукуша (Воусе М., 1982. P. 18, 19).

Композиция планировки культовых сооружений Дашлы 3 в виде круга в квадрате внешней стены с трехчленным делением внутренней площади в виде уменьшающихся к центру кругов является моделью космограммы, широко распространенной в архитектуре погребальных и культовых сооружений древности, характерных для индоевропейских народов (Мандельштам Г. М., 1968. С. 125; Лелеков Л. А., 1972; Его же, 1976). Вопрос о круглом и прямоугольном внешнем облике древних городов и поселений Средней Азии и Ирана был обсужден в одной из предыдущих глав.

Что касается символики так называемого храма-дворца комплекса Дашлы 3, то здесь в натуре воспроизведено сохранившееся в буддизме представление о мандале и мифическом дворце «чакравартина» в виде центра, связанного с небом, и четырьмя сторонами с Т-образными воротами, соответственно связанными с четырьмя сторонами света и их хранителями (Топоров В. Н. 1992б).

Близкие представления о структуре космоса сохранила и пехлевийская традиция. По Бундахишну, Тиштрийя, Садвес, Вананд и Хафторенг — это покровители четырех сторон света (Henning W. B., 1942. P. 230—233; Дрезден М., 1977. С. 344). Но в Видевдате предполагается понимать «все четыре стороны» не квадрата, а окружности, что соответствует представлению об авестийской варе не в виде квадрата, а в виде круга (Стеблин-Каменский И. М., 1995). Вероятно, структура квадратного здания с коридорами по четырем сторонам отвечает индоарийской схеме космограммы.

Особое развитие архитектура данного

типа получила в древней и средневековой Индии.

Символике центрических архитектурных комплексов типа мандалы в индо-буддийском искусстве посвящена обширная литература (Топоров В. Н., 1964; Семека Е. С., 1972; Жуковская Н. Л., 1973).

Таким образом, перед нами два символических архитектурных сооружения, полностью соответствующих авестийским и ведийским представлениям о космосе. Согласно авестийской традиции, мир состоял из семи стран — кишваров, или каршваров, в центре которых находилась священная Хванирата. Четыре страны — каршвара — располагались горизонтально по четырем сторонам света и две по вертикали выше и ниже Хванираты, символизируя верхний и нижний миры. В символике буддийской мандалы, квадрат с Т-образными воротами по четырем сторонам окружен кругом, здесь же, в символике культовой архитектуры и дворца-храма Дашлы 3, являвшихся, видимо, в силу их ритуального назначения, местом средоточения конкретных обрядов, квадрат с четырьмя Т-образными символическими воротами и круг, обрамленный вторым кругом, вписанным, в свою очередь, в квадрат третьей внешней стены, были выстроены порознь. Однако на их близость по идейному замыслу в качестве двух вариантов космограммы указывает то, что их центральное помещение, являвшееся психологическим и ритуальным центром обоих комплексов, связано с культом огня.

Комплекс храма Джаркутан более сложный как по своей символике, так и разнообразию осуществлявшихся в нем ритуалов. Но, тем не менее, строго по вертикали его можно разделить на два уровня: верхний — оплывшая сегодня площадка центральной кирпичной платформы — и нижний — на уровне дневной поверхности по обе стороны от центральной платформы, т. е. по горизонтали храм был трехчастный с вершиной в центре, а это известный символ мировой горы или пупа земли, связанный с представлением о мировой оси. Гора Меру, согласно индийской традиции, имела три вершины, где обитали три основных божества индуизма. Гора Олимп была местом расположения греческого пантеона, как и гора Хара в иранской мифологии, считавшаяся главной вершиной хребта Хорайти (Хара Березайти), «окружавшего и восточные, и западные страны», т. е. всю землю (Брагинский И. С., Лелеков Л. А., 1992а. С. 562):

Храм Джаркутана вытянут в широтном направлении, и комплекс культа огня находится к востоку от центральной возвышенной платформы, второй же комплекс, связанный с приготовлением священного напитка для

возлияний, расположен к западу от центральной части.

Для храмовых комплексов Маргианы не свойственна четкая геометричность, передающая ту или иную идею космограммы. Лишь Тоголок 21 с тремя рядами стен, как и круглый храм Дашлы 3, может соответствовать как трехчастной структуре индоарийских обществ, так и древнейшему мифу о трехкратном расширении Иимой земных пределов с помощью стрекала. Южный Гонур с центричностью архитектурной композиции, где основное здание имеет с четырех сторон прямоугольные выступы, фланкированные круглыми башнями, при всей асимметричности, выражает идею центра с четырьмя направлениями по сторонам света. Однако сам храмовый комплекс Южного Гонура занимает юго-западный угол внешней ограды (Сарианиди В. И., 1992. С. 213).

Для храмов Маргианы характерна другая схема планировки. Входы в них находятся на основных фасадах, подчеркнутых башнями (Тоголок 1) или парадными въездами (Тоголок 21), и обращены на север.

Как показали результаты раскопок последних лет, история возведения храмовых комплексов Джаркутана и Гонура была весьма непростой. В частности, оказалось, что центральная кирпичная платформа Джаркутана была возведена позднее и ее кладка, перекрывая наружную стену комплекса, выходила за ее пределы. На комплексе же Гонур установлено, что зданию храма крестообразной планировки предшествовал обширный теменос со священным водоемом и небольшим храмом (Сарианиди В. И., 1997). Однако все это не меняет отмеченных отличий в культовой архитектуре Маргианы и Бактрии.

Таким образом, при сходстве всех перечисленных архитектурных деталей и культовой атрибутики, идея построения композиции культовых комплексов Маргианы и Бактрии в корне различна. В Бактрии преобладали центричные композиции круговой или ортогональной симметрии. В последнем случае все четыре фаса равнозначны. Не имел архитектурно выделенного главного фасада и храм Джаркутана. В Маргиане же наблюдается зарождение так называемой осевой композиции построения монументального комплекса, когда здание построено по признаку зеркальной симметрии вдоль главной оси, идущей от выделенного угловыми башнями портального фасада в глубину комплекса, а два боковых фаса зеркально повторяют друг друга. Иначе говоря, идея мандалы не была присуща архитектурным композициям культовых комплексов Маргианы, хотя более ранние укрепленные поселения массива Келели Мервского оазиса дают четкие при-

меры подквадратных центричных композиций в виде крепостей с воротами по центру четырех фасадов (Максимов И. С., 1986, рис. 2, 3).

Помимо различий композиционного плана храмовых комплексов Бактрии и Маргианы, отмечено несоответствие в функциональном назначении помещений, дворов и проходов, что, видимо, было обусловлено различиями в последовательности церемоний культовых обрядов, так как центричность композиции, аналогично индийским ступам, предполагает церемонию обхода. Имеющиеся различия в ритуализации пространства и ориентации храмовых комплексов объясняются отличием основных объектов культа и структуры самой литургии, а также различиями в культовомифологических традициях.

На полах комплекса Тоголок 21, как и Тоголок 1, помимо уже отмеченных терок, ступок и пестиков для растирания хаомы, были найдены керамические культовые сосуды в виде глубоких цилиндро-конических ваз с изображениями людей, птиц, животных и змей. При этом змей, как обычно на печатях так называемого мургабского стиля, представлены похищающими семя быков (Сарианиди В. И., 1989, рис. 10; Сарианиди В. И., 1992. С. 90—95, рис. 37, 54). Эти сосуды, по мнению исследователя, использовались при употреблении хаомы.

Ранее отмечалось, что тематика изобразительных сюжетов бактрийской и маргианской глиптики и культовых керамических ваз, дающих настоящую антологию Xrafstar — ползающих существ, считающихся в зороастризме демоническими, находят наиболее близкие аналогии в изобразительной символике митраизма римского времени (Грене Ф., 1989; Сарианиди В. И., 1992. С. 151—152). На митраистский характер культа указывают как жертвенные погребения быков при могиле жрицы Тоголок 1, так и печати Маргианы и Бактрии с наиболее характерной сценой изображения похищения семени у хищника или быка. На одной из них бык представлен с хвостом и фаллосом с произрастающими на них растениями. Эта тема типична и для более позднего митраизма и, связанная с темой тавромахии, неизвестна в других мифологических циклах. Сцена, когда из семени и крови убитого Митрой быка произрастают растения и животные, засвидетельствована на многочисленных образцах настенной живописи и барельефах митреумов римского времени, где так же можно увидеть колосья, вырастающие из хвоста быка, приносимого в жертву Митрой (Сарианиди В. И., 1992. С. 151). Но на печати так называемого мургабского стиля жертвой змей и драконов являются не только бык, но также лев, грифон и орел (Сарианиди В. И., 1992. С. 246).

Отмечалась также переключка Митры в роли жертвователя быка с Ахриманом зороастрийской мифологии, который убил первобыка, из семени, крови и костного мозга которого проросли растения и произошли животные на Земле. Здесь характерно отведение жрецами зороастризма одной из самых основных функций Митры царю зла и мрака Ахриману, зафиксированное в Бундахишне, что лишний раз свидетельствует о глубочайшей старине культа Митры, против которого была направлена логика системы зороастризма, и хаомы, ритуальное питье которой сурово осуждено в Гатах (Widengren G., 1965. P. 66).

Но основной аргумент, заставляющий полагать именно митраистский характер культовых комплексов Маргианы, содержит Михр-яшт, единственный, где особо расписан ритуал хаомы, здесь в специальных пассажах указано, что сам Хаома — первый жрец на высочайшем пике Хукарья молится Митре с барсманом и возлиянием (Михр-яшт, XXIII, 88—90). В дальнейших строках указывается:

Поклонимся же Митре,...
Пусть благо будет мужу, который тебя чтит,
Возьмет дрова с барсманом
И молоко со ступкой,
Умытыми руками
Помоет пестик, ступку
И, простирая барсман,
И хаому подняв,
Споет «Ахуна-Варья»

(Михр-яшт, XXIII, 9 I/Пер. И. М. Стеблин-Каменского)

Далее в Михр-яште отмечается, что Митра является первым жрецом священной ступки, что при возлиянии ему среди чтущих Митру праведному верующему следует вкушать это возлияние, и праведному почитателю Митры, чтобы иметь право на участие в том ритуале, следует три дня и три ночи и еще два дня и две ночи омыwać себя и каяться, как если бы он понес 30 и 20 ударов (Михр-яшт, XXX, 120—122).

Подобного этому инструктажа литургии приготовления и возлияния хаомы при поклонении божествам не дает ни один из Яштов, не считая кратких стандартных упоминаний, которыми завершаются все Яшты с перечислением аксессуаров поклонения, среди которых упоминается и молочная хаома. Лишь в гимне Вретрагны указано, что в качестве жертвоприношения этому божеству арийцам следует варить мясо скотины одного цвета (Бахрам-яшт, XVII, 49—50), и в Ардвисур-яште каждый раз отмечают жертвоприношения сотен жеребцов, тысяч коров и мириады овец.

Таким образом, текст Михр-яшта свидетельствует о том, что основной сутью поклонения Митре были возлияния сакрального напитка хаомы, который вкушали участники

церемоний поклонения этому древнейшему индоиранскому божеству, связанному с воинским сословием, материальные свидетельства чему были найдены на культовых комплексах эпохи поздней бронзы Маргианы. Полагают, что именно сословие воинов устраивало массовые кровавые жертвоприношения скота, за что они клеймятся в качестве носителей зла в Гатах и в противовес им воспеваются мирный производительный труд скотоводов и земледельцев — представителей третьего сословия. Сама митраистская в основе идея кровавого жертвоприношения быка, долженствующая обеспечить массовое плодородие животного и растительного мира, в зороастризме объявляется первым грехом Ахримана. Неоднократно отмечалось длительное развитие оппозиции и соперничества маздаясны и митраясны в Туране и Иране и особенно в Средней Азии, где Митра оставался главным объектом поклонения (Widengren G., 1965; Von Stientencron H. 1966; Benveniste E., 1970. P. 9; Лелеков Л. А., 1979, С. 168—170). Да и в самом Иране на всем протяжении развития его культуры эпохи древности Митра оставался одним из наиболее популярных персонажей мифа и эпоса. Митраизм в формах, известных в Римской империи, сохранил свой дэвовский характер (Фрай Р., 1972. С. 213). Популярен образ Митры и в «Ригведе» в паре со своим двойником Варуной.

В храмовых комплексах Дашлы 3 и Джаркутана в Бактрии центральное положение в структуре архитектоники храмов и соответствовавших этим структурам ритуалах занимали алтари огня. Более того, А. А. Аскаровым на поселении Сапалли и Т. Ш. Шириновым на храме Джаркутана отмечены случаи захоронения совершенно чистого пепла ритуального происхождения, соответствовавшего более поздним предписаниям и практике зороастризма по сохранению чистоты пепла священного огня. На поселении Сапалли подобный пепел был захоронен в специальных ямках внутри помещений близ очагов, а на храме Джаркутана он находился на дне круглых алтарей и в помещении 1 (Аскаров А. А., Ширинов Т. Ш., 1993. С. 66).

Здесь можно полагать зачатки традиционно зороастрийской охраны священного огня от осквернения, хотя сама традиция культа огня у носителей древнеземледельческих племен уходит в глубь тысячелетий и может датироваться с IV тысячелетия до н. э. как у оседлых племен юга Туркмении и долины Зарафшана, так и у неолитических охотников и рыболовов Приаралья (Толстов С. П., 1948, С. 61; Массон В. М., 1982. С. 44; Исаков А. И., 1991. С. 72—74).

Культ огня и алтари огня круглой и квадратной формы были характерной чертой

оседлоземледельческой культуры Средней Азии с самого начала ее сложения (см. обзор материалов по этому вопросу: Исаков А. И., 1991. С. 73. сл.).

Таким образом, констатируя вслед за В. И. Сарияниди, А. А. Аскарковым и Т. Ш. Шириновым различия в композиции планировки и характере основных ритуалов, проводившихся на культовых комплексах Бактрии и Маргианы, можно предположить, что в Маргиане, видимо, были распространены и формировались самые ранние формы мифологии митраизма, в то время как храмовые комплексы Бактрии свидетельствуют о безусловном господстве культа огня, его возжжения, хранения и почитания, что было характерно для ритуальной практики более поздних маздаяснийцев или зороастрийцев.

Местами, как в случае могильника Бустан VI, отмечается влияние носителей андроновской традиции погребальной обрядности на часть оседлоземледельческого населения раннегородской сапаллинской культуры заключительных этапов ее развития.

Важнейшей особенностью социальной жизни оседлоземледельческого населения эпохи поздней бронзы Бактрии и Маргианы была интегрирующая и координирующая роль рассмотренных культовых и церемониальных центров, где община в процессе периодических ритуалов, видимо воспроизводивших структуру основных сюжетов теогонии и космогонии мифологии, регулировала свою внутреннюю структуру и взаимоотношения соответственно процессу общекосмической драмы. Сохранившиеся в зороастризме представления о больших и малых космических огнях и их земных аналогах, согласно которым свету Солнца в космосе соответствуют свет культовых огней земных храмов, а свету звезд соответствует блеск малых земных светил — человеческих глаз (Kellens J., 1983. P. 118), являются отголоском концепции изоморфизма макро- и микрокосма ритуала древнего культа. Эти возвышенные идеи воодушевляли членов общества, повышая их ответственность, являлись отправной точкой формирования морали и этики урбанизировавшихся земледельческих общин.

Другой важнейший источник, позволяющий судить об идеологии и культах оседлоземледельческих племен Средней Азии эпохи поздней бронзы — предметы глиптики, сфрагистики и торевтики. Отдельные обряды и сюжетные сцены на амулетах, печатях, зеркалах и булавах, бронзовых сосудах и оружии рисуют нам богатейший мир зоолотария и фантастических, полиморфных образов, а также астральной символики, обнаруживающей, по В. И. Сарияниди, месопотамские и сиро-хеттские параллели (Сарияниди В. И. 1992. С. 186—188). Не вникая в рассмотрение

этих изобразительных сюжетов и образов, отметим, что многие из них продолжали жить в изобразительном искусстве Средней Азии и позже, вплоть до эпохи ислама, указывая на то, что эти мифологические сюжеты и персонажи бытовали в общественном сознании несмотря на то, что, начиная с эпохи Ахеменидов, а возможно и ранее, древние государства Средней Азии стали проводить определенную идеологическую политику и пропаганду, связанную с зороастрийской концепцией. Живучесть архаических сюжетов прежде всего была обусловлена связью их с устной народной традицией в сохранении и передаче мифологического наследия, а также ритуализацией и сакрализацией основных сторон жизнедеятельности населения.

Судить о времени и локализации жизни и деятельности Заратуштры в связи с комплексами рассмотренных храмов у нас пока нет оснований, но целый ряд особенностей культа именно сапаллинской культуры позволяет понять древнюю традицию, связывающую деятельность Заратуштры с Бактрией. Это характерное для авестийской традиции сохранение ритуальной чистоты пепла. Возможно, на Джаркутане было два вида огня, на что указывает наличие второго большого зольника в помещении 5, содержавшего черепки ритуальной посуды, хотя она тоже, видимо, считалась сакрально чистой. Шпилька из Сапаллитепа с изображением человеческой фигурки, стоящей перед фигурой крупного горного барана, можно истолковать как изображение Фарна этого персонажа. Наконец, обломки тонких медных прутьев в основном хранилище золы храма Джаркутана — помещении 5 (Аскарков А. А., Ширинов Т. Ш., 1993. С. 70), возможно, являются обломками древнейших в мире прутьев барсома. Железные, позолоченные и медные прутья барсома ахеменидского времени известны в составе амударьинского клада, хотя М. Бойс считает, что первоначально прутья были деревянными, а после ахеменидского времени вошли в употребление металлические (Воусе М. А., 1982. P. 38—39).

Погребения собак, открытые на Джаркутане, столь характерные именно для культов, связанных с традицией зороастризма, и известные нам ранее, начиная от эпохи Ахеменидов на Дингильдже до раннего средневековья (Литвинский Б. А., Седов А. В., 1984. С. 161 и сл.), тоже являются древнейшими в Средней Азии. Видевдат приравнивает смерть собаки к смерти человека, отмечая, что их души следуют к «источнику вод» (Цит. по: Литвинский Б. А., Седов А. В., 1984. С. 165).

Характерно и количество ящичных, сильно прокаленных алтарей или очагов с золой, поставленных рядами в западных площадках храма Джаркутана и Тоголок 21, в первом

случае их восемь, во втором — пять, восемь и пять были сакральными цифрами, связанными с астральной символикой Анахиты (Иштар) и Митры. На голове у Анахиты восьмичастная диадема (Ардвисур-яшт, XXX, 128). Небесная царица планет — Венера, чередуясь, восемь месяцев восходит как утренняя звезда и восемь месяцев — как вечерняя звезда, и соотношение восьми синодических периодов обращения Венеры было равно пяти обращениям Земли, т.е. в восьмилетнем цикле периоды обращений Венеры и Земли совпадают (Церен Э., 1976, С. 306).

Кроме того, цифра пять могла символизировать пять ипостасей Митры (Бивар А. Д. Х., 1991. С. 53). На Сапаллитепа и Джаркутане восьмичастность повторяется и в других случаях, что отмечал А. А. Аскаров: это восемь кварталов на Сапаллитепа и восемь коридорообразных секций хранилища храма Джаркутана.

Таким образом, вышеперечисленные свойства и особенности древних культов Бактрии в дальнейшем вошли составной частью в мифологии и культы зороастрийской религиозной системы.

Исследователи Джаркутана отмечают интенсивную эволюцию всего культурного комплекса на протяжении второй половины II тысячелетия до н.э. Особое значение при этом имели существенные инновации традиций андроновской культурной общности. Даже основная культовая посуда, найденная в разбитом состоянии в главном зольнике храма в помещении 5, типологически восходит к традициям андроновской керамики (Аскаров А. А., Ширинов Т. Ш., 1993. С.139, сл., рис. 46).

Следы индоарийской топонимики сохранялись в Бактрии еще в античную пору (Ртвеладзе Э. В., 1994). Не касаясь сложных вопросов непрерывного культурогенеза, взаимодействия и контаминаций культур эпохи поздней бронзы на территории Средней Азии, можно констатировать, что для идеологии населения Средней Азии накануне раннежелезного века было характерно выделение трех крупных областей: севера и востока с преобладанием погребальной обрядности, характерной для более поздних носителей ведийской мифологии; Мерв и Бактрию на юге. Культовые традиции в оседлоземледельческом населении юга не были однородны. В Мервском оазисе, видимо, складывались ранние формы мифологии митраизма, а в Бактрии, где преобладал культ огня, комплекс культов, характерных для более поздней авестийской традиции, хотя здесь, вероятно, были известны ритуалы возлияния хаомы, связанные с образом Митры, и позже отмечено влияние обряда кремации. Согд в этой ситуации занимал промежуточное положение между тремя указанными культово-мифологическими провинциями.

Ранний железный век Евразии на обширных просторах от Центральной Азии до Балкан был ознаменован великим переселением племен и народов, сопровождавшимся кардинальными изменениями в материальной и духовной сфере, распространением культур крашеной керамики в Центральной Азии и Восточном Иране. Этому соответствуют дорийское вторжение и наступление геометрического стиля орнамента керамики в Греции.

Активные процессы миграции привели в Центральной Азии к нивелировке всех предшествующих археологических комплексов и культурных традиций.

В степной зоне это было ознаменовано расширением традиций карасукской культуры. А. И. Тереножкин прослеживает распространение карасукского типа меча и поздних типов оленных камней до Северного Причерноморья на Западе (Толстов С. П., 1962. С. 64; Тереножкин А. И., 1976, гл. IV). К этому периоду в Средней Азии относится известный могильник Тагискен. Ритуалу и связанным с ним мифологическим представлениям посвящено достаточное количество публикаций (Толстов С. П., 1962. С. 77, сл.; Лелеков Л. А., 1972; Его же, 1976). Одновременно или сразу вслед за движением карасукских традиций в западном направлении, навстречу им к востоку отмечалось распространение позднесрубной культуры так называемого иванковского типа с валиковой керамикой. Ее ареал от районов Причерноморья достигал на востоке до р. Тобол. Следы ее влияния сказались и в комплексе амирабадской культуры в Приаралье (Грязнов М. П., 1970).

В оседлых земледельческих оазисах Бактрии и Маргианы это время характеризовалось сложением и развитием культур крашеной керамики типа Кучук I, Тилля I и Яз I. Начали формироваться земледельческие оазисы в долине Зарафшана и Кашкадарьи, а также в Ферганской долине. Этим же временем, как уже отмечалось, датированы и нижние слои городища Еркурган в Каршинском оазисе.

Оставляя в стороне многогранные и дискуссионные проблемы генезиса и этнокультурных связей раннежелезного века, обратимся к свидетельствам культового и идеологического характера. Три главные особенности, отличающие в данном вопросе круг этих культур, — это редкие, но повсеместные следы выставления умерших без возведения специальных сооружений, культ огня и полный аниконизм. Все эти особенности культовых проявлений постепенно были развиты и в дальнейшем в процессе развития системы зороастризма канонизированы. Характерная особенность археологического комплекса той поры — наличие миниатюрных каменных ступок и пес-тиков. Считается, что они могли служить для приготвления хаомы (Сагдуллаев А. С., 1989 г.).

Нижние слои городища Еркурган, как и основание наиболее древних поселений большинства оседземледельческих оазисов Согда, относятся именно к этому периоду и связаны с культурным комплексом крашеной керамики раннежелезного века. Однако ни по Еркургану, ни по Согду в целом в нашем распоряжении нет пока свидетельств о культово-идеологических воззрениях населения собственно Согда. Поэтому кратко рассмотрим аналогичные открытия на основных памятниках сопредельных регионов, где в то время были распространены традиции того же самого культурного комплекса крашеной керамики.

Попутно отметим, что эпоха раннежелезного века состоит из двух фаз: первоначальной — автохтонного развития и второй — в составе Ахеменидской империи, когда происходили изменения в материальной культуре и некоторая переориентация в религиозной политике.

Основными археологическими объектами культуры эпохи раннежелезного века, позволяющими судить об идеологических представлениях Средней Азии той поры, являются монументальные сооружения Тиллятепе и Кучуктепа в Бактрии.

Тиллятепе — сложный монументальный храмовый комплекс, являвшийся крупным центром доахеменидской Бактрии, функционировавший на протяжении первой половины I тысячелетия до н.э. (Сарианиди В. И., 1989. С. 6—46). Это было подквадратное сооружение, возведенное на шестиметровой кирпичной платформе с входом с севера. Первоначальная (Тилля I а) планировка его проста, в виде большого квадратного зала, окруженного обводным коридором. Причем идеально соблюдена характерная для зороастризма черта — вход в сам зал находился с юга и осуществлялся через обводной коридор. Во II строительный период Тилля I б зал расширился за счет северного и восточного коридоров, его перекрытие опиралось на девять массивных кирпичных колонн, был открыт второй вход прямо с севера через основной вход в сооружение, так как площадь северного коридора была присоединена к залу. В его центре находился сложный алтарный комплекс крестообразного плана, ориентированный в меридиональном направлении, состоявший из трехступенчатого постамента на севере, подпрямоугольной тумбы в центре и обращенного к центру большого П-образного в плане алтаря, заполненного плотным чистым пеплом (Сарианиди В. И., 1989. С. 9—10). С двух сторон этого центрального ряда находились еще две тумбы, в пространстве между всеми этими постаментами на полу лежал тонкий чистый пепел с мелкими угольками. К сожалению, в дальнейшем при перестройках верхние грани этого уникального алтарного комплекса были срублены. Весь комплекс Тиллятепе, неоднократно

перестраиваясь и расширяясь, доживает до середины I тысячелетия до н.э.

Таким образом, этот пока единственный бесспорно культовый комплекс Средней Азии первой половины I тысячелетия до н.э. как в композиции планировки, связанной с процедурой ритуала обхода — колонный зал в обводе коридоров, так и в ярко выраженном проявлении культа огня предвосхищал наиболее существенные особенности всех последующих храмов, связанных с культом огня и зороастризмом, в частности. Причем характерна и конструкция центрального алтарного комплекса в святилище Тилля I б, напоминающего конструкцию алтаря священной площадки Пасаргад, состоящей из двух противоположных квадратных каменных постаментов, один из которых имел ведущие наверх ступени. Д. Стронах высказал предположение, что на постамент со ступенями восходил сам государь, который поклонялся огню, возжженному на втором постаменте без ступеней, подобная сцена изображена на рельефе Дария в Накши-Рустаме. Предполагается, что эти сооружения и могли быть айдана, упомянутые в бехистунской надписи (Stronach D., 1965; Его же, 1985. Р. 606—608; Boyce M. A., 1982. Р. 89).

Видимо схожую ритуальную конструкцию алтаря огня в наиболее раннем ее варианте мы имеем и в Тилля I б. Здесь его конструкция более сложная; помимо ступенчатого постамента, на котором, видимо, осуществлял богослужение владыка поселения, одновременно являвшийся жрецом, находились подиум для огня и боковые тумбы. Чистый, плотно слежавшийся пепел недвусмысленно свидетельствует об обряде поклонения огню, осуществлявшемся в этом храме, причем культ огня был центральным и, видимо, единственным ритуалом, производившимся на комплексе Тиллятепе. Свидетельств культа хаомы, подобно тем, что были упомянуты на комплексах Тоголок и храме Джаркутана, здесь не отмечено, хотя две боковые тумбы алтарного комплекса, придающие ему крестообразную схему, могли использоваться, как у более поздних парсов, для установки барсома и со суда с хаомой.

Исчезли в эпоху раннежелезного века и предметы сфрагистики с богатыми мифологическими сюжетами, столь характерными для бактрийско-маргианского археологического комплекса эпохи бронзы.

Более обширные материалы характеризуют культы Средней Азии середины I тысячелетия до н.э. Это, прежде всего, руины культовых сооружений середины I тысячелетия до н.э. Бактрии и Хорезма.

Типологически они подразделяются на три разновидности: священные платформы, где литургия совершалась под открытым небом, монументальные храмовые сооружения, состоявшие из комплекса помещений и дворов, и культовые помещения в жилых или двор-

цовых комплексах. Однако функционально они объединяются культом огня.

Одним из наиболее изученных культовых сооружений типа открытой платформы является Пшактепа, что рядом с укрепленным поселением Кучуктепа в долине Сурхандарьи. Оно служило культовым комплексом данного поселения (Аскаров А. А., 1982).

Это подквадратное в плане сооружение со стороной около 20 м. Конструктивно оно разделено узким сводчатым туннелеобразным коридором, скрытым в теле платформы, на восточную и западную площадки. Западная половина с туннелем внутри представляла собой прямоугольную платформу, обрамленную стенами, сложенными из прямоугольного сырцового кирпича и заполненную гравием с жертвенной закладкой целого коня под гравийной засыпкой. Восточная половина сооружения, обращенная к остаткам поселения на Кучуктепа, состояла из обширного двора, обрамленного со стороны платформы и двух боков П-образной стеной. Она была открыта в сторону бывшего поселения и сначала имела низкую поверхность пола, уровень которого в результате двукратных перестроек, сопровождавшихся гравийными засыпками, наращивался в высоту, но так и не достиг уровня верха центрального сводчатого помещения, который, видимо, соответствовал уровню поверхности западной площадки. На полах фрагменты битой керамики. В небольших подсобных помещениях на южном фасе находились скопления горизонтов золы с битой посудой, костями животных, местами имелись пристенные очаги. Стены здесь кое-где сильно прожжены и даже ошлакованы. К южному фасу платформы (помещение 11) примыкали мощные гумусно-золистые горизонты, где, помимо обломков керамики и костей животных, отмечены фрагменты обгорелых костей человека.

В самом сводчатом коридоре в теле платформы находок не обнаружено. Но туннель этот интересен сам по себе: беспорядочная кирпичная выкладка на полу, входы в туннель, которые неоднократно закладывались и вновь проламывались, — все это типично для зороастрийской ката (Толстов С. П., 1948 а. С. 149—150; Ртвеладзе Э. В., 1984. С. 95, сл.).

Сама конструкция свода, имеющая профиль в виде узкого равнобедренного треугольника в поперечном сечении, напоминает сводчатые подземные конструкции Хаттуша и архаической Греции. О распространении таких сводов у паропамисов сообщает Арриан (Поход Александра, VII. II. 8): «Основания жилищ паропамисады делают из кирпича и, так как в их земле нет леса даже на горном хребте, совсем голом, они строят из того же кирпича дома до самого верха. Постройки, более широкие внизу, постепенно сужаются, своим верхом напоминают киль корабля. Наверху оставляется отверстие, через которое

проникает свет». Этот текст полностью соответствует своду Пшактепа с той лишь разницей, что последний возведен из пахсы.

Предполагается, что данное сооружение было связано с мемориальным культом и могло служить для сожжения покойников (Аскаров А. А., 1982. С. 40). В конце своего существования в VI в. до н. э. Пшактепа был целиком замурован песчано-гравийной засыпкой.

Можно полагать, что Пшактепа, как один из бактрийских незороастрийских храмов, был закрыт после завоевания Бактрии Киром, а затем замурован гравием, подобно мидийскому храму Нуши Джан, святилище которого тоже доверху заполнено щебнем. Одновременно происходили изменения и в структуре помещений самого укрепленного поселения Кучуктепа, находившегося в 250—300 м восточнее Пшактепа. Здесь во время III и IV строительных периодов, видимо, одновременно с засыпкой храма на Пшактепа, помещение 7, а затем и помещение 17 были превращены в святилище этого укрепленного замка. Они функционировали последовательно. Сначала святилище располагалось в помещении 7 с очагом в центре и алтарной нишей напротив — в южной стене. Затем, в IV период, святилище находилось в помещении 17. В этот период в северо-восточном углу помещения 17 сооружен пристенный алтарь огня в виде ниши с площадкой перед ней, обрамленный валикообразным бортиком. В пол ниши была вмазана каменная плита, на которой лежала вторая каменная плита. Пол алтаря сильно прокален и покрыт золой (Аскаров А. А., Альбаум Л. И., 1979. С. 28, сл.).

Можно полагать, что здесь, в глубине сильно укрепленного замка, хранился священный огонь, от которого возжигались ритуальные праздничные огни под открытым небом на верхней площадке прежнего храма на месте Пшактепа, преобразованного в священную террасу зороастрийского толка, как при обрядах поклонения огню, предполагаемому в священной ограде в Пасаргадах. Отсюда можно сделать вывод, что жители Кучуктепа ахеменидского времени могли быть знакомы с зороастризмом в официальной его трактовке.

Второе домашнее святилище известно тоже в Бактрии. В усадьбе Кызылча 1 в помещении 4 была обнаружена глубокая очажная ниша с пеплом в основании. Рядом лежала керамическая очажная подставка, на которой возжигался огонь и, видимо, служившая для переноса огня. Здесь же в полу была большая яма с **захоронением золы** (Сагдуллаев А. С., 1990, С. 31—32).

Вторая священная терраса открыта тоже в Бактрии близ крупного городища Шерабадского оазиса Джандавлаттепа (Пидаев Ш. Р., 1974). Этот комплекс Пачмактепа представлял собой квадратную террасу, равную размерами упомянутому Пшактепа (21,5х21,2 м), но конструктивно отличавшейся от предыду-

щей. Это сплошная пахсовая трехступенчатая платформа с ровной верхней площадкой, обрамленной обводными стенами по юго-восточному и северо-восточному фасадам, две западные стороны стен не имеют. Трехступенчатость профиля культовой площадки Пачмактепа напоминает трехступенчатые базы и плиты более поздних тумбообразных зороастрийских алтарей огня, начиная от эпохи Ахеменидов до Сасанидов.

Ровная поверхность террасы Пачмактепа имела пятна золы, обломки керамической посуды, здесь же были найдены два вмонтированных в пол разбитых хума, накрытых крышками. Исследователь считает это сооружение священной террасой, где под открытым небом осуществлялись священнодействия, как на платформе в священной ограде Пасаргад.

Аналогичное сооружение (размером 10х12 м) было открыто в Бактрии на цитадели Кызылтапа ахеменидского времени. Она также сложена из сырцового кирпича, а на ее поверхности, кроме золы и угля, ничего не обнаружено (Сагдуллаев А. С., 1990, С. 32).

По существу, этого же типа сакральная платформа была сооружена и в центре городища Еркүрган. Здесь, как указывалось, под конструкциями храма более позднего времени на дне стратиграфического шурфа находилась платформа высотой около двух метров с золой и фрагментами посуды наверху. Она была возведена на материке, но отделена от него тонкой углистой прослойкой, игравшей роль гидроизолятора и служившей, видимо, и средством сакрального очищения культового места.

Сходного типа алтарные платформы из сырцового кирпича были открыты в обширном дворе дворца Кюзелигыра (Рапопорт Ю. А., 1991, С. 29). Их найдено две, предполагается существование и третьей. Размерами они меньше бактрийских, наиболее сохранившаяся из них имеет размеры у основания 5х4 м со ступенями с одной стороны. Верхние уровни площадок не сохранились, но рядом находились большие скопления золы и ямы с белым пеплом. Эти дворцовые платформы культа огня Ю. А. Рапопорт типологически и функционально также сопоставляет с каменным цоколем в священной ограде Пасаргад (Рапопорт Ю. А., 1991, С. 29, сл.).

Редкий по символичности своего расположения алтарь огня открыт недавно З. И. Усмановой в древнейшем ядре Мерва Эрркале. На самом высоком гребне цитадели ахеменидской поры, возведенной поверх 15-метровой кирпичной платформы, был построен алтарь огня под открытым небом диаметром около 3 м. Он покрыт толстым слоем плотной золы, вокруг также лежала зола, чередующаяся с прослойками органических остатков и прокаленной земли. Гигантское пламя этого алтаря, возвышавшееся на 5—6 м над гребнем десятиметровых стен Эрркалы, было видно по всему оазису. Потом, в IV—III вв. до

н. э., алтарь реконструировался, поверх круглого алтаря был возведен невысокий прямоугольный подиум размерами 1,6х2,6 м, а вмонтированные в него два хума, вставленные один в другой, возможно, играли роль чаши для хранения жара. При этом характер культа не менялся.

Сакральной чистоты пепла здесь не отмечено, зола вокруг алтаря содержит кости жертвенных животных и фрагменты прокаленных керамических лотков с желобками, видимо, для возлияний (Усманова З. И., 1993).

Наличие костей и фрагментов сакрального инвентаря в золищах вокруг алтаря указывает на сохранение архаичной традиции захоронения с золой всех остатков ритуала, как костей жертвенных животных, так и фрагментов посуды или лотков для возлияний. Эта общиндоевропейская традиция, отмеченная еще в золохранилище в помещении 5 на Джаркутане, прослеживается в Средней Азии и позже, вплоть до раннего средневековья. Этот факт имел принципиальное значение в установлении различий между догматикой позднесасанидского зороастризма, зафиксированного в сохранившихся текстах и этнографической практике парсов, и концепцией культа огня древнего населения Средней Азии.

Иного типа храмовые сооружения середины I тысячелетия известны в левобережной Бактрии и далее к югу в Сеистане. Храмовый комплекс Дахане Гуламон в Зарине (Зранге) VI—V вв. до н. э. был сложным сооружением с ярко выраженным культом огня. Здание представляло собой обширный двор, огражденный глухой стеной, с просторной крытой галереей по всем четырем сторонам, этот комплекс изучался У. Шеррато и Г. Ньюли (Scerrato U., 1977). В центре двора находились три больших кирпичных ящичных алтаря огня, сильно прожженных изнутри. Вокруг, под крытыми галереями, находились ряды близких по форме, но более мелких алтарей, так же обожженных изнутри и с золой. Во II строительный период количество мелких алтарей огня под галереями увеличилось. Мелкие ящичные алтари отдельные, имеют верхнюю и нижнюю камеры и перекрыты кирпичом. Имеется еще шесть прямоугольных алтарей — подиумов для жертвоприношений. В Дахане Гуламон мы видим эволюцию ящичных кирпичных алтарных очагов западной площадки Тоголок 21 и помещения 8 на храме Джаркутана.

Считается, что первоначально это мог быть индоиранский храм архаического характера с тремя огнями, которые после включения Дрангианы в империю Ахеменидов были превращены в алтари огней Ахурамазды, Митры и Анахиты.

Однако зола и пепел, встречаемые повсюду в алтарях и на полах, с точки зрения ортодоксального зороастризма не могут считаться сакрально чистыми, в них есть кости

животных и фрагменты гончарной посуды (Войсе М., 1975. Р. 167).

Явное значение здесь имела и символика цифр: три больших алтаря в центре двора, шесть пар мелких алтарей в восточном портике, шесть алтарей для жертвоприношений.

Более простое устройство имеет так называемый объект II на Алтын 10 в левобережной Бактрии (Сарианиди В. И., 1976 б. С. 219, сл.).

Отдельные домашние алтари огня, имевшие частный характер, были найдены неподалеку от общественного сооружения Дахане Гуламон на объектах QN 6 и других строениях.

Сохранил традиционную круглую планировку храм огня на Кутлугдепе (Сарианиди В. И., 1977 а. С. 120—121; Его же, 1977 б. С. 216, сл.). Здесь мы сталкиваемся с явным случаем преемственности с Дашлы 3. Центральное святилище, как и на Дашлы 3, имеет прямоугольную планировку, у стены — алтарь огня с золой.

Все это типологическое разнообразие храмов огня середины I тысячелетия до н. э. дополняет храмовый комплекс Кюзелигыра. Это был большой архитектурный комплекс, состоявший в парадной части из двух залов, обведенных коридорообразными помещениями, на кирпичной платформе. В 20 м от этого комплекса возвышались три башенных сооружения размерами 8х8 м у основания и гипертрофированно толстыми стенами и миниатюрными помещениями внутри. Видимо, это были высокие башни, подобные башенным сооружениям Ахеменидов в Пасаргадах и Накши Рустаме, о назначении которых идут незаурядные споры (Дандамаев М. А., Луконин В. Г., 1980. С. 328—329; Войсе М., 1982, Р. 58—59). Этот поздний храм Кюзелигыра датируется ахеменидским временем (Рапопорт Ю. А., 1991. С. 29—30).

Далее развитие типологии храмов Средней Азии вступает в новую фазу, для которой характерны обширные архитектурные комплексы со священным огнем в святилищах, которые представляли собой большие залы с колонным перекрытием, их стены часто имеют ниши и украшены живописью. Храмы этого нового типа возводились как в виде отдельных зданий, так и в качестве составного элемента более обширных дворцовых комплексов. Наиболее ранним их образцом является культовый комплекс позднеахеменидского дворца городища Калалыгыр в Хорезме.

Ю. А. Рапопорт выделяет в дворцовом комплексе Калалыгыра большой двухколонный зал с обрамлявшими его с севера и востока коридорами (Рапопорт Ю. А., 1987). Прямоугольный трехступенчатый алтарь огня находился у восточной стены. В соседнем помещении, которое, по мнению исследователя, было предназначено для хранения огня, т.е. играло роль «атешкаде», находился прямоугольный кирпичный подиум. Этот ком-

плекс в основных своих конструктивных и функциональных особенностях совпадает с синхронным так называемым храмом фратара Персеполя. Последний, в отличие от первого, имел четырехколонный зал, окруженный коридорами с четырех сторон. Храм во дворце Калалыгыра, возведенный в качестве резиденции сатрапа Хорезма, строился согласно канонам имперской культовой архитектуры.

Свидетельства погребальных обрядов оседлоземледельческого населения необычно малочисленны, что объясняется повсеместным распространением в первой половине I тысячелетия до н. э. обряда выставления трупов (Дьяконов И. М., 1971. С. 132, сл.; Ртвеладзе Э., 1985. С. 189). Наиболее ранними остатками такого обряда и захоронения очищенных костей следует считать коллективное погребение черепов и небольшого количества других костей нескольких человек в яме с органическими остатками и фрагментами крашеной керамики раннежелезного века на вершине цитадели городища Джаркутан. Это захоронение было совершено в типично зороастрийской манере на возвышенной части заброшенного городища, видимо, после очищения костей от плоти на оплывшей вершине цитадели (Аскаров А. А., 1976).

Остальные сведения обряда выставления в Бактрии эпохи раннего железа систематизированы А. С. Сагдуллаевым (Сагдуллаев А. С., 1990. С. 34—35). Это находки разрозненных человеческих костей и обломков черепов рядом с поселением Бандыхан и Кызылча I в Миршаде, Талашкане и Широфтепе, захоронение разрозненных костей под полом одного из помещений Кызылтапа (Ртвеладзе Э. В., 1988 а. С. 22; Сагдуллаев А. С., 1990). Разрозненные человеческие кости отмечены в слоях IX—VIII вв. до н.э. на Сангиртепе в Южном Согде.

Не редкость находки отдельных человеческих костей в переотложенном состоянии и в слоях эпохи античности Р-1 и Р-5 на Еркургане. По всей видимости, их первичное залегание относится к середине I тысячелетия до н. э.

На Чустском поселении в Ферганской долине обнаружены как обычные труположения, так и находки очищенных костей со следами надрезов, что В. И. Спришевский объяснял обычаем ритуального каннибализма. Найдены и погребения черепов (Спришевский В. И., 1957. С. 72; Заднепровский Ю. А., 1962. С. 20—21; ДГКСА. С. 195). Далее к северу от Ферганы скотоводческое население придерживалось обряда ингумации, который был характерен и для самого северного варианта культуры крашеной керамики раннежелезного века Ташкентского оазиса — так называемой бургулюкской культуры.

Захоронения отдельных черепов отмечались для той поры на Афрасиабе и Тиллятепе (ДГКСА. С. 289; Сарианиди В. И., 1989 б. С. 38). Там же при наших работах на Тилля-

тепе в кладке II строительного периода в башне были найдены разрозненные человеческие кости.

В Хорезме, судя по отсутствию погребальных сооружений могильников городов и поселений VI—V вв. до н. э., предполагается, что древнее население оазиса практиковало выставление трупов (Рапопорт Ю. А., 1960; Вайнберг Б. И., 1979 а. С. 52). От них этот обряд проник в среду скотоводческого населения периферии Хорезма, где в курганных захоронениях IV в. до н. э. известны древнейшие в Средней Азии оссуарные захоронения (Вайнберг Б. И. 1979; Ее же, 1991. С. 21; Яблонский Л. Т., Коляков С. М., 1992. С. 109). Однако вышеотмеченный череп, найденный на склоне Тиллятепе, тоже был погребен в небольшом сосуде цилиндро-конической формы VI—V вв. до н. э. и покрыт обломками стенок хума (Сарианиди В. И., 1988). Это, пожалуй, самый ранний среди всех известных оссуариев Средней Азии.

Видимо, прав Ю. А. Рапопорт, полагающий, что определенную роль в формировании оссуарного обряда сыграл и культ черепов (Рапопорт Ю. А., 1971. С. 35—36). Обряд погребения и хранения черепов был достаточно распространенным явлением как среди скотоводческого, так и земледельческого населения Средней Азии эпохи раннего железа и античности (Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983, С. 89 и сл.; Бабаев А., 1988). Обычно в оссуариях всех периодов обязательно присутствует череп, или, хотя бы, его часть, и очень незначительное количество костей скелета, чаще отдельные трубчатые кости.

Об истоках зороастрийского обряда выставления и его семантике существует весьма обширная литература. Достаточно подробный ее обзор также приведен в ряде обобщений последних лет (Рапопорт Ю. А., 1971; Воусе М., 1975, Р. 325, сл.; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983; Grenet F., 1984; Бойс М., 1987, С. 21. сл.; Лелеков Л. А., 1992 а, С. 194—198).

Как убедительно аргументирует Ю. А. Рапопорт, происхождение обряда выставления связано с изначальным всеобщим представлением эпохи первобытности о переселении душ умерших (Рапопорт Ю. А., 1971, гл. 2). Ритуально выставление было связано с древнейшим явлением терзания трупов, как животных, так и людей, при этом смерть понималась как возвращение к истокам жизни и ее возрождение. В древних цивилизациях Ближнего Востока это явление носило и космоическую символику, когда весной гелиакальные созвездия Плеяд (Быка) и Кассиопеи (Оленя) сменяло созвездие Льва (Hartner W., Ettinghausen R., 1964. Р. 161, сл; Кузьмина Е. Е., 1979; Ее же, 1984. С. 102). Многочисленные сцены терзания травоядных животных хищниками, известные, начиная с Шумера до искусства Ирана и скифов, связаны с этой идеей возрождения жизни через смерть, где смерть осмысливается как жертвоприношение

божеству и вознесение душ на небеса, откуда они возвращаются при возрождении всей жизни через мировое древо, сеющее семена всего живого на земле (Рапопорт Ю. А., 1971. С. 31; Раевский Д. С. 1985. С. 152, сл.). И вполне обоснован вывод Ю. А. Рапопорта о позднем происхождении представлений Видевдата о предпочтении обряда выставления трупов в силу необходимости сохранения сакральной чистоты четырех священных стихий. Это был продукт разработок позднежреческой схоластики, переосмыслившей и приспособившей этот обряд к одному из фундаментальных экологических положений зороастризма.

Не менее древним и распространенным было и представление о будущем возрождении телесной субстанции человека из костей. Сохранение очищенных костей, рекомендуемое Видевдатом, отражало подобные представления.

Ежегодно, по мере накопления археологического материала, возрастают свидетельства широкого распространения погребения очищенных костей или перезахоронений в длительных хронологических интервалах по всей архаичной Евразии, начиная от могильников раннеземледельческих культур Ближнего Востока. Обзор обрядов погребения и сохранения очищенных костей приводится в ряде работ (Лелеков Л. А., 1973; Его же, 1992 б. С. 194, сл.; Grenet F., 1984. Р. 253, сл.).

Бундахишн (XXX, 6) и Затсптрам (34, 1—7) содержат разделы, где прямо отмечается, что при будущем воскресении все живые создания получают кости и мясо от земли, кровь от воды, волосы от растений и душу от ветра (Цит. по: Bailey H. W., 1943. Р. 112, сл.; Gignoux, Ph., 1979. Р. 64).

С этими зороастрийскими представлениями были связаны широко распространенные в древности и имевшие важное значение в ведийской мифологии представления об антропоморфизации космоса. Согласно космогонии индийских верований, Брахма сотворил космос из первочеловека Пуруши, из отдельных частей которого сотворил все сущее в космосе и на земле. Мотив растерзанных богов и героев известен и авестийской мифологии: был распилен Йима, убиты Гайомарт и Сиявуш (Дрезден М., 1977. С. 343; Рапопорт Ю. А., 1991. С. 18—19). Миф о создании всего сущего из тела некоего прасущества сохранил и один из ривайятов Датастан-и Диник (VI).

Находка Н. А. Аванесовой на могильнике Бустан VI захоронений, где были погребены только нижние половины костяков человека, указывает, что смерть Йимы, распиленного надвое своим братом Спитьюрой, которого совратил злой дух, вероятно, не была пустой выдумкой, а отражала один из существовавших в конце II тысячелетия до н. э. погребальных обрядов Бактрии, который осуждался в Авесте.

В земледельческой культуре самой Средней Азии погребения расчлененных костяков

известны начиная с эпохи энеолита до поздней бронзы (Кирчо Л. Б., 1981. С. 68; Ионесов В. И., 1990. С. 16; Исаков А. И., 1991. С. 45). Известны погребения очищенных костей или так называемые перезахоронения и в скотоводческих культурах (Мандельштам А. М., 1968. С. 53; Мыськов Е. Л., 1984; Васильков Я. В., 1984).

Пассаж Видевдата о ката указывает, что в случае зимы и отсутствия возможности выставления на дахму труп следует хранить в специальном сооружении — ката и весной выставить его уже на дахму, на солнце (Иностранцев К. А., 1909. С. 98, сл.)

Носители карасукской культуры кремировали и ингумировали умерших. Зимой сооружался домик из плит с перекрытием, куда укладывался усопший, а весной, после того, как оттаивала промерзшая земля, его брали и закапывали (Грязнов М. П., 1979. С. 78, сл.). Погребение усопших зимой после таяния льда практикуют и современные народы Сибири.

Это свидетельствует о вероятном влиянии еще одной погребальной традиции — зимних погребений кочевников на формирование зороастрийского выставления.

Однако в оазисах Средней Азии эпохи бронзы это ещё были редкие случаи, когда расчлененные кости аккуратно складывались в погребение среди могил с безусловным преобладанием ингумации.

Погребальный обряд населения оседлоземледельческих урбанизирующихся оазисов юга Средней Азии первой половины I тысячелетия до н. э., а также Согда и Хорезма середины I тысячелетия до н. э., судя по вышележащим наблюдениям, характеризовался постепенным переходом к обряду выставления умерших. При этом кости, видимо, так и оставались на месте выставления, будь то в самом поселении или вокруг него. Наиболее ранние письменные фиксации особенностей погребальных традиций Бактрии ко времени похода Александра Македонского по Онеситру в передаче Страбона свидетельствуют именно о такой традиции погребальных обрядов. «Людей, изнуренных старостью и болезнями, они бросали собакам, нарочито содержаемых для этого, которых на своем родном языке они называли «могильщиками». Территория вне стен столицы бактрийцев имела чистый вид, тогда как большая часть пространства внутри стен была полна человеческих костей; Александр уничтожил этот обычай» (Страбон, XI, II, 3). Геродот сообщает о выставлении умерших у магов (Геродот, I, 140).

Эти наиболее ранние письменные сообщения о выставлении ничего не сообщают ни о погребальных сооружениях типа дахм, наусов или уздана, ни об оссуариях. Не найдены таковые, пока что, и при археологических раскопках, если не считать упомянутое погребение мужского черепа в небольшой корчаге ахеменидской поры у северо-восточного склона

Тиллятепе. Как отмечает и Ю. А. Рапопорт, оссуарии появились и служили прежде всего черепохранилищами (Рапопорт Ю. А., 1971. С. 36).

Составление или редакция Видевдата большинством специалистов датируется первыми веками до нашей эры (Kellens J., 1983. P. 115), хотя вышележащий материал указывает на сложение практики выставления, регламентируемой позже Видевдатом, уже в первой половине I тысячелетия до н. э.

Наиболее ранний зороастрийский погребальный термин «астодана», приводимый М. Бойс, на мавзолее представителя боковой ветви Ахеменидов Артима близ Лимира (Воссе М., 1982. P. 210) датируется концом V в. до н. э. Наиболее ранние оссуарии, известные на периферии Хорезма, относятся к IV в. до н. э. Таким образом, у нас имеются все основания полагать, что конец V—IV в. до н. э. был периодом сложения погребальной архитектуры и хранилищ обряда выставления зороастрийской, а точнее, авестийской традиции в двух различных вариантах: среднеазиатском и западноиранском.

Но одновременно с распространением обряда выставления среди населения оседлых оазисов в эпоху раннего железа на их периферии в среде скотоводческого населения, практиковались ингумация и кремация. Культ огня был неразрывно связан с крупными погребениями раннесакских вождей курганов Бешшатыра в Казахстане.

Могильники сако-массагетских племен Приаралья дают сложную картину развития погребальной обрядности и связанной с ней мифологической традиции, существовавшей одновременно с авестийской.

В дельте Сырдарьи выделяются могильники Тагискен, Уйгарак и так называемые шлаковые курганы, на которых в разной форме проявляется кремация погребенных вместе с каркасными погребальными сооружениями (Толстов С. П., 1962. С. 181—184; Левина Л. М., 1979. С. 178, сл.). В погребениях могильника Уйгарак преобладает ингумация, часто с применением угля, сожженного на стороне.

Раскрытию семантики тагискенского обряда сожжения мавзолеев посвящены специальные исследования, показывающие причастность его к широкому кругу индоевропейских мифологических представлений эсхатологического содержания, связанных с понятием огненного первопринципа Вселенной, отразившемся одновременно в Авесте, Ригведе и ионийской греческой философии (Вишневская О. А., Итина М. А. 1971; Лелеков Л. А., 1972; Его же, 1976). Близкие по типологии и обряду погребальные сооружения находятся в степи к западу, в районе Поволжья и Северного Причерноморья, где кремация и кострища в могилах встречаются и в сарматское время (Рау П. Д., 1928. С. 433; Башилов В. А., 1963). Погребальный огонь Агни персонифи-

пируется в качестве божества ведийской мифологической традиции.

На могильнике Уйгарак среди трех групп могил, отличавшихся своим обрядом и инвентарем, О. В. Вишневская выделяет признаки сословно-профессиональной специализации (Вишневская О. В., 1973. С. 67—69). В восточной части могильника были сосредоточены погребения с сожжением на древней дневной поверхности. Здесь в женских погребениях обязательно присутствуют каменные жертвенники и бронзовые зеркала.

В центральной группе с прямоугольными могилами характерны погребения мужчин с богатым вооружением и предметами «звериного» стиля. В женских погребениях много зернотерок, зеркал нет, алтарики редки.

В третьей западной группе погребений с узкими прямоугольными могилами находок вообще мало.

Описанная картина дала возможность предполагать, что восточная группа погребений принадлежала представителям рода, женщины которого исполняли жреческие функции. Мужчины центральной группы могил были воинами, вожди выбирались из их среды; такие символы власти, как топор-секира, булава, боевой молот и жертвенные ножи происходят из этой группы могил. В западной группе захоронений были погребены члены племени, не отличавшиеся ни богатством, ни знатностью.

Таким образом, этот могильник отражает классическую трехчленную думезилианскую модель структуры общества скотоводов VII—VI вв. до н. э. в низовьях Сырдарьи.

По Ктесию и Страбону, дербики, жившие к северо-востоку от барканиев (гирканиев), имели довольно развитое земледелие. Они поклонялись матери-земле и не ели никаких существ женского пола (Страбон, IX, XI, 8).

Единственной археологически известной культурой VI в. до н. э. к северо-востоку от Каспия является культура саков Приаралья, редкие погребения которых разбросаны до Устюрта и Центрального Кызылкума. По Ктесию, дербики простирались до Бактрии и Индии, что считается его ошибкой (Дандамаев М. А., 1985. С. 53), однако они упоминаются в форме «дрибхика» в Ригведе в качестве племени, родственного индоариям (Лелеков Л. А., 1982. С. 13).

Видимо, выявленные О. А. Вишневской богатые женские погребения принадлежали жрицам женской **хтонической** богини, которой поклонялись дербики или саки Приаралья. И то, что они в качестве автохтонного субстрата, войдя с V—IV вв. до н. э. в новое объединение дахов, которые теснили сначала Ахеменидов, а затем Селевкидов и наследовавших им греко-бактрийских царей, власть которых в середине II в. до н. э. ими была в конце концов сметена, объясняет, казалось бы, неожиданную популярность образа жен-

ского божества в оазисах Средней Азии с первых веков до н. э.

K V—VI вв. до н.э. относятся погребальные склепы вдоль русла Узоя. В центре одного из могильников было возведено прямоугольное сооружение Ичянлыдепе размерами 35—40 м по сторонам, высотой 3 м, с небольшой оградой 6х5 м, наверху которой долгогорел интенсивный огонь (Юсупов Х., 1986. С. 139, сл., 208). На могильнике были также отдельные выкладки для разведения костров и участки, где замуровывался пепел от них. На Ичянлыдепе могли производиться обряды возжжения огня, сопровождавшиеся жертвоприношениями, подобно тем, что можно полагать для Пшактепа в Бактрии и Дахане Гуламона в Сеистане. Эти сооружения хотя и отличаются конструктивными особенностями, но их объединяет общий характер ритуальных остатков в виде больших кострищ с обломками керамики и костей животных.

VII—IV вв. до н.э. были временем широкого распространения культа огня и зороастризма на Ближнем и Среднем Востоке, о чем существует обширная литература (см. работы обзорного характера: Дандамаев М. А., Луконин В. Г., 1980. С. 305, сл.; Boyce M., 1982; Kellens J., 1983; Лелеков Л. А., 1992). Однако типология храмового и мемориально-культового зодчества самого Ирана восходит к более ранней, автохтонной малоазийской и урартской традициям (Дандамаев М. А., Луконин В. Г., 1980. С. 328—329; Huff D., 1988; Его же, 1990) и существенно отличается от среднеазиатской, о чем свидетельствуют упомянутый храм и монументальные сооружения Нуши Джана, Пасаргад и Персеполя, а также скальные гробницы представителей династии Ахеменидов.

Предполагают, что зороастризм до сложения империи Ахеменидов уже был распространен среди мидийской и персидской знати, и передатчиком учения в Западный Иран из Восточного Ирана и Средней Азии был г. Рей (Рага) — крупный город восточной Мидии на торговом пути, связывавшем Ближний и Средний Восток (Boyce M., 1982. P. 8). Подводя итоги нескончаемой дискуссии о религиозной ориентации самих представителей Ахеменидов и дискутируя с Г. Виденгреном, Ж. Келли приходит к выводу о том, что факты неопровержимо свидетельствуют о зороастризме представителей этой династии, хотя они, видимо, могли и не вникать в суть реформы Зороастра (Kellens J., 1983. P. 122, сл.).

Согласно распространенной гипотезе К. Хофмана, Кир Великий, правитель династии персов, пришедших, по мнению М. Бойса, из районов Дрангианы и Арахозии, в противовес традиционной власти магов, связанных с мидийской династией, выдвигал арахозийских атраванов — носителей авестийской традиции учения Заратуштры. Иначе говоря, религиозно-мифологические традиции Персиды

восходят к той же традиции, что охватывала на севере и районы Средней Азии, в отличие от северо-западного Ирана (Бойс М., 1982. Р. 42—43).

Резюмируя состояние картины, описанной источниками всех видов, следует полагать, что первая половина I тысячелетия до н.э. в Средней Азии была временем распространения основных положений авестийских культовых обрядов, состоявших из ритуала возжжения огня и обряда выставления умерших. Эти черты идеологии присущи оседлоземледельческому населению формировавшихся оазисов Средней Азии в Бактрии, Согде, Фергане и Хорезме, для которых был характерен комплекс материальной культуры с расписной керамикой, типологически в дальнейшем перешедший в так называемую цилиндрико-коническую, хотя в самих Гатах ни о культе огня, ни об обряде выставления не упоминается. Видимо, традиционная культовая практика населения и теологические спекуляции жречества не только в канонизированном зороастризме, но и в параллельно развивающихся жреческих учениях, генетически восходящих к некогда единой индоевропейской мифологии, во многом могли не совпадать.

Для типологии храмовых сооружений было характерно распространение сакральных платформ, что обуславливалось необходимостью традиционного разжигания огня на возвышениях, однако в целом для храмового зодчества свойственно исключительное разнообразие форм, что указывает на отсутствие централизации и единой церковной системы, хотя наличие как общественных храмов, так и домашних святилищ огня указывает на развитие иерархии больших и малых огней, сложившихся в окончательную систему в сасанидском Иране полтора тысячелетия спустя.

Вместе с тем, начиная с эпохи бронзы, практиковавшиеся формы культа огня сводились к двум формам: возжиганию больших кострищ под открытым небом при участии всей общины, на что указывают крупные золохранилища и большие платформы огня; сокрытые от ветра и посторонних взоров небольшие очаги или алтари в глубине святилищ, характерные и для позднего зороастризма. Это было необходимо, как отмечает М. Бойс, для того, чтобы не разлетелась зола и не потух огонь (Бойс М., 1982. Р. 52). Вечным был второй огонь.

Соккрытие священного семейного огня от взора посторонних было характерно также и для древних греков и римлян (Харузин Н., 1905. С. 322).

Сакские племена сохраняли значительные пережитки архаических представлений и культов. На востоке Средней Азии, как в Ферганской долине, так и южнее, в долинах Памиро-Алая, известен целый ряд могильников скотоводческого населения, продолжавших развивать более ранние погребальные тради-

ции захоронений, состоявшие из ингумации, часто сопровождавшейся культом огня (Литвинский Б. А., 1972 а. С. 139; Бабаев А., 1988. С. 74 сл.; ДГКСА. С. 195, сл.). В этих районах обычно локализовались саки-хаумаварги, о которых Дарий в Бехистунской надписи указывал, что они Ахурамазду не почитали. Возлияние хаомы, как отмечалось, ритуально было связано с культом Митры и его индоарийского двойника Индры (Лелеков Л. А., 1979. С. 178).

Кочевые племена средней Сырдарьи и Приаралья, испытывая периодические инновации расового и этнокультурного характера, продолжали развивать культы и мифологию, восходящую к дозороастрийской стадии с явными проявлениями реликтовых ведических традиций, что было характерно и для скифов Северного Причерноморья (Трубачев О. Н., 1979; Лелеков Л. А., 1980).

Так, отмечаемое Геродотом жертвоприношение коня массагетами в связи с культом Солнца соответствовало более поздним традициям индийской ашвамедхи. Основным жертвенным животным ираноязычных племен был бык, его душа предназначалась в жертву божеству.

Следует отметить и сцену жертвоприношения козла на скале близ Ходжакента в долине р. Чирчик. У козла подогнуты передние ноги, сзади фигура человека с поднятой рукой. Полагают, что здесь изображена сцена жертвоприношения козла по тому же обряду, что описан Геродотом у скифов Северного Причерноморья: «Жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец веревки и затем повергает жертву на землю. Во время падения животного жрец вызывает к богу, которому приносят жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его...». На голове изображения жертвователя из Ходжакента острове́рхий головной убор, это был сак (Худжаназаров М., 1995. С. 92).

Геродот отмечает, что скифы душили жертвенных животных (IV, 60), душили их ударом по голове (Benveniste E., 1964. Р. 54—56; Лелеков Л. А., 1980. С. 120). Л. А. Лелеков, привлекая обширный материал ведийской мифологии и эпоса, полагает, что удушение жертвенного животного являлось особенностью индоарийского ритуала (Лелеков Л. А., 1980). Ведийский Варуна душил свои жертвы петлей. Козел был обычным жертвенным животным ведийского обряда (Маламуд Ш., 1993. С. 80—83).

Показательна в этом аспекте и находка явно ритуального погребения на чувском поселении раннежелезного века в северо-западной Фергане, где были уложены кости лошади, коровы, череп козы или барана и пять человеческих черепов (ДГКСА. С. 195). Этот совершенно чуждый зороастризму обряд находит прямые аналогии в архаических ритуалах индийского Агни, в фигурные жерт-

венные алтари которого замуровывались головы человека и четырех разновидностей домашнего скота (Лелеков Л. А., 1992. С. 185). С другой стороны, это захоронение перекликается с сообщением Страбона, восходящим к Гекатею Милетскому, о геронтофагии массагетов: «Самой лучшею смертью считается у них та, когда дожившие до старости изрубливаются вместе с бараниной и в таком виде поедаются. Умерших от болезни они бросают на съедение зверям, как нечестивых, «недостойных» (Страбон, XI, 8, 6).

Все эти элементы ведийских традиций в культах и обрядах племен северных районов Средней Азии, видимо, корнями восходят к индоарийской мифологической традиции, носителями которых в эпоху поздней бронзы было местное сакское население, входившее изначально в обширную андроновскую этнокультурную общность.

К сожалению, практически полный аниконизм культурного комплекса эпохи раннежелезного века не позволяет судить об иных сюжетах мифологии общества этой поры. Можно полагать, что для авестийской религиозной традиции с её гипертрофированным культом огня был изначально присущ тот иконоклазм, рецидивы которого наблюдались и позже, в частности, в политике Картира, когда в сасанидское время подверглись уничтожению все изображения божеств в храмах, и объектом литургического служения был объявлен только огонь (Бойс М., 1987. С. 130, сл.).

Однако некоторые косвенные соображения, в частности то, что в первом фаргарде Видевдата Моуру охарактеризована преданной Арте, как и область Чахра, указывает на традиционно важную роль митраизма в Мерве. Арта-Аша в зороастрийской теологии и пантеоне была тесно связана с Митрой. В Михр-яште дважды отмечается, что колесницей Митры правит Аши (XVII; 68; XXXIV, 143). Таким, видимо, образом отразилась традиционная роль Митры в Мерве в преломлении более поздних зороастрийских систематизаторов. В строфах Ард-яшта, сразу вслед за упоминанием Аши содержится призыв почитать возлиянием и Митру (I, 2; I, 16). Это, как отмечает переводчик И. М. Стеблин-Каменский, может указывать на то, что Аши действительно могла выступать в роли сестры Митры. Именно она, по Ард-яшту, дает царский Хварно Заратуштре и единственно ему. Подтверждается это и большой ролью Митры в Средней Азии и Восточном Иране, также, в последующее эллинистическое время (Boyce M., Grenet F., 1991, гл. VII).

Но эта же эпоха была временем сложения авестийского канона и зороастрийского пантеона во главе с Ахурамаздой. Трудно с уверенностью сказать, когда жил сам Заратуштра, в среде ли носителей комплекса культуры крашеной керамики раннежелезного века, для которых были характерны культ огня и обряд выставления или раньше.

В одной из последних работ, посвященных эпохе Заратуштры (Пьянков И. В., 1996), автор, на основе анализа топонимов авестийских текстов, связанных с жизнедеятельностью пророка, приходит к аргументированному выводу о его рождении в Самаркандском оазисе с последующим признанием учения в Бактрии. И открытие в последние годы в Самаркандском оазисе крупнейшего в Средней Азии города VIII—VII вв. до н. э. на Коктепа, и передатировка основания города Самарканда этим же временем позволяют по-новому взглянуть на роль Самаркандского Согда в процессе урбанизации и социально-экономического развития всей Центральной Азии. Видимо с этого времени резко возросла роль Согдианы на политической арене Средней Азии. И то, что период деятельности пророка И. В. Пьянков склонен датировать именно этим временем, свидетельствует о том, что подъем урбанизации и сложение государственности древнего Согда сопровождались поисками и решениями в идеологической жизни общества той поры, хотя тот факт, что в Гатах и других наиболее ранних текстах Авесты не упомянуты города, кажется, указывает на то, что в этом процессе жизнь Заратуштры в Согде предшествовала сложению крупных городов.

Конец II — начало I тысячелетия — это эпоха консолидации племен и сложения первых крупных конфедераций — прообразов будущих империй на Ближнем Востоке и Центральной Азии, что сопровождалось объединением родоплеменных и локальных оазисных культов и мифов в единые культы. При этом в процессе острой межплеменной, социальной и идеологической борьбы складывалась определенная иерархическая структура авестийского пантеона. Одни мифологические циклы и связанные с ними культы обретали всеобщее значение, другие отступают на второй или третий план, сохраняя местное значение.

Божества, у которых основные функции дублировались, конкурировали. При этом одни отступали на второй план, другие занимали соответствующее их профилю место в общем пантеоне, специализируясь по конкретной функции, например, хтонической, водной, солнечной, обретая при этом соответствующую семантику имен и символики, как первоцарь и культовый герой Яма, ставший божеством загробного мира, или древний Митра, ставший солнечным приложением к Ахурамазде.

Этот первый этап интеграции и структуризации мифологии и культов Средней Азии был завершен реформой Заратуштры.

Эпоха раннего железного века с коренной ломкой прежней социальной структуры городов и ранних городов типа Джаркутана и Дашлы 3 с их глубокими первобытно-демократическими традициями, при переходе к иным типам поселений в виде дворцово-храмовых комплексов замкового типа со святилищами, доступными узкому кругу лиц.

(Кучуктепа, Тиллятепе), и новыми социальными отношениями — уже антагонистического характера, усугубившегося, видимо, этническим и культурно-хозяйственным противостоянием племен тура и арья, упоминаемых в Яштах, вероятно привело к тому, что целые поколения оказывались в промежутке между старой культурой и новой действительностью, когда утрачены религиозные, родоплеменные этнические ценности, старые племенные культы и вся система племенной идеологии обнаружила свою неспособность адекватно объяснить происходящее. В этой ситуации, вероятно, и родилось «неслыханное слово» Зороастра. Это была древнейшая в истории социальной мысли религиозно-философская утопия, логическая концепция которой давала ясную, оптимистическую перспективу человечеству в условиях уже сформировавшихся первых форм социального и имущественного неравенства конца II — начала I тысячелетия до н. э. Все люди были объявлены равными перед такими высшими ценностями, как истина, справедливость и добро, обретшими в учении не только глобальную, но и космическую значимость. Более того, как подчеркивает М. Бойс, каждый человек, независимо от социального положения, был объявлен демиургом не только своего личного счастья, но на него была возложена высокая и благородная миссия обновления и очищения мира, что впервые порождало почти современную форму человеческого самосознания, отделив социум с его цивилизацией от мира природы. Человек, согласно Зороастру, играл сознательную роль в конечном обновлении мира и установлении царства истины, справедливости и добра (Бойс М., 1987, гл. II).

Таким образом, эпохе исторической миссии Заратуштры более всего отвечало время перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на рубеже II—I тысячелетий до н.э.

КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Весь период от эпохи эллинизма до прихода арабов в Среднюю Азию удобнее рассматривать в вопросах идеологии как единую эпоху, так как храмовое зодчество, пантеон божеств, погребальная обрядность и основные мотивы изобразительного искусства всего этого тысячелетнего интервала обнаруживают устойчивую преемственность в своем развитии, хотя периодические этнокультурные инновации сопровождались изменениями в элементах культа, погребальной обрядности, пантеоне. Однако централизованной государственной религиозной политики с унификацией пантеона и культа, как в сасанидском Иране, Согд не знал. Храмовые комплексы, раз возведенные, служили, обычно, претерпевая множество ремонтов и перестроек, до

тех пор, пока жил город или поселение, сакральным центром которого они являлись. При этом мог меняться характер культа, но тип планировки строения храма можно было изменить, лишь разрушив его полностью или замуровав целиком, что и было сделано на храме Еркургана со священной площадкой ахеменидской поры и вторым эллинистическим храмовым сооружением, остатки которых были погребены в теле платформы последнего здания на месте храма Еркургана.

Аналогичные процессы коренных перестроек, в корне менявших типологию храмов, можно отметить для храма Артемиды Дура-Европос или для храмового комплекса хионитской и эфталитской поры на западной окраине Бухарского оазиса Сеталак I (Brown F. E., 1936. P. 387, сл; Кошеленко Г. А., 1966. С. 153—155; Сулейманов Р.Х., 1977).

Античная эпоха истории Средней Азии началась с похода Александра Македонского в Азию и включения оседлоземледельческих областей ее в зону эллинизированных культур Ближнего Востока. Во многих отношениях, в том числе и в идеологической жизни Бактрии, Согда, Маргианы это было временем глубоких, кардинальных перемен.

Напомним, что приведенные ранее слова Онесикрита о человеческих костях, хранившихся в городах Бактрии, заканчивались фразой: «Александр уничтожил этот обычай», что вкупе с сохранившимся в раннеисламской литературе преданием о сожжении Александром Македонским скрижалей Авес-ты свидетельствует о глубоких изменениях, происходивших и в идеологической жизни народов Ирана и Средней Азии в эпоху эллинизма. Пехлевийская традиция сохранила память о грабежах и варварстве македонцев и называет Александра, как и Ахримана, «гузистаг» — «ненавистный» (Бойс М., 1987. С. 97).

Хорошо известна осторожная дипломатическая политика Александра Македонского не только с восточным жречеством, издревле игравшим колоссальную общественную роль, но и со служителями эллинского пантеона. Битвы и победы Александра начинались и завершались богослужениями и празднествами. Древним храмам, святыням, пророкам Александр придавал не меньшее значение, чем своей военной стратегии и тактике (Pagliaro A., 1960. P. 9). Выступая в роли освободителя от персидского ига, Александр сразу нашел поддержку египетского, малоазийского и ассирийско-вавилонского жречества, по ходу военных кампаний выносились решения о восстановлении храмов, оказывалось всякое благорасположение жречеству (Шофман А. С., 1977). Однако эта политика не могла оправдать себя в отношении иранской религии и ее жречества, основные идеи которой неразрывно были связаны с понятиями царского фарна терпящей крушение династии и фарна побежденного иранского наро-

да. Роль и место династийной саги в ираноязычной мифологии и эпосе неоднократно отмечались в литературе (Лелеков Л. А., 1979). Сам Ахурамазда считался покровителем династии Ахеменидов.

Однако гибкая дипломатия, постоянные поиски компромисса и контакта с покоренным населением империи, наряду с карательными мерами, принесли свои плоды, на богослужении примирения царя с его же войском в Описе принимали участие и зороастрийские жрецы (Шофман А. С., 1977. С. 117—120). Но налаживание контактов с зороастрийским жречеством отнюдь не могло быть возвратом к прошлому, это было началом эпохи синкретизма, сосуществования, конкуренции и взаимодействия мифологических и культовых традиций Востока и Эллады, монопольное положение зороастрийской религии и жречества было утрачено. В дальнейшем общая картина культов Средней Азии оставалась сложной и неоднородной.

Но при всей мозаичности панорамы культов выделяются фазы преимущественного влияния юга на север Средней Азии или наоборот, как было при продвижении саков, сокрушивших Греко-Бактрийское царство.

Базовую роль играли традиционные автохтонные мифологические представления и связанные с ними божества и ритуалы, часто с сильным влиянием зороастризма, но не все исчерпывалось ими, и в контексте зороастризма Средней Азии зачастую центральное положение в культе и ритуале занимали божества и обряды незороастрийского происхождения. Наилучшей иллюстрацией этому положению является кушанский пантеон, отраженный на реверсах кушанских монетных эмиссий, дающий также представление и об изменениях в концепции религиозной политики кушанских государей. Все это указывает на сугубо индивидуальный характер развития судеб зороастризма в идеологии Средней Азии. Всеми без исключения исследователями, специально занимавшимися вопросами доисламской идеологии Средней Азии, наряду с общностью основных доктрин подчеркиваются существенные отличия в обрядах и атрибутике зороастрийцев Ирана и Средней Азии (Рапопорт Ю. А., 1971; Его же, 1991; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983, гл. II; Их же, 1984, гл. IV; Grenet F., 1984, гл. VIII; Массон В. М., 1990. С. 22).

Культово-идеологическое развитие с IV в. до н. э. по IV в. н. э. лучше всего изучено в Бактрии и Хорезме, опубликованы специальные исследования, посвященные культам этих основных историко-культурных регионов бассейна Амударьи эпохи античности (Пугаченкова Г. А., 1974; Boyce M., Grenet F., 1991, VII; Рапопорт Ю. А., 1991).

Имеются фундаментальные публикации, посвященные отдельным выдающимся общественно-культовым комплексам (ККК; Frank-

fort A. P., 1984; Кругликова И. Т., 1986; Рапопорт Ю. А., 1987; Пичилян И. Р., 1991).

Источники по культам Средней Азии той поры весьма разнообразны. Это храмовые и погребальные сооружения, могильники, различные аксессуары и остатки ритуальных обрядов, краткие письменные сведения и, наконец, изобразительные сюжеты, среди которых особое значение имеет нумизматический материал.

В соответствии с источниками, имеющимися в нашем распоряжении, рассмотрим отдельно культовое зодчество и его место в архитектуре древности и раннего средневековья, культовый реквизит храмов и вопросы ритуалов, пантеон Согда и место в нем божества Еркурмана.

ТИПОЛОГИЯ ХРАМОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И РИТУАЛ

Поскольку основной материал, дающий представление о древних культах Средней Азии, состоит из руин храмовых сооружений, кратко остановимся на их типологии и культах, которым они были посвящены. О типологии, архитектонике и функциональных особенностях доисламской культовой архитектуры Средней Азии и Ирана существует достаточно много литературы (отметим основные: Erdmann K., 1941; Воронина В. Л., 1960; Schippmann K., 1971; Пугаченкова Г. А., 1973a; Ее же, 1978 а; Stronach D., 1985; Bernard P., 1990; Rapin C., 1992 б).

Обычно подробно разрабатываемая номенклатура классификации композиционных сюжетов культовой архитектуры имеет сугубо относительную значимость, которая при перестройках храмов часто претерпевает существенные изменения.

В отличие от сакральных платформ эпохи Ахеменидов и сасанидских чахартаков, определенно связанных с культом огня, связь божеств и культов кушанского, согдийского и хорезмийского пантеонов с типологией культово-храмового зодчества отсутствует, яркий тому пример — пантеон божеств, отраженный в кушанской нумизматике, и крупнейшие культовые центры в Халчаяне, Матхуре и Сурх-Котале, являвшиеся династийными храмовыми комплексами (Тревер К. В., 1958; Пугаченкова Г. А., 1966 а; Ее же, 1971; Rosenfield J., 1967).

В развитии культовой архитектуры эпохи античности выявляются явные отличия в архитектуре храмов Бактрии, Согда и Парфии от традиций культового зодчества сакских племен бассейна Сырдарьи. Хорезм в этом отношении тоже выделяется в особую провинцию со своими традициями. В значительной мере эти отличия сохранялись и в эпоху раннего средневековья.

Архитектура, функциональная связь помещений, монументальное искусство храмов не только имели символическую значимость, в качестве священного микрокосма, но одно-

временно являлись вместилищем культовых ритуалов и церемоний. Они были внешней оболочкой культового ритуала, где скульптура и живопись играли роль декораций священнодействия.

Перечисленные особенности храмовой архитектуры имеют всеобщее значение, в чем убеждает сравнение рассматриваемых нами культовых комплексов хотя бы с культовыми сооружениями древнего Перу, которые также возводились на высоких ступенчатых платформах, обладали симметрией функциональной структуры помещений, имели изолированное святилище и богатый декор, не говоря уже о близких по времени сооружениях культового характера, как, например, храмы римского времени в Ливане, имеющие, как и храм Еркургана, повышающийся к святилищу двор, портик на фасаде и т. п. (Бернхардт К. Х., 1982. С. 176; Ravines R., 1985).

Кажущаяся безнадежной, на первый взгляд, попытка реконструкции сценария ритуалов, осуществлявшихся в вышерассмотренных храмах, т. е. отношение религиозных представлений и догм к материальной, культовой символике и формы совместной идеологической организации жизни древних общин или культовых ритуалов к их вместилищам, обычно обходятся стороной в силу почти полного отсутствия данных по этому вопросу. Усугубляют положение повсеместно распространенные случаи не только частичной смены объекта культа в основных городских храмах, но порой и религиозной их принадлежности, что также вело к коренной смене осуществлявшихся в них ритуалов. Так, на главном городском храме Дильберджина и в храме на Р-Х отмечена неоднократная смена характера культа и их религиозной принадлежности (Кругликова И. Т., 1982; Егже, 1986. С. 16—48).

На храмах Пянджикента характер культового ритуала менялся в русле развития местной религиозной политики (Шкода В. Г., 1990). На храме Еркургана для V строительного периода отмечена смена скульптуры на алтарь огня. В литературе подобные случаи смены характера культа в храмах встречаются постоянно, начиная от сведений о нововведениях в религиозной политике Ахеменидов.

Кроме того, в период эллинизма и последующее время, в эпоху культурного и религиозного синкретизма, зачастую решающую роль играла мода, т. е. воспроизведение храмов и других монументальных сооружений по образу наиболее престижных и величественных сооружений своей эпохи, таких, как храм Окса на Тахти-Сангине или храм Дильберджина, и, как нами отмечалось, здания одной и той же архитектурно-типологической осевой композиции использовались при строительстве храмов различного религиозно-культового содержания.

Все это было возможно в условиях длительного господствовавшей веротерпимости, одно-

временного сосуществования различных этноконфессиональных общин и позиции светской власти, ориентированной на политику толерантности. Эта атмосфера религиозной терпимости ощущается и в так называемой речи чаганианского дапирпата Пукар-зате, прибывшего в качестве посла от своего правителя Туранташа ко двору Вархумана в Самарканд, где посол подчеркивал свое знакомство с богами и письменностью Самарканда и заверял в своем благорасположении (Альбаум Л. И., 1975. С. 55—56).

Для раскрытия характера культа и особенностей церемоний, помимо наличия или отсутствия обводных коридоров, имели значение и такие признаки перечисленных комплексов, как ориентация, наличие канала или источника воды, существование стационарных алтарей огня и хранилищ золы, скульптурных или живописных образов.

В разделе о монументальной архитектуре нами уже была рассмотрена эволюция одного из основных типов культовых сооружений — в виде архитектурного комплекса центрально-осевой композиции сложных архитектурных комплексов, симметрично вытянутых вдоль основной оси здания, на одном конце которой располагалась цела с изображением божества или алтарем, а на другом находился вход в комплекс.

Рассмотрение культовых аксессуаров и сопровождающего культового реквизита этих храмовых сооружений показывает, что характер культа не был связан с типом храмового сооружения. Более того, данный тип композиции храмового сооружения, начиная с эпохи эллинизма, мог использоваться для помещения божеств разных культов, о чем свидетельствует уже упомянутое проникновение строений осевой композиции в храмовое зодчество буддизма и индуизма, а на западе — набатейский храм в Шахре (Schippmann K., 1971. P. 481; Bouchardat R., 1984. P. 128). Как уже отмечалось, этот тип архитектурно-композиционной структуры использовался и в светской архитектуре (Пугаченкова Г. А., 1973 а; Сулейманов Р. Х., 1987. С. 141—142; Егже, 1991).

Храмовая архитектура имеет довольно сложную типологию, отражающую взаимодействие генетически разных архитектурных традиций.

Облик храмового зодчества Средней Азии и Ближнего Востока той поры определяли монументальные крытые архитектурные комплексы, среди которых выделяется большая группа морфологически взаимосвязанных сооружений, типологические истоки которой восходят к культовым сооружениям разных архитектурно-строительных традиций. Эта основная и типологически взаимосвязанная группа храмов древней и раннесредневековой Средней Азии объединяет в себе традицию среднеазиатских культовых комплексов в виде колонного зала в обводе коридоров, извест-

ных с эпохи бронзы на Хасанлу и Тиллятепе, сооружений типа мегарон, характерных для архитектуры Средиземноморья, а также культовой архитектуры Месопотамии, храмы которой имели или три целлы, или пронаос, который вел в наос, фланкированный двумя боковыми подсобными секциями. К месопотамской традиции восходят и истоки башенных культовых сооружений.

На рис. 74 представлена схема морфологического взаимодействия основных исходных типов, образующих все многообразие типологии культовой архитектуры древней Средней Азии. Обычно это сочетание планировки типа мегарон с узкими обводными коридорообразными помещениями, иногда целла храма делится на три части или фланкирована по бокам двумя вспомогательными секциями, входы в которые ведут из самой целлы или входного вестибюля.

При этом столичные храмовые комплексы, функционировавшие веками, при неоднократных перестройках и расширениях, достраиваясь и расширяясь, усложнялись, обретали новые элементы планировки, как, например, храмовый комплекс Кухи-Ходжа или так называемый храм Диоскуров Дильберджина.

До эпохи Сасанидов развитие храмовой архитектуры Средней Азии и Ближнего Востока протекало в едином русле вышеотмеченных традиций. Позже в Иране в связи с сасанидской религиозной политикой, радикальной кодификацией «Авесты», увязывавшей догматы учения с интересами династии и государства, и выработкой своей культовой архитектуры, стало складываться центрическое купольное сооружение — чахартак, определявший планировку и силуэты общественно-культовых сооружений раннесредневекового Ирана. В Центральной Азии продолжала развиваться типология культовых сооружений, сложившихся в эпоху эллинизма. Наиболее ранними в этой свите храмовых сооружений являются раннеэллинистические храмы Тахти-Сангина и Ай-Ханум, храм Диоскуров Дильберджина, а также комплексы Кухи Ходжа и так называемая «аядана» из Суз (Bernard P., 1976 б; Francfort H. P., 1984; Кругликова И. Т., 1986; Пичикян И. Д., 1991).

Особо следует оговорить, что при классификации композиционно-планировочных структур древней храмовой архитектуры мы в основном опирались на взаиморасположение помещений, дворов и их функциональную взаимосвязь. Большого значения наличию и количеству колонн в помещениях, подобно Р. Гиршману (Ghirshman R., 1976. P. 223, сл.), который выводит происхождение чахартаков из развития четырехстолбных залов древнеиранских храмов, мы не придаем, так как полагаем, что наличие и количество колонн в залах и портиках зависело от их размеров и пролетов перекрытий, будучи проявлением не столько архитектурной традиции, сколько строительно-технической ее стороны.

Для поры античности и раннего средневековья Средней Азии выделяются несколько основных исходных типов планировки культовых сооружений. Остальные типы являются сочетанием или производными этих основных, типологически базовых типов планировки культовых сооружений.

Преобладающей для рассматриваемой эпохи является уже отмеченная большая группа функционально и морфологически взаимосвязанных храмовых сооружений с их различными комбинациями. Исходные типы следующие:

1. Зал в обводе кулуаров;
2. Планировка типа мегарон;
3. Месопотамский тип храма;
4. Башнеобразные сооружения (рис. 74).

Кроме того, продолжали функционировать и восводиться более ранние типы храмовых сооружений: культовые платформы под открытым небом, сооружения центрической композиции, сочетавшие в себе круг, квадрат и крест и, наконец, храмовые комплексы аморфной планировки.

Первая большая группа морфологически взаимосвязанных типов храмов (рис. 74) была характерна для больших урбанизированных центров Средней Азии, в которых осуществлялись ритуалы культа огня и поклонение скульптурным и живописным изображениям божеств.

Первый тип — зал в обводе коридора-кулуара или отдельных коридорообразных помещений считается иранским (Erdmann K, 1941). В типологически выдержанном виде в Средней Азии он имеется на левобережье Амударьи. Это святилища А, В храмового комплекса Сурх-Котала, а также храм на Дальверзине, храмовое сооружение I—II вв. н. э. в Мерве и северный храм Мансур-депе (Филанович М. И., 1974. С. 93; Пугаченкова Г. А., 1978в. С. 23; Slumberger D. и др., 1983; ДГКСА. С. 219, табл. LXXIV). Для сооружения этого типа характерно, что центральный зал имеет вход лишь на одном главном фасаде и окружен узкими коридорами с четырех сторон, иногда П-образно с трех сторон. Сам зал при большом пролете перекрытий мог иметь колоннаду. О характере культовой принадлежности большинства упомянутых сооружений сведений не имеется, за исключением Сурх-Котала, где более ранний центральный храм имел культовые статуи, а более поздний, так называемый храм В, был связан с культом огня.

В принципе, эту же схему планировки зала в обводе кулуаров воспроизводит и недавно открытый храм огня в Пайкенде, где, однако, два сооружения этого типа воспроизведены в спаренном состоянии (Семсенов Г. Л., 1995, рис. 1).

Выделяется позднеогдийский вариант культовых комплексов этого типа, характерный для хонитского и эфталитского периодов и

имеющий спиралевидное оформление входа в виде так называемого скользящего прохода. Это храмы огня Кургантепа и комплекс Кызылкыра I (Пугаченкова Г. А., 1983. С. 522; Мухамеджанов А. Р., и др., 1983. С. 26, сл.). В культовом характере последнего нас убеждает, помимо планировки, погребенные жрицы у входа в здание, что было характерно для культовых сооружений, а также второй, более поздний зал Кызылкыра с очажным алтарем в центре и скоплениями золы, тоже в окружении более мелких помещений.

Подобное спиралеобразное оформление входов характерно для оборонительных стен древних поселений и городищ Приаралья, что особенно подчеркивается для городищ джетысарской культуры (Толстов С. П., 1962, рис. 112). В Бактрии круглая крепость VI—V вв. до н.э. Талашкан также имеет подобное оформление своего единственного входа.

В предыдущем разделе мы уже отмечали, что наиболее ранний образец этого типа планировки зала в обводе кулуаров был встречен на Тиллятепе Шиберганского оазиса. К наиболее поздним образцам культового зодчества данного типа можно отнести аланский храм огня VIII—IX вв. н.э. на Северном Кавказе в виде квадратного зала, окруженного узким коридором, который генетически связывается с древними храмами огня Средней Азии (Кузнецов В. А., 1984. С. 177—182).

Второй тип сооружений представлен храмами типа мегарон, состоящими из целлы и айванного портика на главном фасаде, генетически восходящими к древнейшим домам Средиземноморья пастадного и простадного типа. В Средней Азии этот тип в чистом виде представлен храмами Пянджикента, но и здесь со временем на храме I по боковым фасадам были пристроены узкие коридорообразные помещения, а на храме II с южной стороны присоединены мелкие подсобные помещения, одно из которых, по мнению В. Г. Шкоды, служило в качестве атешкаде для хранения вечного огня, т.е. оно играло роль адуриана этнографических парсов (Беленицкий А. М., 1954; Его же, 1959; Шкода В. Г., 1980; Его же, 1987; Его же, 1990; Маршак Б. И., 1990). К этому же типу относится и первоначальная схема плана храма Еркургана I—II строительных периодов.

Третий тип, характерный для храмового зодчества Средней Азии поры эллинизма, — храм месопотамского типа планировки. Для него характерно тройное членение целлы, обращенной к общему пронаосу, огражденной площадке или двору. Этот тип храма типичен для культовой архитектуры западных районов Парфии, как, например, храм Зевса-Мегистоса в Дура-Европос или храм бога Ашура в Ашуре (Downey S. B., 1988. P. 51; SPA, t. I. S. 436). В Средней Азии единственным типологически выдержанным образцом храма подобного плана является второй загородный

храм городища Ай-Ханум; к сожалению, плохая сохранность памятника не позволяет судить о характере осуществлявшегося в нем культа (Bernard P., 1976 б). Считается, что подобная планировка могла быть предназначена для триады божеств (Boyce M., Grenet F., 1991. P. 171—173).

Иной тип месопотамской культовой архитектуры представляет собой храм с нишами Ай-Ханум. Он сохраняет, в принципе, схему планировки предыдущего типа, но функциональная связь помещений здесь иная, проход в две боковые целлы осуществляется через проходы из центральной, где стояла, как считает П. Бернар, акролитная фигура божества, от которой сохранилась мраморная ступня в греческой сандали с изображением пучка молний—символа Зевса. Предполагается, что храм посвящен божеству, синкретически связанному с образом Зевса (Bernard P., 1969. P. 341, сл.). А. П. Франкфор в свою очередь считает, что он мог быть посвящен одному или нескольким божествам восточного происхождения (Francfort H. P., 1984. P. 125). Обращая внимание на сугубо центральноазиатский ритуал погребения сосудов на северном флансе платформы храма, связанный с архаической кровавой жертвой, Ф. Грене полагает, что центральной фигурой храма мог быть синкретический образ Митры—Зевса, известный по чекану Гелиокла I (Bernard P., 1970. P. 301—349; Boyce M., Grenet F., 1991. P. 167—172).

Неовавилонский генезис этого типа храма выявляется достаточно четко (Bernard P., 1969. P. 334, сл.; Francfort H. P., 1984. P. 124, сл.).

Позже в Средней Азии планировка этого типа выступала в комбинации с иными типами культовых сооружений, западнее же, в Парфии, он продолжал воспроизводиться по своей изначальной схеме, о чем свидетельствует храм Артемиды — Нанайи на городище Дура-Европос (Cumont F., 1926. P. 195; Downey S. B., 1988. P. 76).

Как справедливо отмечает П. Бернар, а вслед за ним Р. Гиршман и С. Б. Дауни, храм с нишами и загородный храм с тройной целлой Ай-Ханум по композиции своей планировки восходят к древнейшим месопотамским прототипам, хотя имеют черты, присущие традиционно зороастрийской архитектуре, например такие, как ступенчатая платформа и т.п. (Bernard P., 1976 б; Ghirshman R., 1976. P. 189; Downey S. B., 1985).

Видимо, частным случаем воспроизведения в Согде архаической планировки месопотамских храмов следует считать сельский храмовый комплекс Сеталак I первого строительного периода в Бухарском оазисе, квадрат внешнего абриса которого разделен в интерьере на крупную тройную целлу с узким поперечным коридорообразным помещением вдоль тыльного фасада, проход в который

вел из боковой секции. Здание обращено на юг, лишено украшений, имеет суровый и лаконичный облик (Мухамеджанов А. Р. и др., 1983, рис. 23, 24). Функционально комплекс Сеталак I был связан с культом огня, его отличительной особенностью были обширные многослойные зольники с костями мелкого рогатого скота и битой посудой (в основном чаши). Видимо, узкое замкнутое помещение позади целлы играло роль атешгаха, где хранился огонь. На особенностях ритуала этого храма, впоследствии коренным образом перестроенного, мы остановимся ниже.

К данному типу относится и третий храм раннесредневекового комплекса Хайр Хане близ Кабула в виде квадратной целлы с узкими помещениями на боковых фасадах (Наскин J., 1936, pl. I). Затем на его месте были возведены в ряд три отдельные целлы, обращенные на восток.

Четвертый тип. Башенные культовые сооружения, также уходящие корнями в древневосточную архитектуру. В Средней Азии они немногочисленны и встречаются лишь в северо-восточной части Парфянского государства: это сплошная, квадратная в плане башня на Гяуркале (Филанович М. И., 1974. С. 69, сл.) и монолитное прямоугольное сооружение с узкими коридорообразными помещениями в массиве сплошной кладки на поселении Гарры-Кяриз (Пилипко В. Н., 1975. С. 16, сл.). Судя по массивности стен, это здание тоже было башенного типа. Оба сооружения относятся ко второй четверти I тыс. н.э. Более ранние башенные сооружения известны в Пасаргадах и Накши-Рустаме, а также в Нурбаде (Ghirschman R., 1945. P. 175; Его же, 1954 а. P. 219). Они, видимо, и служили образцами башенных культовых сооружений северо-восточных районов Парфии. Башнеобразное сооружение Гяуркалы представляет собой в сохранившейся на три метра нижней части глухой монолитный массив, рядом находилось второе сооружение с крытыми помещениями. Что касается характера культа мервского сооружения, то было высказано предположение о его приспособлении для культа огня (Филанович М. И., 1978. С. 39—41).

Башенные храмы — наследие древневосточной башенной архитектуры, восходящей к архаической эпохе и связанной с оборонными формами общинного жилища эпохи сложения классовых обществ (Джандиери М. И., 1981. С. 145). Однако уже в архитектуре Урарту этот тип архитектурного сооружения обрел культовое назначение (ВИА, т. I, гл. 6, рис. 28, 30).

Далее можно выделить типы или схемы планировки культовых сооружений, сочетающие в себе особенности конструкций двух или трех рассмотренных типов. Таких комбинированных типов планировки храмов можно выделить пять (рис. 74).

Пятый тип — башенный храм Новой Нисы,

от которого сохранилась монолитная кладка нижней части квадратной башни, окруженной обводными коридорами. Сомнений относительно культового назначения этого сооружения не возникает, хотя характер самого культа, осуществлявшегося на этом сооружении, неясен (Пугаченкова Г. А., 1949. С. 207; Ее же, 1958. С. 80, сл.; Крашенинникова Н. И., 1960. С. 44, сл.; Кошеленко Г. А., 1966. С. 24). Близкое по конструкции башенное культовое сооружение известно в Фирузабаде — городе Ардашира I (Huff D., 1993. P. 57), связанное с культом огня. Для башни в Старой Нисе характерно также наличие на главном фасаде двух небольших комнат, аналогичных таковым на храмах Тахти-Сангина и I строительного периода храма Диоскуров Дильберджина. К. Рапен их определяет в качестве ризниц (Rapin Cl., 1992 б. P. 118).

Шестой тип — это сочетание схемы планировки типа мегарон в виде целлы с айванным портиком на главном фасаде с обводом узкими коридорами или коридорообразными помещениями. К таковым относятся храм Шамаша в Хатре и набатейский храм в Шахре, оба они выстроены по схеме святилищ, получивших широкое распространение в парфянское время (Erdmann K., 1941. P. 25; Schippmann K., 1971. P. 128—129; Шлюмберже Д., 1985. С. 112, сл.). Более того, сами парфянские храмы этого типа в это время были обведены коридорами не только по фасадам целлы и святилища, но и по всему периметру, включая дворовую часть. Это наглядно иллюстрируют храмы Кухи-Ходжа и так называемые «аядана» Суз (Dieulafoy M., 1893; Guhini G., 1964; Schippmann K., 1971. P. 266, сл.). Полностью повторяет планировку храмов Кухи-Ходжа и «аяданы» Суз так называемый дворец-храм Саксанохур в Бактрии (Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю., 1969).

Видимо, к этому же планировочному типу или варианту планировки храмов следует отнести, судя по описанию, здание V в. в загородном дворцово-храмовом комплексе Топраккала (Рапопорт Ю. А., 1991. С. 35). Хотя Ю. А. Рапопорт сравнивает это здание с «аяданой» из Суз, наличие айванного портика на главном его фасаде неизвестно.

Седьмой тип — единственный храм, сочетающий в себе целлу, разделенную на три отсека, и айванный портик на главном фасаде, отвечающие структуре нашей схемы типологических взаимодействий группы рассматриваемых храмов, оказался городским храмом Еркургана III строительного периода. Помещения основной его части состояли из большого двухстолбного зала и айванного портика на фасаде, обращенном ко двору. В III строительном периоде зал был разделен двумя поперечными стенками на три отсека: центральный и два боковых с узкими боковыми проходами близ входа в зал. Но здесь боковые секции играли роль храни-

лищ; тем не менее типологически это был гибрид между храмами месопотамского типа и типа мегарон.

Восьмой тип — наиболее типичные для Ирана и Средней Азии эпохи после Александра Македонского храмовые комплексы, сочетавшие в структуре планировки элементы всех трех традиций храмового зодчества: среднеазиатской, месопотамской, средиземноморской или греческой (рис. 74). Для них характерны айванный портик на главном фасаде, обводные коридоры или коридорообразные помещения вокруг целлы и айвана и наличие по обе стороны от целлы небольших секций или помещений, или системы боковых коридоров, связанных проходами прямо из целлы. Эта последняя особенность восходит к традиции месопотамских храмов, имеющих тройные целлы, или целлы с боковыми отсеками.

Наиболее ранние среди них — храм Окса на Тахти-Сангине, I строительный период так называемого храма Диоскуров Дильберджина в Бактрии и так называемый храм фратарак в Персеполе. При всех отличиях общей композиции и деталей планировки, они объединяются наличием айвана на главном фасаде, коридорообразных помещений по периметру, а с месопотамской схемой плана целлы храма с нишами на Ай-Ханум их роднит то, что все они имеют проходы из целлы в боковые коридоры, игравшие роль боковых приделов храма на Ай-Ханум. В данном случае не трехчастная целла храма с нишами, а функциональная связь целлы с боковыми обводными помещениями позволяла им играть ту роль, что и боковые приделы храма с нишами Ай-Ханум, оставаясь при этом обводными коридорами, так как они, сохранившись в структуре, потеряли свою роль в функциональной изоляции целлы (Schippmann K., 1971. P. 177, сл.; Кругликова И. Т., 1986. С. 6, сл.; Пичикян И. Р., 1991. С. 144, сл.).

К этому же типу структуры храмовой архитектуры следует отнести и храм Геракла—Веретрагны на террасе Масджид-и Сулейман. Для него также характерны наличие колонного айвана на основном фасаде и существование прямой связи целлы с боковыми коридорами. Здесь Р. Гиршман особо подчеркивает вавилонские черты планировки храма, отмечая сдвинутую ось входа между наружным входом и входом в целлу (Ghirshman R., 1976. P. 189).

Морфологически промежуточное положение между последними типами занимают так называемые храм-дворец Халчаяна и храм Бард-е Нешанде в Персиде при общей поперечно-осевой схеме планировки и наличии коридорообразных помещений у них лишь вдоль боковых фасадов целла полностью изолирована, и сообщение с боковыми приделами осуществляется через колонный айван. Иначе говоря, при наличии боковых приделов на храме Бард-е Нешанде и значительной их развитости на Халчаяне, функционально они

ближе к схеме типа мегарон, снабженному обводными коридорообразными помещениями, хотя на тыльном фасаде таковых не имеют (Пугаченкова Г. А., 1966. С. 30, сл.; Ghirshman R., 1976).

Что касается культового содержания этой наиболее многочисленной группы храмов общей планировочной схемы, то они, подобно многочисленным истокам своих архитектурных традиций, дают разнообразие осуществлявшихся в них культов. Так, храм на Тахти-Сангине, являясь храмом огня, был посвящен локальному божеству р.Окс, храм на Дильберджине, как считает И. Т. Кругликова, в силу перипетий этнополитических судеб, сохраняя особенности своей структуры при многочисленных перестройках, неоднократно и коренным образом менял содержание и объект своего культа. Храм фратарак был посвящен культу огня.

Храм или дворец Халчаяна, как считает Г. А. Пугаченкова в своих последних публикациях, был связан с культом представителей династии Кушан (Пугаченкова Г. А., 1973. С. 127).

Что касается храмовых сооружений, долго функционировавших и неоднократно перестраивавшихся на террасах Масджид-и Сулейман и Бард-е Нешанде, то Р. Гиршман полагает, что на Масджид-и Сулейман сначала осуществлялся культ огня, сменившийся затем культом Афины и Геракла, для которых македонцами были построены два храма. В парфянский период Геракл идентифицировался с Веретрагной. Храм же парфянской поры на террасе Бард-е Нешанде был, согласно Р. Гиршману, посвящен культу Анахиты и Митры, а на верхней террасе был подиум под открытым небом, посвященный Ахурамазде (Ghirshman R., 1976. P. 224, сл.; Его же, 1977). Он полагает, что именно в районе Бахтиярских гор на комплексах Масджид-и Сулейман и Бард-е Нешанде формировалась тетрада культа основных божеств пантеона зурванизма: Ахурамазда, Анахита, Митра, Веретрагна, являвшиеся, как считает Р. Гиршман, ипостасями Зурвана, начиная уже с парфянского времени (Ghirshman R., 1977).

Девятый тип представлен единственным храмовым комплексом, гармонично сочетавшим в себе осевую планировку с айванным портиком, пронаосом и наосом в обводе коридоров с башнеобразным сооружением на тыльной стороне на месте опистодома греческого храма. Это известный храмовый комплекс Джандиал в Таксиле (II—I вв. до н.э.), выстроенный из камня. Дж. Маршалл сравнивал его с греческим перистильным храмом, однако не вызывает сомнения, что стена с частыми просветами, образующая обводной коридор храма по трем сторонам, генетически связана с обводным коридором и лишь в подражание колоннаде греческого перистиля он был прорезан частыми проемами (Marshall J., 1960. P. 85).

В заключение следует подчеркнуть, что синкретическая культура эпохи эллинизма и последующего периода оставила рассматриваемую выше синкретическую в своих исходных основах культовую архитектуру, культы и божества которым были посвящены эти храмы.

В большинстве перечисленных храмов найдены обломки скульптурных изображений божеств, которым они посвящались, а также алтари огня. Но в обоих случаях хранилища огня, как и хранилища сакрального пепла, находились в подсобных, чаще боковых коридорообразных помещениях. На Сурх-Котале, Тахти-Сангине, храме Диоскуров на Дильберджине во II—III вв. в специальных помещениях справа от целлы были сооружены большие квадратные подиумы, где хранился священный огонь (Slumberger D. и др., 1983. Р. 38, сл.; Кругликова И. Т., 1986. С. 46, сл.; Verpaar P., 1994. Р. 94—98). В разделе об архитектуре городского храма Еркургана мы упоминали об аналогичном же алтаре западного здания самого храма. Он находился в специальном помещении и относился к I—II строительным периодам храма.

Характерно, что все они имеют около 2 м в стороне и 70—80 см в высоту. На втором храме Пянджикента хранилище огня и золы находилось справа от самого святилища.

Приступая к вопросу о характере культовых обрядов, проводившихся в храмах данного типа, следует упомянуть, что еще в самом начале изучения храмов Пянджикента А. М. Беленицкий, исходя из свидетельств культовой живописи, установил, что основу обряда составляло жертвоприношение огню небольших количеств масла и плодов (Беленицкий А. М., 1959. С. 19, 32). Сейчас же следует подчеркнуть, что четкой связи между типами храмового зодчества и осуществлявшимися в них ритуалами, нет. Поэтому на основе типа храма и даже особенностях набора культового инвентаря судить о доктрине культов, отправлявшихся в этих храмах, мы не можем, не говоря уже о возможных различиях в осуществлении культа различных божеств. Яшты, как отмечалось, рекомендуют поклоняться Митре возлиянием хаомы, а Веретрагне — резать скот. В древней Средней Азии видимо сама процедура поклонения — литургия, не была канонизирована. В процессе служения в качестве элементов ритуала выступали возлияния молока, воды, сока растений, воскурения жира и семян растений, были и кровавые возлияния. Все это, вероятно, сопровождалось произнесением отдельных гимнов. Об изменении содержания культа в храмах можно догадываться лишь по изменениям тематики живописи, украшавшей стены его интерьера, как в случае храма Диоскуров городища Дильберджин или как по второму храму Пянджикента, где одно время функционировало специальное хранилище огня, позже

заложенное (Кругликова И. Т., 1986. С. 107, сл.; Шкода В. Г., 1990. С. 148. сл.).

Более того, при смене характера культа в храме, что обычно осуществлялось бюрократическим директированием сверху при смене власти, характер культовых церемоний по инерции культовых служителей, обычно приверженных традиции, мало в чем мог меняться.

Однако коренные отличия открытых культовых сооружений и платформ, а также крытых храмов, рассчитанных на сложные священнодействия в специально оформленных интерьерах, позволяют предполагать различия в литургии, осуществлявшейся на культовых комплексах, архитектура которых была связана с урбанизированной средой оседло-земледельческих оазисов.

Е свою очередь за этим стояли различия в культово-ритуальных традициях и мифологических циклах и сюжетах оазисов Средней Азии, тесно связанных с эллинизированной цивилизацией Ирана и Ближнего Востока и кочевых по происхождению династов, организовавших на обломках империи Александра Македонского новые государства — носителей иных, более архаичных мифологических циклов с живучими реликтами древних индоарийских сюжетов.

Ритуалы поклонения, реконструированные Р. Гиршманом для священных террас Тахт-и Сулейман и Бард-е Нешанде и В. Г. Шкодой для храма Пянджикента, на уровне допустимой гипотезы выглядят убедительно, однако, насколько обязательно было поклонение всем святыням храма Пянджикента в каждом отдельном случае, можно лишь догадываться (Ghirshman R., 1977. Р. 345; Шкода В. Г., 1999).

Ясно одно, что небольшие двухчастные храмы с хранилищем священного огня в одном из помещений соответствуют функциональной модели Г. Гроппа, выделившего на этнографическом материале парсов храм типа агиари, состоявший из адурiana — хранилища огня, и даре-михра — зала для церемоний, где периодически возжигался отпочкованный из атешкаде огонь. В случае больших обширных комплексов роль адурiana или атешкаде выполняло одно из боковых помещений, целла обычно являлась местопребыванием изображения божества (на храме Окса, в Халчаяне, Пянджикенте и других в целле не было обнаружено ни алтаря, ни скульптуры), а для проведения ритуальных церемоний служили вестибюль, айван и двор.

Традиционное единство линейной функциональной связи двора, айвана и святилища рассмотренных храмовых сооружений Средней Азии и Ирана, начиная с первых веков до нашей эры вплоть до раннесредневековых храмов Пянджикента, следует объяснить неизменностью ритуальных действий, происходивших в них. При всех возможных различиях божеств, которым они были посвящены,

ритуалы были построены таким образом, что эмоциональное взаимодействие субъекта и материального объекта культа осуществлялось строго по заданному направлению, священному само по себе и направленному от изображения божества в святилище к верующему (большинство этих храмов главными фасадами ориентированы на юг, юго-восток или восток). И все средства психологического воздействия были выстроены по этой линии, с расчетом на постепенное нарастание оказывавшегося воздействия. Конечной кульминационной точкой этой оси являлось изображение божества в глубине святилища. Вошедший в храм прихожанин оказывался перед обширным колонным айваном, украшенным живописными изображениями (Еркурган), барельефами (Халчаян) или скульптурой в нишах (храмы Пянджикента). Пол двора, айвана и святилища храма Еркургана по мере приближения к богине постепенно повышался. Наличие большого поперечного уступа (высотой около 1 м), не доходя до айвана во дворе храма Еркургана, указывает на то, что дальше была зона, доступная лишь самим служителям культа. И весь айван с красочно расписанными стенами, пламя священного кострища, предметы культа, жрецы, занятые священными церемониями на айване и, возможно, фигура самой богини, мерцавшей в полутьме святилища, т.е. вся эта театрализованная сцена ритуала была обращена к поклонявшимся. По материалам храмов Пянджикента предполагается применение и сценических приемов бутафории с целью усиления эффекта правдоподобия «чудес» в святилище (Распопова В. С., 1993, С. 57). Прихожанин, будучи зрителем этих церемоний, мог, оставаясь наедине с самим собой, погрузиться в свои чувства и мысли. При этом внимание поклонявшихся друг к другу могло помешать и отвлечь от того индивидуального экстаза, на который были рассчитаны ритуал и архитектура храма, в котором он осуществлялся. В священнодействии, наряду с изображениями божеств, обычно важную роль играл и огонь. Еще в VIII в. китайский источник о храме огнепоклонников в Дуньхуане сообщает, что там были изображения божеств (Чугуевский Л. И., 1971. С. 153).

По иному сценарию были построены ритуальные церемонии на священных террасах Бард-е Нешанде и Масджид-и Сулейман. Здесь пламя на алтаре, вознесенное на высокий подиум, одновременно освещало всех верующих, стоявших вокруг подиума с алтарем. При этом, как считает Р. Гиршман,

всю толпу легко охватывало чувство вдохновения, связанное с идеями культа, и огонь, находившийся в середине церемонии, был одновременно и средоточием религиозных чувств членов общины. Структура церемонии была центричной, предполагается, что это был народный в своей основе ритуал, видимо, с сильным эффектом сплочения поклонявшихся (Ghirshman R., 1976. P. 345). Не исключено, что сасанидские чахартаки являлись попыткой возрождения по-новому этой древней формы культа огня и соответствующей религиозной атмосферы с вытекающими из нее психологическими последствиями. Храмы же выше рассмотренной осевой композиции возводились верхушкой древних обществ и чаще были посвящены божествам — покровителям царствовавших династий.

Эта модель культового ритуала отличалась от тех, что осуществлялись в святилищах огня типа Тиллятепе и тех, что проводились на сакральных площадках под открытым небом. Они, как и осевая архитектура этих храмов, корнями своего происхождения уходят в традиции культовых священнодействий Ближнего Востока и Средиземноморья, хотя и функционировали, если не на базе зороастрийской доктрины, то, во всяком случае, в контексте пантеона мифологии Турана и Ирана с включением отдельных синкретических божеств вроде Наны.

Иконоборчество жрецов эпохи Сасанидов вновь возвращает Иран к поклонению чистым стихиям и абстрагированному сущностному пониманию божества. В то время трижды была произведена кодификация текста «Авесты», канонизированы пантеон и культ.

Резюмируя в целом характерные особенности храмового зодчества Согда и Бактрии эпохи античности и раннего средневековья, следует отметить, что оно, при всех отмеченных отличиях структуры планировки, объединялось рядом общих свойств и особенностей.

Ниже суммированы основные признаки, объединявшие главные храмовые комплексы древности и раннего средневековья, известные в Бактрии и Согде, несмотря на то, что большинство храмов Бактрии было возведено еще в античности, а согдийские строились преимущественно в хионитское и эфталтское время.

Данные приведены по основным публикациям храмовых комплексов А. М. Беленицкого, В. Г. Шкоды, Г. А. Пугаченковой, П. Бернара, М. Ле Берра, А. П. Франкфора, И. Т. Кругликовой, Д. Шлюмберже, Ж. Фусмана, И. Р. Пичикяна, М. К. Самибаева, Г. А. Семенова.

№	Храм	Солярная ориентация	Плат- форма	Кори- дор	Изобра- жения	Огонь, пепел	Вода
1.	Тахти-Сагния	+	+	+	+	+	+
2.	Храм с пинами Ай-Ханум	+	+		+	+	
3.	Р-1 Дильберджин	+		+	+	+	
4.	Р-Х Дильберджин	+			+		
5.	Халчаян			+	+	+	
6.	Сурх-Котал	+	+	+	+	+	+
7.	Найксад	+		+		+	
8.	Еркурган	+	+		+		+
9.	Кургантипа	+	+	+	+	+	
10.	Инджикент	+	+	+	+	+	+
11.	Джартепа	+	+	+	+	+	+

Данная таблица выявляет значительную близость, если не общность религиозно-культовых традиций Бактрии и Согда. Причем в данном случае нет увязки типологии храма и культовых ритуалов с каким-либо конкретным божеством. Тут и божество Окса, и мужское божество храма на Ай-Ханум, а также женские божества Еркургана и Пянджикента.

Была общая традиция культового зодчества и глубоко традиционная народная культовая практика, сводившаяся к таким незыблемым положениям, как солярная ориентировка святилищ, ритуал возжигания огня с жертвой жира и фимиама, возлияния с почитанием воды, связанным с фетишизмом и мифологическим мышлением древних обществ. Это культовое сознание было той почвой в обычаях и культовой практике всего общества, на которой приживались или не приживались новые божества, новые мифологические сюжеты или этико-теософские концепции, как, например, учение Заратуштры или Будды. Основополагающая роль этнографических обычаев в формировании культовых обрядов раннесредневекового Согда уже отмечалась в связи с культовым искусством Пянджикента (Беленицкий А. М., Маршак Б. И., 1976. С. 85). Это приводило к тому, что при смене культа храма и объекта почитания в связи с политическими или династийными пертурбациями внешне в ритуале мало что менялось, для общества храм продолжал оставаться святыней.

Многие из особенностей культовой архитектуры Средней Азии, как, например, их возведение на высоких платформах, фланкирование центральной части коридорами имели местные прототипы, уходящие корнями в глубь тысячелетий (Исаков А. И., 1991. С. 71, сл., табл. 1).

Особенно устойчивым признаком самых различных культовых сооружений является их солярная ориентировка: на восток были обращены входы в священные города Хорезма Кой-Крылганкалу и Топраккалу; на восток — входы в погребальные ограды и курганы саков и массагетов (ИК, т. I. С. 145, 178, 239). Схожую солярную ориентацию имели и наусы Средней Азии (Grenet F., 1984. P. 250).

Аналогичным образом храмовое зодчество Греции существовало как единая архитектурно-типологическая традиция, не связанная с каким-либо конкретным божеством олимпий-

ского пантеона, но принадлежавшая ему в целом.

В кушанское время в тесной застройке городских кварталов появились отдельные храмовые сооружения аморфной планировки. По характеру культовых аксессуаров, наличию скульптуры и живописи, а также, видимо, и проводившимся в них обрядам они близки вышерассмотренной основной группе храмовых сооружений Бактрии и Согда. Это южный и северный храмы городища Дальверзин и храм на раскопе X городища Дильберджин в Северном Афганистане (Пугаченкова Г. А., 1978 б. С. 130; Ртвеладзе Э. В., 1978 а; Кругликова И. Т., 1982. С. 160, сл.; Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В., 1990. С. 92—93).

Для структуры планировки вышеперечисленных храмов характерно, что в их центре находились основные святилища, которые окружали различные по размерам и пропорциям подсобные помещения. Во всех их были найдены обломки скульптуры. Кроме того, оба храма Дальверзинтепа имели алтари для возжжения огня. Что касается храма на раскопе X Дильберджина, то сначала объектом поклонения была скульптура женского божества, а затем, при последующих перестройках, ее место заняла триада сидящих на троне божеств, среди которых есть и женские, и мужские образы.

Характерно, что скульптура женского божества, относящаяся к I строительному периоду (I в. до н.э.), иконографически имеет много общего со скульптурой храма Еркургана III строительного периода (т.е. IV в. н.э.). Лица скульптур раскрашены ярко-красной краской, на лбу, щеках и подбородках имеются розетки из точек. Возможно, хронологически они окажутся более близкими, дата I строительного периода храма на Дильберджине предположительна (Кругликова И. Т., 1982. С. 168).

Для архитектуры храма раскопа X Дильберджина характерно присутствие черт, роднящих композицию его планировки с сооружениями храмового зодчества месопотамского типа; поперечное расположение целлы и наличие большого постамента для скульптуры напротив входа. При соблюдении общей поперечно-осевой симметрии всего здания последующие перестройки эту схему сохраняют (Кругликова И. Т., 1982, рис. 5).

Северный храм Дальверзинтепа дал ряд материалов, позволяющих предполагать, что он был посвящен культу женской богини

(найлены обломки ее скульптурного изображения), связанной со змеей и растениями. Фигурки младенцев в руках персонажей на живописи указывают на то, что она была покровительницей деторождения (Ртвеладзе Э. В., 1978 а. С. 81).

Как отмечалось, наряду с типичными для той эпохи престижными храмовыми сооружениями с колоннадой, айванами и залами, украшенными живописью и скульптурой, продолжали функционировать и традиционные, более архаичные типы культовых сооружений. Сакральные площадки или алтари под открытым небом типологически являются наследием более раннего автохтонного культового зодчества. В IV—III вв. до н.э. продолжало функционировать святилище огня ахеменидского времени на Ичянлыдепе в Приаралье (Вайнберг Б. И., Юсупов Х. Д., 1981; Юсупов Х., 1984). В Бактрии на цитадели Ай-Ханум и на Эрркале Мерва в раннеэллинистическое время функционировали алтари огня, на которых обряды возжжения проводились под открытым небом, согласно архаическим ритуалам. Алтарь в Мерве нами был уже упомянут, алтарь или священная платформа акрополя Ай-Ханум была возведена в постахеменидское время по более раннему образцу (Bernard P., 1976 а, Р. 272, сл., Его же, 1979. taf. 44; Бернар П., 1983; Усманова З. И., 1993.) Он имеет 16 м по сторонам и ступенчатый по вертикали профиль, считается, что подиум наверху мог использоваться для кровавых жертвоприношений, хотя и здесь имеются следы пепла (Boyse M., Grenet F., 1991. Р. 182—183).

Однотипные культовые сооружения в виде прямоугольника, вписанного в круг, датируемые IV—II вв. до н. э., были открыты и изучены Б. И. Вайнберг в храме-крепости Калалы-2 и на поселении Гяур-кала (Вайнберг Б. И., 1991. С. 30, сл. С. 37, сл.). Оба они имели около 25 м в диаметре, а в центральном прямоугольном или боковых секционных помещениях находились квадратные кирпичные алтари со следами прокала и горения огня. Входы были оформлены в виде овальных башен. Б. И. Вайнберг допускает гибель этих круглых храмов во II в. до н.э. в результате усиления царской власти, которая в союзе с кочевниками разгромила эти храмы, служившие оплотами жреческой власти, сохранившей свою роль со времени вхождения Хорезма в государство Ахеменидов (Вайнберг Б. И., 1991. С. 40), после чего в Хорезме было прекращено строительство храмов вне городов или царских резиденций. Их композиция аналогична опубликованному В. И. Сариниди храму Кутлугдепе.

Характерны найденные на Калалы-2 фляги со сценами на мифологические сюжеты, амфоровидный ритон с наклепными фигурками, и самые ранние в Средней Азии терракотовые фигурки женского божества. Считается, что храмы были связаны с общей идеей плодородия.

Можно полагать, что храмы с круглым внешним абрисом и прямоугольной целлой имели связь и с мемориальным культом, на что указывает аналогичная планировка наиболее ранних мавзолеев Тагискена и последующих мемориальных сооружений, в частности таких, как круглый мавзолей Чирикрабата (Толстов С. П., 1962. С. 144, сл.; Трудновская С. А., 1963).

Общеиндоевропейская символика композиции погребальных сооружений Приаралья в виде квадрата, вписанного в круг, как уже отмечалось, достаточно подробно описана Л. А. Лелековым (Лелеков Л. А., 1972; Его же, 1976 а). О широком распространении этой символики в древности косвенно свидетельствует и форма денег, впервые введенная в государстве Цинь в виде кружка с квадратным отверстием в центре, где круг означал небо, а квадрат в центре — землю (ИДМ, т. II, 1982. С. 505). Для погребального обряда курганных могильников той эпохи Хорезма (IV—II вв. до н.э.) было характерно сочетание кремации и оссуарных погребений.

Отдельно выделяется типология строго центрических композиций культовой архитектуры сако-дахских и сарматских племен. Это в основном сооружения, имевшие в своей композиции сочетание круга с квадратом или крестом, квадрата с крестом.

Храмовых комплексов с подчинением планировки только идее круга также немного, обычно круг сочетается с квадратом или крестом. Но, тем не менее, к первым можно отнести храмовые комплексы Кой-Крылганкалы и Джигатепе близ Дильберджина в Северном Афганистане. Как полагают, оба они связаны с заупокойным культом. Кой-Крылганкала считается храмом погребального и астрального культа (Толстов С. П. 1962. С. 133—134; Рапопорт Ю. А., 1971. С. 47—49). На Джигатепе найдена греческая эпитафия, высеченная на каменной плитке (Пугаченкова Г. А., 1979 а. С. 75, сл.; Bernard P., 1987. Р. 112, сл.; Сердитых З. В., Кошеленко Г. А., 1987).

Принципиальное отличие архитектурного замысла Джигатепе от первого заключалось в том, что поначалу внешняя его стена имела проходы по всему периметру, в каждой куртине между тридцатью его башнями, которые впоследствии были заложены, за исключением одного. Попутно следует отметить, что плитка с эпитафией от надгробия, найденная в 1974 г. на поверхности городища Джигатепе в процессе работ при участии автора близ внешней стены, была изготовлена не из керамики, как опубликовано (Пугаченкова Г. А., 1979. С. 75), а из красно-коричневой песчаниковой породы, т.е. она была каменная, как и обычные греческие эпитафии.

Весьма оригинальным является сооружение Ташкалак, расположенное на обширной террасе отрогов Гиссарского хребта, на правобережье р. Кичикурадаря, между Север-

ной Бактрией и Южным Согдом. Оно представляло собой круглую в плане кольцевую каменную выкладку диаметром более 200 м. Выкладка была образована дорожкой шириной 120—150 см, выложенной из камней (рис. 17).

Непосредственно вдоль этого кольца находятся шесть круглых каменных насыпей до 10 м в поперечнике, три на юге и три на северной стороне, причем в центре располагались крупные, а с двух сторон более мелкие насыпи. Вскрытия некоторых из них никаких находок не дали, лишь под одной насыпью были выявлены остатки костра. Отдельные фрагменты керамики, извлеченные отсюда, позволяют датировать это сооружение не позже рубежа нашей эры. Внутри кольцевой выкладки ничего не было, если не считать остатков сравнительно небольшой подпрямоугольной площадки, вымощенной тем же мягким плитчатым известняком, что и само кольцо. Эта вымостка располагалась ближе к северо-западному краю и была очень плохой сохранности. По сообщениям местных старожилов, отсюда жители соседнего Дехканабада активно вывозили куски камня для строительных нужд, местами и в самой кольцевой выкладке от больших камней остались лишь следы в земле. Это сооружение располагалось среди небольших курганных могильников, вытянутых цепочкой вдоль правобережья Кичикурадарьи, и являлось, видимо, культовым местом скотоводческих племен, оставивших эти могильники. О том, что это место имело сакральное значение, население окрестных селений помнит и сейчас, здесь проводятся календарные празднества — сайли, периодически устраивается самый крупный в окрестностях скотный базар. В отличие от остальной части долины рек бассейна Кашкадарьи это место охраняется от распахки под пшеницу (Сулейманов Р. Х., 1993).

Отдаленные параллели и прототипы данного сооружения имеются в культовых сооружениях савроматов Южного Приуралья, Приаралья и Семиречья (Акишев К. Д., Кушаев Г. А., 1963; Смирнов К. Ф., Попов С. К., 1969; Итина М. А., 1984.). Но округлые, квадратные, прямоугольные культовые места сарматосакских племен, расположенные на равнине, окружены земляными валами и имеют внутри мощные золисто-углистые отложения, указывающие на их связь с культом огня, и размеры их очень малы по сравнению с Ташкалаком, не более 59—60 м в поперечнике. Функционально они служили местами жертвенных возжжений и жертвоприношений, связанных с заупокойным культом, так как во всех случаях эти сооружения находятся среди курганных могильников. Превосходит Ташкалак своими масштабами и кромлехи эпохи бронзы (Мунчаев Р. М., Нечитайло А. Л., 1966).

С первых веков до нашей эры по среднему течению Сырдарьи и ее притокам складыва-

лась каунчинская культура. Отличительной особенностью культового инвентаря этой культуры являются так называемые очажные подставки или шашлычницы в виде спаренных протом баранов или других животных, использовавшиеся при возжжении огня. В III—IV вв. представители племен среднего и нижнего течений Сырдарьи переместились в Согд. В литературе отмечается, что толчком этих перемещений, с последующим существенным изменением политической и этнокультурной картины всей Центральной Азии, послужили движения гуннов в обширном степном поясе Евразии (Тревер К. В., 1954; Толстов С. П., 1962. С. 232, сл.; Луконин В. Г., 1969).

Основной культовый комплекс этой культуры — городище Шаштепа, состоявшее из крестовидного в плане центрального сооружения, окруженного затем круглой в плане внешней стеной. Как уже отмечалось, к наиболее ранним сооружениям этого типа относятся сакские мавзолеи Приаралья, к поздним — архитектурные комплексы Билувур, Арктепа и сооружение в районе Каркидонского водохранилища (Толстов С. П., 1962. С. 80, сл.; Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина А. А., 1963. С. 37, сл.; Рапопорт Ю. А., 1971. С. 12; Горбунова Н. Г., 1972; Её же, 1977. С. 108, сл.; Её же, 1985. С. 46; Её же, 1994; Заднепровский Ю. А., 1985 б). Шаштепа как раннее сооружение крестовидной структуры носитель каунчинской культуры в то же время дает ряд ценных свидетельств развития мемориального культа.

На храме Шаштепа в одном из центральных помещений находился ступенчатый подиум, в соседнем помещении на полу были найдены остатки разрозненных человеческих костей. Кроме того, в помещении, образованном северной частью крестовидной планировки, стены были окрашены красной охрой, и у одной из них находился кирпичный алтарь, на поверхности которого обнаружены следы огня. По внешнему же периметру северной части крестообразного центрального сооружения в обмазку стен были вмонтированы вертикально поставленные жерди, от которых остались трубчатые отверстия (Грицина А. А., 1987; Филианович М. И., 1989. С. 38).

На Шаштепа зафиксирована переходная форма ритуала от архаического обряда кремации в погребальных мавзолеях приаральских саков к более позднему общественному сооружению (культово-мемориального содержания). Для него характерна архитектура монументального наземного сооружения длительного использования, целиком возведенного из кирпича и пахсы. Жечь его уже невозможно. Отсутствуют и свидетельства ритуального сожжения, столь характерного для мавзолеев Приаралья, хотя традиционная обрешетка стен жердями и сохранилась, но здесь она уже снаружи. Интерьер состоит из множества прямоугольных и коридорообразных помещений со сводчатыми перекрытиями.

Но, главное, они дифференцированы в соответствии с достаточно сложным ритуальным обрядом. В одной из двух центральных комнат найдены фрагменты разрозненных человеческих костей (не исключено, что они очищенные). Во второй в центре находился ступенчатый постамент для проведения каких-то обрядов*.

В помещении северной секции Шаштепа кирпичный алтарь у стены со следами сильного огня указывает на то, что тут проводились возжжения огня, связанные с поминовением душ предков, кости которых хранились в центральном помещении. Характерны мелкие лунки от ветвей или жердочек, воткнутых по краю этого алтарика. Это, видимо, имитация или символ погребального шалаша и деревянных конструкций, сжигавшихся в мавзолеях Приаралья, но производилось ли это здесь, непонятно.

О роли прутьев и ветвей деревьев в культе и ритуале древних племен Средней Азии и скифов известно достаточно много, начиная от священных прутьев барсома зороастрийцев и кончая большими холмами из хвороста, на вершине которых помещался меч, символизировавший, согласно Геродоту, божество войны у скифов Причерноморья. Большую роль в жизни скифов, по Геродоту, играли прорицатели, гадавшие с помощью пучка священных ивовых прутьев. В курганах знатных представителей общества савроматов гробница и древняя дневная поверхность застилалась свежими ветвями тополя, над которыми возводилась земляная насыпь кургана. В погребальных курганах савроматов прутья и ветви играли важную роль, смысл которой до конца не выяснен (Кадырбаев М. К., 1984. С. 91). Но, в отличие от приаральских саков, савроматы не сжигали шатровые деревянные камеры над погребенным, а возводили высокую земляную насыпь. Возможно, ветви и символизировали вышний, небесный огонь, к которому в дальнейшем приобщалась душа погребенного. Ритуальный жертвенный очаг разжигался в самой камере (Кадырбаев М. К., 1984) и был характерен для погребений жриц.

Однако в синхронном могильнике Уйгарак в степной зоне, бедной древесной растительностью, отмечаются погребения, где нет ни погребального шалаша, ни столбовых конструкций. Их символически заменяли ямки, окружавшие погребение в виде пунктира, символизировавшего основание погребальной деревянной конструкции (Вишневская О. А., Итина М. А., 1971. С. 197). Здесь же, на сакских погребениях середины — второй половины I тысячелетия до н.э., мы наблюдаем тот же обычай покрытия растительностью могильной ямы и дневной поверхности под курганной

насыпью, правда ветви деревьев здесь заменены камышом. Близость погребального обряда саков низовьев Сырдарьи савроматам Южного Приуралья отмечена исследователями (Вишневская О. А., Итина М. А., 1971. С. 200, сл.). Количество сожженных погребений, по сравнению с более ранним могильником Северного Тагискена, здесь резко уменьшается.

О важном культовом значении злаковых растений свидетельствуют стебли пшеницы (снопы без колосьев), специально уложенные в ямку вместе с древнейшими в Средней Азии терракотовыми фигурками женского божества в полу одного из помещений круглого храма Калалы-2 IV в. до н.э. (Вайнберг Б. И., 1991. С. 29).

Таким образом, можно полагать, что по мере продвижения мемориальных сооружений крестовидной схемы планировки из низовьев Сырдарьи в районы бассейна р. Чирчик значительно сменились как характер культа, так и сам обряд погребения. Место сжигаемого каркасного сооружения занял монументальный мавзолей, сохранивший ряд признаков прежних сооружений. Л. М. Левина отмечает, что и в районах самого Приаралья в так называемых крестовинах — поздних мавзолеях потомков сакского населения, обряд кремации сменился труположением (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. С. 97). Но в мавзолее Шаштепа появились специальные помещения, где, возможно, совершались ритуалы, имитировавшие древний обряд сжигания мавзолея, и совершались периодические служения душам предков. Здесь ритуал поклонения им и место хранения останков самих погребенных находились в разных помещениях. При останках погребенного уже была сформирована поминальная молельня с алтарем.

Далее, в том же Ташкентском оазисе наблюдается дальнейшее развитие сложившейся на Шаштепа обрядности и сакральной архитектуры, связанной с культом предков. В частности, на городище Кугаиттепа была открыта площадка с ямкой в центре, с возвышением в южной части, обнесенная стеной, на площадке и выступе насчитывалось более 20 углублений от шестов, образовывавших шалаш над ямкой, рядом с которой выявлены следы возжигания огня, здесь же на возвышенном приступке находилась курильница. Это сооружение датируется III—IV вв.

Следующее по времени культовое сооружение тоже располагалось на Кугаиттепе в помещении раннесредневекового дома, и также имело вид ритуальной площадки со слегка вогнутой поверхностью, заполненной плотным слежавшимся пеплом. Сверху площадка была ограничена выступом с отверстиями от шестов. Последующим по времени на Кугаиттепе было святилище хорошо известного для VII—VIII вв. типа в виде прямоугольной комнаты с суфами вдоль стен и прямоугольным алтарем в центре со следами огня (Грицина А.,

* Выражаю исследователям М. И. Филипович и А. Грицину искреннюю признательность за подробные и ценные пояснения в дополнение к опубликованному по Шаштепа сведениям.

1984; Его же, 1987). Таким образом, в Ташкентском оазисе представлен ряд культовых сооружений, позволяющих проследить развитие типологии храмов и обрядов культа предков, уходящих корнями в типологию мавзолеев сакского населения низовьев бассейна Сырдарьи. Эти культовые сооружения свидетельствуют о важном месте представлений, связанных с культом предков, в идеологии населения каунчинской культуры.

Таким образом, анализ рассмотренного материала позволяет сделать предположение, что декоративный деревянный купол того типа, что был обнаружен под потолком святилища эфталито-тюркской поры на цитадели Канки, был тесно связан с символикой конструкции вышерассмотренных храмов и генетически восходит к шалашевидным конструкциям над алтарями огня каунчинской культуры (Гуревич Л. Л., 1990). Суть динамики культового зодчества и связанных с ним обрядов можно истолковать так: носители складывавшейся сарматской культуры, оставались в то же время, как и поздние наследники андроновских культурных традиций, носителями реликтов культа индоарийского погребального огня. Так, в крестовинах II—I вв. Приаралья, на Шаштепа, в условиях сохранения старой архитектурной символики начал исчезать обряд кремации, сменившийся ингумацией, а затем и выставлением, что сопровождалось выработкой мемориальной культовой архитектуры. Все это происходило под влиянием погребальных обрядов и культовых традиций оседлого населения оазисов Бактрии, Согда, Хорезма и Ферганы.

На комплексе Шаштепа, в отличие от мавзолеев Тагискена и савроматских курганов, останки людей и алтарь огня находились в разных помещениях. Но и такое отделение погребального помещения от поминальной комнаты, где возжигался огонь, также не являлось принципиальным новшеством, на том же могильнике Бесоба, оставленном савроматами Илека в VI—V вв. до н.э. (синхронном мавзолеем саков Приаралья), наряду с курганными погребениями были выявлены специальные деревянные шатровые поминальные сооружения с жертвенными подношениями внутри. Они были возведены из бревен и сожжены в процессе поминальных ритуалов и затем замурованы землей. Эта процедура практически повторяла ритуал сожжения деревянных алтарей арханческими греками, которые после сожжения тоже замазывались сверху глиной. Но у савроматов это ритуальное сооружение было связано с двумя крупнейшими курганами могильника (Кадырбаев М. К., 1984).

Принципиальным новшеством комплекса Шаштепа было то, что это долговременное культовое сооружение, целиком возведенное в традициях наземной глинобитной архитектуры, послужило в этом своем качестве эмбрионом сначала храмового поселения, а затем

города Ташкента. Первоначальная его структура имела, как уже отмечалось, характер космограммы, что присуще догородским или раннегородским монументальным сооружениям того типа, что известны на Дашлы 3. Если на Шаштепа ритуальный огонь и кости находились в разных помещениях, то на Кугантепа и Канке это уже чисто поминальные храмики в укрепленных замках, костяки же обнаружены в некрополе за поселением.

Аналогичную структуру, а также, видимо, и сходное назначение имели крестовидные центральные сооружения Билувуртепа и Арктепа. Шаштепа и Билувуртепа имеют крестообразные монументальные сооружения, окруженные круглой внешней стеной. Крестообразное сооружение Арктепа вписано в квадрат внешних стен (Филанович М. И., 1983, табл. I; Горбунова Н. Г., 1985; Заднепровский Ю. А. 1985 б). Остальные сооружения этого типа, связанные, как мы полагаем, с периодическими поминальными ритуалами культа предков, такие, как Чольтепа и Кызыл-Кайнартепа в Семиречье, Актепа Чиланзарское в Ташкенте, четырех-, а затем восьмилепестковое в плане сооружение близ Керкидонского водохранилища в Ферганской долине — все они имели следы возжигания огня, связанного с мемориальным культом (Мерцнев М. С., 1970; Филанович М. И., 1977; Её же, 1983. С. 109—140; Горбунова Н. Г., 1972; Её же, 1985).

Ранее нами, в связи с материалами крупного культового комплекса III—VI вв. Сеталак I, в Бухарском оазисе была выявлена серия культово-мемориальных сооружений, характерных для периода III—VI вв. в Средней Азии. Они имели крестовидную планировку и были связаны с культом огня (Мухамеджанов А. Р. и др. 1983. С. 111, сл.).

Комплекс Сеталак I трижды перестраивался, в корне меняя свой архитектурный тип. Первоначально это было квадратное в плане здание, состоявшее, как отмечалось, из одной целлы, разделенной в глубине на три секции и узкого коридорообразного помещения в глубине, вдоль тыльного фасада. Во второй период это здание было доверху забутовано. К нему с четырех сторон были пристроены четыре монолитные полуовальные башни, и все это окружено квадратной в плане внешней стеной около 40 м в стороне, со спиралевидно оформленным, так называемым скользящим входом в юго-восточном углу, типичным для укреплений и погребальных склепов джеты-асарской культуры. И, наконец, в третий строительный период весь квадрат 40 x 40 м в пределах внешней стены был забутован, и что находилось наверху этого гигантского подиума, неизвестно, как неясно и то, что было наверху предшествовавшей башни, имевшей план креста или четырехлепестковой розетки. К юго-восточному углу в третий строительный период был пристроен комплекс помещений, среди которых выделяется зал, обведенный по периметру коридором. По существу, ком-

плекс Сеталак I представлял собой три архитектурно разных типа сооружения, последовательно возведенных один над другим.

Но характер культа и проводившиеся на нем ритуальные церемонии не менялись на всем протяжении функционирования комплекса III—VI вв. Здесь, преимущественно подле восточных и южных стен комплекса и, особенно, на верхней площадке во все периоды его функционирования периодически разводились большие кострища, сопровождавшиеся жертвоприношением мелкого рогатого скота и ритуальной трапезой. По ее окончании кости жертвенных животных вместе с кострищем погребались слоем глины, земли или песка. В результате скопились многометровые слои золы, чередующейся с глиной и землей.

Характерно, что во всех строительных периодах комплекса Сеталак I имелось одно замкнутое, располагавшееся в глубине помещения, которое могло служить хранилищем огня, хотя никаких алтарей или специальных очагов для огня на Сеталак I не было обнаружено, и незороастрийский характер культа огня на нем не подлежит сомнению.

В самом конце функционирования памятника на входе в комплекс был разожжен большой костер, на золу которого были уложены очищенные кости человека, вернее, часть костей в приблизительно соответствующем анатомии порядке, сбоку был положен крестец барана, сверху находилась земляная насыпь.

Аналогичное погребение имелось на пандусе у входа в культовый, как мы полагаем, комплекс Кызылкыр, находившийся в нескольких десятках километров южнее Сеталак I и синхронный ему (Нильсен В. А., 1959). В отличие от погребения Сеталак I, там был совершен обряд ингумации взрослой женщины в богатом погребальном костюме с золотыми нашивками. Близ черепа погребенной уложена голова барана. У бедер лежало бронзовое зеркало (Нильсен В. А., 1959. С. 76, сл.). Нам представляется, что в обоих случаях это были жреческие погребения или погребения адорантов, совершенные по завету у порога в святыню, почитаемую у местного населения (Мухамеджанов А. Р. и др., 1983. С. 119). В данном случае обряд одинаковых по топографии, но разных по типу погребений свидетельствует о сложных процессах взаимодействия и контаминаций культовых и погребальных традиций в Согде эпохи хионитов и эфталитов.

Как отмечалось, сооружения Сеталак I и Кызылкыр I представляют собой архитектуру хионитского времени в бухарском Согде (Сулейманов Р. Х., 1977). И, учитывая, что здание Кызылкры хронологически предшествовало Сеталаку I, мы можем проследить развитие строительно-архитектурных идей храмового зодчества поры перехода от древности к раннему средневековью на западе Бухарского оазиса. Сначала были использованы древние, традиционные для Согда схемы планировки в виде зала в обводе коридоров для Кызылкры

I и древневосточная схема планировки храма для Сеталак I первого строительного периода, затем возобладала традиционно сакская идея центрического культового монумента крестообразного плана.

В Нахшабе IV—VI вв. также выявлено сооружение крестообразной структуры на крупной сельской усадьбе близ античного городища Киндиклитепа (рис. 75). Но, в отличие от культового сооружения Сеталак I, здесь крест образуют два пересекающихся в интерьере коридорообразных помещения первого строительного периода, деля все помещения комплекса на четыре части, группирующиеся по четырем его углам (Хасанов М., 1990. С. 18, сл.; Его же, 1995).

В данном случае, первоначально внешний абрис планировки этого сооружения был крестовидным, затем, после второго строительного периода, крест оказался включенным в прямоугольник внешних стен нового здания. Коридоры стали выполнять связующую роль между помещениями, группирующимися по четырем углам нового комплекса. Композиция сооружения второго строительного периода стала воспроизводить известные в Бактрии и Парфии схемы планировки, называемые Г. А. Пугаченковой крестовидно-коридорными (Пугаченкова Г. А., 1978. С. 27).

Еще один вариант раннесредневекового крестообразного, центричного культового сооружения представляют так называемые дома огня на Актепа в Уструшане и Актепа Чиланзарское первого строительного периода. Оба сооружения имеют квадратное центральное ядро, заполненное скоплениями зольных горизонтов, фланкированное по углам крупными башнями, придающими крестовидность общей планировке зданий (Пулатов У. П., 1977; Филинович М. И., 1977; Её же, 1987. рис. 1, 8).

Единственным пока погребальным сооружением крестообразной структуры в Бактрии является раннесредневековый склеп Биттей (Ртвеладзе Э. В., 1986, рис. 6).

Крайнее на юге культовое сооружение крестообразной планировки представляет собой сооружение «Н» в Хайр Хане близ Кабула, относящееся к эпохе раннего средневековья. Здесь центральное квадратное в плане ядро тоже фланкировано по углам крупными круглыми в плане башнями, придающими крестовидную структуру его планировке. Оно входит в обширный комплекс, связанный с культом Солнца (Haskin J., 1936).

В заключение подчеркнем, что время и территория распространения крестовидных в плане культовых сооружений совпадают с границами и временем распространения на юг и восток влияния культуры древних племен среднего и нижнего течения Сырдарьи.

Если обратиться к истокам структур крестообразной планировки, древнейшими в Средней Азии являются поселения Келели (Маси-

мов И. С., 1986) и последующий по времени так называемый храм — дворец Дашлы 3 (Сарианиди В. И., 1977 б).

Трудно сказать, имел ли храм Нушиджана предшественников на местной почве. Не исключено, что его планировка генетически может быть связана с более восточной традицией Дашлы 3 (Roaf M., 1973; Stronach D., 1975; Сарианиди В. И., 1977 б. С. 210, сл.).

В степной зоне крестовидная планировка свойственна мемориальным сооружениям и курганам кочевого скифо-сарматского населения, погребальный обряд которых был тесно связан с культом огня и обрядом кремации. Крестообразную в плане камеру, перекрытую шатровой деревянной кровлей и круглой земляной насыпью с выходом наружу, имел Курган 5 могильника Приплодный лог I Урало-Иртышского междуречья (Малютина Т. С., 1984. С. 17). В камере на полу находились кальцинированные кости погребенного и семь сосудов, все это перекрывали остатки неоднократно горевших в камере кострищ. Внутри стенки камеры, камни ограды были сильно прокалены. В итоге вся конструкция погибла от пожара. Это был курганный мавзолей черкаскульской культуры, идентичный по обряду тагискенским, но предшествовавший им по времени. Здесь огонь возжигался периодически, т.е. именно в данном кургане — мавзолее видимо следует усматривать истоки более поздних поминальных сооружений, где совершались аналогичные возжжения огня в честь духов предков, но уже без их кремированных останков.

Крестообразную планировку камеры имели и знаменитые царские курганы скифов Причерноморья, в частности такие как Чертомлык и более поздние погребения вплоть до II—IV вв. (ДГС. С. 1872, табл. F; Граков Б. Н., 1977. С. 68; Зубарь В. М., Сорочан С. Б., 1986).

Ахеменидские скальные гробницы Накши-Рустама тоже имеют ярко выраженную крестовидную структуру, спроецированную на вертикальную плоскость склонов бехистунской скалы. Но идея структуры здесь та же самая, что и у погребальных камер скифских курганов — расположение погребения в центре крестовидной структуры.

К северо-западу от Средней Азии развитие крестовидных культовых композиций продолжают жертвенные места и языческие капища древних и раннесредневековых славян. Каменная плита с крестовидным жертвенником, культовые сооружения древнего Киева, Ходосовичей имеют в плане крестовидную структуру. Капище Перуна в Перыни близ Новгорода и Красногорское святилище представляют собой в плане восьмилепестковые розетки, как и сооружение тепа № 5 близ Каркидона (Седов В. В., 1953; Его же, 1954; Винокур Н. С., 1983. С. 122; Русанова И. П., 1986). На капище Перуна в центре находилось круглое возвышение с идолом Перуна, возле

которого на каменной выкладке осуществлялись жертвоприношения, а его периферия была окружена восемью округлыми углублениями, заполненными золой (Седов В. В., 1982. С. 261. сл.). Здесь одно из углублений было сильно прокалено и доверху заполнено золой. Это дало возможность В. В. Седову предположить, что именно тут могло быть место хранения вечного огня. На красногорском святилище в двух периферийных углублениях помимо угля, золы костей животных были обнаружены погребения людей, что может быть истолковано как пережиток архаической индоарийской пурушамедхи человеческого жертвоприношения.

Наиболее ранние прототипы подобных сооружений Восточной Европы также уводят нас в древности степной зоны (Каменецкий И. С., 1986. С. 186—187).

Во всех вышеупомянутых случаях эти сооружения представляли собой модель космограммы, восходящей к единому или генетически связанному общему, более раннему источнику, представленному сарматскими святилищами огня в Шиханах и Чаштепа (Смирнов К. Ф., Попов С. А., 1969; Итина М. А., 1984), а также более ранним погребальным сооружениям саков Приаралья и скифов Причерноморья, имеющим крестовидные структуры планировки, что, безусловно, отражало одно из фундаментальных представлений человека в восприятии им окружающей среды — ориентацию по четырем сторонам света и связанными с ними мифологическими представлениями. Они повторяют ту же структуру космограммы, что и в индийской мандале и более древнем крестовидном плане дворца-храма Дашлы 3.

В литературе отмечалось, что истоки митраистской храмовой символики, как и легенда о семистенной Экбатане, восходят к представлениям о семи каршварах Авесты (Лелеков Л. А. 1992. С. 95).

Л. Л. Гуревич отмечал структурное соответствие планировочной композиции и функционального назначения Шаштепа протондийской схеме космограммы, отраженной в крестовидных и круглых ритуальных алтарях огня в погребениях Тулхарского могильника (Гуревич Л. А., 1985).

Ветви и жерди в стенах Шаштепа и мавзолеев Тагискена, по сути, являются натуральным символом кроны дерева, т.е. небесной сферы, или вершины того мирового древа, которое в качестве модели мира имело общечеловеческое распространение в эпоху мифологического мышления. Обычно корневая система мирового древа символизировала нижний подземный мир, ствол — средний мир, а крона — верх, небесный метафизический мир богов. Все это восходит к архаическим общепринятым индоевропейским представлениям о связи огня с мировым древом. Прометей похищает огонь у богов в стволе зонтичного растения, а огненное хварно Заратуштры хранилось в стволе

храмы (Цит. по: Лелеков Л. А., 1992 а. С. 170). В этом же смысле, видимо, следует понимать зороастрийское определение ветвей барсмана в качестве высшего небесного огня. Тогда становятся понятными конструктивно совершенно неоправданные шалаши в глинобитных кладках мавзолеев приаральских саков, священные холмы из хвороста с мечом наверху причерноморских скифов, о которых сообщает Геродот, и кучи свежих ветвей под курганными насыпями погребений савроматов. В последнем случае получалось довольно стройное, трехчленное по вертикали соответствие мировому древу: погребение находилось на дне могильной ямы или на земляной площадке — символе нижнего мира, погребальная камера была сложена из бревен — символа среднего мира, сверху ее и дневную поверхность вокруг засыпали слоем ветвей — символ верхнего мира, и все это перекрывала круглая насыпь — символ небесной сферы. Ступа — буддийское votивное, мемориальное сооружение, считавшееся частным лицом, с правом владения, происхождением также было связано с курганным погребальным сооружением, где по идее должен был храниться прах кремированного Гаутамы Шакьямуни — Будды, происходившего также из сакского племени. По преданиям, первые восемь ступа были сооружены после смерти основателя учения. Со времени Ашоки сооружение votивных ступа с реликвиями вместо праха и поклонение им стали характерной особенностью буддизма (Dutt S., 1962. P. 108, сл.). Таким образом, культ буддийских ступа связан в своей основе с традицией мемориальных культов сакских племен, перенесенных в новой буддийской клерикальной практике на память основателя нового учения — отшельника племени Шакья из царского рода Гаутамы.

Не вдаваясь в семантику конструктивных особенностей ступа, отметим, что древние ступа Бактрии и Гандхары имели, как правило, квадратное или крестообразное в плане основание (Foucher A., 1942. P. 22); Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., 1971. С. 45).

Известна связь конструкций ступа с мировым деревом (Irvin J., 1979), что также является пережитком древнейшей символики структуры погребальных сооружений степного скотоводческого населения.

Таким образом, группа крестовидных архитектурных сооружений Чача, Согда, Ферганы и Семиречья воплощала в себе древнюю идею трехчленной по вертикали и четырехчленной по горизонтали структуры мира, что отражено и в зороастрийском делении мира на семь каршваров или кешваров, четыре из которых подразумевались по горизонтали и три по вертикали.

Древнейшая крестовидная схема планировки сакральных сооружений, зафиксированная у оседло-земледельческого населения Бактрии на Дашлы 3 еще в эпоху бронзы, проникла в эпоху раннего железного века к

северу в среду скотоводческого населения, влияя на формирование погребальной архитектуры кочевников.

Затем, в I вв. до н. э. и позже эта традиция погребальных сооружений, сочетающих в структуре крест, круг и квадрат, с продвижением приаральских и присырдарьинских племен в оазисы Согда, Чача и Ферганы проникла в архитектуру оазисов Средней Азии, сохраняя связь с мемориальным культом. Параллельно шло и развитие культа ступа в буддизме.

Развитие храмового зодчества древнего Хорезма не повторяло форм, известных в Бактрии и Согде, Чаче и Фергане, а шло своим самобытным путем. Хорезмские храмы, как правило, входили в дворцовые комплексы или имели архаическое протогородское оформление в виде круглой оборонительной внешней стены, как у Койкылганкалы и Топраккалы Шаватской. Такие культовые комплексы, как храм на Калалыгыре, Большой Айбугиркале и Жанбаскале, были посвящены культу огня. Лишь грандиозный храм-дворец Топраккалы и храм Елхараса имеют скульптурные и живописные изображения культовых персонажей, но и здесь они даны в сопровождении алтарей огня (Рапопорт Ю. А., 1991. С. 28, сл.).

Для религии Хорезма было характерно сильное развитие культа предков и заупокойных мемориальных служений, что привело к первоначальному зарождению и развитию оссуарного обряда захоронения именно здесь, откуда он затем распространился в Согд, Чач и Мерв (Рапопорт Ю. А., 1971; Grenet F., 1984).

Свободную планировку, не подчиненную какой-либо симметрии, имел один из наиболее древних, еще неопубликованных культовых комплексов Хорезма — храм городища Большая Айбугиркала. Основное здание было возведено на обширном возвышенном цоколе. Сохранились два комплекса помещений, примыкавших к нему с севера и востока. Храм имел два строительных периода. Для первого (IV—III вв. до н. э.) было характерно большое скопление золы в специальном помещении и наличие больших напольных и малых пристенных очагов. Среди материалов второго строительного периода (I—III вв. н. э.) обнаружены находки фрагментов статуарных оссуариев. Предполагается, что сначала храм был связан с культом огня, а затем использовался в качестве святилища, связанного с погребальным культом (Мамбетуллаев М., 1994. С. 45, сл.).

В Хорезме получил распространение один из типов планировки храма месопотамского типа парфянского времени в виде анфилады помещений, соединенных по центральной оси. Это храмы городского квартала Топраккалы

в храмовом квартале у подножия дворцового комплекса городища, где было выстроено в ряд несколько храмов, состоявших из небольших помещений, вытянутых анфиладой, главные фасады их вдоль единой линии были обращены на площадь или двор этого храмового комплекса (ГТК, 1981. С. 41, сл.).

Подобные анфилады узких поперечно-вытянутых помещений свойственны храму Ниппура парфянского времени (Кошеленко Г. А., 1966. С. 152), имеющему прототипы в местной древней архитектуре. Эту же структуру планировки воспроизводит и храм на городище Елхарас IV в. до н. э.

Его структура состоит из продольного коридора с симметрично расположенными по обе стороны от него помещениями — святилищами, из которых сохранилось шесть (Рапопорт Ю. А., 1991. С. 31—32). В каждом из них находились по две ниши: очажная, где горел огонь, и для скульптуры, обломки которой были найдены в некоторых из них. Все помещения имели полихромную роспись, от которой сохранились следы. Здесь также ритуал сводился к возжжению огня, посвященных божествам, изображения которых находились в больших нишах. Храм Елхараса имел несохранившийся второй этаж.

Общая структура планировки нижнего этажа храмов Елхараса и Топраккалы совместно с храмами Калалыгыра, Гяуркалы и Джанбаскалы свидетельствует о значительной самобытности культового зодчества Хорезма, в то время когда начиная с храмов Тахти — Сангина и Кухи-Ходжа в Бактрии и Согде и южнее повсеместное распространение получили модные монументальные комплексы осевой композиции, восходящие к схеме планировки мегарона.

Издrevле для Хорезма было характерно включение храмов в структуру дворцовых комплексов. Это, прежде всего, уже упоминавшийся храм дворца Калалыгыра и аналогичное по структуре святилище во дворце Гяуркалы (Рапопорт Ю. И., Трудновская С. А., 1958; Рапопорт Ю. А., Лапиров — Скоблов М. С., 1963; Рапопорт Ю. А., 1987). Оба святилища состоят из двух помещений, большее из них имело на Калалыгыре пристенный подиум для алтаря, а на Гяуркале — большую нишу с подиумом, ниша и подиум были сильно прокалены. Малые комнаты служили местом хранения огня. Храмы Калалыгыра и Гяуркалы датируются IV и III—II вв. до н. э. Этот же тип храма огня, дополненный большой залой для ритуальных церемоний, был открыт в свое время на центральной площади Джанбаскалы, относящейся к II—I вв. до н. э. (Толстов С. П., 1948 а, С. 95—98). В самой маленькой, замкнутой, угловой комнатке храма находился овальный подиум для огня, окруженный горизонтами

плотно замурованной золы. Джанбаскалинский храм архитектурно входит в комплекс более крупного монументального строения, возможно дворца.

Наиболее позднее святилище огня было открыто на городище Джигербент, оно относится уже к X в. (Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А., 1979). Здесь в одном помещении в пол была вмонтирована мраморная плита с выдолбленным очагом антропоморфной формы, а в соседнем помещении находилась пристенная глинобитная тумба с прокаленной нишей над ней. Все перечисленные храмовые комплексы древнего Хорезма, включая и упомянутые храмы на Калалы II и Гяуркала 3, помимо композиции архитектурной планировки, объединяет еще ряд существенных свойств. Они все были связаны с культом огня. Крупная зала служила для периодического возжжения церемониального огня, малые помещения играли роль атешкаде, где хранился жар огня. Этим функционально четко разграниченным назначением помещений перечисленные храмы Хорезма аналогичны, с одной стороны, известному храму нижней террасы Персеполя и, с другой, близки храмам этнографических парсов, которые обычно состоят из двух помещений: адурiana — хранилища огня и даре-михра — зала для периодических церемоний, где разжигался ритуальный огонь от жара, хранившегося в адурiane (Erdmann K., 1941; Groppe G., 1969 а; Schippmann K., 1971. P. 177; Рапопорт Ю. А., 1991. С. 30, сл.). При этом Ю. А. Рапопорт не исключает для Хорезма и такого варианта ритуала, когда возжжение огня в основном зале могло производиться перед скульптурой божества, находившегося в большой нише. Это тот ритуал, что был типичен для храмов Средней Азии. В частности, он существовал и на городском храме Еркургана.

К храмам с аморфной планировкой архитектурно-типологически примыкает обширная серия домашних храмов и однокомнатных святилищ.

Как показали материалы широких раскопочных работ, осуществленных в последние десятилетия на ряде древних и раннесредневековых городов и поселений Средней Азии, обычно каждый дом или самостоятельное хозяйство имели отдельно одну—две комнаты, предназначенные для отправления культовых обрядов и являющиеся местопребыванием духов — покровителей, обитавших в этом доме, где ритуалы богослужения обычно проводил сам домовладелец (ТКД. С. 139). История домашних святилищ также уходит в эпоху протогородских цивилизаций (Антонова Е. В., 1990. С. 224).

Изучению домашних, усадебных и дворцовых святилищ древней Средней Азии посвящен ряд работ (Кабанов С. К., 1969; Бе-

леяницкий А. М., Маршак Б. И., 1976. С. 84; Wetnard P., 1980; Распопова В. И., 1981; Гуревич Л. Л., 1981. С. 45, сл.; Его же, 1990; Ахунбабаев Х. Г. 1987; Байпаков К. М., 1987. С. 59; Филанович М. И., 1987. С. 151, сл.; Jsamiddinov M. H., 1991). Причем в публикациях обычно преобладает однозначность в истолковании культовой или утилитарной принадлежности этих помещений, что проявилось в дискуссии о функциональном назначении пняджикентских «капелл» (Распопова В. И., 1981; Гуревич Л. Л., 1981). Жизнь древнего человека в его представлениях была насыщена целым сонмом божеств, духов, демонов и, особенно, духами предков, сопровождавших каждого человека от колыбели до гроба. В их представлениях духи предков принимали участие в жизни людей, играя решающую роль во всех делах и свершениях, оказывая им покровительство или нанося вред. Поэтому не только частная жизнь, распорядок дня, семейные отношения, приготовление и прием пищи, но и трудовой процесс сопровождался культовыми ритуалами, направленными на обеспечение поддержки и участия божеств и покровителей ремесел в удачном завершении каждого отдельного предприятия.

Как подчеркивалось в характеристике квартала гончаров Еркургана, в большинстве хозяйств явно выделялись отдельные помещения для культовых церемоний с алтарем огня в центре и с так называемой тамбурной загородкой у входа.

Аналогичного назначения культовые комнаты гончаров были выявлены в частности, и на квартале керамистов поселения Джиндепе в Мервском оазисе. Здесь в отдельных хозяйствах находились культовые комнаты с нишами, причем часто в стене их было две: одна, крупная, алтарная для установки изображений божеств, и вторая, малая, сильно закопченная, где, возможно, горел жертвенный огонь. Скорее всего, в малых нишах устанавливали светильники, так как автор отмечает полное отсутствие в помещениях дневного освещения (Кошеленко Г. А., 1963. С. 79—80).

Единственная терракотовая статуэтка была найдена под полом помещения, очагов —подиумов здесь также нет, так что культовый обряд, характерный для поселения керамистов Мервского оазиса рубежа нашей эры, отличается от картины, выявленной для квартала керамистов Еркургана V—VI вв. н. э.

Видимо, ремесленники разных профессий имели различных покровителей. На квартале мукомолов позднепарфянского и раннесасанидского времени в Мерве было вскрыто около 10 индивидуальных хозяйств, каждое из которых состояло из нескольких комнат.

Производство было домашним, в каждом хозяйстве работали 2—4 ручные мельницы, здесь, наряду с массой мелкой разменной монеты, свидетельствующей о мелкотоварном, ремесленном характере производства, было найдено до ста терракотовых статуэток. В подавляющем большинстве это были фигурки женских божеств разных типов. Выявлено также много дешевых женских украшений и пряслиц от веретена (Кацурис К., Буряков Ю., 1983. С. 147—161). Комплекс находок квартала мукомолов недвусмысленно указывает на сугубо женский характер этого ремесла, с чем и был связан культ женского божества-покровительницы, видимо не только профессии мукомолов, но и всего цикла выращивания хлеба, кончая его выпечкой. Типологически выделяются различные варианты женского божества: с зеркалом, характерного для Мерва типа, или без атрибутов, но со своеобразным положением рук у груди и ниже живота (Пугаченкова Г. А., 1959; Кацурис К., Буряков Ю. Ф., 1963. С. 147—149).

Никаких следов культа огня в виде пристенных очажных ниш или подиумов со следами огня в помещениях не обнаружено, лишь в одном из них отмечен круглый танур для выпечки хлеба. На полах находились лишь вмонтированные в обмазку основания жерновов, а также хумы и ванны для хранения зерна и муки.

То же самое было характерно и для мастерской металлиста Мерва той поры: при множестве остатков производственных печей и горнов не выявлено очагов, которые могли бы иметь культовое назначение, не было здесь, как и на квартале мукомолов Мерва, помещений, для которых можно было бы предположить культовое или парадное назначение. Но в помещениях часто встречались терракотовые фигурки женских божеств тех же типов, что и на квартале мукомолов Мерва и фигурки всадников на коне. Характерен обломок небольшой декоративной гипсовой капители коринфизированного стиля с вписанным барельефным женским бюстом; автор считает возможным идентифицировать ее с образом той же самой женской богини, которую изображали и короласты (Усманова З. И., 1963. С. 183).

На квартале же металлистов Еркургана, во вскрытой его части, имевшей сугубо производственное и торговое назначение, подобных помещений не выявлено. Вероятно, они располагались по другую сторону улицы, где, видимо, находились жилые дома ремесленников.

В древности каждый дом был местом семейного культа и имел в представлениях его жильцов своего духа-покровителя, который мог символизироваться какой-либо статуэткой, знаком или иным фетишем. Как

свидетельствуют этнографические наблюдения, в жилищах памирцев эту роль выполнял столб, поддерживавший кровлю (Мухитдинов И., 1982). В бытовой магии и культовых обычаях особо велика была роль огня и очага (Снесарев Г. П., 1969. С. 189, сл.). Поэтому, безусловно, правы все исследователи, считающие помещения, явно приспособленные для культовых церемоний, домашними святилищами, при отсутствии подобных специальных помещений большой пристенный камин, ниша, очаг, подиум в одной из наиболее подходящих комнат с успехом могли выполнять роль церемониального центра семьи для проведения несложных культовых ритуалов, осуществлявшихся обычно кем-то из старших, обращавшихся к высшим божествам и духам семьи с мольбой уберечь домочадцев и близких от всякой беды и невзгод и просьбой успехов и благополучия для них. Специальные залы с домашним алтарем огня были типичны и для жилых домов современных парсов (Дорошенко Е. А., 1982. С. 87). Особо подчеркивает роль домашнего очага и зороастрийский судебник «Книга тысячи судебных решений» (Периханян А. Г., 1983. С. 80, сл.).

На дворцовом комплексе Афрасиаба VII—VIII вв., где после захвата арабами Самарканда в середине VIII в. дехканам было разрешено вернуться в город, при реконструкции и восстановлении квартала под жилые комплексы вновь были возведены алтари огня, но в условиях идеологического гнета арабов они строились в глубине жилья, в дальних концах коридоров или маленьких глухих отсеках площадью от 3 до 8 м² (Ахунбабаев Х. Г., 1987. С. 16).

Для архитектурной типологии домашних святилищ можно выделить две основные их зоны: более раннюю и южную в Бактрии и Согде, и более позднюю, северную, в Чаче и Уструшане, позже распространившуюся и на территорию Согда.

Первая группа связана с домами горожан или селян, проживавших в тесной поквартальной застройке. Это, в частности, домашние святилища крупных монументальных домовладений первых веков нашей эры Дальверзинтепа 5 и 6 (Беляева Т. В., 1978. С. 33; Тургунов Б. А., 1978. С. 60, сл.). И там, и тут святилища были однокомнатные: в одном случае в нем располагались две пристенные ниши с подиумами внизу, в которых были очажки; во втором — большую пристенную нишу сопровождала настенная живопись плохой сохранности, а на полу находился слой белого пепла.

Подобные модели имелись также в западных районах Ирана и кушанском Бергаме (Herzfeld E., 1935. P. 88—93; Ghirshman R., 1946. P. 16, 34).

По Согду домашние святилища известны с эпохи III—IV вв., когда процессы урбанизации достигли зрелой стадии, и сельские районы застраивались укрепленными поселениями.

На квартале керамистов Еркургана все более или менее обширные домохозяйства имели культовые комнаты. Как отмечалось, в одном из этих святилищ, помимо культового очажка, была найдена раскрашенная головка от женской скульптуры, изготовленная из глины. Ее туловище видимо было деревянным и драпировано тканью. В части культовых комнат квартала гончаров характерны находки стопок сырых необожженных чаш и другого гончарного полуфабриката, что недвусмысленно указывает на «участие» духов — покровителей и божеств непосредственно в процессе производства. В Самарканде в одном из домов III—IV вв. н. э. также было открыто домашнее святилище с пристенным алтарем (Кабанов С. К., 1969). Он имел вид прямоугольного подиума с очагом возле стены в виде двух полуovalных керамических плит одна на другой, с квадратной лункой для горячих углей у основания, к плоскости стены в виде экрана были приклеены еще две такие же плиты. На алтаре и подиуме обнаружены следы прокаленности, зола, уголь.

В культовом зодчестве раннесредневекового Согда наряду с крупными общественными храмами типа храмов Пянджикента и Джартепа, продолжившими традиции типологии крупных храмов урбанизированных поселений и городов и воспроизводящими, в основном, схему античных культовых комплексов осевой планировки, развивались дворцовые и замковые храмы и культовые помещения. Это, в частности, храмы на дворцовых комплексах Варахи и Афрасиаба, Калаи Какхаха. При коренных различиях структуры планировки, обусловленной общественным и частным характером вышеуказанных разновидностей храмов, их объединяют общие приемы художественного оформления богатой живописью и барельефами, а также особенности культовых ритуалов осуществлявшихся в них в виде возжжения огня, воскурения благовоний в курильницах, подношения цветов, плодов, зерен растений.

Если для дворцового храма Еркургана в модифицированном виде использовался древний осевой тип планировки в традициях монументального зодчества эпохи античности, то в раннесредневековых дворцах, восходящих по концепции своей структуры к замкнутой замковой архитектуре эпохи раннего средневековья, храмы представлены теми же самыми замкнутыми культовыми помещениями, но в более развитом и монументальном виде, обычно имеют богатое декоративное оформление на популярные некогда куль-

товые сюжеты, состоят из нескольких, чаще 2—3, функционально связанных помещений, образующих автономный блок в структуре дворца или замка (Гуревич Л. Л., 1981). Само же явление сложения замковой архитектуры Согда было сформировано на основе крупных инноваций в районы Согда контингента носителей каунчинской и джетыасарской культур, издревле проживавших в мелких и сильно укрепленных поселениях (Мухамеджанов А. Р. и др., 1983. С. 111, сл.).

Однако характер культовой обрядности и реквизита оставался прежним: это храмовая скульптура, алтари огня, где нет скульптуры, возжигание фимиама в курильницах, живопись на темы культовых сюжетов — все то, что было сформировано в Бактрии, Мерве и Согде, в кушанское и кушано-сасанидское время распространилось, отчасти, и на Чач (ДСГВМ. С. 51, сл.).

Для Согда и Чача VI—VIII вв. были характерны двухкомнатные домашние храмы и подковообразные в плане алтари. Это, в частности, храмовые комплексы Мингюрюка и Актепа Юнусабада, цитадели Канки в Чаче, во дворце Варахши, святилище из замка Калаи Захоки Марон в Карши (Шишкин В. А., 1963. С. 58, сл.; Зильпер Д. Г., 1978. С. 167, сл.; Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И., 1989. С. 61, сл.; Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И., 1990. С. 60—61; Раймулов А. А. 1992).

Не менее распространенными были и прямоугольные алтари огня (Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г., 1966, рис. 44; Якубов Ю. Я., 1979. С. 74, сл.; Воронина В. Л., 1964. С. 62, сл.; Ахунбабаев Х. Г., 1987; Филанович М. И., 1987; Абдиримов Р., 1988).

Для структуры этих святилищ характерно сочетание крупного зала, предназначенного для периодических церемоний, и небольшого помещения, где на алтаре или в очаге обычно хранился вечный огонь, что послужило основанием сопоставить этот тип домашнего храма с отделенным более чем тысячелетним интервалом времени типом храма агиари современных парсов, состоявшим из адурiana, где хранился вечный огонь, и даре — михра, где от первого периодически разжигался церемониальный жертвенный огонь при участии значительного количества общины прихожан (Ахунбабаев Х. Г., 1987; Филанович М. И., 1987). Как мы отмечали по поводу дворцовых храмов Хорезма, сложение подобного типа святилища относится в Приаралье к позднеакхеменидской поре. Все они были связаны с отправлением ритуалов культа огня.

Важная архитектурная особенность некоторых из этих святилищ заключалась в наличии в алтарном помещении шатрового

декоративного деревянного перекрытия на консольной основе.

Фергана и в ту пору стояла особняком. Скульптура и живопись здесь ограничиваются лишь буддийским храмом. Культовое зодчество местных верований с большим запозданием повторяло образцы Согда, хотя местами, по пунктам трассы Великого Шелкового пути, видимо, в местах скопления согдийских факторий — прототипов более поздних караван-сараев, таких, как Пап, вместе с распространением выходцев из Согда, а также, вероятно, из Уструшаны и Чача, под влиянием согдийского культурного комплекса формировались оригинальные местные культовые комплексы, испытавшие на себе сильное влияние согдийских эталонов. Это, в частности, святилище III—II вв. до н. э. поселения Султанабад, где были найдены большой очаг и четыре более мелких по сторонам, образующим в плане крестовидную структуру; храм на Заурактепа VII—VIII вв. в виде прямоугольного святилища со священным зольником в центре, окруженного коридорами и скользящим входом, как у храма огня Кургантепа самаркандского Согда; домашнее святилище Шорттепа VII—VIII вв. (Абдулгазиева Б., 1983; Ее же, 1994). Но остальная Фергана оставалась верной культу предков, осуществлявшаяся в небольших храмах и, видимо, на могильниках. Особое место в культе занимали своеобразные идолы, связанные с почитанием предков (Брыкина Г. А., 1990).

КУЛЬТОВЫЕ АТРИБУТЫ

В отличие от эпохи прото- и раннегородской цивилизаций, наиболее ярким культовым признаком храмов античности и раннего средневековья было монументальное искусство, посвященное тем или иным божествам и их культу. Тематике и стилистике монументального искусства Средней Азии, носившего преимущественно мифологическое и эпическое содержание, посвящены известные исследования А. М. Беленицкого, Б. И. Маршака, Г. А. Пугаченковой, В. А. Шишкина, Л. И. Альбаума, Н. Н. Негматова, Г. Азаграу и других специалистов. Здесь мы лишь отметим, что письменные сообщения Берроса об установлении скульптурного изображения Афродиты-Анахиты в храме Бактры и сообщение Хареса Митиленского о романе Одатиды и Зариадра, изображения которых украшали дворцы (в данном случае, это были, видимо, монументальные дворцы согдийцев), что, согласно Х. Хумбаха, были изображениями на сюжеты мифа об Аши и Зариварае (цит. по Лелекову Л. А. 1979, С. 171), свидетельствуют о существовании монументального культового искусства в Средней

Азии задолго до Александра Македонского. О развитии прикладного культового искусства в виде вотивных ювелирных артефактов говорят также предметы амударьинского клада.

В нашем обзоре мы ограничимся лишь материальными свидетельствами, связанными с культом огня и иными ритуалами, характерными для храмов Средней Азии.

Как показали наблюдения, культовые аксесуары и ритуальный реквизит всех домусульманских храмов были довольно однообразными, что указывает на сходство ритуальных церемоний. Это, в частности, алтари огня в виде прямоугольных или овальных подиумов, вазообразные курильницы, чаши и кувшины для возлияний, колокольчики и разнообразный вотивный инвентарь. Это также бусы и украшения, наконечники стрел и пластины от доспехов, статуэтки и другие изображения.

О том, что ритуал поклонения различным божествам согдийского пантеона, подобно стандартным и повторяющимся рефреном формулам поклонения различным божествам яштов посредством барсмана, возлияния хаомы, искусными речами и добрыми мыслями, был однообразным, свидетельствуют и культовые сцены раннесредневековой живописи Согда.

В живописи Пянджикента перед божеством на троне в виде льва в дымящуюся чашу вазообразной курильницы коленопреклоненный жрец кладет ложкой фимиам. Тот же сюжет воскурения фимиама в аналогичной курильнице изображен и в живописи дворца Варахши, но уже перед божеством, восседающим на троне в виде спаренных протом крылатых верблюдов.

Характернейшей особенностью был обряд возжигания огня как в честь различных божеств, так и душ предков, особенно царских, для которых при храмах усопших предков поддерживался вечный огонь.

Обряды возлияния, проводившиеся в культовых сооружениях, выявляются с меньшей достоверностью, при культовых возлияниях использовалась обычная столовая посуда, находки фрагментов которой часты во всех культовых комплексах. Случаев, подобных находке сотен однотипных чашек в храме Пайкенда, или множества чаш, вмонтированных в пол святилища Иштар в Мари, которые недвусмысленно указывали бы на особое значение ритуала возлияний или культа воды, очень мало (Parrot A., 1956; Семенов Г. Л., 1995).

Алтари огня. Огонь, пламя и жар сами по себе всегда и при всех условиях оставались сугубо космической стихией и вездесущей сакральной материей, во взаимодействии с которой вступал человек. При куль-

тово-ритуальных обрядах следует функционально различать различные виды огней:

1. Огонь стационарный на тумбовидном, овальном или колоннообразном алтаре, в пристенной нише или в очаге на полу. Обычно это постоянный, «вечный» огонь.

2. Огонь переносных вазообразных курильниц, светильников, жаровен и других сосудов. Он возжигался от «вечного» огня для периодических жертвоприношений. Судя по материалам настенной живописи, часто это происходило перед изображением божеств, будь то скульптура или живопись! Однако, то обстоятельство, что подобные культовые сосуды в верхнем горизонте Еркургана можно встретить в каждом доме, указывает на то, что изображение божества или духа предка было вовсе не обязательно для того, чтобы воскурять ему фимиам.

3. Видимо, от «вечного» огня отпочковывалось пламя для возжжения больших кострищ мемориальных культов, преобладавших в сако-сарматской, кангюйской и хонитской среде населения бассейна Сырдарьи.

Затем уже эти огни, прежде всего «вечные», могли делиться, как в сасанидском Иране, на социальные категории: государственные или династийные, городские, родовые или семейные.

В разделе об архитектуре домашних святилищ и близких им по структуре замковых и дворцовых храмов попутно отмечалось, что в раннесредневековой Средней Азии были известны два основных типа напольных стационарных алтарей огня: прямоугольный и подковообразный.

В целом следует отметить, что типология алтарей огня южных и северных регионов Средней Азии эпохи античности и раннего средневековья также шла своим путем развития.

Для юга Средней Азии, начиная с неолитических поселений Геоксюра и Саразма, были характерны невысокие кирпичные алтари огня круглой или квадратной формы (Исаков А. И., 1991. С. 73, сл.). Продолжалось использование алтарей этих типов и в эпоху бронзы на храме Джаркутана (Аскаров А. А., Ширинов Т. Ш., 1993. С. 111, сл.).

В эпоху раннежелезного века были известны сложный крестовидный алтарь Тиллятепе и пристенный алтарик из Кучуктепа. На алтаре из Тиллятепе, видимо, на одном конце (ступенчатом) находился царь—жрец, а на другом располагался П-образный очаг—алтарь с золой, на тумбах по обе стороны от этой оси могли находиться сосуды с хаомой и ветви барсома (Аскаров А. А., Альбаум Л. И., 1979. С. 28; Сариниди В. И., 1989. С. 22, рис. 5).

Позднеакхеменидский пристенный ступенчатый алтарь святилища Кылалыгера типологически повторяет каменные ступенчатые

алтари древневосточного типа, характерные и для поры Ахеменидов (Рапопорт Ю. А., Лапиров — Скобло М. С., 1963. С. 140, сл.; Whitcomb D., 1969, fig. 4). Этот тип алтаря изображен и в сцене эпифании Кибелы на дисках, найденных в Ай-Ханум и Тахти-Сангине (Пичилян И. Р., 1991, рис. 52).

Но для Бактрии и Согда кушанского времени были характерны алтари иного типа, в виде крупного, квадратного в плане подиума с оформлением боковых граней в подражание архитектурной эллинистической ордерной системе. Это алтари — подиумы храма «В» Сурх—Котал, храмов Окса на Тахти—Сангине и Дильберджина III строительного периода, храма Еркургана (Shlumberger D. и др., 1983; Кругликова И. Т., 1986. С. 60; Пичилян И. Р., 1991. С. 147). Типологически они восходят к греческим квадратным алтарям со ступенчатым плинтос в основании и полочкой с профилированным карнизом наверху (АГСП, табл. С). Хотя ахеменидские каменные алтари огня из священной огады в Пасаргадах в принципе имели аналогичные формы и пропорции, но оформлены они были в стиле ахеменидских башенных сооружений (Stonach D., 1965. P. 24, сл.).

В этом нас убеждает и сравнение планов башенного сооружения Зендани—Сулейман и южного плинта священной огады в Пасаргадах (Stonach D., 1965, fig. 3, 5). Подобные алтари, оформленные в стиле башнеобразных культовых сооружений, изображены и на реверсах монет фратараксов, правителей Парса эллинистической поры.

Все это были алтари огня. Хотя постаменты ступа Сиркапа, Калавана и других ступа кушанского времени, как и алтарь храма «А» в Сурх—Котале, который, согласно Ж. Фуссману, мог быть постаментом скульптуры, типологически не отличаются от вышеперечисленных алтарей, использованных в Бактрии и Согде в качестве пиреев (Marshall J., 1951. P. 30, 56 а, 57, 73; Shlumberger D., 1983).

Таким образом, этот тип культового сооружения, проникший в Центральную Азию в эпоху эллинизма, использовался в качестве постаментов как для огня, так и для культовых изображений.

Высокие тумбовидные алтари огня, квадратные или круглые в сечении, имитирующие по профилю колонну и широко распространенные в Иране, начиная с парфянского времени и особенно типичные для культа огня Сасанидов, не получили распространения в Центральной Азии. Вообще в Иране этот тип алтаря отмечен уже в мидийское время в храме Нуши—Джана, есть он и на барельефе Дария в Накш-и Рустаме. Один экземпляр алтаря этого типа был найден на Кухи-Ходжа.

Ближний тип алтаря с конусовидным

стволом и несохранившейся верхней частью открыт в Южной Туркмении А. Губаевым в святилище Актепа (Губаев А., 1971. С. 128; Его же, 1977).

Аналогичного типа пристенный алтарь — полуколонна, названный В. Г. Шкодой «пилястр—алтарь», был открыт в I храме Пянджикента (Шкода В. Г., 1990, фиг. 4).

Перечисленные алтари следует признать влиянием типологии культовых алтарей сасанидского Ирана на отдельные районы Средней Азии, и Согд в том числе. В частности, изображение типичного колоннообразного алтаря мы видим в сцене литургии огня на оссуарии из Лоиша, найденном на городище Муллакурбан (Rempel L. I., 1987, pl. LIV).

Крушение империи эфталитов под ударом объединенных сил сасанидского Ирана и Тюркского каганата привело, видимо, к проникновению в отдельные районы Средней Азии носителей ортодоксального сасанидского зороастризма и его атрибутики, усугубив, тем самым, и без того пеструю картину сосуществования различных культов в Средней Азии.

Существенным новшеством в материальной атрибутике культа огня храмов этого типа являлось распространение в Согде и Чаче VI—VII вв. подковообразных алтарей огня. Как отмечает М. И. Филинович, крупными размерами, характерными расширением абриса плана к основанию и валикообразным бортиком по краю они повторяют позднеримские каменные жертвенные алтари.

Это влияние римских алтарей на алтари огня Согда, если принять это предположение как гипотезу, по времени совпадает со сложением в самаркандском Согде ящичной формы оссуариев с конической крышкой, украшенных барельефами под влиянием византийских культовых ларцев (Мкртычев Т. К., Наймарк А. И., 1989).

Наиболее ранний пристенный алтарь, сложенный из керамических плит, подковообразной формы, был найден в культовой комнате жилого комплекса II—III в. на Афрасиабе (Кабанов С. К., 1969). Разнообразные варианты подковообразных алтарей с пристенными очажными нишами и без них дают раннесредневековые поселения верхний Зарафшана (Якубов Ю. Я., 1982. С. 123, сл.; Его же, 1988 б. С. 102, сл.).

Подковообразные алтари, сложенные из сырцового кирпича и обожженные сверху, были в святилище дворца Варахши, цитадели Канки, замке на Калаи Захоки Марон (Шишкин В. А., 1963. С. 58; ДСГВМ. С. 7, сл.; Раимкулов А. А., 1992 б. С. 8). Алтарь огня традиционной подковообразной формы сохранился в Бухарском оазисе в рабатах Пайкенда до начала IX в. (Мухамеджанов А. Р. и др., 1988. С. 140, рис. 11). За

пределы Согда и Чача подковообразные алтари не распространялись.

Алтарь огня V строительного периода храма Еркургана в виде высокой прямоугольной тумбы был покрыт тонким слоем чистого пепла, видимо, на нем поддерживался «вечный огонь». Хронологически он, вероятно, относится ко времени после падения державы эфталитов, когда в Средней Азии стали появляться признаки канонизированного сасанидского зороастризма.

Прямоугольная форма алтаря огня была наиболее распространенной, о чем мы упоминали в разделе, посвященном домашним святилищам.

Овальные алтари обнаружены в храмах Джанбаскалы в Хорезме и Кургантепа в самаркандском Согде.

Пристенные нишеобразные очаги мы здесь не рассматриваем, поскольку их культовое или утилитарное назначение зависит от характера помещений, в которых они находились.

Что скрывалось за символикой тысяч священных огней монументальных храмов и домашних святилищ древнего Турана, общеиранский Атар — Атшо или зороастрийский Аша-Вахшшта, гений огня и истины, судить у нас пока нет оснований. Во всяком случае, это уже не ведийский Агни, связанный с загробным миром.

Курильницы для культовых ритуалов позднеантичной и раннесредневековой Средней Азии были переносные, вазообразные, характерные, в основном, для керамического комплекса Еркургана и Нахшабского оазиса поры хионитов и эфталитов (рис. 179—181). В большинстве своем они лепные, изготовлены из грубого огнеупорного теста, резервуар и ножка в виде широких конических чаш, на стержне ножки иногда имеются ручки, все они, как правило, украшены наlepным орнаментом (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1977; Кабанов С. К., 1978. С. 186. сл.). В свое время мы отмечали связь этого орнамента, состоящего из налепных шипов, кругляшков, прямых и змеевидных, волнистых валиков с традициями гончарства джетыясарской культуры (Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1984. С. 126). Однако сама форма курильницы — древневосточная и имеет свои прототипы в аналогичных культовых сосудах Ближнего Востока с эпохи бронзы.

Курильницы, их типология, хронология, география и функциональное назначение достаточно полно освещены в печати (Филанович М. И., 1978; Шкода В. Г., 1984; Пугаченкова Г. А., 1991).

Думается, что терминологический вопрос, поставленный в публикации В. Г. Шкоды 1984 г., не имеет принципиального значения, поскольку небольшие шарики, изображенные

в чаше курильниц или жертвенников, как предлагается их называть, напоминают корбочки адрасмана, воскуряемого и ныне в металлических жаровнях, давая при этом и пламя, и дым, что, видимо, и было изображено в росписях (Шкода В. Г., 1984, рис. 1). Отмечу, что функционально они отличались от алтарей иного типа, свидетельствует и эллинистическая печать из погребения 3 на Тиллятепе в Северном Афганистане, где изображен жрец в момент жертвоприношения, по правую руку от которого находится небольшая переносная вазообразная курильница, а слева — стройный колонновидный алтарь (Сарианиди В. И., 1989 б, рис. 23, 1).

Обращают на себя внимание широкие диски согдийских раннесредневековых курильниц, расположенные в верхней части стержней ножек. Непосредственно под чашей такой диск имеет и курильница с тремя личинами на стенках резервуара из храма Еркургана. Но диски металлических курильниц, известных по настенной живописи Согда, диаметром намного превышают размеры чаш, находящихся над ними. Предполагать какой-либо символический смысл для этих дисков трудно. Древневосточные прототипы курильниц часто имели декоративное вздутие в верхней части ножки, где крепилась чаша. Возможно, этот диск развился из чисто технической детали — расширения на месте крепления самой чаши курильницы к ее ножке (Schmidt E. F., 1953, pl. 69, 98, сл.; Keel O., 1972, ill. 373).

В Среднюю Азию этот тип культовой посуды проник, видимо, через Парфию, где подобные курильницы типичны в культовых сценах Пальмиры и Дура-Европос (Шлюмберже Д. 1985, илл. 87, 90), сначала в Бактрию, затем в оазис Нахшаба, откуда уже в эпоху раннего средневековья распространился по остальной территории Согда. В Приаралье они тоже появились в эпоху раннего средневековья, где известны в кердерской культуре — позднем деривате джетыясарской культуры (Гудкова А. В., 1964, рис. 20, 9).

Характерны и три личины, украшающие резервуар курильницы из храма Еркургана. Это украшение уходит своими корнями в типологию круглых сарматских жертвенников, как правило, на трех ножках, украшенных головками животных (Смирнов К. Ф., 1964. С. 366). В частности, такое оформление имеют ножки вазообразных курильниц кушанского времени из Таксилы (Marshall J., 1951, pl. 176, N 323, 326). Три ножки, часто с изображениями головок животных, характерны и для кушанской Бактрии (Пугаченкова Г. А., 1991).

Курильница этого типа отсутствует в иконографическом материале ортодоксального

зороастризма сасанидского Ирана. Для Средней Азии IV—VI вв., не переживавшей, подобно сасанидскому Ирану, кардинальной религиозной реформы, они, видимо вместе с изображениями божеств в храмах, были наследием античной культуры. Единственный случай, где фигурирует подобного типа курильница в сасанидской иконографии, это графитти — изображение сцены жертвоприношения Папаки из Персеполья (Шкода В. Г., 1984, рис. 4), однако эта сцена во всех отношениях представляет собой еще позднеаршакидское наследие. Позже, в собственно сасанидском искусстве, они уже не встречаются. Чтобы понять назначение подобных курильниц, важна сцена воскурения фимиама парфянским жрецом перед погрудным изображением божества на троне или постаменте (Шлюмберже Д., 1985, рис. 101). Рисунок был исполнен в технике графитти на глиняном кувшине, сохранилась часть всей сцены. Важно то, что и здесь, как в сценах культовой живописи, эти курильницы использовались в присутствии изображения божества и служителей. Видимо, в культовых отправлениях Ирана эпохи Сасанидов, подверженных в своей религиозной политике иконоборчеству, они исчезли вместе с изображениями божеств. После этого до самого конца династии Сасанидов в культовой символике Ирана господствовал массивный колонновидный алтарь царского огня. Вазообразная курильница в Средней Азии была типична для хонитского и эфталитского культового инвентаря. В эфталитское время этот тип проник южнее, в частности, на Rv. раннесредневековых монет Кандахара, выпущенных эфталитскими династиями по образцу сасанидских драхм, место столбовидного сасанидского алтаря огня занимает вазообразная курильница, стеблевидная ножка которой украшена лентами (Nikitin A. B., 1984, f. 1, 2).

Для буддийского культового инвентаря кушанской Бактрии вазообразные курильницы не характерны, однако именно в это время они начали входить в реквизит буддийского культа (Пугаченкова Г. А., 1991, С. 109). Позже они были широко представлены и в сценах на буддийскую тематику (Tarzi Z., 1977, pl. a 1; Grünwedel A., 1912, fig. 272, 365; Le Coq A., 1925, fig. 11, 17).

В Согде раннеисламской поры, вплоть до X в., судя по изображениям на культовых очагах, еще длительное время после включения его в халифат, курильницы на ножке были принадлежностью небольших домашних молелен с пристенными очажными алтариками, хотя изображения божеств давно были уничтожены исламизацией всего Мавераннахра (Rempel L. I. 1987, fig. 9, 10). Отдельные экземпляры подобных курильниц

отмечены и на Кавказе эпохи раннего средневековья (Квачидзе В. А., 1981).

Светильники, жаровни. Для Каршинского оазиса известны и другие функционально близкие, но типологически иные формы ритуальной посуды IV—VI вв., связанные с культом огня. Это, отмеченные в свое время С. К. Кабановым, светильники и тонкостенные ритуальные жаровни (Кабанов С. К., 1973, С. 167; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х., 1977, рис. 195: 1, 2).

Светильники Нахшаба IV—VI вв. имеют прототипы в металле из Ирана и кушанской Таксилы (Marshall J., 1951, pl. 176, N 321), хотя в керамике эта форма культовой посуды для Бактрии не отмечена, там были светильники или курильницы иного типа, чаша светильника монтирована на спинке коня, барана или иного животного (Абдуллаев К. А., Завьялов В. А., 1985). В Кеше они тоже иного типа (Мкртычев Т. К., 1985). Севернее единственный экземпляр сосуда подобного типа отмечен в раннесредневековой Уструшане (ДТ, рис. 417). В Нахшабе фигурка коня или иного священного животного, изготовленная слитно с боковой рукоятью, стоит над чашей светильника (рис. 182: 1). Не отмечены светильники этого типа и в других оазисах Средней Азии.

Такой же своеобразной формой культовой посуды Нахшаба той поры являются круглые жаровни из огнеупорного теста, разделенные барьерными перегородками на две или четыре секции.

Наиболее ранними прототипами этой формы посуды, связанной с культом огня, могли служить так называемые жертвенники из керамики и камня эпохи бронзы (Хлопин И. Н., 1989, С. 121—128).

На некоторых из жаровен (Коштепа II) имеются налесты в виде головки мака (рис. 182: 2), что позволяет уже точно судить о функциональном назначении всей этой группы ритуальных сосудов для воскурений. В свое время на Афрасиабе была найдена терракотовая фигурка крылатого коня с миниатюрной коробочкой мака — курильницей на голове (хранится в музее Института археологии АН РУз). В святилище раннесредневекового храма в Ферганской долине была найдена вазообразная курильница с резервуаром в виде коробочки мака (Брыкина Г. А., 1982, рис. 56). Мак, как показали упомянутые нами исследования В. И. Сариниди, на храмовых комплексах Маргианы эпохи бронзы издревле вместе с эфедрой служил для приготовления опьяняющего ритуального напитка хаомы. Навершие в виде маковой головки имели и некоторые булавы Сапаллитепа (Аскаров А. А., 1977, С. 100). Сообщение античных авторов о Пифии в Дельфийском храме, пророчествующей, сидя на треноге

над расселиной в скале, в состоянии опьянения идущими из нее парами, и сведения Геродота о скифах, ритуально опьянявших себя воскурениями перед принятием важных решений, что подтверждено находками в курганах Пазырыка, свидетельствуют о весьма широком распространении ритуала воскурения в древности.

Не исключено, что горящие шарики, обычно изображенные в чашах курильниц в культовых сценах согдийской настенной живописи, могли быть и коробочками мака. Коробочки и цветы мака мы видим в ряду популярных орнаментальных элементов живописи Пянджикента и храма Джартепа (Marshak B., Rasporova V. I., 1990. fig. 31—32; Бердимурадов А. Э., Самибаяв М. К., 1994).

Зерна мака были собраны также в культовом помещении одного из жилых домов раннесредневековой Канки (Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И., 1989. С. 69).

Таким образом, вполне вероятно, что мак, наряду с другими ароматическими растениями, использовался при ритуальных воскурениях в вазообразных курильницах, а также характерных для Нахшаба светильниках и жаровнях.

О том, что мак мог быть связан с хтоническим культом, свидетельствуют находка коробочки мака в мавзолее Чирчик—2 в Приаралье (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. С. 48) и изображения этого растения с коробочками на оссуарии из Миздахкана. Причем здесь изображения мака чередуются с фигурами львов — животными митраистского, солнечного цикла (Ягодин В. Н., Ходжаев Т. К., 1970. С. 132, рис. 54).

Типологически и функционально наиболее близкий набор культовой посуды происходит из храма III в. квартала керамистов Дальверзинтепа в Северной Бактрии (Пугаченкова Г. А., 1978 в, рис. 95). Здесь представлены вазообразные курильницы, те же светильники, названные на Дальверзинтепа чирагами, и, даже, в одном экземпляре плоская жаровня, разделенная не на четыре, как на Еркургана, а на восемь секций. Автор, подчеркивая ее культовый характер, отмечает, что она представлена в единственном экземпляре (Пугаченкова Г. А., 1978 в. С. 142).

Но, в отличие от Еркургана, культовые сосуды храма Дальверзинтепа изготовлены из обычной плотной глины и не имеют того орнамента, что культовая посуда Еркургана в виде налепных шипов и змеевидных валиков.

Очажные подставки. В Нахшабе, как и по всему Согду, для комплексов IV—VIII вв. характерно наличие так называемых очажных подставок (на Еркурганах они отмечены на Р—1, Р—2, Р—4, Р—5, Р—6, Р—13, Р—16,

Р—17 и др.). Часты их находки и на других поселениях оазиса (Шуллюктепа, Кумыртепа, Киндиклитепа и др.) (рис. 179: 1, 2).

Этот характерный предмет был связан с культом огня среднеазиатских племен незороастрийского круга. Очажные подставки Нахшаба, как и во всем Согде той поры, относятся к двум типам: крупные, с протомами животных на двух концах и прямоугольные, небольшие, с конически расширяющейся нижней частью. Большинство из них имеет в середине поперечные отверстия. Эта типология очажных подставок, изготовленных, как правило, из огнеупорной глины с шамотом или песком, характерна для каунчинской культуры, формировавшейся в первые века по среднему течению р. Сырдарьи, при этом в южные границы формирования этой культуры входили предгорные районы Нуратинского хребта и правобережье Сырдарьи (Григорьев Г. В., 1940 б; Левина Л. М., 1971; Литвинский Б. А., 1968; Буряков Ю. Ф., 1982. С. 70. сл.; Пугаченкова Г. А., 1986).

Наиболее частое залегание очажных подставок связано с очагами и зольниками, а сами они в большинстве случаев закопчены и прожжены. В частности, на комплексе Сеталак I одна очажная подставка находилась в небольшой прямоугольной нише на высоте около 1,5 м от пола при входе снаружи в комплекс II строительного периода. На верхней площадке Сеталак I в центре одного из крупных зольников, засыпанных сверху землей, была найдена небольшая круглая керамическая жаровня, установленная на двух прямоугольных очажных подставках.

Косвенным подтверждением тому, что подставки вместе с установленными на них жаровнями служили для возжигания жертвенных зерен растений, жира служит форма редких вазообразных курильниц, найденных в керамических комплексах поселений IV—VI вв. западной окраины Бухарского оазиса. В отличие от каршинских вазообразных курильниц, они имеют короткие массивные колоннообразные ножки, как у очажных подставок Кой-Крылганкалы, с поперечным отверстием, как и у обычных очажных подставок (Мухамеджанов А. Р. и др., 1983, рис. 19—26).

Культ огня, сопровождавшийся очажными подставками различных форм, был известен в древнеземледельческих культурах Средней Азии, Закавказья и Малой Азии с эпохи бронзы и раннежелезного века (Lippert A., 1977. Р. 176; Есаян С. А., 1981; Сарияниди В. И., 1989, табл. LXIV).

Имеются они и в культурах палеометалла степной полосы (Матюшин Г. Н., 1982). Однако в ахеменидское и эллинистическое время они исчезли из археологических ком-

плексов оседлоземледельческой культуры Средней Азии, появившись в двух вышеуказанных типах в уже сложившемся виде в раннекаунчинской культуре.

В это же время аналогичные каунчинским очажные подставки были известны и в Северном Причерноморье, что позволяет возвести их генезис к единому источнику — культуре сарматов первых веков до нашей эры (Вязмитина М. Г., 1962. С. 208, сл.; Высотская Т. Н., 1976. С. 55, сл.; Дашевская О. Д., 1991. С. 14). Генезис этого типа очажных подставок уходит в кангюйскую культуру Хорезма и районы Приаралья, прослеживаясь, в частности, на Кой-Крылганкале и Большой Айбугиркале (Толстов С. П., 1962, рис. 68). Позже на западе очажные подставки распространились вплоть до Дуная германскими племенами (Babeg M., Mihailescu-Birliba V., 1972).

Очажные подставки каунчинской культуры районов Чача и Бухарского оазиса обычно имели изображения бараньих головок. На подставках каунчинских поселений районов отрогов Нуратинских гор Г. А. Пугаченкова выделяет подставки с головками козлов, быков и антропоморфные с женскими косами (Пугаченкова Г. А., 1986). В Нахшабе подставки украшались весьма схематизированными головками баранов, быков и коней. Образ коня, судя по их изображениям на ручках светильников Нахшаба той же поры, был более характерен для Нахшаба, хотя подставка с аналогичной головкой и заостренным загривком из Киндиклитепа снабжена двумя крутыми бычьими рогами (рис. 196: 1).

Особо следует остановиться на символической и семиотической параллели очажных подставок. Их форма с отверстием посередине повторяет известные схемы начертания сарматских двурогих тамг с кружком в середине стебля, позже послуживших прообразом известных тамг согдийских правителей (Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А., 1976). Более архаические прототипы данного знака мы находим в древнем пиктографическом письме Китая, где этот вилкообразный знак обозначал быка или барана (Карапетянц А. М., 1972. С. 445, сл.). Наконец, к этому же кругу символов вероятно относится бычий головной убор эфталтских правителей (Фрай Р., 1972, рис. 110).

Отдельные пережиточные представления, связанные, возможно, с очажными подставками, сохранились в быту узбеков до XX в. Так, летняя кухня в Ташкентском оазисе — древнейшем центре каунчинской культуры, называется «очак-баши» — «голова очага». У нуратинских туркмен, также прямых наследников автохтонного населения средней Сырдарьи, перекочевавших в эпоху Саманидов в северные районы самаркандского

Согда, существует выражение «очак бошига мой тукилди», означавшее ритуальное жертвоприношение жира огню при возжигании очага, т. е., видимо, понятие головы — духа и покровителя очага, некогда материально-символизированное керамическими фигурками с зооморфными головками, переживало в бытовых ритуалах и терминологии потомков носителей каунчинской культуры до XX в.

Пепел. Помимо различных алтарей огня, для ряда храмовых комплексов Согда и соседних оазисов было характерно разжигание культового огня прямо на полу святилища или снаружи, подле стен храмовых комплексов. На Еркургане следы кострищ в виде сильно прокаленных полов были отмечены в храме, в дворцовом святилище. Отмечены напольные культовые очаги в Хорезме и других регионах.

Зола как от длительно горевших огней, так и периодически возжигавшихся ритуальных кострищ, обычно хранилась в специальных подсобных помещениях, чаще непосредственно там же, где находился алтарь. Это Сурх-Котал, храм В; храм Кургантепа в Самаркандском оазисе, в Тахти-Сангине, Пянджикенте. В Хорезме: в храме Большой Айбугиркалы; на храме Джанбаскалы зола замурована под полом; в купольном храме раннесредневекового поселения Яккепарсанского оазиса пепел хранился в углу культовой комнаты (Неразик Е. Е., 1989. С. 56), как и в храме Топраккалы (Толстов С. П., 1948 б. С. 171).

На храме Еркургана пепел складировался на специальной открытой площадке к западу от святилища и периодически сверху замазывался или засыпался глиной, чтобы предохранить от развеивания. На комплексе Сеталак I, где разжигались очень большие кострища, пепел оставался на месте и тоже засыпался сверху землей. На одном из зольников комплекса Сеталак I поверх еще не остывшего зольника была выложена дорожка из сырцовых кирпичей, видимо, по ней ходили при засыпке остатков костра. Таким образом, пепел чистый или вместе с остатками поминальной трапезы и votivными подношениями хранился при храме. Но специальной формы или ритуалов хранения пепла и углей не существовало. Тем не менее особый пиетизм и бережное отношение к пеплу были характерны для всех культов индоевропейских народов, в основе которых лежали понятия огненного первопринципа Вселенной. Пережитки культа огня и пепла в быту населения Средней Азии прослеживаются повсеместно и достаточно полно освещены в этнографической литературе.

Для крупных зольников культовых сооружений Средней Азии характерно наличие

в них костей жертвенных животных, фрагментов посуды, а иногда и votивных подношений. Это отличает их от тех обрядов очищения огня и пепла, что характерно для канонизированного культа огня в государстве Сасанидов и этнографии парсов. Истоки такого почитания чистого огня, кажется, можно проследить с храма Нушиджантепа и, ранее, Сапаллитепа. Причина этого заключалась в том, что чистый пепел был продуктом длительного хранения слабо тлевшего вечного огня, а зола от крупных кострищ с остатками жертвенного ритуала и votивов была результатом отдельных жертвенных церемоний с разовым возжжением огня. Видимо, лишь со временем, при усложнении и развитии схоластического направления жреческой зороастрийской догматики крайне ужесточились требования к чистоте огня и пепла.

Но архаическое отношение к огню как стихии, связанной с жертвоприношением, сохранялось в полной мере у сарматов, а также повсеместно прослеживается далеко на запад от Средней Азии — в Восточной Европе (Смирнов К. Ф., Попов С. А., 1969). Гигантские по масштабам многометровой толщины священные зольники-эсхары — обычная принадлежность скифских и греческих храмов Северного Причерноморья (Высотская Т. Н., 1975; Махнова О. А., 1980). Причем говорить о привнесении культа пепла в эти районы не приходится, как у скифов, так и у эллинов обычай хранения священной золы уходит в седую древность, о чем свидетельствуют большие ритуальные зольники на поселениях и могильниках зоны скифских культур степной зоны и лесостепи Восточной Европы (Рыбаков Б. А., 1981. С. 308, сл.).

Большие зольники, содержащие кости, черепки, и отдельные votивные подношения, были характерны для культа огня I тысячелетия до н. э. в обширной зоне племен Центральной Азии: от Дахан-е Гуламон в Сеистане, Пшактепа в Бактрии и Шиханов у сарматов до Северного Причерноморья (Смирнов К. Ф., Попов С. А., 1969; Высотская Т. Н., 1975; Scerrato V., 1977; Аскарлов А. А., 1982; Stronach D., 1985).

Зольники в Северном Причерноморье в основном относятся к скифо-сарматскому времени, к рубежу нашей эры они исчезли. Западнее на Балканах подобные большие зольники на городищах возникли начиная с эпохи бронзы. В Греции при жертвоприношении деревянный алтарь сжигался и перекрывался глиной, как на Сеталак I, с той лишь разницей, что в последнем случае специального деревянного алтаря не было.

Не исключено, что культ огня и пепла был связан с представлениями о плодородии

и порожден опытом подсечно-огневого земледелия, широко практиковавшегося первобытными земледельцами эпохи энеолита и бронзы, где именно зола обеспечивала плодородие почв.

В связи с находкой большого хума, заполненного золой вперемешку с землей и отдельными votивными предметами внутри, найденного в центре самого первого зольника на западной площадке храма Еркургана, следует отметить, что это не случайность. Крупный кувшин был установлен в сакральном зольнике поселения Сеталак II, находившегося рядом с общественным сооружением Сеталак I на западной окраине Бухарского оазиса. Неподдалеку, на синхронном поселении Нортепа, в центре очага в культовом помещении была установлена корчага (Мухамеджанов А. Р. и др., 1983. С. 57; Абдиримов Р., 1988). Захоронена зола в сосудах и на храме Большой Айбу-гиркалы в Хорезме (Мамбетуллаев М., 1994. С. 45). Аналогичный обряд отмечен и в кострищах Северного Причерноморья, в частности в центре самого раннего зольника Мирмекия была найдена вертикально врытая амфора (Виноградов Ю. Г., 1981).

Что представляло собой содержимое этих сосудов, для какого вида жертвоприношений они служили, сказать трудно, так как во всех случаях, кроме золы, они ничего не содержали.

В связи с отношениями культа и ритуала весьма показателен тот факт, что содержимое и особенности зольников городского храма Еркургана и комплекса Сеталак I близки. И там, и здесь зольники содержали кости жертвенных животных и обломки керамики, в обоих случаях они периодически замазывались сверху глиной. Однако в зольниках храма Еркургана, в отличие от таковых на Сеталак I, найдено много мелких votивных подношений: украшения, детали железного панциря, наконечники стрел и т. п., чего не было на Сеталак I. Возможно это объясняется тем, что храм Еркургана принадлежал богине — покровительнице города, а комплекс Сеталак I вероятно был связан с культом предков. Подобные ритуальные зольники известны в Приаралье вплоть до распространения ислама (Ягодин В. Н., 1991. С. 31, сл.). Обычай ритуального погребения костей жертвенных животных в золе сохранялся в Узбекистане вплоть до XX столетия (Устаев Ш., 1989. С. 151).

На некоторые тонкости в особенностях теософии культа огня на Еркургане может указывать находка из храма выпуклой линзы из горного хрусталя. Во-первых, огонь, полученный с помощью лупы от солнца, безусловно, не нуждался в многократной процедуре очищения, характерной для зороас-

трийских огней; во-вторых, Солнце, прямой источник огня, — связано с Митрой.

Отнюдь не зороастрийский, но скифский характер имеют также детали ритуала подношения вотивов золотых хранилища к западу от святилища храма Еркурмана. Это, в частности, воткнутые острием в землю и золу наконечники стрел на уровне одного из золотых с ритуальными подношениями, что весьма напоминает известный ритуал поклонения мечу, вонзенному в вершину холма из хвороста у причерноморских скифов. Поиск более ранних аналогий уводит нас далеко к северо-западу от Согды. Воткнутые в землю наконечники стрел, дротиков, копий, мечи известны в погребениях скифов VI—IV вв. до н. э. (Бессонова С. С., 1984. С. 8, сл.).

Свидетельства почитания воды и возлияния. Следы наличия водоемов или каналов, обычно располагавшиеся в периферийной части храмов, редко регистрируются при раскопах. На городском храме Еркурмана за его стеной на тыльной стороне комплекса имеется крупное углубление, и ныне заполненное водой. Не исключено, что это был храмовый водоем.

Вода, помимо объекта возлияния, была важнейшим элементом ритуального очищения зороастрийского культа. Обычно в зороастризме водная стихия связана с богиней Ардвисурой Анахитой и покровителем небесных вод Тиштрией. Однако в конкретном случае рассматриваемой нами группы храмов изредка водная стихия представлена реками, это храм Окса на берегу Амударьи. Не исключено, что и храм Джартепа мог быть связан с духом — покровителем р. Зарафшан, как и храм р. Окса на Тахти-Сангине, что и допускают исследователи (Бердимуратов А. Э., Самибаев М. К., 1992, С. 91). Крупнейшая святыня доисламского Сеистана — храм Кухи-Ходжа расположен на острове, бывшем когда-то среди вод озера Хамун.

Для эпохи Ахеменидов имеются письменные свидетельства о жертвоприношениях морской и речной воде (Дандамаев М. В., Луконин В. Г., 1980. С. 316, сл.).

В последнее время выявлено наличие искусственных водоемов или протоков при домусульманских храмовых сооружениях. Это отмечает П. Бернар для храмов в Ай-Ханум (Bernard P., 1974. P. 298). Близ храмовых комплексов Старой Нисы (Михрдаткерт) находились большие водоемы (Пугаченкова Г. А., 1958. С. 37). О проведении канала и создании колодца говорится в надписи из Сурх-Котала (Массон В. М., Ромодин В. А., 1964. С. 193), храм женского божества был возведен, как предполагается, перед водоемом на городище Дальверзин (Ртвеладзе Э. В., 1978а. С. 75), водоем и система протоков выявлены также в храме II Пянджикента (Анарбаев А. А., 1981. С. 40—46).

Зороастрийцами обычно в водоемы и колодцы совершались жертвенные возлияния.

Во многих культовых комплексах для жертвенных возлияний использовались, видимо, и специальные углубления в полу в виде ямок или канавок, выявленные, в частности, в полу храма Еркурмана III строительного периода и в полу айвана мавзолея Еркурмана. Отмечены ямки для возлияний на храмах Ай-Ханум и Пянджикента (Grenet F., 1991. P. 150), специальные углубления и в культовых помещениях в Хорезме кушанского времени (Толстов С. П., 1948. С. 108).

В Кеше канавки в полах или вмонтированные в пол сосуды для возлияний были зафиксированы в культовых сооружениях и святилищах эпохи раннего средневековья (Дресвянская Г. Я., 1974; Ее же, 1988; Рамкулов А. А., 1992а. С. 185, сл.).

В храмах парсов канавки и желобки в полах, заполненные водой, обычно служили для изоляции места жертвоприношений от прихожан (Gropp G., 1969, P. 156; Дорошенко Е. А., 1982, С. 77).

Аналогичную роль видимо играла и канава в культовом коридоре на раннесредневековом Турткультепе, где узкая канава делит пол коридора на более высокую, чистую и обширную, слегка пониженную часть. На поверхности последней было собрано множество фрагментов столовой керамики.

Арриан (XII, 66) сообщает о жертвоприношении Митридата Евпатора, совершенном им в 82 г. до н. э. в храме, в виде возлияния из четырех видов жидких продуктов: молока, меда, вина и масла. Современные же парсы готовят хаому из толченых веточек эфедры с соком граната и молоком (Дорошенко Е. А., 1982. С. 74).

Мы не будем здесь специально останавливаться на увлекательной теме о сакральной роли и символике сосудов для питья (Остроумов Н. П., 1927), однако многочисленные сцены инвеституры с ритонном или чашей в руках у персонажей этих сцен, известных в скифском культовом искусстве, и сообщение Геродота о том, что упавшая с неба золотая чаша достанется жреческому сословию и о клятве скифов, сопровождавшейся испытанием крови с вином из глиняной чаши (Геродот, IV, 70), указывают на важную культовую роль чаш и ритонов не только на древнем Востоке, но и в степной среде, и эта традиция у степных народов тоже уходит в глубь веков (Членова Л. Н., 1972, табл. 356).

Сцена инвеституры на оттиске печати, найденной на квартале керамистов Еркурмана, где богиня протягивает кубок восседающему на драконе правителю, восходит к традиции степной скифской трактовки подобных сцен инвеституры и приобщения к божеству.

Культовая роль чаш и кувшинчиков древней Средней Азии отмечалась в литературе (Рутковская Л. М., 1962. С. 57, сл. 92) и подтверждается находкой почти трехсот одинаковых чаш из храма огня в Пайкенде (Семенов Г. Л., 1995. С. 172).

Культовый порог. К существенным особенностям культово-ритуальной практики раннесредневекового Согда следует отнести архаический и широко распространенный в древнем мире культ порога.

Для раннесредневекового Согда ритуал жертвоприношения порогу в парадно-культовых комплексах VII—VIII вв. был впервые отмечен Х. Г. Ахунбабаевым на Афрасиабе и Пянджикенте (Ахунбабаев Х. Г., 1990).

К этому же ритуалу следует, видимо, отнести и пока отдельные ритуальные погребения у входа в культовые сооружения, наиболее ранним среди которых является погребение взрослой женщины на пандусе, ведущем в монументальное сооружение Кызылкыр I, которое мы считаем храмом. Одежда погребенной была расшита золотыми бляшками. Обряд погребения в свое время не был понят и характеризован как костяк женщины, погибшей у входа в храм (Нильсен В. А., 1959; Мухамеджанов А. Р. и др., 1983. С. 31). Однако погребальный костюм, расшитый золотыми украшениями, жемчужное ожерелье на шее, голова барана, положенная у изголовья погребенной, и бронзовое зеркало у ног свидетельствуют о соблюдении определенного обряда погребения (Мухамеджанов А. Р. и др. 1983. С. 119). Второе погребение у входа в культовое сооружение было открыто нами на комплексе Сеталак I. Здесь, у входа в помещение III строительного периода, было расчищено большое ритуальное кострище, превышавшее в поперечнике 2 м, с остатками костей животных и битой посуды в золе. На остывшее кострище были уложены предварительно очищенные кости взрослого человека в порядке, приблизительно отвечавшем анатомическому порядку их расположения, многие мелкие кости отсутствовали. Сопровождающего инвентаря не было, если не считать крестец крупного барана, над кострищем с костями была возведена земляная насыпь. Это могли быть останки служителей храмовых комплексов.

Дополняет картину ритуальных погребений у порогов священных комплексов вотивная серебряная статуэтка человека под порогом святилища храмового комплекса Джартепа II в верховьях канала Даргом (Самибаев М. К., 1993. С. 12).

Описанные обряды жертвоприношений порогу и ритуальных погребений у входов в святилища, отмечаемые в Согде с появлением каунчинского культурного комплекса, связанного, видимо, с упоминаемыми в источ-

никах с IV в. хионитами, восходят в своей основе к древнейшим общендоевропейским представлениям об особой значимости входа в микромир дома, храма, города из внешнего мира и, будучи связаны происхождением с общими представлениями о культе предков, находят параллели в культе римских божеств ворот и дверей Януса и Фортуны. Янус считался богом богов римского пантеона и первым царем Лациума (Штаерман Е. М., 1992), как предком династий Афригидов и Аршакидов, по преданию, считался Сиявуш, могила которого тоже находилась у восточных ворот Бухары (Дьяконов М. М., 1951. С. 40).

Функциональные и семантические параллели особенностей ритуала культа домашнего огня Согда эпохи хионитов и эфталитов обнаруживаются и с культом столь же отдаленной от Средней Азии римской Весты, которой посвящалась входная часть в жилище, так называемый «вестибюль», превратившийся в современные вестибюли. Охрана входа в жилище, видимо, входила в функции Весты — хранительницы домашнего очага.

В отдельных домовладениях квартала керамистов культовый характер имело проходное помещение с очагом — алтарем у входа в жилище, как помещение 2 в хозяйстве 3 на Р-13. Подобные культовые очаги располагались и во входной части цитадели Канки и отдельных домовладений раннесредневекового Пянджикента (Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И., 1990. С. 60—61; ДСГВМ. С. 13; Распопова В. И., 1981).

Аналогичный ритуальный смысл имели, видимо, и жреческие погребения во входах в комплексы Кызылкыр I и Сеталак I последнего строительного периода.

Находка очажной подставки в специальной нишке в начале входа в комплекс Сеталак I второго строительного периода указывает на то, что подобные подставки, функционально связанные с очагом, входя в цикл культа предков, тоже могли иметь охранное значение в качестве оберега.

К пережиткам обычая культа порога эпохи средневековья, возможно, относятся погребения почитавшихся представителей общества в порталльной части некоторых медресе Самарканда и Бухары. Целый ряд обычаев и примет, связанных с культом порога, сохранился в Узбекистане по сей день (Сатор М., 1991).

БОГИНЯ НАХШАБА

О ПАНТЕОНЕ СОГДА

На всем протяжении развития религиозной жизни в Средней Азии, от эпохи Александра Македонского до арабов, сохранялась типичная для древнего Востока ситуация,

когда различные религиозные общины сосуществовали и жили рядом, отправляя свои культы и обряды под руководством своих жрецов. Эта картина отчетливо документируется, в частности, пантеоном божеств кушанского чекана, где на реверсах монет Канишки и Хувишки мы видим около полтора десятка божеств древнеарийского пантеона и около десятка божеств греко-римского, индийского и месопотамского происхождения. Причем центральные фигуры зороастрийского пантеона Ахурамазда и Анахита занимают одно из последних мест по количеству, встречаясь на поздних сериях чеканов кушан, появившихся в вассальную зависимость от Сасанидов (Ставиский Б. Я., 1977, С. 33). Таким образом, пантеон божеств чекана Канишки и Хувишки как по составу, так и структуре отличается от зороастрийского инновациями персонажей эллинистического, индийского и месопотамского происхождения. Хотя есть довольно обоснованная точка зрения о том, что имена греческих и римских божеств, встречающихся на монетах Канишки, как Гефест или Селена, фактически представляют собой не эти божества, а переводы имен древнеарийских божеств на языки греческого и римского пантеонов (Зеймаль Е. В., 1995 а).

У Ахеменидов и парфян на реверсе монет были иконографически унифицированные изображения божества или обожевленного покровителя династии, хотя для древнего Ирана, как отмечалось, нет оснований говорить о некой единой религии иранцев, о которой упоминают античные авторы. Р. Фрай отмечает, что для парфянского времени можно говорить о преобладании маэдаэнийства, сочетавшегося с широкой веротерпимостью (Фрай Р., 1972, С. 272). С еще большим основанием мы можем говорить не о религии, а о культах Согда и Центральной Азии в целом.

Скульптурные изображения божеств эллинистической поры, преимущественно мужские, это божество в храме с нишами на Ай-Ханум, колоссальная фигура божества в храме Тахти-Сангина.

С приходом сакских династий приаральского происхождения с их древними гинекратическими традициями, что было характерно и для кушанского общества (Мукерджи Б. Н., 1984, С. 63, сл.), в храмах возобладала изображения женских божеств. Это храм Еркургана, городские храмы Дальверзина и другие. Мужские образы в то время преимущественно являлись объектами заупокойных культов в качестве почитаемых предков династий и родов.

К сожалению, кого из известных по источникам персонажей изображали те или иные скульптуры, остается загадкой, за редкими исключениями, где имеется надпись, как в случае божества храма Окса, которому был

посвящен вотив с посвятителем подписью, или богини Арштат в храме Дильберджина, опознанной Ф. Грене благодаря иконографическому сопоставлению с изображением ее на кушанских монетах, или Наны, поздний иконографический тип которой также известен благодаря надписи на хорезмской чаше (Дьяконова Н. В., Смирнова О. И., 1967; Grenet F., 1987). Сравнение этого иконографического типа Наны с ее изображением на кушанских монетах свидетельствует о сильных различиях в изображении одних и тех же божеств в зависимости от эпохи и этнокультурной среды.

Найденная недавно короткая надпись помогла выяснить, что трехликое божество в Согде носило имя Вешпаркара. Более ранний иконографический тип трехликого божества в эллинизированном костюме в более раннем эллинизированном виде был открыт в Бактрии на городище Сузмакала (Fischer K., 1957; Marsak B. I., 1990, P. 308—302).

Об остальной массе культовых персонажей, богатой сюжетами настенной живописи оазисов Согда и Средней Азии, приходится строить умозрительные предположения. Но и этот метод в отдельных случаях, как показывает интерпретация изобразительных сюжетов штампованных керамических барельефов оссуариев Согда, позволяет достигнуть определенных успехов (Pouqatchenkova G. A., 1985; Грене Ф., 1987).

В списке полутора десятка божеств, приводимых В. Б. Хенингом на основе теофорных имен согдийцев, известных по ранне-средневековым документам, в основном представлены божества авестийского пантеона (Hening W. B., 1965). Это, в частности, зороастрийские божества Ахурамазда, Зрван, Митра, Веретрагна, Аши, Хварена, Хаома, Тиштри, Яма, Вата, Друваспа, Нарьясангха и Гандарва. Последний фигурирует в Ардвисур-яште как отрицательный персонаж (Х. 39). Дополняют пантеон древнеарийские Мах, Ревахш, Дапат или Дапати. Загадочный Таксич, бывший, видимо, не только локальным божеством Согда, сохранился в форме Тухост в нартском эпосе (Дюмезиль Ж., 1990, С. 54). И, наконец, Госпожа Нана, ставшая центральной фигурой согдийского пантеона VII—VIII вв.

Однако почитались ли все они в храмах и каковы были ритуалы поклонения, мы не знаем. Вероятно, большая их часть, послужив основой для теофорных имен, не обладала специальными храмами, где им могли поклоняться.

Отмечалось, что среди 33 божеств, изображенных на кушанских монетах (Гиршман Р., 1975, С. 141), образы Ахурамазды и Анахиты лишь изредка встречаются на кушано-сасанидских монетах. Открытая недавно в Рабатаке надпись Канишки дополняет этот список именем еще одной богини — Умма (Ртвеладзе Э. В., 1997). О кушанах — кидань-

ритах и хионитах, со ссылкой на источники, отмечалось, что их вера отличалась от государственной религии сасанидского Ирана (Тревер К. В., 1954. С. 137).

Кого же изображали фрагменты найденных в святилище городского храма Еркургана остатков трех скульптурных изображений женского божества?

Остатки крашенных глиняных скульптур II—IV строительных периодов, безусловно, изображали женское божество, хотя стилистически, в связи с хронологической последовательностью, они заметно различались (рис. 81—84).

К сожалению, в отличие от Бактрии, где помимо богатого пантеона, зафиксированного чеканом Канишки, имеется и обильный иконографический материал торевтики Тиллятепе с разнообразной атрибутикой, отражающей функции божеств, для Согда из источников поименно известен лишь культ Наны (Дьяконова В. Н., Смирнова О. И., 1967). Известный мугский брачный контракт призывает в свидетели Багу и Митру, причем имя Митры упомянуто в типичной функции божества договора. Пережитки же культа Сиявуша фиксируются для еще более поздней поры — раннеисламского времени.

Общий иконографический материал согдийской терракоты, носящий анонимный характер, как и на всем Востоке, лишь указывает на былое богатство почитавшихся женских божеств мифологии древнего Согда.

ГАНГА-ХАРАХВАТИ АРДВИСУРА-АФРОДИТА ТАНАИС

Приступая к поискам образа, эквивалентного богине храма Еркургана, в мифологическом пантеоне древнего и раннесредневекового Согда, следует начать с того, что среди многочисленных мелких артефактов, найденных при вскрытии строительных субструкций и кладок храма, помимо мелких украшений, бус, колокольчиков и культовой посуды, типичных для самых различных культовых комплексов древней Средней Азии, выделяется небольшая группа находок, позволяющая понять сущностное содержание функции этой женской богини, являвшейся покровительницей столичного города древнего Нахшаба.

Это, прежде всего, встреченный в кладке алтарного подиума III строительного периода кладок, состоявший из золотой фигурки ежика, выточенных из агата фигурок Силена с заостренными ушами и лягушки, а также выкованная из сплава свинца фигурка змеи и бронзовые зеркала из кладок III, IV строительных периодов (рис. 188:1, 2; 192; 193:2).

В отличие от явно votivных подношений, обнаруженных в зольнике на западной площадке храма, найденная в святилище культовая утварь видимо использовалась при ри-

туальных церемониях и была связана с сущностными функциями богини.

Еще в 1959 г. А. М. Беленицкий, анализируя сюжет изображений глиняных барельефов храма II Пянджикента, убедительно раскрыл их связь с темой культа речного божества Зарафшана и привел ряд аналогий. этому сюжету из материалов позднекушанского и эфталитского времени из Индии и Афганистана (Беленицкий А. М., 1959. С. 71, сл.). Однако вопроса о персонификации этого божества и поиске его мифологического эквивалента еще не ставилось.

В наиболее архаичной, первобытной форме почитание хозяйки атмосферной влаги в этнографии узбеков и таджиков сохранилось до XX в. в образе, известном как Сус-хотун, к которой обращались при обряде вызывания дождя (Кадыров Р. К., 1964).

Более развитую стадию мифологической речной богини сохранила святая Анбар-она, связанная с водами Амударьи (Снесарев Г. П., 1969. С. 239, сл.).

Особую роль культа женской богини водной стихии Ардвисуры Анахиты в Хорезме на основе анализа терракотовых статуэток отмечал еще С. П. Толстов. Далее Г. П. Снесарев на основе обширного цикла легенд об Анбар-она выявил пережитки культа этой богини в этнографии Хорезма (Толстов С. П., 1948а. С. 200, сл.; Снесарев Г. П., 1969. С. 239, сл.). С Ардвисурой Анахитой связывал цикл оссуарного погребального обряда Средней Азии Ю. А. Рапопорт (Рапопорт Ю. А., 1971. С. 32).

В публикации материалов дворцово-культового комплекса Топраккалы Ю. А. Рапопорт, следуя С. П. Толстову, считает, что «зал танцующих масок» связан с культом Анахиты и тематически восходит к дионисийским ритуалам священного брака, связанного с ритуалом вегетативного цикла и виноделия, приводя при этом полузабытую легенду о празднике «Ночи Мины», сообщаемую Беруни (Рапопорт Ю. А., 1984. С. 82 сл.; Его же, 1991. С. 24—25). Предполагается, что и среди божеств древнего Хорезма, изображенных в «Зале царей» дворца Топраккалы, центральное положение занимала Анахита, к предполагаемым фрагментам которой относится крупное изображение женщины с ребенком, от которой сохранилась лишь кисть руки, держащей детскую руку (Рапопорт Ю. А., 1991. С. 26—27). В то же время, по Ю. А. Рапопорту, хорезмийская Нана, возможно, тождественна авестийской Анахите (Рапопорт Ю. А., 1984. С. 293).

Однако в этом вопросе не исключено и иное решение. При крайне незначительном количестве изображений Анахиты на кушанских монетах и полном ее отсутствии в конструкции теофорных согдийских имен, сложилась довольно скептическая точка зрения о роли Анахиты в доисламском пантеоне Средней Азии (Пугаченкова Г. А., 1967. С.

183; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1982. С. 46; Лелеков Л. А., 1985).

Основная система аргументов, приведенная Л. А. Лелековым, сводится к следующим пунктам:

1. Отсутствие образа Анахиты в кушанской нумизматике;
2. Отсутствие имени Анахиты в среднеазиатской топонимии и ономастике;
3. Преобладание западноиранских топонимов в Абан-яште;
4. Исторические сообщения о храмах Анахиты относятся к западным районам Ирана и Малой Азии;
5. Митра — наиболее популярное божество Средней Азии — находился в оппозиции Анахите (Лелеков Л. А., 1985).

Тем не менее живопись Пянджикента дает изображения двух- и четырехрукого женского божества, сопровождающегося довольно разнообразной водной символикой: лотос в ее короне, трон с протомами крылатых собак сенмурвов — животных Анахиты, а в одном случае она восседает на драконе (Беленицкий А. М., Маршак Б. И., 1976. С. 76, сл.; Azarpay G., 1981. P. 140). Образ этой богини не канонизирован, как согдийской Наны. Высказывались сомнения в идентичности богини на драконе с богиней на троне с протомами сенмурвов из II храма Пянджикента (Mode M., 1989, P. 244).

Отдельные особенности иконографии образа богини на драконе, как и образ четырехрукой Наны на льве, уводят нас в мир культового искусства Индии. Восседающей на фантастическом морском драконе — Макаре изображалась основная водная богиня Индии — Ганга. Ее образ, известный уже в «Ригведе», играл важную роль в более поздней мифологии, особенно в «Махабхарате» (Гринцер П. А., 1992 а). Ганга в мифологии индуизма представлена небесной рекой, в чем она идентична межзвездным водам канонической сущности Ардвисуры (Ясна, VI. 1; Яшт V, 85, 88); как и последняя, она, опустившись наземь, стекает с мировой горы по просьбе Бхагирати, чтобы оросить прах его шестидесяти тысяч предков. В последнем своем проявлении функции Ганги также совпадают с функцией Ардвисуры, в воды которой возвращаются для нового рождения души праведных усопших и собак (Рапопорт Ю. А., 1971. С. 31, сл.). Ганга, как и Ардвисура, дает начало всем водам земных рек. В заключение Ганга уходит в океан, как Ардвисура, вливающаяся в море Ворукашу.

Греческая Афродита (пеласг. ар-вода, uerdh-расти) тоже сначала была богиней Луны, звезд и дождя, оплодотворявшего землю и способствовавшего произрастанию (Яйленко В. П., 1977. С. 219).

Параллели и принципиальные сходства мифологических циклов Ардвисуры и Ганги представляются не случайными. Еще Х. С. Нюберг полагал, что Ардвисура Анахита в

древнейшей своей форме была речной богиней саков, обитавших по Сырдарье (Nyberg H. S., 1938. P. 261). Сырдарья, еще в средневековье называвшаяся рекой Канга (Птицын Г. В., 1947. С. 307, сл.), неразрывно была связана с древним Кангюем китайских источников и канками индийских источников, а также Кангом или Гангом эпоса «Шах-наме», который, как известно, сюжетно был связан с «Махабхаратой» (Лелеков Л. А., 1992 а. С. 251—252; Darmsteter J., 1987).

По «Шах-наме» Кангдиз был расположен на правом берегу Сырдарьи, по Авесте Канха — это священная гора. Память об этих прежних топонимах сохранилась, видимо, и в названии древнейшего городища Ташкентского оазиса — Канке и горы Кентау в районе правобережья среднего течения Сырдарьи. Если в древнем Чаче Канха и Гангдиз были связаны с названием горы и города, то в Индии Ганг — гидроним. Такое отличие в сложении топонимике районов расселения индоарийских племен от среднеазиатских дополняется аналогичными явлениями в древней топонимике южной зоны индоиранской границы. Это, в частности, древние области Харахвати и Гандхара, этимологически связанные с именами великой речной богини древних иранцев и индоариев Харахвати, Сарасвати и ее спутника Гандарвы. Эллинизированные формы этих топонимов тоже симптоматичны: Арахосия — это гречизированная форма Харахвати, но древний топоним Гандхара сохранился почти без изменений до сего дня в форме Кандахар.

Характерно также, что древнейший в Мидии храм Ардвисуры Анахиты был расположен в Кангаваре (топоним, производный от древней Канги).

«Канха пресвятая», отсутствующая в перечне зороастрийских стран Михр-яшта и первого фаргарда Видевдата, упоминается в Ардвисур-яште как арена битвы иранских героев с воинами Турана, вопреки предполагаемой только западной ориентации топонимов этого яшта (Лелеков Л. А., 1985. С. 56), при этом поименно отмечаются и три «туранца-дану», т.е. туранцы данайские (Яшт 5, XIV, XV, XVIII), что указывает на известный по греческим источникам гидроним Сырдарья—Танаис. Упоминается Канха и в Замиад-яште (Яшт 19, 4). Характерно, что по Ардвисур-яшту Анахита покровительствовала не туранцам, а иранским героям, что было, видимо, результатом очень ранней жреческой обработки мифа об Ардвисуре. Однако только ее гимн из всего зороастрийского пантеона сохранил сугубо скотоводческий, степной характер ритуала жертвоприношений, состоявший в заклании сотен и тысяч голов крупного и мелкого скота.

В литературе отмечалось, что яшты хронологически и тематически делятся на две группы (Лелеков Л. А., 1992. С. 247, сл.). Первая группа — яшты 8, 10, 13, 14 не знают

Каянидов, их теологическая структура соответствует Гатам. Вторая группа — яшты 5, 9, 15, 19, тематически связанная с мифом о Каянидах, не отличается особым почитанием Ахурамазды, но превозносит Ардвисуру Анахиту, Хварно и других язатов. Анахите, согласно Ардвисур-яшту, молился сам «творец Ахура — Мазда на Арианам — Вайджа у Датины благой» (Яшт 5, V).

Указывая на общие истоки «Махабхараты» и «Шах-наме», связанные с темой цикла Каянидов, приуроченного к Дрангиане, и резюмируя дискуссию Келли и Ньюли, Л. А. Лелеков приходит к выводу о правоте первого в более поздней дате второй группы яштов, отражавшей притязания мелких сакских или парфянских династов долины Хильменда (Лелеков Л. А., 1992. С. 247, сл.). Эта сакская почва формирования мифа о Каянидах при давно отмеченном почитании кави в Ригведе указывает на то, что сакские генетические корни цикла Каянидов, находящие параллели в ведийской традиции, не случайны, как и роль Ардвисуры—Анахиты в данной группе яштов и функциональная близость последней к ее индийской параллели — Ганге.

Таким образом, при отсутствии в Средней Азии упоминания Ардвисуры Анахиты, тем не менее водное божество в образе прекрасной женщины, сопровождаемой представителями водной фауны, было известно. Ее символическими спутниками являлись представители водной фауны: дракон, змея, лягушка и, видимо, рыба, на что указывают изображения женского персонажа с рыбами по обе стороны на золотой подвеске из Тиллятепе (Сарианиди В. И., 1989, рис. 43, 3). Этот мотив, противоречащий характеристике Анахиты по Ардвисур-яшту, тем не менее является частым признаком изображений женского божества Средней Азии эпохи античности. Изображение богини в сопровождении жрицы со змеиным браслетом происходит из кушанского храма на Дальверзинтепе, богиня со змеями и драконами является господствующим типом в коропластике Мерва (Мешкерис В. А., 1985).

Видимо, в данном случае мы столкнулись с более древним вариантом мифа о водной богине, где ее символическим животным был водный дракон или змей. Возможно, подобно тому, как зороастрийская Спента Армаити в процессе слияния с ближневосточной Наной потеряла свое имя, но сохранила место в структуре пантеона, а также свои функции, попутно обогатив их, так и изначальная водная богиня реки Сырдарьи по мере продвижения первых арийских племен на юго-запад от Средней Азии пережила сложную трансформацию. Не исключено, что при этом ее образ, вступая во взаимодействия с близкими по содержанию образами семитических женских божеств, обрел новый эпитет Ардвисура Анахита, тогда как ее изначальное имя — Харахвати, этимологически родственное ин-

дийской Сарасвати, отходит на второй план (Бойс М., 1987. С. 76). При этом, возможно, в результате многократных редакций в процессе канонизации зороастрийского свода мифов богиня, в угоду доктрине, была лишена своего изначального спутника — дракона Гандарвы, низведенного зороастрийским жречеством в помощники Ахримана.

Таким образом, симбиоз, затем слияние и синкретизм близких по функции ближневосточных богинь с речной богиней ираноязычных племен, продвигавшихся в районы Ближнего Востока в начале I тысячелетия до н. э., произошел задолго до эллинизма. Результатом этого процесса вероятно и было сложение образа Харахвати Ардвисуры Анахиты, обретшей свои антропоморфные черты, зафиксированные в Абан-яште, что подтверждается сообщением Бероса о воздвижении храмов Анахите в городах империи, где устанавливались скульптурные изображения этой богини. При этом она сохранила изначальный степной характер своих жертвоприношений, сводящийся к закланию тысяч голов скота с просьбой военной победы и легитимного права на власть в социуме.

Харахвати Ардвисура также имеет много общего со второй величайшей речной богиней Индии — Сарасвати, имя которой носит основной приток Инда. Считается, что это название фиксирует миграцию индоариев на юг (Топоров В. Н., 1992). Мифологические функции Сарасвати и ее характеристики во многом идентичны признакам Харахвати Ардвисуры Ардвисур-яшта.

Образы ведийских Апсар (Апсары-Ардвисура-рус. сырой) тоже связаны с атмосферной и речной влагой. В индуизме количество Апсарас увеличивается, так согласно пуран, высшие Апсары относятся к богам и называются «дайвика» и одна из них, Менака, является матерью Ганги (Гринцер А. П., 1991 а; Его же, 1991 б). Этот сюжет возвращает нас, с одной стороны, к небесной реке Ганге, с другой — к древней легенде о Мине, сохранившейся в Хорезме и переданной Беруни.

Из легенды о Мине, достаточно подробно проанализированной С. П. Толстовым и другими учеными явствует, что она в Хорезме играла роль умирающей и воскресающей богини вегетативного цикла (Снесарев Г. П., 1969. С. 184, сл.; Рапопорт Ю. А., 1991. С. 25, сл.). Иначе говоря, ко времени Беруни в памяти жителей Хорезма ее образ был связан с сельскохозяйственным циклом, водная сущность индийской Менаки в данном случае видимо отошла на второй план и не сохранилась. Хорезмийская Мина слилась с широко распространенными жреческими умирающими и воскресающими божествами вегетативного цикла, к которым восходят также широко распространенные этнографические представления об Аям Ожиз — старушке, символизировавшей ушедший год и умиравшей с последними холодами накануне Нав-

руза. При этом хорезмийская Мина, в отличие от этнографической Аям Ожиз, связана с вином — священным напитком древнего Востока.

В эпоху после эллинизации Средней Азии тема водной стихии в искусстве стала обретать ярко выраженные греческие черты. Как свидетельствуют барельефы Пянджикента, гиппокампы и тритоны вплоть до эпохи ислама были типичными образами водной стихии мифологических сюжетов монументального искусства Согда.

При парфянах, наследниках культуры приаральских дахов, в Маргиане широкое распространение получил культ богини с зеркалом и изображением фигур змей и драконов у ее ног (Мешкерис В. А., 1985). Эти статуэтки фабриковались в Мерве практически на протяжении всей первой половины I тысячелетия н. э. На этот же период приходится функционирование городского храма на Дальверзинтепа, где было изображение богини со змеями, а также храма на Еркургане, где обнаружена металлическая фигура змеи.

Проникновение образа богини со змеями в Согд, Мерв и Северную Бактрию видимо следует связывать с теми самыми дахами, захватившими эти оазисы у Греко-Бактрии и к приходу туда юэчжей давшими Северной Бактрии топоним, звучащий в китайской транскрипции «Даха».

Именно дахи — наиболее вероятные носители раннесарматской прохоровской культуры, наследники гинекократических традиций савроматов и массагетов, были, скорее всего, почитателями речной богини, символическими животными которой являлись водные животные. Возможно, они и сыграли определенную роль в возрождении образов архаических речных божеств в Согде и Мерве после падения Греко-Бактрии. Здесь мы вступаем в область мифологии сако-сарматских племен, идеология которых, общиндоевропейская в основных своих темах и сюжетах, далеко выходила за рамки собственно зороастрийских мифологических циклов.

В данном случае это было, вероятно, уже второе проникновение образа речной богини к югу Центральной Азии после первого, связанного с движением древнеарийских племен на Ближний Восток и индоариев в долину рек Ганги и Джамны, чем, кажется, можно объяснить достаточно легкое проникновение в обратном направлении в Согд модели уже выработанной иконографии божества р. Ганги при передаче образа водной богини из храма Пянджикента, который Г. Азаграу справедливо связывает с духом реки Зарафшан (Азаграу Г., 1981. Р. 140, сл.).

Священными животными богини вод, как отмечалось, были рыбы, змеи, драконы, лягушки. Кроме того, символическим атрибутом ее, видимо, было и зеркало.

Змея — древнейший символ хтонической

и водной стихий, издревле фигурирует в культах и изобразительном искусстве Средней Азии (Кожин П. М., Сараниди В. И., 1968; Сараниди В. И., 1986; Его же, 1968 б). Специальная статья А. М. Беленицкого и В. А. Мешкерис избавляет нас от необходимости рассмотрения данного вопроса (Беленицкий А. М., Мешкерис В. А., 1986). Вплоть до XX в., несмотря на крайне отрицательное отношение к змее зороастрийской теологии, в земледельческой среде в поверьях населения Средней Азии образ змеи был связан с плодородием, т. е. с одной из главных функций богини вод (Хамиджанова М., 1960; Кармышева Дж. Х., 1986. С. 62).

Судя по выделенному В. Б. Хенингом из списка теофорных имен, производных от почитавшихся мифологических персонажей Согда, имени Гандарвы —

Который златопятый,
В волнующихся водах,
У брега Ворукаши ...
(Яшт 5, X, 39),

— этот древнейший индоевропейский водный демон, известный в Ригведе как Гандхарва, где он является хранителем сомы и супругом «женщины вод» — Апсарас (X, 123, 4—5), почитавшийся и в Согде, в Ардвисур-яште представлен в отрицательной роли носителя лжи (X, 39), хотя из его текста явствует, что Гандарва, как житель водной стихии, по своей природе был связан с Ардвисурой. Да и находился Гандарва, судя по контексту Ардвисур-яшта, вероятно, в водах самой Ардвисуры, впадавшей в море Ворукашу в качестве мировой реки.

Генетически был видимо связан с Тураном и основной змеинный герой древней мифологии и эпоса Аждар — Ажидахака. Есть основания полагать, что Ажидахака был одним из почитавшихся божеств саков Восточного Туркестана, а по «Шах-наме» он являлся предком самого Рустама (Дьяконова Н. В., 1967. С. 180, сл.).

Наиболее раннее изображение трехголового дракона представлено на золотой чаше из храма Хасанлу, тематику изобразительных сцен которой предполагается связывать с мифом об Анахите (Курочкин Г. Н., 1974).

А. Д. Х. Бивар, ссылаясь на один из комментариев «Авесты», где указывается, что имя Ажидахава следует переводить как «дракон дахов», полагает, что легенда о драконе Ажидахава возникла в связи с образом крупной морской хищной рыбы — осетра (приведено по рец. Дандамаева М. А., 1991. С. 212). Ажидахава и поздний Аждар смыкаются с Ящером древнерусской мифологии и jassi славянской мифологии (Рыбаков А., 1981. С. 397—399; Его же, 1987. С. 258, сл.). Изображения рыб по обе стороны от женской богини на подвеске из Тиллятепе более всего отвечают не столько фантастическому животному с собачьей или волчьей

пастью, как допускает автор (Сарианиди В. А., 1989 б. С. 120), сколько образу поро- ды осетровых, водившихся в изобилии не только в Каспийском море и Волге, но и в Арале вместе с Амударьей и Сырдарьей.

Изначальным центром поклонения кас- пийскому осетру видимо были основные ра- йоны его обитания в устьевой части Волги, с чем, вероятно, и связан топоним Астра- хань — средневековый Аштархан (Осетер, Аштар, Аждар). Аналогичное происхождение имеет, видимо, и топоним Астрабад в устье р. Гурган в Южном Прикаспии. Позже из районов Северного Прикаспия и Приаралья этот образ, очевидно через среду кочевых племен, получил распространение в оазисах Средней Азии. В процессе дальнейшей мифо- логической обработки данный представитель водной фауны Каспийского и Аральского морей превратился в фантастического змея.

Култ мазара Малика Аждара, или Аш- тара, сохранившийся в Шахрисабзе до XX в. (Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1953. С. 21), видимо имеет на местной почве позднее происхождение и связан с племенем кенегес (средневековые кангары)—выходцами с ниж- него течения Сырдарьи.

Для понимания образа Аждара, или Аш- тара, следует обратить внимание еще на один факт из этнографии оседлого населения Средней Азии, вся одежда и стеганные одеяла которого обычно состоят из верхнего покрова и нижней подкладки, между ними стелется утепляющий слой ваты или шерсти. Верхняя кроющая ткань носит название «авра», а нижняя подкладка — «астар». В данном слу- чае «авра» соответствует иранскому «абр» — «облако» или «брови на лице», и означает верх, т. е. связан с верхним миром. Соответ- ственно «астар» связан с понятием нижнего мира. Таким образом, хотя Аждар и был спутником богини небесной и речной влаги, он был ее представителем в нижней, земной сфере этих вод, как и дракон Макара, слу- живший пьедесталом изображениям индий- ской Ганги и Гандарва, обитавший в водах близ моря Ворукаша.

Обращает на себя внимание также оно- мастическое совпадение имени Осетра, или Аштара с именем древнего семитического божества Астара, супругой которого и была богиня любви Анат. Это совпадение вероятно указывает на контакты в культово-мифоло- гической сфере индоевропейских племен При- каспия с Ближним Востоком еще в эпоху ранней бронзы.

О популярности образа дракона в сакской среде свидетельствует находка бронзового культового ковшика из окрестностей Алматы с ручкой в виде дракона и носиком в форме головы, центральноазиатского волка (Рем- пель Л. И., 1977).

Наиболее полно образ дракона представ- лен в изделиях торевтики Тиллятепе, из пог- ребений представителей царской династии

правителей Шибегана первых веков до на- шей эры (Сарианиди В. И., 1989 б. С. 33). Причем на рис. 43-3 драконы расположены по обе стороны женского божества, которое, видимо, является наиболее ранним изобра- жением этой водной богини.

К первым векам нашей эры и позже от- носятся изображения женского божества со змеей в терракоте из Мерва, храм женского божества с изображениями змей на Даль- верзинтепа и храм Еркургана.

Тонкие рельефные изображения змеек имеются на кружке каунчинской культуры Чачского оазиса, хранящейся на кафедре археологии ТашГУ. Однако образ змей в то время, видимо, был связан и со стихией огня. Некоторые очажные подставки каунчинской культуры имеют на одной из своих граней по двум сторонам от центрального отверстия извивающиеся изображения змей. Одна по- добная подставка была найдена на Кызыл- кыре, поселении IV—V вв. в Бухарском оази- се (Мухамеджанов А. Р. и др., 1983, рис. 13, 16), вторая отмечена нами в коллекциях Музея истории АН РУз, найденная в 1972 г. в с. Сайлык Ташкентского оазиса.

Обращает внимание то, что на указанных очажных подставках изображена пара змей. Это позволяет предположить семитическую связь этого мотива со змееной богиней, хтонической прародительницей скифов, с од- ной стороны, и Захоком — обладателем двух змей, выросших из плеч, и двух жен-сестер — с другой. Мужское божество с двумя змеями в руках парфянского времени изображено и на алтаре огня из Хатры (Шлюмберже Д., 1985, рис. 113).

В Средней Азии орнамент в виде нален- ных змей обычно украшает керамику дже- тыясарской культуры Приаралья. И изобра- жения змей на очажных подставках из Сай- лыка и Кызылкыра относятся ко II этапу развития каунчинской культуры, испытывав- шей в то время, по мнению Л. М. Левиной, активное воздействие элементов джетыясар- ской культуры, это было время распростра- нения в Средней Азии политической гегемо- нии хионитов. В Нахшабе тоже широкое распространение получили джетыясарские мотивы орнаментации керамики налепными кругляшками, шипами, змейками и древовид- ными налепками. Изображение дракона клас- сического облика с удлинённой мордой реп- тилии и глазами навывкат было найдено не- большим обломком матрицы на самом Еркур- гане, он приводится в разделе о продукции коропластов Еркургана. К этому же времени относится и изображение небольшой фигур- ки змеи из свинца, найденной в храме Еркур- гана из закладок III строительного периода.

Хионитское время было периодом массо- вого внедрения присырдарьинских племен в оазисы Согда и Хорезма со значительным влиянием на Бактрию, Мерв, Фергану как в сфере материальной, так и духовной культу-

ры. При этом в культуре Нахшаба преобладают инновации особенностей джетыасарской культуры, в отличие от Кеша, Самарканда и Бухары, в материальной культуре которых прослеживается влияние особенностей каунчинского комплекса.

Весь этот комплекс мифологических представлений, имевших место в Туране хонитской и эфталитской поры, делает понятным столь излюбленные образы многочисленных летучих драконов с протомами коня, верблюда, барана и других животных, витающих над головами персонажей разнообразных эпических сцен раннесредневековой живописи Согда и Уструшаны, чуждых искусству сасанидского Ирана. С культом дракона также были связаны жезлы и знамена в виде драконов у персонажей этой живописи. Более ранние изображения боевых знамен в виде дракона имеются в руках даков на колонне Траяна в Риме.

О нестремимости если не культа, то почитания дракона в средневековой Туркмении свидетельствует мечеть в Анау, где тимпаны ее портала украшают два гигантских дракона. Они, скорее всего, являются мифологическими потомами мервских драконов.

Лягушка, найденная в храме Еркургана, тоже один из древнейших символов атмосферной влаги и дождя. Находка иконографически очень близкой фигурки лягушки на Сапаллитепа, изготовленной, правда, из керамики, указывает, что представления о культовой символике лягушки уходят корнями в эпоху древнеземледельческих цивилизаций эпохи бронзы (Аскаров А. А., 1977. С. 189, табл. XXV, 15).

О почитании лягушки и в сарматской среде свидетельствует такая же, типологически аналогичная подвеска в виде фигурки лягушки, выточенной из кремнистой породы, в сарматском погребении далеко к западу от Средней Азии, на Южном Буге (Ковпаненко Г. Т., 1986, рис. 34, 107). Находки изображений лягушек в Средней Азии систематизированы в литературе (Ремпель Л. И., 1987. С. 37; Шевяков А. И., 1995). Согласно гимну лягушке Ригведы (VII, 103), она появляется в сезон дождей и связана с небом. В образе лягушки предстает жена Хамыца — героя нартского эпоса (Дюмезиль Ж., 1990. С. 168, сл.). Лягушка — широко распространенный символ нижнего, водно-хтонического мира. В Индии, желая вызвать дождь, колдуют с лягушкой и сейчас (Иванов В. В., Топоров В. Н., 1992).

С циклом мифологических сюжетов водной богини плодородия связаны и изображения зайцев на керамической плакетке, найденной в свое время С. К. Кабановым в верхнем горизонте на квартале керамистов Еркургана (Кабанов С. К., 1988. С. 20—21). Заяц был священным животным Афродиты и символизировал плодородие. Эта роль зайца была

известна и в мифологии скифских племен (Раевский Д. С., 1985. С. 62, сл.).

Е. Е. Кузьмина приводит осетинское сказание о женитьбе Хамыца — героя осетинского эпоса (Кузьмина Е. Е., 1977. С. 20, сл.). Хамыц на охоте встречает чудесного зайца, которого он не может догнать на своем прекрасном, как лебедь, коне. Заяц бежит до края земли и бросается в воду. Выясняется, что это дочь бога вод Дон-Бетура, избравшая Хамыца своим женихом, она выходит за него замуж, но, чтобы ее не видели люди, днем обретает облик лягушки или «водяной черепахи». Разоблаченная, она покидает мужа и возвращается в море, оставив ему в зачатии своего будущего сына Батрадза. Имя этой дочери владыки вод в эпосе не упоминается.

Указав, что осетины устраивают весной праздник в честь дочери Дон-Бетура, Е. Е. Кузьмина отмечает, что сходство этого сюжета нартского эпоса с легендой о происхождении скифов давно отмечено всеми исследователями, и приходит к выводу, что сцены с изображениями зайцев, особенно охоты на них, связаны с куклами воды, плодородия и почитанием предков (Кузьмина Е. Е., 1977. С. 21).

Показательно здесь и имя божества вод — Дон-Бетур, связанное с гидронимом Дон-Танаис, одним из древних названий Сырдарьи (эпитет Дона — Тихий связан и с тюркским Тинч, казахское — Тинис).

Таким образом, можно полагать, что сюжет с изображениями зайцев на Еркургане не случаен, а связан с циклом мифа о богине Еркургана. Сцена поглощения зайца драконом на бронзовом флаконе II тысячелетия до н.э. из Бактрии указывает на древность сюжетной связи символических спутников богини вод (Сарианиди В. И., 1992б). Заяц оставался символом плодородия и в средние века (Ильясова С., 1985).

В свете предполагаемой нами версии о культе речной богини храма Еркургана становится понятной стилизованная фигурка идола, выточенная из того же агата, что и фигурка лягушки, найденная в тайнике вместе с ней (рис. 188:1, 2). При всей гротескности пропорций и позы этого образа, напоминающего уродцев — карнатид барельефов Гандхары, фигурка из храма Еркургана имеет вздутый живот, крупную голову и заостренные кверху козлиные уши — отличительные признаки эллинистических речных божеств низшего ранга, среди которых наиболее известным был Силен-Марсий.

Иконографически ближайшие аналогии фигурка Еркургана находит в терракотовых греческих силенах Северного Причерноморья (Русяева А. С., 1987, рис. 52-2, 3).

И. Р. Пичилян, разбирающий в связи с находкой фигурки Силена-Марсия весь круг подобных образов, известных в эллинистическом мире, подчеркивает особую связь их

с великими женскими божествами (Пичи-
кян И. Р., 1991. С. 163, сл.).

Не случайно было появление уже опи-
санного нами образа Силена и в терракоте
Еркургана.

На Тахти-Сангине образы греческих реч-
ных божеств дополняют изображения Ахеля
и Ихтиокентаврессы (Litvinskij V. A., Pici-
kian I. R., 1995).

Единственным представителем образов
сакрального зоолотария храма Еркургана,
наряду со змеей и лягушкой, который почи-
тался в ортодоксальном зороастризме, явля-
ется золотая фигурка ежика в виде подвески.
Наличие его в храме может указывать на
синкретизм и противоречивость, характерную
для культовой и всей идеологической жизни
Согда поры античности. Но в то же время
еж был популярен и в сарматской среде.

Согласно любезной консультации проф.
Б. Брентьеса, образ ежа-змееборца древне-
эламской мифологии во II—I тысячелетиях
до н. э. получил широкое распространение в
очагах урбанизированной земледельческой
культуры Месопотамии и прилегающих райо-
нах (Smithe S., 1936—1937, pl. XX. 1; Porada
E., 1948, N 463, 477e).

В зороастрийской традиции еж — губитель
муравьев, таскающих зерно. Согласно I фар-
гарду Видевдата, Вэкерта, одна из областей,
угодных Ахурамазде, названа обителью свя-
щенного ежа. По таксономии Видевдата (13,
2, 1), еж — создание Ахурамазды и относится
к виду собак. По Бундахишну (19, 28), еж
был создан против муравьев, которые тащат
зерно. Считалось, что он мочится в гнездо
муравья, уничтожая их тысячами. Изобра-
жения ежей той поры известны в Хорезме
(Толстов С. П., 1962, С. 126;) и в кушан-
ской Бактрии. Однако наиболее близким фи-
гурке из храма Еркургана является серебря-
ная фигурка ежика из сибирской коллекции
Петра I сарматского времени (Артамонов
М. И., 1973. С. 169).

Видимо, с идеей водной стихии была
связана также находка целой горсти раковин
каури и отдельных изделий из перламутра
на храме Еркургана (рис. 190:1; 198:1). По-
добные находки раковин в храмах и погре-
бениях скифов и сармат довольно типичны,
особенно характерны находки раковин для
погребений сарматских жриц (Смирнов К. Ф.,
1964. С. 254; Высотская Т. Н., 1976. С. 63).

Вероятно, богиня Еркургана была одной
из важных богинь согдийского пантеона,
сингенетичной и сходной по своей сущности с
канонической Ардвисурой Анахитой зороас-
трийского пантеона, но, в отличие от послед-
ней, сохранившей свои архаические особен-
ности и спутников в виде представителей
водной фауны.

Иконографически в Средней Азии выде-
ляются два хронологически отличных типа
этого божества водной стихии. Первый, ран-
ний, в виде стоящей женской фигуры с зер-

калом и змеями или драконами у ног, извест-
ный по терракоте Мерва. Иконографически
сюда же, видимо, следует отнести изображе-
ние богини в храме Еркургана и персонаж
со змеями из живописи храма Дальверзин-
тепа.

Второй, эфталито-тюркского времени, из
храма Пянджикента в виде четырехрукой
богини, сидящей на троне с сенмурвами или
на драконе с лотосом в короне. Характерно,
что одна из них в Пянджикенте — на троне
с сенмурвами — в первоначальном эскизе
была дана с четырьмя руками, а в конечном
варианте у нее оставлены две руки (Mar-
sak B., 1990, fig. 8; Azarpay G., 1981. P. 140).

Если этот поздний иконографический тип
божества, особенно в виде богини на драко-
не, связан с индийской Гангой, а второй ва-
риант богини — на троне с протомы сен-
мурвов, указывает на ее ассоциации с зоро-
астрийской Анахитой, то ранние изображе-
ния богини со змеями связаны с культурами
северных степных племен Центральной Азии
и находят наиболее выраженные параллели
в образе змееной богини причерноморских
скифов.

В искусстве скифов богиня с зеркалом и
богиня со змеями представляют собой два
разных божества, обычно первая отождеств-
ляется с Афродитой Уранией, вторая — с
местным хтоническим божеством, отцом кото-
рой было, однако, божество реки (Бессонова
С. С., 1983. С. 93, сл.).

У богини же из храма Еркургана в ее
изображениях в коронном пластике Мерва зеркало
сочетается со змеей.

В иконографии основных скифских богинь
со временем тоже отмечается постепенное
слияние иконографического канона Аргимпасы
(Артимпасы) с атрибутикой хтонической
змееной богини (Апи?), поскольку функции
их во многом совпадали, и повсеместная тен-
денция к монотензму приводила к синкрети-
зации и слиянию близких по своей сущности
божеств (Нейхардт А. А., 1982. С. 191). Это
явление — аналогичное и синхронное слиянию
атрибутики Афины и Афродиты в иконогра-
фии женского божества в храме Дильберд-
жина (Grenet F., 1987).

Особо следует остановиться на красных
точечных розетках, нанесенных на щеки, лоб
и подбородок лица скульптуры богини, от-
носящейся к III строительному периоду в
святилище храма Еркургана. Генезис и се-
мантика этих знаков обсуждались в литера-
туре (Тапабе А., 1988; Invernizzi A., 1990).

Близкие знаки имеют идолы из храма на
поселении Кайрагач в Ферганской долине
(Брыкина Г. А., 1980. С. 509—510), лица
которых расписаны полуovalами или полос-
ками.

Однако иконографически наиболее близ-
кие параллели эта символика обнаруживает
задолго до строительства храма Еркургана
и далеко на Западе, в крито-микенской куль-

туре, где была обнаружена голова загадочного женского божества с такими же розетками на щеках, лбу и подбородке (Маринович Л. П., 1989. С. 240—241).

О том, что подобная символика, вероятно, была принадлежностью индоевропейской ритуальной традиции, свидетельствует характеристика Кухулина — героя ирландского эпоса, у которого в качестве знака исключительности на обоих щеках имелись по четыре цветные родинки (Дюмезиль Ж., 1990. С. 189).

Круглыми точками были украшены щеки и подбородки ряда статуэток женских божеств, найденных на городище Еркурган.

Знали подобную символику и скифы Северного Причерноморья (Ростовцев М., 1914, рис. 70).

Поскольку скульптуры божества на храме Еркургана были найдены в обломках, трудно сказать, было ли у них зеркало в руке. Но в терракоте Еркургана тип богини с зеркалом имеется. Как отмечалось, несколько разнотипных бронзовых зеркал было найдено в самом святилище храма Еркургана, поэтому следует остановиться и на роли зеркал у женских божеств.

Образ богини с зеркалом был открыт археологической экспедицией на городище Дильберджин в настенной живописи кушано-сасанидской поры, на комплексе храма Диоскуров (Кругликова И. Т., 1976. С. 96, сл.). Ф. Грене отождествил богиню с зеркалом на Дильберджине с божеством справедливости Ришто (Арштат), изображенной на кушанских монетах в костюме и с атрибутами Афины, отметив при этом, что зеркало в руках дильберджинской Афины-Ришто есть аксессуар Афродиты. Возвращаясь к образу богини с зеркалом, известной в скифской торевице, он сопоставил ее со знакомым по Геродоту именем женского божества Аргимпасой (Артимпасой) и пришел к выводу о тождестве ее с авестийской Арштат, отметив, что она могла, в то же время, соответствовать известной по греческим источникам скифской Афродите Урании (Grenet F., 1987. С. 43—44).

В результате получается, что хронологически наиболее ранний иконографический тип представлен скифской богиней с зеркалом, за ней следует образ маргианской богини с зеркалом и змеей подле ног, и, наконец, хронологически наиболее поздней является Ришто на кушанских монетах, трактованная по каноническому образу Афины, и богиня кушано-сасанидского времени из храма Дильберджина, где божество в костюме Афины со щитом в левой и зеркалом в правой руке восседает на троне. В данной, казалось бы, стройной последовательности не укладывается змея — хтонический атрибут маргианской богини, недопустимый храфстра, оскверняющий ее, если она является изображением Арштат. Видимо, маргианская богиня с зер-

калом и змеей была божеством отличного от Арштат мифологического цикла.

Следует особо отметить по поводу Аргимпасы или сопоставленной с нею Геродотом Афродиты Урании, т. е. небесной, как и Ардвисура, в искусстве и культах причерноморских скифов повторяющей, как считается, иконографический тип Афродиты, сидящей с зеркалом в руке, что при всех генетических связях саков Средней Азии со скифами Причерноморья у нас пока нет оснований допускать диффузию культовых типологических эталонов из районов Причерноморья в Среднюю Азию. Наиболее ранние образы терракотовых статуэток женского божества появились в Хорезме в конце IV—III в. до н. э., в так называемом «раннекангюйском» археологическом комплексе Хорезма, генетически связанном с районами Южного Прикаспия (Вайнберг Б. И., 1991. С. 33, сл.), и наиболее ранние изображения богини с зеркалом также относятся к этому культурному комплексу (Воробьева М. Г., 1981. С. 188).

Богиня с зеркалом на льве известна по сцене с драконом на упомянутой золотой чаше из Хасанлу мидийского времени, в которой предполагается видеть одно из наиболее ранних изображений Анахиты (Курочкин Г. Н., 1974).

В дальнейшем, после Александра Македонского, на почве Средней Азии этот образ, видимо, должен был ассоциироваться с каноническим типом Афродиты с зеркалом, однако Ардвисур-яшт в наиболее поздней своей редакции, живописующий антропоморфный образ богини, не упоминает о зеркале.

Как следует из характеристики терракотовых фигурок богини с зеркалом Средней Азии, их иконографический тип самобытен, отвечает традиции типологии местных школ коропластики и не имеет ничего общего ни с иконографическими типами греческой Афродиты, ни близкой ей Аргимпасы. Г. А. Пугаченковой в свое время допускалось влияние иконографического образа Изиды на формирование статуэток богини с зеркалом из Мерва, теперь же, после находок ранних типов этой богини из Хорезма, следует полагать, что это был местный иконографический тип, имевший в оазисах Средней Азии глубокие мифологические корни. Со временем серьезные изменения претерпел и образ самой Анахиты в Иране, если сравнить ее описание по Ардвисур-яшту с изображениями этой богини на кушано-сасанидских монетах и на скальных рельефах Сасанидов, где каждый раз она изображена в костюме своей эпохи.

Одна из последних работ, где достаточно подробно рассмотрена символическая и культовая роль зеркал, посвящена религиозным представлениям скифов (Бессонова С. Е., 1983. С. 103, сл.). Погребения скифского и сарматского времени в степной зоне и могильники древних кочевников Средней Азии

дают большие коллекции зеркал (Смирнов К. Ф., 1964. С. 152; Литвинский Б. А., 1964. С. 102; Высотская Т. Н., 1976. С. 69—70; Кузнецова Т. М., 1988). Обычно они клались в погребения разбитыми или лицевой стороной вниз. Свойство зеркала отражать воспринималось в древности как возможность созерцать мир иной, загробный, поэтому они являлись атрибутом богинь, связанных с идеей зарождения жизни и смерти, Исиды и Афродиты, скифской и маргианской богинь. Древнейшие зеркала в Средней Азии обычно происходят из наиболее богатых женских погребений эпохи бронзы (Аскарлов А. А., 1973. С. 110). Постепенно они проникли и в быт степных племен Центральной Азии. В районах Северного Приаралья эта традиция сопровождения погребений круглыми бронзовыми зеркалами выявлена у саков VII—V вв. до н.э. Эта раннесакская культура представлена могильниками Тагискен и Уйгарак, и единичными погребениями и небольшими оседлыми поселениями в дельте Сырдарьи, где они развивали земледелие на основе лиманного и каирного орошения. Зеркала вместе с небольшими каменными алтариками встречались в наиболее богатых женских погребениях (Вишневская О. А., 1971, Итина М. А., 1977. С. 200, сл; Вишневская О. А., 1973. С. 84, сл.). Считается, что это погребения жриц, обслуживавших культ богини-матери. Культурная власть принадлежала женщинам, как и у синхронных и родственных сакам Приаралья савромат Южного Приуралья (Смирнов К. Ф., 1964. С. 162).

Зеркало в древности было символом воды, поверхность которой тоже дает отражение. только так можно понять древнейший миф о трех хеттских богинях, сидящих в подземном мире с веретеном и «чашами, полными воды» (Гютербок Г. Г., 1977. С. 169), которые «прядут годы царя». Эти богини, подобно греческим мойрам и римским паркам, прядут нить судеб и, более того, делают это, глядя в отражение в воде, так как они и прорицательницы. Ходячее бытовое выражение узбеков «тушингни сувга айт» — «расскажи про сон воде» представляет собой отголосок широко распространенного в древности приема гадания по чаше с водой или по зеркалу. Видимо, роль вершительницы судеб была одной из функций божества вод Средней Азии, и зеркала в погребениях сарматских жриц, очевидно, свидетельствуют о культе этой богини и в их среде. Традиционная роль зеркал в качестве погребального инвентаря почитаемых женщин-жриц в Центральной Азии прослеживается, начиная с погребений Сапаллитена вплоть до упоминавшегося погребения жрицы у входа в комплекс Кызыл-кыр IV—V вв. н. э. в Бухарском оазисе. Обычно сарматского времени предварительно разбивать зеркала в погребениях проникло вплоть до Крыма (Высотская Т. Н., 1983. С.

24). Да и у греческой Афродиты, рожденной морем, и у скифской Агримпасы вряд ли зеркало было просто предметом женского туалета. Известны изображения Афродиты Апатуры с фиалом или патерой в руках вместо зеркала (Артамонов М. И., 1961. С. 64).

Египетская Исида, изображения которой с зеркалом были распространены в античном мире, тоже была, прежде всего, богиней речных вод. Зеркало являлось символом водной стихии.

Наиболее близкие параллели рассматриваемым явлениям обнаруживаются в язычестве древних славян и древней Руси, что было естественно, так как скифо-сарматский культурный комплекс и их мифологические циклы не только постоянно влияли, но и вошли составной частью в культурные традиции не только жителей Средней Азии, но и в идеологические представления населения древней Руси.

«Чародейство» — гадание по воде, налитой в священную чару («чора»-узб.) было синонимом «волхования» древнерусских язычников — занятия древнерусских жрецов-волхвов (влага, вологе) — «облакогонителей» (Рыбаков Б. А., 1987. С. 132). Колдованию с водой, налитой в чару, придавалось значение при вызывании дождя. Видимо зеркало, как и чаша с водой, функционально ассоциировалось с небесной влагой. Оно было также атрибутом Сатаны-прародительницы нартов, и волшебная чаша-выявительница играла особую роль в их жизни (Дюмезиль Ж., 1990. С. 175). Степные племена эпохи бронзы, двигавшиеся в Индию, как выясняется, культивировали северные, европейские сорта ячменя и проса (Кузьмина Е. Е., 1992. С. 181), они были носителями традиций неорошаемого земледелия, где особая роль принадлежала своевременным атмосферным осадкам. Эта связь аграрного цикла с зависимостью от атмосферных осадков и соответствующей мифологией полностью сохранялась и в древнерусском волхвовании и чародействе.

Этим, видимо, объясняется роль культа небесной и речной влаги в северных районах Средней Азии, уходящего в глубь земледельческих традиций пастушеско-земледельческого уклада андроновских и тазабагыбских племен, обитавших во II тысячелетии по берегам Сырдарьи, обычно отождествляемых с индоариями.

Первоначальные статуи Анахиты, которые, согласно Бероссу, Артаксеркс II повелел поставить в храмах основных городов империи, включая Бактры (цит. по: Дандамаев М. А., Луконин В. Г., 1980. С. 313), видимо отвечали одному из типов ближневосточных богинь. Возможно, она имела в руке зеркало, подобно женскому персонажу на чаше из Хасанлу.

К последующему по времени изображению водной богини Средней Азии, очевидно, следует отнести золотую бляшку с полуоб-

наженной женской фигурой *an fas* в квадратном обрамлении с трех сторон композицией из крупных водяных драконов, увенчанных сверху мотивом цветущего растения с птицами. В. И. Сариниди сущностно верно определяет этот образ как Анахиту (Сариниди В. И., 1989 б, рис. 43), хотя она отличается от своего иконографического канона по Абан-яшту. Второй сюжет Тиллятепе, где В. И. Сариниди упоминает дракона, в композиции «государь-драконоборец» изображает двух грифонов, которых держит женское божество, у животных типичные рожки и крылья грифонов, и отсутствует хвост—главный признак дракона (Сариниди В. И., 1989б, рис. 18). Кажется, это стандартный сюжет хозяйки животных в его сакской трактовке. Более позднюю его вариацию мы видим на ткани из Карабулакского могильника (Лубо-Лесниченко Е. И., 1978. С. 16), здесь изображены драконы.

Хронологически следующий тип образа этой богини, как мы полагаем, представлен группой изображений женского божества со змеей и зеркалом. Наиболее четко этот тип отражен в статуэтках из Мерва эпохи Аршакидов. Иконографически он восходит к древневосточным прототипам. В храме из Дальверзина образ богини, почитаемый жрицей или адорантессой, со змеевидными браслетами и младенцем на руках и женское божество храма Еркурмана, цельного скульптурного изображения которой мы не имеем, но в культовом инвентаре которой есть зеркала и фигурки змей и лягушки, тоже, видимо, относятся к изображениям именно этой богини водной стихии.

На последней стадии своей иконографической эволюции богиня представлена в живописи Пянджикента в двух вариантах: двурукой, восседающей на водяном драконе, и четырехрукой, восседающей на троне с протомами сенмурвов. В первом случае явственные параллели с изобразительным типом индийской Ганги, хотя иконографически этот тип восходит к изображениям nereidy на Трилоне из Антиохии на Оронте (Stillwell R., 1938, pl 33, el. 61), а во втором — трон, символизируемый сенмурвами-животными Анахиты, выполнен в традициях иконописи согдийской эпохи, согласно которой символика тронов, на которых восседают антропоморфные божества, отвечает сущности и функции этих божеств. Трон, как тот или иной атрибут в руках божества, являлся знаком, расшифровывавшим зрителю его суть и имя.

Все они, видимо, являются различными иконографическими трактовками единого водного божества, функционально и генетически близкого зороастрийской Анахите. Анахита в Иране претерпела не только влияние семитических Иштар и Анат, но и радикальную жреческую обработку и подгонку образа этой важной богини под схоластическую схему зороастрийского пантеона во главе с Аху-

рамаздой, лишившую ее родственных и функциональных связей с представителями водной фауны.

Образ же туранского варианта зороастрийской Харахвати и ведийской Ганги, в отличие от зороастрийской Ардвисуры Анахиты, типологически и иконографически формируется в контексте своего изначального мифологического сюжета, сохраняя не только в качестве своих символических животных представителей водной фауны, но на Еркурмане и в Мерве ее важнейшим атрибутом является зеркало, что типологически и функционально роднит ее с греческой Афродитой и скифской Аргимпасой. По сравнению с образом Ардвисуры Анахиты Ардвисур-яшта она была более близка своему изначальному арханческому прототипу, имевшему ближайшие параллели в индийских женских речных богинях Ганге и Сарасвати. Однако имени ее мы не знаем.

Видимо, именно это божество имел в виду Клемент Александрийский (II—III вв. н. э.), сообщавший о том, что в Бактрах стояла статуя Афродиты Танаис (Цит. по: Тревер К. В., 1940. С. 21; Ставиский Б. Я. 1977. С. 194). Максим Тирский же отмечал, что массагеты почитают реку Танаис в качестве божества (Латышев В. В., 1948, С. 228). Таким образом, сущностно, функционально эта богиня соответствовала греческой богине водной стихии—Афродите, а не Гее и Спента Армаити—божествам земли, или Артемиде и Нане—божествам животного мира. Но, в то же время, спутниками речной богини Нахшаба и Мерва были змей и дракон, аналог Эрихтония Афины, что указывает на связь ее и с хтоническими силами. Этим она отличается как от зороастрийской Ардвисуры, так и от греческой Афродиты.

ЛЕГЕНДЫ О ДРАКОНЕ И ДРЕВЕ ЖИЗНИ

Среди жителей кишлаков Шербек, Бойтерак и Саёт, расположенных вокруг Еркурмана, бытует легенда об аждаре — большом блестящем змее с гривой, живущем на холме Исаханата, занятом средневековым кладбищем неподалеку от Еркурмана. Согласно преданию, аждар выходит из своей норы ночью и, если встретит человека, может проглотить его. Но, если встреченный им человек окажется достаточно сильным, в религиозных познаниях, он сможет, посредством чтения молитв и заклинаний, покорить страшного змея, при этом он склоняется перед этим человеком и последний может сесть на него и повелевать им.

Находка оттиска печати правителя Еркурмана, сделанного на глине и обожженного, из слоев III в. квартала керамистов свидетельствует о том, что древняя легенда имела вполне реальные корни в истории Нахшаба. На квадратном поле щитка печати изображен правитель, восседающий на драконе,

перед ним богиня в пышно драпированном платье протягивает ему кубок (рис. 199:2).

Было ли это отражением священного брака правителя с хозяйкой-покровительницей страны, что обеспечивало легитимность власти династии, или это была сцена божественной инвеституры царской власти? Судя по тому, что правитель восседает на драконе — священном животном богини, можно полагать, что перед нами сцена приобщения к божеству путем священного брака. Явственно видный кнут в руке всадника, связанный со жреческим сословием в индоевропейской мифологии (Дюмезиль Ж., 1990. С. 134), указывает на то, что он был одновременно жрецом этой богини. Кнут в качестве сакрального символа власти отмечен и в руке четырехрукой богини на льве из Шахристана (ДТ С. 26). Сцену принятия чаши или ритона от богини или испития из нее М. И. Ростовцев считает актом приобщения правителя или адоранта к богине, которое обычно трактуется с различной степенью близости к божеству (Ростовцев М. И., 1913. С. 6, сл.; Артамонов М. И., 1961. С. 62; Бессонова С. С., 1983. С. 102, сл.; Онайко Н. А., 1984; Раевский Д. С., 1985. С. 157, сл.).

О том, что этот обряд приобщения к богине при коронации правителя практиковался и древними персами, свидетельствует описание церемонии коронации Кира в храме женского божества, где последний испил ритуальную чашу молока и съел несколько фиг, будучи облаченным в одежду предков. Вряд ли мы ошибемся, полагая, что это происходило перед статуей богини. М. Бойс склонна толковать эту церемонию в контексте зороастрийского обряда афринаган (Плутарх, Артаксеркс, III; Воусе М., 1982. Р. 209).

В Иране и, видимо, в сако-сарматской среде чаша или котел с ритуальной жидкостью имели также особое значение при клятве, и при ордалии, в процессе судопроизводства (Периханян А. Г., 1979. С. 189, сл.; Ее же, 1983, гл. 3). Выражение «касам ичмок» — «пить клятву» употребляется в узбекском языке до сего дня. Не исключено, что царская инвеститура в степной среде заключалась в клятве кандидата перед скульптурой божества с принятием ритуального питья.

Не вникая в детали в общем верного определения этого распространенного сюжета в древнем искусстве, данного М. И. Ростовцевым, отметим, он является главным в династийной теме искусства и мифологии степной Евразии эпохи античности. В синхронных инвестурных сценах Ирана преобладают мужские божества и иные инсигнии власти (Раевский Д. С., 1977 б). Для кушанского искусства этот сюжет не характерен. Возможно, эта сцена воспроизведена лишь в известном барельефе из Тахти-Бахи, хотя считается, что здесь изображена божественная чета Ардохшо с Фарно или Вайшраваной (Rosenfield J. M., 1967, Р. 78, сл.; Ставиский Б. Я., 1977, С. 139, сл.).

Композиция же построения сцены инвеституры этой печати Еркургана стереотипна, сцена с правителем, восседающим на коне, известна по монетам парфян, индо-скифов, кушан. Обычно при этом на монетах единая по содержанию сцена разбита на две части, правитель на коне помещен на одной, а божество с инсигниями власти на оборотной стороне монеты. В редких случаях вся сцена дана на аверсе монеты (Mac Dowall D. W., 1973, pl. 16.1, 16.2; Его же, 1991 pl. с. 11, 8, Ремпель Л. И., 1987, рис. 39, б-д). Важно здесь другое — животное, на котором восседает правитель Еркургана — это дракон. У него удлинённая голова с выступающими над лбом глазами, S-образно изогнутая лебединая шея и узкое тело ящера, завершающееся извилистым хвостом. Голова и шея этого животного трактованы так же, как головы и шеи на символе древа жизни на колонне из святилища храма Еркургана. Но поскольку перед резчиком печати, большим мастером своего дела, стояла задача воспроизвести общепринятую и престижную модель сцены инвеституры в виде всадника, предстоящего перед божеством, дракону, на котором восседал всадник, были приданы тонкие сухопарые ноги гепарда или борзой собаки, однако завершаются ноги не маленькими кистями знаменитых гончих, но удлиненными пальцами рептилии (рис. 199:2). Более ранний образ всадника на драконе известен по диадеме из каргалинского могильника (СПАЧССВ. С. 83, табл. 29:7 а, б).

О том, что на драконе восседает именно правитель Нахшаба, свидетельствует близость причесок персонажа на драконе с портретом правителя на монетах Нахшаба той поры. Богиня, стоящая перед этим царственным всадником, одной рукой протягивает ему кубок, а другой держит за ремень узду дракона. Сцена на печати, где правитель Еркургана на драконе, а богиня протягивает ему кубок, и сцена на Rv нахшабских монет, где правитель поражает льва, видимо, недвусмысленно отражали определенную религиозно-политическую доктрину правителей Нахшаба III—VI вв. н. э., согласно которой дракон противопоставлен образу льва. В Ригведе образы змеев и драконов весьма многочисленны и разнообразны, в авестийской традиции это хранитель вод Гандарва и Ажидахака. Причем как фонетические, так и семантические совпадения Ажи с польским *jassi* и русским ящером (узб. «аждар») не случайны. В легенде, приведенной Б. А. Рыбаковым, содержится указание на скифские корни образа ящера и змея в славянской и древнерусской мифологии (Рыбаков Б. А., 1987. С. 259, сл.). Следует отметить, что и ныне гидронимы двух основных степных правобережных притоков Сырдарьи сохранили связь с образом ящера, это реки Ясси и Калас (Калас-узб. «ящер»).

О достаточной древности обоих гидронимов свидетельствует нисба знаменитого мис-

тика Ходжа Ахмада Яссави и упоминание р. Калас у Ибн Хаукаля уже в X в. (Бетгер Е. К., 1957. С. 23).

Для этого же района среднего течения Сырдарьи в раннесредневековое время были типичны храмовые городки, связанные с культом женской богини, как Банукет в Чаче и Арсубанукет — город богини на р. Арысь (Беленицкий А. М. и др., 1973. С. 192).

Не исключено, что на печати из Еркургана изображен тот самый Гандарва златопятый, что в водах близ моря Ворукаша по Ардвисур-яшту.

Змей, как символ плодородия, чаще связан с мужским фаллическим началом. Демон Гандарва и его ведическая параллель Гандхарва — супруг женщины вод (Гринцер П. А., 1992 б), а также дракон Ажидахака — существа мужской природы и спутники водной богини.

Теофорные согдийские имена, производные от Гандарва, приводимые В. Б. Хенингом (Henning W. B., 1965, V), указывают на живучесть культа этого водного дракона в Согде вплоть до ислама, несмотря на то, что он клеймится в Ардвисур-яште как носитель лжи (Яшт, 5, X, 39).

О широкой распространенности культа змея в связи с мужским началом плодородия свидетельствуют приводимые Л. Я. Штернбергом сюжеты о проникновении самого Зевса к Персефоне в образе змея и заявление матери Александра Македонского о том, что она родила Александра от змея (Штернберг Л. Я., 1936. С. 412).

Фигурка змея из храма Еркургана, изготовленная из сплава свинца, не является уникалом, змея издревле у большинства народов пользовалась особым почитанием, и культ змей в различных его проявлениях известен от Средиземноморья до Дальнего Востока (Кастанье Ж. А., 1913). Обычно в большинстве случаев конкретным объектом культа служили медные изображения фигуры змея, это змей Моисея, змей кадуцей Гермеса, медные змеи индуистских и буддийских иконографических статуэток.

В Вавилоне дракон был символом Мардука (евр. Мордухай) (Pirenne J., 1965. P. 133).

Вплоть до XX в. змея считалась покровителем императорского канала в Китае (Харузин Н., 1905. С. 150, сл.).

Связь змея как создания Ахримана в первом из богоугодных кешваров Ариянамведже (Вид. I), которого С. П. Толстов отождествлял с Ажидахаком (Толстов С. П., 1948 а. С. 293), вместе с девятимесячной зимой позволяет предполагать локализацию мифической Ариянамвейдж в сарматских степях севера Центральной Азии, и указывает на глубокую арханку авестийского мифа о змее, который теософско-морализаторскими трудами многих поколений зороастрийских жрецов был превращен в Ахримана, владыку царства зла и тьмы (Darmsteter J., 1877. P. 337, сл.).

С. П. Толстов в мотиве Кересаспы, варившего похлебку на спине Ажидахака, предполагал пережиток сюжета жертвоприношения дракону, считая самого Кересаспу представителем тотема змея. При этом он исходит из своей общей концепции о дуально-фратриальной дихотомии структуры древних обществ, отразившейся в близничных мифах и дуализме зороастризма (Толстов С. П., 1948 а. С. 302, сл.).

Арханческий сюжет единения царя с драконом посредством инвеституры, полученной от водной богини или путем священного брака с целью регулирования потоков небесных и речных вод, процветания оазиса и гармонии между небом и землей, лежал, видимо, в основе сюжета сцены на царской печати Еркургана.

Очевидно эта тема была центральной в циклах сако-согдийской мифологии. Она генетически не связана с мифологией Авесты, но восходит к общеиндоевропейскому кругу мифологических циклов. Рустам — герой сако-согдийского эпического цикла, не известный Авесте, по «Шах-наме» генеалогически восходит к Нареману, отрицательному персонажу Ардвисур-яшта, внуку Кересаспы, убившему трех страшных драконов: Срувара, Гандарву и Сनावидку. По Авесте, Кересаспе в день страшного суда предстоит убить и Ажидахака.

Но, согласно пехлевийским риваятам-Кересаспа-Гаршасп совершил непростительный грех, затушив огонь ударом палицы, и лишь после заступничества самого Заратуштры его грех был прощен. Более того, согласно V главе средневековой поэмы Гаршасп-наме, он является слугой Захока (Брагинский И. С., 1992а).

Сам Рустам, согласно «Шах-наме», по матери своей Рудабе является потомком Захока и часто выступает закоренелым язычником и противником зороастризма (Брагинский И. С., 1992 б; Лелеков Л. А., 1992 б. С. 251).

Таким образом, сюжет сцены печати правителя Нахшаба связан с сако-сарматской мифологической темой о богине небесных вод и змее — хранителе их, пережившей вне рамок зороастрийской доктрины процесс эпической циклизации на почве Согда. Герои эпоса Кересаспа и Рустам выступают, вследствие зороастрийской редакции, в роли змеборцов, что, видимо, произошло до прихода ислама в Среднюю Азию, на это указывают сцены рустамнады в живописи Пянджикента, где герой поражает дракона, они сохранили прозрачную змеиную генеалогию и, по С. П. Толстову, относятся во фратриально-дуалистической структуре социума к тотему змея. Всадник на драконе в образе правителя Нахшаба играл, видимо, в данном сюжете роль этих героев, регулируя стабильность атмосферных осадков и гарантируя гармонию между стихией и благополучием страны. Вероят-

но, эти сюжеты сако-сарматской мифологии и эпоса, а не зороастрийские представления об Ахурамазде и его извечном враге Ахримане, составляли центральное ядро доктрины официальной идеологии Нахшаба III—V вв. н.э. Подобные представления были типичны для многих так называемых гидравлических цивилизаций древности, основу жизнедеятельности которых составляло орошаемое земледелие.

С этой же династийной позицией правителей Нахшаба была, видимо, связана и очень архаичная сцена, изображенная на Rv монет Нахшаба той поры, где царь поражает чудовищного хищника кошачьей породы. Этот сюжет был популярен в ассирийском и ахеменидском прокламативном искусстве вне какой-либо религиозной доктрины, выражая лишь идею незыблемости легитимной власти (Malloyan M. E. L., 1966).

Весьма близка по идее и содержанию изображению на печати правителя Еркургана сцена на индо-сакской монете, где дракон парит над конем, стоящим перед алтарем (Ремпель Л. И., 1987. С. 27, рис. 2).

В мифологическом цикле водной богини и ее паредре мы возвращаемся к теме отношений хозяина вод Амударьи Эр-Хубби, его матери Анбар-она и его отца Хаким-ота хорезмийской легенды, в которой сюжет богини и ее партнера, раздвоенного на отца и сына, повторяется в сублимированном, фольклорном варианте.

Известны мужское божество Вахша-Окса, его храм на Тахти-Сангине, изображения в виде крылатого быка на перстне из амударьинского клада и в образе мужчины с рыбой в руках по кушанским монетам, но в сюжете об Анбар-она превалирует образ покровительницы материнства, связанной с ее сыном, обитающим в глубине вод дарьи.

Согласно различным версиям легенды об Анбар-она, систематизированным Г. П. Снесаревым (Снесарев Г. П. 1969. С. 232, сл.), она была покровительницей женщин, материнства и рождения жизни, в том числе и растительной, ее призывали при проращивании зерна для сумалка на Навруз. Но, в то же время, ее, как и ее сына, особо почитают каючники и рыбаки Амударьи, и ее изображения украшают носовую часть кораблей и каюков на Амударье. Ее любимый сын Эр-Хубби (Водный муж) или Султан-Хубби (Водный султан), по одной из версий легенды, в результате конфликта со своим отцом Хаким-ота уходит под воды Амударьи и постоянно оплакивается и безуспешно разыскивается своей матерью, по другой из версий его похищает небесная дева, владычица небесных морей (Гулямов Я. Г., 1957. С. 30; Снесарев Г. П., 1969. С. 148).

Следует полагать, что в легендах об Анбар-она сохранилось в деформированном виде основное содержание архаического мифа о богине вод, покровительнице плодородия и

ее мужском паредре. Но при перемещении топографии мифа с бассейна Сырдарьи в дельту Амударьи, видимо, при неоднократных оккупациях Хорезма выходцами с берега соседней Сырдарьи и контаминации с женскими божествами вегетативного начала, в едином, сюжетно связанном цикле легенды развивались не только образ мужского персонажа отца Хаким-ота и самого Эр-Хубби, но и сама богиня разделилась на образ Анбар-она, матери Эр-Хубби, и Деву — владычицу небесных вод. Последняя полностью соответствует канонической характеристике как Ардвисуры Анахиты в качестве межзвездной влаги, так и Ганги. Но, в то же время, после осадков это влага речная, где постоянно и находится Эр-Хубби.

Все эти соображения приводят нас к заключению о справедливости положения С. П. Толстова, Г. П. Снесарева, Ю. А. Рапопорта о культе Ардвисуры Анахиты в древнем Хорезме с той поправкой, что это была не та Анахита, чей канон с последующим апокрифом зафиксирован в Ардвисур-яште, но это была речная богиня в ее более ранней ипостаси, не подвергшейся зороастрийской редакции и влиянию ближневосточных богинь плодородия, и связанная еще со своим речным паредром-драконом, изображения которого имеются во дворце-храме Топраккалы и на барельефе из Хумбузтепа (ТК, рис. 46, 84; Мамбетуллаев М., 1994. С. 49).

Сюжет образа богини-покровительницы города и области, сопровождаемой змеевидными божествами, не ограничивается Согдом. Опубликованный Б. Роуландом барельеф из Хадды III—IV вв. изображал богиню Тихе с двумя змееногими божествами подле ее ног и двумя стражами по сторонам. Автор убедительно интерпретирует сцену барельефа в качестве изображения богини-покровительницы всей области, олицетворяемой змееногими божествами Кабулдарьи и Суркхара (Rowland B., 1966. P. 183, сл.). Здесь слиты в единой сюжетной сцене образы, известные нам по второму храму Пянджикента, где в сюжетно различных сценах были изображения богини, связанной с водной стихией и ее спутников, таких же, как в Хадде, тритонов, хотя иконография и функции богинь Хадды и Пянджикента отличаются. Сходна их роль в качестве покровительницы области или города. Б. Роуланд, привлекая монеты поздних индо-греческих правителей Филоксена и Гиппострата, на которых, наряду с символом Тихе-короной муралис, изображен тритон с рыбой и веслом, приходит к выводу о том, что образ тритона символизировал географический регион слияния рек у Нагарахара, которому покровительствовала Тихе.

Эту идею Б. Роуланда, кажется, подтверждает и барельеф с изображением Тихе из Селевкии на Оронте, где у ног божества дано изображение божества р. Оронт, плывущего в волнах, но здесь оно уже соответственно

эллинистическим представлениям антропоморфное (Шлюмберже Д., 1985, рис. 91).

Тритоны же, символизирующие те или иные конкретные реки Гандхары или Согда V—VI вв., благодаря своей змеиной природе, вполне отвечали местным мифологическим представлениям о змее или драконе как спутнике женского водного божества. Образ тритона был популярен и в кушанском искусстве (Ремпель Л. И., 1987, рис. 18).

В Средней Азии образ женского божества со змеей или драконом был связан с водной стихией; признаками Тихе оно не обладает, лишь в одном, наиболее раннем случае на упомянутой золотой бляшке из Тиллятепе спутниками богини были рыбы или рыбообразные драконы. Позже, уже в самом Иране, образ богини анфас, фланкированной по сторонам большими рыбами, единственный раз встречен на барельефе, украшающем предполагаемый ящичный каменный оссуарий, найденный близ Бишапура, считается, что это могло быть изображением Анахиты (Ghirshman R., 1962. P. 166, fig. 210).

В заключение данного экскурса о богине Еркургана стоит остановиться на вопросе — была ли эта водная богиня со змеем в ипостаси непорочной девы, как зороастрийская Анахита или Афина Паллада, тоже имевшая спутника-змея, или это матрона типа Афродиты с Амуром, или подобно индийским Сарасвати и Ганге, давшим жизнь другим божествам и гениям, судить об этом у нас нет пока оснований.

Возможно, в качестве межзвездной или обычной атмосферной влаги она мыслилась в качестве девы (ср. многочисленные мифологические сюжеты о змее, стерегущем влагу или деву), опустившись же наземь дождями и снегом и образовав реки, она могла ассоциироваться в качестве матери, приносящей плодородие. При этом в более поздних индоевропейских мифологических циклах играло свою оплодотворяющую роль мужское божество в качестве громовержца типа Зевса, Индры или других, которые стимулировали осадки. Судя по тому, что на царской печати Еркургана восседает на драконе сам правитель, не исключено, что ритуально именно он мог играть эту роль. На то, что божество грома было, видимо, известно в Согде, может указывать раннесредневековая согдийская ономастика, имеется в виду имя согдийского правителя Тархуна, восходящего к древнейшей хеттской форме индоевропейского божества плодородия, связанного с небом и грозой-хеттскому Тархунту (цит. по: Рыбаков Б. А., 1987. С. 78).

О почитании в Согде бога-громовержца, видимо, свидетельствует и сопоставление загадочного Дэси-Таксича с осетинским Тухостильный, энергичный, в качестве эпитета духа дождя и грома (Дюмезиль Ж., 1990. С. 54, сл.).

С точки зрения структуры мифологии сю-

жеты, посвященные покровительнице водной стихии, состоят, обычно, из трех персонажей. В частности, Ганга-владычица небесного потока является супругой Шивы, но, в то же время, она сохраняет в своей иконографии дракона-Макару, служащего ей постаментом, это пережиток образа мужского демона самой реки. Во втором храме Пянджикента одновременно с изображением богини на драконе в центральной нише на стенах айвана изображена фигура тритона и дракона-мужских демонов водной стихии (Беленицкий А. М., 1959, табл. XXXII).

Как уже отмечалось, аналогичную структуру сохраняет и легенда об Анбар-она в Хорезме, связанной с материнством и покровительнице лодочников Амударьи, с сыном Эр-Хубби и супругом Хаким-ота (Снесарев Г. П., 1969. С. 240, сл.). Эта структура сохраняется и в сцене печати правителя Еркургана, где перед богиней с кубком восседает всадник-правитель области, видимо, в роли мистического супруга владычицы небесных вод, а дракон, символизировавший в данной сцене дух р. Кашкадарьи, надо полагать, слит в единый образ с правителем в роли подчиненного ему персонажа через священный брак с самой богиней.

Лишь Ардвисура-Анахита, по пятому яшту, находится в положении одинокой и пречистой девы, в чем можно усматривать влияние ближневосточной традиции, но в яште, как уже отмечалось, сохранились следы образа ее спутника в виде отрицательного по своей функции Гандарвы-дракона вод, обитавшего в волнах близ моря Ворукаша. Помимо этого, богиня, по яшту, ей посвященному, страстно ждет своих героев и поклонения от них, чтобы одарить их благами, что тоже может быть истолковано в качестве отголоска древнего сюжета священного брака.

М. Моде, ссылаясь на божество Окса и других известных духов рек эпохи античности, отмечает, что образы божеств или покровителей конкретных рек были мужскими (Моде М., 1989. P. 242, сл.), богиню же на драконе из Пянджикента он считал богиней плодородия, возможно, связанной с Наной, с чем трудно согласиться, так как, начиная с кушанской эпохи, символическим спутником Наны был лев, видимо, права Дж. Азарпай в своем сопоставлении Наны со Спентой Армаити (Azarpay G., 1981. P. 133, сл.). Богиню же на драконе, несомненно, следует увязывать с образом мифологической покровительницы атмосферной и речной влаги с ее символическими спутниками-представителями водной фауны и рептилиями.

Для всех этих сюжетов характерна второстепенная, подчиненная роль змеиных мужских образов, роль владычицы водной стихии и связанными с ней плодородия и благополучия принадлежит самой богине. По М. Моде, божество истоков Зарафшана и божество самой влаги персонифицированы в разных

образах второго храма Пянджикента (Mode M., 1989, Р. 248, сл.).

На барельефе второго храма Пянджикента бурный поток берет начало из широко разинутой пасти дракона (Беленицкий А. М., 1959, табл. XXXII). Это указывает на то, что образ дракона в мифологии согдийцев играл роль источника воды, что логически хорошо увязывается с хтонической сутью самого змея, и близкой изначальной роли греческого Посейдона, дающего начало земным источникам влаги.

Все это отвечает типичной модели индоевропейской мифологии, согласно которой дракон выступает в роли хранителя вод и девушки, ассоциированной с влагой, дающей начало плодородию на земле (Иванов В. В., 1991 а).

Змея — символ не только влаги, но и земли, но в Согде и Бактрии земля и загробный мир, видимо, уже с рубежа нашей эры твердо ассоциировались с Наной, слившейся со Спентой Армаити (Azarpay G., 1981. Р. 133, сл.); зороастрийская Спента Армаити в силу самой дуалистической доктрины учения тоже не могла ассоциироваться со змеей.

Знак в верхнем поле печати Еркурмана над головой царственного всадника в виде звезды и полумесяца относится к наиболее популярным культовым изобразительным мотивам древнего Ирана и Средней Азии. Он широко известен в символике ахеменидского периода (Schmidt E. F., 1957, pl. 10, pt. 4385, 4675), популярен он в Иране и позже (SPA, т. IV. Р. 126, сл., 256; Шлюмберже Д., 1985. Р. 39). Аммиан Марцелин сообщает, что парфянский царь считался братом солнца и луны (XXIII, 6, 4), и этот знак часто осеняет чело профиля на парфянских монетах Мерва (ДГКСА, табл. CL, III, 2, 4). Проник этот символ и в Причерноморье (Кобылина М. М., 1978, рис. 48, 49). В Согде он встречается редко и, помимо печати правителя Еркурмана, отмечен лишь в композиции верхней зоны пирамидальной крышки раннесредневекового муллакурманского оссуария (Rempel L. I., 1987, pl. LIV). Изредка этот сюжет отмечается и севернее Согда — на раннесредневековой культовой керамике (Грицина А. А. 1985; Мкртычев Т., 1987).

Наиболее раннее изображение символов звезды и полумесяца в Средней Азии, но в более сложной композиции, дополненной образом Гелиоса, дает плакетка со сценой эпифании Кибелы (Пичикян И. Р., 1991. С. 256, сл.).

Позже, в эпоху раннего средневековья, астральные символы в виде Луны и Солнца являются атрибутами четырехрукой Наны Согда и Хорезма.

Вероятно, знак в виде звезды в полумесяце, известный в качестве характерной иконографической особенности парфянских монет Мерва, вместе с отмеченными еще М. Е. Массоном параллелями нахшабского чекана с аршакид-

ским, указывает на династийные связи поздних Аршакидов с Нахшабом III—V вв. н.э., что в качестве гипотезы предполагал М. Е. Массон (Массон М. Е., 1973. С. 18—19).

Для полноты картины мифа о женском божестве Нахшаба немаловажное значение имеет еще один фольклорный сюжет о Еркурмане. Это легенда о падении Еркурмана, сохранившаяся у современных жителей селений, примыкающих к руинам древнего города, он связан с мифологическим комплексом озера, древа жизни и Маджусе, царе Еркурмана, убитом героем эпохи раннего халифата Хазратом Али. Согласно одной из версий этой легенды, Хазрат Али взял город благодаря предательству дочери правителя Еркурмана. Дочь правителя, увидевшая Али со стен города и полюбившая его, тайно сообщает ему, что город следует оставить без воды, а для этого в канал, ведущий в город, нужно бросить солому и перекрывать воду там, где солома попадает в круговорот и уходит с водой в подземную трубу, ведущую воду в пределы города. Поступив так и перекрыв подземную часть канала, Хазрат Али принудил защитников сдать город, после чего женился на дочери царя Еркурмана. На вопрос, где же ее отец, она отвечает, что когда Али въезжал в город, тот, обернувшись поганой собакой, бежал из города и спрятался в озере с символическим названием Ойнаколь (Зеркальное озеро) в горах, откуда берет начало поток, орошающий город. Для того, чтобы убить его, нужно подняться в горы до этого озера, на берегу которого растет одинокое дерево, если вырвать это дерево и бросить его в озеро, то через три дня труп отца всплывет на поверхность озера. Все это и проделал Али. Но недолго длилось счастье молодых, капризы избалованной царевны, которую отец кормил в свое время блюдами, приготовленными из птичьих языков, положили конец терпению Хазрат Али, после чего он казнил царевну, заявив, что жена, предавшая отца, предаст и мужа.

В этой легенде о Еркурмане, насыщенной элементами зороастрийской эсхатологии, два мифологических сюжета: очень распространенная легенда о древе жизни, известном в зороастрийской мифологии как древо всех семян, а также популярный сюжет о браке культурного героя-пришельца с дочерью местного царя или божества, автохтонной деве. Аналогичную фабулу имеют сюжет о браке Рустама с Тахминой из «Шах-наме» и генеалогическая легенда о происхождении скифов от Геракла, женившегося на Ехидне, змееной деве-дочери реки Борисфен (Раевский Д. С., 1977. С. 52, сл.; Его же, 1985. С. 39, сл.). Этот сюжет отражен в легенде о Еркурмане в усеченном виде и оформляет трагическую ее развязку. Центральное место занимает сюжет о связи царя, носителя легитимной власти на Еркурмане, с древом жизни у истоков реки,

питающей город водой, озером, служащим ему убежищем, и связь его жизни с деревом на берегу этого озера. Данный сюжет связан, с одной стороны, с деревом всех семян, растущим близ источника Анахиты у моря Ворукаша (Яшт 12, 17), с другой — с первобытным представлением о внешней душе, когда душа человека хранится в каком-то предмете, дереве или животном (Штернберг Л. Я., 1936. С. 484, сл.). Эти представления отражены и в зороастрийском сюжете о древе всех семян. По Бундахишну и Меног-и Храт, на вершине древа всех семян обитает царь птиц Сенмурв, который рассыпает семена этого дерева, те далее, при участии Тиштрии, с дождем рассеиваются по всей земле, поддерживая круговорот жизни. Это дерево было связано с Харахвати Ардвисурой символом мировой реки, впадавшей в море Ворукаша, где и росло «Древо всех семян» (Бойс М., 1987. С. 14).

Согласно зороастрийской традиции, именно души людей и собак возвращались к истокам Ардвисуры Анахиты (Рапопорт Ю. А., 1971. С. 31, сл.).

В сюжете легенды, кажется, можно усмотреть тот же архаический миф о водной богине и ее мужском паредре в совершенно новой трактовке, подогнанной под ценности поздней вторичной мусульманской мифологии.

Женскому образу, по фабуле этого мусульманизированного мифа, посвященного морализаторской идеализации Хазрата Али, отведена роль неблагодарной дочери и несчастной возлюбленной своего героя. Образ же ее древнего паредра, как и в сюжете легенды об Анбар-она, разделен на два враждующих персонажа, представленных образами царя Еркургана, неразрывно связанного со своей водной стихией и деревом жизни, а также победителя и возлюбленного супруга дочери преданного царя, который, в конечном счете, согласно морализаторскому духу предания, лишает ее жизни как обычную смертную, казнив за предательство. О цене же победы героя в легенде, само собой разумеется, не упоминается.

В этом легендарном предании важно то, что судьба династии правителей Еркургана связана с озером, из которого, в конечном счете, орошается город и его округа. В легенде следует усматривать отголоски того, что богиня водной стихии находилась в особых отношениях с правившей династией Нахшаба. В условиях постоянного жестокого маловодья, в каких развивался Каршинский оазис, вполне понятно центральное положение хозяйки реки в городском культе.

Мотив древа жизни отражен также в немногочисленных изобразительных сюжетах храма Еркургана. Особое место в характеристике мифологических представлений жречества храма Еркургана, видимо, занимал поясок символических знаков, нанесенный черной контурной линией на западной колонне святилища храма Еркургана (рис. 78, 79).

Как отмечалось в характеристике материалов святилища храма, в части, обращенной к центральному проходу, ведущему к алтарной нише, изображения на колонне состояли из двух фигур адорантов, направленных к алтарю. Их фигуры изображены белым силуэтом на гладкой вычищенной поверхности алебастровой штукатурки колонны, лишь волосы или головные уборы фигур окрашены в черный цвет, в левых руках, воздетых вверх, у обеих фигур предметы в виде лилий. В правых руках эти персонажи на уровне груди держат: один — круглый предмет на стержне; второй — кольцо или венок.

Учитывая тот факт, что знаки, опоясывающие ствол колонны в западной части, обращенной к западной стенке, очень близко расположенной к поверхности стены, нанесены условно, с искажениями можно допустить, что здесь художнику мешала эта стена, т.е. эти изображения на колонне были нанесены после III или IV строительных периодов.

Интересны дальнейшие фигуры этого ряда изображений, состоящие из чередования символов-древ жизни или мирового древа и схематического алтаря огня или его элементов. Они отличаются от штандартов в сцене изображения божества подземного мира из Хатры. Общая композиция рисунков восходит к оттискам древневосточных цилиндрических печатей, дающих горизонтальный ряд ритмически повторяющихся культовых сюжетов аналогичного характера (Roaf M., 1984, pl. XIII).

Изображение древа жизни с различной полнотой повторено шесть раз (рис. 79). Оно представляет собой единый синкретический образ, в котором слиты мотив мировой горы, ствол мирового древа и орла в виде пары распахнутых крыльев над сводом горы. Ветви древа в виде головок орлов на длинных змеевидных шеях, возможно, были представлены 2—3 ярусами, как обычно в подобных сюжетах, известных по изобразительному искусству сако-сарматских погребений (Гугуев В. К., 1992, С. 117, сл.). Чем завершалось это изображение, судить трудно, верхняя часть этих фигур не сохранилась, но на некоторых имеются еще по две змеевидные шеи, воздетые вверх, как и пара нижних.

Мотив древа жизни или мирового древа известен на Востоке с эпохи зарождения оседлоземледельческой урбанизированной цивилизации (Церен Э., 1976, тл. II). В зороастрийской традиции он выступает отдельно в виде древа всех семян, дающего начало жизни всей флоре на земле, и в виде хаомы. Изображение древа жизни или мирового древа на колонне храма Еркургана типологически входит в круг аналогичных сюжетов, распространенных в сакской и сарматской среде, известных, в частности, на царских или жреческих погребальных головных уборах женщин. Здесь представлены символические элементы основных образов диадем сарматских знатных женщин: древо, птица, гора (Гу-

гуев В. К., 1992; Кузьмина Е. Е., Сарияниди В. И., 1982). Более ранний образец подобного сюжета дает головной убор из погребения кургана Иссык (Акишев А. К., 1983, С. 85, сл.). Близкие сюжеты имеют и некоторые скифские культовые навершия штандартов (Артамонов М. И., 1961, рис. 19). В трактовке сюжета мирового дерева кочевой среды характерен натуралистический реализм, само дерево, птицы на нем, олени и прочие персонажи изображаются в отдельности, случаи слияния их в единое существо, как спаренные протомы козлов в основании дерева в центре диадемы кургана из Усть-Лабинска, очень редки.

На Еркургане в едином образе дерева жизни синкретически слиты крылья птицы, гора в основании стержня ствола, которая одновременно является хвостовым оперением этой фантастической птицы, а центральный стержень дерева венчают две или большее количество пар орлиных голов на гибких змеевидных шеях. Это изображение из Еркургана, синкретически выражавшее идею дерева жизни и птиц на нем, стилистически уходит в мир сложных полиморфных монстров древнего Востока, хорошо известных в торевики Луристана, а еще ранее в искусстве Месопотамии и Малой Азии. Продолжение традиций этой символики дают и более поздние сасанидские печати (Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1965, рис. 172).

Что касается стиля трактовки крыльев этого символа, то здесь следует отметить, что оперением они обращены вниз, согласно архаическому древневосточному стилю, как и в искусстве сармат, в то время как в искусстве Сасанидов мотив распахнутых крыльев трактуется оперением, обращенным в стороны и вверх (Schahbazi A. Sh., 1980, fig. 10).

Рассматривая особенности сюжета изображения дерева жизни Еркургана, важно отметить, что намек на признаки Сенмурва оно не имеет, но спаренные головы орлов, трактованные по принципу зеркальной симметрии, характерны для композиции всех сарматских диадем. Сюжет о древе жизни с двумя орлами, благодаря бдению которых гарантировано процветание мира, есть и в Ригведе (1. 164. 20—22). О Саене-хозяине дерева всех семян в «Авесте» говорится во множественном числе, что дает возможность допускать и в зороастрийской мифологии пару птиц на вершине мирового дерева или дерева жизни (Рапопорт Ю. А., 1987. С. 147).

Геральдичность — основное свойство предметов древнего прикладного искусства Востока: торевики, сфрагистики, нумизматики, украшений костюма и бытовых изделий. Его суть состоит в соединении в единую и цельную сюжетную композицию нескольких образительных мотивов, связанных в единый тематический образ. Обычно в качестве составных элементов служат реалистические образы растительного и животного мира, объ-

единяемые в сложные композиции, кодирующие тот или иной мифологический сюжет, образ или целое явление. Наиболее распространенным является сюжет так называемого дерева, дополненный изображениями пернатых, хищных, копытных и земноводных животных, символизирующих три сферы мироздания, объединенных мировым деревом. К таким же широко распространенным геральдическим сюжетам относятся так называемые сцены терзания, в которых травоядное животное или водоплавающая птица пожирается или терзается хищным животным или птицей (Hartner W., 1965; Кузьмина Е. Е., 1976 б. С. 70; Лелеков Л. А., 1976 б. С. 260, сл.; Антонова Е. В., 1984. С. 172—175; Раевский Д. С., 1985. С. 151—153).

Предметы луристанских бронз и изделия скифского звериного стиля отличаются особым лаконизмом и выразительностью передачи мифологических сюжетов и тем. Скифскому искусству присуще частое употребление в сложных композициях отдельных частей изображения животных по принципу *pars pro toto* (Кузьмина Е. Е., 1972 б. С. 51; Раевский Д. С., 1985. С. 126).

Отличительная черта этого искусства, мифологического и культового по содержанию, — кумулирующая роль содержания сюжета, где в единую композицию слиты мотивы, дополняющие и развивающие, или повторяющие и усиливающие семантику основного изображения. Так, известное бронзовое навершие из Ульского кургана в виде головы орла имеет по гребню еще ряд мелких, аналогичных же, орлиных головок, или фигура золотой пантеры из Келермесского кургана имеет хвост и ступни лап в виде ряда свернувшихся в кольцо изображений аналогичного хищного животного.

В искусстве оседлых и особенно урбанизированных цивилизаций символика мифологического искусства не столь усложнена и более реалистична, чему достаточным примером являются антропоморфные изображения божеств древнего Востока и греко-римского искусства, где отдельные атрибуты функции божества или каноническая его поза ясно раскрывают зрителю все содержание этого образа. Подобный же характер носило и культовое искусство эллинизированных городов и поселений древних оазисов Средней Азии.

Даже образ мирового дерева или дерева жизни-одного из наиболее абстрактных и обобщенных мифологических понятий древности, в эллинизированном искусстве сарматов носило совершенно натуралистичный характер (Манцевич А. П., 1976, рис. 11).

Второй знак в ряду символических изображений на колонне из храма в виде Т-образной фигуры с вертикальными полосками на верхней площадке — возможно изображение алтаря огня, причем типологически наиболее близкие параллели как по форме, так и по трактовке пламени в виде вертикальных

параллельных полосок, он находит в изображении такого же факелообразного алтаря на бляшке с фигурой богини an fas и обращенным к ней адорантом в искусстве причерноморских скифов (Артамонов М. И., 1961, рис. 2). У М. И. Артамонова этот культовый атрибут назван жертвенником. Типологические истоки этого вида алтарей восходят к известным в Иране столбовидным алтарям огня, не характерным для районов Средней Азии, не найдены они, насколько нам известно, и в Северном Причерноморье, но, тем не менее, изображения Т-образного алтаря огня рядом с богиней на бляшке из Чертомлыка и в храме Еркургана указывают на знакомство, по крайней мере в жреческой среде, с подобным типом утвари культа огня.

И последний знак, нарисованный в рассматриваемой композиции в единственном экземпляре, на тыльной стороне колонны, обращенной к стенке III строительного периода, делившей первоначальный зал святилища на отдельные секции, представляет собой стержень с висящими по бокам лентами или ветвями и навершием в виде трех конусов, надетых один на другой, и верхний из них завершается кружком. Данный символ по нестандартности не имеет аналогий. Его навершие напоминает силуэты более поздних буддийских многоярусных зонтов, украшавших буддийские ступы Северной Индии (Rosenfield J., 1967, fig. 3).

Последнее, на чем следует остановиться, это загадочный круг на стержне древа жизни Еркургана в том месте, где от центральной оси ответвляются шен орлиноголовых птиц. Такие же кружки имеются в основаниях Т-образных алтарей огня и знака с коническим навершием на колонне из храма Еркургана. Этот элемент обычно нетипичен для культовых фантастических образов и символов древнего Востока, но очень характерен для культовой символики степной полосы Евразии, в частности для тамгообразных знаков (Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А., 1976). Изредка выделяется центральный круг и в культовой символике архаической Греции (Соок Р. М., 1960, ill. 9). Бронзовые плакетки сибирских древностей древней и раннесредневековой поры тоже часто изображают распластанные, полиморфные многоголовые существа орлиной природы с личиной на груди (Формозов А. А., 1986. С. 25).

Изображения на колонне храма следует расшифровывать в виде текста, дающего комплекс представлений, связанных с богиней — покровительницей Еркургана. Помимо рассмотренных нами знаков, связанных с мифологическими представлениями о древе жизни, остановимся на семантике атрибутов в руках двух женских фигурок. У них пышные прически и тяжелые азиатские одеяния. Возможно, это изображения других богинь пантеона Нахшаба. Каждая из них держит в руках по цветку лилии, которая в мифологии многих

древних народов связана с загробным миром. Одна из фигур держит во второй руке венок, ставший символом власти в Иране и Туране, видимо, после распространения образа Нике в эллинистическое время. Известна сцена инвеституры Нарсе в сасанидских наскальных рельефах, где Ардвисура Анахита вручает ему венок. Вторая фигура держит в другой руке непонятный на первый взгляд предмет в виде короткого стержня с шариком посередине. Б. И. Маршак предложил наиболее вероятное объяснение ему как веретена с клубком пряжи.

Прядение нити в мифологии индоевропейских народов обычно соотносится с нитью судеб человеческой жизни и судьбами не только индивида, но и коллектива или общины. Нити судьбы связывают этот и загробный миры. Сюжет персонажа с веретеном рассмотрим ниже. Здесь же следует подчеркнуть, что немногочисленные изобразительные сюжеты из храма Еркургана раскрывают нам достаточно богатую палитру представлений населения Южной Согдианы, связанных с актуальными вопросами идеологии своей эпохи. Это роль богини вод Кашкадарьи в жизни оазиса, представления о значении древа жизни и божеств, определяющих судьбы смертных и дающих им власть.

НАНА

Чтобы оттенить и понять особенности образа рассмотренной нами женской богини Еркургана, кратко остановимся на особенностях функции и иконографии еще одной из великих богинь Согды и Средней Азии в целом, на образе Наны. Нана-древневосточного происхождения, ее образ в Средней Азии наложился на древнейший образ авестийской богини земли Спента Арманти и по мере развития обогащался чертами иных Великих богинь-матерей.

Месопотамская Нана (Нанайя, Инанна, Иштар) была типичной ближневосточной богиней плодородия, любви и распри, ее символом являлась планета Венера. Богиня имела своим героем-супругом умирающее и воскресающее божество Думузи (Крамер С. Н., 1977, С. 133, сл.). Она была покровительницей ряда крупнейших городов Двуречья и часто изображалась на льве, ее символическим животным, и со стрелами в колчане. Сюжет о сошествии Наны в загробный мир указывает на ее хтонические функции.

В эллинистическое время Нана ассоциировалась с греческой Артемидой, также вооруженной луком со стрелами, покровительницей животного и растительного мира, символизировавшей плодородие и помогавшей, подобно Нане, роженицам. Она, как и Иштар, была связана с Луной. Храм Артемиды-Наны имеется в Дура-Европос, покровительницей которого она являлась (Кошеленко Г. А.,

1966. С. 154—155). Нана также была покровительницей Суз, известен культ синкретической Артемиды в Хатре и Пальмире (Azarpay G., 1981, P. 136).

Находка на городище Ай-Ханум и храм Окса на Тахти-Сангине серебряных дисков со сценой эпифании Кибелы, малоазиатской Великой богини, по функции и символике очень близкой Нане-Артемиде, относящихся ко времени не позже III в. до н. э., вполне может служить датой появления и синкретической Наны-Артемиды в Средней Азии (Bernard P., 1970. P. 342; Frankfort H. P., 1984. P. 92, сл.; Пичикян И. Р., 1991. С. 256, сл.).

К рубежу нашей эры относятся сообщения о храме Наны в Старой Нисе, заповедном городе Аршакидов, а также о храме Наны в Самарканде (Bernard P. и др., 1992. P. 304; Бернар П. и др., 1994. С. 41).

Ее ранний иконографический образ отражает, кажется, богиня в эллинизированном одеянии, восседающая на льве и сцеживающая молоко из груди в чашу, на золотом поясе из четвертого погребения Тиллятепе (Сарианиди В. И., 1989 б. С. 93, сл.). Позже, по свидетельству кушанской нумизматики, Нана, наряду с Ордохшо, одна из двух наиболее популярных богинь в государстве кушан (Göbl R., 1984. P. 167—168). Здесь она со львом или без него, в руках обычно жезл. Как отмечает Дж. Азарпай, у нее в отдельных случаях на кушанских и парфянских монетах изображен колчан, атрибут как древневосточной богини, так и Артемиды (Azarpay G., 1979, P. 166). По контексту надписи из Рабатака она верховенствует в пантеоне эпохи Канишки (Ртвеладзе Э. В., 1997).

В Хорезме также раннесредневековому типу четырехрукой Наны предшествовало, видимо, изображение Наны по тому типу, что на кушанских монетах — стоящая богиня на фоне льва (Рапопорт Ю. А., 1984. С. 76, сл.).

Тема образа и места Наны в раннесредневековом искусстве и пантеоне Средней Азии достаточно разработана (Дьяконова Н. В., Смирнова О. И., 1967; Azarpay G., 1975; Ес же, 1981. P. 133—139). Особенно важно для понимания прочного места Наны в пантеоне Средней Азии, согласующегося с доктриной зороастрийского пантеона, выявленная Дж. Азарпай иконографическая идентичность четырехрукой Наны на льве или на троне Согда, Хорезма и Уструшаны с аналогичным иконографическим типом четырехрукого женского божества на троне с надписью «Sandramata» (т. е. Спандармат) из живописи Хотана и Тумшука (Asarpay G., 1981. P. 131).

Синкретизм ближневосточной Наны с типологически близкой Спента Армаити-зороастрийской богиней земли объясняет не только ее высокое положение в пантеоне Средней Азии, но и ярко выраженные хтонические функции и важную роль в заупокойных куль-

тах (Grenet F., 1984, P. 262, сл.). Эту функцию Наны ярче всего иллюстрирует сцена в помещении 12 объекта XXV Пянджикента, где Нана восседает на льве над дверьми ада и рая (Marsak B., 1990, fig. 15). Загробные функции женского божества уходят корнями в эпоху ранних земледельцев (Антонова Е. В., 1990. С. 108, сл.).

Известен отрывок манихейского текста, приведенного В. Б. Хенингом о падении города Зимат к юго-западу от Балха, при всеобщем ритуале оплакивания женщинами города, в котором центральную роль играла сама Госпожа Нана.

Этот отрывок обычно приводится как цитата к дешифровке известной сцены оплакивания с четырехрукой богиней из Пянджикента (цит. по: Дьяконова Н. В., Смирнова О. И., 1967. С. 82, сл.). Однако в данном контексте неясна причина траура: смерть божественного спутника богини или падение города, покровительницей которого в данном случае могла быть Нана. Свою роль покровительницы городов, как свидетельствуют монеты Пянджикента, древняя Нана сохранила вплоть до VII в. (Дьяконова Н. В., Смирнова О. И., 1967. С. 75, сл.), как, впрочем, и функции хозяйки жизни и загробной участи, а также льва в качестве своего животного.

Таким образом, Нана пантеона древней и раннесредневековой Средней Азии — это богиня земли Спента-Армаити, обогащенная качествами близкой ей по содержанию Великой ближневосточной богини. Данная версия, предложенная Дж. Азарпай, выглядит наиболее приемлемой. При этом следует отметить, что четырехрукость раннесредневекового образа богини была результатом влияния образа индийской Кали-одной из самых грозных ипостасей Дурги-Парвати, супруги Шивы, который сам в кушанском пантеоне четко ассоциировался с Митрой (Беленицкий А. М., Маршак Б. И., 1976. С. 78, сл.; Бивар Д. Х., 1991. С. 57). Кали тоже была связана с загробным миром и изображалась на льве с разнообразным вооружением в своих многочисленных руках (Норман Браун У., 1977. С. 319). Здесь возможно влияние аналогичных иконографических моделей и других индуистских богинь (Bussagli M., 1963. P. 54; Asarpay G., 1981. P. 157).

Нана как сущностно, так и по своей символике и иконографии глубоко отличалась от водного божества, культу которого был посвящен храм Еркургана.

О том, что образ Наны — Артемиды в своих характерных функциональных проявлениях имел глубокие местные корни в самой Средней Азии, свидетельствуют схематические женские фигурки IV—III тысячелетий до н. э. с подчеркнутыми признаками пола и луком в руке на петроглифах Ходжикента в верховьях одного из притоков Сырдарьи Чирчика (Худжаназаров М., 1995, рис. 7).

Таким образом, в Согде, Мерве и Хорезме почитались два великих женских божества, соответствующих Спента-Армаити и Ардвисуре Анахите зороастрийского пантеона, первая носит имя месопотамской Наны, как называлась вторая, нам пока неизвестно, не исключено, что первоначальное ее имя было связано с Кангом и индийской Гангой, поскольку и Ардвисура и Анахита-эпитеты данного божества, символизировавшего, прежде всего, стихию атмосферной и речной влаги.

Первая из них Нана, особо почитавшаяся в Самарканде и Хорезме, носила четко выраженный хтонический характер и была связана с судьбами загробного существования, ее символическое животное-лев. Вторая же, особо почитавшаяся в Нахшабе и Мерве,— подательница жизни, урожая. От нее зависели процесс вегетации растений и их плодородие. Ее символы — представители водной фауны. Особая роль женских божеств в согдийском пантеоне отличает его от патриархального по своему составу зороастрийского пантеона и напоминает о значительной весомости женских божеств в религии скифов, отмеченной еще Геродотом (Артамонов М. И., 1961. С. 73).

Образ Наны отличается устойчивым иконографическим канонизмом, мало менявшимся со временем и восходящим к своим месопотамским прототипам. Антропоморфное изображение водного божества типологически менее стабильно. Обе богини (земли и воды) были ведущими в пантеоне Согда. Не все божества избирались в качестве покровителей городов, династий, государств. Обычно это были основные персонажи пантеона. Так, в селевкидском Уруке «престолом судьбы» т. е. правом определения судеб страны владели лишь Ану и Иштар (Чехович Н. О., 1985). И то, что городской храм Еркургана был посвящен богине вод, свидетельствует об особой ее роли в культах Нахшаба III—V вв.

Безусловно, в длительном сохранении этого архаического образа местного женского божества видимо определенную роль сыграли матриархальные и матрилинейные традиции степных племен. Жриц канонический зороастризм в Иране не знал. Кангюй же, как носитель сарматских традиций, и последующий хионито-эфталитский период Турана имел, очевидно, институт жриц, продолжавших традиции жриц дербиков письменных источников и савроматов археологических источников. Вероятно, о сохранении института жриц до IV в. н. э. свидетельствует упомянутое погребение жрицы на пандусе у входа в культовый комплекс Кызылкыр I.

К ПОГРЕБАЛЬНЫМ ОБРЯДАМ ЕРКУРГАНА

Что касается погребальной обрядности и связанных с ней идеологических представлений, то здесь необходимо указать, что ряд фундаментальных обобщений на данную тему

Ю. А. Рапопорта, Б. А. Литвинского и Ф. Грене избавляют нас от необходимости подробного внедрения в эту обширную тему (Рапопорт Ю. А., 1971; Литвинский Б. А., 1972 б; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983; Их же, 1984; Grenet F., 1984). Нам остается лишь изложить некоторые соображения по поводу мемориальных памятников древнего Нахшаба, представленных дахмой, мавзолеем и сооружением на Р-15, и связи их с оссуарным обрядом погребения.

Предварительно отметим, что в Средней Азии эпохи древности и раннего средневековья сосуществовали все три основных обряда погребения: ингумация, выставление и в меньшей мере кремация, последняя с рубежа нашей эры постепенно сошла на нет даже в районах Приаралья (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. С. 56). Но целиком пережитки этого обряда так и не исчезли до эпохи раннего средневековья, когда он был реанимирован тюрками, широко использовавшими кремацию усопших. Оставляя в стороне многочисленные варианты погребений по обряду ингумации в Средней Азии, достаточно известных по публикациям, остановимся в связи с материалами Еркургана лишь на отдельных моментах обряда выставления и погребения очищенных костей, сопровождавшихся большим разнообразием погребальных сооружений и ритуального инвентаря.

В общем обзоре Ф. Грене зороастрийские погребальные сооружения делятся на две большие группы: дахмы и наусы. При этом дахма-сооружение для очищения костей от мягких тканей, хотя при ней же или в части ее было место для хранения костей. Наусы в основном служили для хранения костей, очищенных часто где-то в другом месте, возможно, даже не прибегая к использованию дахмы, как показывают вскрытия некоторых наиболее ранних оссуарных погребений в Приаралье (V—IV вв. до н. э.), где были представлены все кости скелета. Могла практиковаться выварка трупа, что объявляется непростительным грехом в «Авесте», и указывается зороастрийская область, практиковавшая этот метод — Чахра (Яблонский Л. Т., Коляков С. М., 1992. С. 110). Но, как показал анализ, часто в этих склепах-наусах происходил и процесс очищения костей трупов путем естественного разложения без участия собак, птиц или других искусственных средств, и здесь же рядом хранились кучки костей в оссуариях или без них (Grenet F., 1984. С. 229—230). Ф. Грене предлагает их тоже считать дахмами: кажется, его позицию подтверждают находки в Иране индивидуальных скальных погребений раннесредневековой поры с выбитой тут же в скале надписью «дахма» (Gropp G., 1969 б. С. 235, сл.; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983. С. 113; Huff D., 1991. S. 92).

Помимо этого, широко были распространены погребения костей в земле, курганах,

склепах, вырытых в горных склонах и руинах заброшенных поселений и городов.

На Еркургане в процессе раскопок на Р-16, Р-17 и других раскопах отмечены отдельные, фрагментированные, единичные раннесредневековые оссуарные погребения, в керамических оссуариях весьма простой ящичной формы, накрытых плоской крышкой, без какого-либо орнамента.

Комплекс сооружения дахмы Еркургана — самое монументальное и специализированное сооружение этого типа, где было предусмотрено не только очищение костей и их хранение, но, видимо, и специальное место для ритуальных очищений после обслуживания усопших и проведения необходимых обрядов, требовавших контакта с сакрально нечистым.

Для Бактрии и Хорезма на сегодняшний день мы имеем стройную и непрерывную картину развития обряда выставления и погребения очищенных костей (Рапопорт Ю. А., 1971; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983; Их же, 1984; Rtvcladze E. V., 1987; Его же, 1988. С. 21—25).

Фундаментальное отличие Хорезма, Согды и Чача, как уже отмечалось, заключалось в хранении очищенных костей в специальных керамических сосудах-оссуариях, чего не было в Бактрии, а также областях Восточного и Западного Ирана, редкие случаи находок предполагаемых оссуариев в Иране, приводимых Ф. Грене, сомнительны в своей функциональной атрибуции (Grenet F., 1984. Р. 253, сл.), что было обусловлено кардинальными отличиями самого погребального ритуала, а также и погребальной архитектуры. В Бактрии и самом Иране были распространены склепы, начиная еще с известного скального мавзолея Артима позднеахеменидской поры в Малой Азии, названного астаданом. Возможно, здесь функции дахмы, т. е. места очищения костей, совмещены с местом их дальнейшего хранения. Это засвидетельствовано и в Бактрии, материалы постгреческого использования театра Ай-Ханум, где кости очищались и тут же оставлялись на хранение, а также более поздние материалы убедительно свидетельствуют о развитии традиции сохранения костных остатков здесь же, на месте их выставления (Grenet F., 1984. Р. 73 сл. 249, сл.). Дахмой при этом служило само место хранения костей. Это обычно уже заранее изолированные от земной поверхности скамьи театра Ай-Ханум, скалы Ирана, где высекались ниши или ямы для погребений, или специальные подстилающие субструкции наусов кушанской Бактрии, гарантировавшие предохранение ритуальной чистоты земли (Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983, С. 111, сл.).

Наиболее ранним из известных погребальных комплексов Бактрии, совершенных по обряду выставления, является некрополь театра Ай-Ханум, который считается принадлежавшим автохтонному бактрийскому населе-

нию, занявшему город после ухода греческих колонистов, т. е. датируется со второй половины II в. до н.э.

Позже в Бактрии получил распространение обряд погребения очищенных костей в специальных сооружениях-наусах.

В отдельных случаях, как в наусах Яланг-туштепа, можно уверенно полагать, что представлялись кости, предварительно очищенные в другом месте (Ртвеладзе Э. В., 1983, С. 140), хотя на Кампыртепа отмечается наличие и иных упомянутых в Видевдате типов погребальных сооружений, дахмы и ката. По мнению Э. В. Ртвеладзе, длинное сооружение 4 рядом с городищем было одновременно дахмой и ката. Функции дахмы могла выполнять монолитная платформа трехметровой ширины, а роль ката играли замкнутые помещения, вытянутые в ряд, сами же очищенные кости хранились кучками во рву вдоль внешних стен данного сооружения. Этот ров играл роль уздана, хотя в цитатах Видевдата, приводимых в статье Э. В. Ртвеладзе, ров указывается как место временного хранения усопших (Ртвеладзе Э. В., 1984).

Таким образом, Кампыртепа демонстрирует явные различия погребального ритуала, выдержанного в духе Видевдата, но противоречащего букве его.

Два объекта, известные в Бактрии, которые с натяжкой можно отнести к понятию дахмы соответственно дефинициям Видевдата и обычаям этнографических парсов, это театр Ай-Ханум, вторично использованный местным населением для выставления усопших, и загадочное монолитное квадратное сооружение под Термезом, рассеченное крестовидным коридором (Альбаум Л. И., Агзамходжаев Т., 1968; Grenet F., 1984. Р. 73, сл.). В первом случае были открыты кучки очищенных костей, присыпанные землей в орхестре и первых рядах амфитеатра. Можно полагать, что первоначальное выставление и очищение костей происходило в верхних рядах амфитеатра, после чего они хоронились внизу.

Второе сооружение сохранилось, к сожалению, лишь в своей нижней части, где в крестовидном коридоре были обнаружены разрозненные человеческие кости. Б. А. Литвинский, привлекая материалы по дахам парсов, высказал наиболее убедительное предположение о назначении этого сооружения в качестве зороастрийской дахмы (Литвинский Б. А., Седов А. В., 1984. С. 87, сл.).

Завершая наше краткое обсуждение погребальных сооружений Бактрии, следует отметить, что, видимо, использование театра Ай-Ханум в качестве дахмы и науса для последующего хранения костей и могло сыграть свою роль генетического прототипа конструкций более поздних, средневековых дахм парсов в виде круглой башни с конически понижающейся к центральному углублению площадкой, где останки усопших выкладывались по краю площадки, что можно допустить и

для верхних рядов полукруглого амфитеатра в Ай-Ханум с последующим захоронением очищенных костей в центральном углублении, морфологически отвечавшем оркестру театра, где тоже произведены погребения костей. В этой схеме, разделенной двухтысячелетним интервалом, промежуточное положение могут занимать круглая башня Нурабада (Цит. по: Grenet F., 1984. P. 242—243) и средневековые дахмы парсов (Воусе М., 1974).

Сооружение близ Термеза, при предполагаемом квадратном внешнем его облике, находится в начале этого возможного пути развития зороастрийских дахм.

В Иране наиболее ранние захоронения очищенных костей относятся к послеахеменидскому времени (Дандамаев М. А., Луконин В. Г., 1980. С. 322). Памятники погребальной архитектуры последующих периодов с зороастрийским обрядом представлены скальными склепами с углублениями на дне, нишеобразными камерами и выдолбленными в скале прямоугольными могилами с перекрытием, а также высеченными из камня квадратными и столбовидными конструкциями (Huff D., 1988; Его же, 1991 и 1993; Voucharlat R., 1991).

В Хорезме и Приаралье с самого начала наблюдается развитие иной традиции, дахма и наус для дальнейшего хранения костей находятся в разных местах, и перенос очищенных костей из дахмы в наус для хранения осуществлялся в специальных сосудах-оссуариях.

Для Хорезма, начиная с V—IV вв. до н.э., было характерно развитие погребений в керамических сосудах и оссуариях. Причем хранились эти останки обычно в закрытом виде в курганах, земле, руинах древних городищ, часто в небольших нишах или ямках (Jagodin V. N., 1987; Яблонский Л. Т., Коляков С. М., 1992. С. 110). Но и здесь часто можно встретить захоронения кучек очищенных костей без сосудов, просто в насыпи кургана или руинах древних строений.

Что касается сооружений погребальной архитектуры Хорезма, их немного, они поздние, и в вопросе функционального назначения имеются некоторые сомнения. Это, в частности, круглая дахма на естественном бугре Чильпык, неоднократно обсуждавшаяся в литературе (Толстов С. П., 1948 а. С. 71, сл.; Манылов Ю. П., 1981). Это сооружение могло играть роль дахмы, но там не было найдено остатков человеческих костей.

Второе сооружение в виде отдельного купольного помещения с изолирующим слоем навоза, хвороста и сухих комьев глины на полу и проломом в стене в раннесредневековом замке Беркуткалинского оазиса было определено С. П. Толстовым в качестве ката для предварительного выставления и хранения усопших в ненастную погоду (Толстов С. П., 1948 а. С. 145, сл.).

Оба сооружения относятся по хорезмий-

ской периодизации к кушано-афригидскому и афригидскому времени, т. е., IV—VI вв. н. э. И оба они впервые в археологической практике Средней Азии были определены С. П. Толстовым в качестве специальных зороастрийских погребальных сооружений, соответствующих предписаниям Виведдата.

Что касается оссуариев в Хорезме, то, начиная с конца IV—III в. до н. э. здесь прослежены все основные этапы развития оссуарного обряда захоронения. В первые века до н. э. там преобладали так называемые статуарные оссуарии в виде керамических ящичков с крупной полой человеческой фигурой на них, позже их сменили оссуарии в виде прямоугольного ящичка с крышкой, но есть и иные формы (Рапопорт Ю. А., 1971).

Для Согды картина пока не столь ясная и подробная. Многочисленные находки разнообразных оссуариев, относящихся к хионитскому, эфталитскому и тюркскому периодам, не сопровождалась как правило изучением условий их хранения и погребальной архитектуры. В большинстве своем, как выяснила Л. В. Павчинская, они происходят из некрополей, разрушенных зачастую еще в древности (Павчинская Л. В., 1990. С. 4—5). Лишь наусы Пянджикента, Пайкенда и еще нескольких предварительно изученных некрополей дают представление о том, что в раннем средневековье согдийцы хранили останки своих родичей в специальных сооружениях, близких по конструкции известным в то же время сооружениям в Хорезме, Мерве, Чаче и Бактрии. Погребальные сооружения других многочисленных разрушенных оссуарных некрополей Согды остались неизвестными. В Согде эпохи раннего средневековья, как следует из сводки Л. В. Павчинской, наряду с захоронениями в наусах практиковались погребения оссуариев в земле, руинах заброшенных строений и оплывших кладках оборонительных стен. Как свидетельствуют материалы курганных могильников долины Зарафшана, погребения очищенных костей в сосудах осуществлялись и в насыпях курганных могильников, как в Приаралье (Обельченко О. В., 1959. С. 95, сл.).

Погребальные сооружения Мервского оазиса парфянского и сасанидского времени как по типологии, так и обряду, близки Бактрии. Но здесь они, как и в Согде, сочетаются с оссуариями (Ершов С. А., 1959; Кошеленко Г. А., Оразов О., 1965).

Считается, что наусы Согды и Чача в своей конструкции и типологии следуют более ранним наусам Бактрии (Ртвеладзе Э. В., 1988 а. С. 24, сл.). В наусах Бактрии хоронились чаще предварительно очищенные на стороне кости. В наусах Пянджикента, как и Мерва, отмечается вероятность очищения костей непосредственно в наусах (Ершов С. А., 1959. С. 160, сл.; Grenet F., 1984. P. 229). Поэтому в оссуариях, как правило, хранилась

лишь часть основных костей, и, прежде всего, череп.

Важнейшим моментом ритуальной практики зороастризма является обряд очищения «барашном», прежде всего обязательный для касты профессиональных специалистов по выставлению умерших и очищению костей (Hartman S., 1980. P. 27). Издревле очищение производилось мочой священного быка, песком и, в самом конце—ритуально очищенной водой. По Модри, очищение сакрально нечистого лица происходило в процессе ритуала в специально огражденном сооружении барашномгахе, находившемся на расстоянии не менее 30 шагов от культовых мест и праведных людей. Ритуал состоял из многократного обмывания мочой священного быка с последующим очищением песком на полу площадки барашномгаха и завершался обмыванием водой, причем один жрец справа поливал обнаженного кандидата мочой, посыпал песком, затем поливал водой, второй жрец слева вел так называемую четырехглазую собаку, осуществляя очищающий обряд сагдид (Цит. по: Hartman S. 1980. P. 27, сл.). При этом все они при каждом отдельном омовении или очищении продвигались по вытянутой вдоль площадки с запада на восток каменной дорожке, отделявшей сакрально нечистого кандидата от поверхности земли. Камни дорожки при необходимости мог заменять ряд ямок, вырытых в земле, тогда кандидат на очищение при повторных омовениях передвигался из ямки в ямку. Этот обряд повторялся по мере передвижения на дорожке не менее 10 раз и сопровождался чтением молитв, после чего человек считался сакрально очищенным от скверны общения с трупом и очищенным от «наса».

Сравнение конструкции барашномгахов парсов Индии, состоящих из огражденной площадки с вытянутой вдоль длинной оси сооружения каменной дорожкой (Hartman S., 1980, pl. XIX, XX, XXVIII—XXX), с западной площадкой дахмы Еркурмана наводит на мысль о том, что эта невысокая и, видимо, огражденная стеной довольно обширная площадка, примыкавшая к башне дахмы с дорожкой, выложенной из жженого кирпича по центральной оси площадки в широтном направлении, могла являться барашномгахом комплекса дахмы Еркурмана. Здесь мог осуществляться систематический обряд очищения служителей дахмы, а также, видимо, жрецов и близких усопшего, общавшихся с ним при отправлении его в последний путь. Это был один из важнейших обрядов ритуальной практики зороастрийцев. Напомним, что дахма на Еркурмане функционировала и была замурована задолго до строительства храма с женским божеством в нем.

Предполагаемый барашномгах дахмы Еркурмана имел отдельный вход. Восточная же площадка дахмы, на которую вела средняя площадка восточного крыла ступеней глав-

ного фасада дахмы, возможно служила в качестве науса для хранения очищенных костей, помещенных в крупные корчаги, или для ритуала поминовения с выставлением костей усопших в сосудах на этой площадке в дни таких годовичных, календарных празднеств, как Навруз. Так можно объяснить находку черепа и обломков трубчатых костей крупного мужчины зрелого возраста во фрагментированном сосуде, найденном на весьма небольшом вскрытом участке восточной площадки под толщей плотной пахсовой забутовки. Восточная площадка по размеру была где-то вдвое меньше западной, но выше ее.

Здесь возникает принципиальный, с точки зрения зороастрийской догматики, вопрос: мог ли наус, или фравартик по-древнехорезмийски, находиться в едином комплексе с сакрально нечистой дахмой для выставления и барашномгахом, который, по представлениям современных парсов, должен быть на расстоянии не менее 30 шагов от культовых мест и праведных людей? Известно также, что и дахма должна была быть на определенном расстоянии от поселения, что соблюдало и при возведении дахмы Еркурмана. В принципе, очищенные кости считались сакрально чистыми (Grenet F., 1984. P. 232).

Наус, или фравартик-костехранилище, если он существовал в виде отдельного сооружения, тоже должен был находиться за пределами первоначальной стены города. Археологические материалы указывают, что в древности и раннем средневековье если оссуарии и хоронили на стенах или в помещениях, то для этого выбирали оплывшие стены древних городов или руины заброшенных помещений. Укажем в качестве примера городище Калалыгыр (Толстов С. П., 1962. С. 114, сл.; Рапопорт Ю. А., 1971. С. 90, сл.). Да и на Еркурмане немногочисленные раннесредневековые ящичные оссуарии происходят из руин уже заброшенного городища.

Так называемая усадьба неподалеку от Кой-Крылганкалы с находками статуарных оссуариев, бывшая, видимо, наусом Кой-Крылганкалы, наусы Дальверзинтепа и Пянджикента (Grenet F., 1984. P. 236, сл.) указывают на расположение мемориальных сооружений в пригородной зоне. В Средней Азии эта традиция вынесения некрополя за пределы поселения началась в Бактрии с эпохи раннего города на Джаркутане с середины II тысячелетия до н. э., в отличие от более раннего Сапаллиттепа, продолжавшего архаическую практику захоронения умерших под полами помещений на самом поселении (Аскаров А. А., Ширинов Т. Ш., 1993).

Таким образом, комплекс дахмы Еркурмана был сложным архитектурным сооружением, состоявшим, по крайней мере, из трех функционально различавшихся частей. Решения архитектурники объемов этого сооружения, возможно, не имевшего крытых помещений и состоящего из трех функционально

специализированных площадок разной высоты, носило самобытный характер. В центре сооружения возвышалась башня для выставления трупов, к востоку и западу примыкали более низкие площадки, видимо служившие для хранения костей и ритуального очищения. Фасад всего комплекса оформляла монументальная лестница, которая периодически штукатурилась. Ремонт и штукатурка культовых комплексов на древнем Востоке также были богоугодным делом и носили ритуальный характер. Эту традицию можно проследить от ранних месопотамских храмов до мазаров мусульманских святых Средней Азии, которые местное население убирает, ремонтирует в дни ежегодных календарных празднеств.

Появление дахмы в качестве самобытного архитектурного комплекса, рассчитанного на весь цикл погребального зороастрийского обряда, следует расценивать как творческое явление. В эпоху, когда лишь складывались канонические предписания погребальных обрядов зороастризма, архитектор дахмы Еркургана, используя известные архитектурно-строительные традиции, творчески воплотил в едином комплексе сооружение, отвечающее всем предписаниям ритуала.

Если считать, что дахма Еркургана была построена после отпадения Согда от Греко-Бактрии при Евкратиде, то строительство дахмы напрямую следует связывать с приаральскими дахами, занявшими земли Согда в середине II в. до н. э.

Как показали последние исследования мавзолеев чирикбатской культуры, носителями которой, вероятно, и были приаральские дахи, в частности, на мавзолее Бабиш-мулла 2 в III в. до н. э. происходил переход от обряда кремации к выставлению трупов (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. С. 45, 56, 99). Однако там погребальная архитектура в основном представлена круглыми мавзолеем, восходящими по своей архитектуре к более ранним местным прототипам.

В Южном Приаралье переход к обряду выставления трупов происходил не позже IV в. до н. э. Однако специальных дахм, где это могло происходить, там пока не найдено. Более того, имеются факты полного сохранения костяка при перезахоронении, что позволило исследователям предположить, что именно здесь была Чахра, обвиненная «Авестой» в непростительном грехе выварки трупов с целью очищения костей (Вайнберг Б. И., 1991, С. 20—21, 85—87; Яблонский Л. Т., Коляков С. М., 1992. С. 109—112).

Более поздний вариант погребальной обрядности выявлен на мавзолее Еркургана. Здесь мы видим погребальный комплекс династийного характера, состоящий из очищенных костей в сосудах, в сочетании с глиняной скульптурой, изображающей, ви-

димо, образ наиболее почитаемого предка, следы огня в специальных помещениях, который, вероятно, разжигался при календарных поминальных ритуалах, и массу votивных подношений. Обряды поминальных жертвоприношений происходили непосредственно в этих погребальных сооружениях, где хранились костные останки и скульптурные изображения предков.

В остальных наусах Согда эпохи древности и раннего средневековья скульптурные изображения отсутствуют и лишь изредка прослеживаются следы сожжения жертвенных подношений (Grenet F., 1984. P. 269, supra 7) или остатки достаточно долго горевшего огня (Гудкова А. В., 1964. С. 89).

Близким, но иным путем шла эволюция погребального обряда хионитов Приаралья, представленная в культово-мемориальных помещениях Куняуза и Кангагыркалы. Здесь отмечались помещения с алтарем огня в центре и стопками очищенных костей вокруг (Толстов С. П., 1962. С. 129, сл.). Всему этому сопутствует раскрашенная глиняная скульптура. Истоки этих обрядов и традиций выявляются на храмовом комплексе Большой Айбугиркалы, где на вершине массивной платформы были установлены статуарные оссуарии, а в помещениях подле башни проводились поминальные трапезы. Этот обряд при коренных отличиях в архитектурной типологии совпадает с тем, что было выявлено на Шаштепа; там тоже, как уже отмечалось, разрозненные человеческие кости в одном из помещений сопровождают алтарь огня в другой комнате.

Возведение второго по времени культово-мемориального сооружения Еркургана — мавзолея (Р-4) относится к началу III в. н. э., оно было синхронно храму Еркургана, посвященному женскому божеству.

Функциональное назначение помещений этого комплекса, довольно убедительно реконструируемое по остаткам специальных ритуальных сооружений, находкам костей и сопровождающему инвентарю, однозначно рисует нам картину погребального обряда очищенных костей, традиционного для урбанизированных оазисов Средней Азии.

Во входном двухколонном зале или вестибюле, как было указано, справа находилось приподнятое прямоугольное ложе из кирпича, на которое, видимо, укладывался усопший при чтении похоронных молитв. К югу от этой лежанки, очевидно у изголовья уложенного покойника, находился небольшой прямоугольный подиум с прокаленной поверхностью и следами золы, здесь разжигался огонь. Обычно у парсов в доме покойника три дня горит специально зажженный огонь, и здесь же устанавливается сосуд с водой, в который родственники умершего ставят свежие цветы.

В древности эти обряды проводились в специальных помещениях близ самой дахмы (Ртвеладзе Э. В., 1984. С. 103). Ложь в центре вестибюля с алтарем огня у изголовья в центральном зале мавзолея видимо было местом погребального отпевания усопшего на этом комплексе.

Восточная, повышенная часть пола центрального зала с прямоугольным углублением длиной 180 см, вытянутым в широтном направлении, также могла служить местом для укладки усопшего, а три ямки, вытянутые по полу в ряд и соединенные желобком вдоль торцевого конца углубленного ложа, могли служить для возлияния. При этом усопший видимо укладывался головой на восток, к ямкам для возлияния.

Второе помещение мавзолея, в котором находились очищенные кости мужчины и женщины в хумах и фрагменты скульптурных изображений двух персонажей—мужчины и, вероятно, женщины, изображавших, возможно, облик погребенных в хумах людей, служит наусом или уздана, т. е. местом хранения костных останков. Наличие скульптуры соответствует погребальным обычаям, отмеченным в наусах Куняуза и Кангагыркалы (Толстов С. П., 1955. С. 200, сл.), оставленных населением периферийных районов Хорезмского оазиса. Истоки этой погребальной скульптуры следует видеть в наиболее ранних статуарных оссуариях Хорезма, устанавливаемых под открытым небом (Ягодин В. Н., 1982. С. 76), на эту традицию видимо наложилась с приходом гуннов иная, сибирская традиция, идущая от домов мертвых, где погребения сопровождалась глиняной раскрашенной скульптурой, перед которой разжигались ритуальные огни (Тиваненко А. В., 1989, С. 118).

На рубеже древности и средневековья примитивные фигурки идолов получили распространение в погребениях сармато-алан в степных районах бассейна Сырдарьи, Северного Кавказа и Причерноморья, есть они в культовых комплексах Ферганы и Хорезма (Брыкина Г. А., 1980).

О том, что этот вариант погребального ритуала в Средней Азии был связан с хионитами, свидетельствует сообщение Аммиана Марцелина о погребении сына предводителя хионитов Грумбата, бывшего союзником Сасанидов, который пал у стен г. Амиды. Аммиан Марцелин сообщает, что ритуал кремации юноши сопровождался искусными скульптурными изображениями (Аммиан Марцелин. XIX, 2, 10). В отличие от Хорезма, где этот обряд является прямым продолжением местной традиции изготовления статуарных оссуариев (Рапопорт Ю. А., 1971. С. 80, сл.), на Еркургане погребальная скульптура изготовлена в древней местной технике из тонко отмученной глины с мелкой

соломой на деревянном каркасе с последующей грунтовкой и окраской, в той же технике, что и скульптура из храма Еркургана и глиняные изваяния кушанских божеств Бактрии, Мерва, Хорезма (Вивденко С. В., 1992). Однако смысл и назначение погребальной скульптуры из мавзолея Еркургана то же самое, что у всех известных по Хорезму статуарных оссуариев—изображать роль усопшего в ежегодных поминальных ритуалах, осуществлявшихся потомками в мавзолее, т. е. восходит к широко распространенному обычаю «тул», когда на ежегодных траурных поминках в кругу родственников ставилось изображение умершего и перед ним осуществлялись поминальные ритуалы, сопровождавшиеся жертвоприношением. Этот обычай широко был распространен у древних и средневековых народов степной полосы и сохранился в этнографии многих тюркоязычных народов и у осетин (Рапопорт Ю. А., 1971. С. 86, сл; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983. С. 52, сл; Grenet F., 1984. P. 258).

Помещение 9, расположенное к востоку от помещений 1, 2, видимо, и играло роль поминального святилища, здесь на всех уровнях полов были небольшие очажки, отсюда же происходит и разнообразная столовая посуда, употреблявшаяся при ритуальных трапезах, иных находок не обнаружено.

Возвращаясь к рассмотрению и атрибуции сопровождающего инвентаря помещения 2, игравшего роль науса, отметим, что скульптура находилась в углу, у входа в помещение 9.

Красноречива, хотя и кое в чем не совсем понятна, картина в западном помещении 5. Проход в него был наглухо заложен кирпичом и имел следы неоднократных вскрытий с последующей закладкой. Пол выстлан сырцовым кирпичом без скрепляющего раствора и обмазки. На полу найдены мелкие отдельные человеческие кости, пластинки железного панциря, тисненные золотые бляшки с фигуркой орла, трубочка, свернутая из тонкого листа золота. Аналогичная трубка была найдена и в погребении очищенных костей науса Дальверзинтепа (Ртвеладзе Э. В., 1978, С. 100). Вдоль вытянутого по меридиану помещения в полу были три неглубокие ямки, в которые установлены два днища хумов со следами огня и один толстый обломок сосуда. В северном конце помещения картину завершает небольшой кирпичный подиум: **Г-образный** в плане, покрытый сверху леплом, сложенный из того же сырцового кирпича без скрепляющего раствора.

Все конструктивные особенности этой комнаты полностью отвечают особенностям ката — специальному типу зороастрийского мемориального сооружения, предназначенного для временного хранения усопших в зимнее ненастье. Полы, согласно восьмому

фаргарду Видевдата, выложены кирпичом, проход в помещение заложен. Однако здесь же обнаружены находки мелких человеческих костей и типичные предметы сопровождающего погребального инвентаря, указывающего на то, что первоначальное выставление усопшего было осуществлено здесь и затем отсюда были собраны очищенные кости, которые после, с частью сопровождающего инвентаря, были уложены в хумы. Таким образом, это помещение служило одновременно и ката, и дахмой, вернее, это была крытая дахма защищавшая труп от осадков, где выставление можно было осуществлять в любой сезон года. Но при этом возникает вопрос о методах и средствах очищения костей.

Есть сообщение Беруни о древней практике выставления, когда в Индии трупы помещались в крытые и продуваемые помещения, где покойник медленно истлевал (Цит. по: Grenet F., 1984. Р. 227). Окно или продухи могли быть и в стенах помещения 6. Случай с бухархудатом Тухшадой, кости которого были очищены от тканей его близкими, следует считать вынужденным исключением в экстраординарной военной ситуации, и, видимо, произвели эту операцию не приближенные ихшида, а специальные служители погребального культа.

Большинство более поздних, раннесредневековых наусов одновременно служили и дахмой, и наусом, на что указывает Ф. Грене, отмечая в наусах Ангрена, Чача и Мерва обилие сопроводительного инвентаря и редкие случаи нахождения в одних и тех же наусах очищенных костей и целых костяков в синхронном залегании (Grenet F., 1984. Р. 249), хотя наличие сопровождающего инвентаря характерно и для наусов, где складировались кости, очищенные заведомо на стороне (Ртвеладзе Э. В., 1978 б. С. 112).

Однако если присыпка пеплом на необожженной поверхности Г-образной кирпичной выкладки в помещении 6 еще соответствует предписаниям восьмого фаргарда Видевдата в качестве изолирующего средства, то следа возжигания огня в обломке донной части хума в ямке близ этого подиума, кусочки и следы присыпки охры подле восточной стенки помещения предписаниями Видевдата не объяснить — все это, наряду с золотыми бляшками и пластинами железного панциря, уводит нас в архаику савроматских погребальных традиций, для которых было характерно длительное сохранение возжигания огня в специальных очагах в жреческих погребениях (Кадырбаев М. К., 1984. С. 86).

Характерно, что несмотря на суровое осуждение Видевдатом кремации, понятие огня погребального костра не было до конца удалено из самого зороастризма. Так, при возжигании огня Аташ Бахрам, составляе-

мого из 16 различных по функции и происхождению огней, одним из первых упоминается огонь, использованный при кремации трупа (Hartman S., 1980. Р. 20).

Из прочих находок помещения 2 следует отметить небольшой золотой кругляшок размером с монету. Он был найден рядом с костями и явно представлял собой так называемую «плату Харона», достаточно известную по могильникам древней и раннесредневековой Средней Азии, включая и погребения с обрядом захоронения очищенных костей (Ставиский Б. Я. и др., 1953. С. 48; Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970. С. 144, сл.; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1984. С. 150, сл.; Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В., 1990. С. 145).

Характерен обряд подношения грузил ткацкого станка в мавзолее, которые складывались возле хумов с костями, здесь их насчитывается более 200 экз., и в меньшем количестве они расположены рядом со скульптурными изображениями в том же помещении.

В данном случае мы имеем дело с мифологическим сюжетом комплекса Ариадны, богини или духа загробного мира, связанного с понятием нитей судьбы, божества всеобщей, но непредсказуемой связи судеб людей нитями, которые переплетаются благодаря воле или прихоти этой богини. Играя роль распорядительницы загробного мира, а возможно, и в обоих мирах, она была одновременно покровительницей прядения и ткачества.

Комплекс мифологического цикла, моделирующего общие процессы космогонии и индивидуальных судеб людей и небожителей на основе понятий ткацкого ремесла, можно подразделить на два различных сюжета, связанных с процессом прядения и, отдельно, с процессом ткачества. Первый сюжет хорошо известен в индоевропейской мифологии по образам греческих Мойр и римских Парок, прядущих в подземном мире нити судеб богов и смертных. Аналогичные богини подземного царства, прядущие нить годам царя, известны в хеттской мифологии (Ардзинба В. Г., 1982. С. 88, сл.; Гютербок Г. Г., 1971. С. 168, сл.).

Здесь нам следует вернуться к рисункам на западной колонне святилища городского храма Еркургана (рис. 78, 79), где изображены две женские фигуры с цветками, напоминающими лилии, в одной из рук. В другой руке одна из фигур держит кольцо или венчик, а у второй — непонятный на первый взгляд предмет в виде кружка на коротком стержне. Как указывалось, наиболее вероятное истолкование этому предмету предложил Б. И. Маршак, усмотревший здесь изображение веретена с клубком пряжи. Терракотовая

фигурка с веретеном в руке ранее была обнаружена и в Пянджикенте.

По Платону, веретено, которое вращает богиня необходимости Ананке, играет роль мировой оси.

В сюжете культовой живописи дворца-храма Топраккалы выделяется изображение женской фигуры с красной нитью в руке. Персонаж, названный Ю. А. Рапопортом «пряхой», изображен в траурной сцене оплакивания над саркофагом с усопшим. Автор справедливо истолковал этот образ в качестве богини — вершительницы человеческих судеб, аналогичной греческим Мойрам (Рапопорт Ю. А., 1984. С. 167, сл.). Несомненно, этот образ связан с местным мифологическим сюжетом, существовавшим независимо от греческой и римской традиций. Это косвенно подтверждается и тем, что ткацкие пряслица были типичным подношением погребальных комплексов Средней Азии, начиная с эпохи бронзы (Мандельштам А. М., 1968, С. 16; Аскарлов А. А., 1977. С. 189). В античное время они в качестве сопровождающего погребального инвентаря исчезли в Бактрии (Мандельштам А. М., 1975. С. 50), но весьма часты в могильниках сарматов и северных районов Средней Азии, по ним дана исчерпывающая сводка Б. А. Литвинский (Литвинский Б. А., 1978, гл. IV). Пряслица в могилах имели не только утилитарное назначение, наверняка они были при этом и символическим подношением богине — «вершительнице судеб», той, чье изображение было открыто в сцене траура во дворце-храме Топраккалы.

Сцену на колонне храма позволяет понять древнетюркский мемориальный барельеф из Хуль-Асхета I в Монголии (Войтов В. Е., 1996, рис. 39, 67). Сюжет барельефа в виде триады: в центре каган Текеш с кубком в руке, по сторонам его сыновья Торгул и Йелгек, о чем сообщают надписи над фигурами. В руках у Торгула кувшин, у второго — предмет, совершенно аналогичный тому, что на колонне Еркургана — стержень с кругляшом в середине, т. е. веретено с пряжей. В данном случае в руках Торгула и Йелгека вотивные ритуальные подношения усопшему родителю, связанные с представлениями древних тюрок о загробном мире. Дополняют эту сцену в верхнем углу фигура орла, связанного с верхним миром, под ней фигурка козла — символ среднего мира. Нижнюю часть всей сцены окаймляет волнистый орнамент — возможно, намек на реку, отделявшую нижний загробный мир.

Если верна наша версия толкования сюжета барельефа из Хуль-Асхета, то фигуры на колонне храма Еркургана изображали адорантов с лилиями, венком и веретеном в руках, т. е. весь ансамбль символики потустороннего мира. Следовательно, в ритуале

поклонения богине Еркургана был довольно типичный набор вотивов, указывающий на ее связь не только с водной стихией, но и с судьбами загробного существования, что было характерно для религиозных представлений жителей Нахшаба V—VI вв.

В могилы древнего населения Средней Азии в качестве загробного подношения клались не только одни пряслица, но, возможно, и веретена с пряжей, которые просто не сохранились.

С подвесками ткацкого станка связана вторая операция текстильного ремесла — ткачество. Ригведа сохранила мифологический сюжет о божествах «кави», натягивавших семь нитей утка и основы, что по Атхарваведе (19. 8. 37—38) означало установление делений пространства и времени, т. е. акт космогонии (Лелеков Л. А., 1992. С. 248). Связь ткачества с актом космогонии сохранилась и у других индоевропейских народов.

Таким образом, ритуал подношения грузил ткацкого станка, выявленный на мавзолее Еркургана, связан с ведийской мифологической традицией. Находки грузил ткацкого станка в бесспорно ритуальном контексте не столь часты, как находки пряслиц, но отдельные находки их скоплений имеются, например, в юэчжийском храме цитадели Кампыртепа. Несколько грузил в культовом сосуде было найдено также в квадратном мавзолее Чирикраты (Лоховиц Б. А., 1963. С. 217, сл.).

Известные в этнографии оседлого населения Средней Азии патронессы прядения — «Девы-Сафед» и «Биби Панжшанба», «Биби-Расанда» — покровительница ткачей связаны с ткацким ремеслом. Вторник был посвящен «Биби-Сешанба», помогающей людям попасть в рай (Устаев Ш., 1989. С. 152; Брагинский И. Г., 1991. С. 47).

Эти «момо» — покровительницы прядения и ткачества, видимо, являются фольклорным воспоминанием о древних могущественных богинях судьбы.

Очевидно, в мифологических представлениях древних народов Средней Азии божества судьбы, иконографическая и функциональная символика которых была связана с ткачеством, должны были играть определенную, если не решающую роль в загробных судьбах при последующем воскрешении как отдельных людей, так и мира в целом, подобно Ариадне, выведшей с помощью волшебной нити Тезея из подземного лабиринта — символа загробного мира.

Сюжеты о космогонической роли женского рукоделия сохраняются в латинской литературе Италии до эпохи кризиса Римской империи в IV в. В этом отношении примечательна поэма Клавдиана «Похищение Прозерпины» («De rapta Proserpinae»). Согласно поэме, рукоделие Прозерпины, бо-

гини плодородия и осени, которым она занимается во дворце из слоновой кости, в подземном царстве своей матери Цереры — Богини земли, материнства и загробного мира, магически влияет на начало всех вещей на этом свете, через которое Прозерпина вносит гармонию и процветание в изначальный хаос этого мира (Голенищев-Кутузов Н. Н., 1972, С. 35). Практически к этой же поре относятся подношения грузил ткацкого станка и в мавзолее Еркурмана.

Дахма и мавзолей Еркурмана показывают, что Нахшаб имел свою самобытную линию эволюции погребальной зороастрийской архитектуры, видимо со своей трактовкой ритуальных погребальных предписаний обряда выставления, менявшихся в силу изменений этнополитической ситуации в Согде.

Дахма также представляла собой единый комплекс, где производилось очищение костей, их хранение и который имел специальную площадку для завершения обрядов всего ритуала погребального цикла, вероятно, связанного с барашномом — очищением служителей погребального культа. Это была эпоха сложения канонизированных впоследствии форм погребальной зороастрийской практики.

Косвенным аргументом соответствия конструкции дахмы Еркурмана зороастрийскому канону является расположение каменной выкладки для выставления трупов в юго-западном углу верхней площадки. В известном письме иранских зороастрийцев своим самаркандским единоверцам эпохи раннего средневековья отмечалось, что каменная выкладка для выставления должна находиться в западном углу дахмы. Предполагается наличие дахмы на специальной площадке западного угла науса Ялангуштепа (Ртвеладзе Э. В., 1983, С. 140). Совмещение функций дахмы и науса на одном сооружении предполагал в свое время и К. А. Иностранцев (1909, С. 120).

В Иране наиболее ранние захоронения очищенных костей относятся к послеахеменидскому времени (Дандамаев М. А., Лукин В. Г., 1980, С. 322). К IV—III вв. до н. э. относятся статуарные оссуарии Хорезма (Рапопорт Ю. А., 1971). Не исключено, что вообще дахм до этого времени как специальных сооружений для выставления трупов не существовало, так как известная зороастрийская погребальная практика и связанные с ней ритуалы изложены в Видевдате, сложение которого большинство исследователей относит ко II—I вв. до н.э.

Как показал краниологический анализ единственного пока сохранившегося черепа, найденного в корчаге на восточной площадке дахмы, его тип был характерен для саков Приаралья V—IV вв. до н.э. Этот тип, отличающийся матуризованным строением и лобно-затылочной деформацией, в III—II вв. до н.э. и позже, с падением Греко-Бактрии, про-

двигался через Согд на юго-восток до Бактрии (Ходжайов Т. К., 1981, С. 19). Поэтому допустимо предположение о сложении этого типа дахмы и соответствующего обряда захоронения на Еркурмане под влиянием населения Приаралья, где он появился раньше, хотя альтернативы местных корней сложения подобной практики это предположение не исключает. Но то, что Согд отпал от Греко-Бактрии задолго до ее падения под ударами саков и юэчжей, допустимо увязывать именно с продвижением этого населения из районов Приаралья, где ранее сложился обряд очищения костей.

Мавзолей же представляет собой следующее по времени и несколько иное воплощение канонизированного уже к тому времени погребального предписания Видевдаты.

Здесь в едином архитектурном комплексе совмещены не только помещения всего функционально-ритуального погребального авестийского цикла, начиная от временного хранения усопших в западном помещении, которое могло играть роль ката, но и хранения и дальнейшего ежегодного поминовения душ усопших, и проведения обрядов служения душам предков. Иначе говоря, здесь уже налицо основные элементы средневековых мавзолеев святых, состоявших из гур-ханы и зиарат-ханы.

Дальнейшая эволюция авестийской погребальной обрядности Нахшаба демонстрируется уже упомянутыми простыми ящичными оссуариями VI—VIII вв., найденными на P-15, P-16, P-17 и в других местах городища. Это были захоронения уже в пустующих жилых и других сооружениях заброшенного города и его руинах.

Еркурманские оссуарии того времени, в отличие от хорезмийских и самаркандских, имеют не пирамидальные, а плоские крышки. Дахмы же того времени на Еркурмане, где люди могли осуществлять обряд выставления трупов, мы не знаем. Возможно, башнеобразные дахмы в то время сменили обычные наземные сооружения, которые строились за городом, и где, как сообщают источники о Самарканде, содержали специальных собак для очистки костей.

Типологическое сравнение зданий дахмы, мавзолея и более позднего погребально-культового сооружения на P-15 Еркурмана показывает полное отсутствие их архитектурной преемственности, в отличие от храмовой архитектуры Средней Азии. Причина, видимо, в династийно-родовой принадлежности погребальных сооружений, в отличие от храмовых комплексов, являвшихся, вероятно, государственной или, по крайней мере, общегородской структурой.

Есть основания полагать, что первоначально в обряде выставления умерших с последующим их терзанием преобладали

анимистические и тотемистические представления о круговороте жизни и бессмертии души (Антонова Е. В., 1990. С. 61, сл.). Терзание хищниками павших животных и оставленных усопших людей было естественным следствием смерти в условиях дикой природы, что находило отражение и в древнейших частях мифологии Востока, о чем свидетельствуют сюжеты на эту тему предметов торевтики (Раевский Д. С., 1958. С. 152—153; Кузьмина Е. Е., 1984; Курочкин Г. Н., 1990).

В эпоху раннежелезного века в обряд выставления усопших стали внедряться идеи культа предков, сопровождавшиеся поклонением черепу, и местами ритуальной геронтофагией. Очищение костей связывается с идеей воскрешения (Церен Э., 1976. С. 213, сл.).

Затем, уже, видимо, во второй половине I тысячелетия до н. э., в результате сложения жреческой теософии и ритуальной догматики зороастрийской религии возобладали концепция запрета осквернения четырех священных стихий и страха перед трупом, как чем-то нечистым, с вытекающими отсюда гигиеническими, предохраняющими мерами. Тем не менее обряд терзания уже специальными собаками сохранился до ислама.

До раннего же средневековья существовало и особое отношение к черепу, о чем свидетельствуют коллективные погребения черепов эфталитского периода из кургана 55 близ Калканаты в Бухарском оазисе и погребения трех десятков черепов с такой же, как и на Калканате, кольцевой деформацией на городище Кавардан в Ташкентском оазисе (устное сообщение К. Алимова).

При этом в формировании зороастрийской обрядности, кажется, сыграла определенную роль и практика перезахоронения зимних погребений, обычная для степных племен эпохи бронзы, которые, обитая в условиях сурового климата с длительным зимним сезоном, практиковали повторные перезахоронения в почву своих усопших зимой родичей после потепления, таяния льдов и высыхания почвы. Они известны от Саяно-Алтая до Приуралья (Генинг В. Ф., 1977. С. 65; Грязнов М. П., 1979. С. 79).

Ответ пятого и восьмого фаргардов Видевдата на вопрос о том, как поступать с усопшим в зимний сезон, гласит, что их необходимо хранить в специальных сооружениях ката до тех пор, «пока не полетят птицы, пока не зацветут растения, пока не потекут скрытые воды и ветер не высушит землю» (Цит. по: Иностранцев К. А., 1909. С. 98, сл.).

Это положение (об окончательном захоронении усопших зимой с началом весны) в зоне степей фактически приходится на сезон Навруза, пору весеннего равноденствия,

обозначаемого в древневосточной и скифской символике сценой терзания хищником травоядного животного. Сам акт терзания с точки зрения переселения душ был рождением новой жизни в новом году. Таким образом, можно полагать, что это предписание Видевдата, живо перекликающееся с архаической практикой весеннего перезахоронения зимних погребений, уходит своими корнями в обычаи племен северной степной зоны Центральной Азии.

Важную роль в формировании теософских основ обряда выставления играли и представления о важности сохранения костей при последующем возрождении человека (Антонова Е. В., 1990. С. 96, сл.). Уже отмечалось о связи этих календарных празднеств и ритуалов культа предков с греческими Анфестериями и весенними празднествами других народов (Рапопорт Ю. А., 1971. С. 115).

На основе всех перечисленных обычаев и связанных с ними обрядов, уходящих корнями в первобытность, происходили постепенное формирование и канонизация специфически туранского варианта авестийского обряда погребения, для которого, в отличие от зороастрийского Ирана, характерно более жесткое соответствие основным предписаниям мемориального ритуала в материальной части, но это сопровождалось и существенными отличиями в литургии, глубоко чуждыми духу учения Зороастра, как широко практиковавшееся оплакивание покойника, культ душ предков-фравашей и важная роль богини Наны, как посредницы между двумя мирами при переходе из мира сего в потустороннее вечное существование, что отмечалось уже Ю. А. Рапопортом и Ф. Грене. Их обобщения в значительной мере позволили сблизить и выявить отношения канонических предписаний процесса перехода людей в мир иной с каждодневной погребальной практикой жителей Средней Азии эпохи древности и раннего средневековья (Рапопорт Ю. А., 1971; Grenet F., 1984. P. 214, 242, 264, 275, сл.).

В принципе, датируя дахму практически тем же временем, что и кодификацию текстов «Авесты» при Аршакидах (Herzfeld E., 1947, P. 755, сл.; Рапопорт Ю. А., 1971. С. 16), получим, что ритуал, зафиксированный в Видевдате, соответствует обряду, осуществлявшемуся при погребении правителей Еркургана из династии дахов, родственных Аршакидам.

Все более ранние погребения: череп в корчаге ахеменидского времени на Тиллятепе, погребения IV—III—II вв. до н. э. в Приаралье видимо были осуществлением зороастрийского обряда выставления до его кодификации и основаны больше на обычаях и предании. С I вв. н. э. начали преобладать погребения в сосудах и ящичные оссуарии.

Однако не только о божественном покровителе Нахшаба первых веков до нашей эры, но и о пантеоне Согдианы той поры, не говоря уже об особенностях мифологии и представлениях жителей Согды о жизни и смерти, а также связанных с ними погребальных обычаях у нас нет сведений, кроме упомянутого выше археологического материала.

Видимо, этот зороастрийский погребальный обряд оазисов Средней Азии в виде захоронения черепа с отдельными костями тела сложился в результате двух различных погребальных традиций:

1. Древнего выставления усопших в отдельных местах с последующим терзанием их останков хищными животными, при этом кости оставались на месте, так как древние авторы, упоминавшие об этом обряде погребения у персов и других ираноязычных народов, не отмечают случаев хранения очищенных костей;

2. Степной обычай культа черепа, отмеченный для исседонов и других кочевых племен, где череп специально хранится. На роль этой традиции в сложении оссуарного обряда погребения уже указывалось (Раппорт Ю. А., 1971. С. 36; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1983. С. 98, сл.).

В целом развитие обряда выставления и хранения костных останков в сосудах и специальных оссуариях было специфическим погребальным обрядом, зародившимся в оседлой урбанизированной среде населения Средней Азии, находившегося в тесном контакте с соседними скотоводческими народами, практиковавшими в разных формах фетишизацию праха и костных останков своих предков. В дальнейшем, по мере активных контактов племен и народов, сопровождавшихся периодическими миграциями и культурными инновациями, в процессе канонизации зороастрийской обрядности произошло проникновение и закрепление в канонических текстах погребальных предписаний именно бактрийского варианта погребальной практики выставления без использования сосудов или оссуариев.

Наиболее ранние погребения очищенных костей, как отмечалось, датируются в древнем Хорезме концом V—началом IV в. до н.э. Но в последнее время синхронные погребения очищенных костей были найдены также в Бактрии и Согде. В Бактрии это упомянутое погребение отдельного черепа в цилиндрическом сосуде VI в. до н.э. в оплыве на руинах храма Тиллятепе близ Шибегана (Сарианиди В. И., 1989б. С. 38). В Согде это погребения человеческих черепов совместно с костями собак в развалинах крупных гончарных печей на поселении гончаров IV—III вв. до н.э. в пригороде Самарканда. Погребения датированы III в. до н.э. (Иванский И. Д., 1992 а. С. 55, сл.).

Таким образом, в целом эволюция отношения к костным останкам в процессе сложения обряда погребения очищенных костей оазисов Средней Азии выглядит следующим образом:

1. Эпоха поздней бронзы. Погребения очищенных костей всего костяка или почти всех костей в могиле (могильник Бустан);

2. Раннежелезный век, вплоть до III в. до н.э. Погребения черепов в ямах, в корчаге или в использованной гончарной печи на цитадели Джаркутана, в поселении Чуст, на Тиллятепе и пригороде Самарканда.

Но, судя по малочисленности находок костных останков той поры, кости, видимо, чаще оставались на месте выставления в безлюдных местах. Хотя по сообщению, восходящему к Онесикриту, кости оседлого населения Бактрии должны были храниться в пределах поселений;

3. От эллинизма до ислама хоронили очищенные кости в оссуариях в типичном наборе: череп в сопровождении двух-трех ребер, трубчатых костей, иногда несколько позвонков. В наусах Бактрии набор костей более разнообразен. При таком «условном» хранении костных останков своих предков большая часть костяка оставалась на месте очищения — дахме, особенно это касается мелких костей, что подтверждается находками зубов и фаланг пальцев между камнями юго-западной выкладки на верхней площадке дахмы Еркургана.

Вместе с этим, безусловно, претерпевали изменения и ритуалы погребального обряда, а также их теософская трактовка.

На погребальных комплексах Кангагыркалы, Куняуза в Хорезме, на ритуальном погребении у входа в комплекс Сеталак I и в кургане 55 Калканаты в Бухарском оазисе, где очищенные кости уложены на ритуальное золотое, на погребальном сооружении на Р-15 городища Еркурган оссуарии сопровождают целый набор круглых и прямоугольных алтарей огня, и в более поздних наусах, включенных в структуры раннесредневековых замковых комплексов Хорезма и Чача (Неразник Е. Е., 1966. С. 85, сл.; Филанович М. И., 1987. С. 155) погребальный обряд представляет собой результат контаминации дэвовских древних традиций погребального огня с зороастрийским ритуалом очищения костей. Севернее, в погребениях Семиречья и каунчинской культуры, огонь, зола и пепел сопровождали уже труположение (Мерциев М. С. 1970; ДЧ. С. 249).

Иную форму пережитка архаической незороастрийской погребальной практики можно усмотреть и в погребальных обычаях Аршакидов, когда вместе с усопшим царем хоронились и его жены. Этот обряд выявлен и в сакском некрополе Тиллятепе (Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1986). Это в иной

форме вновь находит параллели в ведийской традиции, когда жена восходит на погребальный костер мужа.

В зороастрийской погребальной практике при усопшем также сразу разжигался огонь на расстоянии не ближе трех шагов от мертвеца, но это имело лишь очистительную функцию для удаления демонов, стремившихся заполучить душу умершего во владение Ахримана. Здесь этот пережиток древнейшего общендоевропейского ритуала имел совершенно новое содержание соответственно доктрине зороастрийской теософии (Grenet F., 1984. P. 3,8; ИИР. С. 212).

Практика видимо сочетала обряды, восходившие истоками к различным и несоместимым теософским доктринам. И все же зороастрийский обряд выставления практически победил, получив всеобщее распространение в оседлой, урбанизированной среде оазисов Средней Азии, хотя смысл архаического обряда вознесения в небо посредством пламени погребального костра полностью вытеснен не был. В данном случае мы, вероятно, имеем компромиссный вариант двух постоянно взаимодействовавших на почве Средней Азии традиций. Погребальный костер символически сопровождал уже очищенные кости, которые, согласно зороастрийскому канону, считались сакрально чистыми и не могли осквернить божественно-чистой стихии огня. И, тем не менее, позже борец против власти ислама — Муканна, осознав безнадежность своего положения на этом свете, согласно источникам, кончил свою жизнь, бросившись в пламя специально разожженной печи в своем последнем убежище-крепости Сина, что подчеркивает живучесть архаических представлений о роли кремации.

Обряда погребения очищенных костей придерживались часто и несториане Средней Азии (Grenet F., 1984. P. 256). Более того, как показывают последние находки в Мерве и на комплексе Каратепе в Термезе, обряда очищения костей продолжали придерживаться и адепты буддизма из среды населения Мерва и Бактрии (Grenet F., 1984. P. 266; Staviskij B. Ja., 1987. P. 50, pl. XXVIII, fig. 4). Местами накануне эпохи ислама выставление сочеталось с ингумацией (Мирбабаев А. К., 1977).

РЕЗЮМЕ

В заключение анализа развития культов, мифологических сюжетов и образов Согда на фоне общих этнокультурных процессов Средней Азии подчеркнем основные моменты эволюции и особенности идеологии Согда.

Развитие идеологии шло соответственно периодам этнополитических стадий истории

всего региона. Эпоха поздней бронзы характеризовалась взаимодействием трех основных культовых традиций: протомитраистской с господством обряда возлияния хаомы в Маргiane, протоавестийской с господством культа огня в Бактрии и индоарийской или протоведийской в районах проживания пастушеских племен к северу и востоку от Согда, для которых был характерен культ погребального огня. При этом, видимо, сыграли свою роль и традиционные культурные связи Средней Азии и цивилизации долины Инда, начиная с эпохи энеолита и бронзы (Массон В. М., 1964; Щетенко А. Я., 1970; Масимов И. С., 1986. С. 180).

В эпоху раннежелезного века, со сложением археологического комплекса культур крашеной керамики стали появляться крытые храмы типа Тиллятепе или домашние святилища, как в комплексе Кучуктепа, связанные с культом огня. В погребальной практике населения оазисов был распространен обряд выставления, но сакское население Приаралья кремировало усопших. На этой базе мифологических циклов Средней Азии, вероятнее всего в Согдиане, стала складываться концепция учения Зороастра, которое затем уже из Бактрии, где оно получило признание, распространилось на юго-запад и запад и оказало влияние как на древнегреческую философию, так и на ветхозаветный иудаизм. Благодаря распространению этого учения, к середине I тысячелетия до н.э. в передовых районах Ближнего Востока и Средиземноморья возникло представление об особой роли Бактрии в истории и культуре древней Азии.

В оседлых оазисах бассейна Амударьи, включая Согд, античная эпоха развития культов и мифологии Средней Азии представлена краткой, но яркой фазой эллинизма, которую с падением Греко-Бактрийского царства сменила эпоха правления местных династий сако-юэчжийского происхождения. Дахма Еркургана, следы погребального обряда которой нашли свое истолкование в известных предписаниях Видевдата и этнографии парсов, указывают на наличие во II—I вв. до н. э. в Нахшабе близких, если не идентичных зороастрийским представлений о погребальных ритуалах.

Сложившиеся в период первых веков до нашей эры типология культовых комплексов, монументальное искусство, особенности культовых церемоний и инвентаря, производство культовых терракотовых статуэток сохранялись, постепенно эволюционируя, до эпохи ислама. Здесь в процессы взаимодействия и синкретизма согдийской, сакской и греческой мифологии стали вклиниваться отдельные ближневосточные сюжеты и персонажи, как, например, Нана.

Возвращаясь к теме сакральности цар-

ской власти, уже исследованной по материалам Средней Азии и скифо-сарматского мира (Толстов С. П., 1948. С. 317, сл.; Раевский Д. С., 1977. С. 161, сл.), остановимся на роли идеи священного брака, предполагаемой нами в мифологических представлениях населения Нахшаба первой половины I тысячелетия н. э. Согласно этой модели. взаимосвязи социума с высшими силами, подробно проанализированной Л. Я. Штернбергом и названной им «избранничеством» (Штернберг Л. Я., 1936. С. 140—178), царь—представитель светской власти одновременно является верховным жрецом и ритуальным паредром богини, покровительницы страны и легитимной власти. Здесь, по Демюзилю, в лице царя-жреца слиты первая — идеологическая и вторая — воинская функции индоевропейской структуры общества. Из сакральной природы царской власти и его личности, согласно мифологическому мышлению, вытекала гармоническая взаимосвязь явлений космических, природных с жизнедеятельностью и благополучием социума. В данном случае мифологическое мировосприятие стало обретать логическое завершение в непосредственной причастности общества к общемировой драме бытия через своего царя, мистического супруга богини. В данном случае логика мифа отличалась от сценария зороастрийской доктрины, согласно которой каждый индивид сам по себе и согласно своей воле свободен влиять на конечный исход бытия и победу добра над злом.

Эта древневосточная и скифо-сарматская традиция власти архаических царей-жрецов в Согде первой половины I тысячелетия н. э. видимо периодически подвергалась влияниям зороастрийской концепции власти и долга отдельной личности в этом мире.

Судя по всему комплексу данных, в IV—VII вв. в отличие от Нахшаба, для самаркандского Согда основным объектом почитания и покровительницей городов была Нана-Спандармат. В Бухарском оазисе же, судя по материалам монументального искусства и монетному чекану, особым почитанием пользовались образы верблюда и божества на троне с протомами верблюда, что можно истолковать как преобладание культа Веретрагны, одним из основных воплощений которого, согласно Бахрам-яшта, и был верблюд.

Важно в этом отношении и указание раннесредневековых китайских хроник о том, что троны правителей Средней Азии имели облик различных животных. Так, отмечая, что у правителей Бухары трон был в виде верблюда, у правителей Цао (Осрушана. Иштыхан, Кобадчан — в виде золотого коня, у владетелей Гуйцы (Куча) — в «виде золотого льва», источник указывает, что правители Хэ (Купания), Бохань и Унагэ (Мерв) имели трон в виде золотого барана (цит. по: Пугачен-

кова Г. А., 1990). Хотя Г. А. Пугаченкова систематизировав эти сведения, указывает, что сцены монументальной живописи той поры в свете сообщения источника изображали, вероятно, не божества, а царские персонажи, восседающие на этих тронах, это не умаляет значение того, что все отмеченные животные являлись символическими спутниками различных божеств среднеазиатского пантеона эфталито-тюркской эпохи — традиционных покровителей той или иной страны и правившей в ней династии.

Так, лев был животным Наны, и известно о почитании ее в Восточном Туркестане (Azagra G., 1981. P. 131, сл.). Попутно добавим, что лев и львиный престол — типичный элемент живописи Пянджикента, «госпожой» которого тоже была Нана. Верблюд в Бухаре был одним из главных воплощений Веретрагны. Конь связан с самим Митрой. Баран, почитавшийся в Мерве, связан с Аши-Артой.

Возможно, культам Веретрагны и Аши был посвящен храм Пайкенда, где в двух смежных помещениях находилось два тумбообразных алтаря огня, и в строительном горизонте храма рубежа нашей эры обнаружен меч-символ Веретрагны—Бахрама (Семенов Г., 1995).

Говорить о сложении своего религиозного учения или распространении в Согде канонизированного при Сасанидах зороастризма не приходится. Были, видимо, довольно аморфные, но богатые мифологические традиции и культы отдельных божеств и почитавшихся предков. Все это при очень близком соответствии обряда погребения тем, что рекомендует Видевдат. Структура и квазиисторическая логика мифа были оснащены, помимо понятия высших сил, еще представлениями о духах, девах, душах предков, оборотничестве—аватарах—инкарнациях и Фарне-судьбе. Мифологическое сознание человека не только приписывало неживому миру и божествам человеческие свойства, но и сам человек становился участником и исполнителем процессов и явлений не только реального, но и потустороннего мира как в небесной, так и в хтонической его сферах. При этом персонажи земные и потусторонние оказывались связанными родственными отношениями. Циклизация и логическая систематизация мифов приводили к появлению различных религиозных традиций, где создавались пантеоны со своей иерархией и специализацией персонажей.

При этом наиболее выдающиеся авторы этих новых мифологических концептуальных систем, как Зороастр и Будда, сами со временем оказались в иерархическом пантеоне сверхъестественных персонажей, а в случае царского культа правитель посредством мистических брачных отношений приобщался к пантеону божеств, обеспечивая, тем самым, процветание стране.

При этнокультурных инновациях смешение разных мифологических систем, благодаря символизму и диффузности мифологического мышления, когда внешнее сходство воспринималось как тождество, а смежное считалось родственным, приводило к синкретизму и взаимной ассимиляции, выработке обобщенной мифологии, чаще одна из них, основная, обогащалась положениями и достижениями другой, будь то богословские спекуляции, театрализованные обряды или художественная иконография.

Мифологическая модель мира, при всей фантастичности механики взаимодействия естественных и сверхъестественных миров и персонажей, их населявших, при отсутствии более поздних абстрактно-обобщенных понятий, отражала, хотя во многом искаженно, противоречиво, суть основной закономерности эволюции, что четко выражено в несравненном по своей емкости буддийском афоризме «прошлое в глубине настоящего, будущее в расширении настоящего». Диахронный процесс прошлого как логическое обоснование настоящего состояния и предсказания явлений будущего был осознан именно на стадии мифологического развития духовной культуры человека. Этот этиологизм мифологического мышления явился исходной базой дальнейшего формирования научной логики и методологии исследования каузальных взаимосвязей конкретной действительности будущего естествознания и философии материализма.

При всей противоречивости в деталях каждая мифологическая система достигала в процессе развития логической цельности основных своих разделов. Гаты и традиционная дуалистическая система мидийских и аршакидских магов, зурванистский уклон теологических спекуляций сасанидских мбедов и культы Согда представляли собой разные версии строительства логической религиозной системы на общей почве индоарийского и авестийского мифологического наследия, что в разной степени и разных формах вошло в дошедшие до нас части «Авесты», пехлевские тексты, раннесредневековый эпос Ирана и Турана и сохранилось в обрядах современных парсов, фольклоре и реликтовых пережитках в быту и идеологии населения Средней Азии этнографического времени.

В процессе контаминации мифологических сюжетов и выделения мифологических тем кочевой и земледельческой аристократии племен и народов Средней Азии развивались генеалогические мифы, связывавшие происхождение правивших родов с обожествленными героями древности, такими, как Сиявуш—один из последних кеянидов, Афрасиаб—легендарный правитель Турана и др. При этом обосновывалась сакральность царской власти, а светским правителем узурпировалась и идеологическая власть.

В районах, где традиционно было сильно жреческое сословие (Иран), при кодификации и систематизации древнеиранской мифологии возобладали иные версии и концепции. Там владыка мира, первожрец-Зороастр, а духовная власть преобладала над светской. Ахемениды же, вероятно, сами считали себя посредниками между Ахурамаздой и своими подданными. В парфянское и сасанидское время усилилась тенденция слияния двух ветвей власти в лице монарха.

Северная степная зона Средней Азии оставалась оплотом архаических культов природных стихий и женских божеств с пережитками общинноевропейских элементов в ритуальных обрядах.

В хионитское время с массовой инвазией каунчинской и джетыясарской культур в Согде, Хорезме, Чаче и Фергане распространились культовые архитектурные комплексы с центрической крестовидной символикой планировки, связанные с мемориальным культом и обрядом возжигания огня. Аналогичные и синхронные процессы глубоких изменений в религиозной жизни отмечены и в государстве Кушан (Лелеков Л. А., 1981). В VI в. н. э., видимо, в связи с падением державы эфталитов, на храме Еркургана скульптура божества в нише сменилась прямоугольным кирпичным алтарем огня. В VII—VIII вв. после крушения государства эфталитов в согдийской урбанизированной среде наблюдается возрождение книжного зороастризма, что достаточно полно иллюстрируют культовая живопись и барельефы керамических оссуариев Согда и согдийских колоний предарабской поры.

Многочисленные культовые сцены настенной живописи раннесредневекового Пянджикента и Шахристана позволяют выявить особенности структурирования согдийского пантеона на последних стадиях его развития. В частности, выясняется группировка основных мужских и женских божеств супружескими парами, Веретрагны или Хварно с Аши и Наны с Митрой-Вешпаркар (Беленицкий А. М., Маршак Б. И., 1976. С. 78, сл.; Шкода В. Г., 1977. С. 158; Его же, 1990; Негматов Н. Н., 1977. С. 152; Его же, 1984. С. 151, сл.; Грене Ф., 1992. С. 42—43). Объединение божеств в устойчивые супружеские пары было характерно и для ведийского пантеона.

Согласно В. Зундерману, одна из эманаций Митры носила имя «мучитель дево» (цит. по: Бивар А. Д. Х., 1991. С. 566), и, соответственно, в живописи дворца афшинов Калаи-Кахкаха трехликий Митра-Вешпаркар сражается с сонмищем дево (Негматов Н. Н., 1984. С. 151. сл.). В отличие от зороастрийского пантеона, где Митра—один из язатов, в пантеоне раннесредневекового Согда он Бага и, возможно, Адбаг.

В Согде, в силу отсутствия единого центра-

лизованного государства, в каждой области процветали культы божеств — покровителей отдельных оазисов и городов. Народные культы, отраженные в домашних святилищах и молельнях, часто были связаны с покровителями отдельных профессий. Более того, в самом Еркургане городской храм на Р-1 в. х., представлявший собой широко открытый к солнцу, украшенный живописью айван с фигурой речной богини в святилище напротив открытого входа, и изолированный в глубине дворца династийный храм самих правителей Нахшаба со святилищем, наглухо закрытым от дневного света двумя рядами узких коридоров, лишенный декора, с очажным пятном в центре святилища, красноречиво свидетельствует о глубоких отличиях культов городской и династийной святынь Нахшаба III—IV вв. Храм дворца Еркургана отвечал как духу иконоклазма, так и господству культа огня, отличавшего канонизированный зороастризм, в то время как городской храм Нахшаба с женской богиней и ее девовской атрибутикой продолжал древние традиции культа, уходившего в глубины общендоевропейской мифологии.

Замечание Беруни о том, что обряд хорезмийского календарного праздника «Ночь Мины» не был связан с делами их веры (Цит. по: Рапопорт Ю. А., 1992. С. 25), указывает на то, что в домусульманской Средней Азии вполне осознавалось различие между официальной религией и народными культами, которые, видимо, и были той почвой, которая хранила реликтовые сюжеты и циклы индоарийского и общендоевропейского мифологического наследия.

Для пантеона эллинистического кушанского и раннесредневекового периодов Бактрии и Согда характерно преобладание божеств авестийской традиции, но не систематизированного по зороастрийскому образцу. Ахура-Мазда, Анахита, Амеша-спенты почти неизвестны. Неизвестны также находки прутьев барсома и нет их изображений.

В развитии пантеона божеств древней Средней Азии на всем протяжении древности можно наблюдать преобладание автохтонизма. Храмы Тахти-Сангина и Ай-Ханум показывают, что греческие колонисты даже в новых городах, построенных ими самими, поклонялись местным божествам. Культы главных божеств Бактрии Вахша и Митры, вероятно, занимали центральное положение в упомянутых городах.

О главном персонаже в храме с нишами на Ай-Ханум наиболее приемлемой кажется гипотеза Ф. Грене о том, что он был посвящен культу Митры, специфические жертвоприношения, обнаруженные в платформе этого храма, вполне могли быть связаны с ритуалом поклонения хтонической ипостаси Митры в роли Хшатрапати-Сераписа (Бивар А. Д. Х.,

1991). Хотя полностью исключить и предложение К. Абдуллаева, указывавшего на невозможность десакрализации храма после падения города в случае посвящения его Митре, и о том, что этот храм мог быть посвящен культу обожествленного царя, что было характерно для эпохи эллинизма, у нас тоже нет оснований (Абдуллаев К., 1994). Но здесь следует учесть, что этот храм был, видимо, одним из самых ранних сооружений в городе, когда царский культ еще не сложился в своих окончательных формах, в частности, нам неизвестно о строительстве храмов в честь культа самого Александра.

Постоянно отмечаемые нами на протяжении всей древности живучие пережитки индоарийской мифологической и культовой традиции проявляют многое в тех особенностях так называемого среднеазиатского зороастризма, которые казались непонятными в свете тех сведений, которые вытекали из географии, рисуемой Микр-яштом и первым фаргардом Видевдата, а также традиции, которая отводила особую роль в становлении зороастризма Бактрии и Хорезму. Исходная родина учения, казалось бы, должна была хранить в наиболее чистом виде традиции, зафиксированные в писании. Но если учесть, что само становление канона в том виде, как он дошел до нас, было само по себе длительным историческим процессом, и окончательное формирование его протекало уже в самом Иране, становится понятна девовская традиция античного Согда, к тому же Авеста, как и более поздние пехлевийские тексты, дошли до нас в своих наиболее поздних вариантах, отражающих состояние зороастрийского вероучения сасанидского Ирана эпохи раннего средневековья. Оазисы же Средней Азии и их идеологическая жизнь с рубежа нашей эры развивались под эгидой династий, вышедших из среды степных сакских, а затем хионитских племен — носителей архаических мифологических сюжетов и связанных с ними культов.

Для обряда погребения характерно развитие оссуарного обряда, отличавшегося рядом своих признаков от погребальных ритуалов, известных в самом Иране.

Назвать рассмотренные культы и мифологические обряды Согда и большей части Средней Азии каким-либо вариантом или толкованием доктрины Зороастра мы не имеем пока оснований. Приходится констатировать мозаику генетически близких культов с общим пантеоном большинства мифологических персонажей, сходными культовыми и погребальными ритуалами, а также общими космогоническими и эсхатологическими представлениями. Налицо общность рассмотренных культов и мифологических сюжетов с тем мифологическим и культовым базисом Авесты, на котором, а зачастую, и в противовес которому,

была сформирована морально-этическая доктрина самого пророка и его последователей.

О преобладании зороастризма, общего с Ираном, для Согда и всей Средней Азии, видимо, можно говорить лишь для эпохи вхождения этого региона в государство Ахеменидов и о времени перед арабским нашествием, когда гонимое в Иране зороастрийское жречество нашло приют в еще свободных от религиозной политики Халифата базисах древнего Турана. Но внешняя материальная атрибутика согдийских культов продолжала резко отличаться от проявлений сасанидского зороастризма и в то время (Маршак Б. И., 1989; Шкода В. Г., 1989). Для остальных же периодов идеологическим содержанием древних культов Согдианы возможно полагать развитие упомянутой Авестой деваясны, что уже отмечалось (Henning W. B., 1965; Лелеков Л. А., 1992а, С. 148).

На это же указывает и раннесредневековая ономастика правителей Согда и Уструшаны: Девастич, Девдат, Девдаст.

При этом идеологию и культы Ирана и Турана объединяли единые мифологические циклы, близкие погребальные обряды, важная роль культа предков и общие судьбы исторического прошлого.

Отличительными признаками деваясны Согда в материальном реквизите были культ огня в архаической его трактовке, восходящей, видимо, к общендоевропейскому прошлому (Арутюнян Р. С., 1992. С. 125, сл.), и оссуарный обряд погребения.

Сообщение Лукиана Самосатского о роли магов, монополизирующих культовую практику у большинства племен и народов Центральной Азии и Ирана (цит. по: Рапопорт Ю. А., 1991. С. 1—2), многое объясняет в однообразии аксессуаров культовых ритуалов древней Средней Азии, где, видимо, была общая бытовая и храмовая культово-ритуальная и мифологическая традиция магов, на базе которой и сложилось учение Зороастра в качестве опыта рациональной философии, подобно учению Будды, выросшему из философских

зачатков ведийской религиозно-мифологической традиции. При этом для обозначения явлений культово-мифологического содержания древней Средней Азии, находящих свои эквиваленты или истолкования в «Авесте» и этнографической практике парсов, мы предпочитаем употребление словосочетания «авестийская традиция», в отличие от часто используемого термина «маздензм», понимая под этим широкий круг мифологических сюжетов и культов, общих с зороастризмом до эпохи Сасанидов, структурированных согласно концепции дуализма.

В сасанидское время Средняя Азия оставалась в стороне от дальнейшего развития концептуальных основ зороастрийской теософии Ирана. В Нахшабе III—VI вв. под властью хионитов и эфталитов развивался один из многочисленных вариантов деваясны, под чем, в данном случае, мы понимаем сохранившиеся за пределами канонизированного сасанидского жреческого зороастризма синхронные ему архаические древнеарийские культы, состоявшие как из сюжетов и ритуалов, вошедших в канонизированное зороастрийское вероучение, так и отвергнутых им, что было представлено в Нахшабе культом речной богини, сохранившей своих древних символических спутников в виде представителей водной фауны и эллинистического Спелена. Все это еще включало и живучие реликты индоарийской архаической традиции, особенно в мемориальном культе, хранителем которых являлись степные племена. Видимо, в силу перечисленных причин раннесредневековый Бахман-яшт согдийцев, хионитов, эфталитов и тюрок относит к поклонникам девов.

Что касается чтения легенды монет Нахшаба IV—VI вв., которую Э. Друэн сто лет назад читал как *Bohmazdai—Vohumazdai*—Добрый маздец, она была отвергнута, хотя предложенные В. А. Лившицем и О. И. Смирновой варианты дешифровки тоже не являются общепринятыми (Массон М. Е., 1977б. С. 132—133).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку в нашей работе развитие социально-поселенческих структур, урбанизации, архитектуры и основных комплексов артефактов древнего Нахшаба были рассмотрены в отдельности, в заключение представим краткий синтез общей картины процесса культурогенеза этого согдийского оазиса в пределах крупных эпохальных интервалов.

Древнесогдийская эпоха. Это период завершения сложения раннесогдийского этнонима и топонима и перехода от племенных отношений к государственности. Как выясняется, в результате довольно широкого распространения в долине Кашкадарьи племен культуры раннежелезного века, возникновения значительных селитебных структур мелкооазисного характера, выявленных в основном по районам южных протоков бассейна Кашкадарьи работами А. С. Сагдуллаева, была подготовлена демографическая и социально-экономическая основа сложения первых городов в южном Согде. Одно из наиболее крупных раннегородских поселений VIII—VII вв. до н. э. было на месте Еркургана. Город окружали стены, которые не сохранились.

VI в. до н. э. был временем расширения площади первого крупного города на месте Еркургана. Новые стены города были еще относительно тонкими, около 3 м у основания, но не менее 8 м в высоту. О наличии башен нам пока не известно, не выявлены пока и остатки цитадели. Возможно, ее и не было, как на древних городищах Хорезма той поры.

В центре города находилось культовое сооружение, от которого под более поздними храмовыми сооружениями сохранилась платформа почти 2 м в высоту. К юго-востоку за городской стеной начала развиваться обработка железа.

Как показало изучение небольшого поселения Караултепа на юго-западной периферии Каршинского оазиса, центральному городу сопутствовали поселения и усадьбы, его земельные филиалы или фермы, имевшие зерноводческую специализацию.

В соседнем Гузарском оазисе, судя по подъемным материалам, тоже были, видимо, такие же мелкие поселения.

Для комплекса керамики середины I тысячелетия до н. э. характерно господство известной по всем древним оазисам Центральной Азии VI—IV вв. цилиндрико-конической керамики, типология которой в силу активных взаимоотношений с Ираном в составе государства Ахеменидов испытывала некоторые инновации элементов керамики центральных районов Ирана.

Эллинистическая эпоха. Эпоха после Александра Македонского, столь круто изменившего судьбы народов и процессы развития культуры во всех основных очагах древней цивилизации Ближнего и Среднего Востока, характеризовалась рядом принципиальных новшеств, многие из которых, медленно трансформируясь, сохранялись в Нахшабе вплоть до эпохи начала раннего средневековья.

Для поселенческой структуры оазиса той поры характерно появление по периферии оазиса цепочки подквадратных в плане дочерних городов, вокруг которых со временем начали складываться свои селитебные массивы типа сельских усадеб. Поселенческая структура стала обретать трехступенчатый иерархический характер. Один из городков этого типа, Киндиклитепа, раскопанный М. Х. Хасановым, показывает, что они в период своего появления носили сугубо крепостной характер.

Фортификационные сооружения главного города оазиса на Еркургане резко усилились, они стали наращиваться в толщину, обретать внутрстенную стрелковую галерею и снабжаться по фасаду частными, слабо выступающими, как на Ай-Ханум, прямоугольными башнями.

Коренным образом перестроился храм в центре города, в результате чего новая глиняная платформа стала перекрывать прежнюю. Поверх новой платформы храма того времени был получен значительный комплекс керамики

эллинистического периода, стратиграфически подразделенный на отдельные хронологические этапы.

Можно полагать, что в самом начале эллинистической эпохи на Еркургане было возведено крупное монументальное здание с колоннадой, о чем свидетельствуют находки баз колонн в переотложенном состоянии на Р-2 и во вторичном использовании в городском храме. Они ахеменидского типа в виде плоского тора около 0,5 м в диаметре с квадратными плинтами двух разновидностей. В одном случае профиль двухступенчатый, во втором — верхняя часть имеет профиль широкой усеченной пирамиды. Изготовлены они из серого качественного мрамора и более мягкого известняка. Базы колонн аналогичного ордера из храма Окса И. Р. Пичикян датирует концом IV — началом III в. до н.э. Позже на Ай-Ханум тор стал вытесываться в едином монолите с квадратным плинтом (Пичикян И. Р. 1991. С. 148). Однако каменных стволов этих баз колонн или каменных капителей на Еркургане пока не было найдено, если не считать очень маленького обломка высеченной из белого известняка листы аканта, найденного на уровне пола айвана мавзолея III в. н.э. на Р-4, на этом сооружении от их баз сохранились лишь два углубления от колонн, поддерживавших кровлю.

Эпоха вхождения Согда в объединение Кангюй. Судя по совокупности сведений, где-то с конца правления Евкратиды, задолго до падения Греко-Бактрийского государства, Согд перешел во владения кочевых народов, продвигавшихся из бассейна Сырдарьи и Приаралья на юг, последовательно захватывая земли, ранее принадлежавшие Селевкидам и царям Греко-Бактрии.

Единственное свидетельство письменных источников о той эпохе, которое с определенной долей вероятности можно связать с оазисом Нахшаба, это сообщение о захвате на Востоке парфянами Аспиона, который К. Абдуллаев считает возможным идентифицировать с более поздним Казбином (Каспи) — крупным городищем на крайнем северо-западе оазиса.

Структура оазиса в то время была насыщена новыми укрепленными городками крепостного типа и усадьбами. Но главное событие той поры в оазисе — появление крупного городища крепостного типа Калаи Захоки Марон, игравшего роль противовеса эллинизированному Еркургану, и, возможно, бывшего центром всего Согда и Бактрии к северу от Амударьи во II—I вв. до н.э.

На Еркургане к тому периоду относятся дахма, а также небольшое монументальное сооружение рубежа новой эры, примыкавшее изнутри к восточному фасаду внешней стены Еркургана, которое, к сожалению, очень плохо сохранилось (Р-24) и где были получены образцы самой древней в Согдиане на-

стенной полихромной росписи орнаментального характера. Это здание, примыкавшее к восточному фасу внешней стены Еркургана, позволяет допустить, что в основе внешняя стена города первоначально была возведена во II—I вв. до н.э., хотя при раскопках, проведенных ранее, из внутрстенных коридоров, сохранившихся по гребню внешней стены, были получены материалы лишь IV—VI вв. н.э. (Туребеков М., 1990. С. 36—38).

К этому же периоду относится сложение квартала керамистов вдоль восточного фаса городской стены.

Керамический комплекс той эпохи характеризуется распространением колоколовидных бокалов. Широко вошли в быт как горожан, так и сельских жителей терракотовые статуэтки богинь, восходящие в основном к эллинизированным прототипам.

В это время как комплексы керамики, так и коропластика Нахшаба стали обретать ряд признаков, определяющих индивидуальный облик его культуры, в отличие от сопредельных районов Согда, Мерва и Бактрии.

С III в. н.э. в истории Нахшаба начался новый период подъема урбанизации и культуры оазиса.

Наиболее ранней находкой этой эпохи последнего и наиболее крупного подъема городской жизни на Еркургане является отпечаток печати на обожженной терракоте с изображением царственного всадника на фантастическом драконе, которому богиня протягивает кубок. Этот классический иконографический сюжет божественной инвеституры, как мы полагаем, мог быть связан с институтом священного брака, широко распространенного на древнем Востоке и скифо-сакской среде. Важно то, что отпечаток найден стратиграфически в комплексе ЕК-11 (поздняя фаза комплекса В), который, видимо, относится к первой половине III в. н.э.

Прическа всадника отдаленно напоминает длинные локоны правителя на монетах чекана Нахшаба, но не известно, были ли они подвязаны пучком на макушке, тут голова персонажа упирается в верхний край щитка печати. Колчан, висящий на правом боку, — сарматского типа, типичный для первой половины I тысячелетия н.э.

Непосредственно с этого — III в. н.э. (период ЕК-11) — началась генеральная реконструкция всего города на Еркургане, к этому же периоду относится возведение нового храмового комплекса с двухколонным святилищем и айваном на фасаде, на специальных высоких кирпичных платформах стали возводиться дворцовый комплекс, мавзолей правителей и цитадель, реконструировались внутренняя и внешняя стены города. Обе стены в то время были снабжены полукруглыми фланкирующими башнями, при этом куртины внешней стены имели, согласно канонам фор-

тификации той эпохи, около 60 м в длину, а башни внутренней стены строились на месте уже существовавших и были расположены очень близко. Видимо, к чуть более раннему времени относится последний строительный период на загородном монументальном комплексе на Р-17, где были обнаружены остатки настенной росписи с типично эллинистическим мотивом меандра.

Помимо комплексов керамики, служивших основным материалом в датировке архитектурных комплексов, показателем и формат кирпича; все перечисленные сооружения в своих наиболее ранних кладках стен имеют единый стандарт кирпича 4х40х10 см + — 2-3 см, который часто использован в комбинации с пахсовой кладкой.

Позже формат кирпичей при последующих перестройках на упомянутых сооружениях стал нарушаться и произошел медленный переход к прямоугольному кирпичу, типичному для более поздней эпохи—V—VI вв.

После возведения храма прекратило функционировать гончарное производство на Р-5 квартала керамистов близ храма, но керамические мастерские, расположенные вдалеке от храмового комплекса (Р-13, Р-14, Р-20), работали в полную силу.

Находка в цитадели Еркургана на уровне раннего пола (ЕК-13) фрагмента керамического барельефа с оттиском мужского портрета анфас парфянского облика и отмеченные выше стилистические параллели живописи храма Еркургана с фресками Дура-Европос позволяют вспомнить гипотезу М. Е. Массона об аршакидских связях правившего дома Нахшаба III—V вв. (Массон М. Е., 19776).

Парфия в Иране как государство пало в 224 г., в середине III в. н. э. Шапур I захватил Мерв, и династия правителей Мерва прервалась.

Подъем Еркургана начался практически одновременно с этими событиями, поэтому вполне вероятно допущение М. Е. Массона о том, что какой-то представитель рода Аршакидов мог стать основателем новой династии в Нахшабе.

Однако на этот же III в. н. э. приходится краткое и невнятное сообщение китайских источников о переносе ставки Кангюя со среднего течения Сырдарьи в долину Кашкадарьи (Цит. по: Массон М. Е., 1973, С. 28). Возможно, и это сыграло свою роль в консолидации власти и подъеме градостроительства и благоустройства в Нахшабе III в.

Вслед за этими событиями подъема градостроительства и благоустройства в Нахшабе в III в. следует проникновение в керамическое производство признаков джетыасарской традиции приготовления гончарной посуды, приходящее на IV в.

Два момента истории и археологии Нах-

шаба требуют кратко остановиться на этнополитических явлениях. Тогда IV—VI вв.: это инновации культурных традиций присырдарьинских культур в керамике. Тогда той поры и сообщения источников о пребывании в Согде хионитов, кидаритов и эфталитов.

В исторической литературе последних десятилетий вопросы происхождения, этнической атрибуции и судеб хионитов, кидаритов и эфталитов дискутировались достаточно активно (Тревер К. В., 1954; Гумилев Л. Н., 1959; Его же, 1967; Луконин В. Г., 1969; Маршак Б. И., 1971; Гафуров Б. Г., 1989. С. 207).

Судя по весьма отрывочным и противоречивым сообщениям китайских, сирийских, армянских, персидских и римских источников, а также свидетельствам материальной культуры и нумизматики, цепь событий III—VI вв. н. э., полных войнами и радикальными этнополитическими переменами, разворачивалась следующим образом.

В начале второй четверти III в. правитель Фарса Арташир Сасанид, подняв мятеж, разбил в решающем сражении легитимного царя Парфии Артабана V и положил начало новой династии Сасанидов в Иране. Арташир быстро подчинил себе основную часть провинций Ирана и организовал централизованное государственное управление страной.

На Востоке, в Центральной Азии, также начались процессы кардинальных изменений эпохи поздней античности, подготовивших почву новой, раннесредневековой этнокультурной и социально-политической картины всего региона. Наиболее ранним в противоречивом калейдоскопе кратких сообщений о передвижениях племен и войнах является упомянутое сообщение китайских источников о переносе в III в. ставки Кангюя со среднего течения Сырдарьи в долину Кашкадарьи.

Вслед за этим с IV в. н. э. на политической арене Средней Азии преобладали хиониты, затем появились кидариты, и все это завершилось созданием в V в. обширного государства эфталитов. Армянские источники особо подчеркивают аршакидские династические связи поздних наследников кушан, воевавших с Сасанидами (Тревер К. В., 1954. С. 133, сл.).

Появление хионитов-хуннов в оседлых оазисах Средней Азии в IV в. н. э. совпало по времени с инновациями каунчинской, отаркаратауской и джетыасарской керамики в Согде. При этом не исключено, что деление на красных и белых хионов, сохранившееся в позднем Бахман-яште, могло соответствовать этническим различиям носителей этих культур.

О происхождении хионитов из районов к северу от Аральского моря существует до-

вольно убедительная точка зрения Л. Н. Гумилева (1959. С. 132), что близко соответствует районам распространения джетысарской культуры. Вероятно, в данном случае произошло замещение самоназвания древнего населения этнонимом хунн.

Остается непонятным, в чем археологически могло проявиться пребывание кушан Кидары в г. Боло в Нахшабе, предполагаемое С. К. Кабановым и поддержанное Л. Н. Гумилевым и, первоначально, М. Е. Массоном (Кабанов С. К. 1953; Его же, 1963; 1973; 1977. С. 109; Гумилев Л. Н., 1959. С. 133; Массон М. Е., 1973. С. 28).

М. Е. Массон, принимая положение С. К. Кабанова о локализации столицы Кидары в г. Боло, идентифицировал последний не с Еркурганом, а с остатками второго крупнейшего городища — Калаи Захоки Марон (Массон М. Е., 1973. С. 28, сл.). По М. Е. Массону, пребывание Кидары в Нахшабе было недолговременным эпизодом по пути следования кидаритов на юг. Впоследствии М. Е. Массон предпочитал локализовать Боло Кидары в Бадахшане (Массон М. Е., 1977. С. 137).

Б. И. Маршак придерживается более старой, но, по мнению Л. Н. Гумилева, не оправдавшей себя точки зрения об идентификации Боло с Балхом (Маршак Б. И., 1971. С. 64; Гумилев Л. Н., 1959. С. 133).

Если принимать версию С. К. Кабанова о пребывании малых кушан в Нахшабе, то, в данном случае, как и в случае с более ранними большими юэжками Бактрии, следует полагать, что археологических следов этого народа, имевшего, видимо, сугубо кочевой образ жизни, не сохранилось, и особого воздействия на традиционно оседлую материальную культуру Нахшаба они не оказали.

Очевидно, главный город Нахшаба той поры, будь то на Еркургане, согласно С. К. Кабанову, или на Калаи Захоки Мароне, согласно М. Е. Массону, служил лишь резиденцией правителя, сами же малые кушаны вероятно находились в зонах традиционных кочевий скотоводов по верхнему и нижнему течению Кашкадарьи.

Е. В. Зеймаль недавно выделил в чекане Согда IV в. серию монет, которую можно связать с эмиссией самого Кидары, и предложил отождествить хонов-хионитов с кушанами-кидаритами (Зеймаль Е. В., 1995б).

В принципе, появление представителей Аршакидов в Нахшабе и перенос верховной ставки Кангюя в долину Кашкадарьи вполне могли быть единым и согласованным явлением, вызванным комплексом причин, важнейшими среди которых были возвышение Сасанидов на юго-западе и давление гуннов на северо-востоке.

Появление инноваций присырдарьинских

культур в керамическом комплексе Согда IV—V вв. в определенной мере можно рассматривать не как оккупацию Согда хионитами, а как вынужденное переселение основного этнического субстрата бывшего политического образования Кангюя, по левобережью Сырдарьи на южные территории, подвластные Кангюю в результате давления на коренные земли пребывания их со стороны гуннов. При этом термин «хиона», видимо, выступает в качестве нового военно-политического термина, обозначавшего это переселение объединения соседних племен.

В целом состояние фактологического материала таково, что вопрос о локализации Боло пока не может быть решен однозначно.

Если с вышеотмеченными натяжками принимать версию С. К. Кабанова об идентификации г. Боло с Еркурганом, делается вполне понятным выбор города Нахшаба в качестве резиденции Кидары. Еркурган был крупнейшим городом Согда IV—V вв. с монументальной архитектурой, не имевшей аналогов в Согде, и имел развитое ремесленное производство.

В альтернативном случае, если история кидаритов протекала в V в. южнее Согда, мы имеем в Нахшабе свой вариант весьма плодотворного согдийско-хионитского симбиоза, приведшего к сложению основных показателей раннесредневековой культуры Нахшаба. В литературе отмечались особые связи хионитов с Согдом (Гумилев Л. Н. 1967. С. 95). Еркурган IV—V вв. если и не был Боло-Валаамом кидаритов, то, безусловно, занимал особое место во владениях хионитов.

Попутно следует отметить, что само имя Кидары, фактически повторяющее имя Кидрея—мужа знаменитой сакской царицы Зарины, жившего за тысячу лет до Кидары в Средней Азии (Пьянков И. В., 1975. С. 75), указывает на то, что кушаны-кидариты отнюдь не случайно отступили в оазисы Средней Азии под давлением жужаней, они были связаны с народами центральных районов Средней Азии тесными генетическими связями.

Гипотезу К. Еноки и Л. Н. Гумилева, поддержанную Б. И. Маршаком (Маршак Б. И., 1971. С. 65) о сложении эфталитского этноса в горных районах восточнее Бактрии можно признать наиболее вероятной, однако включение Нахшаба и всего Согда в состав государства эфталитов не отразилось на развитии местной материальной культуры, где на базе симбиоза древней эллинизированной местной культуры с культурой хионитов бассейна Сырдарьи шел интенсивный процесс сложения раннесредневековой культуры Согда.

Появление в Согде хионитов, кидаритов и эфталитов не носило характера коренной

ломки местных культурных традиций. Между эпохой более раннего Кангюя и последующими династиями сохранялась глубокая этнокультурная преемственность. Об этом, в частности, свидетельствует нумизматика. Тогда той поры. Так, в IV—VI вв. продолжали ходить в обращении основные типы монет. Тогда первых веков нашей эры, хотя новые династии чеканили и новые типы монет (Мусакаева А. А., 1991, С. 18, сл.).

В сложных перипетиях описанных выше событий в истории Нахшаба вероятно определенную роль сыграли и династийные связи правителей Нахшаба с поздними Аршакидами, что отразилось в монетном чекане Нахшаба той поры и было выявлено О. И. Смирновой и М. Е. Массоном (Массон М. Е., 1973. С. 18; Его же, 1977б). Только на монетах Нахшаба волосы правителя подвязаны пучком на макушке, как у парфян и более поздних Сасанидов, в то время как, судя по монетным изображениям, у синхронных правителей Бухары и Чача подобный тип куафюры не был известен, хотя, в отличие от парфян и Сасанидов, волосы правителя Нахшаба висят длинными локонами. Положение о принадлежности монет нахшабского чекана местным династам впоследствии было принято и С. К. Кабановым, который первоначально приписывал их кушанам-кидаритам (Кабанов С. К., 1977. С. 110).

По поводу чекана Нахшаба следует отметить и новые соображения об их атрибуции. Так, Э. В. Ртвеладзе считает, что в слове «ksnk» легенды этих монет следует усматривать отголосок древнего топонима Ксениппа, который мог сохраниться и в названии г. Касаи в 10 км севернее Еркургана (Ртвеладзе Э. В., 1988б). По А. И. Наймарку, чекан правителя Нахшаба типологически восходит к известному в Согде типу монет с лучником, где вместо лука на Rv изображен лев, которого поражает персонаж, иконографически идентичный самой фигуре лучника. Отмечается, что сцена единоборства на Rv монет Нахшаба находит ближайшие прототипы в сасанидском искусстве (Наймарк А. И., 1990).

Последние этапы жизни города на Еркургане наиболее развернуто прослеживаются по вскрытым верхним строительным периодам кварталов керамистов (Р-13) и металлургов (Р-16).

Поскольку верхний строительный период на Р-13 стратиграфически, на основе комплексов керамики и монет нахшабского чекана, относится к V в., слой пожара на этом квартале мог быть связан с событиями середины V в., когда Согд был занят эфталитами. Жизнь на квартале керамистов, да и по всему городищу, была прервана окончательно в середине VI в., что можно увязать с грандиозным разгромом государства эфталитов

объединенными силами коалиции Сасанидов и тюрок.

Вслед за этими событиями последовали слабые попытки возрождения жизни на Еркургане. К этому времени можно отнести V строительный период в святилище храма Еркургана, когда впервые, вслед за долгим господством культа женского божества, в нем поверх замурованных обломков скульптуры, стоявшей в святилище IV строительного периода, был возведен большой кирпичный прямоугольный алтарь, на котором горел огонь, статуя была ликвидирована.

Но храм V строительного периода функционировал лишь в размерах крайне суженных остатков самого святилища. Все остальное оставалось в руинах, а вскоре было заброшено и это святилище. К этому же времени, концу VI—началу VII в., видимо относится строительство небольшого специализированного поселения гончаров в южной части руин более раннего квартала гончаров Еркургана. Жители этого квартала, вероятно, и поддерживали культ в храме V строительного периода.

Для системы расселения Нахшаба периода V—VI вв. характерны насыщение социально-поселенческой структуры оазиса и сложение сложной иерархии городов, поселений, замков и усадеб разного размера.

Эпоха поздней античности—период глубокого кризиса Римской империи на Западе и падения Ханьской империи на Востоке—вопреки ранее часто постулировавшемуся кризису рабовладельческой формации была временем подъема благоустройства, урбанизации и культуры не только в Нахшабе, но и во многих других оазисах Средней Азии. Большинство оазисов Согда, Чача и Ферганы полностью формировалось именно в тот период. К этому и чуть более раннему времени относится и функционирование царского города Топраккалы в Хорезме. В ту пору целый ряд владений, в том числе Нахшаб и Чач, начали регулярный чекан собственной монеты, рассчитанной на внутреннее обращение, что было результатом сложения устойчивого внутреннего рынка и стабильного товарооборота между городом и деревней.

В процессах культурогенеза III в. стал точкой отсчета концептуального расхождения между Ираном и Тураном (имея в виду под этим оазисы и степи Средней Азии), которое снял и сдвигнул только ислам, и вхождение этих регионов в состав Халифата.

Хионито-сасанидское и эфталито-сасанидское противостояние, унаследованное в дальнейшем тюрками, не могло не отразиться и на культурном развитии. Подобно тому, как парфяне в противовес Риму политически декларировали себя филэллинами, правители Турана оказались в роли приверженцев ста-

рых эллинизированных традиций культуры Бактрии и Согда в противовес религиозной и культурной политике Сасанидов, старавшихся возродить древнеперсидское культурное наследие, канонизируя и зороастрийское вероучение. В Согде не только монеты продолжали чеканить по древним, освященным веками эллинизированным образцам, длительное сохранение традиций античности можно выявить и по другим категориям материальной культуры Средней Азии той поры.

В то время, как в архитектуре сасанидского Ирана был начат решительный переход сначала к сводчатым, а затем купольным конструкциям, на Еркургане переживали вторую молодость древние композиции осевой планировки типа мегарон, которые перешли, на примере храмов Пянджикента, и в раннесредневековую архитектуру Согда.

То же самое можно сказать о настенной живописи Согда и искусстве коропластики, донесших отдельные элементы и образы эллинистической эпохи вплоть до прихода

ислама, хотя при этом видимо играли роль и отдельные позднеримские иконографические влияния, как в известной сцене с изображением волчицы, кормящей двух младенцев в живописи Шахристана.

В религиозных культах Согда и соседних стран Турана также продолжала сохраняться древняя склонность к веротерпимости и синкретизму.

При тюрках произошли быстрый рост и возвышение города Нахшаба (Насафа) на месте Шуллиуктепа. К приходу арабов в Среднюю Азию он уже играл роль столичного города. История же города на Еркургане сохранилась в народе лишь в виде назидательной легенды о дочери царя, жизнь которого была связана с вечнозеленым деревом на берегу озера, откуда вода поступала в город, и о предательстве ею родного отца, да материальные свидетельства многовековой цивилизации города, сохранившиеся под оплывшими руинами Еркургана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдиримов Р. Раннесредневековые поселения Бухарского Согда (районирование, типология, периодизация). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1988. — 22 с.
- Абдулгазиева Б. Шортене //ИМКУ. 1983. № 18. С. 126—135.
- Абдулгазиева Б. Раннесредневековое поселение Заурактене в Фергане //ОНУ. 1986. № 2. С. 40—44.
- Абдулгазиева Б. Стратиграфические исследования памятников шурабабатской культуры (на материалах поселения Султанабад) //Фергана в древности и средневековье /Под ред. Т. Ш. Ширинова. Самарканд, 1994. С. 26—30.
- Абдуллаев А. Раскопки в Яванской долине //АРТ. 1975. № XV. С. 88—96.
- Абдуллаев А. Отчет о работах Яванского археологического отряда за 1978 г. //АРТ. 1978. № XVIII. С. 88—102.
- Абдуллаев А. А. О двух типах сосудов из Тамоштене //МКТ. 1987. № 4. С. 86—93.
- Абдуллаев К. Коропастика Бактрии—Тохаристана в античную и раннесредневековую эпоху: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. — 20 с.
- Абдуллаев К. А. К символике архитектурных деталей на оссуарных рельефах //ИМКУ. 1991. № 25. С. 117—122.
- Абдуллаев К. Рец. History of Zoroastrianism vol. III. Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule, by Mary Boyce and Frantz Grenet with Contribution by Roger Beck. E. J. Brill Leiden, New York, Koblenz, 1991. 596 p. //ВДИ. 1994. № 3. С. 239—24.
- Абдуллаев К. Терракотовая пластика Ай-Ханум //РА. 1996. № 1. С. 55—67.
- Абдуллаев К. А. Завьялов В. А. Сосуды на зооморфных подставках из поселений Кушанской Бактрии //СА. 1985. № 4. С. 202—212.
- Абдуллаев К., Пидяев Ш. Раннекушанская терракотовая пластика из Мирзакултепа //ОНУ. 1989. № 9. С. 52—57.
- Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. Л.: Наука, 1966. — 221 с.
- Аванесова Н. А. Сакральный комплекс могильника Бустон—VI //ОНУ. 1994. № 6. С. 46—49.
- Авеста. Избранные гимны /Пер. с авестийского и комментариев проф. И. М. Стеблин-Каменского. Душанбе: Адиб, 1990. — 174 с.
- Адылов Ш. Т. Становление и развитие городской культуры Бухарского Согда по материалам стратиграфических исследований (IV в. до н.э.—VIII в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1987. — 21 с.
- Азимов И. М. Архитектурное наследие Ферганской долины VIII—начала XX в.: Автореф. дисс. ... канд. архитектуры. Баку, 1990. — 24 с.
- Акишев А. К. Костюм «золотого человека» и проблема катафрактария //Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии /Под ред. Ю. С. Худякова. Новосибирск, 1981. С. 54—65.
- Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. — 176 с.
- Акишев К. А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Изд. Опер, 1983. — 261 с.
- Акишев К. А. Кушаев Т. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд. АН Каз ССР, 1963. — 300 с.
- Алекшин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (По археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука, 1986. — 191 с.
- Алимов У. Раскопки на Культепе в Каршинском оазисе //ИМКУ. 1969. № 8. С. 105—114.
- Альбаум Л. И. Балалыктепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент: Изд. АН Уз ССР, 1960. — 228 с.
- Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. — 112 с.
- Альбаум Л. И., Агзамходжаев Т. Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом //ОНУ. 1968. № 8. С. 56—58.
- Аммиан Марцелин. История. Вып. 3. /Пер. с лат. Ю. Куликовского, А. Сонни. Киев, 1906—1908.
- Анарбаев А. А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V — начало XIII в.). — Ташкент: Фан, 1981. — 120 с.
- Андреев Ю. В. Ранние формы урбанизации //ВДИ. 1987. № 1. С. 3—19.
- Андреев Ю. В. Дворец и «город» на Крите во II тыс. до н.э. //СА. 1988. № 4. С. 37—52.
- Андрянов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969. — 254 с.
- Андрянов Б. В. Древняя ирригация Хорезма, Согда и Бактрии: историко — типологический анализ //Тез. докл. науч. конф., посвящ. 80-летию академика АН Уз ССР Я. Г. Гулямова. «Я. Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане». Ташкент, 1988. С. 20—24.
- Аннаев Т. Дж. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984. — 18 с.
- Аннаев Т. Дж. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент: Фан, 1988. — 135 с.
- Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1984. — 392 с.
- Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1977. — 150 с.
- Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М.: Наука, 1984. — 262 с.
- Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. — 287 с.
- Антонова Е. В. Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии //ВДИ. 1991. № 2. С. 3—18.
- Аппиан. Митридатовы войны. /Пер. С. П. Кондратьева //ВДИ. 1976. № 4. С. 239—289.

- Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982.—252 с.
- Аристотель. Политика. Соч. В 4 т. Т. 4 М.: Мысль, 1983.—830 с.
- Арриан. Поход Александра /Пер. с древнегреч. М. Е. Сергееко, М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962.—384 с.
- Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов //АСЭ. 1961. № 2. С. 57—88.
- Артамонов М. И. Сокровища саков. Памятники древнего искусства. М.: Искусство, 1973.—280 с.
- Арутюнян Р. С. Некоторые особенности хеттских домашних праздников. //ВДИ. 1992. № 1. С. 119—135.
- Аскаров А. А. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи //ИМКУ. 1964. № 5. С. 28—36.
- Аскаров А. А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде //КСИА. 1970. № 122. С. 64—67.
- Аскаров А. А. Сапалитена. Ташкент: Фан, 1973.—171 с.
- Аскаров А. А. Расписная керамика Джаркутана //БД. Л.: Наука, 1976. С. 17—19.
- Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.—232 с.
- Аскаров А. А. Раскопки Пшактепе на юге Узбекистана //ИМКУ. 1982. № 17. С. 30—40.
- Аскаров А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979.—110 с.
- Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983.—120 с.
- Аскаров А. А., Буряков Ю. Ф., Квирквелия О. Р., Радиловский В. В. Теоретические и методологические проблемы исследований в археологии. Ташкент: Фан, 1988.—200 с.
- Аскаров А. А., Ширинов Т. Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд: Изд. Ин-та арх. АН РУз им. Я. Г. Гулямова, 1993.—163 с.
- Атагарьев Е. Дахистан и Северный Хорасан в IX—XV вв. (к проблеме становления и развития средневековых городов Востока): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1988.—48 с.
- Афрасиаб. Афрасиабская комплексная археологическая экспедиция. Вып. 1 /Под ред. Я. Г. Гулямова. Ташкент: Фан, 1969.—330 с., ил.
- Афрасиаб. Вып. 2 /Под ред. Я. Г. Гулямова. Ташкент: Фан, 1973.—235 с., ил.
- Афрасиаб. Вып. 3 /Под ред. Я. Г. Гулямова. Ташкент: Фан, 1974.—244 с., ил.
- Афрасиаб. Вып. 4 /Под ред. Ш. С. Ташходжаева. Ташкент: Фан, 1975.—164 с., ил.
- Ахмедов М. К. Архитектурные ансамбли и вопросы организации городского пространства в средневековом зодчестве Средней Азии, //Культура Среднего Востока, развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Градостроительство и архитектура. /Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1989. С. 166—177.
- Ахунбабаев Х. Г. Домашние храмы раннесредневекового Самарканда //Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье). Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986) /Под ред. Г. А. Пугаченковой, А. А. Аскарова. Ташкент, 1987. С. 19—21.
- Ахунбабаев Х. Г. Об одном согдийском обычае //ИМКУ. 1990. № 23. С. 199—207.
- Бабаев А. О. Средневековые сельские поселения области Абиверд (IX-нач. XIII вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1987.—24 с.
- Бабаев А. Могильники Западного Памира эпохи бронзы и их связь с религиозными верованиями местных племен //ИБМАИГЦА. 1988. № 15. С. 70—85.
- Бадер А. Н. Иконография парфянского монументального искусства в исторической литературе //ВДИ. 1991. № 1. С. 207—219.
- Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата: Наука, 1986.—254 с.
- Байпаков К. М. Культ огня на Сырдарье //Известия АН Каз ССР. Сер. обществ. наук. 1987. № 5 (155). С. 51—61.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия //Собр. соч. В 9 т. Т. 1. М., 1963. С. 45—585.
- Бартольд В. В. Согд //Собр. соч. В 9 т. Т. 3. М., 1965. С. 487—488.
- Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана //Собр. соч. В 9 т. Т. 7. М., 1971. С. 31—228.
- Бархин М. Г. Город. Структура и композиция. М.: Наука, 1986.—262 с.
- Басилов В. Н. Умай //МНМ. Т. 2. 1992. —547 с.
- Бацисва С. М. Историко-философское учение Пбн-Халдуна //С. В. 1958. № 1. С. 75—87.
- Башилов В. А. Курганы с трупосожжением у с. Мастюгино //СА. 1963. № 2. С. 151—158.
- Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. //МИА. 1953. № 37. С. 21—58.
- Беленицкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования //Скульптура и живопись древнего Пенджикента /Под ред. А. М. Беленицкого, Б. Б. Пиотровского. М.: Изд. АН СССР, 1959. С. 11—87.
- Беленицкий А. М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и сарматских степей в древности и раннем средневековье //КСИА. 1978. № 154. С. 31—32.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.—392 с.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. //АРТ. 1970 г. № 15. С. 213—246.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента //История и культура народов Средней Азии /Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1976. С. 75—89.
- Беленицкий А. М., Мешкерис В. А. Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии //СА. 1986. № 3. С. 16—28.
- Беляева Т. В. Жилой дом богатого горожанина //Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана /Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1978. С. 33—47.
- Беляева Т. В. К исторической топографии городов Уструшаны // Древняя и средневековая археология Средней Азии /Под ред. З. И. Усмановой. Ташкент: Фан, 1990а. С. 76—85.
- Беляева Т. В. Исследования Мугтепе в 1982 г. //АРТ. 1990б. № 22. С. 23—34.
- Бентович И. Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стенописей VI—VIII вв.) //Страны и народы Востока. М., 1980. № 22. С. 196—212.
- Бердимуратов А. Э. Раннесредневековые археологические памятники Джизакского оазиса (Северо-Западной Уструшаны V—X вв. н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985.—23 с.
- Бердимуратов А. Э., Самибаев М. К. Результаты раскопок храма на Джартепе II //ИМКУ. 1992. № 26. С. 77—92.
- Бердимуратов А. Э., Самибаев М. К. Ранне росписи согдийского храма Джартепе II //АВ. 1994. № 3. С. 96—109.
- Бернар П. Греческий город на Оксе //В мире науки Scientific American. 1983 № 1. С. 75—83.
- Бернар П., Грене Ф., Исамиддинов М. Х. Основные результаты работ узбекско-французской экспедиции на Афрасиабе в 1990—1991 годах //ОНУ. 1994. № 3—4. С. 34—42.
- Бернхардт К. Х. Древний Ливан. М.: Наука, 1982.—222 с.
- Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л.: Изд. ЛГУ. 1951.—255 с.
- Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983.—137 с.
- Бессонова С. С. О культе оружия у скифов //Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка, 1984. С. 3—21.

- Бетгер Е. К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касима Ибн-Хаукаля //ТСАГУ. Т. IV. Археология Средней Азии, 1975. С. 13—40.
- Бивар А. Д. Х. Митра и Серапсис //ВДИ. 1991. № 3. С. 52—63.
- Бира Ш. Вклад кочевых народов в историю цивилизации Центральной Азии (древние и средние века) //ИБМАЙКЦА. № 8. С. 5—12.
- Бирюни. Памятники минувших поколений //Избр. произв. Т. I. /Пер. М. А. Салье. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1957.—487 с.
- Бирюни. Индия. Пер. А. Б. Хамидова, Ю. Н. Заводовского. Избр. произв. Т. II. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1963.—727 с.
- Бичурич Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л.; Изд. АН СССР, 1950.—333 с.
- Боголюбов М. Н. К древнеиранскому словообразованию //Изв. АН СССР. Т. 37. № 1. 1978. С. 37—44.
- Богомолов Г. И. Культура городского центра раннесредневекового Чача: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1989.—20 с.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи /Пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1987.—299 с.
- Болелов С. Б. Керамические курьелы из склепов могильников Алтынасар 4 //Низовья Сырдарьи в древности, вып. II. Джетысарская культура. Ч. I. Склепы. М., 1993. С. 199—224.
- Большаков О. Г., Якобсон В. А. Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л., 1983.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М.: Наука, 1969.—736 с.
- Брагинский Н. И. Ардвисура Анахита //МНМ. Т. I. 1991 а. С. 400—401.
- Брагинский И. С. Дэвы //МНМ. Т. 1. 1991 б. С. 417—418.
- Брагинский И. С. Кераспа //МНМ. Т. 2. 1991 в. С. 641.
- Брагинский И. С. Рустам //МНМ. Т. 2. 1992. С. 390—391.
- Брагинский И. С., Лелеков Л. А. Иранская мифология //МНМ. Т. 1. 1991. С. 560—564.
- Брыкина Г. А. Культурные связи Ферганы I тыс. н.э. //Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тезисы всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР, 26—31 авг. 1977 г.). Душанбе, 1977. С. 138—144.
- Брыкина Г. А. Идолы из Кайрагача и некоторые вопросы верований древних ферганцев //Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1980. С. 507—521.
- Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н.э. М.: Наука, 1982.—200 с.
- Брыкина Г. А. Культы и культовые места в Фергане //Тез. конф. 90-летия Б. А. Латынина. Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа) Л., 1990. С. 5—7.
- Бубнова М. А. Огнелоклонники на Памире //Раннесредневековые культуры Средней Азии и Казахстана (Тезисы всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР, 26—31 авг. 1977 г.). Душанбе: Дониш, 1977. С. 98—100.
- Букниц Л. Л. Руины двух раннесредневековых поселений близ г. Карши //ИМКУ. 1969. № 8. С. 91—104.
- Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент: Фан, 1975.—201 с.
- Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан, 1982.—241 с.
- Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И. К планировке и архитектуре раннесредневекового Хараджкента. //Градостроительство и архитектура. Культура Средневекового Востока. Развитие связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней) /Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1989. С. 75—90.
- Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И. Изучение рабадов средневекового Хараджкента //ИМКУ. 1990. № 23. С. 95—113.
- Буряков Ю. Ф., Радилловский В. В. К проблеме формирования динамики инфраструктуры урбанизационных систем //Методологические проблемы исследования становления и развития древнего города /Под ред. В. И. Гуляева. М.: Б. и., 1991. С. 118—141.
- Былькова В. П. Археологическая коллекция херсонесского краеведческого музея //ВДИ. 1993. № 2. С. 233—241.
- Вайнберг Б. И. Удельный чекан раннесредневекового Хорезма //Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера /Под ред. В. Н. Ягодина. Ташкент, 1973. С. 102—125.
- Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977. —194 с.
- Вайнберг Б. И. Памятники кюсайской культуры. Кочевники на границах Хорезма //ТХАЭЭ. Т. IX. 1979 а.—190 с.
- Вайнберг Б. И. Первые выпуски медных монет в древнем Хорезме //Этнография и археология Средней Азии /Ред. колл. А. В. Виноградов и др. М., 1979 б. С. 47—48.
- Вайнберг Б. И. Изучение памятников Присары-камышской дельты Амударьи в 70—80-х годах //Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (Древность и средневековье). Т. I. М., 1991. С. 5—109.
- Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикрабатская культура. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М.: Наука, 1993. —130 с.
- Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии //История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века) /Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1976. С. 66—74.
- Вайнберг Б. И., Юсупов Х. Ю. Культовый комплекс древних скотоводов на Узбое //Тез. докл. конф. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Казахстана с окружающим миром в древности и средневековье». М.: Наука, 1981. С. 29—31.
- Васильков Я. В. О проблеме соотношения сведений «Махабхараты» с данными археологии //Раннежелезный век Средней Азии и Индии (Тезисы докладов). Ашхабад, 1984. С. 52—55.
- Вейнберг И. П. Город в палестинской гражданско-храмовой общине в VI—IV вв. до н.э. //Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973. С. 149—161.
- Вивденко С. В. Об особенностях технологии бактрийской скульптуры эпохи Кушан //РА. 1992. № 3. С. 31—40.
- Виноградов Ю. Г. К вопросу о мирмекийском зодчестве //Тезисы докладов конференции «Актуальные проблемы археологических исследований УССР». Киев, 1981. С. 79—80.
- Винокур Н. С. Черняховские племена //Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С. 105—135.
- Вишневская О. А. Раскопки на городище Кюзели-гир //АО 1971 г. 1972. С. 533—534.
- Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н.э. По материалам Уйгарака //ТХАЭЭ. Т. VIII. 1973.—159 с.
- Вишневская О. А. Раскопки городища Кюзели-гир //АО 1977 г. 1978. С. 544—545.
- Вишневская О. А. Раскопки городища Кюзели-гир //АО 1982 г. 1982. С. 487.
- Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние сакские Приаралья //МИА. Проблемы скифской археологии. 1974. № 177. С. 197—207.
- Вишневская О. А., Рапопорт Х. А. Следы почитания огня в средневековом херезмском городе //Этнография и археология Средней Азии /Ред. колл. А. В. Виноградов и др. М., 1979. С. 105—112.
- Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках

- Монголии VI—VIII вв. М.: Изд. ГМВ. 1996.—152 с., ил.
- Воробьева М. Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана //ТИЭ. Новая серия, 1961. Вып. XLVIII. — С. 147—179.
- Воробьева М. Г. Ранние терракоты древнего Хорезма //История и этнография Средней Азии/Под ред. С. П. Толстова. М., 1968. С. 135—147.
- Воробьева М. Г. Дивгильдже. М.: Наука, 1973.—218 с.
- Воробьева М. Г. Хорезмские терракоты //Культура и искусство древнего Хорезма /Под ред. Н. А. Кукушкина. М., 1981. С. 184—195.
- Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С. Неразлик Е. Е. Раскопки Хазараспа в 1958—1961 гг. //МХЭ. 1963. № 6. С. 157—200.
- Воробьева С. Н. Терракотовая статуэтка с городища Еркурган //ОНУ. 1989. № 3.
- Воробьева С. Н. Об одной группе женских терракот с городища Еркурган //ИМКУ. 1990. № 24. С. 115—120.
- Воробьева С. Н. Женская терракота из городского храма Еркургана //ИМКУ. 1991. № 25. С. 111—116.
- Воробьева С. Н., Нефедов Н. Ю. Золотые изделия из Еркургана //ОНУ. 1988. № 7. С. 40—42.
- Воробьева С. Н., Нефедов Н. Ю. Жилой дом V—VI вв. н.э. во внутреннем городе Еркургана //Археологические работы на новостройках Узбекистана /Под ред. М. И. Филанович. Ташкент, 1990. С. 97—133.
- Воробьева-Десятовская М. И. Индийцы в Восточном Туркестане в древности (некоторые социологические аспекты) //Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи /Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1984. С. 63—97.
- Воронина В. Л. Изучение архитектуры древнего Пенджикента (по материалам раскопок 1977 г.) //МИА. 1950. № 15. С. 189—198.
- Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента //Скульптура и живопись древнего Пенджикента /Под ред. А. М. Беленицкого, Б. Б. Пиотровского. М., 1959. С. 87—138.
- Воронина В. Л. Доисламские культовые сооружения Средней Азии //СА. 1960. № 2. С. 42—56.
- Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента //МИА. М.; Л., 1964. № 124. С. 51—88.
- Всеобщая история архитектуры. Т. 1. М.: Изд. лит. по строительству. 1970.—510 с.
- Высотская Н. Т. Общественные здания Неаполя Скифского //СА. 1975. № 2. С. 48—60.
- Высотская Н. Т. Культы и обряды поздних скифов //ВДИ. 1976. № 3. С. 51—74.
- Высотская Н. Т. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму //Население и культура Крыма в первые века н.э. (Под ред. Т. Н. Высотской). Киев, 1983. С. 5—28.
- Высотская Т. Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища //Античная и средневековая идеология /Под ред. М. А. Поляковой. Свердловск, 1984. С. 132—141.
- Въжарова Живка Н. Славянски и славянобългарские селища в Българските земи VI—XI век. София, 1965.
- Вязигин С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы //ТЮТАКЭ. Т. I. 1949. С. 260—275.
- Вязьмитина М. И. Золота Балка. Київ: Вид. АН УССР, 1962.—240 с.
- Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент: Госиздат. 1927.—66 с.
- Гагошидзе Ю. М. Из истории грузинско-иранских взаимоотношений (храм II—I вв. до н.э. Дедоплис Миндори) //Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) /Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1981. С. 102—116.
- Гайбов В. А., Кошелев Г. А. Тоголок 21 и проблемы религиозной истории Древней Маргианы //ВДИ. 1989. № 1. С. 171—174.
- Ганялин А. Ф. Погребения эпохи бронзы у с. Янги-кала //ТЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад, 1956. С. 374—385.
- Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история /Под ред. Б. А. Литвинского. Кн. 1. Изд. 2. Душанбе: Ирфон, 1989. —381 с.
- Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Т. 8. Пер. с нем. П. С. Попова. М.: Соцэкгиз, 1958.—440 с.
- Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен //СА. 1977. № 4. С. 53—149.
- Геродот. История в девяти книгах. /Пер. Г. А. Стра-тановского. Под ред. С. А. Утченко. Л.: Наука, 1972.—600 с.
- Гиршман Р. Кушаны и Иран //Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября — 6 октября 1968 г. М.: Наука, 1975. С. 139—146.
- Гиршман Р. М. Религия Ирана от VIII века до н.э. до периода ислама //Культура Востока. Древность, раннее средневековье /Под ред. В. Г. Луко-нина. Л.: Наука, 1978. С. 67—74.
- Голенищев-Кутузов Н. Н. Средневековая латинская литература Италии. М.: Наука, 1972.—306 с.
- Горбунова Н. Г. В древней Фергане. Ташкент: Узбекистан, 1972.—38 с.
- Горбунова Н. Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры //СА. 1977. № 3. С. 107—121.
- Горбунова Н. Г. Памятники керкидонской группы в Южной Фергане //АСГЭ. Вып. 26. 1985. С. 45—70.
- Горбунова Н. Г. Поселение Арктепе в Южной Фергане //РА. 1994. № 4. С. 191—206.
- Горелик М. В. Кушанский доспех //Древняя Индия. Историко-культурные связи /Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1982. С. 82—113.
- Горелик М. В. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах из Амударьинского клада. //Художественные памятники и проблемы культуры Востока /Под ред. В. Г. Луко-нина. Л., 1985. С. 36—47.
- Городище Пайкент. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии /Мухамеджанов А. Р., Адылов Т. Ш., Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. Л.—Ташкент: Фан, 1988.—196 с.
- Городище Топрак-кала (раскопки 1965—1975 гг.) /Е. Е. Неразлик, М. С. Лапиров-Скобло, С. А. Трудиновская Б. И. Вайнберг //ТХЭ. Т. XII. М.: Наука, 1981.—147 с.
- Граков Б. Н. Скифы, научно-популярный очерк. М.: Наука. 1977.—167 с.
- Грене Ф. Интерпретация декора оссуариев из Бия-наймана и Миянкаля //Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье). Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986) /Под ред. Г. А. Пугаченковой, А. А. Аскарова. Ташкент, 1987. С. 42—54.
- Грене Ф. Некоторые замечания о корнях зороастризма в Средней Азии. //ВДИ. 1989. № 1. С. 170.
- Грене Ф. Образы Яшт Авесты в Бактрии и Согдиане (по данным иконографии) //Тезисы докладов международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент. 1992. С. 42—43.
- Гречкина Т. Ю. Палеолитические памятники бассейна Зарафшана //ОНУ. 1991. № 10. С. 36—39.
- Гречкина Т. Ю. Отчет о работах Зарафшанского палеолитического отряда в 1994 г. Самарканд: Архив ИА АН РУз, Ф. 4, О. 1, д. 236. 1995.
- Грибов Р. А. Вавилон //СИЭ. Т. 2. М., 1962. С. 903.
- Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан. //ЖМНП. № 4. ССХVI. 1881, сентябрь. С. 24-67; 4. ССХVII, октябрь С. 175—208.
- Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу //ТОВЭ. Т. 2. Л., 1940а. С. 87—105.
- Григорьев Г. В. Каунчтепа (раскопки 1935 г.). Ташкент: Б. и., 1940 б.—53 с.
- Гринцер П. А. Ансары //МНМ. Т. 1. 1991а. С. 96.
- Гринцер П. А. Ганга //МНМ. Т. 1. 1991б. С. 263.

- Гринцер П. А. Гандхарвы //МНМ. Т. 1. 1991 в. С. 264.
- Гринцер П. А. Менака //МНМ. Т. 2. 1992. С. 138.
- Грицина А. Изучение культовых сооружений на городище Куганттепа в Ташкенте //Тезисы докладов «Первая конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана». Душанбе, 17—19 апр. 1984 г. Душанбе: Дониш, 1984. С. 72.
- Грицина А. А. Ит хайкалар //Фан ва турмуш. 1985. № 7. С. 14—15.
- Грицина А. К интерпретации культовых сооружений на городище Куганттепа в Ташкенте. //Тезисы докладов конференции. Фрунзе: Илим, 1987. С. 89—90.
- Грицина А. В. Археологические исследования в Северной Уструшане. //Я. Г. Гулямов и развитие исторической науки в Узбекистане. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию академика АН УзССР Я. Г. Гулямова. Ташкент: Фан, 1988. С. 33—35.
- Грицина А. В. Северная Уструшана в середине I тысячелетия до н.э. — начале XIII в. н.э. (археолого-топографические исследования): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1990. — 24 с.
- Грицина А. В., Сверчков Л. Археологические исследования в Сырдарьинской области //ИМКУ. 1990. № 23. С. 114—121.
- Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы //КСИА. № 122. М., 1970. С. 37—44.
- Грязнов М. П. Саяно-Алтай эпохи бронзы и раннего железа //Рукоп. архив ИИМК. Спб, 35. оп. 1, кн. 125—31. Спб., 1979.
- Губаев А. Античные памятники на четвертой очереди Каракумского канала //ПТ. 1970. № 1.—32 с.
- Губаев А. Замок Актете и его раскопки //Материальная культура Туркменистана /Под ред. В. М. Массона. Ашхабад, 1971. № 1. С. 112—136.
- Грязнов М. П. Саяно-Алтай эпохи бронзы и раннефеодальную эпоху Южного Туркменистана //Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тезисы всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР 26—31 августа 1977 г.). Душанбе, 1977. С. 104—106.
- Губаев А. Г. Археология Туркменистана. Ашхабад: Магариф, 1989.—280 с.
- Гугуев В. К. Кобыковский курган //ВДИ. 1992. № 4. С. 116—130.
- Гудкова А. В. Ток-Кала, Ташкент: Наука, 1964.—152 с.
- Гуляев В. И. Рец. R. Mc. C. Adams. Heartland of cities. Surveys of Ancient Settlement and land use on the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago, 1981 //ВДИ. 1984. № 4. С. 143—152.
- Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1957.—314 с.
- Гулямов Я. Г. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафшана //ИМКУ. 1965. № 6. С. 17—21.
- Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскарлов А. А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент: Фан, 1966—267 с.
- Гумилев Л. Н. Эфталты и их соседи в IV в. //ВДИ. 1959. № 1. С. 129—141.
- Гумилев Л. Н. Эфталты — горцы или степняки? //ВДИ. 1967. № 3. С. 91—100.
- Гуревич Л. Л. К интерпретации пенджикентских «капелл» //Тезисы докладов конференции «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981. С. 45—47.
- Гуревич Л. Л. Архитектурная проблематика Шаштепа //Тез. докл конф. «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии» (26—29 мая 1985 г. Дальверзистепе). Ташкент: Фан, 1985. С. 38—40.
- Гуревич Л. Л. К интерпретации пенджикентских «капелл» //Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и Средневековье //Под ред. А. М. Лескова, Б. Я. Ставиского. М., 1990. С. 45—47.
- Гуревич Л. Л. «Авестийская вара» и Ардашир — Хвара //Тезисы докладов международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992. С. 46—47.
- Гутлыев Г. Раскопки поселения раннежелезного века Яссыдепе в Каахкинском районе //КД. 1977. № 5. С. 18—24.
- Гютербокс Г. Г. Хеттская мифология /Пер. с англ. И. М. Дунаевской //Мифология древнего мира. Под ред. В. А. Якобсона. М.: Наука, 1977. С. 161—198.
- Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985.—317 с.
- Дандамаев М. А. Рец. Acta Iranica Encyclopedie permanente des etudes iraniennes. Deuxieme serie, XVII (28). A Green Leaf. Papers in Honour of Professor Jes P. Asmussen. Leiden: E. G. Brill, 1988. XXIX, 547 p. XXIV tabl. //ВДИ. 1991. № 3. С. 209—215.
- Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука, 1980.—415 с.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д-1—7. М.: Наука, 1991.—140 с.
- Деопик Д. В., Керамический комплекс и культурный слой //Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981. С. 22—267.
- Джандиери М. И. Древнее башенное общинное жилище //ВДИ. 1981. № 2. С. 118—155.
- Джуракулов М. Д. Самаркандская стоянка и проблема верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент: Фан, 1987.—171 с.
- Джуракулов М. Д. Аванесова Н. А. Историко-география эпохи бронзы Средней Азии. Самарканд: Изд. СамГУ, 1983.—70 с.
- Джуракулов М. Д., Сулейманов Р. Х. Новые находки останков первобытного человека на Самаркандской верхнепалеолитической стоянке //ИМКУ 1973. № 10, С. 21—23.
- Джуракулов М. Д., Холматов Н. У. Мезолит и неолит среднего Зарафшана (саразмская культура). Ташкент: Фан, 1991.—122 с.
- Доватур А. Н. Политика и Политип Аристотеля. М.: Наука, 1965.—390 с.
- Долгоруков В. С. Эллинистическая агора //СА. 1969. № 2. С. 55—69.
- Долгоруков В. С. Укрепления раннегреческого города //Археология Старого и Нового Света /Под ред. В. И. Гуляева. М., 1982. С. 176—191.
- Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране. М.: Наука, 1982.—132 с.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР /Под ред. Г. А. Кошленко. М.: Наука, 1985.—457 с.
- Древний и средневековый город восточного Мавераннахра /Ю. Ф. Буяков, Г. И. Богомолов, С. А. Фонарев, В. Г. Брыкалова, М. Р. Тихонин, В. И. Набоков, М. И. Филанович. Ташкент: Фан, 1990.—126 с.
- Древности геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях. Атлас. Вып. II. Спб: Изд. импер. археол. комиссии, 1872.—23 л., ил.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки /Отв. ред. Е. В. Зеймаль. Душанбе: Дониш, 1985—343 с.
- Древности Чардары /Максимова А. Г., Мершиев М. С., Вайнберг Б. Н., Левина Л. М. Алма-Ата: Наука, 1968.—262 с.
- Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР /Под ред. Б. А. Колчина. М.: Наука, 1985.—429 с.
- Дрезден М. Мифология древнего Ирана /Пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского //Мифологии древнего мира /Под ред. В. А. Якобсона. М.: Наука, 1977. С. 337—365.

- Дресвянская Г. Я. К истории культов древнего населения Кашкадарьи //Материалы истории, историографии и археологии. Сб. науч. трудов ТашГУ. № 533, 1977.
- Дресвянская Г. Я. Раннесредневековое культовое здание //История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье /Под ред. З. М. Усмановой. Ташкент, 1988. С. 30—38.
- Дресвянская Г. Я. Две терракоты Афрасиаба //Времен связующая нить (по материалам музейных фондов) /Под ред. Г. Р. Рашидова, Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Фан, 1992. С. 104—107.
- Дройзен Н. Г. История эллинизма. М.: Б. и., 1980.—399 с., прим. 185 с.
- Дукее Х. И. Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа в зоне Туябузского водохранилища в 1976 году //ИМКУ. 1978. № 14. С. 51—59.
- Дукее Х. Чиракчинское поселение //ИМКУ. 1982. № 17. С. 19—30.
- Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э., М.; Л.: Изд. АН СССР, 1956. — 486 с.
- Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (к возможной постановке вопроса) //История иранского государства и культуры /Под ред. Б. Г. Гафурова. М.: Наука, 1971. С. 122—154.
- Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А. Документы из древней Нисы //Материалы ЮТАКЭ. Вып. 2. М.; Л., 1951. С. 21—66.
- Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А. Парфянский архив из древней Нисы //ВДИ. 1953. № 4. С. 114—183.
- Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работ. М.: Изд. вост. лит., 1960.—122 с.
- Дьяконов М. М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии //КСИИМК. № 40. М., 1951. С. 34—45.
- Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении Кафирнигана (Кобаднан) //МИА. 1953. № 37. С. 253—293.
- Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирава. М.: Изд. вост. лит., 1961.—144 с.
- Дьяконова Н. В. «Сакские» печати из Северной Индии //ВДИ. 1967. № 2. С. 175—182.
- Дьяконова Н. В. К истории одежды в Восточном Туркестане в II—VII вв. //Страны и народы Востока. Т. XXII. М., 1980. С. 174—196.
- Дьяконова Н. В. Смирнова О. Н. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде //СА. 1967. № 1. С. 74—84.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев /Пер. с франц. Т. В. Цивьяна. М.: Наука, 1986.—232 с.
- Дюмезиль Ж. Скифы и Нарты /Пер. с франц. А. З. Алмазовой. М.: Наука, 1990.—227 с.
- Ельницкий Л. А. Из истории древнескифских культов //СА. 1960. № 4. С. 46—56.
- Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.). ТИИАЭ АН Туркм ССР. Т. VI. 1959. С. 160—204.
- Есян С. А. Скульптура Армении эпохи ранней бронзы //Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. /Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1981. С. 5—20.
- Жарникова С. Возможные истоки образа коня—гуся и коня—олена в индоиранской (арийской) мифологии //ИБМАИКЦА. 1990. № 16. С. 84—103.
- Жуков В. Д. Материалы к изучению Баштегинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса //ТИИАЭ АН Узбекской ССР. Т. VIII. 1956. С. 173—204.
- Жуковская Н. Л. Мандала как предмет ламаистского культа. //Культура народов Зарубежной Азии Т. XXIX. Л., 1973. С. 71—79.
- Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва //МАР., Вып. 16. 1894. 11+215 с.
- Заднепровский Х. А. Древнеземледельческая культура Ферганы //МИА. 1962. № 118.—328 с.
- Заднепровский Ю. А. Исследования древнего Касана //АО. 1983 г. 1985а. С. 530—531.
- Заднепровский Ю. А. Городище Билувуртепе (Восточная Фергана) //КСИА, № 184. 1985б. С. 88—95.
- Заднепровский Ю. А. Матбабаев Б. Х. Основные итоги изучения Чустского поселения в Фергане (1950—1980 гг.) //ИМКУ. 1984. № 19. С. 46—71.
- Заславская Ф. А. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени //ИМКУ. 1959. № 1. С. 22—60.
- Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.: Наука, 1979.—93 с.
- Зеймаль Е. В. Новый «греческий» бог в кушанском пантеоне (1988) //Эрмитажные чтения 1986—1994 годов памяти В. Г. Луконина. Спб., 1995а. С. 82—92.
- Зеймаль Е. В. К хронологии кидаритов (1987) //Эрмитажные чтения 1986—1994 годов памяти В. Г. Луконина. Спб., 1995б. С. 24—29.
- Зильпер Д. Г. Дворцовый комплекс городища Мингурюк в Ташкенте //История и археология Средней Азии /Под ред. О. В. Обельченко. Ашхабад, 1978. С. 167—173.
- Зимин Л. А. 1927. Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности //В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели /Под ред. А. Э. Шмидта, Е. К. Бетгера. Ташкент, 1927. С. 197—214.
- Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Новый погребальный комплекс II—IV вв. н.э. и экономическое развитие Херсонеса //Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры /Под ред. С. Д. Крыжипского. Киев: Наукова думка, 1986. С. 101—129.
- Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе: В. и., 1961.—75 с.
- Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988.—128 с.
- Иваницкий И. Д. Зороастрийский погребальный обряд Самаркандского Согда //Тезисы докладов I международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992а. С. 55—57.
- Иваницкий И. Д. Саратепа-2 — поселение керамистов середины I тысячелетия до н.э. под Самаркандом //ИМКУ. 1992б. № 26. С. 22—24.
- Иванов В. В. О соотношении археологических, лингвистических и культурно-семиотических реконструкций (На материале комплекса Тоголок 21) //ВДИ. 1989. № 2. С. 171—175.
- Иванов В. В. Дракон //МНМ. Т. 1. 1991а. С. 394—395.
- Иванов В. В. Змей //МНМ. Т. 1. 1991б. С. 468—471.
- Иванов В. В. Топоров В. Н. Индоевропейская мифология //МНМ. Т. 1. 1991. С. 527—532.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Лягушка //МНМ. Т. 2. 1992. С. 184—85.
- Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М.: Изд. вост. лит., 1958.—81 с.
- Ильцова С. Об одном мотиве в искусстве Среднего Востока //Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии» (26—29 мая 1985 г. Дальверзинтепе). Ташкент: Фан, 1985. С. 53—54.
- Иневаткина О. Н. Акрополь древнего Самарканда в структуре города (VI в. до н.э. — V в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.—25 с.
- Иностранцев К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках //ЖМНП. Нов. сер. 4. XX. 1909. март, отдел 2. С. 95—121.
- Ионесов В. И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990.—25 с.
- Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе: Дониш. 1977.—200 с.
- Исаков С. И. Изучение древнеземледельческого поселения Саразм в долине Зарафшана //Тезисы

- докладов советско-французского симпозиума «Древнейшие культуры Бактрия». Душанбе, 1982. С. 79—80.
- Исаков А. И. Саразм. (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зарафшанской долины (раскопки 1977—1983 гг.). Душанбе: Ирфон, 1991.—156 с.
- Исаков А. И., Потемкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане //СА. 1989. № 1. С. 145—167.
- Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане //СА. 1978. № 3. С. 216—230.
- Исамиддинов М. Х. Керамика Южного Согда в эпоху древности и раннего средневековья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л. 1979.—17 с.
- Исамиддинов М. Х. Стратиграфия древнейших слоев Еркургана //ИМКУ. 1982. № 17. С. 60—78.
- Исамиддинов М. Работы Еркурганского отряда //АО. 1985 г. 1987. С. 591—592.
- Исамиддинов М. Х. Раскопки на городище Шульктепе. Раскопки на цитадели //Отчет о раскопках Еркурганского археологического отряда за 1987 г. Самарканд, 1987 б. Архив ИААНРУз. т. ф. 301, в. 64.
- Исамиддинов М. Х. Молельня древнего Согда //ОНУ. 1988. № 9. С. 32—36.
- Исамиддинов М. Х. О дате основания Самарканда //ОНУ. № 5. 1997. С. 62—67.
- Исамиддинов М., Раимкулов А. Турткультепа — новый памятник эпохи финальной бронзы в Южном Согда //Археологические работы на повостройках Узбекистана /Под ред. М. И. Филанович. Ташкент: Фан, 1990. С. 30—38.
- Исамиддинов М. Х., Раимкулов С. Квартал керамистов на Еркургане VI—VII вв. н.э. (Р-20) //ИМКУ. 1992. № 25. С. 123—132.
- Исамиддинов М. Х., Рахманов И. А. Предварительное исследование цитадели городища Калаи Захаки Морон //Тезисы докладов конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии». Ташкент: Фан, 1985. С. 56.
- Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Комплекс ритуально-культурной керамики IV—V вв. н.э. из Южного Согда //ИМКУ. 1977. № 13. С. 65—70.
- Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент: Фан, 1984. — 158 с.
- Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Результаты археологического обследования трассы Нижнекаршинского магистрального канала //ИМКУ. 1988. № 22. С. 11—131.
- Исамиддинов М. Х., Хасанов М. К вопросу о специализации ремесленного производства древнего Согда //ИМКУ. 1986. № 20. С. 50—60.
- История древнего мира. В 2 т. Т. II. М.: Наука, 1982.—576 с.
- История Казахской ССР: В 5 т. Т. I. Алма-Ата: Наука, 1977.—79 с., ил.
- Итина М. А. Раскопки могильника тазабагыбской культуры Кокча 3 //МКЭ. М., 1961. № 5. С. 3—97.
- Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II—начало I тысячелетия до н.э.) //ТХАЭ. Т. X. М.: Наука, 1977.—240 с.
- Итина М. А. Загадочные огады на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приаралья //Древности Евразии в скифо-сарматское время /Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой, В. Г. Петренко. М., 1984. С. 78—84.
- К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда //Отв. ред. Ю. Ф. Бурыков. Ташкент: Фан, 1981.—144 с., ил.
- Кабанов С. К. Изображение Сэнмурва с городища Куя-Фази //Бюллетень АН Узбекистана. 1947. № 9. С. 24—27.
- Кабанов С. К. 1950. Археологические работы в 1948 году в Каршинском оазисе //ТИИА АН УССР. Т. II. Ташкент, 1950. С. 82—135.
- Кабанов С. К. К вопросу о столице кидаритов //ВДИ. 1953. № 2. С. 201—207.
- Кабанов С. К., Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках //ВДИ. 1956. № 2. С. 163—174.
- Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н.э. в долине Кашкадарьи (Узбекистан) //СА. 1958. № 3. С. 144—152.
- Кабанов С. К. Археологические наблюдения на строительстве Иски-Ангарского канала //ИМКУ. 1959. № 1. С. 154—176.
- Кабанов С. К. Нахшебские монеты V—VI вв. //ВДИ. 1961. № 1. С. 137—145.
- Кабанов С. К. Керамический комплекс из наслоенного древнего городища в Китабе //ИМКУ. 1962. № 3. С. 42—54.
- Кабанов С. К. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках //СА. 1963. № 1. С. 219—234.
- Кабанов С. К. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв. н.э. //СА. 1966. № 3. С. 52—67.
- Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб //СА. 1969. № 1. С. 183—198.
- Кабанов С. К. Поздние кушаны в Нахшебе //ВДИ. 1973. № 3. С. 159—172.
- Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент: Фан, 1977.—136 с.
- Кабанов С. К. Раскопки сельского поселения III—V вв. н.э. близ Карши //СА. 1978. № 1. С. 178—191.
- Кабанов С. К. В оазисах и степях Кеша и Нахшеба. Ташкент: Узбекистан, 1988.—80 с.
- Кадырбаев М. К. Курганные некрополи верховьев р. Илек //Древности Евразии в скифо-сарматское время /Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой, В. Г. Петренко. М., 1984. С. 84—93.
- Кадыров Р. К. Обрядовый фольклор таджиков южного Узбекистана (долина р. Кашкадарья). М.: Наука, 1964. 40 с.
- Кадырова Т. Идеология народных движений в Мавераннахре и Хорасане IX—X веков //ОНУ. 1989. № 10. С. 45—51.
- Каменецкий И. С. К теории слоя //Статистико-комбинаторные методы в археологии /Под ред. Б. А. Колчина, Я. А. Шера. М., 1970. С. 83—95.
- Каменецкий И. С. Код для описания погребального обряда //Археологические открытия на повостройках. Древность Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции) Вып. 1. /Под ред. И. С. Каменецкого. М., 1986. С. 136—194.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода) /Под ред. Д. Г. Лахути. М.: Наука, 1975.—151 с.
- Карастянец А. М. Изобразительное искусство и письмо в архаических культурах (Китай до середины I тысячелетия до н.э.) //Ранние формы искусства/ Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 1972. С. 445—469.
- Кармышева Дж. Х. Земледельческая обрядность у казахов. //Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии/ Под ред. В. Н. Башилова. М., 1986. С. 47—70.
- Карастянец И. А. Культ змей у различных народов и его следы в Туркестане //ПТКЛА. Т. XIX. Ташкент. 1913. С. 17—28.
- Карастянец И. Археологические разведки в Бухарских владениях //ПТКЛА. Т. XXI. Ташкент, 1917. С. 26—42.
- Каховицкий В. Я., Смирнов А. П., Хулаш //Городище Хулаш и памятники средневекового Чувашского Поволжья. Чебоксары, Б. и., 1972. С. 3—73.
- Кацурис К., Бурыков Ю. 1963. Изучение ремесленного квартала аптничного Мерва у северных ворот Гяур-калы //ТЮТАКЭ. Т. XXI, 1963. С. 119—164.
- Квачидзе В. А. Бронзовая курильница—жертвенница из Приморской области Азербайджана //Тезисы докладов научной конференции «Культурные

- взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М., 1981. С. 63—64.
- Кирчо Л. Б. Черты преемственности в культуре эпохи ранней бронзы Южного Туркменистана // Преемственность и инновации в развитии древних культур / Под ред. В. М. Массона, В. Н. Боряя. Л., 1981. С. 66—69.
- Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М.: Наука, 1978.—214 с.
- Ковалев И. С. Александр и Клит (убийство Клита в Самарканде) // ВДИ. 1940. № 3.
- Ковалев И. С. Заговор «пажей» // ВДИ. 1948. № 4. С. 34—43.
- Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1985.—149 с.
- Кожин П. М., Сариниди В. И. Змея в культовой символике анауских племен // История, археология и этнография Средней Азии / Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1968. С. 35—41.
- Кой-Крылан-Кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. IV в. н.э. / С. П. Толстов, Б. Н. Андрианов, М. Г. Воробьева, А. Ю. Рапопорт, С. А. Трудновская, М. М. Рожанская, Н. И. Веселовский, М. С. Лапиров-Скобло // ТХАЭЭ. Т. V. М.: Наука, 1967.—347 с.
- Кочнев Б. Д. Из результатов раскопок 1972 г. в Каршинском оазисе // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. Ташкент, 1973. С. 136—138.
- Кочнев Б. Д. Исследования средневекового Несефа // АО 1974 г. 1975. С. 501—502.
- Кочнев Б. Д. Раскопки и разведки в Каршинском оазисе // АО 1976 г. 1977. С. 528—529.
- Кочнев Б. Д. Раскопки на Таллисортепе в Каршинском оазисе // АО, 1977 г. 1978. С. 526—527.
- Кочнев Б. Д. Работы в Каршинском оазисе // АО 1978 г. 1979. С. 553—555.
- Кочнев Б. Д. Свод памятников археологии Узбекистана. Раздел: Каршинский оазис. Архив ИААН РУз ф. 301. д.—109. Самарканд, 1980.
- Кочнев Б. Д. Работы на Алтынтепе // АО 1981 г. 1983. С. 457—458.
- Кочнев Б. Д. О монетах Нахшеба (Несефа) VII—VIII вв. // Третья всероссийская нумизматическая конференция в г. Владимире 17—21 апр. 1995 г. Тезисы докладов. М., 1995. С. 13—15.
- Кошеленко Г. А. Раскопки на поселении Джиндепе в 1961 г. // КСИА. 1963. № 95. С. 79—83.
- Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М.: Наука, 1966.—218 с.
- Кошеленко Г. А. Градостроительная структура «идеального» полиса (по Платону и Аристотелю) // ВДИ. 1975. № 1. С. 3—27.
- Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979.—279 с.
- Кошеленко Г. А., Оразов Д. О погребальном культе в Маргиане парфянского времени // ВДИ. 1965. № 4. С. 42—56.
- Кошеленко Г. А., Сердитых З. В. Типология и динамика развития системы расселения в Бактрии эллинистической эпохи // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье). Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986) / Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент, 1987. С. 54—59.
- Крамер С. Н. Мифология Шумера и Аккада / Пер. с англ. В. А. Яковсона // Мифология древнего мира / Под ред. В. А. Яковсона. М.: Наука, 1977. С. 122—160.
- Крашенинникова Н. И. К вопросу о взаимосвязи «Круглого храма» с так называемой «башней» Старой Нисы // Известия АН Туркм ССР. Сер. обществ. наук. Вып. 4. 1960. С. 38—45.
- Крашенинникова Н. И. Работы в Китабе // АО 1982 г. 1984. С. 461.
- Кругликова И. Т. Городище Емшитепе в Северном Афганистане // КСИА. 1973. № 136. С. 104—114.
- Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. Т. 1. / Под ред. И. Т. Кругликовой. 1976. С. 87—111.
- Кругликова И. Т. Идолы из Дильберджина / История и культура античного мира / Под ред. М. М. Кобылиной. М., 1977. С. 86—91.
- Кругликова И. Т. Дильберджин — кушанский город в Северном Афганистане // Археология старого и нового света / Под ред. В. И. Гуляева, М., 1982. С. 153—175.
- Кругликова И. Т. Дильберджин. Храм Диоскуров. Материалы советско-афганской экспедиции. М.: Наука, 1986.—119 с.
- Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин (раскопки 1970—1973 гг.). Ч. 2. М.: Наука, 1977.—132 с.
- Кругликова И. Т., Сариниди В. И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции // Древняя Бактрия. Т. 1. / Под ред. И. Т. Кругликовой. М., 1976. С. 3—21.
- Кругликова И. Т., Цветаева Г. А. Раскопки в Анапе // КСИА. 1963. № 95. С. 66—71.
- Ксенофонт. Авабасис / Пер. М. И. Максимовой. Под ред. И. И. Толстого. М.; Л., 1951.—298 с.
- Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- Кузнецова Т. М. Зеркала в погребальном обряде сарматов // СА. 1988. № 4. С. 52—63.
- Кузьмина Е. Е. Древнейшая фигура верблюда из Оренбургской области и проблема домостикации бактрианов // СА. 1963. № 2. С. 38—46.
- Кузьмина Е. Е. Семиреченский вариант культуры эпохи бронзы // КСИА. 1970 № 122. С. 44—49.
- Кузьмина Е. Е. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией // КСИА. 1972 а. № 132. С. 116—121.
- Кузьмина Е. Е. О синкретизме обрядов скифского искусства в связи с особенностями религиозных представлений иранцев. // Тезисы докладов III всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский «звериный» стиль). М., 1972 б. С. 51—52.
- Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на чертомлыцкой вазе // СА. 1976 а. № 3. С. 68—76.
- Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой. М.: Наука, 1976 б. С. 52—55.
- Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у иранских племен Средней Азии и других народов Старого света // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1977 а. С. 28—52.
- Кузьмина Е. Е. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского вклада // Искусство Востока и античности / Под ред. М. А. Коростовцева. М.: Наука, 1977 б. С. 16—25.
- Кузьмина Е. Е. Сцена терзания в искусстве савков // Этнография и археология Средней Азии / Под ред. А. В. Виноградова и др. М.: Наука, 1979. С. 78—82.
- Кузьмина Е. Е. Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // ВДИ. 1984. № 1. С. 93—109.
- Кузьмина Е. Е. Шортугай: проблемы соотношения этноса и материальной культуры (Н. Р. Francfort. Forilles de Shortughai Recherches sur l'Asie Central protohis-toriques, V. I, II. Paris, 1989) // ВДИ. 1992. № 4. С. 172—183.
- Кузьмина Е. Е., Сариниди В. И. Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика // КСИА. 1982. № 170. С. 19—27.
- Курочкин Г. Н. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана // СА. 1974. № 2. С. 34—49.

- Курочкин Г. Н. Золотой сосуд из Марлика //СА. 1990. № 2. С. 41—51.
- Курций Квинт. История Александра Македонского //Под ред. В. С. Соколова. М.: Изд. МГУ, 1963.—478 с.
- Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. //ТКАЭЭ. Т. 2. М., 1959. С. 155—242.
- Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд. МГУ, 1986.—292 с.
- Кызласов Л. Р. Античная традиция о благословенном городе в центре Азии //Тезисы докладов, посвященных археологии Средней Азии. ТашГУ, исторический факультет. Ташкент, 1990. С. 60—62.
- Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе //ВДИ. 1948. № 2. С. 215—314.
- Лебедева Т. И. Сельская округа и ее роль в формировании раннесредневекового Самарканда (по материалам сельской округа Самарканда): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1994.—34 с.
- Левек П. Эллинистический мир //Пер. с франц. Е. Н. Чиковой. М.: Наука, 1989.—250 с.
- Левина Л. М. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре //История, археология и этнография Средней Азии //Под ред. А. В. Виноградова и др. М., 1968. С. 167—179.
- Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. //ТХАЭ. Т. VII. 1971.—252 с. с ил.
- Левина Л. М. Поселения VII—V вв. до н.э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты //Кочевники на границах Хорезма //ТХАЭ. Т. XI. 1979. С. 178—191.
- Левина Л. М. Джетыасарские склепы //Низовья Сырдарьи в древности. Джетыасарская культура. Ч. I. Склепы. Вып. II. //Под ред. Б. И. Вайнберга. М., 1993. С. 33—199.
- Лекую Г. Айханум. Жилищное строительство //Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы советско-французского симпозиума (Самарканд, 1986) //Под ред. Г. А. Пугаченковой, А. А. Аскарова. Ташкент, 1987. С. 59—68.
- Лелеков Л. А. К истолкованию погребального обряда в Тагискене //СЭ. 1972. № 1. С. 128—131.
- Лелеков Л. А. К оценке исторических судеб зороастризма в Средней Азии в I тыс. до н.э. //Тезисы докладов сессии, посвящ. итогам полевых археологических исследований 1972 г. Ташкент: Фан, 1973. С. 114—116.
- Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н.э. //История и культура народов Средней Азии //Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1976 а. С. 7—18.
- Лелеков Л. А. Наследие звериного стиля в искусстве средневековья в древней Руси //Скифо-сибирский стиль в искусстве народов Евразии //Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой. М.: Наука, 1976б. С. 258—270.
- Лелеков Л. А. Ранние формы иранского эпоса //НАА. 1989. № 3. С. 173—189.
- Лелеков Л. А. Проблема индоиранских аналогий и явлениям скифской культуры //Скифо-сибирское культурное единство. Материалы I всесоюзной археологической конференции. Кемерово: Б. и., 1980. С. 118—125.
- Лелеков Л. А. Буддийский пещерный комплекс Каратепе на перекрестке мировых культур. К историографии бактрийского культурного и религиозного синкретизма //Тезисы докладов научн. конф. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981. С. 85—87.
- Лелеков Л. А. Афганистан на путях индоиранских миграций //Тезисы докладов научн. конференции «Проблемы культуры и искусства Афганистана» (июнь-июль 1982 г.). М., 1982. С. 12—14.
- Лелеков Л. А. Рец. La mort dans les sociétés anciennes. Cambridge—Paris: Cambridge University Press and Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1982 //ВДИ. 1984. № 4. С. 177—181.
- Лелеков Л. А. Вопросы интерпретации среднеазиатской коронластики эллинистического времени //СА. 1985. № 1. С. 55—61.
- Лелеков Л. А. Авеста в современной науке. М.: Б. и., 1992 а.—362 с.
- Лелеков Л. А. Симург //МНМ. Т. 2. 1992 б. С. 436—437.
- Леринг П. Оборона эллинистического города Айханум в Афганистане //Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986) //Под ред. Г. А. Пугаченковой, А. А. Аскарова. Ташкент, 1987. С. 68—72.
- Лившиц В. А. Согдийские документы с горы Муг. Л.: Изд. вост. лит., 1962. Вып. I. —90 с.; Вып. II.—221 с.
- Лисицына Г. Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М.: Наука, 1978.—240 с.
- Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе) //КСИММ. 1956. № LXIV. С. 68—77.
- Литвинский Б. А. Предварительный отчет о работах Хутталского отряда в 1954 году //АРТ. 1956. № 54. 77—88.
- Литвинский Б. А. Зеркала в верованиях древних ферганцев //СЭ. 1964. № 3. С. 97—104.
- Литвинский Б. А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии //ВДИ. 1967. № 4. С. 118—137.
- Литвинский Б. А. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе: Дониш, 1968.—119 с.
- Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972 а.—270 с.
- Литвинский Б. А. Курганы и курумы западной Ферганы. М.: Наука, 1972 б.—258 с.
- Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978.—216 с.
- Литвинский Б. А. Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблемы генезиса //Этнография и археология Средней Азии //Под ред. А. В. Виноградовой. М.: Наука, 1979. С. 65—70.
- Литвинский Б. А. Настенная живопись Калай-кафирниган //Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) //Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1981. С. 116—139.
- Литвинский Б. А. Протоиранский храм в Маргиане //ВДИ. 1989. № 1. С. 177—179.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджинатена. Архитектура, живопись, скульптура. М.: Искусство, 1971.—258 с.
- Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю. Античное городище Саксанохур (южный Таджикистан) //СА. 1969. № 2. С. 169—180.
- Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепая-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983.—240 с.
- Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М.: Наука, 1984.—239 с.
- Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М.: Наука, 1985.—261 с.
- Лордкипанидзе О. Д. Городище Вани в общеколхидском контексте //ВДИ. 1992. № 1. С. 184—209.
- Лоховиц Б. А. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат //МХЭ. М. Т. 6. 1963. С. 214—224.
- Лубо-Лесниченко Е. И. Шелковый путь в период шести династий (по новым материалам). //ТГЭ. Т. XIX. Вып. 8. Л., 1978.
- Лукошин В. Г. Завоевания Сасанидов на Востоке

- и проблема кушанской абсолютной хронологии //ВДИ. 1993. № 2. С. 20—45.
- Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М.: Искусство. 1977.—231 с.
- Лунина С. Б. Разведочное обследование группы средневековых городищ и поселений долины Кашкадарьи //Археология Средней Азии. Сб. науч. трудов ТашГУ. № 533. Ташкент, 1977. С. 44—76.
- Лунина С. Б. Города Южного Согда в VIII—XII вв. Ташкент: Фан, 1984.—127 с.
- Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа //МИА. № 194 М. Изд. АН СССР, 1961.—366 с.
- Маламуд Ш. Отрицание насилия в ведическом ритуале жертвоприношения //ВДИ. 1993. № 3. С. 79—88.
- Малаявкин А. Г. Согдийский торговый союз //ИБ МАИРКА. 1988. № 15. С. 53—60.
- Малютина Г. С. Могильник Приплотный лог I //Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья //Под ред. С. Я. Зданович. Челябинск, 1984. 58—79.
- Мамбетуллаев М. Топрак-кала Шаватская //Археология Приаралья. № 3 //Под ред. С. К. Камалова и др. Ташкент: Фан, 1986. С. 65—73.
- Мамбетуллаев М. История и культура Южного Хорезма античной эпохи (города и поселения в IV в. до н.э.—IV в. н.э.): Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. Ташкент, 1994.—62 с.
- Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. МИА. М.: Л.: Наука, 1966. № 136.—224 с.
- Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА. Л.: Наука, 1968. № 145.—182 с.
- Маневич А. П. Находка в Запорожском кургане //Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии //Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой. М., 1976. С. 146—193.
- Манылов Ю. П. Новые данные о погребальном обряде Хорезма первых веков нашей эры //Археологические исследования в Каракалпакии //Под ред. И. К. Касымбетова, В. Н. Ягодина. Ташкент, 1981. С. 50—63.
- Манылов Ю. П., Ходжаньязов Г. Городища Аяз-кала I и Бурлы-кала (к изучению фортификации древнего Хорезма) //Археологические исследования в Каракалпакии //Под ред. И. К. Касымбетова, В. Н. Ягодина. Ташкент, 1981. С. 32—50.
- Маринович Л. П. Искусство ранней Греции в национальном археологическом музее в Афинах //ВДИ. 1989. № 1. С. 238—244.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. Изд. 2. М., 1968.—559 с.
- Маршак Б. И. К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов //МИА. Л.: Наука, 1965. № 129. С. 308—317.
- Маршак Б. И. Код для описания керамики Пенджикента //Статистико-комбинаторные методы в археологии //Под ред. Б. А. Колчина, Я. А. Шера. М., 1970. С. 25—53.
- Маршак Б. И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. //Страны и народы Востока. 1971. № 10. С. 58—67.
- Маршак Б. И. Боги, демоны и герои пенджикентской живописи //Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа //Под ред. Г. И. Смирнова. Л., 1989. С. 115—128.
- Маршак Б. И., Распопова В. И. Музыка в согдийской культуре (по произведениям изобразительного искусства) //Тезисы докладов и сообщений. «Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность» (Душанбе 23—29 апр. 1990 г.). Душанбе, 1990. С. 161—163.
- Масимов И. С. Типология и пространственный анализ древних поселений //Тезисы совещания «Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ» (октябрь, 1980). Ашхабад: Ылым, 1980. С. 40—43.
- Масимов И. С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе //Древние цивилизации Востока (Материалы II советско-американского симпозиума) //Под ред. В. М. Массона. Ташкент, 1986. С. 171—181.
- Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. 1959. № 73.—211 с.
- Массон В. М. Средняя Азия и древний Восток. М.: Л.: Наука, 1964. 467 с.
- Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии //Древняя Бактрия //Под ред. В. М. Массона. Л., 1974. С. 3—13.
- Массон В. М. Образ небесного быка в эпоху бронзы //ПТ. 1975. № 2 (20). С. 15—16.
- Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология //БД. Л., 1976. С. 3—17.
- Массон В. М. Типология древних городов и исторический процесс //Древние города. Материалы к всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» (Пенджикент, окт. 1977 г.) //Под ред. В. М. Массона. Л.: Наука, 1977а. С. 5—8.
- Массон В. М. Раскопки кушанского города Зартепе //АО 1976 г. 1977 б. С. 534—535.
- Массон В. М. Диалектика традиций и инноваций, культурный процесс в древней Бактрии //Тезисы советско-французского симпозиума «Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи». Душанбе, 1982а. С. 9—14.
- Массон В. М. Энеолит Средней Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1982 б.—331 с.
- Массон В. М. Изучение идеологических систем древней Средней Азии //Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Тезисы докладов 90 летия Б. А. Латынина. Л., 1990. С. 21—23.
- Массон М. Е. Проблемы изучения цистерн-сардоба. — Ташкент: Изд. Комитета науки СНК УзССР, 1935а.—43 с.
- Массон М. Е. Скульптура Айртама //Искусство. Б. м. 1935 б. С. 129—134 с ил.
- Массон М. Е. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) в 1937 и 1938 гг. //ТТАКЭ. Т. III. Ташкент, 1945. С. 3—40.
- Массон М. Е. Городища в селении Багир и их изучение //ТЮТАКЭ. Т. I. 1949. С. 115—116, ил.
- Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда //ВДИ. 1950. № 4. С. 155—166.
- Массон М. Е. К изучению прошлого Старого Мерва //ТЮТАКЭ. Т. XII. 1963. С. 7—20.
- Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) //ТЮТАКЭ. Т. XIII. 1966. —299 с. ил., карт.
- Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965—1966 гг.). Ташкент: Фан, 1973.—100 с., ил.
- Массон М. Е. Работа Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области УзССР //Сборник научных трудов ТашГУ, № 533. Археология Средней Азии //Под ред. М. Е. Массона. Ташкент, 1977а. С. 3—63, ил.
- Массон М. Е. Парфяно-согдийские монеты области низовьев Кашкадарьи //История и культура античного мира //Под ред. М. М. Кобылиной. М., 1977б. С. 131—138.
- Массон М. Е., Лунина С. Б. Пятый сезон археологических работ в Кашкадарье //ОНУ. 1968. № 6. С. 61—62.
- Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Шахриябз при Тимуре и Улугбеке. //Труды САГУ. Новая сер. Вып. 49. Кн. 6. Ташкент, 1953. С. 17—98.
- Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны из Нисы. Альбом иллюстраций. М.: Изд. АН Туркм. ССР, 1956.—266 с.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. В 2 т.

- М.; Л.: Изд. АН СССР, 1938. Т. I.—612 с.; Т. II.—698 с.
- Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982.—328 с.
- Махмудова О. А. Раскопки на пригородной территории Неаполя Скифского //АО 1970. г. 1980. С. 303.
- Медведская И. М. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана //СА. 1972. № 3.
- Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока /Пер. с англ. Е. В. Антоновой /Под ред. Н. Я. Мерперта. М.: Наука, 1982.—149 с.
- Мелюкова А. И. Каменское городище //СНЭ. Т. 6. М. С. 940.
- Мелюкова А. И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства //Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии /Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой. М., 1976. С. 106—127.
- Мережин Л. М. Обследование районной стены III в. до н.э. вокруг Маргианы //ТЮТАКЭ. Т. XVI. 1978. С. 5—11.
- Мерциев М. С. Поселение Кызыл-кайнартобе I—IV вв. и захоронение на пем воина IV—V вв. //По следам древних культур Казахстана /Под ред. М. К. Кадырбаева. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 69—93.
- Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1962.—108 с.
- Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе: Дониш, 1977.—124 с.
- Мешкерис В. А. Змея — хтонический атрибут маргианской богини //КСИА. 1985. № 184. С. 35—41.
- Мешкерис В. А. Согдийская терракота. Душанбе: Дониш, 1989.—324 с.
- Мешкерис В. А. Коропластика Средней Азии IV—III вв. до н.э.—VII—VIII вв. н.э. (периодизация, типология, динамика стилей): Дисс. докт. ист. наук в форме научного доклада. М.: Б. и., 1992.—66 с.
- Мирбабаев А. К. К вопросу о погребальных обрядах в Уструшане //Раннесредневековая культура в Средней Азии и Уструшане. (Тезисы всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте ТаджССР 26—31 августа 1977 г.). Душанбе: Дониш, 1977. С. 80—81.
- Мирзаахмедов Дж. К исторической топографии оазиса Бухары //Я. Г. Гулямов и развитие исторической науки в Узбекистане. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию академика АН Узбекистана Я. Г. Гулямова. Ташкент, 1988. С. 57—59.
- Мирсаатов Т. М. Горные разработки в эпоху камня. Ташкент: Фан, 1977.—144 с.
- Мирсаатов Т. М. Хозяйство охотничье-рыболовецких племен среднеазиатского междуречья поры мезолита-неолита (источники сырья, эволюция способов его добычи и хозяйственные комплексы). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Новосибирск, 1989.—55 с.
- Мкртычев Т. К. К интерпретации терракоты, из Сара-тепе II (Южный Согд) //СА. 1985. № 3. С. 255—258.
- Мкртычев Т. К. Семантике одного колыба из Бунджиката //МКТ. 1987. № 4. С. 313—317.
- Мкртычев Т. К., Наймарк А. И. К проблеме Римско-Византийского влияния на культуру средневекового Согда //Тезисы докладов конференции «Зоны и этапы урбанизации». (Теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации в Средней Азии»). Наманган, 1989. С. 87—88.
- Мукерджи Б. И. К изучению социально-экономической истории Кушанской империи //ВДИ. 1984. № 3. С. 60—72.
- Мунчаев Р. М. Нечитайло А. Л. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике //СА. 1966 № 3. С. 133—153.
- Мусакаева А. Монеты Бухары //Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Альманах 89. /Сост. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент, 1989. С. 166—170.
- Мусакаева А. А. Монеты Западного Согда III в. до н.э.—VIII в. н.э. Опыт типологии и исторической периодизации: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1991.—23 с.
- Мухамедов Х. Узбекистоннинг қадимий мудофаа иншоатлари тарихидан (Эраимиздан олдинги II асрдан бошлаб эраимизнинг X асригача). Тошкент: Ўзфанакадашр, 1961.—103 б.
- Мухамеджанов А. Р. История орошения Бухарского оазиса (с древнейших времен до начала XX в.). Ташкент: Фан, 1978.—290 с.
- Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т. Городские памятники низовьев Зарафшана в IV в. до н.э.—VIII в. н.э. (К вопросу о формировании и развитии городской культуры в регионе) //Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда, античность, раннее средневековье. Материалы советско-французского colloquium (Самарканд, 1986). Ташкент, 1987. С. 77—87.
- Мухамеджанов А. Р., Валиев П. С. О работах Бухарского отряда //АО 1976 г. 1977. С. 535—536.
- Мухамеджанов А., Мирзаахмедов Д., Адылов Ш. Керамика нижних слоев Бухары. Опыт предварительной публикации //ИМКУ. 1982. № 17. С. 81—97.
- Мухамеджанов А. Р., Сулейманов Р. Х., Ураков Б. Культура древнебухарского оазиса III—VI вв. Ташкент: Фан, 1983.—125 с.
- Мухитдинов И. Обычай и обряды памирских таджиков, связанные с жилищем. Конец XIX—начало XX в. //СЭ. 1982. № 2. С. 76—83.
- Мухитдинов Х. Ю. Гончарный квартал Саксанахура //ИООН АН Тадж. Душанбе, 1968. № 3. С. 28—35 с ил.
- Мухитдинов Х. Ю. Терракоты Саксанахура как источник по истории и культуре Севернй Бактрии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1973.—33 с.
- Мухитдинов Х. Ю. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксанахура //СЭ. 1973. № 5. С. 99—108.
- Мухитдинов Х. Ю. Терракоты Саксанахура //Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. /Ред. коллегия: Б. Г. Гафуров и др. М.: Наука, 1975. С. 378—383.
- Мухтаров А. А., Негматов Н. Н., Ранов В. А., Якубов Ю. Я. Путешествие в Согдиану. Душанбе: Ирфон, 1982.—132 с.
- Мыськов Е. В. Вторичные погребения срубной культуры в могильнике Чевин //СА. 1984. № 3. С. 205—209.
- Навои А. Асарлар. Т. XIV. Тошкент: Узадабийт-нашр, 1967.—270 б.
- Наймарк А. И. К нумизматической истории Намшеба //Тезисы докладов ТашГУ, исторический факультет, посвящ. археологии Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 66—68.
- Наршахи. История Бухары /Пер. Н. Лыкошина. Ташкент: Тип. Лит. Ф. и Г. бр. Каменские. 1897.—124 с.
- Наршахи. Абубакр Мухаммад бинни Чафар Наршахи. Таърихи Бухоро. Душанбе: Дониш, 1979.—118 с.
- Негматов Н. Н. Божественный и демонический пантеон Уструшаны и их индоевропейские параллели //Древние культуры Средней Азии и Индии. /Под ред. В. М. Массона. Л.: Наука, 1984. С. 146—164.
- Негматов Н. Н., Беляева Т. В. Исследования Нуртепа //АРГ. Душанбе, 1981. № 21. С. 19—32.
- Негматов Н. Н., Соколовский В. М. Реконструкция и сюжетная интерпретация росписей малого зала дворца афшинов Уструшаны //Ранне-средневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы всесоюзной науч. конф. в г. Пенджикенте ТаджССР. 26—31 августа 1977 г. Душанбе, 1977. С. 150—153.
- Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Сред-

- невесковий Шахристан. Материальная культура Уструшаны. Душанбе. 1966.—198 с.
- Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982.—238 с.
- Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А. Керамика Дальверзинтепе //Дальверзинтепе — купанский город на юге Узбекистана. /Под ред. Л. И. Ремиеля. Ташкент, 1978. С. 143—161.
- Неразик Е. Е. Археологическое обследование городища Куня-Уз в 1952 г. //ТХАЭЭ. Т. II. 1958. С. 367—397.
- Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.: Наука, 1966.—155 с.
- Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.) Из истории жилища и семьи //ТХАЭЭ. т. IX. М.: Наука, 1976.—255 с.
- Неразик Е. Е. Купольная постройка в Якке-Парсаиском оазисе //Культура Среднего Востока. Развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Градостроительство и архитектура. /Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1989. С. 71—74.
- Нестеров С. П. Копь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990.—141 с.
- Нефедов Н. Динамика заселения долины реки Гузардары в эпоху античности и раннего средневековья //Тезисы докладов всесоюзного науч. совещ. «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент: Фан, 1979. С. 67—68.
- Нефедов Н. Ю. Жилая застройка Еркургана //ИМКУ. 1983. № 18. С. 136—147.
- Нефедов Н. Ю. Пригородный жилой комплекс городища Еркурган //ИМКУ. 1988. № 22. С. 219—224.
- Нефедов Н. Ю. Некоторые итоги раскопок дворцового комплекса Еркургана //ИМКУ. 1990. № 24. С. 107—116.
- Нефедов Н. Ю. Купольно-мемориальное сооружение Еркургана II—IV вв. н.э. //Археологические работы на новостройках Узбекистана. /Под ред. М. И. Филинович. Ташкент, 1990. С. 118—126.
- Нефедов Н. Ю. Раскопки Хантепа //Отчет об археологических исследованиях в 1990 году в зоне реконструкции староорошаемых земель Касанского района II очереди орошения и освоения Каршинской степи. Самарканд, 1991. Архив ИААН РУз ф. 301, д. 87.
- Нильсен В. А. Кызылкыр //ИМКУ. 1959. № 1. С. 60—78.
- Нильсен В. А. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафир-калы под Самаркандом //ИМКУ. 1965. № 6. С. 116—123.
- Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент: Фан, 1966.—333 с.
- Новгородова Э. А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989.—382 с.
- Норман Браун У. Индийская мифология /Пер. с англ. Я. В. Василькова //Мифологии древнего мира. Под ред. В. А. Яковсона. М.: Наука, 1977. С. 283—336.
- Ноткин И. И. Эволюционно-структурные процессы в среднеазиатском градостроительстве //Культура Среднего Востока, развитие, связи и взаимодействия с древнейших времен до наших дней. Градостроительство и архитектура /Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1989. С. 126—134.
- Ньюлли Г. Археология и проблема происхождения зороастризма: новые перспективы //ВДИ. 1989. № 2. С. 175—178.
- Обельченко Н. В. Захоронения костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса //ИМКУ. 1959. № 1. С. 94—108.
- Обельченко Н. В. Культура античного Согда по археологическим данным VII в. до н.э.—VII в. н.э. М.: Наука, 1992.—253 с.
- Овайко П. А. О сахновской пластике //СА. 1984. № 3. С. 18—28.
- Остроумов И. П. О чашах и кубках у азиатских преимущественно народов //В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели. Под ред. Е. К. Бетгера. Ташкент: Б. и., 1927. С. 215—226.
- Павчинская А. В. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник (типология, районирование, хронология). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Самарканд, 1990.—18 с.
- Перихания А. Г. Ордалия и клятва в судопроизводстве доисламского Ирана //Меродеазиатский сборник. Вып. III. М. 1979. С. 189—192.
- Перихания А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.: Наука, 1983.—382 с.
- Пидаев Ш. Р. Материалы к изучению древних памятников //Древняя Бактрия. /Под ред. И. Т. Кругликовой. Л., 1974. С. 32—42.
- Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978.—143 с.
- Пидаев Ш. Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок //Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье). Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986). Ташкент, 1987. С. 87—98.
- Пилипко В. Н. Терракотные статуэтки музыкантов из Мерва //ВДИ. 1969. № 2. С. 100—105.
- Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарри-Кяриз. Ашхабад: Ылым, 1975.—120 с.
- Пилипко В. Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад: Ылым, 1985.—246 с.
- Пилипко В. Н. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана: Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. М., 1989 а.—31 с.
- Пилипко В. Н. Голова в шлеме из Старой Нисы //ВДИ. 1989 б. № 3. С. 167—178.
- Пилипко В. Н. Позднепарфянские памятники Ахала. Ашхабад: Ылым, 1990.—174 с.
- Пичкиан И. Греко-бактрийские алтари храма Окса (Северная Бактрия) //ИБМАИРКА. Вып. 12. 1987. С. 65—75.
- Пичкиан И. Композиция храма Окса в контексте архитектурных сопоставлений //ИБМАИРКА. Вып. 12. 1987. С. 49—64.
- Пичкиан И. Р. Культура Бактрии ахеменидского и эллинистического периодов. М.: Наука, 1991.—340 с.
- Плетнева С. А. О домашних обрядах в Саркеле-Белой Веже //РА. 1994. № 1. С. 166—174.
- Плутарх. Избранные биографии /Пер. с греч. Под ред. С. Я. Лурье. М.: Л., 1941.
- Попова Е. А. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры //СА. 1976. № 1. С. 108—124.
- Потапов Л. П. Умай-божество древних тюрков в свете этнографических данных //Тюркологический сборник 1972 г. М., 1973. С. 265—287.
- Потапов Л. П. Копь в верованиях и эпосе Саяно-Алтая //Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами /Под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука, 1977. С. 164—176.
- Потапов Л. П. Тюркоязычных народов мифология //МНМ. 1992. Т. 2. С. 536—541.
- Пругер Е. Б. Горный промысел Южного Согда-Кеша. Ташкент, 1986.—36 с.
- Пругло В. И. Терракотные статуэтки всадников на Боспоре //История и культура античного мира. /Под ред. М. М. Кобылиной. М.: Наука, 1977. С. 177—183.
- Птицын Г. В. К вопросу о географии «Шах-наме» ТОВЭ. Т. IV. Л., 1947. С. 293—313.
- Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Нисы //ТЮТАКЭ. Т. I. 1949. С. 201—260.
- Пугаченкова Г. А. Материалы по восточной глиптике //Труды САГУ. Новая сер. № С XI. Ташкент, 1959. С. 139—155.
- Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры

- Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма //ТЮТАКЭ. Т. VI. 1958. 490 с.
- Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня //СА. 1959. №XXIX—XXX. С. 119—142.
- Пугаченкова Г. А. Корoplastика древнего Мерва //ТЮТАКЭ. Т. XI. 1962. С. 116—178.
- Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан. 1966 а.—287 с.
- Пугаченкова Г. А. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского войства //ВДИ. 1966 б. № 2. С. 27—44.
- Пугаченкова Г. А. Трон Митридата I из Парфянской Нисы //ВДИ. 1969. № 14. С. 161—171.
- Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М.: Искусство. 1971.—202 с.
- Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии //ВДИ. 1973а. № 1. С. 121—131.
- Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии //Из истории античной культуры Узбекистана /Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент, 1973 б. С. 78—129.
- Пугаченкова Г. А. О культах Бактрии в свете археологии //ВДИ. 1974. № 3. С. 124—135.
- Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана //Древняя Бактрия /Под ред. И. Т. Кругликовой. М., 1976. С. 125—163.
- Пугаченкова Г. А. Два предмета римского художественного экспорта на бактрийской земле //Искусство Востока и античность/Под ред. М. А. Коростовцева. М.: Наука. 1977. С. 62—71.
- Пугаченкова Г. А. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Нисы и Мерва //ТЮТАКЭ. Т. XVI. 1978 а. С. 16—31.
- Пугаченкова Г. А. Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии //Дальверзинтепе—кушанский город на юге Узбекистана /Под ред. Л. И. Ремпель. Ташкент, 1978 б. С. 176—222.
- Пугаченкова Г. А. Квартал керамистов (Дт—9) //Дальверзинтепе—кушанский город на юге Узбекистана /Под ред. Л. И. Ремпель. Ташкент, 1978 в. С. 115—143.
- Пугаченкова Г. А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.) //Древняя Бактрия /Под ред. И. Т. Кругликовой. Т. 2. М., 1979 а. С. 63—95.
- Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М.: Искусство. 1979 б.—248 с.
- Пугаченкова Г. А. Искусство Гандхары. М.: Искусство. 1982.—195 с.
- Пугаченкова Г. А. Новое в художественной культуре античного Согда //Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1983. С. 521—531.
- Пугаченкова Г. А. Очажные подставки из Булакбаши (К археологии древнего скотоводческого населения Самаркандского Согда) //ОНУ. 1986. № 5. С. 34—36.
- Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан. 1989 а.—204 с.
- Пугаченкова Г. А. Образы божеств в скульптуре Тохаристана времени кушан //Краеведение Сурхандарьи. Ташкент: Узбекистан, 1989 б. С. 20—42.
- Пугаченкова Г. А. К интерпретации одного из персонажей на биянайманском оссуарии //Культура древнего и средневекового Самарканда, и исторические связи Согда. Тезисы докладов советско-французского colloquium. Самарканд, 25—30 сент. 1990 г. Ташкент: Фан, 1990. С. 78—79.
- Пугаченкова Г. А. Культовые курьльницы Северной Бактрии //ИМКУ. 1991. № 25. С. 98—111.
- Пугаченкова Г. А. Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М.: Искусство. 1965.—688 с.
- Пугаченкова Г. А. Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. М.: Искусство, 1982.—287 с.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. О «золоте безымянных царей» из Тиллятепе (к проблеме стиля и связей) //Из истории культурных связей народов Средней Азии и Индии. /Ред. колл. М. М. Хайруллаев и др. Ташкент, 1986. С. 209—213.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Реплика (еще раз к вопросу о сокровищах из Тилля-тепе) //ИБМАИИЦА. Вып. 18. 1991. С. 130—132.
- Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры, древность и средневековье. Ташкент, 1990.—218 с.
- Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Исследование Дальверзинтепе в 1972 г. //Древняя Бактрия /Под ред. В. М. Массона. Л., 1974. С. 58—74.
- Пулотов У. П. «Дом огня» в Уструшане //Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР 26—31 авг. 1977 г. Душанбе: Дониш, 1977. С. 77—80.
- Пьянков И. В. Древний Самарканд (Мараканда) в известиях античных авторов. Душанбе: Дониш, 1972.—60 с.
- Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе: Дониш, 1975.—194 с.
- Пьянков И. В. Зороастр в истории Средней Азии, к проблеме места и времени. Опыт исторической реконструкции //ВДИ. 1996. № 3. С. 3—23.
- Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1989.—252 с.
- Пырин В. А. Отчет о работе Еркурганского отряда за 1988 г. Самарканд, 1988. Архив ИА АН РУз, ф. 301, д. 74.
- Пырин В. А. Отчет о работе Еркурганского отряда за 1989 г. Самарканд, 1989. Архив ИА АН РУз, ф. 301, д. 79.
- Пырин В. А. Предварительные результаты изучения квартала металлостов Еркургана //ИМКУ. 1990 а. № 24. С. 121—126.
- Пырин В. А. Раскопки отдельного хозяйства ремесленника-металлиста в Еркургана //Археологические работы на новостройках Узбекистана /Под ред. М. И. Филинович. Ташкент, 1990 б. С. 113—118.
- Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.—216 с.
- Раевский Д. С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей //Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности /Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1983. С. 40—60.
- Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985.—255 с.
- Раймкулов А. Турткультепе — раннесредневековое сельское поселение в верхней Кашкадарье //Я. Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию академика АН УзССР Я. Г. Гулямова. Ташкент: Фан, 1988. С. 78—79.
- Раймкулов А. А. Культура сельских поселений Нахшеба в эпоху раннего феодализма: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1992.—23 с.
- Рапопорт Ю. А. Некоторые вопросы сложения зороастрийской погребальной обрядности (По археол. данным). (XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). М.: Изд. вост. лит., 1960.—42 с.
- Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. ТХАЭЭ. Т. VI. 1971.—125 с.
- Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах //Средняя Азия в древности и средневековье /Под ред. Б. Г. Гафурова. М., 1977. С. 58—72.
- Рапопорт Ю. А. К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-Калы //Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока /Под ред. И. Р. Пичкина. М., 1978. С. 275—285.
- Рапопорт Ю. А. Святылище во дворце на городище Калалы-гыр I //Прошлое Средней Азии /Под ред. В. А. Ранова. Душанбе, 1987. С. 140—149.

- Рапопорт Ю. А. Религия древнего Хорезма: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1991.—44 с.
- Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалыгыр //МХАЭЭ. Вып. 6. 1963. С. 141—157.
- Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Башнеобразные хорезмийские оссуарии (к вопросу о домусульманских мавзолеях Средней Азии) //История Средней Азии /Под ред. А. В. Виноградова и др. М., 1968. С. 147—156.
- Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гаур-Кала //ГХАЭЭ. Т. II. М., 1958. С. 347—367.
- Распопова В. И. Керамика и слой поселения //Статистико-комбинаторные методы в археологии /Под ред. Б. А. Колчина, Я. А. Шера. М., 1970. С. 95—100.
- Распопова В. И. Помещения с очагом-алтарем в древнем Пенджикенте //Тезисы докладов «Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М.: Наука, 1981. С. 132—133.
- Распопова В. И. Равнесредневековый согдийский город (по материалам Пенджикента): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук в форме научного доклада. Спб., 1993.—70 с.
- Рассудова Р. Я. Формы организации труда в общинах некоторых районов поливного земледелия Средней Азии (конец XIX—начало XX в.) //ТИЭАН СССР. Нов. сер. Т. XCVII. С. 274—282.
- Рахманов Ш. Пограничная стена Бактрии и Согда //Тез. докл. советско-французского коллоквиума. Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Самарканд, 25—30 сент. 1990 г. Ташкент: Фан, 1990. С. 82—83.
- Рау П. Д. Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья //Труды секции археологии РАНИОН. Т. IV. М., 1928. С. 431—436.
- Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы //ТЮТАКЭ. 1949. С. 332—372.
- Ремпель Л. И. Бронзовый ковчик Центрального музея Казахстана //Искусство Востока и античности /Под ред. М. А. Коростовцева, М.: Наука, 1977. С. 26—31.
- Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые обряды и бродячие сюжеты Средней Азии. Ташкент: Изд. Г. Гуляма, 1987.—189 с.
- Ригведа: Мандалы I—IV /Изд. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989.—769 с.
- Розенберг Р. История искусства с древнейших времен до наших дней /Пер. с нем. О. О. Павловской. Спб.: Б. и., 1905.—336 с.
- Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре //ИАК, Вып. 43. Спб., 1913. С. 133—140.
- Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. I, II. Спб., 1914.
- Ростовцев О. М. Изучение сельских поселений Самаркандского Согда //ИМКУ. 1975. № 12. С. 98—103.
- Ртвеладзе Э. В. Изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана //Древняя Бактрия /Под ред. В. М. Массона. Л., 1974. С. 74—85.
- Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана //БД. Л., 1976. С. 93—103.
- Ртвеладзе Э. В. К локализации «греческой» переправы на Оксе //ВДИ. 1977 № 4. С. 182—188.
- Ртвеладзе Э. В. Храм в северной части Дальверзинтепе //Дальверзинтепе—кушанский город на юге Узбекистана /Под ред. Л. И. Ремпеля. Ташкент: Фан, 1978а. С. 75—90.
- Ртвеладзе Э. В. Дальверзинский наус //Дальверзинтепе—кушанский город на юге Узбекистана /Под ред. Л. И. Ремпеля. Ташкент: Фан, 1978 б. С. 97—115.
- Ртвеладзе Э. В. О численности населения кушанских населенных пунктов Северной Бактрии //История и археология Средней Азии /Под ред. О. В. Обельченко. Ашхабад, 1978 в. С. 107—115.
- Ртвеладзе Э. В. Ксениппа-Паретака //Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) /Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1981. С. 95—102.
- Ртвеладзе Э. В. Могильник кушанского времени у Ялангтуттепе //СА. 1983. № 2. С. 125—145.
- Ртвеладзе Э. В. Кушанская крепость Кампыртепе //ВДИ. 1984. № 2. С. 87—107.
- Ртвеладзе Э. В. Ред. Литвинский Б. А., Седов А. В., Тепай-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983 //ВДИ. 1985. № 4. С. 184—190.
- Ртвеладзе Э. В. Средневековый могильник Биттепе в Чаганиане //СА. 1986. № 4. С. 194—210.
- Ртвеладзе Э. В. Древняя Бактрия-средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988 а. 37 с.
- Ртвеладзе Э. В. Монеты Кеша //История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. /Редколл. Г. А. Хидоятов и др. Ташкент, 1988 б. С. 38—43.
- Ртвеладзе Э. В. Бактрийские города с индоарийскими названиями //Города Центральной Азии на Великом шелковом пути (Тезисы докладов конференции, посвященной 60-летию проф. Ю. Ф. Бурякова): Самарканд, 30 марта 1994 г. Самарканд, 1994. С. 59—60.
- Ртвеладзе Э. В. Новые данные к истории государства Кушан //ОИУ. 1997. № 5. С. 67—70.
- Ртвеладзе Э. В., Пидяев Ш. Р. Древнебактрийская крепость Талашкантепе //РА. 1993. № 1. С. 133—147.
- Рунич А. П. О конской сбруе из района Пятигорья //СА. 1973. № 1. С. 163—171.
- Русанова И. П. Збручное святилище //СА. 1986. № 4. С. 90—100.
- Русяева А. С. Памятники духовной культуры и быта. Терракота и фигурные сосуды //Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время /Под ред. С. Н. Крыжикова. Киев, 1987. С. 134—175.
- Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва //ТЮТАКЭ. Т. XI 1962. С. 41—116.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.—606 с.
- Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987.—782 с.
- Сагдуллаев А. С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1978—17 с.
- Сагдуллаев А. С. Проблемы инноваций в среднеазиатских комплексах эпохи раннего железа //Преемственность и инновации в развитии древних культур. Материалы методологического семинара ЛОИА /Под ред. В. М. Массона, В. И. Борз. Л., 1981. С. 109—112.
- Сагдуллаев А. С. Древние пути на юге Узбекистана //ОИУ. 1981. № 7. С. 34—38.
- Сагдуллаев А. С. Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи //СА. 1984. № 3. С. 154—163.
- Сагдуллаев А. С. Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи раннего железа (некоторые итоги исследований в 1976—1986 гг.) //Культуры юга Узбекистана в древности и средневековье /Под ред. Г. А. Хидоятова. Ташкент, 1987 а. С. 3—16.
- Сагдуллаев А. С. Особенности оседлого расселения в Южном Согде в эпоху античности //Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986) /Под ред. Г. А. Пугаченковой, А. А. Аскарова. Ташкент, 1987 б. С. 131—135.
- Сагдуллаев А. С. К вопросу о второй столице Согда //СА. 1988. № 4. С. 223—230.
- Сагдуллаев А. С. Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры

- и социально-экономическая динамика): Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. М., 1989а.—45 с.
- Сагдуллаев А. С. Некоторые проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I //СА. 1989 б. № 2. С. 49—66.
- Сагдуллаев А. С. К изучению культовых и погребальных обрядов юга Средней Азии эпохи раннего железа //Древняя и средневековая археология Средней Азии (К проблеме истории культуры) /Под ред. З. И. Усмановой. Ташкент: Фан, 1990. С. 29—37.
- Садоков Р. А. Музыкальная культура древнего Хорезма. М.: Наука, 1970.—140 с.
- Сайко Э. В. Урбанизация как социокультурный процесс в стадийной характеристике исторического развития (переход от классового общества к классовому) //Методологические проблемы исследования процесса урбанизации в древности /Под ред. В. И. Гуляева. М.: Б. И., 1991. С. 11—82.
- Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья //МИА. 1951. № 21. С. 94—152.
- Самибаев М. К. Проблемы культурной истории Согда в V—VIII вв. (по материалам храма-крепости Джартепе II): Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. СПб., 1993.—25 с.
- Сарианиди В. И. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. М., 1975.—56 с.
- Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977 а.—172 с.
- Сарианиди В. И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии //СА. 1977 б. № 1. С. 203—205.
- Сарианиди В. И. Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы //Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока /Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1986. С. 66—72.
- Сарианиди В. И. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. //СА. 1986. № 2. С. 34—47.
- Сарианиди В. И. Зороастрийская проблема в свете новейших археологических открытий //ВДИ. 1989 а. № 2. С. 178—182.
- Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тиллатепе. М.: Наука, 1989 б. 236 с.
- Сарианиди В. И. И здесь говорил Заратустра. М.: Б. И., 1992 а.—248 с.
- Сарианиди В. И. Два уникальных флакона из Бактрии //ВДИ. 1992 б. С. 81—94.
- Сарианиди В. И. Теменис Гонкура //ВДИ. 1997. № 1. С. 148—168.
- Саттор М. Умри узун удумлар //Мулокат. 1991. № 8. 46—50 б.
- Седов А. В. Бактрийско-сасанидские параллели в коронистике //Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье /Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1979. С. 68—73.
- Седов А. В. Керамические комплексы айханумского типа на правобережье Амударьи //СА. 1984. № 3. С. 171—180.
- Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни //КСИИМК. 1953. № 50. С. 92—94.
- Седов В. В. Новые данные о языческом святилище Перуна //КСИИМК. 1954. № 53. С. 105—109.
- Седов В. В. Восточные славяне в VI—VIII вв. Археология СССР. М.: Наука, 1982.—328 с.
- Семека Е. С. Структура некоторых цейлонских ритуалов и мифов (в связи с культом деревьев) //Индийская культура и буддизм /Под ред. Н. И. Конрада, Г. М. Бонгард-Левина. М., 1972. С. 115—148.
- Семенов Г. Л. Согдийская замковая архитектура //Тезисы докладов конференции «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М.: Наука, 1981. С. 139—140.
- Семенов Г. Л. Город и замок в раннесредневековом Согде //Культурные взаимосвязи народов Средней Азии. Древность и средневековье. М., 1990.
- Семенов Г. Л. Святилище в Пайкенде (1993) //Эрмитажные чтения 1986—1994 годов памяти В. Г. Луконина. СПб., 1995. С. 171—178.
- Сердитых З. В., Кошеленко Г. А. Проблемы истории и культуры Греко-Бактрии в литературе последних лет //СА. 1987. № 3. С. 237—251.
- Сидорова В. С. Художественная культура древней Индии. М.: Наука, 1972.—120 с.
- Син Цзян Као Гу сан ши кянь (30 лет археологии в Син Цзяне). Институт археологии СУАР, Урумчи, 1983. (на кит. яз.).
- Ситняковский М. Ф. Кафир-Мури //ПТКЛА. Т. V. 1900. С. 45—49.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М.: Наука, 1964.—379 с.
- Смирнов К. Ф., Попов С. А. Сарматское святилище огня //Древности Восточной Европы. /Под ред. Л. А. Евтюховой. М., 1969. С. 210—217.
- Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. СПб., 1909.—6 с. 130 ил.
- Смирнова О. И. Места домусульманских культов Средней Азии (По материалам топонимии) //Страны и народы Востока. Вып. X. 1971. С. 90—109.
- Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.—236 с.
- Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы //КСИИМК. М., 1957. № LXXI. С. 86—99.
- Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия, проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977.—294 с.
- Ставиский Б. Я. Основные итоги изучения Каратепе в 1974—1977 гг. //Буддийские памятники Каратепе в Старом Термезе /Под ред. Б. Я. Ставиского. М., 1982. С. 7—50.
- Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Панджикентский некрополь //МИА. 1953. № 37. С. 64—99.
- Стеблин-Каменский И. М. «Четыре стороны» в Авесте (1994) //Эрмитажные чтения 1986—1994 годов памяти В. Г. Луконина. СПб., 1995. С. 219.
- Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992.—492 с.
- Страбон. География. В 17 кн. /Пер. Г. А. Стратоновского. М.: Наука, 1964.—944 с., ил.
- Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья. Кавказа и Средней Азии. Л.: Наука, 1968.—355 с.
- Сулейманов Р. Х. Результаты изучения городища Еркурган — древней столицы Южного Согда //Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции. Ч. II. Киев, 1975. С. 46—47.
- Сулейманов Р. Х. О некоторых особенностях этнокультурного развития Бухарского оазиса на рубеже древности и средневековья //Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тезисы докладов всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР 26—31 авг. 1977 г.). Душанбе, 1977. С. 68—69.
- Сулейманов Р. Х. Основные этапы развития городища Еркурган //Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. 1979. С. 11—12.
- Сулейманов Р. Раскопки на городище Еркурган //АО 1979 г. 1980. С. 459.
- Сулейманов Р. Изучение общественно-культурных сооружений Еркургана //АО 1980 г. 1981. С. 460—462.
- Сулейманов Р. Работа Еркурганского отряда //АО 1981 г. 1983. С. 467—468.
- Сулейманов Р. Х. Развитие древних городов Южного Согда //ОНУ. 1985. № 9. С. 37—38.
- Сулейманов Р. Х. Храмовый комплекс Еркургана //Тезисы докладов советско-французского colloquium. Самарканд, 25—30 авг. Ташкент, 1986. С. 109—110.
- Сулейманов Р. Х. Храмовый комплекс Еркур-

- гана, предварительные результаты изучения// Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы международного коллоквиума (Самарканд, 1986)./ Под ред. Г. А. Пугаченковой, А. А. Аскарова Ташкент, 1987. С. 135—144.
- Сулейманов Р. Х. Зороастрийская дахма Еркургана//Я. Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию академика АН УЗССР Я. Г. Гулямова. Ташкент, 1988. С. 87—89.
- Сулейманов Р. Х. Дахма Еркургана//ОНУ. 1989. № 11. С. 41—45.
- Сулейманов Р. Х. Общественные сооружения Еркургана осевого композиционно-планировочного типа//Культура Среднего Востока. Развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Градостроительство и архитектура/Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1989. С. 35—51.
- Сулейманов Р. Х. Иригация и древние системы расселения (Каршинский оазис)//Тез. межрегиональной конференции «Социально-пространственные структуры в стадийной характеристике культурно-исторического процесса». М., 1992. С. 90—93.
- Сулейманов Р. Х. Оригинальное культовое сооружение на северной периферии античного Тохаристана//Тезисы докладов «Бактрия-Тохаристон кадимда ва ўрта асрларда». Сурхондарё вилоят ўлкашунослик музейининг 60 й. бағишланган илмий анжуман маърузалари баёни. Термиз. 16—17 сент.—окт. 1993 й. Самарканд, 1993. С. 35—36.
- Сулейманов Р. Х., Исамиддинов М. Х. О находке серийной продукции коропласта Еркургана//Культура Среднего Востока, развитие, связи (с древнейших времен до наших дней). Изобразительное и прикладное искусство/Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент, 1990. С. 58—62.
- Сулейманов Р. Х., Исамиддинов М., Сабиров К., Нефедов Н. Раскопки на городище Еркурган//АО 1974 г. 1975. С. 513—515.
- Сулейманов Р., Исхаков М., Исамиддинов М., Нефедов Н. Раскопки на городище Еркурган//АО 1978 г. 1979. С. 562—563.
- Сулейманов Р., Исхаков М., Туребеков М., Нефедов Н. 1976. Раскопки на городище Еркурган//АО 1975 г. 1976. С. 536—538.
- Сулейманов Р., Исамиддинов М., Туребеков М., Нефедов Н. Основные итоги раскопок на Еркургане//АО 1976 г. 1977. С. 544—546.
- Сулейманов Р., Исхаков М., Туребеков М., Нефедов Н. Раскопки городища Еркурган//АО 1977 г. 1978. С. 539—540.
- Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю. Раскопки святилища храма городища Еркурган//ИМКУ. 1979. № 15. С. 49—57.
- Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю. Предварительные результаты раскопок Еркургана//ИМКУ. 1982. № 17. С. 47—51.
- Сулейманов Р. Х., Туребеков М. Этапы развития фортификационной системы Еркургана//ИМКУ. 1978. № 14. С. 60—66.
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация/Пер. с англ. С. А. Ляковского. М.: Изд. Иностран. лит., 1949.—371 с.
- Тахо-Годи А. А. Амазонки //МНМ. 1991. Т. I. С. 63—65.
- Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент: Фан, 1980.—148 с., ил.
- Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда//ВДИ. 1947 а. № 4. С. 127—135.
- Тереножкин А. И. Археологическая реконструкция в западной части Узбекистана//ВДИ. 1947 б. № 2. С. 185—190.
- Тереножкин А. И. Холм Актепе Ташкента (раскопки 1940)//ТИИА АН УЗССР. Т. I. 1948. С. 71—135.
- Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.—224 с.
- Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири эпохи камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1989.—202 с.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд. МГУ, 1948а.—352 с.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., Изд. АН СССР. 1948б.—323 с.
- Толстов С. П. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1953 г.//ВДИ. 1955. № 3. С. 192—206.
- Толстов С. П. по древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд. вост. лит., 1962.—322 с.
- Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. //МХЭ. Вып. 6. М., 1963. С. 3—91.
- Толстов С. П., Итина М. А. Саки визовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена)//СА. 1966. № 2. С. 151—177.
- Топоров В. Н. К реконструкции некоторых мифологических представлений (на материале буддийского изобразительного искусства)//НАА. № 3. 1964. С. 101—111.
- Топоров В. Н. Агни//МНМ. Т. I. 1991а. С. 35—36.
- Топоров В. Н. Ашвины//МНМ. Т. I. 1991б. С. 144—145.
- Топоров В. Н. Козел//МНМ. Т. I. 1991в. С. 663—664.
- Топоров В. Н. Мандала//МНМ. Т. 2. 1992 а. С. 100—102.
- Топоров В. Н. Сарасвати//МНМ. Т. 2. 1992б. С. 409.
- Топрак-кала. Дворец/ Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А., Лившиц В. А., Лапиров-Скобло М. С. //ТХАЭЭ. 1984. Т. XIV.—299 с.
- Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940.—178 с.
- Тревер К. В. Кушаны, хониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв.//СА. 1954. № XXI. С. 119—131.
- Тревер К. В. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан) (К вопросу о кушанском пантеоне) //ТГЭ. Т. II. 1958. С. 130—146.
- Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III—VII веков. М.: Искусство. 1987.—154 с.
- Трубачев О. Н. «Старая Скифия» Геродота и славяне. Лингвистический аспект // В. Я. 1979. № 4. С. 29—45.
- Тургунов Б. А. Дом богатого домовладельца // Дальверзинтепе—кушанский город на юге Узбекистана/Под ред. Л. И. Ремпеля. Ташкент, 1978. С. 47—62.
- Тургунов Б. А. Пугаченкова Г. А. Дом рядового горожанина //Дальверзинтепе—кушанский город на юге Узбекистана./Под ред. Л. И. Ремпеля. Ташкент. 1978. С. 65—75.
- Туребеков М. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калаи-Захаки-Морон//ИМКУ. 1981 а. № 15. С. 68—75.
- Туребеков М. Раскопки бастиона внутренней крепостной стены Еркургана//ИМКУ. 1981 б. № 16. С. 36—44.
- Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда (VII—VI вв. до н.э.—VII в. н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981 в.—22 с.
- Туребеков М. Цитадель Еркургана //ИМКУ. 1982. № 17. С. 51—60.
- Туребеков М. Оборонительные сооружения древних городов и поселений Согда. Нукус: Каракалпакстан, 1990.—151 с.
- Туребеков М., Хасанов М., Исамиддинов М. Исследование древнего Касана//АО 1982 г. 1983. С. 469.

- Узбекистон тарихи. 4 томлик. Т. I/Мас. мух. Я. Г. Гуломов. Тошкент: Фан. 1970.—774 б.
- Узянов С. А. Серебряная статуэтка, найденная на Тахти-Сангине//Тезисы докладов науч. конф. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа в окружающем мире в древности и средневековье». М., 1981. С. 149—150.
- Ураков Б. У. Культура Бухарского оазиса второй половины I тысячелетия до н.э.—первой половины I тысячелетия н.э. (на основе изучения керамических материалов): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1982.—22 с.
- Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-Кала//ТЮТАКЭ. Т. XII. 1963. С. 164—201.
- Усманова З. И. Храмовые сооружения Бактрии и Маргианы//Бактрия—Тохаристан қадимида ва ўрта асрларда. Сурхондарё вилоят ўлкашунослик музейининг 60 й. бағишланган илмий анжуман маърузалари баёни. Термиз, 16—17 сент.—окт. 1993 й. Самарканд, 1993. С. 34—35.
- Устаев Ш. Дни недели в поверьях народов Южного Узбекистана//Краеведение Сурхандарьи / Под ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Узбекистан, 1989. С. 146—155.
- Филанович М. И. и др. Древний Ташкент. Ташкент: Фан, 1973.—143 с.
- Филанович М. И. Гяур-Кала//ТЮТАКЭ. Т. XV. 1974. С. 15—139, ил.
- Филанович М. И. О функциональной и культурной принадлежности некоторых раннесредневековых памятников Ташкента//Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР 26—31 авг. 1977 г. Душанбе, 1977. С. 114—116.
- Филанович М. И. Башнеобразные культовые курганы из Мерва//ТЮТАКЭ. Т. XIV. 1978. С. 31—44.
- Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент: Фан, 1983.—200 с.
- Филанович М. И. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача//Городская культура Бактрии—Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье). Материалы советско-французского коллоквиума Самарканд, 1986 / Под ред. Г. А. Пугаченковой, А. А. Аскарова. Ташкент, 1987. С. 148—157.
- Филанович М. И. Система расселения и градостроительные формы ташкентского микрооазиса в древности и раннем средневековье//Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Градостроительство и архитектура / Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1989. С. 52—60.
- Филанович М. И. К интерпретации погребений в нижнем горизонте Шаштепа в Ташкенте//ИМКУ. 1991. № 25. С. 77—88.
- Фирдавсий А. Шохнома. Т. I/ Форс тилидан Ш. Шомухамедов таржимаси. Тошкент: Гафур Гулом. 1971.—736 б.
- Фонарев С. В. К планировке архитектурного комплекса Каратепа//ИМКУ. 1988. № 22. С. 86—91.
- Формозов А. А. Страницы истории русской археологии М.: Наука, 1986.—237 с.
- Фрай Р. Наследие Ирана / Пер. с англ. Зеймал Е. В., Лившица В. А. М.: Наука, 1972.—388 с.
- Фукидид. История / Изд. подгот. Г. А. Стратоновский и др. Л.: Наука, 1981.—543 с.
- Хаггет П. География. Синтез современных знаний / Пер. с англ. Л. Н. Кудряшевой. М.: Прогресс, 1979.—684 с.
- Хайём У. Наврузнома. Тошкент: Мехнат, 1990.—78 б.
- Хамиджанова М. Некоторые представления таджиков, связанных со змеями//Труды АН Тадж ССР. Т. СХХ. Душанбе. С. 215—224.
- Хаммурадов К. Н. Мервский оазис в сасанидскую эпоху (рубеж античности и средневековья): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Самарканд, 1989.—23 с.
- Харузин Н. Этнография. Верования. Вып. 4. СПб.: Б. и., 1905.—530 с.
- Хасанов М. К стратиграфии городища Киндиктепа//Я. Г. Гулямов и развитие исторической науки в Узбекистане. Тезисы научной конференции, посвященной 80-летию академика АН УзССР Я. Г. Гулямова. Ташкент, 1988. С. 96—97.
- Хасанов М. Античные сельские поселения Южного Согда: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990.—21 с.
- Хасанов М. Лепная керамика поселения Курганча//ИМКУ. 1991. № 25. С. 56—62.
- Хасанов М. Х. Об одном раннеантичном сосуде из поселения Курганча//ИМКУ. 1993 а. № 26. С. 41—46.
- Хасанов М. К изучению сельских поселений Согданы времени эллинизма //ОНУ. 1993 б. № 4. С. 60—61.
- Хасанов М. Х. Ерқўрғон сафаротининг 1992 йилги ҳисоботи.—Самарқанд. 1993 в. — Архив ИААН РЎз, ф. 301, д. 102.
- Хасанов М. Еще раз о крестообразной архитектуре. Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии//Тезисы докладов международной конференции, посвященной 25-летию образования Института археологии АН РЎз и 60-летию академика А. А. Аскарова, г. Самарканд, 20—21 сент. 1995 г. Самарканд, 1995. С. 110—111.
- Хасанов М., Исамиддинов М. К изучению истории гончарного круга (IV—I века до н.э.)//ОНУ. 1991. № 1. С. 42—45.
- Хачатрян Ж. Д. Об античной коронластике Армении//ВДИ. 1979. № 3. С. 87—104.
- Хачатрян Ж. Д. Образ Митры в античной коронластике Армении//Тезисы докладов всесоюзного симпозиума по проблеме эллинистической культуры на Востоке, май, 1980. Ереван, 1980. С. 85—86.
- Хлебникова Е. Н. Гончарное производство волжских болгар X—начала XIII в.в.//МИА. 1962. № 111. С. 93—152.
- Хлопин И. Н. Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии//Древний Восток и мировая культура/Под ред. И. М. Дьяконова. Л., 1981. С. 26—31.
- Хлопин И. Н. Могилиники эпохи энеолита и бронзы в Юго-Западной Туркмении//Древние цивилизации Востока (Материалы II советско-американского симпозиума)./Под ред. В. М. Массона. Ташкент, 1986. С. 204—215.
- Хлопин И. Н. Могилиники Пархай II (некоторые итоги исследования) //СА. 1989. № 3. С. 113—130.
- Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 1981.—44 с.
- Ходжайов Т. К. К антропологии кочевого населения античного Зарафшана//ОНУ. 1983. № 11. С. 36—39.
- Хужаназаров М. Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся. Самарканд: Изд. Института археологии АН РЎз. 1995.—119 с.
- Хузин Ф. И. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели: (Билар)//Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 62—99, ил.
- Церен Э. Лунный бог/Пер. с нем. Б. Д. Каллистова М.: Наука, 1976.—380 с.
- Чариев А., Ачилов М. Кашкадарьинская область (Справочник). Ташкент: Узбекистан, 1974.—152 с.
- Чехович Н. О. Праздник в селевкидском Уруке//Тезисы конференции «Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на исторических факультетах». Даугавпилс, 1985.
- Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи//МИА. 1972. № 182.—238 с.
- Членова Н. Л. Тагарские лошади (О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху)//Кавказ и Средняя Азия в древности и сред-

- невековые (история и культура)/Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1981. С. 80—95.
- Чугуевский Л. И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуңхуана//Страны и народы Востока. Вып. X. 1971. С. 147—157.
- Шайдуллаев Ш. Б. Шимолий Бактрия як темир давр археологиясининг айрим муаммоли масалалари хусусида//Ўзбекистон — қадимда ва ўрта асрларда. Республика ёш тарихи олимлари анжуманининг маърузалари баёни 16—17 март 1992 й. Самарқанд, 1992. 32—33 б.
- Шантени-де-ля Сосей П. Д. Иллюстрированная история религии. Т. I. /Пер. с 3 изд. Е. Л. Бройдо. СПб: Изд. Вестник знания В. Битнера. Б. г., 394 с.
- Шевяков А. И. Образ лягушки в верованиях народов Евразии. Ташкент: Б. И., 1995.—40 с.
- Шильц В. По поводу персидского кандиза //Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (Античность, раннее средневековье). Материалы советско-французского colloquium (Самарканд, 1986) /Под ред. Г. А. Пугаченковой, А. А. Аскарова. Ташкент, 1987. С. 157—164.
- Ширинов Т. Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии (По материалам городища Джаркутан): Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. М., 1993.—49 с.
- Шифман И. Ш. Северомесопотамский город Хатра (К истории переднеазиатского эллинизма) //ВДИ. 1985. № 2. С. 29—52.
- Шинкин В. А. Археологические работы в 1937 г. западной части Бухарского оазиса. Ташкент: Узфган, 1940.—51 с.
- Шинкин В. А. Варахша. М.: Изд. АН СССР, 1963.—250 с.
- Шинкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом//ИМКУ. 1961. № 2. 192—222.
- Шинкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н.э. (Афрасиаб II) //Афрасиаб. Вып. III /Под ред. Я. Г. Гулямова. Ташкент, 1974. С. 28—52.
- Шинкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба//СА. 1975. № 2. С. 60—79.
- Шинкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (II половина VIII — начало XIII в.). Ташкент: Фан, 1979.—74 с.
- Шкода В. Г. Локальные варианты культовой иконографии Средней Азии эпохи раннего средневековья//Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте ТаджССР 26—31 авг. 1977 г. Душанбе, 1977. С. 15—159.
- Шкода В. Г. К вопросу о культовых сценах в согдийской живописи//СГЭ. 1980 № 45. С. 60—64.
- Шкода В. Г. Об одной группе среднеазиатских алтарей огня V—VIII вв. //Художественные памятники и проблемы культуры Востока /Под ред. В. Г. Луконина. Л., 1985. С. 82—90.
- Шкода В. Г. Пенджикентские храмы и проблема религии Согда (V—VIII вв.): Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1986.—27 с.
- Шкода В. Г. Особенности согдийского зороастризма в свете археологии//Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. 1989. С. 158—164.
- Шкода В. Г. К реконструкции ритуала в согдийском храме //Ар. О г. 1990. № 58. С. 147—151.
- Шлюмберджер Д. Эллинизированный Восток/Пер. с фр. Н. Алампиевой. М.: Искусство, 1985. 206 с.
- Шнирельман В. А. Достижения в разработке метода и теории археологии. РИНИОН. М.: Б. и., 1985.—62 с.
- Шофман А. С. Религиозная политика Александра Македонского //ВДИ. 1977. № 2. С. 111—121.
- Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке//СА. 1957. № 1. С. 178—198.
- Шрамко Б. А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования сепан-
- тики образов звериного стиля //Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии/Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой. М.: Наука, 1976. С. 194—209.
- Штаерман Е. М. Янус//МНМ. Т. 2. 1992. С. 683—684.
- Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936.—572 с.
- Щетепко А. Я. О торговых путях эпохи бронзы по материалам Туркменистано-хараппских параллелей//КСИА. 1970. № 122. С. 59—64.
- Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога /Пер. А. А. Дековского и М. И. Рижского//ВДИ. Вып. 1. С. 199—243. 1954. № 2. С. 203—252; № 3. С. 193—251; № 4. С. 187—239; 1955.
- Юсупов Х. Ранний железный век Северной Туркмении//Ранний железный век Средней Азии и Индии. Тезисы докладов международного симпозиума. Ашхабад, 1984. С. 55—57.
- Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад: Ылым, 1986.—224 с.
- Яблонский Л. Т., Коляков С. М. Могильник Тарым-кая 2//Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (Древность и средневековье). Вып. 2. М., 1992. С. 62—177.
- Ягодин В. Н. Хорезм и ранние кочевники Устюрта //Всесоюзное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (Тезисы докладов). Ташкент, 1979. С. 37—38.
- Ягодин В. Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскаждол и Бернияз на Устюрте //Археология Приаралья. Т. I. /Под ред. С. К. Камалова и др. Ташкент, 1982. С. 39—81.
- Ягодин В. Н. Скотоводы-охотники Арало-Каспийского междуречья в средние века: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1992.—68 с.
- Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970.—252 с.
- Якубов Ю. Я. О типологии сельских поселений горного Согда V—VIII вв.//Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР 26—31 авг. 1977 г. Душанбе, 1977. С. 51—53.
- Якубов Ю. Я. О структуре сельских поселений горного Согда в раннем средневековье//Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье/Под ред. Б. Г. Гафурова. М., 1979. С. 73—79.
- Якубов Ю. Я. Сельские поселения горного Согда-Буттама //Путешествие в Согдиану /Сост. Х. Файзиев. Душанбе: Ирфон, 1982. С. 109—133.
- Якубов Ю. Серебряная чаша из Ляхша//Художественные памятники и проблемы культуры Востока/Под ред. В. Г. Луконина. Л., 1985. С. 71—77.
- Якубов Ю. Я. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (к проблеме становления феодализма). Душанбе: Дониш, 1988 а.—287 с.
- Якубов Ю. Я. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (к проблеме становления феодализма в Средней Азии): Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. М., 1988 б.—51 с.
- Якубовский А. Ю. К вопросу пропехождения ремесленной промышленности Сарая Берке//Известия Гос. акад. истории материальной культуры. Л., 1931.—48 с.
- Якубовский Ю. А. Из истории археологического изучения Самарканда. //ТОВЭ. Т. II. Л., 1940. С. 285—336.
- Якубовский А. Ю. Вопросы изучения пенджикентской живописи//Живопись древнего Пенджикента /Под ред. А. Ю. Якубовского, М. М. Дьяконова. М.: Изд. АН СССР, 1954. С. 9—24.
- Яйленко В. П. Заметки по греческой лексике и ономастике//История и культура античного мира/Под ред. М. М. Кобылиной. М., 1977. С. 216—225.
- Янковская Н. Б. «Портик» дворцовых аудиен-

- дий (1986) //Эрмитажные чтения 1986—1994 годов памяти В. Г. Луковина. Спб., 1995. С. 10—16.
- Яценко С. А. Диადемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху //РСИА. 1986. № 186. С. 14—21.
- Adams R. Mc. C. Land behind Baghdad: History of settlement on the Dīlāla Plains. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1965.—187 p.
- Adams R. Mc. C. Heartland of Cities: surveys of ancient settlement and land use in the central floodplain of the Euphrates. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1981. T. XX. —362 p.
- Adams R. Mc., Nissen R. J. The Uruk Country side. The Natural Setting of Urban Societies. Chicago: University of Chicago Press, 1972.—241 p.
- Akira H. Dailaman and Shahpir. //Bulletin of the Ancient Orient Museum. Tokyo, 1981, v. 111.
- Albaum L. I., Brenties B. Wächter des Goldes. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker vor dem Islam. Berlin: DVW, 1972. —319 p.
- Amiet P. Observation sur le palais de Darius a Suse //Syria. Revue d'art oriental et d'archeologie. Paris, 1974. t. LI, p. 71—74.
- Askarov A. Sirinov T. Le temple du feu de Dzar-kutan, le plus ancien centre cultuel de la Bactriane septentrionale. //Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique. Sources ecrites et documents archeologiques. Actes du Colloque international du CNRS Sous la direction de P. Bernard, F. Grenet. Paris, 1991, P. 123—136.
- Azarnoush M. The Manor House of Hajiabad and chronology of the Sasanian governors of Kushansahr //Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique. Sources ecrites et documents archeologiques. Actes du Colloque international du CNRS /Sous la direction de P. Bernard, F. Grenet. Paris, 1991, P. 79—84.
- Azarpay G. The four-armed goddess: A Kushan survival in the early medieval art of Transoxiana? //ИАКЭ. Редколлегия: Б. Г. Гафуров и др. Т. 2. М.: Наука. 1975. С. 387—391.
- Azarpay G. The Heroic Art of the East Iranian World. //Highlights of Persian Art. Boulder, Colorado, 1979.
- Azarpay G. Sogdian painting: The pictorial epic in Oriental art. — Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1981. —212 p.
- Babeg M., Mihailescu — Birliba V. Germanische latenzzeitliche "Fauerboks" aus der Moldau. Berichte der Römisch — Germanischen Kommission, 1970—1971, r. 51—52. Berlin, 1972.
- Badawy A. Architecture in Ancient Egypt and the Near East, Cambridge (Mass.) and London, 1966.
- Bayerlein P. M. Die Gruppe oberlauterbauch in Niederbayern Beyerisches landesamt für denkmalpflege Abteilung Bodendenkmalpflege. Kallmunz, 1985, bd. 53.
- Bailey N. W. Zoroastrian Problems in Ninth-century Books. Oxford: The Clarendon press, 1943. — 243 p.
- Benveniste E. Sur la terminologie iranienne du sacrifice //JA. 1964. t. 252, 1. P. 45—58.
- Benveniste E. Le terme iranien MAZDAYANA //BSOAS. 1970, v. XXXIII. P. 59.
- Bernard P. Quatrieme campagne de fouilles a Ai-Khanoum (Bactriane) // CRAI. 1969. P. 340—352.
- Bernard P. Campagne de fouilles 1969 a Ai-Khanoum en Afghanistan //CRAI, 1970. P. 333—339.
- Bernard P. Campagne de fouilles 1975 a Ai-Khanoum (Afghanistan) //CRAI, 1976 a. P. 287—322.
- Bernard P. Les traditions Orientales dans l'architecture Greco-Bactrienne //J. A. 1976 b. t. 264. P. 245—276.
- Bernard P. Problemes d'Histoire Coloniale Grecque a travers l'Urbanisme d'une Cite Hellenistique d'Asie Centrale. //150 Jahre Deutsches Archäologisches Institut 1829—1979. Festveranstaltungen und internationale kolloquium 17—22 april, 1979 in Berlin. — Mainz. 1979. P. 108—120.
- Bernard P. Une nouvelle contribution sovietique a l'histoire des Kushans: la fouille de Dalverzin-tepe (Uzbekistan) //BEFEO. 1980, t. LXVIII. P. 313—348.
- Bernard P. Alexandre et Ai-Khanoum //Jornal des Savants, 1982. Avril—Juin. P. 125—138.
- Bernard P. Les rhytons de Nisa 1. Poetesses grecques. //Journal des Savants. 1985. Janvier-septembre. P. 25—118.
- Bernard P. Le Marsias d'Apamee, l'Oxus et la colonisation Seleucide en Bactriane //SJ. 1987. t. 16, fasc. 1. P. 103—115.
- Bernard P. L'Architecture religieuse de l'Asie Centrale a l'epoque hellenistique. //Actes des XI^e Internationalen Kongresses für klassische Archäologie. Berlin, 1988 — Mainz am Rhein: Verl. Philipp von Zabern, 1990. P. 51—59.
- Bernard P. Le temple du dieu Oxus a Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? //SJ, extract. 1994. 2, fasc. 1. P. 81—121.
- Bernard P. Le Berre M.' Architecture le quartier administratif: l'ensemble nord. //Fouilles d'Ai-Khanoum. t. 1 (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968.). MDFA. 1973. t. 21. P. 17—61.
- Bernard P., Grenet F. Isamiddinov M. Fouilles de la Mission Franco-Ouzbeque Al'ncienne Samarkand (Afghanistan; deuxieme et troisieme campagnes (1990—1991) //CRAI. 1992, Avril—Juin. P. 175—311.
- Boucharlat R. Monument religieux de la Perse achéménide, etab des questions, Temples et sanctuaires (Travaux de la Maison de l'Orient 7). Lion; Maison de l'Orient, 1984. P. 119—135.
- Boucharlat R. Pratiques funeraires a l'epoque sasanide dans le sud de l'Iran //Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique, sources ecrites et documents archeologiques, Actes du Colloque international du CNRS /Sous la direction de P. Bernard, F. Grenet. 1991. P. 71—78.
- Boyce M. On the Sacred Fires of the Zoroastrians //BSOAS. 1967—t. 31, p. 2. P. 52—68.
- Boyce M. The Zoroastrian Houses of Jazd //Iran and Islam. In Memory of the late VL Minorsky. — Edinburgh, 1971.
- Boyce M. An old village dakhma of Iran //Memorial Jean de Menasce, ed. Ph. Gignoux et A. Taffasoli. Louvain, 1974. P. 3—9.
- Boyce M. A History of Zoroastrianism. Leiden, Köln: E. J. Brill, 1975. —v. 1; The early period. (Handbuch der Orientalistik. Erste Abt. Der Nahe und der Mittlere Osten. Achter Bd., erster Abschnitt, Lieferung 2. Heft 2 a). — 347 p.
- Boyce M. A history of Zoroastrianism. Leiden, Köln: E. J. Brill, 1982. — v. 11: Under the Achaemenians. Handbuch der Orientalistik. Erste Abt. Der Nahe und der Mittlere Osten. Achter Bd., erster Abschnitt Lieferung 2' Heft 2 a. — 306 p.
- Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Zoroastrianism under Macedonien end Roman Rule. Leiden — New York, 1991. — v. 111 (Handbuch der Orientalistik 1. Abt, Der Nahe und Mittlere Osten. 8. 1. 2. 2a — 565 p.
- Brandt M. Materialvorlage und statistische Untersuchungen zur Bandkeramik in Unterfranken //Michael Brandt — Kallmunz /Opf.: Lassleben, 1985. 160 p.
- Brenties B. Die Stadt des Yima. Leipzig, 1981.
- Briant P. Etat et pasteurs au Moyen Orient ancien. Cambridge: Cambridge Univ. Press, Paris: Editions de la Maison Des sciences de l'homme, 1982. —267 p.
- Brown F. E. Discoveries in the temple of Artemis Nanaia. The excavations at Dura-Europos „Preliminary report of 6 season of Work“. — New Haven; Yale University Press. 1936. P. 397—415.
- Briffault R. The mothers: A study of the origins sentiments and institutions. London; Allen; New-York: Macmillan, 1927, v. 3.

- Bussagli M. *Paithing of Central Asia*. Geneva. 1963. — 136 p.
- Calmeier P. Zur Genese altiranischer Motive. II Der leere Wagen //AMHDAIT, 1974. Neue Folge. Bd. 7. — 49—79, taf. 10—17.
- Cattenat A., Gardin J. C. Diffusion compares de quelques genres de poterie caracteristiques de Epoque achéménide sur le Plateau iranien et en Asie Centrale //Colloque internationaux du CNRS 567. Le plateau iranien et Asie Centrale des origines a la conquete islamique. Paris, 1977. P. 225—248.
- Christiansen A. L'Iran des Sassanides, Copenhagen. Deuxieme edition revue et augmentee Ejnar Munksgaard, 1944. Reprint Otto Zell-Osnabruc, 1971. — 550 p.
- Cohen G. The Seleucid Colonies: Studies in founding, administration and organisation — Wiesbaden: F Steiner, 1978. — 24x16, XIV 98 p.
- Cook R. M. Greek painted pottery. Leiden, 1960.
- Crawford V. E. Nippur, the holy city //Archaeology. 1959. v. 12. 2.
- Cumont F. Fouilles de Dura-Europos. Paris., 1926. Texte—533 p.
- Darmesteter J. Ormazd et Ahriman. Paris, 1877. (Bibliothiqua de l'Egle des Hautes Etudes, N29). — 360 p.
- Darmesteter J. Pointe de contact entre le Mahabharata et le Shan-Nameh //JA. 1887. P. 38—75.
- Dascalakis A. The Hellenism of the Ancient Macedonians. Thessalonike, 1965.—295 p.
- Dieulafoy M. L'Acropole de Suse, d apres les fouilles executees en 1884—86. Paris, 1893. —416 p.
- Downey S. B. Mesopotamian Religious Architecture (Alexander through the Parthians). Princeton: Princeton University Press, 1988. —205 p.
- Downey S. B. Two Building at Dura-Europos and the Early History of the Iwan //Mesopotamia. 1985. Firenze. v. 20. P. 111—130.
- Dutt S. Buddhist Monks and Monasteries of India, their history and their contribution to Indian culture London, 1962. — 397 p. 12, pl.
- Dyson R. Architecture of the iron I period at Hasanlu in Western Iran and its implications for theories of migration on the Iranian Plateau //Colloque le plateau Iranien et l Asie Centrele des origines a la conquete islamique. Paris, 1977. P. 152—169.
- Erdmann K. Das iranische Feuerheiligtum. Leipzig. 1941.
- Fischer K. Neue Funde und Forschungen zur indische Kunst in Arachosien, Bactrien und Gandhara //Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institut. Archäologischer Anzeiger, 72. Berlin. 1957.
- Foucher A. La vieille route de l'Inde de Bactres a Taxila, MDAFA. 1942. t. 11, v. 1.
- Francfort H.—P. Le plan de maisons greco — bactriennes et le probleme des structures de "type megaron" en Asie Centrale et en Iran //Colloques Internationaux du CNRS, N 567. Le plateau iranien des origines a la conquete islamique, Paris, 22—24 mars 1976. Paris, 1977. P. 267—280.
- Francfort H.—P. Le sanctuaire du temple a niches indentées. 2 Les trouvailles. Fouilles d Ai-Khanoum, t. 3, MDAFA. 1984, v. 27. — 143 p., pl. 1—XL1.
- Francfort H. P., Liger J-CL. L'heroon au caveau de pierre //BEFEO. 1976 t. 63. P. 25—39.
- Franz H. G. Ambulatory temples Buddhism and Hinduism //South Asian archaeology. 1979 /Edited by H. Hortel, Berlin, 1981.
- Furtwängler A. Die Antiken Gemmen Berlin, Leipzig, 1900, t. III.
- Gabriel A. Die religiöse Welt des Iran. Wien-Köln, 1947.
- Gaibov V., Koselencov G. A., Novicov S. Documents pour une histoire des religions dans l Turkménistan Meridional //Histoire et cultes de l Asie Centrale preislamique, Sources ecrites et documents archeologiques, Actes du colloque international du CNRS /Sous la direction de P. Bernard, F. Grenet. Paris, 1991. P. 85—94.
- Gardin J. C. Code pour l'analyse des formes de poteries /Editions du CNRS. Paris, 1976. — 117 p.
- Ghirshman R. La tour de Nourabad, Etudes sur les temples iraniens anciens //Syria, 1945, t. XXIV, fasc. 3—4, Paris. P. 175—193.
- Ghirshman R. Begram, Recherches archeologiques et historiques sur le Kouchans //MDAFA, 1946, t. XII—232 p., pl. LIV.
- Ghirshman R. Iran from the Earliest times to the Islamic Conquest. London, 1945.
- Ghirshman R. Village Perse-Acheménide //Memoire de la Mission archéologique en Iran. Mission de Susiane. Paris: presses Universitaires de France, 1954, t. XXXVI.—102 p.
- Ghirshman R. Iran Parthians and Sassanians. — London, 1962.—401 p.
- Ghirshman R. La deesse nue Elamite //AMHDAIT. 1968. Neu Folge, Band 1. P. 11—14.
- Ghirshman R. Terrasses sacrees de Bard-e Neshandeh et Masjid-i Solaiman; l Iran du Sud-Ouest du VIII e s. av. n. ere au V e de n. ere. MDAI, 1976., t. 45, v. 1.—356 p.
- Gignoux Ph. Corps osseux et ame osseuse: essai sur le chamanisme dans Iran ancien //JA. 1979, T. 267, 1—2. P. 41—79.
- Göbl R. System und Chronologie der Münzprägung des Kusanreiches. Wien; Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1984. —153 p.
- Godard A. L'Art de l'Iran.—Paris Arthand, 1962.—532 p.
- Grenet F. Un plat sasanide d Ardasir II (379—383) au bazar de Kabul. //SI. 1983. t. 12, fasc. 2. P. 195—205.
- Grenet F. Les pratiques funeraires dans L'Asie Centrale sedentaire de la conquete greque a l islamisation. Paris: Editions CNRS, 1984. —362 p.
- Grenet F. L Athene de Dilberdzhin //Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale preislamique, U. A 4222. Paris; Editions. CNRS, 1987. Memoire N2. P. 41—47.
- Grenet F. Mitra au temple principal d Ai-Khanoum? //Histoire et cultes de l Asie Centrale preislamique, Sources ecrites et documents archéologique, Actes du Colloque International du CNRS /Sous la direction de P. Bernard, F. Grenet, Paris, 1991. P. 147—152.
- Gropp G. Funktion des Feuer Temples der Zoroastrier //AMHDAIT, 1969 a. Neue Folge, Bd. 2. P. 147—176.
- Gropp G. Einige neuentdeckte Inschriften aus sasanidischer Zeit //W. Hinz, Altiranische Funde und Forschungen, Berlin, 1969 b.
- Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesische Turkestan. Berlin: Georg Reimer, 1912. — 371 p.
- Guillaume O. Fouilles d Ai-Khanoum. II: Les Propilees de la rue principale //MDAFA. 1983, t. 26. —45 p.
- Gullini G. Architettura iranica dagli Achemenidi ai Sasanide; il „palazzo" d Kuh-i Khvagia, Seistan. Torino. 1964.
- Hackin J. Recherches archeologiques au Col de Khair Khaneh pres de Kabul //MDAFA. 1936. t. VII.
- Hackin J. Recherches archeologiques dans la partie afghane du Seistan (1936) //Diverses recherches archeologiques en Afghanistan. Paris; Press Universitaires de France 1959, P. 23—28.
- Harmatta J. Royal Power and immortality. The myth of the two eagles in iranian royal ideology //AA 1979. -t. XXVII, fasc. 4. Budapest, P. 305—319.
- Hariman S. S. Parsism, the Religion of Zoroaster //Iconography of Religion. Institute of Religions, Iconography State University Croningen. Leiden, 1980, t. XIV. 4—30 p., pl. I—XLVIII.
- Hartner W. The Earliest History of the Constella-

- tions in the Near East and the Motif of the Lion-Ball Combat // *Journal of Near Eastern Studies*. 1965, v. XXIV, N 1, 2.
- Hartner W., Ettinghausen R. The Conquering Lion // *The Life Cycle of a Symbol*. *Oriens*, 1914, v. 17. P. 161—170.
- Henning W. B. An Astronomical Chapter of the Bundahishn // *JRAS*, 1942, N 3—4. P. 229—248.
- Henning W. B. A Sogdian god // *BSOAS*, v. 28, 2, 1965. P. 242—254.
- Henning W. B. The Murder of the Magi // *Acta Iranica* 15. *Homages of opera minora*, v. VI. W. B. Henning Selected papers, II. Teheran—Liege. Diffusion E. I. Brill, Leiden. Edition Bibliothèque Pahlavi. 1977. P. 139—150.
- Herzfeld E. Archaeological history of Iran. — London, 1935. — 112 p.
- Herzfeld E. Zoroaster and his world. Princeton: University Press, 1947. — 851 p.
- Huff D. Firuzabad. Gah-e Dukhtar. Survey of excavation in Iran—1977 // *Iran*, 1978, v. XVI. P. 191—192.
- Huff D. Der Alexanderwall, eine grenzbefestigung zwischen Iran und Turan // *Architectura. Zeitschrift für Geschichte der Baukunst*, 1981. Band 11. P. 105—110.
- Huff D. Zum Problem zoroastrischer Grabanlagen in Fars, I. Graber // *AMIHDAIT*, 1988. P. 145—176.
- Huff D. Fertigteile im iranischen Gewölbebau // *AMIHDAIT*, 1990, bd. 23. P. 145—160.
- Huff D. Zoroastrisch-sassanidische Grabanlagen in Fars. Zusammenfassung (1) // *Internationale Archäologie*. 6. Herausgegeben von Claus Dobiati und Klaus Leidolf. *Golf-Archäologie. Mesopotamien, Iran, Kuwait, Bahrain, Vereinigte Arabische Emirate und Oman, Gottingen, Lion*, 1991. P. 89—94.
- Huff D. Architecture sassanide // *Splendeur des Sassanides*. Bruxelles, 1993. — 61 p.
- Invernizzi A. Facial marks in the Parthian World // *Silk Road Art and archaeology*. Kamakura, 1990. N 1. P. 35—50.
- Irwin I. The stupa and the Cosmic Axis; The archaeological Evidence // *SAA; Instituto universitario orientale, Seminario di studi Asiatici*. Naples, 1977. Series minor VI, v. 2. P. 799—816.
- Isamidzinov M. X. Chapelles cultuelles au quartier des ceramistes d'Erkurgan // *Histoires et cultes de L'Asie Centrale preislamique, Sources ecrites et documents archéologiques, Actes du Colloque international du CNRS. / Sous la direction de P. Bernard, F. Grenet*. Paris, 1991. P. 173—177.
- Jettmar K. Fortified Ceremonial Centres of the Indo-Iranians // *Ethnic Problems of the History of Central Asia in the Early Period* // *Редкол. М. А. Асиемов и др.* М., 1981. P. 220—227.
- Johnson G. A. A test of the utility of central place theory, in archaeology // *Man, Settlement and urbanism*. London, 1972.
- Johnson G. A. Local Exchange and Early State Development in Southwestern Iran // *University of Michigan, Museum of Anthropology. Anthropological Papers*. Ann Arbor, 1973. N 51.
- Johnson G. A. Rank-size convexity and system integration a view from archaeology // *Economic geography*. 1980, v. 56. N 3, July. P. 235—217.
- Kellens I. Die Religion des Achemeniden // *Altorientalische Forschungen*. — Berlin, 1983. Bd. 10, Heft 1. P. 107—123.
- Keel O. Die Welt der altorientalischen Bildsymbolik und das Alte Testament. Am Beispiel der Psalmen. Benziger Verlag. Neukirchener Verlag. 1972.
- Le Coq A. Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. — Berlin. Reproduktion und Druck. Akademische Druck. Verlagsanstalt. Graz, 1977. — 106 p.
- Lippert A. Kordiar—Tepe // *Jran*. 1977, v. XV. P. 174—177.
- Litvinskij B. A., Picikjan I. R. River—Deities of Greece Salute the God of the river Oxus-Vakhsh. Achelous and the Hippokampess // *Land of the Griphons. Papers on Central Asian archaeology in Antiquity*. Ed. by A. Invernizzi. Firenze. 1995. P. 129—149.
- Mac Dowall D. W. The Azes hoard from Shaikhan-Dheri: Fresh evidence for the context of jhomika // *South Asian Archaeology. Papers from the First International Conference of South Asian Archaeologists held in the University of Cambridge, London*. 1973. P. 215—220.
- Mac Dowall D. W. The interrelation between Indo-Parthian and Kushan chronology // *Histoire et cultes de L'Asie Centrale preislamique, Sources ecrites et documents archéologiques, Actes du Colloque internationale du CNRS / Sous la direction de P. Bernard, F. Grenet*. Paris, 1991. P. 243—250.
- Mallov M. E. L. Nimrud and its remains. Kollins. 1966, v. 1, 2 — 677 p.
- Man. Settlement and Urbanism // Ed. by Ucko P., J., Tringham R., and Dimbleby G. W. London, 1972.
- Marsak B. I. Les Fouilles de Pendjikent // *CRAI*: 1990, janvier — mars. P. 286—313.
- Marshak B. I., Raspopova V. I., Wall Painting from a House with a granary Panjikent, 1st Quarter of the Eighth Century A. D. // *Silk Road Art and Archaeology*. Kamakura. 1990. N 1. P. 123—176.
- Marshall J. Taxila. Cambridge; Bharatiya Publishing House, 1951. v. 1 Structural remains— 397 p.; v. 2. Minor antiquities — 398—895 p.; v. 3. Plates — XII p., 246 pl.
- Marshall J. A Guide to Taxila. Cambridge: The Cambridge University press. 1960. — 187 p.
- Martini W. Die Etruskische Ringsteingliptik. Heidelberg: F. H. Kerle Verlag. 1971. — 172 p., 40 pl.
- Minorsky V. Vis u Ramin. A parthian romance // *BSOAS*, 1946, v. XI. p.
- Mode M. Frühe Sogdische Kultbilder // *AMIHDAIT*. 1989, bd. 22. P. 231—252.
- Nikitin A. B. Monnaies d'Arachosie du haut Moyen-Age // *SI*. 1984, t. 13, fasc. 2. P. 233—239.
- Nyberg N. S. Die Religionen des alten Iran. Leipzig. MVAG, 1938, t. 43. S. 190—323.
- Oelman G. Hilani und Liwanhaus // *Bonner Jahrbücher*. 1922, t. 127.
- Paqliaro A. Alessandro Magno. Torino, 1960.
- Parrot A. Le temple d'Istar. Mission archéologique de Mari. Paris. 1956, t. 1. — 248 p., LXXII pl.
- Parpola A. The sky-Garment. A Study of the Harappan Religion and its Relation to the Mesopotamian and later Indian Religions. The Finnish Oriental Society. Helsinki 1985 — 216 p., 35 fig.
- Petrie W. M. F. Amulets. London, 1944.
- Pirenne J. Notes d'archéologie Sud-Arabe // *Syria, Revue d'art oriental et d'archéologie*, 1965, t. XLII, fasc. 1—2, Paris. P. 109—136.
- Plog S. Stilistic Variation in Prehistoric Ceramic. Cambridge, 1980.
- Pons E., Brun E. Les groupes culturels de l'Emporda et des regions Limitrophes pendant la periode de transition entre l'Age du bronze et l'Age du Fer // *BSPF*. 1985, t. 82. N 5.
- Porada E. A Corpus of Ancient Near Eastern Seals. Washington, 1948.
- Porada E. Iran Ancien, Paris, 1962. — 265 p.
- Pougatchenkova G. Les tresors de Dalverzin-tepe L.: Aurore. 1978. — 102 p.
- Pugatchenkova G. A. Les ostoteques de Miankal // *Mesopotamia*, 1985, t. XX. Florence. P. 147—184.
- Pugatchenkova G. A. The Buddhist Monuments of Airtam // *Silk Road art and archaeology*. — Kamakura: The Institut of Silk Road Studies. 1991/1992. P. 23—41.
- Rapin H. La tresorerie du palais hellenistique d'Ai Khanoum. L'Apogee et la chute du royaume grec de Bactriane. Fouilles d'Ai Khanoum, VIII, MDAFA. 1992 a, t. XXXIII. — 463 p.

- Rapin Cl. Les sanctuaires de l'Asie Centrale a l'époque hellénistique: état de la question // *Études de lettres. Revue de la faculté des lettres Université de Lausanne, Études des religions*, 4, Octobre — Décembre, Trimestriel. Lausanne, 1992. b. P. 101—124.
- Ravines R. Early Monumental Architecture of the Jequetepeque Valley, Peru // *Early ceremonial architecture in the Andes*. Washington, 1985.
- Rempel L. I. La maquette architecturale dans le culte et la construction de l'Asie centrale préislamique // *Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale* / Sous la direction de F. Grenet. Paris, CNRS / 1987. P. 81—89.
- Roaf M. Excavation at Tell Mohammed Arab in the Eski Mosul de Salvage project // *Iraq*. — London, 1984, v. XLVI, part 2, autumn, P. 141—156.
- Roaf M., Stronach D. Tepe Nush-i Jan, 1970: Second preliminary report // *Iran*. — London, 1973, v. XI, P. 129—140.
- Rosenfield J. M. The Dynastic Art of the Kushans. Berkeley, Los Angeles: Univ of California Press., 1967. — 377 p., 167 fig.
- Rowland B. The Tyche of Hadda // *OA*. 1966. New serie, Autumn, v. XI. N 3. P. 183—189.
- Rtveladze E. V. Les édifices Funéraires de la Bactriane septentrionale et leur rapport au zoroastrisme // *Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique* / Sous la direction de F. Grenet. Paris: CNRS, 1987. P. 29—41.
- Schahbazi Sh. An Achaemenid Symbol. II Farnah "(god given). Fortune" symbolised // *AMHDAIT* 1980. bd. 3. P. 119—149.
- Scerrato U. Evidence of Religion life at Dahan-e Ghulaman, Sistan // *SAA*. 1977. VI, v. 2. P. 109—136.
- Shepherd D. Sasanian Art in Cleveland // *The Bulletin of the Cleveland Museum of Art*. 1964, v. 51, N 4.
- Schippmann K. Die Iranischen Feuerheiligtümer (Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten, 31). Berlin — New York: W. de Gruyter, 1971. — 555 p.
- Schlumberger D. Le Berre M., Fussman J., Surkh Kotal en Bactriane. MDAFA, 1983, t. XV. — 160 p.
- Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar Damghan. Philadelphia, 1937.
- Schmidt E. F. Persepolis., Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago, 1953, v. 1.
- Schmidt E. F. Persepolis, Contents of the treasury and other discoveries. Chicago., 1957, v. 2.
- Schmidt E. Griechische Vasen. Die Schatzkammer. Leipzig: Prisma — Verlag, 1961. Bd. 5. — 48 p.
- Siudmak I. Early Stone and Terracotta Sculpture // *Art and Architecture of Ancient Kashmir*. — Bombay: Marg Publication. 1989. P. 41—57.
- Smith S. Bronzes from Iran and Elsewhere // *British Museum Quarterly*. London, 1936—1937, v. XI.
- Sparkes B. A., Brian A. S., Talgoit L. The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the American school of classical studies of Athens. v. XII. Black and plain pottery of the 6 th, 5 th, and 4 th centuries b. c. Princeton, New Jersey, 1970. — 472 p.
- Staviskij B. Ja. Le problème des relations entre le bouddhisme bactrien, le zoroastrisme et les cultes mazdéens locaux a la lumière des fouilles de Kara-tepe // *Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique* / Sous la direction de F. Grenet. Paris: CNRS, 1987. P. 47—53.
- Stein A. An archaeological tour in the Ancient Persis // *Iraq*, 1936, v. II, p. 2. P. 114—225, pl. XIX—XXX.
- Stillwell R. Antioch on the Oront. t. II (Mission Paul Pelliot). Princeton, 1938.
- Stronach D. Excavations at Pasargadae: Third preliminary report // *Iran*. — 1965, v. III. P. 9—40.
- Stronach D. Tappeh Nusi Jan: A Case for building rites in 7 th/6 century b. c. Media? // *Proceeding of the II nd annual symposium on archaeological research in Iran*. — Teheran, 1974.
- Stronach D. A fourth season of excavations at Tappeh Nusi Jan // *Proceedings of the III annual symposium on archaeological research in Iran*. — Teheran, 1975. P. 203—212.
- Stronach D. On the Evolution of the Early Iranian Fire Temple // *Acta Iranica. Papers in Honour of M. Boyce*. Leiden, 1985, v. 25, serie 2, v. II: P. 605—627.
- A Survey of Persian Art / Ed. A. U. Pope, F. Ackerman. London, New-York: Oxford University press, v. I, IV, V. 1938, v. II, III, VI: 1939.
- Sulejmanov R. Kh. L'architecture monumentale d'Erkurgan // *Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique. Sources et documents archéologiques*, Colloque, Paris, UNESCO, 22—28 novembre. Paris, 1988. P. 105—106.
- Suleimanov R. X. L'architecture monumentale d'Erkurgan: complexes cultes et communautaires. // *Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique, Sources écrites et documents archéologiques*, Actes du Colloque international du CNRS / Sous la direction de P. Bernard, F. Grenet. Paris, 1991. P. 167—172.
- Skoda V. G. Le culte du feu dans les sanctuaires de Pendzikent // *Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique*. Paris, CNRS. / Sous la direction de F. Grenet. 1987. P. 63—73.
- Tanabe K. Iranian Hvarnah and the treasure of Shosoin at Nara in Japan // *IA* 1988. № XXIII. P. 365—381.
- Tarzi Z. L. Architecture et décor rupestre des grottes de Bamiyan. — Paris, Imprimerie Nationale, 1977. — 195 p.
- Tomaschek W. Sogdiana, Centralasiatische Studien. Wien, 1877. S. 67—184.
- Tyldesly J. A., Johnson J. G., Snape S. R. "Shape" in Archaeological Artifacts; to case studies using a new analytical method // *Oxford journal of archaeology*, 1985, v. 4. N 1, march.
- Van Ingen W. Figurines from Seleucia on the Tigris. London: University of Michigan Press, Humanistic series. XLV. Ann Arbor, 1939.
- Von Stientencron H. Indische Sonnenpriester. Wiesbaden, 1966.
- Warner J. The Megaron and Apsidal House in Early Bronze Age Western Anatolia, New Evidence from Karatas. // *American Journal of Archaeology*, 1979, v. 83. N 2, April. P. 133—147.
- Whitcomb D. A New Achaemenian site near Persepolis // *Bulletin of the institute of Pahlavi university*. Shiraz, 1969: N 1.
- Widengren G. Die Religionen Irans. Stuttgart: Kohlhammer Verlag, 1965. — 393 p.
- Yagodin V. N. Les sépultures à ostioles sur les marges nord-ouest de la Chorasmie antique // *Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique* / Sous la direction de F. Grenet. Paris, 1987. P. 11—22.
- Young T. C. Jr. A comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500—500 b. c. // *Iran*. London, 1965, v. III. P. 53—86.
- Young T. C. Jr. Throught on the architecture of Hasanlu IV // *IA*, 1966, t. VI. P. 48—71.
- Young T. C. Jr. Excavations of Godin Tappeh — 1973 // *Proceeding of the II nd annual symposium on archaeological research in Iran*. Tehran, 1974.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ Археологические вести. Спб.
 АГСП Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
 АО Археологические открытия. М.
 АРТ Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
 АСЭ Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
 БД Бактрийские древности. Л.
 ВДИ Вестник древней истории. М.
 ВИА Всеобщая история архитектуры. Т. I. М., 1970.
 ВЯ Вопросы языкознания. М.
 ГТК Городище Топраккала. М., 1981.
 ДГС Древности Геродотовой Скифии. Спб, 1872.
 ДГКСА Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
 ДР Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
 ДСГВМ Древний и средневековый город Восточного Мавераннахры. Ташкент, 1990.
 ДТКВ Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе. 1985.
 ДЧ Древности Чардары. М., 1968.
 ЖМНП Журнал Министерства народного просвещения. Спб.
 ЗДО Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. М.
 ИАК Известия Археологической комиссии. Спб.
 ИАН СССР Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М.
 ИБМАНКЦА Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. ЮНЕСКО.
 ИДМ История древнего мира. Т. II. М., 1982.
 ИК История Казахской ССР. Т. I, Алма-Ата. 1977.
 ИООН АН ТадССР. Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
 КД Каракумские древности. Ашхабад.
 КИТДСС К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
 ККК Кой-Крылганкала — памятник культуры древнего Хорезма. М., 1967.
 КСИМК Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
 КСИИМК Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
 МАР Материалы по археологии России. Спб.
 МИА Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
 МИТТ Материалы по истории туркмен и Туркмени. М.; Л., 1939.
 МКТ Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
 МНМ Мифы народов мира. Т. I—II. М., 1991—1992. М.
 МХЭ Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
 НАА Народы Азии и Африки. М.
 ПТ Памятники Туркменистана. Ашхабад.
 ПТКЛА Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.
 РА Российская археология. М.
 РИНИОН Реферат Института научной информации общественных наук. М.
 СА Советская археология. М.
 СВ Советское востоковедение. М.
 СГЭ Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
 СИЭ Советская историческая энциклопедия. Т. I—16, М., 1961—1976.
 СПАЧССВ Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
 СЭ Советская этнография. М.
 ТГЭ Труды Государственного Эрмитажа. Л.
 ТИИААН УзССР Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР.
 ТИИАЭ АН Туркм ССР Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
 ТИЭ Труды Института этнографии. М.
 ТКАЭЭ Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.
 ТКД Топраккала, Дворец. М., 1984.
 ТОВЭ Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.
 ТСАГУ Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент.
 ТТАКЭ Труды Термезской археологической комплексной экспедиции. Ташкент.
 ТТАЭ Труды Таджикской археологической экспедиции. Л.
 ТХАЭЭ Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
 ТЮТАКЭ Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
 УзССРТ Узбекистон ССР тарихи. Т. I, 1970.
 ХД Хлопковое дело. Ташкент.
 ЦАКЭ Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. I, II. М., 1974, 1975.
 AA. Acta Antiqua, Academiæ Scientiarum Hungaricæ. Budapest.
 AMINDAIT. Archäologische Mitteilungen aus Iran. Herausgegeben vom Deutsches Archäologischen Institut Abteilung. Teheran, Berlin.
 AI. Acta Iranica. Liege.
 Ar. Or. Archiv orientální. Praha.
 BEFEO Bulletin de L'Ecole Française d'Extrême-Orient. Paris.
 BSOAS. Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
 BSPF. Bulletin de la Société préhistorique Française. Paris.
 CTJ. Central Asiatic journal international periodical for the languages, literature, history and archaeology of Central Asia, Wiesbaden.

CRAI. Comptes rendus des seances l'Academie des inscriptions et belles -lettres. Paris.
JA. Journal asiatique. Paris.
JRAS. Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
MDAFA. Memoires de la Delegation archeologique Francaise en Afghanistan. Paris.
MDAI. Memoires de la Delegation archeologique en Iran, Paris.

MVAG. Mitteilungen der Vorderasiatisch-aegyptischen Gesellschaft. Leipzig.
OA. Oriental Art.
SAA. South Asian Archaeology, Inst. Universitario Orientale, Seminario Studia Asiatici. Series Minor. Naples.
SI. Studia Iranica. Leiden.
SPA. A Survey of Persian Art. London—New York. v. I, IV, V—1938; v. II, III, VI—1939.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 1. Схематическая карта Согдианы и Нахшаба по среднему течению Кашкадарьи.

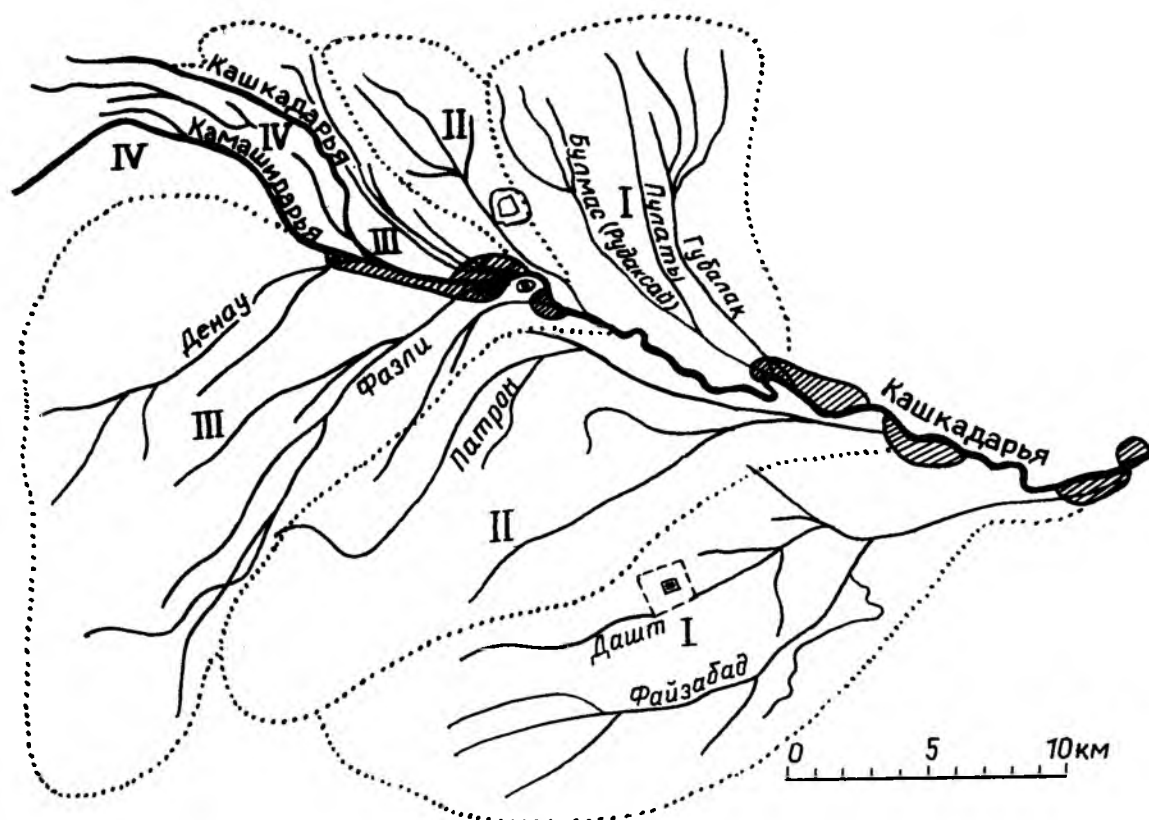


Рис. 2. Схема распределения орошаемых земель Каршинского оазиса по основным оросителям начала XX в.



Рис. 3. Аэрофотосъемка городища Еркурган в пределах внутренней стены.



Рис. 4. Аэрофотосъемка городища Еркурган с ближайшей пригородной зоной.

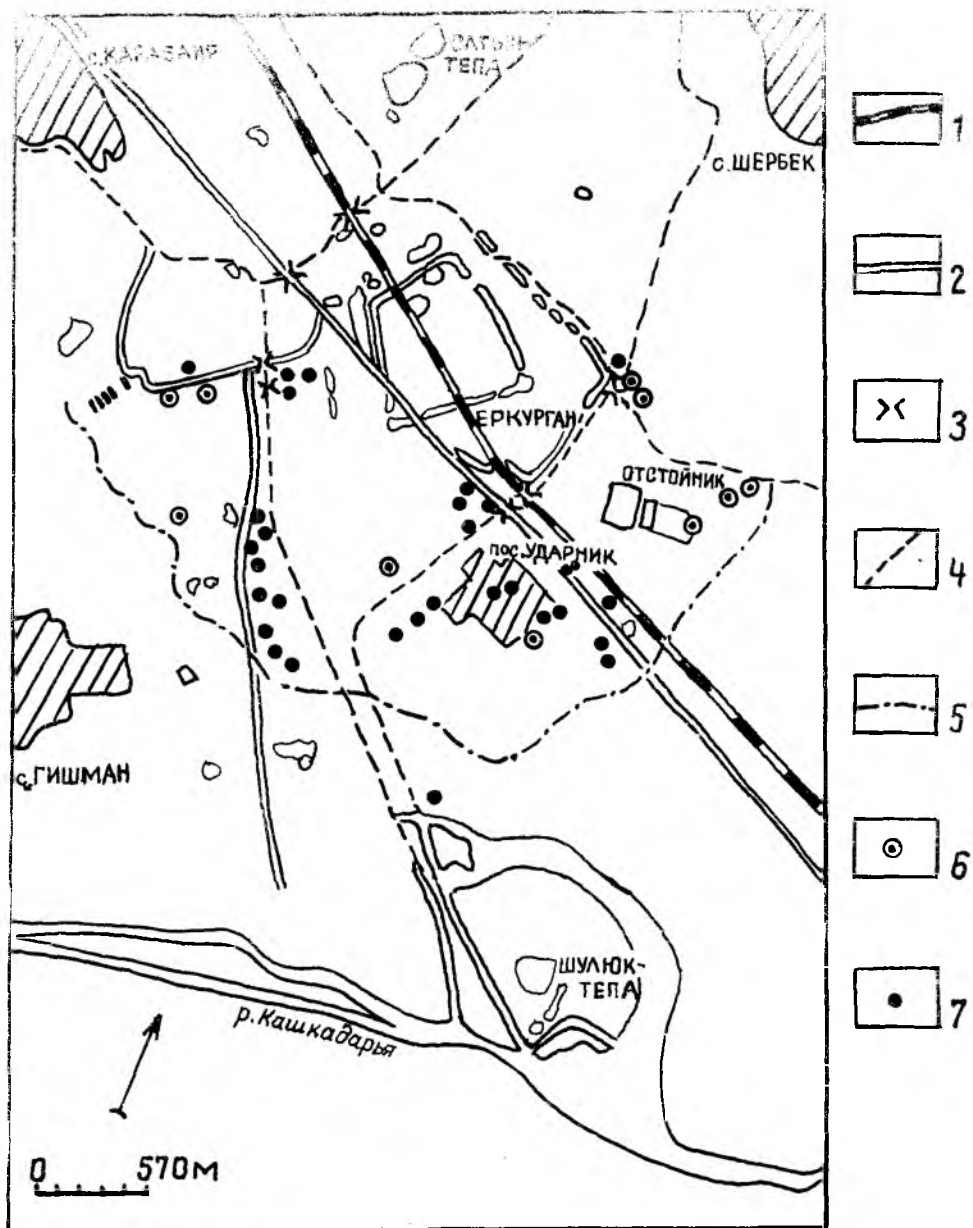


Рис. 5. Схематический план городища Еркурган с пригородной зоной (1980-1981 гг.):
 1-железная дорога; 2-шоссе; 3-мосты; 4-каналы; 5-граница распространения подъемного материала; 6-сохранившиеся тепа; 7-уничтоженные тепа.

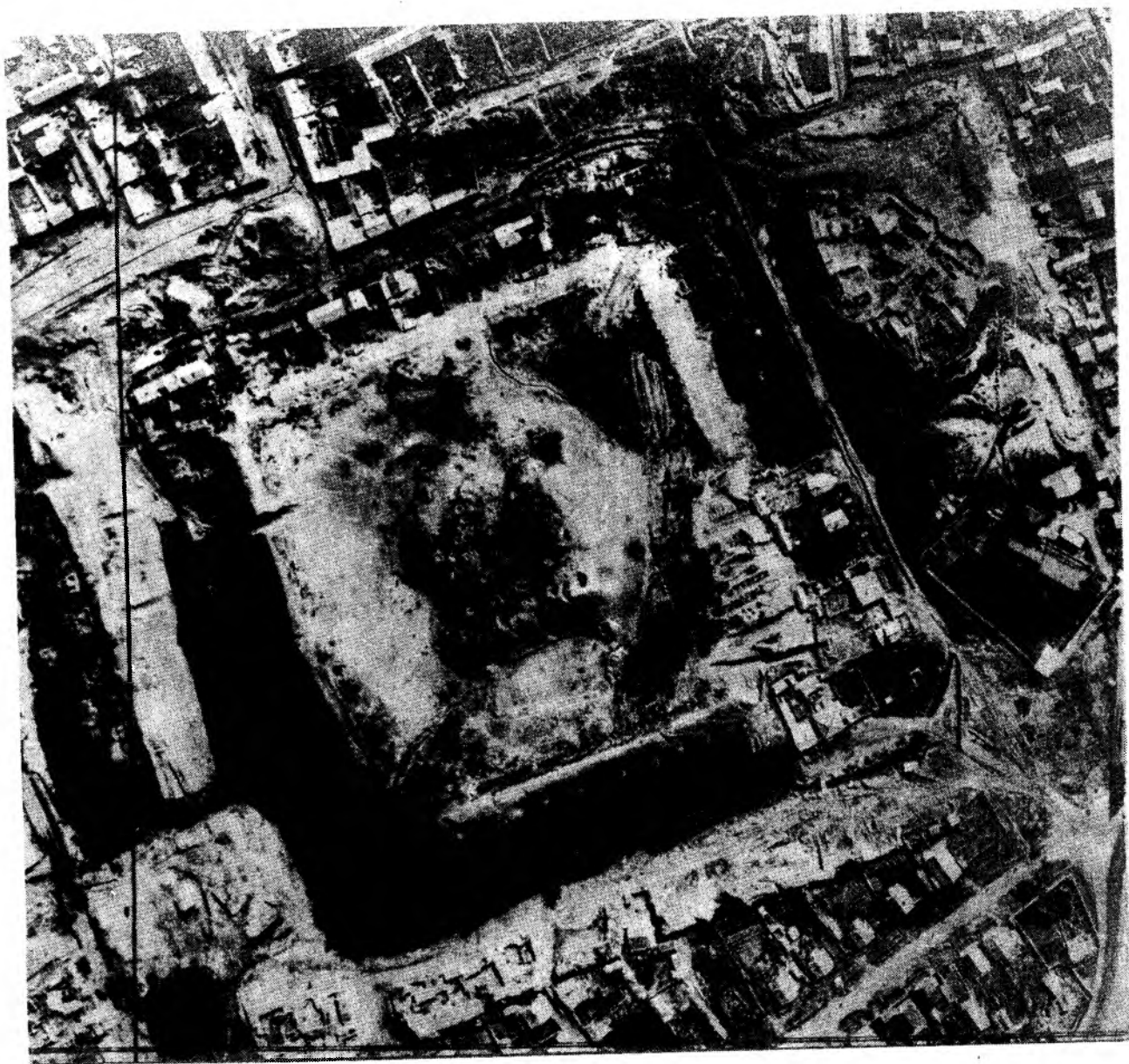


Рис. 6. Аэрофотосъемка городища Калаи Захоки Марон в пределах второй стены.



Рис. 7. Аэрофотосъемка городища Шулюктепа (Несеф) в пределах шахристана.

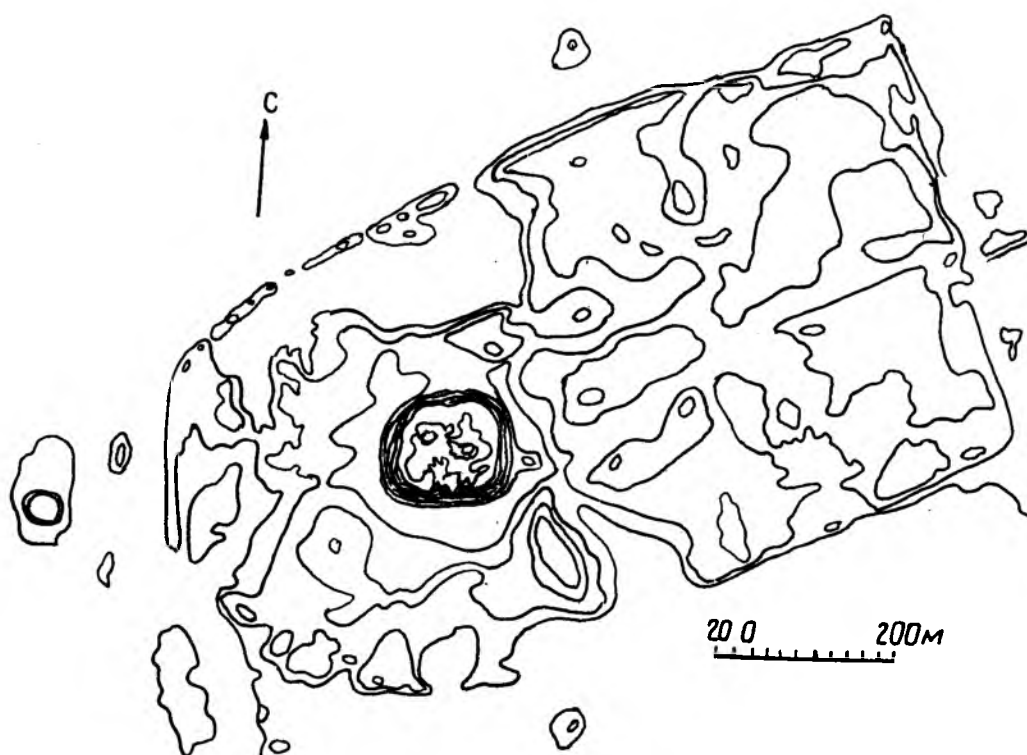


Рис. 8. Схематический план городища Куния Фазли (Безда).

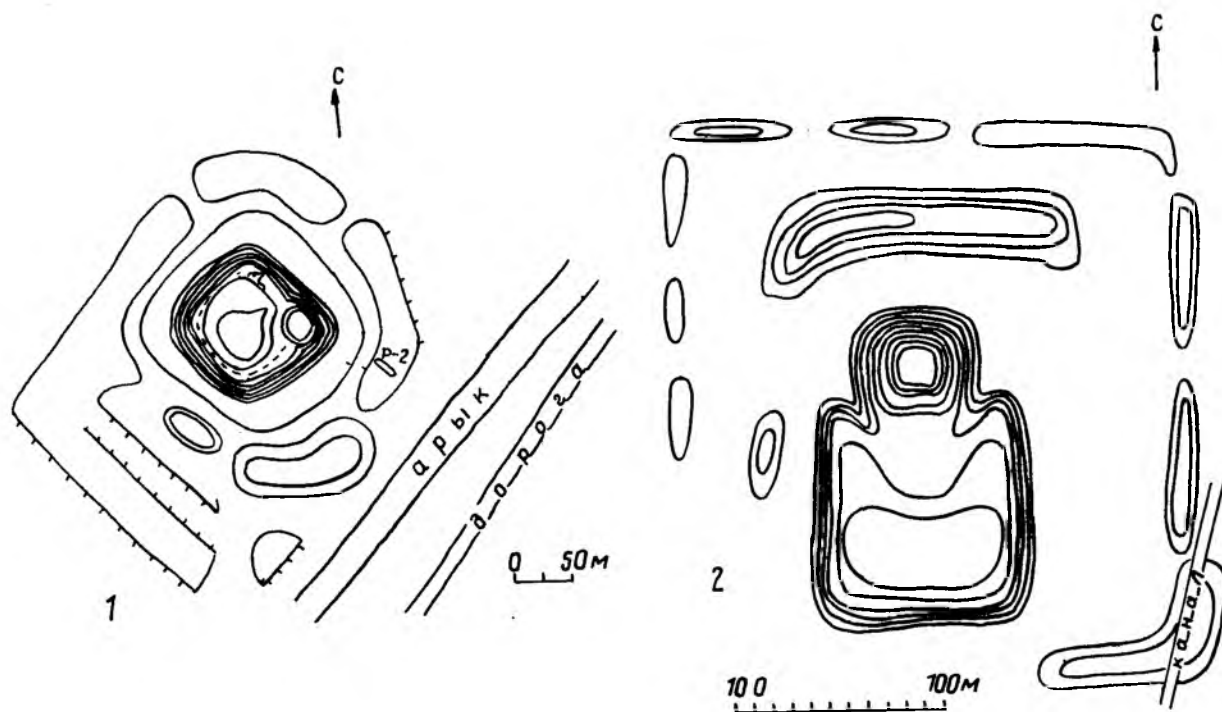


Рис. 9. Схематические планы городищ: 1 — Киндиклитепа; 2 — Ходжа Румас.

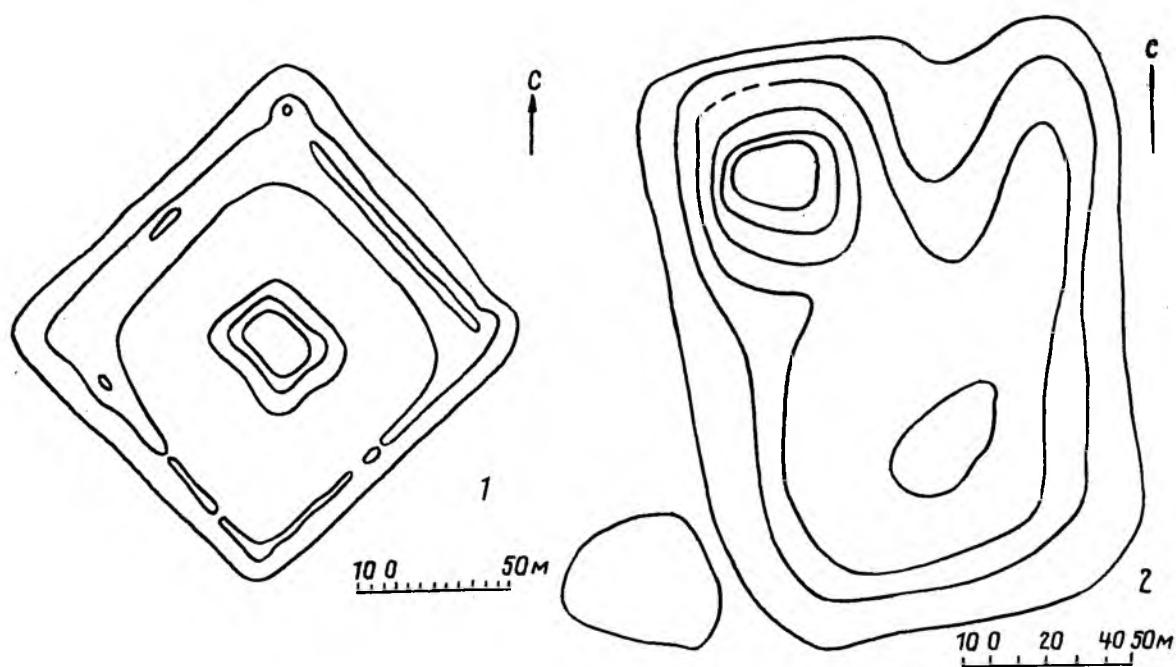


Рис. 10. Схематические планы городищ: 1 — Актепа; 2 — Мазартепа.

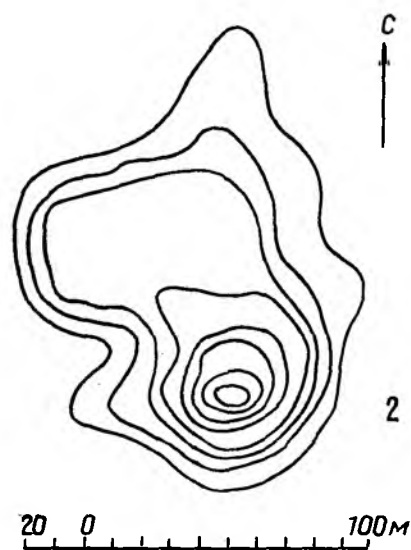
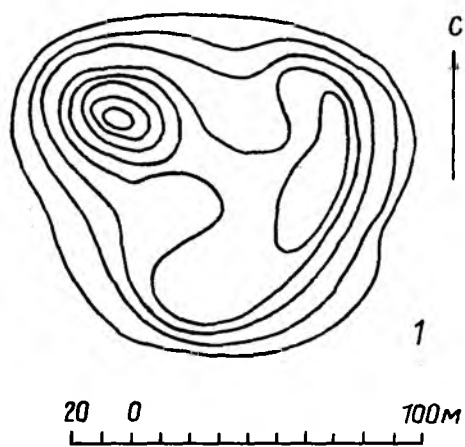


Рис. 11. Схематические планы замков:
1 — Алимтепа; 2 — Безымянный.

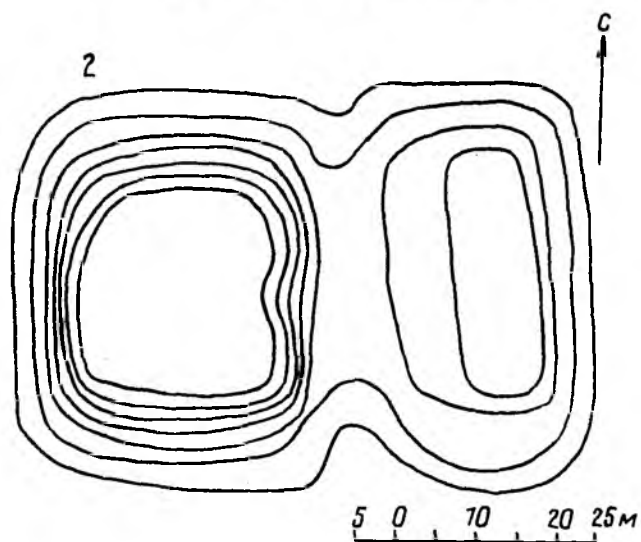
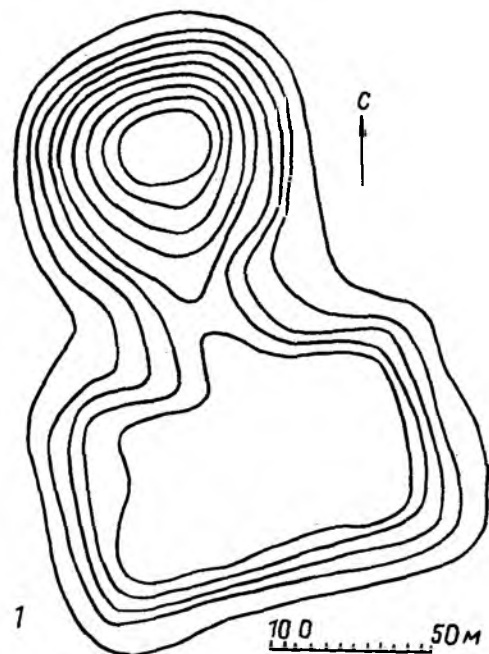


Рис. 12. Схематические планы замков:
1 — Чилимбаштепа; 2 — Кабристантепа.

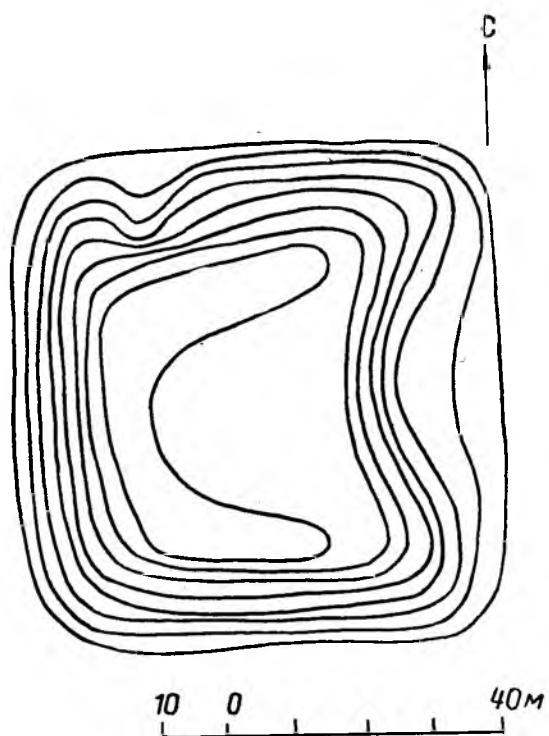


Рис. 13. Подквадратное в плане Актепа.

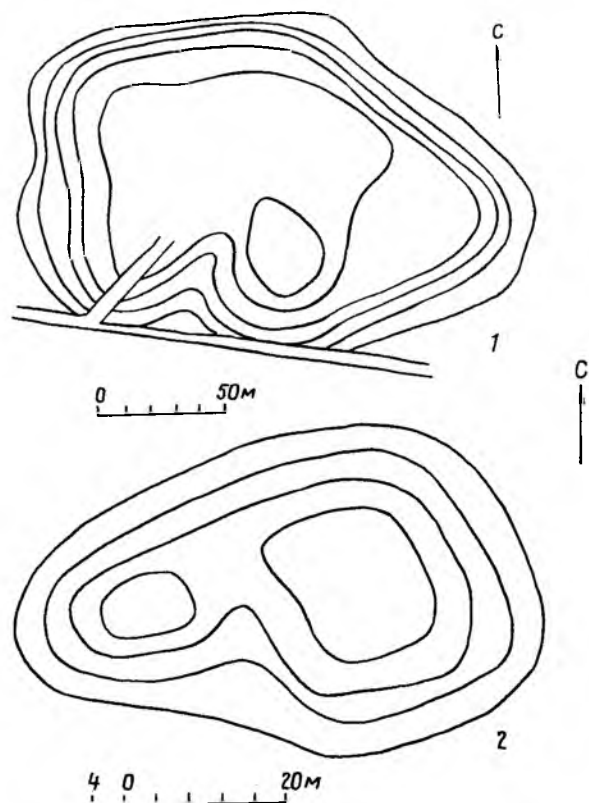


Рис. 14. Схематические планы усадеб:
1 — овальное в плане Казаклитеп; 2 — овальное в плане, разделенное седловиной, Сичкантеп.

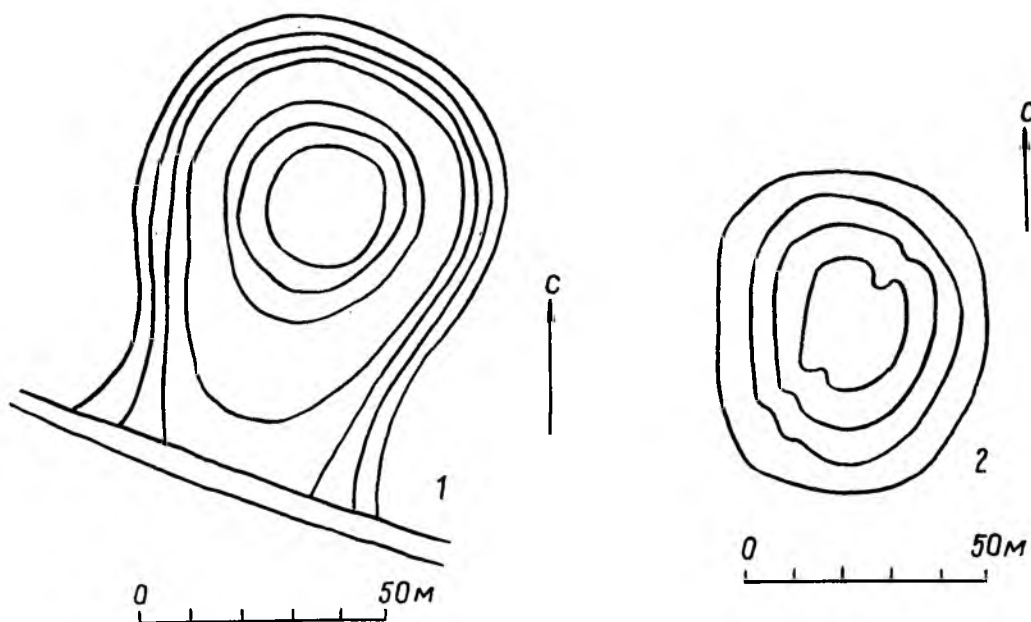


Рис. 15. Схематические планы усадеб:
1 — каплевидное в плане тепа; 2 — округлое в плане Капчантеп.

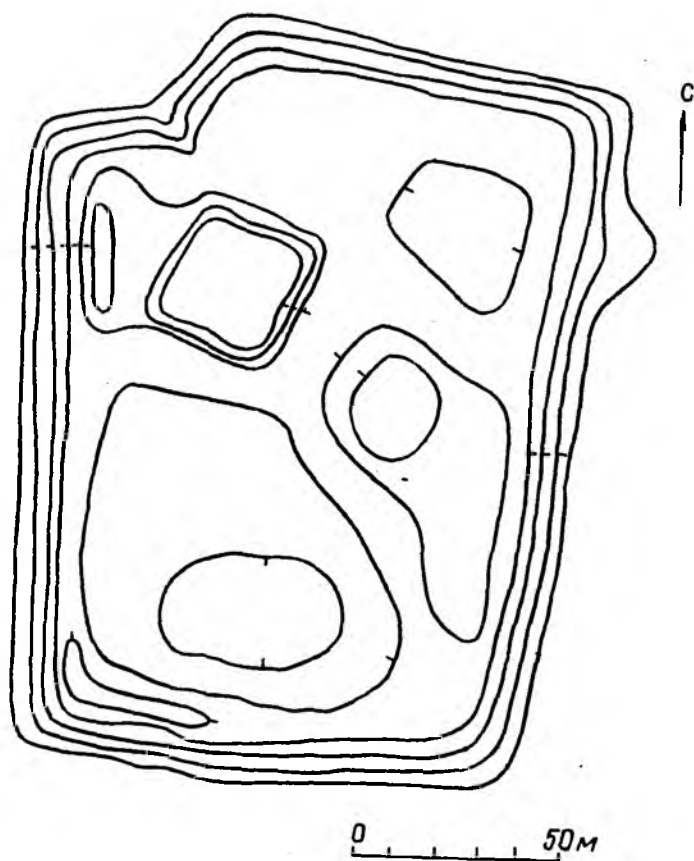


Рис. 16. Схематический план городища Талликургантепа.

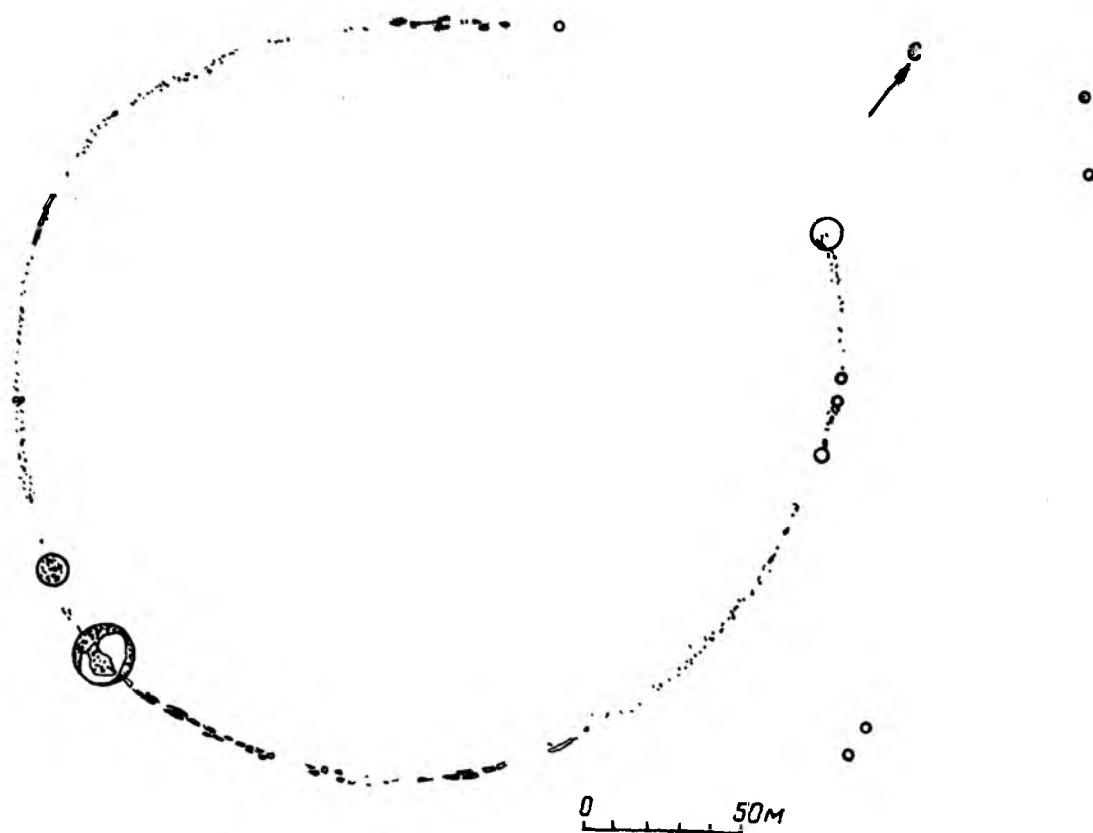


Рис. 17. План ритуального комплекса Ташкалак.

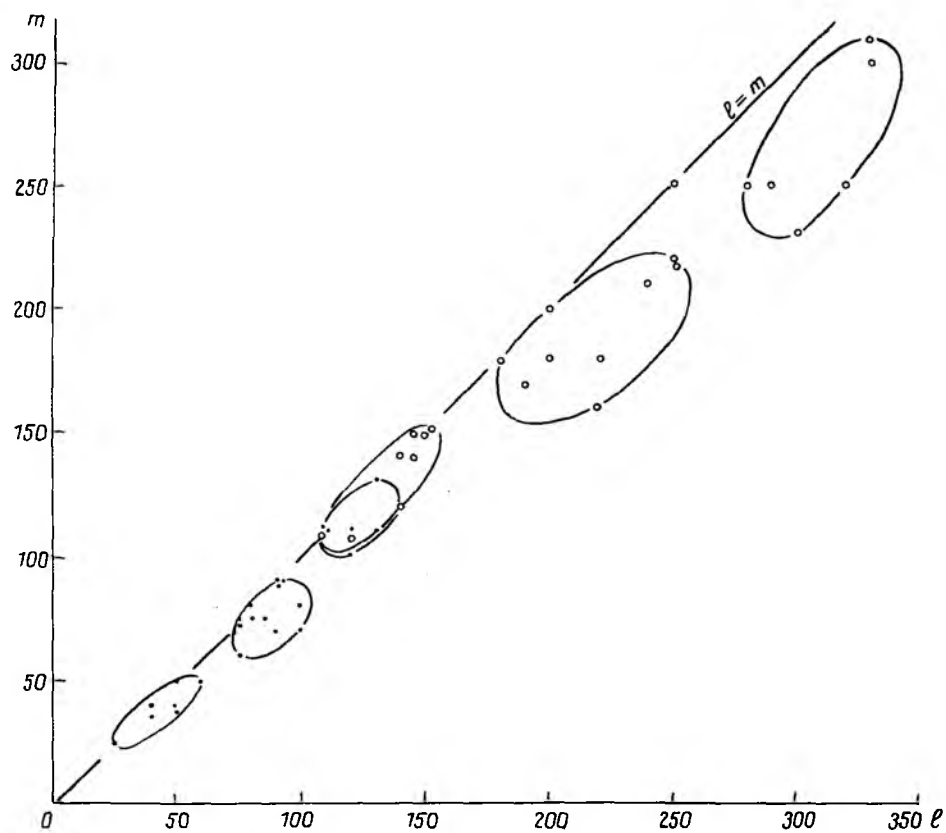


Рис. 18. Соотношение длины (l м) и ширины (m м) квадратных в плане городищ с цитаделями в центре. Точками отмечены размеры цитаделей, кружками — внешних стен.

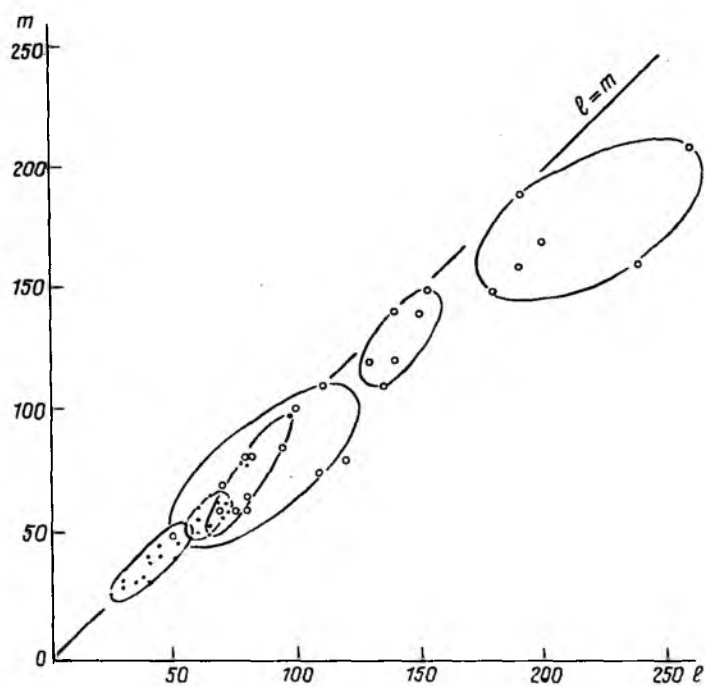


Рис. 19. Соотношение длины (l м) и ширины (m м) квадратных в плане городищ с цитаделями в углу. Точками отмечены размеры цитаделей, кружками — внешних стен.

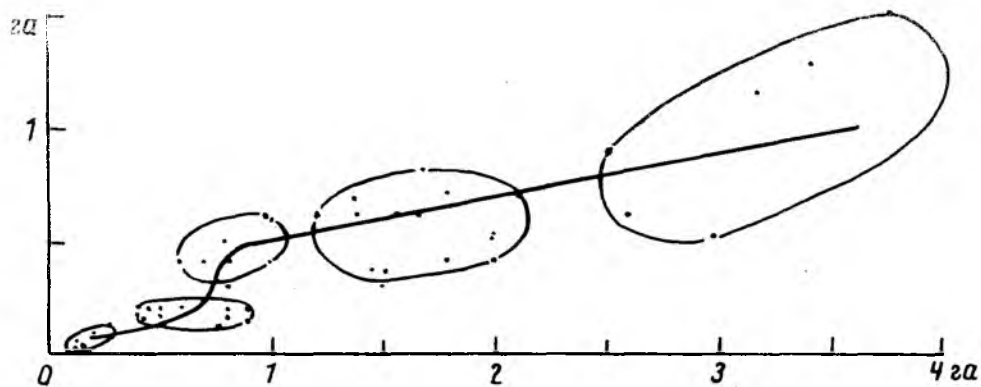


Рис. 20. Соотношение площадей (S га) укрепленных башен и прилегающих площадок жилой застройки симметричных в плане тепа с площадкой. По вертикали отложены размеры площадей башен, по горизонтали — общие площади, если башня и площадка возведены слитно, или самих площадок, если они построены отдельно.

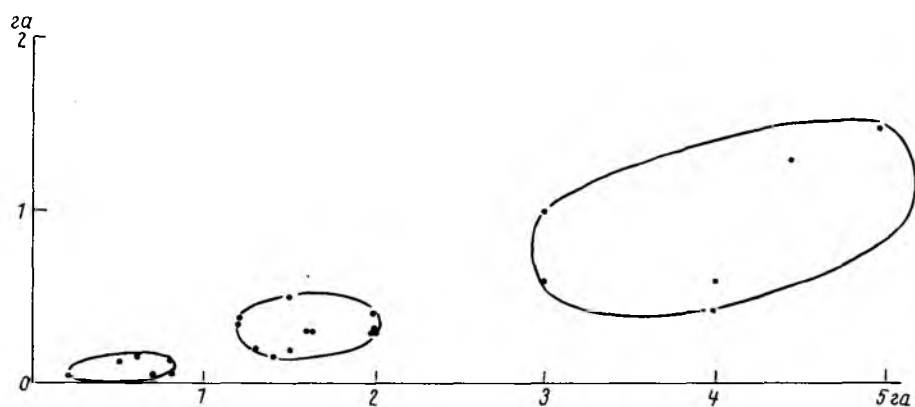


Рис. 21. Соотношение площадей (S га) укрепленных башен и прилегающих площадок жилой застройки асимметричных в плане тепа с площадкой. По вертикали отложены размеры площадей башен, по горизонтали — общие площади.

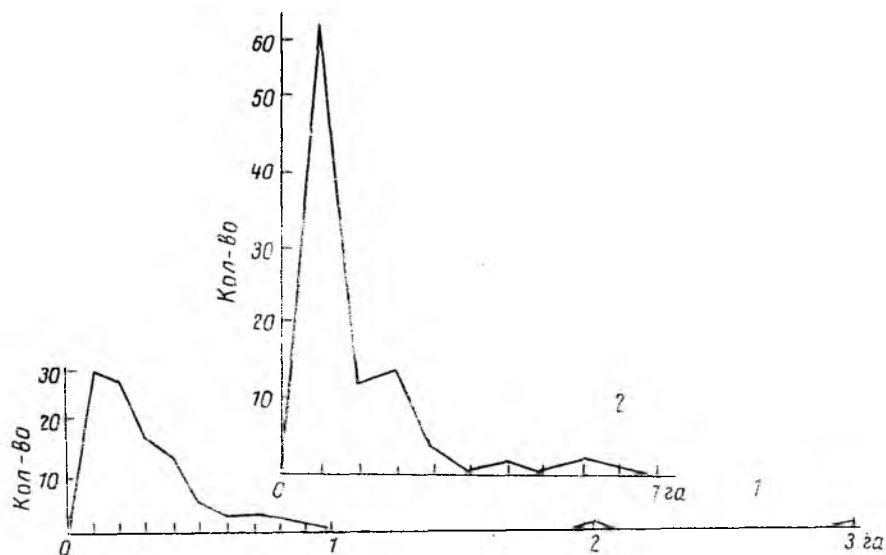


Рис. 22. Гистограммы размеров тепа: 1 — распределение площадей (S га) прямоугольных в плане тепа (по горизонтали) и их количество (по вертикали); 2 — распределение размеров площадей (S га) круглых в плане тепа (по горизонтали) и их количество (по вертикали). По размерам площадей они подразделяются на две группы.

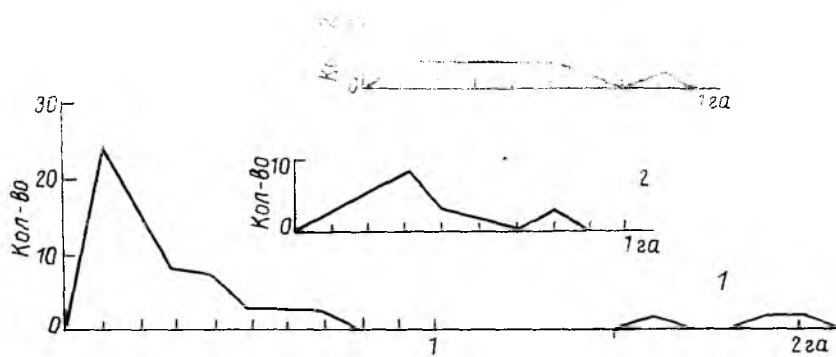


Рис. 23. Гистограммы размеров тепа:
1 — распределение размеров площадей (S га) овальных в плане тепа (по горизонтали) и их количество (по вертикали). По размерам площадей они подразделяются на три группы; 2 — распределение размеров площадей (S га) овальных в плане тепа, разделенных седловиной (по горизонтали), и их количество (по вертикали). По размерам площадей они подразделяются на две группы; 3 — распределение размеров площадей (S га) каплевидных в плане тепа (по горизонтали) и их количество (по вертикали).

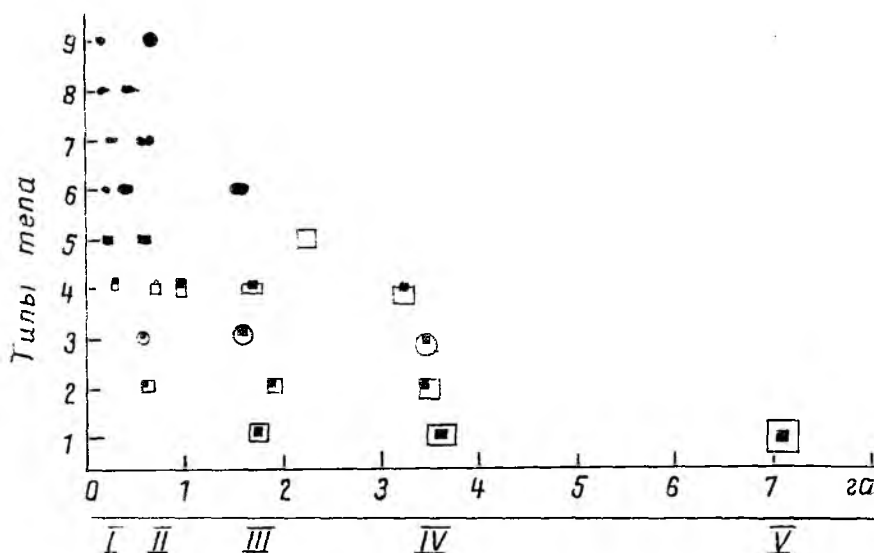


Рис. 24. Сводно-типологический график основных типов поселений древнего Нахшаба. По вертикали отложены основные типы, по горизонтали — размеры площадей (S га). Все типы поселений по среднеарифметическим размерам ранее выделенных групп подразделяются на пять категорий.

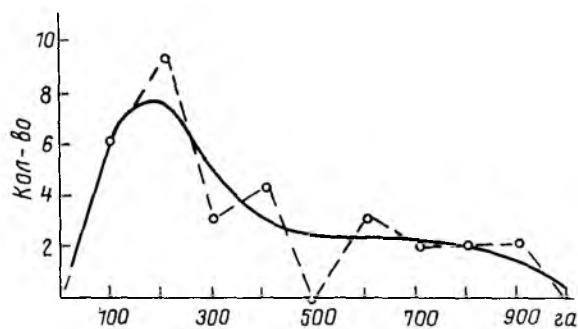


Рис. 25. Распределение размеров площадей (S га) групп поселений Каршинского оазиса в IV-VI вв.



Рис. 26. Пункты обживания Каршинского оазиса в конце IV-I в. до н. э.





Рис. 27. Пункты обживания Каршинского оазиса в I-III
вв. н. э.



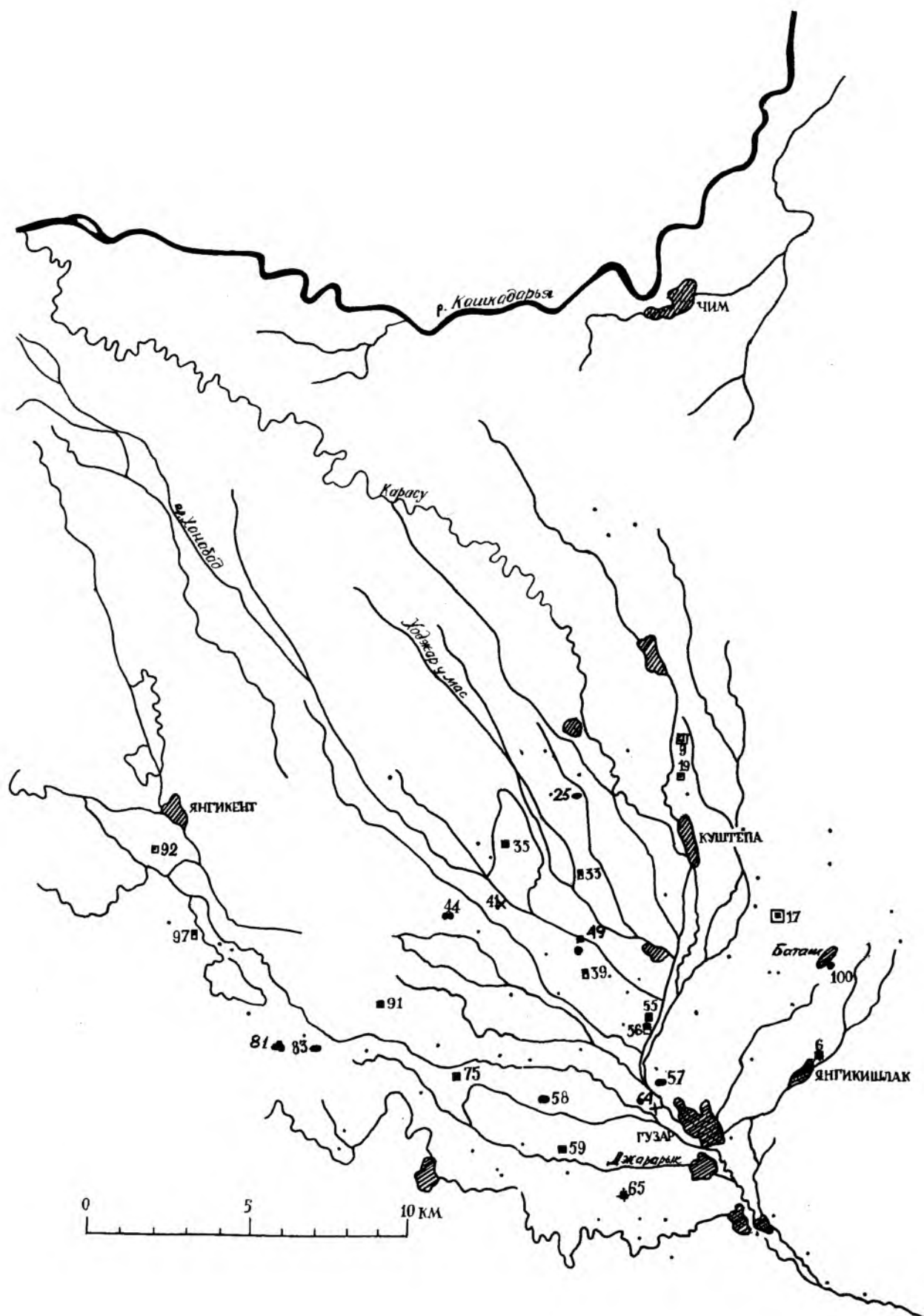


Рис. 28. Пункты обживания Гузарского оазиса в конце IV-I в. до н. э.

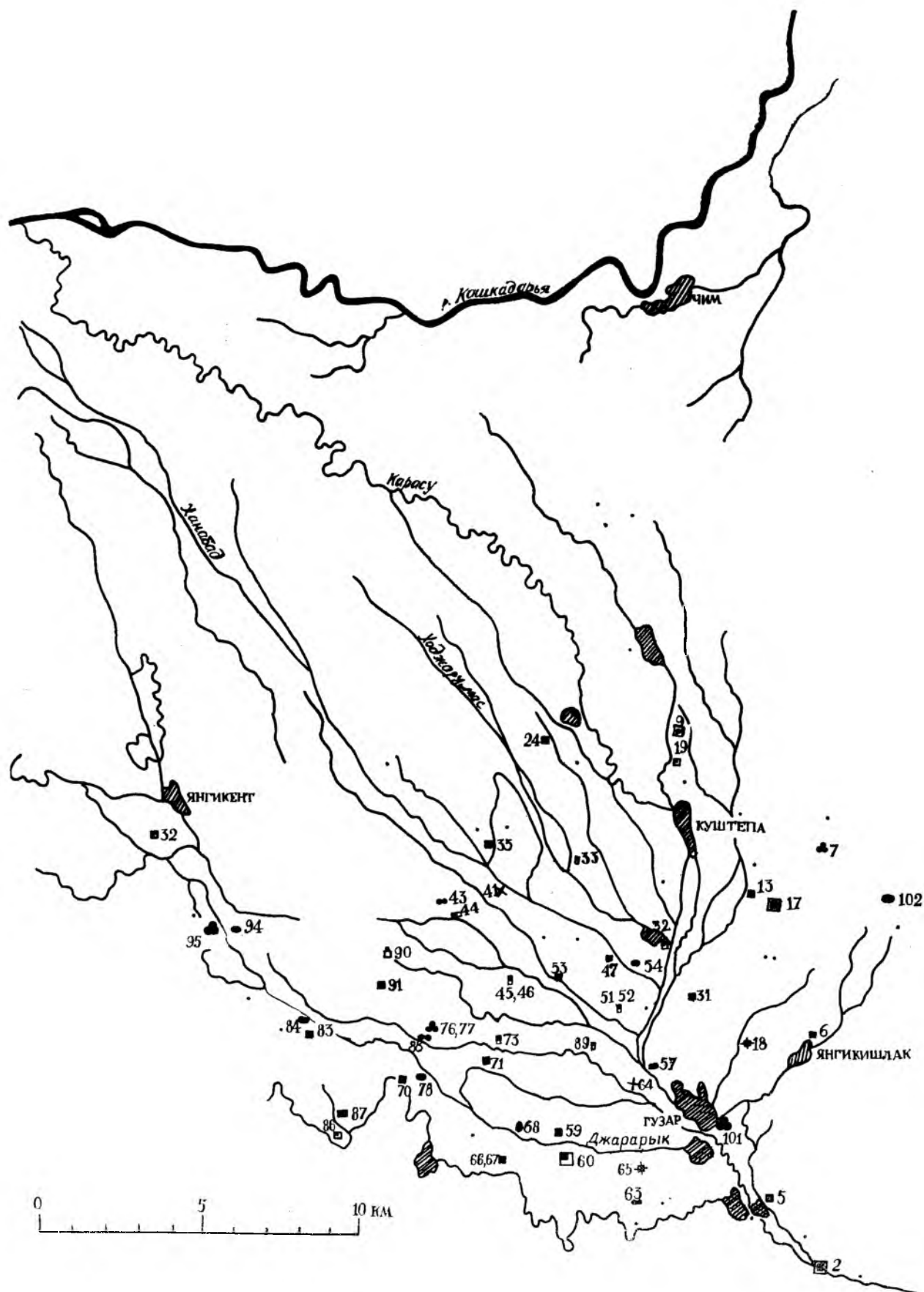


Рис. 29. Пункты обживания Гузарского оазиса в I-III вв. н. э.

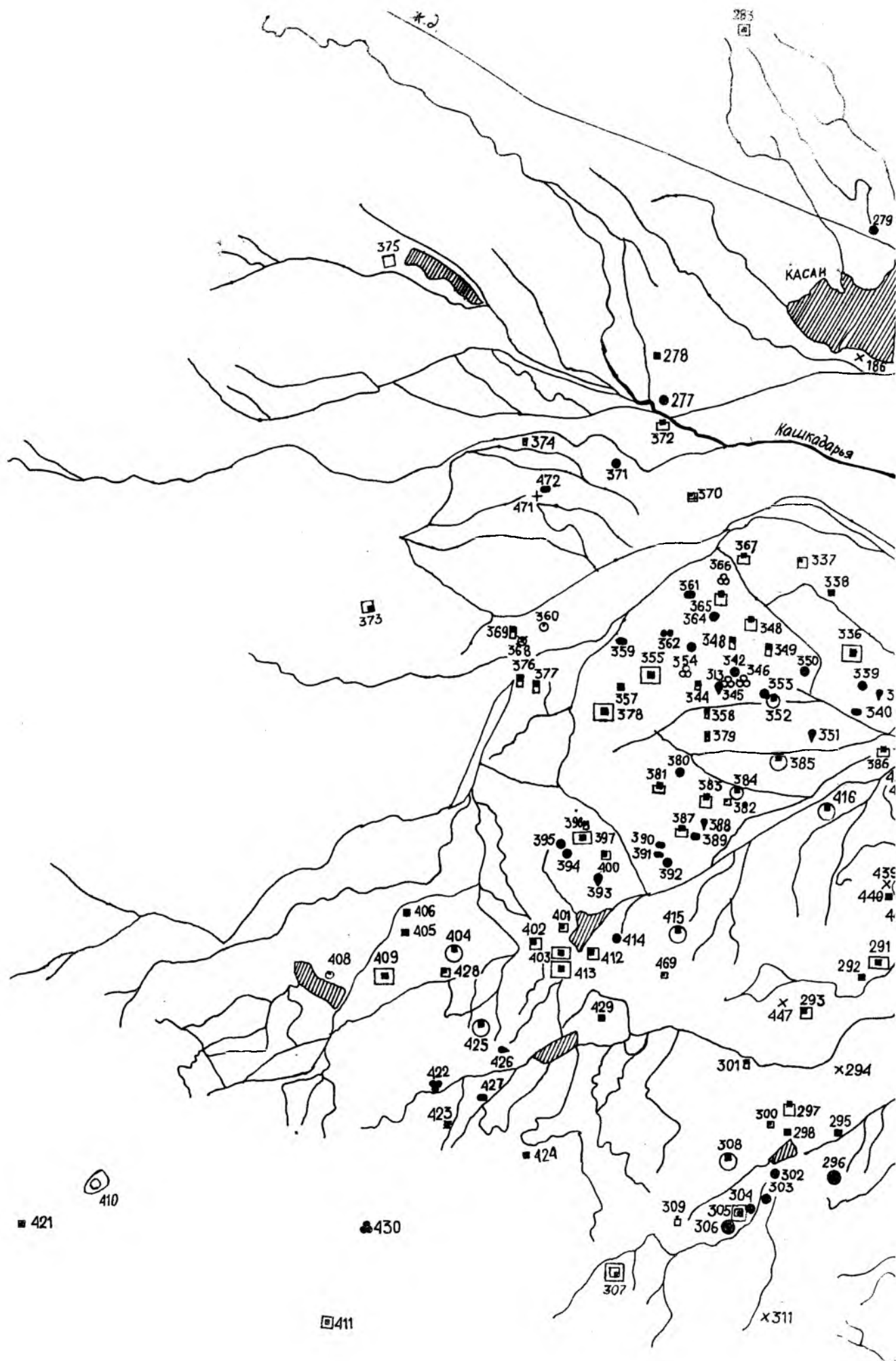
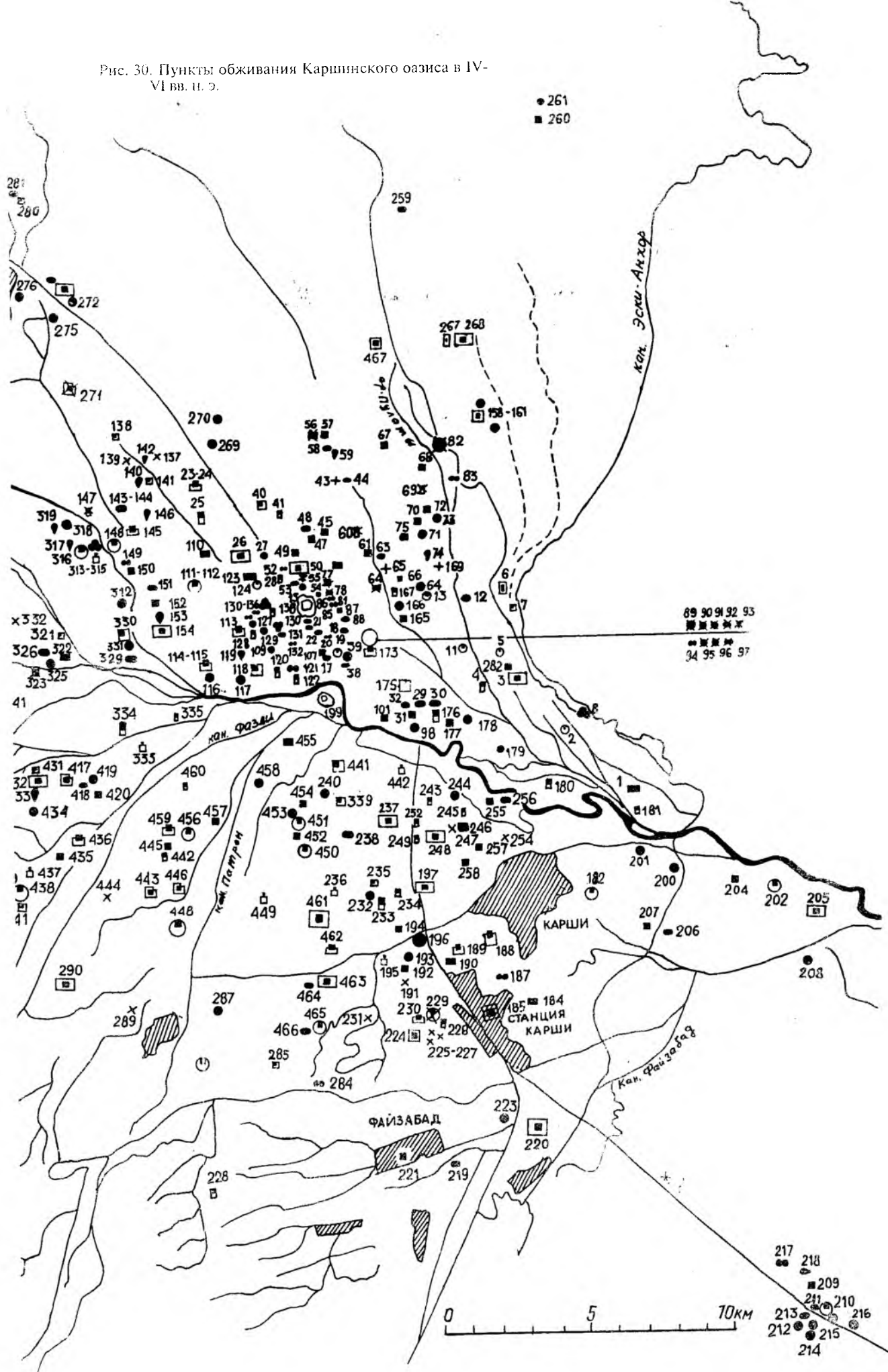


Рис. 30. Пункты обживания Каршинского оазиса в IV-VI вв. н. э.



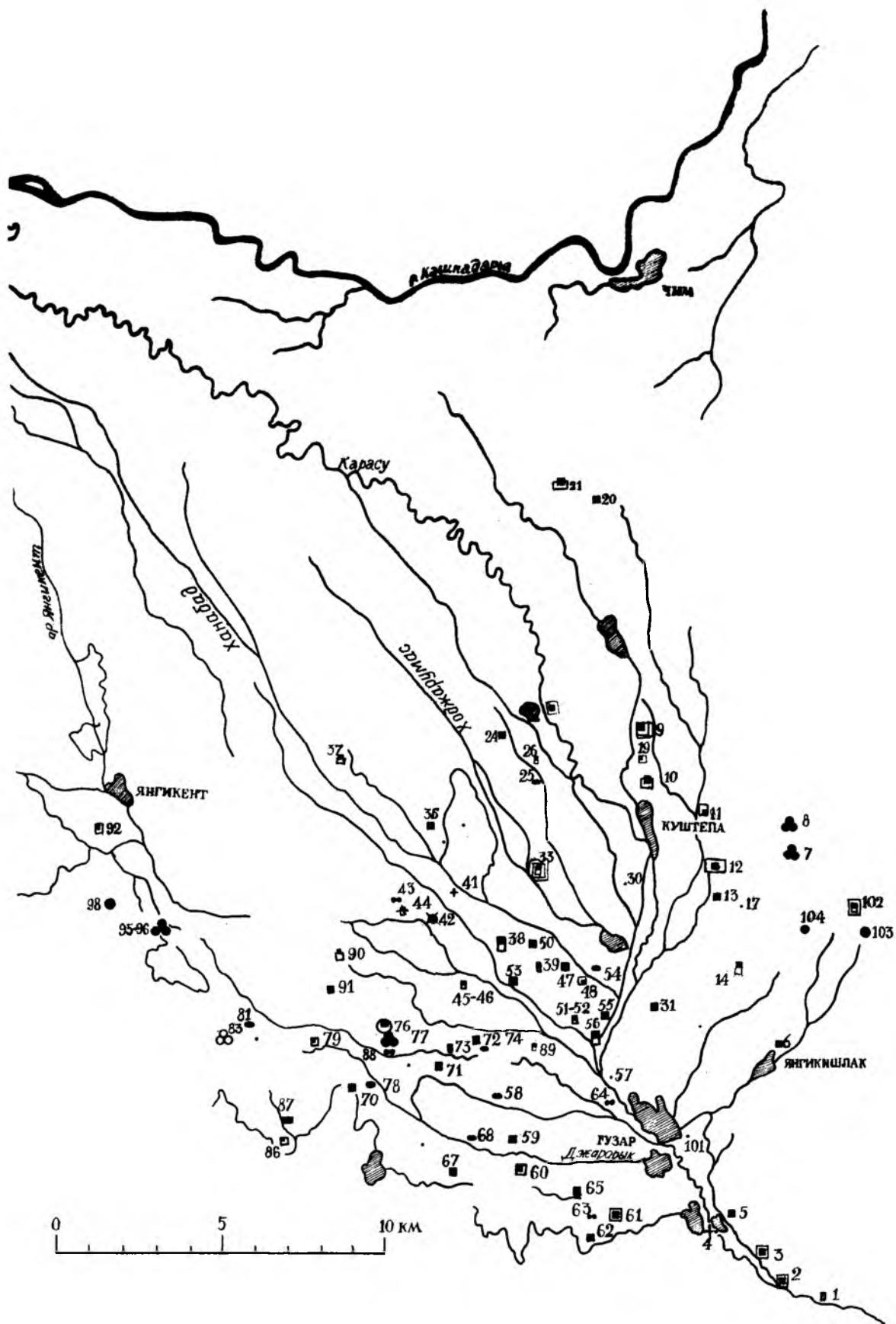


Рис. 31. Пункты обживания Гузарского оазиса в IV-VI вв. н. э.



Рис. 32. Структура группировки поселений Каршинского оазиса в IV-VI вв. н. э.



Рис. 33. Пункты обживания Каршинского оазиса в VII-VIII вв. н. э.

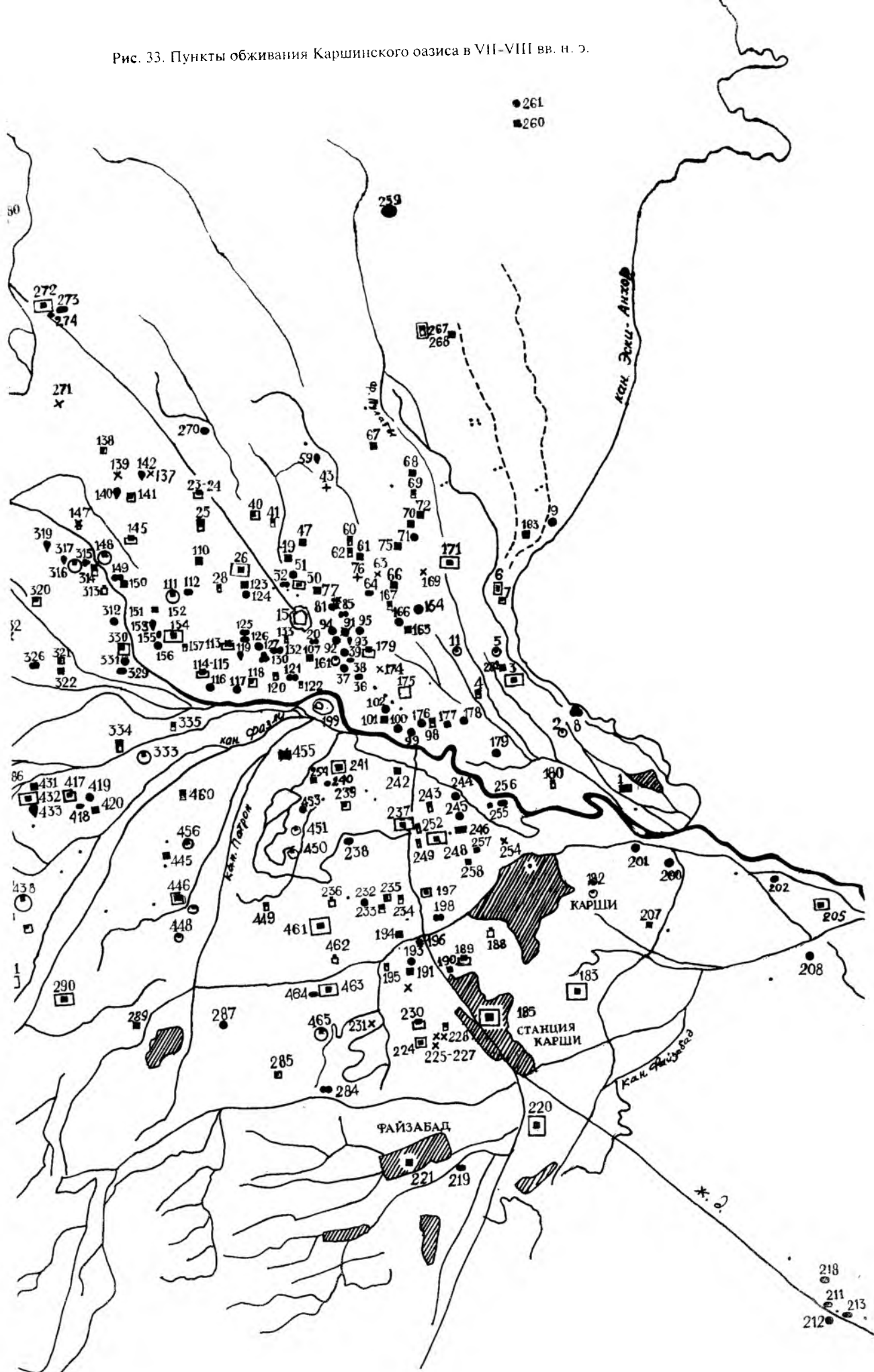
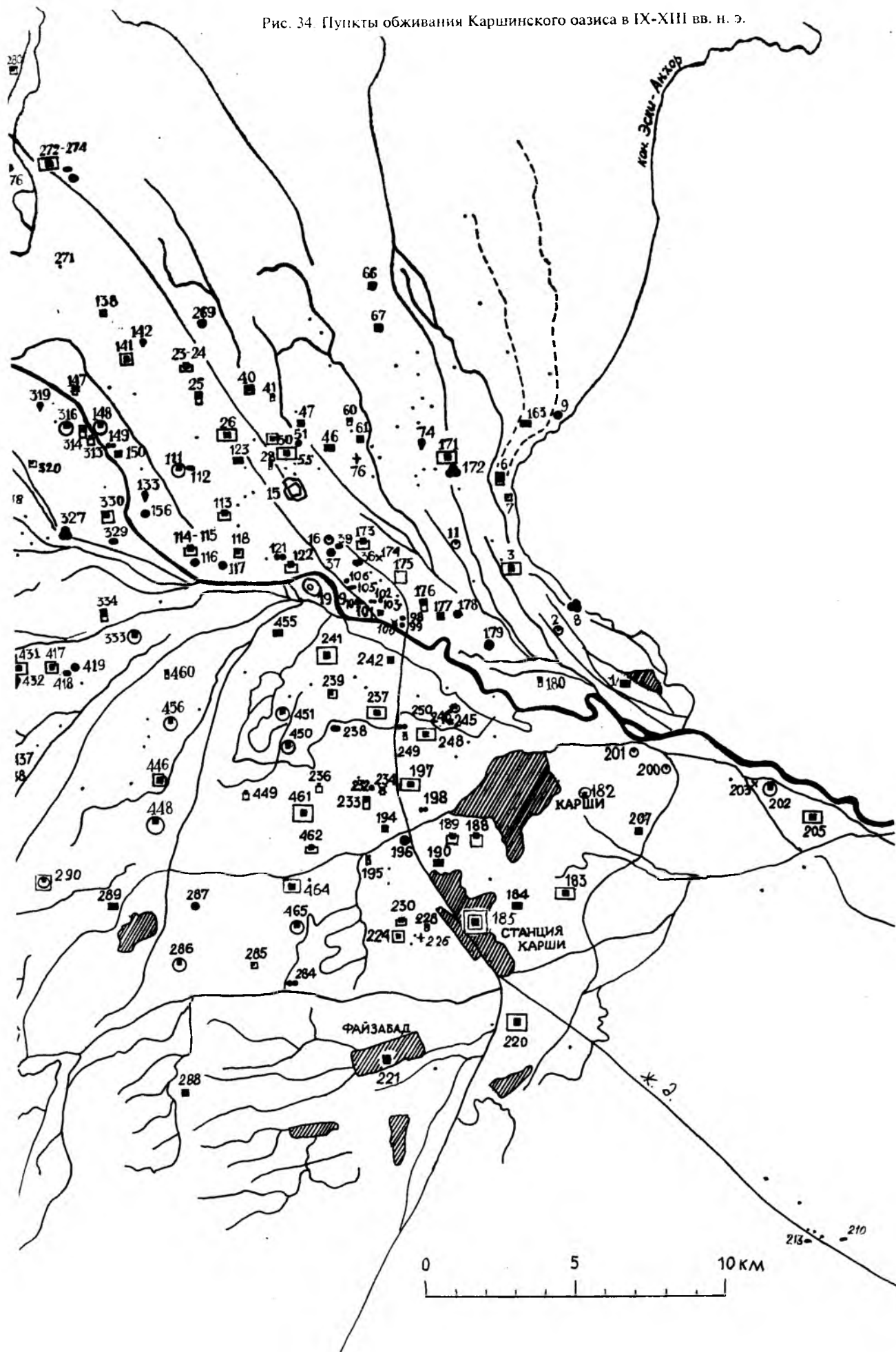




Рис. 34. Пункты обживания Каршинского оазиса в IX-XIII вв. н. э.



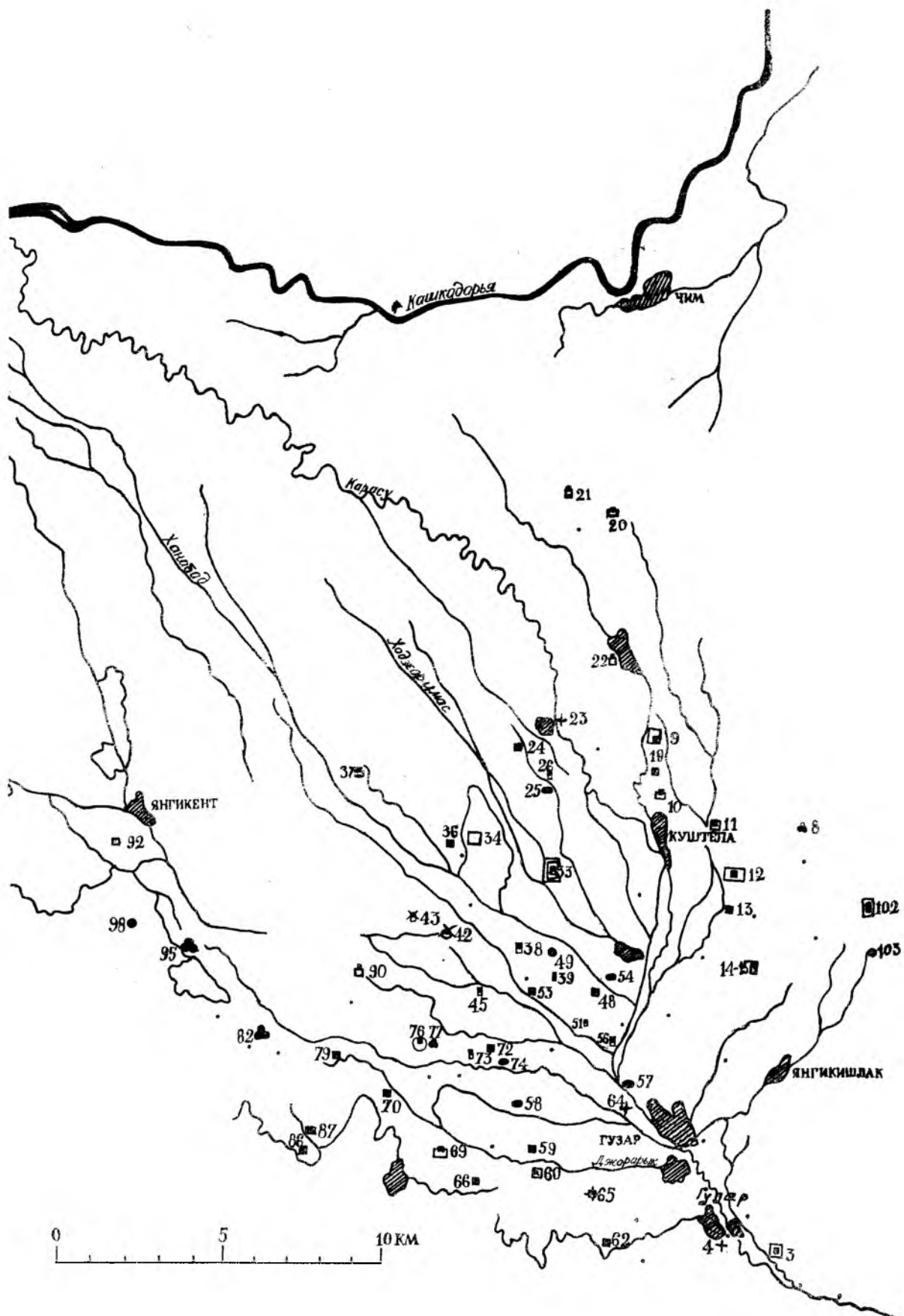


Рис. 35. Пункты обживания Гузарского оазиса в VII-VIII вв. н. э.

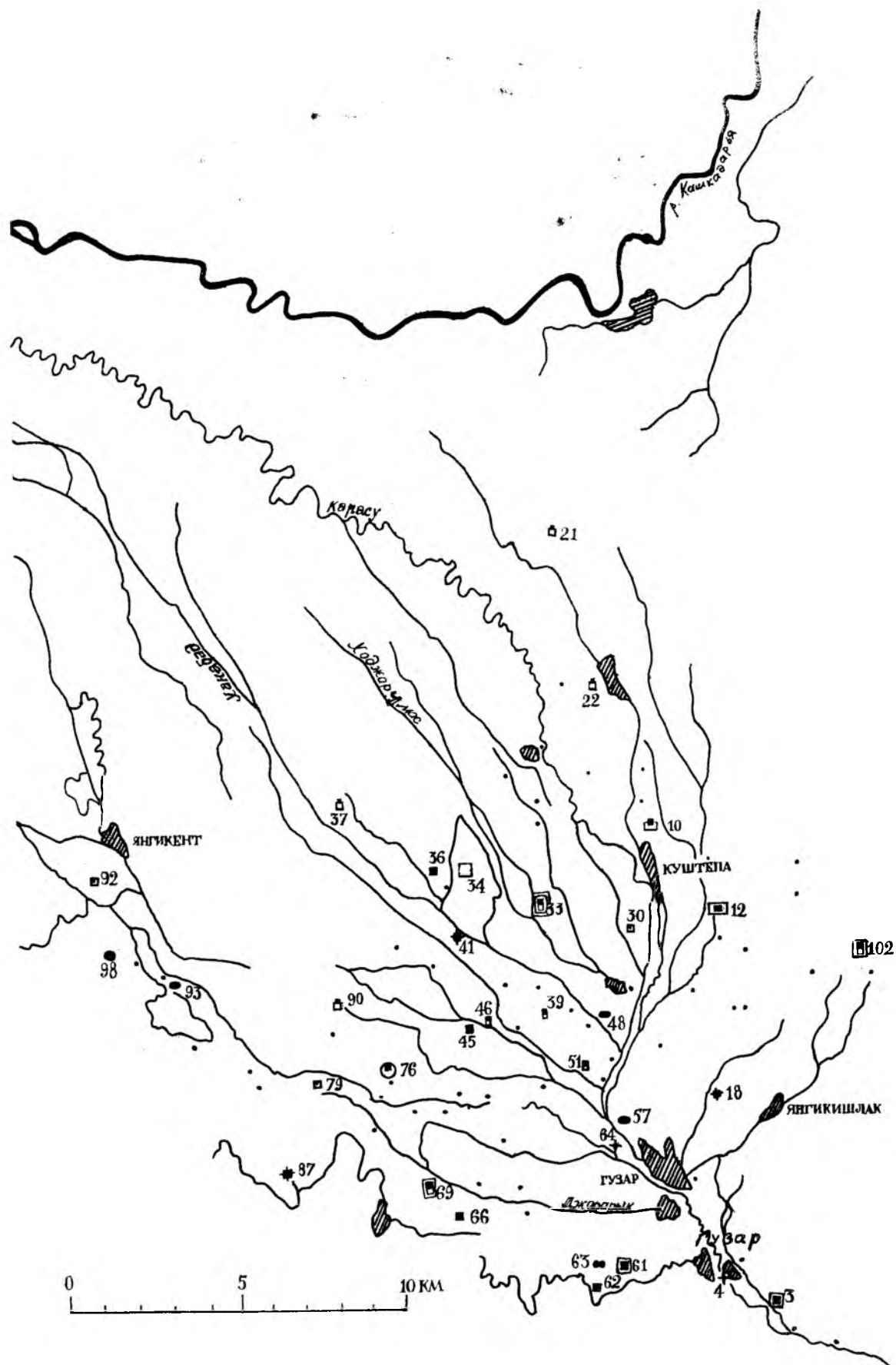


Рис. 36. Пункты обживания Гузарского оазиса в IX-XIII вв. н. э.

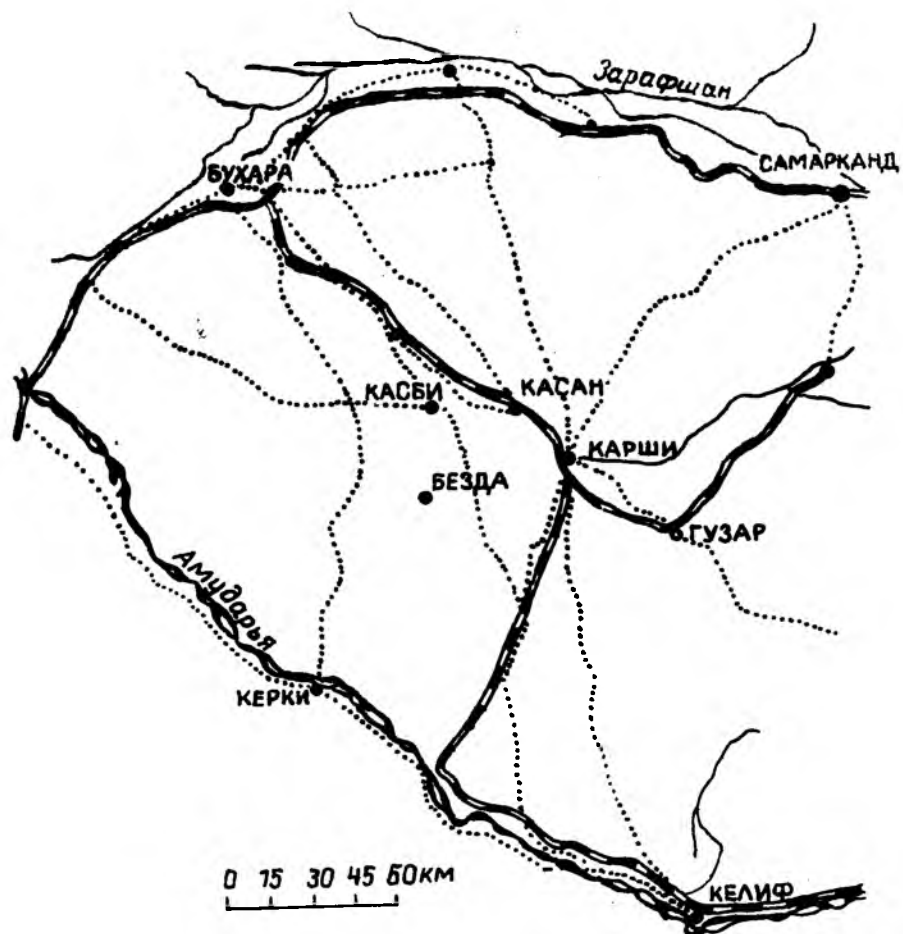


Рис. 37. Основные торговые трассы Нахшаба древности и средневековья по М. Е. Массону (1935 г.).



Рис. 38. Угловой бастион и восточный фас внутренней стены Еркургана.

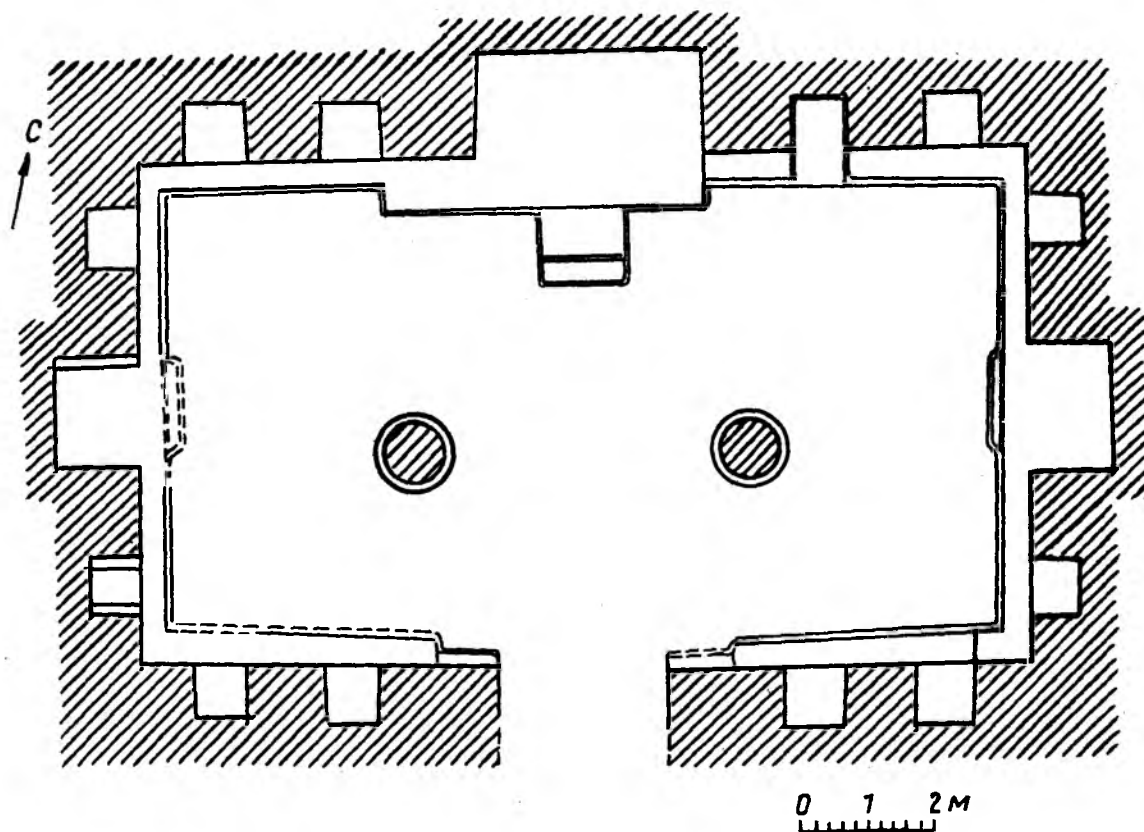


Рис. 39. План святилища храма начала I строительного периода (Р-I в. х.).

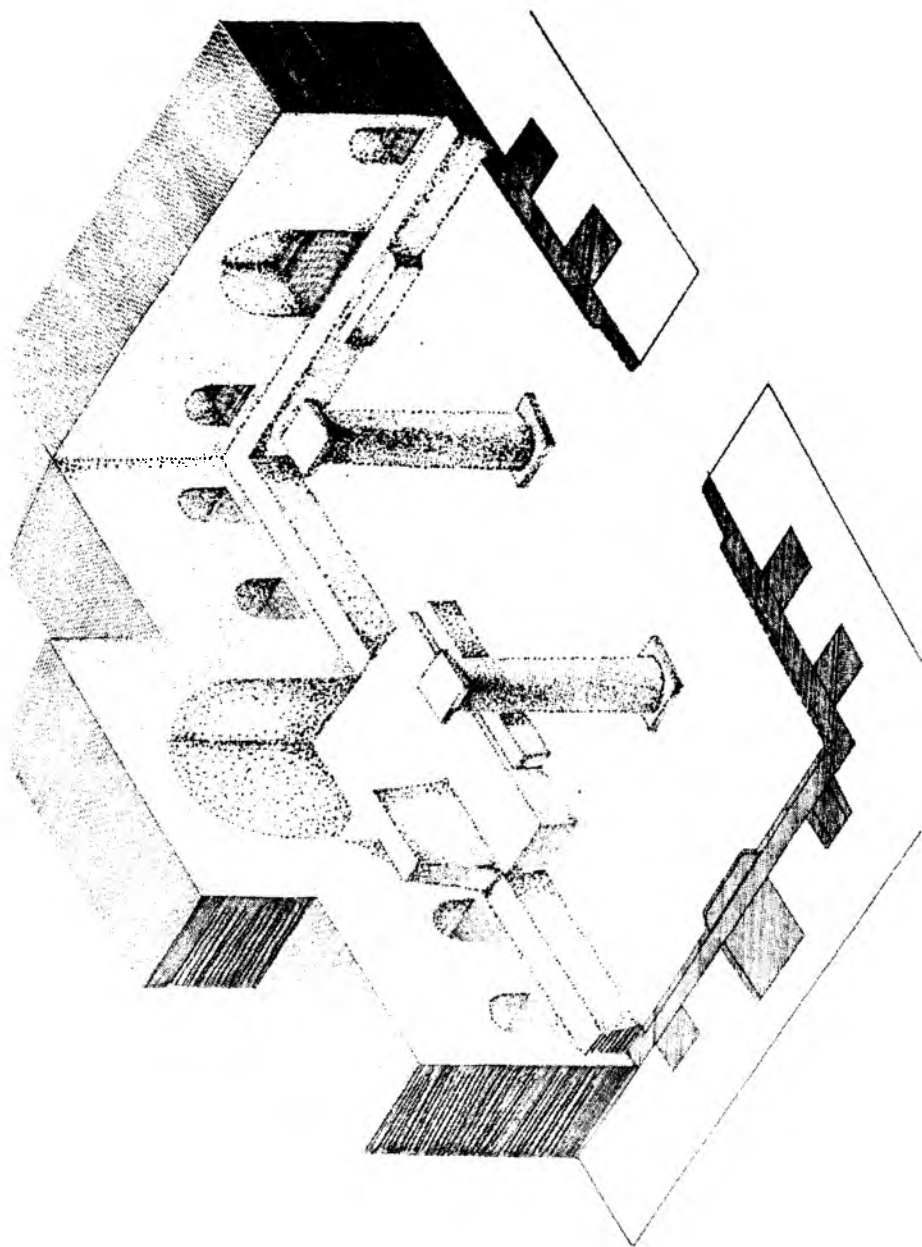


Рис. 40. Вариант реконструкции интерьера святилища храма I строительного периода (Р-I в. х.)

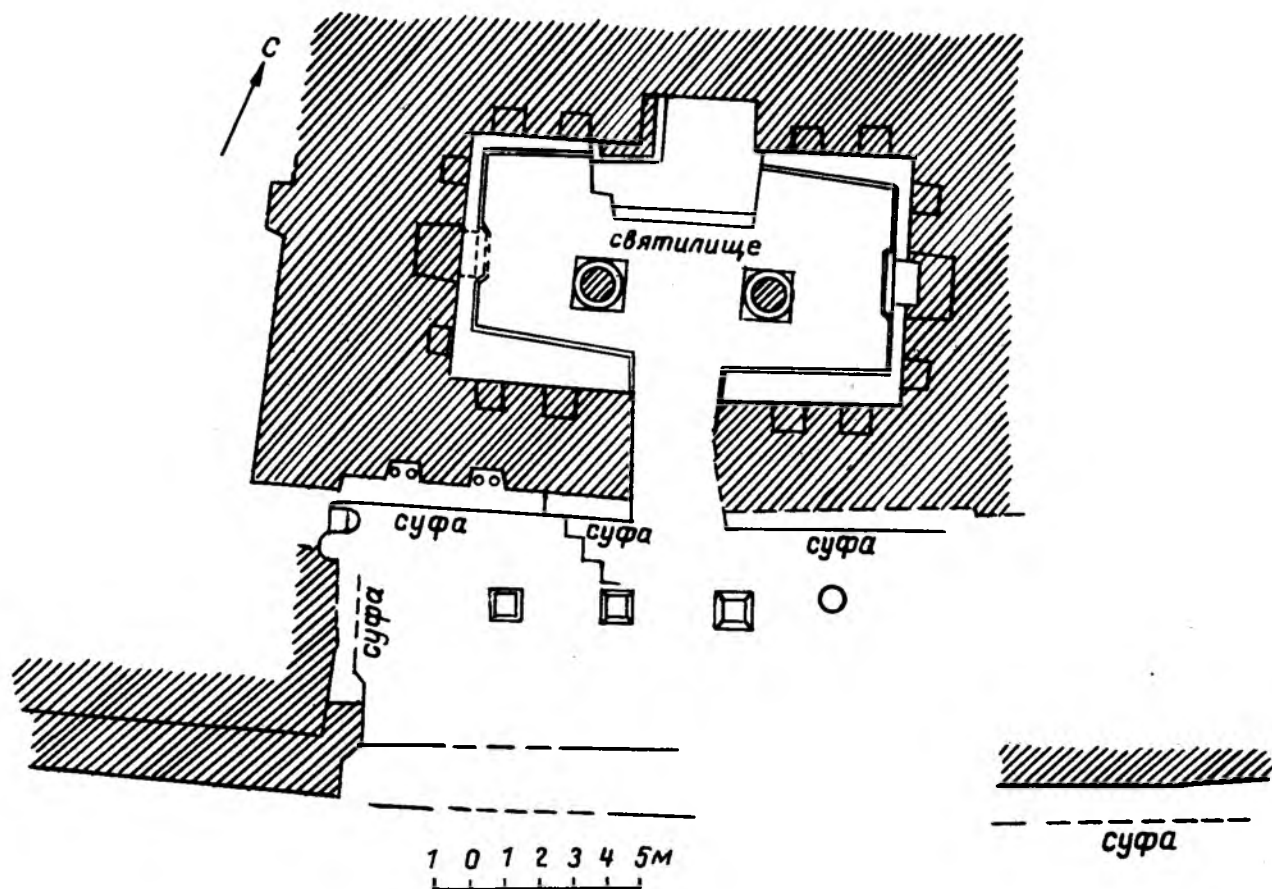


Рис. 41. План святилища и западной части айвана храма конца II строительного периода (Р-1 в. х.).

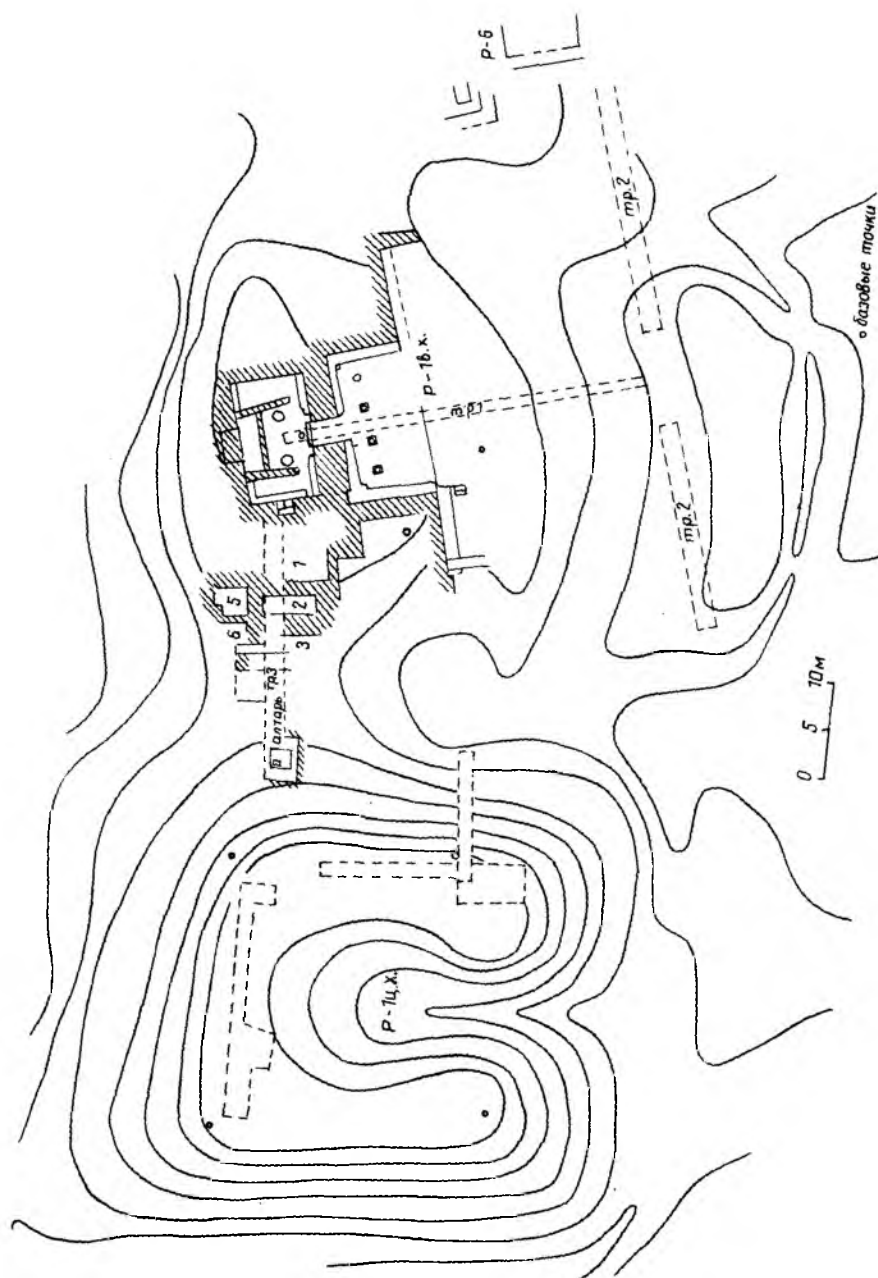


Рис. 42. План всего храмового комплекса. Пунктирными линиями оговорены основные стратиграфические траншеи на восточном и центральном холмах комплекса. На плане восточного холма вписана архитектура святилища, алтаря и западного комплекса помещений храма III строительного периода (Р-1 в. х.).

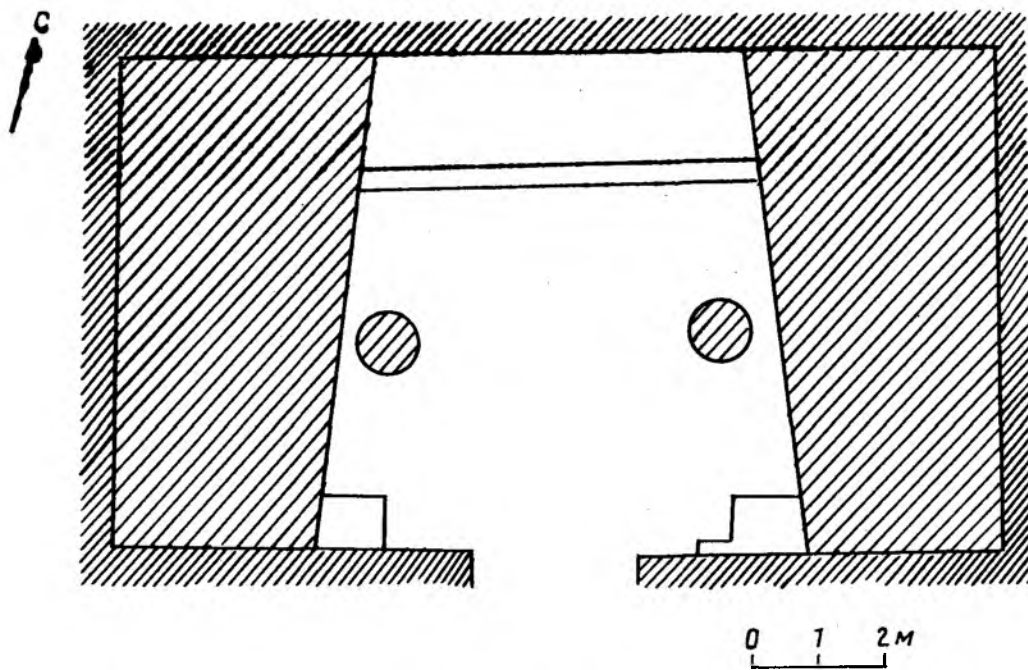


Рис. 43. План святилища храма IV строительного периода (Р-1 в. х.). Вариант реконструкции.

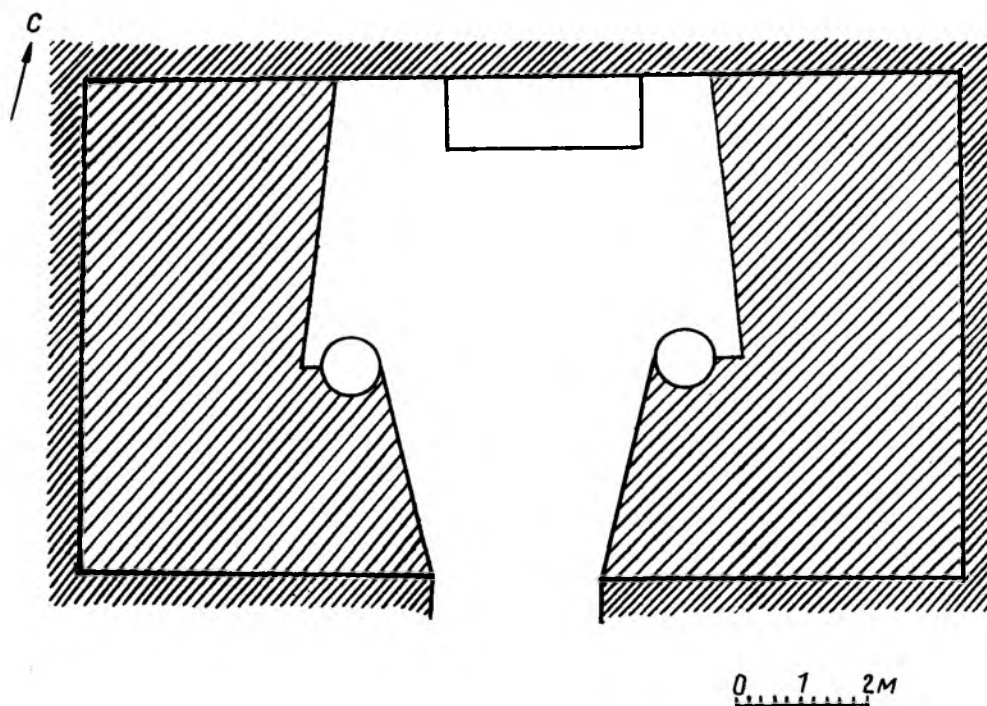


Рис. 44. План святилища храма V строительного периода (Р-1 в. х.).

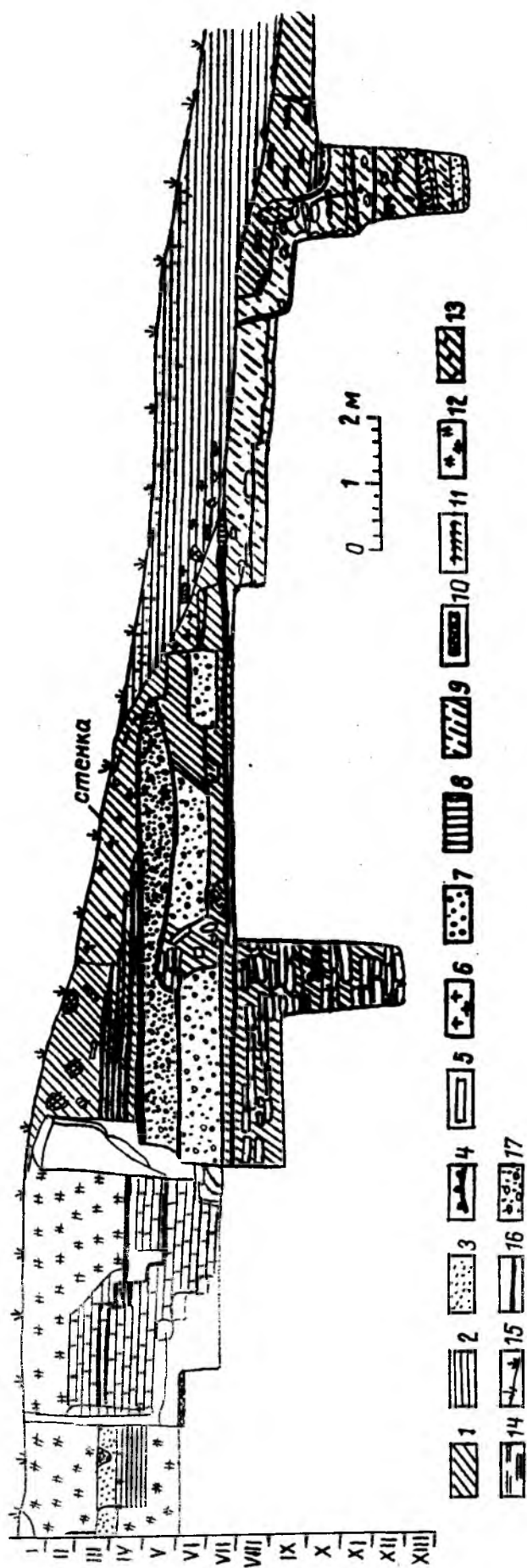


Рис. 45. Разрез продольной траншеи храма (Р-І в. х.):
 1 — стена; 2 — оолит; 3 — песок; 4 — угол; 5 — карниз-середин; 6 — галч; 7 — песок с глиной; 8 — прожектная стена; 9 — пахса; 10 — жженый кирпич; 11 — оштукатурка; 12 — завал; 13 — завал; 14 — наполь; 15 — деревянный пол; 16 — рыхлая земля; 17 — жженый кирпич.

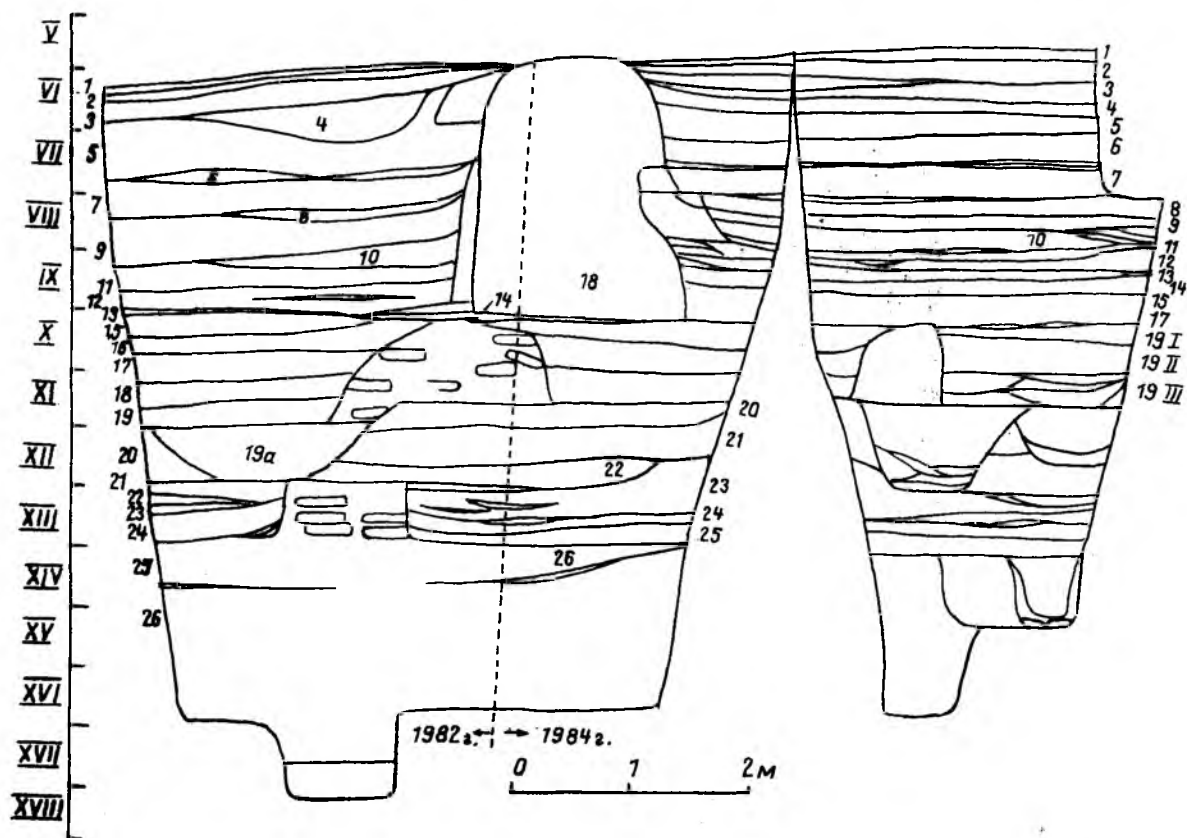


Рис. 46. Разрез стенок стратиграфического шурфа к северу от траншеи 3 между восточным и центральным холмами на храмовом комплексе Р-1.

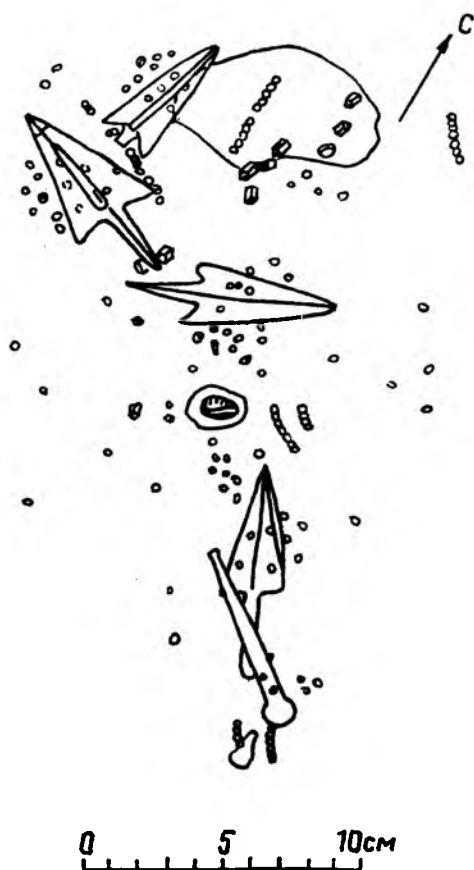


Рис. 47. Одно из скоплений votивных подношений в зольнике к западу от святилища храма (Р-1 в. х.).



Рис. 48. Священный зольник на полу святилища храма IV строительного периода (Р-1 в. х.).

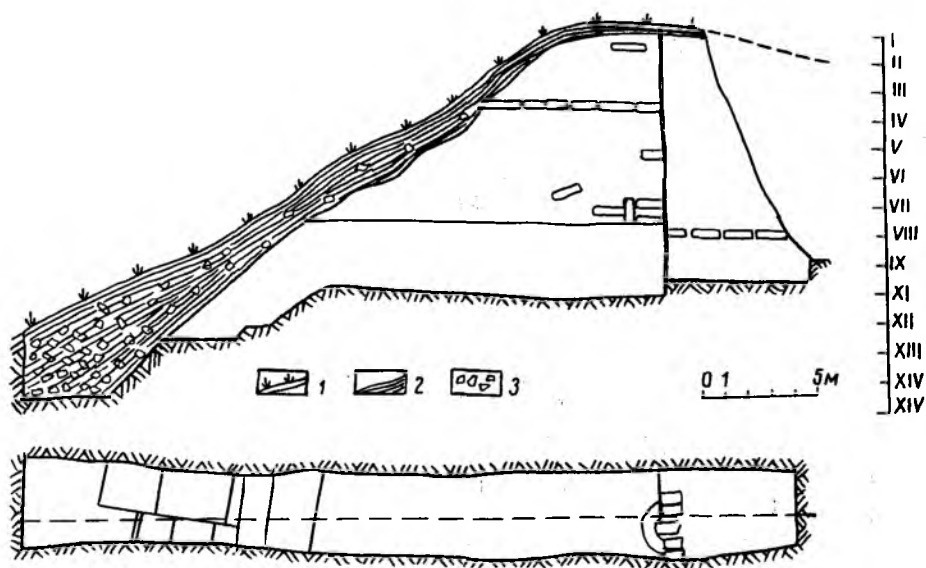


Рис. 49. Поперечный разрез кладки восточной стены сооружения центрального холма храмового комплекса на Р-1: 1 — дерн; 2 — слой оплыва; 3 — обломки пахсовой кладки.



Рис. 50. Вскрытая часть квадратного алтаря под кладкой восточной стены сооружения центрального холма храмового комплекса на Р-1.

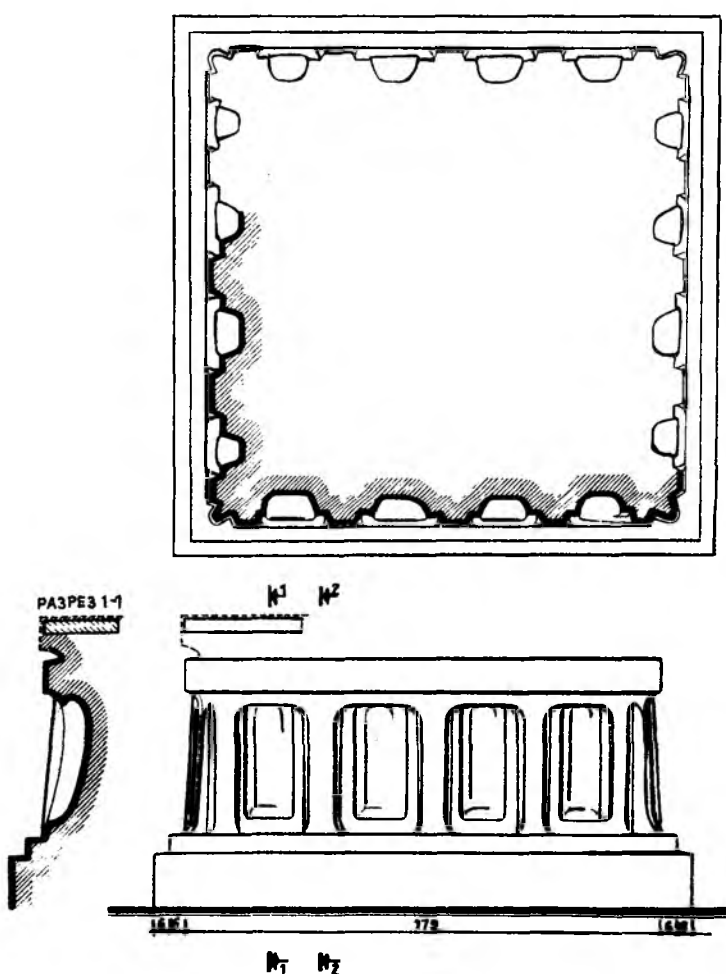


Рис. 51. План и западный фасад алтаря на центральном холме Р-1.

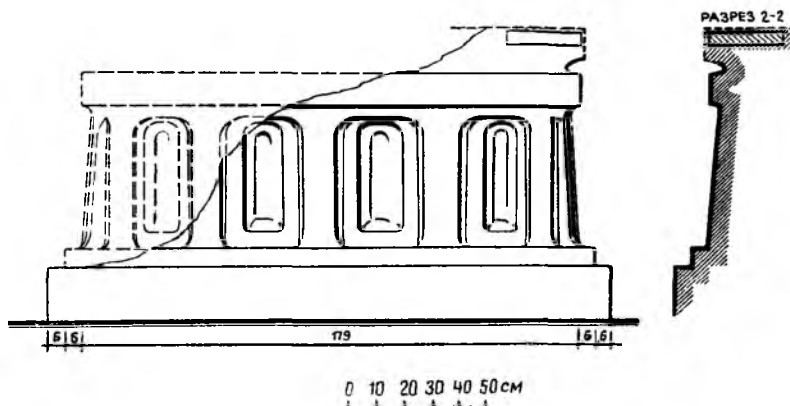
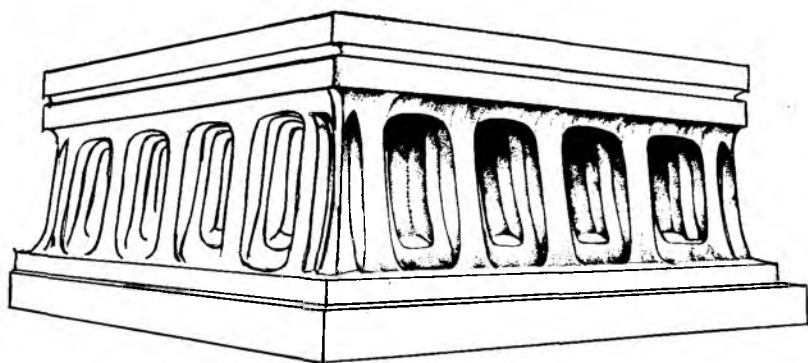


Рис. 52. Реконструкция и северный фасад алтаря на центральном холме Р-1.

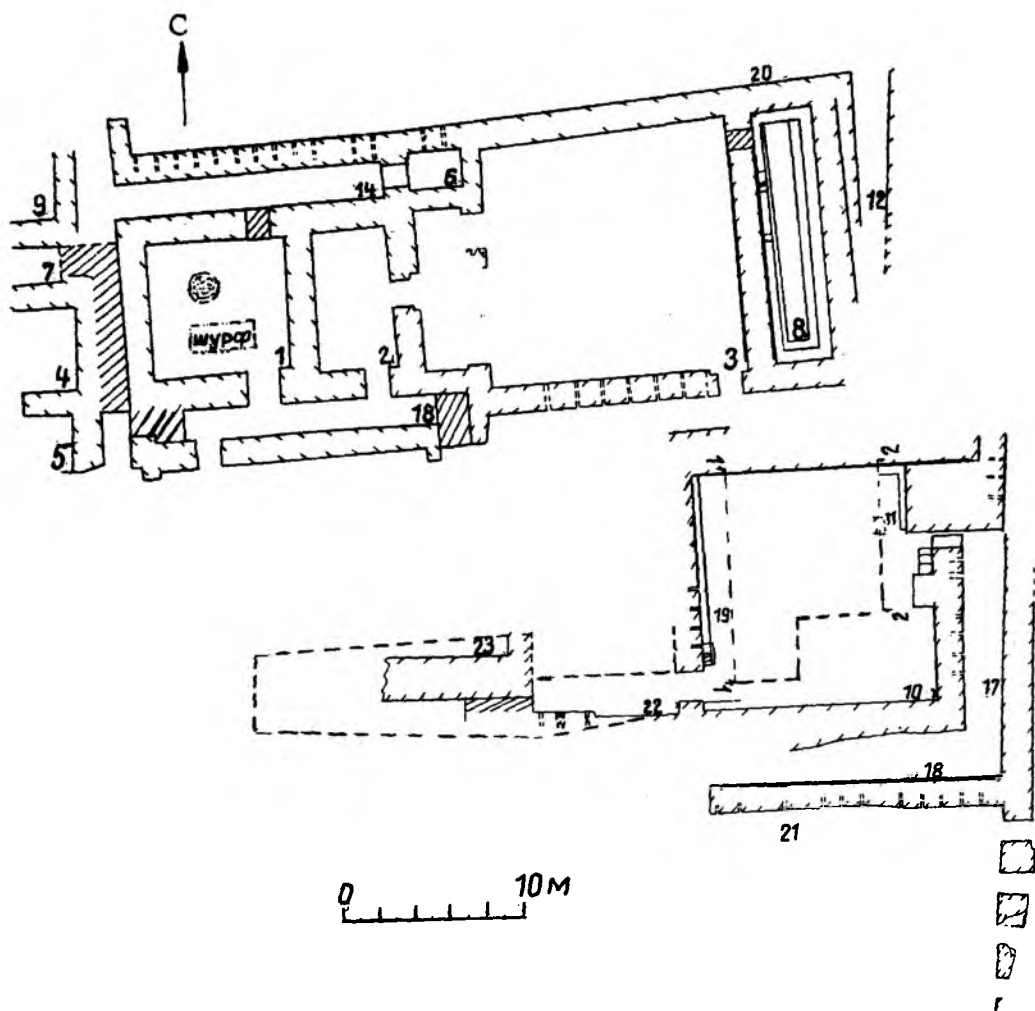


Рис. 53. Общий план дворца (Р-11) на Еркургане.

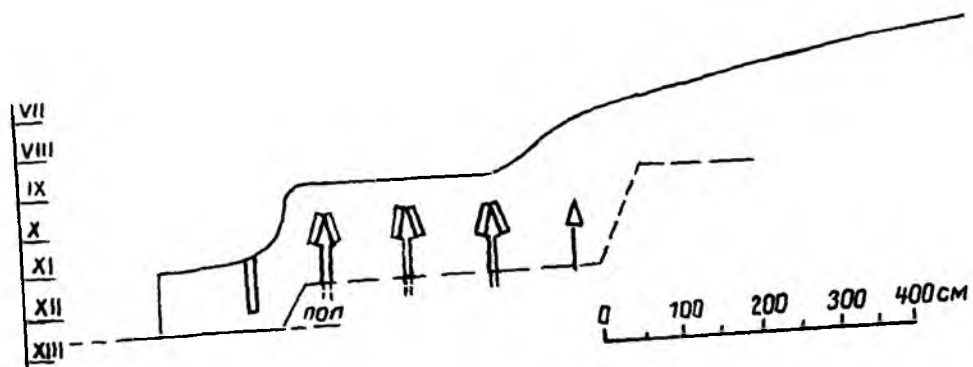


Рис. 54. Бойницы или продухи в форме бойниц в стенах интерьера нижней площадки дворца Еркургана.



Рис. 55. Общий вид дахмы Еркургана (Р-3).

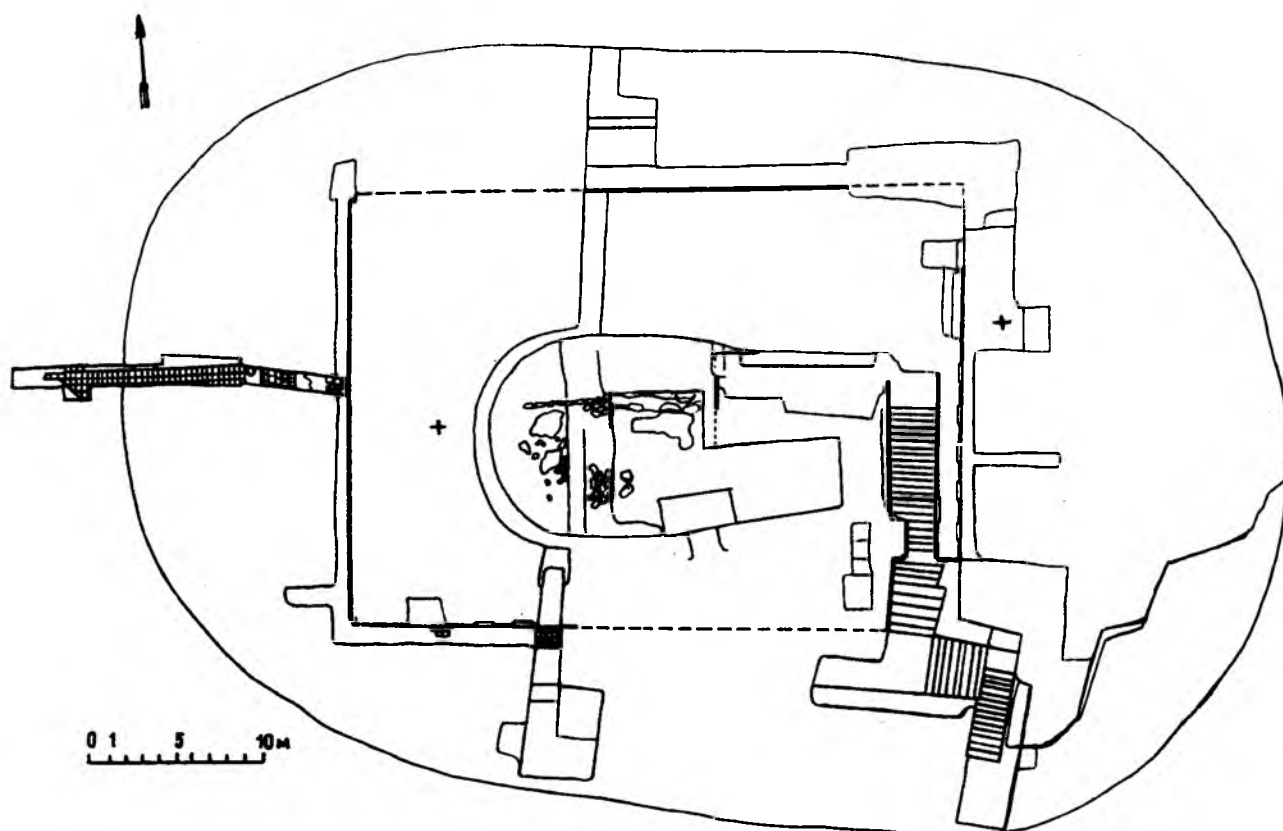


Рис. 56. Общий план дахмы Еркургана. Крестиками обозначены места находки черепов.

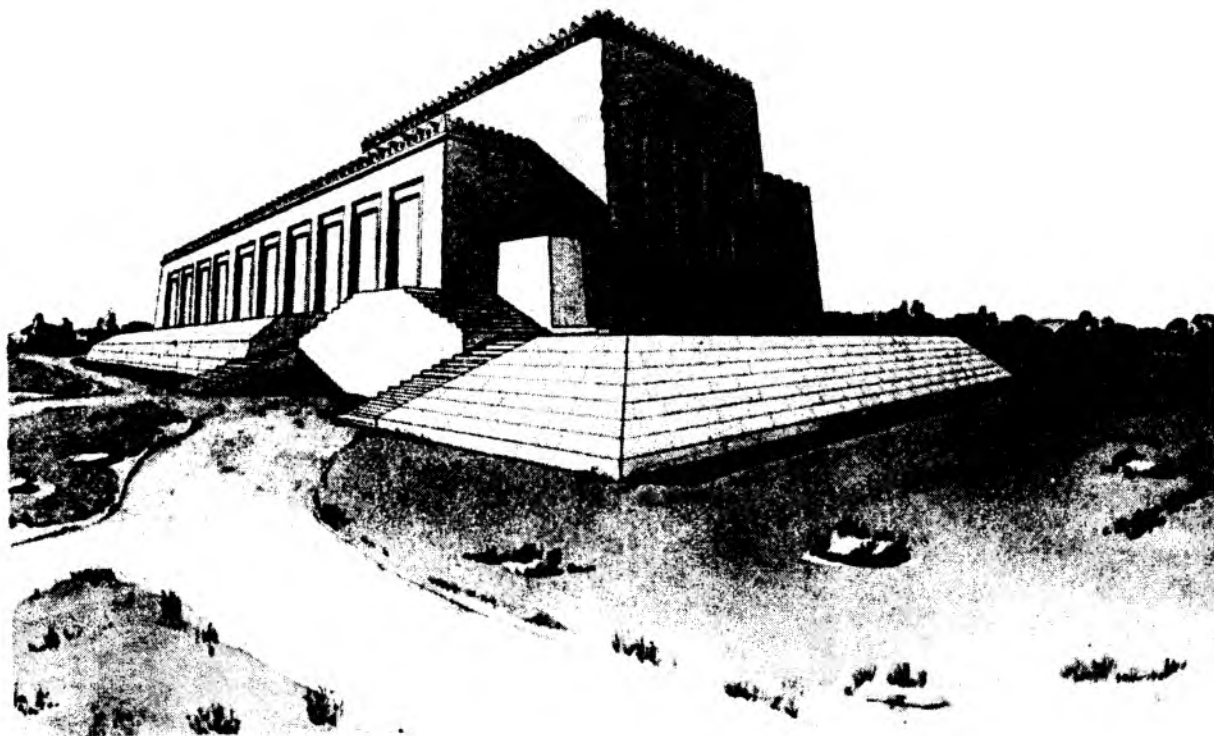


Рис. 57 Вариант реконструкции дахмы Ёркургана.

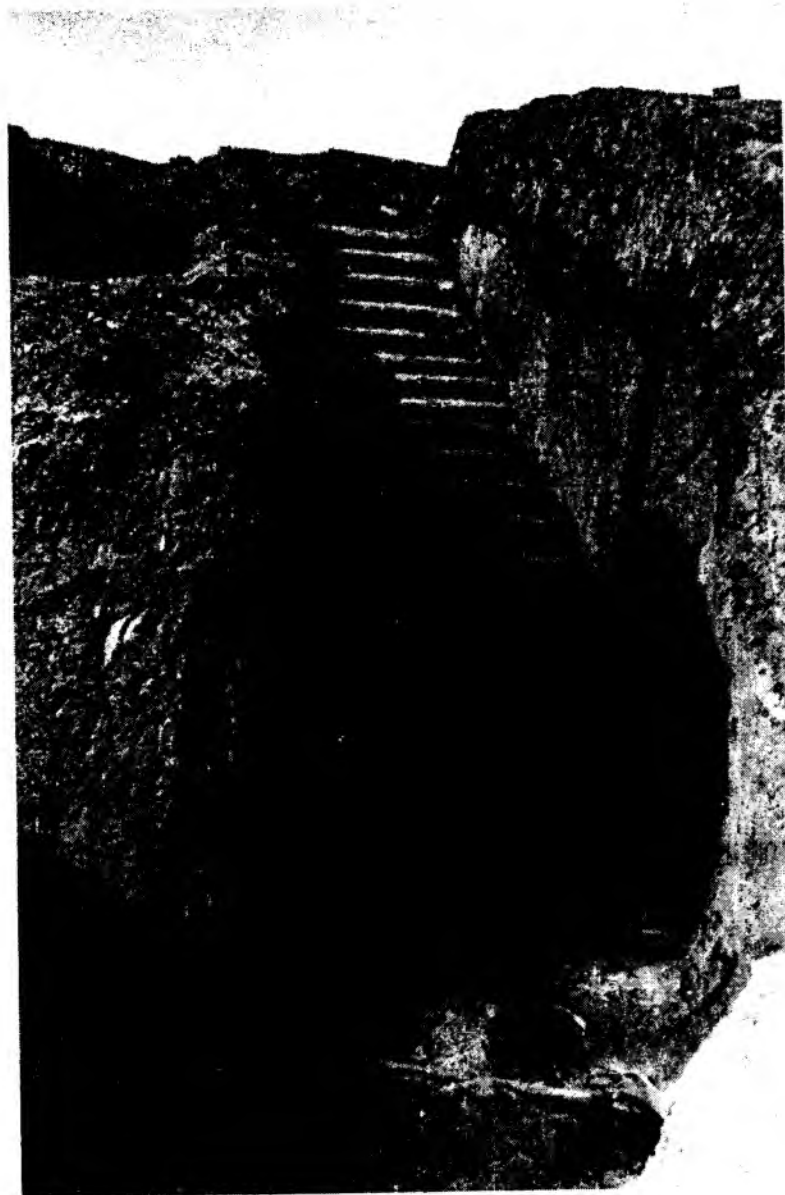


Рис. 58. Верхний пролет ступеней дахмы Еркургана.



Рис. 59. Характер оформления восточного фасада башни дахмы Еркургана.



Рис. 60. Череп подростка, обнаруженный под дерновым слоем на западном склоне холма дахмы.



Рис. 61. Череп взрослого мужчины вместе с трубчатой костью в разбитой корчаге, выявленные на восточной площадке дахмы под толщей плотной забутовки.

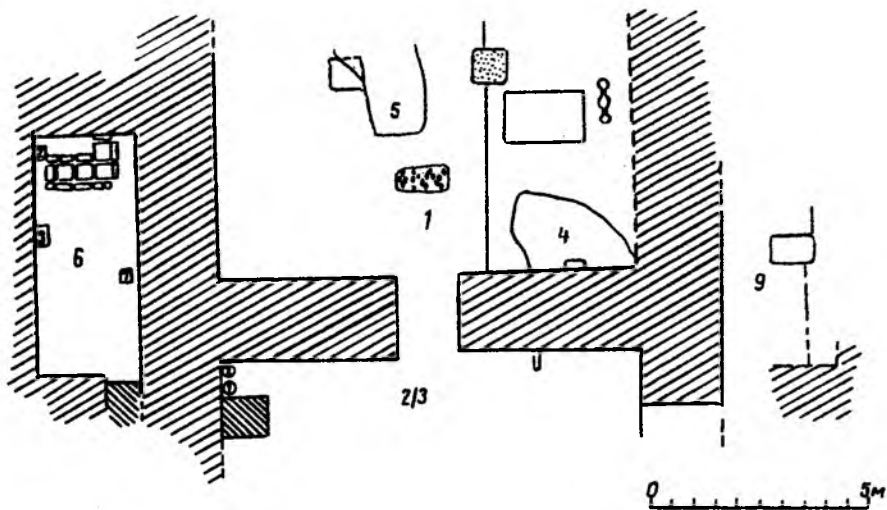


Рис. 62. Общий план мавзолея Еркургана (Р-4).

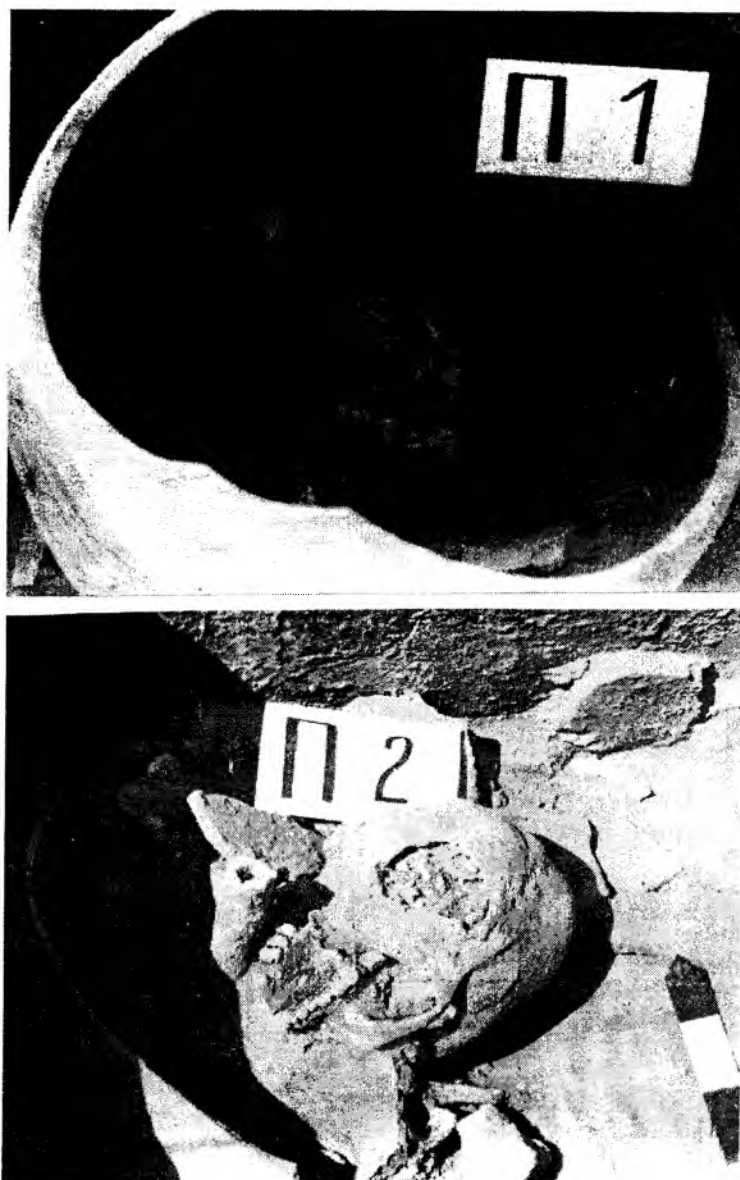


Рис. 63. Хумы с погребениями очищенных костей из мавзолея Еркургана.

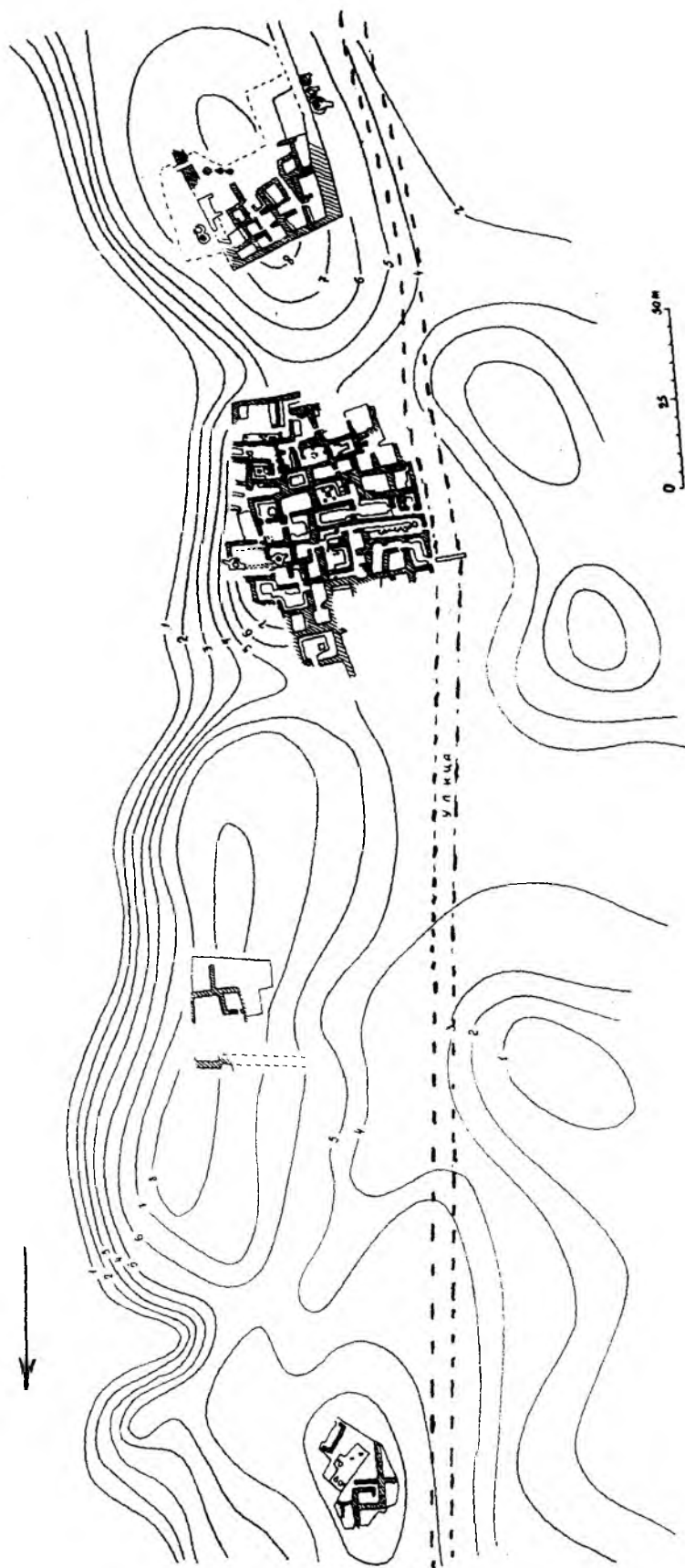


Рис. 64. Общий план квартала керамистов во внутреннем городе Еркургана.

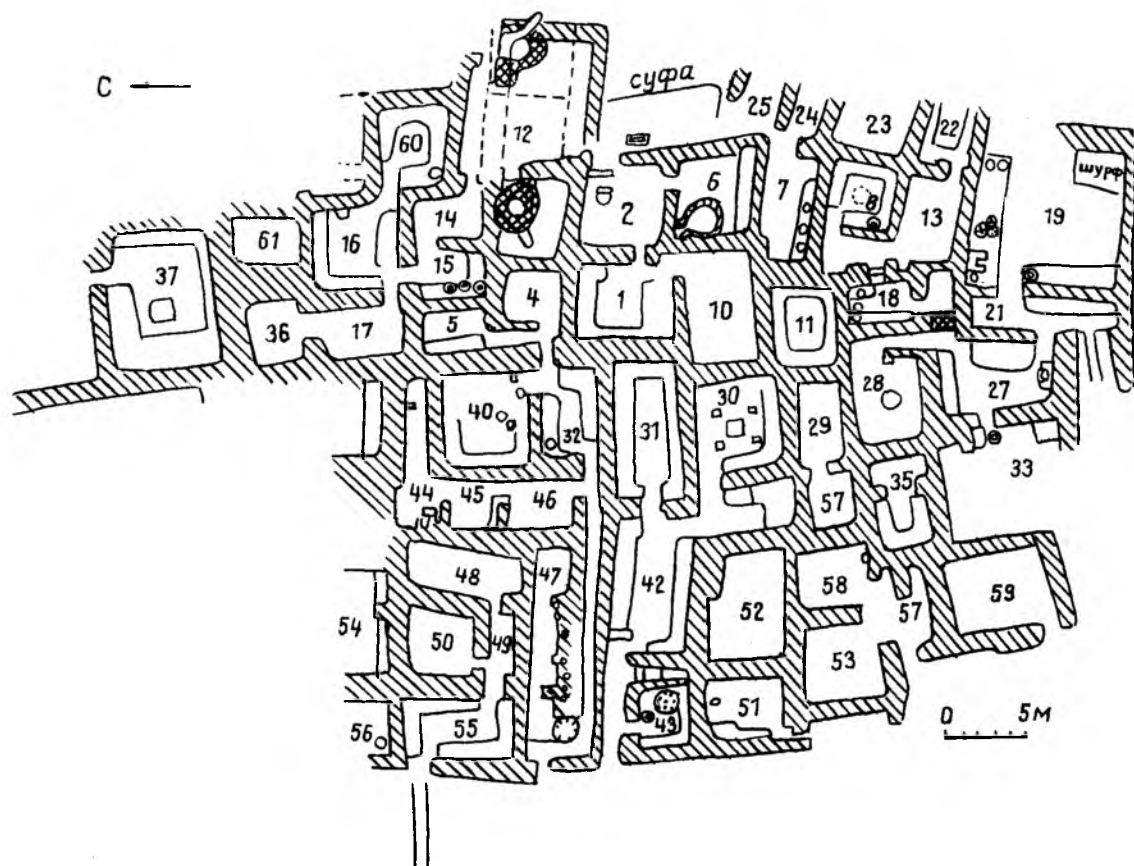


Рис. 65. Общий план одного из вскрытых массивов строений квартала керамистов Еркургана на Р-13.

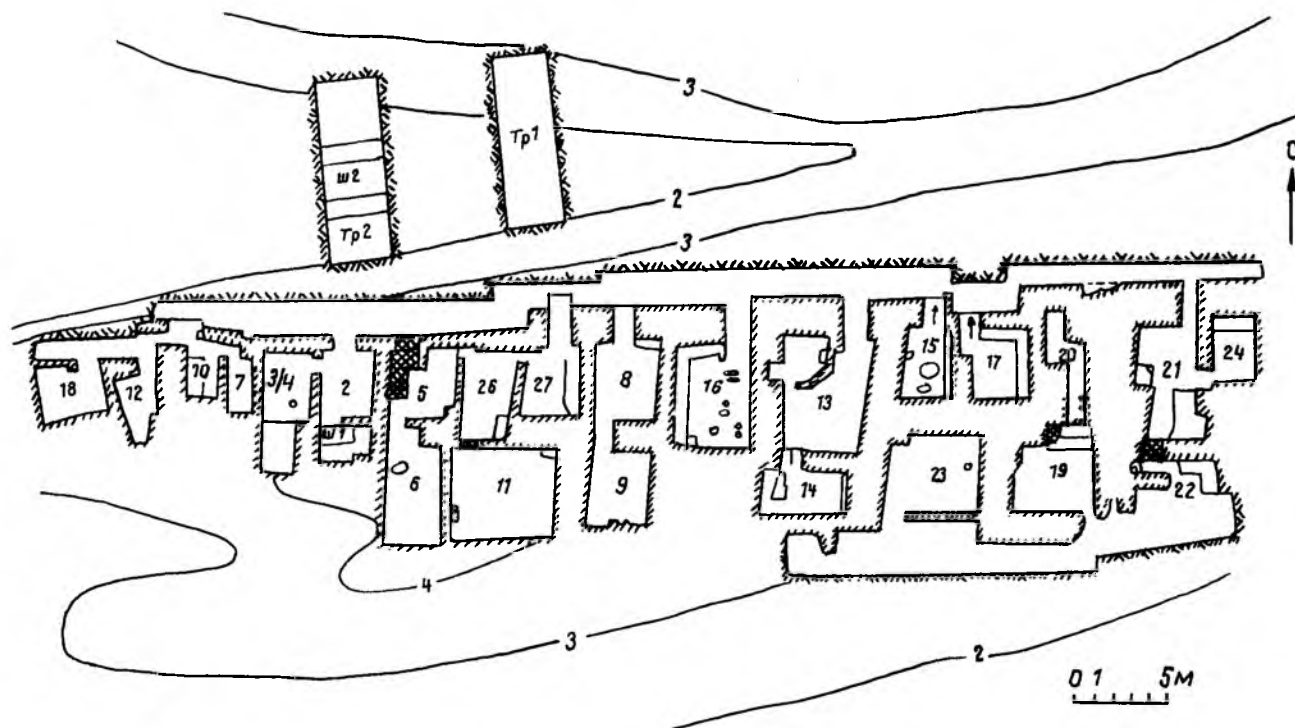


Рис. 66. Общий план квартала металлостов Еркургана на Р-16.

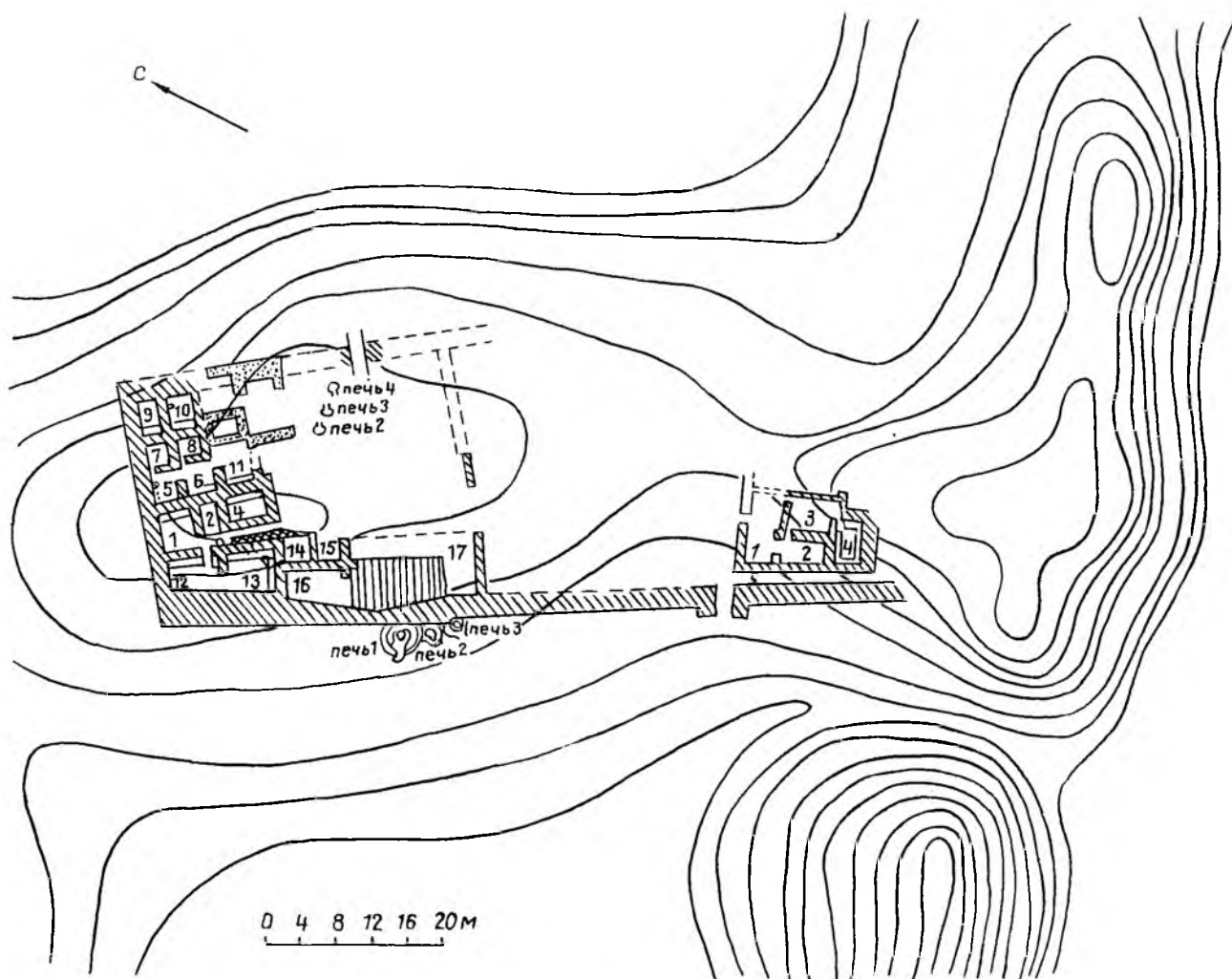


Рис. 67. План раннесредневекового поселения гончаров на квартале гончаров Еркургана на Р-20.

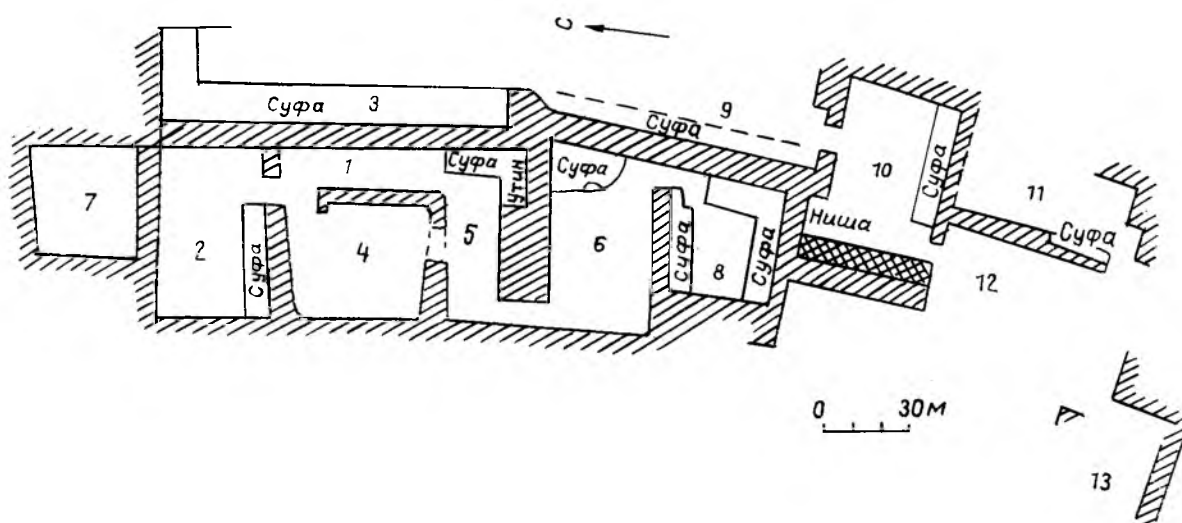


Рис. 68. План отдельного домовладения на Р-2 Еркургана.

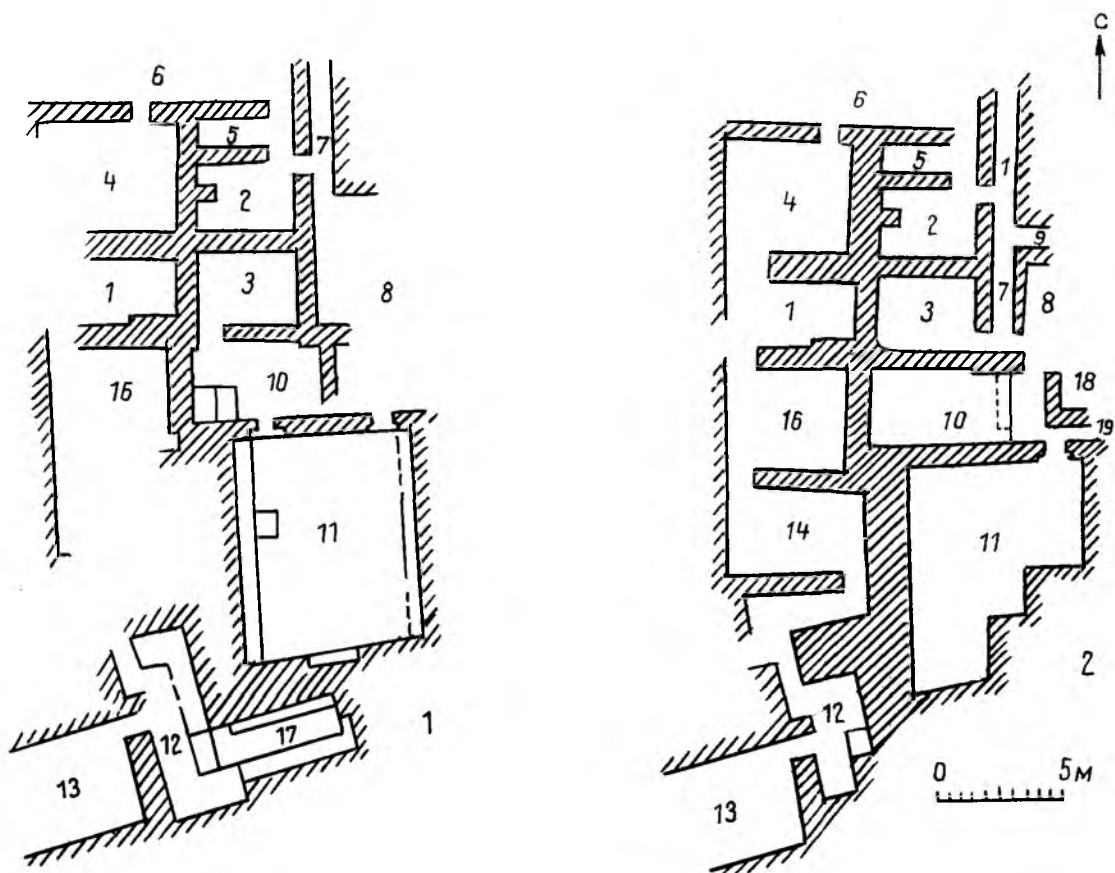


Рис. 69. План отдельного домовладения на Р-23 Еркургана:
1 — I строительный период; 2 — II строительный период.

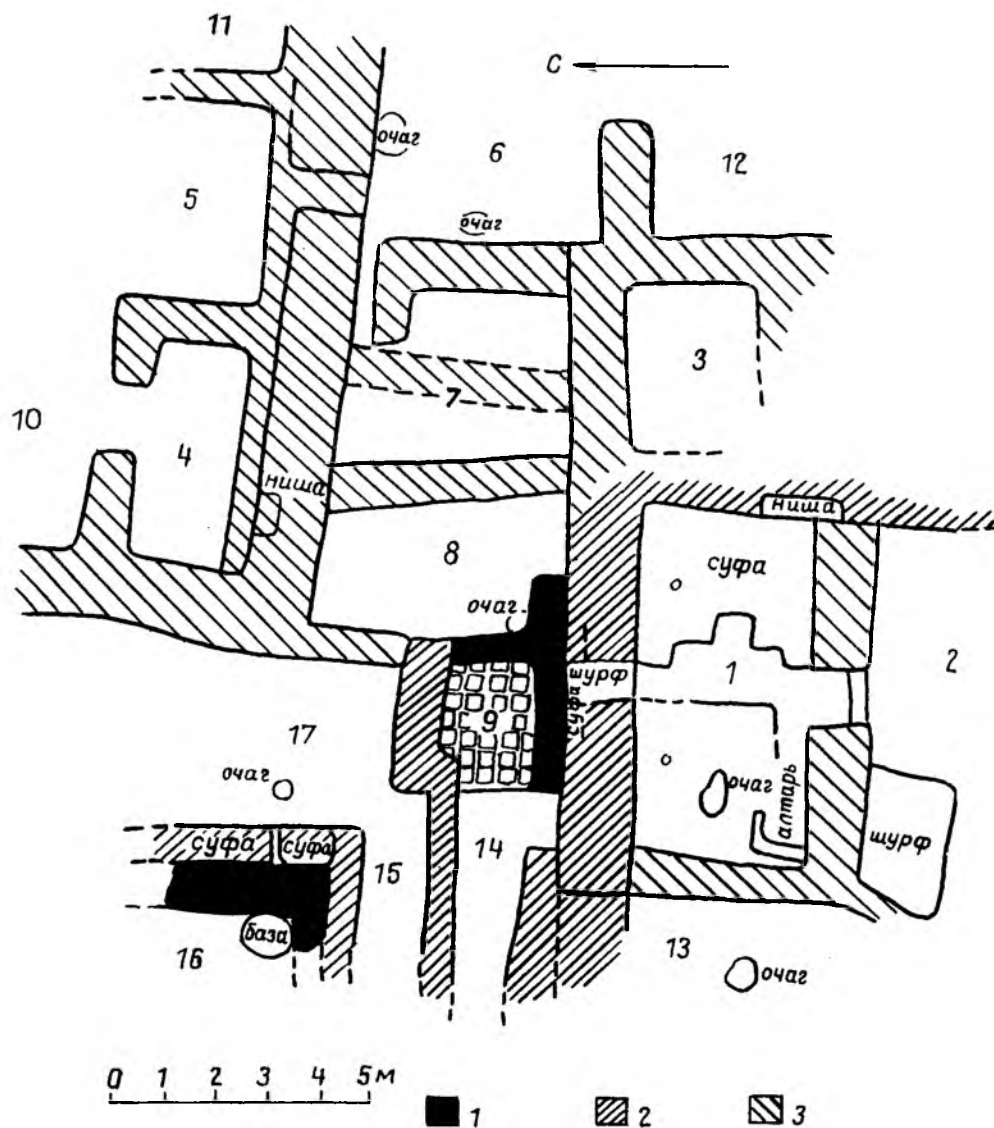


Рис. 70. Общий план отдельного монументального жилого комплекса в пригороде Еркургана на Р-17.

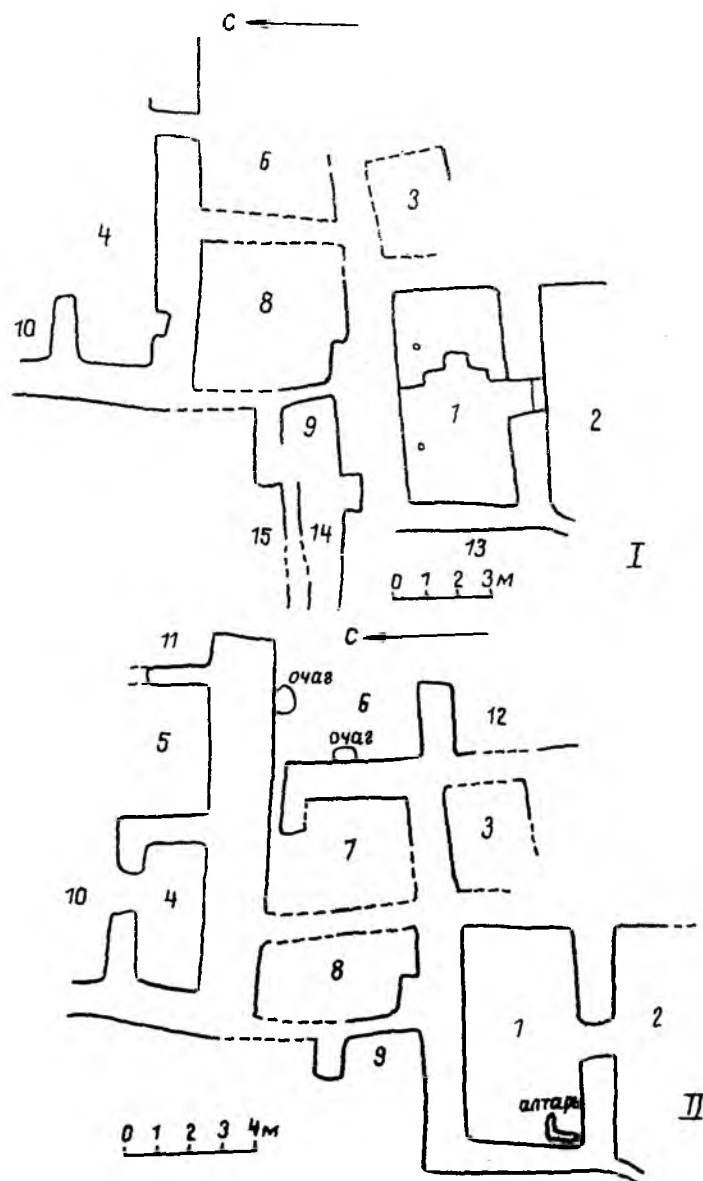


Рис. 71. Планы отдельного монументального жилого комплекса в пригороде Еркургана на Р-17: 1 — IV строительный период; 2 — V строительный период.

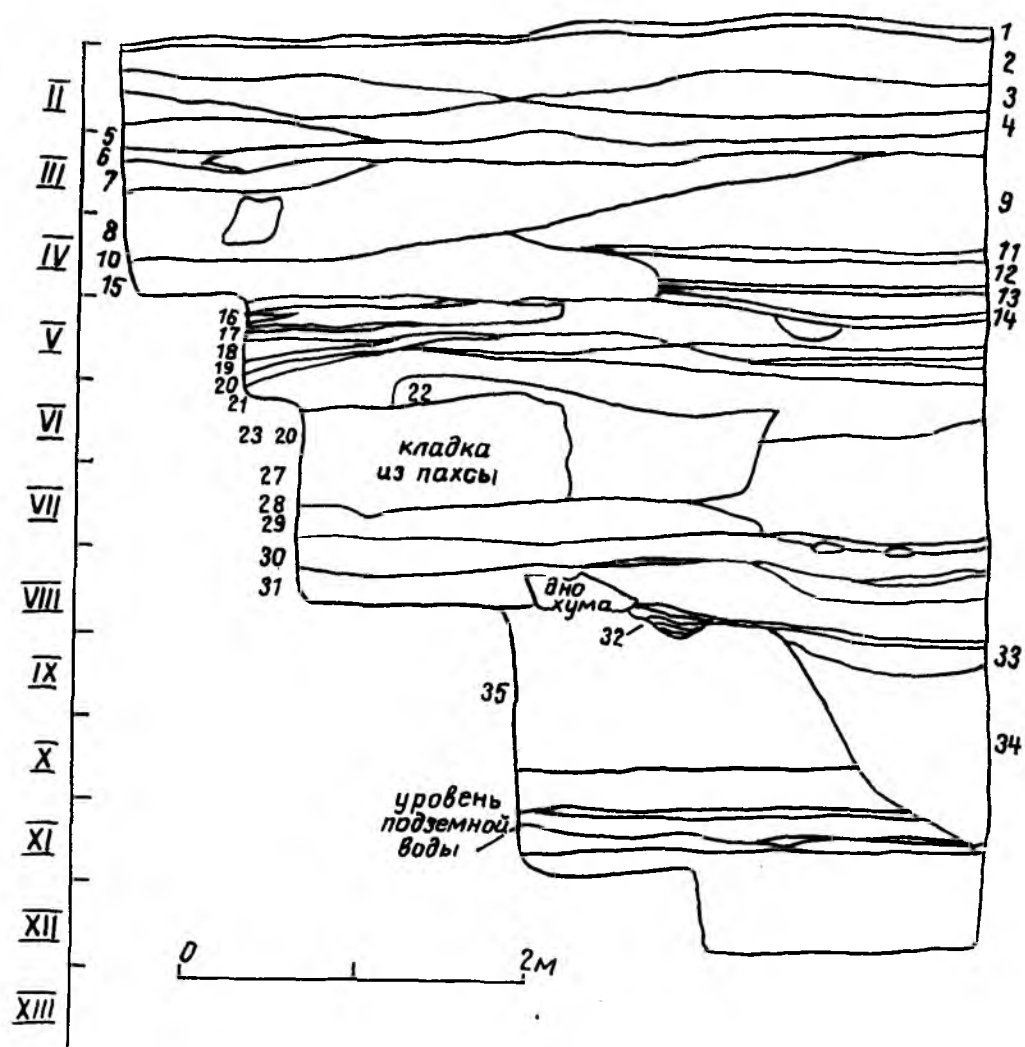


Рис. 72. Разрез стратиграфического шурфа на Р-17.

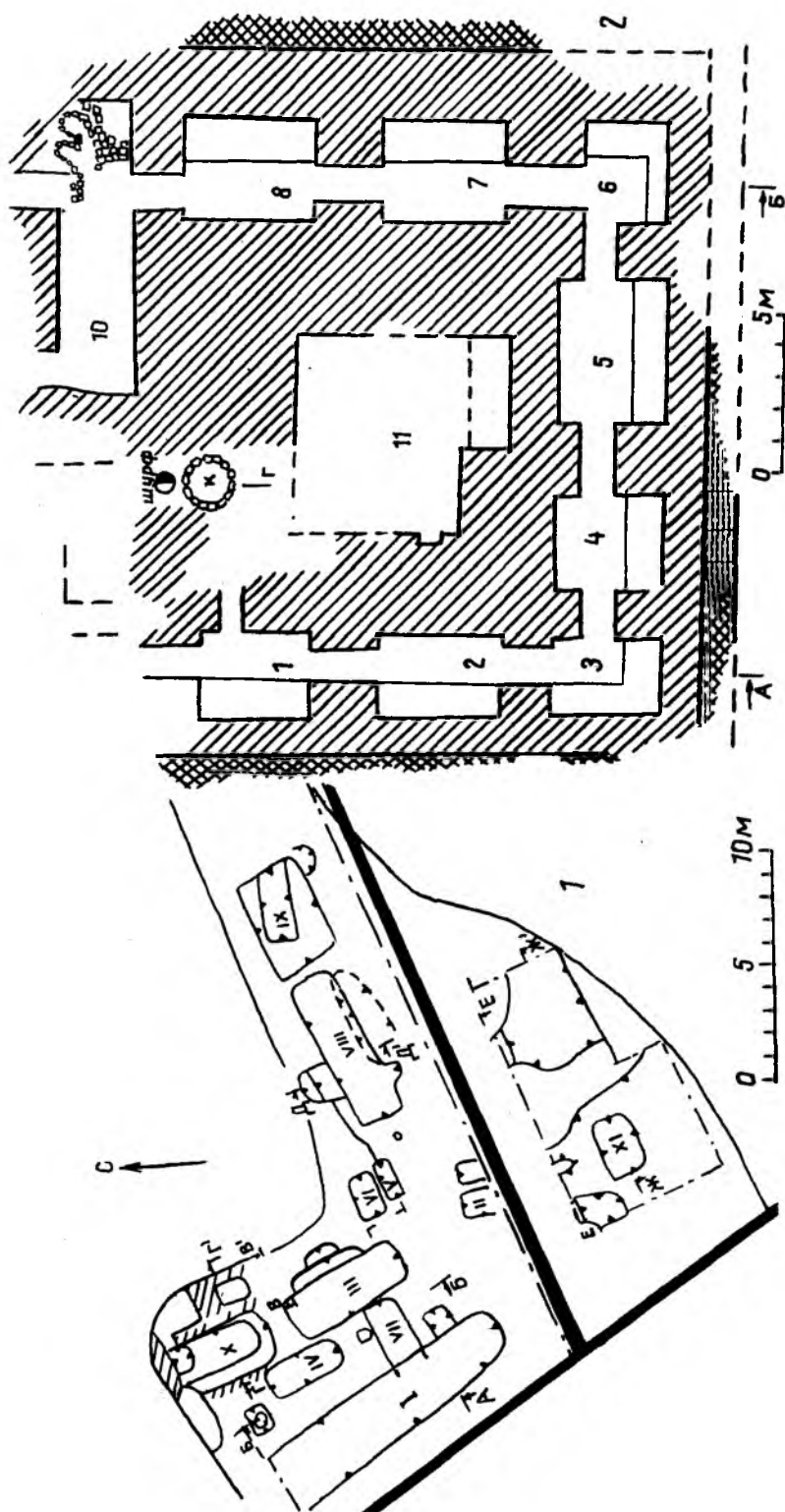


Рис. 73. Планы: 1 — земляночных и наземных жилищ поселения Курганча; 2 — монументального комплекса на вершине цитадели средневекового Несефа (Шулюктепа).

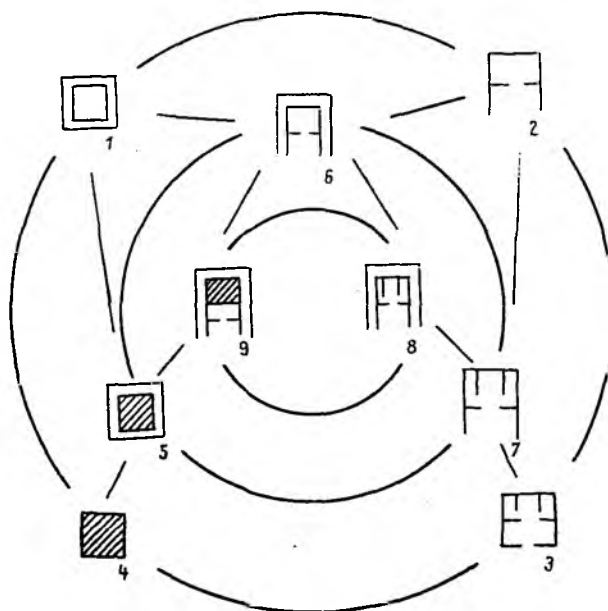


Рис. 74. Схема морфологического взаимодействия основных типов планировки культовой архитектуры Центральной Азии.

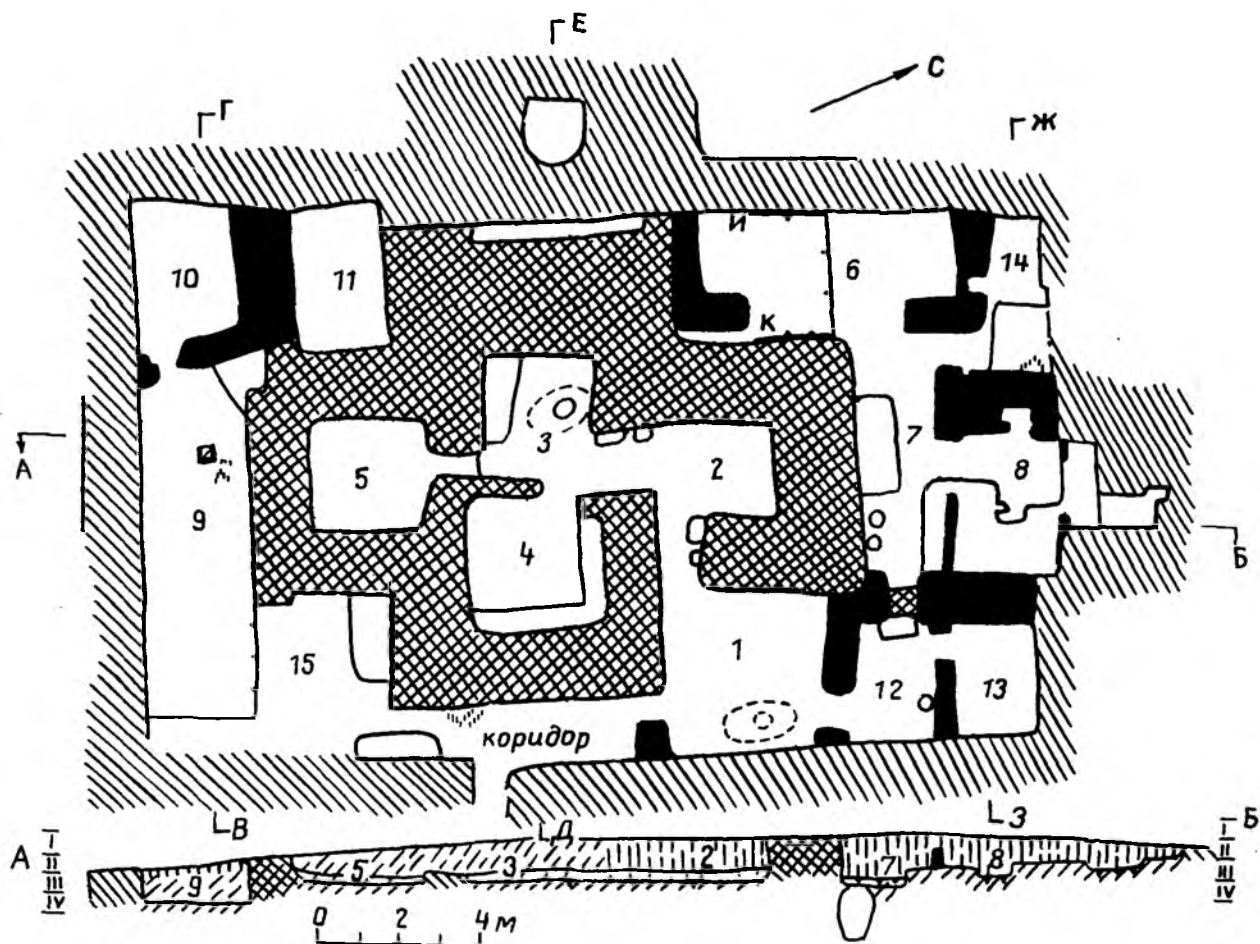


Рис. 75. Планировка усадьбы III-IV вв. близ Киндиклитепа, имеющей крестообразную первоначальную структуру.

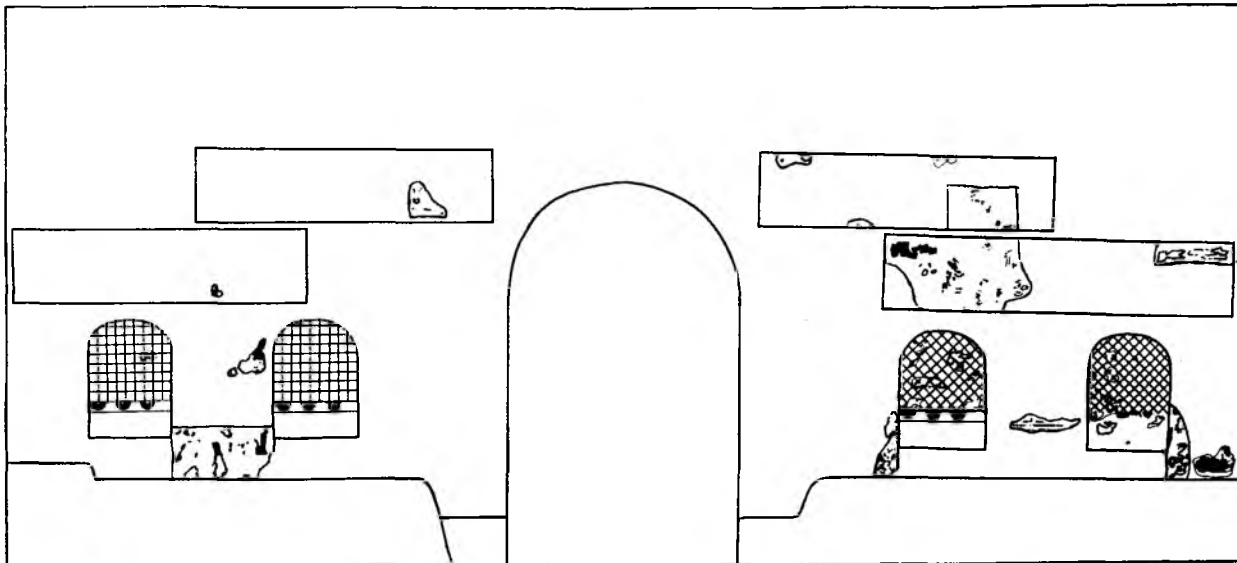


Рис. 76. Остатки живописи на южной стене интерьера святилища храма I строительного периода (Р-I в. х.).

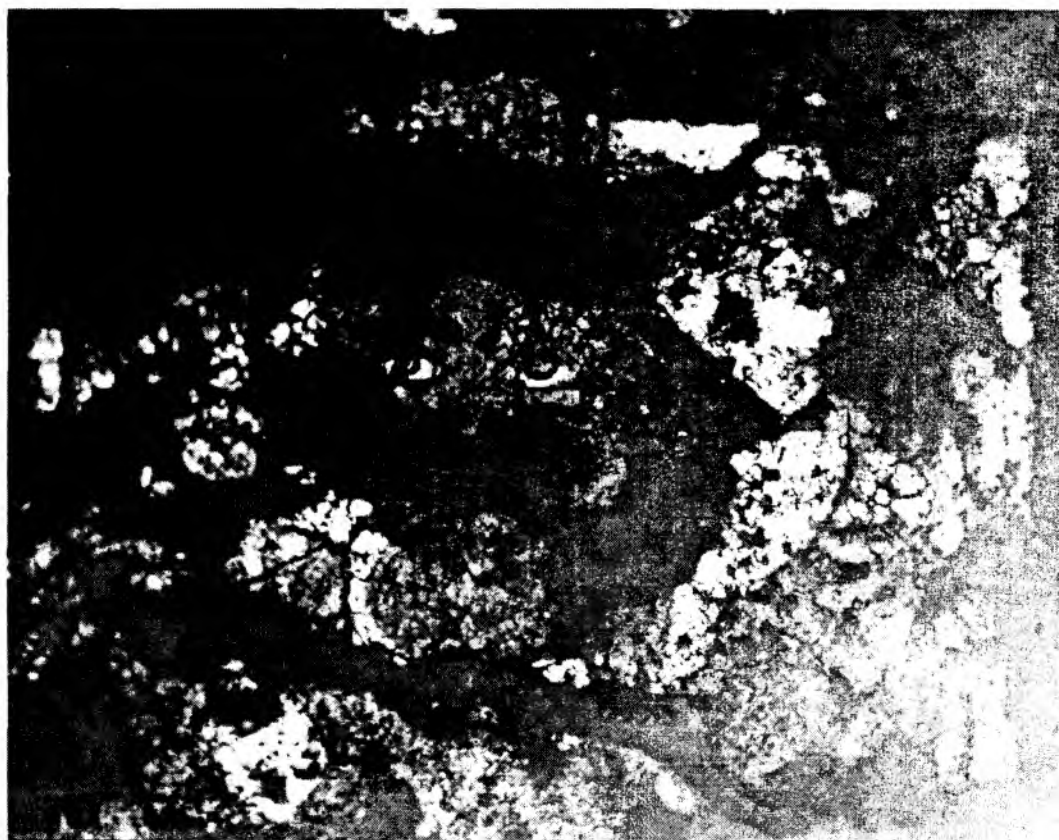


Рис. 77. Фрагмент портретного изображения на поверхности восточной щеки центральной ниши северной стены святилища храма I строительного периода (Р-I в. х.).

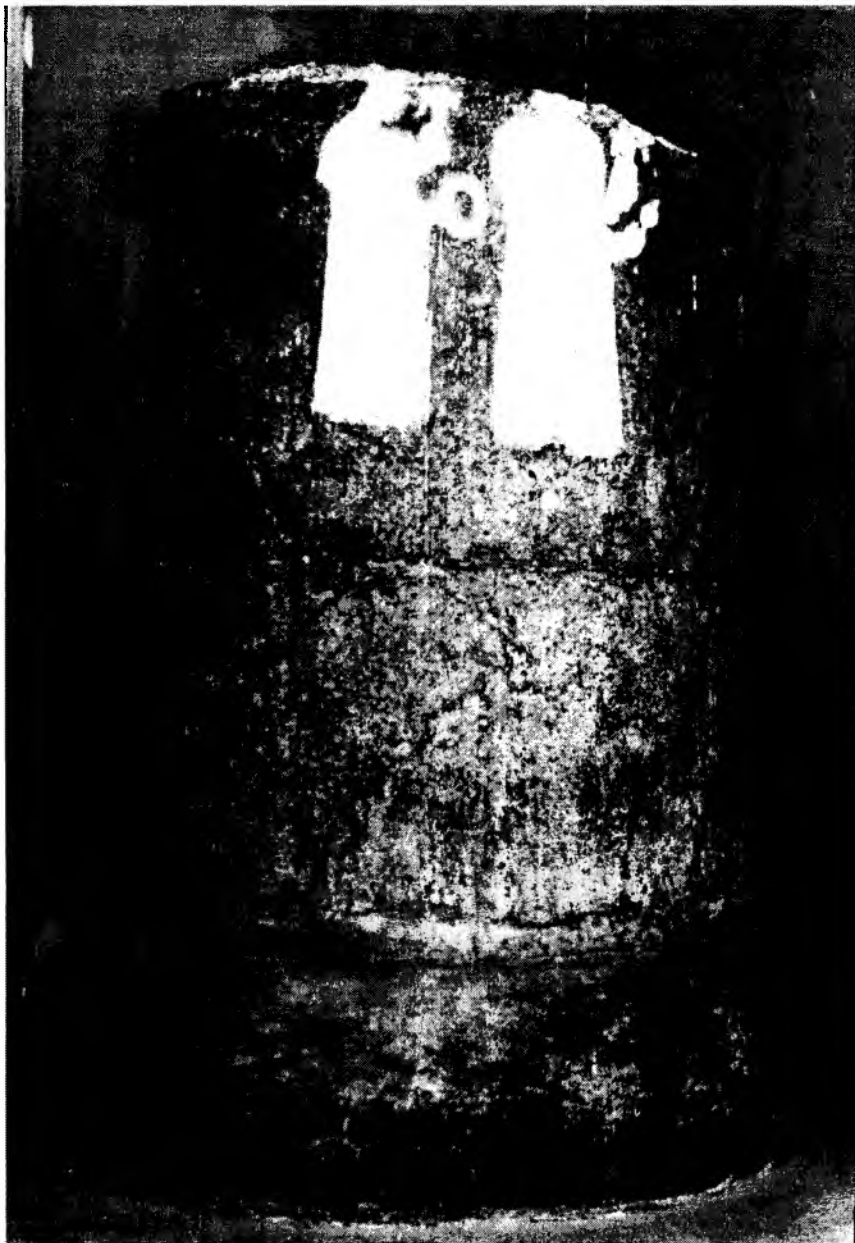


Рис. 78. Силуэтные изображения фигур на поверхности западной колонны.

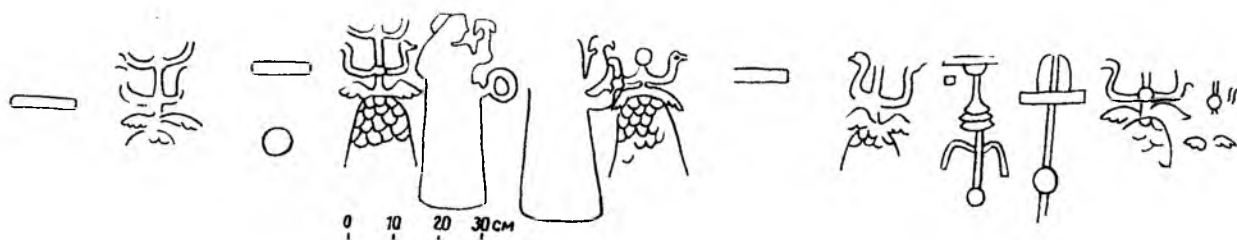


Рис. 79. Прорисовка фигур и символических знаков на поверхности западной колонны святилища храма (Р-1 в. х.).

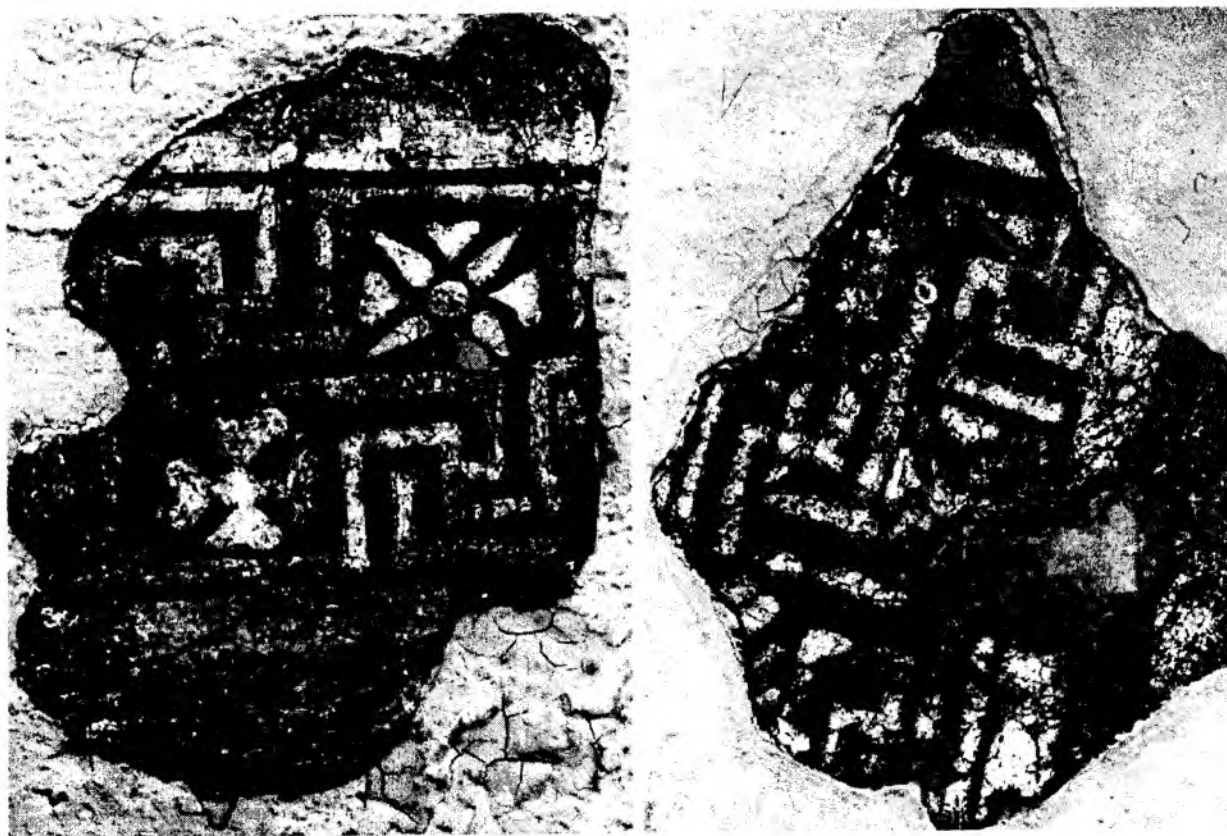


Рис. 80. Фрагменты живописи из центрального зала загородного монументального жилого комплекса (Р-17).



Рис. 81. Голова скульптуры из святилища храма II строительного периода
(Р-I в. х.).

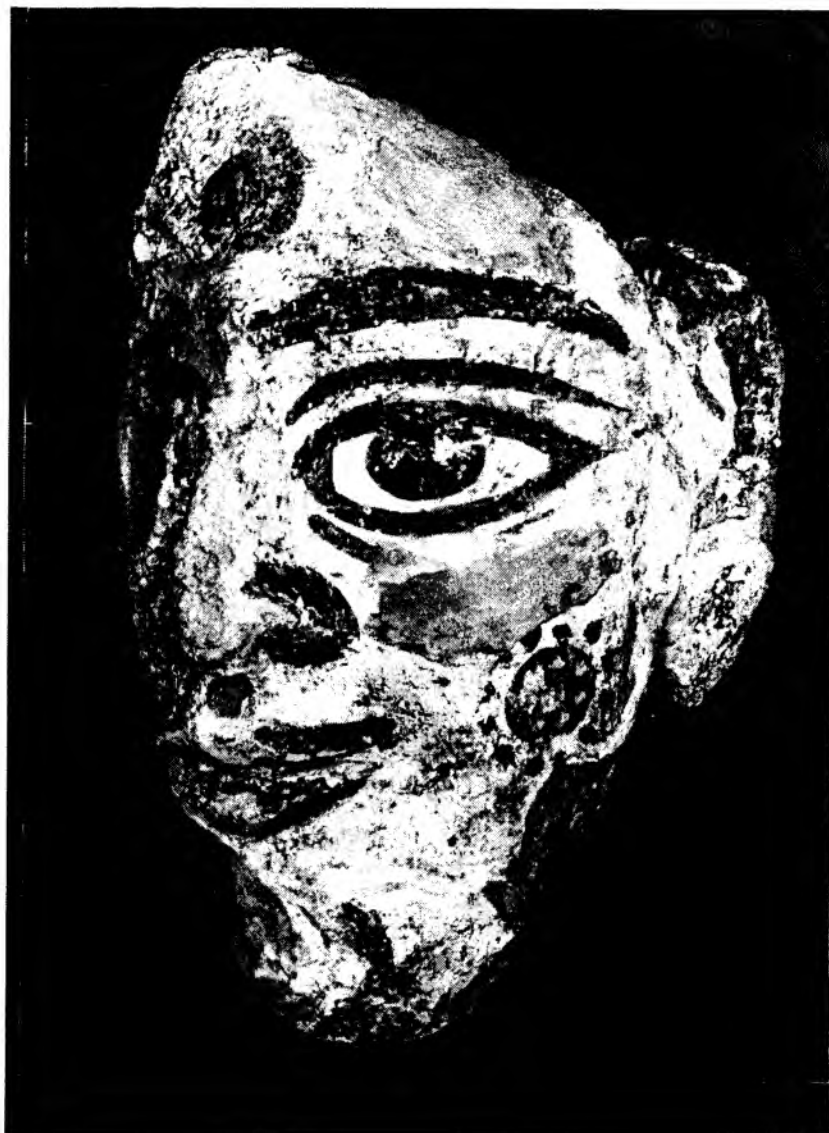


Рис. 82. Голова скульптуры из святилища храма III строительного периода
(Р-I в. х.).



Рис. 83. Фрагменты скульптур из храма (Р-1 в. х.):

1 — фрагмент головного убора скульптуры III строительного периода; 2 — кисть правой руки скульптуры IV строительного периода.

Рис. 84. Вид сзади скульптуры из святилища храма IV строительного периода.



Рис. 85. Глиняная скульптурная голова из культового помещения хозяйства гончара (Р-13).





Рис. 86. Фрагмент штампованного керамического барельефа из башни цитадели. Найдено на уровне первого пола II строительного периода.



Рис. 87. Фрагмент каменного барельефа из святилища храма. Найдено на уровне пола II строительного периода.

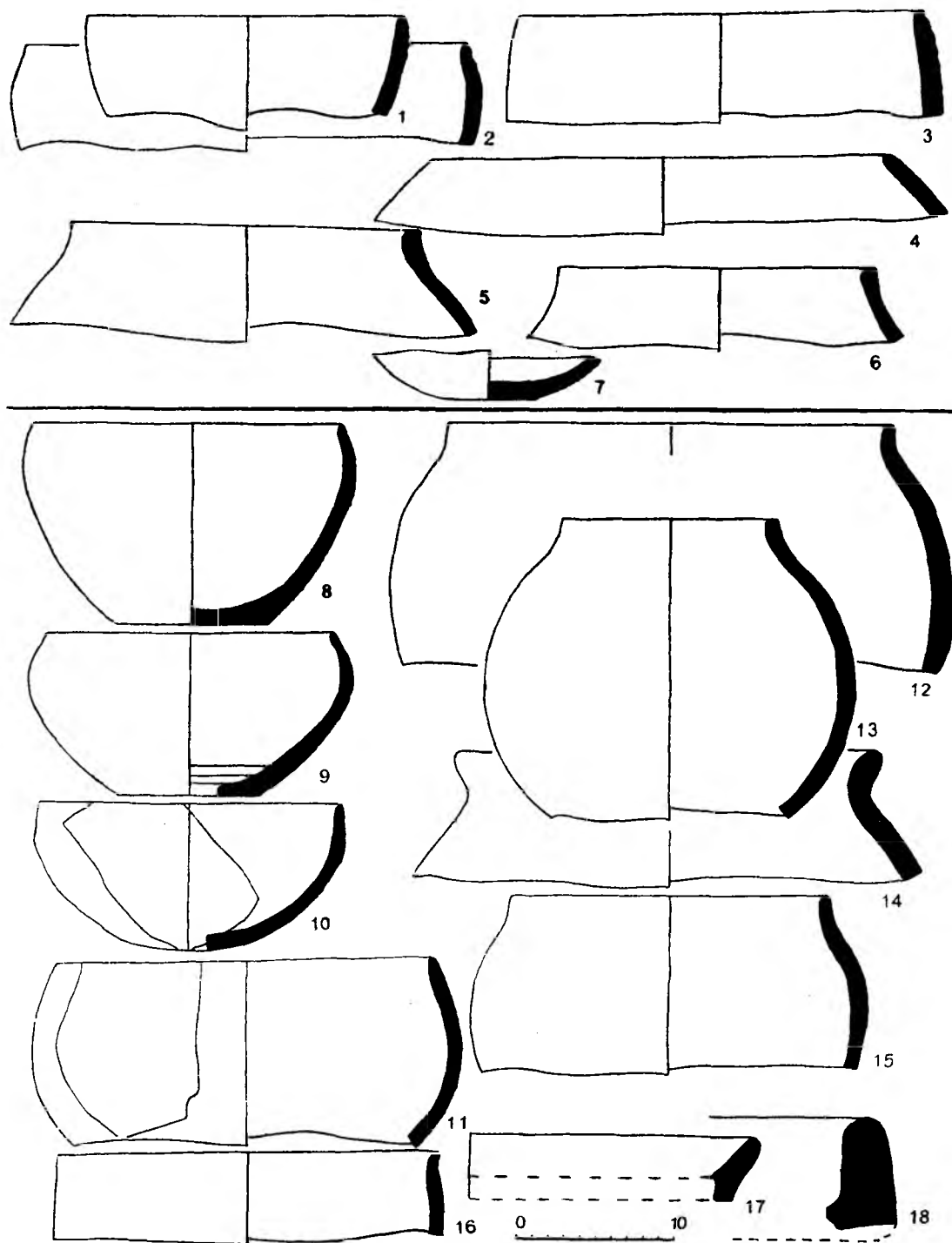


Рис. 88. Комплекс керамики ЕК-1: 1-7 — Еркурган; 8-18 — Чиракчинское поселение.

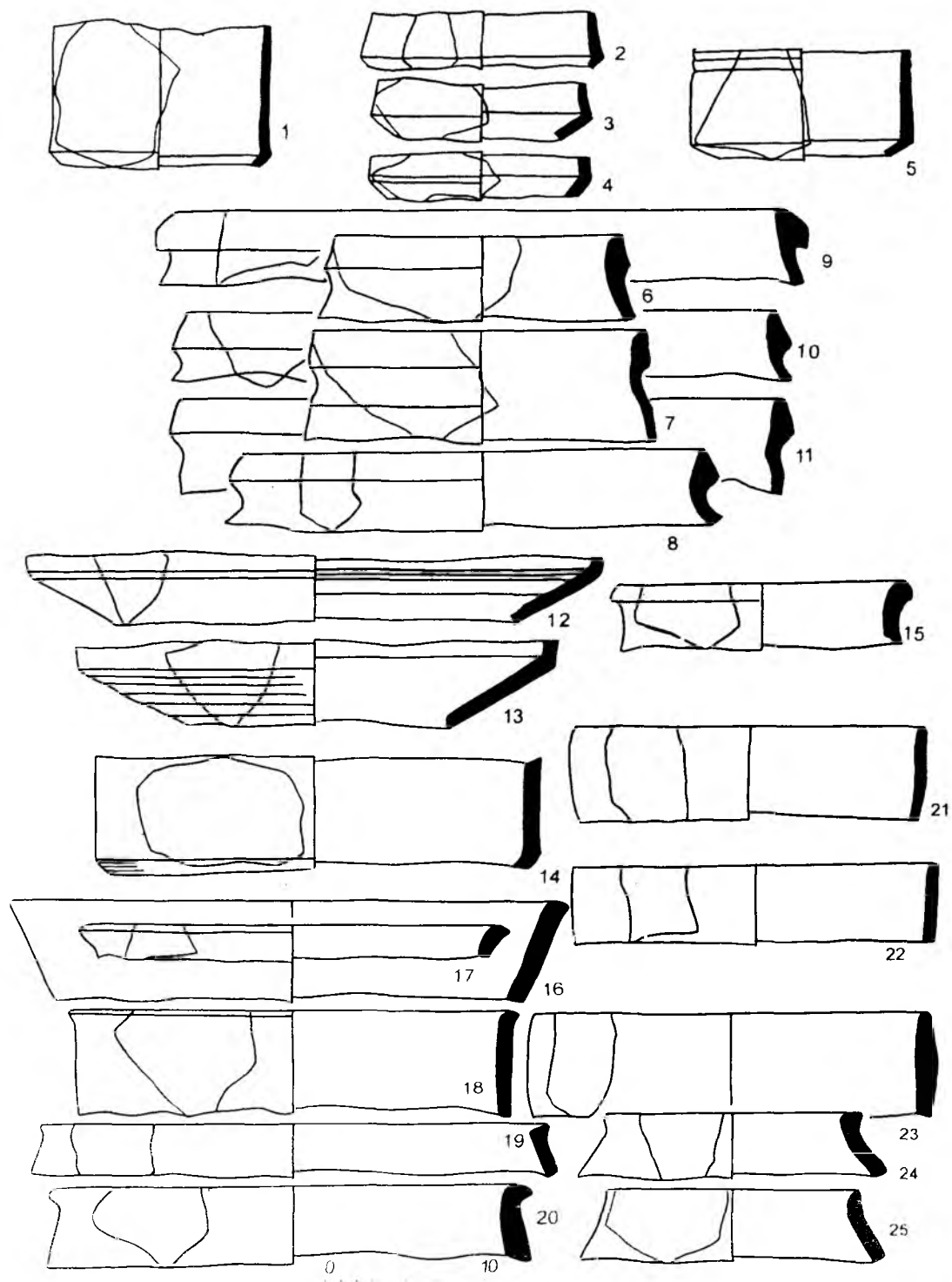


Рис. 89. Комплекс керамики ЕК-2, Еркурган.

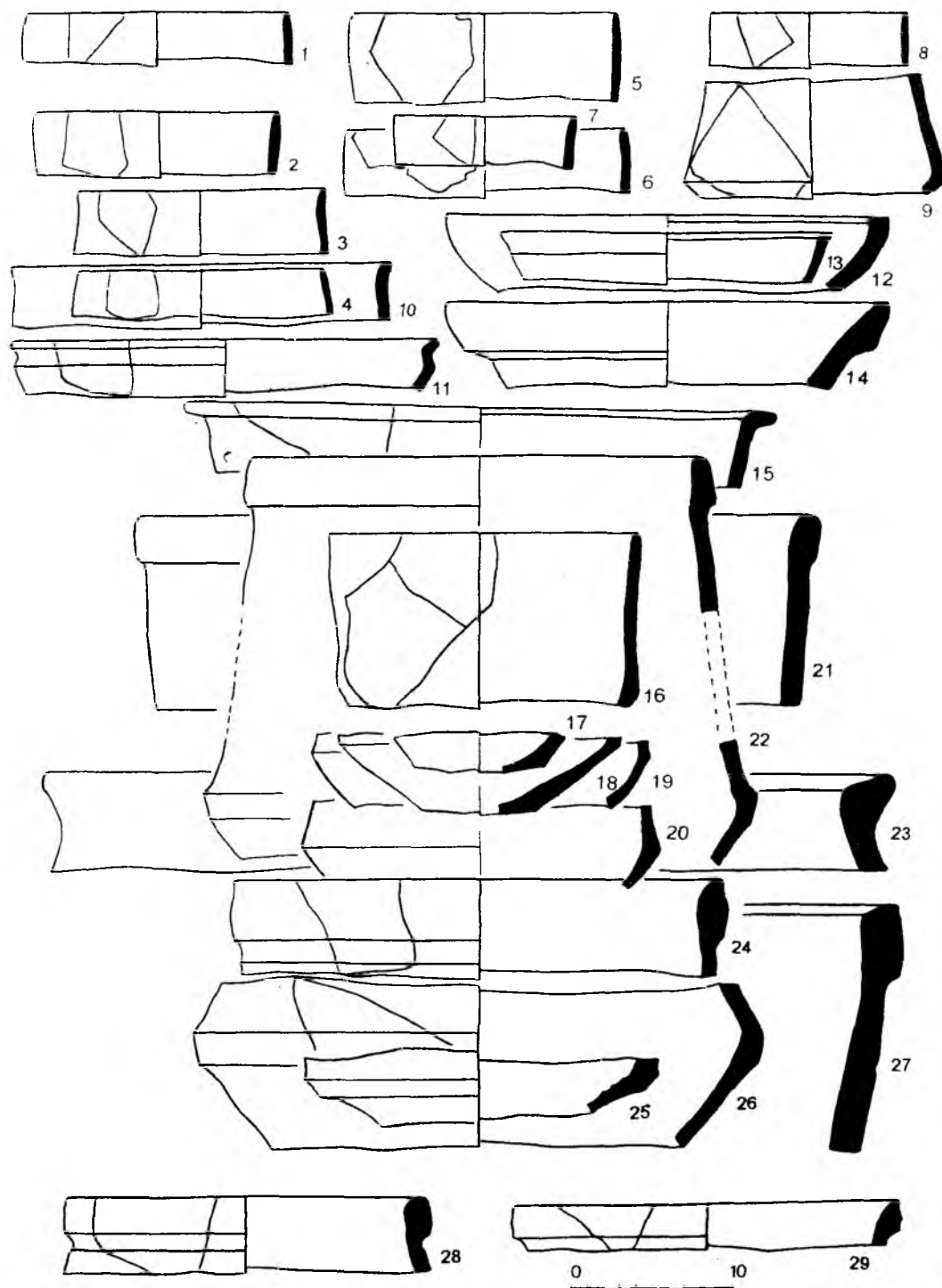


Рис. 90. Комплекс керамики ЕК-3, Еркурган.

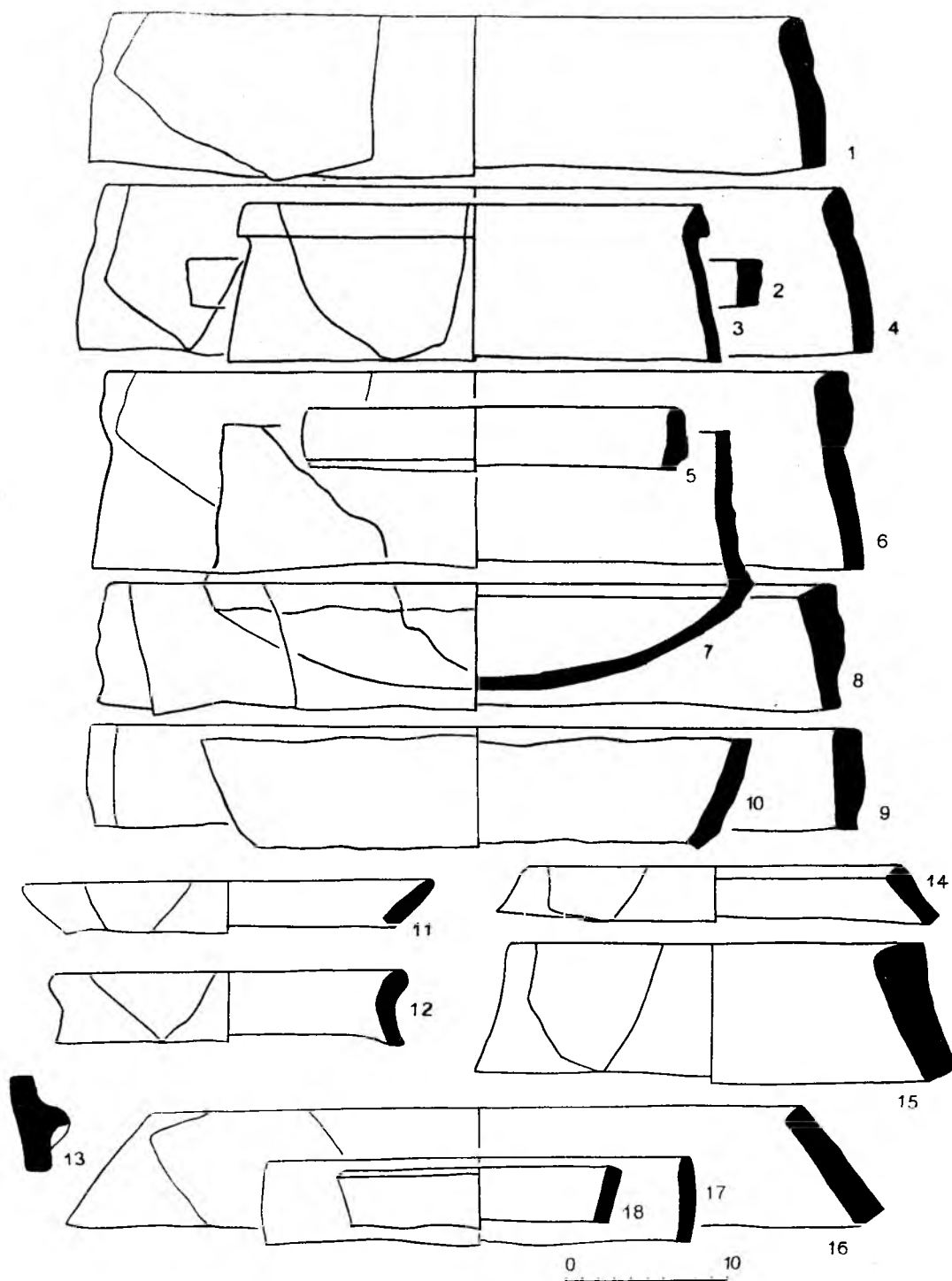


Рис. 91. Комплекс керамики ЕК-3, Еркурган.

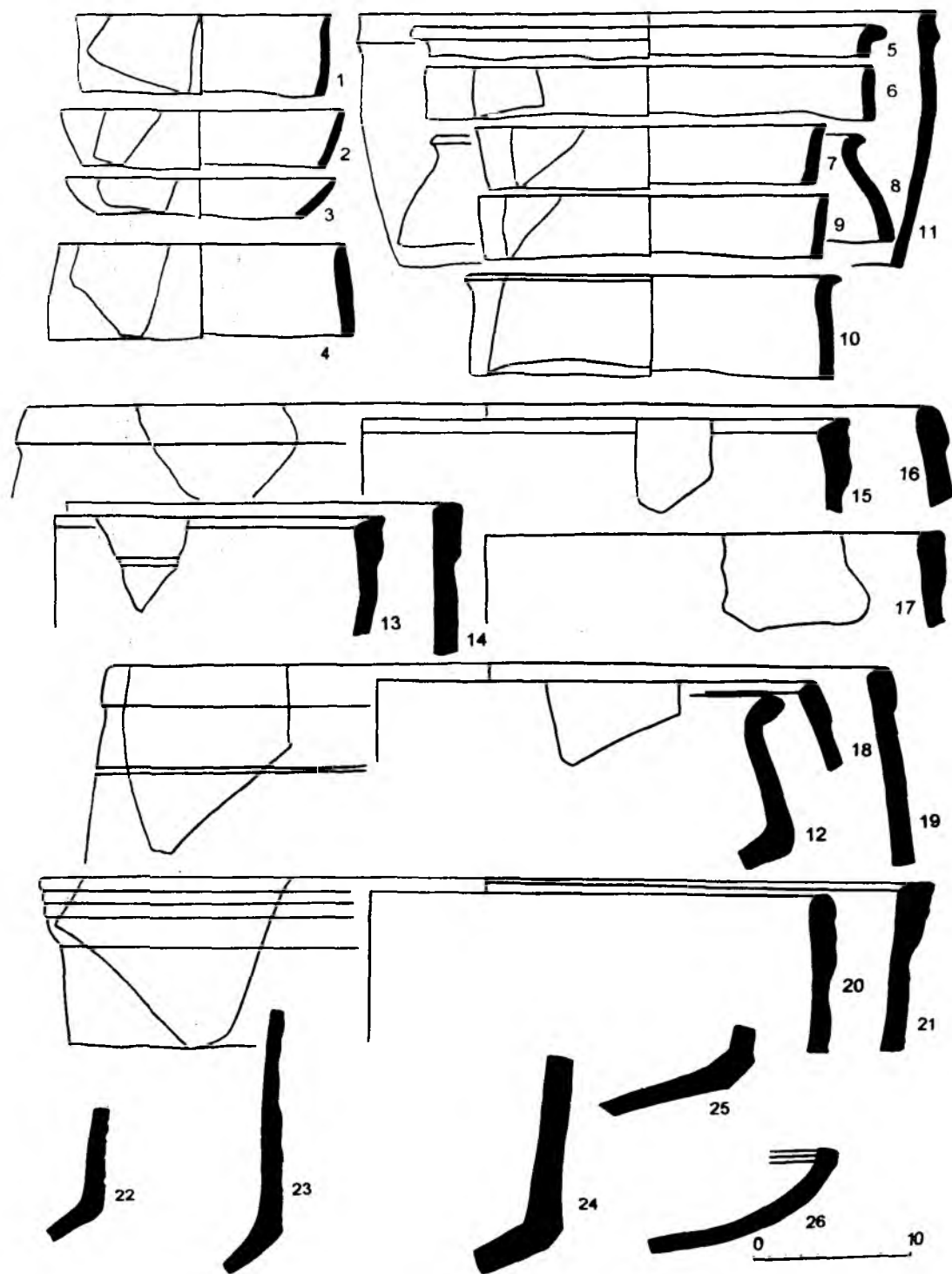


Рис. 92. Комплекс керамики ЕК-3, Караултепа.

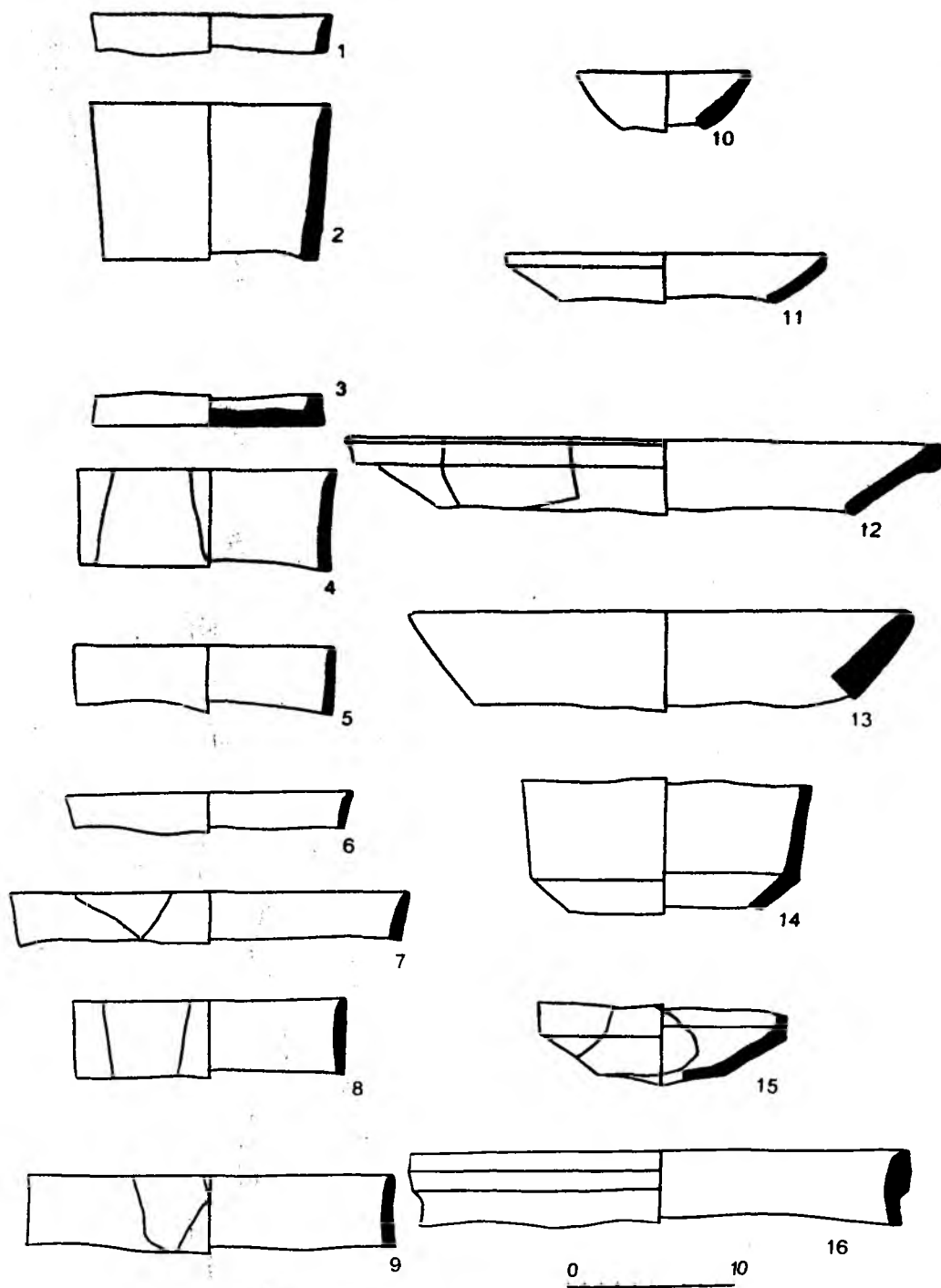


Рис. 93. Комплекс керамики ЕК-4, Еркурган.

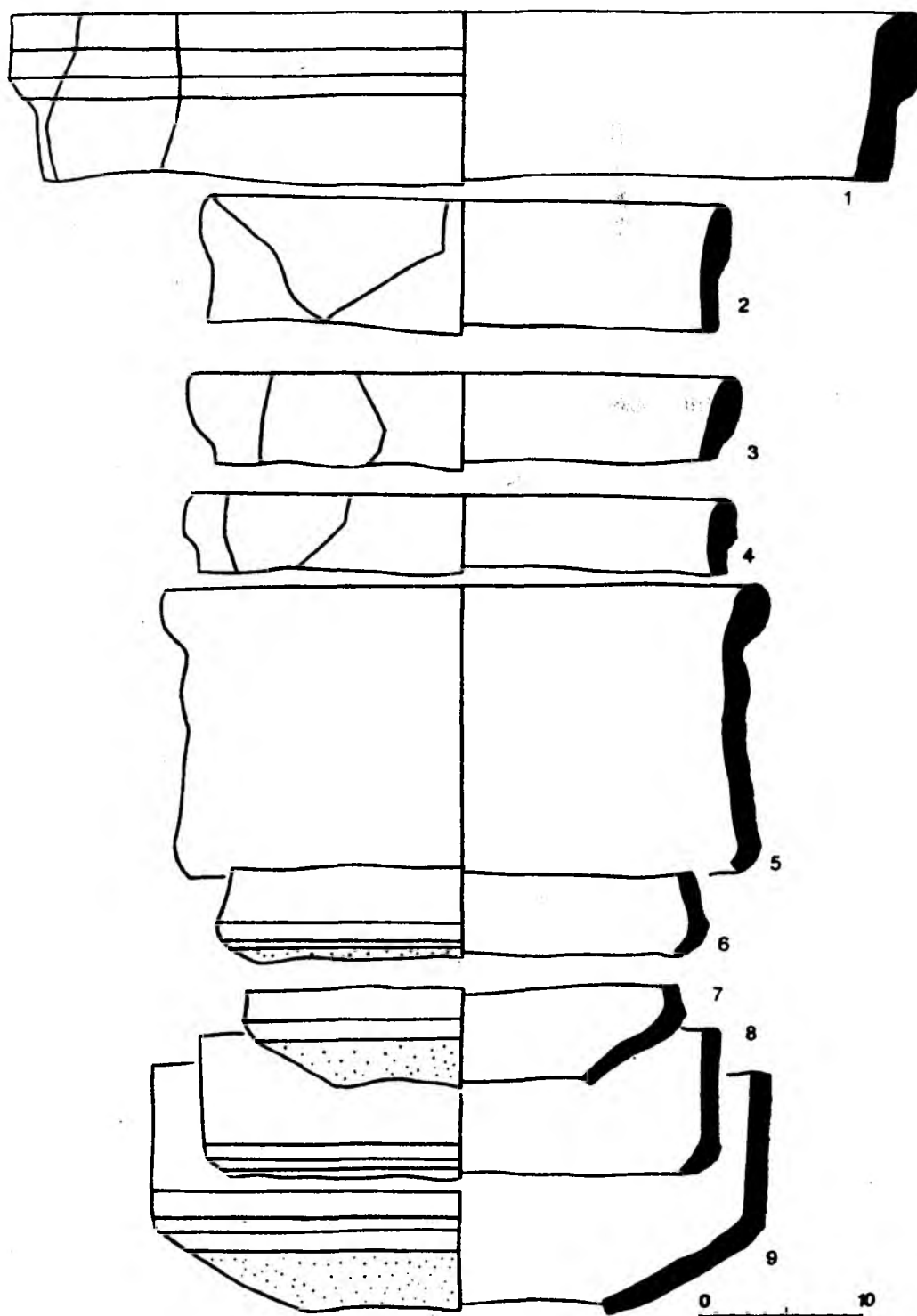


Рис. 94. Комплекс керамики ЕК-4, Еркурган.

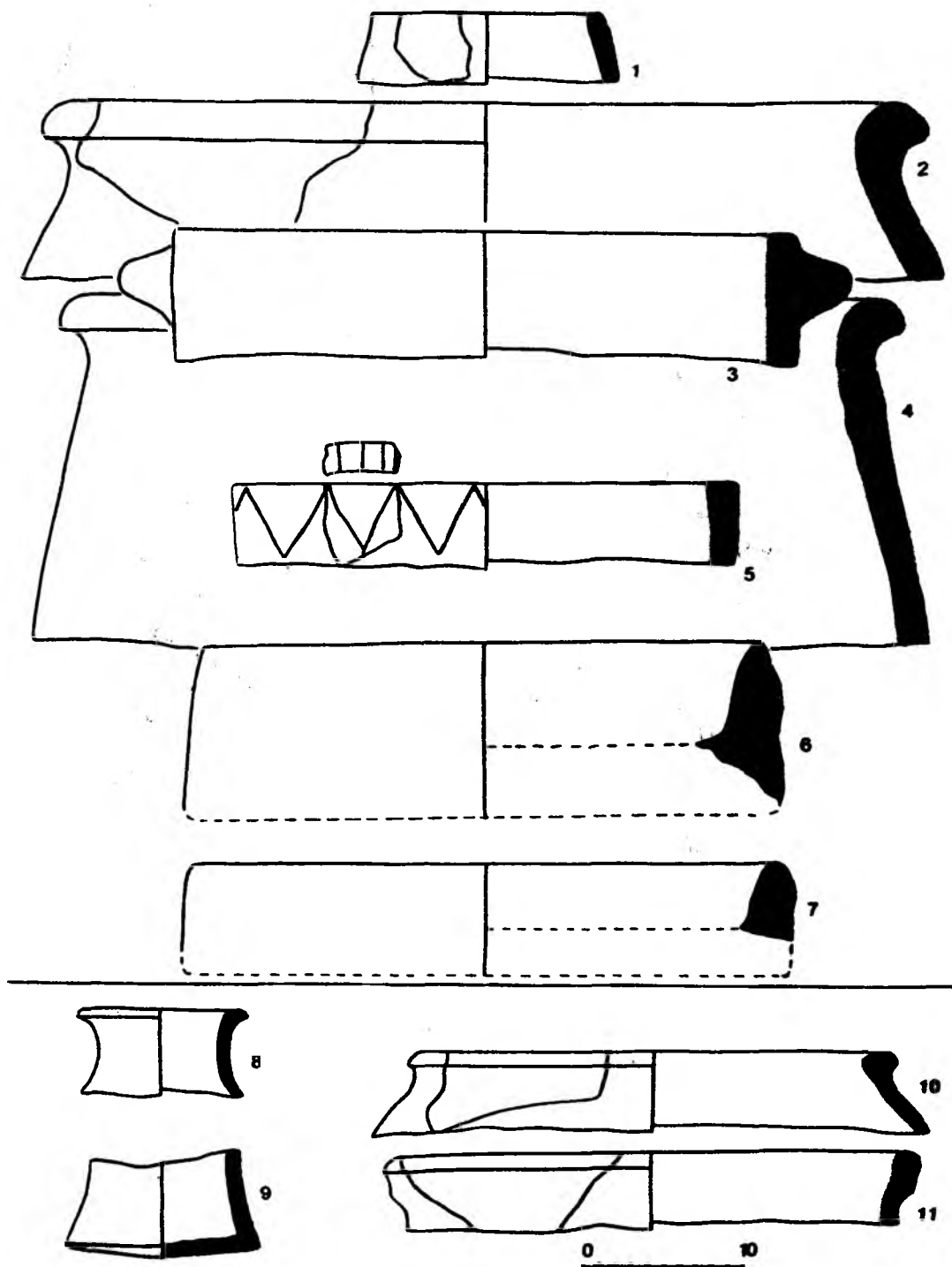


Рис. 95. Комплекс керамики ЕК-4, Еркурган.

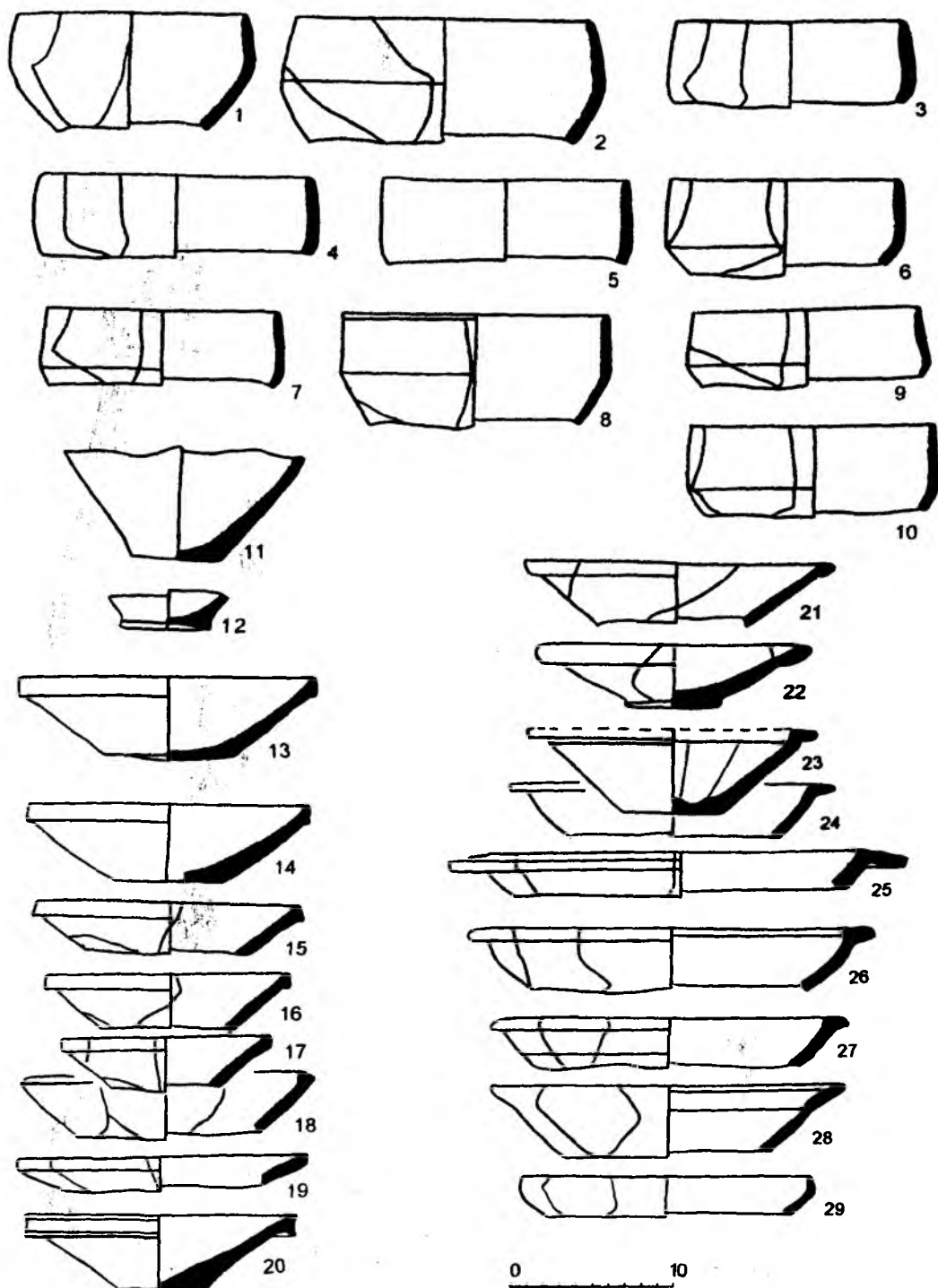


Рис. 96. Комплекс керамики ЕК-5, Еркурган.

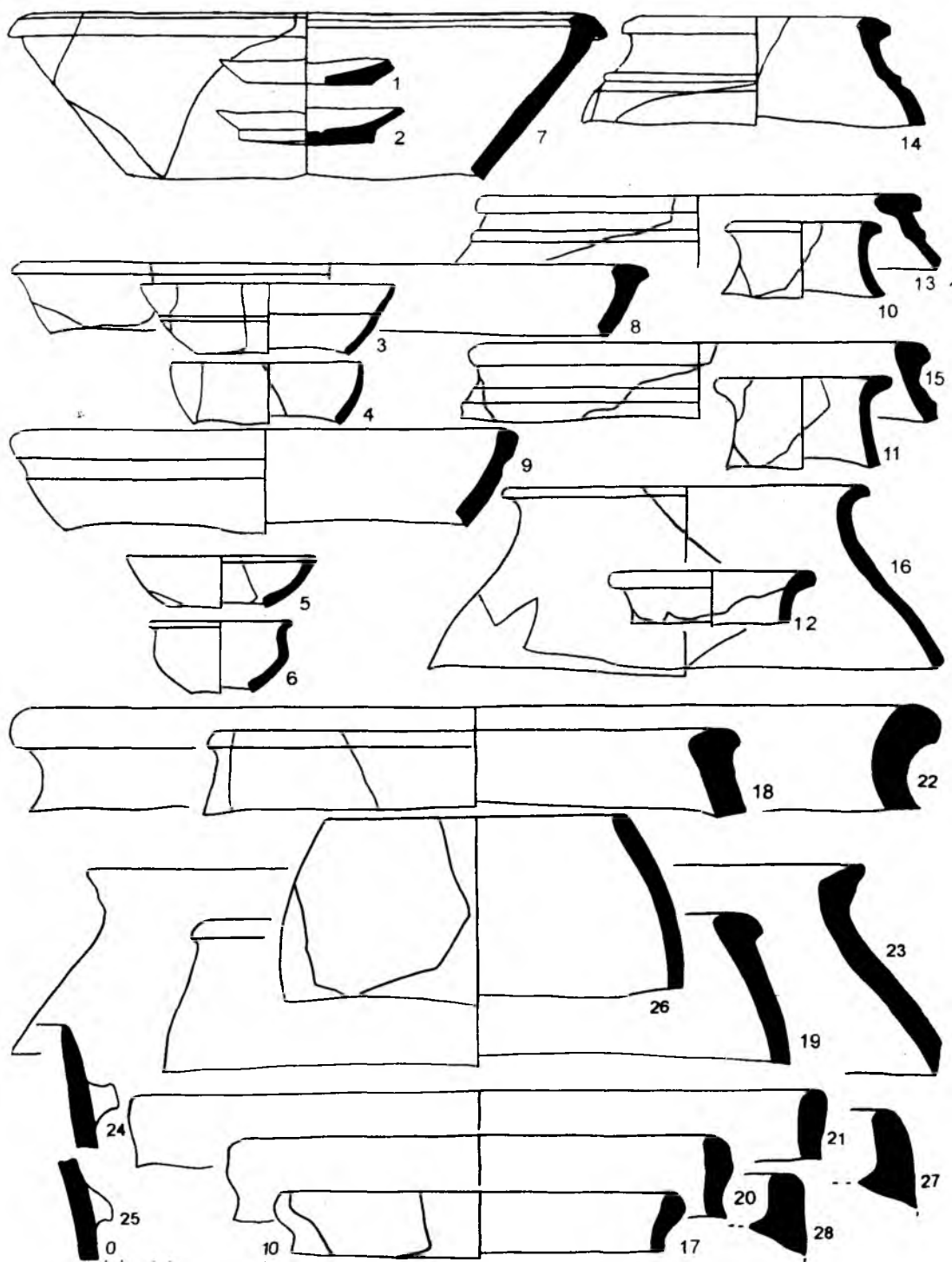


Рис. 97. Комплекс керамики ЕК-5, Еркурган.

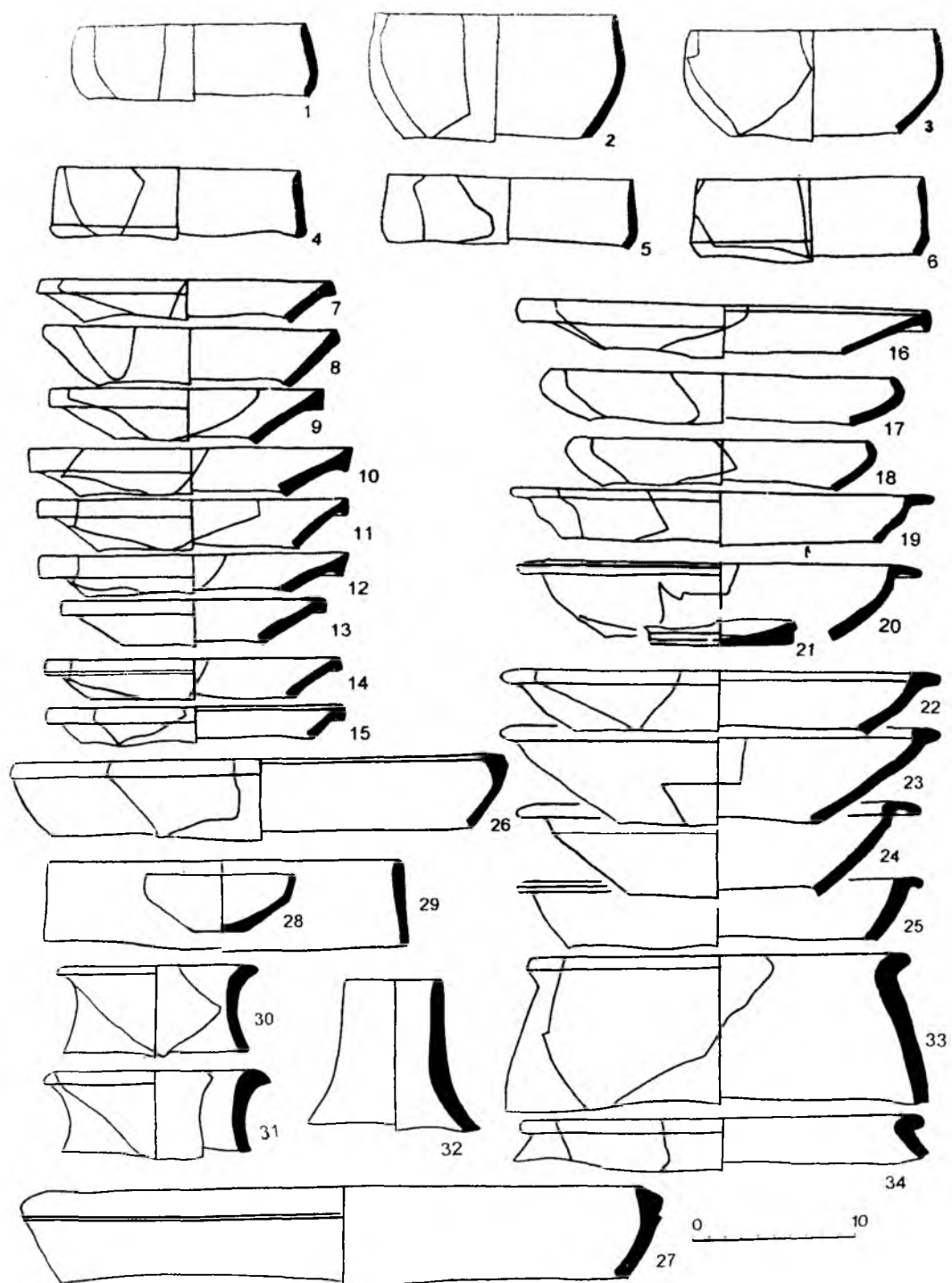


Рис. 98. Комплекс керамики ЕК-6, Еркурган.

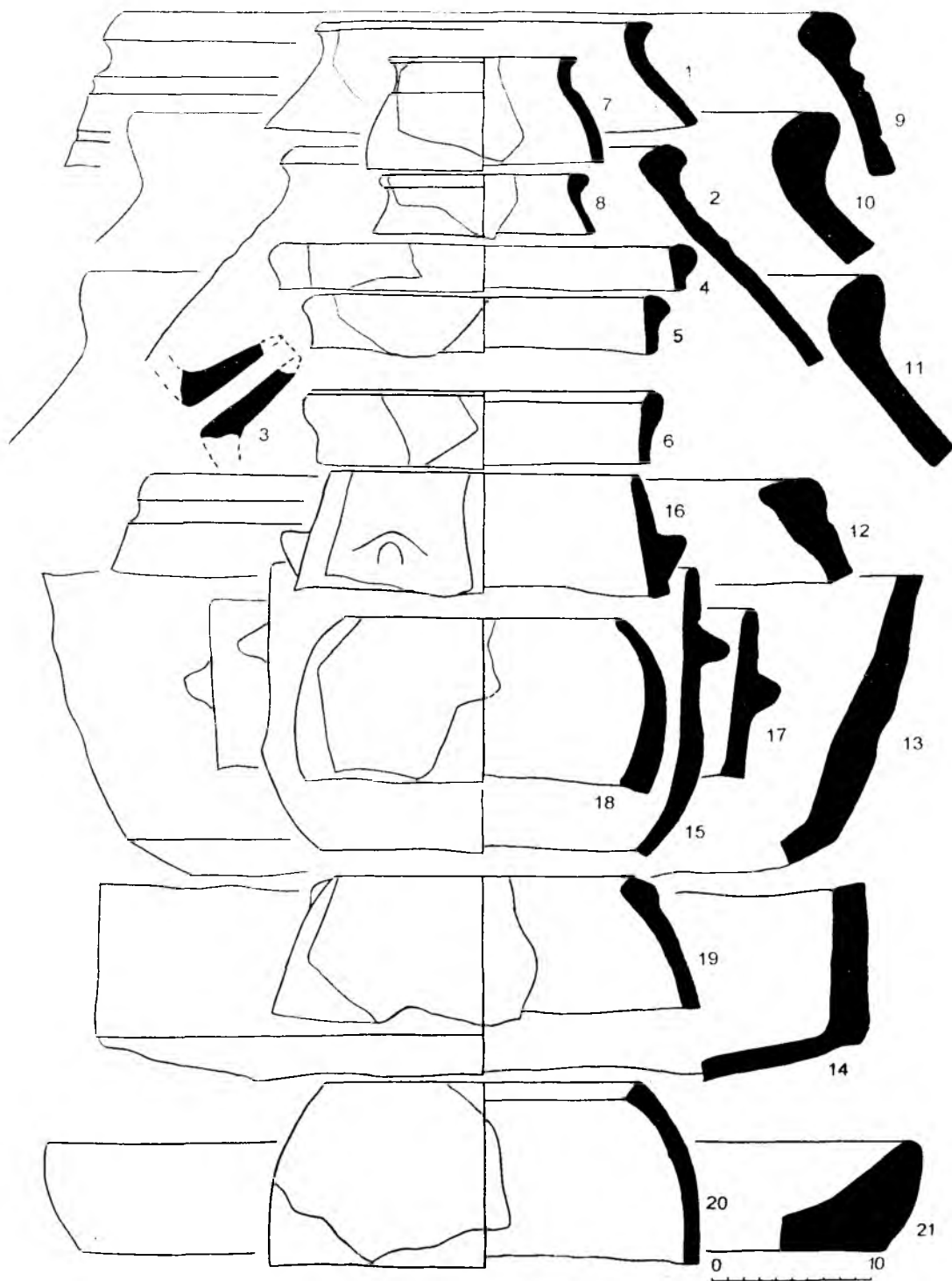


Рис. 99. Комплекс керамики ЕК-6, Еркурган.

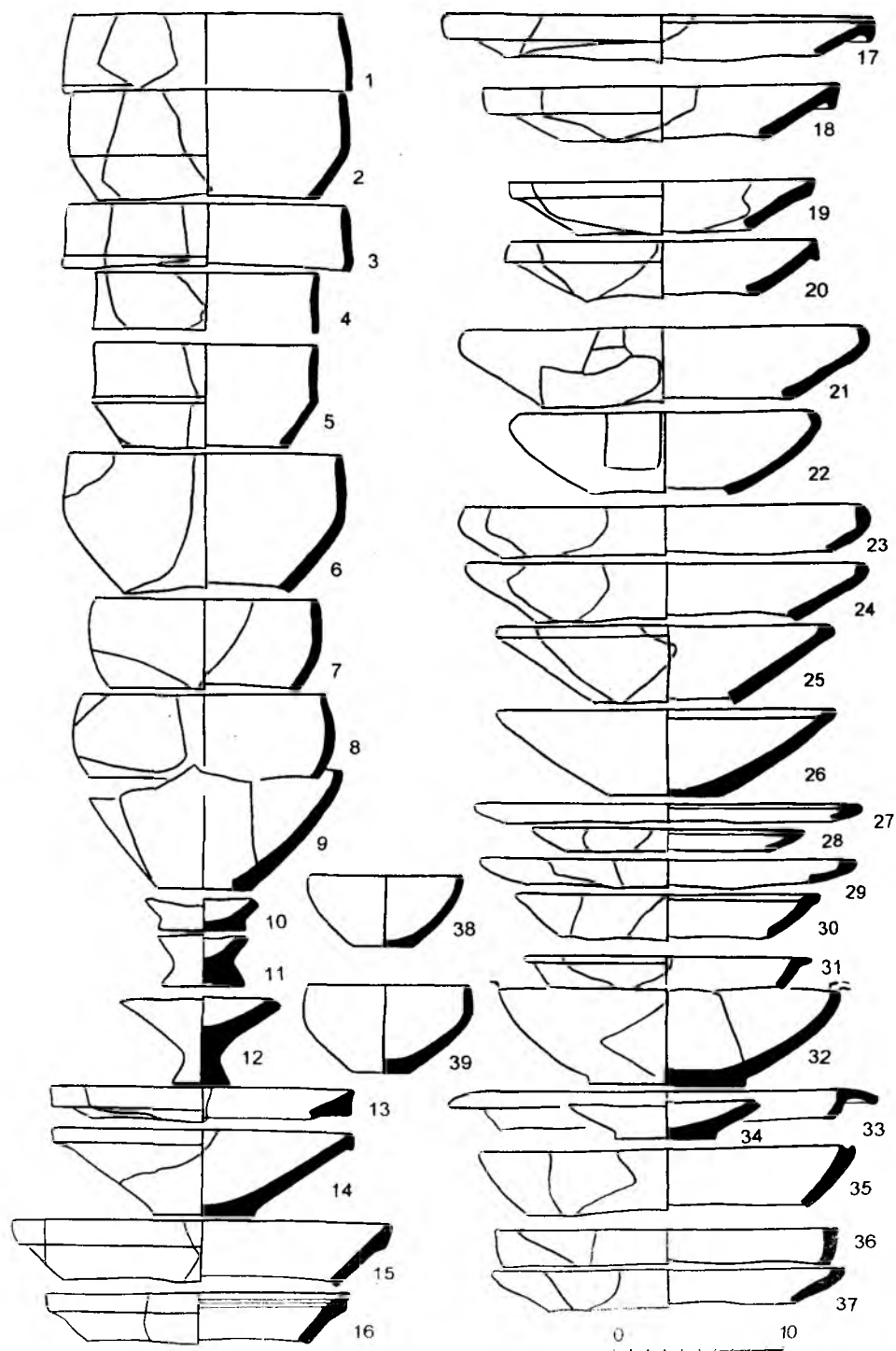


Рис. 100. Комплекс керамики ЕК-7, Еркурган.

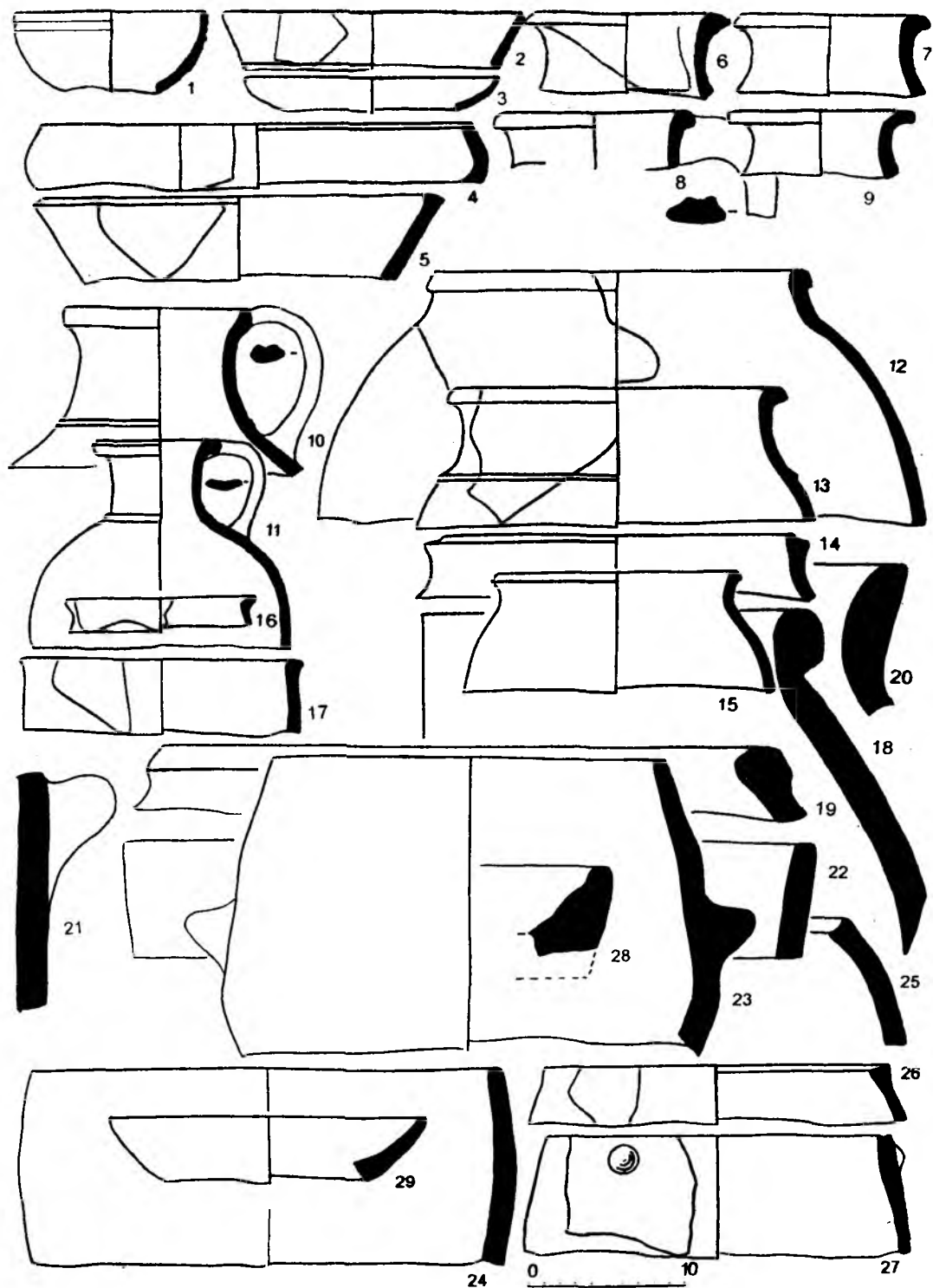


Рис. 101. Комплекс керамики ЕК-7, Ерқурган.

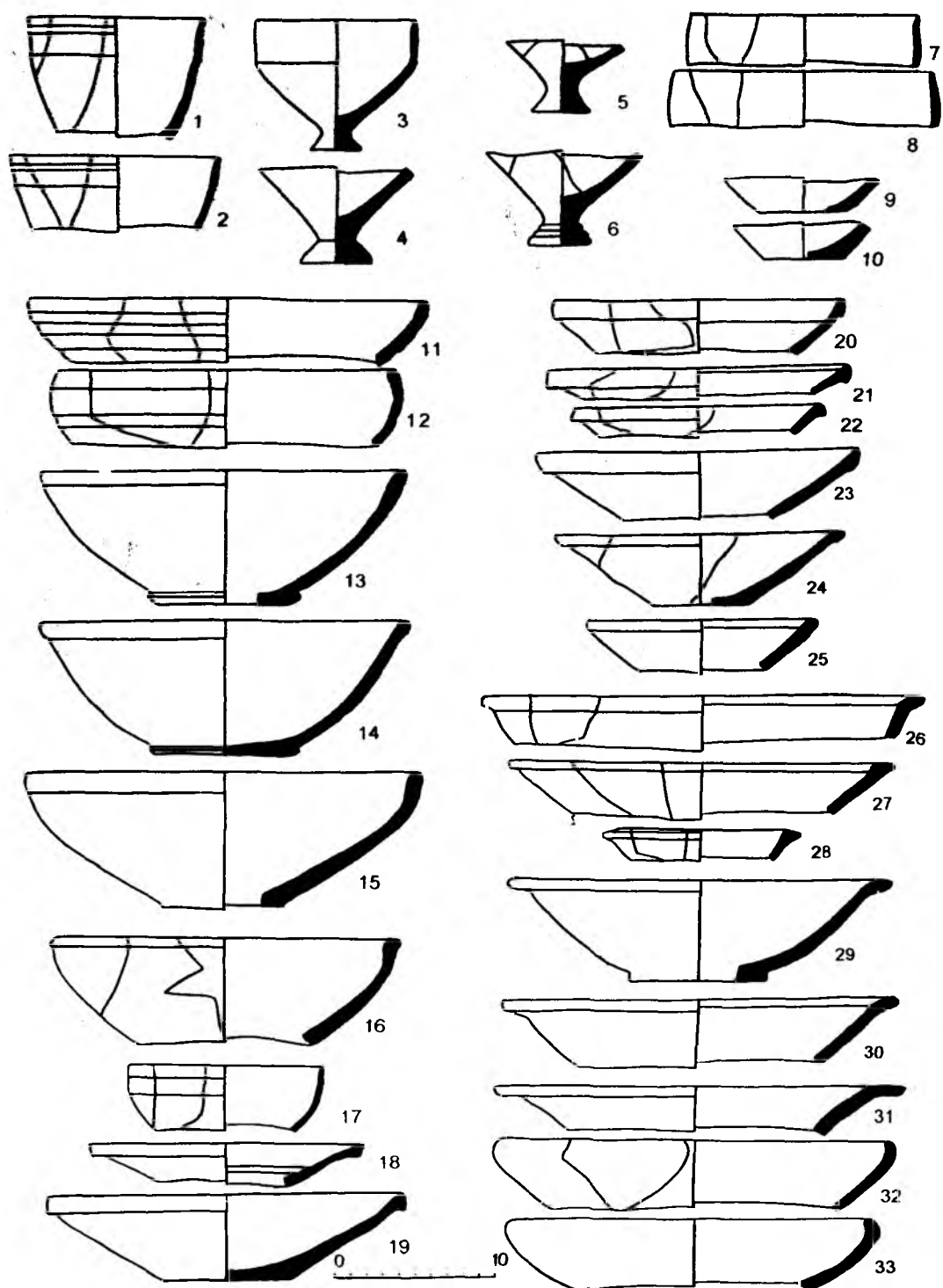


Рис. 102. Комплекс керамики ЕК-8, Еркурган.

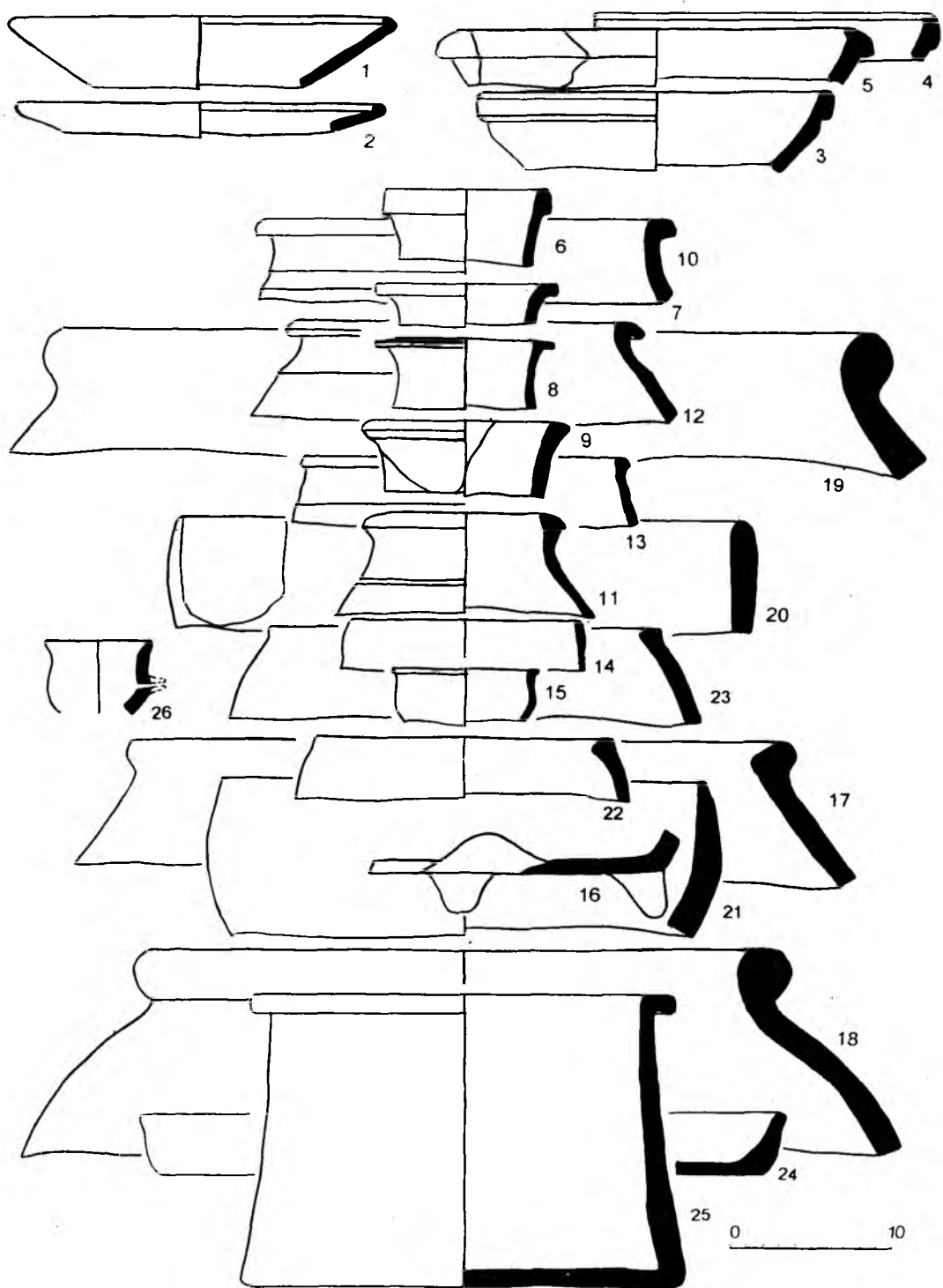


Рис. 103. Комплекс керамики ЕК-8, Еркурган.

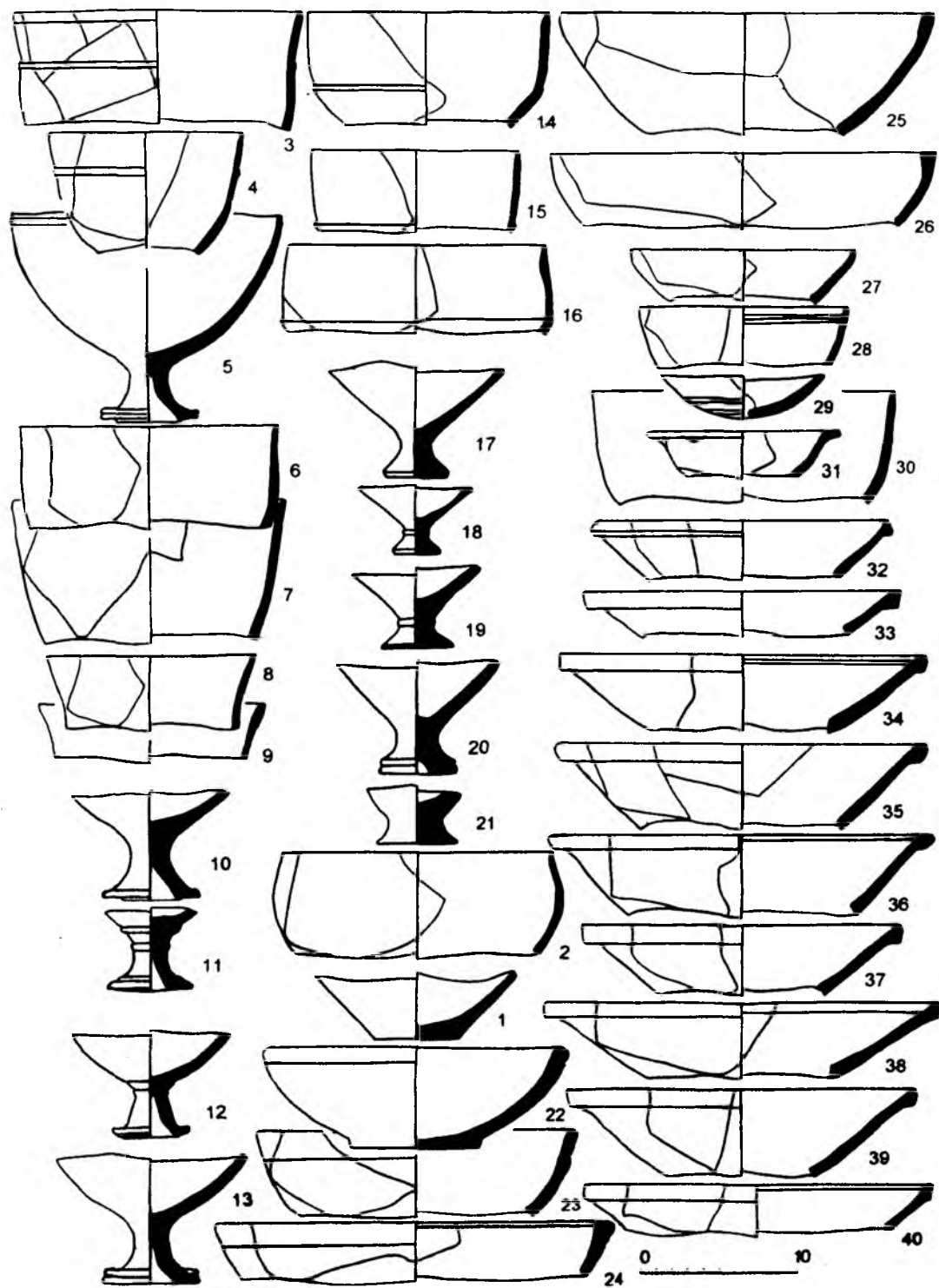


Рис. 104. Комплекс керамики ЕК-9, Еркурган.

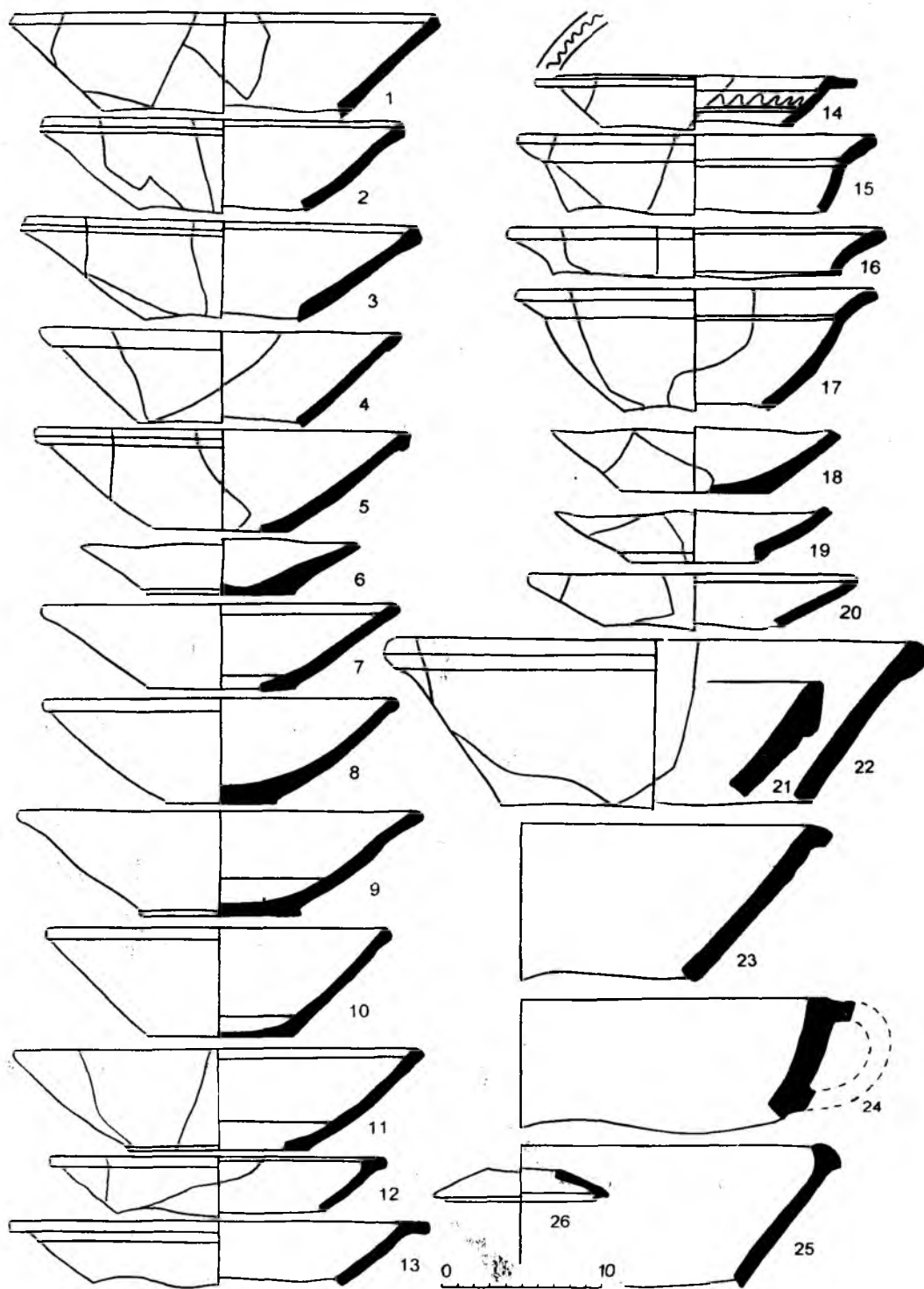


Рис. 105. Комплекс керамики ЕК-9, Еркурган.

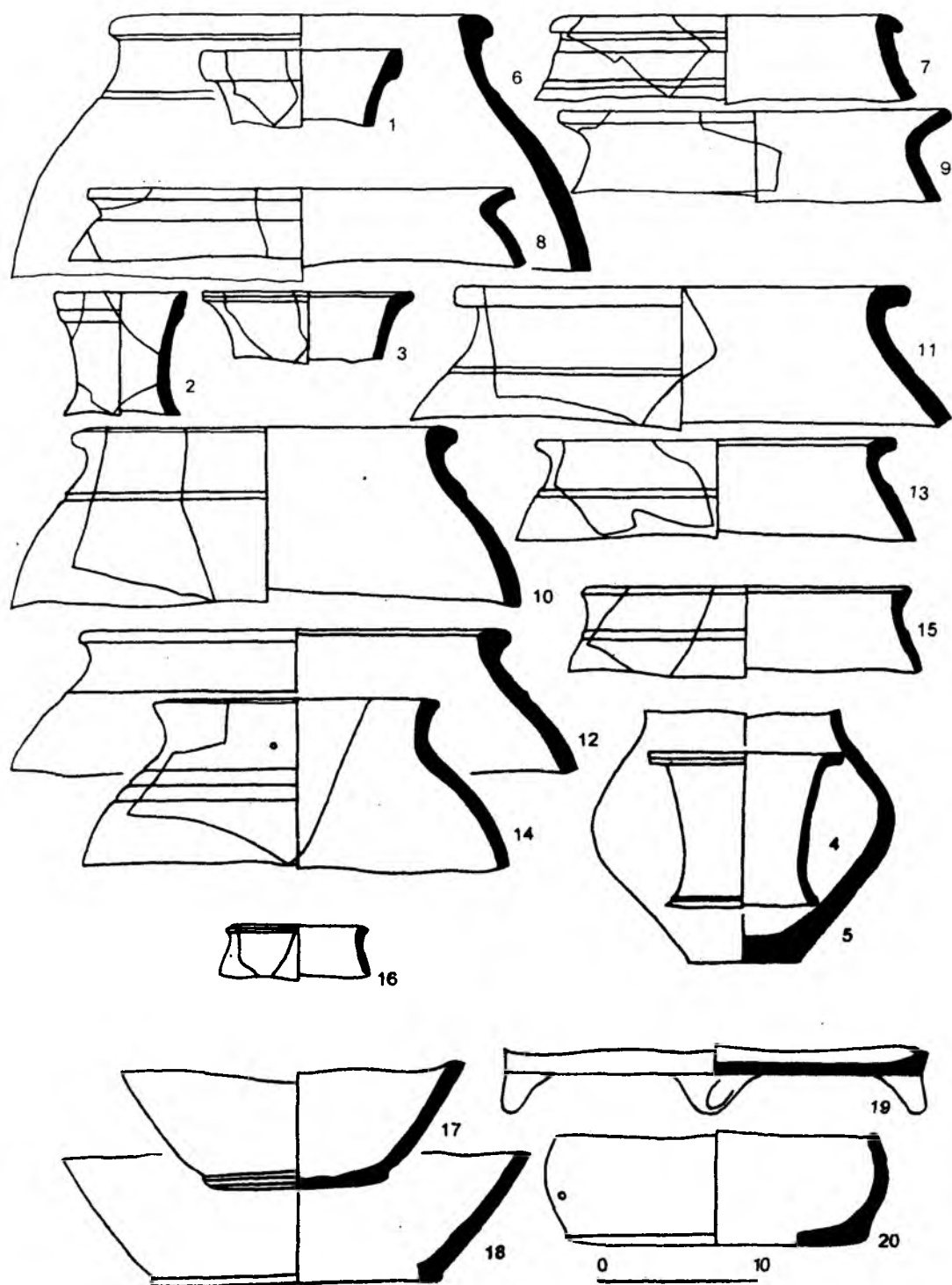


Рис. 106. Комплекс керамики ЕК-9, Еркурган.

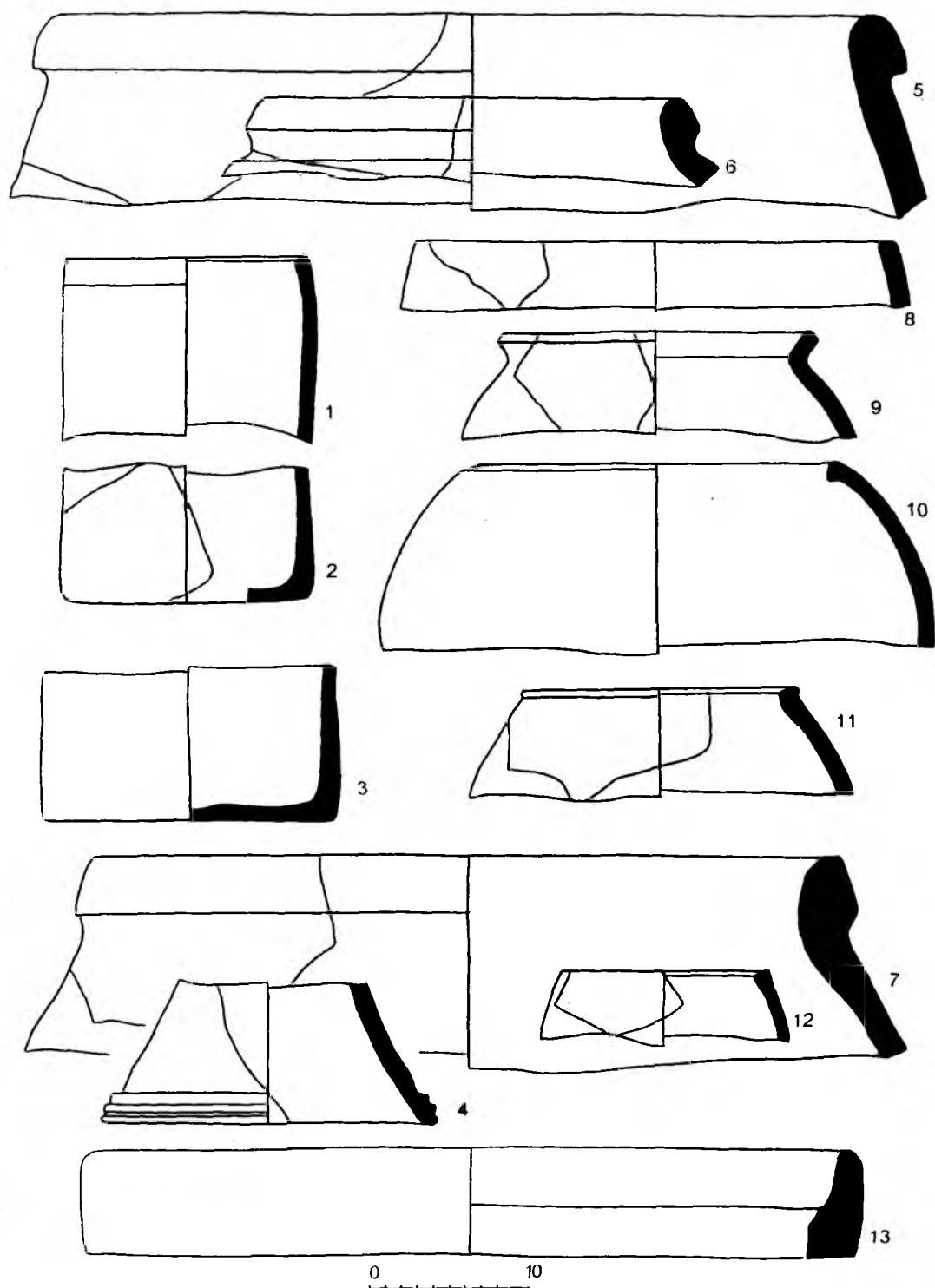


Рис. 107. Комплекс керамики ЕК-9, Еркурган.

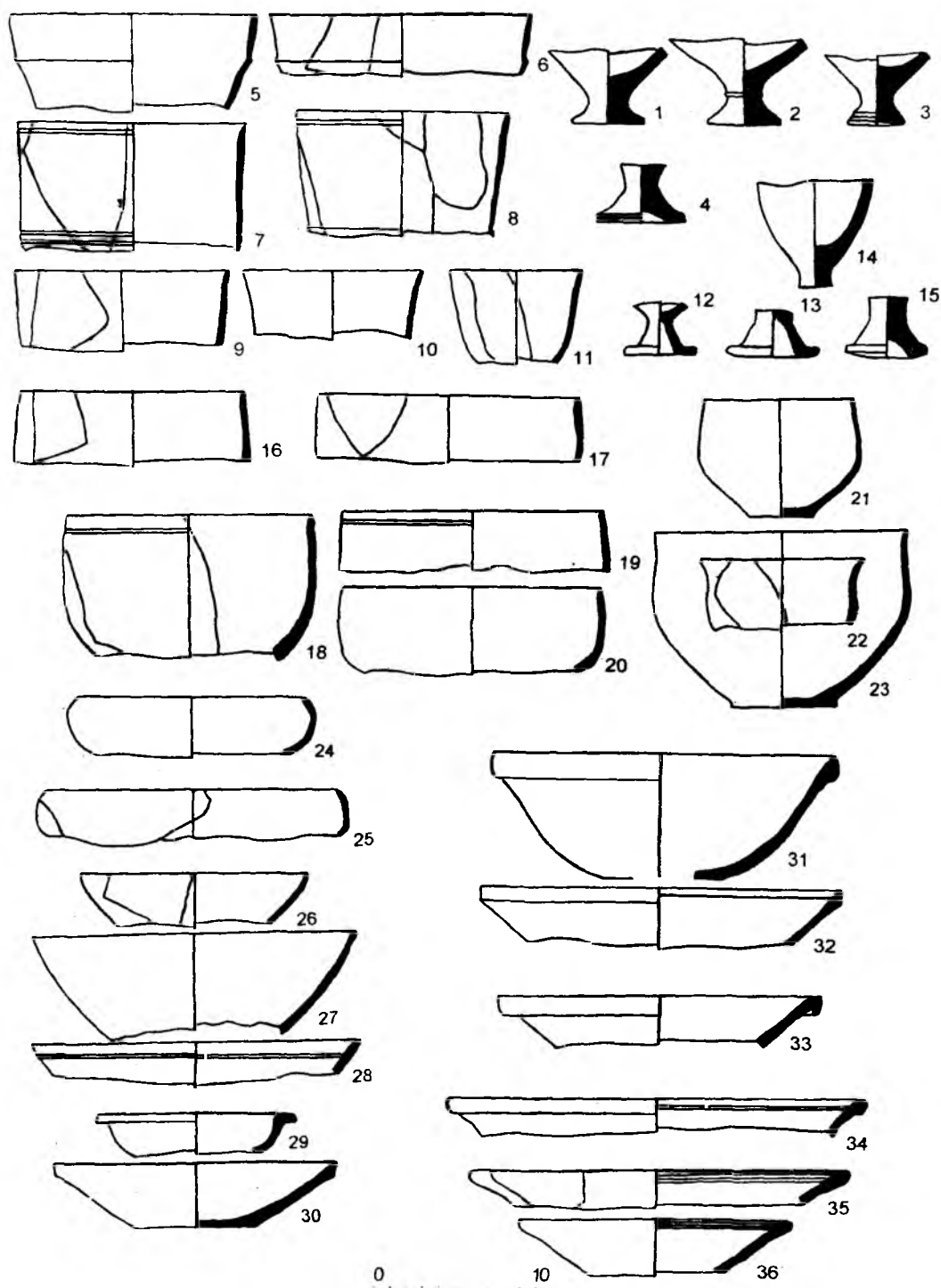


Рис. 108. Комплекс керамики ЕК-10, Еркурган.

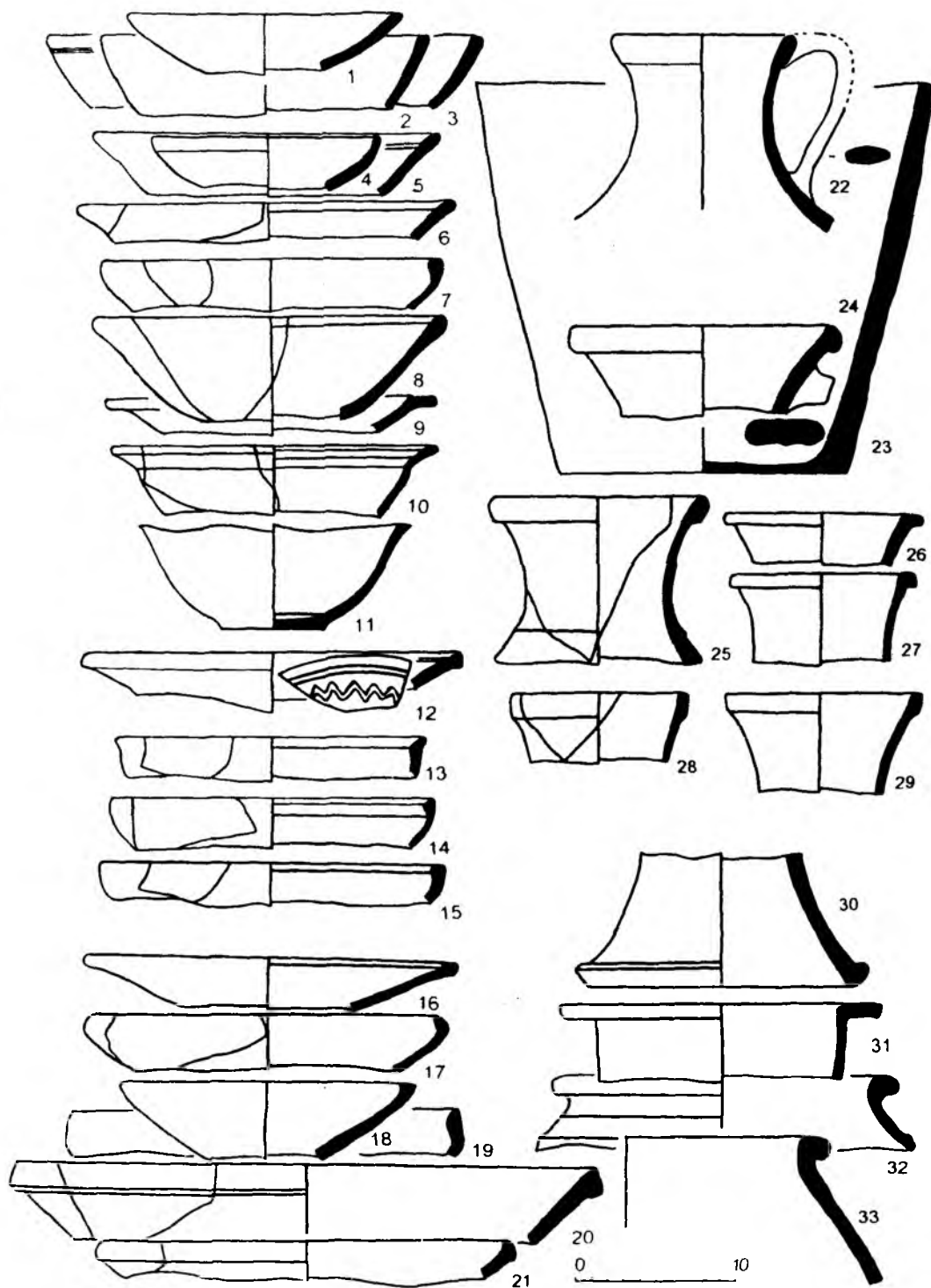


Рис. 109. Комплекс керамики ЕК-10, Еркурган.

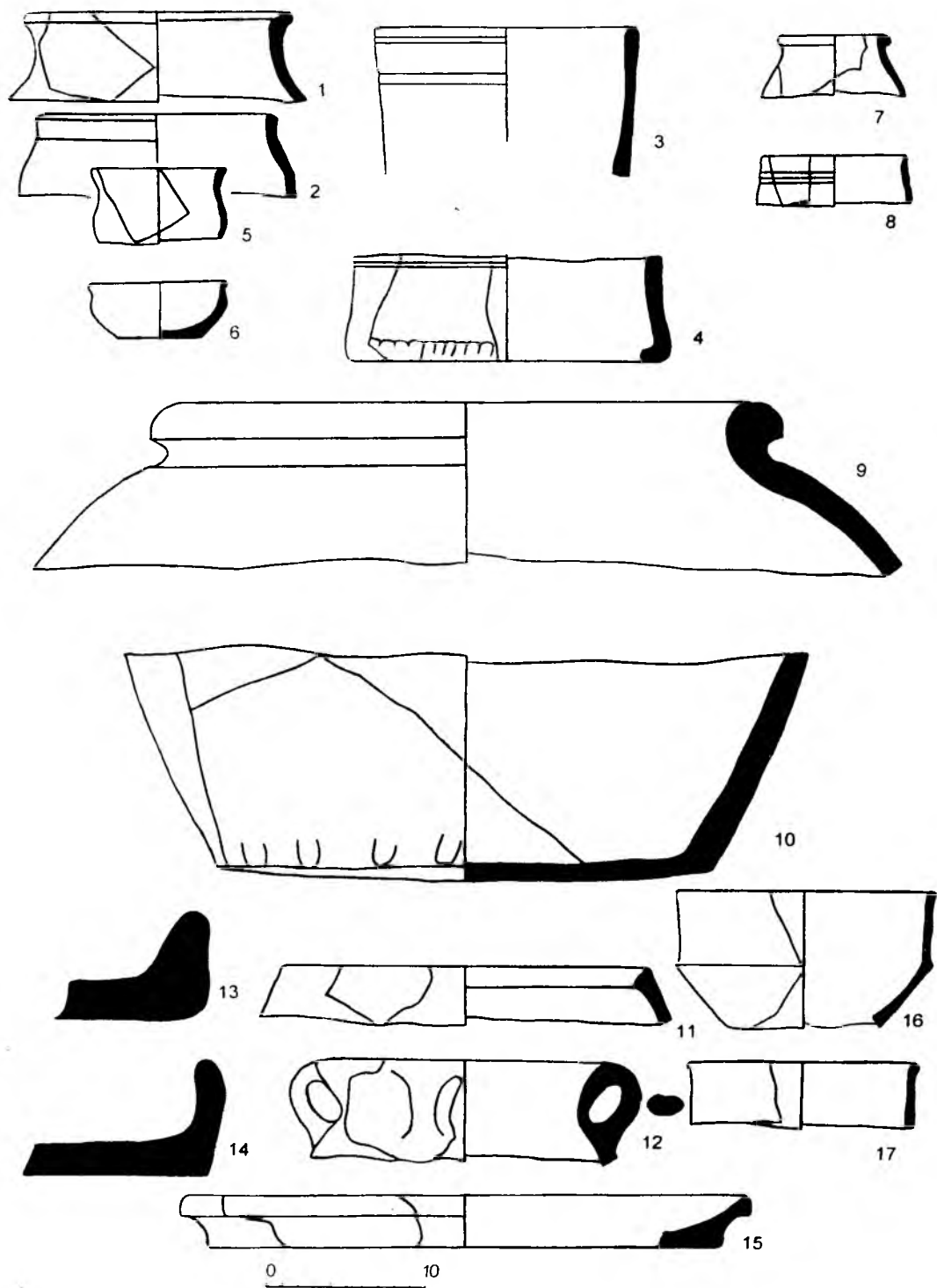


Рис. 110. Комплекс керамики ЕК-10, Еркурган.

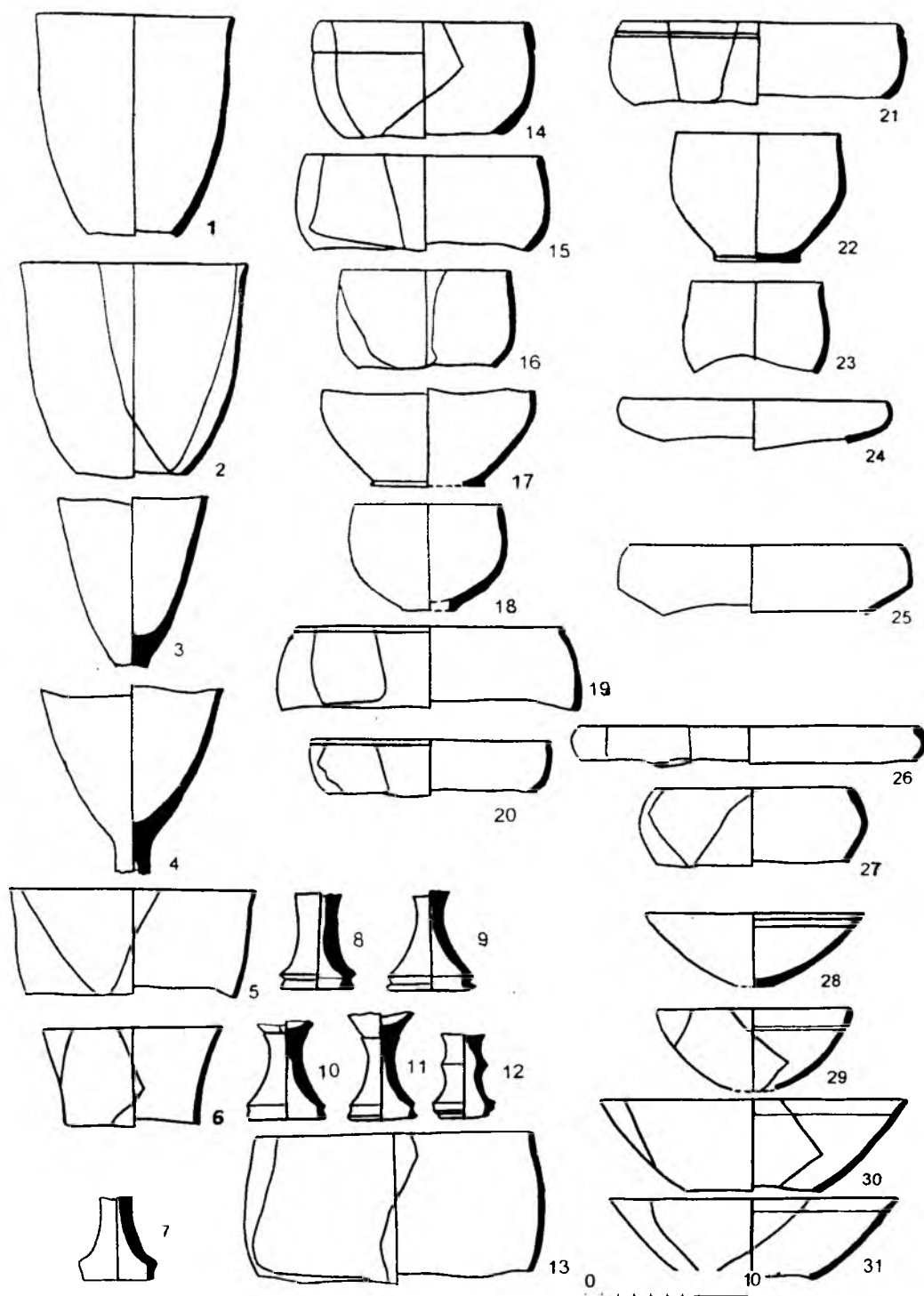


Рис. 111. Комплекс керамики ЕК-11, Еркурган.

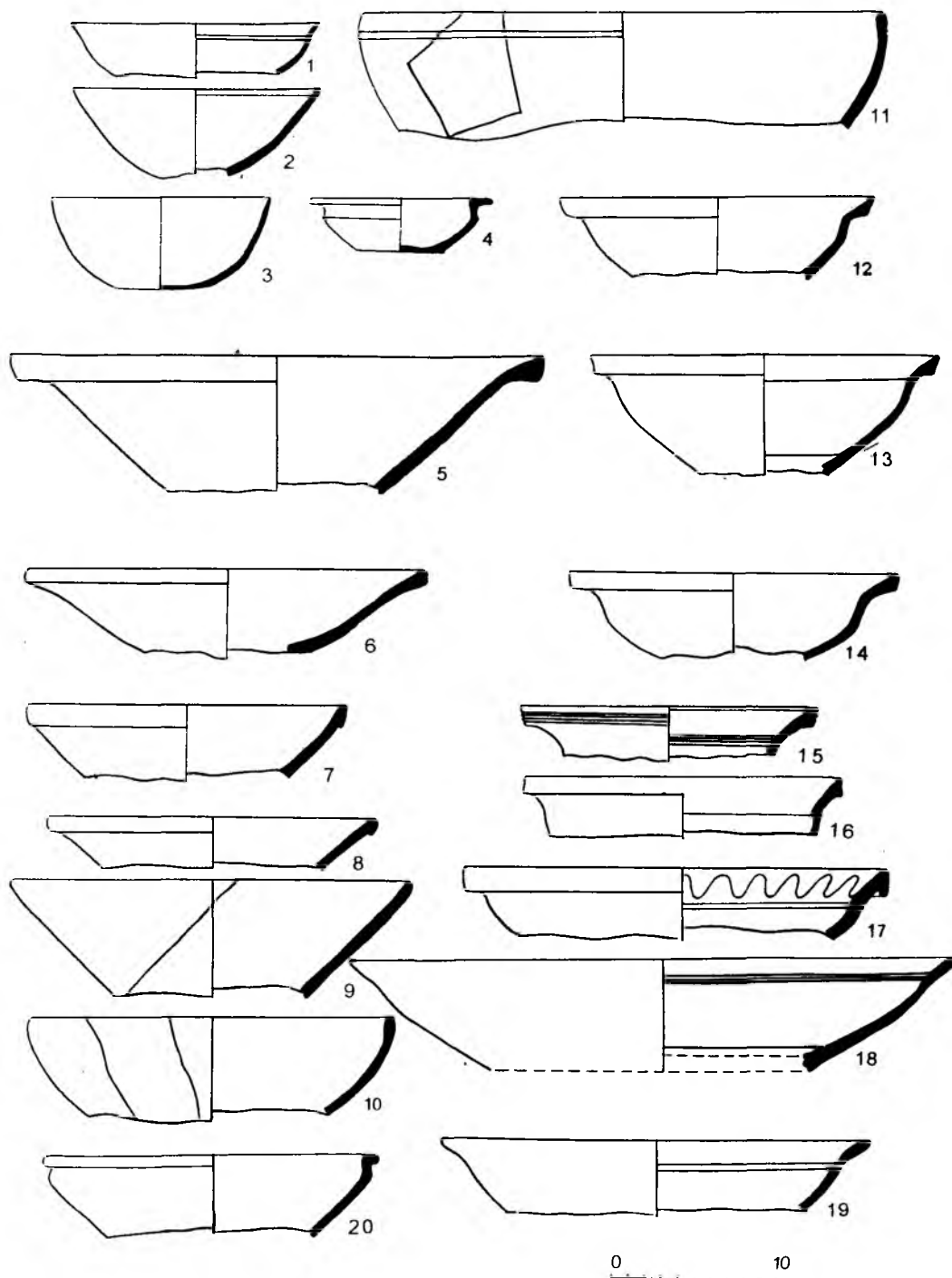


Рис. 112. Комплекс керамики ЕК-11, Еркурган.

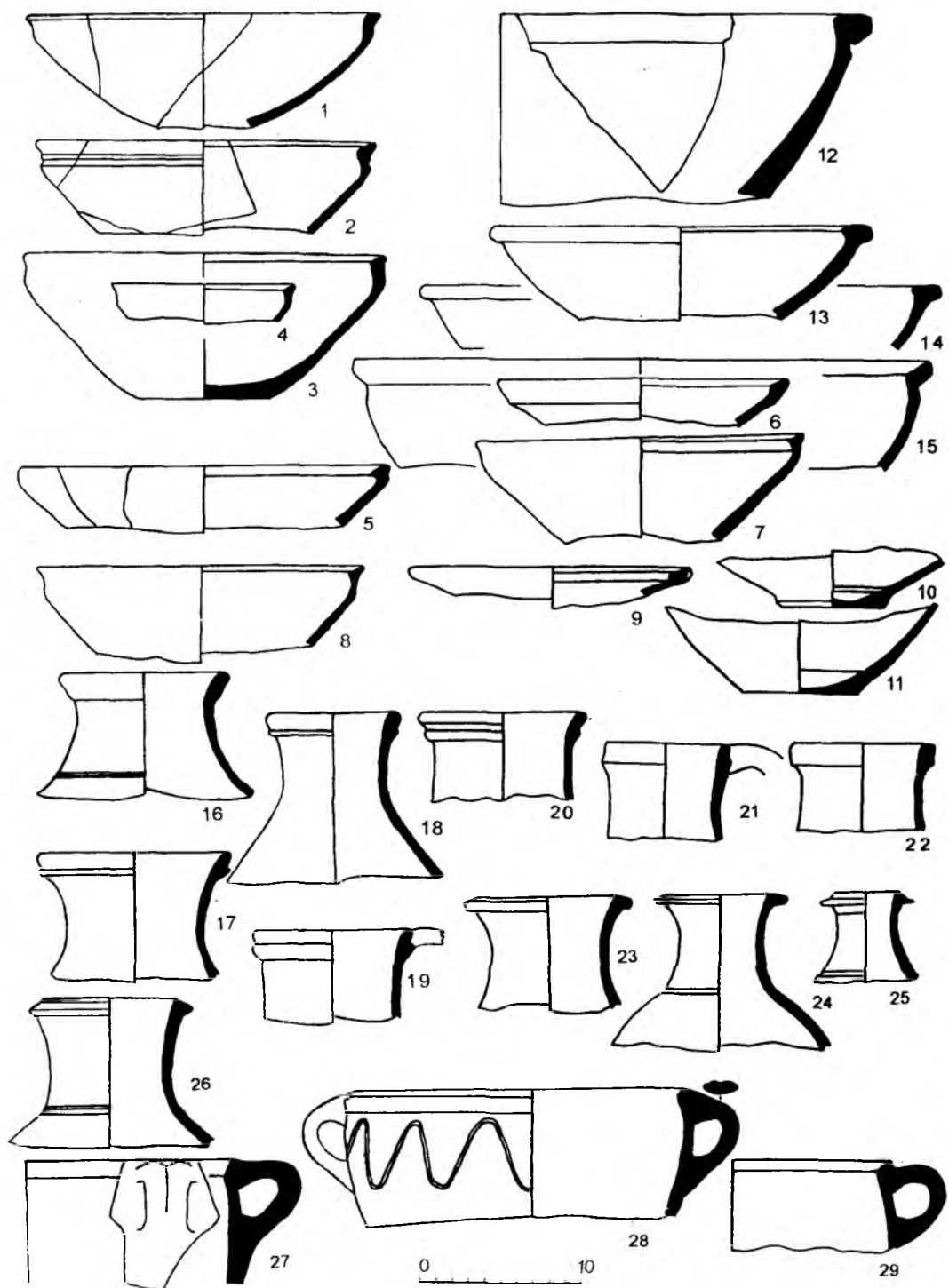


Рис. 113. Комплекс керамики ЕК-11, Еркурган.

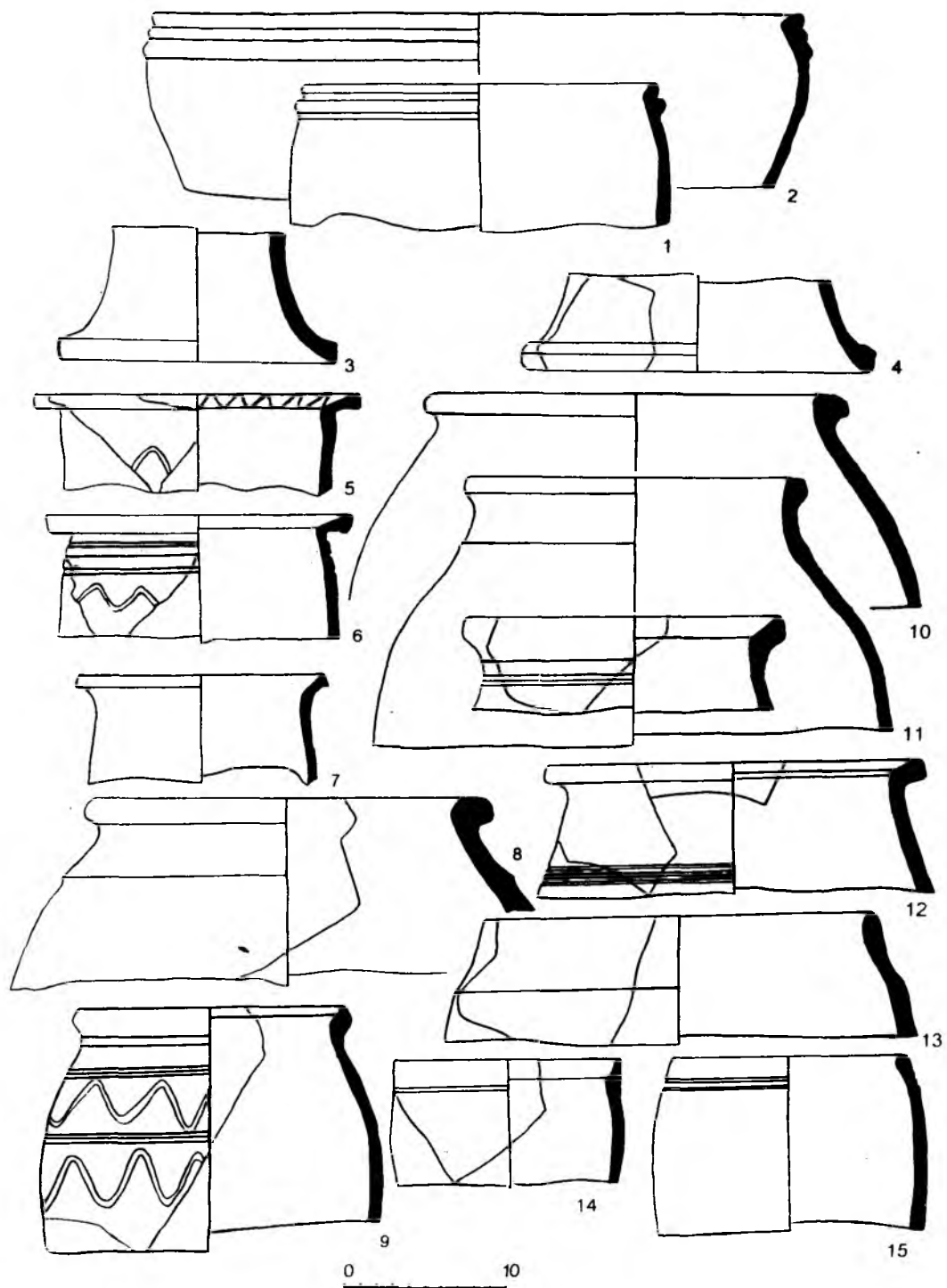


Рис. 114. Комплекс керамики ЕК-11, Еркурган.

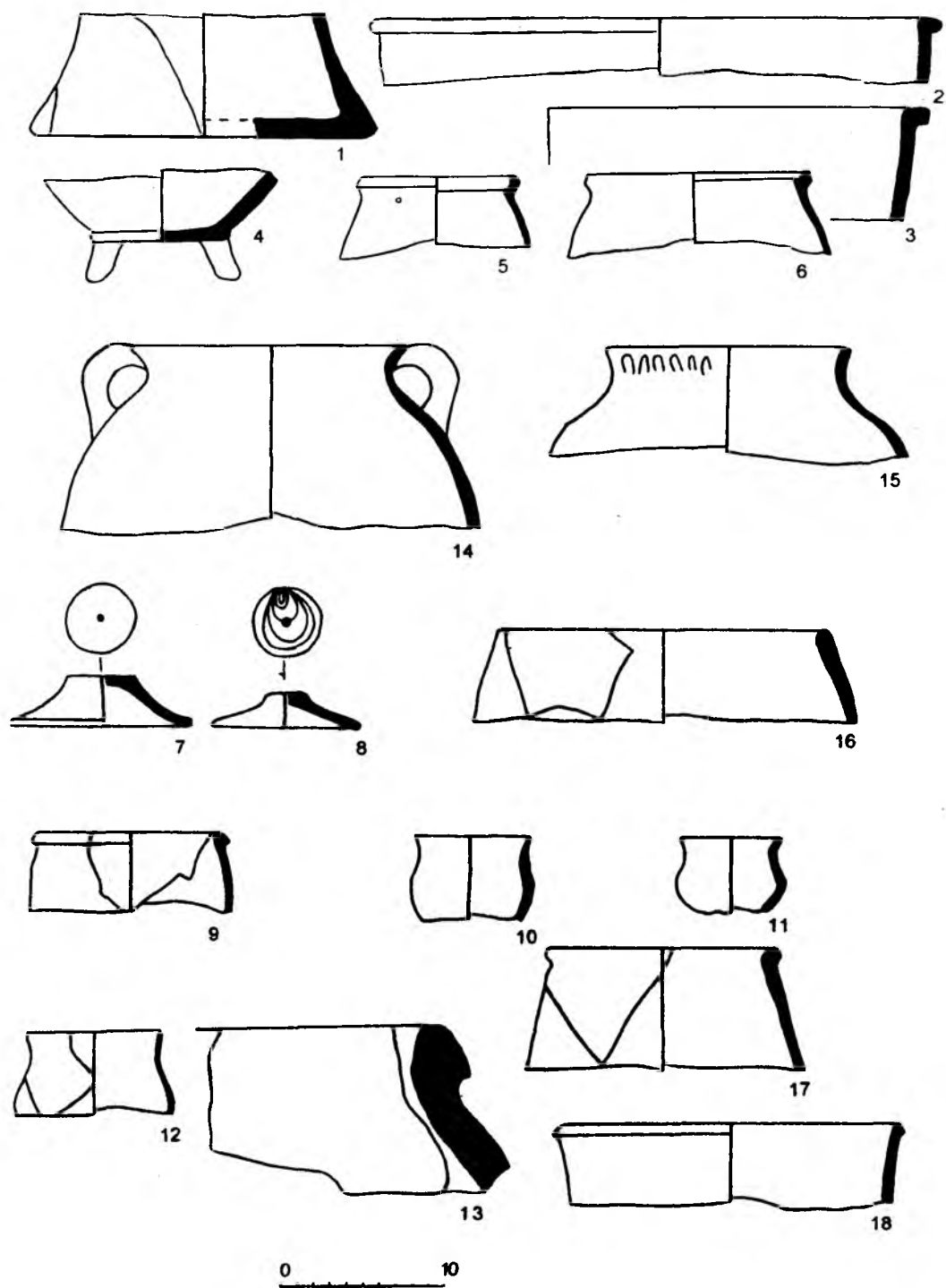


Рис. 115. Комплекс керамики ЕК-11, Еркурган.

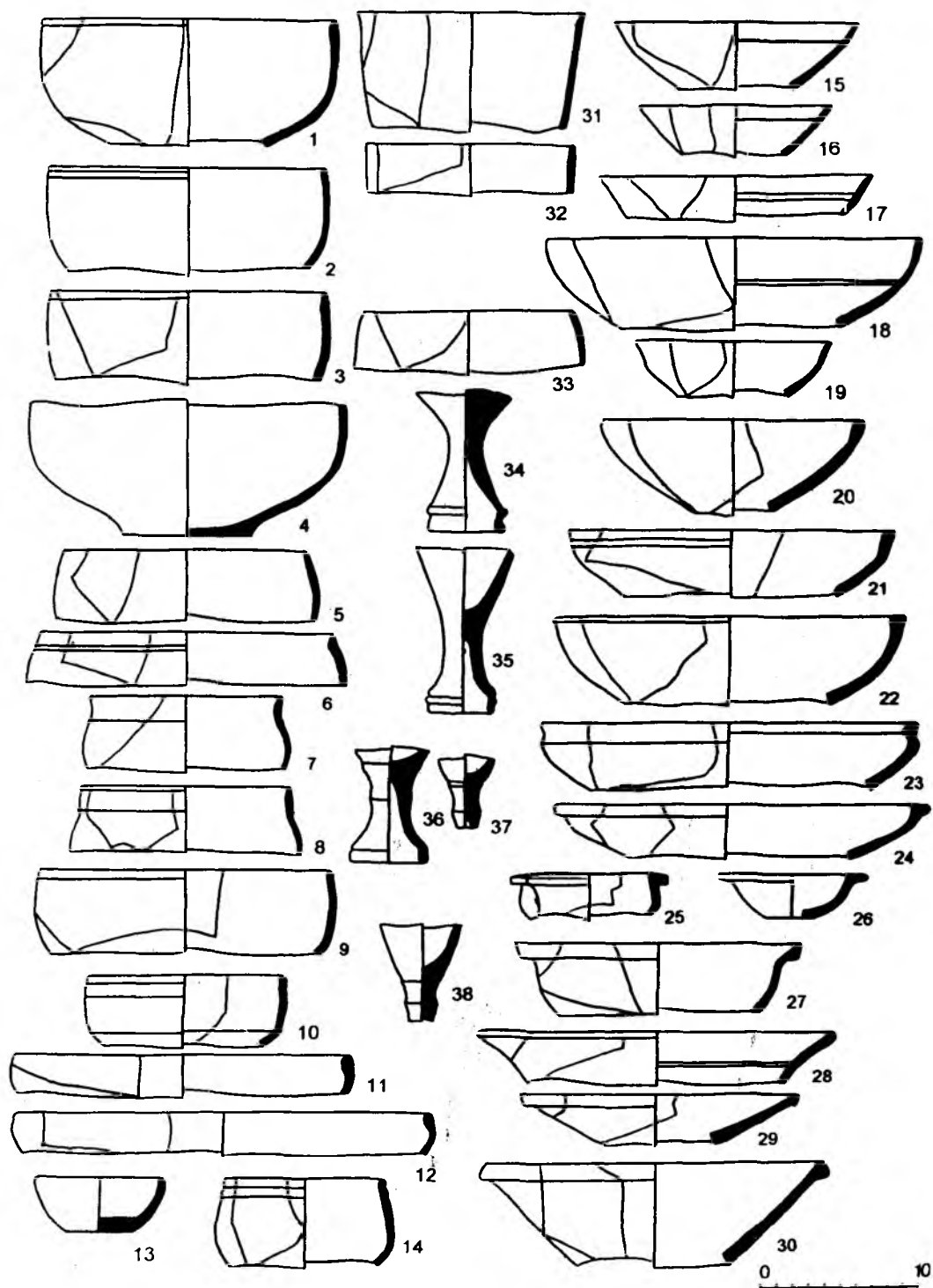


Рис. 116. Комплекс керамики ЕК-12, Еркурган.

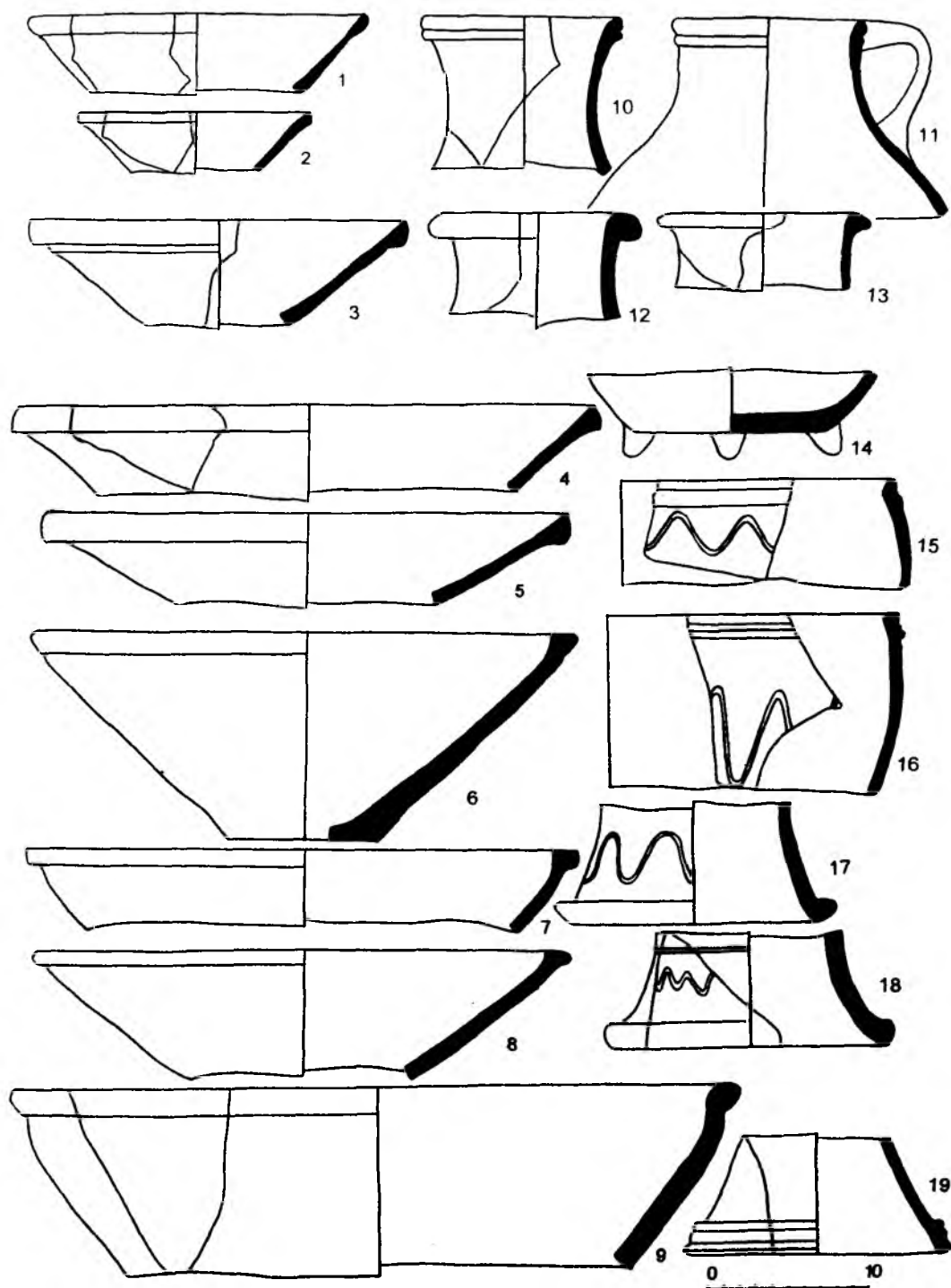


Рис. 117. Комплекс керамики ЕК-12, Еркурган.

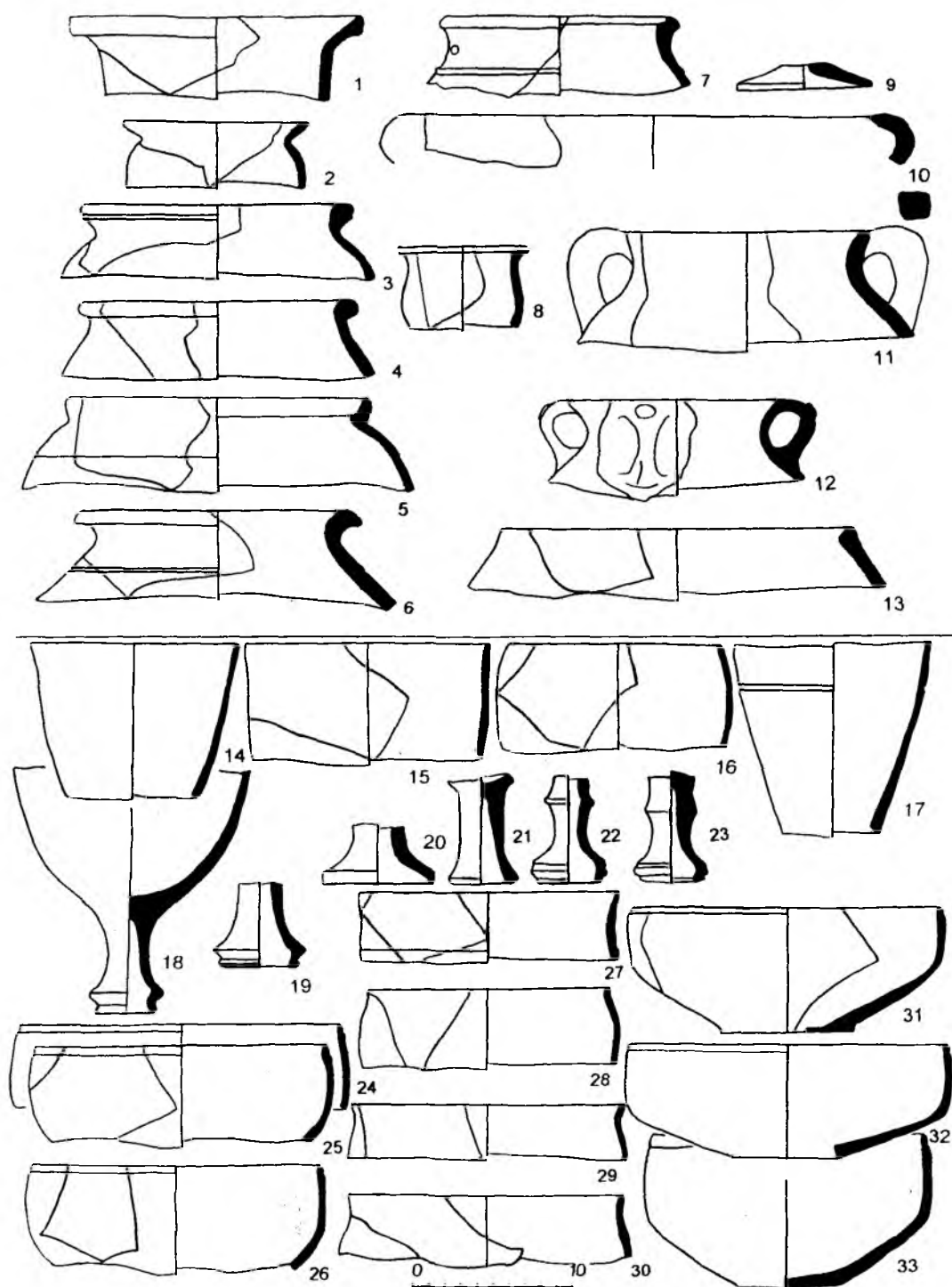


Рис. 118. Комплекс керамики ЕК-12, ЕК-13, Еркурган.

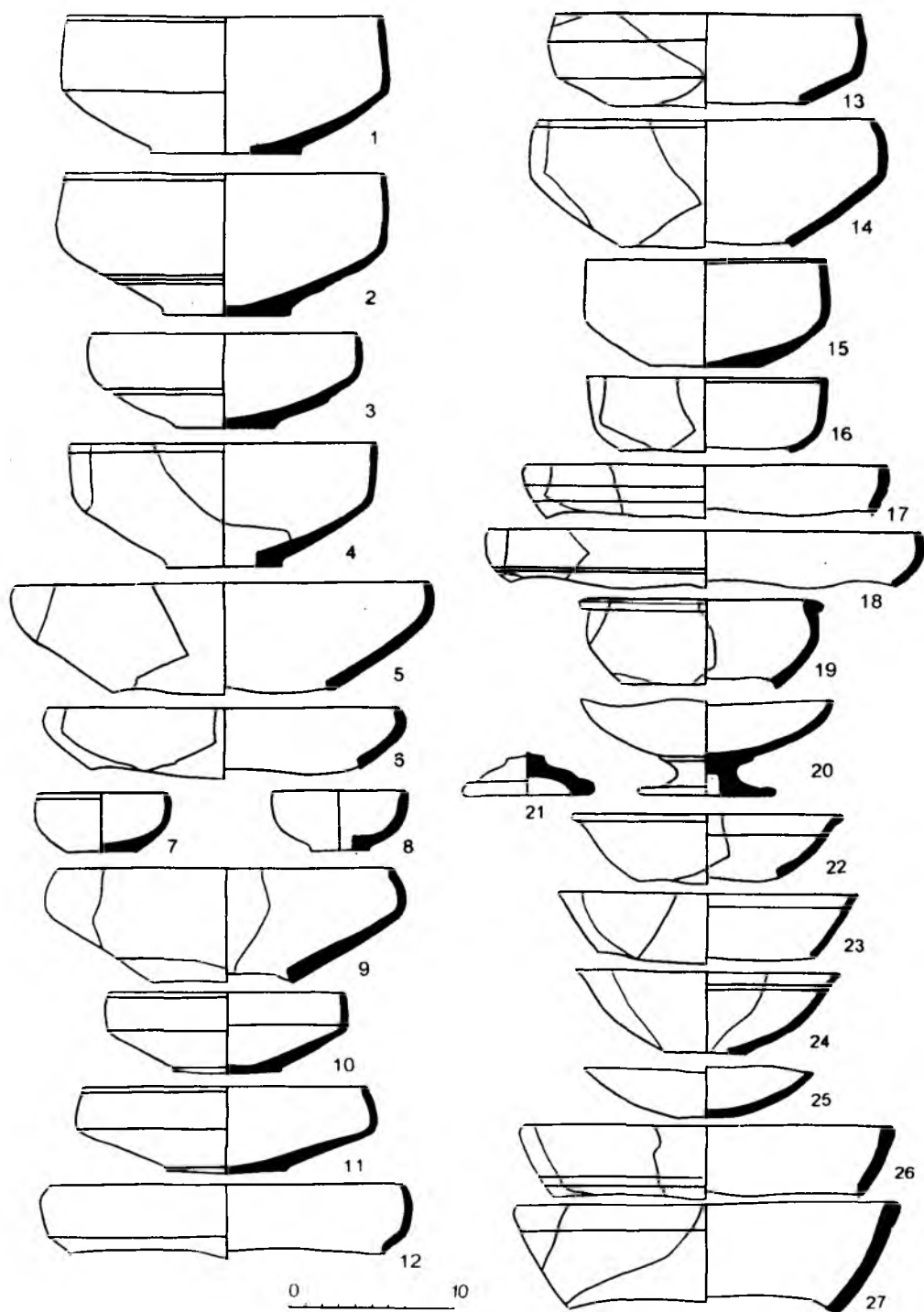


Рис. 119. Комплекс керамики ЕК-13, Еркурган.

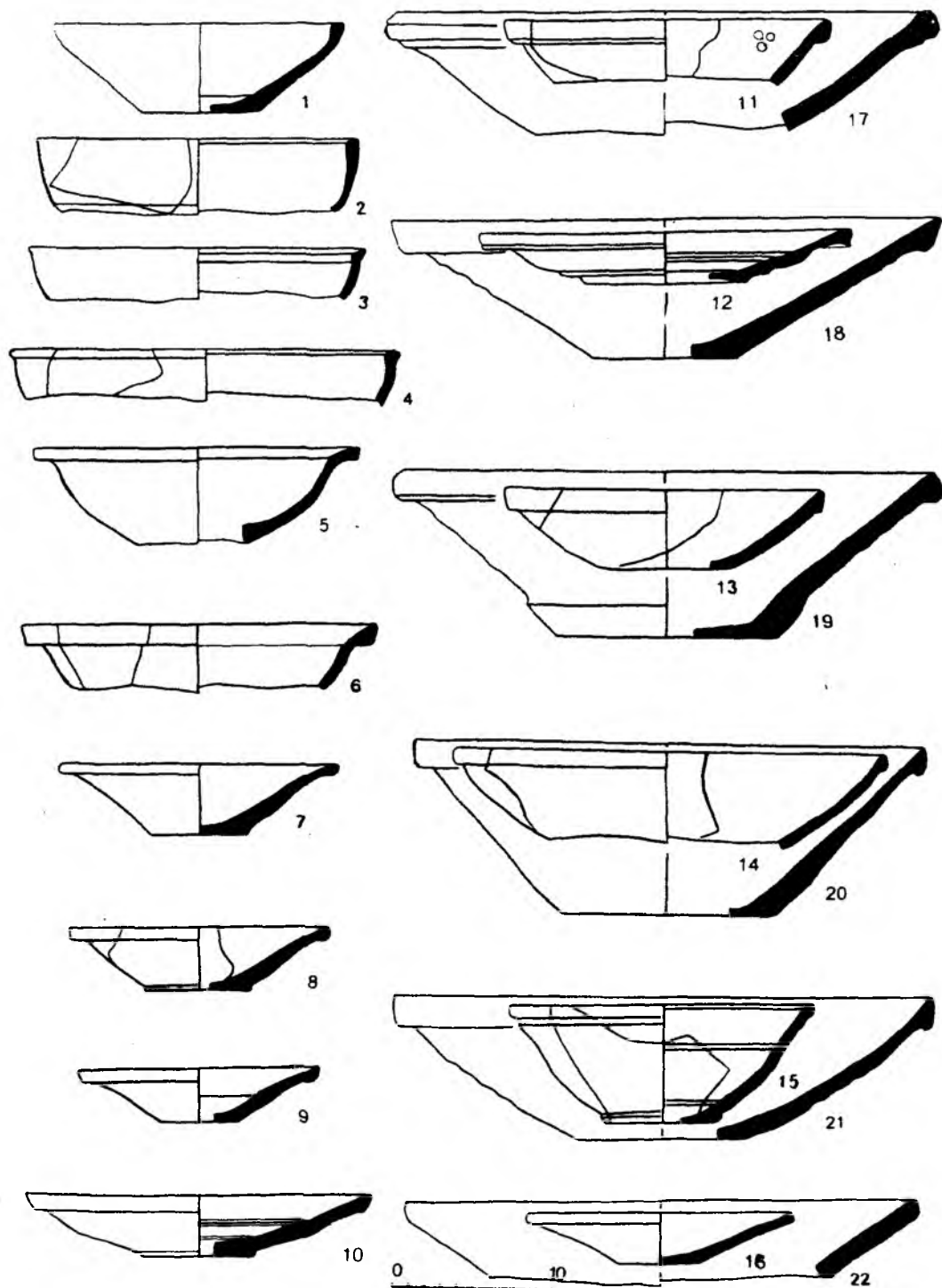


Рис. 120. Комплекс керамики ЕК-13, Еркурган.

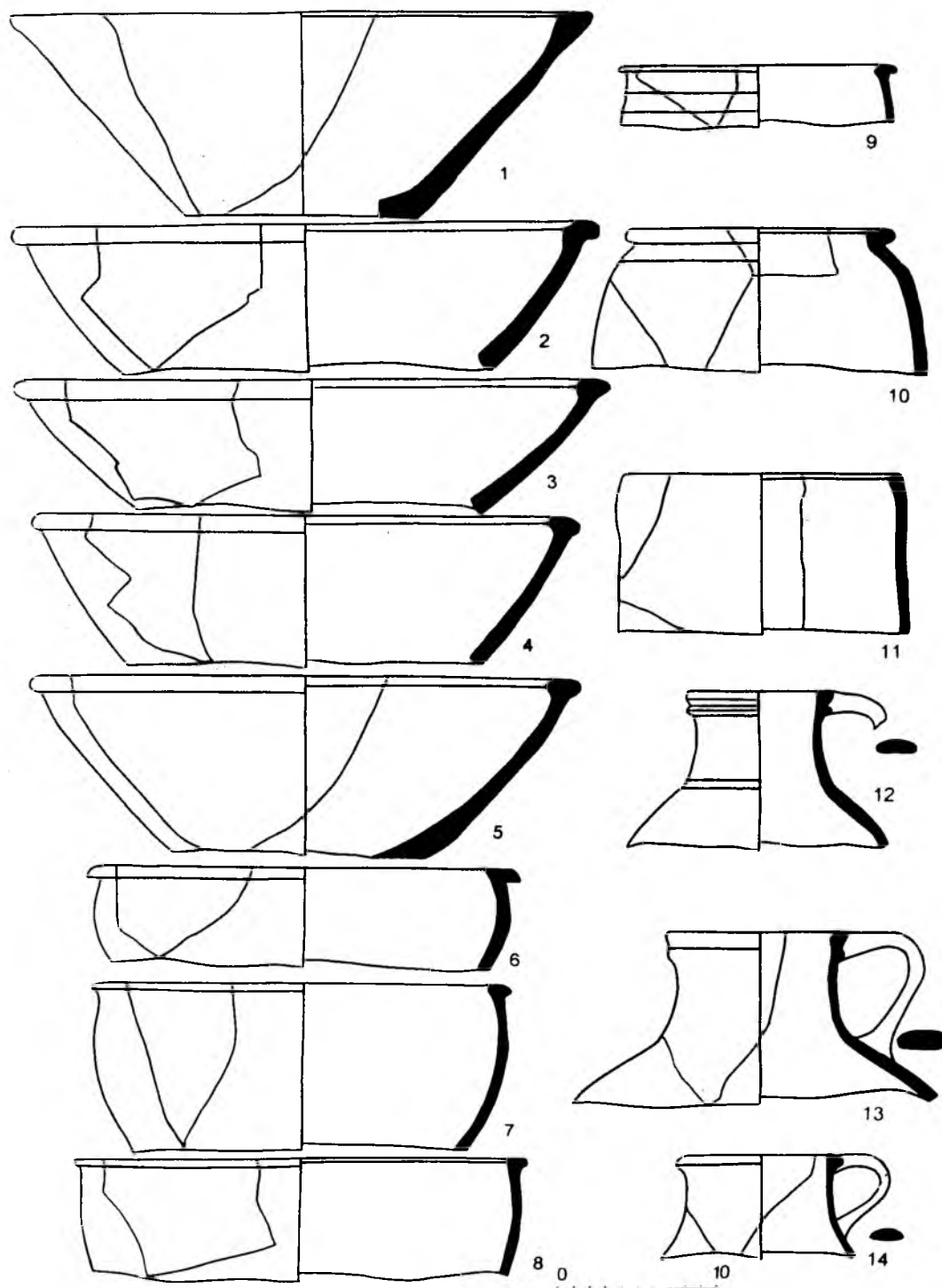


Рис. 121. Комплекс керамики ЕК-13, Еркурган.

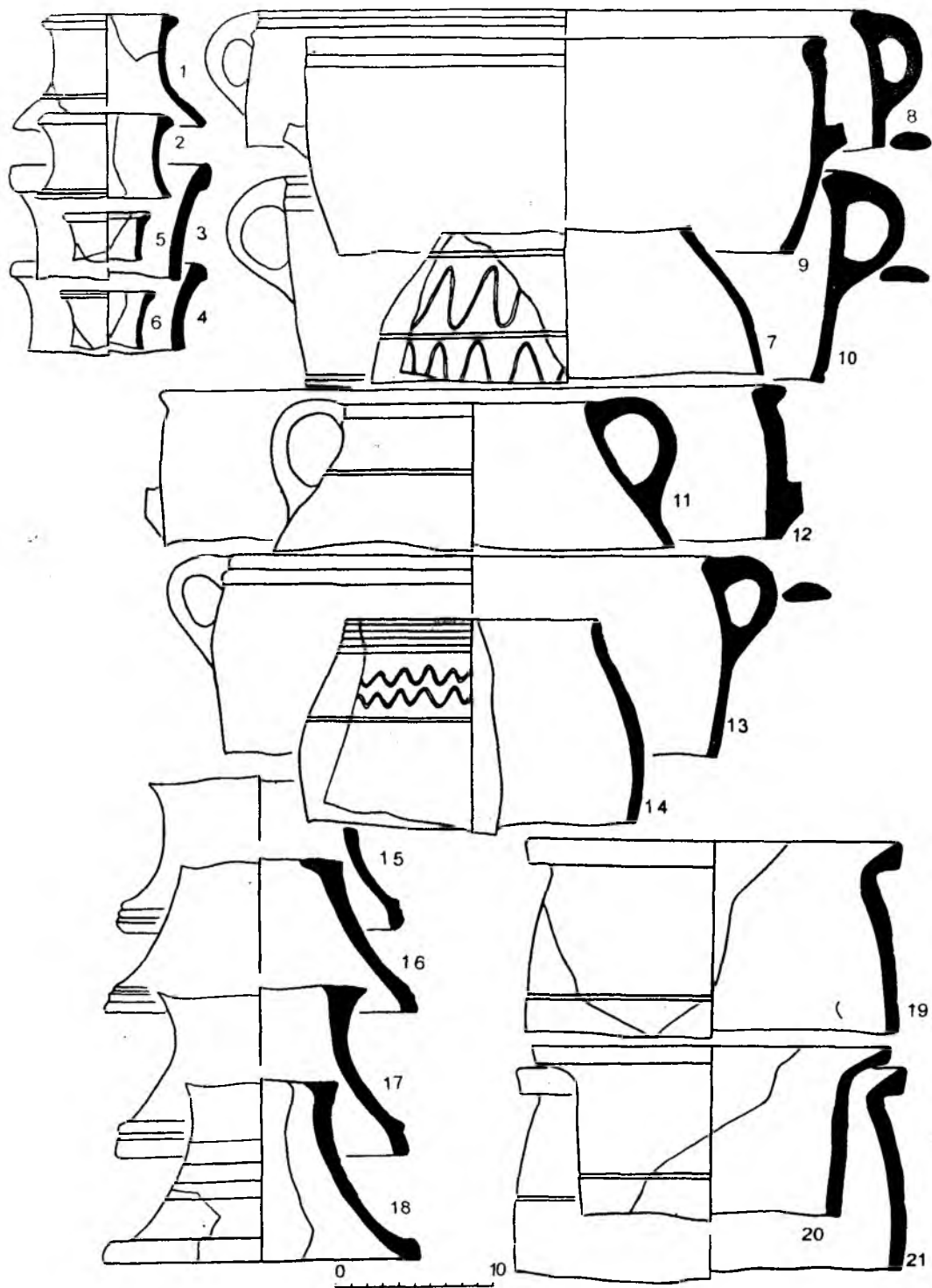


Рис. 122. Комплекс керамики ЕК-13, Еркурган.

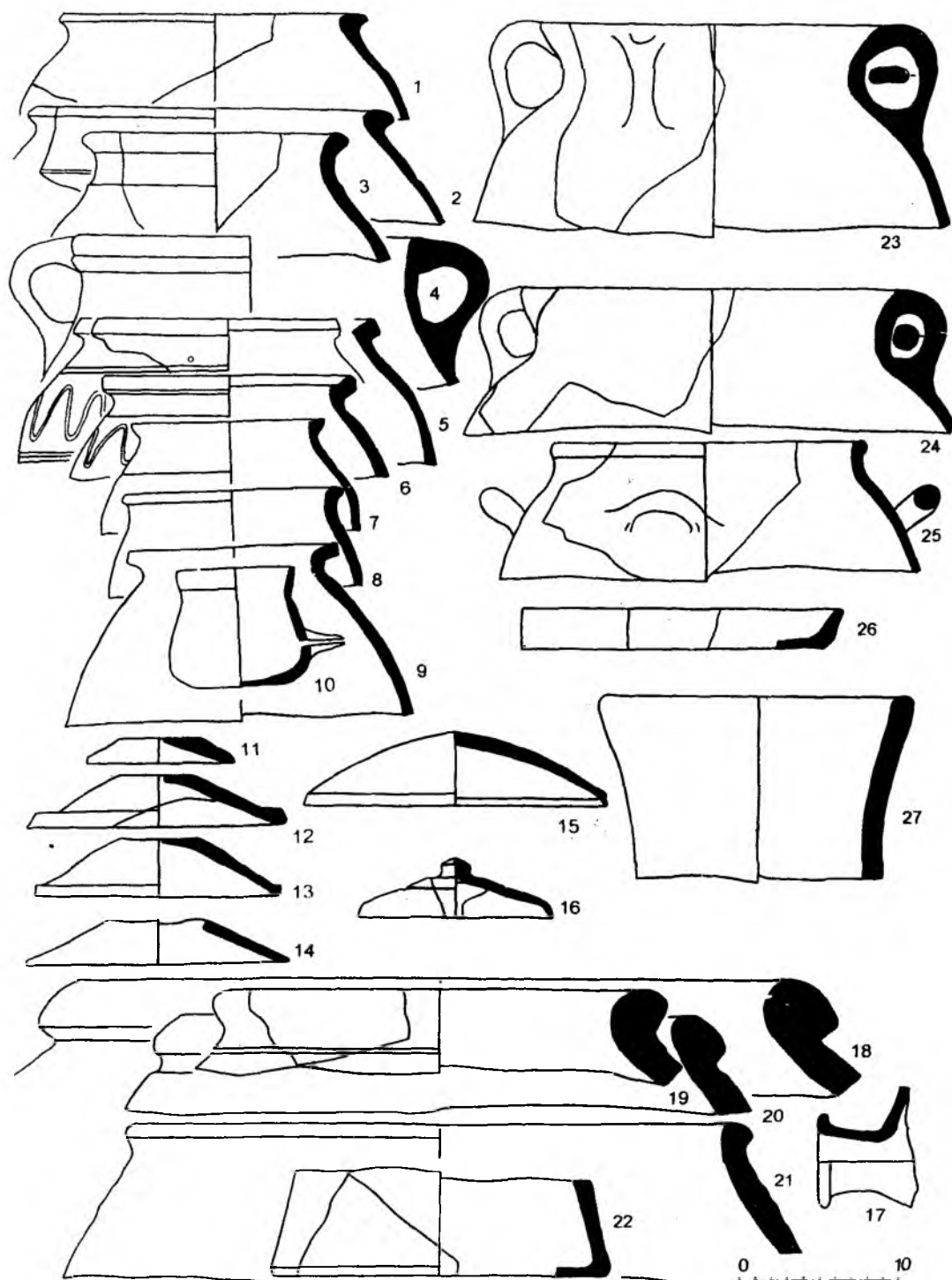


Рис. 123. Комплекс керамики ЕК-13, Еркурган.

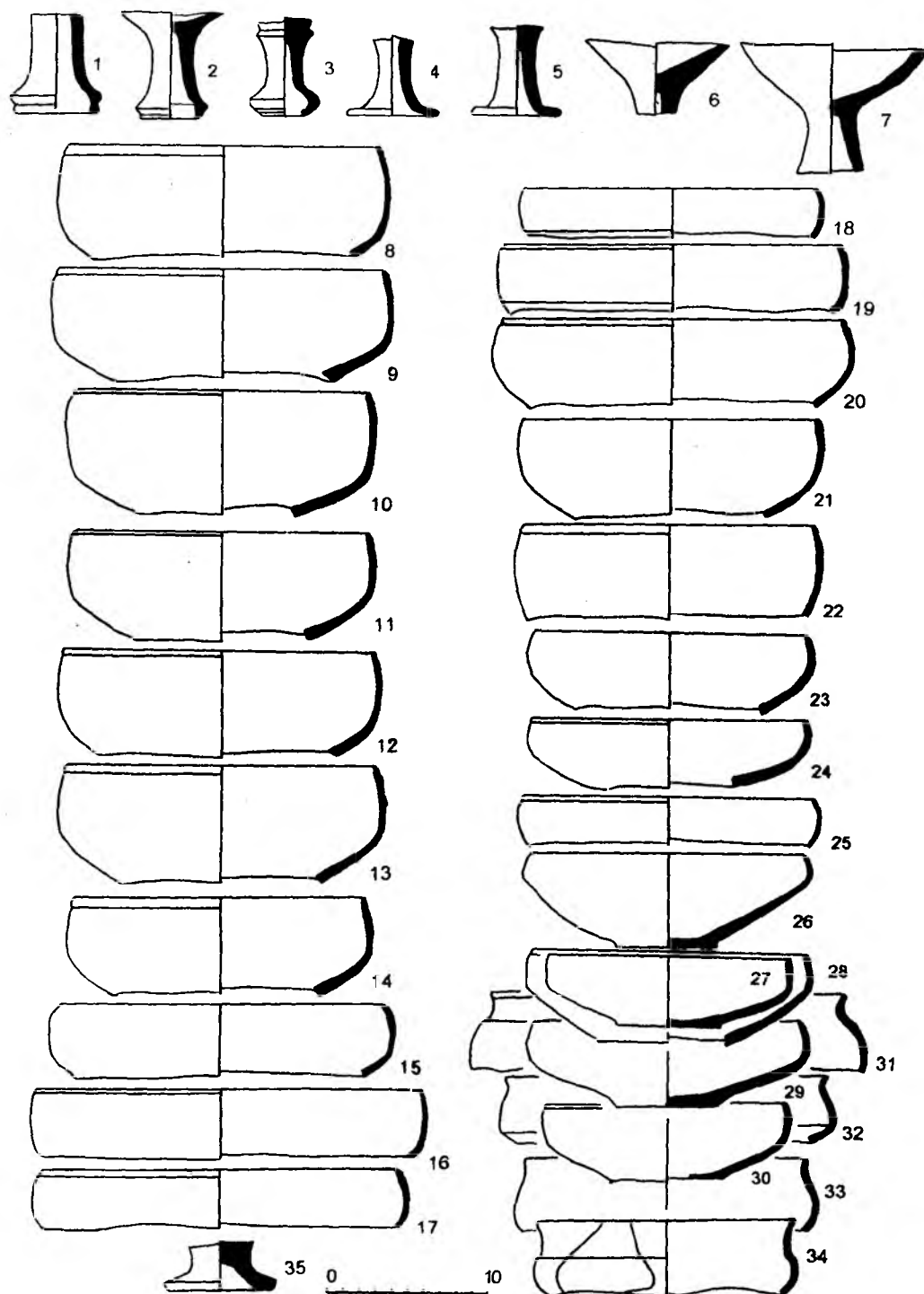


Рис. 124. Комплекс керамики ЕК-14, Еркурган.

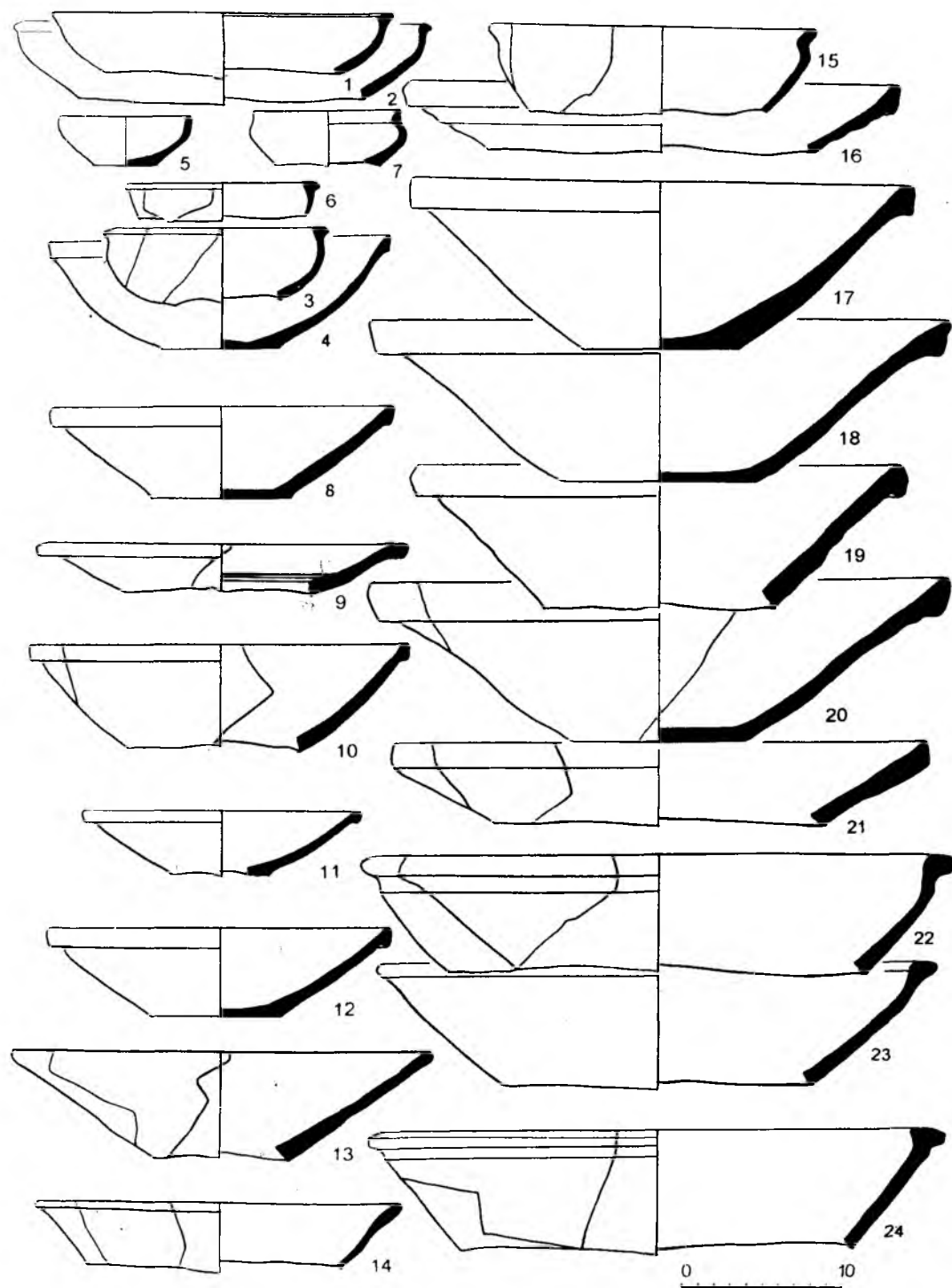


Рис. 125. Комплекс керамики ЕК-14, Еркурган.

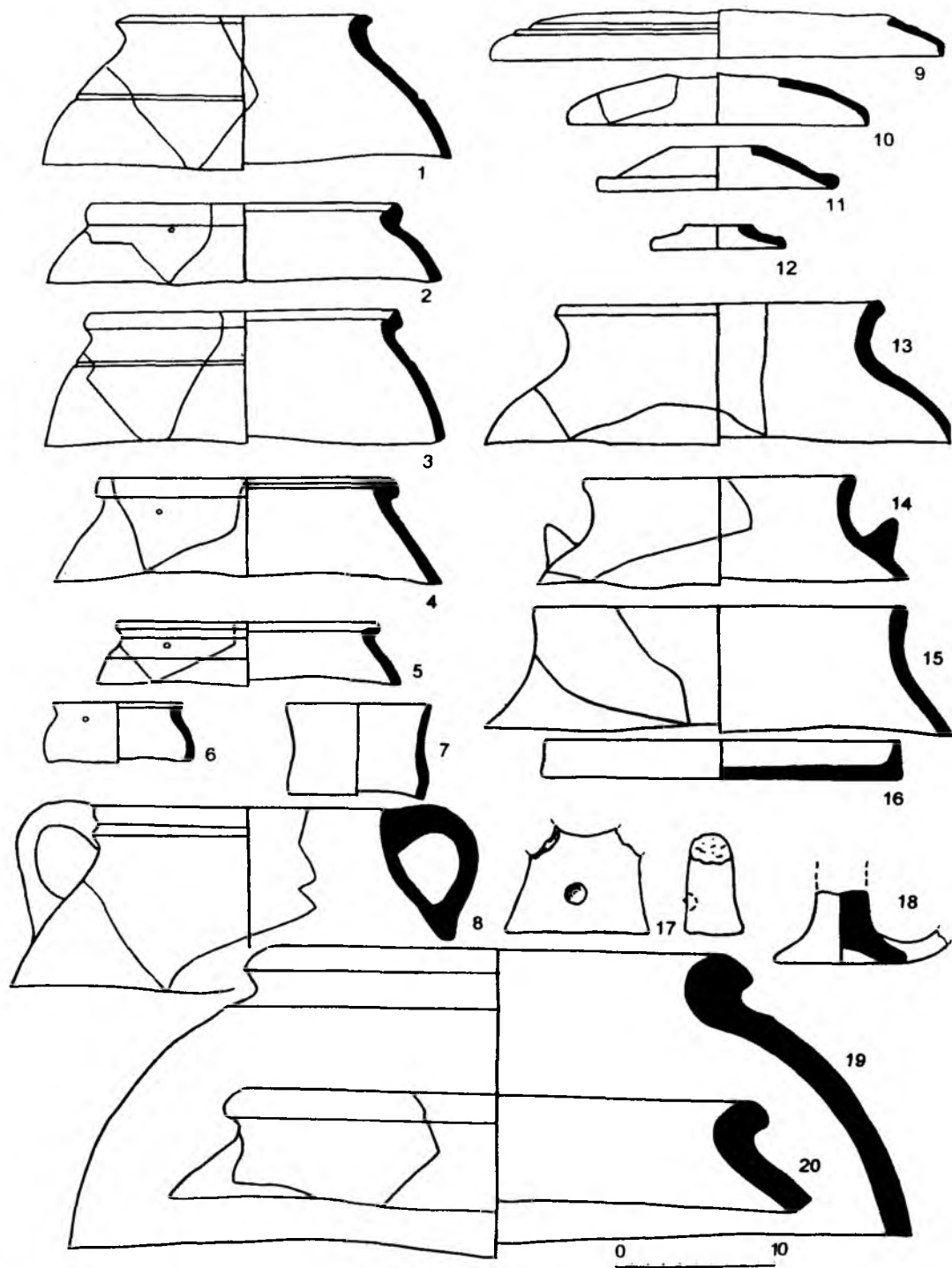


Рис. 127. Комплекс керамики ЕК-14, Еркурган.

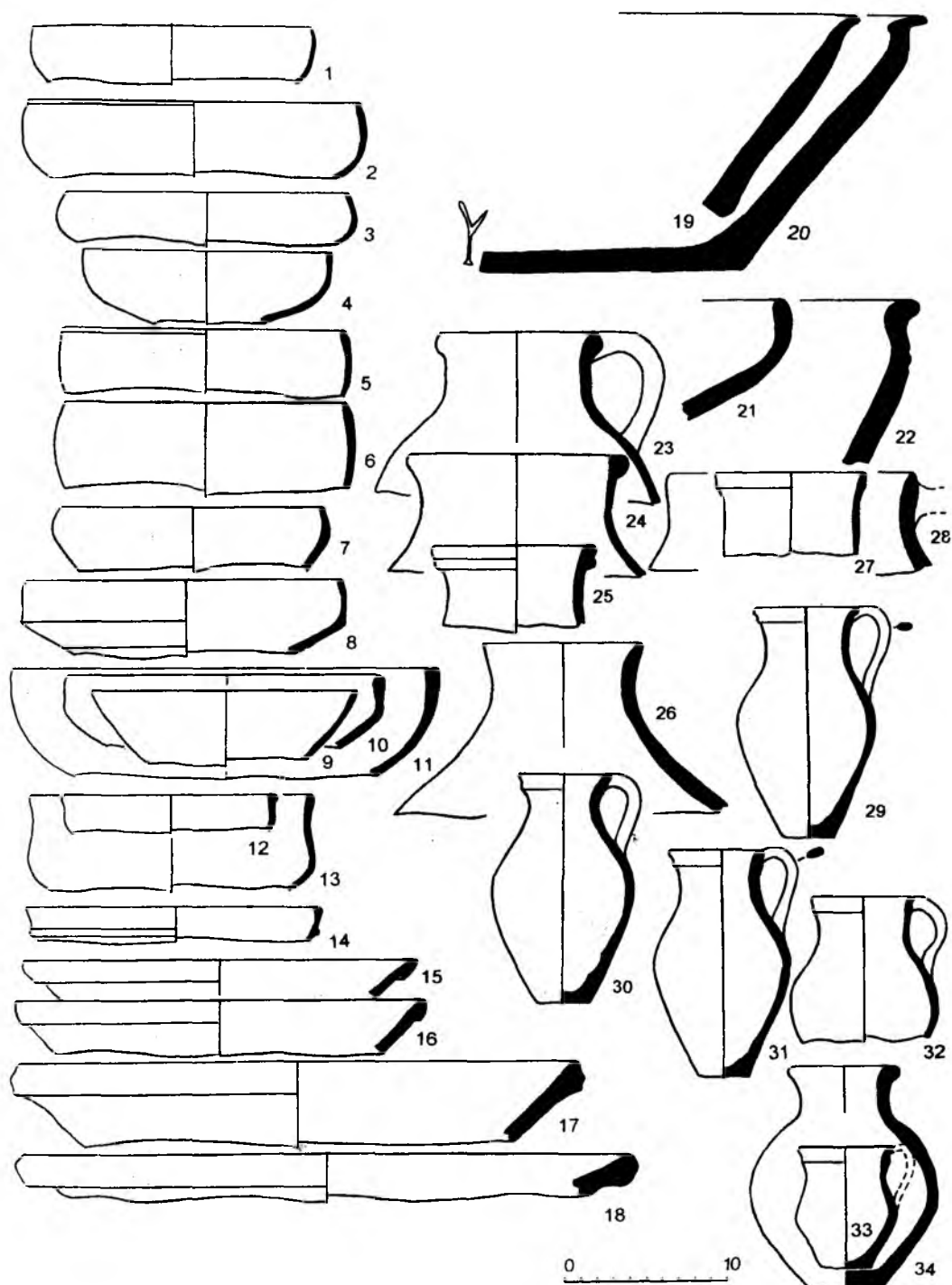


Рис. 128. Комплекс керамики ЕК-15, Еркурган.

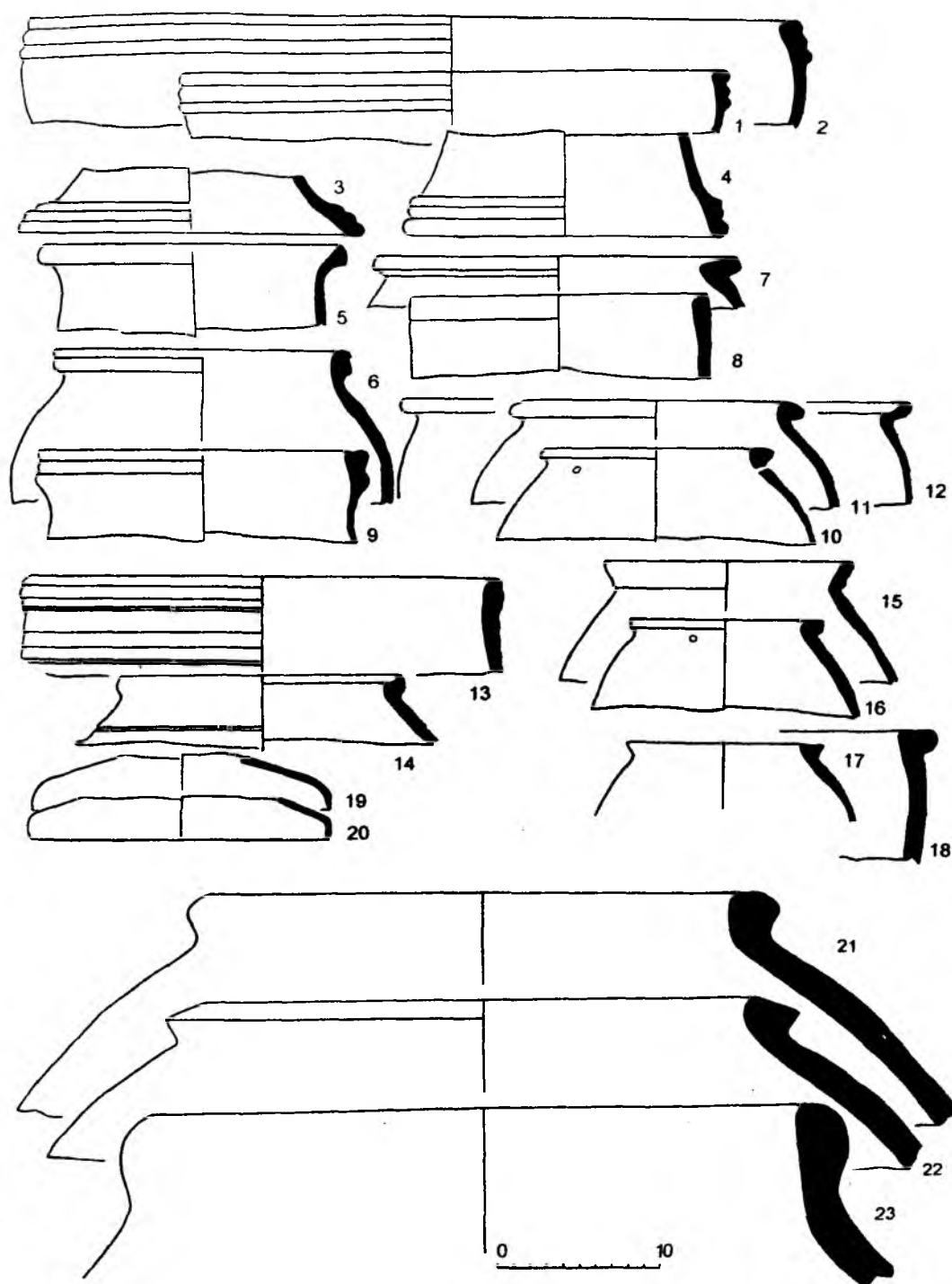


Рис. 129. Комплекс керамики ЕК-15, Еркурган.

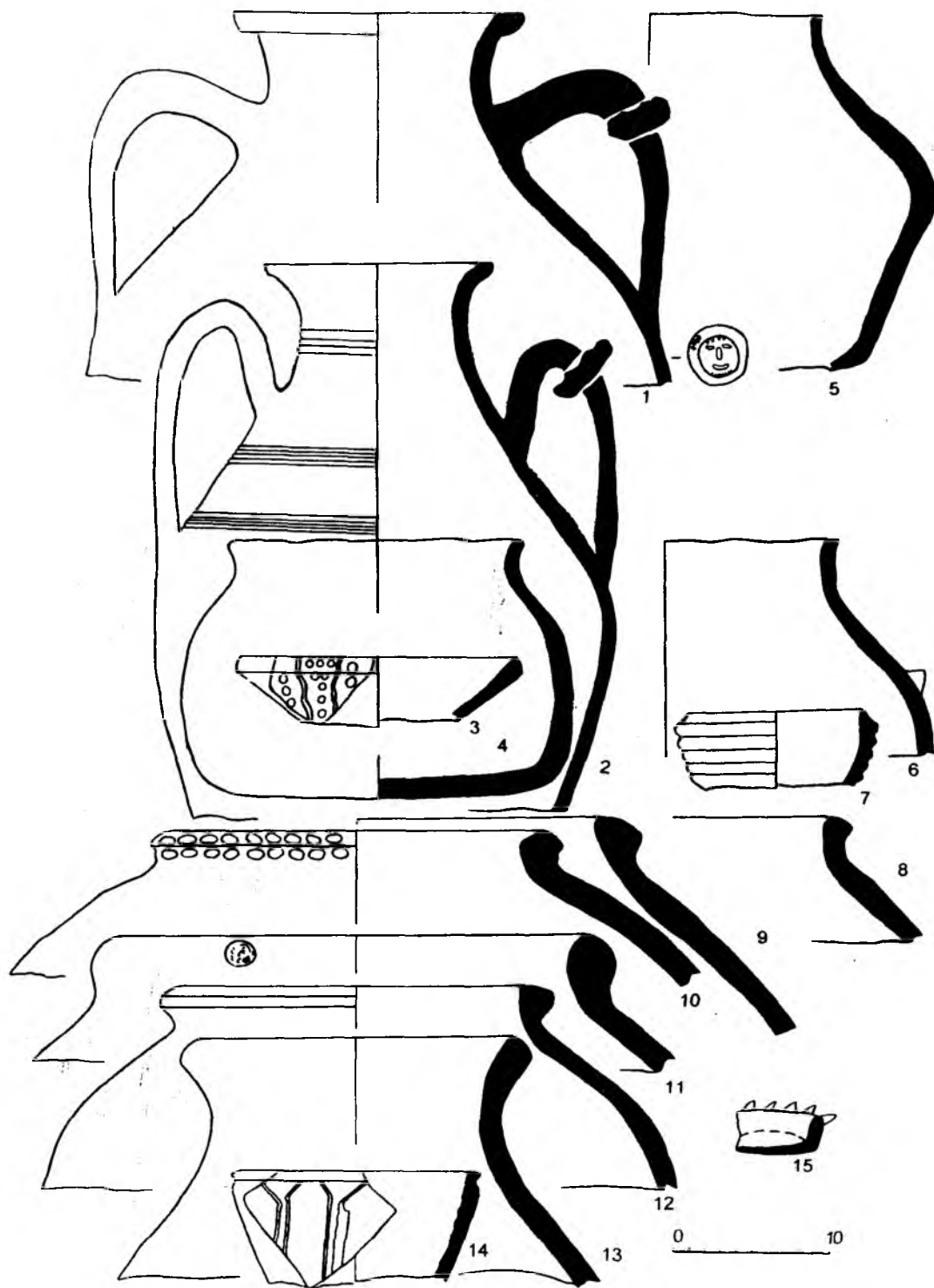


Рис. 130. Комплекс керамики ЕК-15, Еркурган.

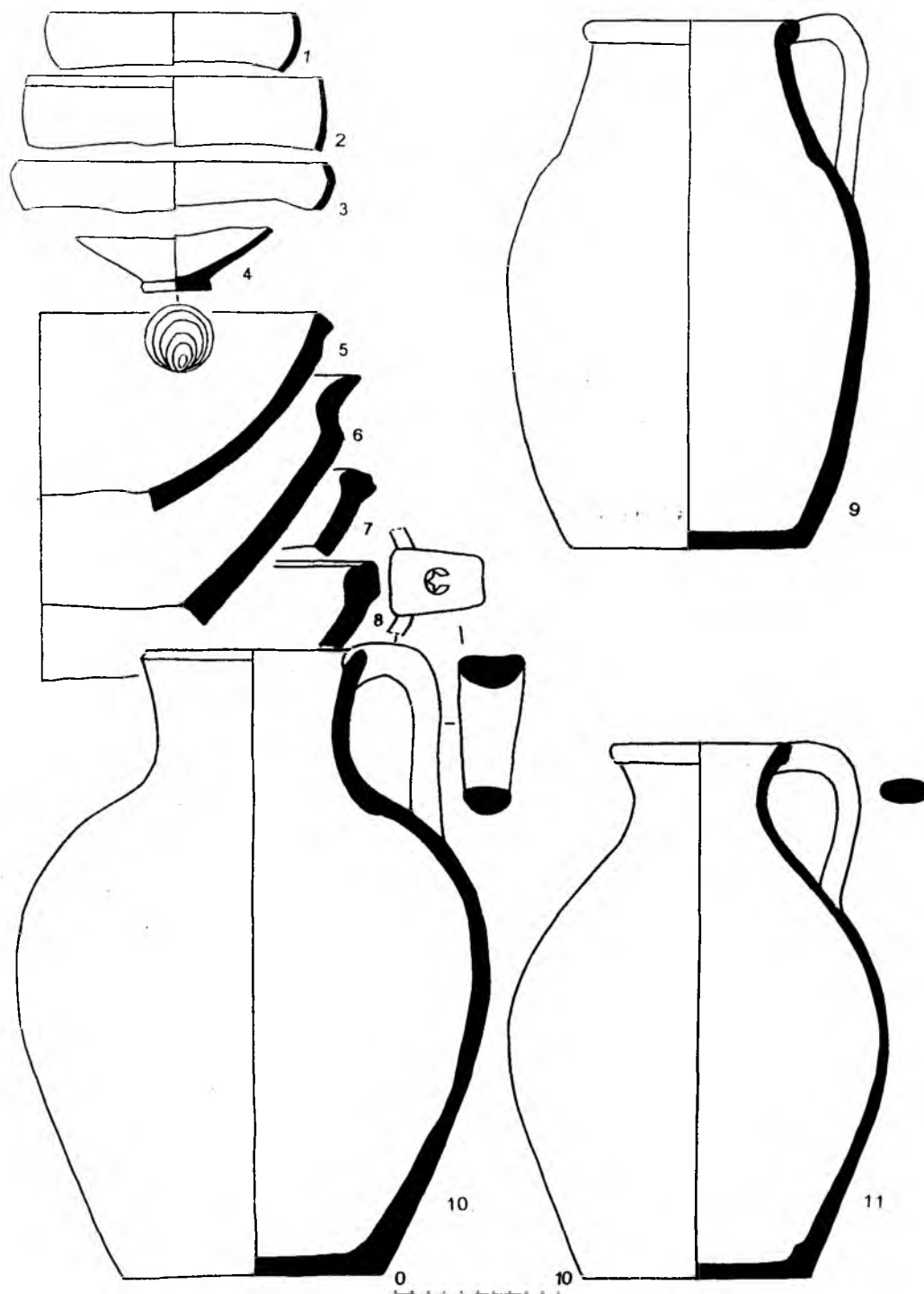


Рис. 131. Комплекс керамики ЕК-16, Кунжутлитепа.

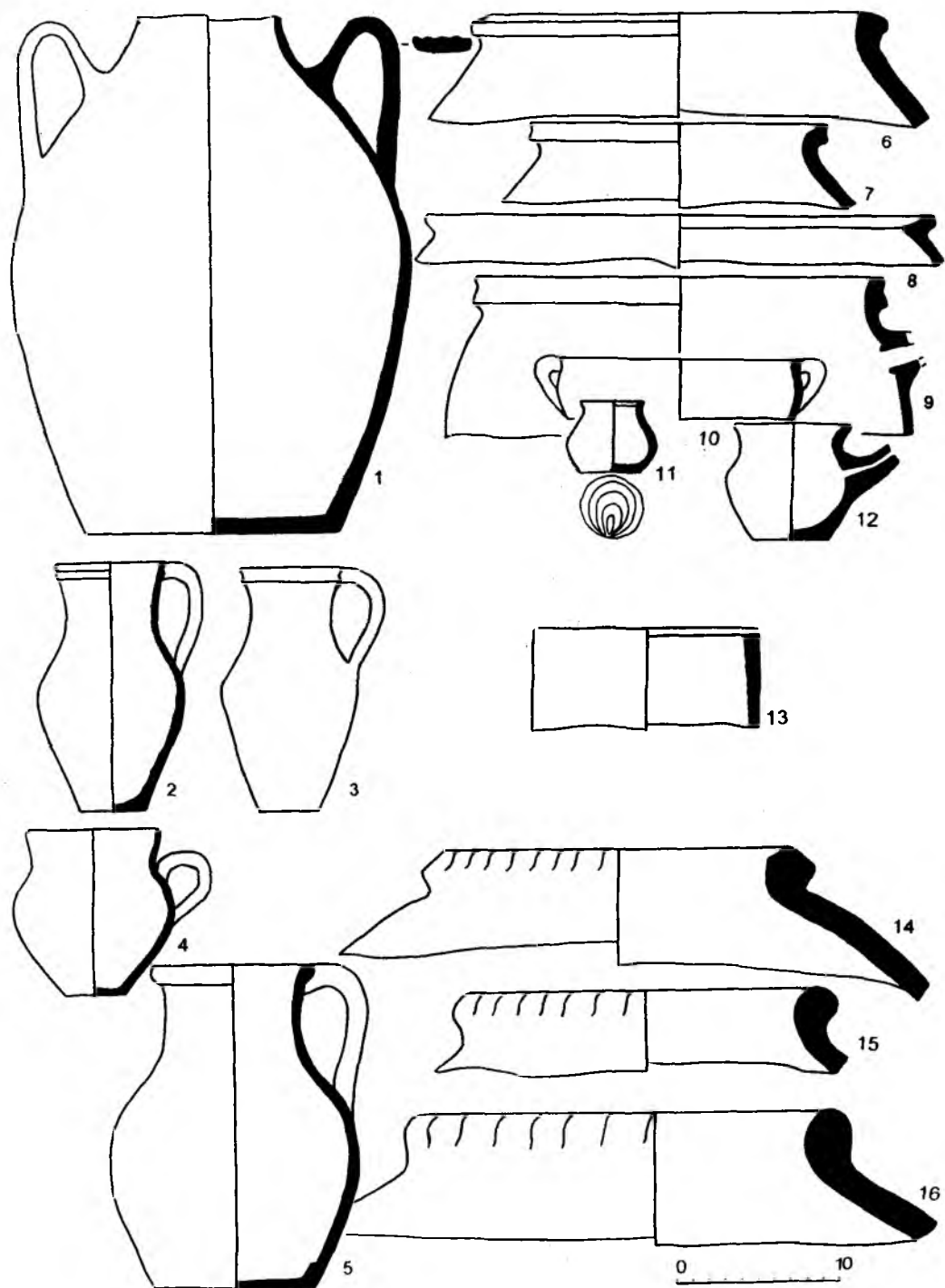


Рис. 132. Комплекс керамики ЕК-16, Кунжутлитпа.

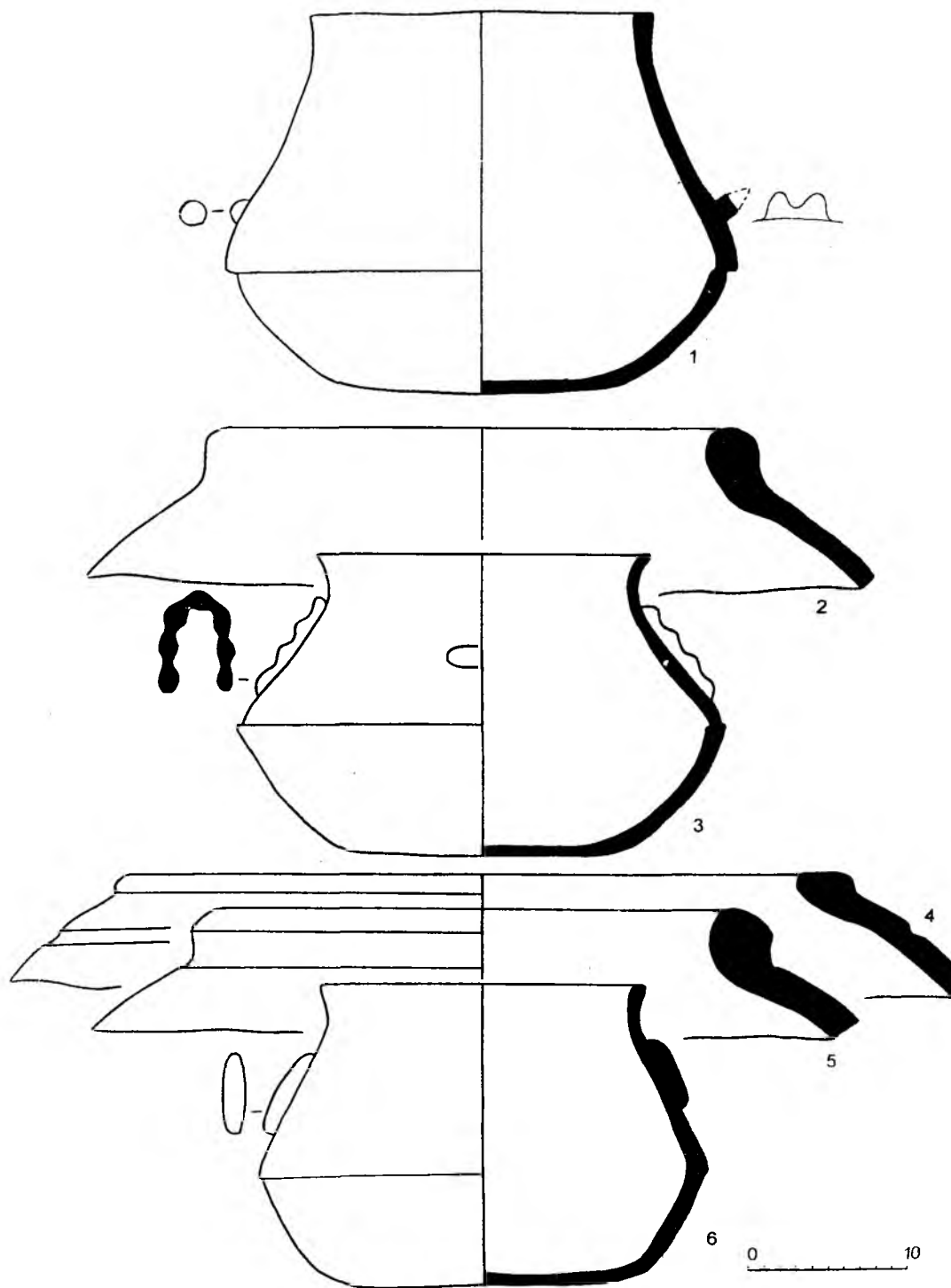


Рис. 133. Комплекс керамики ЕК-16, Кунжутлитепа.

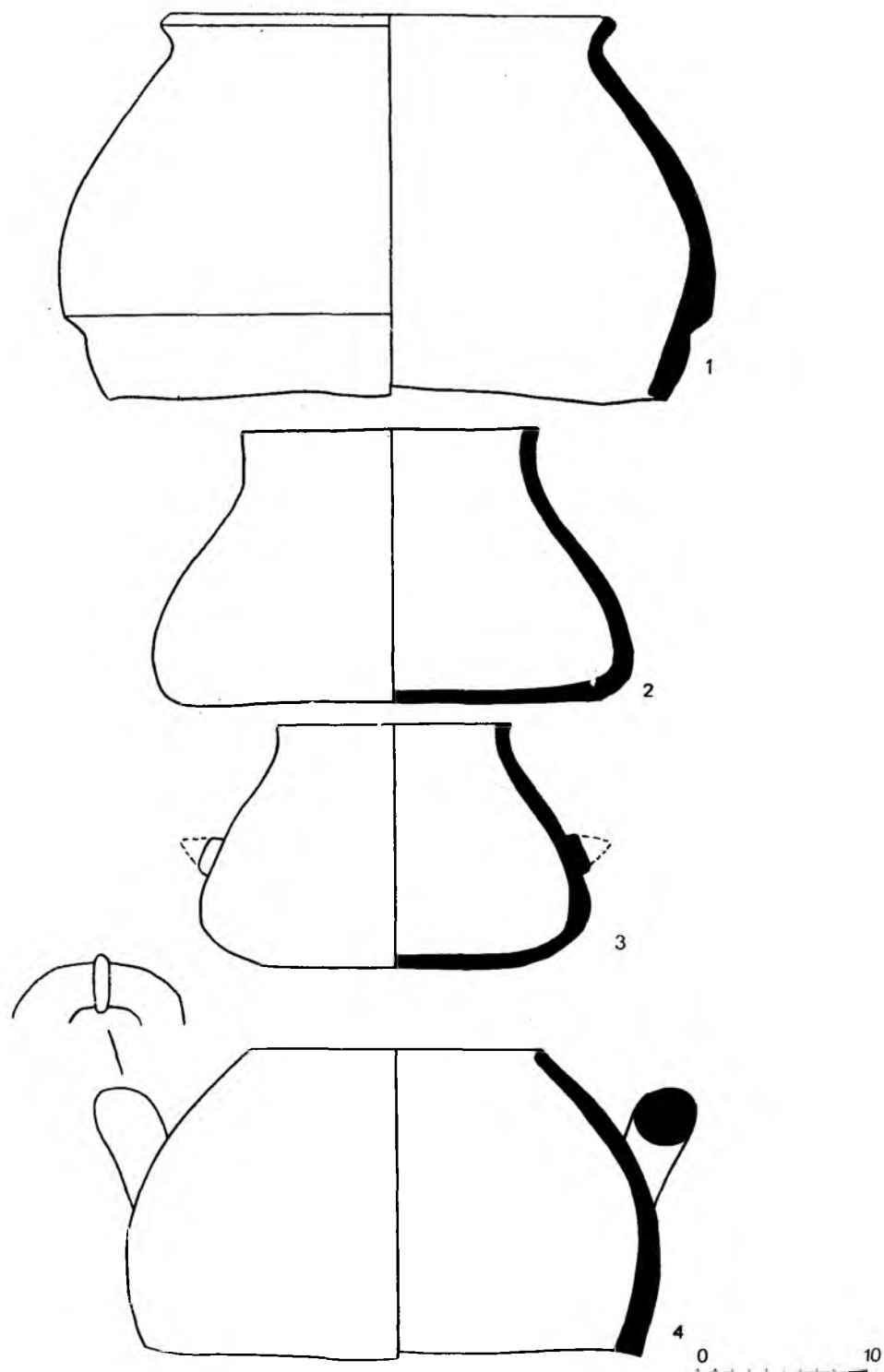


Рис. 134. Комплекс керамики ЕК-16. Кунжутлитепа.

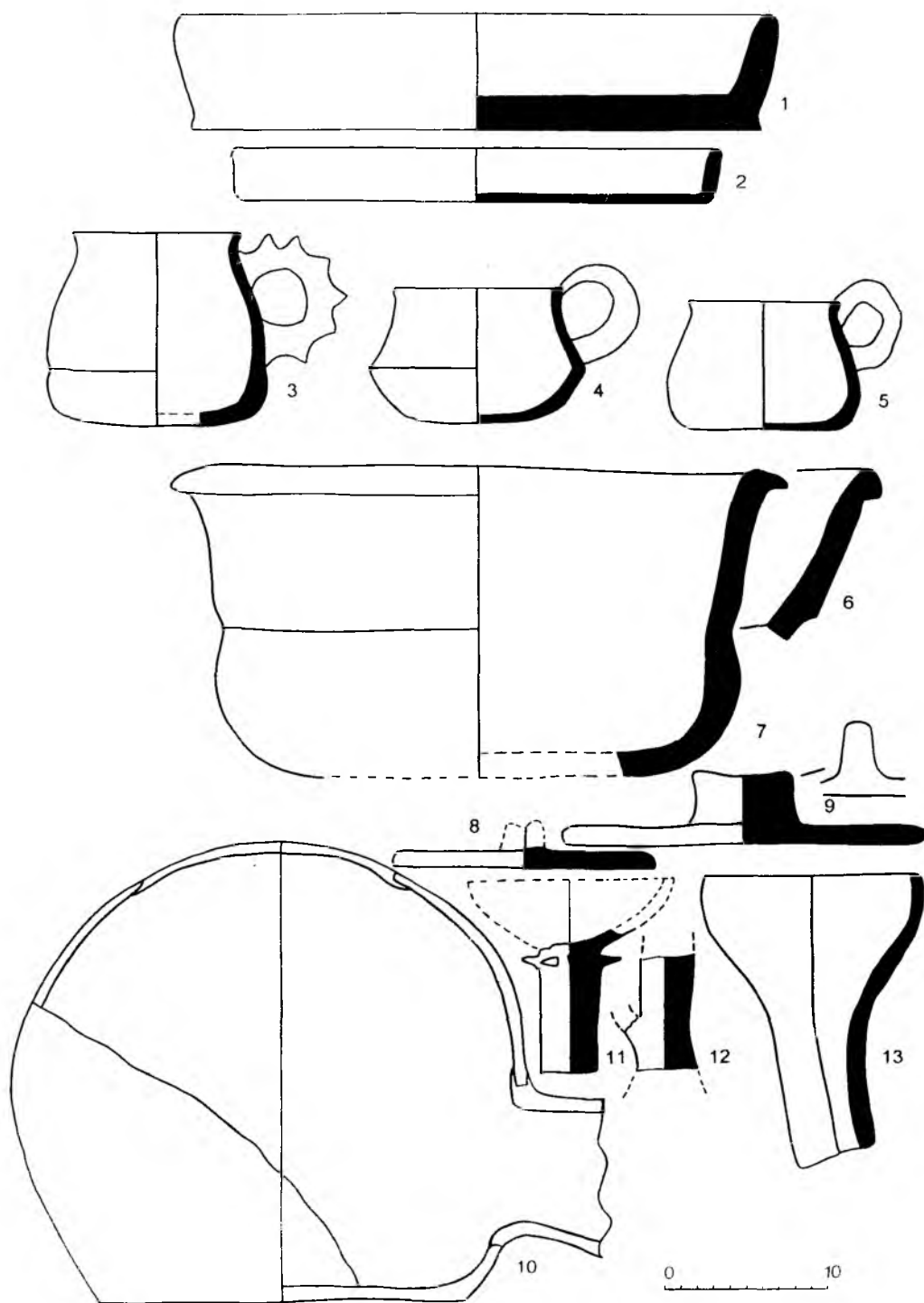


Рис. 135. Комплексе керамики ЕК-17, Коштена.

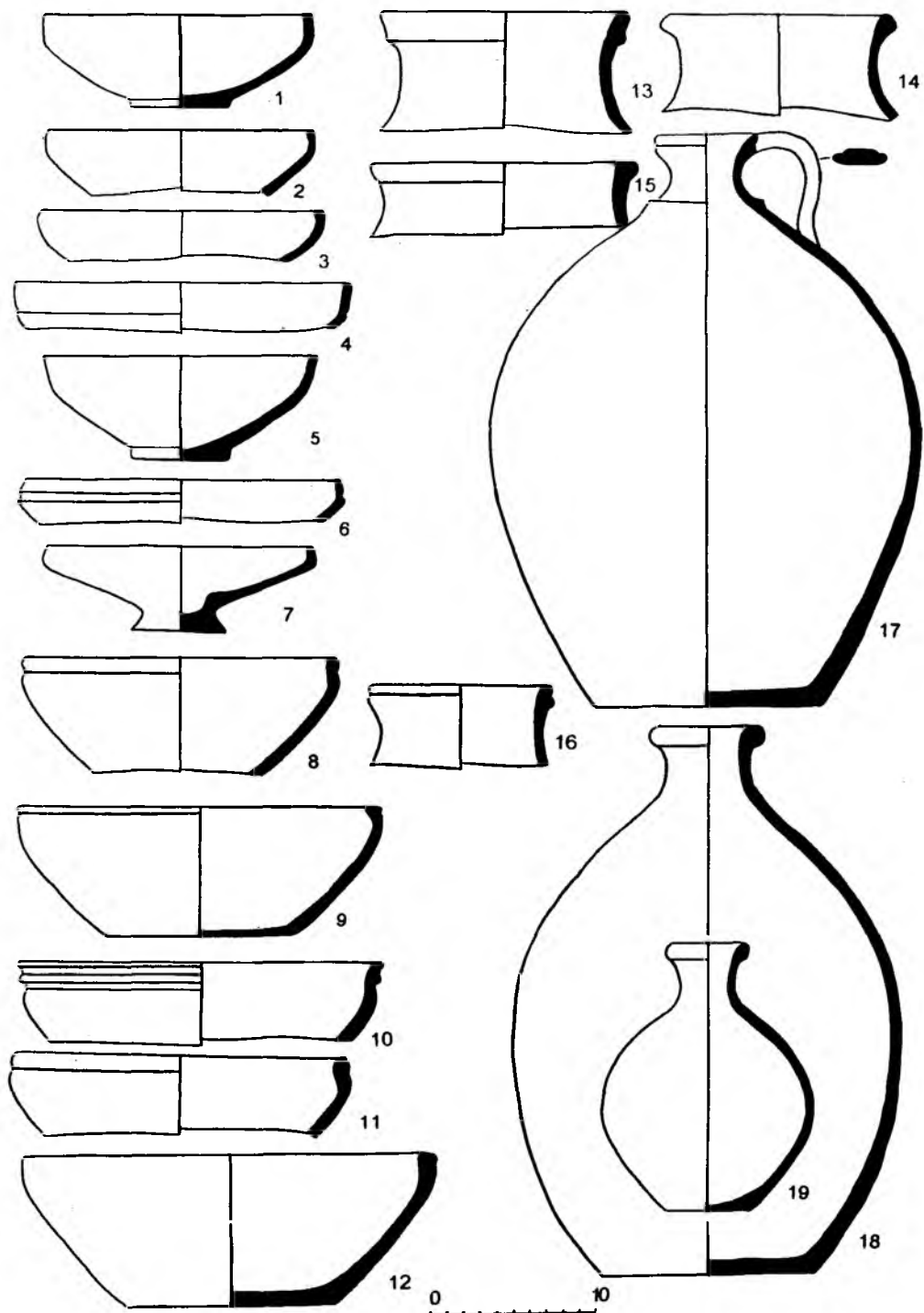


Рис. 136. Комплекс керамики ЕК-17, Коштeпa.

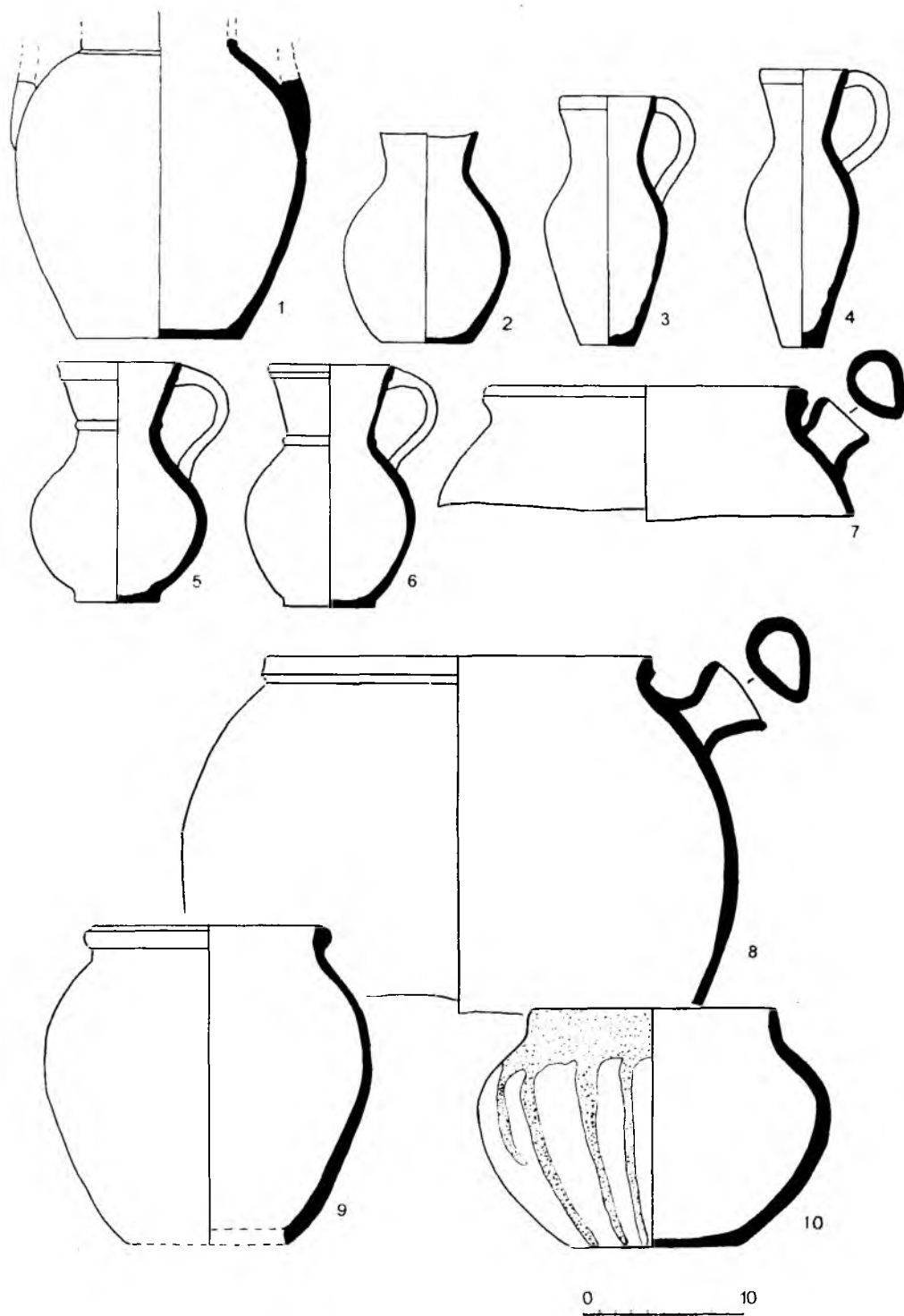


Рис. 137. Комплекс керамики ЕК-17. Коштета.

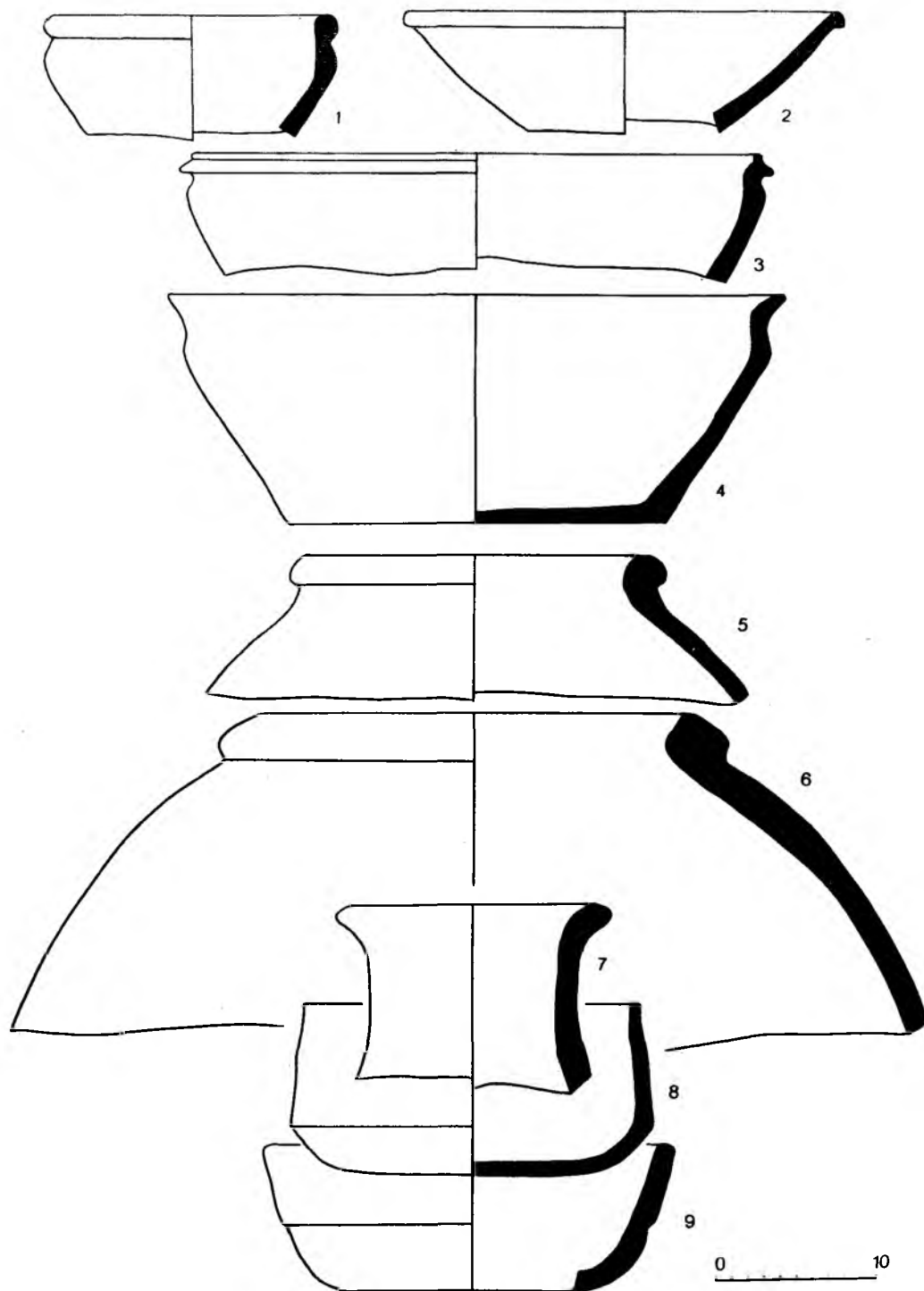


Рис. 138. Комплекс керамики ЕК-17, Коштепа.

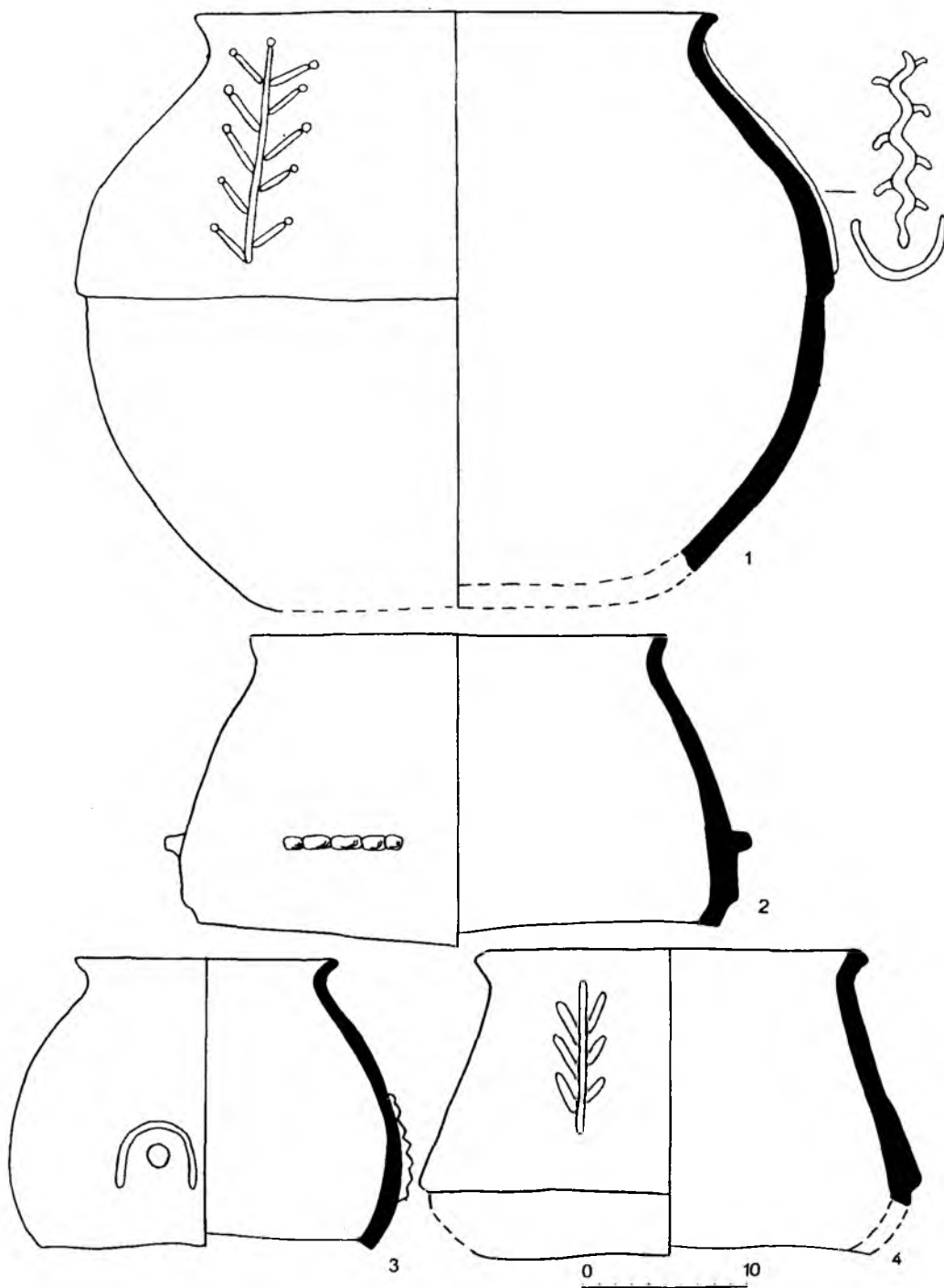


Рис. 139. Комплекс керамики ЕК-17, Коштепа.

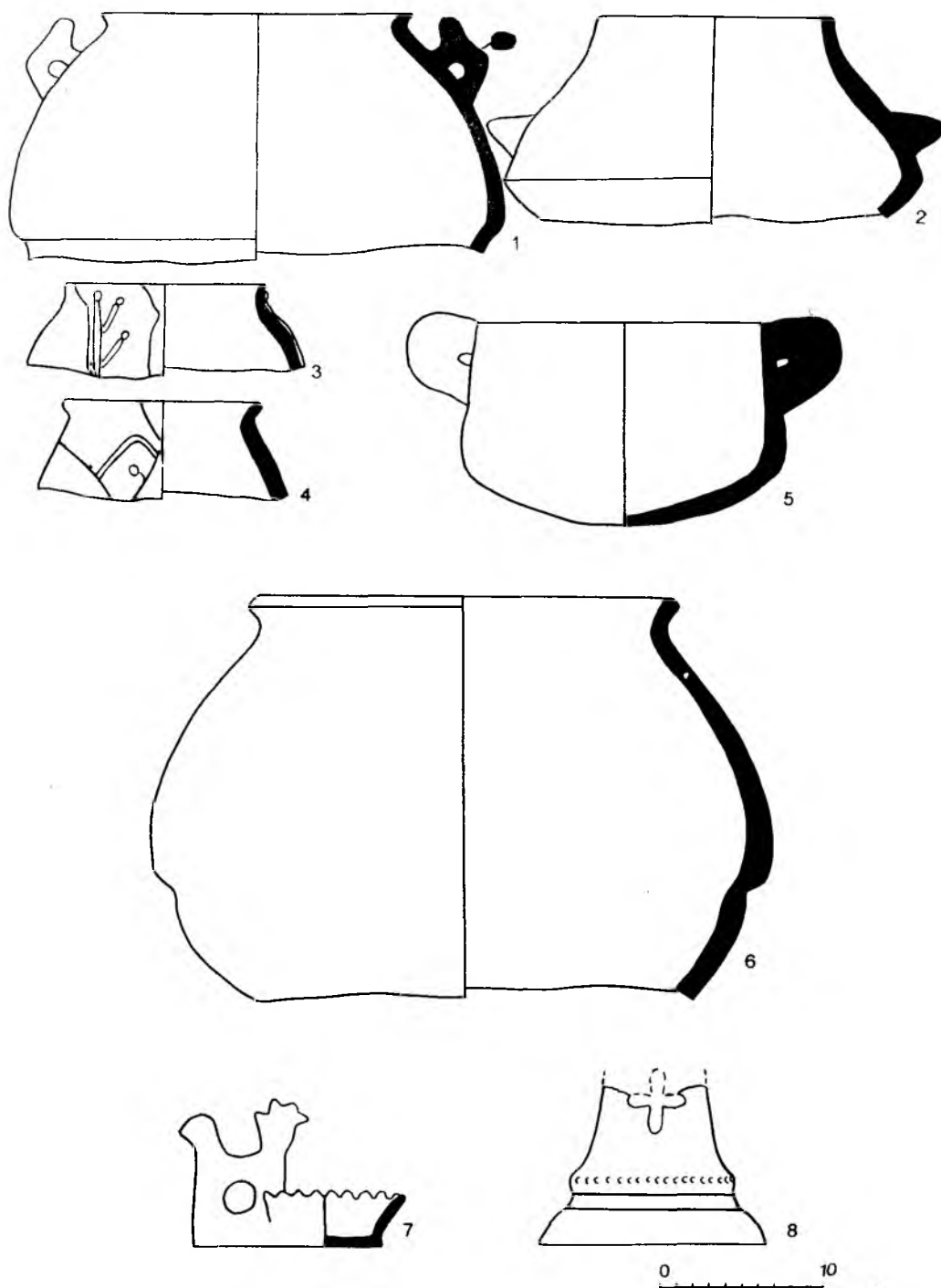


Рис. 140. Комплекс керамики ЕК-17, Коштепа.

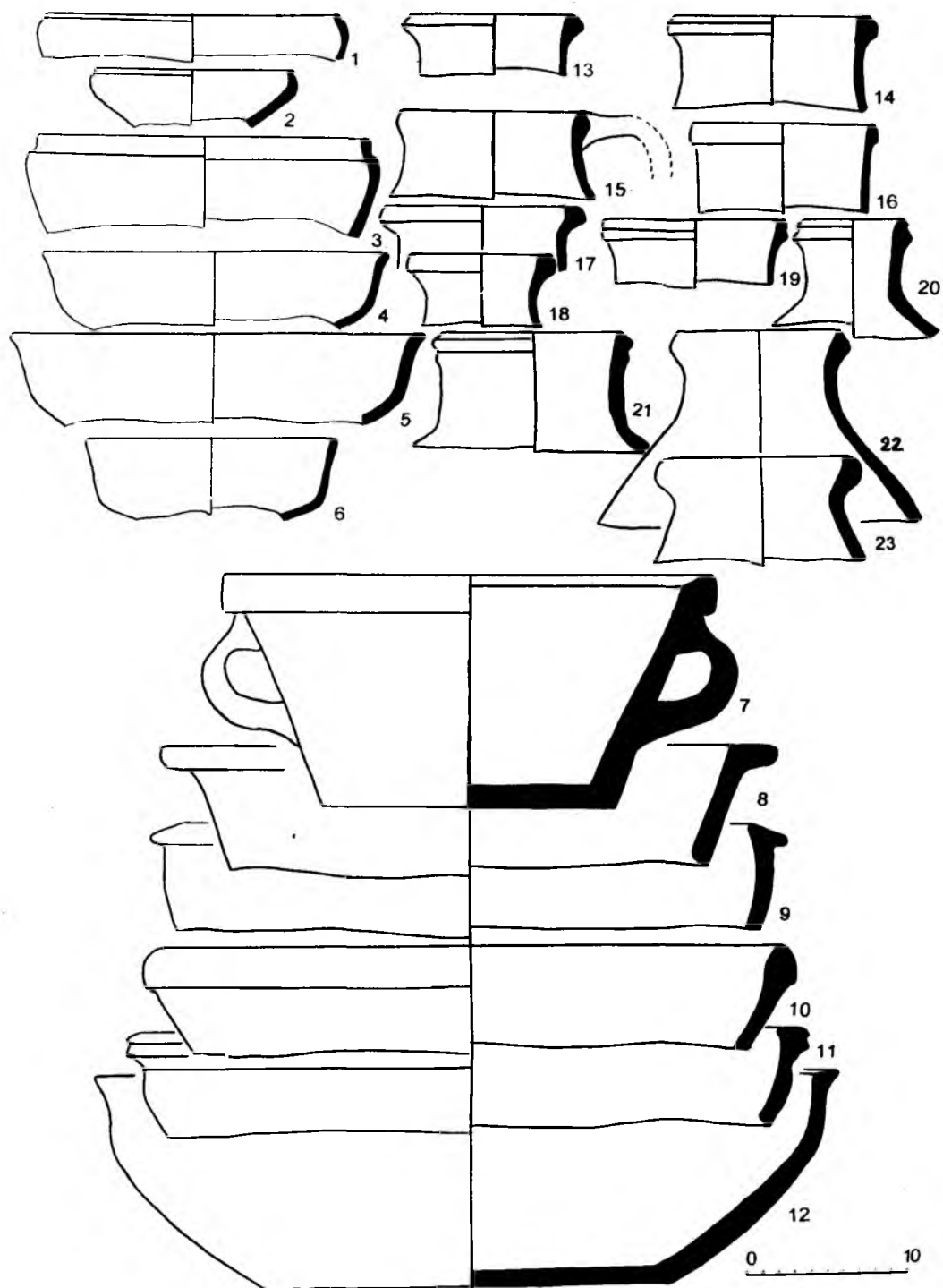


Рис. 141. Комплекс керамики ЕК-18, Еркурган.

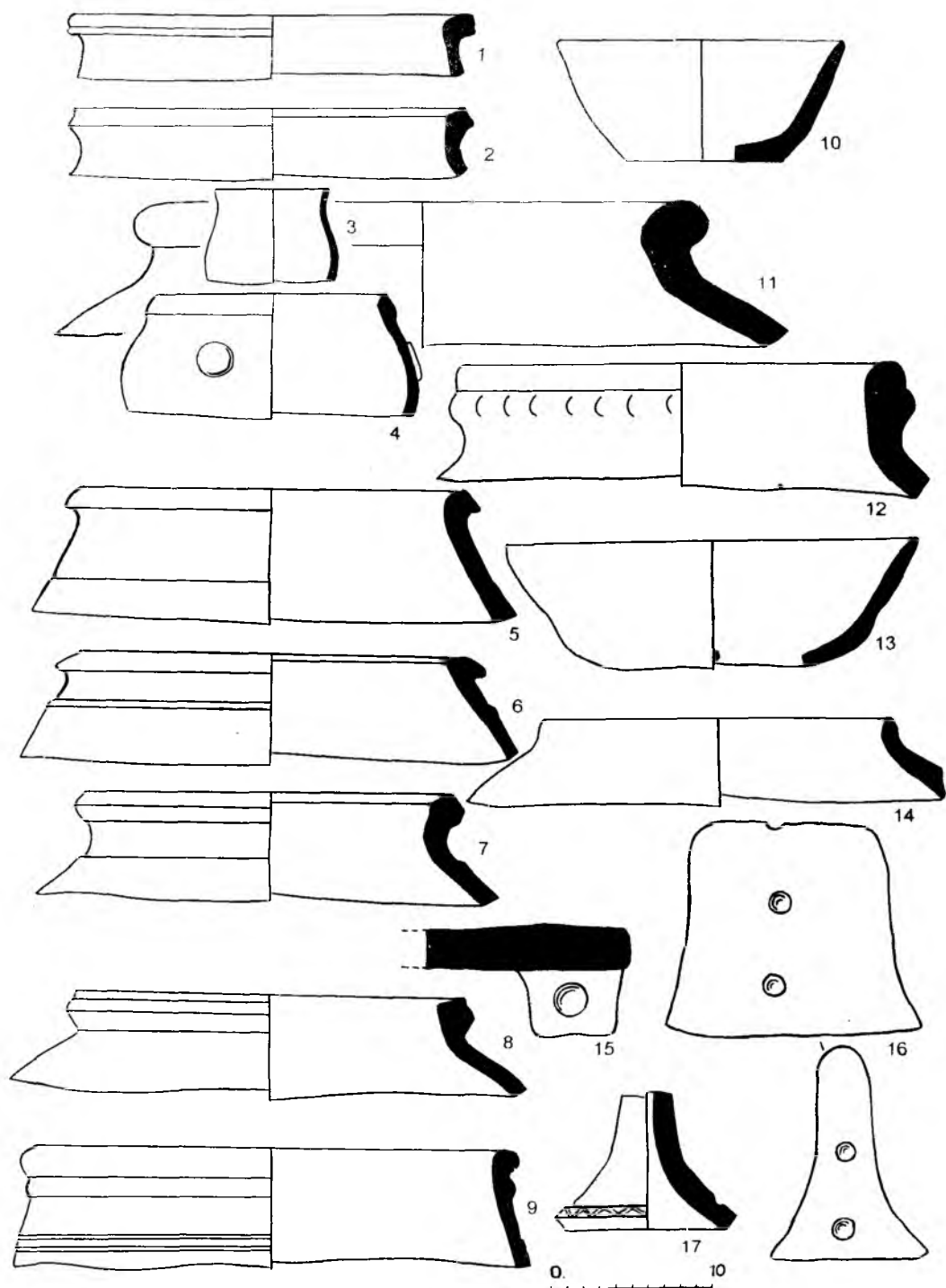


Рис. 142. Комплекс керамики ЕК-18, Еркурган.



1



2



3



4



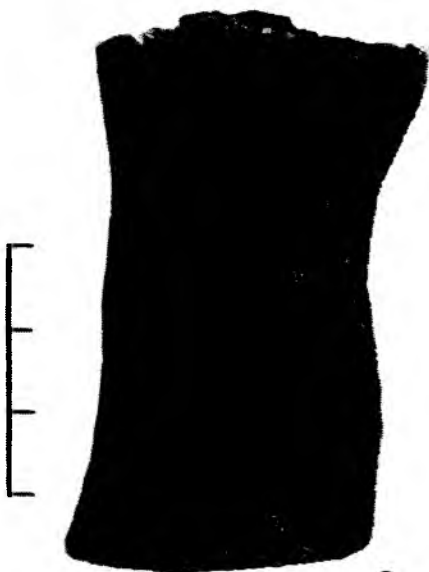
Рис. 143. Терракота III-I вв. до н. э.



1



2



3



4

Рис. 144. Терракота I-II вв.

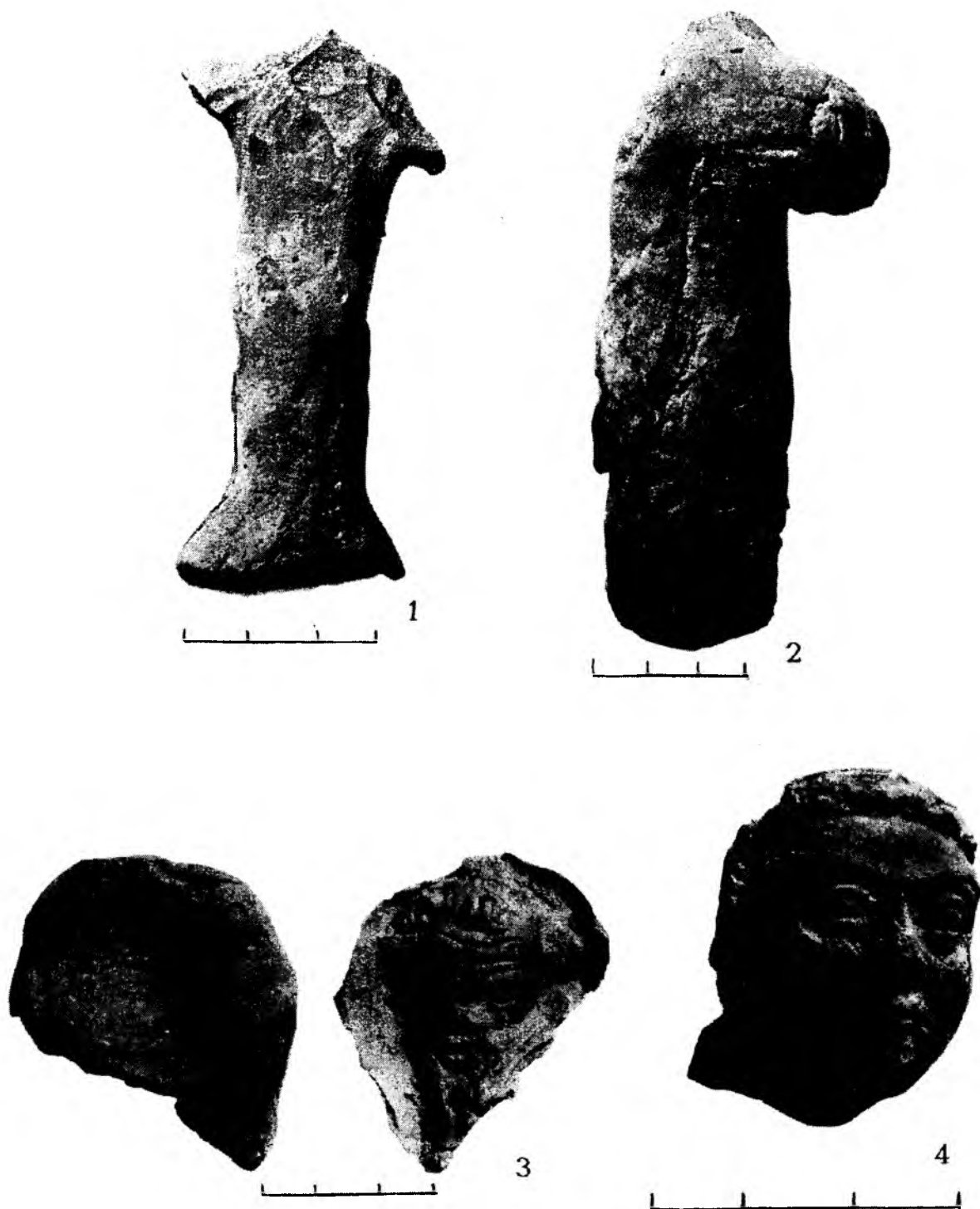
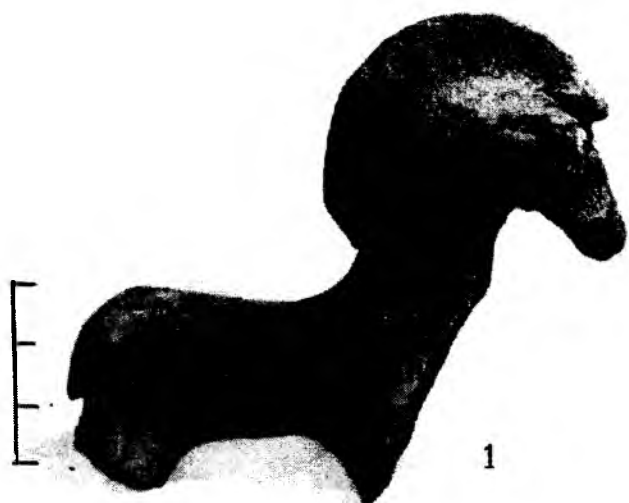


Рис. 145. Терракота I-II вв.



Рис. 146. Терракота I-II вв.



1



2



3



4

Рис. 147. Терракота I-II вв.

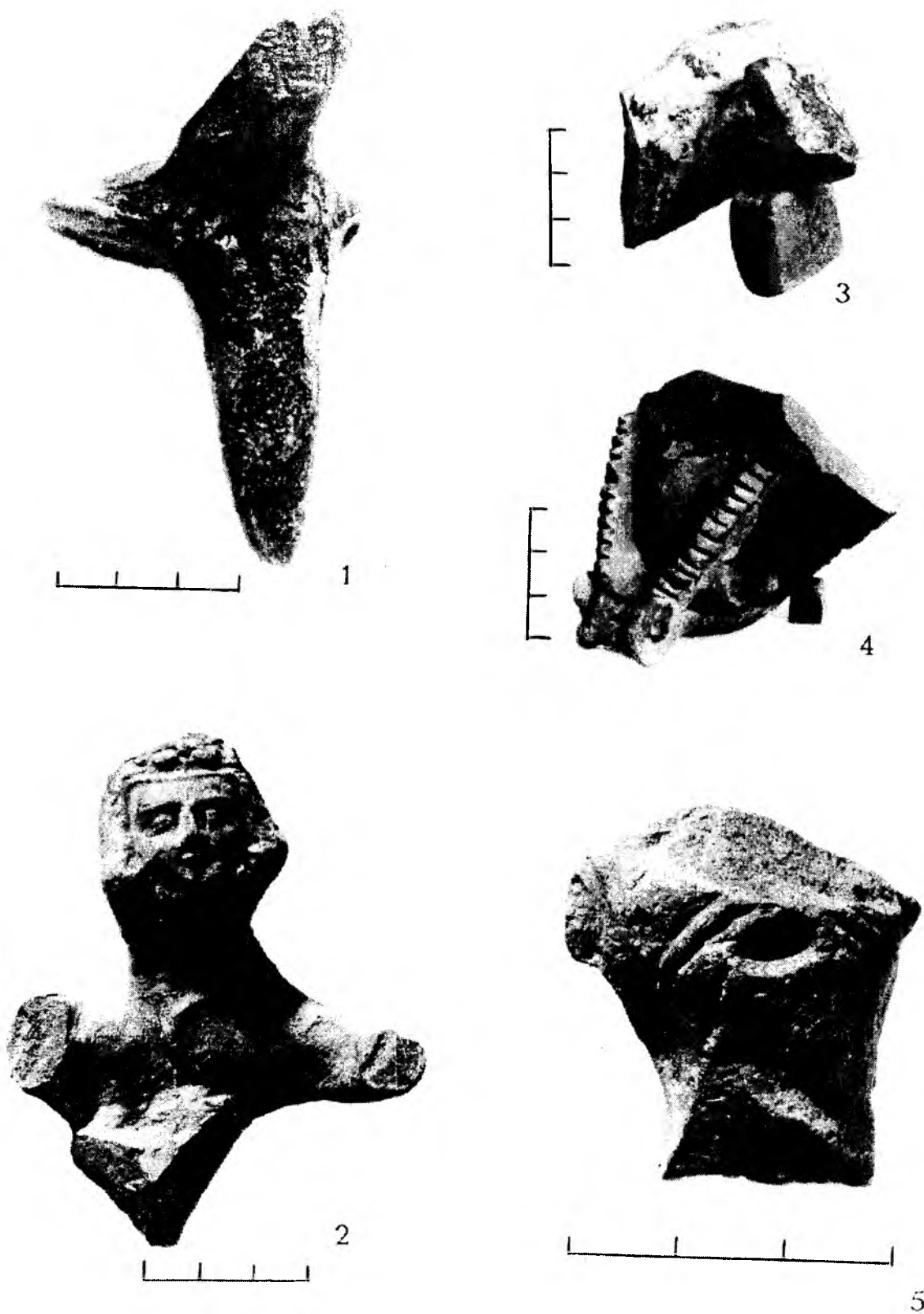


Рис. 148. Терракота I-II вв.

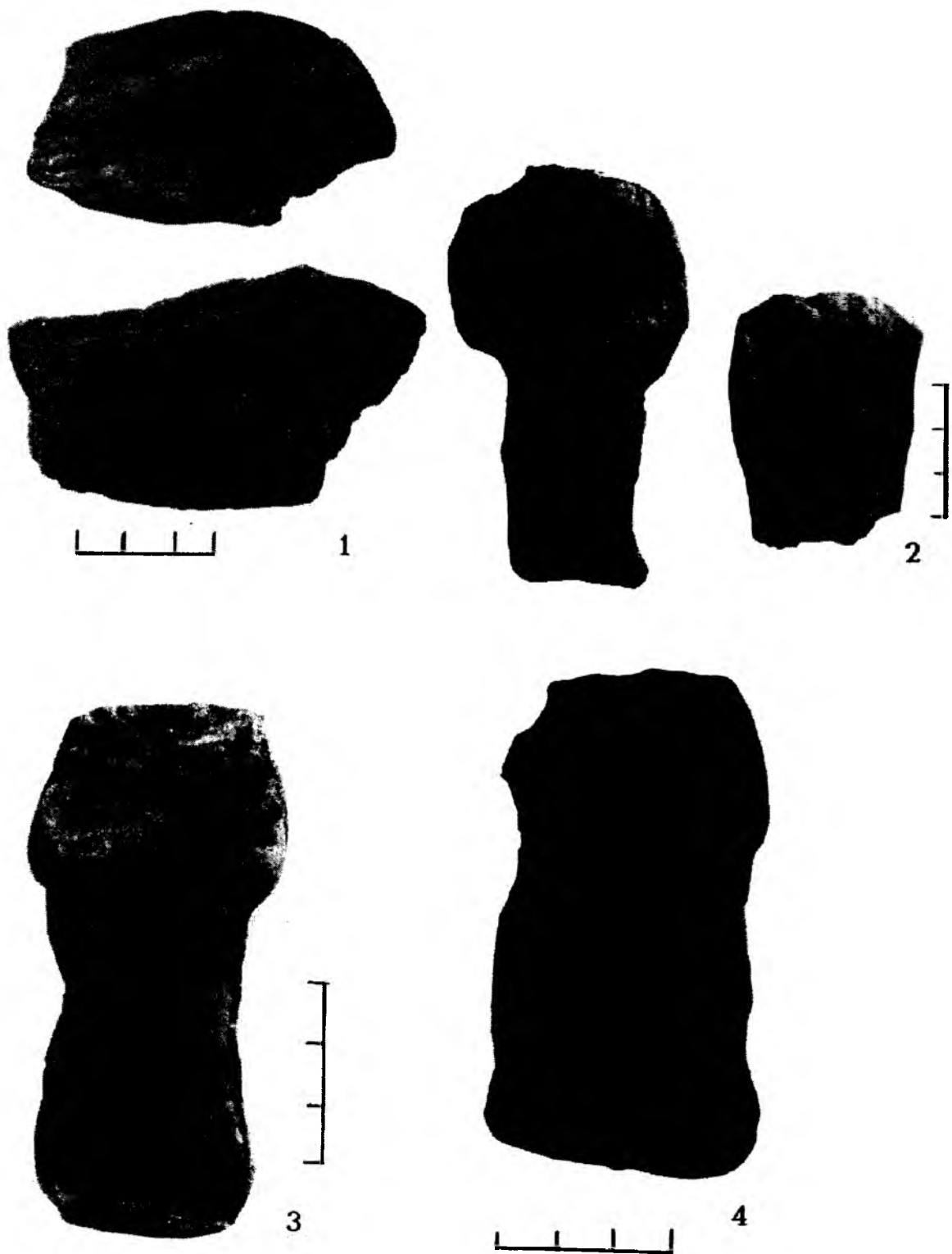


Рис. 149. Терракота I-II, III-IV вв.



Рис. 150. Терракота III-IV вв.



Рис. 151. Терракота III-IV вв.



1



2



3



4



Рис. 152. Терракота III-IV вв.



1



3



2



4

Рис. 153. Терракота III-IV вв.



Рис. 154. Терракота III-IV вв.



Рис. 155. Терракота III-IV вв.

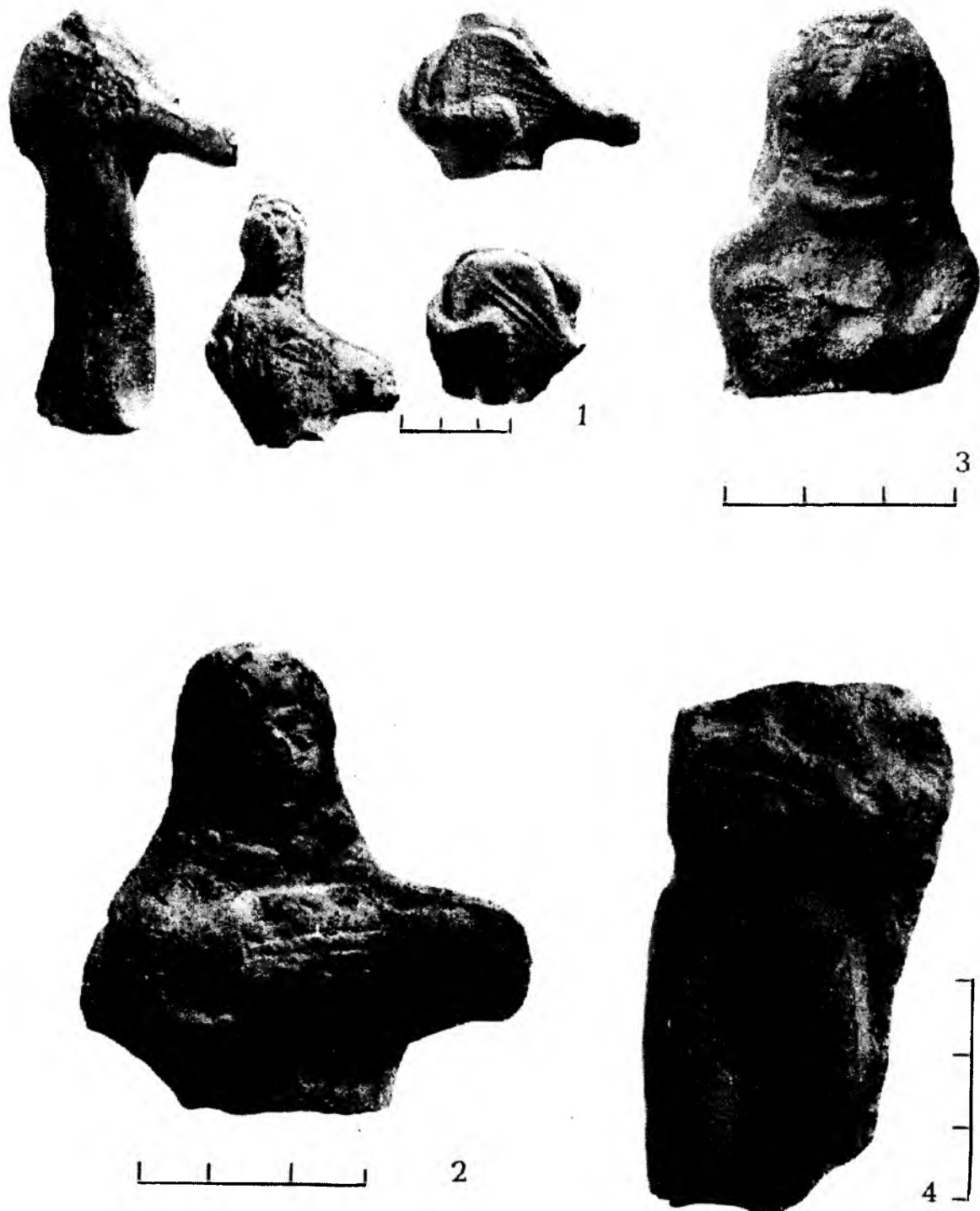


Рис. 156. Терракота III-IV вв.



Рис. 157. Терракота III-IV вв.



Рис. 158. Терракота III-IV вв.



Рис. 159. Терракота III-IV вв.



Рис. 160. Терракота III-IV вв.

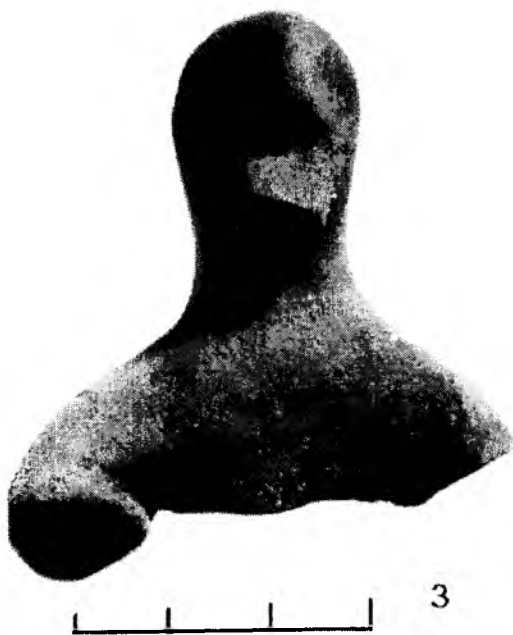
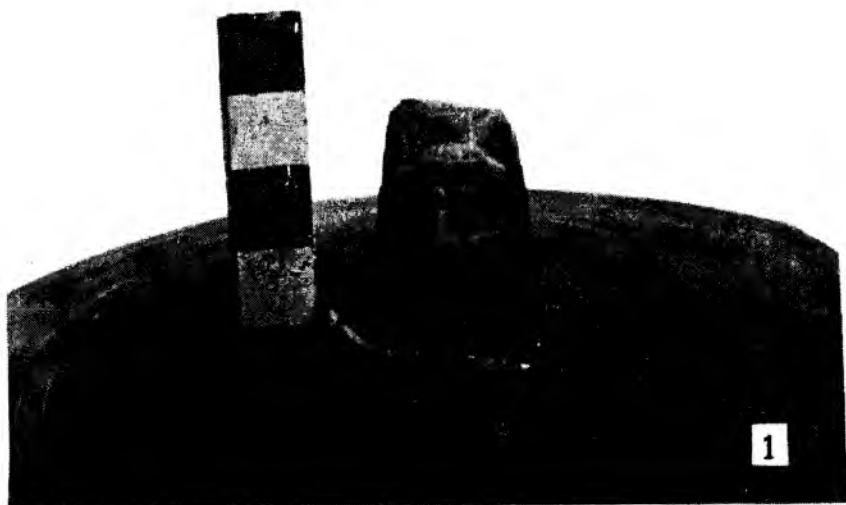


Рис. 161. Терракота III-IV вв.



Рис. 162. Терракота III-IV вв.

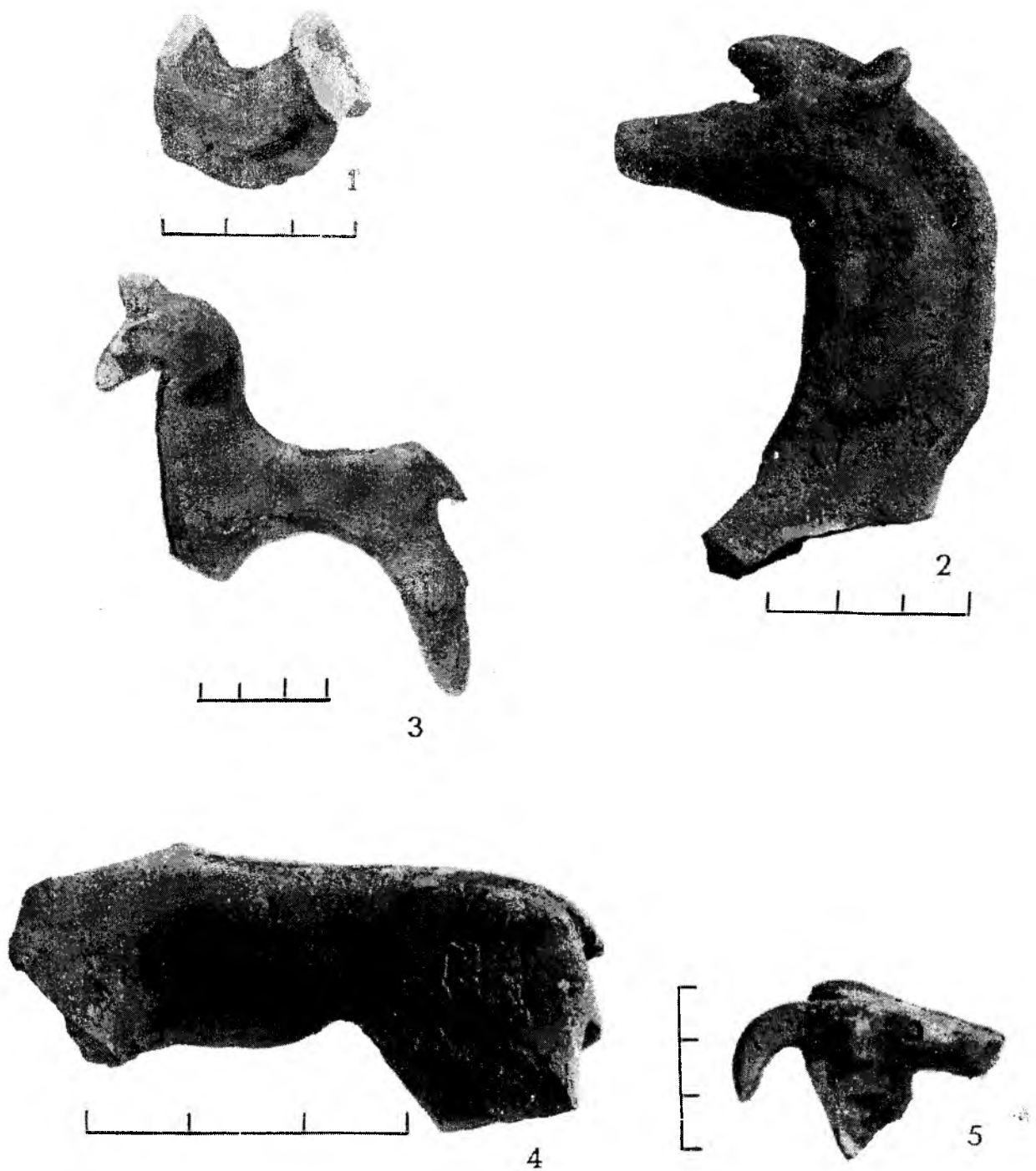


Рис. 163. Терракота III-IV вв.

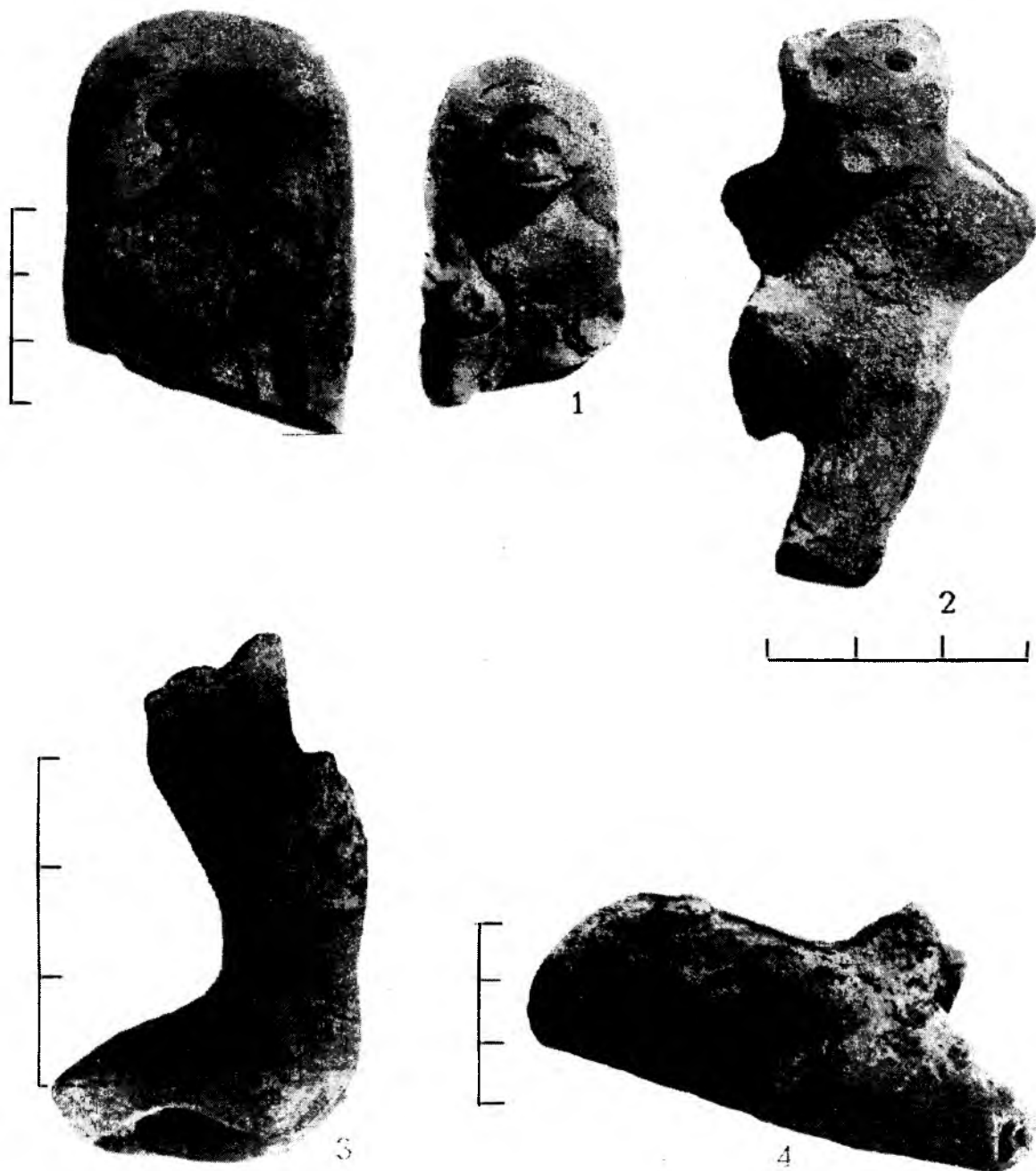


Рис. 164. Терракота III-IV вв.

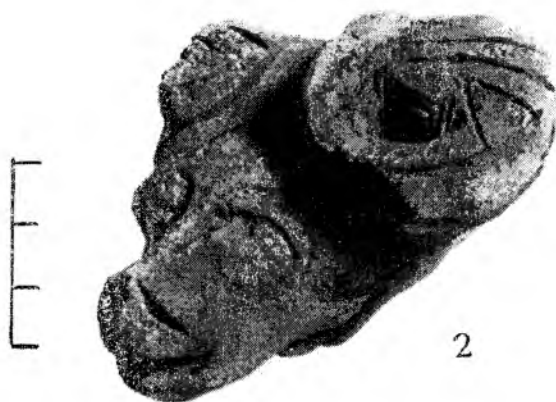


Рис. 165. Терракота III-IV вв.



1



2



3



4

Рис. 166. Терракота V-VI вв.

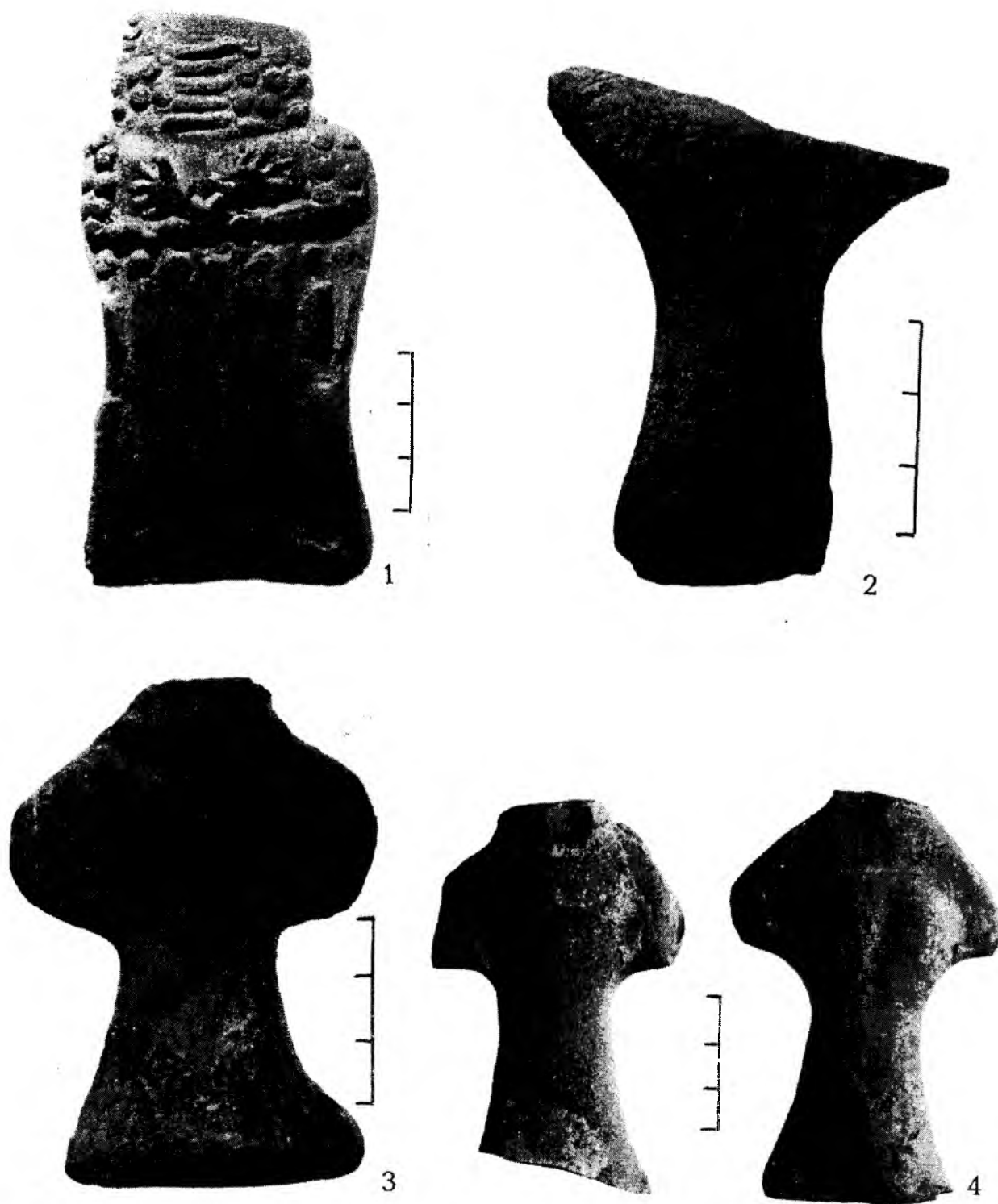


Рис. 167. Терракота V-VI вв.

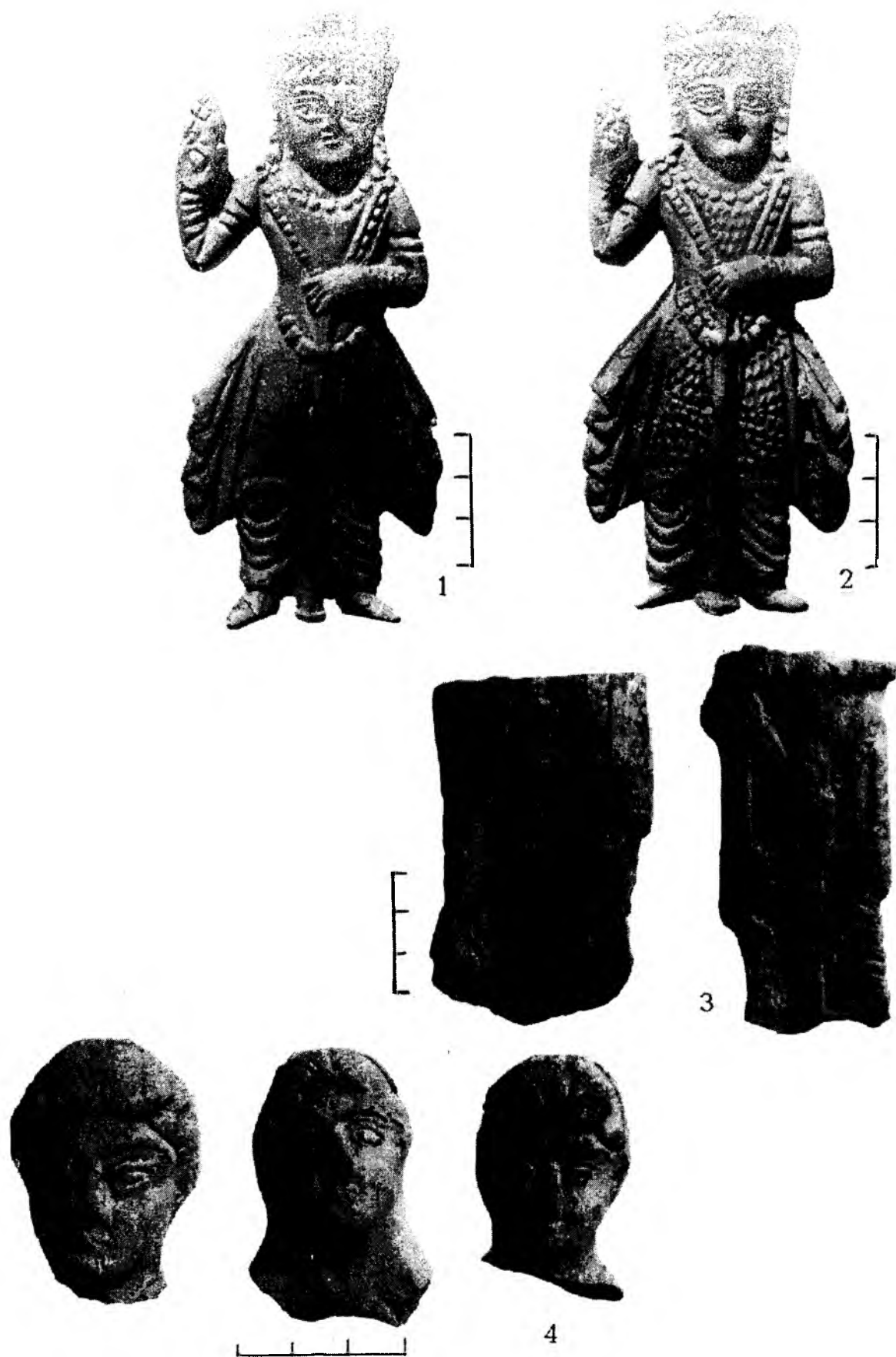


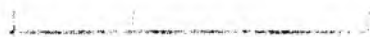
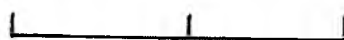
Рис. 168. Терракота V-VI вв.



1



2



4



Рис. 169. Терракота V-VI вв.

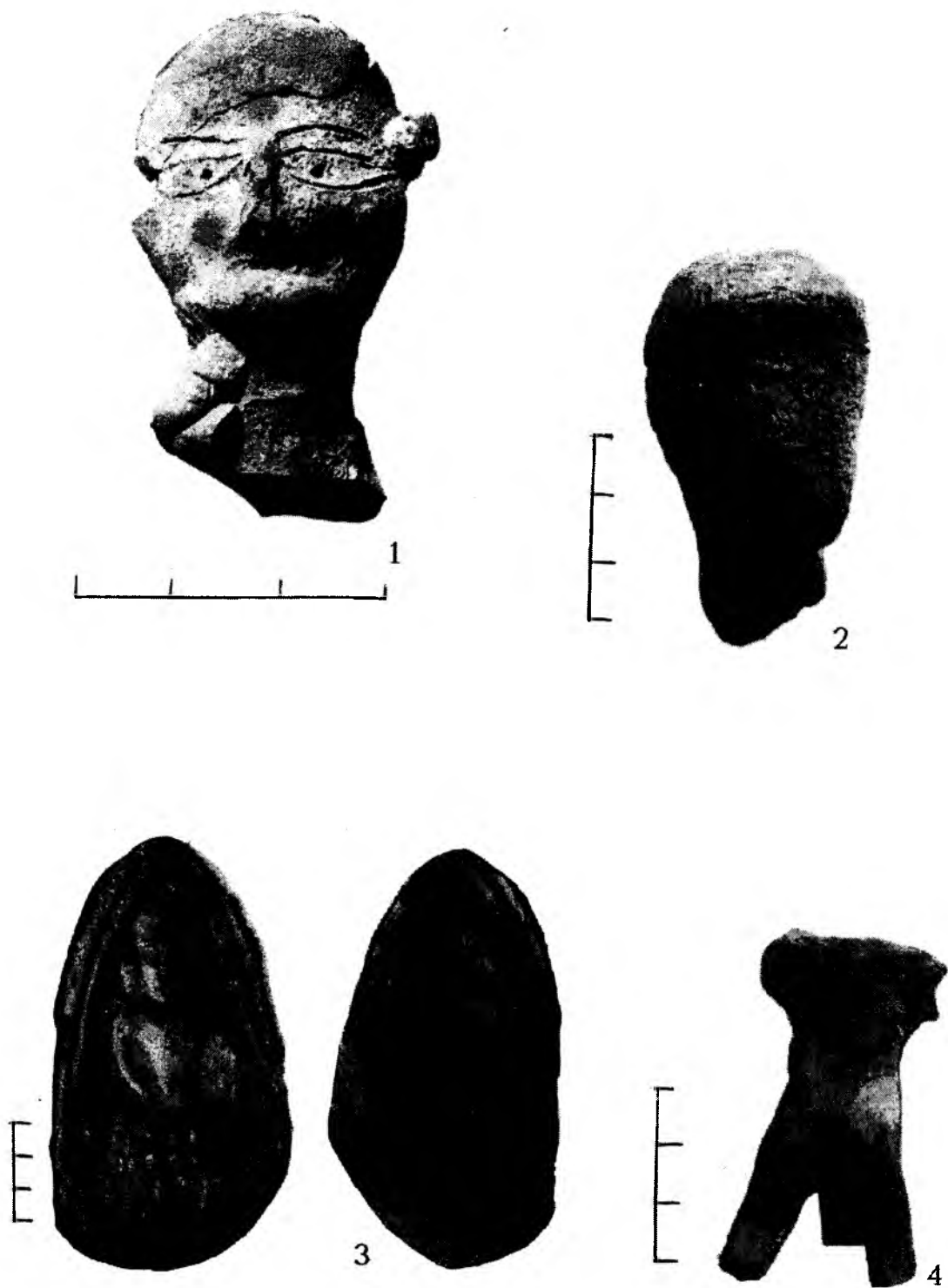


Рис. 170. Терракота V-VI вв.

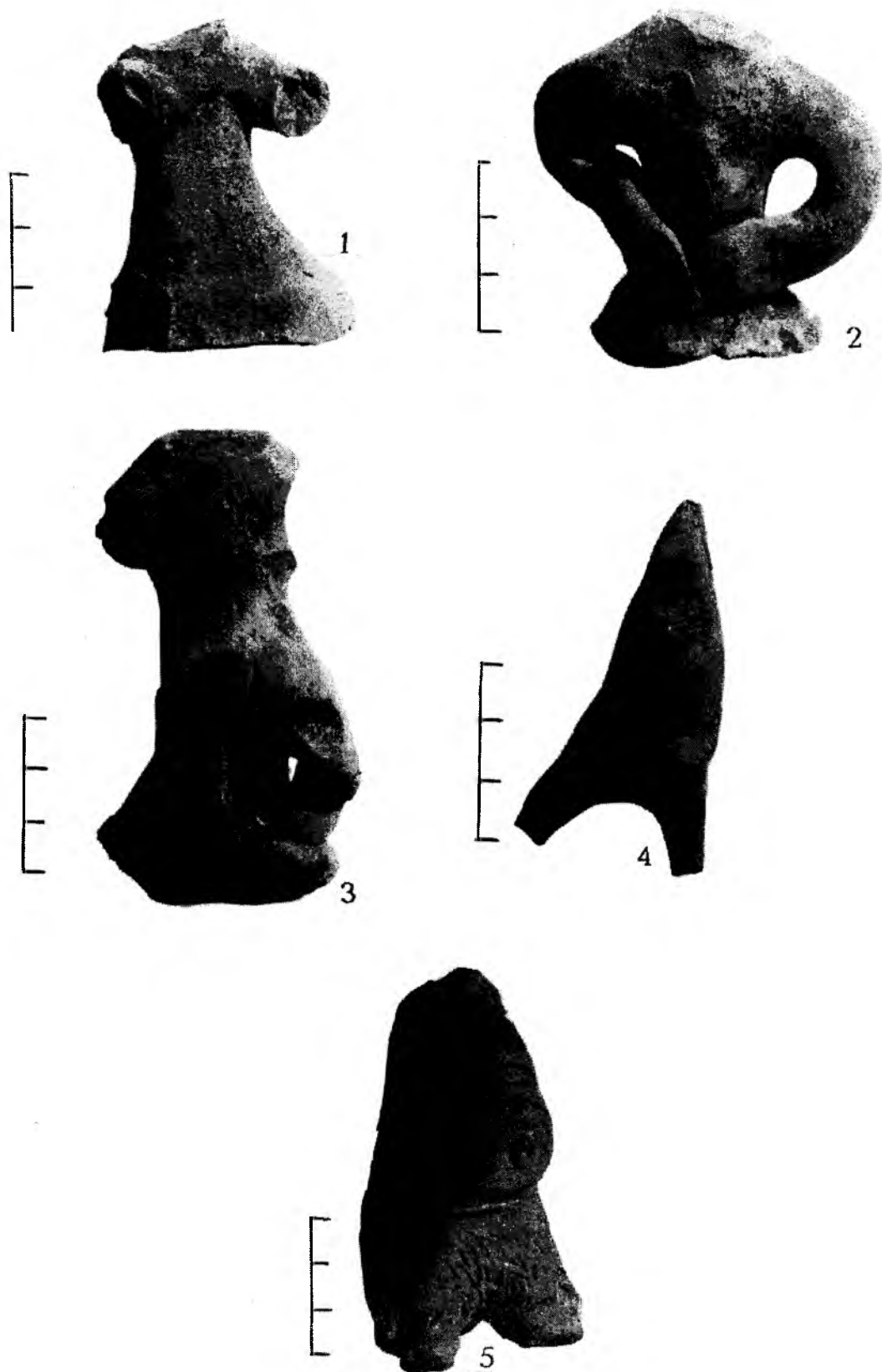


Рис. 171. Терракота V-VI вв.



Рис. 172. Терракота V-VI вв.

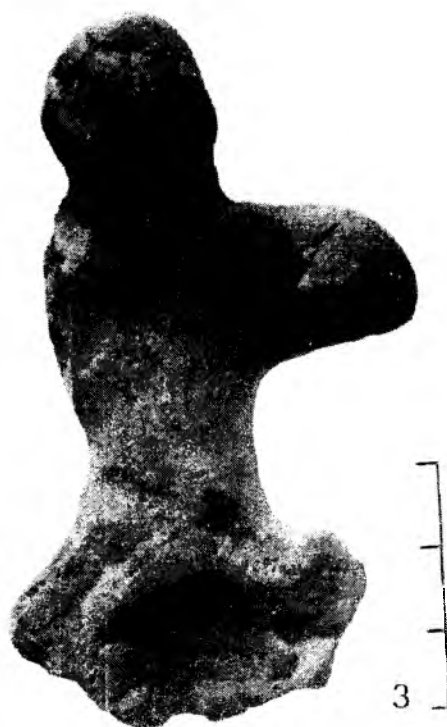


Рис. 173. Терракота V-VI вв.



1



2



3



4

Рис. 174. Терракота V-VI вв.

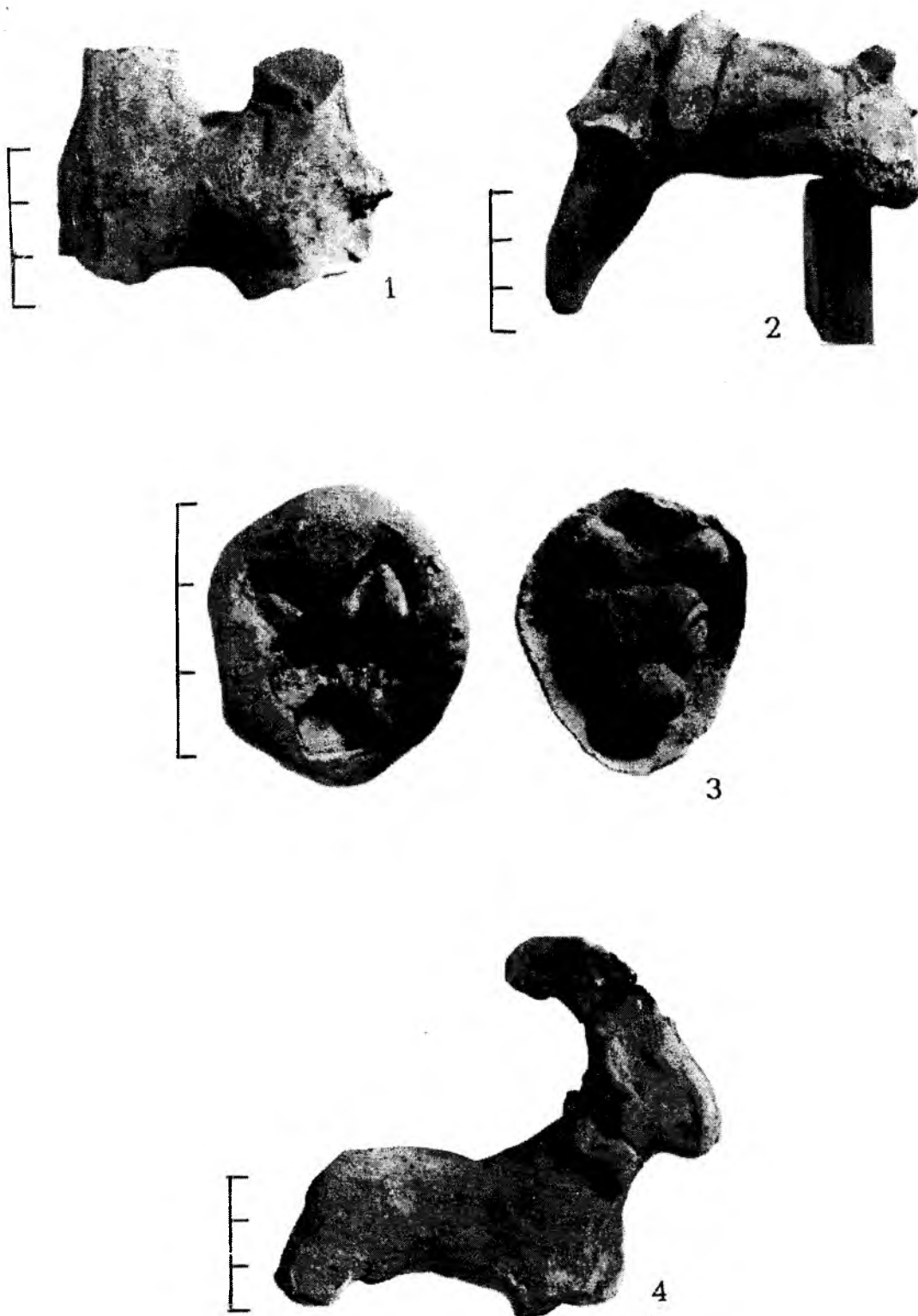


Рис. 175. Терракота V-VI вв.

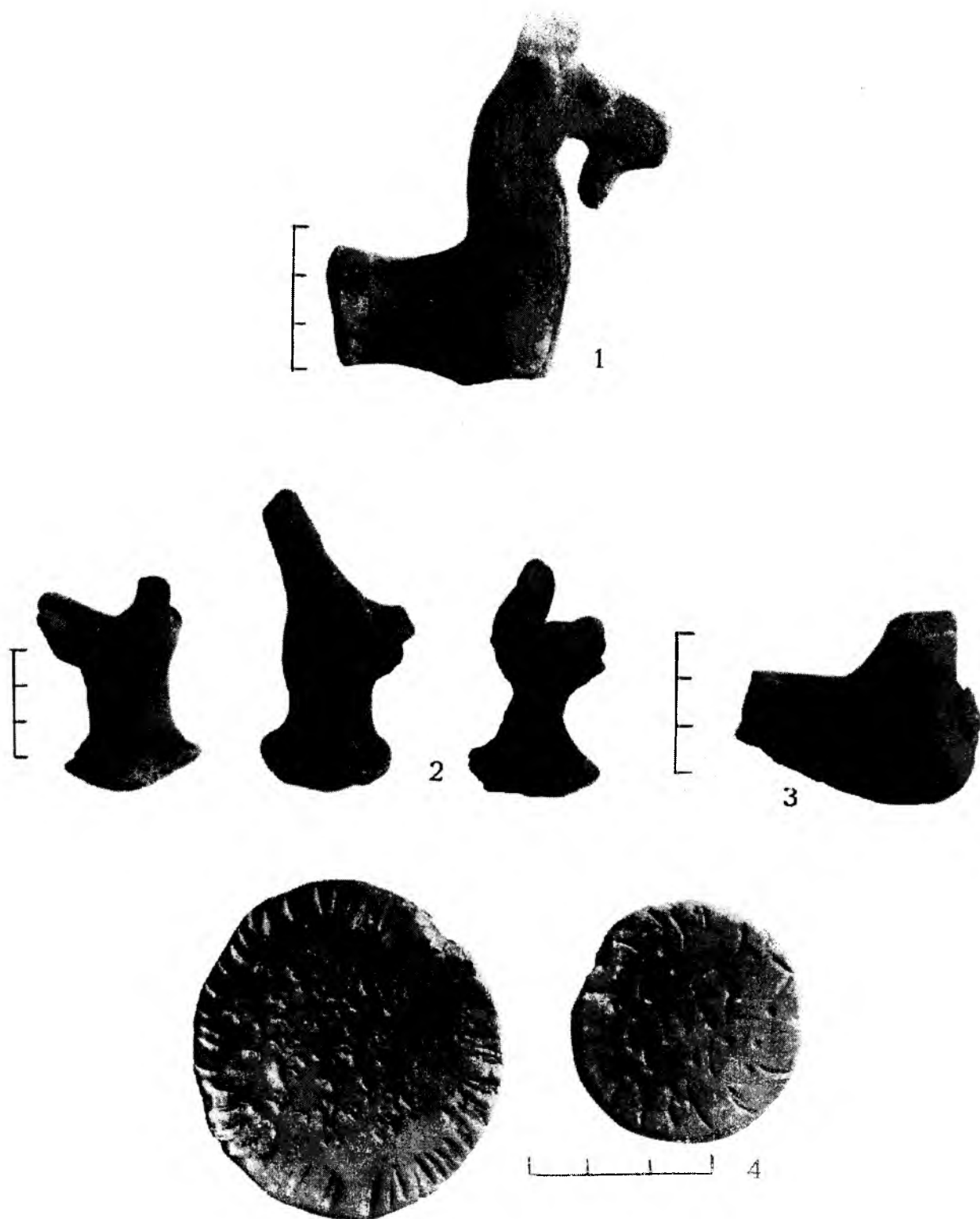


Рис. 176. Терракота V-VI вв.

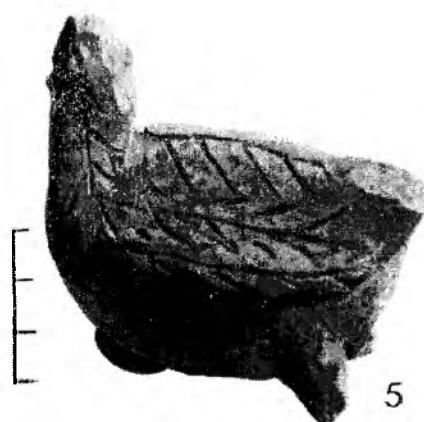


Рис. 177. Терракота VII-IX вв.



Рис. 178: 1 — образцы орнамента крашеной керамики ЕК-1. Фрагмент с треугольником из кладки башни даумы (Р-3); малый фрагмент из нижнего слоя стратиграфического шурфа на квартале керамистов (Р-13); 2 — сани корчаги в виде фигуры собаки из слоя верхнего оплыва дворца Еркургана (Р-14).



Рис. 179. Курильница с уровня пола V строительного периода храма (Р-1).



Рис. 180. Курильницы:
1 — на полу домовладения верхнего уровня городища (Р-2); 2 — на полу помещения 11 домовладения верхнего уровня городища (Р-23).



Рис. 181. Фрагменты курильниц из закладки пиши с уровня полов III-IV строительных периодов айвана храма (Р-1 в. х.).

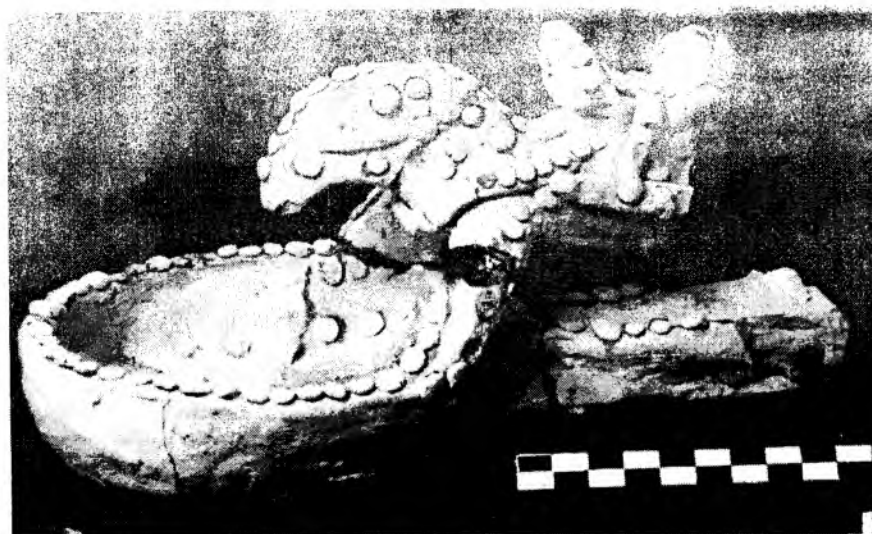


Рис. 182. Культовая керамика:

1 — светильник с ручкой в виде оседланного коня с уровня пола верхнего горизонта квартала керамистов (Р-13, шурф. сл. 2); 2 — жаровня с наверхуем в виде коробочки мака (Коштепа II из культового комплекса).

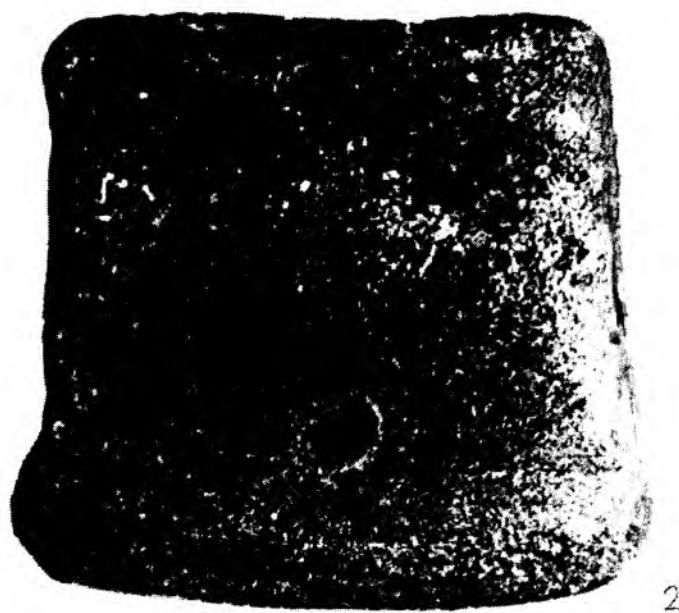
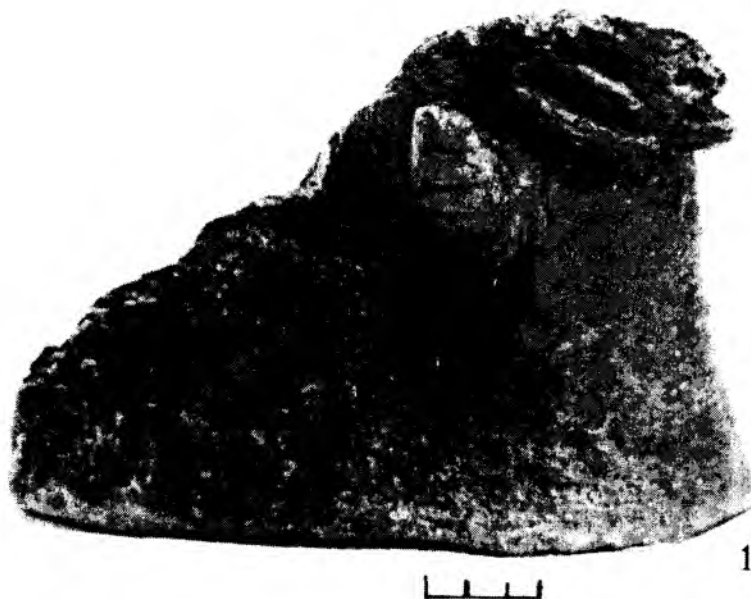


Рис. 183. Очажные подставки Нахшаба: 1 — с верхнего строительного уровня III-IV вв. Киндиклитепа; 2 — с верхнего горизонта квартала керамистов (Р-5) Еркургана.



Рис. 184. Навершие культового сосуда в виде фигурки оленя с уровня пола святилища храма III строительного периода (Р-1 в. х.).



1

Рис. 185. Культовая символика на лепной керамике IV-VI вв.: 1 — сороконожка на котле из культового комплекса на Коштепа II; 2 — свастика на крышке котла из верхнего горизонта квартала кузнецов (Р-16).



2



Рис. 186. Варианты наиболее поздних форм колоколовидных бокалов
Еркургана, комплекс ЕК-14 Еркургана.

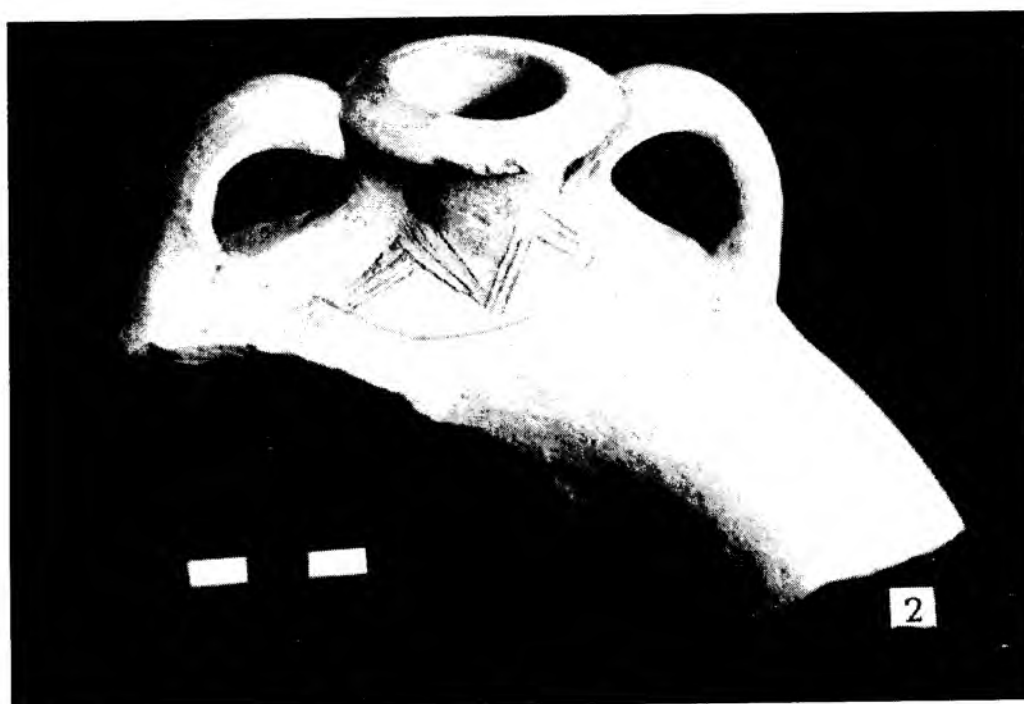
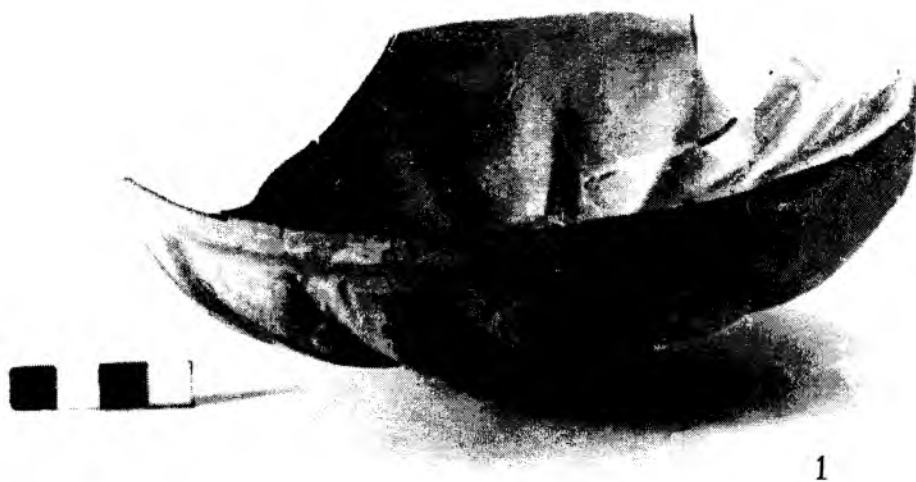


Рис. 187. Редкие формы керамики:
 1 — ложчатая чаша с умбоном на дне на приземистой ножке. Верхний горизонт квартала керамистов, ЕК-15 (Р-13);
 2 — фрагмент раннесредневековой фигурной фляги с Пирентена (Дагайтена), подъемный.

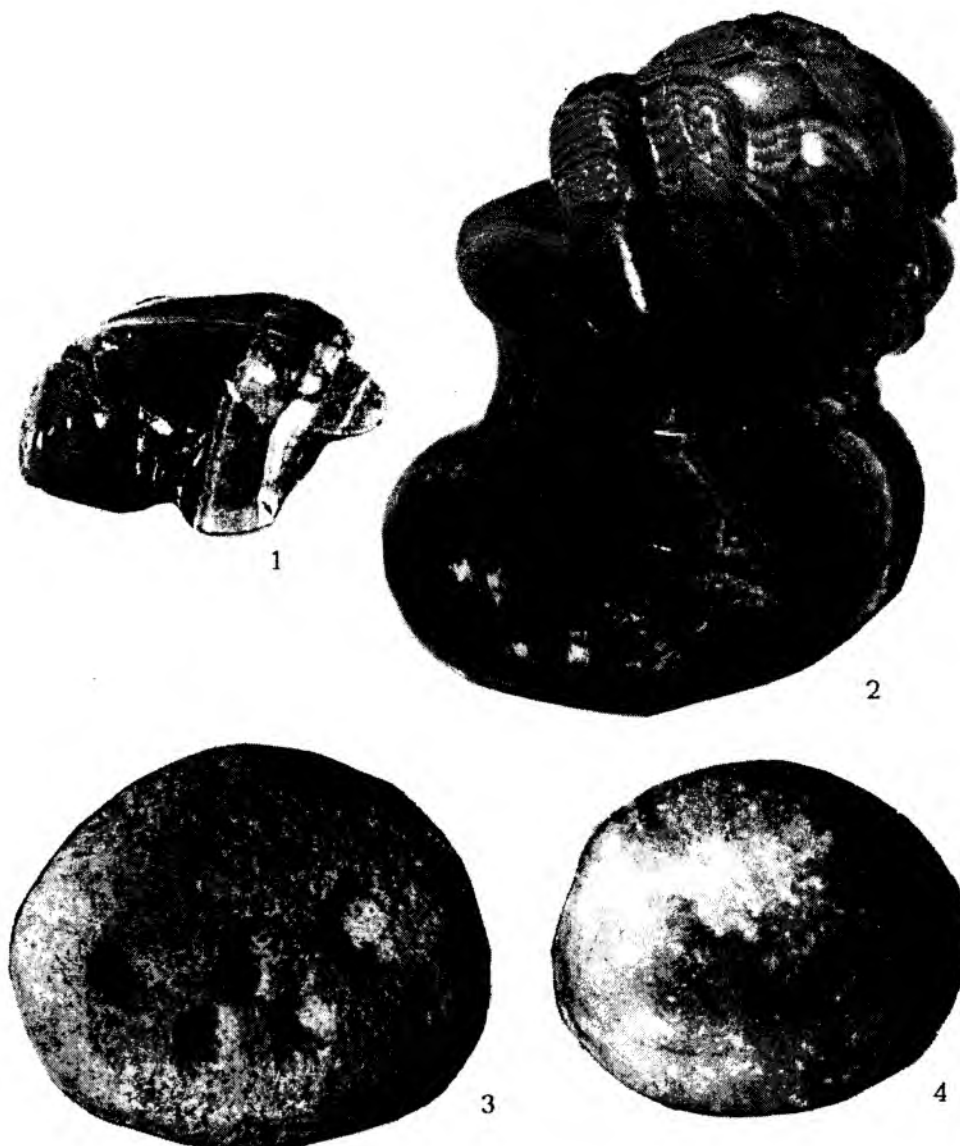


Рис. 188. Изделия из камня:

1 — фигурка лягушки из агата в основании закладки центральной ниши святилища II строительного периода (P-1 в. х.), увеличено; 2 — утрированная фигурка Силена из агата; вместе с фигуркой лягушки (P-1 в. х.), увеличено; 3 — галька с углублениями из кладки внутренней стены городища (близ P-12); 4 — галька со следами абразивной обработки из верхнего горизонта квартала керамистов (шурф P-13, сл. 2).

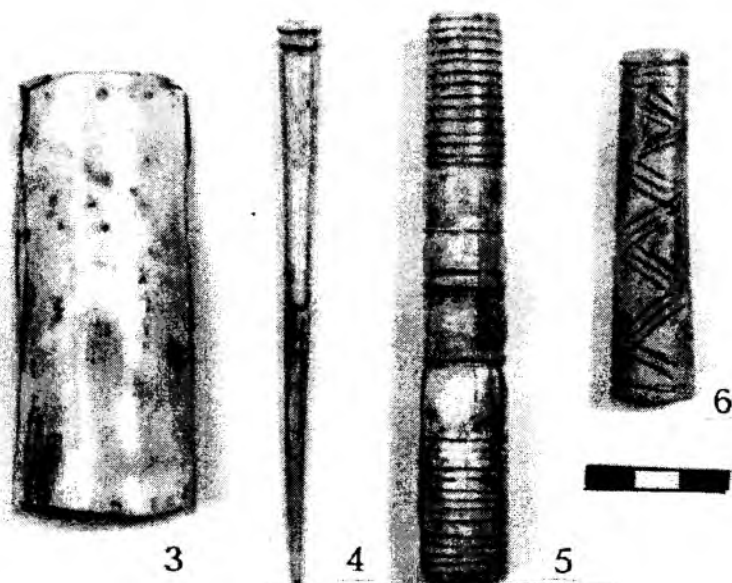


Рис. 189. Изделия из кости:

1 — детали ножки трона из нижнего горизонта зольника храма (Р-1 в. х.); 2 — фрагмент браслета из закладки ниши 11 святилища храма II строительного периода (Р-1 в. х.); 3 — футляр или деталь музыкального инструмента из трубчатой кости с пола святилища II строительного периода; 4 — шпилька с уровня отложений III строительного периода над зольником к западу от святилища храма (Р-1 в. х.); 5 — точеная рукоять от зеркала с уровня нижнего зольника на площадке к западу от святилища (Р-1 в. х.); 6 — орнаментированная костяная трубка (рукоять) с пола коридора стены внутреннего города Еркургана (Р-12).

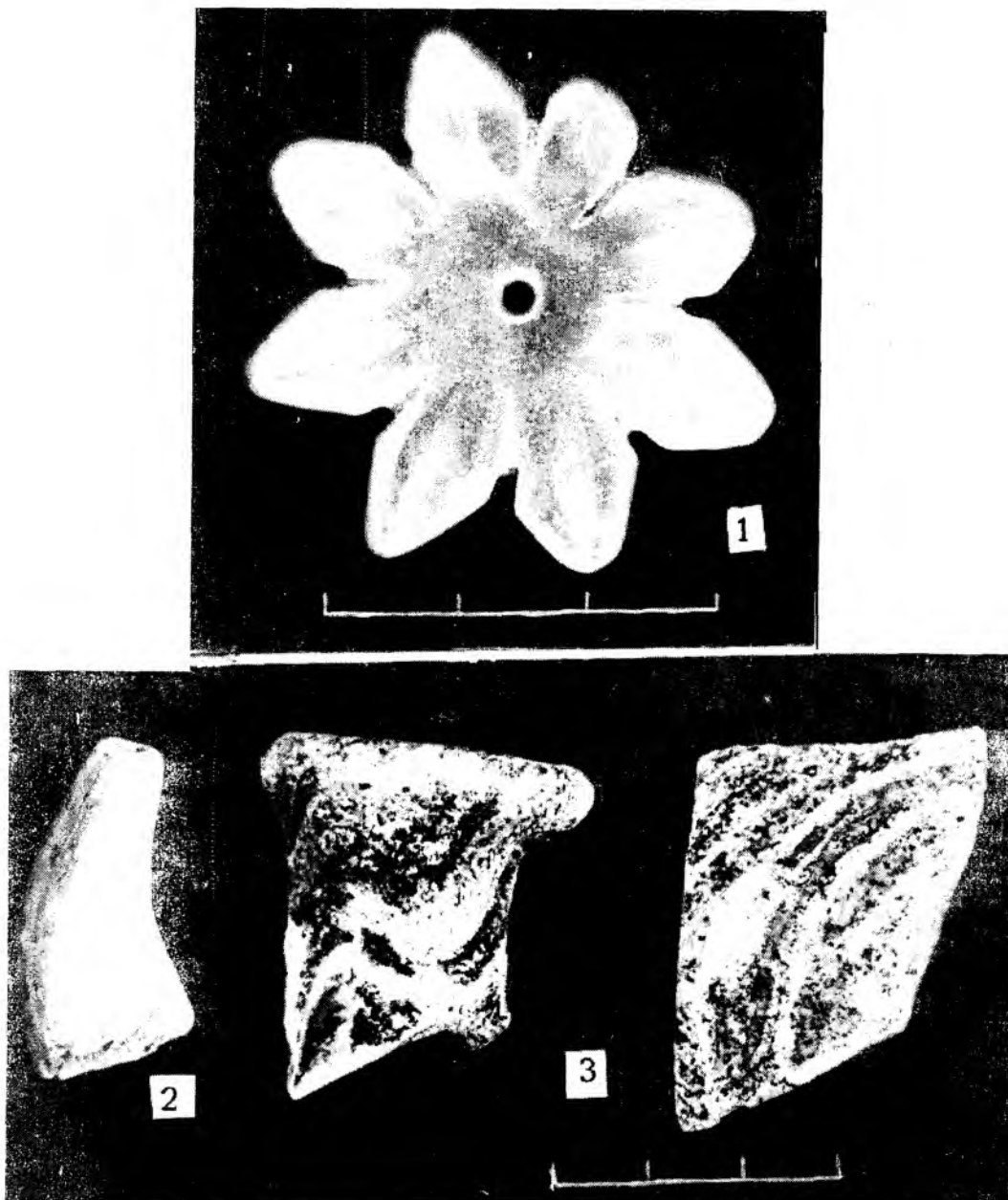


Рис. 190. Изделия из перламутра и стекла:

1 — перламутровая розетка из восточной секции святилища храма III строительного периода (Р-1 в. х.);
 2 — носик стеклянного ритона из помещения 2 домохозяйства на Р-2; 3 — фрагменты стеклянного сосуда
 из шурфа на Р-5 квартала керамистов, сл. 30, 1975 г.



1



2



3

Рис. 191. Ювелирные изделия:

1 — кулон в виде золотой фигурки ежика в основании закладки центральной ниши святилища храма (Р-1 в. х.), увеличено многократно; 2 — миниатюрная бляшка из нижнего зольника на площадке к западу от святилища храма (Р-1 в. х.), увеличено; 3 — золотая бляшка с фигуркой орла из помещения 6 мавзолея (Р-4), увеличено.

Рис. 192. Бронзовые зеркала из святилища храма (Р-1 в. х.): 1 и 2 — из обкладки ступеней алтаря III строительного периода; 3 — на полу III строительного периода восточной секции святилища



Рис. 193. Изделия из металла:

1 — бронзовое завершение гривны или браслета в виде головки дракона или гончей собаки, подъемная, Еркурган; 2 — свинцовая фигурка змеи из святилища храма на полу III строительного периода (Р-1 в. х.).



Рис. 194. Изделия из бронзы:
1 — бронзовый колокольчик из зольника храма; 2 — горловина бронзового кувшина из отложений святилища храма V строительного периода (Р-I в. х.).

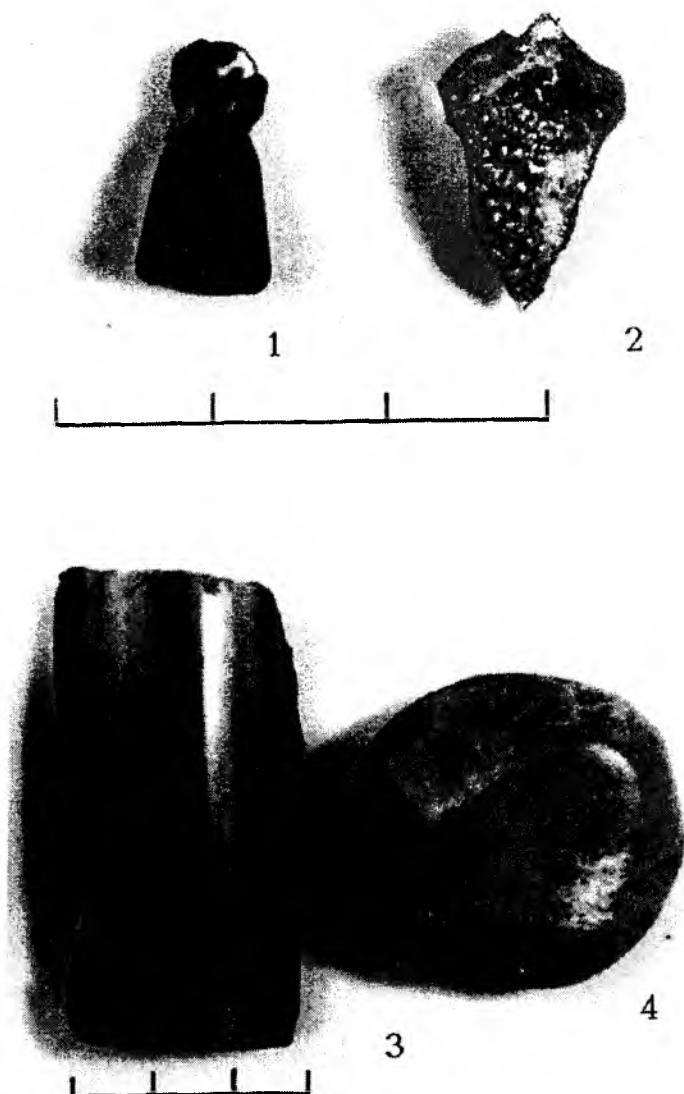


Рис. 195. Бусины:
1 — темно-синего стекла, из слоя 19, III горизонта шурфа в траншее 3 (Р-1 в. х.);
2 — в виде виноградной грозди светло-зеленого стекла, из забутовки II строительного периода Р-8; 3, 4 — цилиндрическая рукоять и дисковидный амулет из Еркургана.



Рис. 196. Бусы:
1 — из восточной секции святилища храма на полу III строительного периода (Р-1 в. х.); 2 — из кладки северной стены святилища храма;
3 — из святилища и айвана храма из субструкций III-IV строительных периодов.

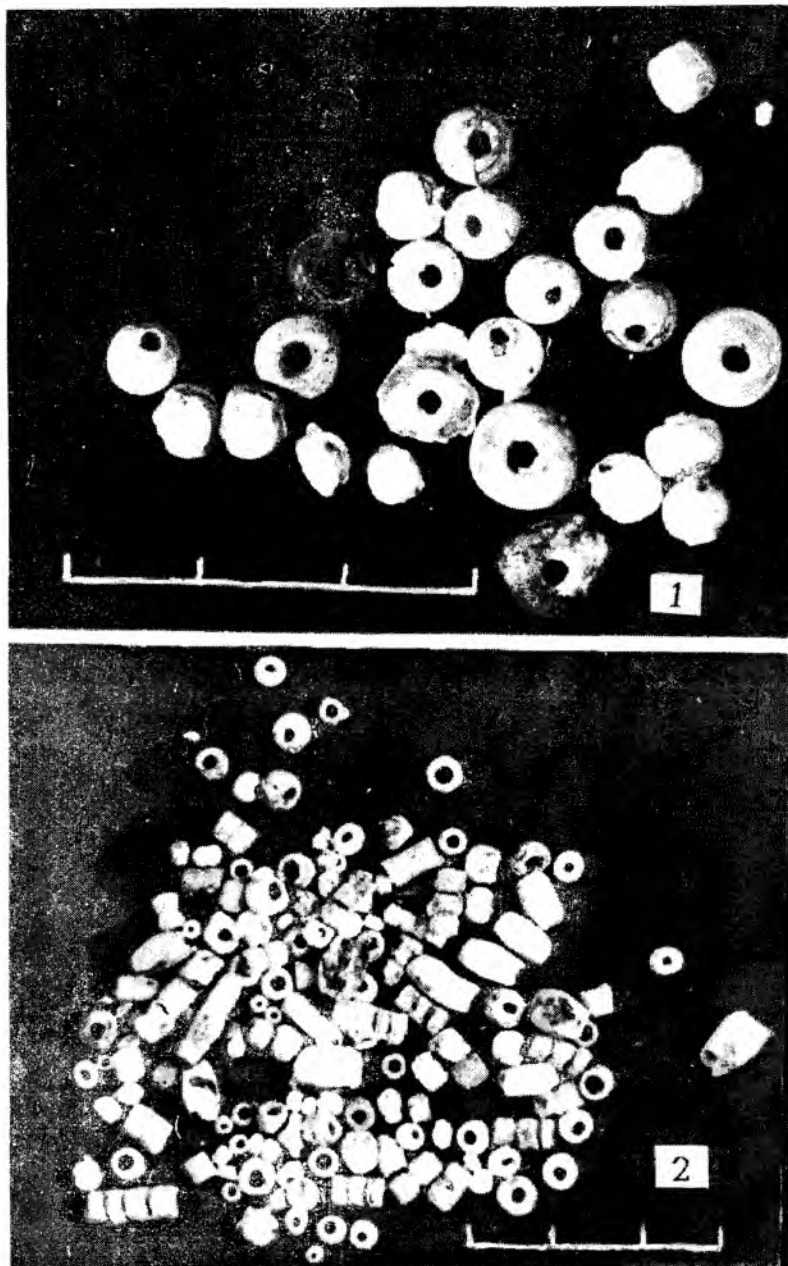


Рис. 197. Бусы:

1 — из стеклянной пасты из большого зольника святилища храма (Р-1 в. х.); 2 — из белой силикатной пасты из отложений верхнего горизонта квартала гончаров (Р-5, сл. 4).

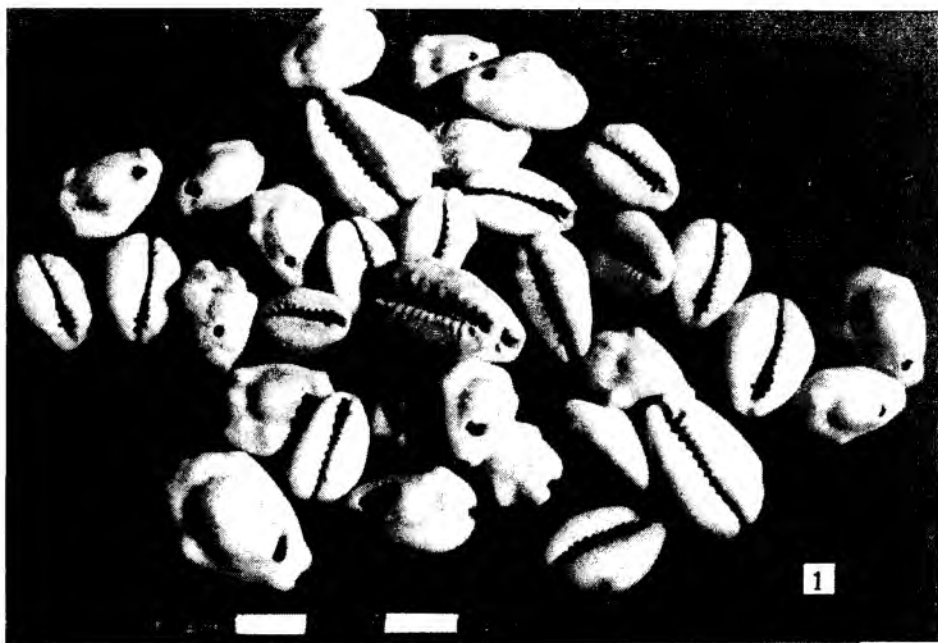


Рис. 198. Раковины и бусы:

1 — раковины каури из кладки II строительного периода святилища храма (Р-1 в. х.); 2 — линза горного хрусталя из святилища храма на уровне пола II строительного периода (Р-1 в. х.); 3 — сердоликовая бусина из кладки северной стены святилища храма 3 (Р-1 в. х.); 4 — бусина горного хрусталя из закладки центральной ниши святилища храма (Р-1 в. х.).

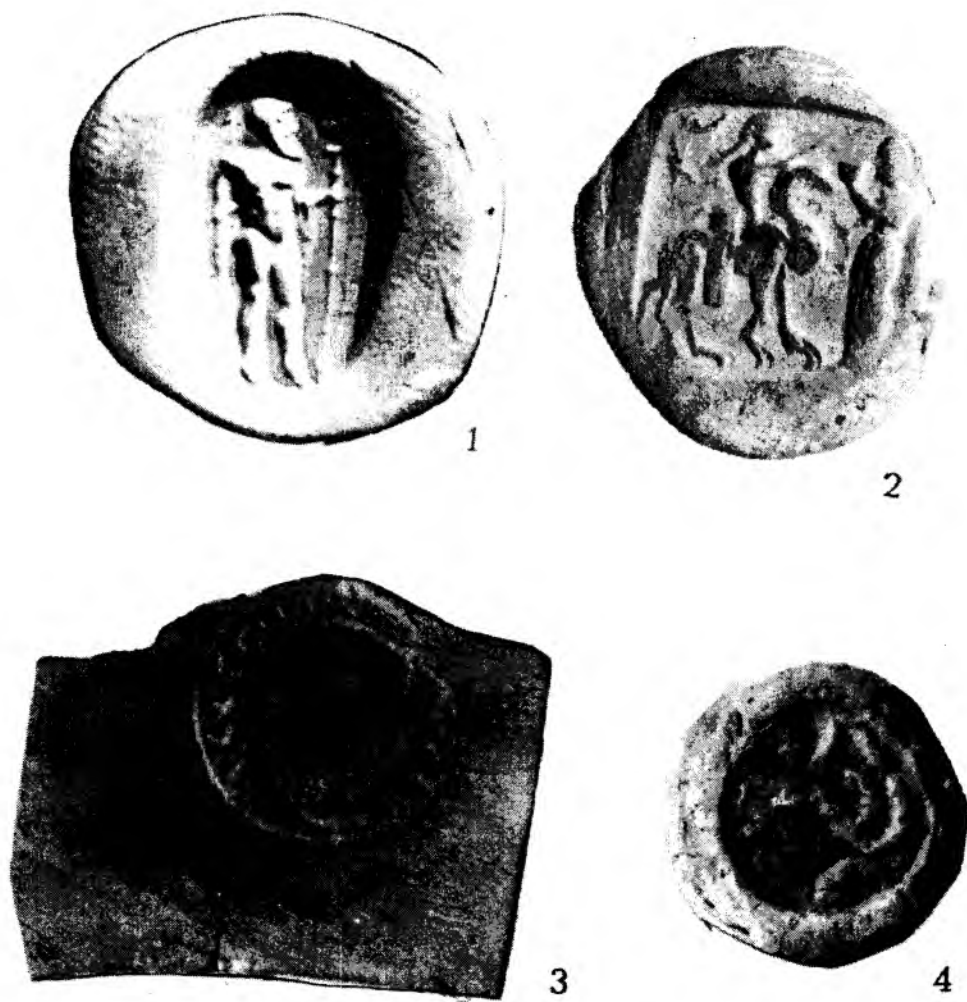


Рис. 199. Образцы сфрагистики:

1 — гемма-инталь с изображением фигуры Зевса анфас из кладки стены Р-1 ц. х., увеличено; 2 — оттиск печати правителя Нахшаба со сценой инвеституры из слоя 44 шурфа на Р-5 квартала керамистов, обожженная глина; 3 — фрагмент чаши с оттиском печати на дне из верхнего уровня помещения Р-13 квартала керамистов; 4 — оттиск печати из закладки ниши 8 II строительного периода (Р-1 в. х.).

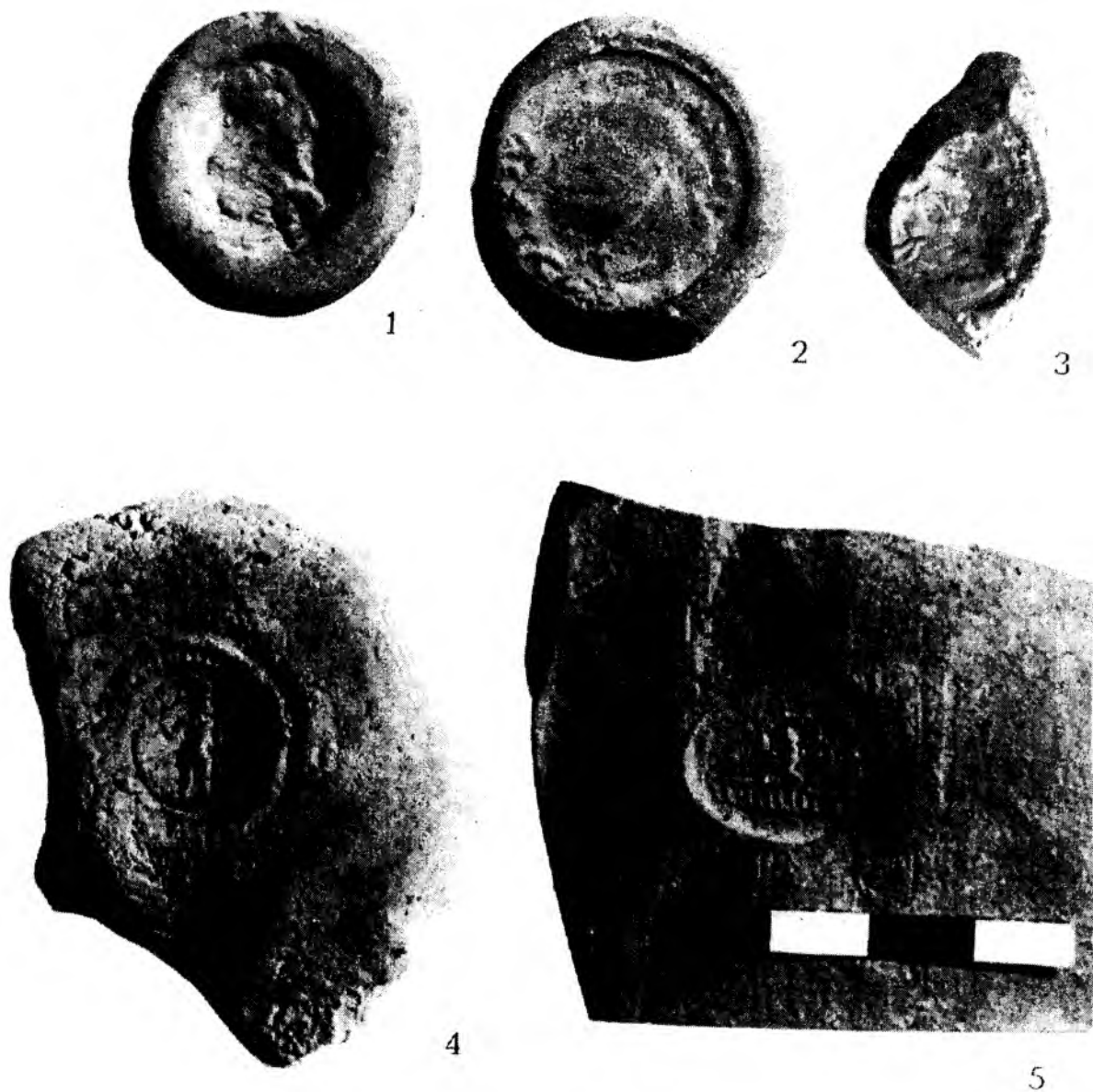


Рис. 200. Образцы сфрагистики:

1 — оттиск печати из слоя 9 (1982 г.) на Р-5 квартала керамистов, обожженная глина; 2 — оттиск печати из коридора на Р-5 квартала керамистов, обожженная глина; 3 — фрагмент оттиска печати из святилища храма на полу II строительного периода, необожженная глина; 4 — оттиск печати из слоя над верхним полом II строительного периода цитадели (Р-8), обожженная глина; 5 — оттиск печати на стенке хума, находка подъемная с горы-дица Исахантепа, изображены два противостоящих верблюда-бактриана.

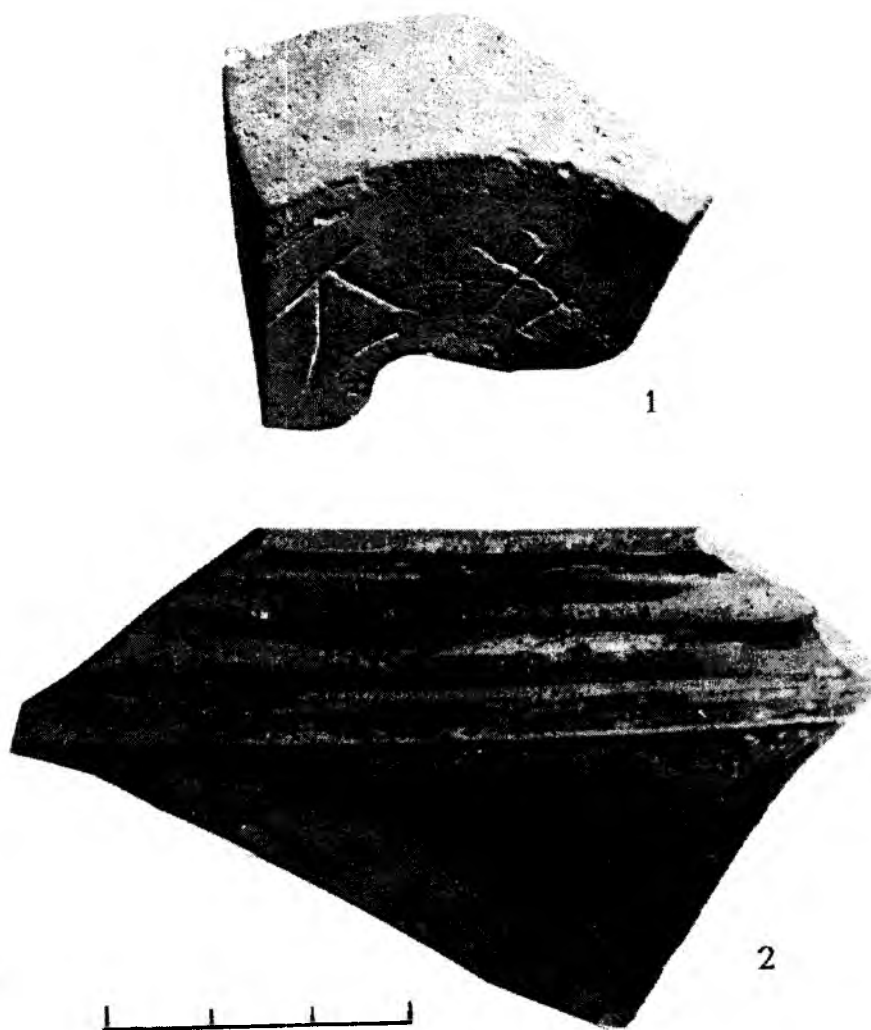


Рис. 201. Образцы эпиграфики:

1 — фрагмент надписи алфавитом карошти, подъемная (P-1 и. х.); 2 — обрывок согдийского текста на тулове кратера из рыхлого оплыва над верхним полом помещения 1 загородного монументального жилого комплекса (P-17).

ОГЛАВЛЕНИЕ

От ответственного редактора	3
Введение	5
Глава I. Социально-поселенческая структура древнего и раннесредневекового Нахшаба	11
Физико-географические условия среднего течения Кашкадарьи	11
Оросительные системы древнего Нахшаба и структура расселения	12
Вопросы изучения памятников урбанизации и поселенческих структур древней Средней Азии	14
Типологическая характеристика городов и поселений Нахшаба	24
Сложные крупные городища	24
Еркурган	24
Городище Калаи Захоки Марон	26
Городище Шуллюктепа (Несеф)	28
Городище Куна-Фазли (Безда)	29
Прочие городища сложной структуры	30
Основные типы городищ, замков и усадеб	32
Тип 1. Прямоугольные в плане городища с укреплением в центре	32
Тип 2. Прямоугольные в плане городища с укреплением в углу	33
Тип 3. Асимметричные в плане тепа с башней	34
Тип 4. Прямоугольные в плане тепа с башней	35
Тип 5. Прямоугольные в плане тепа	36
Тип 6. Овальные в плане тепа	37
Тип 7. Овальные в плане тепа с седловиной	37
Тип 8. Каплевидные в плане тепа	38
Тип 9. Округлые в плане тепа	38
Тип 10. Группы тепа	38
Тип 11. Городища с въездом на углу	39
Иерархия размеров и изоморфизм типологии поселений	43
Динамика формирования систем расселения и урбанизации Нахшаба	43
Зарождение оазиса и его центрального города (VIII-IV вв. до н.э.)	43
Развитие поселенческой системы Нахшаба эпохи античности (конец IV в. до н.э. — начало III в. н.э.)	51
Развитие системы поселений Нахшаба эпохи перехода от древности к средневековью (III—VIII вв.)	60
Некоторые тенденции развития поселенческой системы Нахшаба эпохи средневековья	72
Системы расселений и торговые связи Южного Согда	72
Резюме	79
Каталог археологических памятников	83
Каршинский оазис	83
Гузарский оазис	86
Дехканабадский район	87
Глава II. Архитектурные комплексы Еркургана	88
Монументальная архитектура	88
Городской храм (Р-1, восточный холм)	88
Монументальное искусство храма	107
Квадратное сооружение храмового комплекса (Р-1, центральный холм)	111
Дворец Еркурган (Р-11)	112
Дахма Еркургана (Р-3)	115
Мавзолей Еркургана (Р-4)	121
Торгово-ремесленные и жилые кварталы Еркургана	122
Квартал гончаров (Р-13)	122
Квартал металлостов (Р-16)	129
Отдельные хозяйства жилой застройки внутреннего города (Р-2, Р-23)	132
Обособленное позднее поселение гончаров на Еркургани (Р-20)	134
Пригородный монументальный жилой комплекс (Р-17)	135
Традиции зодчества Еркургана	138
К типологии храмового и дворцового комплексов Еркургана	138

Мемориальная архитектура Еркургана	150
Особенности структуры ремесленных кварталов и жилых домов сельских поселений Нахшаба	152
Глава III. Керамические комплексы Еркургана	159
К методике классификации стратифицированных комплексов	159
Керамика раннежелезного века	159
Комплекс ЕК-1	160
Керамика древнесогдийского периода	160
Комплекс ЕК-2	161
Комплекс ЕК-3	161
Комплекс ЕК-4	162
Резюме	162
Керамика эллинистического периода	163
Комплекс ЕК-5	163
Комплекс ЕК-6	163
Комплекс ЕК-7	165
Резюме	165
Керамика античного периода	167
Комплекс ЕК-8	168
Комплекс ЕК-9	168
Керамика позднеантичного периода	170
Комплекс ЕК-10	172
Комплекс ЕК-11	173
Комплекс ЕК-12	175
Комплекс ЕК-13	177
Резюме	178
Керамика раннесредневекового периода	181
Комплекс ЕК-14	181
Комплекс ЕК-15	182
Комплекс ЕК-16	184
Комплекс ЕК-17	185
Комплекс ЕК-18	185
Резюме	186
Глава IV. Терракота Еркургана	187
Терракота III-I вв. до н.э.	189
Терракота I-II вв.	189
Терракота III-IV вв.	191
Терракота V — VI вв.	197
Терракота VII-IX вв.	200
Особенности коропластики Нахшаба	210
Резюме	218
Глава V. Согдиана на перекрестке культовых и мифологических традиций	
Ранние этапы формирования культово-обрядовой практики Средней Азии	226
Культы эпохи бронзы	226
Культы раннежелезного века	235
Культовые памятники Средней Азии эпохи античности и раннего средневековья	245
Типология храмов Средней Азии и ритуал	246
Культовые атрибуты	265
Богиня Нахшаба	274
О пантеоне Согда	274
Гапга-Харахвати Ардвисура Афродита Таанаис	276
Легенды о драконе и древе жизни	285
Нана	293
К погребальным обрядам Еркургана	295
Резюме	306
Заключение	311
Список использованной литературы	317
Список сокращений	339
Иллюстрации	344

Рустам Хамидович Сулейманов

ДРЕВНИЙ НАХШАБ

Утверждено к печати Учеными советами Института археологии им.
акад. Я. Гулямова АН РУз и Института истории АН РУз

Редактор Х. Э. Раупова

Художник Г. Г. Жирнов

× **Художественный редактор Р. И. Кривошей**

Технический редактор Л. П. Тюрина

Сдано в набор 28.10.99. Подписано к печати 25.01.2000.
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 60,44. Уч.-изд.
л. 61,0. Тираж 1000. Заказ 331. Цена договорная.

Издательство «Фан» АН РУз. 700047. Ташкент, ул.
акад. Я. Гулямова, 70.

Отпечатано на Ташкентской книжно-журнальной
фабрике Государственного комитета Республики Уз-
бекистан по печати. Ташкент, Юнусабад, ул. Мура-
дова, 1.